

М. А. ГУКОВСКИЙ

ИТАЛЬЯНСКОЕ
ВОЗРОЖДЕНИЕ

М. А. ГУКОВСКИЙ

ИТАЛЬЯНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

2-е изд., испр. и доп.
Под редакцией А. Н. Немилова и
А. С. Кантор-Гуковской

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1990

ББК 63.3(0)4
Г93

Рецензенты: чл.-кор. АН СССР В. И. Рутенбург
(ЮИИ СССР АН СССР), д-р ист. наук А. С. Мыльников
(ЛЧИЭ АН СССР)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

Гуковский М. А.

Г93

Итальянское Возрождение. 2-е изд., испр. и доп.
/Под ред. А. Н. Немилова и А. С. Кантор-Гуковской. — Л.: Издательство Ленинградского университета. 1990. — 624 с.

ISBN 5-288-00163-4

Книга является переизданием двухтомной монографии (т. I вышел в 1947 г., т. II — в 1961 г.), которая до сих пор остается единственным исследованием, охватывающим всю сложность исторической проблематики эпохи Возрождения в целом. Монография — классическое произведение не только советской, но и мировой марксистской историографии.

Книга рассчитана на историков, филологов, искусствоведов, широкий круг читателей, интересующихся проблемами всеобщей истории.

Г 0503010000—026 123 —89
Г 076(02)—90

ББК 63.3(0)

ISBN 5-288-00163-4

© Издательство Ленинградского университета, 1990

М. А. ГУКОВСКИЙ (1898-1971)

Матвей Александрович Гуковский родился 8 мая 1898 г. в Петербурге и после окончания гимназии поступил в Технологический институт. Живой интерес к естественно-математическим наукам сохранился у него на всю жизнь, но первые шаги самостоятельной научной деятельности еще в студенческие годы привели М. А. Гуковского к решению стать историком. В 1921 г. он поступил на факультет общественных наук Петроградского университета и в 1923 г. окончил его. В эти годы он занимался разработкой и систематизацией богатейшего собрания итальянских рукописей — так называемого «Лихачевского архива» в собрании рукописей Института истории Академии наук СССР. В 1925 г. появляется первая публикация М. А. Гуковского об итальянских турнирах.¹

Ученик профессоров И. М. Гревса, О. А. Добиаш-Рожественской, Л. П. Карсавина, немало почерпнувший также из лекций Е. В. Тарле и Н. П. Кондакова, М. А. Гуковский становится достойным продолжателем традиции изучения истории итальянского Возрождения в России. Восприняв от своих учителей методику научного анализа и критики источников, он с первых лет своей научной деятельности выступает как поборник марксистского понимания истории. Его исследования, начиная со статьи «К вопросу о сущности так называемого „итальянского Возрождения“» (1933 г.),² способствовали разработке основ современного марксистского понимания проблематики Ренессанса.

После окончания университета М. А. Гуковский трудился в Публичной библиотеке, Библиотеке АН СССР, где начал писать монографию о механике Лепардо да Винчи,³ в 1938 г. защищенной в качестве диссертации на ученую степень доктора исторических наук.

С 1934 г. М. А. Гуковский — профессор ЛИФЛИ, а с момента основания исторического факультета работает на возрожденной кафедре истории средних веков Ленинградского университета. С огромным энтузиазмом участвовал он в создании программ и учебных пособий, в организации первого студенческого научного кружка при кафедре — прообраза будущего СНО. Одна за другой выходят в свет его работы по истории Флоренции. В статье «Кто был истинным руководителем восстания чомпи?» (1939 г.)⁴

¹ Гуковский М. Турниры Италии на исходе Средних веков//Средневековый быт: Сб. статей, посвящаемый И. М. Гревсу/Под ред. О. А. Добиаш-Рожественской. Л., 1925. С. 50—77.

² См.: Сборник памяти Карла Маркса. 1883—1933. Л., 1933. С. 5—14.

³ Гуковский М. А. Механика Леонардо да Винчи. М., 1947.

⁴ Учен. зап. Ленингр. педагогич. ин-та, Т. XII 1939. С. 17—40.

первые была раскрыта реальная обстановка первого политического выступления предшественников будущего пролетариата, ожили забытые имена героев и жертв этого яркого эпизода классовой борьбы на заре развития капиталистического производства. Одновременно начинается его работа в Государственном Эрмитаже в качестве консультанта.

С первых дней Великой Отечественной войны Матвей Александрович вступил добровольцем в истребительный батальон народного ополчения, однако по состоянию здоровья был откомандирован на гражданскую работу. Но и здесь, в тылу, он чувствовал себя солдатом. По поручению ректора Гуковский работает по организации эвакуации университета в Саратов, где становится проректором по учебной работе, оставаясь на этом посту до 1946 г. А когда университет уже вернулся в Ленинград и возобновилась нормальная учебная работа, Матвей Александрович с тем же жаром принялся за организацию восстановления другого важнейшего центра культуры в Ленинграде, став заместителем директора Государственного Эрмитажа по научной работе (1946—1949 гг.). В 1949 г. М. А. Гуковский был незаконно репрессирован. После реабилитации (1956 г.) он назначен директором Научной библиотеки Эрмитажа. Здесь нашли свое применение знания и богатый опыт библиотечного дела. В сравнительно короткий срок из подсобной эта библиотека стала крупнейшей в СССР отраслевой библиотекой по вопросам истории искусств. Выходят в свет публикации М. А. Гуковского, посвященные сокровищам библиотеки и художественных фондов крупнейшего в нашей стране музея, получившие широкое признание читателей книги о Леонардо да Винчи.⁵

Все эти годы не прерывается еще одна сфера деятельности профессора М. А. Гуковского — он выступает как консультант театральных постановок и кинофильмов.

Любимым детищем Матвея Александровича всегда была кафедра истории средних веков в университете, доцентом которой он был с самого ее основания в 1936 г. на историческом факультете. С 1960 по 1969 г. он возглавлял эту кафедру, немало способствуя тому, чтобы она стала подлинным научным центром медиевистики в Ленинграде.

Самоотверженная работа профессора М. А. Гуковского получила высокую заслуженную оценку: в 1944 г. он был награжден орденом «Знак Почета», в 1965 г. ему присвоено почетное звание заслуженного работника культуры РСФСР. Его монография о Леонардо да Винчи была удостоена Первой университетской премии в 1968 г.

...Тяжелая болезнь помешала М. А. Гуковскому завершить труд над монографией «Итальянское Возрождение». Первый том ее вышел в Издательстве ЛГУ еще в 1947 г., второй — в 1961 г. в Издательстве Государственного Эрмитажа. Готовилось переиздание I тома с дополнениями и увеличением числа иллюстраций, шла работа над текстом III тома, но болезнь и преждевременная смерть разрушили эти планы.

* * *

Переиздание монографии «Итальянское Возрождение» М. А. Гуковского давно уже является насущной необходимостью. Читатели (и далеко не только историки — специалисты по Возрождению) ожидают ее с нетерпением. К вышедшим в свет (в 1947 и в 1961 гг. в совершенно разнотипных изданиях) двум томам «Итальянского Возрождения» М. А. Гуковского по-прежнему неизменно обращаются все советские историки, искусствоведы, филологи, занимающиеся этой насыщенной событиями и впечатляющими образами эпохой. Не одно поколение советских историков-возрожденцев учи-

⁵ Гуковский М. А. 1) Леонардо да Винчи: Творческая биография. М.; Л., 1958; 2-е изд., 1967; 2) Мадонна Литта: Картина Леонардо да Винчи в Эрмитаже. М.; Л., 1959; 3) Коломбина. Л., 1963.

лось по этой книге, не утратившей своей актуальности, ставшей одним из самых замечательных вкладов в марксистскую историографию.

«Итальянское Возрождение» явилось главным трудом жизни выдающегося советского ученого, трудом, предназначенным обобщить все то, что было им задумано и создано. Именно в этой, замышлявшейся как трехтомная, монография он стремился аргументированно изложить свою концепцию Ренессанса и методику комплексного исторического исследования.

При подготовке настоящего издания в текст книги включена правка, которую сам автор предполагал внести в переиздание I тома. Сохранив примечания первого издания, мы нашли нужным несколько дополнить библиографию по важнейшим вопросам, затрагиваемым в I и II томах книги М. А. Гуковского. Работа эта в основном была проделана канд. ист. наук И. Х. Черняком (все его дополнения даны в квадратных скобках). Несколько сокращен сам текст примечаний, в частности оценочные характеристики упоминаемых трудов и их авторов. Исправлены и сведены воедино генеалогические таблицы. Деятельное участие в подготовке текста принимала вдова автора А. С. Кантор-Гуковская.

В своей концепции Возрождения М. А. Гуковский исходит прежде всего из того, что, согласно определению Ф. Энгельса, «это была величайшая из революций, какие до тех пор пережила Земля».⁶ Итальянское Возрождение рассматривается им как «переворот в сфере социальной, экономической, политической и культурной».⁷ Именно этот, «синтетический», как называл его сам М. А. Гуковский, подход к проблеме Возрождения лежит в основе его научной методологии. Отметим, насколько этот, опирающийся на всю методологию исторического материализма, принцип отличается от пресловутой «культурологии», противопоставляемой некоторыми поклонниками Питирима Сорокина, появившимися в последнее время среди наших «философов», рьяно нападающих на «историков, мыслящих социально-экономическими категориями и не помышляющих об иронии, чаще всего проявляющейся именно в истории культуры».⁸ Разумеется, подобные выпады трудно рассматривать как научно обоснованную концепцию — ими лишь подтверждается настоятельная необходимость создания капитальных трудов, подобных книге М. А. Гуковского и развивающих его исследовательский метод.

Интерес к проблемам истории культуры неуклонно растет. Созданная при Президиуме АН СССР в составе Научного совета по истории мировой культуры Комиссия по проблемам культуры эпохи Возрождения, в которую вошли многие ученики профессора М. А. Гуковского, на своих конференциях поднимает важные вопросы, в том числе затрагивавшиеся и в его трудах. При этом споры о хронологических границах эпохи Возрождения, о ее содержании и т. п. постоянно упираются в насущную необходимость как конкретных исследований частных проблем, так и широких научных обобщений.⁹ В предисловии ко II тому «Итальянского Возрождения» М. А. Гуков-

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 508.

⁷ Гуковский М. А. Итальянское Возрождение, Л., 1947. Т. I. С. 4, 5.

⁸ Карпушин В. А. Абу Али ибн Сина и Восточный Ренессанс//Философия и история культуры/Под ред. В. А. Карпушина. М., 1985. С. 46.

⁹ Перечислим важнейшие из этих сборников трудов: Леон Баттиста Альберти/Отв. ред. В. Н. Лазарев. М., 1977; Типология и периодизация культуры Возрождения/Отв. ред. В. И. Рутенбург. М., 1978; Проблемы культуры итальянского Возрождения/Отв. ред. В. И. Рутенбург. Л., 1979; Культура эпохи Возрождения и Реформация/Отв. ред. В. И. Рутенбург; Л., 1981; Античное наследие в культуре Возрождения/Отв. ред. В. И. Рутенбург. М., 1984; Культура Возрождения и общество/Отв. ред. В. И. Рутенбург. М., 1986; Культура эпохи Возрождения/Отв. ред. А. Н. Немилов. Л., 1986. Общие

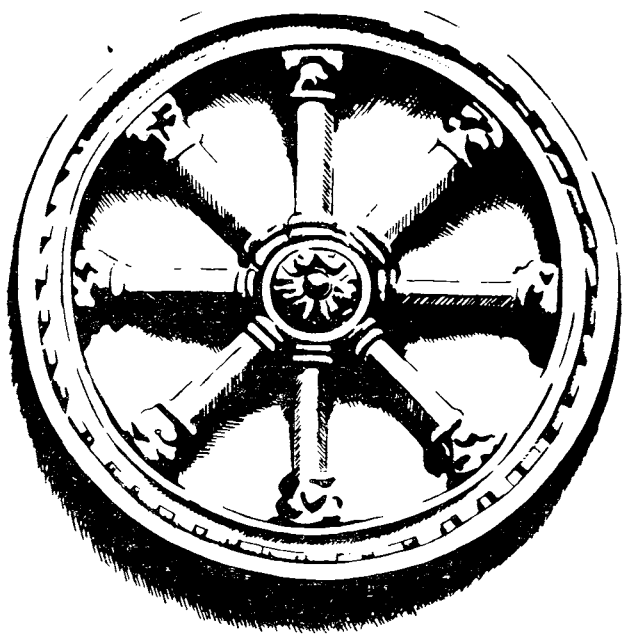
ский писал: «Выпуская в свет данную книгу, мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что она далека от совершенства. Но все же мы считаем возможным передать ее на суд читателей, потому что она является первой в своем роде как в советской, так и в зарубежной литературе, и мы надеемся, что наши преемники исправят наши ошибки, заполнят допущенные нами пробелы, и в результате такой коллективной работы будет в конце концов создан тот общий труд об итальянском Возрождении, которого так долго ждут читатели». И мы можем более чем четверть века спустя лишь повторить эти слова и выразить надежду, что переиздание книги, давно ставшей библиографической редкостью, послужит новой ступенью к исполнению этой мечты Матвея Александровича.

Доктор исторических наук А. Немилов

проблемы содержатся также в монографиях: Рутенбург В. И. 1) Италия и Европа накануне Нового времени (очерки). Л., 1974; 2) Титаны Возрождения. Л., 1976; Брагина Л. М. 1) Итальянский гуманизм. Этические учения XIV—XV вв. М., 1977; 2) Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983; Ревякина Н. В. Проблема человека в итальянском гуманизме второй половины XIV — первой половины XV вв. М., 1977; Баткин Л. М. 1) Итальянские гуманисты: Стиль жизни и стиль мышления. М., 1978; 2) О социальных предпосылках итальянского Возрождения//Проблемы итальянской истории. М., 1975. С. 220—258.

1 ТОМ

ИТАЛИЯ
в 1250–1380-е
годы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ф. Энгельс назвал эпоху Возрождения величайшим прогрессивным переворотом из всех пережитых до того времени человечеством, эпохой, которая «нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености». ¹ Понятно, что эта эпоха и ее деятели в течение последнего столетия вызывали усиленный интерес как у историков-профессионалов, так и у широких слоев читающего общества. Количество работ, посвященных Возрождению, и в первую очередь его наиболее яркому варианту — итальянскому Возрождению, огромно. При этом, особенно после выхода в свет ставшей классической книги Якова Буркгардта, ² т.е. после 70-х годов XIX столетия, наибольшее внимание привлекала культура Возрождения, ее писатели и художники, философы и ученые. Однако и другие стороны эпохи Возрождения освещались историками. Было издано огромное количество источников и на их основе написано еще большее количество исследований по политической, социальной и экономической истории Возрождения.

Появление все новых и новых публикаций увеличивало и без того большой интерес к эпохе Возрождения, но оно же создавало и серьезные трудности для исследователя, который пожелал бы подняться над частностями и дать общую картину эпохи. И действительно, как это ни кажется удивительным, общей работы по итальянскому Возрождению до сего времени не существует. Имеется несколько популярных и поверхностных небольших сводных работ, например книжки Люшера, Функ-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 346.

² Буркгардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения/Пер. с нем. С. Бриллианта (с 8-го изд.). СПб., 1906. Т. I—II.

Брентано, Дживелегова,³ но ни одна из них не покрывает всего объема материала Возрождения.

Отсутствие такой сводной работы приводит к тому, что эпоха Ренессанса как целое становится весьма трудно обозримой, что, в свою очередь, вызывает к жизни различные и нередко весьма мало обоснованные попытки синтетического ее определения и анализа.⁴ Приводит оно также к весьма серьезным трудностям в деле преподавания на исторических факультетах наших вузов, так как даже студенту, свободно читающему на иностранных языках и заинтересовавшемуся материалом итальянского Возрождения, нельзя указать книги, в которой он нашел бы описание эпохи как целого.

Вышеприведенные соображения и побудили меня, после более чем двадцатилетнего изучения отдельных проблем истории Возрождения, приступить к написанию работы, дающей его общую характеристику. Первым томом этой работы и является настоящая книга. Она охватывает историю Италии с 1250 по 1380 г., т. е. тот период, который может быть назван ранним Возрождением.

В «Диалектике природы» Энгельс пишет, что Возрождение является эпохой, «когда бюргерство сломило мощь феодализма, когда на заднем плане борьбы между горожанами и феодальным дворянством показалось мятежное крестьянство, а за ним революционные предшественники современного пролетариата, уже с красным знаменем в руках и с коммунизмом на

³ Luchaire J. Les Sociétés Italiennes du XIII au XV ss. Paris, 1933; Funk-Brentano Fr. La Renaissance. Paris, 1935; Дживелегов А. К. Начало итальянского Возрождения. 2-е изд. М., 1924.

[После выхода в свет I тома книги М. А. Гуковского в 1947 г. появилось несколько важных работ общего характера: Рутенбург В. И. Италия и Европа накануне нового времени. Л., 1974; Кузнецов Б. Г. Идеи и образы итальянского Возрождения. М., 1978; Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978; Горфункель А. Х. К спорам о Возрождении//Средние века (СВ). М., 1983. Вып. 46. С. 214—228.—Рец. на кн.: Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения: Типология и периодизация культуры Возрождения/Отв. ред. В. И. Рутенбург. М., 1978; Проблемы культуры итальянского Возрождения/Отв. ред. В. И. Рутенбург. Л., 1979; Культура эпохи Возрождения и Реформация/Отв. ред. В. И. Рутенбург. Л., 1981; Античное наследие в культуре Возрождения/Отв. ред. В. И. Рутенбург. М., 1984; Культура Возрождения и общество/Отв. ред. А. Н. Немиллов. Л., 1986; Баткин Л. М. 1) О социальных предпосылках итальянского Возрождения//Проблемы итальянской истории. 1975. М., 1975. С. 220—258; 2) Замечания о границах Возрождения//Советское искусствознание-78. М., 1979. Вып. 2. С. 94—122; Batkin L. M. Die historische Gesamtheit der italienischen Renaissance. Dresden, 1979; Saporì A. L'età della Rinascita. Milano, 1958; Burke P. Culture and society in Renaissance Italy (1420—1540). London, 1972; Delumeau J. La civilisation de la Renaissance. 2 ed. Paris, 1973; Masek I. Il Rinascimento italiano. Roma, 1974; Hay D. Profilo storico del Rinascimento italiano. 2 ed. Bari, 1978].

⁴ Об этом см.: Гуковский М. А. К вопросу о сущности так называемого «итальянского Возрождения»//Сборник памяти Карла Маркса. 1883—1933. Л., 1933.

устах, — с той эпохи, которая создала в Европе крупные монархии, сломила духовную диктатуру папы, воскресила греческую древность и вместе с ней вызвала к жизни высочайшее развитие искусства в новое время, которая разбила границы старого orbis и впервые, собственно говоря, открыла Землю».⁵

Эта в высокой степени замечательная и, к сожалению, редко используемая характеристика определяет Возрождение как переворот в сфере социальной, экономической, политической и культурной, т. е. как переворот универсальный, что мне кажется единственно правильным. Поэтому в своей работе я пытаюсь дать сводное изложение политических событий, социально-экономических сдвигов и культурных достижений данного периода.

Именно установление связей между различными сторонами истории Возрождения, ее различными аспектами, изображение эпохи как исторического целого со всеми его основными чертами и, главное, в основных этапах его развития, составляет важнейшую задачу данной книги.

То обстоятельство, что в написании работы такого рода у меня совершенно не было предшественников, что мне самому приходилось прокладывать себе путь, естественно создавало весьма серьезные трудности. Первая из них лежала в выборе построения книги, неизбежно достаточно сложного в связи с разнообразием материала, еще усугубляемым политической пестротой Италии. После долгих экспериментов и размышлений я принял следующий порядок.

Изложение в данном томе делится на три главы. Первая, вводная, характеризует положение Италии на рубеже 1250 года, года смерти императора Фридриха II Гогенштауфена; вторая — рассматривает судьбы Италии с 1250 по 1320 г., т. е. в период наибольшего обострения борьбы передовых городов-коммун с феодальными силами; наконец, третья глава освещает историю Италии 1320—1380 гг., т. е. периода торжества коммунального устройства передовых городов и первых социальных революций.

Каждая глава в соответствии с вышесказанным делится на три параграфа, посвященные политическим судьбам, социально-экономической структуре и культуре данного периода.

Изложение работы, охватывающее громадный, поистине необъятный фактический материал, в своих основных, наиболее ответственных частях базируется на собственных моих изысканиях и по большей части основано на первоисточниках.

Само собой понятно, что в книге такого охвата некоторые части не могли быть проработаны исследовательски. В первую очередь это относится к разделам, посвященным изобразительным искусствам.

Возникает вопрос, не было бы более правильным вооб-

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 508.

ще опустить эти части. Хотя такое сужение задачи было бы для меня большим облегчением, я решительно отказался от него. Поскольку моей задачей было показать эпоху Возрождения как целое, постольку я не мог, не изменяя своей основной установке, отказаться от анализа любой из даже второстепенных сторон эпохи. А между тем искусство, для исследовательского анализа которого я чувствую себя наименее подготовленным, является бесспорно важнейшим проявлением эпохи, проявлением, без анализа которого картина сразу стала бы явно неполной и даже искаженной.

Поэтому я решил сохранить возможную полноту изложения, причем в частях, в которых я не мог изложить результаты собственных исследований, — а таких частей, как сможет убедиться внимательный читатель, не так много, я основываюсь на новейшей и наиболее солидной монографической литературе, указывая ее в приложенном к книге (в виде примечаний) библиографическом указателе. Указатель этот, над составлением которого я работаю уже в течение многих лет, имеет целью дать читателю возможность ориентироваться в новой литературе по всем вопросам, затронутым книгой, и является неотъемлемой составной ее частью.

Не подлежит сомнению, что моя работа имеет немало серьезных недостатков. Мне кажется, однако, что недостатки эти могут быть оправданы, поскольку моя книга является первой в своем роде попыткой сводной работы.

М. А. Гуковский

Ленинград, 1946

ГЛАВА I

ИТАЛИЯ В 1250 ГОДУ

§ 1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

В 1250 г., в разгар ожесточенной борьбы с папством и северными городами, умер император Германской империи и король Южной Италии Фридрих II Гогенштауфен.¹

Фридриха II нередко называют первым человеком Возрождения, и, действительно, его большая культура, его презрительное отношение к вопросам религии, неукротимая энергия его могучей индивидуальности выделяют его из ряда людей его времени.

Смерть Фридриха II означала крушение его политической программы, сводившейся к тому, чтобы объединить под своей властью Италию, превратить ее в централизованное государство и сделать ее, а не Германию, центром империи. Крушение этой программы, вряд ли вообще осуществимой в середине XIII в., оставило Италию раздробленной на ряд отдельных государств, часто весьма незначительных, но все же на протяжении десятилетий, а иногда и веков упорно борющихся за свое самостоятельное существование.

Италия XIII—XVI вв. не была единым государством, подобно Франции, Англии и даже беспорядочной Германской империи, она была понятием географическим, но не политическим.

Только общность языка, и то имеющего в разных местах довольно значительные отличия, объединяла различные части

полуострова, «длинным сапогом» вдающегося в Средиземное море. Великолепная южная природа, плодородие ряда местностей, богатство ископаемыми Апеннинского горного хребта, идущего по всей длине полуострова, наконец, обилие крупных и богатых городов, по словам К. Маркса, «сохранившихся по большей части еще от римской эпохи»,² делало Италию одной из богатейших, соблазнительнейших частей Европы, и только политическая раздробленность, связанная с неравномерностью экономического, политического и культурного развития отдельных частей полуострова, препятствовала превращению ее в могущественное объединенное государство типа Англии и Франции.

Основными частями, на которые политически распадается Италия в середине XIII в., были следующие.

Весь юг полуострова (см. карту 1) занимает Сицилийское, или, как оно будет называться с конца века, Неаполитанское королевство. Основанное в конце XI в. несколькими дружинами французских рыцарей-норманнов, оно по составу своего населения было весьма пестрым. Здесь мы найдем потомков лангобардов, самостоятельные герцогства которых существуют до начала XII в., и греков — византийцев, считавшихся до того же времени официальными владельцами Южной Италии, и арабов — мавров, долго владевших Сицилией, и, наконец, большое число евреев, вообще густо населявших юг Европы.

Несмотря на такую пестроту населения, Сицилийское королевство отличается довольно единой социальной и политической структурой — французские норманны всюду, куда ни являлись, насаждали феодальные отношения и четкую государственную организацию, построенную на монархическом принципе. Наиболее полно им удалось насадить и то и другое именно в Южной Италии. Почти не имеющее крупных торгово-ремесленных городов, экономически отсталое Сицилийское королевство получило зато первый в Европе развитый государственный аппарат, первые своды законов, первую детально разработанную налоговую систему. Правление Фридриха II Гогенштауфена (с 1215 по 1250 г.), унаследовавшего Сицилийское королевство от своей матери Констанции, последней представительницы норманнской династии, еще более подчеркнуло основные черты Сицилийского королевства, еще ярче выдвинуло его феодально-бюрократический характер.³

С севера Сицилийское королевство граничит с Папской областью, или, как ее называли в то время, Патримонием (наследством) св. Петра. Это государство носит совершенно особый характер, не схожий ни с одним из государств Европы. Служа резиденцией главы католической церкви — римского папы, папская область является организацией духовной, оставаясь при этом и обычным политическим образованием, подчиненным папе как светскому государю. Этот двойственный духовно-светский характер Папской области накладывает особый отпечаток

Карта 1

на всю ее историю и на историю ее главного города — Рима. Обладая довольно незначительными политическими силами при весьма значительных материальных ресурсах, стекающихся к ним со всего католического мира, папы не могут обеспечить себе твердого господства как над отдельными, входящими в состав области городами, например Болоньей, Феррарой, Римини, Урбино, так и над отдельными крупными феодалами. В результате этого города Папской области часто становятся фактически независимыми от Рима, сохраняя только видимость связи с ним, а феодалы, особенно несколько наиболее могущественных, так называемых баронских семей — Колонна, Орсини, Савелли, чувствуют себя самостоятельными государями и, отсиживаясь в своих укрепленных замках, часто переделанных из древних римских построек, ведут собственную политику, воюют, заключают союзы. Но папы, не могущие в своем собственном государстве добиться повиновения при помощи духовного оружия, и особенно при помощи своих громадных средств, могут вести большую политическую игру за пределами своего государства, претендовать на господство над всей Италией.

Переходя из Папской области по западному берегу Средиземного моря дальше на север, мы попадаем в Тоскану — область, не имеющую единой политической организации, разделенную между рядом мелких государств, самыми значительными из которых являются Пиза, Сиена и Флоренция.

Пиза — портовый город, расположенный в устье реки Арно, с XI в., со времени первого крестового похода, становится одним из ведущих торговых пунктов не только Италии, но и всей Европы. Обладая весьма незначительной окрестной территорией, но зато рядом опорных пунктов на завоеванном крестоносцами Востоке, Пиза сильна своим торговым и отчасти военным флотом и неукротимой предприимчивостью своих купцов, уже с начала XIII в. являющихся хозяевами и политической жизни города, занимающих все ведущие должности ее республиканского правительственного аппарата.

Сиена — также самостоятельная республика с незначительной окружающей ее территорией, расположена относительно далеко от моря, потому и не может принимать активного участия в заморской торговле, являясь в первую очередь городом развитого ремесла, особенно текстильного, и ростовщичества. Сиенские банкиры-ростовщики занимают ведущее положение в Италии и нередко ведут свои операции далеко за ее пределами.

Позднее, чем Пиза и Сиена, но зато чрезвычайно быстро и интенсивно развивается третий из ведущих городов Тосканы — Флоренция. Расположенный на среднем течении реки Арно, устье которой принадлежит Пизе, город этот входит в историю как резиденция маркграфов тосканских, крупнейших феодалов Центральной Италии. Лежащая не на берегу моря, Флоренция

к началу XIII в. выделяется своим развитым ремеслом, изготовляющим в первую очередь тонкие и дорогие шерстяные ткани. Выписывая сырье для производства тканей из-за границы, чаще всего из Англии — поставщицы лучшей шерсти, продавая свои изделия не только во всей Италии, но и во всей Европе и частично Азии, Флоренция играет значительную роль и как торговый центр, а в дальнейшем как центр банковско-ростовщической деятельности, правда, в этом отношении уступающий Сиене. По своему политическому устройству Флоренция, так же как Пиза и Сиена, — республика, за власть в которой борются потомки старых феодальных родов, живущие в городе и вне его «гранды», или «магнаты», и новые люди из народа, зажиточные шерстяники, торговцы, банкиры (пополаны).

Двигаясь из Тосканы дальше на север по побережью Средиземного моря, мы попадаем на северном его завороте в морскую республику Геную. Во многом по своей политической, социальной и экономической структуре напоминая свою исконную соперницу — Пизу, Генуя в первую очередь и главным образом занимается морской торговлей и мореходством. Уже с XII в. она делает удачные попытки распространить свое торговое влияние на северное побережье Африки, в Палестину и Сирию, где в результате крестовых походов получает ряд опорных пунктов. Как Пиза и Флоренция, Генуя является ареной непрерывной борьбы горожан, связанных в той или иной мере с торговлей и ремеслом, и феодалов, ревниво оберегающих свои, все более эфемерные права на управление городом и его округом.

С севера к узкой приморской полосе территории Генуэзской республики примыкает низменная, в части своей заболоченная, а к северу гористая область — Ломбардия, в которой господствует один из старейших и крупнейших городов Италии — Милан. Рано получивший самостоятельное коммунальное устройство, зачинщик и руководитель в героической и в конце концов победоносной борьбе ломбардских городов с германскими императорами, Милан, дважды разрушенный мстительным Фридрихом I Барбароссой, разбитый внуком его Фридрихом II, все же остается важным политическим и экономическим центром. В нем социальное расслоение и неизбежно связанная с ним классовая борьба развиты особенно рано и особенно сильно. Но здесь борьба эта принимает особые своеобразные формы; здесь сталкиваются не две силы — феодалы и народ, а три: крупные феодалы — знать, среднее и мелкое дворянство, объединенное в свою организацию «Мотта», и цеховые народные низы, объединенные в «Совет (или Креденцу) св. Амвросия» (Credenza di S. Ambrogio). В результате этой борьбы к середине XIII в. (1241 г.) политическое господство переходит к объединению цехового торгово-ремесленного населения со средним и мелким дворянством. Объединение это выдвигает к власти дворянский

род Делла Торре, уже давно ведущий демагогическую политику и теперь основывающий первую тиранию в крупном итальянском городе-государстве.⁴

На востоке к Ломбардии примыкают несколько независимых городов, часто переходящих из рук в руки и нередко делающихся жертвой сильных авантюристов (Падуа, Верона); за ними лежат, к середине XIII в. еще довольно незначительные, владения третьей (кроме Пизы и Генуи) и притом крупнейшей морской торговой республики — Венеции. Расположенный на группе низких островков северного побережья Адриатического моря, город этот со своими улицами-каналами и чисто морским климатом, естественно, рождал лучших моряков и кораблестроителей. Во всяком случае, со времени крестовых походов Венеция становится как бы мостом, передаточным пунктом между Западной Европой и Азией. Особенно усилил торговые и политические позиции Венеции четвертый крестовый поход (1204 г.), самое направление которого было до известной степени определено ею. В результате этого похода на обломках Византии была создана так называемая Латинская империя, в которой Венеция заняла господствующее положение.

В социальном отношении Венеция была городом особой структуры. Не зная, ввиду своего островного положения, феодализма в сколько-нибудь развитых формах, она выдвинула несколько десятков патрицианских семейств, имевших сравнительно незначительные земельные владения и строивших свое благополучие в первую очередь на морской торговле. Эти патрицианские семейства и являются решающей силой в управлении политическими судьбами государства. Из их среды избирается дож — пожизненный управитель Венеции, сначала имеющий реальную власть, но постепенно эту власть теряющий и становящийся марионеткой в руках патрицианской олигархии.

Таким образом, общая картина Италии в середине XIII в. представляется в следующем виде: на юге — значительное по размерам и феодальное по характеру Сицилийское королевство, затем к северу — полудуховная, полусветская, довольно бесформенная по территории Папская область, дальше к северу — Тоскана, в которой все большую роль играет Флоренция, передовой ремесленный и торгово-банковский центр, и еще дальше на север — Ломбардия с господствующим в ней Миланом, некогда крупнейшей и старейшей коммуной, теперь постепенно сменяющей свое республиканское управление на монархическую тиранию.

Наконец, между этими государствами расположены три морские торговые республики: Пиза, Генуя и Венеция, имеющие сравнительно небольшие территории, но играющие громадную роль благодаря торговым операциям с Востоком, за который они ведут между собой непрерывную борьбу.

Картина политической жизни Италии середины XIII в. будет не полной, если мы не упомянем о борьбе двух партий, красной нитью проходящей через весь полуостров, заполняющей боевым шумом, заливающей горячей кровью улицы ее городов, поля сражений, морские просторы. Партии эти возникли в первой четверти XIII в. и получили ставшие затем знаменитыми на века прозвища «гвельфы» и «гибеллины».

Партия гвельфов получила свое название от имени германского рода Вельфов — главных врагов и соперников господствующих в империи Гогенштауфенов. Принадлежность к партии гвельфов означала в первое время только вражду к Гогенштауфенам и возглавляемой ими империи, стремление к освобождению от становящейся все более устарелой и бессмысленной власти германских императоров над Италией. Но на протяжении конца XII — первой половины XIII в. наиболее ожесточенными врагами германских императоров в Италии были римские папы и естественно поэтому, что постепенно партия гвельфов становится не только враждебной императору, но и начинает поддерживать римских пап.

Партия гибеллинов получила свое название, по-видимому, от одного из родовых замков рода Гогенштауфенов — Вейблингена. Это имя, итальянизированное и искаженное, и дало кличку «гибеллин», которая стала присваиваться всем сторонникам империи, а в дальнейшем и всем врагам папства.

Гвельфы — сторонники папства и гибеллины — сторонники империи стоят друг против друга как непримиримые враги в течение XIII, XIV и даже отчасти XV в.

Нередко утверждают, что социальной базой гвельфской партии было городское бюргерство, своими банковскими и коммерческими операциями связанное с папством, а социальной базой гибеллинов — феодальное дворянство, видевшее в императоре защитника своих дряхлеющих привилегий. Такое утверждение правильно лишь в самом грубом приближении. Действительно, главную массу гвельфов составляли передовые, строящие свое благополучие на ростовщичестве, связанные с папством семьи, причем города, в которых они приходят к власти, обыкновенно являются опорными пунктами гвельфизма. Но нередко вражда одной семьи с другой, одного города с другим, вражда, вызванная самыми различными экономическими или политическими причинами, приводит соседа гвельфской семьи или гвельфского города в лагерь гибеллинов, хотя по всей социальной природе он, казалось бы, должен был тяготеть к гвельфизму. Так, передовая промышленно-торговая Флоренция естественно является одним из оплотов партии гвельфов, и в то же время торговая Пиза и ремесленно-ростовщическая Сиена — соседи и смертельные враги Флоренции, почти всегда входят в гибеллинский лагерь. Но какова бы ни была социальная природа гвельфов или

гибеллинов, того или иного города, вражда была жестокой и непримиримой, и без этой борьбы нельзя себе представить пестрой и красочной картины жизни Италии XIII в.

§ 2: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Политическая раздробленность Италии, распадающейся на ряд мелких государств, с важнейшими из которых мы познакомились, не могла не быть связанной с глубокими различиями в социальной и экономической структуре отдельных частей полуострова. Юг, занятый королевством Сицилийским, и в значительной степени центральная часть, занятая Папским государством, оставались типичными феодальными государствами с могущественным и самостоятельным земледельческим дворянством, которое с величайшим трудом удается сдерживать в узде, и бедным, задавленным крепостным крестьянством, и немногочисленными крупными городами, почти не имеющими развитого ремесла, торговли, ростовщичества. В то же время вся северная часть полуострова, начиная с Тосканы, переживала бурный расцвет экономической жизни, бурный процесс разложения феодальных отношений, создания новых социальных сил в быстро растущих и усиливающихся городах.

Общеизвестно, что одной из основных причин, вызвавших раннее развитие городов Северной Италии, охватившее сначала приморские города (Генуя, Пиза, Венеция), а затем довольно скоро распространившееся и на города, относительно удаленные от берега, — были крестовые походы, превратившие итальянские торговые центры в пункты перегрузки и снабжения. Центры эти почти не несли тягот, связанных с ведением войны на Востоке, но они широко пользовались выгодами от этих войн, экономические и идеологические результаты чего не замедлили сказаться.

Второй причиной быстрого развития североитальянских городов были очень значительные пережитки древнеримских порядков, сохранившихся в Италии. По-видимому, именно эти римские пережитки привели к тому, что в Италии феодальные отношения никогда не получили столь широкого и полного развития, как в остальных странах Европы. Города в Италии, как мы упоминали выше, сохранились в значительной своей части от римских времен, в них жили еще отдельные потомки римского ремесленного населения; они, подчиняясь тому или другому феодальному барону, склонны были смотреть на это подчинение как временное унижение и готовы были при первой возможности взяться за оружие для своего освобождения.

Наконец, третьей причиной роста городов Северной Италии было обстоятельство, которое в остальном глубоко отрицательно отразилось на судьбах полуострова как целого. Политическая раздробленность Италии, особенно сказывающаяся в северной

ее части, легко превращала каждый сколько-нибудь значительный город в центр самостоятельного государства, а это давало в его руки сравнительно большие материальные средства, позволяло ему вести политику, приспособленную к его подчас очень узким и специфическим интересам, облегчало борьбу с окрестными феодалами и даже с феодальными претензиями столь мощного организма, как Священная Римская империя.

Само собой разумеется, что не только названные три причины определили собой ранний и бурный расцвет экономической и социальной жизни североитальянских городов. Каждый из них имел свои, особые причины для роста, свою особую обстановку, но несомненно, что названные причины принадлежали к основным и обнаруживаются более или менее повсеместно. Во всяком случае, уже к концу XII и особенно ярко к началу XIII в. города Центральной и Северной Италии по своему социальному, экономическому и политическому развитию далеко опередили города не только отсталой, южной части полуострова, но и всей остальной Западной Европы. То, что уже современники ясно осознавали резкое своеобразие структуры североитальянских городов, с большой определенностью отражается в хронике помощника и летописца, дяди германского императора Фридриха Барбароссы — Оттона Фрейзингенского, который так характеризует эту структуру:

«В устройстве своих государств и общественной жизни они подражают древним римлянам. Они так стремятся к свободе, что, избегая злоупотреблений постоянных властей, управляются консулами, а не господами. Среди них существуют три слоя: капитаны (крупные феодалы. — *М. Г.*), вальвасоры (мелкие феодалы. — *М. Г.*) и народ, причем для укрощения гордыни консулы выбираются не из одного какого-нибудь слоя, а из всех трех, и для того, чтобы не было места стремлению захватить власть, они меняются каждый год. Благодаря этому происходит так, что вся эта земля (Италия. — *М. Г.*) разделена на множество городов-государств, из которых каждое принуждает окрестных жителей подчиняться себе, так что едва ли возможно найти какого-нибудь знатного или могущественного человека, столь сильного, чтобы он не подчинялся власти своего города-государства... Для того же чтобы не было недостатка в силах для борьбы с соседями, они не гнушаются подымать до рыцарского пояса и до высших должностей юношей самого низшего звания, даже из числа неких ремесленников, занимающихся достойным презрения рукодельным ремеслом, т. е. таких людей, каких в других странах как чуму гонят от почестей и культуры. Благодаря этому они (итальянцы. — *М. Т.*) намного превосходят другие государства мира богатствами и могуществом».⁵

Заостренный ненавистью взгляд немца-современника разоблачил в Италии конца XII в. такие глубокие и действенные причины ее непобедимой мощи, которые нередко ускользают от исследователей XX в. Решительное изменение в социальной структуре, в соотношении классовых сил — появление на первом плане новой силы — городского бюргерства, в Италии получающего наименование «народ» (*popolo*), в отличие от «грандов», или «магнатов», — представителей феодальной знати — вот что обратило на себя в первую очередь внимание Оттона и что дей-

ствительно лежало в фундаменте всего дальнейшего развития Италии.

Оттон Фрейзингенский зафиксировал поразившую его социальную структуру итальянских городов, так сказать, в статике, в готовом виде. Само собой понятно, что для достижения ее требовалось длительное развитие, неизбежна была ожесточенная борьба. И действительно, такая борьба предшествует в течение ряда десятилетий тому периоду, с которого мы начинаем наше изложение, и заходит далеко в глубь этого периода. В борьбе этой участвуют с разной степенью активности три основные силы — феодальное дворянство, крепостное и полукрепостное крестьянство и горожане нефеодального происхождения. Что же представляет собой каждая из этих сил к середине XIII в.?

Средние и мелкие феодальные роды, так называемые вальвассоры, не могут противостоять напору новой экономической системы, их мелкие поместья разоряются, денег для покупки городских товаров нужно все больше и больше, и они чаще всего, не порывая окончательно со своими земельными владениями, переселяются в богатый соседний город. Здесь они строят себе мрачные, напоминающие замки, дома-крепости, снабженные высокими башнями, и пытаются найти какие-то пути компромисса с все более победоносной городской жизнью. Они то занимаются банковско-ростовщическим делом, то торговлей, пытаясь все же сохранить и привилегированное положение в городе, и свои аристократические замашки. Типичным примером такой феодальной семьи может служить род Барди, рано переселившийся во Флоренцию и занявший в ней весьма видное место.

На крупных феодалов-графов, маркграфов и нетитулованных крупных землевладельцев бурно растущая городская экономика также оказывала весьма немалое влияние. И им нужны были деньги, и они чувствовали невыгодность хозяйства, построенного на крепостной рабочей силе, но их большая экономическая и особенно политическая мощь позволяла им не только держаться дольше, чем их более мелким собратьям, но и вести открытую борьбу с соседними городскими коммунами, которые в отдельных случаях были некогда их собственностью. Иногда и они заводили себе дома-крепости в городе для того, чтобы иметь оплот в самом сердце враждебного лагеря, но значительную часть своего времени они проводили вне ненавистных городских стен, в родовых замках, все еще вздымавших свои башни и валы на окружающих город холмах. Таковы, например, во Флоренции и ее округе роды Кавальканти или Убальдини, с которыми коммуна ведет вековую борьбу.

То, что происходит к середине XIII в. в массах крепостного крестьянства Средней и Северной Италии, является, естественно, точным отражением только что упомянутых нами про-

цессов ослабления, а иногда и разложения феодального поместья. Уже с начала XI в. широко распространяется движение крепостных крестьян за освобождение, приобретающее иногда формы настоящей революционной борьбы.

Одновременно с революционным движением, рука об руку с ним, действуют экономические силы, исподволь разрушающие крепостные связи. Под влиянием развивающегося денежного хозяйства, растущей нужды в деньгах феодалы-землевладельцы сами начинают видоизменять формы эксплуатации своих крестьян: крепостная зависимость сменяется либо арендным договором, либо чаще всего работой на условии предоставления помещику части продукта — трети, чаще половины.

Если дворянство в разных своих видах и крепостное крестьянство испытывали на себе влияние изменяющейся экономической и социальной обстановки, то еще в большей степени испытывали его города. Основным процессом, происходящим в них, является быстрое и решительное усиление торговых и ремесленных элементов, создание ими самостоятельных организаций и борьба этих организаций за политическую власть в городе. Такими организациями, объединяющими в каждом городе торговцев или ремесленников, занимающихся одним делом, являются цехи.

Вопрос о происхождении итальянских городских цехов чрезвычайно дискусионен.⁶ В какой мере они явились наследниками римских ремесленных объединений-коллегий и в какой — порождением новой экономической обстановки, сказать трудно. Скорее всего и то и другое сыграло свою роль, и в результате к концу XI, особенно же к началу XII в., почти во всех городах Италии появляются цеховые объединения. Так, в Милане, наиболее крупном и могущественном городе XII в., уже в конце этого века образуются самостоятельное объединение купцов и так называемая «Креденца св. Амвросия» — объединение ремесленников, о чем один из хронистов, Гальвано Фьямма, сообщает так:

«В это время (1198 г. — М. Г.) город, как и ранее, был разделен на две части — часть знати и часть народа, последняя же, в свою очередь, делится на две части, ибо ремесленники, как то: мельники, хлебопеки и прочие, объединились вместе и образовали сообщество, каковое называли Креденцой св. Амвросия... Другая часть народа, более богатая и важная, как то: купцы и прочих «жирный народ», управлялась консулами...»⁷

Гальвано Фьямма писал много позднее описываемых событий — в XIV в., но все сообщаемое им в основном правильно. К концу XII — началу XIII в. между объединениями купцов и ремесленников вместе со всем городским населением (popolo) — с одной стороны, и феодальной знатью разных категорий (грандами, или магнатами) — с другой, начинается борьба за власть в городе-коммуне. Первоначально города, если они не возглавляются представителями церкви, управляются консулами — представителями местной знати, распространяющими свою

власть на все население города независимо от его социального лица. Позднее, после победоносного конца борьбы городских коммун с Фридрихом Барбароссой, во главе городов стоят подеста́. Это также представители знати, которые управляют всем населением, опираясь на законодательные органы в виде советов разного типа, чаще всего Большой совет из 200—300 членов и Малый совет из 50—60 членов. Но, наряду с этим официальным государственным аппаратом существует и приобретает все большую силу и значение другой неофициальный до поры до времени, это — аппарат цехов, очень рано переходящий от чисто профессиональных интересов и дел к делам и интересам политическим. Объединение цехов, в первую очередь цехов зажиточного купечества, стремится создать как бы государство в государстве, а при случае захватить и всю полноту власти. Цеховое объединение имеет своих должностных лиц, свои советы, образуя так называемую Малую коммуну, или коммуну народа, находящуюся внутри общей Большой коммуны, ведущую с последней глухую, но ожесточенную борьбу.

Эта борьба Большой и Малой коммун, иначе говоря, борьба за власть знати и зажиточных представителей цехов, и является основным фоном, на котором разыгрываются пестрые события политической жизни городов-коммун Центральной и Северной Италии в XIII в.

Если в политической жизни этих городов богатеи из цехов играют все более крупную роль, то в экономической жизни богатеи являются неоспоримыми хозяевами. Население городов неуклонно и быстро растет. На основании, впрочем, довольно спорных источников, мы можем полагать, что уже к концу XII века население крупнейшего города Северной Италии — Милана выражается во внушительной цифре — 90 тыс. человек и что к середине следующего, XIII в., оно повысилось до 160 тыс., т. е. почти удвоилось.⁸ Флоренция за это же время растет несколько меньше, хотя тоже внушительно. С 70 тыс. человек в конце XII в. население ее возрастает до 90 тыс. к середине XIII в.⁹ Если даже считать, к чему мы склоняемся, что цифры эти весьма преувеличены, порой чуть ли не вдвое, то и тогда население крупнейших городов остается значительным.

Во всяком случае, несомненным остается быстрый рост количества населения, о чем неоспоримо свидетельствует рост территории самого города.

Еще в X, иногда XI в. большинство городов умещалось в тесном кольце старых, часто еще римских стен, да и в этой ограниченной территории нередко были незастроенные участки, даже обрабатываемые поля. К XII в. города тесно застраиваются и вырастают настолько, что требуется новое, во много раз более обширное кольцо стен. К концу века подавляющее большинство городов получает это новое кольцо, а некоторые, например Павия, приступают к постройке третьего.¹⁰

Рост городов и городского населения создает потребность в большом количестве товаров: продуктов питания, одежды, предметов домашнего обихода и т. п., а это, в свою очередь, не может не повлиять на рост торговли, как внутренней, так и внешней, и на рост ремесла. При этом рост того и другого оказывается теснейшим образом связанным. В тех городах, в которых развивается ремесло, а таковы все более или менее крупные города, именно ремесленники занимаются торговлей, наживаются на ней и вкладывают барыши в свое производство, быстро и неукоснительно растущее.

Торговля предметами своего производства, неразрывно и естественно связанная с торговлей любыми другими товарами, могущими дать хорошие барыши, уже в XII в. далеко выходит за пределы городских стен. Каждый город имеет свою специфическую продукцию: Флоренция славится своими тонкими сукнами, Милан — бархатом и оружием. Торговые связи между Венецией, Миланом, Флоренцией, Болоньей и другими, более мелкими городами Центральной и Северной Италии развиваются весьма оживленно.

Но не только в пределах Италии распространяются торговые операции купцов-ремесленников итальянских городов, они проникают и в Англию, где широко закупают шерсть, и во Францию, где уже цветут ярмарки в Шампани — торговое средоточие всей Западной Европы. Проникают они и на Восток, на Балканский полуостров, в Сирию, и далеко в глубь Азии.

Торговые сделки в Европе чаще всего осуществляются на многочисленных ярмарках, устраиваемых в дни религиозных праздников в самых различных местах. В промежутках между ярмарками, а также во время их действия товары складываются в специальных складочно-торговых помещениях, так называемых фондако, устраиваемых объединениями купцов одного города или страны в другом городе. Фондако нередко не только несет функции склада, но и является также торговой конторой и местом жительства приезжающих купцов. Таков, например, знаменитый немецкий фондако в Венеции, основанный, по-видимому, еще в конце XII в.¹¹ и просуществовавший затем ряд столетий.

Широкое развитие торговых операций, захватывающее своими петлями весь известный тогда мир, неизбежно связано с усложнением самой техники торговли, в первую очередь техники перевозки денег, необходимых для оплаты более или менее крупных партий товара. Естественно, что появляется мысль избежать таких денежных перевозок, заменить их взаимными расчетами на месте покупки или продажи, оформляя эти взаимные расчеты при помощи специального документа — переводного векселя, или тратты. Из такого рода переводных документов, первоначально не предполагавших кредита, т. е. разницы в сроке между моментом составления документа и опла-

той по нему, вырастает в дальнейшем вексель и ряд сложных кредитных операций. Одновременно с усложнением техники оплаты, выработкой в этой области новых методов, естественно, развивается и ростовщичество, существовавшее в течение всего средневековья, но теперь приобретающее невиданные ранее масштабы. При этом крупными ростовщическими операциями занимаются чаще всего не ростовщики-профессионалы, входящие в цех «Менял», а крупные ремесленники и купцы, стремящиеся извлечь выгоду из каждого флорина.¹²

В торговле, ремесле, ростовщичестве растет и округляется капитал и до того зажиточного горожанина. Он приобретает уверенность в себе, начинает с презрением относиться к представителям других слоев общества. Он стремится влиять на политическую жизнь родного города, перестроить ее так, как ему это кажется лучшим, имея в виду в первую очередь собственные выгоду и удобство. Это активное стремление является одной из основных черт, характеризующих все дальнейшее развитие Италии, но было бы глубоко ошибочным считать его единственной основой этого развития, изображать его только как продукт деятельности формирующихся и усиливающихся буржуазных элементов: феодальные элементы в Италии, особенно в южной ее части, никогда не были разгромлены полностью. Если им и приходилось терпеть поражения, то они умели притаиться, уйти в подполье, видоизменить свой облик, чтобы затем с переменной обстановки снова поднять свой голос. В то же время широкие народные массы, из рядов которых выходят многие из представителей зажиточной, буржуазной верхушки, также проявляют значительную, иногда исключительную активность. Правда, им не удается достигнуть сколько-нибудь длительных и прочных успехов, а за их кратковременными победами следуют обыкновенно периоды жестоких репрессий, но все же их роль в формировании и ходе дальнейших событий является весьма значительной.

Однако как ни значительна роль, которую с начала XIII в., а затем в течение двух следующих столетий играли представители феодального дворянства и широкие народные массы, все же ведущей фигурой уже с этого времени является фигура горожанина-богатея. Недаром в начале XIII столетия в своем письмовнике, названном «Подсвечник», болонский нотариус Бене ди Болонья пишет, устанавливая иерархический порядок приветственных обращений в письмах:

«Каждое лицо, когда оно пишет лицам, стоящим ниже себя, должно раньше ставить свое имя, например: император — королю, король — герцогу, герцог — князю, князь — маркизу, маркиз — графу, граф — барону, барон — вальвассору, вальвассор — рыцарю, рыцарь — купцу и любому человеку из народа или плебею... Но иногда случается, что даже бароны ставят раньше имена купцов, ибо сами они гуляют босыми и ходят пешком, купцы же разъезжают на колесницах и на конях, ибо святейшая в наши времена вещь — величие богатства».¹³

Так, вторя Оттону Фрейзингенскому, простодушный болонский нотариус с негодованием замечает, что под напором новой силы денег рушится установленный веками, освященный обычаем и церковью феодальный иерархический порядок.

§ 3. КУЛЬТУРА

Политическая история, особенности социального и экономического развития уже в середине XIII в. выделяют Италию на фоне всей остальной Европы как страну своеобразную и во многом передовую. Естественно было бы ожидать, что и в области культуры мы встретим в Италии ряд резко своеобразных черт. Это, однако, не вполне так. Культурный уровень Италии к середине XIII в. в общем незначительно отличается от уровня других европейских стран. Ведущей в это время является Франция со своими трубадурами, со своими эпическими поэмами, со своими фавлю, Парижским университетом и «дворами любви». Империя также стоит, пожалуй, впереди Италии в области культурного развития.

В Италии XIII в. мы найдем то же господство церкви, церковной, богословской идеологии, которое является основной чертой всей идеологической системы западного средневековья. Здесь мы встретим то же увлечение феодальной верхушки обществом изощренной, но абстрактной и искусственной поэзией трубадуров и труверов, которое охватывает весь Запад. Проникают сюда и бродячие по Европе эпические творения, рождающиеся во Франции. При этом как лирика, так и эпос переходят из Франции в Италию, не меняя своего языкового убора. Итальянские поэты, певцы, рассказывающие по городам и селам подвиги Роландов и Рено, пишут и говорят по-французски.

Однако если общий характер культуры Италии XII—XIII вв. близок к культуре остальной Западной Европы, то одновременно нужно отметить и некоторые черты этой культуры, которые, не являясь широко распространенными и не меняя общего характера культуры, все же весьма симптоматичны и чреваты серьезными последствиями. Эти своеобразные явления связаны в первую очередь с теми античными воспоминаниями, с теми памятниками культуры Древнего Рима, которые, естественно, сохранились на почве Италии в числе бесконечно большего, чем где бы то ни было в ином месте. Уже в начале XI в. хронист Радульф Глабер включает в свой незамысловатый рассказ сведения о некоем Вильгардусе, жителе Равенны, который «изучал грамматику более упорно, чем это обычно бывает, по примеру тех итальянцев, которые запускают все науки для литературы, будучи преисполнены гордыни и слабоумия». Этому,

по мнению автора, безумцу и безбожнику ночью являются дьяволы в образах Вергилия, Горация и Ювенала и поздравляют его за тщание, с которым он читает их творения и распространяет их среди потомства. Дьяволы обещают Вильгардусу славу, подобную их собственной.

«И вот этот человек, обманутый хитростью дьявольской, предерзостно осмелился распространять ученье, противоречащее святой вере. По его мнению, надлежит верить всем словам этих поэтов. Его судил и осудил Петр, епископ города. В то же время в Италии обнаружили множество людей, проповедующих это же смрадное учение, — они погибли от меча или огня».¹⁴

Вильгардус и его последователи — первые мученики за новую культуру, культуру, построенную на античности и сознательно, несмотря на все опасности, порывающую с культурой официальной, церковной. Такие люди рождаются на почве Италии, пропитанной античными воспоминаниями, в течение всего средневековья, но их немного, они гибнут на плахах и кострах и не добиваются того, чтобы их символ веры получил всеобщее распространение. Гораздо легче и шире распространяются новые идеи, не столь резко порывающие с общепринятыми взглядами, стремящиеся не отменить, а реформировать официальную церковную идеологическую систему.

Особенное влияние в этом направлении оказывает учение калабрийского монаха Иоахима Флорского (? — ок. 1202). В своих сочинениях, туманных и чисто религиозных по содержанию, получивших название «Вечное Евангелие», Иоахим доказывает, что вся история мира должна пройти через три стадии: время Бога-отца — период до рождения Христа, время Бога-сына — весь последующий период до 1260 г. и, наконец, время Духа Святого — с 1260 г., когда наступит всеобщее счастье, мир и братство, причем не только для богатых и сильных, а и для бедных, угнетенных. При всей своей чисто религиозной окраске учение Иоахима Флорского, апеллирующее к широким народным массам и поэтому необычайно быстро получающее среди них большое распространение, вызвало опасение у католической церкви, причислившей его к преследуемым ересям. Несмотря на это, иоахимизм продолжает распространяться и существует в том или ином виде до XV в.¹⁵

Иногда в связи с иоахимизмом, а иногда вне связи с ним в конце XII в. и в начале XIII в. на почве Италии появляется множество более или менее радикальных, более или менее распространенных еретических движений.¹⁶

Еще в первой половине XII в. философ и революционер, ученик Абельяра, Арнольд Брешианский (ок. 1100—1152) резко и решительно выступил против католической церкви, обвиняя ее в продажности, порочности, в отказе от евангельских идеалов.

«В Риме плата уже осилила справедливость, — проповедует Арнольд. — Плата уже заняла место справедливости, и злой порок из головы растекся

по всему телу. Все члены бегут за платой и хорошим даром. Все делается за плату. Божественное продают, а то, что не имеет цены, презируют...». Папа, глава католической церкви — «не муж апостольский и пастырь душ, а муж крови, покровительствующий пожарам и убийствам, мучитель церквей, гонитель невинности. Он ничего не делает, только пасет тело, да наполняет свои кошельки и опустошает чужие.. Не следует его слушать и почитать...»¹⁷

Смелая критика церкви, требование ее решительной перестройки находятся у Арнольда в тесной связи с требованием перестройки всей политической и социальной жизни Италии, с призывом к возврату к былому величию античного Рима — «священного города, владычицы мира, матери всех императоров».¹⁸

В учении и деятельности Арнольда Брешианского причудливо сплетаются самые различные, нередко противоположные элементы. Неожиданная для представителя городских попов, явно консервативная ненависть к новой, все растущей силе денег, силе новых капиталистических отношений сочетается с явно прогрессивным призывом к организации нового, народного государства, схоластическая аргументация — с преклонением перед величием Древнего Рима. Эта же пестрота и разнообразность характерна для всех религиозных движений, распространяющихся по Италии в конце XII — начале XIII в.

Арнольд погиб, казненный тем самым Фридрихом Рыжебородым, дядя которого, Оттон Фрейзингенский, с такой ненавистью отзывался о демократических свободах, царствующих в итальянских городах. Деятельность его вряд ли оказала особое влияние на идеологическое развитие Италии, но она весьма симптоматична и характерна.

Ереси катаров и вальденсов в Центральной и Северной Италии не носят того революционного характера, которым отличаются проповеди Арнольда. Еретики ограничиваются критикой католической церкви, стремятся в контрасте с ней организовать в городах и деревнях Италии общины, ведущие жизнь согласно требованиям Евангелия, причем в эти общины втягивается в первую очередь престолярное — крестьянство, городские низы и пр. Еретики создают особую иерархию, на верхней ступени которой находятся «перфекты», «совершенные», наиболее избранные и проверенные верующие, ведущие аскетическую жизнь странствующих проповедников, на нижней — народные массы, продолжающие свой нормальный образ жизни в миру и только содействующие «совершенным» в их деятельности.¹⁹

Но и не неся революционного характера, ереси «католических бедняков» и вальденсов способствуют распространению на почве Италии того настроения общего недовольства, критики всей системы жизни, того ощущения непрочности существующего порядка, которые столь характерны для конца XII в. Эти же настроения и ощущения особенно ярко отразились в рели-

гиозном движении, оказавшем немалое влияние не только на идейную, но и на экономическую жизнь Италии, в движении гумилиатов. Движение это, по-видимому, еще более умеренное, чем движение вальденсов, почти нигде не переросло в ересь; характерным же для него была организация не верхушки «совершенных», а организация народных масс — так называемых терциариев, членов «третьего ордена» (считая первым «совершенных» и вторым — промежуточную группу). Эти верующие гумилиаты должны были жить совместно, большими группами и, не отказываясь от мира, сообща заниматься единым ремеслом, в первую очередь «*lanae exercitium*» — изготовлением шерстяных тканей.

Руководствуясь словами апостола «кто не работает, тот не ест», гумилиаты организуют в ряде городов Италии крупные предприятия по выработке сукна, предприятия, резко отличающиеся от завещанных средневековым цеховым ремеслом маленьких кустарных мастерских, предприятия, объединяющие под единой крышей десятки, а иногда и сотни рабочих, впервые выдвигающие принцип разделения труда, являющиеся родоначальниками мануфактур капиталистического типа. Недаром устав ордена гумилиатов, хранящийся в Амброзианской библиотеке, дает в своих превосходных миниатюрах яркое и притом, по-видимому, старейшее изображение производственных процессов такой мануфактуры.²⁰

Если движение гумилиатов только изредка переходило в ересь и порывало с церковью, то другому движению, возникшему несколько позднее, суждено было стать оплотом церкви. Организатором и главой этого движения, оказывавшего влияние на всю Европу в течение последующих веков, был Франциск Ассизский. Сын богатого купца, выросший и воспитанный в городке Ассизи, Франциск в 1209 г. отказался от жизни в миру и, не принимая ни одного из рекомендуемых католической церковью средств спасения, разделяя свойственную еретикам критику церкви, он пошел по пути, напоминающему пути еретиков, но все же своеобразному. Он проповедует полный отказ от какой бы то ни было собственности; не сочувствуя пассивной бездеятельности католического монашества, он призывает к бродячей, проповеднической, активной жизни, ставя в центр внимания распространение истинной веры и смирения, смирения, покрывающего все страсти и пороки, свойственные человеку.

Вокруг Франциска скоро собирается значительная группа поклонников, а через несколько лет группа эта получает и оформление (1217 г.) в виде ордена «францисканцев», или «миноритов» (меньших братьев), как смиренно предпочитали называть себя ученики Франциска. Орден скоро становится довольно мощной силой, используемой католической церковью для укрепления своего положения, весьма шаткого уже в начале XIII в. Францисканцы — «терциарии», т. е. миряне, сочувствующие

францисканскому движению, заполняют села и города Италии, распространяя проповедь основателя ордена, расцветивая его образ всеми красками, свойственными народному воображению.

Франциск Ассизский умер в 1226 г., причем в последние годы своей жизни он отошел от руководства орденом, излишне официальный характер которого был непримирим с простой и глубокой религиозностью, вызвавшей к жизни движение. И этот отказ Франциска отнюдь не случаен: недаром в его сложном образе так своеобразно переплетаются черты чисто средневекового с чертами нового человека. Дошедшие до нас в чужой передаче писания и проповеди Франциска и особенно многочисленные его биографии, начиная от «Жития», написанного братом Челано, и кончая поэтическим сборником народных новелл о Франциске, составленным через ряд десятилетий после его смерти и известным под названием «Цветочки святого Франциска», рисуют нам образ человека, который умеет сочетать чисто аскетическую ненависть к соблазнам мирской жизни с нежной и трогательной, поистине «возрожденской» любовью к природе во всех ее проявлениях.

Так, при всем своем аскетизме, при всем своем презрении к плотским радостям, Франциск называет свое тело с нежностью и сочувствием: «брат мой осел»; так он обращается с проповедью к птицам, а его верный ученик Антоний — к рыбам; так он уговаривает свирепого волка, наводившего ужас на жителей Губбио, примириться с ними и вести тихую и скромную жизнь («Цветочки»), а одно из ранних жизнеописаний его сообщает, что Франциск мечтал убедить императора «издать особый закон, воспрещающий ловить или убивать или причинять зло братьям моим жаворонкам. И все правители и владельцы замков и городов должны были обязать всех людей в день Рождества рассыпать по дороге пшеницу и другие зерна, чтобы накормить братьев-жаворонков и других птиц в этот торжественный день...».

Тот же источник подробно и восторженно говорит о нежной любви Франциска к воде, камням, деревьям и особенно к цветам. «Он хотел, — пишет биограф, — чтобы брат-садовник устраивал в саду цветник и насаждал в нем душистые травы и прекрасные цветы, которые радовали бы всех. Ибо всякое создание говорит и восклицает: „Бог создал тебя ради тебя, человек“».

Оптимистическая и искренняя любовь к окружающей реальности как нельзя более ярко отражается в сообщаемом современниками «гимне брату солнцу», сочиненном Франциском:

Хвала тебе, Господи, и всем твоим созданиям,
В особенности брату солнцу,
Которое сияет и светит нам.
Оно прекрасно и лучезарно в своем великолепии
И тебя знаменует, Всевышний.

Хвала тебе, Господи, за сестру луну и за звезды:
Ты их создал на небе светлыми и драгоценными и
прекрасными.

Хвала тебе, Господи, за брата ветра,
 И за звезды, и за облака, и за всякую погоду,
 Которой ты поддерживаешь жизнь твоих созданий.
 Хвала тебе, Господи, за сестру воду:
 Она благотельна и смиренна, и драгоценна, и
 целомудренна.

Хвала тебе, Господи, за брата огня,
 Которым ты освещаешь ночь,
 И он прекрасен, радостен, могуч и силен.

Хвала тебе, Господи, за сестру нашу, мать землю,
 Которая нас поддерживает и питает,
 И производит различные плоды и прекрасные цветы
 и траву...²¹

Этот мощный гимн природе является как бы увертюрой ко всей идеологической системе будущего Возрождения, и мы неоднократно в последующем изложении будем встречать мотивы, напоминающие отдельные его элементы.²²

Проповедь и особенно образ Франциска Ассизского оказали громадное влияние на Италию XIII в., но наряду с этим влиянием мы видим и другие струи в идеологической жизни страны в это же время. Может быть, наиболее характерным было движение, охватившее всю Северную и Среднюю Италию в 1233 г. и известное под названием «Аллилуйя». Возникшее в период ожесточенной борьбы между папами и императором Фридрихом II и еще более кровавых распри социального характера, раздиравших все крупные города Италии, движение это провозгласило «мир и покаяние» как свои принципы. В деревнях и городах почти одновременно появились проповедники, призывавшие к прекращению всякой вражды. Стремление к покаянию с быстротой эпидемии распространялось по полуострову. Тысячи людей, одетых в белые покаянные одежды с зелеными ветвями и зажженными свечами в руках, бродили по Италии и восхваляли бога и мир, распевая на разные лады: «Аллилуйя, аллилуйя». Особенного размаха «Аллилуйя» достигла в Болонье и близких к ней городах, где проповедовал, а короткое время и управлял энергичный и восторженный проповедник Иоанн Виченцкий.²³

Движение «Аллилуйя» исчезло так же внезапно, как появилось, и не оставило сколько-нибудь заметных следов, но размах и быстрота его распространения свидетельствуют о глубоком беспокойстве, охватившем население Италии в середине XIII в., которое отразилось и в распространении ересей, и в возникновении францисканства, в беспокойстве, отражающем весьма серьезные политические, социальные и экономические сдвиги, происходящие в стране. Эти же сдвиги, наряду с упомянутыми выше и так пронизательно отмеченным Радульфом Глабером воскрешением пережитков античного мира, сказываются и на других сторонах культурной жизни Италии конца XII — начала XIII в.

Об итальянской литературе этого времени еще почти невозможно говорить. Она делает свои первые робкие шаги. Только в начале XIII в. вырисовываются четкие контуры итальянского литературного языка, и в это же время появляются первые произведения в прозе и стихах, в которых этот язык не пробирается случайно через оболочку языка латинского и французского, но применяется вполне сознательно. Произведения эти возникают на юге Италии, в первую очередь при сицилийском дворе императора Фридриха II, являвшемся вообще культурным центром Европы XIII в. Сам император, его сыновья Энцо и Манфред, его канцлер Пьетро делла Винья и ряд придворных поэтов — Якопо да Лентини, Гвидо делла Колонна, Руджери д'Амичи и другие пишут стихи на народном итальянском языке, причем применяют не местный, южноитальянский диалект, а специальный литературный язык, базирующийся на основе диалекта тосканского, уже к этому времени считавшегося наиболее чистым и благородным.²⁴

По своему содержанию и форме стихи этой сицилийской школы мало чем отличаются от стихов провансальских поэтов, многие из которых часто и подолгу гостили при дворе Фридриха II. Каноны, выработанные провансальскими трубадурами, и в Италии считались непререкаемыми законами поэтического искусства. Однако внимательный взгляд может заметить в этих нередко тусклых и бесцветных повторениях провансальских образцов и некоторые своеобразные черты. То там, то здесь проскальзывают живые, полнокровные выражения чувств и переживаний, прорывающих изысканное кружево провансальских канонов, стих становится короче, народнее, живее, преобладающими становятся более простые стихотворные формы, в первую очередь канцона — длинное стихотворение, состоящее из нескольких строф, и несколько позднее — сонет с его двумя четырехстрочными и двумя трехстрочными строфами. Во всех этих специфических особенностях поэтического языка сицилийской школы с несомненностью сказывается влияние народного творчества, никогда не угасавшего, но особенно развившегося, по-видимому, в бурные годы первой половины XIII в.

Это народное творчество известно нам не только из вторых рук — через свое воздействие на сицилийскую лирику. До нас дошло и некоторое количество произведений, по-видимому, непосредственно созданных народом. Первое место среди них занимает знаменитый поэтический спор между мужчиной, уговаривающим свою возлюбленную уступить его страсти, и этой возлюбленной, отвергающей домогательства своего кавалера. Спор этот (*contrasto*), начинающийся строкой «свежая и душистая роза» («*Rosa fresca aulentissima*»), раньше приписывался отдельным писателям, теперь же неоспоримо доказано, что это произведение — простое, выразительное, яркое, а местами и грубоватое — является результатом творчества того итальянского

народа, который выдвинул Франциска Ассизского и который тысячами ходил по дорогам страны с пением гимнов и возгласами: «Аллилуйя».

В литературе на народном языке мы видим черты новой жизни, постепенно проникающие через старую общefeодальную оболочку, но эта оболочка остается в полной мере нетронутой в сфере литературы на языке латинском и в первую очередь в области философско-богословской литературы. Здесь Италия не говорит еще в первой половине XIII в. своего слова, здесь ее писатели, богословы и философы ничем не отличаются от писателей схоластического типа, действующих в других странах. Недаром именно в первой половине XIII в. сформировались два богослова, являющиеся, может быть, наиболее характерными представителями поздней средневековой философии: мистический «серафический доктор» Бонавентура (1221—1274) и величайший из схоластов — Фома Аквинский (1227—1274). Однако расцвет деятельности этих писателей относится уже к следующему периоду, при рассмотрении которого мы на них и остановимся.

Несколько иначе обстоит дело в области науки. Здесь бурное развитие итальянских городов и еще более бурное обогащение их торгово-ремесленного населения вызывает настоятельную потребность в приемах, которые дали бы возможность быстро и безошибочно производить подсчеты, необходимые при развитой коммерческой деятельности. Ответом на эту потребность является написанная, по-видимому, приблизительно в 1200 г. «Книга о счете» («*Liber Abaci*») Леонардо Фибоначчи, или, как его чаще называют, Леонардо Пизанца, пизанского мореплавателя и торговца.

Широко используя математические достижения арабов и византийской науки, знакомый через их посредство с элементами античной математики, Леонардо излагает в своем сочинении все известные к его времени виды счисления, давая их теорию и облегчая их понимание рядом примеров. При этом он вносит много нового и весьма ценного в научный арсенал средневековья: решает задачи на сложные проценты, извлекает квадратные и кубические корни, решает определенные и неопределенные уравнения второй степени. Много нового и важного дает также другое сочинение Леонардо — «Геометрические упражнения» («*Practica Geomentriae*»), вводящие в европейский обиход бессмертные «Начала» Евклида и свидетельствующие о полном овладении автором сложным материалом греческой геометрии.

Сочинения Леонардо Пизанского, вызванные к жизни настоятельным требованием глубоко и быстро меняющейся итальянской действительности, начинают победоносное шествие новой науки, науки, связанной с практическими нуждами человека.²⁵

Если в области науки Италия XIII в. говорит свое новое слово, то не в меньшей, а, может быть, в еще большей степени

оригинальна она в области изобразительных искусств.

Здесь пережитки античных традиций, влияние многочисленных древнеримских памятников, разрушенных, не ценимых, но все же встречающихся на каждом шагу, не могло не сказываться весьма значительно. Влияла и многовековая связь с Византией (особенно в Южной и Центральной Италии), а также специфические физические особенности страны, ее южная, приморская природа. Уже в XII в. в Италии создаются произведения, резко отличающие ее от других стран. Особенно это сказывается в области архитектуры. Живописи в точном смысле слова в это время еще нет — ее заменяет мозаика, пестрая и церковная, выполняемая чаще всего византийскими мастерами и близкая к византийским образцам. Скульптура еще только ищет свой язык, только в отдельных случаях обнаруживая следы определенного античного влияния. Так, притолока портала церкви Сант Андреа в Пистойе, датируемая 1166 г., в гармоническом расположении заимствованных из античных рельефов фигур резко выделяется из ряда аналогичных работ романского стиля.^{26/}

Зато архитектура, навеянная бесчисленными римскими остатками и знойной синевой итальянского неба, уже в середине XII в. находит свой яркий и своеобразный язык. Приземистые, неуклюжие, малочлененные постройки с явными следами варварского формощущения, характерные для других стран Западной Европы, в это время сменяются в Италии постройками стройными, с гармоничным членением и явными следами непосредственного античного влияния. Блестящим примером этого поистине кружевного искусства является архитектурный комплекс собора в Пизе с его колокольной и баптистерием (крещальней); недаром на соборе красуется надпись его архитектора Бускета, гласящая: «Сей белоснежный мраморный храм не имеет соперников» («Non habet exemplum niveo de marmore templum»). Гармоническое сочетание объемов, стройные очертания, лес мраморных колонн, в своих деталях романских, но в сумме производящих впечатление чисто античное, делает собор в Пизе памятником единственным в своем роде и глубоко симптоматичным.

Однако если мы больше не встретим столь обширного комплекса, говорящего о победоносном продвижении нового искусства, то отдельные весьма характерные здания найдем во многих местах Италии — таковы фасад собора в Чивита Кастеллана с его легкими колоннами и чисто римской центральной аркой, таков двор монастыря св. Павла в Риме и ряд других построек. Чрезвычайно характерным для итальянского зодчества XII в. является так называемый инкрустационный стиль отделки фасадов: фасад покрывается мраморными плитами двух или большего количества цветов (чаще всего белого и черного), причем плиты эти образуют строгий и легкий геометрический рисунок,

с подчеркнутыми горизонтальными членениями и не менее подчеркнутыми стройными колоннами, арками и сводами, чисто античного характера. Прекрасными образцами этого рода являются постройки XII в.: церковь Сан Миниато аль Монте и баптистерий во Флоренции и небольшой, но исключительно гармоничный декор фасада бадии Фьезоле.

То же влияние специфически итальянского формоощущения найдем мы в многочисленных, нередко восходящих к X или XI вв., постройках Венеции. Их своеобразие определяется большим влиянием Востока, с которым Венеция находится в постоянной связи. Мраморный кружевной фасад Турецкого торгового двора (Fondaco dei Turchi), ныне Музея Коррер, восходящий к XI в.; богатый, пестрый, составленный из разнообразных элементов, фасад собора св. Марка, построенного между 976 и 1077 гг., — только отдельные, наиболее замечательные образцы той бурной строительной деятельности, которая превращает «город на лагунах» уже к началу XIII в. в один из красивейших городов Западной Европы.

Эти архитектурные памятники, легкие, гармоничные и своеобразные, высящиеся в разных местах Италии, в видимой форме говорят о внутренних процессах, миру не видимых, но неуклонно идущих в недра страны с XIII в., процессах, которые с небывалой интенсивностью развернутся в течение последующих трех столетий и создадут то неповторимое единство, которое известно как итальянское Возрождение.

ГЛАВА II

ПЕРИОД КОММУНАЛЬНОЙ БОРЬБЫ (1250—1320 гг.)

§ 1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ

Неаполитанское королевство

После смерти Фридриха II, который своей личностью и своими делами как бы заполнил всю Италию, отличительные особенности каждой из частей полуострова проявляются с большой четкостью. Юг — Сицилийское королевство,¹ являющееся в собственном смысле слова базой деятельности Фридриха, и после его гибели продолжает оставаться ареной ожесточенной борьбы пап и Гогенштауфенов, гвельфов и гибеллинов. Официальным наследником Фридриха и, следовательно, властителем как всей империи, так и юга Италии остался его 22-летний сын Конрад IV. Но так как Конрад находился в Германии, то фактическим хозяином юга Италии был его брат, незаконный сын Фридриха II — 18-летний Манфред, юноша красивый, энергичный и смелый, рыцарь и поэт, яркий представитель культурной традиции Салернского двора Гогенштауфенов.

Для папы Иннокентия IV (с 1243 по 1254 г.) исчезновение его наиболее грозного врага, естественно, послужило только сигналом к усилению борьбы с Гогенштауфенами, и он с величайшей энергией ведет ее на два фронта — против Конрада в Германии, где он выдвигает претендента Вильгельма Голландского, и против Манфреда — в Италии. Это приводит к объеди-

нению обоих сыновей Фридриха. Конрад IV с значительным войском совершает поход в Италию и при содействии гибеллинов, после ряда побед в октябре 1253 г., торжественно вступает в Неаполь, но вскоре неожиданно умирает, оставив 2-летнего сына Конрада, известного в истории под именем Конрадина (маленький Конрад). Управление Южной Италией окончательно переходит в руки Манфреда, который, продолжая традицию отца, ведет длительную борьбу с папством.

В ходе этой борьбы папы, стремясь окончательно избавиться от ненавистного врага, предлагают трон Сицилийского королевства кому попало: сыну английского короля Генриха III, брату французского короля Людовика IX. Этот последний — Карл, герцог Анжуйский — 40-летний авантюрист и честолюбец, обладатель весьма малого количества денег и громадных претензий, готов принять корону Южной Италии и править, опираясь на папу, на итальянских гвельфов и на общеизвестные планы своего брата — Людовика IX, установить французскую гегемонию в Средиземном море.

Однако и Манфред отнюдь не собирается сдаваться без боя, он провозглашает себя королем Сицилийским (1258 г.), группирует вокруг себя значительные массы итальянских гибеллинов, собирает большие германские и мусульманские силы.

Борьба, захватывающая не только юг Италии, но и весь полуостров и получающая значительные отголоски в других странах Западной Европы, вступила в решающую фазу, когда папский престол в 1261 г. занял француз Урбан IV, окончательно договорившийся с Карлом Анжуйским. Жена последнего — Беатриса Прованская — заложила свои драгоценности; гвельфские, в первую очередь сиенские и флорентийские, богачи предоставили крупные денежные субсидии, папа обещал всяческую помощь. Французский авантюрист, физически хилый, некрасивый, предпочитающий держать в своей жилистой руке не рыцарский меч, а кошель с золотыми флоринами, но хитрый, упорный и изворотливый готовился стать лицом к лицу с рыцарски смелым, воинственным, но несколько прямолинейным сыном Фридриха II. Казалось, две силы должны были померяться: сила уходящего в прошлое окутанного романтической дымкой рыцарства и сухая, жесткая, но имеющая перед собой будущее — сила денег. Исход был предreshен и не заставил себя ждать.

Весной 1265 г. Карл Анжуйский прибыл в Рим и получил из рук папы Климента IV (с 1265 по 1268 г.) сицилийскую корону как феода римской церкви. Фикция феодальной зависимости Южной Италии от папского Рима, созданная еще в XI в. при Григории VII и Роберте Гюискаре, снова приобретает политическую реальность.

26 февраля 1266 г. к северо-западу от города Беневент встретились в решающей битве войска гвельфов, ведомые Карлом, и гибеллинские силы, возглавленные Манфредом. Несмотря на

мужественное личное участие Манфреда в бою, несмотря на удачный для него первый натиск тяжело вооруженных немецких рыцарей, исход сражения решило то, что Карл, следивший за ним со стороны, в надлежащий момент ввел свежие резервы. Оставленный рядом своих сторонников и чувствуя неизбежность гибели, Манфред бросился в гущу сражения и погиб раньше, чем его войско было окончательно разгромлено.

Победа Карла Анжуйского при Беневенте сделала его хозяином юга Италии. С холодной жестокостью расправился он с семьей Манфреда и его сторонниками и при помощи богачей, субсидировавших его поход, в первую очередь опять-таки флорентийцев, принялся за упрочение своего господства на завоеванной территории. Однако уже первые шаги Карла Анжуйского в Италии, его резкость, неумение и нежелание разобраться в итальянской обстановке, кичливость и развязность французского, чисто феодального окружения очень скоро привели к консолидации против него всех гибеллинских сил, которые были еще достаточно могущественны. Силы эти собираются под знаменем подросткового внука Фридриха II — Конрадина, который, будучи немцем по крови и воспитанию, выдвигается гибеллинами как защитник национальной свободы и независимости Италии от французских захватчиков. Уже это двусмысленное положение ослабило шансы Конрадина на успех, да и самая идея империи, объединяющей под единым скипетром Германию и Италию, показала свою полную несостоятельность.

Осенью 1267 г. 15-летний Конрадин с довольно внушительным войском переходит через Альпы и начинает поход, встречающий восторженную поддержку со стороны гибеллинов. Обычные в ходе борьбы папские проклятия не останавливают его, и в июле 1268 г. он вступает в Рим, где гибеллински настроенная часть населения провозглашает его императором. 23 августа на берегу озера Фучино у местечка Тальякоццо войско Конрадина встречается с гвельфскими силами Карла Анжуйского. Значительное численное превосходство сначала дало было победу Конрадину, но затем, когда его войска увлеклись преследованием, Карл ввел в бой своевременно подготовленные резервы и добился полного разгрома врага. Конрадин с небольшой свитой бежал, скрывался у своих сторонников, но затем был предан одним из них и попал в руки Карла. Пособники последнего Гогенштауфена были подвергнуты жестоким пыткам и казнены, а сам он после суда по обвинению в измене также сложил голову на эшафоте 29 октября 1268 г.

Вместе с Конрадином сошли в могилу не только династия Штауфенов, но и самый принцип Германо-Итальянской империи. Все попытки последующих императоров воскресить этот принцип будут носить жалкий характер. Италия, наконец, надолго избавилась от кровавого кошмара германского владычества, и с этим в большой степени связан тот бурный расцвет,

который с тех пор начался в значительной части полуострова, в значительной части, но не на всей его территории. Исключение составляет именно та его южная часть, которая являлась ареной вышеизложенных событий.

Карл Анжуйский, честолюбивый, энергичный и предприимчивый, хотя и избавился от последнего серьезного конкурента, не обладал, однако, достаточными силами для осуществления своих замыслов. А замыслы эти были исключительно грандиозными. Как властитель крупнейшего из итальянских государств, он стремился подчинить себе весь полуостров. Он был избран сенатором (глава светского управления) города Рима, назначен папой имперским викарием в Тоскане, получил титул государя ряда городов Ломбардии, завязал связи с Пьемонтом. Правда, не все эти громкие титулы были одинаково подкреплены реальной властью и не всегда признавались на месте, но они все давали основания для надежд и планов.

Вне Италии Карл ведет политику, связанную со стремлением Людовика IX установить французскую гегемонию в Средиземном море. Он активно участвует в крестовом походе в Тунис, а после смерти своего брата (1270 г.) остается во главе войск и добивается весьма выгодных для себя условий мира. Он поддерживает политические претензии Балдуина II, недавно изгнанного из Константинополя императора прекратившей в 1261 г. свое существование Латинской империи, получает от него обещание ряда территориальных уступок и выдает свою дочь за наследника Балдуина, рассчитывая протянуть руку и к самому императорскому венцу.

Для осуществления всех этих грандиозных планов нужны войска и нужны деньги, но ни того, ни другого у анжуйца в достаточном количестве нет. Ему приходится для привлечения на свою сторону феодальной знати, для удержания ее в подчинении давать ей значительные привилегии, дарить и уступать земли, и это скоро превращает южноитальянских баронов в самостоятельных государей малого масштаба, корошков (*reguli*), как их называют. Это приводит к результатам, противоположным тем, к которым стремился король.

Стремясь упрочить свое положение в королевстве и в то же время порвать с штауфеновской традицией, Карл переводит столицу из Палермо в Неаполь, ослабляет значение городской коммуны (*Universitas civium*) и в противовес усилению баронов королевства широко наделяет привилегиями ведущую верхушку города, так называемых седжи, или седили, становящихся опорой трона и своей жестокой эксплуатацией разоряющих город. Опубликованные в 1283 г. Постановления св. Мартина (*Capitoli di S. Martino*) дают такие привилегии знати, что происходит восстание пополанов, добивающихся некоторого их смягчения. В сохранившейся росписи налога, взимавшегося в Неаполе в 1301 г., из 692 унций, собранных со всего города,

450 унций внесли районы (platee), населенные исключительно пополанами, 170 унций — районы, населенные преимущественно пополанами, и только 72 унции — районы, населенные знатью.

Но внутривполитические маневры недостаточны для того, чтобы разрешить финансовую проблему нового королевства. Уже приступая к захвату его, Карл залез в серьезные долги. Гвельфские, в первую очередь флорентийские, богачи оказали ему поддержку отнюдь не бескорыстно. А в дальнейшем нужны были и новые средства и средства для уплаты старых долгов. Вводятся новые и усиленно собираются старые налоги, вводятся королевские монополии, в первую очередь монополия на хлеб, дающая королевской администрации возможность широко спекулировать на ценах, делающих громадные скачки и разоряющих население. В течение первых нескольких лет правления Карла стоимость хлеба повышается в 2—3 раза. Между 1250 и 1260 гг. сто «сапте» пшеницы стоили 15—25 унций, в 1269 г. зарегистрирована уже цена 53 унции 20 таренов за то же количество, а в 1270 г. цена подымается до 75—80 унций, чтобы затем резко упасть.²

Но ни налоги, ни монополии и спекуляция не дают новому правительству возможности расплатиться с долгами, освободиться от тяжелого гнета кредиторов; последним приходится давать политические и экономические подачки: венецианцы становятся хозяевами в Апулии, где их консулы получают право суда, где созданы специальные базы венецианского флота. Значительно влияние венецианских торговых предприятий и на остальной территории королевства. Но еще больше права и привилегии получают фирмы флорентийские. Торгово-банкирские дома Фрескобальди, Барди, Перуцци, Бонакорсо открывают филиалы на территории Неаполитанского королевства, получают право беспощинной торговли, постоянно предоставляют королю и его приближенным значительные ссуды и тем еще более запутывают королевские финансы. Многие из флорентийцев за свои «услуги» получают крупные государственные должности. Так, флорентийский посол Райнери Буондельмонти не только записан в число седжи Неаполя, но и получает почетный и выгодный пост «великого юстициария» города Бари. Предприимчивые и нахальные авантюристы, приезжающие из Флоренции без гроша в кармане, быстро делают карьеру, наживаются, входят в руководящие круги неаполитанского общества. Таков ловкий и красивый Бартоломео Аччайуоли, продающий неаполитанским дамам перья и прочие безделушки и тем начинающий бурную и, пожалуй, беспрецедентную карьеру своего рода. Флорентийцы прямо-таки колонизируют юг Италии.

Это засилие иностранцев разных толков, от французских баронов до флорентийских купцов, приводит к глубокому упадку экономику страны, уже до того сильно поколебленную многолетними междоусобиями. Естественно, что население, смотря

щее на новую власть, как на власть иноземную, ропщет, недовольно, готово на любые рискованные предприятия, чтобы избавиться от нее. Недовольные видели своего естественного вожда в лице короля Педро Арагонского, мужа дочери погибшего сына Фридриха II — Манфреда. Педро был человеком энергичным и предприимчивым, соперником французских королей в претензиях на господство в Средиземном море. Главным организатором сопротивления анжуйцам становится образованный и смелый врач сицилиец Джованни да Прочида, известный гибеллин, бежавший после битвы при Тальякоццо в Испанию; правой рукой Джованни является уроженец Калабрии Руджеро Лориа — талантливый мореплаватель, затем приобретший славу лучшего моряка своего времени.

Восстание, известное в истории под названием «Сицилийская вечерня» (*Vespro Siciliano*), вспыхнуло 21 марта 1282 г. в Палермо, потерявшем свою роль политического центра государства. Поводом послужил незначительный сам по себе эпизод: французский воин оскорбил местную женщину, но атмосфера была настолько накалена, что этой искры оказалось достаточно. Французский гарнизон Палермо был вырезан. С быстротой пожара восстание распространилось по всей Сицилии. Восставшие города объединились и пригласили королем Педро Арагонского, по-видимому, участвовавшего в подготовке восстания. Как раз в это время подготовлявший поход в Тунис Педро, для которого захват Северной Африки так же, как и интриги в Сицилии, были частями большого плана средиземноморской политики, отплыл с войсками в Африку, но так как начало похода не обещало ничего хорошего, то уже 30 августа он высадился в Сицилии и, гарантировав населению старые вольности, принял власть над нею.

Потеря Сицилии была тяжелым ударом для Карла Анжуйского. Остров являлся продовольственной, в первую очередь зерновой, базой королевства. С его утратой окончательно нарушалось и без того неустойчивое равновесие в экономике страны. Аччайуоли ссужают королю 15 тыс. унций, сын и наследник анжуйца Карл II Хромой отправляется во Францию за войском, собирает 22 тыс. всадников, 60 тыс. пехотинцев, 200 военных кораблей и начинает военные действия против арагонца; папа Мартин III, креатура французов, обрушивает на головы узурпаторов церковные отлучения и проклятия, но все это не приводит к цели: Сицилия остается безнадежно потерянной. 3 июня 1283 г. анжуйский флот был наголову разбит и разгромлен испано-сицилийским флотом под командованием Руджеро Лориа, а через год — 5 июня 1284 г. — попал в плен к врагу сам Карл Хромой. Началась длинная безрезультатная война, конца которой не суждено было увидеть Карлу I — он скончался 7 января 1285 г. Только через 3 года Карл II Хромой освободился из плена и вступил на престол, возобновив борьбу за Сицилию.

которую он будет вести в течение значительной части своего царствования (умер в 1309 г.). После смерти Педро Арагонского в 1285 г. Сицилия отделилась от Арагона, перейдя к его младшему сыну, что усложнило положение, так как война теперь идет не только между анжуйцами и Арагоном, но и между анжуйцами и Сицилией и Сицилией и Арагоном.

Война прекратилась только в 1302 г., когда в Кальтабеллотте был заключен мир, согласно которому Сицилия оставалась временно в руках Арагонской династии, но должна была вернуться к анжуйцам в результате брака сицилийского короля Федерико и дочери Карла II. Неаполитанское королевство таким образом на неопределенное время примирилось с потерей ценнейшей своей части, так же как оно примирилось со все растущим упадком, который оно переживает с конца XIII в. Однако, несмотря на этот упадок, Карл II не оставлял честолюбивых замыслов, особенно по отношению к Востоку. Старший сын его от брака с дочерью венгерского короля Марией — Карл Мартелл в 1290 г. предъявляет претензии на венгерский престол, с 1310 г. закрепляющийся на столетие за анжуйцами в лице сына Карла Мартелла — Карла Роберта. Связи с Венгрией создают некоторые предпосылки для надежд на укрепление владычества Неаполя в юго-восточной части Европы. Однако надеждам этим так и не суждено было осуществиться.

Папская область

Для папского Рима смерть Фридриха II была событием колоссальной важности, являлась большой политической удачей.³ Но не только папы стремились воспользоваться той свободой, которая воцарилась в Италии после гибели могучего Штауфена, не в меньшей мере воспользовались ею городские коммуны, привыкшие смотреть на германских императоров, как на своих исконных врагов. Коммуна города Рима, ведшая в течение всего XII — начала XIII в. глухую, почти не утихающую борьбу с папами, также воспользовалась новой обстановкой. Прежде (по естественным причинам) Римская коммуна, ведшая борьбу с главой гвельфизма — папой, нередко придерживалась гибеллинской ориентации, но и это не меняло положения.

В 1252 г. Римскую коммуну возглавил сенатор (этот титул стал обычным с начала XIII в.) болонец и гибеллин Бранкалеоне д'Андоло. Несмотря на решительное сопротивление баронов, которые в Риме, как и в других городах, стремились к ослаблению коммунальной власти, Бранкалеоне крепко и решительно берет бразды правления в свои руки, сводит на нет папскую власть в городе и устанавливает в нем систему управления, заимствованную частично у других итальянских коммун, но имеющую и специфически римские черты. В то время как исполнительная власть целиком находится в руках сенатора (характерно для Рима), законодательная составляет функцию двух

советов — Малого и Большого (*consilium generale et speciale*), что обычно для всех коммун.

Выросший в пополанской Болонье Бранкалеоне прекрасно понимал, что светская коммуна может длительно существовать, только опираясь на те социальные слои, которые в других городах создали коммуны: на цеховых торговцев, банкиров, ремесленников. Поэтому он, ведя решительную и нередко кровавую борьбу со знатью, усиленно заботился о развитии и укреплении цехов, которые в Риме владели жалкое существование.

В 1254 г. усилившаяся пополанская часть римского населения наградила своего покровителя обычным для североитальянских городов титулом народного капитана (*capitano del popolo*). С этого времени Бранкалеоне официально называет себя сенатором славного города и капитаном римского народа.

Однако как ни стремился энергичный болонец укрепить коммунальные порядки в Риме, предприятие его было обречено на неудачу. Слишком слабы были в папской столице торгово-ремесленные слои населения, слишком могущественны бароны, земли и замки которых окружали город враждебным кольцом, слишком тесно был город связан с папским престолом. И как только папа (Александр IV) и кардиналы, напуганные успехами Бранкалеоне, объединились в своей борьбе против него с баронами, его судьба была решена. В ноябре 1255 г. он был смещен и заключен в темницу и остался в живых только благодаря тому, что заблаговременно взял заложников в крупнейших баронских семьях. Однако успехи кратковременного правления Бранкалеоне были столь значительными, что уже через полтора года, весной 1257 г., народ снова вручил ему управление Римом. Не обращая внимания на отлучение от церкви, которое на него обрушивает папа Александр IV, Бранкалеоне сразу же принимает ряд карательных мер по отношению к знати. Он систематически уничтожает высокие башни-крепости, часто выстроенные из остатков античных зданий, в которых живут в Риме бароны, изгоняет последних из римских владений, конфискует имущество, предает казни.

Казалось, мир и благоденствие наступают для многострадального Рима, когда в 1258 г. Бранкалеоне неожиданно умирает, оставив яркий след в воспоминаниях римского народа, но не изменив хода истории «вечного города».

Некоторое время после его смерти пополанская коммуна продолжает существовать, но вскоре (1259 г.) папский двор и бароны возвращают себе былое влияние. Два сенатора, возглавляющие светскую власть в городе, являются обыкновенно представителями знатных семейств, чаще всего Колонна и Орсини, коммунальные учреждения продолжают существовать только формально.

Дальнейшая история Рима в течение второй половины XIII в. есть история беспрерывной и монотонной борьбы сменяю-

щих друг друга пап за господство в Италии: Урбан IV (1261—1264), Климент IV (1265—1268), Григорий X (1271—1276), Иннокентий V (1276), Адриан VI (1276), Иоанн XXI (1276—1277), Николай III (1276—1280), Мартин IV (1281—1285), Гонорий IV (1285—1287), Николай IV (1287—1292). Основным объектом этой борьбы являлось Неаполитанское королевство (историю которого мы уже рассмотрели), поэтому ссоры и примирения с Карлом I и с Карлом II Анжуйским, интриги с ними и против них занимают центральное место в римской политике этого периода. Поскольку же Неаполитанское королевство анжуйцев было теснейшим образом связано с Францией, постольку отношения с Францией также оказывают большое влияние на судьбы папского Рима, который французские короли, как ранее германские императоры, стремятся подчинить своему влиянию.

В течение этого полустолетия пополанские элементы Рима, упорно вспоминающие времена Бранкалеоне, несколько раз пытаются восстановить реальную власть коммун (при народном капитане Анджелло Капоччи в 1267 г., при народном капитане Джованни Чинтии Малабранка в 1284 г.). Однако эти попытки оказываются и менее длительными и менее серьезными, чем попытка Бранкалеоне, и положение в Риме остается неизменным.

Некоторое влияние на дальнейшие судьбы папской столицы имеет избирательный закон, или закон о конклаве, проведенный папой Григорием X в 1274 г. По этому закону выборы нового папы должны происходить не позже, чем через 10 дней после смерти предыдущего. Кардиналы, каждый не более чем с одним слугой, должны собраться в одной из комнат дворца, где жил покойный. Все входы этой комнаты замуровываются, оставляется открытым только небольшое окно для передачи пищи. Если в течение 3 дней не достигается единогласное избрание папы, то в течение следующих 5 дней кардиналам дают есть только по одной миске на обед и ужин, если же и этот срок не дает результатов, то они переводятся на хлеб, вино и воду. Всякое сообщение с внешним миром во время хода выборов запрещено под страхом отлучения.

Этот закон, имевший целью обеспечить независимость избрания папы, существовал затем в течение веков, однако далеко не всегда достигая поставленной цели.

Это достаточно ясно обнаружилось при папских выборах 1292—1294 гг. и в ходе последующих событий. После смерти Николая IV в 1292 г. раздоры между всеми 12 имевшимися налицо кардиналами были столь значительными, что в течение 2 лет папу не удавалось избрать. Наконец, 5 июля 1294 г. был избран папа, какого еще не видели в Ватикане. Это был старый отшельник, сын крестьянина и сам по складу своего ума крестьянин — Петр с горы Мурроне. Живя в пещере в горах у Сульмоны, Петр был далек от мирских дел; находясь под влиянием

еретических идей, он стремился вести евангелическую жизнь и добился того, что его слава святого широко распространилась по Италии. Этого-то человека, совершенно не умевшего и не хотевшего разбираться в сложнейшей церковной и политической ситуации, и избрали кардиналы, утомленные длительной избирательной кампанией.

Понятно, что, попав на папский престол, где он принял имя Целестина V, Петр совершенно растерялся и не смог сохранить надлежащей независимости. Он целиком подпал под влияние Карла II Неаполитанского, который под благовидным предлогом перевез его в свою столицу, где держал в почетном заключении. Это положение, а также сложные обязанности, связанные с папской тиарой, тяжелым бременем легли на плечи простого и глубоко религиозного человека, и он, тяготясь своим положением, уже 13 декабря 1294 г. отрекся от престола (первый случай в истории папства). Радостный и свободный вернулся Целестин, снова ставший Петром, в свои годы, где ему суждено было, однако, прожить недолго. Его настигла жестокая рука его преемника.

Уже современники рассказывали, что в немногие дни пребывания папы Целестина V в Неаполе опытные и энергичные кардиналы, рассматривавшие этот понтификат как передышку, плели вокруг него сеть интриг. Говорили, что самый видный из этих кардиналов — знатный, богатый и честолюбивый Бенедикт Гаэтани по ночам из соседней комнаты через рупор внушал несчастному и доверчивому папе идею отречения. Во всяком случае, после отречения Целестина именно кардинал Гаэтани оказался наиболее бесспорным кандидатом на папский престол и был избран, приняв имя Бонифация VIII.

Род Гаэтани — одна из ветвей рода Орсини — и до Бонифация занимал видное положение в Римской области. Теперь же папа стремится сделать его господствующим здесь и начинает сразу же после своего избрания ожесточенную борьбу с другими знатными римскими родами, в первую очередь с ненавистным всем Орсини родом Колонна.

Чисто семейная политика нового папы, которая затем получит широкое распространение в Риме под названием «непотизм» (покровительство племянникам — непотам), совмещалась у Бонифация VIII с чрезвычайно высоким, к концу XIII в. уже явно устарелым представлением о величии папской власти.

Как в личной, так и в духовной сфере Бонифацию удастся достичь немалых успехов. Вступив в открытую борьбу с родом Колонна, отлучив его от церкви (1297 г.) и даже организовав против него крестовый поход, папа после длительной осады захватывает и разрушает твердыню этого рода — замок Палестрину (1298 г.), что принуждает всех видных Колонна бежать за границу, где они усиленно интригуют против ненавистного папы.

Укрепляя всеми доступными ему средствами папский авто-

ритет, подчиняя непокорные города в Лациуме, стремясь играть активную и притом ведущую роль в международной политике, Бонифаций обращал особое внимание на укрепление экономических позиций престола св. Петра, на поднятие его уже значительно пошатнувшегося идейного авторитета. Именно эти две цели преследует папа, издавая 22 февраля 1300 г. буллу о праздновании юбилея. Сама идея юбилея заимствована у античного Рима, который с большой торжественностью праздновал каждую столетнюю годовщину своего основания.

В конце XIII в. воспоминания о былом величии Рима получают большое распространение, и в то же время усиливается волна паломничества в Рим, единственный после крушения крестовых походов священный город западного христианства. Объединяя оба эти стремления, папа объявляет каждый кратный ста год с рождения Христова юбилейным и обещает всем, прибывающим в течение этого года в Рим и посещающим базилики св. Петра и Павла и другие римские святыни в течение 15 дней (для римлян — 30 дней), полное отпущение грехов.

Нововведение имело исключительный успех. Современники сообщают, что каждый день в Рим приходило 30 тыс. паломников и 200 тыс. их находилось в нем. Торговля продуктами питания, реликвиями шла в невиданных размерах. Деньги буквально текли в церковную казну рекой, что значительно укрепляло положение папского престола.

Однако ни энергичная и удачная внутренняя политика Бонифация VIII, ни его не менее удачная финансовая деятельность не могли вернуть папству то первенствующее положение в Европе, которое оно занимало хотя бы столетием раньше при Иннокентии III. Времена изменились, мировая роль папства была сыграна. Это сказалось в конфликте между Бонифацием VIII и французским королем Филиппом IV Красивым. Папа, попытавшийся заговорить тоном Иннокентия III с могущественным властителем Франции, был разбит политически, унижен (знаменитая пощечина в Ананьи, куда проникли посланец Филиппа IV канцлер Ногаре и ожесточенный враг папы Шарра Колонна) и умер 11 октября 1303 г.

Из конфликта с Францией папство вышло глубоко надломленным. Избранный затем Бенедикт XI (с 1303 по 1304 г.) пытался найти пути для компромиссного улаживания спора; сменивший же его Климент V (с 1305 по 1314 г.), француз по происхождению, ставленник Филиппа IV, окончательно стал орудием в руках французского короля, по распоряжению которого он перенес папскую резиденцию во Францию — сначала в Лион, затем в Бордо и, наконец, в Авиньон, формально принадлежавший неаполитанским анжуйцам.

В Авиньоне папы остались на ряд десятилетий.

Оказавшись без духовного и светского главы, лишенный

основного источника своих доходов, Рим вступил в период анархии и упадка.

«Авиньонское», или, как его часто называли уже современники, «вавилонское» пленение пап, ставших узниками французских королей, казалось бы, окончательно ликвидировало многовековую борьбу между империей и папством.

Однако избранный в 1308 г. новый германский король Генрих VII Люксембургский не считал эту борьбу законченной. Наоборот, этот честолюбивый и энергичный правитель мечтал, воспользовавшись явным ослаблением папства, осуществить, наконец, гибеллинскую идею, поднять скипетр, выпавший из рук погибших в борьбе Гогенштауфенов, вновь подчинить Италию империи. Поздней осенью 1310 г. с небольшим войском, но с надеждой на поддержку итальянских гибеллинов Генрих VII начинает свой поход в Италию.

7 мая 1312 г. Генрих торжественно вступает в Рим и 29 июня того же года коронуется здесь императорской короной. Коронация происходит вопреки традициям не в соборе св. Петра, занятом противниками императора, а в Латеране, и не папа проводит церемонию, а два кардинала, действующие под нажимом римского народа.

Казалось, что снова в Италии появился сильный и властный император, который восстановит положение гибеллинов, разгромит гвельфов и обеспечит мир и спокойствие под эгидой Германской империи. Однако эти надежды, которые питал среди многих других и такой замечательный человек, как Данте, не могли осуществиться и не осуществились. Идеал империи как базы для объединения Италии с Германией уже давно показал свою полную несостоятельность. Разница политических, национальных, экономических и социальных характеристик обеих стран была к началу XIV в. слишком разительной, чтобы любой, сколь угодно энергичный монарх мог ее преодолеть. Не смог этого сделать и Генрих VII.

24 августа 1313 г. в разгаре своей борьбы за Италию император скоропостижно скончался, возможно, отравленный своими врагами — гвельфами, и его смерть разрушила, как карточный домик, его эфемерное предприятие — последнюю на века серьезную попытку подчинить Италию Германии.

Ожесточенная борьба, которую во второй половине XIII в. папство ведет за упрочение своей власти в области, непосредственно примыкающей к Риму, составляющей район его бесспорного влияния, приводила к ослаблению этого влияния в районах, отдаленных от Рима. Падение в 1259 г. гибеллинского вождя Эццелино да Романо, стремившегося подчинить своей власти всю Северную Италию, не пошло на пользу папству, не имевшему достаточных сил, чтобы утвердить свое господство в северной и восточной частях Патримония — Романье и Анконской марке. Крупнейший центр Романьи — город Болонья сохра-

нил коммунальную самостоятельность и подобно соседним тосканским городам-коммунам переживал период ожесточенной социальной борьбы.⁴

Уже в 1228 г. пополаны добились здесь включения в законодательные органы (Большой и Малый совет) старшин цехов (анцианов), которые постепенно приобретают все большую власть и стремятся сосредоточить в своих руках все управление республикой, что им в значительной мере удается в 1245 г., когда новая конституция формирует правительство из равного числа представителей четырех кварталов города. Каждый из этих кварталов выдвигает по 3 анциана, являющихся представителями пополанов, и эта коллегия из 12 старейшин, избираемых на три месяца, в течение которых они живут безвыходно в особом дворце рядом с дворцом коммуны, становится реальной властью в республике. В 1253 г. вводится должность народного капитана, избираемого на год из числа иностранцев: официально возглавляющего пополанскую коммуну, созывающего совет анцианов, ведущего переговоры о войне и мире и таким образом оттесняющего на второй план подеста как главу старой, феодальной коммуны. Так к 50-м годам XIII в. в Болонье Малая коммуна не только становится рядом с Большой, но в значительной степени над ней.

При этом, как это часто бывало и в других городах, борьба между пополанами и грандами переплетается с борьбой между гвельфами и гибеллинами, а также и между отдельными родами грандов; как обычно, гвельфы поддерживают пополанов, в то время как гибеллины составляют костяк партии грандов. А так как во главе партии гвельфов стояло семейство Джереми, а гибеллины возглавлялись родом Ламбертацци, то ожесточенная социальная и политическая борьба, происходящая в Болонье во второй половине XIII в., нередко выступает в источниках как борьба между двумя феодальными родами.

В 1256 г. пополаны одерживают серьезную победу над грандами и проводят новую конституцию, согласно которой власть совета анцианов была значительно усилена. Анцианы в количестве 14 человек, являющиеся теперь представителями цехов и районных пополанских «общин по оружию» (*società d'armi*), избираются на месяц и являются единственными представителями высшей власти. Должность народного капитана ликвидируется. Единственным главою исполнительной власти снова становится подеста, но последний избирается теперь (как ранее) из числа иностранцев пополанскими представителями кварталов города и в своих действиях строго ограничен пополанскими организациями.

Но, что особенно важно, конституция 1256 г. лишала феодалов политических прав вплоть до права участия в Большом совете, если только они не вступили предварительно в один из цехов или в одну из «общин по оружию».

Эта замечательная конституция означала полную победу пополанских элементов Болоньи и явилась образцом для ряда аналогичных законодательных актов в других коммунах Италии, и в первую очередь для Флоренции.

Правда, знать, гибеллины и их вожди из семейства Ламбертацци не были намерены примириться со своим поражением, они продолжали борьбу, но в 1274 г. после кратковременного успеха были разбиты наголову и изгнаны из города. Современники утверждают, что свыше 10 тыс. болонцев покинули родные стены, дома их были разрушены, имущество конфисковано, после чего Болонья осталась на ряд лет оплотом пополанского гвельфизма.

Если Болонья являлась ареной ожесточенной классовой борьбы, то ряд других городов Патримония подпал под власть отдельных феодальных родов, которые установили в них наследственные тираннии. Так, в Ферраре воцарились маркизы д'Эсте, в Римини — Малатеста, в Урбино — графы Монтефельтро, и хотя папство отнюдь не хотело отказываться от своей власти над этими территориями, фактически власть эта была совершенно номинальной.

Тоскана

Если для юга Италии и для Папского государства смерть Фридриха II и уничтожение реальной власти германских императоров над Италией имели громадное значение, то, может быть, еще большую роль сыграли эти события для Тосканы. Именно здесь находился в XIII в. социальный, экономический и политический центр гвельфизма, ведущего борьбу не на жизнь, а на смерть с Империей и поддерживающим ее гибеллинизмом. Именно здесь находились наиболее богатые, быстро расцветающие города-коммуны — Сиена, Лукка, Пиза и Флоренция. Все эти и ряд других более мелких городов стремились любыми средствами превратиться в самостоятельные, обладающие более или менее значительной окрестной территорией государства, все они вели ожесточенную борьбу со своими соседями, причем в этой борьбе широко использовали лозунги гибеллизма и гвельфизма. Так, если Флоренция почти непрерывно придерживается гвельфской ориентации и является одним из столпов гвельфизма, то ее соседка и соперница Пиза почти всегда логикой борьбы оказывается отброшенной в гибеллинский лагерь.

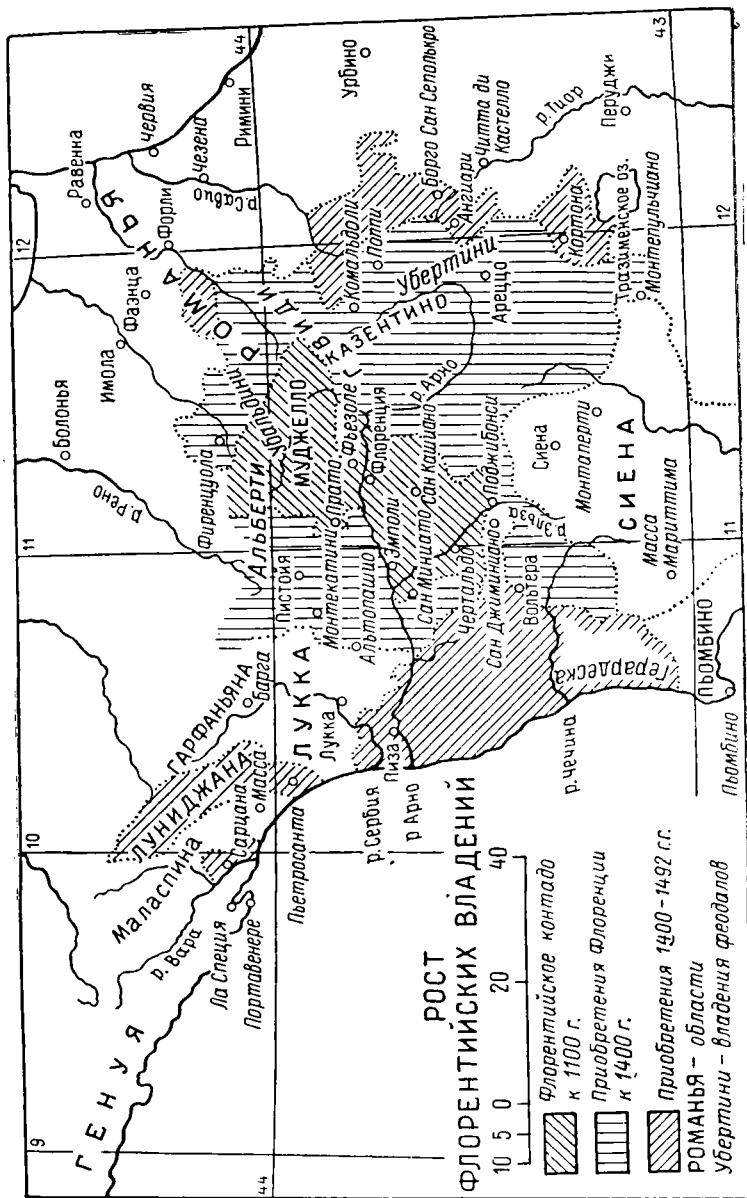
В то же время во всех тосканских городах-коммунах в течение второй половины XIII в. идет непрерывная социальная борьба между слабеющим феодальным дворянством и богатеющим, забирающим в руки власть городских «пополо». Борьба эта в разных городах проходит через разные фазы, но в Тоскане всюду приводит к победе пополанов. Так, в Сиене «пополо»

окончательно захватывает власть в 1277 г., во Флоренции — в 1282 и т. д.

Наиболее крупными и значительными из числа тосканских городов были глубоко различные по своему историческому пути, географическому положению и своему облику Пиза и Флоренция.

Пиза — один из старейших и богатейших городских центров Италии, город-порт, расположенный в устье реки Арно и ведущий уже с XI в. оживленную торговлю по Средиземному морю, — к XIII в. находилась в апогее своей славы.⁵ Нажившись наряду с Венецией и Генуей на крестовых походах, Пиза вела постоянную борьбу с обоими названными своими конкурентами. Особенное значение имела борьба с Генуей, расположенной на побережье того же Тирренского моря. В то же время с начала XIII столетия серьезная опасность угрожает морской республике со стороны ее сухопутной соседки — быстро расцветающей Флоренции, которая жадными глазами смотрит на город, владеющий устьем Арно, на среднем течении которого она стоит.

Эта постоянная борьба на два фронта — против Генуи на море и против Флоренции на суше — определяет собой историю Пизы в XIII в. Во время войны между Гогенштауфенами и папами Пиза, в противоположность Флоренции, обычно находится в имперском лагере, лагере гибеллинов, надеясь при помощи имперского оружия победить становящуюся более могущественной соседку. Но после гибели Фридриха II эта надежда становится все более эфемерной, а борьба с Генуей идет все более неудачно для Пизы. Особой остроты борьба двух приморских городов достигла между 1282 и 1284 гг. После того как в феврале 1281 г. Генуя заключила тесный союз с Флоренцией, обе республики готовились с громадной затратой сил и средств к столкновению с Пизой. Решительная битва произошла в августе 1284 г. при Мелории, острове, лежащем несколько южнее устья Арно. Командующий генуэзским флотом Оберто Дориа спрятал третью часть своих кораблей за островом и ввел их в бой в решающий момент схватки. Пизанские корабли были частью потоплены, частью захвачены, и только незначительному их числу удалось спастись бегством. Сам командующий пизанским флотом венецианец Альберто Морозини сдался в плен неприятелю, командующий частью пизанского флота граф Уголино делла Герардеска бежал с несколькими кораблями. В морских волнах погибло свыше 5 тыс. пизанцев, свыше 9 тыс. попало в плен к неприятелю. Пиза оказалась лишенной значительной части своего мужского населения. В Италии тех дней говорили: «Хочешь видеть Пизу, поезжай в Геную». Действительно, число пизанских пленных в Генуе было так велико, что они образовали здесь свое сообщество «пленных пизанцев, находящихся в Генуе» (*universitas carceratorum Pisanorum Janue detentorum*).⁶

Қапта 2

Поражение при Мелории оказалось решающим переломным пунктом в истории Пизы, которая никогда уже не оправилась от удара и вскоре потеряла свое торговое и морское значение. Исконные враги Пизы, Генуя — с моря и Флоренция — с суши, старались быстро и решительно использовать создавшееся положение. 13 октября того же 1284 г. они заключили между собой, с привлечением Лукки, а затем ряда других тосканских городов, союз, направленный на полное уничтожение или подчинение Пизы. Побежденной республике оставалась только возможность спасения путем политических комбинаций. В решающий момент пизанцы отказались от своего традиционного гибеллинизма и поставили во главе коммуны с титулом подеста на 10 лет и народного капитана на 2 года главу пизанских гвельфов — того самого графа Уголино делла Герардеска, которого не без основания упрекали в том, что он своим бегством в битве при Мелории сознательно, чтобы захватить власть, предал родину.

Уголино с большим трудом удалось заключить мир с Флоренцией, передав ей значительную и важную приморскую территорию. Этот мир разрушил союз между Флоренцией и Генуей и временно спас Пизу. Граф Уголино установил в побежденном и ослабленном городе решительную и жестокую тиранию, опирающуюся на пополанские элементы. Он изменил конституцию города, введя в состав правящих органов приоров всех цехов, решительно боролся со знатью, почти поголовно поддерживавшей гибеллинов, и не менее решительно возражал против освобождения пленных, содержавшихся в Генуе.

Однако гибеллинские связи Пизы были слишком прочны, а политическая и социальная установки тирана слишком эгоистичны, чтобы обеспечить Уголино длительное господство. После 4 лет управления он поссорился со своим внуком и соправителем Нино Висконти да Галлура, сблизился с главой пизанских гибеллинов архиепископом Руджеро Убальдини, но был обманут последним, вызвал всеобщее недовольство. 30 июня 1288 г. вспыхнуло восстание, окончившееся захватом 1 июля самого Уголино, его двух сыновей и двух внуков. Все они были в марте 1289 г. заключены в башню (знаменитая башня Гуаланди), ключи от которой были брошены в море. Временный господин Пизы вместе со своими сыновьями и внуками погиб здесь в страшных мучениях, дав тем самым своему современнику Данте материал для одной из лучших страниц его поэмы.

Если для Пизы вторая половина XIII в. была периодом ожесточенной борьбы, периодом, приведшим ее к окончательному упадку, то для ее вечной соперницы Флоренции это же время отмечено необычайным расцветом.⁷

Во Флоренции смерть Фридриха II совпала с жестокой борьбой гибеллинов и гвельфов и привела, как этого и следовало ожидать, к решительной победе гвельфов. Еще 20 октября

1250 г. последние проводят коренное изменение конституции города, вводят так называемую первую народную конституцию (*primo popolo*), фиксирующую первенствующее положение в городе пополанских цеховых элементов. Так же как в других коммунах, эта конституция закрепляет наличие двух систем управления, двух коммун — Большой, охватывающей все слои населения: от грандов до низших ремесленников, и Малой — пополанской, исключаяющей из своего состава представителей знати — грандов.

Во главе Большой коммуны стоит, как и раньше, подеста, избираемый на один год из числа иностранных грандов, во главе Малой коммуны — народный капитан, также избираемый на год из иностранных грандов. Законодательной властью при подеста обладают общий — *generale* (300 членов) и специальный — *speciale* (90 членов) советы коммуны. При капитане такие же два совета — советы народа, общий и специальный, окончательно формирующиеся, правда, несколько позднее.

Официально все основные принципиальные вопросы коммунальной жизни разрешаются подестой и советами коммуны, капитан же и советы народа разрешают только вопросы отношений между знатью и пополанами, в частности случаи угнетения первыми вторых. Фактически же капитан и его советы приобретают первенствующее значение постольку, поскольку при решении любого сколько-нибудь важного вопроса к общему совету коммуны, состоящему из грандов и пополанов, присоединялось так называемое «дополнение» — «адьюнкта» из 60 человек от каждой шестой части города, т. е. всего из 360 человек. (Флоренция конца XIII в. в административном и общественном отношениях делится на 6 частей, так называемые «сести».) А так как все они обязательно должны быть пополанами, большинство за народом было всегда обеспечено.

Но даже не это большинство было основой первенства пополанских сил по конституции «примо пополо» — основой было учреждение института старейшин — анцианов, становящихся реальными распорядителями судеб коммуны. Институт этот был заимствован у Болоньи, но в обстановке Флоренции приобрел своеобразную окраску. Анцианы избирались по 2 от каждой «шестой» города, т. е. всего в количестве 12 человек, заседали в специальном помещении (позднее для них был построен особый дворец — Барджелло) в присутствии и при участии капитана и решали все важнейшие и сложнейшие дела, возникающие в ходе управления коммуной.

В своей деятельности анцианы опираются на вооруженную силу: компании — пополанские ополчения, общим числом — 20 компаний. Кроме того, в случае особой необходимости на помощь народу призывались 96 компаний из 96 районов флорентийских владений, лежащих вне города. Каждая из городских и внегородских компаний имела свое знамя, возглавлялась зна-

меносцем — гонфалоньером, все же они вместе составляли пополанское войско, возглавляемое капитаном и выступающее по звону призывного колокола (на так называемой Лвиной башне) под бело-красным знаменем.

Народное ополчение компаний предназначалось в первую очередь и главным образом для поддержания порядка внутри города, для борьбы с еще могущественными грандами, для ведения же внешних войн предназначалось, как и раньше, «войско» (в собственном смысле слова), состоявшее главным образом из феодальной конницы и возглавлявшееся подестой. Только в случаях особой государственной опасности оба войска выступали вместе, обычно под командованием подесты.

Конституция «примо пополо» отнюдь не отличалась ни четкостью, ни определенностью своих институтов, но общая ее направленность была совершенно ясной и определенной — сохранив старые формы управления коммунной, оставить фактически во главе ее пополанские элементы, сделать их реальными хозяевами государства. Что это так, вполне убедительно доказывается рядом добавочных постановлений, которые угрожали лютыми карами всякому гранду, обижающему пополана или покушающемуся на демократические свободы, предписывали снижение башен феодальных замков в черте города до 50 локтей и т. д.

Введение в жизнь конституции «примо пополо» привело к господству демократических и гвельфских элементов во Флоренции, к значительному политическому укреплению и экономическому расцвету коммуны. Заметным выражением этого расцвета и предпосылкой к дальнейшему его росту было приобретение Флоренцией своего выхода к морю. Постоянная вражда с Пизой, находившейся в устье Арно, делала невозможной опору на Пизанский порт как на базу заморской торговли. Флоренция обратила поэтому свое внимание на порты Таламоне и Порто д'Эрколе, расположенные южнее Пизы. Порты эти входили в состав обширных владений могущественных феодалов-графов Альдебрандески. Воспользовавшись враждой графов с Сиеной, Флоренция 30 апреля 1251 г. заключила с ними договор, согласно которому получила названные порты и доступ к ним в свое полное распоряжение.

Быстрое усиление гвельфской и демократической Флоренции вызывает объединение всех враждебных ей гибеллинов — как внешних, так и внутренних. Сиена, Пиза, Пистойя, поддержанные и подстрекаемые гибеллинскими изгнанниками, заключили между собой союз, направленный против Флоренции.

Чувствуя, что дело идет к серьезному столкновению, Флоренция заключила, в свою очередь, союз с Орвието, Луккой и Генуей. Начиная с осени 1251 г. между двумя лагерями — гвельфским и гибеллинским — идет война, идет с переменным успехом, но с перевесом на стороне гвельфов. Флоренция пере-

живает период невиданного расцвета, о котором затем будет вспоминать Данте в изгнании.

Богатый и уверенный в своих силах город решает в 1252 г. начать чеканить свою собственную золотую монету, чего не делал до этого времени ни один город в Европе. Уже серебряная монета флорентийской чеканки пользовалась повсеместно признанием. Золотая монета, выпускаемая Флоренцией, должна была обладать стабильным весом и формой, т. е. явиться устойчивым мерилем стоимости, в чем так нуждалась цветущая торговая коммуна. Плодом этого решения явился знаменитый флорин с изображением на одной стороне герба Флоренции — лилии, на другой — ее патрона Иоанна Крестителя. В течение нескольких месяцев слава новой, устойчивой монеты разнеслась по всему тогдашнему миру, и флорин, название которого сохранилось в ряде стран до наших дней, понес во все концы этого мира имя своей родины. Чрезвычайно интересно и показательно для тех сдвигов, которые происходят во всей Италии сразу же после 1250 г., то обстоятельство, что в том же 1252 г. начинает чеканить золотую монету и Генуя. Однако монета эта не достигла такого мирового значения, как флорин.

Усиление гибеллинской партии в Италии в связи с усилением Манфреда в конце 50-х годов привело во Флоренции к новой попытке произвести гибеллинский переворот. Однако заговор был открыт, и его главные инициаторы, члены феодального рода Уберти, были изгнаны, а имущество их разрушено или конфисковано. Это привело к новому усилению войны в Тоскане. Решительная битва произошла 4 сентября 1260 г. у реки Арбии, в четырех милях от Сиены, у подножья замка Монтеапелти.

Флоренция выставила объединенное войско коммуны и народа, поддержанное союзными ополчениями ряда гвельфских городов — Перуджи, Орвието, Болоньи. Общая численность войска достигала 30 тыс. пехотинцев и 3 тыс. всадников, находившихся под общим командованием подеста Якопино Рангони. В центре войска находился по старой традиции кароччо — тяжелая повозка, запряженная волами, на которой на высоких древках красовались знамена Флоренции и ее союзников.

Гибеллинское войско состояло из сиенского ополчения, 800 германских рыцарей Манфреда и из отряда флорентийских изгнанников под командой графа Гвидо Новелло. По своей численности силы гибеллинов значительно уступали флорентийским, но они решили либо победить, либо умереть.

В первой же схватке конных рыцарей, разгоревшейся вокруг флорентийского кароччо, тайные сторонники гибеллинов, представители знатных родов, которых было много в флорентийском войске, изменили своей родине, сорвали знамя с лилией и вызвали в рядах его защитников панику. Рыцарская конница, вообще не склонная рисковать жизнью для защиты пополанов,

обратилась в бегство, оставив карроччо в руках врага. Напрасно мужественно и непреклонно сражалось пешее пополанское ополчение, напрасно, истекая кровью, поддерживали его пополанские ополчения союзных гвельфских городов — уже к полудню исход боя был решен. Блестящее и многочисленное гвельфское войско было разгромлено. До 20 тыс. пленных захватили гибеллины и с торжеством привели их в Сиену вместе с невиданно богатой добычей.

Разгром пополанской и гвельфской коммуны при Монтеапerti, разгром, равного которому не видели современники, имел громадный резонанс не только в Италии, но и далеко за ее пределами. Казалось, что все старое, феодальное, против чего выступила демократическая Флоренция, снова восторжествовало, и это восхваляли сторонники реакции, вроде анонимного провансальского трубадура, сочинившего сирвентезу о битве, и оплакивали сторонники нового — вроде поэта Гиттоне д'Ареццо, написавшего канцону о ней. Европа как будто понимала, что на поле битвы при Монтеапerti потерпели поражение не только флорентийские гвельфы.

И внутри города поняли все значение разгрома. Уже через 5 дней после него — 9 сентября — вожаки гвельфов, сознавая безнадежность своего положения, добровольно покинули город, а еще через 3 дня — 12 сентября — в него вошли гибеллины во главе с графом Гвидо Новелло и главой рода Уберти — Фаринатой, опиравшиеся на значительный отряд немецких рыцарей.

Победа гибеллинов в гражданской войне приводила к оккупации города ненавистными немцами. Все демократические реформы были полностью ликвидированы, власть перешла к гибеллинской верхушке, сразу же приступившей к казням, изгнаниям, конфискациям имущества. Но торжествующим немцам и этих репрессий казалось мало, и их чванливый предводитель потребовал от имени Манфреда разрушения Флоренции, несправимого гнезда гвельфизма. Тогда любовь к родному городу заговорила в сердцах ранее самых закоренелых гибеллинов. Фарината дельи Уберти встал и, положив руку на рукоять меча, заявил, что он дрался, чтобы спасти, а не чтобы погубить Флоренцию, и, пока он жив, будет драться с каждым, кто покусится на нее. «Гордое слово», которое обессмертил в своей поэме Данте, спасло город, оставшийся невредимым, но во власти гибеллинской реакции.

До 1266 г. продолжалось господство гибеллинов во Флоренции, и этот период является одной из самых бесславных страниц ее истории. Поражение Манфреда при Беневенте (26 февраля 1266 г.) привело к ослаблению гибеллинов во всей Италии, привело оно и к изменению положения во Флоренции. Недаром флорентийские банкиры финансировали экспедицию Карла Анжуйского, недаром отряд флорентийских изгнанников — гвельфов яростно сражался на стороне Карла при Беневенте, недаром ти-

раническое и неразумное управление гибеллинов во Флоренции вызвало ненависть к ним со стороны подавляющего большинства населения города. Во время гибеллинского господства все больший вес и значение приобретает пополанская верхушка, богатые и энергичные купцы, ремесленники, банкиры, значительная часть которых находилась вне города. Внутри же усилилось влияние цехов и их старшин — приоров, которые во все решительные моменты выступают как вожди всего пополанского населения.

11 ноября 1266 г. на узких и извилистых улицах Флоренции, на ее площадях разгорелся решающий бой между гибеллинской знатью, поддержанной ненавистными народу немцами, и пополанами, возглавленными приорами цехов. К середине дня гибеллины оказались в столь тяжелом положении, что предпочли покинуть город, надеясь возобновить сражение вне его стен, где тяжело вооруженной рыцарской кавалерии было гораздо удобнее действовать. Однако пополаны не последовали за ними, а когда они на следующий день захотели вернуться, то нашли все ворота города закрытыми. Власть гибеллинской знати во Флоренции бесславно закончилась.

Победоносные пополаны сразу же принялись за восстановление старых гвельфско-демократических порядков, однако времена изменились и в старую конституцию пришлось ввести серьезные поправки. Сильно возросла после крушения Гогенштауфенов власть папы и его ставленника — неаполитанского короля Карла Анжуйского и Флоренции, немало сделавшей для победы последнего, пришлось по прямому приказу из Рима признать над собой господство Карла. Неаполитанский король получил на 6 лет должность подеста, обязанности которой он выполняет либо через своего уполномоченного, либо сам, опираясь на значительный отряд французских рыцарей, расквартированный в городе.

Ненависть к гибеллинам и стремление обезопасить город от возможности их возврата приводит к организации гвельфской партии, принимающей непосредственное участие в управлении коммуной и имеющей целью в корне уничтожить всякие попытки реставрации гибеллинства. Во главе партии становятся сначала 3, а затем 6 капитанов — 3 гранда и 3 пополана, опирающиеся, как полагается, на два совета — тайный (*segreto*) из 14 и общий (*generale*) из 60 членов. Несмотря на стремление сохранить в руководстве «партией», как теперь будут называть гвельфскую партию, равновесие между пополанами и грандами, последние фактически оказались в ней хозяевами и остались таковыми в течение ряда последующих десятилетий.

Естественно связанным с вышеуказанными изменениями было новое усиление роли пополанской верхушки, той части «попола», которая получает наименование «жирного народа (*popolo grasso*) и сосредоточивается в 7 старших цехах» («Калимала»,

«Шерсть», «Шелк», «Менялы», «Судьи и Нотариусы», «Врачи и Аптекари», «Меховщики»). Мастера, входящие в эти цехи, крупные купцы, ростовщики, ремесленники помогали своими деньгами и своей кровью Карлу Анжуйскому во время его борьбы со Штауфенами. Понятно, что после того, как Карл стал властителем значительной части Италии и получил опеку над Флоренцией, эти богатеи используют свои связи с ним и занимают все более господствующее положение в городе. «Жирный народ» по-прежнему стремится оттеснить от власти бывших хозяев города, крупных феодалов-грандов, но старается не делить эту власть с «тощим народом» (*popolo minuto*) — теми более скромными ремесленниками и торговцами, которым не удалось разбогатеть, которые либо объединились в младшие цехи (мясники, сапожники, мелочные торговцы и др.), либо вообще стояли за пределами цехов и были лишены какой бы то ни было организации.

В 60-е и последующие годы основным врагом «жирного народа» продолжает оставаться знать, и он, неоднократно меняя и перестраивая конституцию, внося в нее мелкие и крупные поправки и добавления, стремится к тому, чтобы пополанская коммуна, опять возглавляемая капитаном, теперь имеющим титул «капитана народа, входящего в гвельфскую партию» (*Capitano della massa di parte guelfa*), получила решительный перевес над Большой коммуной, по-прежнему возглавляемой постепенно теряющим свое значение подестой.

Эта борьба между «жирным народом» и знатью идет рука об руку с организацией «жирного народа». Цехи, в которые он объединен, все больше из организаций чисто экономических превращаются в организации политические. Они сохраняют функции охраны интересов своих членов и наблюдения над качеством их работы, обычные для всех средневековых цехов, но наряду с этими функциями все в большей мере принимают участие в управлении коммуной. Во главе каждого цеха стоят выбираемые на 6 месяцев консулы (большей частью два), которые управляют цехом, опираясь на два совета (специальный и общий) и на штат наемных сотрудников-специалистов: нотариусов, бухгалтеров и т. д. Эти-то консулы и играют все большую роль в коммерческих судьбах коммуны в 60—70-е годы XIII в.

Внутренняя борьба, борьба «жирного народа» за власть в городе идет во Флоренции одновременно с энергичной, осторожной и решительной внешней политикой. Опираясь на свои связи с Карлом Анжуйским и на свою все более растущую экономическую мощь, Флоренция стремится подчинить себе близлежащие тосканские города, окончательно ослабить своих исконных соперниц Пизу и Сиену, продолжающих придерживаться гибеллинской ориентации. Это стремление приводит в общем к желанным результатам настолько, что в 1278 г., вос-

пользовавшись ухудшением отношений между Карлом Анжуйским и папой Николаем III, коммуна сбрасывает с себя опеку Карла. На некоторое время (октябрь 1279 г. — апрель 1280 г.) его сменяет родственник и уполномоченный папы — кардинал Латино деи Франджипани, прибывающий со специальной миссией примирить постоянно враждующие между собой партии и социальные группировки. Но после отъезда кардинала, получившего за свою деятельность изрядную мзду от флорентийских богатеев, город снова становится совершенно самостоятельным.

Самостоятельность эта с большой яркостью отражается в происходящем 15 июня 1282 г. новом и притом важнейшем изменении флорентийской конституции. «Сицилийская вечерня», нанеся страшный удар положению анжуйцев в Италии, окончательно развязывает руки «жирного народа» Флоренции, и он использует эту свободу, чтобы закрепить за собой власть.

Уже начиная с «примо пополо» 1250 г., а еще в большей степени со времени свержения гибеллинской тирании 7 старших цехов принимали активное участие в управлении коммуной, теперь же они становятся во главе этого управления. 15 июня 1282 г. в небольшой церковке Сан Проколо, недалеко от Дворца народа — резиденции официального правительства, собрались представители 3 старейших из старших, богатейших из богатых цехов — «Калимала», «Менял» и «Шерстяников», и такова была к этому моменту власть флорентийских богатеев, что эти три купца и банкира оказались реальными хозяевами коммуны. Никакой революции не произошло, старые органы власти продолжали существовать и функционировать, но управление перешло в руки приоров, как именуются цеховые представители.

Система управления приората вырабатывается не сразу. Избранные на два месяца три приора сменяются при следующем избрании — в августе — шестью, так как выяснилось, что ранее установленное количество не обеспечивает представительство в верховном органе власти всех сестииери города. Шесть приоров представляют теперь 6 старших цехов, т. е. всех, кроме цеха судей и нотариусов, представитель которого участвует в работе приората в качестве нотариуса. Еще позднее к выборам приората привлекаются и 5 следующих, так называемых средних цехов (мясники, сапожники, кузнецы, плотники, мелочные торговцы), но реальное господство остается в руках старших цехов.

Созданный как добавочная правительственная инстанция приорат вскоре оттеснил на второй план все ранее существовавшие и стал во главе их. Окруженные слугами, гонцами и сбирами, приоры вскоре переезжают в большее помещение, а затем для них строится специальное здание, ныне существующий Старый дворец (Palazzo Vecchio).

Захват власти старшими цехами вызывает потребность и в других реформах. Так, в августе 1282 г. создается новая должность «капитана — защитника цехов» (*Defensor artificum et artium*), который избирается на тех же условиях, как и продолжающие существовать капитан и подеста, и является предводителем нового цехового ополчения, предназначенного исключительно для охраны интересов нового политического и социального порядка, т. е. для борьбы внутри города. Ополчение это состояло из отрядов, подобранных по цеховому принципу, и выступало по призыву колокола под знаменами цехов и под водительством цеховых знаменосцев.

Вся совокупность реформ, проведенных летом 1282 г., прочно отдавала власть во Флорентийской коммуне «жирному народу», и последний не собирался ни делить с кем-нибудь эту власть, ни отдавать ее кому-нибудь.

Бесспорность и прочность владычества старших цехов были настолько ясными, что многие наиболее прозорливые и гибкие представители старых знатных родов предпочитали прекратить с ними борьбу и, отказавшись от своего социального лица, войти в состав цеховых организаций. Так, многие феодальные роды даже сменили свои пышные дворянские фамилии на более скромные пополанские: например, одна ветвь рода Торнаквинчи приняла фамилию Пополески (Народные), род графов Кавальканти разделился на Малатеста и Чамполи и т. д.

Но далеко не все флорентийские гранды склонили головы перед торжествующими богатеями, большая их часть еще надеялась на реванш, еще готовилась к борьбе за власть и возобновляла ее при всяком удобном случае, чаще всего под гибеллинскими знаменами.

Годы, следующие за установлением приората во Флоренции, были годами постепенного усиления внешнеполитического положения коммуны, особенно ее первенствующего положения в Тоскане. Ее исконная противница — Пиза — после битвы при Мелории была значительно ослаблена, но падение графа Уголино привело ее снова в лагерь гибеллинов, где она в союзе с Ареццо снова возглавила антифлорентийский лагерь.

11 июня 1289 г. при Кампальдино, в долине Поппи, состоялась новая решительная битва между гибеллинами, в центре войска которых находилось ополчение Ареццо во главе с епископом Гульельмо дельи Убертини, и гвельфами, в рядах которых флорентийское ополчение стояло рядом с ополчениями Лукки, Пистойи и других гвельфских коммун. Оба войска сражались в течение всего дня с ожесточением и мужеством. Епископ Ареццо и ряд других гибеллинских вождей погибли на поле битвы и, наконец, отчаянная храбрость одного из флорентийских военачальников, командира резерва Корсо Донати, принесла гвельфам окончательную и полную победу. 1700 гибеллинов было убито, 2400 взято в плен. Гвельфско-пополанская

Флоренция восприняла триумф при Кампальдино как реванш за Монтеапerti. Вся Италия восприняла этот триумф как доказательство прочности и боеспособности нового правопорядка, оформленного конституцией 1282 г.

Время после победы при Кампальдино было временем невиданного расцвета Флоренции, расцвета политического, экономического и культурного. Расцвет этот был связан с господством «жирного народа», и представители последнего стремились использовать свое выгодное положение для того, чтобы нанести решительный удар грандам, несколько осмелевшим после битвы при Кампальдино, в которой они принимали активное участие.

Уже начиная с лета 1286 г. пополанские власти проводят ряд законов, направленных к окончательному оттеснению феодалов от управления коммуной, их окончательному ослаблению. Так, 6 августа 1286 г. проводится несколько постановлений, направленных к решительному ослаблению всех грандов как класса, в том числе и тех из них, которые, будучи активными и воинствующими гвельфами, нашли себе оплот в организации «гвельфской партии» и через нее оказывали большое влияние на жизнь коммуны. Особенно болезненно отразился на положении феодальной знати один из этих законов, предписывающий знатым семьям вносить в кассу коммуны за каждого достигшего 15 лет члена рода мужского пола залог в размере 2 тыс. лир, причем этот залог конфисковывался при совершении как данным лицом, так и его ближайшими родичами какого бы то ни было преступления против коммуны и пополанов.

После Кампальдино эти и подобные им законы возобновляются и усиливаются. Так, 5 августа 1289 г. проводится пересмотр налогообложения, имеющий целью переложить большую часть налогового бремени на знать, а на следующий день, 6 августа, опубликован имеющий громадное значение закон об освобождении крепостного населения контадо, наносящий решительный удар экономической и политической мощи знати (подробно об этом законе см. § 2).

В сентябре 1289 г. принимаются так называемые канонические установления (*Ordinamenti canonizzati*), наводящие порядок в финансовом хозяйстве коммуны и ставящие его под строжайший контроль пополанских организаций. А несколько позднее создается специальный отряд из 1 тыс. (с 1290 г. — 2 тыс.) воинов «для защиты народа и его правительства от насилий грандов». Во главе этого отряда стоит один, а затем два знаменосца — гонфалоньера.

Эти и другие подобные им законы готовят почву для решительного удара по грандам, и удар этот действительно наносится в 1293 г.

Все предыдущие мероприятия и законы, направленные

к ослаблению грандов, к оттеснению их от управления коммуной, давали только частичные результаты. Опираясь на свою все еще значительную земельную собственность вне города и внутри его, на свою военную опытность и наследственную смелость, гранды оставались серьезной силой, особенно благодаря организациям «гвельфской партии», в которых они играли ведущую роль. К тому же, особенно начиная с 80-х годов, многие из них по тактическим соображениям сближаются с теми из пополанов, которые уже успели разбогатеть и занять господствующее положение в городе. Кое-кто из представителей знатных родов сам вступил в цехи (конечно, старшие), а некоторые даже реально занялись ремеслом. Создавалась опасность, что те, против кого флорентийский пополо уже в течение полувека вел кровавую борьбу, избегнут поражения, снова останутся во главе коммуны.

Бороться с этим можно было только расширением демократических основ конституции, усилением и обострением антимагнатских мероприятий, ставших недостаточно определенными и действенными.

Проведение новой конституции связано с именем Джанно Тедальди делла Белла. Немолодой, но исключительно энергичный и страстный человек, Джано принадлежал по своему происхождению к той знати, против которой он затем так решительно выступит. Член цеха «Калимала», он с молодых лет совмещал торгово-банковскую деятельность с деятельностью политической и добился большой популярности.

В середине декабря 1292 г., за несколько дней перед сменой приората, которая должна была произойти 15 декабря, представители 4 средних цехов (мясники, сапожники, кузнецы, строительные рабочие) собрались и потребовали расширения социальной базы правительства, предоставления большего участия в нем средним и младшим цехам, а также принятия более решительных мер против грандов.

Требования эти были обсуждены и одобрены в ряде советов, но к проведению их в жизнь приступил уже новый состав приората, избранный 15 декабря. Приорат этот находился под влиянием Джанно делла Белла, а последний был решительным и крайним сторонником проведения в жизнь мероприятий, выдвинутых 4 средними цехами.

С первых чисел января 1293 г. в советах коммуны начинается обсуждение проекта нового закона, встретившего восторженный прием у представителей «пополо». Наконец, 15 января проект обсуждается в последнем совете, созданном подеста, и хотя из 90 присутствующих 27 высказались против него, он все же прошел большинством голосов и вступил в силу с того же дня.

Закон 15 января 1293 г. — и есть знаменитые на всю Италию, а затем и на всю Европу «Установления Справедливости»

(«*Ordinamenti di Giustizia*») — кульминационная точка и наиболее выразительный памятник той классовой борьбы, которая характеризует собой всю внутреннюю жизнь итальянских коммун второй половины XIII в.

Основная цель и задача новой конституции — сделать пополанов полными хозяевами коммуны, окончательно удалить с политической сцены грандов всех видов и разновидностей, окончательно закрепить и обезопасить демократический метод управления Флоренцией.

Для достижения этого упорядочивается способ избрания приоров, ранее отличавшийся значительной неопределенностью. Точно устанавливался их срок работы (2 месяца) и образ жизни. Приоры должны в течение всего срока не выходить из своей резиденции иначе, как по служебным делам.

Для большей организованности работы приората к ним добавлялся в качестве вождя еще один человек — знаменосец справедливости (*Gonfaloniere della giustizia*). Он избирался также на два месяца, каждый раз из другого сесто города, и не мог иметь ничего общего с грандами. В его распоряжение, для возможности быстрых и энергичных действий, передавался отряд из тысячи отборных воинов, который был создан на несколько лет раньше для охраны пополанской власти, и к нему добавлялась тысяча строительных рабочих для разрушения замков грандов.

Хотя руководящая роль остается в руках 7 старших и отчасти 5 средних цехов, но официально к управлению коммуной привлекаются и 9 младших цехов, т. е. всего в политической жизни участвует 21 цех, представители которых приносят торжественную присягу, обещая вечно сохранять нерушимое единство народа.

Но как ни важна была эта часть «Установлений Справедливости», не в ней лежало главное их значение. Оно заключалось в антимагнатских мероприятиях, составлявших главное содержание этого акта. Целая сеть взаимно дополняющих пунктов «Установлений» направлена на то, чтобы не только совершенно исключить возможность угнетения грандами пополанов или даже отдельных со стороны грандов поступков, направленных против пополанов, но и фактически полностью отстранить грандов от участия в политической жизни коммуны, сделать их граждански бесправными, как бы поставить вне коммунальных законов. При этом самое понятие «гранд» трактуется расширительно. К грандам причисляются не только все члены старых дворянско-феодалных семейств, но и члены тех ранее пополанских родов, в которых имелся хотя бы один рыцарь. Этим предполагалось отеснить от участия в правительственной деятельности и те семейства, которые социально переродились и сокнулись с магнатскими родами.

Основным орудием, которое применяется для усмирения

грандов, было усиление ранее изданного закона о залоге (sodamento). «Установления» предписывали всем членам родов, признанных грандскими, в обязательном порядке вносить залог в 2 тыс. лир, причем круговая порука всех сородичей не только сохранялась, но и усиливалась.

За малейшее преступление, совершаемое против пополана, гранд подвергается тягчайшим наказаниям — чаще всего смертной казни, в то время как пополан за аналогичные проступки подлежит наказаниям значительно более мягким.

Никаких политических прав, как активных, так и пассивных, гранды не сохраняют, и всякая их попытка обманным порядком получить эти права карается как тягчайшее преступление.

Сами «Установления» объявляются вечными и нерушимыми и за попытку внести в них изменения государственным деятелям угрожают тяжелые кары.

«Установления Справедливости» своим общим характером и отдельными пунктами напоминают антимагнатские законы, принятые в Болонье в 1256 г., и такие же законы других коммун. Уже современники склонны были считать их заимствованными из Болоньи, но это заимствование скорее всего носило внешний характер. Аналогичные социальные условия создавали в различных городах Италии аналогичные законы, причем во Флоренции соответствующая ситуация создается позже, чем в большинстве других городов, но зато приобретает самые резкие, ярко выраженные очертания.

«Установления Справедливости», окончательно лишаящие флорентийских грандов политических прав, передающие всю полноту власти в руки пополанов — флорентийского народа, являются важнейшим поворотным пунктом в истории всей Италии и говорят о том, что вековая борьба между горожанами и феодальным дворянством, ведущаяся в той или иной мере во всех передовых ее городах, заканчивается в большей их части полной и безоговорочной победой граждан.

Ярким доказательством полного поражения грандов может служить то, что через несколько лет после принятия «Установлений Справедливости», входит в жизнь порядок, согласно которому за наиболее тяжелые гражданские преступления, не дающие, однако, оснований для смертной казни, виновные переводятся в гранды и тем ставятся как бы вне гражданской жизни своего города.

Однако если «Установления Справедливости» должны быть расценены как кульминационный пункт развития классовой борьбы во Флоренции, они отнюдь не прекращают этой борьбы. Порядок, установленный ими, не удовлетворял ни одну из борющихся группировок. Гранды не могли и не хотели примириться со своим бесправием, «жирный народ» был недоволен тем участием, которое в управлении принимал «тощий народ», а последний считал это участие недостаточным. Поэтому понятно,

что ни порядок, введенный «Установлениями», не мог быть прочным, ни их создатель Джанно делла Белла не мог долго удержаться у власти. Только народные низы прочно и неуклонно поддерживали создателя конституции, открывшей им доступ к власти, гранды жестоко ненавидели его, а «жирный народ» считал, что после того как Джанно делла Белла выполнил свою миссию разгрома грандов, он уже не нужен и даже опасен своими слишком демократическими симпатиями.

Все это приводит к тому, что в результате сложной и коварной политической интриги Джанно делла Белла вынужден 5 марта 1295 г. бежать из города, после чего он оказывается осужденным и изгнанным властями Флоренции, для которой он столько сделал и которой ему не суждено было больше увидеть.

После изгнания Джанно делла Белла классовая борьба в городе резко усиливается. Ободренные успехом гранды стремятся ослабить «Установления Справедливости», что им частично удается. Так, уже в 1295 г. в закон вносится оговорка, что для того, чтобы считаться пополаном, достаточно быть членом цеха, и не обязательно заниматься соответствующим ремеслом, оговорка, открывающая грандам широкую лазейку к политической деятельности. Но если в «Установления» вносятся отдельные ограничения, то как целое они остаются нерушимыми, об этом заботится «жирный народ», все больше захватывающий бразды правления в свои руки.

Однако и гранды не собираются сдаваться и продолжают борьбу под самыми различными предлогами и по самым различным поводам.

В 1300 г. на место старых партий гвельфов и гибеллинов во Флоренцию приходят новые: партия «черных», в которой ведущую роль играют гранды, и партия «белых», руководимая «жирным народом». Кровавая вражда этих партий на ряд лет раздирает коммуну. В борьбу втягиваются и внешнеполитические силы: в том же 1300 г. по призыву папы Бонифация VIII во Флоренцию прибывает с отрядом жадных до наживы французских рыцарей брат Филиппа IV Красивого Французского — Карл Валуа, пытающийся выкроить себе государство в Италии, покровительствующий дворянской партии «черных», которая на несколько лет приходит к власти.

Каковы бы ни были, однако, ухищрения грандов, каковы бы ни были их временные успехи, им не удастся сколько-нибудь серьезно поколебать твердо установившееся во Флоренции господство пополанов, отменить или даже радикально переделать «Установления Справедливости». Их временные успехи спасали и временно приводили к власти отдельные семьи, например стоявшую во главе партии «черных» семью Донати, но не могли изменить окончательно укрепившийся в коммуне социальный порядок.

Это стало вполне очевидно к весне 1307 г., когда «жирный народ», немало пострадавший от временного поражения «белых», возвращается в город, когда торжественным актом высшие органы коммуны не только снова провозглашают действенность и нерушимость «Установлений Справедливости», но и добавляют к ним несколько новых антимагнатских пунктов.

Серьезную опасность для установившихся снова в городе гвельфско-пополанских порядков создало появление в Италии весной 1310 г. императора Генриха VII. 3 июля послы его потребовали впуска императора в город, на что получили ответ: «Флорентийцы никогда, ни перед какими властителями не склоняли головы». Правда, гибеллины в городе несколько осмелели, и снова возобновились в нем беспорядки, но перед императором город действительно не склонился, приготовился к длительной осаде и не обратил внимания на имперский банн, которым стремился напугать его Генрих. Попытка осады Флоренции, предпринятая осенью 1312 г., не дала результата, а уже 24 августа 1313 г. император скончался, и Флоренция могла вздохнуть свободнее.

После смерти Генриха VII вождем гибеллинов, все еще не признавших себя побежденными, стал захвативший власть в Пизе начальник наемных военных отрядов (кондотьер) Угуччоне делла Фаджола, а затем его сменил (в 1316 г.) властитель Лукки, а потом и Пизы — хитрый, энергичный и не стесняющийся в средствах Каструччо Кастракани. Оба они пытались создать себе государства у самых границ Флоренции и потому заставляли ее быть постоянно настороже.

В ходе всех этих внешних политических столкновений и опасностей внутри города пополаны неуклонно и упорно укрепляют свою власть. Все глубже врастает в жизнь порядок, введенный «Установлениями Справедливости», все больше теряют почву под ногами феодалы-гранды, все более из пополанской массы выделяется и забирает бразды правления в свои руки «жирный народ» — богатые купцы, банкиры, ремесленники, которые к 20-м годам становятся полными хозяевами в коммуне.

Милан и Генуя

Флоренция — классический город социальной борьбы, классическая итальянская городская коммуна, а потому, естественно, судьбы ее занимали нас особенно долго. Милан, крупнейший, наиболее передовой город Италии в XI—XII вв., город-герой, возглавивший борьбу с ненавистными Гогенштауфенами и победивший в этой борьбе, со второй половины XIII в. несколько теряет свое значение.⁸ Флоренция почти во всех отношениях перегоняет его, но все же Милан остается одним из ведущих итальянских городских центров, а по количеству сво-

его населения, по-видимому, еще в течение значительного времени превосходит Флоренцию. Так, миланский хронист Бонвезин де Рива в 1288 г. пишет, что в Милане 200 тыс. населения, а Флоренция того же времени вряд ли имела и половину этого. 40 тыс. способных носить оружие мужчин насчитал в своем городе Бонвезин, он называет в нем 200 церквей, 1 тыс. лавок, 150 гостиниц, 120 юристов, 1500 нотариусов, 28 врачей. Но в то же время, оставаясь большим, цветущим, живущим бурной жизнью городом, Милан в XIII в., как и в последующие века, не является ведущим экономическим центром, а играет в первую очередь политическую роль. Расположенный на узле стратегических дорог, ведущих из-за Альп в Италию, Милан со своими старинными укреплениями является как бы замком полуострова. Этим положением города объясняется то, что в нем феодальная знать сохраняет гораздо большее значение, чем в других городах-коммунах типа Флоренции.

В соответствии с этим уже в первой половине XIII в. устанавливается, как мы видели, господство в городе «Мотты» и «Совета св. Амвросия», т. е. союза среднего и мелкого дворянства с пополами, и этот союз выдвигает к власти род Делла Торре, на ряд десятилетий остающийся хозяином Милана и ведущий ярко выраженную гвельфскую и пополанскую политику.

Но союз между «Моттой» и «Советом св. Амвросия» скоро обнаруживает свою непрочность, волны социальной и политической борьбы, перекачивающиеся через всю Италию, захватывают и Милан. Делла Торре, стремясь удержать в руках власть, все больше сближаются с пополами, все более точно исполняют их волю, и это отбрасывает среднее и мелкое дворянство в объятия знати. Борьба теперь идет, как во Флоренции или Болонье, между объединенным народом и объединенными феодалами. В 1262 г. папа Урбан IV назначает архиепископом Милана члена одного из знатнейших родов города Оттона Висконти, и он сразу же становится признанным вождем феодальной части населения.

Однако власть пополанов и возглавлявших их Делла Торре так велика, что Оттона не впускают в город, извне которого он начинает вести борьбу с Делла Торре. Последних поддерживает их тесный союз с Карлом Анжуйским, остро нуждающимся в Милане для связи с Францией.

Период власти Филиппо делла Торре, держащего бразды правления с 1262 по 1265 г., является временем расцвета пополанского Милана.

Но Карл Анжуйский вскоре почувствовал себя достаточно прочно, чтобы перейти к активным действиям на севере. Это не устраивало Делла Торре. Глава их Наполеоне разошелся с недавним покровителем своей семьи и искал поддержки императора, также заинтересованного в замке Италии — Милане.

Это усиливает положение архиепископа Оттона Висконти, по-прежнему опирающегося на поддержку папы (Григория X). В 1272 г. вооруженная борьба между обоими лагерями вспыхивает с большой силой, причем идет в парадоксальных формах: гвельфы с Делла Торре — в союзе с императором, а гибеллины с Висконти — в союзе с папой.

В январе 1277 г. борьба эта приводит к решающей битве, в которой Наполеоне делла Торре, не получив надлежащей поддержки от занятого внутренними делами империи Рудольфа Габсбурга, потерпел решительное поражение, попал в руки врага и был заключен в железную клетку, в которой его с торжеством привезли в Милан. Оттон Висконти и знать оказываются полными хозяевами города, каковыми они остаются до смерти Оттона в 1295 г.

Как некогда Висконти, находясь вне Милана, ряд лет боролись за него, так теперь Делла Торре ведут такую же борьбу, которая обострилась после смерти 88-летнего архиепископа Оттона. Ему наследует его весьма энергичный племянник Маттео, которому в 1302 г. приходится бежать из города, уступив место Гвидо делла Торре, назначенному народным капитаном и снова восстановившему пополанско-демократические порядки. Но раздоры в лагере Делла Торре и вмешательство императора Генриха VII вновь изменяют положение. Придя в Милан 23 декабря 1310 г., Генрих привозит с собой Маттео Висконти, гибеллинские настроения которого теперь закономерно привели его в имперский лагерь.

Официально император, называющий себя «императором-миротворцем», хочет примирить обе враждующие партии, но фактически он поддерживает гибеллинов, что приводит в конце концов к новому изгнанию Делла Торре и прочному установлению власти Маттео Висконти.

Тирания Висконти, выдвинутых грандами и опирающихся на них, не приводит в течение многих десятилетий к уничтожению *de jure* республиканско-коммунальных форм государственного устройства Милана, но *de facto* Висконти, часто не занимающие никаких официальных должностей, а иногда выступающие в качестве имперских викариев, правят как настоящие монархи и превращают старейшую передовую республику в первую среди крупных городов Италии тиранию. При этом Висконти, правильно учитывая невозможность удержаться у власти, опираясь исключительно на феодальные слои, стремятся содействовать расцвету в Милане пополанов, всячески развивают торговлю и ремесла, стараются равномерно распределить налоговое бремя между всеми слоями населения города. Но, несмотря на то, что это им частично удастся, настоящие симпатии их все же на стороне военной знати, и Милан под их властью все больше определяется как военно-стратегический, а не экономический центр. Характерным здесь является то, что отраслью ремеслен-

ного производства, которая в наибольшей мере расцветает в Милане уже в конце XIII в. и прославит его в последующие века, является металлообрабатывающее ремесло, и в первую очередь производство оружия.

Уже в правление Маттео, продолжающееся до 1322 г., Висконти удается не только прочно захватить в свои руки Милан, но и подчинить ему, а следовательно, и себе ряд окрестных ломбардских городов. Новара, Монца, Комо, Бергамо, Пьяченца, Павия и другие, сохранив свои самостоятельные формы правления, в то же время оказались в зависимости от Милана, окончательно вырастающего в грозную политическую силу.

* *

Флоренция, классический город-коммуна, и Милан, классический город-тирания, занимают как бы крайние полюсы в политической структуре Средней и Северной Италии. Генуя и Венеция, крупнейшие города-порты, занимают между ними как бы промежуточное положение.

Генуя в течение всей второй половины XIII в. переживает обычную для коммун борьбу между феодалами и пополами, усложняемую здесь борьбой между феодальными родами.⁹ В 1257 г. последние под руководством главы одного из богатых пополанских родов — Гульельмо Бокканегра — одерживают победу.

Бокканегра получает титул народного капитана и, прочно беря бразды правления в свои руки, покровительствуя торговле, мореплаванию, ремеслу и держа в страхе и повиновении знать, ведет республику к значительным успехам. Апогеем этих успехов является заключение 13 марта 1261 г. Нимфейского договора с вновь восстановленной Византийской империей, договора, предоставившего Генуе монопольное положение в восточной части Средиземного моря и во всем Черном море после того, как 25 июля того же 1261 г. Константинополь стал столицей Византийской империи.

Но, несмотря на все свои успехи, Гульельмо Бокканегра не мог долго удержать в руках власть. Его стремление к единоличному правлению скоро создало ему множество врагов. Знать, никогда не мирившаяся со своим поражением, сгруппировала вокруг себя всех недовольных и, возглавляемая родом Гримальди, подготовила переворот. Напрасно Бокканегра апеллировал к народу, он должен был сложить оружие и удалиться из города, для величия которого столь много сделал (1262 г.).

В Генуе была восстановлена власть знати, но постоянные раздоры возглавляющих эту знать семейств Дориа, Фьески, Гримальди и Спинола скоро приводят республику в состояние такого упадка, что подеста Лука Гримальди ведет переговоры с Карлом Анжуйским об установлении его господства над го-

родом. Это унижение вызывает всеобщее возмущение, мобилизует на борьбу пополанов, которые в октябре 1270 г. производят новый переворот, приводящий к установлению власти двух народных капитанов. На эти посты, однако, назначаются представители двух знатных семейств — Дориа и Спинола, удерживающие их в своих руках до переворота 1339 г. (см. гл. III, § 1). Представителем же воли народа становится народный аббат, подчиненный капитанам, но играющий значительную роль в политической жизни республики. Это компромиссное правительство делает значительные уступки торговым и ремесленным слоям Генуи, сохраняя, однако, политическую и военную власть за знатью. Именно на десятилетия, следующие за переворотом 1270 г., падает период максимального расцвета Генуэзской республики.

Даже постоянные внутренние раздоры не мешали Генуе в это время добиваться весьма значительных внешнеполитических и тесно с ними связанных экономических успехов. После же 1270 г. она, постоянно и неуклонно продолжая торговую борьбу с двумя своими морскими соперниками — Пизой и Венецией, а затем вступив в войну с ними, достигает еще более серьезных успехов.

Победа над гибеллинской Пизой была для гвельфской Генуи обеспечена уже общим ослаблением гибеллинского лагеря начиная с 60-х годов. Умело воспользовавшись выгодной для себя политической ситуацией и вступив в союз с Флоренцией, Генуя наносит Пизе ряд тяжелых поражений. 1 мая 1284 г. у берегов Сардинии пизанский флот был разбит наголову. Хотя он был после этого создан заново, но, оказалось, только для того, чтобы 6 августа того же года понести новое и на этот раз окончательное поражение в битве при Мелории, приведшей, как мы видели выше, к длительному упадку Пизы.

Но победа над Пизой делает более острой борьбу с другим, более грозным врагом — Венецией. Потерпевшая значительный ущерб в результате четвертого крестового похода и организации под эгидой Венеции Латинской империи, Генуя осталась верна Византии и поэтому реставрация Византийской империи Палеологов в 1261 г. была серьезной удачей для нее. Венеция отнюдь не хочет примириться с результатами Нимфейского договора и возобновляет вековую борьбу. В 1277 г. соперницы заключают перемирие, на основании которого венецианцы получают доступ в Константинополь, но при господстве в нем генуэзцев, подеста которых остается первым человеком в городе. Побережье Черного моря покрывается генуэзскими колониями с центром в Каффе (Феодосия) в Крыму.

В 1294 г. загорается новая война, которая проходит с переменным успехом. Сначала генуэзцы одерживают победу за победой, но венецианцы не падают духом, совершают смелый рейд в Босфор, грабят Галату, берут Фокею, захватывают

и разрушают Каффу. Но и Генуя не остается в долгу. Собравшись с силами, она отправляет свой флот к самой Венеции, и здесь, при Курцполе, 8 сентября 1298 г. наносится страшное поражение венецианскому флоту, возглавляемому Андреа Дандоло. Тысячи венецианцев, и среди них путешественник Марко Поло, попадают в плен к генуэзцам и томятся многие годы в казематах Генуи. Сам командующий Дандоло, схваченный и привязанный к мачте адмиральского корабля врагов, кончает жизнь самоубийством, разбивая голову об эту мачту. Венеция была вынуждена заключить (1299 г.) мир на условии серьезных уступок. Генуя сохранила господствующее положение на Босфоре, осталась полной хозяйкой в Черном море, куда венецианские корабли не имеют доступа. Зато Венеция сохраняет господствующее положение в торговле с Александрией и удерживает ряд островов вокруг Балканского полуострова — Негропонт, по выражению современника, «зрачок и правую руку республики», Наксос, Крит и ряд других.

Годы, следующие за миром, обе соперницы использовали для укрепления своих позиций. Генуя развивает свои колонии в Крыму (Каффа становится значительным торговым и политическим центром), создает новые колонии в архипелаге — так, Хиос захватывает генуэзское семейство Захария, Лесбос и ряд других островов переходят под власть генуэзцев. Венеция в то же время, разумно ограничивая себя, не производит новых захватов, а укрепляет и развивает уже находящиеся в ее руках позиции — Негропонт, Крит и особенно мысы Корон и Модон на Балканском полуострове, являющиеся необходимыми опорными пунктами при плаваниях на Восток.

Венеция

Во время всех этих почти непрерывных войн, захватов, торговых соперничеств и соглашений, Венеция живет исключительно интенсивной и плодотворной внутренней жизнью.¹⁰ Город купцов и мореплавателей, никогда не знавший феодализма в его классических формах, Венеция именно во второй половине XIII в. оформляет свою, ставшую столь знаменитой, конституцию. К этому времени управление республикой сосредоточивалось в следующих органах: во главе исполнительной власти стоит дож, избираемый пожизненно из числа членов наиболее видных патрицианских семейств. Последние, выделившиеся, по-видимому, из торговцев и мореплавателей, к XIII в. сосредоточивают в своих руках громадные богатства и стремятся, отгородившись от остального населения, держать в своих руках всю полноту власти.¹¹ Поэтому наряду с основным законодательным органом — Большим советом, первоначально включавшим, по-видимому, представителей разных слоев населения, но затем все более приобретающим аристократический

характер, постепенно создается ряд дополнительных органов, служащих для наблюдения над действиями дожа, для консультации ему, для ограничения его власти. Таковы Малый совет, формирующийся из небольшого числа советников дожа в XII в., верховный Трибунал сорока (*Quarantia*) и, наконец, сенат, состоящий из старейшин, специально приглашавшихся дожем для разрешения наиболее ответственных вопросов и потому получающий (и надолго сохранивший) название «сенат приглашенных» (*Senato dei Pregadi*). Число членов сената определяется в XIII в. в 60 человек.

В результате создания всех этих органов, целиком находящихся в руках патрициата, роль дожа неуклонно падает. Это находит яркое выражение в тех присягах (*promissio*), которые дожи обязаны приносить перед своим утверждением в должности уже начиная с 1148 г. В этих присягах дожи, постепенно во все более определенных выражениях, обязуются править по указаниям и под руководством патрициата и не совершать ничего принципиально важного без единогласного решения Малого совета и решения большинства Большого совета. Специально назначенные «корректоры» должны были следить за исполнением этой присяги, за тем, чтобы, как говорит один документ, «дож был вождем республики, а не ее властителем и тираном». Ко второй половине XIII в. (особенно при избрании Якопо Контарини в 1275 г.) эти *promissio* становятся столь стеснительными, что дож, сохраняя техническое руководство военными силами республики, пышный наряд и почести, полагающиеся ему как ее официальному главе, играет весьма незначительную роль в политических судьбах Венеции.

Для того чтобы закрепить это положение, в 1268 г. устанавливается сложный и хитроумный способ избрания дожа. Из числа Большого совета выделяются 30 кандидатов не моложе 30 лет, из них жеребьевкой выделяются 9 человек, последние выбирают большинством голосов 40 человек, из которых жеребьевкой выделяются 7, и так далее еще несколько раз, в результате чего, наконец, выделяется комиссия в 11 выборщиков, которые выбирают еще раз 41 человека, каковые большинством голосов в 25 и избирают дожа. После избрания дожа выводят на балкон дворца, знаменитого дворца дожей — гордости и красоты Венеции, и представляют народу со словами: «Это — государь-дож, если он вам нравится». Народ, роль которого сводится только к этому, криками приветствует своего безвластного властелина, одетого в пышную пурпурную (позже из золотой парчи) мантию, отороченную горностаем, и особый рогатый колпак (рог дожа — *corno ducale*), на века остающийся символом государя Венеции.

Но окончательным завершением венецианской конституции и одновременно окончательным закреплением господства патрицианской олигархии явилась реформа 1297 г., известная под

названием «заккрытие Большого совета» (*La serrata del Gran Consiglio*).

Большой совет, высший законодательный орган республики, был, по-видимому, первоначально доступным для всех полноправных граждан, но уже к середине XIII в. фактически в нем доминирующую роль играет патрициат. Так, в 1261 г. 242 члена Большого совета принадлежали всего к 27 семьям, причем Контарини были представлены в нем 20 членами, Квирины и Дандоло — 19, Морозини — 15, Микиели — 12, Фальери — 11, Фоскари и Тьеполо — 8. Эта сравнительно немногочисленная патрицианская верхушка, прочно держащая в руках бразды правления экономической жизнью государства, стремится юридически узаконить и свое политическое господство.

В 1286 г. Трибунал сорока вносит проект закрепить членство в Большом совете только за теми, отцы и деды которых были членами этого совета, исключения же допускать только по решению большинства совета и дожа. Однако дож — Джованни Дандоло — воспротивился проведению реформы, и она была отложена, чтобы снова быть поставленной в порядок дня в 1289 г., через 3 года, во время очередных выборов дожа.

Демократические элементы, к этому времени еще имеющие некоторое, правда, довольно ограниченное, право голоса в политических вопросах, выдвигают кандидатуру Якопо Тьеполо, патриция, честолюбивые замыслы которого толкнули его на союз с народом. Патрицианская олигархия выдвигает одного из талантливейших, энергичнейших и беззастенчивейших своих представителей — Пьеро Градениго. Как и следовало ожидать, избирается Градениго, который оплачивает за свое избрание тем, что в 1297 г. проводит «заккрытие Большого совета».

Согласно новому закону, преимущественное право быть избранным в совет получают те, кто заседал в нем в течение последних четырех лет (1293—1297 гг.), причем они избираются Трибуналом сорока и должны для избрания получить не менее 12 голосов. На остальных специальная комиссия составляет список, который на тех же основаниях выносится на голосование Трибунала сорока. Таким образом, по прямому смыслу закона доступ в Большой совет был открыт для всех, но опытная и ловкая венецианская бюрократия очень скоро придала ему другой смысл. Уже через несколько лет, а официально с 1322 г., стали допускать выдвижение новых кандидатур только из числа лиц, принадлежащих к семействам, члены которых заседали в совете с 1172 г., все же остальные теряют это право. В 1315 г. составляется официальный список таких семейств, список, который позже (1506 г.) получит гордое название «Золотая книга». Таким образом, «заккрытие Большого совета» приводит к закреплению законодательной деятельности в руках немногочисленной патрицианской олигархии, члены которой автоматически становятся властителями города. Так, всякий член одного

из родов, включенный в список, достигая 18 лет, получает право быть избранным в совет. А в 1319 г. проходит закон, согласно которому члены семейств, включенные в списки и дважды проваленные Трибуналом сорока, по достижении 25 лет автоматически становятся членами Большого совета.

Настойчивое, упорное, неуклонно увенчивающееся успехом стремление патрициата захватить в свои руки всю полноту власти в Венеции, стремление, одерживающее столь важную и решительную победу в 1297 г., встречает, однако, в конце XIII и начале последующего века ожесточенное, хотя и безнадежное, сопротивление как в среде народа, еще надеющегося сохранить хотя бы остатки демократии, так и у некоторых честолюбивых представителей патрициата, мечтающих об установлении единоличной власти.

Уже через 2 года после «закрытия», в 1299 г., Марино Бокконио, выходец из народных масс и их представитель, пытается проникнуть в Большой совет и, произведя государственный переворот, добиться демократизации управления государством. Но Марино Бокконио терпит неудачу и гибнет на эшафоте.

Еще через 10 лет попытка государственного переворота повторяется в более серьезных масштабах. Инициатором ее является Байамонте Тьеполо, родственник того Якопо Тьеполо, который был выдвинут демократическими слоями населения Венеции на пост дожа в 1289 г., но был побежден ставленником патрициата — Пьетро Градениго, еще в это время твердо держащим в руках бразды правления. Байамонте — член богатой и влиятельной патрицианской семьи — поддерживал тесные связи со всеми оппозиционными членами патрициата, в частности со знатнейшей и могущественнейшей семьей Квирини. Сам он с молодых лет выделился как энергичный и смелый политический и военный деятель, не слишком считающийся с точным смыслом приказаний правительства, но зато пользующийся широкой популярностью среди народа, который прозвал его «великий рыцарь» (*gran cavaliere*). В 1310 г. Байамонте Тьеполо жил в добровольном изгнании в своей вилле под Венецией, но затем приехал в город и взял на себя руководство всеми недовольными. В богатом дворце Квирини он неоднократно собирает их и подогревает рассказами о губительной для родины внешней и внутренней политике правительства Градениго. Выступление было назначено на 15 июня, причем к этому дню должна была прибыть помощь из Падуи, куда был послан один из заговорщиков — Бадоеер Бадоеер.

Правительство узнало о готовящемся восстании всего за несколько часов до назначенного срока, но сила и власть его были таковы, что ему удалось за эти часы принять необходимые меры, собрать вооруженные силы и выставить их в центре города — на площади св. Марка. И когда заговорщики с раз-

вернутыми знаменами, на которых красовалось слово «Свобода», двинулись к площади, они встретили правительственные силы в полной боевой готовности. К тому же начавшийся ливень помешал всем отрядам восставших прийти на площадь одновременно, а широкие народные массы, не слишком доверявшие кучке восставших патрициев, не оказали им поддержки, на которую они твердо рассчитывали. В результате отряды Тьеполо были разбиты поодиночке. Марко Квирини был убит в стычке, Бадоев был схвачен и немедленно казнен. Самому Тьеполо удалось бежать, он был пожизненно изгнан и умер в 1328 г. жалким изгнанником, за которым навеки сохранилась кличка «предатель». Дворцы Тьеполо и Квирини были снесены с лица земли, и на их месте были поставлены позорные столбы.

Патрицианская олигархия одержала полную и решительную победу, но самый факт организации столь серьезного заговора заставил ее насторожиться, принять меры против возможного повторения таких инцидентов. В июле 1310 г. был создан Совет десяти, подчиненный Большому совету и избираемый на год из числа наиболее толковых членов патрицианских семейств, причем не более чем по одному члену от каждого семейства. Совет десяти был создан как временная организация, призванная следить за безопасностью государства, быть в курсе общественного мнения и подавлять в зародыше всякие попытки государственного переворота. Однако вскоре деятельность его оказалась настолько полезной и плодотворной, что существование его было продлено, а в 1335 г. он был превращен в постоянно действующий орган и стал необходимой и важнейшей составной частью управления Венецией. Заседая каждый день под председательством избранных на один месяц 3 своих членов, «глав десяти» (*capitani dei dieci*), обязательно в присутствии дожа и его 6 советников, имеющих здесь только право совещательного голоса, Совет десяти поддерживает через разветвленную сеть своих агентов и шпионов тесный контакт со всеми сторонами жизни города, привлекает к своему суду всех подозрительных с государственной точки зрения лиц, разбирая их дела с поразительной быстротой и столь же быстро приводя в исполнение свои решения. Решения Совета десяти не ограничены ничем и имеют силу закона, так же как постановления Большого совета, а поскольку эти решения распространяются и на весь правительственный аппарат, не исключая дожа и сенат, то Совет десяти становится основным звеном государственного устройства Венеции, надежной опорой патрицианской олигархии, окончательно забравшей в руки власть с закрытием Большого совета.

* *

*

Таким образом, вторая половина XIII в. и первые годы XIV в. были для всей Италии, только что сбросившей ненавистное иго германского владычества, временем политического созревания, проходящего, правда, в глубоко различных формах в разных частях полуострова. Юг оказался под властью Анжуйской династии как феодальное королевство, Папская область, пережив период эфемерного расцвета при Бонифации VIII, быстро шла к упадку после переезда папского престола во Францию. Флоренция, как и ряд других передовых коммун, после периода ожесточенной классовой борьбы вступает в период безоговорочного господства пополанов, окончательно разгромивших феодальные силы. Милан становится синьорией, опирающейся на феодальные элементы, но старающейся сохранить хорошие отношения и с пополанами. Наконец, Венеция выковывает окончательно свою конституцию, устанавливая безоговорочное господство патрицианской олигархии.

Разнообразие форм политической жизни в Италии второй половины XIII в. весьма велико, но в этом разнообразии имеется и некая общая тенденция, не сглаживающая специфических черт каждого данного государства, в каждом проявляющаяся с разной степенью яркости и силы, но всюду присутствующая. Это — та тенденция к усилению городских пополанских элементов за счет ослабления элементов феодальных, которая проявляется с особенной, можно сказать, классической четкостью во Флоренции. Поэтому можно, несколько схематизируя, утверждать, что исторический путь Флоренции характеризует собой путь всей Италии.

§ 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Сельское хозяйство

В сфере экономической и социальной вторая половина XIII — начало XIV в. были периодом не менее важным и значительным, чем в сфере политической.¹² Мы видели из предыдущего изложения, что многие из событий политической жизни этого времени были теснейшим образом связаны с глубокими социальными сдвигами, определялись ими, и действительно, сдвиги, происходящие в это время, являются радикальными, нередко решающими.

Предпосылкой всех тех изменений, которые происходят в экономической и социальной жизни Италии, было, как мы уже упоминали выше (см. гл. I, § 2), быстро прогрессирувавшее, во всяком случае в Центральной и Северной Италии, разложение феодального поместья.¹³

Разложение это происходило по причинам внутренним и внешним. Рост населения в поместье, быстро развивающаяся в связи с общим развитием денежного хозяйства потребность в деньгах, конкуренция городского производства, в первую очередь в сфере ремесленной, соседство со все более многочисленными и свободными крестьянскими общинами — все это побуждало феодала-помещика принимать решительные меры для коренной реорганизации своего хозяйства. Подневольный труд крепостных крестьян со стандартными размерами ренты, не повышающейся при росте потребности в деньгах, первый напрашивался на реорганизацию. И действительно, в течение XIII в. значительное число феодалов в центре и на севере Италии по своей воле освобождает своих крепостных, чаще всего продавая им свободу за определенную, нередко довольно значительную цену. О таких продажах говорит, например, одна из рубрик (24-я) миланского обычного права (восходящего к XIII в.), требующая соблюдения контрактов от феодалов, которые, «получив от крестьян деньги, освободили их или уступили им часть своих прав», но затем старались снова вернуть их в свое подчинение.¹⁴

Освобождая крепостных за определенную плату, феодал, естественно, стремится сохранить их на своей земле или (в худшем случае) у себя на службе. Если освобождение происходит без земли, что имет место весьма часто, то крестьянин чаще всего остается арендатором того участка, на котором он раньше сидел как крепостной, причем наиболее распространенной формой аренды является половничество или другая разновидность парциальной аренды, т. е. аренды, при которой арендатор отдает землевладельцу за пользование участком половину или другую часть урожая, полученного с этого участка. В случае, когда крестьянин освобождается с землей, он обыкновенно остается связанным с помещиком долгом и для постепенной ликвидации этого долга или для увеличения своего участка опять-таки нередко заключает со своим бывшим властелином арендный, чаще всего половнический договор.

Освобожденные или освобождающиеся крестьяне, число которых с середины XIII в. становится, по-видимому, довольно значительным, образуют, особенно в Центральной и Северной Италии, те «сельские коммуны», которые по своей социальной и политической природе составляют до сего времени одну из неразрешенных загадок истории. Объединяя свободных и полусвободных крестьян, избирая из своей среды консулов, создавая собственные законы, сельская коммуна, в которую входит всего несколько десятков крестьян, стремится стать самостоятельной ячейкой так же, как ею стала значительно более могущественная коммуна городская. Реформируя и модернизируя ведение сельского хозяйства, целиком базируясь на денежной экономике, сельская коммуна решительно порывает со всем фео-

дальным и в своей хозяйственной и политической деятельности теснейшим образом связывается с городом, уже давно занявшим решительную антифеодальную позицию.

По-видимому, не все освобожденные крестьяне объединялись в коммуны, многие оставались самостоятельными и персонально устанавливали, может быть, еще более тесные связи с городской коммуной, сбывая на ее рынке свои продукты и покупая на нем же для себя необходимое из одежды, инструментов и т. д., а иногда беря работу для выполнения на дому или же в самом городе.

Связи между городской коммуной и освобожденными или жаждущими освобождения крепостными крестьянами являются во второй половине XIII в. одним из важнейших, основных явлений социальной жизни; эти связи в значительной мере усиливают, делают более интенсивным то движение к освобождению, которое началось внутри феодального поместья.

Городская коммуна, буквально каждая городская коммуна, от богатой и могущественной Флоренции до какой-нибудь небольшой, не претендующей на политическую самостоятельность коммуны была заинтересована в освобождении крепостных, живущих на окружающих ее территориях.

Первой из причин, обусловивших эту заинтересованность как хронологически, так, возможно, и по своему значению, было связанное с жестокой борьбой между всякой коммуной и окружающими ее феодалами стремление ослабить феодалов политически. Использование крепостных, сидящих на землях гранда, является той основой, на которой последний строит свои политические претензии. Лишая его этой силы, добываясь освобождения крестьян, город таким образом выбивает оружие из рук своего смертельного врага, облегчая себе победу, необходимую для самого существования городской коммуны.

Стимулируя освобождение крепостных, городская коммуна не только ослабляет своего врага, но и укрепляет свои экономические позиции. Постоянно нуждаясь в большом количестве сельскохозяйственных продуктов: хлебе, мясе, овощах, фруктах, город легко мог попасть в безвыходное положение, если бы он зависел от доставки этих продуктов из поместий искони враждебных ему феодалов. Надо было окружить город кольцом свободных или полусвободных крестьянских усадеб, чтобы обеспечить его бесперебойным снабжением предметами первой необходимости.

Заинтересована была также коммуна в увеличении числа налогоплательщиков. Крестьянин, оставаясь крепостным, никому налоговому обложению не подлежал и не мог подлежать. становясь же свободным и входя в юрисдикцию коммуны, он делался налогоплательщиком и своими, пусть скромными, взносами поддерживал финансовое благосостояние коммуны, есте-

ственно заинтересованной в увеличении числа таких налогоплательщиков.

Наконец с течением времени все большее значение приобретает и четвертая причина, побуждающая город усиленно добиваться освобождения крестьян. Быстро и неуклонно развивающаяся городская экономика, накопление крупных капиталов, эволюция ремесла, о которых мы будем говорить ниже, вызывают постоянную и притом растущую потребность в свободных рабочих руках, в людях, не связанных цеховыми обычаями и законами и готовых за небольшую плату взяться за любую работу, а такие люди, освободившиеся в процессе разложения феодального поместья, разоренные выкупной операцией и оставшиеся в ее результате без кормившей их из поколения в поколение земли, не имели другого выхода, как искать применения своим силам в городе.

Во всех феодальных странах хорошо известно и повсеместно распространено стремление городских коммун привлечь в свои стены и затем закрепить за собой крепостных окрестных феодалов, даже не оформивших своего освобождения. Известна поговорка «Городской воздух делает свободным» (*Stadtluft macht frei*), вызванная твердо установившимся обычаем, согласно которому крепостной, проживший в городе известное количество лет (1 год, 10, 15, иногда 20 лет), становится свободным и не может быть затребован обратно феодалом.

Тот же обычай, но уже облеченный в четкую юридическую форму, встречается повсеместно и в Италии XIII в., правда, со значительными различиями. При этом эти законы имеют явную тенденцию быстро развиваться в сторону облегчения положения крестьян в городе. Так, в Сиене по закону 1181 г., неоднократно затем повторявшемуся, крепостной, если он только не принадлежал ранее одному из граждан Сиены, получает право гражданства после 10 лет непрерывного проживания в городе. В конце же XIII в. (1262 г.) 10-летний срок сокращается до 4-месячного, а затем исчезает и оговорка относительно принадлежности гражданину города. Основным критерием является норма *pro comodo et augmento civitatis* (ради выгоды и развития государства), а она требовала даже в малоремесленной Сиене постоянного пополнения рабочих рук.¹⁵ О том же с полной ясностью говорит Луккское постановление 1224 г., определяющее, что *pro civitate nostra augmentanda* (для развития нашего государства) необходимо, чтобы всякий человек, который не проживал ранее в городской округе и пожелает поселиться в ней, пользовался особым покровительством коммуны и получал в ней права гражданства.¹⁶

С разными отклонениями такие же законы формируются в течение XIII в. и в других коммунах. Так, Пиза, Парма, Перуджа устанавливают для получения права гражданства крепостными 10-летний срок, а Пистойя и Равенна — 5-летний,

причем в течение XIII в. нормы эти имеют явную тенденцию сокращаться, освобождаться от всяких сужающих их ограничений и оговорок. Например, к концу века отмирает в Сиене оговорка «*de tribus per taxaritiā*» [по крайней мере трех], которая первоначально лишала прав освобождения городом крепостного, если при бегстве его в покинутом им поместье осталось меньше трех земледельцев. Оговорка эта сначала изменяется, сокращая число с трех до двух, а затем в последние годы века и совсем выпадает.¹⁷

Но если все вышеперечисленные коммуны, не отличавшиеся особым развитием ремесла и не доводившие до предельной остроты борьбу с окрестными феодалами, проводят столь важные мероприятия по обеспечению прироста населения, то передовые коммуны, наиболее развитые экономически и социально, проводят еще гораздо более решительные и яркие меры. На первом месте здесь стоят коммуны Болоньи и Флоренции.

Болонья, как мы упоминали выше, проделавшая очень рано и в очень ярких формах переход к чисто пополанскому правлению, естественно, осуществляет первая ряд определенных и четких мероприятий, направленных к уничтожению крепостного права на подвластных ей территориях. Мероприятия эти тесно связаны с политическим переворотом 1256 г. До него Болонские статуты предусматривали, как и в других коммунах, что крепостной, проживший в городе 6 лет и приписанный к цеху, становится гражданином города.

В 1256 же году в связи с решительной победой над феодалами и вытеснением их из политической жизни города коммуна переходит к решительным действиям. Так, в постановлении, принятом подестой и капитаном 4 июля 1256 г., декретируется, что феодалы обязаны продать всех своих рабов и рабынь (*de personis servorum et ancillarum*) за определенную плату (10 лир — за лицо свыше 14 лет и 8 лир — ниже этого возраста) коммуне, причем прежние владельцы могли оставить за собой все имущество освобождаемых, последние же становились после выкупа свободными полноправными (*liberi et franchi*) гражданами коммуны.

Это чисто деловое постановление было затем повторено в более торжественной, декларативной и принципиально обоснованной форме в следующем, 1257 г., в знаменитом декрете 15 индикта, названном уже современниками «Райским актом» (*Paradisus*).

Акт этот начинается замечательными для середины XIII в. словами: «Изначала Господь Бог Всемогуший сотворил Рай наслаждений, куда поместил человека, которого он создал, и одел его тело одеждой белоснежной, дав ему совершеннейшую и вечнейшую свободу. Но человек, несчастный, забыв о своем достоинстве и о божественном даре, отведал запрещенное яблоко, нарушив запрещение Господне. Этим он себя и все свое потомство вовлек в эту юдоль скорби и отравил род человеческий, злосчастно подчинив его узам дьявольского рабства. Так род человеческий из неизменного стал изменяющимся, из бессмертного — смертным, подчинившись изменениям

и тягчайшему рабству. Но увидел Господь Бог, что весь мир погибает, и сжалился над человеческим родом и послал Сына своего едиnorodного, рожденного от Девы по милости Духа святого, дабы достоинствами своими, разбив оковы рабства, в которых содержались мы как пленные, вернуть нас к прежней свободе. И посему весьма полезно, когда люди, которых природа изначально создала свободными, а человеческое же право (*jus gentium*) подчинило их ярму рабскому, благостью освобождения возвращались в то счастливое состояние свободы, в котором они увидели свет. В рассуждение чего знатное государство Болонья, которое всегда боролось за свободу (*que semper pro libertate pugnavit*), помня о прошедшем и предвидя будущее, во имя Спасителя нашего Господа Иисуса Христа за определенную плату (*pemptio pretio*) выкупает всех связанных рабским состоянием, которых только найдет, произведя тщательный розыск в городе Болонья и епископстве ее, и объявляет их свободными. И постановляет, чтобы ни один человек, связанный какими-либо рабскими узами, не смел впредь проживать в городе или епископстве Болонском, дабы вся масса столь естественной свободы, приобретенная дорогой ценой, не была испорчена малой каплей какого-либо рабства. Ибо малая капля (*fermentum*) портит всю массу и сообщество и одну скверную бесчестит множество добрых». ¹⁸

В этом документе, приведенном нами почти полностью, в высокой степени примечательны как содержание, так и форма. С очаровательной наивностью, путая аргументы от Святого писания с аргументами от «естественной свободы человека», хвастаясь борьбой за свободу и большой ценой, за которую выкуплены рабы, «Райский акт» торжественно провозглашает уничтожение всякой несвободы на территории Болонской коммуны.

За «Райским актом» последовало 3 июня того же 1257 г. решение Народного совета (*Consiglio del popolo*), которое устанавливало, что все нынешние и будущие жители города Болонья и его владений должны считаться свободными людьми и пользоваться соответствующими правами и что всякая попытка подчинить кого-нибудь и сделать его зависимым будет караться крупным штрафом в 1 тыс. лир для того, кто подчиняет, и отсечением языка, руки и ноги для того, кто подчиняется.

Еще более подробно и полно запрещает какую бы то ни было форму зависимости изданный в 1282 г. свод законов Болонской коммуны, так называемые «Святые и святейшие установления» («*Ordinamenti sacrali e sacratissimi*»), причем они имеют в виду не только крепостную, но и любую иную форму феодальной зависимости. Наконец, через несколько лет, в 1304 г., так как имеются еще некоторые рецидивы крепостной зависимости, опять повторяется, что она во всех ее формах строжайшим образом запрещена.

Как бы мы ни объясняли факт многократного распоряжения об освобождении крестьян в Болонских владениях, ¹⁹ одно бесспорно, что многократность эта говорит о чрезвычайной важности совершающегося процесса, о серьезном сопротивлении, которое мероприятия коммуны встречали в первую очередь, по-видимому, со стороны феодалов, далеко не поголовно осо-

знавших необходимость отказа от устарелых форм крепостнической эксплуатации. Но коммуна настояла на своем, и крепостная зависимость в Болонье и ее владениях была уничтожена.

Несколько позднее, но не менее характерно протекал процесс освобождения крепостных крестьян городской коммуной во Флоренции. Здесь борьба между городскими пополами и окружающими город магнатами приобретает классические формы, но здесь же так быстро и радикально идет обогащение верхушки пополанов — «жирного народа», что многие из ее представителей сами становятся землевладельцами, а следовательно, и владельцами крепостных крестьян. Поэтому столь решительная и всеобщая отмена крепостной зависимости, как в Болонье, здесь была невозможна. Надо было действовать осторожнее, постепенно.²⁰

И действительно, 30 июля 1289 г., в период наибольшего обострения борьбы между пополами и магнатами, в общий и частный совет капитана явились представители района Муджелло и заявили, что сельские жители этого района истари зависели от флорентийской каноники, теперь же последняя собирается продать свои права феодальному роду Убальдини, что, несомненно, принесет значительный вред коммуне и потому необходимо выкупить всех сельских жителей Муджелло у каноники за 2300 флорентийских лир.

Соответствующее решение и было принято советами. Через несколько же дней после этого — 6 августа того же 1289 г. — было принято знаменитое постановление, авторство которого не без основания приписывается писателю и энциклопедисту Брунетто Латини.

Постановление это, достойная параллель болонскому «Райскому акту», начинается следующей пышной декларацией: «Так как свобода, т. е. возможность выполнять свою собственную, а не чью-нибудь чужую волю, та свобода, которой государства и народы защищаются от насильников, а права их охраняются и расширяются, происходит от естественного права и им многообразно украшается, то господа приоры цехов государства Флоренции и прочие мудрейшие и добрые мужи, собравшиеся для обсуждения этого вопроса в доме Гано Форезе и родичей, в котором приоры обитают по праву, уполномочию и власти, предоставленной им и осуществляемой ими от имени советов и при помощи советов господина защитника и капитана, а также коммуны Флоренции, решили и постановили, чтобы было впредь нерушимым следующее: чтобы никто, откуда бы он ни происходил и какого бы звания, достоинства или сословия ни был, не смог, не смел или не намеревался сам или через посредство другого лица тайно или явно покупать или каким-нибудь другим способом, образом, правом или матерой приобретать навечно или на время каких бы то ни было верных (fideles) холопов, постоянных или условных, приписных (adscriptitios) или податных (sensitos), или каких-либо других лиц любого звания, или какие-либо другие права, как ангарию или перангарию, или подобные, нарушая тем свободу и права какого бы то ни было лица в городе, контадо или дистрикте Флоренции...»²¹

Постановлением этим решительно запрещается продажа и покупка крепостных или прав на крепостных в пределах фло-

рентийской территории. Отказавшись от ссылок на священное писание, на которых основывался болонский акт, аргументируя только естественным правом и благом коммуны, флорентийский законодатель в то же время не отменяет крепостной зависимости вообще, как это делали в Болонье, а только принимает меры к тому, чтобы эта зависимость не получала дальнейшего распространения.

Но, как это обычно имело место в осторожной и консервативной Флоренции, постановления 1289 г. постепенно, почти незаметно видоизменяются в сторону расширения. Так, постановлением от 3 февраля 1290 г. назначается специальный синдик для проверки того, не имеет ли на территории коммуны кто-нибудь из лиц, не являющихся ее гражданами, зависимых людей. Если же синдик найдет таких зависимых, то должен немедленно выкупить их и объявить свободными. Каковы были дальнейшие этапы этой постепенно усиливающейся борьбы коммуны за освобождение крепостных, мы не знаем, но, несомненно, что в течение века крепостная зависимость на территории Флорентийской коммуны была полностью ликвидирована и заменена арендой, половничеством, а частично повела к бегству бывших крепостных из деревни и переходу их в город на работу в различные отрасли быстро растущего городского ремесла.

Но не только в результате ухода с насиженного участка и переселения в город устанавливает бывший крепостной тесный контакт с городской коммуной. Такой контакт устанавливается также, и притом весьма часто, путем перехода бывших феодальных земель в руки богатых горожан. Разорившиеся магнаты очень часто вынуждены были либо уступать за долги, либо продавать за бесценок свои родовые поместья «жирным» пополам, а вместе с этими поместьями переходили в подчинение новым хозяевам и сидящие на них крестьяне. В подавляющем большинстве случаев эти крестьяне были свободны и, оставаясь на своих участках, вступали только в новые договорные отношения с новыми владельцами этих участков, заключая с ними новые арендные договоры чаще всего на базе половничества. Тип попола-горожанина, совмещающего занятие торговлей, ростовщичеством, ремеслом с землевладением, сельскохозяйственной эксплуатацией крупных земельных участков, все чаще встречается в наиболее развитых частях Италии конца XIII — начала XIV в. Типичным представителем таких пополанов-землевладельцев является болонский богатый пополан, юрист и политический деятель Пьер ди Крешенци (1233—1321), автор трактата «О выгодах сельского хозяйства» (*Opus ruralium commodorum*), вышедшего в свет около 1305 г.²² Трактат этот показывает, что новые хозяева недавно еще феодальной земли отнюдь не намеревались, подобно своим предшественникам, использовать эту землю по старинке. Они стре-

милось извлечь из поместий, в которые вложили деньги, заработанные своим потом, максимальную выгоду, используя для этого и свой громадный практический опыт и всю имеющуюся специальную литературу, как античную, к которой в это время пробуждается особый интерес, так и средневековую. Так, Крешенци, сам крупный землевладелец, широко использует в своем трактате римских писателей по вопросам сельского хозяйства Катона, Варрона, Колумеллу, трактат «О растениях» схоластического ученого Альберта Великого, трактат «О коневодстве» конюшего Фридриха II Джордано Руффо и ряд других литературных источников, и в то же время он постоянно учитывает и свой собственный практический опыт. «Я прибавил, — пишет он, — много полезного из того, что потом видел и проверил на опыте».

Поместье богача-пополана, как его рисует трактат Крешенци, полная чаша. В нем мы находим и пахотную землю, и виноградники, и плодовый сад, и огород, и луга, на которых пасутся стада рогатого скота и табуны лошадей, и реку, изобилующую рыбой. Вся работа в нем выполняется исключительно свободными крестьянами-арендаторами и наемными батраками. Но, будучи выгодным, прибыльным хозяйством, поместье является также и летней резиденцией своего владельца — виллой с садом, где можно отдохнуть от тяжелых трудов, от торговли, от политических забот.

Как процессы, идущие внутри разлагающегося феодального поместья, так и нужды и потребности быстро развивающихся городских коммун приводят к одному результату — постепенному видоизменению сельскохозяйственной структуры Италии, освобождению ее крепостного крестьянства, изменению его характера, его занятий, его зависимости.

Однако не следует думать, что при всей распространенности этих явлений они были повсеместными, что на всем протяжении полуострова феодальное землевладение и крепостная зависимость полностью отмерли. Оставались еще значительные территории, особенно на юге и на северных окраинах Италии, в которых феодальные отношения сохранили свою силу, что приводило к нередким, иногда кровавым, столкновениям между феодальными властями и крестьянскими массами.

Массовые религиозно-покаянные движения, широко распространенные в первой половине XIII в., необычайно популярная, проникающая буквально во все поры общества проповедь францисканских монахов разносят во все, даже самые отдаленные и отсталые углы страны, идеи равенства всех смертных перед Богом, мечты о воскрешении былого евангельского братства, а эти идеи и мечты были непримиримы с тяжелыми условиями феодальной эксплуатации, с крепостной принадлежностью человека человеку, пусть стоящему на более высокой ступени социальной лестницы.

Эти процессы религиозно-идеологического порядка, а также воздействие примера более передовых районов страны приводили к тому, что там, где освобождение крепостных не проводилось снизу по инициативе землевладельцев или сверху по инициативе городских коммун, крестьянские массы пытались собственными силами решить свою судьбу — становились на революционный путь.

Примером такой попытки является возникающее в 1260 г. в районе г. Парма движение секты «апостолов», возглавляемое Джерардо Сегарелли.²³ Секта эта, проповедующая равенство, братство, евангельскую жизнь, своей первоначально вполне мирной агитационной деятельностью собирает в свои ряды большое количество мужчин и женщин со всех концов Северной Италии. По своему социальному составу это в подавляющем большинстве крестьяне, представители низших слоев населения деревни и города. Салимбене, хроника которого дает ряд ярких штрихов, характеризующих движение, называет их «негодьями, сельскими жителями, зверями» (*ribaldi et homines rurales et bestiales*). «Они называют себя апостолами, — пишет Салимбене, — но они негодяи и обманщики, убегающие от своих обязанностей и отказывающиеся работать. Им бы следовало стеречь коров и свиней или чистить отхожие места, или исполнять другие низкие дела, или, наконец, обрабатывать землю...»²⁴

Эти и другие подобные указания выходца из социальных верхов, представителя церкви Салимбене с неоспоримостью говорят о революционном, антифеодальном характере секты даже в начальный, относительно мирный период ее существования. Но в 1280 г. руководитель секты Сегарелли подвергается аресту, сама секта запрещена церковью, и ее члены уходят в подполье. В 1300 г. (или в 1301 г.) в результате начавшихся общих репрессий гибнет на костре Сегарелли вместе с рядом своих последователей. Это заставляет секту переменить характер своей деятельности. Озлобленные кровавыми карами, борющиеся теперь за самое свое существование, члены ее переходят к прямой вооруженной борьбе с церковью и с существующими феодальными порядками. Во главе движения становится теперь сын североитальянского священника Дольчино и его верная подруга Маргарита. Человек относительно образованный, воспитанный на иоакимитских идеалах, Дольчино углубляет и обостряет носившие довольно расплывчатый характер принципы «апостолов», он проповедует полный отказ от всякой собственности, полный евангельский коммунизм и требует во имя Бога выступления с оружием в руках против всех имущих, как духовных, так и светских.

Странствуя и проповедуя по всей северной части Италии, Дольчино собирает вокруг себя значительное количество сторонников, причем, как и у Сегарелли, это в подавляющем большинстве крестьяне. В 1305 г. несколько тысяч (по одним источ-

никам — 3, по другим — 5 тыс.) сторонников Дольчино поднимают открытое восстание в северной части Ломбардии. Два года ведет героическую и безнадежную борьбу с организованным церковью крестоносным войском горсточка храбрецов. Наконец, зимой 1307 г. они были окружены на одной из гор. Три месяца продолжалась осада. 23 марта последний оплот Дольчино был взят штурмом. Около тысячи человек было перебито. Дольчино и Маргарита были взяты в плен и казнены после долгих и мучительных пыток. Попытка крестьянской революции, заведомо безнадежная в Италии XIII—XIV вв., окончилась полным провалом и была затоплена в крови. Но эта попытка является ярким симптомом тех сдвигов, которые происходили в феодальных поместьях даже отсталых частей Италии, говорит о том, что феодальные отношения и здесь переживали серьезный кризис.

Цехи

В каких бы формах и по чьей бы инициативе ни происходило разложение феодального поместья, оно почти всегда приводило к тому, что некоторая часть бывших крепостных, потерявших связь с кормившей их раньше землей, попадала в города и тут же поглощалась быстро растущей и развивающейся системой торговли и ремесла. Во второй половине XIII в. торговля и ремесла окончательно укладываются в формы цеховых объединений,²⁵ политическую роль которых в этот период мы рассмотрели выше. Эти цеховые объединения имеют различную дробность и охватывают различную часть городского населения, причем можно утверждать, что такая дробность растет прямо пропорционально социальному и экономическому прогрессу данной коммуны. Так, в Милане, уже со времени победы Висконти в 1277 г. становящемся на путь феодального развития, только частично ослабленный уступками новым экономическим требованиям, цехи, или, как их называют в Ломбардии, — паратики (*paratici*), начинают явно отмирать. «Креденца св. Амвросия», объединявшая сначала только собственно ремесленников, а затем с XIII в. включившая в свой состав и купцов, вышедших из «Мотты», теряет свое значение. Только объединение купцов (*universitas mercatorum*), слишком богатое и влиятельное, чтобы на него могли поднять руки даже феодально настроенные Висконти, продолжает существовать как самостоятельная организация, из которой позднее (в 1338 г.) выделится организация купцов-сукноделов (*mercatores facientes laborare lanam*). Более же мелкие торговцы и ремесленники в собственном смысле этого слова остаются вне четких организационных форм.

В Болонье, которая, как мы видели, одна из первых стала ареной острой борьбы между пополанами и знатью, борьбы, закончившейся полной победой первых, цеховая организация

оформляется в ходе этой борьбы. Здесь в середине XIII в. создаются 20 цехов. Однако они отнюдь не равноправны между собой. Политически и экономически из их среды выделяются 3 цеха, объединяющие наиболее зажиточных, обогатившихся и продолжающих обогащаться пополанов. Это цех «Купцов» (*Mercatores*), объединявший всех оптовых торговцев, ведущих широкую, главным образом внегородскую торговлю; цех «Менял» (*Cambio*), ростовщиков и банкиров; обязательных спутников и помощников оптовых торговцев; наконец, специфический для Болоньи со знаменитым на всю Европу юридическим факультетом ее древнего университета цех «Нотариусов» (*Notai*).

Остальные цехи, объединяющие мелких торговцев и ремесленников, хотя и существуют как четко оформленные организации, но заметной роли в политических и экономических судьбах коммуны не играют.

Если в Милане цехи вообще не получают сколько-нибудь заметного развития, а в Болонье они в этом развитии как бы останавливаются на полпути, то во Флоренции они достигают развития максимального и, можно сказать, классического. После переворота «*grimo popolo*» в 1250 г. мы находим здесь уже вполне четко организованные 7 старших цехов. Это, во-первых, цех «Калимала» (*Calimala*), который объединяет торговцев иностранными шерстяными тканями, привозящих эти ткани из Англии или Франции, обрабатывающих их с целью придания им более высокого качества и затем перепродающих готовую продукцию как внутри Флоренции, так и вне ее. Этот цех, один из старейших во Флоренции, по-видимому, первоначально соответствовал миланскому и болонскому цеху «купцов», но затем в результате экономического и социального развития города на Арно приобрел более узкий и специфический характер.

Второй и третий из старших цехов Флоренции также повторяют болонский образец, это — «Менялы» (*Cambio*) и «Судьи и Нотариусы» (*Giudici e notai*), причем последние играют во Флоренции гораздо меньшую роль, чем в оплоте юриспруденции — Болонье.

Четвертый из старших цехов носит название «Ворота св. Марии» (*Arte di Por Santa Maria*). Названный так по имени места, в котором жила большая часть его членов, цех этот первоначально занимался розничной (в отличие от «Калималы») продажей предметов одежды, и в первую очередь наиболее дорогих и выгодных шелковых изделий. Во второй половине XIII в., однако, он объединился с другим, ранее конкурировавшим с ним цехом «Шелкоделов» (*Seta*). И в дальнейшем мастера цеха «Ворота св. Марии» занимаются как изготовлением шелковых тканей, так и продажей их и изделий из них.

Пятый старший цех возник позднее других, но затем вскоре занял первенствующее положение. Это — выделившийся в 1212 г. из цеха «Калималы» цех «Шерстяников» (*Lana*). Наи-

более производительный из всех цехов и притом изготавливающий наиболее широко распространенную и нужную повсеместно продукцию цех «Шерстяников» растет и развивается необычайно быстро, наиболее полно и радикально испытывает на себе новые веяния и уже к концу XIII в. становится могущественнее и богаче даже цеха «Калимала». При этом сохраняя производство шерстяных тканей как свое основное занятие, мастера-шерстяники одновременно занимаются и торговлей. Они закупают за границей — в Англии, Фландрии или Испании — шерсть и перевозят ее во Флоренцию, ведут банковско-ростовщические операции, в это время неразрывно связанные с иностранной торговлей.

Шестой и седьмой старшие цехи далеко не играют той роли в экономической и политической жизни коммуны, как первые пять. Это цех «Врачей и Аптекарей» (*Medici et Speziali*), весьма многочисленных во Флоренции, и цех «Шубников и Меха-щиков» (*Pelliciai et Vajai*). К цеху «Врачей и Аптекарей» нередко приписывались и лица, занимавшиеся другими видами интеллектуального труда, например, членом ее состоял Данте. Цех «Шубников и Мехащиков» объединяет скорняков, изготовителей меховой одежды и торговцев ею и является как бы промежуточным между старшими и средними цехами.

Средние цехи (числом пять) оформляются организационно в начале XIII в. и получают политические права в 80-х годах. Это, во-первых, мясники (*becai*), беспокойные, часто весьма зажиточные и потому стремящиеся, впрочем тайно, перейти в высшую категорию, далее — сапожники (*calzolai*), кузнецы (*fabbri*), мастера строительного дела (*maestri di pietra e legname*), галантерейщики и бельевики (*rigattieri e linaioli*).

Наконец, в последние годы XIII в. в связи с принятием «Уставлений Справедливости» оформляются и стремятся к получению всей полноты политических прав еще 9 младших цехов: 1) торговцы вином, 2) владельцы гостиниц, 3) торговцы гастрономическими товарами (маслом, солью, сыром), 4) дубильщики, 5) оружейники, 6) слесари, 7) кожевники, 8) торговцы лесными товарами, 9) хлебопеки и булочники.

Мы уже видели выше, что в политической жизни Флорентийской коммуны перечисленные группы цехов играли различную роль. Это объясняется в первую очередь глубокими и постепенно все углубляющимися различиями в социальной природе входящих в их состав цеховых мастеров. Изменения в социальной и экономической обстановке, происходящие в Италии, сказываются на различных группах цехов по-разному.

Так, ремесленники, входящие в состав младших цехов, полностью сохраняют методы ведения своего дела, которые они унаследовали от своих дедов и прадедов. Торговец вином, так же как раньше, закупает у окрестных крестьян определенное количество бочек вина и продает его либо потребителям, либо

хозяевам кабаков и гостиниц. Хозяин гостиницы по-прежнему ведет свое несложное дело, поддерживает весьма относительную чистоту в своем обычно очень небольшом заведении, встречает посетителей, выдает белье, и, что составляет главную статью его дохода — кормит и поит их в кабаке при гостинице, закупая продукты и вина у таких же мастеров младших цехов, как и он. Все эти операции не требуют больших капиталов, ибо закупки производятся мелкие, не требуют и многочисленного персонала — хозяин да 2—3 ученика, да 1—2 слуги — вот и весь штат такого «предприятия». Оно сохраняет старую, чисто средневековую цеховую структуру и не изменяет ее на протяжении веков.

Несколько больше влияет изменившаяся социальная и экономическая обстановка на мастеров средних цехов. Увеличение населения города, расширение потребностей этого населения, необходимость в изготовлении более высококачественной и более разнообразной продукции заставляют представителей некоторых торговых и ремесленных специальностей значительно расширить свои предприятия, вкладывать в них более крупные капиталы, привлекать большее количество учеников, принимать 10—15 вспомогательных рабочих. Особенно это имеет место в специальностях, обслуживающих строительство. Флоренция растет и строится необычайно быстро, и поэтому к строителям и кузнецам предъявляются невиданные ранее требования. Правда, расширение предприятий, входящих в состав средних цехов, не отрывает их значительно от мастеров цехов младших. Разница остается скорее количественной, чем принципиальной, и в большинстве случаев те и другие выступают одной объединенной группой. Мастер цеха из числа средних так же работает сам, своими руками, так же ограничивает свои операции кругом городских стен, так же не прибегает к крупным финансовым операциям, как и его собрат из числа младших цехов.

Совершенно иначе ведут себя мастера, входящие в состав цехов старших, тот «жирный народ», который все более решительно и настойчиво стремится во второй половине XIII в. захватить в свои руки бразды правления как экономической, так и политической жизнью коммуны. Оставаясь в составе цеха и вырабатывая сложные и строго определенные формы управления этим цехом, мастера эти теряют все основные черты, свойственные цеховому мастеру средневекового города. Связанные в своей торговой деятельности с иностранным рынком, ворочающие громадными капиталами, они уже не находят ни нужным, ни целесообразным участвовать в тех операциях, которые надлежит выполнять представителю соответствующей специальности. Мастер цеха «Калимала» сам не стоит за прилавком, продавая свои привезенные из-за границы сукна, мастер цеха «Лана» не потеет за ткацким станком, изготавливая куски сукна из дорогой английской шерсти. У того и другого

и без того достаточно дел. Персонал предприятия многочислен и разнообразен: здесь и агенты, производящие закупку товаров за границей; и гонцы, поддерживающие связь с этими агентами; и кладовщики, принимающие прибывающий товар; и рабочие различных специальностей, этот товар обрабатывающие; и продавцы, доводящие до покупателя готовую продукцию; и, наконец, следящие за всем и все регистрирующие управляющие-бухгалтера, впервые в истории ведущие записи в толстых бухгалтерских книгах. Только дать руководящие указания этому многочисленному штату, только решить принципиальные вопросы в ведении дела — и у мастера не остается больше ни минуты времени, а он к тому же чаще всего активный политический деятель, член приората или одного, двух советов, входит в состав того или иного органа цехового управления, выполняет отдельные дипломатические поручения за границей. Понятно, что такой мастер мало чем напоминает как цехового мастера прошлых столетий, так и своего собрата из какого-нибудь младшего цеха. Тот остается ремесленником, этот стал капиталистом, представителем тех рыцарей наживы, которых порождает обновляющаяся Италия.

Торговля

Описанное выше превращение цехового ремесленника и торговца в капиталиста происходит в формах специфических и своеобразных, причем различных для операций, связанных с морской и сухопутной торговлей.

В том и другом случае организация крупного предприятия капиталистического типа была не под силу одному лицу, даже весьма богатому. Поэтому необходима была ассоциация нескольких мастеров, которая и принимает различные формы.

В морской торговле и других операциях, связанных с дальними морскими плаваниями, применяется, вырабатываемая в своих классических формах в Генуе, форма «морской компании» (*societas maris*), или «коменды» (*comenda*).²⁶ «Компания» эта в наиболее простом и раннем случае состоит из двух участников. Один предоставляет весь капитал, необходимый для проведения операции — закупки товара, найма корабля, оплаты элементарной рабочей силы, это — так называемый «остающийся» (*stans*), ибо он, как истинный капиталист, сам в ведении операций не участвует, а остается в месте расположения фирмы. Второй член «компании», так называемый «деятель» (*tractator*), в классическом случае не вносит никакого капитала, но зато едет в опасное плавание и осуществляет все операции, необходимые для продажи товара, дачи денег в рост, закупок новых товаров и новой их продажи и т. д.

Прибыли, получаемые от всей суммы операций, подсчитываются после окончания плавания и распределяются между обо-

ми членами компании следующим образом: «остающийся» получает три четверти, а «делец» — четверть всей прибыли.

Этот наиболее простой и наиболее ранний тип «коменды» иногда усложняется тем, что «делец» также вносит некоторую, чаще незначительную, долю капитала, и тогда его доля участия в прибыли несколько повышается, или тем, что в договоре принимает участие владелец корабля, на котором совершается плавание, также получающий некоторую долю прибыли. Но неизменным и главным во всяком таком сообществе остается то, что львиную долю выгоды от опасной и сложной операции получает тот, кто в ней непосредственно не участвует, — владелец капитала, капиталист.

В сухопутной торговле, крупном ремесле, банковско-ростовщическом деле наиболее распространенной и возникающей почти одновременно является другая организационная форма — «компания» (*compagnia*).²⁷ Здесь для совершения тех или иных операций объединяются на определенный срок от 3 до 5 лет несколько мастеров, чаще всего членов одной семьи или несколько родственных семейств. Каждый из участников вносит определенную часть капитала и участвует в определенной части работы по организуемому предприятию. По окончании договорного срока по записям бухгалтерских книг производится подсчет прибылей, и они делятся пропорционально внесенному капиталу и проведенной работе. При этом доля участия в прибылях чаще всего оговаривается при составлении начального договора.

Подведя итоги и распределив прибыли, участники «компаний» чаще всего не расходятся, а подписывают новый договор, составляя новую «компанию» в том же или лишь немного измененном составе, причем как основной капитал, так и прибыли первой «компаний» вносятся в капитал второй. Так происходит несколько раз до тех пор, пока по тем или иным причинам «компания» не распадается, делясь на несколько предприятий, или совсем ликвидируется.

«Коменда» или «компания» являются наиболее распространенными, классическими формами организации предприятий, но кроме них существует еще множество других близких к ним по типу форм. Общим для всех них является ассоциация капиталистов и руководящих работников, временный характер этой ассоциации и распределение прибылей в соответствии с вложенным капиталом или трудом, причем львиная доля приходится именно на капитал.

В этих организационных формах протекает во второй половине XIII в. то не имеющее исторических параллелей развитие торговли, банковского дела, ремесла итальянских пополанов, которое в значительной мере объясняет, что происходит в разобранной нами выше политической сфере и в подлежащей нашему рассмотрению сфере идеологической.

При этом все 3 перечисленные области — торговля, банковско-ростовщическое дело и ремесло связаны между собой тесно и неразрывно, и мы упоминаем в дальнейшем каждую из них в отдельности только для удобства изложения.

Как уже указывалось, торговля во второй половине XIII в., как и в предшествующий и последующий периоды, резко разделяется на морскую и сухопутную. В первой главенствующее положение занимают Генуя и Венеция, в то время как Пиза после битвы при Мелории теряет былое значение. Ведя постоянную политическую и экономическую борьбу между собой, обе портовые республики к концу XIII в. разграничивают сферы влияния и, несмотря на вражду, ведут параллельную и весьма оживленную торговлю с Востоком. Генуя прочно обосновывается в западной части северного побережья Африки и в Крыму, Венеция — в восточной части африканского побережья и на всем восточном побережье Средиземного моря, а также в архипелаге и на берегах Балканского полуострова.²⁸

Торговые операции ведут обыкновенно небольшие ассоциации типа «коменды», причем несколько таких ассоциаций (15—30) объединяются при найме корабля, который, в свою очередь, чаще всего принадлежит ассоциации — ряду мелких капиталистов, каждый из которых владеет определенной долей в этом корабле. В Венеции эти доли называются каратами, в Генуе местами (*carati, loca*), и количество таких долей колеблется от 16 до 30—40. Корабли, груженные товарами, направляющимися на Восток, собираются в караваны (*mude*), которые и отправляются в определенные сроки в плавание по определенному маршруту, чаще всего в трех направлениях — на запад, юг и восток.

Каждый караван, состоящий нередко более чем из десятка кораблей, «везет» материальные интересы шестисот, а то и большего количества венецианцев или генуэзцев (2 чел. в «коменде» \times 20 «коменд» на корабль = $40 + 20$ карат = 60×10 кораблей = 600).

Правда, такая дробность капиталов, вкладываемых в морскую торговлю, является широко распространенной в более ранний период — в середине XIII в. К концу века, и особенно к началу следующего, тенденция к концентрации капиталов, обогащение отдельных, наиболее энергичных и предприимчивых купцов приводят к значительному уменьшению числа участников каждого плавания.

Караваны отправляются обыкновенно осенью или весной с тем, чтобы в первом случае после зимы, а во втором — до зимы вернуться обратно. При этом купцы, везущие на Восток определенный ассортимент товаров, чаще всего продают их в месте прибытия через своих агентов или местных купцов, предпочтительно своих соотечественников, закупают здесь же

новые товары и на тех же кораблях везут их на родину, совершая, таким образом, весь цикл в течение полугода.

Привезенные на родину товары либо отправляются дальше в торговые центры Европы для перепродажи, причем отправляют их те же или другие купцы, либо продаются на месте заезжим иногородним или иностранным покупателям. Первый способ (переотправка) более распространен в Генуе, расположенной на бойких торговых путях, второй (перепродажа на месте) — в Венеции, являющейся мировым рынком восточных товаров и обслуживающей ими все европейские страны, в первую очередь Германию, купцы которой, как мы упоминали выше, уже с начала XIII в. имеют здесь свой большой торговый двор «fondaco». «Общий торговый двор в Венеции, в котором останавливаются немцы» («Fonticum communis Veneciarum ubi Teutonici hospitantur»), называется в документе 1228 г. В дальнейшем этот «Немецкий двор» (Fondaco dei Tedeschi) станет крупнейшим торговым центром и прославится на всю Европу.²⁹

Продажа и закупка товаров на Востоке производится также в крупных торговых центрах, таких, как Константинополь, Александрия, Бейрут, Негропонт, Дамаск, в торговых домах — фондаках, где купцы останавливаются и где производятся все коммерческие операции с местными туземными и итальянскими купцами. В более мелких пунктах операции производятся либо на местных рынках, либо путем сношений через официальных торговых агентов — «сензалов» (sensali) — с местными торговыми фирмами.

При этом постоянно живущие в восточном торговом центре и приезжающие в него на несколько недель и месяцев купцы определенного города (Венеции, Генуи, Пизы) образуют обыкновенно замкнутую общину, маленькую копию своей родной коммуны, управляемую консулами, иногда возглавляемую байулом, причем в задачи этой общины входит охранять как экономические, так и политические интересы своей родины и помогать своим согражданам.

В отдельных случаях активные торговые операции приводят к полному захвату соответствующего центра. Так, генуэзцы захватывают и держат в прямом политическом подчинении важнейшие крымские порты, и в первую очередь Каффу, венецианцы — перегрузочные пункты Корон и Модон. Иногда, не имея возможности или не считая целесообразным держать в государственном подчинении тот или иной пункт, Генуя или Венеция передают его в нечто вроде феодальной собственности одному из своих граждан, известному своей энергией и верностью коммуне. Так, в 1304 г. генуэзский купец, мореход и авантюрист Бенедетто Захария получает (или вернее, захватывает) остров Хиос; значительно раньше — в 1207 г. — венецианский патриций Марко Санудо получает острова Наксос

и Парос, венецианский род Дандоло властвует на острове Андрос, Гизи — на острове Тинос, Навигайола — на острове Лемнос. Эти купцы, патриции, мореплаватели, активные члены республиканских правительств и враги всего феодального у себя на родине становятся в своих «заморских» владениях настоящими феодальными владельцами, не переставая при этом оставаться верными слугами своих коммунальных правительств, покорными исполнителями их распоряжений.

Осуществляя морские торговые операции, купцы, исходя из своей личной выгоды, по возможности старались балансировать стоимость вывозимых и ввозимых ими с Востока товаров и тем самым дважды в одно плавание производить оборот капитала. Однако это было делом весьма нелегким, ибо, во всяком случае в XIII в., Восток мог дать гораздо больше Западу, чем наоборот. Доказательством этому, между прочим, может служить то, что генуэзские суда обыкновенно везли на Восток товары бесплатно, если этот же купец вез на том же корабле обратно закупленные на Востоке товары.

Вывозили на Восток некоторые ткани (шерстяные, льняные), европейское оружие, в отдельных случаях продукты питания и рабов, ранее купленных в каком-нибудь другом восточном порту. Ввозили же с Востока перец, пряности, красители, квасцы (необходимые при обработке шерстяных тканей), восточные, в первую очередь шелковые, материи, жемчуг, драгоценные камни, сахар, соль и рабов.

Довольно трудно, даже с некоторой степенью точности, определить обороты купцов, занимавшихся заморской торговлей во второй половине XIII в. Насколько можно судить по более позднему материалу, обороты эти были довольно значительными, выражаясь для каждой отдельной «компании», за каждое плавание в тысячах, а то и десятках тысяч флоринов, что, принимая во внимание весьма большую покупательную силу золотого флорина этого времени, представляло собой большое состояние. Так, уже знакомый нам генуэзец Бенедетто Захария в год ввозил в Геную около 13 тыс. канторов квасцов стоимостью в 60 тыс. генуэзских лир (монета, близкая по стоимости флорину), в то время как годовой бюджет богатой купеческой семьи в начале XIV в. равнялся 300—400 флоринам. Другим критерием может служить то, что в начале XIII в. на 100 флоринов можно было купить 6,3 га плодородной земли.

Общий масштаб морской торговли одного города дают следующие цифры: в 1274 г. через Генуэзский порт было ввезено и вывезено товаров на сумму в 936 тыс. генуэзских лир, а в 1293 г. через него же — на 3 млн. 822 тыс. лир, что, по подсчету Лопеза, составляет в золотом исчислении 1297 г. не менее 600 млн. лир.³⁰

Прибыли, полученные от морской торговли, если также судить по несколько более поздним данным, в среднем не пре-

вышли 30—40 % за операцию; большие прибыли достигались в торговых операциях с товарами новыми, цены которых были мало известны и потому могли назначаться относительно произвольно. Прибыль эта могла значительно понижаться и сдвигаться, когда торговая операция сопровождалась большим риском, требовала далеких странствий в неведомые края.³¹ Поэтому тогда к таким странствиям становится общераспространенной

Венецианские купцы братья Никколо и Магдео Поло в 50-х годах XIII в. решаются на далекий, полный неведомых опасностей путь через Константинополь, Нижнее Поволжье и Тибет в Китай, ко двору хана Хубилая, внука Чингисхана. Несколько позднее по другому пути сюда же приезжает сын Никколо — Марко, которому суждено было 24 года пробыть на Востоке и после своего возвращения в Европу, в генуэзском плену (после битвы при Курцоле в 1298 г.) написать или, вернее, продиктовать подробное описание своих странствований. Эта книга сразу получила широкое распространение во всей Европе и впервые познакомила ее с далекими восточными странами.

Свою книгу Марко Поло начинает следующими откровенными словами: «В то время, когда Балдуин был императором в Константинополе, т. е. в 1250 году, два брата, господин Никколо Поло, отец господина Марко, и господин Магдео Поло находились тоже там; пришли они туда с товарами из Венеции, были они из хорошего рода, умны и сметливы. Посовещавшись они между собой, да и решили идти на Великое море за жизнью да за прибылью. Закупили всяких драгоценностей и поплыли из Константинополя в Солдадию».³²

Той же жаждой наживы, о которой говорит Поло, руководствовались, конечно, и те генуэзские купцы — братья Винальди, которые в 1291 г. сели на два корабля, чтобы пойти на безумное по смелости предприятие — попытаться достигнуть берегов Азии, обогнув Африку. Из этого плаванья ни одному из его участников не суждено было вернуться.

Эта жажда наживы, не знающая пределов и ограничений, дерзающих на все и не страшящихся ничего людей, жажда наживы, перерастающая в жажду знания, найдет себе вскоре поэтическое выражение в гениальных строфах 26-й песни «Ада» Данте, в которых Улисс рассказывает о своей гибели:

Ни нежность к сыну, ни перед отцом
Священный страх, ни долг любви спокойной
Близ Пенелопы с радостным челом
Не смогли смирить мой голод знойный
Изведать мира дальний кругозор
И все, чем дурны люди и достойны.
И я в морской отважился простор,
На малом судне выйдя одиноко
С моей дружиной, верной с давних пор.
Я видел оба берега, Моррокко,

Испанию, край сардов, рубежи
Все островов, раскиданных широко.
Уже мы были древние мужи,
Войдя в пролив, в том дальнем месте света,
Где Геркулес воздвиг свои межи,
Чтобы пловец не преступал запрета;
Севиля справа отошла назад,
Осталась слева перед этим Сетта.
«О братья, — так сказал я. — На закат
Пришедшие дорогой многотрудной!
Тот малый срок, пока еще не спят
Земные чувства, их остаток скудный
Отдайте постиженью новизны,
Чтоб, солнцу вслед, увидеть мир безлюдный!
Подумайте о том, чьи вы сыны:
Вы созданы не для животной доли,
Но к доблести и к знанию рождены...»³³

Морская торговля, составляющая в первую очередь прерогативу портовых городов Венеции и Генуи, к которым затем присоединяется сугубо сухопутная Флоренция, неразрывно связана как в этих городах, так и в других более мелких центрах с торговлей сухопутной.³⁴ В последней в течение второй половины XIII в. особенно отличаются города, которые вскоре затем отойдут на второй план, это в первую очередь соперничающие с Флоренцией тосканские города Лукка и Сиена, а затем ряд ломбардских центров — Милан, Пьяченца и другие, благодаря которым всех итальянцев французы этого времени склонны были называть ломбардцами. Сухопутная торговля, в свою очередь, может быть разбита на две ветви — торговлю на далеких расстояниях, или международную, и торговлю на близких расстояниях — местную. Нас в данной связи будет интересовать главным образом первая, значительно более мощная и важная во всех отношениях.

Вторая половина XIII в. — апогей развития шампанских ярмарок, которые именно в это время являются бесспорным общеевропейским экономическим центром, где совершаются все крупнейшие торговые сделки, где вырабатываются новые методы торговли, где бьется экономический пульс жизни Европы. И в течение этого же конца XIII в. итальянские купцы (ломбардцы) играют доминирующую роль на шампанских ярмарках.³⁵ Они составляют здесь самую активную, а часто и вообще самую многочисленную часть торгующих, покупают, продают, занимаются разного рода финансовыми комбинациями. Во многих пунктах, в которых происходят шампанские ярмарки, итальянские купцы имеют свои торговые дворы (фондаки), где они останавливаются и складывают товары. Все итальянцы, торгующие на ярмарках, представляют собой как бы некое сообщество, своеобразную коммуну, переезжающую с места на место по мере передвижения ярмарок. Коммуна эта сохраняет при всех перемещениях свою организацию и подчиняется своему консулу, разрешающему конфликты между купцами, ведущему

учет всех сделок и выступающему представителем итальянских купцов при всех и всяческих сношениях с местными властями.

Для постоянной связи с шампанскими ярмарками крупные торговые города (Сиена, Флоренция) устраивают регулярную посылку специальных курьеров, причем к каждой ярмарке посылаются два курьера — к начальному этапу торга, когда идет продажа и покупка товаров (*cursor de aga*), и к конечному этапу, когда производятся платежи и связанные с ними финансовые операции (*cursor de pagamento*). Этим курьерам поручалась передача соответствующим купцам писем с деловыми инструкциями, небольших партий товаров, денежных сумм, необходимых для расплаты.

На путях между итальянскими торговыми городами и шампанскими ярмарками существовала сеть гостиниц, обладавших складскими помещениями и находившихся в прямом подчинении цеховым организациям того или иного города, например флорентийскому цеху «Калимала».

На шампанских ярмарках итальянские купцы покупали в первую очередь сырье для своего развитого ремесленного производства, особенно шерсть из Англии и Северной Франции и из Испании, шерстяные ткани для переработки и перепродажи, льняные изделия из Западной Германии и Восточной Франции, кружева и шитые ковры из Фландрии, кожаные изделия и оружие из Испании, валяные изделия из Франции, вина из Западной и Восточной Франции и Испании и многое другое.

Продавали они здесь товары, привезенные генуэзцами или венецианцами с Востока, итальянские шерстяные и шелковые ткани, итальянское оружие, вина, коней и разного рода предметы роскоши, которые в столь большом количестве изготовлялись в итальянских городах.

Караваны из десятков коней, нагруженных до предела товарами, аккуратно упакованными в тюки, обшитые белой льняной тканью (так называемые *torselli*), двигались круглый год по дорогам Италии и Франции, нередко сопровождаемые вооруженной охраной, не гарантировавшей, впрочем, от всяких неожиданностей в пути.

Достаточно взглянуть на покрытые мелкими, аккуратными записями страницы бухгалтерской книги какого-нибудь сиенского или луккского купца конца XIII в., чтобы убедиться в том, насколько живой и разнообразной была торговая деятельность даже небольшой фирмы на шампанских ярмарках.³⁶

Однако торговыми связями с шампанскими ярмарками отнюдь не ограничивалась экономическая активность итальянских купцов. Мы найдем их во всех пунктах Западной Европы, где только идет торговля, при дворах французского, английского, испанских королей, князей Германской империи, в крупных городах. Так, в Париже живет в конце XIII в. многочисленная колония итальянских купцов, имеющая свою организацию. Не-

смотря на наличие этой организации, отдельные ее члены ведут между собой ожесточенную борьбу, стараясь занять первенствующее положение. К концу века такое положение удается занять флорентийцам, вытесняющим сиенцев, лукканцев и пьаченцев.

Как уже выше упоминалось, вся сухопутная внешняя торговля производится ассоциациями типа «компаний». Обороты этих компаний, разумеется, были весьма различными, но в среднем, по-видимому, они не достигали в конце XIII в. масштабов оборотов морской торговли, превосходя последние быстротой оборачиваемости капитала. Так, средняя по размерам сиенская торгово-банковская фирма Уголини, бухгалтерские книги которой, освещающие операции на шампанских ярмарках за 1247—1263 гг., дошли до нас, имела в определенный момент кредиторов по ярмаркам, по подсчету издателя этих книг Киаудано, на 6240 лир 14 солидов 8 динариев, при дебиторах на 3786 лир 14 солидов и 4 динария, т. е. вложила в дело 2466 лир 5 солидов 4 динария — сумму весьма значительную.

Прибыли, получаемые в сухопутной торговле, судя по всему, отставали от прибылей торговли морской, что компенсировалось, с одной стороны, уже упомянутым более скорым оборотом капитала, с другой — несравненно меньшим риском. Так, такая крупная компания, как Барди (см. гл. III, § 2), выплачивает своим членам в первые годы XIV в. дивиденды в пределах от 10 до 30 %, и вообще мы почти никогда не встретим в документах указаний на более высокие прибыли.

Торговля международного характера, конечно, предполагала существование торговли более мелкой по масштабам между отдельными городами Италии, в частности между передовыми и экономически развитыми центрами Северной Италии и отсталыми городами юга страны, а также торговли внутригородской. В этой, условно говоря, «внутренней» торговле нередко применялись те же формы и методы, что и в торговле «внешней». В частности, форма «компаний» встречается и в мелкой внутренней торговле. Так, во Флоренции создается компания работников парикмахерской, в Генуе — компания для торговли новыми и поддержанными сундуками и т. п. Не менее часты, однако, и случаи торговли, осуществляемой единолично. Естественно, что и обороты такой маленькой компании или одиночных купцов во много раз меньше, чем в торговле внешней, естественно также, что и прибыли здесь несравненно ниже.

Банковско-ростовщическое дело

Какова бы ни была форма торговли — морская или сухопутная, внешняя или внутренняя, всегда и во всех случаях (и чем позднее, тем в большей мере) она оказывается связанной с операциями банковско-ростовщического типа. Накопление значи-

тельных денежных сумм в кассах отдельных компаний делает естественным обращение к ним за финансовой помощью в виде ссуды. Быстрый и неукротимый рост торговых операций настоятельно требует кредита, создающего возможность такого роста. Распространение торговли итальянских купцов по всему тогда известному миру вызывает потребность в переводных операциях, так как перевозить на дальние расстояния большие суммы денег и неудобно, и рискованно. Это же обстоятельство вызывает постоянные и сложные операции по обмену одной валюты на другую, причем стоимость каждой из валют изменяется из года в год.³⁷

Все эти обстоятельства вместе взятые приводят к тому, что наряду с торговлей в итальянских городах бурно развивается банковское дело. Первоначально, как мы об этом упоминали выше, этим делом занимались члены особых цехов — «Менял», но с течением времени развитие банковских операций требует привлечения столь значительных капиталов, что мелкие менялы средневекового типа не могут с ними справиться, и все в большей мере в них втягиваются представители других торговых цехов, располагающие такими капиталами.

По-видимому, первыми из крупных операций банковско-ростовщического типа были операции депозитные, производимые главным образом с папским престолом. Католическая церковь собирала десятину и другие церковные поборы со всей Западной Европы, что требовало существования сложного и разветвленного механизма, действовавшего медленно и неточно. Естественным поэтому было, когда итальянские купцы распознали по своим торговым делам во все концы Европы, поручить им, людям энергичным и опытным, собирание церковных доходов; а так как папский престол нередко и притом срочно нуждался в крупных суммах денег, а купцы этими суммами располагали, то установился порядок, при котором купцы выплачивали авансом в начале года определенную, примерно рассчитанную, сумму папскому престолу, а затем на свой страх и риск собирали церковные доходы, стараясь превзойти количество выданного авансом. Операции эти могли оказаться весьма выгодными, но достаточно рискованными, так как требовали инвестирования очень крупных сумм, которые возвращались постепенно, иногда через год и больше, и притом отнюдь не всегда могли быть получены полностью. Достаточно было какого-нибудь стихийного или социального бедствия: засухи, войны, смены на престоле, чтобы громадные капиталы, заложенные в депозиты, оказались под угрозой, а совершающая эти операции фирма оказалась перед катастрофой.

Депозитные операции, совершаемые в середине и до конца XIII в. в первую очередь сиенскими и отчасти луккскими купцами, по своим масштабам были громадными, ибо папские доходы с любой одной провинции выражались в тысячах, а иногда

да и десятках тысяч лир, между тем многие фирмы собирают эти доходы с ряда провинций, а иногда и с нескольких стран. Такие сиенские фирмы, как Толомеи, Скотти, Пикколомини и особенно Буонсиньори, становятся на базе депозитных операций банкирами общеевропейского масштаба, имеющими своих представителей не только на шампанских ярмарках, но и при французском дворе, в Англии, в Империи.

Депозитные операции по отношению к церкви почти неизбежно приводят к таким же операциям со светскими государями. Невозможно отказать государю, в стране которого живешь, в предоставлении ему кредита под депозит тех или иных налогов или поборов, и итальянские купцы обыкновенно не отказывают, тем еще более расширяя свои операции и одновременно делая свое финансовое положение еще более рискованным и непрочным.

Довольно трудно определить, где операции депозитного характера переходят в операции характера чисто кредитно-ростовщического. Если можно ссужать под налоги, то почему же не ссужать прямо под проценты? Правда, ученье церкви строжайшим образом запрещало взимание процентов за кредит, ибо, утверждало оно, деньги не могут и не должны рождать деньги, а время ничего не стоит, но уже к концу XIII в. купцы и банкиры находят немалое количество способов, чтобы в своих бухгалтерских книгах и в своей совести скрыть ростовщический, запретный характер своих операций, изобразить их как законные и благочестивые (об этом см. гл. III, § 2). Такие ссудные операции нередко имеют весьма крупные размеры. Так, компания Салимбени по случаю битвы при Монтеапerti (см. гл. I, § 1) ссужает своей родной коммуне в 1260 г. громадную сумму в 118 тыс. золотых флоринов.

Само собой понятно, что ссудно-ростовщические операции, совершаемые по отношению к государям и правительствам, идут рука об руку с такими же операциями по отношению к отдельным лицам, операциями несравненно более мелкими, но и более хлопотными и рискованными.

Если депозитные операции тесно связаны с ссудно-ростовщическими, то не менее связаны они с обменными, т. е. такими, которые когда-то вызвали к жизни самую профессию менял. Собирая подати и налоги в разных денежных знаках, компания должна была выплачивать депоненту их эквивалент в единой, определенной монете, а это позволяло вести широкую спекуляцию на курсовых разницах. Правда, в 1252 г. Флоренция, переживающая период бурного политического, социального и экономического расцвета, начинает чеканить свой знаменитый золотой флорин — монету, содержащую 24 карата чистого золота, с изображением на лицевой стороне цветка (*fiore*) флорентийской лилии, которая становится вскоре и притом на много десятилетий прочным мерилom при всякого рода обменных опера-

циях. Однако и это само по себе весьма важное мероприятие не останавливает спекуляции на обменах, которая продолжает оставаться важным источником доходов менял-банкиров.

Наконец, во второй половине XIII в. приобретают все большее значение операции кредитно-вексельные.³⁸ Вексель возник, по-видимому, в первые годы этого века, причем служил исключительно целям облегчения перевода крупных денежных сумм с места на место, в первую очередь из итальянских торговых городов на шампанские ярмарки. При этом вексельная операция, первоначально не подразумевавшая кредита, сопровождалась, обыкновенно, обменом валюты. Так, сиенский купец, отправляясь на ярмарку для закупки фламандского сукна, вносил своему соотечественнику-банкиру определенную сумму во флоринах и получал от него записку, по предъявлении которой представитель или должник данного банкира на ярмарке должен был уплатить данному купцу или купцу, у которого последний закупит сукно, ту же сумму, но в турецких ливрах. Провоз такой записки, из которой вскоре вырастет вексель, не требует никаких затрат и не связан с риском; банкир зарабатывает на ней из-за разницы в курсах флорина и турецкого ливра, а также взимая определенную мзду за самую операцию.

Естественно, однако, что так как между внесением денег в Сиене и выплатой их на ярмарке неизбежно проходит некоторое, иногда довольно значительное, время, и так как всякого рода ростовщические операции уже широко распространены, то к чисто переводной функции векселя довольно скоро присоединяется кредитная — купец получает записку с оплатой на ярмарке, не внося определенную сумму денег, а в кредит, обязуясь покрыть эту сумму там же на ярмарке, продав определенную партию товара или иным путем. Само собой понятно, что, выдавая или акцептуя такой вексель, банкир, подвергающийся известному риску выплачиваемую им сумму, стремится получить еще большее вознаграждение за свою услугу и, несмотря на строжайшее запрещение церкви, зарабатывает еще больше.

Впрочем, эти заработки, насколько можно судить по дошедшим до нас бухгалтерским книгам, вряд ли превосходили 20% годовых при краткосрочном и 30% — при долгосрочном кредите, т. е. были близки к прибылям, получаемым в торговле. Развитие кредитно-вексельных операций только начинается в XIII в. и хотя идет быстро и играет все большую роль в экономической жизни Европы, классического расцвета оно достигает в следующем, XIV в., о чем будет идти речь ниже (см. гл. III, § 2).

В морской и сухопутной торговле, в банковско-ростовщических операциях в одинаковой мере применялись крупные капиталы. Десятки тысяч флоринов, ливров, марок самых разнообразных видов и стоимостей проходили через руки итальянских купцов. Для того чтобы вести надлежащий учет этих громад-

ных сумм, выраженных в разных валютах, чтобы высчитать прибыли и избежать убытков, нужно было придумать гибкую и усовершенствованную систему записей, неизвестную, да и ненужную в прошлом. В результате этой насущной необходимости рождается бухгалтерия, система ведения коммерческих записей в специальных бухгалтерских книгах.³⁹ Первоначально все записи ведутся в одной книге, причем как приходные, так и расходные операции заносятся в нее попеременно, по мере их производства, а в определенные моменты подводятся итоги. Затем такой, явно крайне неудобный, способ заменяется более совершенным — на каждое лицо или фирму, с которой ведутся операции, отводится определенное место, чаще всего половина страницы. Вверху этого места записывается либо итог, переносимый из более старой книги со ссылкой на последнюю, или основная операция — приходная или расходная, например: «Такой-то должен нам столько-то флоринов». Вслед за этим в остающемся чистом пространстве записываются последующие операции, постепенно балансирующие первый итог, например: «Тогда-то он заплатил такую-то сумму». Если баланс достигнут или же если оставшееся свободным место заполнено, то подводится итог, и во втором случае результат его переносится в другое место, которое указывается, например: «Итого остался должен столько, что записано дальше (или в такой-то книге) на такой-то странице».

С течением времени, однако, система записи еще усложняется, вместо одной заводятся несколько книг, отдельно ведутся счета дебиторов и кредиторов, отдельно — особая итоговая книга — регистр. Одна и та же операция нередко записывается в нескольких местах с соответствующими перекрестными ссылками. При этом, однако, по своему характеру и содержанию книги не настолько дифференцированы, чтобы получить соответствующие названия; последние даются по внешним признакам, например: «большая красная книга», «зеленая деревянная книга» и т. д.

Так постепенно зарождается и находит свои методы та система «итальянской двойной бухгалтерии», которая достигнет полного развития в последующий период и затем из Италии распространится в другие страны.

Бурный расцвет всех видов экономической деятельности выдвигает на первый план на определенный промежуток времени определенную компанию, занимающую иногда ведущее положение во всей Западной Европе. Классическим в этом отношении является пример сиенской компании, так называемого «Большого стола Буонсиньори».⁴⁰ Компания эта возникла, по-видимому, как и подавляющее большинство других компаний, на семейной основе из членов семейства Буонсиньори. Первое упоминание о ней и ее главе Буонсиньори ди Бернардо в источниках восходит к 1203 г., когда она участвует в операциях по аренде соляных разработок в Гроссето, и затем к 1209 г.,

когда она выступает как участница ссудно-обменных операций, совершаемых сиенскими менялами с папским двором. В первые годы своего существования компания совмещала таким образом, как обычно, операции торговые и производственные с операциями банковскими, причем те и другие вела, по-видимому, в довольно скромных масштабах.

Быстрый рост компании начинается в 1235 г. при понтификате Григория IX, особенно же она расцветает с 40-х годов, когда папа Урбан IV передает ей в депозит все основные поборы римской церкви. Во главе компании в это время стоят два сына Буонсиньори — Бонифацио и Орlando, привлекающие и ряд посторонних членов, вносящих немалые капиталы. В 60-х годах компания достигает апогея своего экономического могущества. Занимаясь почти исключительно банковско-ростовщическими операциями, в первую очередь депозитного характера с папским престолом, а затем ссудно-ростовщическими операциями с иностранными и итальянскими правителями, коммуна-ми, частными лицами, компания имеет представительства в Париже, Лондоне, Болонье, Риме, Пизе и, само собой разумеется, во всех городах, где происходят шампанские ярмарки.

Не без основания один из членов компании мог (несколько позднее) охарактеризовать на заседании Большого совета Сиенской коммуны деятельность фирмы следующими словами: «Среди других компаний Тосканы, Ломбардии и даже всего света она была почтеннее всех прочих и упоминалась чаще, ей оказывалось большое доверие римскими первосвященниками, кардиналами, патриархами, архиепископами, епископами и другими главами церкви, королями, баронами, графами, купцами и прочими людьми любого звания. И была она полезной и даже наиболее полезнейшей Сиенской коммуне и римской курии, в округе гор и за горами (в Италии и за ее пределами. — М. Г.), а также послам коммуны Сиенской для ведения дел, по которым они посылались, а также благодаря получению денег, необходимых как для ведения их дел, так и для расходов...»⁴¹

И действительно, в 50—60-х годах «Большой стол Буонсиньори» — частная компания, созданная несколькими купцами и менялами в маленьком тосканском городке Сиене, играет громадную роль во всей экономической, а частично и политической жизни Западной Европы. Компания, самое название которой говорит о ее недавнем чисто средневековом положении («стол таких-то» — говаривали на шампанских ярмарках о стойке того или иного менялы), занимает место, которое исследователи не без основания сравнивают с местом банкирского дома Ротшильдов в жизни Западной Европы начала XIX в.

Около 1255 г. умер старший из братьев Буонсиньори — Бонифацио, и управление компанией осталось в руках младшего брата — Орlando. Дела не только не сократились, но расшири-

лись. Папа Климент IV, резко выступавший против Сиены, возглавлявшей гибеллинский лагерь в 60-х годах, делает исключение для Буонсиньори, которые получают в депозит еще добавочные папские доходы, окончательно концентрируя в своих руках все финансовые операции папства.

Понятно, что когда Климент IV призывает в Италию Карла Анжуйского и стремится финансировать военную авантюру этого не имеющего ни гроша за душой французского принца, Буонсиньори, как папские банкиры и как ловкие финансисты, надеющиеся занять монопольное положение в Южной Италии, наряду с флорентийцами чрезвычайно широко финансируют как папу, так и Карла. Последнему перед битвой при Беневенте, т. е. в решительный момент, когда его судьба в буквальном смысле слова висела на волоске, Буонсиньори ссужают 20 тыс. турецких ливров, сумму поистине громадную. Такая ссуда под политическую авантюру, и притом весьма рискованную, говорит об исключительной экономической мощи «Большого стола» и его полной уверенности в неограниченности своих сил и возможностей. Однако эта уверенность была в значительной степени необоснованной. Достигнув апогея в конце 60-х — начале 70-х годов, когда она выступает вообще как банкир гвельфской партии во всей Европе, компания Буонсиньори с середины 70-х годов начинает клониться к упадку. В 1273 г. умирает ее многолетний руководитель Орландо, и между его наследниками начинаются раздоры, касающиеся как экономической, так и политической ориентации фирмы.

Еще более губительной для сисенских торговцев и банкиров вообще и для Буонсиньори в частности была быстро и неуклонно растущая конкуренция флорентийских торговых и банковских домов. Наконец, частая смена пап, предъявлявших все новые и новые требования крупных выплат наличными, отягощала до предела и без того весьма напряженный бюджет фирмы.

Со вступлением на папский престол Бонифация VIII (1294 г.), решительно взявшего в свои собственные руки бразды правления финансовыми делами курии, положение «Большого стола» резко ухудшилось, хотя папа всячески старался спасти и поддержать компанию, которая столькими нитями была связана с престолом св. Петра. Однако внутренние и внешние обстоятельства, неуклонно влекшие компанию к гибели, были слишком сильны, чтобы даже могущественный папа мог спасти ее. В 1298 г. происходит первое банкротство «Большого стола», но компания еще пробует бороться, собирает деньги с бесчисленных кредиторов, старается выплатить хотя бы по части своих обязательств. Но в самой природе депозитно-ростовщических операций, составляющих основу ее деятельности, лежит невозможность выпутаться из раз создававшихся затруднений. Необходимость вносить сразу большие суммы, которые собираются

постепенно и по мелочам, неизбежно приводит к краху при первом серьезном затруднении. И действительно, в 1307 г. приходит окончательный крах. Папа Климент V конфискует все движимое и недвижимое имущество компании в Англии. Филипп IV Красивый требует у Сиенской коммуны возмещения 54 тыс. ливров в малой турецкой монете, которые Буонсиньори задолжали, бежав из Франции. Имущество компании конфискуется, начинается сложная и длительная процедура ликвидации дел громадного предприятия. Эта ликвидация продолжается 40 лет, и такова была финансовая мощь «Большого стола», что к 1347 г. ему удалось почти полностью рассчитаться со своими кредиторами.

Судьба компании Буонсиньори является во многих отношениях показательной для судеб всех крупных банковских предприятий как данного, так и последующих периодов. Их быстрый рост таит обыкновенно в самом себе причины их непрочности, их неизбежного банкротства, превращающегося затем в серьезную экономическую катастрофу для всей Италии, ибо банкротство «Большого стола», в финансовом отношении связанного со всей Италией, действительно привело к весьма серьезным затруднениям не только папскую курию, но и многие другие центры полуострова.

Ремесло

Разложение феодального поместья, освобождение значительных количеств крепостных крестьян неизбежно направляет в город многие тысячи людей, готовых продать свою рабочую силу за любую цену, что является, как установил К. Маркс, обязательной предпосылкой создания в рамках феодализма новых, капиталистических отношений.⁴² Бурное развитие торговли, морской и сухопутной, и тесно связанное с ним развитие банковско-ростовщического дела создает предпосылки для использования этих тысяч людей. Цеховые мастера, накопившие различными правдами и неправдами громадные суммы денег, стремятся расширить свои мастерские, выбрасывать на рынок все больше и больше товаров, а для этого нанимают десятки и сотни рабочих, которым поручают разного рода подсобные операции. Мастерская чисто цехового типа, в которой мастер-владелец сам вел главную производственную работу при помощи только нескольких учеников и подмастерьев, начинает превращаться в мастерскую нового типа, в которой сам мастер уже почти не работает, так как слишком занят всякого рода финансовыми операциями и общим наблюдением за ходом работы, которая выполняется все большим количеством наемных рабочих, недавних выходцев из феодального поместья.

Классическим примером такой трансформации являются ма-

стерские цеха «Шерстяников» во Флоренции, а также в ряде других ремесленных городов Центральной и Северной Италии. Текстильное производство, как показал Маркс, в пределах феодальной системы всюду является ведущим, передовым, наиболее рано проделявающим эволюцию, которую затем переживут остальные производства.⁴³ Именно в производстве шерсти, наиболее широко и наиболее повсеместно изготавливающегося товара, и притом товара более или менее стандартного характера, не индивидуализируемого требованиями потребителя, и проявляются во второй половине XIII в. те глубокие сдвиги, о которых мы говорили выше.⁴⁴ Не менее симптоматичны изменения, происходящие в то же время в производстве шелка. Так, в конце XIII в. здесь, реагируя на резкое повышение спроса на шелк, вводится механизация, решительно революционизирующая весь процесс производства. В 1273 г. некто Франческо Боридано вводит в Болонье, одном из центров производства шелка, машину для механической крутки шелка, приводимую в действие водяным колесом и заменяющую 400 рабочих.⁴⁵

Несомненно, немалую роль в этой трансформации сыграл орден гумилитов, принеший в большинство городов Италии, в том числе во Флоренцию, куда он был приглашен в 1239 г., методы выработки шерсти при помощи большого числа рабочих, специализированно выполняющих те или иные операции производственного процесса (см. гл. I, § 3).

Текстильное производство, в первую очередь изготовление шерстяных тканей, дает наиболее яркий и выразительный пример зарождения капиталистических отношений в сфере производства, но оно отнюдь не является единственным. Во второй половине XIII в. мы встречаем уже много новых и притом симптоматичных черт в области судостроения и в области металлургии, оставляя в стороне более мелкие и незначительные отрасли.

Судостроение получает особенное развитие в морских портовых городах и в первую очередь, конечно, в Генуе и Венеции. Как в том, так и в другом городе в производстве этом принимает значительное участие местное правительство, что, с одной стороны, обеспечивает большой размах работ, с другой же стороны, не дает возможности настолько полно перейти на капиталистические рельсы, как это имело место в промышленности текстильной.

Так, в Генуе, о судостроительной деятельности которой в XIII в. мы имеем довольно точные сведения,⁴⁶ корабли строились ассоциацией капиталистов, каждый из которых вносил определенную сумму, и соответственно ей получал определенное число долей в прибылях (лоса). Эта коллегия собственников закупала все необходимые для постройки корабля материалы, сама же постройка совершалась под наблюдением правительственных органов особым мастером-подрядчиком (magister

axie), который получает все деньги от предпринимателя, а затем уже от себя расплачивается с многочисленными рабочими, дифференцированными по специальностям. Квалифицированные рабочие: строители корпуса, настильщики палубы, строители кают (*magistri pro clausura plani, pro magisterio coperte et curretorum, pro castello*) оплачиваются сдельно или аккордно, чернорабочие, которых особенно много, получают поденную оплату и обед. Взятые в целом строительство большого генуэзского корабля представляло собой крупное дифференцированное предприятие с единым руководством и большим числом рабочих разных специальностей. Судостроение в Венеции, которое для XIII в. известно нам хуже, по-видимому, во многом напоминало эту же отрасль в Генуе, но в нем роль правительственного надзора была еще большей. Владельцы долей, называемых здесь каратами, строят суда в государственном арсенале, предоставляющем им или их уполномоченному как квалифицированное руководство, так и любое число рабочих разных специальностей, в первую очередь знаменитых венецианских судостроительных плотников — марангонов (*marangoni*). Венецианский арсенал, по-видимому, уже в это время является одним из крупнейших в Европе промышленных предприятий, если только можно по отношению к нему применить этот термин.

Достаточно крупными, а иногда и весьма крупными предприятиями являются также рудники и связанное с ними металлургическое производство.⁴⁷ Во второй половине XIII в. мы знаем уже ряд таких крупных металлургических центров как на юге Италии, так и в Тоскане и Ломбардии. Подробные сведения об организации такого центра дает нам опубликованный Бонаини статут медных и серебряных рудников города Массы, находившегося недалеко от Сиены, в сфере ее влияния. Статут этот, дошедший до нас в списке 1310 г., но составленный, очевидно, на несколько десятилетий раньше, в своих 70 с лишним параграфах, или главах, детально определяет все стороны жизни этого сложного производства.⁴⁸

Вся добыча руды в целом находится здесь, как и в других местах, под пристальным наблюдением местной коммуны, создающей для этого специальный орган «Трех магистров, наблюдающих над производством меди» (*Magistros super arte gateriae*). Добыча руды производится компаниями, заявляющими претензию на определенный участок и получающими на него права. На занятом участке надлежало начать разработку в течение трех дней. Если работа не производится на протяжении и трех дней, то право на участок, даже такой, на который уже затрачены значительные средства, теряется. Участники компании, в свою очередь, делят между собой занятый ими участок, причем, во всяком случае первоначально, каждый из участников сам работает на своем участке со своими рабочими. Если один из участников не ведет работу, то его участок переходит

к остальным и поступает в передел. Капитальные затраты по шахте производятся компанией в целом, решающей все вопросы большинством в две трети голосов.

Основная работа в шахтах производится наемными рабочими, поденщиками или работающими аккордно. Рабочие эти уже резко дифференцированы по специальностям, статут в гл. 37 перечисляет болгайолов, карбонариолов и пикконариев, получающих, по-видимому, разную заработную плату. Точно определить различие между этими категориями при современном состоянии изучения вопроса мы не можем; по-видимому, имеются в виду работающие на мехах, плавильщики и забойщики. Рабочие первых двух категорий обслуживают не столько сами шахты, сколько плавильные печи, расположенные тут же. Эти плавильные печи организуются не компанией, владеющей одной какой-нибудь шахтой, а рядом соседних компаний и используются по очереди. Статут довольно точно регламентирует рабочее время в шахтах и на печах. Рабочие и административный персонал должны находиться на предприятии с раннего утра понедельника до утра субботы (гл. 34), причем работа производится в две смены (гл. 43), т. е. по 12 часов, в свободное же от работы время рабочие должны находиться тут же, в помещениях, специально выстроенных на территории предприятия. Зато работа в воскресенье и праздники категорически запрещена.

Кроме основного производственного персонала — мастера-специалиста (*magister*) и рабочих вышеназванных специальностей, в каждой шахте имеется еще некоторое количество вспомогательных рабочих, в первую очередь подноски — черно-рабочие и вспомогательный административный персонал — надсмотрщик-контролер (*partitor*) и бухгалтер, обязанный подробно и ежедневно регистрировать как расходы и доходы, так и результаты производственного процесса, в первую очередь количество добываемой руды и получаемого из нее металла. Методы ведения записей подробно указываются статутом.

Этот бухгалтерский учет служит для постоянного и неусыпного контроля, осуществляемого над деятельностью каждой компании тремя магистрами производства и через них — коммуной, причем магистры имеют при себе многолюдный аппарат контролеров, бухгалтеров, судей, разрешающих все тяжбы предпринимателей и рабочих. Они следят за безопасностью производства на каждой шахте, организуют откачку воды и противопожарные мероприятия, определяют качество продукции и после соответствующей регистрации дают разрешение на ее продажу, собирают пошлины и налоги с предпринимателей и вообще входят в каждую деталь как производственной, так и коммерческой деятельности.

Что касается технического оснащения производства, то о нем статут почти не упоминает, но, насколько можно судить

по косвенным его показателям, оснащение это было достаточно примитивным, обычным для средневековой металлургии. Усложненная, усовершенствованная организационная структура производства не вызывала еще на данном этапе усложнения и усовершенствования его орудий труда, что, как известно, вообще характерно для мануфактуры. Эта организационная структура представляет собой своеобразное сочетание цеховых, средневековых и новых — капиталистических — элементов, причем последние хотя и не получают такого развития, как в производстве текстильном, но все же выступают весьма ярко.

Превращение цеховой мастерской в мастерскую мануфактурного, раннекапиталистического типа только начинается в XIII в., оно полностью осуществляется и дает свои зрелые социальные и экономические плоды к середине следующего, XIV в., но уже в своей начальной, зародышевой форме этот процесс, к сожалению, известный нам далеко не достаточно, представляет исключительный интерес. Он обнаруживает изменения, происходящие не только в сфере обмена, никогда не являющейся решающей и трансформирующей всю социальную структуру общества, но и в сфере производства, определяющей эту трансформацию. На примере Италии XIII в. мы видим доказательство этого положения Марксовой теории. Действительно, торговля — заморская и сухопутная, и ее неизбежный спутник — банковско-ростовщическое дело развиваются и перерождаются в это время в ряде городов-коммун — в Генуе, Пистойе, Лукке, Сиене, Пизе, но ни в одном из этих городов, как мы частично видели уже, а частично увидим ниже, это развитие и перерождение не приводят к превращению данного города в ведущий центр новых социальных отношений, новой политической организации и новой культуры. Наоборот, города, в которых в большей или меньшей степени развито и эволюционирует производство, и среди них на первом месте Флоренция, становятся такими центрами, занимают первенствующее, руководящее положение во всей Италии, а до некоторой степени и во всей Западной Европе.

* *
*

В торговой деятельности и в банковских операциях, в изготовлении шерстяных тканей и оружия, в острой напряженной политической и социальной борьбе против своих недавних господ, а ныне смертельных врагов — магнатов-феодалов пополаны ведущих итальянских городов создают новые формы жизни, новую социальную атмосферу, атмосферу гибели феодализма и создания нового режима.

Эта перемена ярко характеризуется единичным фактом, происходящим в самом начале занимающего нас в данной главе периода.

Вскоре после смерти императора Фридриха II Гогенштауфе-

на, 12 июня 1255 г., зять императора Якопо дель Карретто, маркиз Савонский, закладывает у генуэзского банкира за 2 тыс. генуэзских лир золотой императорский трон и обещает выкупить его в течение 3 месяцев. Однако денег для выкупа у разоренного потомка Гогенштауфенов в определенный договором срок не оказывается, и 28 ноября того же 1255 г. трон покупает за 2823 провансальских ливра генуэзский богатей и ростовщик Манджавакка, чье имя в переводе означает «съешь корову». Трон великих императоров — в доме ростовщика «Съешь корову», предки которого вряд ли осмеливались даже издали взглянуть на него, — таково знаменье времени, знаменье происходящих глубоких социальных сдвигов.⁴⁹

Именно Манджавакка, их родственники и им подобные торговцы, ростовщики, ремесленники, жители всех крупнейших городов Италии, с гордостью носящие имя пополанов — выходцев из народа, являются активной,двигающей вперед историю силой, именно они, энергичные, предприимчивые, уверенные в себе, в силе своего тугого кошелька и своего дерзающего на все разума, ведут ожесточенную борьбу не на жизнь, а на смерть с представителями старого порядка — феодалами. Именно они, те «мудрейшие, лучшие и законнейшие цеховые мастера, постоянно занимающиеся ремеслом своим и ни с какой стороны не являющиеся рыцарями», создадут грозные «Святые и святейшие установления» в Болонье в 1256 г., еще гораздо более грозные «Установления Справедливости» во Флоренции в 1293 г. и аналогичные законы в других городах. Победоносное появление на почве Италии новых производительных сил и производственных отношений и определило собой весь дальнейший ход истории полуострова, именно оно вызвало к жизни итальянское Возрождение.

§ 3. КУЛЬТУРА

Философия

Глубокие экономические, политические, социальные сдвиги, происходящие в Италии во второй половине XIII в. и проанализированные нами выше, должны были отозваться в сфере идеологической. И действительно, во всех без исключения областях этой сферы происходят серьезнейшие принципиальные изменения, идет ожесточенная борьба. Старая, выработанная веками феодальной жизни идеологическая система отнюдь не собирается сдавать свои позиции без боя, новая система, только создаваемая новыми социальными силами, причем создаваемая из разных, иногда гетерогенных элементов, не сразу находит пути для своего выражения. Сочетания, весьма различные и своеобразные, этих двух непрерывно борющихся между собой систем делают конец XIII в. в Италии в идеологическом отноше-

нии периодом исключительно плодотворным, но и трудно поддающимся анализу.

Как мы уже упоминали выше (см. гл. I, § 3), феодальная идеология перед лицом грозящей ей смертельной опасности собирает свои еще весьма немалые силы и, опираясь на многовековую работу своих богословов и философов, зрелую, достигшую апогея своего развития систему доводов и доказательств, выдвигает произведения, долженствующие в едином грандиозном синтезе объяснить без остатка и раз и навсегда все, с чем встречается в жизни человек, дать систему, которая своей полнотой и универсальностью исключила бы возможность возражений и нападок. Авторами таких всеобъемлющих, подытоживающих произведений являются два итальянских богослова — Бонавентура и Фома Аквинский.⁵⁰

Бонавентура,⁵¹ в миру Джованни да Фиденца, родившийся в 1221 г. в Тоскане, в 1238 г. вступил во францисканский орден, учился в Парижском университете, где в 1257 г. получил степень магистра. В этом же году он был избран генералом францисканского ордена, а в 1273 г. — кардиналом. Он умер в 1274 г. на Лионском Соборе, в работе которого принимал активное участие.

Видный церковный деятель, один из столпов папского престола, выступающий в период, когда этот престол сильно нуждается в опоре, Бонавентура в своих многочисленных писаниях является страстным и убежденным защитником богословской традиции средневековья. Он не старается внести в нее что-нибудь новое, сказать свое слово, а стремится подытожить, выразить все наследие средневекового богословия в ясной, понятной и стройной форме. «Я собираюсь, — пишет он в начале одной из своих важнейших работ — комментариев к «Сентенциям» Пьетро Ломбардо, — не выдвигать новые мнения, но свести во едино общераспространенные и получившие всеобщее одобрение».

Стремясь синтезировать ученье средневековых богословов, Бонавентура делает это в духе мистического направления, как представитель богословского платонизма или августицизма, ведущего длительную борьбу с богословским перипатетизмом, или схоластикой — в узком смысле этого слова. Принимая вместе со всем средневековым богословием систему мира, в центре которой стоит Бог, создатель и причина всего сущего, и считая, что целью и задачей всякого человеческого существования, всех законных и праведных человеческих устремлений является познание Бога и слияние с ним в процессе этого познания, Бонавентура свое наиболее прославленное произведение — «Путеводитель души к Богу» («*Itinerarium mentis in Deum*») (1259 г.) посвящает пути, который человеческий дух должен пройти, чтобы постичь Бога. Путь этот, как учили мистики, идет через наблюдение образа божьего в окружающем нас мире

и особенно через погружение в собственную душу, в лучших качествах которой заложено подобие божье. В результате этого наблюдения и погружения в себя праведный человек подымается до непосредственного ощущения Бога, до страстной, самозабвенной любви к нему, которая и является целью жизни.

В этой системе, так же как и в проповеди создателя ордена, генералом которого был Бонавентура, человек и окружающий его внешний мир не отвергаются, не предаются презрению, но и не считаются ценными сами по себе, а воспринимаются как один из этапов пути, ведущего к слиянию с Богом. Для мистцизма Бонавентуры, недаром числящегося святым католической церкви, реальность существует не как таковая, а как бледное отражение величия творца, все же не представляющая ни самостоятельной ценности, ни самостоятельного интереса.

Учение и личность Бонавентуры, прозванного серафическим доктором (*doctor seraphicus*), оказали весьма большое влияние как на философию, так и вообще на идеологию всей Западной Европы и особенно его родины — Италии. Однако это влияние не может быть сравнено с воздействием на всю последующую идеологию его современника и друга Фомы Аквинского.⁵²

Фома родился в 1227 г. в знатной южноитальянской семье графов Аквино. В 1243 г. он вступил в доминиканский орден, стал учеником крупнейшего философа начала XIII в. Альберта Великого, обучался у него в Париже и в Кельне. В 1257 г. (одновременно с Бонавентурой) получил степень магистра. Затем он вернулся в Италию (первый раз в 1260—1261 г., окончательно в 1272 г.) и умер в 1274 г. во время поездки на Лионский Собор.

За 48 лет своей жизни Фома написал громадное количество богословско-философских произведений, среди которых своим охватом и размерами выделяется не вполне законченная «Сумма богословия» (*«Summa theologiae»*), ставящая своей задачей дать в едином синтезе философское осмысление всего, с чем встречается человек.

Если Бонавентура завершает развитие мистического направления в средневековой философии, то Фома дает наиболее совершенное выражение схоластике в узком смысле слова, т. е. направлению, стремящемуся разрешить все проблемы бытия, особенно высшей ступени этого бытия — Бога — путем рассуждения, создания единой логически замкнутой системы, а не путем вчувствования и любовного восторга, как это делали мистики.

Философско-богословский синтез Фомы Аквинского, прозванного «ангельским доктором» (*doctor angelicus*), недаром является общепризнанным наиболее полным и всеобъемлющим выражением богословского идеализма средневековья и не потерял своего влияния в системе реакционных идеологий и до настоящего времени.⁵³ Он действительно является исключитель-

но полным, охватывающим буквально все стороны жизни, и притом чрезвычайно сложенным, логически стройным и обозримым при всей своей грандиозности. Опираясь в своем учении на произведения Аристотеля, впервые ставшие доступными в полном переводе в XIII в., Фома сохраняет некоторые, правда, трансформированные элементы платонизма и использует все наиболее ценное с его точки зрения из наследия схоластики.

Само собой разумеется, что в центре системы «ангельского доктора» стоит Бог — чистое действие, от которого происходит все существующее только в возможности и превращаемое действием бога в реальное; т. е. существующее. Перипатетическое противопоставление действия (*actio*) и возможности (*potentia*) лежит в основе синтеза Фомы и проявляется в многочисленных сочетаниях и соотношениях, которые предстают перед нами в виде сочетаний субстанции и акциденции (сущности и свойства), формы и материи, сущности общей и сущности индивидуальной, причем воздействие первой на второе происходит при помощи движения (*motus*).

Эта система дает Фоме возможность включить в свой синтез разрешение ряда вопросов, над которыми билась схоластика, причем разрешение это, сохраняя логическую стройность и цельность системы, в то же время оправдывает и философски осмысляет многие явления, которые настоятельно выдвигала итальянская жизнь XIII в.

Так, разрешая более чем вековой спор между реалистами и номиналистами, Фома считает, что «истинной сущностью является индивидуальное», а универсальное приобретает свою форму, каковая является вполне независимой «благодаря субъективной работе нашего разума», т. е. становится на точку зрения, которая, сохраняя существование общих понятий, ставит их в зависимость от существования индивидуальных вещей.

Так, отвечая на вопрос о возможности объективного изучения природы, вопрос, ставящийся во всей его остроте жизнью XIII в., Фома считает, что познание определяется свойствами познающего лица, но поскольку предпосылкой этого познания является подобие познаваемого предмета, содержащееся в познающем лице, причем это подобие определяется совместным действием познающего и познаваемого, постольку акт познания открывает объективную сущность познаваемого, чем расчищается дорога для естественных наук и вообще реалистического подхода к окружающему миру.

Наконец, на вопрос о путях, которых должен придерживаться человек в своей земной жизни, т. е. на основной вопрос этики, «ангельский доктор» отвечает, выдвигая принцип «справедливой середины». Хотя, конечно, предпочтительнее жизнь праведная в полном смысле этого слова, т. е. жизнь, не обремененная заботами о земных вещах, и в первую очередь о богатстве, но богатство само по себе не является чем-либо греховным; чело-

век имеет право им обладать и заботиться о его приобретении. Он должен только в этой и других своих земных заботах постоянно помнить о том, чтобы не нарушать законов морали, делиться своими излишками с ближними и смотреть на себя как на временного хранителя и распорядителя, а не полного собственника богатств. Блага земной жизни, богатства следует рассматривать не как самоцель, а как средства, необходимые для нормального функционирования духа, и поэтому умеренная забота об их приобретении и умеренное пользование ими вполне дозволены. «Грех состоит в нарушении этой умеренности» (*in excessu huius mensurae consistit peccatum*). Так принцип «справедливой середины», разрешая в определенных границах заботу о земных благах, включается в богословско-философскую систему схоластики и, следовательно, оправдывает всю бурную экономическую деятельность пополанов современной автору Италии, накладывая на них только некоторые, и притом формальные, ограничения.

В грандиозных, пользовавшихся громадным успехом и непререкаемым авторитетом сочинениях Бонавентуры и Фомы Аквинского нашла отражение идеология феодализма. Четкие, классически ясные формы этих произведений, рассчитаны на то, чтобы противостоять бурно плещущим волнам новой жизни, в самой себе содержащей зародыши отрицания старой системы. Задача эта оказалась выполненной только частично. Действительно, хотя в ближайшие за созданием этих классических произведений феодализма десятилетия почти никто не осмеливается прямо, открыто выступать против этой системы — она еще признается, исповедуется, развивается повсеместно, — но новая, яркая, иногда грубая, революционная и революционизирующая жизнь идет своим чередом, не стесняемая теми хитроумными логическими сетями, которые на нее стремятся набросить «серафические» и «ангельские» доктора, развиваясь по своим законам, неизбежно и неуклонно прорывающим эти сети.

Литература

Неистовые, бурные, нередко кровавые политические деятели вроде Фаринаты дельи Уберти, Эццелино да Романо, Уголино делла Герардеска или Джанно делла Белла, не знающие страха в своей погоне за наживой мореплаватели и путешественники типа Марко Поло или купцы и банкиры типа Орlando Буонсиньори могли быть оправданы и объяснены в своих действиях хитроумными силлогизмами «ангельского доктора», да и сами они в своих речах не раз, наверное, ссылались на его писания. Но самое их существо, весь характер их жизни и деятельности были глубоко, радикально противоположны упадочно-утонченному существованию последних крупных произведений средневековой философии.

Эта глубокая, черзвычайно симптоматичная двойственность проявляется в разных, иногда противоречивых формах во всех произведениях литературы и искусства конца XIII в.

Само собой понятно, что все идейное и эстетическое содержание этой литературы не исчерпывается указанной двойственностью, в них можно отметить ряд черт, характеризующихся и влияниями предшествующей итальянской и современной иностранной литературы, и воздействием литературы античной, и наконец, спецификой каждого отдельного писателя или школы писателей. Но нас в данной работе, посвященной общему ходу развития эпохи Возрождения, будет интересовать именно (и в первую очередь) соотношение старых феодальных черт с чертами новыми, соотношение, связывающее литературу как часть идеологии с событиями политической жизни, переменами в жизни социальной и экономической.

Наиболее близки к схоластическим образцам, наиболее полно отражают старую, феодальную идеологию прозаические произведения, написанные как на латинском, так и на итальянском и французском языках. Таковы трактаты по грамматике и ораторскому искусству, сочинения по отдельным вопросам богословия и философии, проповеди, хроники, наконец, сочинения энциклопедического характера. Все они в общем повторяют материал, заимствованный из широко распространенного фонда средневековой литературы, но иногда то там, то здесь проглядывают в них элементы того нового, которое окружало их авторов.⁵⁴

В этом отношении особенно характерно крупнейшее произведение друга и наставника Данте, флорентийца Брунетто Латини (1220—1295), известное под названием «Книга о сокровище» («*Livre dou Tresor*»).⁵⁵ Видный политический деятель гвельфской Флоренции, выполнявший от ее имени ряд важных дипломатических поручений, активный популан, Латини пишет свое произведение на французском языке, который считает «более приятным и более доступным всем людям». В произведении этом он старается дать как бы народную, популярную параллель «Сумме» Фомы Аквинского, рассказать обо всем, разъяснить все. Делается это в трех книгах. Первая, сравниваемая с наличными деньгами (*déniers contans*), дает историю и описание природы всего сущего; вторая, сравниваемая с драгоценными камнями, излагает этику; третья, сравниваемая с золотом, дает изложение риторики и политики. Весь рассказ редко поднимается над общим средневековым уровнем, содержит множество фантастических, легендарных сведений, иногда, впрочем, перемежающихся с трезвыми личными впечатлениями и наблюдениями.

Особенно много таких следов реальной жизни, проступающих через тонкую, искусственную ткань средневекового трактата, содержится в первой книге, природа которой выступает очень ярко в следующей заключительной

ее фразе: «И поэтому, говорит магистр, что первая книга его „Сокровища“ есть наличные деньги: и как люди не могут совершать свои дела и покупать свои товары без денег, так не смогут они обладать знаниями, необходимыми для человека, если они не будут знать того, что содержится в этой первой части».⁵⁶

Понимание важности, коренной необходимости денег и неразрывно связанной с ней необходимости практически используемых знаний — важнейшее качество автора, резко отличающее его от более ранних писателей, от которых он зависит. Правда, установка эта остается чисто теоретической и на содержание трактата влияет мало.

Такое же двойственное впечатление, как «Сокровище» Брунетто Латини, производят многие современные ему хроники, например: знаменитое описание путешествий Марко Поло, продиктованная им в 1298 г. книга под названием «Миллион». Написанная на французском языке, эта книга построена как обычная средневековая хроника, но ряд трезвых наблюдений, реалистических описаний, дельных рассуждений, отражающих новую жизнь, толкнувшую автора в его долгий и опасный путь, недвусмысленно говорит о новом содержании, наполняющем традиционную литературную форму.

Еще более ярко и любопытно отражается эта двойственность в самой талантливой из хроник XIII в., вышедшей из-под пера францисканского монаха из Пармы — Салимбене (1221—1287).⁵⁷

Написанное на обычной церковной латыни, чрезвычайно далекой от классической, в форме средневековой хроники, регистрирующей события своего времени, произведение Салимбене в то же время и по своему изложению и по своему литературному характеру совсем не напоминает свои средневековые прототипы. Необычайно живой, темпераментный, увлекающийся, яркий представитель бурной итальянской жизни конца XIII в., Салимбене использует церковную латынь так, как будто это его родной итальянский язык, формирует фразы, сочиняет эпитеты, совершенно как в живой речи, и, читая его хронику, мы через тонкий покров латыни ясно слышим яркую, простонародную итальянскую речь.

В изложении событий Салимбене чрезвычайно хаотичен, не придерживается ни хронологической, ни логической последовательности, но дает замечательно живое изображение современной жизни, в своей фрагментарности очень точно передающее ее пестроту, биение ее пульса. Рассказ пересыпается анекдотами, прямо заимствованными из жизни, расцвечен характеристиками, часто грубоватыми и элементарными, но в своей непосредственности яркими и выпуклыми. Люди в хронике Салимбене, а они в ней занимают центральное место, это не абстрактные фигуры праведников или грешников, обычные в средневековой литературе, это живые, индивидуальные люди,

снабженные индивидуальными чертами, определенными и неповторимыми.

Как яркие и своеобразны, например, следующие характеристики: «Брат Бонавентура из Изео был святой жизни человек, только чересчур корчил барины, хотя, как говорили, был сыном какой-то трактирщицы». Или: «Пятый спутник брата Иоанна Пармского был брат Иоанн Равеннский, толстый, до-родный и черноватый... Никогда не видал я человека, который бы с таким удовольствием ел лепешки с сыром».

Веяние новой жизни, проявляющееся в старых, традиционно средневековых формах, можно подметить в большинстве литературных памятников конца XIII в. При этом совершенно естественно, что если новое ярко проявляется в произведениях, написанных на традиционном латинском или чужом французском языках, то еще более ярко оно звучит в сочинениях на народном итальянском языке, который именно в эти годы превращается из народного, разговорного наречия, или, вернее, группы наречий, в литературный, единый язык. Тенденция к созданию такого языка сказывалась уже в начале века при сицилианском дворе Фридриха II, теперь же, сначала в Болонье, а затем особенно во Флоренции, эта тенденция реализуется полностью. На базе тосканского наречия, но видоизмененного, облагораживаемого, универсализируемого, создается тот общий итальянский литературный язык, та «славная народная речь» (*volgare illustre*), которую поднимет на громадную высоту литературное творчество Данте и которая будет жить с незначительными изменениями до наших дней.⁵⁸

Прекрасной итальянской параллелью с латинской хроникой брата Салимбене из Пармы является написанная на народном языке флорентийская хроника Дино Компаньи (1260—1323?). Гораздо более стройная и упорядоченная, чем хроника Салимбене, и, может быть, потому менее яркая и красочная, она просто и жизненно передает события современной автору жизни Флоренции. Автор сам участвует во многих из этих событий, являясь активным деятелем в политической жизни родного города, и описывает эти события так, как он видит их, без особых литературных ухищрений и прикрас, спокойно, честно и правдоподобно. Читая немногословные страницы хроники Дино Компаньи, мы как бы вступаем на узкие шумные улицы Флоренции, видим собственными глазами кипение ее политической и экономической жизни.⁵⁹

Безусловно родствен хронике Дино по своему литературному характеру сыгравший громадную роль в дальнейшем литературном развитии сборник 100 новелл, коротких рассказов, известный под названием «Новеллино» («*Novellino*»), или «Сто древних новелл» («*Cento novelle antiche*»).⁶⁰ Автор этого сборника нам не известен. Наиболее вероятно, что сборник был написан во Флоренции в последние десятилетия XIII в. Короткие, нередко не выходящие за пределы нескольких десятков строк, рассказы сборника отнюдь не отличаются большими ли-

тературными достоинствами, они суховаты, иногда неуклюжи, чрезвычайно пестры по содержанию, касаются сюжетов, заимствованных из восточной, античной истории, рыцарских романов и из современной автору жизни, особенно из жизни двора Фридриха II, с которым сборник имеет какую-то генетическую связь.

Предисловие «Новеллино», написанное в обычном для средневековья религиозно-нравоучительном тоне, заявляет о том, что короткие рассказы его дают образцы ловкой, остроумной, находчивой речи, которые могут быть использованы на практике «для пользы или для удовольствия тех, кто не обладает достаточными знаниями, но хочет ими обладать». Эта цель связывает сборник со сводами «примеров» (так называемых *exempla*) для проповедей, которых немало знала средневековая литература, в частности, в Италии. Таков, например, знаменитый свод «Обучение духовных лиц», написанный около 1106 г. испанским евреем Петром Альфонси, таковы в Италии — «Цветок добродетели» («*Il Fiore di Virtù*») и «Цветок философов и мудрецов» («*Il Fiore dei Filosofi e d'altri Savi*»), по-видимому, современные «Новеллино».

Однако, будучи по своему заданию и общему литературному характеру близким к названным сводам, «Новеллино» радикально отличается от них отсутствием истинно средневекового морализирующе-нравоучительного настроения, почти полным равнодушием к вопросам религии, интересом к ловкости, сообразительности, энергии человека, вниманием к своеобразным, индивидуальным его переживаниям. Недаром именно в «Новеллино» впервые встречается новелла LXXIII о трех кольцах, которую через пять веков прославит и распространит по всему культурному миру Лессинг. Новелла эта в изложении писателя XIII в. звучит так: **«Как султан, нуждаясь в деньгах, захотел получить их у одного еврея».**

«Султану, который нуждался в деньгах, посоветовали, чтобы он привлек к суду богатого еврея, жившего на его земле, а затем отнял бы у него его имущество, которое было велико сверх меры. Султан послал за этим евреем и спросил его, какая вера лучшая, думая, что если он скажет „еврейская“ или „христианская“, я скажу, что он грешит против меня. Если же скажет „сарацинская“, я ему скажу, почему же ты придерживаешься еврейской? Еврей, выслушав вопрос государя, ответил так: „Господин, жил однажды отец, имевший трех сыновей, и имел он кольцо с драгоценным камнем, лучшим в мире. Каждый из сыновей просил отца, чтобы он, умирая, оставил ему это кольцо. Отец, увидев, что каждый из них хотел это кольцо, вызвал искусного ювелира и сказал: „Мастер, сделай мне два кольца, точно такие же, как это, и вставь в каждое камень, который будет похож на этот“.” Мастер сделал кольца настолько похожими, что никто не мог бы отличить настоящее, кроме отца. Он вызвал сыновей по одному и втайне дал каждому кольцо, и каждый думал, что он владеет настоящим, и ни один не знал правды, кроме их отца. И так же, говорю я, обстоит с верами, которых три. Отец наш всевышний знает, какая из них лучшая, сыновья же, т. е. мы все, думают, что настоящая — наша. Тогда султан, услышав, как он вывернулся, не знал, что ответить и как придраться к нему, и отпустил его».⁶¹

Таковы же, а в большинстве еще короче и лаконичнее, остальные 99 рассказов сборника, рассказов, при всей своей незамысловатости являющихся родоначальниками серии сборников новелл, которая прославит последующие века итальянской литературы.

Совершенно отличную от повествовательной литературы в прозе струю составляет литература нравоучительно-аллегорическая в стихах, получающая чрезвычайное и, можно сказать, неожиданное развитие во второй половине XIII в.⁶² Посвященные разного рода религиозным или моральным вопросам длинные поэмы в неуклюжих итальянских стихах по своей абстрактности, условности своих образов, чисто средневековой традиционности, гораздо дальше от кипучей жизни итальянского города XIII в., чем конкретные, прозаические повествования, даже если последние выражены в церковной латыни монаха Салимбене. Образцом таких нравоучительных произведений могут служить многочисленные поэмы миланского горожанина Бонвезин ди Рива (? — ок. 1313). Так, в поэме «Книга трех писем» («Libro delle tre scritture») он более чем в 2 тыс. стихах рассказывает о мучениях, которые грешники переносят в аду («Черные письма»), трудностях, которые человек должен перенести для достижения блаженства («Красные письма»), и радостях рая («Золотые письма»). Так, в своем «Споре розы с фиалкой» он в обычном средневековом стиле восхваляет простоту и незамысловатость фиалки, возвеличивая ее над гордой и великопепной розой.

Еще более далека от современной жизни, еще более контрастирует с условиями конца XIII в. в Италии нравоучительная поэзия, принимающая аллегорические формы.⁶³ А между тем именно эта поэзия получает особое развитие в наиболее развитой и передовой части Италии — в Тоскане. Именно здесь пользовались громадным успехом такие произведения, как «Маленькое сокровище» уже известного нам Брунетто Латини или «Мудрость» — поэма, приписываемая также известному нам Дино Компаньи, или, наконец, «Поучения любви» нотариуса Франческо да Барберино (1264—1348).

«Маленькое сокровище» Брунетто Латини — попытка краткого, доступного широким массам, изложения громадного материала, содержащегося во французской энциклопедии автора. Для того чтобы сделать все произведение более привлекательным, Брунетто пишет его в итальянских стихах и в аллегорической форме. Автор, возвращаясь на родину из Испании, встречает на дороге студента из Болоньи, который рассказывает ему о поражениях флорентийских гвельфов при Монтеапerti. Убитый горем, поэт сбивается с пути, попадает в густой лес, блуждая по которому подходит к горе, где царствует божественная красавица — Природа, которая встречает его ласково и поучает о своем царстве. Затем, после странствий по царству природы, поэт попадает в царство добродетели, где получает новые уроки и наставления. Затем он приходит в место плотских наслаждений, где правит обнаженный бог похоти, вооруженный луком и окруженный четырьмя женщинами: Страхом, Желанием, Любовью и Надеждой. Брунетто чуть не

остается в этом царстве, но его спасает римский поэт Овидий, автор «Леккарств от любви». Покаявшись в своих ошибках, Брунетто приходит на гору Олимп, где встречает старика Птолемея, который начинает поучать его. Но на этом поэма, не законченная автором, обрывается.

Поэма «Мудрость» (*L'Intelligenza*), приписываемая Дино Компаньи, еще более сложна по своей аллегорической структуре. Здесь с утомительной детальностью описывается прекрасная дама — богиня Мудрость, которая явилась поэту, уснувшему весной на лугу. Описываются драгоценные камни, олицетворяющие добродетели и украшающие венец богини, описывается ее роскошный дворец, на стенах которого изображены различные сцены исторического (например, Троянская война) и нравоучительного содержания. Описывается далее двор богини, которой поэт объясняется в любви, но в любви не земной и греховной, а чисто духовной, интеллектуальной, которая спасает человека от земной скверны, возвышает и очищает его.

Прославлению этой возвышенной, небесной любви посвящено и произведение Франческо да Барберино «Поучения любви», нравоучительная аллегорическая поэма, описывающая поучения, которые дает автору Любовь (Апоге). Итальянские стихи поэмы, содержащие типично средневековые морально-аскетические наставления, сопровождаются обширным комментарием, написанным латинской прозой, в котором раскрывается часть аллегорий стихотворного текста и сообщается ряд дополнительных сведений об авторе и поэтическом искусстве его времени.

«Маленькое сокровище», «Мудрость», «Поучения любви» и ряд других им подобных сочинений нравоучительно-аллегорического характера являются произведениями явно переходными, близкими к средневековью как своим содержанием, так и формой, в которую это содержание облекается. Недаром все они в той или иной мере связаны с оказавшим громадное влияние на всю западноевропейскую литературу французским нравоучительно-аллегорическим «Романом о Розе» («*Roman de la Rose*»), хорошо известным в Италии.

Но если все эти произведения связаны со своими иноземными чисто феодальными прообразами, то не менее бесспорны их связи с направлением, получившим развитие в середине XIII в. во Флоренции, — поэтической школой так называемого «сладкого стиля» (*Dolce stil*).⁶⁴

Родоначальником этой, затем чисто флорентийской, школы был не флорентинец, а болонский юрист, активный политический деятель пополанской коммуны Болоньи — Гвидо Гвиницелли (? — ок. 1274). Этот умерший молодым поэт оставил ряд стихотворений лирического характера, стихотворений, связанных с поэзией провансальских и южноитальянских трубадуров, но носящих и явную печать самостоятельного таланта, умеющего видеть окружающий его мир и передавать его в ярких образах. Из этих стихотворений решающее значение получило

одно — канцона «Любовь всегда облагораживает доблестное сердце», послужившая как бы литературным манифестом школы «сладкого стиля».

В этом относительно небольшом, содержащем 6 десятистрочных стрóf, стихотворении Гвиницелли, не порывая с кругом образов и приемов трубадурской лирики, группирует их по-новому, создавая новую теорию поэтической любви и неразрывно связанного с этой любовью душевного благородства:

В честных сердцах Любовь приют находит,
Как птица под зеленой сенью леса;
Любовь ее старше, чем честное сердце,
Честное сердце — чем любовь...
.....
Сверкает солнце над земною грязью.
Но не скудеет сила солнца;
Надменный говорит: я знатен древним родом;
Подобен грязи он, а солнце — благородству;
Пускай никто не скажет,
Что было благородство без отваги,
Что можно унаследовать его,
Не чуя благородства в сердце;
В воде сверкает луч, однако в небе
Недвижны звезды и стоит светило...⁶⁵

Из приведенных немногих строк явствует, что в сложных и хитроумных образах и аллегориях канцоны утверждается, что истинное благородство человека происходит не от знатности и древности его рода, а от его личных достоинств, его личной доблести. В устах гражданина передовой пополанской Болоньи, ожесточенно враждующей с феодальной знатью, которая основывает свои претензии именно на знатности и древности своего происхождения, такое утверждение вполне понятно и естественно.

Зато гораздо менее естественно то, в чем видит поэт основные свойства личной доблести: в благородной, самозабвенной и возвышенной любви к даме, любви, которая неразрывно связана с доблестным сердцем и выражается в восторженных стихах. Для выражения своих чувств поэт прибегает к тонкому и сложному кружеву сравнений, аллегорий, абстрактных образов, делающих произведение похожим на ребус.

Дама, как отражение совершенства Бога, возвышающая своей любовью сердце поэта до истинной доблести, истинного благородства, не сравнимого с ложным благородством, основанным на происхождении, стоит в центре канцоны Гвиницелли, и она же становится главным объектом воспевания создающейся во Флоренции под влиянием Гвиницелли школы «сладкого стиля». Заимствуя и без того сложную и искусственную систему образов своего болонского учителя, флорентийские поэты еще значительно усложняют ее, делают еще более отвлеченной, часто больше напоминающей философские рассуж-

дения, чем настоящую поэзию. Главой и наиболее характерным представителем школы, не считая Данте, творчество которого выходит за рамки всяких школ и направлений, был Гвидо Кавальканти (ок. 1259—1300).

Отпрыск одной из знатнейших магнатских семей Тосканы, Гвидо принимал тем не менее активнейшее участие в политической жизни Флоренции. Лучший друг Данте, он резко выделялся на фоне сограждан как своей культурой и манерами, страстным увлечением науками и любовью к одиночеству, так и бурным, неудержимым темпераментом в политических делах. Стихи этого мечтателя, становящегося иногда под влиянием аффекта отчаянным головорезом, полны элегической грусти и возвышенной любви к своей даме, причем любви, трактуемой в философско-схоластической манере, как всемирная сила, связывающая Бога, творца Вселенной, с его творением и дающая возможность этому творению, и в первую очередь человеку, вернуться к созерцанию творца. Эта философская идеализация любви к даме, опирающаяся на усиливающиеся в XIII в. платонические течения в философии, приводит Гвидо к такой сложной системе понятий и образов, которая делает наиболее знаменитые его стихотворения чрезвычайно трудными для понимания. Такова в первую очередь знаменитейшая его канцона. «Дама меня просит, чтобы я ей рассказал» («Donna mi prega perché lo voglia dire»), являющаяся поэтическим комментарием к программной канцоне Гвидо Гвиницелли, но для своего понимания требующая нового, еще гораздо более пространного комментария.

Правда, не все произведения Гвидо Кавальканти отличаются такой абстрактностью и сложностью. В некоторых его сонетах и балладах, по образам близких к лирике трубадуров, мы находим отражение и настоящего чувства и умения видеть и описывать природу, но характерно, что современники восхищались не этими, а именно отвлеченно-философскими стихами Гвидо.

Второй крупнейший поэт школы — Чино да Пистойя (ок. 1265—1337) — также магнат по своему происхождению, член знатнейшего рода Синибальди, видный пистойский юрист и политический деятель, является автором большого количества произведений, не прокладывающих новых путей, но зато широко применяющих правила и приемы, выработанные обоими Гвидо и весьма популярные в Тоскане. Стихотворения эти, проникнутые характерной для школы нежной меланхолией и полные тонких рассуждений о свойствах и особенностях возвышенной любви к нежной и благородной даме, являются наиболее характерными для общего языка школы.

К «сладкому стилю» принадлежит еще ряд авторов флорентийцев — Гвидо Орланди, Джанни Альфани, Дино Фрескобальди, Лапо Джанни, творящие в системе, выработанной обоими

Гвидо и широко примененной Чино. Творчество всей школы, сознательно выступающей как объединенное единой программой содружество, резко и своеобразно контрастирует с той кровавой и грубой жизнью, на фоне которой оно протекает. Кажется малопонятным и, во всяком случае, удивительным то обстоятельство, что эта изысканная, несколько жеманная, глубоко абстрактная поэзия создается на тех же улицах Флоренции, по которым идут тяжело груженные английской шерстью караваны, которые оглашаются шумом и треском многочисленных суконных мастерских, где у контор банкиров взволнованно суетится многочисленная толпа, на улицах, по которым со звоном оружия проходят гордые своими пестрыми знаменами отряды цехового ополчения, которые так часто обгаются кровью классовых и семейных битв.

Возможно, что поэзия эта была сознательной попыткой группы мечтателей, по большей части вышедших из рядов знати, уйти от оскорблявшей их своей грубостью действительности в мир возвышенной фантазии, по существу своему близкий миру феодальному. Возможно, что она имела и определенный политический смысл, но, во всяком случае, и в этой поэзии, столь далекой от реального мира, звучат явные ноты нового.

Это в первую очередь прославление благородства, определяемого не знатностью рода, а личными качествами, личной доблестью, — мотив, который затем будет громко звучать в течение всего Возрождения; это яркое, реалистическое ощущение природы, окружающей человека действительности, которое, часто помимо воли автора, проскальзывает в произведениях школы.

Сочетание подчеркнуто архаизирующих черт с чертами нового мироощущения и миропонимания, характерное, как неоднократно указывалось, для всей литературы конца XIII — начала XIV в., выражено, таким образом, в поэзии «сладкого стиля» особенно ярко и своеобразно, причем архаизирующие элементы, явно преобладающие, придают ей тот характер утонченного, изящного аристократизма, который будет непонятен ближайшим преемникам, но зато тем более понятен писателям конца XV—XVI вв.

«Сладкий стиль», оказавший несомненное влияние на культуру Италии, не был, однако, ни единственным, ни, по-видимому, безусловно господствующим литературным направлением. Одновременно, параллельно с ним, существуют и другие направления в поэзии.

Так, современником обоих Гвидо является Гвиттоне д' Ареццо⁶⁶ (1225—ок. 1293), политический деятель и монах, автор многочисленных поэтических произведений, частично повторяющих образы и приемы провансальской лирики, а частично наполненных чисто средневековыми моральными наставлениями. Так, их же современником является фанатик францисканец

Якопоне да Тоди (1230—1306), в своих экстатических гимнах, иногда пропущенных настоящим, ярким поэтическим чувством, продолжающий традицию Франциска Ассизского, но в них же иногда проявляющий реальное ощущение жизни. Так, одновременно с поэтами «сладкого стиля», а иногда в сознательном противодействии им творят тосканские поэты Рустико ди Филиппо (ок. 1230—ок. 1295), Фольгоре ди Сан Джиминьяно (расцвет его поэзии ок. 1310 г.), Чекко Анджольери (ок. 1240—?).⁶⁷

Первый из них — Рустико ди Филиппо, отпрыск флорентийских пополанов — в своих любовных сонетах говорит о страсти в словах гораздо более простых и понятных, чем его ученые и знатные сограждане, а в сонетах сатирических дает яркие, выпуклые и злые портреты-карикатуры своих современников.

Второй — Фольгоре ди Сан Джиминьяно — в двух циклах сонетов воспевает радости, которыми рекомендует своим читателям заниматься каждый месяц года, — любовь, охоту, воинские упражнения, танцы, азартные игры, кутежи. По существу, он проповедует ничем не прикрытый эпикуреизм, на практике проводившийся разного рода «бригадами кутил» (*brigata godereccia* или *sperdereccia*), которых немало знает тосканский XIII в.

Наконец, третий — Чекко Анджольери — сын богатого сиенского пополана, доводящий изящный эпикуреизм Фольгоре до прямого, нередко грубого цинизма, выражает в вульгарных, но ярких и талантливых стихах самые низкие чувства — ненависть к старому скупому отцу и радость по случаю его смерти, отвращение к скучной жене, навязанной отцом, и страсть к молодой, легкомысленной любовнице, восторги азарта, пьянства, разврата. В этих стихах, диаметрально противоположных отвлеченным мечтаниям поэтов «сладкого стиля» (противоположность скорее всего нарочитая), жизнь итальянского города конца XIII в. отражена односторонне, но ярко и необычайно рельефно.

Так, один из сонетов Чекко, в котором он восхваляет день-ги, может прямо служить эпиграфом ко всему периоду:

Пусть родичей кто хочет воспевает,
Поет, кто их имеет, лишь флорины.
Они родню и брата, и кузину,
Отца и мать, и деток заменяют.
Родня такая всякому полезна.
Дает коня, одежду и доспехи,
Гнут спину перед ними франки, чехи,
Бароны-рыцари склоняются любезно.
Они прославят и дадут дерзанье
И все таланты заиграть заставят,
Все сделают возможными мечтания.
Не говори же: «Род меня прославит!»
Коль денег нет — напрасны ожиданья.
Скажи: «Я прах, и мною ветер правит».

Вообще же творчество перечисленных трех поэтов, не пользовавшихся у современников и десятой долей того успеха, который имели «сладкие» певцы, и не оказавших такого влияния на дальнейшее развитие литературы, как творчество этих певцов, было гораздо более реалистичным, гораздо более близким к современной жизни и в гораздо большей мере передающим те социальные и идеологические сдвиги, которые в этой жизни происходили.

Изысканное творчество аристократических поэтов «сладкого стиля» и грубые произведения пополапа Чекко Анджольери составляют как бы два полюса богатой и разнообразной литературной жизни Италии второй половины XIII в., но все это богатство и разнообразие достигает истинного апогея в творчестве одного из гениальнейших поэтов, которых вообще знало человечество, — в творчестве Данте Алигьери Флорентийца.⁶⁸

По поэтическому кредо своей молодости Данте принадлежал к кругу поэтов «сладкого стиля», он был активнейшим членом их кружка и некоторыми исследователями считается даже основателем или, во всяком случае, реформатором его. Но независимо от этого размах его литературного гения так громаден, произведения его так сильны и многообразны, что рассматривать его в рамках этой, в общем узкой и ограниченной, школы совершенно нецелесообразно. Произведения Данте дают как бы гигантский синтез литературных и вообще идеологических веяний эпохи и в известной мере отражают даже то направление, явно враждебное верованиям молодого Данте, которое выражал Чекко Анджольери.

Данте Алигьери (или Алагьери, или Алегьери) родился в 1265 г. в небогатой флорентийской гвельфской семье, по-видимому, феодального происхождения. Юность его прошла в родном городе, причем уже молодым человеком он занимается политической деятельностью, участвует в военных походах, женится, т. е. ведет обычную жизнь гражданина гвельфской Флоренции. При расколе флорентийских гвельфов на «белых» и «черных» Данте примкнул к первым, что привело к тому, что после победы вторых он был обвинен в различных политических и уголовных преступлениях и в 1308 г. был изгнан из Флоренции, куда ему не суждено было больше вернуться. Десять лет Данте проводит в изгнании, скитаясь из одного города в другой, от двора одного щедрого властителя к двору другого, мечтая о возвращении в горячо любимую им Флоренцию и строя планы один другого фантастичнее для осуществления этого возвращения.

Попав в среду постоянно беспокойных и постоянно интригующих флорентийских эмигрантов, Данте озлобляется, переходит от умеренного «белого» гвельфизма к симпатиям партии гибеллинов, приветствует поход императора Генриха VII, от которого ждет прекращения братоубийственных распрей, раз-

дирующих Италию и его родную Флоренцию. Неожданная смерть императора приносит глубокое разочарование Данте, который теперь окончательно ощутил, «как горек чужой хлеб и как жестки ступени чужих лестниц» («Рай» I, 3). В 1315 г. Флоренция подтвердила постановление об изгнании Данте, хотя большинство его единомышленников было амнистировано. Последние годы своей жизни изгнанник проводит при дворах веронских властителей Делла Скала или равеннских Полента. В Равенне он и умирает в 1321 г.; здесь он был похоронен и здесь прах его покоится и поныне.

Жизнь Данте Алигьери — довольно обычная жизнь неудачного политического деятеля — гражданина одной из бурных пополанских коммун. Тысячи таких изгнанников бродили по дорогам Италии, мечтая о возвращении на родину. Но хотя внешние обстоятельства жизни очень сильно отразились на облике Данте, не они определили этот облик, его яркое, разностороннее литературное творчество.

Уже в свои юношеские годы Данте примкнул к кружку флорентийских мечтателей и поэтов, группировавшихся вокруг Гвидо Кавальканти, и сблизился с Гвидо, став, по-видимому, наряду с ним одним из главных представителей «сладкого стиля». Выражением этого сближения является первое крупное произведение Данте — «Новая жизнь». Эта небольшая, но не потерявшая своего поэтического очарования до наших дней книжка представляет собой написанный на итальянском языке прозаический рассказ о юношеской любви Данте к Беатриче, причем в наиболее взволнованных местах в прозу вставляются стихи, передающие переживания автора, так что прозаический текст, как это нередко бывало в практике XIII в., служит как бы комментарием к поэтическому. Несмотря на такую сложность построения, «Новая жизнь» — произведение на редкость единое, искреннее, лиричное. 25 сонетов и 5 канцон, составляющих ось книги, написаны в своей подавляющей части в духе и согласно требованиям «сладкого стиля», но сложная система символов и аллегорий, свойственная этому стилю, под гениальным пером Данте теряет свою сухую абстрактность, наполняется кровью настоящей жизни, а прозаический комментарий, прямо говорящий об этой жизни, окончательно придает первой книге молодого творца характер искренней поэтической исповеди большой души.

Любовь, которая согласно требованиям «сладкого стиля» является основным содержанием «Новой жизни», — это возвышенная, чисто духовная любовь, которая облагораживает поэта, а после своей смерти возлюбленная Беатриче становится его путеводной звездой, вдохновляющей его на новые творческие усилия. Недаром книжка кончается словами: «Так что, если угодно будет тому, кем жива вся тварь, чтобы моя жизнь продолжилась несколько лет, я надеюсь сказать о ней то, что никогда

еще не говорилось ни о ком...» Это гордое, полное юношеской самоуверенности обещание Данте суждено было сдержать полностью.

На период жизни поэта, непосредственно следующий за изгнанием, падает второе его крупное произведение, написанное также на итальянском языке и также состоящее из прозы и стихов, — «Пир». По своим литературным достоинствам «Пир» не может быть даже сравниваем с «Новой жизнью». Это сухой схоластический трактат, написанный под большим влиянием Фомы Аквинского и стремящийся разрешить множество актуальных для своего времени философско-богословских вопросов: о путях совершенствования человеческой души, о природе этой души, о мироздании, важной частью которого душа является, о строении этого мироздания (т. е. об астрономии) и ряд других. При этом философские рассуждения, весьма пространные и литературно вялые, являются комментариями к сложным философски аллегорическим канцонам, написанным в духе «сладкого стиля». Книга осталась незаконченной — в известном нам виде она содержит 3 канцоны с комментариями к ним вместо 14 по плану автора. В «Пире» феодально-схоластическая струя, как неоднократно отмечалось, весьма еще сильная во второй половине XIII в., берет верх в творчестве мужающего и формирующегося поэта.

Эта же феодально-схоластическая струя определяет собой и третье крупное произведение Данте — его латинский трактат «О монархии» («De Monarchia»), написанный, по-видимому, в последние годы его скитальческой жизни. Это сочинение ставит своей целью описать и прославить идеальную форму политического устройства, каковой автор считает универсальную империю, ту самую империю, которая в реальной жизни безнадежно и окончательно изжила себя в царствованиях и разгроме последних Гогенштауфенов и которая на глазах Данте сделала в лице Генриха VII последнюю попытку вернуть себе безвозвратно утерянное величие. Громадный политический темперамент Данте, его широкий ум делают этот как по своей идее, так и по своей форме чисто феодальный трактат единым и даже до некоторой степени убедительным, хотя не дают возможности забыть его реакционности.

Наконец, четвертое крупное произведение Данте — латинский прозаический трактат «О народной речи», или «О народном красноречии» («De vulgari eloquentia»), написанный, по-видимому, несколько раньше «Монархии» и оставшийся, к сожалению, не законченным, отличается от предыдущих большой свежестью, самостоятельностью и смелостью, объясняемыми, может быть, тем, что автор здесь не был связан традицией: трактатов, подобных данному, не знала средневековая литература. В дошедших до нас двух книгах трактата Данте устанавливает, что латинский язык, на котором написан и сам трактат, — язык

искусственный, созданный для общения различных народов; естественные же языки этих народов те, на которых дети говорят с колыбели, именно благодаря своей естественности более благородны и ценны. «Из этих двух языков, — говорит первая глава трактата, — благороднее народный, как потому, что он раньше применялся человеческим родом, так и потому, что все люди пользуются именно им, хотя он и разделен на разные наречья и словари, и потому, что он является естественным, а латинский искусственным, а об этом более благородном языке мы и собираемся рассуждать».⁶⁹

Из народных языков Данте разбирает три — французский, провансальский и итальянский, причем устанавливает, что последний, как наиболее близкий к исконному природному языку, является наиболее благородным из всех. Однако этот благороднейший итальянский народный язык (*volgare illustre*) не является языком, на котором говорят в отдельных частях Италии, говор которых подробно разбирается; все эти говоры являются испорченными вариантами исконного языка, который и должен быть восстановлен на их основе как единый литературный язык Италии, язык, который должен прославить страну, родившую его и писателей, пользующихся им. Во второй книге трактата разбирается, в каких случаях следует пользоваться «благородным народным языком», и рассматриваются различные поэтические жанры, соответствующие этим случаям.

В философских обоснованиях, весьма, впрочем, немногочисленных в трактате, мы видим явные следы схоластической феодальной культуры автора, но в основной его аргументации, в его лингвистических, теоретико- и историко-литературных рассуждениях обнаруживаем замечательную наблюдательность, смелость мысли, самостоятельность, свойственные гениальному творцу. Обращает на себя внимание проскальзывающее в разных местах трактата, иногда и в «Пире», и в «Монархии», **глубокое патриотическое чувство, нежная любовь ко всей Италии, а не только родной Флоренции, к Италии, которая является прямой наследницей величия Древнего Рима и должна быть достойна этого величия.** До такой силы патриотического чувства во времена Данте умели подняться весьма немногие.

Названные нами крупные произведения Данте Алигьери, так же как ряд других, более мелких и не всегда достоверно вышедших из-под его пера, при всей своей значимости (особенно «Новая жизнь» и «О народном красноречии») не могут быть поставлены рядом с последним, крупнейшим и гениальнейшим произведением поэта — «Божественной комедией».

Если в ранее разобранных произведениях Данте мы отмечали двойственность, зависимость от феодальной культуры, с одной стороны, и яркое отражение новой, нарождающейся жизни — с другой, то в «Божественной комедии» эта двойственность отражается, может быть, наиболее ясно.

По своему замыслу, по всему своему построению, по проявляющимся в ней элементам философской системы «Комедия» — произведение, близкое средневековью, тесными узами связанное с той морально аллегорической поэзией, произведения которой мы разбирали выше. Заблудившийся в середине своего жизненного пути поэт попадает в ад и руководимый римским поэтом Вергилием, образом земной мудрости, проходит через все его круги, созерцая мучающихся в них грешников и иногда разговаривая с ними. Затем под руководством того же Вергилия он переходит в чистилище и здесь встречается с людьми, грешившими, но выслуживающими себе прощение, наконец, в третьей части поэмы Вергилия земную мудрость сменяет образ мудрости небесной — объект любви поэта — Беатриче, которая служит ему проводницей по раю, где он созерцает праведников и их блаженство.

Само построение ада, чистилища и рая, особенности отдельных их кругов, распределения по ним грешников, полугрешников и праведников, характеристики недостатков и достоинств каждого из них, философско-богословское объяснение причин их наказаний и наград — все это в поэме является чисто средневековым, заимствованным из багажа схоластической философии, в первую очередь у Фомы Аквинского, поклонником которого был Данте.

Однако не в этом морально аллегорическом содержании «Божественной комедии» ее немеркнувшие литературные достоинства, не ими завоевала она мировое признание, не благодаря им стала истинно народным итальянским произведением, до сего времени цитируемым, распеваемым, читаемым даже в полуграмотных кругах итальянского отсталого крестьянства. Достоинства эти: исключительные по яркости и выпуклости образы поэмы, несравненное умение поэта в немногих словах описать громадную человеческую драму, все действующие лица которой являются живыми, наделенными горячей красной кровью индивидуальными людьми, умение передать бурные, страстные, иногда неистовые человеческие чувства, и в первую очередь чувства самого автора.

Несомненно, не наследием феодальной культуры и не преклонением перед «ангельским доктором» продиктованы такие сцены, как знаменитый эпизод Франчески да Римини (5 песнь «Ада»), где в 70 стихотворных строках дается потрясающий по своей трагичности рассказ о непреодолимой, но преступной любви Франчески и Паоло, заплативших за эту любовь жизнью и вечным блаженством, как приведенный выше образ Улисса, как картина, рисующая мрачную фигуру Уголино, расплачивающегося за измену голодной смертью в темнице (33 песнь «Ада»), или как картина счастливого существования Флоренции до эпохи поэта (15 песнь «Рая») — сцены эти навеяны яркой, пестрой, разнообразной действительностью, в гуще ко-

торой проходила жизнь поэта, его страстными симпатиями и антипатиями и, может быть, трагизмом его личной судьбы.

При этом чрезвычайно характерно для двойственности крупнейшего произведения Данте то обстоятельство, что яркость и выпуклость образов в нем убывает по мере перехода от ада к раю. Поэту гораздо лучше удаются портреты грешников, людей, которых он ненавидит или осуждает, чем праведников, которыми он восхищается. Данте преклонялся перед старыми, уходящими в прошлое феодальными идеалами, восхвалял их носителей, но был, как никто другой, человеком своего времени, нутром понимавшим, видевшим во всей их неповторимой индивидуальности не теоретически идеальных носителей этой старой культуры, а живых, буйных представителей жизни новой, людей, которых он теоретически ненавидел, но с которыми был в действительности связан всеми фибрами своей страстной души поэта и борца.

Так, в «Божественной комедии» более, чем в каком-нибудь другом произведении Данте Алигьери — флорентийца и изгнанника, подтверждается характеристика, данная ему Ф. Энгельсом: «Конец феодального средневековья, начало современной капиталистической эры отмечены колоссальной фигурой. Это — итальянец Данте, последний поэт средневековья и вместе с тем первый поэт нового времени».⁷⁰

Титаническая фигура Данте обычно, и вполне закономерно, заслоняет фигуру политического деятеля и писателя, являющегося его современником. Это Альбертино Муссато, своим творчеством создающий как бы переход к следующему периоду, к ранней гуманистической литературе XIV в. Альбертино Муссато родился в 1261 г. (на 4 года раньше Данте) в Падуе, с которой он остался связан в течение всей своей дальнейшей жизни. Выходец из пополанских низов Муссато выдвинулся благодаря своей исключительной трудоспособности, своему знанию с классическими авторами и умению подражать их латинской прозе. Сначала нотариус, затем член Большого совета города, он выполняет ряд ответственных дипломатических поручений, активно участвует в длительной борьбе, которую Падуя ведет с Кан Гранде делла Скала (см. гл. III, § 1), но кончает свою жизнь в бедности и изгнании, не сумев поладить с властителями города Марсилио да Каррара и затем Кан Гранде.

Страстный патриот и республиканец и еще более страстный поклонник античности Муссато совмещал свою активную политическую деятельность с литературной работой, за которую был коронован падуанцами лавровым венцом поэта. В подражание своему соотечественнику Титу Ливию он пишет два исторических произведения: «О деяниях Генриха VII Цезаря» («*De gestis Henrici VII Caesaris*») и «О судьбах Италии после Генриха VII Цезаря» («*De gestis Italicorum post Henricum VII*

Caesarem»). В этих работах Муссато стремится точно и беспристрастно рассказать об исторических событиях, происходивших на его глазах и частично при его участии, но рассказывать не простым народным языком Дино Компаньи и не гибкой «кухонной» латынью брата Салимбене, а «высоким стилем» Тита Ливия. Он антикизирует названия должностей и институтов, постоянно упоминает трибы, декурионов, когорты и т. п., говорит о себе обязательно в третьем лице и достигает того, что рассказ его звучит торжественно и эффектно, но теряет связь с той живой красочной действительностью, которую так хорошо передавали Дино и Салимбене.

То же преклонение перед античностью и желание следовать ей мы находим в наиболее знаменитом из литературных произведений Муссато — в его патриотической трагедии «Эццелино» («Eccelinus»), написанной в разгар борьбы Падуанской коммуны с Кан Гранде делла Скала. Трагедия эта рисует устрашающий образ бывшего тирана Эццелино, который должен служить уроком современным поэту падуанцам. Но и этот более чем жизненный, глубоко волнующий как автора, так и его читателей сюжет трактован в античных формах. Муссато стремится подражать единственным известным в те времена античным трагедиям — сухим и эпигонским трагедиям Сенеки, решительно отмежевываясь от форм и приемов средневекового театра.

В результате этого стремления речи действующих лиц, сообщения вестников, партии хора оказываются растянутыми, искусственными и сухими, так что искренний и горячий патриотический подъем, воодушевляющий автора, доходит до читателя не при посредстве применяемых им литературных средств, а вопреки им, и вся трагедия предстает перед нами как единственный в своем роде образчик раннего, но от этого не менее страстного преклонения перед античностью.

То же преклонение перед античностью, хотя и менее рабское, совмещающееся с выражением чувств и переживаний Муссато, мы находим в его латинских стихах, явно подражающих Овидию. Особенный интерес представляют его «Послания» и «Элегии», содержащие обильный автобиографический элемент. Так, в элегии, написанной к дню своего 50-летия («De celebratione suae diei nativitatis facienda vel non»), мы находим краткий обзор всего жизненного пути поэта, причем обзор, выполненный с гордым сознанием своего значения и своих заслуг. При этом одну из главных своих заслуг он видит в том, что он ввел в литературный и шире — в идейный оборот античный материал, который, по глубокому убеждению автора, в аллегорической форме содержит те же истины, которые прямо высказаны в Библии, но содержит его в более поэтической и возвышенной форме.

И Муссато был прав. Как политический деятель и поэт, он,

падуанец, оказался стоящим вне основного русла идеологического развития Италии, русла, шедшего через Флоренцию, но в его произведениях, еще неуклюжих и пионерски неловких, мы впервые находим многое из того, что через несколько десятилетий после смерти Муссато прославит на всю Европу творения Петрарки и Боккаччо.⁷¹

Изобразительные искусства

Глубокая, полная напряжения борьба старого и нового идет в литературе Италии конца XIII — начала XIV в. Борьба за создание художественных форм, соответствующих бурному биению пульса новой жизни, идет и в изобразительных искусствах.⁷²

Правда, здесь эта борьба еще в большей мере, чем в литературе, предстает перед нами усложненной различными влияниями и воздействиями, местными и индивидуальными различиями. Хранящая бесчисленные античные памятники земля Италии в течение всего средневековья рождает произведения искусства, в той или иной мере испытывающие на себе воздействие этих неумирающих образцов. Постоянная, с XII в. все более активная, связь с Востоком, в первую очередь с Византией, также не может не оказать своего влияния, сказывающегося в первую очередь во внутреннем убранстве церквей. Наконец, тесные экономические и культурные связи с Францией, искусство которой является ведущим, дает свои плоды, прежде всего на севере Италии.

Но за всем этим многообразием, отнюдь не отменяя его, но составляя как бы его базу, идет основное течение: то борец за новое искусство, отражающее новую жизнь, новые вкусы и симпатии, которое интересовало нас в первую очередь при анализе литературы, которое будет интересоваться нас и при анализе изобразительных искусств. Возможно, что мы не сможем объяснить только этим борением все специфические и иногда наиболее привлекательные и тонкие черты отдельных художественных произведений, но зато только это борец дает в руки тот единый ключ, который открывает доступ ко всему искусству этого времени как к целому, дает возможность связать в единой картине различные явления интересующей нас бурной и пестрой эпохи, а это и составляет в первую очередь нашу задачу.

В живописи старая, связанная многовековой традицией иконописная манера, порождавшая однообразные, полные условной символики церковные произведения или эффектные благодаря своей цветовой роскоши, но декоративные мозаичные композиции, постепенно, и в разных художественных центрах по-разному, уступает место новой, более свободной, самостоятельной, жизненной манере.

В Риме мастер мозаичных композиций, наследник византийской традиции, живописец Пьетро Каваллини (расцвет в конце XIII в.) вносит в свои большие, монументальные произведения, во многом повторяющие канонические образцы, ощущение глубины, объемности, глубоко чуждые традиции, элементы, воспроизводящие мотивы античного искусства, давно забытого его предшественниками, и то стремление к передаче реальной жизни, которое затем станет лозунгом всего последующего развития искусства.

В Сиене Дуччо ди Буонинсеня (ок. 1260 — ок. 1326) сохраняет церковную условность и религиозную аскетическую настроенность в своих многофигурных евангельских сценах, но вносит в них элемент глубокой личной взволнованности, человеческого драматизма, напряженной внутренней жизни. Флорентинец Ченни ди Пепо, известный под прозвищем Чимабуэ (ок. 1250 — ок. 1302), в цикле своих фресок в нижней церкви св. Франциска в Ассизи и особенно в своих флорентийских мадоннах более смело, чем два вышеназванных художника, порывает с иконописными традициями, так же как его родной город более смело, чем Рим или Сиена, порвал с традициями феодализма в области социальной, экономической и политической. В произведениях Чимабуэ мы видим стремление по-своему расставить фигуры, отказавшись от требований канона, придать действию картины несведомую ранее живость, трактовать композиции объемно, а не как плоскость, передать свое индивидуальное, а не безличное-религиозное чувство.

Правда, все эти стремления еще наталкиваются в искусстве Чимабуэ на трудность ломки многовековой традиции и создания своего самостоятельного языка. Во многом он и не стремится к этому — недаром его творчество не без основания сравнивают с поэзией «сладкого стиля», но и самое наличие этих стремлений, их разнообразие и смелость делают Чимабуэ крупнейшим художником конца XIII в. и объясняют ту роль, которую он сыграл как учитель и вдохновитель гениального художника данного периода — Джотто.

Если Чимабуэ можно сравнить с поэтами «сладкого стиля», то с еще большим основанием можно сравнить с величайшим из поэтов времени — Данте величайшего из живописцев — Джотто.

О жизни Джотто ди Бондоне (1266—1337) мы знаем очень мало.⁷³ Он родился близ городка Веспиньяно недалеко от Флоренции, по-видимому, в крестьянской или во всяком случае, в пополанской семье, прошел обычное цехово-ремесленное обучение и всю жизнь занимался живописью и частично в поздние годы архитектурой, разъезжая из города в город и выполняя заказы богатых горожан или государей. Не выходя в своих занятиях за пределы своего ремесла, не занимаясь, в противоположность своему старшему современнику — Данте полити-

ческой деятельностью, Джотто был образованным человеком, известным на своей родине остряком, мастером на те быстрые и злые ответы, которые так ценили флорентийцы. Образ его именно как человека умного, наблюдательного, трезвого и злого донесла до нас флорентийская новелла XIII в.

Одной из наиболее ранних из дошедших до нас живописных работ Джотто и наиболее совершенной из них являются фрески в часовне (капелле), выстроенной в Падуе богатым купцом и ростовщиком Энрико Скровеньи, законченные, во всяком случае, до 1305 г. Это небольшое, скромное по своей архитектуре, узкое и высокое здание, внутренние стены которого целиком покрыты фресками Джотто, представляет собой замечательный, поистине неповторимый памятник искусства первых годов XIV в. Стены капеллы разделены на три яруса, три горизонтальные полосы, каждая из которых, в свою очередь, разбита на отдельные прямоугольники, содержащие самостоятельные сюжеты. Эти отдельные картины объединены в два цикла, посвященные жизни Марии (14 фресок) и жизни и страстям Христа (23 фрески). Циклы обрамлены изображениями символических фигур добродетелей и пороков (14 фресок). Большая задняя стена посвящена изображению Страшного суда.

Во всем этом громадном комплексе Джотто выступает как художник огромного дарования, как смелый и решительный реформатор, использующий все новое, что создали передовые художники до него, комбинируя это новое по-своему и внося еще больше своего. Правда, так же как Данте, ему не удается, да и не может удасться одним, пусть гигантским, усилием полностью порвать с наследием средневековья. В самом подходе его к живописи как к морально-нравоучительному повествованию, как к рассказу, развертывающемуся в последовательности отдельных сцен, еще много средневекового, напоминающего убор готических соборов. В нехитрой символике аллегорий нельзя не заметить аналогий с морально-аллегорической поэзией конца XIII в. Наконец, в самой живописной структуре отдельных фресок художник не может еще полностью порвать с иконным каноном, с установленными веками расположением фигур. Это средневековое, традиционное иногда прежде других черт бросается в глаза при рассматривании фресок Джотто, но стоит всмотреться в каждую из них в отдельности (илл. 1 и 2), чтобы ясно ощутить, что не старое, традиционное важно в этом замечательном произведении тосканского мастера, важно в нем громадное, яркое, здоровое ощущение жизни, эмоциональная насыщенность, глубинное, объемное построение каждой сцены, резко противоречащее условности, схематизму, плоскостности иконных композиций средневековья.

Некоторые из этих качеств имелись и в творчестве предыдущих художников, но у Джотто они являют столь единый и мощный комплекс, что в своей совокупности заставляют за-

бывать о чертах старого, делают создания мастера неповторимыми памятниками нового, революционного искусства. 1

Так, в «Благовещении Анне» — сцене, выбранной случайно (почти любая другая дает аналогичный материал), мы видим не условное, иконное обрамление иконно жестких фигур, а реальную, объемную комнату с реальной мебелью, с занавеской, с женщиной, прядущей шерсть за дверьми. Сама центральная фигура Анны не выступает как вариант определенных каноном фигур, а является фигурой реально увиденного человека, причем человека, находящегося в определенном эмоциональном состоянии, выражающемся через черты также вполне реальные. Глаза Анны направлены не на зрителя, а на ангела, появляющегося в окне, что придает каноническому сюжету жизненную и художественную убедительность (илл. 1).

Фрески капеллы Скровеньи в Падуе — гигантский памятник тому новому, которое потрясает нас на страницах «Ада» Данте и которое торжествует на улицах и площадях Флоренции конца XIII — начала XIV в.

Теми же качествами, которыми отмечены фрески капеллы Скровеньи, отличаются и циклы фресок в нижней церкви св. Франциска в Ассизи, где они помещены рядом с фресками Чимабуэ (илл. 14), оказавшими, несомненно, очень большое влияние на творчество Джотто, и два цикла фресок из жизни св. Франциска, Иоанна Крестителя и Иоанна Евангелиста в часовнях, выстроенных торгово-банковскими домами Барди и Перуцци в церкви Святого креста (Santa Croce) во Флоренции. Флорентийские богатеи, немало выдавшие художников и картин, недаром выбрали для украшения своих семейных часовен именно Джотто. Его яркий, жизнеутверждающий талант как нельзя более соответствовал их вкусам, соответствовал даже тогда, когда он, подобно Данте, воспевал идеалы, которым флорентийские наживалы в глубине души отнюдь не сочувствовали — идеалы аскетической бедности, отказа от радостей жизни, подражания скромному и простому брату всего сущего, «беднячку» Франциску из Ассизи.

Особенно ясными становятся как старые, так и новые черты в творчестве Джотто при сравнении его флорентийской Мадонны с флорентийской же Мадонной Чимабуэ. По общей композиции обе Мадонны совершенно сходны и обе восходят к иконному канону запрестольных образов богоматери, сидящей с младенцем на троне и окруженной ангелами. Общее расположение фигур, золотой фон, золотые нимбы вокруг голов — все это совершенно одинаково в обеих картинах. Но сколько в них и различий, замечаемых при более внимательном всматривании. Чимабуэ трактует всю сцену как условноплоскостную: Мария сидит на схематически изображенном троне, ангелы расположены в несколько рядов, один над другим, а не один за другим. Джотто подчеркивает объемность композиций —

трон изображен перспективно, так что можно себе представить его и без сидящей на нем богоматери, ангелы сознательно изображены один за другим, причем то, что они частично закрывают друг друга, подчеркивает глубинность композиции (илл. 9).

У Чимабуэ Мария, младенец на ее коленях, окружающие их ангелы не объединены общим действием, общей эмоцией, каждая фигура самостоятельна, иератична, и все вместе они создают впечатление церковной торжественности. Джотто объединяет фигуры единым действием, единой эмоцией: Мадонна нежно и бережно поддерживает младенца, ангелы благоговейно обращают восторженные лица к центральным фигурам, подчеркивая настроение экстатического поклонения, разлитое по всей картине.

Наконец, сама фигура богоматери, трактованная Чимабуэ совершенно иконно, без учета анатомического строения тела, реального падения складок одежды, дается Джотто как живой, реальный человеческий образ: это реальная женщина, с нормальным человеческим телом, одетым в реальную одежду, которая, подчиняясь законам тяжести, образует реальные складки.

Так, внешне сохраняя иконный канон, повторяя композиции своих предшественников, Джотто наполняет этот канон новым содержанием, отражая подобно Данте те глубокие сдвиги, которые происходят в окружающей его жизни.

То же место, которое в живописи конца XIII — начала XIV в. занимает Джотто, в скульптуре занимают отец и сын Пизано — Никколо (ок. 1205 — ок. 1278) и Джованни (ок. 1250 — ок. 1328). Биографии этих двух художников нам, к сожалению, почти не известны.⁷⁴ Они были, по-видимому, обычными цеховыми ремесленниками, всю свою жизнь проводившими в различных городах за работой над различными, главным образом церковными, скульптурами.

Положение скульптуры в средневековой Италии, надо говорить это, отличалось от положения живописи. Многочисленные, сохранившиеся невредимыми памятники античной скульптуры, сохранившиеся в любом городе Италии, не могли не оказывать своего мощного влияния на скульпторов полуострова, которые действительно никогда не порывали окончательно с античной традицией. Однако и сохраняя связь с этой традицией, средневековая итальянская скульптура была бесконечно далека от гармоничности и спокойствия своих образцов.

Никколо Пизано — создатель нескольких замечательных скульптурных кафедр, из которых наиболее выдающейся является кафедра баптистерия в Пизе, законченная им в 1260 г. (илл. 3, 5), стремится, с одной стороны, вернуть скульптуре утерянную ею спокойную гармонию, с другой — вдохнуть в нее земную реальную жизнь, которой сознательно были лишены выразительнейшие скульптуры готики. Пизанская кафедра —

произведение, поражающее своей пропорциональностью, своей почти античной гармонией, жизненной правдой в изображении как отдельных фигур многофигурных барельефов, так и всей композиции этих барельефов в целом. Правда, даже это лучшее создание Никколо не лишено еще некоторой формально повторяющей античные образцы замораживающей торжественности. Возможно, что это неизбежно в сооружении, входящем в общий комплекс замечательных ранних архитектурных памятников Пизы, но и с этой оговоркой нельзя не признать произведение Никколо, так же как другие его творения, шагом вперед в области скульптуры. Достаточно взглянуть на обнаженную аллегорическую фигуру — «Аллегорию силы» (илл. 4), украшающую один из углов Пизанской кафедры, чтобы понять это в полной мере. Могучее, здоровое обнаженное тело, прекрасное и гармоничное, как бы противоречит чисто средневековой, аллегорической идее (как не вспомнить, глядя на эту фигуру, титанические образы Данте!).

Сын и наследник Никколо — Джованни продолжает дело отца, но в некоторых отношениях изменяет выдвинутым им принципам. Его композиции и фигуры более жизненны, эмоционально насыщены, выразительны, но эта выразительность нередко напоминает преувеличенную экспрессию готических скульптур. При этом его рельефы более выпуклы — фигуры в них как бы стремятся оторваться от фона, с которым они были неразрывны в рельефах Никколо. Недаром одно из лучших произведений Джованни — свободная фигура богоматери с младенцем, которую он поставил в капелле дель Арена в Падуе, украшенной гениальными фресками Джотто.

Выпуклость творений Джованни еще больше подчеркивает их экспрессивность, отказ от спокойной, восходящей к античной гармонии, величественности образов Никколо, ту своеобразную «готическую реакцию», которую справедливо отмечают исследователи в творчестве младшего Пизано. Так, фигуры Пизанской кафедры и Перуджийского фонтана Джованни полны бурного, иногда подчеркнуто преувеличенного движения, какой-то судорожной эмоции, несомненно, родственной глубоко выразительным скульптурам готических соборов XIII в., но в то же время имеющим общие черты и с непревзойденной эмоциональной насыщенностью образов «Божественной комедии».

Так, замечательные произведения поэта Данте, художника Джотто и скульпторов отца и сына Пизано, возникая одновременно на грани между XIII и XIV вв., могучие и выразительные в своей совокупности, возглашают миру о серьезной внутренней борьбе, борьбе за новую идеологию, идущей в Италии в это бурное, полное глубокого драматизма время.

Архитектура — третье из изобразительных искусств — отражает ту же борьбу. Но в архитектуре, искусстве более громоздком, произведения которой создаются иногда в течение десяти-

летий, эта борьба идет медленнее; новое пробивает себе дорогу, может быть, еще более трудно, старое уступает место еще более неохотно.⁷⁵

Так, в 1310 г., когда уже была в значительной степени написана «Божественная комедия», когда изумленные и потрясенные посетители тысячами проходили через капеллу Скровеньи в Падуе, прославленную фресками Джотто и скульптурами Пизано, завершается постройкой наиболее законченно-готическое церковное здание Италии — собор в Орвието. Но и этот наиболее средневековый памятник, по-видимому, задуманный как прямое подражание французским готическим соборам, и, может быть, начатый французским архитектором, отражает своеобразие идеологической атмосферы Италии не менее, чем произведения литературные, живописные или скульптурные.

Готика, никогда не прививавшаяся в полной мере на почве Италии, напоенной античными воспоминаниями, предстает перед вами в архитектуре Орвиетского собора видоизмененной, ослабленной, как бы «итальянизированной». Внешне все мотивы готического собора в Орвието налицо, но характерное для готики стремление ввысь смягчено здесь подчеркнутыми горизонтальными членениями, как бы связывающими здание с землей, с реальностью. Остроконечная арка здесь шире в основании и не так высока, производя впечатление гораздо большей гармонии и спокойствия. Все готические мотивы сохранены, но благодаря незначительным изменениям, внесенным в общую композицию, звучат совершенно не так, как в классически готических зданиях Франции и Германии.

В крупных и мелких городах-коммунах богатые, деятельные, энергичные пополаны, ведущие борьбу с феодалами и чаще всего побеждающие в этой борьбе, строят много и стремятся в своих постройках увековечить свою победу, свое господство. Одновременно строят и феодалы, ослабленные, сдающие позицию за позицией, оставляющие свои замки в контадо и переселяющиеся в стены победоносного города, но пытающиеся здесь, на новом месте, построить дворцы-замки, толстые стены и высокие башни которых напоминают о старых замках и дают возможность продолжать борьбу и здесь, в городе.

И те и другие здания сохраняют чаще всего готические формы, но так же, как собор в Орвието, вносят в них более или менее серьезные изменения. Таков дворец коммуны в Сиене (Палаццо Пубблико), построенный между 1289 и 1305 гг., тяжелая, четырехэтажная громада которого подчеркнута горизонтальными карнизами, в то время как форма окон, зубцов и стремящаяся ввысь башня говорят о чисто готической природе всей композиции здания (илл. 7).

Очень близки к сиенскому коммунальные дворцы Флоренции — дворец Барджелло, начатый постройкой в 1255 г.,

и особенно Палаццо Веккьо (или дворец приоров), главная часть которого построена между 1298 и 1314 гг. Арнольфо ди Камбьо, архитектором, в своем творчестве близким к Джотто (илл. 6). Оба эти здания как бы отмечают два этапа в политической жизни Флоренции: первый — конституцию «*primo popolo*» и второй — организацию приората и «Установления Справедливости». Оба они стремятся быть крепостями победивших пополанов, их оплотами, совмещать функции правительственного здания и замка, в который можно укрыться в опасный момент. Они увенчаны зубцами, снабжены сторожевыми башнями и по своему общему композиционному замыслу принадлежат к сфере готики, в то время как более спокойные формы окон, почти симметричное их расположение, подчеркнутые горизонтальные членения, общая гармония, разлитая по всему зданию, говорят о новых вкусах тех, кто, торжествуя свою победу, строил эти дворцы, которые должны были закрепить ее на столетия.

Тем же двойственным характером отмечены и церковные здания, как мы это констатировали уже при разборе собора в Орвието. Прекрасное доказательство этому — флорентийская церковь Святого Креста, начатая Арнольфо ди Камбьо в 1294 г., и флорентийский собор Санта Мария дель Фьоре, начатый им же в том же году (илл. 8).

В них игра разноцветных мраморов, гармония общего построения, формы отдельных деталей — окон, ниш, порталов — заставляют совершенно забыть готическую природу замысла, приводят к тому, что здания эти входят в общий комплекс чисто ренессансных построек более позднего происхождения, подобно их законным родичам.

Особый, своеобразный, как и весь облик порождающего их города, вариант сочетания старых готических и новых архитектурных элементов представляет Венеция. Здесь к тому и другому примешивается, нередко радикально преобразая их, восточное влияние, сказывающееся в подавляющем большинстве венецианских построек — от палаццо Лоредан, восходящего к X в., до палаццо Дожей, постройка которого в своем окончательном варианте была начата в 1310 г. В результате сочетания готических, восточных и новых мотивов и принципов композиции венецианские здания получают те своеобразные, как бы кружевные фасады, причудливые и в то же время гармоничные, которые так характерны для города на лагуне.

Однако готика, пусть в своем итальянском (ослабленном) варианте, еще отнюдь не является преодоленной, устаревшей, так же как питающий ее феодализм, она еще борется и нередко одерживает немалые победы, особенно в городах и городках менее передовых, чем пополанские Флоренция или Сиена. Так, именно в те годы, когда Арнольфо ди Камбьо проектирует свои дворцы и церкви во Флоренции, в недалеком от нее провинци-

альном Сан Джиминьяно отстраивается городской центр с дворцом коммуны, собором, дворцом подеста, причем все они вместе являются законченным образцом итальянской городской готической архитектуры. Лес башен этого городка, его суровые, тяжелые здания, сохранившиеся почти без изменений до XX в., донесли до нас образ итальянского города в том виде, который он имел до того, как в нем начался бурный процесс, ход которого составляет содержание настоящей работы.

ГЛАВА III

ПЕРИОД КОММУН И РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТряСЕНИЙ (1320—1380 гг.)

§ 1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ

Неаполитанское королевство

Неаполитанское королевство, не только задержанное в своем историческом развитии, но и отброшенное назад вступлением на престол Анжуйской династии, в течение всего XIV в. остается государством чисто феодального типа, причем государством не прогрессирующим, а, наоборот, все более и более испытывающим на себе все бедствия, связанные с феодальной анархией и ослаблением центральной власти.¹

В 1309 г. умер второй король из Анжуйского дома — Карл II, и на престол вступил его второй сын Роберт. Старший сын Карл Мартелл был отправлен в Венгрию, где, как мы упоминали выше, закрепил за своим потомством, начиная с сына Кароберта, королевскую корону.

Редко можно встретить государя, которого, подобно Роберту Неаполитанскому, столь противоречиво оценивали бы и современники, и потомки. Весьма внимательный к вопросам престижа своей власти, любящий показную ее сторону и делающий все возможное для ее всяческого украшения, Роберт выступает в современных источниках как крупнейший меценат своего времени, как любитель науки и искусств, не жалеющий средств для их развития, как ученый и философ, стоящий в первых рядах творцов новой идеологии, как государь, приведший свою страну к невиданному расцвету, мощи и богатству.

Однако достаточно поглубже взглянуть в политическую, экономическую и культурную жизнь неаполитанского королевства времени правления короля Роберта, чтобы убедиться в поверхностности этих восхвалений, основанных скорее на намерениях и планах короля, чем на его способности эти намерения и планы осуществить.

Планы же у молодого короля были поистине грандиозны, особенно в области внешней политики. Стремясь реализовать намерения своего деда Карла I, он мечтает о том, чтобы, с одной стороны, поддерживать возможно более тесную связь с родиной своих предков — Францией, достигшей при Филиппе IV Красивом значительного могущества, с другой стороны, опираясь на поддержку Франции, добиться положения хозяина на Леванте, в частности на Балканском полуострове, и, наконец, опираясь на поддержку папства, живущего в Авиньоне и находящегося в полном подчинении у французской короны, стать хозяином Италии.

Однако все эти честолюбивые замыслы требовали для своего осуществления значительных сил и средств, а ни того, ни другого у Роберта не было, и он стремится заменить их браками, сопровождаемыми сложными и хитроумными дипломатическими договорами и условиями. Так, старший брат Роберта Филипп Тарентский женат на Итамар, дочери Никифора Дуки Комнина, государя Этолии и Ахарнании, крупного владельца на Балканах. Затем, однако, Итамар обвиняют в связи с одним из неаполитанских баронов, и брак расторгается, а Филипп Тарентский женится на племяннице Филиппа Красивого и наследнице титула императора Латинской империи, владеющей на Балканах герцогством Ахайя, Екатерине де Куртенэ. В результате обоих браков Филипп получает в свои руки значительные владения на Балканах, осуществляя тем самым восточные планы короля Роберта.

Впрочем, через некоторое время Филипп вынужден отдать Ахайю наследнице крупного феода во Франции Матильде д'Эно, но, чтобы не выпускать из рук этого жирного куска, Роберт добивается того, что Матильду против ее воли выдают замуж за второго брата короля — Джованни герцога Дураццо. Матильда не хочет подчиниться, бежит, но схвачена и заключена в темницу в Неаполе. Джованни же, получив Ахайю, разводится с ней и вторично женится на Агнесе де Перигор, дочери любовницы папы Климента V, с которым анжуйцы стремились поддерживать теснейшую связь.

В то же время единственный сын и наследник Роберта Карл Калабрийский женится на Марии Валуа, также племяннице Филиппа Красивого. Сам же король женат сначала на Иоланте Арагонской, затем, после ее смерти в 1302 г., на Санче Майоркской, надеясь этими испанскими браками подкрепить осуществ-

ление страстной мечты своего отца, становящейся и его мечтой,— вернуть безвозвратно потерянную Сицилию.

Опираясь на эти и ряд других менее значительных браков, на уступки и соглашения, Роберт и стремится укрепить свое господство и на Востоке и в Италии. В первые годы правления это ему до некоторой степени удастся. На Востоке в руки его родичей попадает большая часть Балканского полуострова, в Италии папа Иоанн XXII назначает его своим викарием (в 1316 г.). Одновременно он является сенатором Рима, где распоряжается самовластно, пользуясь угрозой гвельфизму, которую несет с собой появляющийся в Италии император Генрих VII.

Роберт, как наследственный защитник гвельфов, становится «сеньором и защитником» Флоренции и затем всей Тосканы. Используя стремление миланских Висконти захватить Геную, Роберт подчиняет себе последнюю. Он захватывает власть в Ферраре и вообще распоряжается судьбами всего полуострова.

Одновременно он стремится упрочить свое положение в наследственных землях: упорядочивает финансы, сокращает церковные иммунитеты, отстраивает и украшает свою столицу — Неаполь.

Однако ни внешнеполитические, ни внутривполитические мероприятия и успехи короля Роберта не привели и не могли привести к прочным успехам. Не могли потому, что честолюбивый король не был в действительности хозяином в своем собственном государстве. Те феодальные порядки, которые воцарились на юге Италии с победой анжуйцев, делают реальными хозяевами политической жизни страны многочисленных герцогов, графов, баронов, рыцарей, независимых владельцев своих замков и земель, не собирающихся подчиняться центральной власти.

Однако экономические уступки, предоставленные богатым банкирам и купцам еще Карлом I, захватившим власть на их деньги, сделали столь же реальными хозяевами экономической жизни королевства сиенских, пизанских, генуэзских и особенно венецианских и флорентийских богачей, смотревших на Неаполитанское королевство только как на выгодный объект эксплуатации.

Именно в царствование короля Роберта между банкирами и купцами различных итальянских городов, в первую очередь между венецианцами и флорентийцами, происходит открытая борьба за господство. Поддержанные королем, в этой борьбе побеждают флорентийцы, в частности крупнейшие флорентийские фирмы Барди и Перуцци (см. § 2). Правда, по соглашению 1313 г. венецианцам удается сохранить за собой некоторые хозяйственные позиции, но первенство надолго переходит в руки флорентийцев, пользующихся к тому же той политиче-

ской связью, которая существует между их городом и королем. Широко финансируя королевский двор, ссужая деньги, необходимые для осуществления честолюбивых замыслов Роберта, флорентийцы, и в первую очередь Барди и Перуцци, становятся гегемонами в экономике королевства. Они получают монополию на вывоз хлеба, разрабатывают и эксплуатируют производство шерстяных тканей, торгуют всюду и всем.

В качестве компаньона и представителя торгово-банковских домов Барди и Перуцци начинает свою карьеру в Неаполе Аччайуоло Аччайуоли — глава торгового дома Аччайуоли, сначала мелкого и незначительного, но быстро расцветающего на неаполитанской почве. Аччайуоло, выходец из пополанских низов, богатеет, женится на представительнице видного флорентийского рода Пацци, втирается в доверенные лица к королю Роберту и, не ограничиваясь торгово-финансовыми операциями, вступает на путь политической карьеры. Сначала мы видим его флорентийским послом в Неаполе, затем с 1343 г. — королевским викарием в Прато. В этой должности, опираясь на поддержку короля, Аччайуоли переживают банкротство своих бывших компаньонов Барди и Перуцци.

Сын Аччайуоло Аччайуоли — Никколо, родившийся в 1310 г., вырастает уже не как флорентийский пополан, а как знатный и влиятельный неаполитанский барон. Едва достигнув совершеннолетия, этот молодой человек, отличающийся красивой наружностью и неукротимым честолюбием, становится доверенным лицом «императрицы» Екатерины де Куртенэ, играющей большую роль в придворных интригах. Вскоре деловая связь перерастает в любовную. Никколо наследует викариат Прато, получает ряд больших феодалов и среди них герцогство Коринф на Балканском полуострове, становясь постепенно крупнейшим феодалом королевства и реальным вершителем его судеб. В дальнейшем потомки Никколо Аччайуоли, энергичные, мужественные и богатые, опираясь на герцогство Коринф, захватят всю Атику и с титулом герцогов Афинских будут управлять ею как крупнейшие феодалы Балкан до турецкого завоевания в 1462 г.

Карьера дома Аччайуоли, как и ряда других менее значительных домов в Неаполитанском королевстве, говорит о внутренней слабости последнего, об отсутствии в нем активных собственных внутренних сил, и эта слабость как нельзя более ясно сказывается на полном провале дела жизни короля Роберта — отвоевании Сицилии. Вооруженная и дипломатическая война Неаполя против трех арагонских королей Сицилии — энергичного и толкового Федерико (с 1296 по 1337), его сына, слабого и бесталанного Педро (с 1337 по 1342), и сына последнего, малолетнего Луиджи — не дает никаких результатов. Война эта выкачивает громадные средства, требует затраты всех сил королевства, и ее безрезультатность подрывает положение

короля Роберта. Одну за другой теряет он свои позиции в Италии и к концу своего царствования, к 30-м годам, ограничивается только своими неаполитанскими владениями, в которых его власть, как мы видели, тоже достаточно эфемерна.

Не ограничиваясь своими политическими претензиями, Роберт имеет, как было сказано выше, и большие претензии интеллектуальные. Любитель чтения, он выступает как меценат, покровительствует Джотто и Петрарке, считает себя знатоком древности и великим оратором. Современники, особенно зависящие от короля представители интеллигенции, верили или делали вид, что верили, в исключительные знания и способности короля. Петрарка, признанный вождь культурной жизни Западной Европы, избирает именно его для ученого испытания перед своей коронацией венком поэта в 1341 г. Однако анализ библиотеки короля, состав которой нам известен, и особенно его писаний, обнаруживает в нем скорее начетчика старого схоластического типа, чем представителя новой культуры. Из классиков его библиотека содержит только моральные сочинения Сенеки и отрывки из Тита Ливия, подобранные, чтобы служить примерами в проповедях. Сочинения же короля — обычные проповеди, призывающие к нравственной жизни и отказу от излишних греховных развлечений.

Нравоучительно-аскетическая поза, в которую король Роберт становится после смерти своего единственного сына Карла в 1328 г., не была, однако, просто позой. Стареющий король все более выпускал бразды правления из своих рук, реальная власть все больше переходила к его родичам, в первую очередь к женам, а затем и вдовам его братьев: Екатерине де Куртенэ и Агнессе Перигор или, вернее, к стае их фаворитов и фавориток, которые превращают неаполитанский двор в место постоянных увеселений во французском духе, в место, где непрерывными празднествами стремятся замаскировать все более тяжелое внутреннее и внешнее положение государства. Молодой Боккаччо, приезжающий по торговым делам в Неаполь, ярко расскажет об атмосфере, царствующей здесь, на страницах своей «Фьямметты».

Морализирующие призывы старого короля Роберта звучат в этой развращенной обстановке, как глас вопиющего в пустыне, и оказываются столь же безрезультатными, как его стремление спасти свое политическое могущество. Опасаясь за судьбы королевства, Роберт после смерти своего наследника добивается от папы разрешения на брак своей внучки, дочери умершего Карла Калабрийского — Джованны со своим внучатым племянником, вторым сыном венгерского короля Кароверта — Андреем. В 1333 г. венгерский король сам привозит своего 7-летнего сына в Неаполь и здесь в торжественной обстановке справляет его свадьбу с 7-летней же Джованной, а через 10 лет — 20 ян-

варя 1343 г. — умирает король Роберт, и его порядком потускневшая корона переходит к Джованне.

Длительное царствование этой королевы (с 1343 по 1382 г.) — одна из печальнейших страниц в истории не только юга Италии, но и всего полуострова. Молодая королева попадает под влияние своих теток, запутывается в сети придворных интриг, погрязает в удовольствиях и развлечениях, сначала довольно невинных, а затем все более сомнительных. Современный хроникер говорит о дворе королевы: «Они были совсем бессовестными, и в своих веселых пиршествах развращенные советники и представители знати открыто разграбляли сокровищницу короля Роберта». И в другом месте: «Двор этой королевы напоминал скорее публичный дом на посмешище всем...»² Придворные интриги скоро принимают кровавый характер — Джованна и Екатерина де Куртенэ при помощи клизмы отравляют Агнессу Перигор (в 1344 г.), а в следующем году очередь доходит и до мужа королевы — Андрея, которого убивают в его собственной постели. Подымается народное восстание. Толпы жителей Неаполя подходят к самым стенам королевского дворца с криками: «Смерть изменникам и королеве-блуднице!». Но Джованне удается уцелеть путем выдачи мелких участников убийства.

Следующие затем долгие годы правления королевы Джованны — сплошная цепь преступлений, ошибок, актов слабости и трусости, в ходе которого авторитет королевской власти все более падает — феодалная анархия все более растет, королевство разоряется и теряет последние остатки своего престижа.

Убийство мужа королевы Андрея вызывает войну с его старшим братом, венгерским королем Людовиком, который в 1348 г. занимает Неаполь и жестоко мстит всем, кого может заподозрить хоть бы в косвенном соучастии в убийстве. Венгерские отряды грабят город и королевский дворец, в течение ряда месяцев бесчинствуют в королевстве.

Во время этих событий Джованна полностью обнаруживает свою беспомощность — она целиком находится под влиянием Никколо Аччайуоли, сын которого Энрико — ее любовник. По указанию Никколо она выходит замуж за второго сына покойной Екатерины де Куртенэ — Лодовико Тарентского, но совершенно не считается с мужем и по-прежнему ведет развратную жизнь. Постоянные войны и интриги требуют громадных средств, и Джованна вынуждена доставать деньги любыми путями. В 1347 г. она закладывает свою королевскую корону, в 1348 г. продает папе за 30 тыс. флоринов наследственное владение анжуйцев — Авиньон, а в 1352 г. откупается за 300 тыс. флоринов от Людовика Венгерского. Но никакие уловки не могут вернуть разоренному и развращенному королевству порядок и благосостояние. Восстания следуют одно за другим, бароны, и в том числе ближайшие родственники королевы, совершенно не подчи-

няются ей, а во дворце на берегу Неаполитанского залива по-прежнему царит разврат, разгул, постоянно звучит музыка и льется вино, нередко густо подмешанное кровью.

В 1362 г. умирает второй муж королевы — Лодовико Тарентский, и она уже в следующем, 1363 году выходит за молодого и совершенно нищего, но отличающегося замечательной красотой наследника королевства Майорки Джакомо Арагонского. Но через несколько дней после брака между супругами начинаются раздоры, и Джакомо, не выдержав неаполитанской атмосферы, бежит, пойман, возвращен, бежит снова, ведет бродячую жизнь и в 1375 г. умирает в нищете и неизвестности.

А Джованна продолжает свою жизнь, полную интриг и разврата. Какое впечатление производил на современников неаполитанский двор этого времени, прекрасно показывают поверхностные, но красочные замечания шведской отшельницы Бригитты, посетившей Неаполь. «Они (окружающие Джованну и она сама. — М. Г.), — пишет Бригитта, — являются дикими зверьми по надменности, по ненасытной жадности, по похоти, которая их сжигает. И совершают люди из города многие другие страшные грехи, которые я даже не осмеливаюсь назвать. Первый из этих грехов, что человеческое лицо они расписывают разными красками, которыми обычно раскрашиваются бездушные картины и статуи идолов. Второй грех, что бесчестными фасонами одежды, которые там в ходу, они искажают настоящий вид тела мужчин и женщин и делают все это из гордыни и чтобы казаться красивее и порочнее в телах своих...»³

Пораженный взгляд представительницы чисто феодальной идеологии не мог проникнуть глубже раскрашенных лиц и замысловатых костюмов, но и то, что он подметил, достаточно ярко и красноречиво.

В 1376 г. Джованна в четвертый раз выходит замуж — за красивого, рослого и здорового немецкого феодала и авантюриста Оттона Брауншвейгского, но и этот последний брак стареющей королевы не изменяет положения в государстве. Людовик Венгерский считает наследником как своего венгерского, так и неаполитанского престола внука Агнессы Перигор Карла герцога Дураццо, воспитывающегося в Венгрии. Джованна не согласна с этой кандидатурой и завещает корону Людовику Анжуйскому, брату французского короля Карла V. Положение усложняется еще начинающимся в папском престоле расколом, причем один из пап поддерживает венгерского кандидата, а другой — французского. Узел распутывает сам Карл, герцог Дураццо, который появляется с войсками на юге Италии, берет Неаполь, осаждает королевский замок. После длительной и бесполезной обороны Джованна, тщетно ожидавшая помощи от мужа, отправившегося за подкреплениями, вынуждена сдаться, заключена в темницу и через несколько дней задушена в ней (1382 г.). Карл Дураццо остается хозяином Неаполя, который

ему, впрочем, приходится еще отстаивать от второго претендента — Людовика Анжу. Но королевство, за которое он ведет борьбу, — это только жалкие остатки некогда могущественного и богатого королевства; пагубные результаты правлений короля Роберта и королевы Джованны сказываются в полной мере.

Папская область

В Риме переезд папства в Авиньон привел к усилению, с одной стороны, городской коммуны, которая никогда не могла добиться руководящей роли под ревнивым взором «наследника св. Петра», с другой же стороны, могущественных баронов, которые рассматривали крушение самовластной политики Бонифация VIII как свою победу.⁴ Авиньонские папы, хотя и покинувшие Рим и попавшие под полное влияние французских королей, все же не оставляли Рим без своего внимания и принимали возможные меры к тому, чтобы их верховная власть в «вечном городе» оставалась непоколебимой. Из двух сил, соперничавших за господство в Риме после отъезда папства, — пополанов и знати, папы определенно считали менее опасной для себя первую и потому последовательно и систематически покровительствовали пополанской коммуне в ее борьбе с заносчивой и анархической знатью. Так, уже первый авиньонский папа Климент V (с 1305 по 1314 г.) пишет в 1310 г. особое письмо к Римской коммуне, предлагая ей избрать самостоятельно свою верховную власть — сенаторов. При этом папа обращается к руководящим пополанским организациям — «консулам скотоводов и купцов, коллегии судей и нотариусов, консулам цехов, тринадцати добрым мужам, избранным по районам города, и римскому народу». Он пишет: «Мы сочли за благо уступить Вам... на время с майских календ до конца года право выбирать сенатора или сенаторов, капитана или капитанов и любую другую власть по вашему желанию».⁵

Однако и столь решительная поддержка французскими папами пополанской коммуны не могла сделать ее самостоятельной и сильной, хотя бы подобно коммунам других передовых городов Италии. Слишком слабы были экономические позиции римских пополанов, слишком развращены они были легкими заработками, связанными с обслуживанием папского двора. Прекрасное доказательство этому — структура римской цеховой организации, во главе которой стоит цех скотоводов (*ars bovasteriorum*), по самому своему существу глубоко феодальный; к тому же созданию сильной пополанской коммуны решительно препятствовало и систематическое ожесточенное сопротивление этому со стороны феодальной знати, весьма сильной, несмотря на меры, принимаемые против нее авиньонскими папами.

Борьба между пополанами и знатью на некоторое время

отходит на второй план во время междоусобий, вызванных пребыванием в Риме императора Генриха VII, но затем возобновляется с новой силой. Сразу же после отъезда императора пополанские элементы города, напуганные примирением двух главнейших баронских родов — Колонна и Орсини, вражда которых всегда помогала пополанским интересам, поднимают восстание, силой захватывают власть и провозглашают по образцу других свободных коммун народным капитаном Якопо Арлотти Стефанески — человека, широко известного своей храбростью, энергией и преданностью делу пополанов. Арлотти вполне оправдывает возлагаемые на него надежды. Твердой рукой берет он бразды правления, арестует, а затем высылает из города представителей крупнейших баронских родов — Колонна, Орсини, Савелли, издает распоряжение о срытии баронских замков в городе, распоряжение, которое в значительной мере ослабило позиции знати, но лишило Рим многих прекрасных античных зданий. Опираясь на выбранный из числа пополанов совет 26 старейшин, Арлотти наводит в «вечном городе» давно в нем невиданный порядок. Кажется, что вернулись времена Бранкалеоне д'Андало, о котором римский народ всегда вспоминает с особой любовью.

Понимая внутреннюю слабость римского попола и стремясь укрепить созданный им порядок, Арлотти провозглашает Рим управляемым народом, но подчиненным непосредственно императору. Одновременно он добивается у папы Климента V утверждения произведенного им переворота. Однако и император, и папа далеко, а ненавистные и ненавидящие его бароны — в непосредственном соседстве, и Арлотти не удается удержаться у власти даже в течение года. Неудачно проведенная битва против представителей рода Гаэтани приводит к падению авторитета капитана, бароны, в свою очередь, осуществляют переворот, бросают ставленника народа в темницу и восстанавливают власть сенаторов Франческо Орсини и Шарра Колонна, смещенных при избрании Арлотти.

Рим снова погружается в состояние анархии, из которой его не может вывести провозглашение сенатором имеющего большие претензии, но бессильного короля неаполитанского Роберта. Не улучшила положения в Риме и смена папы. Новый «преемник св. Петра» Иоанн XXII (с 1314 по 1334 г.), француз по происхождению и интересам, больше занимается укреплением экономических позиций церкви, чем судьбами «вечного города», идущего ко все более глубокому падению.

Все более ясное к 20-м годам бессилие официального главы гвельфизма — короля Роберта, подчеркнуто французская политика папского престола, возобновление императором Людовиком Баварским (с 1314 г.) претензий на Италию приводят к усилению на полуострове гибеллинской партии, во главе которой стоит исключительно талантливый и предприимчивый

авантюрист Каструччо Кастракани. Опираясь на гибеллинов, Людовик Баварский, не имеющий достаточных собственных сил, начинает свой итальянский поход. Попытки Роберта Неаполитанского остановить продвижение императора оказываются бесплодными, и в январе 1328 г. Людовик вступает в Рим, восторженно встреченный народом, готовым на все, чтобы избавиться от феодальной анархии.

Еще до вступления императора в «вечный город» народ снова захватил власть, но наученный горьким опытом провозгласил народным капитаном не своего ставленника, а главу сильнейшего феодального рода, признанного вожака римских гибеллинов, героя Ананьи (см. гл. II, § 1) Шарру Колонна. Последний делает все возможное, чтобы обеспечить упрочение власти императора. Так как Людовик находится в состоянии открытой вражды с папой, уже давно (в 1324 г.) отлучившим его от церкви, то коронация императора происходит от имени римского народа, причем корону над его головой держит тот самый Шарра Колонна, который некогда сокрушил папскую власть в лице Бонифация VIII.

Народная коронация императора произвела громадное впечатление во всем мире, прозвучала как отходная политическим претензиям папства, как реализация идей, выдвинутых Данте в его «Монархии» и современным политическим писателем Марсилием Падуанским в его «Защитнике мира».

Сенатором в Риме был назначен Каструччо Кастракани, но этот честолюбивый и самоуверенный делец скоро поссорился с императором, покинул его, и сенаторы снова были избраны из рядов знати, близкой к Колонна. Гордый своими успехами и не понимающий их непрочности, император пытается нанести последний удар авиньонскому папству, проводит через собрание римского народа смещение Иоанна XXII и избрание на его место простого монаха, францисканца Петра из Корбары, который принимает имя Николая V.

Однако ни стремление закрепиться в Риме, ни попытка возвести на престол св. Петра своего ставленника не оказываются серьезными и не дают прочных результатов. Силы Людовика недостаточны даже для того, чтобы вести длительную войну против постоянно беспокоящего Рим Роберта Неаполитанского, и уже в августе того же 1328 г., бросив на произвол судьбы своего папу, Людовик с позором бежит обратно в Германию, окончательно скомпрометировав и без того пережившую себя идею имперской власти над Италией.

Проведенная через 3 года сыном императора Генриха VII, авантюристом Иоанном Богемским, попытка повторить поход в Италию оказалась не более чем карикатурой на бывшие имперские походы. Италия окончательно сбросила с себя иго императоров-немцев; гибеллинская партия неудержимо шла к своей гибели.

Бегство императора Людовика привело к реставрации власти над Римом авиньонских пап, но власть эта была эфемерной, как никогда. Рим по-прежнему находится в состоянии полного упадка. Коломна и Орсини ведут непрекращающуюся войну между собой, города Романьи, не говоря уже о более отдаленных территориях, отказываются признавать власть Рима над собой. Упадок «святого города» таков, что создается впечатление о его полной гибели. Это впечатление, а также общее тревожное положение во всей Италии вызывают к жизни новую волну, казалось, окончательно отошедшего в прошлое движения флагеллантов. На рождестве 1333 г. в Ломбардии доминиканец фра Вентурино из Бергамо выступает с проповедью покаяния. Одетые в грубые доминиканские рясы с изображением голубя на груди, неся страннический посох в одной и четки в другой руке, нанося себе удары и распевая религиозные песнопения, идут тысячи кающихся за фра Вентурино, который ведет их во Флоренцию, затем, после трех дней пребывания в ней, дальше на юг, в Рим, куда они прибывают в великий пост 1334 г.; с возгласами: «Мира и милосердия» проходят более 10 тыс. человек по улицам и святыням «вечного города», призывая к воскрешению былой духовной его славы, к возвращению папы, к усмирению баронов. Видавшие виды римляне сначала прислушивались к проповедям фра Вентурино, но скоро убедились в их несерьезности, перестали обращать на них внимание, и толпы кающихся рассыпались так же легко и быстро, как соблались.

После смерти папы Иоанна XXII, последовавшей в конце 1334 г., папой был избран сын мельника, ученый богослов, француз Бенедикт XII (с 1335 по 1342 г.). Все попытки нового папы установить мир и порядок в Риме, покровительствовать его коммуне, преобразовав ее по флорентийскому образцу, договориться с окончательно осмелевшими баронами не приводят к результатам — анархия в «вечном городе» продолжается.

Именно в это время глубокого упадка Рима его посетил уже пользующийся европейской славой создателя нового мировоззрения поэт Франческо Петрарка. Величие и падение Рима произвели на него громадное впечатление, которое он выразил в ряде своих писем, ставших вскоре широко известными. В этих письмах Петрарка, страстный поклонник античности, в восторженных выражениях описывает былую славу Рима, скорбит об его падении и, утверждая, что нигде так мало не знают об истории Рима, как в самом Риме, призывает к изучению этой истории, ибо «не подлежит никакому сомнению, что если бы Рим начал познавать сам себя, он бы поднялся из того состояния падения, в котором он теперь находится».⁶ За воскрешение интереса к «вечному городу» и берется поэт, имеющий весьма высокое мнение о своих силах и возможностях. Одним из этапов осуществления этой задачи была проведенная 8 апреля

1341 г. на Капитолии коронация Петрарки лавровым венком поэта. Проведенная после чисто средневекового экзамена у короля Роберта, коронация стремилась воспроизвести одну из церемоний Древнего Рима, во многом сбиваясь, однако, на торжества средневековья. Но возгласы: «Да здравствует Капитолий и поэт!», которыми собравшийся в громадном количестве народ приветствовал происходящее, свидетельствовали о том, что эта фантастическая церемония имела не только идейное, но и политическое значение. Это в полной мере сказалось через несколько лет, когда на исторической сцене появился человек, с бьющимся сердцем читавший письма прославленного Петрарки, с восторгом кричавший на его коронации вместе с другими: «Да здравствует Капитолий и поэт!», — сын римского трактирщика и прачки, молодой Кола ди Риенцо.⁷

Имя Колы начинает фигурировать в источниках с момента смерти папы Бенедикта XII в апреле 1342 г. Новым папой был избран француз, ученый профессор богословия — Климент VI (с 1342 по 1352 г.). Сразу же после избрания нового папы к нему направляется официальное посольство римлян во главе с представителями родов Колонна и Орсини. Посольство должно просить папу вернуться в Рим, назначить юбилей не в 1400 г., как полагалось, а раньше — в 1350 г., и дать распоряжение об усмирении пополанской коммуны, снова поднявшей голову и избравшей 13 старейшин для управления городом. Но и коммуна не дремлет, она посылает в Авиньон своего посла — 30-летнего Колу ди Риенцо (1313—1354).

Мы мало знаем о детстве и юности Колы. Он получил, по-видимому, весьма скромное образование, которое было обычным для сына трактирщика. После смерти отца (1332 г.) он женится на дочери нотариуса и, быстро пройдя соответствующее обучение, становится нотариусом. Одновременно он со страстным увлечением изучает античные памятники Рима, читает и переводит античные надписи, изучает римских историков, особенно Тита Ливия, читает современные политические трактаты — «Монархию» Данте и «Защитника мира» Марсилия Падуанского, упражняется в ораторском искусстве.

Проходящая на глазах Колы проповедь фра Вентурино, призывающая к воскрешению былой духовной славы Рима, и коронация Петрарки, призывавшего в своих произведениях к воскрешению его былой светлой славы, заставили молодого, увлекающегося, начиненного античностью нотариуса перейти от мечтаний к действиям. Обладая прекрасной наружностью и ярким, увлекавшим слушателей красноречием, Кола собирает вокруг себя кружок почитателей, затем становится широко известным в пополанских кругах Рима как защитник и идеолог установления в городе демократически коммунальных порядков. Этой известностью и объясняется его поездка в Авиньон в качестве представителя коммуны.

При папском дворе Коле приходится пережить немало неприятностей и унижений. В результате происков официальной делегации он попадает в тюрьму, но затем, освобожденный по ходатайству Петрарки, видевшего в нем своего единомышленника, он весной 1344 г. получает почетное звание нотариуса папской курии в Риме и возвращается на родину. Папа Климент VI, большой поклонник и ценитель учености всякого рода, по-видимому, сначала оценил его как знатока античности, затем же, поняв, что этот видный и энергичный нотариус может пригодиться папству, решил использовать его в политических целях. Как и предыдущие авиньонские папы, Климент VI был склонен поддерживать пополанскую коммуну в ее борьбе против гораздо более опасных баронов, в ее стремлении установить в «вечном городе» мир и порядок, и Кола ди Риенцо был, казалось, чрезвычайно подходящим человеком для проведения этой политики.

Но если папа рассчитывал использовать знания, энергию, красноречие молодого нотариуса в своих целях, то последний рассчитывал, наоборот, использовать поддержку папы для осуществления своих мечтаний. До определенного момента пути Колы ди Риенцо и Климента VI сходились. Сразу по прибытии в Рим, пользуясь своим новым официальным положением, Кола развил активную пропаганду своих идей. Пользуясь довольно распространённым в Италии XIV в. методом, его единомышленники напосылали на стены центральных римских зданий агитационные картины, призывающие в аллегорических образах не только Рим, но и всю Италию, вспомнить о своем былом величии и направить все силы, чтобы «вернуться к своему древнему доброму порядку». Одновременно сам Кола выступает с публичными толкованиями древних римских памятников (в частности, *Lex Regia* — сенатского постановления, которым сенат передал власть императору Веспасиану) и в этих своих выступлениях призывает к открытым политическим действиям.

Вся эта открытая и тайная агитация увеличивала число сторонников ученого и красноречивого нотариуса, давая возможность перейти от слов к делу. В первых числах мая 1347 г. Кола проводит в одной из римских церквей ряд совещаний со своими сторонниками, среди которых есть и представители мелких феодалов (так называемые «рыцарьки», *cavalerotti*), и купцы, и в особенно большом количестве выходцы из тех римских низов, которые породили самого Колу. В некоторых из этих совещаний принимает участие, по-видимому, с санкции Авиньона и папский викарий, епископ Орвието, Раймунд.

Тщательно подготовленный переворот происходит 20 мая 1347 г. Сопровождаемый небольшим вооруженным отрядом, нанятым на заранее собранные деньги, и свитой из своих сторонников, несущих 4 символических знамени, одно из которых с надписью «Трибун свободы, мира и справедливости», Кола

вступает на Капитолий, куда накануне был созван народ, и, стоя рядом с папским легатом, произносит свою первую речь. В ней он объявляет, что вся власть в Риме должна принадлежать народу, который будет осуществлять ее через своих управителей, «ректоров», утверждаемых папой. Целый ряд мероприятий намечает Кола, чтобы покончить с анархией в Риме, усмирить баронов, укрепить хозяйство города, восстановить его власть над окрестной территорией. Себя недавний нотариус называет трибуном, воскрешая давно забытое звание защитника плебеев, подчеркнуто отмежевываясь от скомпрометированного баронами звания сенатора. О пределах и характере своей власти он до поры до времени не говорит ничего.

Момент для переворота был выбран исключительно удачно — наиболее энергичный и влиятельный из баронов, потомственный гибеллин, командующий римским войском Стефано Колонна был со своими отрядами вне города. Не было в нем и наследственного префекта Рима Джованни Вико. Переворот проходит совершенно безболезненно. Захваченные врасплох бароны вынуждены покориться, по крайней мере внешне. Папский легат полностью поддерживает выгодный Авиньону переворот.

Убедившись в том, что его смелое предприятие увенчалось успехом, Кола уже в следующие дни выступает более решительно. 23 мая он объявляет народу, что как трибун он имеет власть «наказывать, убивать, прощать, назначать чиновников, определять границы римской юрисдикции, заключать союзы с другими общинами...». С этого момента все акты издаются от имени «Николая, строгого и милостивого, трибуна свободы, мира и справедливости, освободителя священной Римской республики». Не желая довольствоваться ролью папской марионетки, Кола смело оттесняет викария Авиньона и решительно берет в свои руки всю полноту власти. Легат вынужден смириться, запрашивает инструкции, решает выждать дальнейшего разворачивания событий.

Понимая, что спасение в быстрых и решительных действиях, Кола развивает бешеную активность, стремясь в несколько недель перестроить как внутреннее, так и внешнеполитическое положение Рима. В городе он создает регулярное ополчение, для которого каждый из 13 районов должен выставить 100 пеших и 25 конных воинов, вводит строгую уголовную юстицию, требует от баронов полного подчинения. Гордый Стефано Колонна сначала не подчиняется, но под угрозой народного суда вынужден склонить голову, покинуть город и отдать захваченные им стратегические пункты.

Кола призывает всех баронов в определенный день явиться на Капитолий. Является подавляющее большинство, и гордые Колонна, Орсини, Савелли со склоненными головами выслушивают поучения, которые читает им одетый в пурпурную антич-

ную тогу сын римского трактирщика. Кола предписывает баронам принести присягу в том, что они не будут выступать против новых порядков и лично против него — народного трибуна, не будут грабить и бесчинствовать, но будут охранять сирот, вдов и беззащитных и по первому зову являться с оружием или без оружия. Еле скрывая ярость, завидуя Джованни Вико, осмелившемуся не явиться, бароны принесли присягу, которую они не собирались выполнять, а трибун обратился к народу, запрещая ему впредь приносить вассальную присягу кому бы то ни было, называть кого бы то ни было «господин» (*missore; sic!*), носить дворянские гербы.

Стремясь разрушить последние остатки феодализма в Риме и его округе, Кола проявляет и заботу о хозяйственном его положении. Он восстанавливает введенную еще Бранкалеоне соляную монополию, упорядочивает налоговую систему, возвращает коммуне земли, захваченные баронами, вводит новую монету, так называемую «*provisini senatus*», на одной стороне которой надпись «Рим глава мира» [*Roma Caput Mu(nde)*], а на другой — «Родной трибунат» [*Almus tribunat(us)*]. Рядом мероприятий Кола стремится добиться увеличения торговли, организует социальное обеспечение, в первую очередь лиц, пострадавших при установлении нового режима, затем вдов, сирот, бедняков.

Одновременно «трибун свободы» стремится распространить влияние нового Рима на всю Италию, восстановить господствующее положение «вечного города» на полуострове. 7 июня он обращается к городам Тосканы, Умбрии, Романьи, Ломбардии, к дожу Венеции, к родам Висконти (Милан), Скала (Верона), Гонзага (Мантуя), Каррара (Падуя), д'Эсте (Феррара), объявляя их владения «провинцией Рима» (*tota Romana provincia*) и от имени «всей священной Италии» (*universa sacra Italia*) приглашая их на общий съезд на 29 июня, затем перенесенный на 1 августа.

С утра до утра работает канцелярия трибуна, переписывая приглашения, напоминающие Италии о ее былой славе, апеллирующие к античности и коммунальным свободам. По дорогам Италии спешат римские послы, снабженные серебряными жезлами, знаками их высокой миссии. Большинство городов и правителей отвечают согласием.

Общее впечатление от деятельности Колы ди Риенцо выразил Петрарка, обратившийся с приветственным письмом к трибуну. «Я не знаю, о великодушный, — писал он, — кого я должен больше поздравить: тебя ли за совершенное славное деяние или граждан, благодаря тебе свободных?.. Наконец-то вы овладели свободой, всю сладость и прелесть которой могут знать только те, кто ее уже раз утерятил... Вы, господствовавшие некогда над народами, видевшие их царей у своих ног, вы долго сгибали свою шею под постыдным ярмом и подчинялись (о, верх стыда и горести!) даже не итальянцам, а чужеземцам и авантюристам!.. И зло, и добро кончается, и в наше время неожиданно явился человек, поборник свободы... Бдите,

дабы ни один из волков, силою выгнанных из овчарни и постоянно на нее оглядывающихся, не смог вернуться в нее хитростью, притворными вздохами и лстивыми ласками... Боюсь, что между вами окажутся и такие, которые либо в силу родственных связей, либо в силу привычки к рабству предпочтут постыдное, но сытое подчинение скромной свободе. Будь во всеоружии против таких граждан, великий муж, и опасайся их, как своих злейших врагов... Ты, великий, открыл перед собой путь к бессмертию. Будь настойчив, если хочешь достичь конца его, в противном случае, чем блистательнее было начало, тем мрачнее будет конец...»⁶

Письмо Петрарки, творца новой идеологии, приветствовало Колу как ее ярчайшего представителя. Оно было прочтено народу на Капитолии, и в ответе, датированном 28 июля, Кола обещал исполнить все предписания «славного поэта-лауреата и любезнейшего согражданина». Однако для выполнения этих обещаний у него не хватило сил.

Первые дни августа были свидетелями величайшего триумфа Колы. Успехи и похвалы вскружили голову недавнего натарисуа, преисполненного мечтами об античном величии Рима. Он организует пышные шествия, инсценированные в античном духе церемонии: 31 июля — праздник объединенной Италии; 1 августа — посвящение Колы в рыцари и триумф Августа над Клеопатрой; 15 августа — трибунское венчание Колы. Во всех этих церемониях трибун выступает в пышных античных одеждах, произносит декларации, все более и более звучные, все более и более смелые.

Но враги Колы и римской свободы, в первые дни оглушенные неожиданностью, понемногу приходят в себя, собираются с силами. Папский викарий Раймунд пишет в Авиньон явно враждебные Риенцо донесения, а в конце августа прибывает специальный папский легат Бертран де Дё с предписанием разобратся в положении и навести порядок во взбунтовавшемся Риме. Легат находит ретивых помощников в лице баронов, в первую очередь из рода Колонна. По отношению к последним Кола проявляет непонятную и непростительную мягкотелость, не выполняя советов Петрарки о бдительности и решительных мерах. Захватив в начале сентября всех вожakov рода Колонна, и в первую очередь старого Стефано, враждебность которого была широко известна, Кола устраивает суд над ними, неожиданно заканчивающийся только нравоучением и всякими милостями.

Быстрый, энергичный и решительный, действовавший, очевидно, под влиянием страстного импульса в течение первых недель революции, Кола затем обнаруживает слабость, неуверенность, колебания, рисующие его скорее как антиквара-интеллигента, чем как политического вождя. Этим и пользуются его враги, все более многочисленные, все более сплоченные.

В первых числах октября Бертран де Дё получает приказание начать прямую борьбу против Колы, если последний не согласится на полное подчинение. Кола отказывается и начинает

вооруженную борьбу со знатью, за исключением Орсини объединившейся против него. В середине ноября трибуну удается одержать ряд побед, но в то время как он все более теряет уверенность в своих силах, бароны все более ожесточаются. Их настроения прекрасно выразил Стефано Колонна в словах: «Лучше умереть, чем носить ярмо мужаика».

Кола делает ряд неловких шагов, теряет почву под ногами и, испугавшись этого, когда в его руках были еще силы, вполне достаточные для борьбы, смиряется, подчиняется папскому викарию, отказывается от титула трибуна (2 декабря), а 15 декабря уезжает из города.

Так печально и бесславно закончилась попытка революции Кола ди Риенцо, попытка, в которой, как в фокусе, отразилось положение Италии середины XIV в. Кола продолжал дело Бранкалеоне и Арлотти как глава Римской коммуны, стремящейся свергнуть иго баронов, но он продолжал дело и фра Вентурино, взывавшего к покаянию, и осуществлял идеи Петрарки, пытаясь воскресить древнее величие Рима. Он опирался на пополанов и, вдохновляясь античностью, мечтал о полном уничтожении последних остатков феодализма. Но Рим был совершенно неподходящим местом для проведения революции, а Кола — недостаточно сильным ее вождем. И события, начавшиеся как величественная трагедия, закончились как жалкий фарс.

Правда, личная историческая роль Кола ди Риенцо не кончилась после 15 декабря 1343 г.: он бежит в горы южнее Рима, скрывается там свыше двух лет. Затем в 1350 г., переодетый паломником, появляется в Риме, который, вернувшись снова под власть баронов, празднует разрешенный папой в награду за свержение трибуна юбилей. Убедившись в том, что своими силами ему восстановить свое положение не удастся, Кола направляется в Прагу к императору Карлу IV, которого надеется своим бурным красноречием привлечь на свою сторону. Однако, несмотря на то, что бывший народный трибун поступает значительной частью своих демократических идей, переходя на позиции устарелого гибеллинизма, несмотря на то, что он развертывает перед ценителем учености Карлом все свои познания в области античности и оглушает его своим бурным красноречием южанина, соблазнить хладнокровного и расчетливого немца ему не удастся. Карл IV передает Колу пражскому архиепископу, а последний сначала засаживает его почти на 2 года в тюрьму, затем по требованию папы направляет в 1352 г. в Авиньон, куда Кола прибывает в августе. Климент VI назначает комиссию для расследования дела трибуна, сам же Кола пользуется относительной свободой и расположением папского двора. Но 6 декабря 1352 г. Климент VI умирает, и на престол вступает Иннокентий VI (с 1352 по 1362 г.), энергичный и дельный француз, твердо решивший положить конец снова свирепствующей в Риме анархии. Для осуществления этой цели папа

считает подходящим орудием недавнего народного трибуна, которого достаточно научили смирению годы немилости и неволи. Но Кола направляется в Рим не один, он едет в свите генерального викария папы и его правой руки, человека холодного, трезвого ума и громадной настойчивости, испанца, кардинала Хилия д'Альборноза.⁹ При этом первая роль в деле усмирения Рима предназначена кардиналу, который может использовать бывшего трибуна, где и как ему заблагорассудится.

Ко времени приближения папского посольства осенью 1353 г. Рим находился в состоянии полной анархии. За власть в нем борются бароны, снова обнаглевшие до крайности, предводитель наемных отрядов авантюрист фра Монреале, называющий себя полководцем церкви, но думающий только о собственной выгоде, и пополанская коммуна, во главе которой с титулом второго трибуна стоит (с 14 сентября) слабый подражатель Колы Томмазо Барончелли.

Хладнокровный дипломат Альборноз быстро разбирается в запутанном положении, заключает союз со старыми гвельфами Орсини против наиболее осмелевших Колонна, используя остатки влияния Колы, добивается смещения Барончелли, предлагает Коле своими силами восстановить свое положение в «вечном городе». Риенцо делает это при помощи наемных банд фра Монреале, сначала разбивая летом 1354 г. своего бывшего врага префекта Джованни Вико, а затем торжественно вступая в Рим ровно через 7 лет со дня, когда он на Капитолии праздновал объединение Италии под своей властью.

Но Риенцо 1354 г. был мало похож на Риенцо 1347 г. Он так же с достоинством носил пурпур, так же произносил пышные речи, но некогда свободный, полный мечтаний о воскрешении былой славы Рима, он теперь превратился в покорного слугу панства и его представителя Альборноза. Недаром последний писал в Авиньон: «Пока он ведет себя хорошо. Если так будет продолжаться — это приведет к общему благу».

И народ, некогда боготворивший своего трибуна, народ, который нелегко обмануть, скоро почувствовал эту перемену и отвернулся от своего бывшего любимца. Ни удачная борьба с Колонна, ни казнь фра Монреале и его братьев не могут вернуть Коле, в котором народ справедливо видит только папского агента, его популярности. Для поддержания своего положения Риенцо приходится усиленно собирать налоги, что приводит к взрыву народного негодования. 8 октября 1354 г. происходит восстание, Кола пытается бежать из города, но схвачен и убит. Так бесславно кончилась жизнь и деятельность того, кого Петрарка приветствовал как создателя новой жизни, того, чья судьба в какой-то мере символизирует собой судьбу всей эпохи Возрождения, одним из первых ярких представителей которой он является.

В дни, когда решалась судьба Колы, на землю Италии вступил человек, у которого он некогда тщетно искал поддержки. Император Карл IV с небольшим отрядом в октябре 1354 г. перешел через Альпы. Но как не похож был этот поход на завоевательные походы германских императоров! Это была скорее деловая поездка, чем военная экспедиция. Расчетливый император собирает с каждого крупного города определенную мзду, продает направо и налево права и привилегии и 1 апреля появляется в Риме, где остается ровно столько, сколько нужно, чтобы наспех совершить коронацию, а затем с полным кошельком возвращается в Прагу.

Смерть Колы, выполнившего с точки зрения папства свою миссию и теперь более ненужного, и конец экспедиции Карла IV вполне устроили кардинала Альборноза, единолично приступающего к восстановлению папского авторитета в Италии. Нелегко дается это упорному испанцу. В течение ряда лет ведет он войну с префектом Вико, победа над которым обеспечивает власть в борьбе за Рим, рядом хитроумных мероприятий ослабляет Колонна и Орсини, заставляет подчиниться папскому престолу воинственных Малатеста, получающих от имени папы власть над Римини и Пезаро, затем также подчиняет властителей Урбино — Монтефельтро и властителей Фаэнцы — Манфреди. Все эти военачальники теперь выступают в качестве предводителей наемных отрядов, значение которых исключительно возрастает в результате общего политического развала в Италии середины XIV в. Нажившись на непрерывных внутренних войнах, все они стремятся превратиться в самостоятельных государей, опираясь либо на свой родовой замок, либо на захваченные в ходе войны город или крепость, либо на занимаемую кем-нибудь из предков должность подеста, префекта и т. п., становящуюся затем наследственной. Все эти князьки не могут еще в середине XIV в. отстоять свою полную самостоятельность и соглашаются на принятие титулов папских викариев, которые им предлагает Альборноз.

Дольше других сопротивляются властители Форли, Форлимпополи, Чезены, Имола, завязтый враг церкви Франческо Орделаффи, но в июле 1359 г. и он вынужден сложить оружие.

Большие трудности доставило кардиналу также покорение Болоньи, на которую уже в течение ряда лет претендует находящийся под властью Висконти Милан. После нескольких крупных побед Альборноз с 1361 г. восстанавливает папское господство и над этим крупным и богатым городом.

Годы, последовавшие за восстановлением власти над Патримонием св. Петра, Альборноз опять посвящает делу умиротворения Рима и его окрестностей. Он окончательно ослабляет уже надломленных Колонна и Орсини, а в 1362 г. издает указ об изгнании из города всей знати, включая мелких дворян-«рыцарьков». Но, стремясь уничтожить господство в «вечном горо-

де» своенравной знати, Альборноз не делает решительных уступок пополанской коммуне, естественному своему союзнику в борьбе с баронами.

Исполнительный орган коммуны — Семь реформаторов, сознательно сохраненный Альборнозом, вступает с ним в конфликт, апеллирует к папе и при помощи наемных отрядов и городского ополчения начинает вооруженную борьбу с наемными отрядами кардинала. Эта борьба, а также война с миланскими Висконти, начатая из-за Болоньи, ослабляет положение до этого времени не знавшего неудач испанца. К тому же 12 сентября 1362 г. умирает его многолетний покровитель папа Иннокентий VI, и папскую тиару надевает Урбан V (с 1362 по 1370 г.), французский бенедиктинец, профессор университета в Монпелье. Он сразу же вмешивается в борьбу между Римской коммуной и Альборнозом, становится на сторону первой и смещает кардинала, затем, правда, снова получающего полномочия, но уже значительно сокращенные.

Укрепив в Риме позиции пополанской коммуны и издав распоряжение, запрещающее представителям знати занимать какие-либо должности в городском управлении, Урбан V со страстью отдается делу, которое он не без основания считал важнейшим: уничтожению наемных военных отрядов, так называемых отрядов кондотьеров. 13 апреля 1363 г. Урбан V издает буллу, проклинающую кондотьеров. 15 сентября 1364 г. он предлагает всем городам Италии объединиться для борьбы с ними, через несколько месяцев на специальном совещании с императором Карлом IV он договаривается об их изгнании из стран Западной Европы и направлении на Восток для борьбы с «неверными». Но все эти декларации так и остаются декларациями, кондотьеры смеются над папскими проклятиями и продолжают хозяйничать в Италии.

Считая, что в результате деятельности Альборноза порядок в Риме достаточно восстановлен, и чувствуя себя неуютно во Франции, уже охваченной пожаром Столетней войны, Урбан V решает возвратить престол св. Петра в Рим. Поддержанный восторженным письмом Петрарки, он с несколькими кардиналами в апреле 1369 г. выезжает из Авиньона, остальные кардиналы выезжают из Марселя в конце мая. 4 июня папский флот прибывает в Корнето, где возвращающегося «наместника св. Петра» встречает громадная толпа, представители знати, городов и во главе всех — старый кардинал Альборноз, видевший в этом торжестве осуществление всех своих стремлений, результат своей многолетней работы. Через несколько недель, 24 августа того же 1369 г., Альборноз скончался, оставив о себе память как о самом дельном исполнителе воли папского престола.

16 октября Урбан V торжественно въезжает в Рим, поразивший его своим жалким видом. Пользуясь первыми днями, принесшими ему безоговорочное господство, папа проводит здесь

ряд важнейших реформ. Ликвидируя представителей пополанской коммуны — Семь реформаторов, Урбан V вместо них ставит во главе коммуны трех «консерваторов», которые вместе с одним (вместо двух) сенатором и составляют римскую администрацию, привлекая в особо важных случаях для совещаний 13 капитанов районов города и консулов цехов.

В октябре 1363 г. в Рим без войска приезжает для совещаний с папой император Карл IV, а в октябре следующего года — византийский император Иоанн V Палеолог для переговоров об объединении церквей. Кажется, что авторитет и мировое положение Рима как столицы папства восстановлены. Но Урбан V томится в чуждом ему, полном глухой вражды, величественном, но мрачном и неуютном в своем упадке городе. 20 июня 1370 г. он обращается к населению города Рима с прощальным письмом, а 5 сентября того же года отплывает из Корнето в Авиньон. Однако недаром утверждали многие, что бегство папы из Рима не приведет к добру. 19 декабря 1370 г. Урбан V умер, едва прибыв в свой родной Авиньон.

На смену ему приходит Григорий XI, знатный и ученый француз, отнюдь не собиравшийся повторять эксперимент своего предшественника с возвращением в Италию. Однако на полуострове вскоре создается положение, заставляющее папу пересмотреть свое решение. Временное возвращение папы в Рим и затем его новый отъезд активизировали антипапский лагерь в Италии и привлекли к нему те силы, которые в течение веков поддерживали папство.

Римская коммуна во главе со своими «консерваторами», внешне подчинившаяся папе, находящемуся в Риме, решительно отказывает в подчинении авиньонскому папе. Флоренция, традиционный оплот гвельфизма, становится организатором антипапской коалиции, в которую летом 1375 г. входят Милан, Пиза, Лукка, Сиена, Ареццо, Неаполитанское королевство. Города и области Патримония св. Петра, с таким трудом подчиненные Альборнозом, отпадают один за другим. Объявляют себя самостоятельными Читта ди Кастелло, Монтефьясконе, Нарни и, наконец, 19 марта 1376 г. — Болонья. Некоторые уцелевшие бароны, и в первую очередь префект Вико, возобновляют свои разбойничьи набеги. Наконец, как символ растущего, охватывающего все круги итальянского общества возмущения политикой папства раздается голос дочери бедного красильщика из Сиены Екатерины Сиенской (1347—?), которую весь полуостров считает святой посланницей Бога, сошедшей на землю для спасения находящейся в тяжелом положении Италии.¹⁰ Эта простая, но умная и чуткая девушка, итальянская параллель французенке Жанне д'Арк, стремится использовать свое быстро растущее влияние для того, чтобы убедить папу вернуться в Рим. Екатерина Сиенская отправляется в Авиньон и пытается уговорить упрямого «наместника св. Петра», обращается к не-

му с пышными и красноречивыми письмами, передающимися из рук в руки и приобретающими широкую популярность.

Но не трогательные мольбы святой из Сиены, а реальная угроза потери всего своего светского могущества заставляют, наконец, Григория XI изменить решение. Все более и более мрачные известия, приходящие из Италии, вызывают в Авиньоне настоящую панику. Напрасно папа пытается восстановить порядок обращения и анафемами. Положение только ухудшается, и неохотно, полный самых мрачных предчувствий, папа 13 сентября 1376 г. покидает Авиньон и 17 января 1377 г. с небольшим вооруженным отрядом въезжает в Рим, где был восторженно встречен.

Но торжественная встреча не могла скрыть ни запущенности и упадка «вечного города», ни трудностей, которые ожидали папу с первых же часов возвращения в Италию. Ни Рим, ни патримоний, ни остальная Италия, находящаяся под главенством Флоренции в состоянии открытой войны с папством, не собираются складывать оружия, а силы папы исключительно малы, явно недостаточны для борьбы со столь многочисленными врагами. Ценой величайших усилий Григорию XI удастся добиться некоторых успехов — снова подчинить Болонью, примириться с префектом Вико, но это было только начало, за которым не последовало продолжение, так как 27 марта 1378 г. после недолгой болезни Григорий XI скончался.

Уже во время его болезни в его непосредственном окружении, среди кардиналов и высших служителей церкви, начались жесточайшие раздоры. За неделю до смерти умирающий папа особой буллой потребовал, чтобы при выборах его преемника меньшинство безоговорочно подчинилось большинству. Однако булла эта не произвела никакого действия. Из 23 имевшихся в то время кардиналов-выборщиков в Риме находилось 16, 6 были в Авиньоне и 1 — в Тоскане. Но из 16 римских кардиналов только 4 были итальянцами и сторонниками пребывания папы в Риме, 7 человек были французами, сторонниками Авиньона, остальные 5 принадлежали к различным нациям и занимали промежуточное положение. При таком составе конклава естественно было ожидать избрания папы французской ориентации, тем более, что французский король Карл V, несколько выпутавшийся к этому времени из трудностей Столетней войны, прилагал все усилия к тому, чтобы добиться избрания французского кандидата. Однако римский народ и итальянское духовенство открыто требовали избрания папы итальянца, угрожая восстанием.

Напуганный и растерявшийся конклав решает вступить на путь компромисса и избирает 18 апреля 1378 г. архиепископа Бари Бартоломео Приньяно — итальянца, но известного своими французскими симпатиями, ставленника неаполитанской коро-

левы Джованни. 18 апреля новый папа коронуется в соборе св. Петра и принимает имя Урбана VI.

Однако ни Карла V, ни авиньонских кардиналов такое компромиссное решение ни в какой степени не устраивало. Путем прямого подкупа французский король сколачивает среди кардиналов сильную оппозиционную группировку, которая 2 августа публикует обвинение против нового папы, 9 августа предает его анафеме, а 20 сентября 1378 г. в Фонди избирают нового папу в лице француза Роберта Женевского, принимающего имя Климента VII. В выборах принимают участие опять 16 кардиналов, причем многие из тех, кто выбирал Урбана VI, а затем объявил о том, что первые выборы были навязаны угрозами римлян.

Французский король, удовлетворенный делом своих рук, сразу же официально признает Климента VII, в то время как итальянские государства, заинтересованные в своем, и притом не слишком могущественном папе, почти единодушно поддерживают Урбана VI. Начинается схизма — раскол в католической церкви, который определит собой политические судьбы Италии в течение ряда последующих десятилетий.

Кондотьеры и синьории

В предыдущем изложении мы неоднократно касались двух явлений в политической жизни Италии, которые приобретают особое значение в XIV в. и потому заслуживают особого рассмотрения. Это образование кондотьерских отрядов и создание мелких, полуфеодальных государств — синьорий в Центральной Италии.

Отряды кондотьеров, т. е. наемные отряды, состоящие из воинов-профессионалов и возглавляемые военачальниками-профессионалами, отнюдь не являются монополией Италии. Наоборот, в XIV в. мы встречаем их во всех странах Западной Европы, в первую очередь во Франции, но нигде они не получили такого широкого распространения и не вошли так прочно в политическую структуру общества, как на Апеннинском полуострове.¹¹ Объясняется это, очевидно, своеобразием социальной обстановки в Италии.

Ожесточенная борьба между пополанскими коммунами и феодальной знатью, идущая на всей территории Центральной и Северной Италии и приводящая в большинстве случаев к победе пополанов, лишает феодалов их ведущего положения, делает их ненужными в качестве военной силы. Воевать от своего собственного имени они не в состоянии, объединяться им не дают соседние коммуны, а следовательно, единственный способ применить свою военную сноровку — поступить на службу к той же коммуне, либо возглавив ее пополанское ополчение, либо приведя с собой специально набранный и натренированный от-

ряд, составленный из разного рода авантюристов, готовых на все ради легкой наживы. Оба эти варианта — и возглавление коммунальных ополчений, и создание собственных отрядов — широко распространены в Италии XIV в., но особенное значение приобретает второй, потому что поразительно быстро богатые пополанские купцы, ростовщики, ремесленники, энергично и мужественно сражавшиеся с ненавистной знатью в XIII в., теперь, в XIV в., победив эту знать и забрав бразды правления коммуной в свои руки, не слишком охотно берутся за меч, предпочитают решать судьбы города в Советах, а не рисковать жизнью на поле брани, богатеть в своих лавках и конторах, а не терять время в военных походах. Поэтому они охотно перепоручают ведение военных предприятий своей родной коммуне профессионалам, составляя с ними соответствующие договоры, так называемые кондотты, почему руководители отрядов и получают название кондотьеров.

Кондотьер со своим отрядом ведет войну, а пополанская коммуна обильно и регулярно, в сроки, оговоренные кондоттой, выплачивает ему определенные, часто довольно значительные денежные суммы и только для верности держит при войске несколько своих надежных представителей, которые зорко следят, как бы наемный военачальник со своим наемным войском, получив деньги, не изменил. Система эта, сама по себе глубоко порочная, приводила к ряду осложнений и неприятностей, так как кондотьеры сплошь и рядом переходили из одного воюющего лагеря в другой, шаптажировали своих нанимателей, да к тому же обыкновенно стремились использовать свое положение в личных целях.

Кондотьерские отряды появляются в Италии еще в XII в., во время борьбы Фридриха Барбароссы с Ломбардской лигой, но действительно ведущую роль они начинают играть только в начале XIV в. Состоят они в это время чаще всего из разного рода иностранцев, отставших от своих отрядов во время последних походов германских императоров (Генриха VII, Людовика Баварского, Карла IV), экспедиций в Неаполь анжуйских или венгерских претендентов. Эти иностранцы, решившие остаться на свой страх и риск в богатой стране, объединялись в отряды, так называемые компании, и выдвигали вождя, вначале чаще всего итальянца, хорошо знакомого с местной обстановкой. Этот вождь созывал и распускал отряд по своему усмотрению, заключал договоры на ведение военных операций, получал деньги от нанимателя, от своего имени расплачивался со своими солдатами. Самое слово «солдаты» (от слова «soldo», что означает плата) возникло именно в этой обстановке.

Первый крупный отряд такого типа, о котором имеются точные данные в источниках, был создан в 1303 г. в ходе борьбы между неаполитанским королевством и отпавшей от него Сицилией. Затем количество таких отрядов растет из года

в год. Особенно знамениты компания, организованная в 1329 г. из остатков армии императора Людовика Баварского и находившаяся под командованием Марко Висконти, и так называемая «Компания св. Георгия», образовавшаяся в 1339 г. под предводительством Лодризио Висконти.

В середине XIV в. во главе компаний все чаще встречаются иностранцы, вскоре совсем вытесняющие итальянцев. Так, громкую и весьма печальную славу приобретает «Великая компания» (*Gran compagnia*) немца Вернера фон Урслингера, участвующая во всех военных столкновениях 40-х годов и облагающая крупной данью такие города, как Перуджа, Болонья, Сиена. На своем знамени и оружии кровавый немец недаром носит девиз «Враг Бога, правосудия и милосердия». Может быть, еще более знаменит, даже далеко за пределами Италии, вождь «Белой компании» в 1365 г. и «Святой компании» в 1375—1376 гг. англичанин Джон Гауквуд, имя которого итальянцы произносили как Джованни Акуто. Особенно прославившийся своим коварством и корыстолюбием, кондотьер этот, собрав громадный капитал, окруженный страхом и преклонением современников, на старости лет решает вернуться на родину в Англию, но умирает в пути, так и не воспользовавшись плодами своих многолетних трудов.

Начиная с середины XIV в. наряду с иностранцами снова появляются во главе наемных отрядов итальянцы, и сами эти отряды все в большей мере состоят из местных жителей. Так, в 1376 г. впервые образуется мощный отряд, состоявший исключительно из итальянцев и возглавленный итальянцем Альберико да Барбьяно. Компания эта, известная под именем «Итальянская компания св. Георгия» (*Societas Italicorum S. Georgii*), одерживала над иностранными отрядами одну победу за другой и, наконец, в 1379 г., разгромив наголову своих врагов в битве при Марино под Римом, окончательно закрепила за собой первенствующее положение на полуострове. С этого времени иностранные компании быстро исчезают, и к концу века упоминания о них совсем не встречаются на страницах источников.

Громадное значение, которое в жизни Италии имели кондотьерские отряды, пагубное влияние, которое они на эту жизнь оказывали, хорошо сознавались уже современниками. Папа Урбан V обрушивает на них всю тяжесть церковных проклятий. Создатель новой идеологии Петрарка в своих письмах считает их виновниками глубокого упадка Италии в середине XIV в.¹² и называет «бичом всех слоев населения полуострова, более страшным, чем чума, чем землетрясение, чем прочие стихийные бедствия». Но, несмотря на все эти обличения и анафемы, на меры, принимаемые папством и империей, кондотьерские отряды продолжают процветать и плодиться, ибо те же самые папы, которые столь пышно требуют их уничтожения, постоянно прибегают к их услугам.

В несомненной связи с ролью, которую играют в политической жизни Италии кондотьеры и их отряды, находится и окончательное образование на территории полуострова мелких синьорий.¹³ Мы неоднократно упоминали выше о том, что уже с начала XIII в. между такими крупными государствами коммунального типа, как Пиза, Флоренция, Генуя, Милан, Венеция и другие, размещаются более мелкие, самостоятельные ячейки, во главе которых стоят отдельные властители, захватывающие их разными путями и стремящиеся превратить эти захваты в постоянные, наследственные. В наиболее ранних случаях эти захваты (например, маркизы д'Эсте в начале XIII в. в Ферраре) базируются на феодальной основе. Тот или иной феодал не только выживает в борьбе с соседней коммуной, но и, оторвавшись от распавшейся в Италии феодальной системы, становится самостоятельным государем малого масштаба. В более поздних случаях власть захватывают энергичные и предприимчивые подеста (например, Малатеста в конце XIII в. в Римини и Пераро), призванные временно управлять тем или иным городом или крепостью, но задержавшиеся в нем (например, Делла Скала в Вероне). Наконец, иногда основой создания такого карликового государства становится прямой захват какого-нибудь пункта уверенным в своих силах кондотьером (например, Гонзага в Мантуе), который, опираясь на свой отряд, надеется стать одним из вершителей судеб Италии, или же богатым пополоном, опирающимся на свои деньги, на свой кредит, на свое влияние.

Образовавшиеся в своем подавляющем большинстве еще в течение XIII в. эти маленькие монархии, все без исключения, независимо от своего происхождения, носят феодальный характер и активно участвуют в той борьбе между гвельфами и гибеллинами, которая заливает кровью Италию. В ходе этой борьбы некоторые из них, вроде Эццелино да Романо или Угуччоне делла Фаджола, стремятся расширить свои владения и превратиться в настоящих государей большого масштаба, но политическая карта Италии XIII в. еще так неустойчива, границы отдельных государств так изменчивы, силы настолько не сбалансированы, что ни одному из них не удастся осуществить свои мечты, да и самое существование мелких монархий кажется непрочным, временным.

Положение радикально меняется в XIV в. Исчезновение Империи как реальной силы, только подчеркиваемое последними походами императоров в Италию, переезд папства в Авиньон, ослабление Неаполитанского королевства привели к тому, что многочисленные государства Италии оказались предоставленными сами себе. Это вызывало постоянную, мелкую, но ожесточенную войну всех против всех, войну, создававшую у современников, в частности у Петрарки, впечатление глубокого упадка страны, но это же привело в конце концов к относи-

тельной стабилизации ее карты, к образованию сети государств больших и малых, республик и синьорий, которые затем с незначительными изменениями просуществуют до начала XVI в. В этой стабилизации политической карты Италии отрядам кондотьеров принадлежала немалая роль. Именно они вели основные войны, именно они давали возможность мелким сеньорам, владения которых помещались между владениями крупных коммун, удерживать свою власть, превращать ее в постоянную. Ибо если коммуны все более стремились переложить тяжесть войны на чужие плечи, оставив за собой торговлю, банковское дело, ремесло, то, наоборот, мелкие властители смотрели на войну как на единственный способ удержаться, достать средства к существованию, расширить свои земли и поэтому охотно предлагали соседним коммунам свои военные услуги.

Так окончательно закрепляется в течение XIV в. ряд мелких синьорий, которые удержатся в своем подавляющем большинстве до середины XVI в.

Таков горный Урбино, за который с конца XIII в. ведет борьбу, по-видимому, феодальный по своему происхождению гибеллинский род Монтефельтро. В 1355 г. кардинал Альборноз признает его права, а затем кондотьер Никколо Монтефельтро получает титул графа Урбинского, сохраняемый до XV в., когда он будет заменен герцогским титулом.¹⁴

Таков Римини, в котором с начала XIV в. власть захватывает, по-видимому, пополанский, и во всяком случае, гвельфский, род Малатеста, члены которого претендуют на титул «сеньоров Романии» и иногда действительно добиваются ведущего в ней положения.¹⁵

Таковы к северу, в Ферраре — д'Эсте, старый феодальный род, с XI в. носящий титул маркизов и стремящийся захватить также власть над соседними Моденой и Реджо. Признанные папским престолом в 1330 г. в качестве папских викариев в Ферраре, маркизы д'Эсте фактически являлись совершенно самостоятельными государями.¹⁶

Таковы еще дальше к северу, в Мантуе — Гонзага, разбогатевшие пополаны, в 1328 г. победившие своих соперников Бонакользи, получившие титул наследственных народных капитанов, затем в 1330 г. от императора Людовика Баварского имперских викариев, но позже вынужденные признать свою зависимость от миланских Висконти. В начале XV в. они сбрасывают эту зависимость и получают от императора Венцеслава титул маркизов.¹⁷

Большинство этих мелких властителей, закрепив свое положение в первой половине XIV в., стремится сохранить его, занимается кондотьерством, ведет мелкие дипломатические интриги и еще более мелкие войны, имеющие целью захват соседних земель. Но некоторые из них не удовлетворяются этим

и возобновляют попытки Эццелино да Романо или Угуччоне делла Фаджола, стремясь на базе своих скромных владений создать большое государство. Таков Кан Гранде (в переводе «Большой пес») делла Скала. Его дядя Мастино — сначала подеста в Вероне, городе, занимавшем важную позицию между территориями, находившимися под влиянием Венеции, Милана и Флоренции, в 1262 г. захватывает здесь власть, которую он передает своему брату Альберто, каковому в 1311 г. наследует сын — Кане, или Кан. Человек громадной энергии и громадного честолюбия, Кан Гранде стремится расширить свои владения, захватывая соседние города, то вступая в соглашения, а то воюя. Ему удается захватить Виченцу и Фельтре, подчинить своему влиянию сильную Падую, в которой властвует род Каррара, и создать реальную угрозу Венеции, Милану и Флоренции. В самом апогее своих успехов Кан Гранде умирает (1329 г.), оставив власть своему племяннику Мастино II (с 1329 по 1351 г.). Этот правитель, гораздо менее осторожный и умелый, действуя слишком прямолинейно, захватывает Брешу, подчиняет своему влиянию Парму и не скрывает намерений захватить Лукку. Агрессивная политика Мастино заставляет его могущественных соседей взяться за оружие.

В 1336 г. Венеция заключает с Флоренцией союз для борьбы со Скалигерами (так назывался род Делла Скала),¹⁸ к этому союзу присоединяются Милан и феррарские д'Эсте, ревниво наблюдавшие за слишком большими успехами своего конкурента. Три года продолжается борьба, кончающаяся, как можно было ожидать, разгромом Мастино в 1339 г. Он смиряется, признает свою зависимость от Венеции и частично от Милана, зависимость, от которой Вероне в дальнейшем не удастся освободиться.

Почти одновременно с Кан Гранде аналогичную попытку создания сильного монархического государства делает в Центральной Италии Каструччо Кастракани, которого через два века Маккьявелли опишет как идеального государя, представителя новой власти.

Гражданин Лукки, потомственный гибеллин, выходец из купеческой, претендующей на знатность семьи, Каструччо Кастракани дельи Антельминелли участвовал в попытке гибеллинского вождя Угуччоне делла Фаджола создать синьорию в Тоскане. В 1316 г., чувствуя непрочность своего положения и считая Каструччо одним из виновников этого, Угуччоне захватывает его и сажает в темницу в Лукке. Но лукканские пополаны, заранее подготовленные Каструччо и поднятые его энергичной женой, взялись за оружие, захватили дворец Подеста, освободили Каструччо и объявили его своим господином вместо ставшего ненавистным Угуччоне. Каструччо становится во главе войска, затем объявлен «капитаном и защитником города Лукки и его владений», затем добивается продления этого ти-

тула на 10 лет и, наконец, в 1330 г. по предложению всех органов Лукки получает от общего собрания пополанов, так называемого парламенто, титул пожизненного диктатора.

Укрепление власти Каструччо идет рука об руку с расширением его владений. Он захватывает Пистойю, лежащую между Луккой и Флоренцией, и тем вызывает войну с последней. 25 сентября 1325 г. Каструччо, не менее смелый и талантливый полководец, чем государственный деятель, наносит при Альтопашо поражение флорентийскому войску, состоявшему главным образом из наемников. Через 2 года, в 1327 г., Каструччо пользуется походом Людовика Баварского для того, чтобы попытаться стать господином всей Тосканы. Он получает от императора титул герцога Лукки, Пистойи, Прато, Сан Джиминьяно и Вольтерры, за что помогает Людовику добиться коронации в Риме. Получив сообщение о том, что флорентийцы захватили Пистойю, он внезапно возвращается и не только отвоевывает Пистойю, но захватывает и Пизу. Для осуществления своих честолюбивых планов Каструччо остается только подчинить себе Флоренцию. С помощью имперских армий он готовится к этому, но внезапная смерть 3 сентября 1328 г. разрушает все его предприятие.¹⁹

Как жизнь грозного к врягам и милостивого к пополанам властителя, так и неожиданная его смерть в расцвете сил (ему было 47 лет) произвели громадное впечатление на современников, и память о нем долго держалась в народе и после того, как Лукка снова стала республикой-коммуной.

Так же, как в Лукке, оказалась неудачной и попытка установления синьории в Болонье. Еще в начале XIV в. делает здесь попытку захватить власть богатый банкир Ромео Пеполи. Однако, удержавшись во главе города с 1313 по 1322 г., он был затем изгнан и умер в Авиньоне.

То, что не удалось отцу, пытается снова провести его сын Таддео Пеполи, человек большой культуры (он имел степень доктора богословия) и исключительной настойчивости. Вернувшись при помощи папы в 1328 г. в Болонью, он борется за власть с главой другого богатого и влиятельного рода — Бранделиджи деи Гоццадини, побеждает его и в 1337 г. добивается своего провозглашения сеньором Болоньи. Приняв внешне скромный титул генерального капитана и охранителя мира, Таддео Пеполи фактически является полным хозяином в городе, которым он управляет десять лет. Чума 1347 г. унесла его в могилу. Сыновья Таддео — Джованни и Джакомо некоторое время удерживали в руках власть, но затем (с 1350 г.) должны были уступить ее миланским Висконти, продержавшим ее до начала деятельности кардинала Альборноза. С 1361 г. Болонья снова стала республиканской коммуной, входящей в состав Папского государства.

Как закрепление монархических синьорий в Римини, Урби-

но, Мантуе, Ферраре, так и неудачи попыток установления синьории в Вероне, Лукке и Болонье являются отражением одних и тех же весьма важных и симптоматичных процессов перерождения социальной и политической структуры итальянских городов, процессов, которые с классической ясностью происходят в крупнейшей и наиболее передовой из коммун — Флоренции.

Флоренция

XIV век в истории Флоренции — век ее наибольшего экономического расцвета, но и век глубоких социальных переворотов, столь неразрывно связанных с политическими судьбами коммуны, что в настоящем разделе нашего изложения нам неоднократно придется захватывать авансом материал следующего параграфа, посвященного социальной и политической структуре XIV в.²⁰

«Установления Справедливости» 1293 г. создали предпосылки окончательного и бесповоротного установления во Флоренции власти пополанов. Но, как было неоднократно отмечено, отнюдь не вся масса пополанов города на Арно могла воспользоваться плодами победы над феодалами. Вожди «жирного народа» недаром отправили в изгнание создателя «Установлений Справедливости» Джанно делла Белла, которого они считали слишком демократичным. Богатые купцы, банкиры, ремесленники, принадлежавшие в первую очередь к цехам «Калимала» и «Лана», уже начиная с последних годов XIII в. стремятся сосредоточить в своих руках всю полноту власти в коммуне. Их возможными соперниками в этом стремлении могли быть остатки грандов и остальная масса пополанов. Однако гранды, разгромленные политически и продолжавшие жить в своих мрачных городских замках, лишившихся башен, но еще достаточно грозных, внушают меньше опасений «жирному народу». Последним политическим оплотом феодальной знати во Флоренции остается и после «Установлений Справедливости» организация гвельфской партии, во главе которой стоят три капитана — все без исключения гранды. Организация эта, казалось бы, должна была вызывать ненависть у всего пополанского населения города и напрашивалась на ликвидацию, как прямой вывод из «Установлений Справедливости». Однако в то время, как «тощий народ» действительно жестоко ненавидит магистраты гвельфской партии, «жирный народ» считает целесообразным сохранить ее существование, правда, несколько демократизировав ее структуру.

В 1323 г. к трем грандским капитанам партии присоединяются три капитана-пополана. Эта реформа должна была привести к ликвидации монополии грандов в этой могущественной организации, но фактически привела к обратным результатам. Представители «жирного народа» — а только они вошли

в магистрат партии — не подчинили себе грандов, а, наоборот, подчинились им, попали в русло их политики. Вообще в 20-х годах XIV в. во Флоренции наблюдается недвусмысленное стремление верхушки «жирного народа» сблизиться со знатью, которую эта верхушка считает достаточно ослабленной, чтобы не представлять жизненной опасности, но полезной и служащей примером как своими военными навыками, так и своим умением широко, по-барски жить, чрезвычайно импонировавшим новым хозяевам Флоренции.

Однако стремление верхушки «жирного народа» к сближению с грандами, стремление, проявляющееся в ряде политических мероприятий и встречающее в общем поддержку со стороны знати, не означает, что последняя примирилась со своим беспорядком, задобрена подачками, бросаемыми победителями. Принимая эти подачки, гранды не переставали мечтать о реванше, о возвращении к власти, и «жирным» пополанам не раз приходилось снова браться за оружие, чтобы напомнить беспорядочным грандам о строгих пунктах «Установлений Справедливости». Однако после каждой такой стычки богатеи быстро забывают о своей вражде и снова идут на примирение и сближение со знатью.

Это стремление к компромиссу с магнатами в политике «жирного народа» сочетается органическим образом с ожесточенной борьбой за власть с пополанскими пизами, которым «Установления Справедливости» открыли дорогу к этой власти. Борьба эта проходит красной нитью через всю политическую жизнь Флоренции XIV в. и определяет ее дальнейшие судьбы.

Начало века создало для политического положения Флоренции, традиционного оплота гвельфизма, серьезную угрозу в возрождении гибеллинской стихии, возвращенной к жизни походом императора Генриха VII, столь восторженно встреченного Данте (см. гл. II § 3).²¹ Неожиданная смерть императора у самых ворот Флоренции 24 августа 1313 г. не освободила город от серьезной угрозы, так как во главе гибеллинов стал бывший имперский викарий Угуччоне делла Фаджола, захвативший власть в Пизе и Лукке и тем непосредственно угрожавший самому существованию Флоренции. Опираясь на помощь короля Роберта Неаполитанского, пославшего во главе значительного отряда своего брата Филиппа, герцога Таренто. Флоренция пытается избавиться от опасного соседства, но 29 августа 1315 г. под стенами замка Монтекатини терпит кровавое поражение. Это поражение вызвало глубокие внутренние раздоры в городе, борьбу разных политических и семейных группировок, которой мог бы воспользоваться Угуччоне, если бы в 1316 г. не был свергнут еще более энергичным и опасным для Флоренции тираном Каструччо Кастракани.

Серьезная угроза, которая снова создается для города на Арно, заставляет его покончить с внутренними раздорами и еще

теснее, чем раньше, связаться с королем Робертом, который не только сам помогает Флоренции в неизбежной борьбе с Каструччо, но и требует ее помощи в своей борьбе с миланскими Висконти. Усиление Каструччо в 1320 г. заставляет Флоренцию все свои силы бросить на защиту от этого опаснейшего из врагов. Для укрепления единства города, для придания большего авторитета правительству в нем создается новый орган: Совет 12 старейших (*buoniuomini*), избираемых на 6 месяцев из пополанских представителей городских районов. Без согласия большинства этого совета ни один из органов власти в городе (приоры, гонфалоньер) не мог принимать сколько-нибудь важные решения, собирать советы, назначать налоги, давать полномочия. Эта промежуточная инстанция, столь характерная для лоскутной, создаваемой постепенно конституции Флоренции, просуществует затем до конца республики.

Другим мероприятием, призванным укрепить положение в городе, гарантировать демократичность выборов его высшего органа, была реформа приората, проведенная в 1323 г. одновременно с демократизацией гвельфской партии. Согласно новому порядку, приорат должен был составить списки лиц, заслуживающих избрания на выборах, которые произойдут в ближайшие три с половиной года. В эти списки должны были быть внесены только лица, не бывшие приорами в течение прошедших семи лет. Имена эти наносились на записки, которые перед каждым выбором вытягивались в количестве 7 из особой урны и определяли 6 приоров и гонфалоньера справедливости, которые будут править в течение ближайших 2 месяцев. Такой способ должен был гарантировать от всякого произвола и обеспечить выборы новых лиц. Мы не знаем, достиг ли он цели в момент своего введения, но совершенно очевидно, что в дальнейшем он привел к результатам, противоположным тем, к которым стремились при его введении, — к укреплению олигархии.

Все эти внутривполитические мероприятия не могли достаточно гарантировать Флоренцию от внешнего врага. Захват Каструччо в 1325 г. Пистойи снова поставил в центр внимания вопрос о борьбе с ним не на жизнь, а на смерть. Между тем договор коммуны с королем Робертом окончился в 1321 г., и правительство решило не возобновлять его, а вести войну собственными силами. Во главе флорентийского войска становится испанский кондотьер Раймондо да Кардона, полководец опытный, но не слишком блестящий. В июне 1325 г. это войско выступает навстречу Каструччо и усиленно ищет боя, от которого уклоняется противник, собирающий подкрепления и ожидающий ослабления флорентийцев в результате затяжки военных действий. 22 сентября на помощь к Каструччо прибывает миланский отряд под командованием Аццо Висконти, и уже на

следующий день, 23 сентября, рано утром он дает бой, к которому так долго стремились флорентийцы.

Флорентийское войско, расположенное на выгодных позициях и опиравшееся одним флангом на мощный замок Альтопашо, успешно провело первую часть боя, но затем, когда в дело были введены лучшие силы коммуны, ее знаменитые «ударники» (*feditori*) — представители наиболее знатных флорентийских семейств, положение резко изменилось. Современники приписывали этот поворот измене, но скорее всего сказалась на поле боя та классовая рознь между грандами и пополанами, которая столь характерна для Флоренции того времени. Гранды не испытывали энтузиазма в борьбе за родину, оказавшуюся для них мачехой, и пропустили врага. Напрасно умирало, но не отступало ни на шаг пешее пополанское ополчение, напрасно лилась рекой кровь лучших граждан города на Арно — к 3 часам дня битва была проиграна. В руки Каструччо попала гордость коммуны — ее карроччо, захвачен был командующий войском Раймондо да Кардона с сыном и двумя племянниками. Трупы наиболее мужественных флорентийцев устилали поле боя.

Каструччо оказался хозяином положения, которое он использовал для захвата и разграбления части флорентийской территории. До самых стен Флоренции доходили опьяненные успехом войска сеньора Лукки и его миланского союзника, и флорентийские заправилы с бессильной яростью видели со стен своего родного города, как враги в насмешку над ними устраивали у ворот Флоренции конские скачки и чеканили свою монету. Только наступление сезона дождей спасло Флоренцию. Каструччо отступил, а коммуна снова собралась с силами и, напуганная своей неудачей, снова заключила договор с Робертом Неаполитанским, приславшим ей на помощь за солидную оплату своего старшего сына Карла герцога Калабрии с сильным отрядом. Поражение при Альтопашо произвело громадное впечатление на трезвых флорентийских богатеев, которые впредь будут предпочитать воевать своими деньгами и людьми, которых можно на эти деньги нанять, чем рисковать своими жизнями и заниматься боевыми подвигами, для которых они все более становились непригодными.

Прибытие во Флоренцию Карла Калабрийского с женой, сыном и французским авантюристом Готье де Бриенном, носившим пустой, но громкий титул герцога Афинского, было отпраздновано чрезвычайно пышно, но оказалось совершенно бесполезным. Около 2 лет пробыл в городе на Арно наследник неаполитанского престола, но все это время он провел в развлечениях и празднествах, а когда в 1326 г. на горизонте появились войска императора Людовика Баварского, объединившегося с Каструччо и серьезно угрожавшего Флоренции, он вернулся в Неаполь, истратив около миллиона флорентийских флоринов

и не сделав ровно ничего. Только то, что император торопился в Рим на коронацию, и внезапная смерть Каструччо 3 сентября 1328 г., освободили Флоренцию от смертельной опасности.

Следующие полтора десятилетия были годами относительного благополучия, укрепления внутреннего положения и расширения территории коммуны. 11 декабря 1328 г. общее собрание граждан — парламенто — утвердило ряд изменений в конституции: был определен порядок составления списков лиц, подлежащих избранию на правительственные должности. Число советов было сокращено до двух — Совет капитана и Совет подеста. Было установлено, что эти советы должны регулярно собираться каждые 4 месяца.

Для закрепления этих реформ, а также для наблюдения за тем, чтобы не возобновлялись в городе социальные конфликты, столь для него губительные, в 1335 г. вводится новая должность «капитана безопасности и охранителя мира» (*capitano di guardia e conservatore di pace*), на которую избирается иностранец, дворянин, получающий в свое распоряжение значительный вооруженный отряд, при помощи которого он должен наводить порядок во всех случаях угрозы гражданской войны в коммуне. Должность эта, уничтоженная уже через год, снова появляется, но под названием барджелло (*Bargello*) в 1341 г.

Внешняя политика коммуны имела своей основной целью в эти годы захват соседних территорий и городов. В 1331 г. ей удается подчинить себе Пистойю, в 1337 г. купить за значительную сумму Ареццо, но все попытки путем покупки или вооруженного захвата овладеть Луккой оканчиваются безрезультатно.

Летом 1341 г. кажется, что Флоренции удастся осуществить эту давнишнюю мечту: Мастино делла Скала предложил коммуне купить у него Лукку за 250 тыс. золотых флоринов. Несмотря на несогласие ряда приоров, покупка была оформлена, и выплата огромной суммы началась, но Пиза, понимавшая, что переход Лукки под власть Флоренции означает конец и ее самостоятельности, получив поддержку от миланских Висконти, силой захватила Лукку. Началась длительная и изнурительная война между Флоренцией и Пизой, не приведшая, однако, ни к каким результатам.

Несмотря на эту неудачу, влияние Флоренции в Тоскане растет непрерывно, и даже те города, которые, как Пиза, Сиена и Лукка, сохраняют свою самостоятельность, в большей или меньшей мере попадают в сферу ее влияния. Именно как хозяин Тосканы, Флоренция заключает с Венецией договор против Скалигеров и ведет победоносную войну за сокращение могущества Мастино делла Скала.

Внутренние реформы, дипломатические и военные успехи содействуют невиданному расцвету экономической, политической, культурной жизни Флоренции. Замечательный по пластич-

ности и яркости своих описаний хронист-современник Джованни Виллани (см. § 3) в XI главе своей хроники дает выпуклую картину счастливого состояния Флоренции в начале 1339 г. Он подробно перечисляет все доходы коммуны, достигающие громадной суммы — 300 тыс. золотых флоринов в год. Рассказывает о ее разнообразных расходах, а для общей характеристики благосостояния города сообщает, что в это время во Флоренции жило 25 тыс. мужчин в возрасте от 15 до 70 лет, т. е. способных носить оружие, из них 1,5 тыс. знатных, а из последних — 75 посвященных в рыцари. Всего население Флоренции, судя по потреблению хлеба, исчисляется в 90 тыс. человек, не считая приезжих, армию и духовенство, а население непосредственных ее владений составляет еще 80 тыс.

Ежегодно в городе рождается от 5,5 до 6 тыс. детей, причем мальчиков рождается больше, чем девочек. От 8 до 10 тыс. детей изучают в начальных школах грамоту. От 1 тыс. до 1,2 тыс. осваивают в средних школах математику и от 500 до 600 детей изучают в четырех высших школах грамматику и логику. В городе имеется 110 церквей, 5 больших мужских и 24 женских монастыря. В нем действует 30 госпиталей с более чем тысячью мест. Но особенно восхищает хрониста развитие экономики коммуны, ее социальное устройство. Постоянно работают свыше 200 изготовляющих шерстяные ткани предприятий (флорентийское слово «bottega» лучше всего переводится как «предприятие», поскольку означает и магазин, и мастерскую). Предприятия эти выпускают от 60 до 80 тыс. кусков сукна общей стоимостью в 1,2 млн золотых флоринов. Достаточно вспомнить, что годовой доход коммуны равнялся 300 тыс., чтобы понять весь масштаб этого производства, в котором было занято свыше 30 тыс. человек.

Шерстяное производство — основное для Флоренции, но, кроме того, в городе действуют свыше 20 предприятий цеха «Калимала», выписывающих ежегодно из-за границы свыше 10 тыс. кусков шерсти стоимостью в 300 тыс. золотых флоринов; действуют 20 банков, работают 80 судей и 600 нотариусов, 60 врачей, 100 аптекарей и т. д., и т. п.

Живой, богатый промышленный город цветет и развивается. Старые кольца стен (первое построено в незапамятные времена, второе возведено в конце XI — начале XII в.) уже не вмещают всех его многочисленных и крупных зданий, и поэтому строится третье кольцо общей длиной в 8,5 км. Стена эта высотой в 11,3 м имела 73 башни высотой в 23 м каждая и должна была служить надежной защитой города.

Однако эта постройка стоила дорого, и для завершения ее прибегают к займам у граждан, займам обычно насильственным, съедающим значительную часть доходов богатых граждан. Для регистрации этих займов заводится особая долговая книга коммуны, в которую заносится сумма займа, по истечении

каждого года увеличиваемая на 10%, так как займы были 10-процентными. Каждому вносящему деньги выдается расписка — так называемая полицца. Для ведения всех дел по займу организуется особое учреждение — Монте (гора), которое с 1336 г. превращается в постоянно действующее.

Но, несмотря на то, что и внутреннее и внешнее положение коммуны блестяще, несмотря на ряд побед, одержанных Флоренцией в конце 20-х — 30-е годы, в 1340 г. в ней назревает новый кризис. Ряд причин подготавливают его. В ноябре 1333 г. громадные убытки городу приносит наводнение Арно, разрушившее множество домов и затормозившее на значительный срок экономическую жизнь. В 1340 г. Флоренция испытывает страшный ущерб от первой эпидемии той загадочной «черной смерти», которая с этого года начинает косить десятки тысяч людей по всей Западной Европе. В этом же 1340 г. начинает колебаться кредит торговых банковских домов Барди и Перуцци, идущих быстрыми шагами к банкротству. Финансовые связи этих фирм во Флоренции были так разветвлены, в их предприятия было вложено столь большое количество флорентийских капиталов, что подрыв их кредита скоро превращается в экономическую катастрофу для всей коммуны (подробнее см. § 2).

Все эти обстоятельства, усиливаемые неудачей в борьбе за Лукку и затяжкой в войне с Пизой, приводят к тому, что, несмотря на все принятые меры, социальный мир Флоренции снова ставится под угрозу. Ослабленные, полубесправные, но не потерявшие надежд на реванш гранды в 1340 г. пытаются произвести государственный переворот. Во главе их стоят представители знатного рода Барди, владельцы фирмы, надеявшейся таким путем спастись от надвигающейся на нее катастрофы. Однако пополанская коммуна вовремя принимает соответствующие меры, и попытка грандов оканчивается только изгнанием ряда их вожаков.

Благополучное окончание беспорядков 1340 г. не означало устранения опасности. Глубокое внутреннее недовольство продолжало нарастать во Флоренции, и чтобы разрядить атмосферу, заправила коммуны решили прибегнуть к испытанному средству — приглашению иностранца с вооруженным отрядом в качестве барджелло. На эту должность назначают прибывшего в начале 1342 г. в город родственника французских и неаполитанских королей, честолюбивого авантюриста и неудачника Готье де Бриенна, герцога Афинского, бывшего во Флоренции с Карлом Калабрийским в 1326 г. Этот хитрый и коварный француз, надеясь на свои связи, на свои довольно значительные вооруженные силы и особенно на раздоры в коммуне, отнюдь не собиравшаяся, однако, ограничиваться временной должностью барджелло. Уже в мае того же 1342 г. он добивается поручения командовать всеми вооруженными силами коммуны и исполь-

зует это положение для того, чтобы еще глубже пустить корни в богатую почву Флоренции. Явно мечтая о полном захвате власти, де Бриенн усиленно ищет поддержки своих честолюбивых замыслов во всех социальных слоях города. Без труда находит он ее среди грандов, готовых служить хоть черту, лишь бы вернуть себе бывшее положение; особенно рьяно соглашаются помогать герцогу члены семьи Барди, к этому времени уже вплотную подошедшей к банкротству и готовой для спасения на любые, сколь угодно отчаянные мероприятия.

Менее легко оказывается герцогу получить поддержку в пополанских кругах. Но и здесь он нащупывает нужные пути. Учитывая ожесточенную борьбу за власть между «жирным» и «тощим» народом и прекрасно понимая, что главной опорой республиканско-коммунального строя, а следовательно, и его главным врагом является именно «жирный народ», герцог Афинский начинает заигрывать с народом «тощим». Наибольший отклик его стремление находит в многотысячных массах внецеховых рабочих цехов «Лана» и «Калимала». Рабочие эти, все более многочисленные по мере роста и развития мастерских, не пользовались никакими политическими правами; им было строжайшим образом запрещено организовывать какие бы то ни было объединения даже с религиозными целями; нормирование заработной платы и условий труда, проводившееся цехами, совершенно не учитывало их интересов, так как фиксировало максимальную плату и минимальный день, а не наоборот. Наконец, за каждую попытку выйти из подчинения эти бесправные внецеховые рабочие подвергались жестокому карам, денежным и физическим, причем решал вопрос о наказаниях особый цеховой чиновник, приглашаемый из другого города на определенный срок (подобно подестá или барджелло в системе коммун) и находящийся в полном и безоговорочном подчинении у заправил «жирного народа». Все это вместе взятое делало внецеховых, неквалифицированных рабочих старших цехов, составлявших количественно большую часть населения города, постоянно недовольными, готовыми на любые авантюры, лишь бы улучшить свое почти невыносимое экономическое и политическое положение. Между тем от своих нанимателей им было нечего ждать. «Жирный народ» называл их презрительной кличкой «чомпи» (ciompi), означающей «босяки», «бродяги», и считал положение их вполне нормальным.

Этим и воспользовался герцог Афинский, который по словам хрониста Виллани, типичного представителя «жирного народа», с возмущением относившегося к политическим интригам герцога, не только «вступил в контакт с мясниками, виноделами, шерстобитами и прочим мелким людом, но и дал им права, разрушившие добрый порядок в цехах, которым они были подчинены, и позволил им требовать большую заработную плату за свои труды».²² А другой современный хронист — Стефани пишет,

что он «дал им право собираться в своих домах и принимать постановления, и отменять старые законы, и устанавливать новые... в результате чего рабочие так возгордились, что нельзя было достаточно дорого заплатить за все, что бы они ни сдавали или делали, ибо во всем поддерживал их герцог».

И действительно, за оказываемую ему помощь герцог Афинский разрешил чомпи, внецеховым рабочим, организовать свои цехи, во всяком случае, цех красильщиков и, по-видимому, цех шерстобитов постановил, что размеры заработной платы должны определяться не только нанимателями, но и рабочими, ограничил карательные права судебного чиновника цеха «Лана» и контролировал сам все его действия. Все это значительно повысило политическую роль и экономическое благосостояние рабочих низов, позволило им действительно поддерживать своего покровителя.

Так, опираясь, с одной стороны, на грандов, с другой — на чомпи, Готье де Бриенн решается произвести государственный переворот. 8 сентября 1342 г. он собирает на площади Санта Кроче общее собрание народа — парламенто, является на него окруженный своими французскими рыцарями и вооруженными грандами и, несмотря на робкие возражения властей коммуны, под восторженные крики толпы: «Пусть герцог будет нашим сеньором! Пусть он будет нашим властителем навечно!» объявляет себя господином Флоренции. Гранды подхватывают его на руки, несут во дворец коммуны и здесь в пышном здании, выстроенном ненавистными им богатеями, разыскивают еще более ненавистные «Установления Справедливости» и в дикой ярости рвут их на мелкие куски вместе со знаменем Справедливости — символом коммуны. Многотысячная толпа, подошедшая к дворцу, не без страха видит, как медленно сползает с зубчатой его башни флаг коммуны и как на его место подымается флаг иностранного властителя города.

Через несколько дней переворот был официально оформлен: Флоренция, подобно Ферраре или Мантуе, превратилась в синьорию, в которой недавние властители коммуны, «жирные» торговцы, банкиры и ремесленники, должны были занять сугубо подчиненное положение. В течение нескольких недель после переворота герцог распространяет свою власть на города, подчиненные Флоренции; Ареццо, Пистойя, Вольтерра, Сан Джиминьяно признали его своим господином. Новая синьория укрепляется и пускает корни.

Чувствуя себя все более и более прочно, Готье выписывает в покорную Флоренцию своих французских родственников и друзей, вводит новые французские обычаи и моды, покровительствует влечению к роскоши и всяческим развлечениям, столь распространенным при французском дворе.

Опираясь по-прежнему на грандов и на «тощий народ», представители которого теперь занимают ведущее положение

в приорате, герцог, постоянно нуждающийся в деньгах, облагает тяжелыми налогами и податями «жирный народ», захватывает в свои руки финансы и кассу коммуны, распоряжается ими как настоящий тиран.

Но флорентийские богатеи, силой событий принужденные к повиновению, отнюдь не собирались мириться со своим подчиненным положением. Тайно, постепенно собирают они недовольных, распространяют порочащие герцога слухи, напоминают о былых свободах Флоренции. А недовольных в городе, привыкшем к постоянным переменам, было предостаточно — многие из грандов считали, что они не вполне вернули себе власть, многие из «тощего народа» страдали от налогов и экономического застоя в городе, вызванного прямым саботажем «жирного народа». Создается заговор, готовится свержение ненавистного герцога. Во главе заговора стоит род, до того совершенно неизвестный, но с этого момента все чаще и чаще появляющийся на страницах источников, — род Медичи;²³ поддерживают его Донати и многие другие пополанские роды. Зато гранды, и в первую очередь Барди, схватившиеся за Готье де Бриенна, как утопающий хватается за соломинку, упорно оказывают ему поддержку.

26 июля 1343 г. вспыхивает давно готовившееся восстание. С криками: «Смерть герцогу и его помощникам! Да здравствует народ, коммуна и свобода!» вооруженный народ собирается на площади. Сторонники герцога не сразу сдаются. Возглашая: «Да здравствует сеньор города!», собираются со своими людьми гордые Буондельмонти, Кавальканти и другие магнаты, к ним присоединяются толпы чомпи, предпочитающие тиранию герцога власти своих хозяев. На площадях, улицах и перекрестках происходят кровавые стычки. Но силы хорошо подготовившихся, хорошо организованных врагов герцога явно превосходят силы его друзей, к тому же не успевших собраться. Уже к следующему утру восставшие осаждают герцога во дворце синьории и с воплями восторга видят, как на этот раз сползает с зубчатой башни дворца флаг герцога и поднимается флаг коммуны.

28 июля герцог капитулирует и 31 июля с позором уезжает из города, в котором он мечтал основать новую синьорию. У власти во Флоренции остается комиссия из 14 граждан — 7 грандов и 7 пополанов, избранная наспех в момент восстания. В городе и его владениях, еще не успокоившихся после произошедшего, положение становится нормальным не сразу. Гранды пытаются захватить власть, проводя ряд реформ, Барди, еще не окончательно разорившиеся, плетут сеть интриг, от Флоренции отпадают Ареццо, Пистойя, Вольтерра.

Новое восстание, возглавленное «жирным народом», пытается поставить грандов и чомпи на место, восстановить порядки, существовавшие до герцога Афинского. Но успокоить «разбу-

шевавшийся город не так-то легко. Созданный при герцоге кратковременный союз между грандами и чомпи вновь и вновь ставит под вопрос покой и конституцию коммуны. Чрезвычайно характерными для этого союза являются выступления двух представителей знатного рода Строцци, о которых сообщают источники. Один — Андреа Строцци вскоре после изгнания герцога, в 20-х числах сентября 1343 г., собрав вокруг себя большое количество чомпи, произвел попытку восстания. С криками: «Да здравствует „тощий народ“, да погибнут налоги и „жирный народ!“» тысячи его сторонников пытались захватить дворец синьории, но были отогнаны, а их вождь сложил свою голову на эшафоте. Другой Строцци, имя которого нам неизвестно, через несколько дней после казни своего родича призывал народ к восстанию, говоря: «Ах вы дураки, дураки, вы изгнали того, кто бы дал вам хлеб по 10 сольдо за стайо, но я вас еще научу, что делать, дураки вы этакие». Если напомнить, что хлеб в эти дни стоил 20 сольдо за стайо, то понятно, как должны были действовать слова озлобленного гранда, также, впрочем, дорого заплатившего за свою агитацию. А еще через несколько дней, 30 сентября, происходит попытка восстания чомпи — попытка, правда, легко подавленная властями. Вожаки восстания, приведенные к подесте, на допросе сказали: «Мы думаем, что мы вырастем настолько, что соберем большие богатства, так что бедняки станут когда-нибудь богачами».

Эти надежды «тощего народа», его непрекращающиеся связи с грандами дают основания знать в тех же последних числах сентября 1343 г., в которые производят свою безнадёжную попытку чомпи, в свою очередь, попытаться произвести переворот. Инициатором попытки является группа грандов, во главе которых стоят опять-таки представители рода Барди, со дня на день неукоснительно приближающегося к банкротству и потому продолжающего искать спасения любыми путями.

Однако вожаки «жирного народа» не дремали. Возглавляемые энергичными, беззастенчивыми, стремившимися занять место Барди, Медичи 24 сентября, не дожидаясь выступления грандов, подняли народ против них. Были захвачены, сожжены и разграблены дворцы ряда знатных семейств, в первую очередь Барди, которые после короткой борьбы вынуждены были сдаться и примириться со своим банкротством, экономическим и политическим. Поражение, которое понесли в этот день гранды, было весьма серьезным. На долгие годы и десятилетия они вынуждены были опять отказаться от активной политической жизни, в качестве последнего оплота сохраняя только организации гвельфской партии, в которых они продолжали занимать ведущее положение.

Снова одержавшие победу вожди «жирного народа» восстанавливают «Установления Справедливости», проводят ряд реформ конституции, но вынуждены сделать значительные уступ-

ки «тощему народу» и чомпи, которых в решительный момент им удалось оторвать от грандов и переманить в свой лагерь. Так, из 8 приоров, которые теперь стоят во главе коммуны, только 2 должны быть представителями «жирного народа», 3 — представлять «средний народ», т. е. средние цеха, а 3 — «тощий народ», т. е. низшую группу цехов и, по-видимому, вне-цеховую массу чомпи, которые тем самым получают некоторый доступ к политической жизни.

Разнообразные и бурные события 1343 г. привели, таким образом, к установлению некоего компромисса, к власти всей пополанской массы коммуны. В течение 4 лет это приносило хорошие плоды: в коммуне царствовал мир, была восстановлена гегемония Флоренции, в городе, как грибы, росли новые здания, частные и общественные; в 1345 г. была закончена постройка Старого моста, стоившая 120 тыс. золотых флоринов, а уже в следующем году заканчивается строительство второго моста — Санта Тринитá, правда, значительно более дешевого.

Но компромисс осени 1343 г. не мог быть длительным и прочным. Достаточно было нескольких серьезных потрясений, чтобы он развалился и классовая вражда разгорелась с новой силой. Если гранды признали себя разбитыми и довольствовались темными интригами в партии, то «жирный народ» не собирался долго делить власть с представителями народа «тощего», к которому он испытывал явное презрение, а последние, открыв себе дорогу к власти, решительно намеревались расширить эту дорогу, добиться ведущего положения в коммуне.

Глубокая рознь между «жирным» и «тощим» народом, между богатыми купцами, банкирами, предпринимателями и их нищими рабочими сказывается с исключительной яркостью в попытке организации переворота, связанной с именем Чучо Брандини.²⁴ 24 мая 1345 г. были арестованы и допрошены капитаном Флоренции чесальщик шерсти Чучо Брандини и его два сына. Чучо было предъявлено обвинение в том, что он устраивал в церкви Санта Кроче собрания своих единомышленников, представителей рабочих низов цеха «Лана», говорил им зажигательные речи, призывал создать свою организацию, собрать деньги и путем прямых политических выступлений добиться большего участия в управлении коммуны и улучшения своего экономического положения, а может быть, и полного захвата власти рабочими низами.

Арест Чучо, пользовавшегося, по-видимому, большой популярностью в рабочей среде, вызвал взрыв негодования в многотысячных массах чомпи. Бросив работу, они пошли к дворцу капитана, требуя освобождения своего вождя и заявляя, что не возобновят работы, пока их требования не будут выполнены.

Мы не знаем, как справились «жирные» предприниматели с забастовкой, одной из первых, которые знает история, но мы

знаем, что Чучо заплатил за свою деятельность жизнью: был повешен по постановлению капитана.

Неизбежные противоречия между «жирным» и «тощим» народом вскрываются еще более ярко после 1346—1348 гг., бывших для Флоренции весьма тяжелыми. В начале 1346 г. окончательно и официально разоряются фирмы Барди и Перуцци, банкротство которых тянет за собой банкротство ряда более мелких компаний — Аччайуоли, Бонаккорси, Чекки и др., причем вся эта серия банкротств перерастает в настоящую экономическую катастрофу не только для Флоренции, но и для всей Италии.

Весна 1348 г. приносит вторую и наиболее страшную волну «черной смерти», лишившую Флоренцию значительной части ее населения.

Банкротство ряда солиднейших фирм ослабило положение «жирного народа», а «черная смерть», сильно сократившая число рабочих, еще больше усилила позиции тех из них, которые выжили, чувствовали себя незаменимыми, воскрешали мечты Чучо Брандини. Политическая роль «тощего народа» в эти годы весьма значительна. Джованни Виллани — сам типичный «жирный», характеризует людей, стоявших в это время у власти, как «болванов, неученых и неграмотных, правящих по своим фантазиям... и совсем не заботящихся о благе республики»,²⁵ а его брат и продолжатель Маттео повествует: «Случайные люди, без разумения, без доблести, не пользующиеся никаким авторитетом, чаще всего узурпирующие власть незаконными и бесчестными способами».²⁶

Многие из этих новых правителей только недавно прибыли из окружающих Флоренцию деревень, привлекаемые острой потребностью города в рабочих руках, высокими заработками, широкими политическими перспективами. Эти пришельцы приносили в город, традиции и атмосфера которого были им мало известны, свежие силы, горячую кровь, бурную предприимчивость и еще более обостряли ту обстановку классовой борьбы, которая царствовала в коммуне. К особенным конфликтам приводят споры о заработной плате, которая ранее была определена законом лишь в своих наивысших пределах. Пользуясь дефицитом рабочей силы, чомпи требуют решительного повышения ставок и добиваются своего во многих случаях как в городе, так и в деревне, причем в случаях отказа предпринимателей прибегают к забастовкам и другим организованным мероприятиям. Они, как с возмущением пишет Маттео Виллани, «будоражили весь город, так как работницы — женщины грубые, которых раньше не использовали для услужения, и конюшенные мальчики требовали не менее 12 флоринов в год, а более опытные — 18 золотых флоринов в год, и также няньки и простые чернорабочие требовали в 3 раза больше того, чем получали раньше».²⁷

Экономические требования идут параллельно с политическими; чомпи, неквалифицированные рабочие предприятий, входящих в старшие цеха, настаивают на своем праве выступать организованно, иметь свои голоса в коммуне. Их поддерживают совершенно до того бесправные работники сельского хозяйства. Не идя на решительные уступки, коммуна делает их частично и тем вызывает справедливые требования чомпи (законы 1345 г.).

Это постепенно все более грозное усиление народных низов не без основания пугает вождей «жирного народа», заставляет их опять сблизиться с грандами, смотреть на организацию гвельфской партии, в которой гранды хозяйничают, и как на свой оплот. Во главе антидемократических, антинародных сил становится энергичный, гордящийся своей знатностью и ненавидящий чернь ученый юрист Лапо ди Кастильонкьо, неофициально возглавляющий партию и стремящийся сгруппировать вокруг нее всех, кого можно использовать против осмелевших чомпи.

Грозным орудием, которое широко использует партия в своей борьбе против демократических сил, является метод «аммونيций», или «предупреждений», введенный законом в январе 1358 г. Под тем предлогом, что среди людей, прибывших в большом количестве в город после «черной смерти», имеются тайные гибеллины, партия получила право при выборах на руководящие должности в коммуне отводить любого кандидата, имя которого значится в выборных списках. Такому кандидату делалось «предупреждение», после которого он в течение 15 лет не мог занимать правительственных должностей.

Назревает новая вспышка ожесточенной классовой борьбы, вспышка, которой не прочь воспользоваться любители «ловить рыбку в мутной воде», ловкие дельцы и авантюристы, готовые на все, лишь бы увеличить свое богатство и свое положение в городе. Среди таких дельцов выделяется глава рода Медичи, Сальвестро. Род этот сыграл видную роль при разгроме грандов в 1343 г., немало нажился на этом разгроме и теперь помышлял о дальнейшем своем усилении за счет правящей верхушки.

Глухая классовая борьба, темные интриги не останавливали политической жизни Флорентийской коммуны, шедшей своими обычными путями. Покупками и захватами восстанавливается господство над окрестными городами: в 1350 г. за 175 тыс. флоринов покупают Прато, в следующем, 1351 г., захватывают Пистойю. В 1356 г. Флоренция покупает у Сиены небольшую и не слишком удобную гавань Таламоне и запрещает своим гражданам везти свои товары через враждебную Пизу, все попытки разгромить которую, однако, заканчиваются безуспешно. В 1360 г. происходит захват Вольтерры.

Одновременно с борьбой кошельком и мечом за расширение

владений такая же борьба ведется против кондотьеров, все больше становящихся бичом свободных коммун.

В 1367 г. большую тревогу во Флоренции вызывает прибытие в Италию папы Урбана V и императора Карла IV, но Урбан скоро вернулся в Авиньон, а Карл довольствовался тем, что заложил богатым флорентийским банкирам за 620 флоринов свою корону, собрал еще некоторое количество денег и убрался восвояси.

Беспорядки, возникшие во всей Италии после избрания на папский престол Григория XI, не замедлили коснуться и Флоренции. Коммуна вступает в конфликт с папским легатом из-за вопроса о снабжении города зерном, и этот конфликт скоро перерастает в войну с папским престолом, ведущуюся силами кондотьерских отрядов, в первую очередь отряда знаменитого Джованни Акуто, сначала находившегося на службе у папы. Война эта требует громадных средств, и для изыскания их, а также для общего руководства операциями создается особый орган Восемь войны. Из 8 членов этой комиссии один должен быть представителем грандов, один — «тощего народа» и 6 — старших цехов. Орган этот, вскоре получивший насмешливое прозвище «восемь святых» (за борьбу с церковью), начал свою деятельность летом 1375 г. довольно удачно. Был заключен союз с Сиеной, Арреццо, Пизой и Луккой, были подняты против церкви города Патримония, но затем война затянулась, папа наложил на Флоренцию интердикт (май 1376 г.), оказавший чрезвычайно пагубное влияние на деловую жизнь города; добиться сколько-нибудь решительных военных успехов при помощи кондотьеров было почти невозможно, а тысячи за тысячами флоринов текли из карманов флорентийцев на нужды войны, становившейся ненавистной.

Напрасно коммуна пытается добиться мира, основанного на компромиссе, напрасно пишет в Авиньон пышные латинские письма канцлер — гуманист Колуччо Салутати, война продолжается, и продолжение ее приводит весной 1378 г. к глубокому экономическому кризису и вызывает новое обострение политической и социальной борьбы в городе.

Война с церковью, руководимая «восемью святыми», была нужна и выгодна только «жирному народу», заинтересованному для своих торговых операций в росте внешнеполитического значения Флоренции, но разоряла мелких ремесленников, работавших на местный рынок. Безрезультатность этой войны делала далеко не популярными и самих «восемь святых», и представляемую их большинством верхушку «жирного народа». Враги его как справа, так и слева активизировались, готовились к решительным выступлениям. Гранды и небольшая группа примыкавших к ним «жирных» пополанов сплотились вокруг организаций гвельфской партии и ее вождя Лапо ди Кастильонкьо и, пользуясь мощным оружием «предупреждений», все

чаще и все более решительно вмешивались в политическую жизнь коммуны, устраняя неугодных им лиц, выдвигая своих представителей.

Однако «тощий народ», разоренный длительной войной, раздраженный неудачами «восьми святых» и самовластием партий, собирався воспользоваться теми политическими правами, которые он завоевал в течение последних десятилетий. Правда, в рядах «тощего народа» не было полного единства. Включая также самые различные слои флорентийского населения, он разбивался в общем на два лагеря. К одному относился «тощий народ» в собственном смысле этого слова, т. е. члены младших цехов, ремесленники и торговцы, не слишком богатые, но вполне состоятельные, то, что в современной терминологии можно было бы назвать средней и мелкой буржуазией. К этому же лагерю примыкали и некоторые члены «жирных» цехов, не попавшие в правительственную верхушку, но мечтавшие попасть в нее хотя бы ценой революции. Главой всей этой группы был ловкий демагог и делец Сальвестро Медичи, старший в своем роде, пользовавшийся громадной популярностью в народных низах города. Вторым лагерем в составе «тощего народа» был лагерь чомпи — многотысячная масса полубесправных или совсем бесправных рабочих старших цехов, те, кого когда-то хотел поднять на революционную борьбу Чучо Брандини и кто теперь мечтал осуществить его призывы. Лагерь этот, члены которого были лишены даже права собраний, подготовлялся к борьбе тайно. Руководителями этой подготовки явились пекарь Бартоломео ди Лоренцо, известный под прозвищем Мео дель Грассо, и Лука Мелани, по-видимому, текстильный рабочий, а также учитель Гаспаро дель Рикко и нотариус Аньоло Латини.

К весне 1378 г., как уже упоминалось выше, атмосфера накалилась настолько, что в любой день можно было ожидать взрыва. В частности, «жирный народ» и партия, которых сближала надвигающаяся снизу опасность, со страхом ожидали дня 1 мая, когда должен был по жребию вступить в должность «гонфалоньера справедливости» не кто иной, как Сальвестро Медичи. Попытки путем хитроумных выборных комбинаций устранить Сальвестро потерпели крах, а выступить против популярнейшего демагога с прямым «предупреждением» не решались, боясь немедленной революционной вспышки.

1 мая прошло. Сальвестро Медичи стал гонфалоньером, но держал себя осторожно, казалось, не замышлял никаких козней. Гранды и наиболее решительная часть «жирного народа» снова поднимали головы и, считая, что бездеятельность Сальвестро и представляемых им народных низов признак их слабости, в свою очередь, усиленно готовились к государственному перевороту.

Но Сальвестро не бездействовал, не бездействовал и подерживавший его «тощий народ». 18 июня, когда срок его

правления уже приближался к концу, Сальвестро неожиданно выступил на заседании приората с предложениями реального восстановления порядков, введенных «Установлениями Справедливости», обуздания грандов, восстановления демократии. Испуганные приоры не решались принять предложения, не содержавшие по существу ничего страшного. Тогда Сальвестро вышел в соседнюю залу, где был заранее собран Совет народа, и заявил, что так как его деятельность, направленная на благо народа, не встречает поддержки среди приоров, то он уходит в отставку.

Произнесенная с бешеным темпераментом речь возымела желательный эффект. Совет решительно не согласился с отставкой гонфалоньера, поддержал все его предложения, потребовал принятия мер против грандов. В то время как Сальвестро Медичи выступал в совете, его сподвижник Бенедетто Альберти подошел к окну, выходящему на площадь, где собрались по предварительному уговору тысячи человек, и возгласом: «Да здравствует народ!» призвал к восстанию. Началось восстание чомпи — одна из первых рабочих революций, которые знает история.²⁸

В течение следующих нескольких дней ненависть массы флорентийских пополанов к грандам, «восьми святым», верхушке «жирного народа» выразилась в уничтожении и разграблении их дворцов. Погибли в пламени дворцы Кастильонкьо, Альбицци, Строцци, Кавиччоли, Симонетти, Гваданы, Пацци, Буондельмонти и многие другие, а владельцы их спаслись бегством и затем считались изгнанными. Лапо ди Кастильонкьо с трудом избежал народного гнева, переодевшись монахом. Были открыты тюрьмы и выпущены заключенные, в первую очередь — осужденные за политические преступления. Был разграблен монастырь «ангельских пустынников» (Romiti degli agnoli), в котором богатеи города хранили свои ценности.

Через несколько дней город успокоился, и по настоянию Сальвестро Медичи был создан новый правительственный орган — Комиссия восьмидесяти, которая торжественно провозгласила восстановление всех требований «Установлений Справедливости» и отменила все «предупреждения», которые были сделаны в течение последних месяцев. Казалось, что цель восстания была достигнута — гранды укрощены, власть «партии» ограничена, «восемь святым» напуганы, демократические порядки восстановлены полностью. Наиболее обеспеченная часть граждан Флоренции, даже те из них, которые сами активно участвовали в восстании, готовы были на этом покончить с беспорядками — вернуться к делам. 28 июня Сальвестро Медичи кончил срок своего гонфалоньерства и с триумфом вернулся домой. Власть приняла очередная, избранная обычным путем, сионьория, составленная в своем большинстве из весьма бесцветных представителей «жирного народа».

Но такой умеренный результат давно готовившегося восстания не устраивал ни в какой мере народные низы Флоренции. Тайно, в разных глухих местах, главным образом у стен или за стенами города, собирались чомпи, руководимые теми же Мео дель Грассо и Лукой Мелани, вырабатывали свою программу, подготавливали новое, более радикальное выступление. Не чужд был этой подготовке и вездесущий Сальвестро Медичи, также не извлекавший из восстания конца июня тех результатов, к которым он стремился, и потому готовый использовать ударную силу чомпи, ему, богатому купцу и предпринимателю, по существу глубоко чуждых.

19 июля даже весьма нерасторопная синьория получила сведения о том, что чомпи готовят новое восстание. Напуганные до смерти приоры арестовывают одного из участников революционного комитета, возглавляемого Мео и Лукой, некоего Симончино, подвергают его пытке и узнают, что восстание готовится и что о нем осведомлен и в подготовке его участвует сам Сальвестро Медичи. Вызванный ночью Сальвестро, твердо уверенный в том, что робкие приоры не осмелятся поднять руку на него, любимца всей Флоренции, держится спокойно и даже пахально, заявляет, что о подготовке восстания он знал, получил даже предложения возглавить его, но предложения эти отверг и все дело счел столь неважным, что не информировал о нем синьорию.

В то время, как в одной из комнат дворца пытали Симончино, часовщик Никколо Берарди, страстный сторонник чомпи, чинил большие часы на фасаде дворца синьории. Поскольку окна комнаты, где происходила пытка, выходили на площадь рядом с часами, Никколо слышал все, что делалось внутри. Немедленно спустившись вниз, он побежал к вожакам восстания, рассказал им о том, что их деятельность открыта и призвал к немедленному выступлению. Подготовка восстания была уже настолько продвинута, что призыв его нашел немедленный отклик. Уже на следующий день, 20 июля, с раннего утра вооруженные чем попало отряды флорентийского «тощего народа» появляются на площади перед дворцом синьории. К ужасу приоров из вызванного ими накануне городского ополчения для защиты дворца выходят только 80 человек, совершенно бессильных перед лицом многотысячной толпы, растущей с каждой минутой.

Осыпав трусливых приоров ругательствами и их убежище камнями, толпа потребовала немедленного освобождения арестованных чомпи, в первую очередь Симончино. Только один из приоров предложил вернуть их толпе мертвыми, остальные, перепуганные насмерть, немедленно выпускают арестованных и посылают для переговоров с народом делегацию во главе с Сальвестро Медичи. Но делегация не возвращается во дворец, а народ, чувствуя себя полным хозяином и, по-видимому,

подстрекаемый тем же Сальвестро, приступает к захвату правительственных зданий, действуя под Знаменем справедливости — символом законности революционных своих мероприятий.

Вечером восставшие, чувствуя, что победа уже не уйдет из их рук, и желая отметить ту роль, которую в организации этой победы сыграл Сальвестро Медичи, посвящают его и его ближайших сподвижников Бенедетто Альберти и Томмазо Строцци в рыцарское достоинство, специально оговаривая, что на этих рыцарей не распространяются ограничения «Установлений Справедливости».

Ночь не приносит успокоения, а на следующее утро, несмотря на проливной дождь, превративший улицы в реки, площади в озера, восставший народ продолжает развивать и закреплять свою победу. Представители цехов приносят в церкви св. Варнавы присягу бороться до победного конца, в то время как вооруженные отряды после недолгой осады захватывают дворец подеста, после чего синьория прекращает сопротивление и принимает для рассмотрения две петиции, содержащие — одна требования младших цехов, другая — чомпи. Петиции эти содержали то, о чем давно совещались как в мастерских мелких торговцев и ремесленников, так и на тайных собраниях под председательством Мео дель Грассо и Луки Мелани. Чомпи требовали уничтожения власти над ними предпринимателей и их организации — цеха «Лана», ликвидации должности «иногороднего чиновника», организации ряда цехов для рабочих разных подсобных специальностей, чтобы представители этих цехов получили ведущую роль в синьории, моратория по долгам и ряда других мероприятий; обе петиции требовали предоставления вождям восстания крупных денежных вознаграждений, и в первую очередь награждения Сальвестро Медичи всеми доходами с лавок Старого моста, достигавшими громадной суммы в 600 золотых флоринов в год.

Требования петиций были весьма радикальными и крайне мало устраивали приоров, но народ в таком количестве собрался под окнами их дворца, был так хорошо вооружен и так решительно проявлял свою волю воинственными криками, что приоры, ослабевшие от страха и от удручающей жары, сменившей к середине дня дождь, согласились на все.

Ночь восставшие проводят снова вооруженными, а на следующее утро, 22 июля, осажденные и окончательно потерявшие присутствие духа приоры решают подобру-поздорову разойтись по домам.

Победоносный народ занимает дворец синьории. Остатки комиссии «восьми святых» пытаются навязать нормальный способ избрания новых приоров, но народ заявляет, что он выдвинет своих руководителей, которые и составят синьорию. Шумной толпой с оружием наготове проходят отряды «тощего народа» по пустым залам дворца, а во главе их идет оборванный, в туф-

лях на босу ногу со Знаменем справедливости в руках Микеле Ландо, рослый и красивый молодой парень, бывший чесальщик, затем надсмотрщик над работами.

Микеле Ландо не участвовал в совещаниях чомпи, подготовивших восстание, не принадлежал к сознательной и энергичной группе руководителей, возглавлявшейся Мео дель Грассо и Лукой Мелани, он был выдвинут в решающий момент Сальвестро Медичи, сумевшим учесть его внешнюю привлекательность и внутреннюю неустойчивость.

На следующий день, 23 июля, оформляется новая синьория, причем оформляется стихийно, без соблюдения обычных методов голосования. Во главе ее с титулом гонфолоньера справедливости становится Микеле Ландо, из 9 же приоров 3 представляют «жирный народ», 3 — «тощий народ» и, наконец, 3 — чомпи. В числе последней тройки — лица, входившие в комитет, подготовивший восстание. «Все это было совершено, — пишет анонимный хронист, сочувствующий движению, — для того, чтобы дать возможность участвовать в управлении большому количеству народа, и чтобы все были довольны, и чтобы каждый мог попасть в правительство, и чтобы все граждане были объединены, и чтобы бедняк мог тоже жить, как следует, ибо раньше всегда бедняки несли все расходы, а только богачи получали все прибыли».²⁹

Несколько дней, следующих за созданием новой синьории, проходят в проведении ряда важнейших организационных мероприятий. Изгоняются опасные приверженцы старого режима и возвращаются из изгнания политические «преступники», создается новое, народное войско из 40 отрядов, получающих регулярную плату, принимаются меры к сохранению власти над контадо, создается комиссия для пересмотра законов и, наконец, оформляются 3 новых цеха: 1) мелких ремесленников, связанных с шерстяным производством: портных, починяльщиков, стиральщиков и т. п.; 2) ремесленников, работающих на мастеров шерстяного производства: красильщиков, кардщиков, ткачей и 3) чомпи в собственном смысле слова — рабочих предприятий шерстяного производства, наиболее революционный и многочисленный цех, охватывающий свыше 9 тыс. человек.

Все эти организационные мероприятия были закончены к 1 августа, и к этому же дню в город пришло радостное известие о заключении мира с папой, прекращении ненавистой народу и слишком затянувшейся войны. Казалось, жизнь начинает входить в новую колею, казалось, что революция победила окончательно и бесповоротно. Однако в действительности это было далеко не так. «Жирный народ», вынужденный примириться с революцией, отнюдь не собирался терпеть ее долго, втихомолку собирал силы, использовал свои деньги и связи для подрыва новой власти. Внешним выражением враждебно-

сти богачей-предпринимателей, не желавших примириться с властью своих же рабочих, был саботаж. Предприятия, лавки, конторы ростовщиков, закрытые на замок в бурные дни конца июля, так и не открылись. Богачи могли прожить несколько недель без прибылей, зато тысячи чомпи, оставшихся без заработка, попали в положение весьма тяжелое. В городе ощущается со дня на день все более острая нехватка хлеба и прочего продовольствия, а гранды и «жирные» землевладельцы за стенами города не проявляют намерений подчиняться новой синьории, особенно потому, что их крестьяне восторженно ее приветствуют; они сокращают, а многие и совсем ликвидируют подвоз продуктов в город, что приводит к ухудшению и без того тяжелого продовольственного положения.

Приорат с Микеле Ландо во главе развивает бурную деятельность, упорно старается справиться с затруднениями. Он категорически приказывает богачам открыть свои предприятия, облагает их налогом для помощи голодающим чомпи, собирает с них крупные залоги для обеспечения их лойяльности, приказывает свезти в город все имеющееся в контадо зерно. Но во всех этих действиях синьории сказывается ее неоднородный состав: «жирные» приоры склонны свернуть назад, представители младших цехов колеблются, в то время как чомпи настаивают на все более решительных мероприятиях. А гонфалоньер Микеле Ландо вполне оправдал ожидания Сальвестро Медичи, теперь совершенно отстранившегося от политической деятельности. Забыв о своем происхождении, соблазненный богатством и политическими перспективами, он полностью становится орудием в руках Сальвестро Медичи и ведет за собой колеблющихся представителей «младших цехов».

Чомпи, явно остающиеся в меньшинстве, видящие, что плоды победы уходят из их рук, не хотят сдаваться без боя. Во второй половине августа снова начинает действовать подпольный революционный комитет. В населенных бедняками кварталах он созывает тайные собрания, организует новое ополчение. Примерно 25 августа собравшиеся массы чомпи объявляют этот комитет правительственным органом под именем «Восьми святых божьего народа», явно намекающим на ненавистную организацию «восьми святых» и на церковь Санта Мария Новелла, в которой она заседает.

Как и следовало ожидать, в состав этого нового органа чомпи входят те же люди, которые подготовили июльское восстание и руководили им: испытанные революционные вожди Мео дель Грассо и Лука Мелани. Обязанности нотариуса выполняет Аньоло Латини, писца — учитель Гаспаре дель Рикко. С этого момента революционная подготовка протекает уже открыто. Комитет восьми собирает в церквях многотысячные собрания, подготавливает новый захват власти, приурочивая его к очередным выборам приората в конце месяца. Многотысячное соб-

рание чомпи в церкви Санта Мария Новелла составляет новую петицию, выделяет делегацию для отправки ее синьории. Во главе делегации — рабочий Тамбо. Приорат, получив петицию, опять впадает в панику, склонен принять ее, но тут с открытым забралом выступает Микеле Ландо. Он набрасывается на Тамбо, выхватывает меч и своей неумелой рукой наносит представителю народа, которому он изменил, удар по голове и левой руке, после чего приказывает арестовать и заключить в башню дворца всю делегацию.

Это прямой вызов, открытая война между синьорией и чомпи. Народ принимает вызов — в качестве военного руководителя он выдвигает авантюриста из знати, рыцаря Луку ди Тотто да Панцано, в качестве руководящего политического органа — «Восемь святых божьего народа». Подымается новая волна восстания. 27 августа вооруженный народ собирается на площади св. Марка, составляет новую петицию и с Лукой да Панцано посылает ее в синьорию. Среди пунктов этой петиции — требование лишить Сальвестро Медичи, теперь потерявшего былую популярность, доходов от Старого моста, дарованных ему в июльские дни. Синьория на этот раз не решается отвергнуть требования угрожающе настроенного народа и принимает петицию.

На следующий день, 28 августа, в присутствии многотысячной толпы, так и не покидавшей улиц и площадей, производятся выборы новой синьории, причем толпа криками отводит негодных ей кандидатов. Большинство в синьории принадлежит теперь ставленникам чомпи, гонфалоньером избран чесальщик шерсти Бароччо ди Якопо.

Однако пока происходят все эти бурные события, «жирный народ» не дремлет. Он уже давно решил не мириться больше с засилием черни и основательно готовился к решительной схватке. На собраниях заправил старших цехов выступают ораторы, призывающие к борьбе не на жизнь, а на смерть. «Если мы всем цехом не наденем на них узды, — говорят они, — то и Флоренция, и все мы погибнем». Эта перспектива гибели в случае окончательной и полной победы чомпи пугает и все время колебавшихся представителей младших цехов, полностью присоединяющихся к своим более богатым и более решительным товарищам. Во главе объединения становится окончательно продавшийся душой и телом недавний гонфалоньер Микеле Ландо.

Уже во второй половине дня 28 августа в различных частях города происходят вооруженные столкновения между цехами, которым помогают вызванные Ландо наемные отряды, и чомпи, причем, несмотря на подготовку, последние не могут справиться со своими лучше вооруженными и лучше обученными противниками. С утра следующего дня, 29 августа, весь город охвачен вооруженной борьбой. Главный бой происходит на площади

синьории, где выстроен наиболее многочисленный и наиболее организованный отряд чомпи, но и он не может долго выдержать бешеного натиска трактирщиков и мясников, града камней, обрушивающихся на него из окон дворца синьории, и отступает. К вечеру разгром чомпи становится очевидным и полным.

Под руководством Микеле Ландо, осыпанного милостями «жирного народа», начинаются кровавые репрессии. Кое-кому из руководителей чомпи удалось бежать, но немалое число попало в руки врагов, многие погибли на эшафоте. Одним из первых — Тамбо, который был за несколько дней до того арестован и заключен в башню. Спокойно и бесстрашно обратился он со словами прощания к переполнившей площадь многотысячной толпе. «Богу ведомо, — сказал он, — что наша смерть — величайшая несправедливость, но если наша смерть принесет счастье нашей родине — мы умираем с радостью». «Они замолкли, — продолжает хронист, передающий эту трагическую сцену, — и несправедливость совершилась».³⁰

Так с гибелью многих лучших представителей рабочих низов Флоренции кончилось восстание чомпи.

Реакция наступает медленно, осторожно, опасаясь новых революционных взрывов, которые были возможны, так как и после своего разгрома чомпи оставались грозной силой, а многие из их вождей, в частности Мео дель Грассо и Лука Мелани, были на свободе и, скрываясь в подполье, продолжали организацию рабочих низов, подготовку заговоров и восстаний.

Во главе новой синьории — ближайший сподвижник Сальвестро Медичи, Бенедетто Альберти, проводящий реакционные мероприятия по указке «жирного народа». Уже 1 сентября он созывает общее собрание граждан — парламента и проводит на нем уничтожение наиболее революционного цеха чомпи. Два других новых цеха временно сохраняются. В приорате большинство пока также остается за младшими цехами, сохраняющими 5 мест, в то время как старшие получают только 4. Такое же соотношение сохраняется и в других органах, в частности в гвельфской партии, снова начинающей играть политическую роль. Одновременно распускается вооруженное ополчение чомпи, с величайшей тщательностью отбирается оружие, причем владельцам предприятий предложено не начинать в них работу, пока все их рабочие не сдадут оружия. Ежедневно или, вернее, еженощно производятся обыски в рабочих кварталах города, проводимые грубо, кроваво, бесчеловечно.

Ведущее положение младших цехов, как и следовало ожидать, оказывается крайне непрочным. Уже в последние дни января следующего, 1379, года проводится новая реформа, сокращающая число приоров до 8 и определяющая, что младшие и старшие цехи должны быть как в приорате, так и в других органах коммуны представлены поровну. Составляются новые списки лиц, подлежащих избранию на должности в течение

5 лет, причем в них попадают только лица, угодные «жирным» пополанам.

Новое правительство ведет осторожную, крайне умеренную внешнюю политику, ловко лавируя между двумя враждующими папами и двумя враждующими морскими республиками — Генуей и Венецией, между королевой Джованной Неаполитанской и претендующим на неаполитанский престол Карлом Дураццо. «Жирным» пополанам не до войны, они должны обезопасить себя от новых революционных попыток, расправиться с разнообразнейшими заговорами, открываемыми почти ежемесячно, подготовить свое окончательное торжество. Это торжество наступает 20 января 1382 г., когда «жирные» пополаны, воспользовавшись пребыванием в городе отряда Джованни Акуто, нанятого синьорией для борьбы с другим кондотьерским отрядом — св. Георгия, захватившим Ареццо, уничтожили 2 младших цеха, созданные в дни восстания чомпи, восстановили в цехе «Лана» ненавистную рабочим должность иностранного чиновника и окончательно забрали власть в свои руки. С 1382 г. заправили «жирного народа» Флоренции оказываются полными хозяевами в коммуне, которые не встречают серьезного сопротивления ни в разгромленных феодальных верхах, ни в еще более разгромленных народных массах.

Милан

В то время как республиканская Флоренция в течение XIV в. кипела в котле бурной социальной борьбы, в ходе которой постепенно выковывалось все более полное господство «жирных» пополанов, Милан, уже в конце XIII в. перешедший под единоначальную власть рода Висконти, ведет существование гораздо более спокойное и монотонное.³¹ Уже в правление Маттео Висконти (с 1287 по 1322 г.), подчинив себе ряд окрестных земель и городов и закрепив этим свое военно-политическое значение «замка Италии», Милан все более и более теряет свою некогда заметную экономическую роль. При феодально-тираническом господстве Висконти пополанские (применяя флорентийский термин) элементы города не имеют возможности развиваться ни экономически, ни политически, и хотя наиболее богатые купцы и ремесленники пользуются покровительством правящей династии, это покровительство отнюдь не распространяется на социальный слой в целом. Только оружейники и прочие ремесленники, связанные с обработкой металла, сохраняют свое первенствующее положение в Милане, что объясняется как военным характером тирании Висконти, так и уже отмеченным нами выше специфическим характером металлообрабатывающего производства, не имеющего по своему существу тенденции к переходу на капиталистические пути развития.

Последние годы правления Маттео Висконти проходили в ожесточенной борьбе с Авиньонским папством и с Робертом Неаполитанским. Официально возглавляя гибеллинский лагерь, Маттео, используя ослабление папского авторитета в связи с переездом в Авиньон, а также непрочность положения Роберта, стремится занять господствующее положение в Северной Италии и, в частности, захватить Геную. Однако это стремление приводит только к длительной и безрезультатной войне с Робертом и к отлучению Маттео от церкви.

Сын и наследник Маттео — Галеаццо (с 1322 по 1327 г.) продолжал, но с меньшим успехом, политику своего отца, несмотря на безрезультатность и крайнюю непопулярность войны с папством, что привело весной 1322 г. к его изгнанию из города, где на короткий срок было восстановлено нечто вроде республики. Однако Висконти пустили слишком глубокие корни, имели слишком много приверженцев, чтобы эта «революция» могла оказаться прочной, и уже в последних числах декабря Галеаццо полностью восстанавливает свою власть над Миланом и его владениями и продолжает ожесточенную войну с папским престолом и Робертом Неаполитанским. В ходе этой борьбы Галеаццо, как вождь гибеллинов, сближается с вновь избранным императором Людовиком Баварским.

17 мая 1327 г. Людовик торжественно вступил в Милан и назначил своего сподвижника Галеаццо Висконти викарием в Милане. Но уже через 2 месяца Людовик, подозревая его в вероломстве, арестовал Галеаццо, его братьев Джованни и Лукино и его сына Адзоне, заключил их в темницу и восстановил в городе феодально-олигархическое правление под руководством своего викария.

В марте 1328 г. Галеаццо был выпущен и изгнан в Тоскану, где он сразу же начал интриги с целью возвращения к власти, но 6 августа 1328 г. умирает. Его сын Адзоне некоторое время оставался в заключении, но затем, воспользовавшись острой нуждой императора в деньгах, не только выкупился из заключения, но и получил титул викария в 1329 г.

10 лет правления Адзоне вернули относительный порядок Милану. Правя в тесном контакте с братьями отца — Джованни (получившим затем архиепископскую кафедру) и Лукино, Адзоне вскоре сменил титул императорского викария на более прочный в данной обстановке — викария папского, был избран пожизненным сеньором Милана и использовал все эти почетные титулы как для укрепления своей власти в городе, так и для восстановления господства Милана над окрестными городами и территориями. Когда он умер, не достигнув 37 лет, Милан властвовал над Павией, Бергамо, Брешей, Кремоной, Лоди, Пьяченцей, Верчелли, Новарой и рядом других более мелких пунктов.

Власть перешла к дядям покойного: Лукино и архиепископу

Джованни. До 1349 г. они правили совместно, затем же, после смерти Лукино, архиепископ Джованни остался единственным правителем. Продолжая политику своего племянника, он сначала присоединил Парму, Тортону и Александрию (1346 г.), а затем приступил к осуществлению давнишней мечты Висконти — захвату Генуи. Смерть Лукино задержала завершение этого начинания, которое, однако, было доведено до конца только Джованни. В сентябре 1353 г. Генуя, измученная длительной войной с Венецией и жестокими гражданскими распрями, добровольно отдалась под власть Милана. Еще раньше (1350 г.) Джованни удалось распространить свою власть и на Болонью, где от его имени управлял племянник его — Галеаццо. Захват Болоньи и Генуи вооружил против могущественного архиепископа сначала папу, отлучившего его от церкви, а затем и все крупнейшие государства Северной Италии, и в первую очередь Флоренцию, против которой Джованни настраивал Пизу и Венецию.

Война продолжалась несколько лет и шла с переменным успехом. Архиепископу Джованни так и не удалось увидеть ее результатов. Он умер 4 октября 1354 г. от небольшого карбункула.

Ему наследовали три его племянника (сыновья его брата Стефано): Маттео II, Галеаццо II и Бернабо. Первый вскоре (1335 г.) умер, и у власти остались Галеаццо II и Бернабо, разделившие между собой все Миланские владения и даже сам город. Продолжая войну с североитальянской лигой, ведя активную внешнюю политику, Галеаццо II и Бернабо во всей внутренней политике были жестокими и неразумными тиранами. Развратные и кровожадные до садизма, они не останавливались перед самыми мрачными преступлениями, когда дело касалось удовлетворения их желаний или даже просто прихотей. Ведя пышную жизнь настоящих наследственных государей, они облагали население тяжелыми налогами.

На всю Италию и за ее пределами прогремело невиданное по роскоши празднование свадьбы дочери Галеаццо II Висконти с английским принцем. Пиршества тянулись 18 дней, причем в них принимали участие сотни приглашенных со всех концов Европы, и в том числе Франческо Петрарка.

В некоторых случаях средства, собранные с населения, использовались более разумно и целесообразно. Так, тот же Галеаццо II основывает в Павии университет, становящийся культурным центром Миланских владений.

Однако значительно больше внимания и средств братья Висконти уделяли прихотям и забавам. Более энергичный и, пожалуй, более жестокий Бернабо при этом прославился своей любовью к охоте и охотничьим собакам. Он выстроил в Милане особый дворец, в котором в роскоши жило 500 громадных псов и, кроме того, несколько их сотен было роздано

на содержание гражданам Милана, которые должны были каждые 14 дней давать о них отчет в особое «собачье ведомство» (*ufficio dei cani*). В случае смерти собаки гражданин, на содержании которого она находилась, отправлялся на эшафот.

Понятно поэтому, что Галеаццо и Бернабо были весьма мало популярны, а голос молодого августинского монаха Якопо Буссолари, бродившего по миланской территории и проповедовавшего борьбу с ними и восстановление свободы, находил широкий отклик. Чувствуя окружающую их ненависть, они жили в постоянном страхе, опасаясь как своих подданных, так и друг друга. Для большей безопасности Бернабо строит цитадель в Милане, Галеаццо II — в Павии, и цитадели эти становятся их любимыми резиденциями.

С 1375 г. Галеаццо II, отличавшийся слабым здоровьем, начинает привлекать к управлению своей частью Миланских владений своего сына — Джан Галеаццо. Женатый на дочери французского короля Карла V (с 1360 г.), этот молодой Висконти резко отличался от отца и дяди умеренностью, вкрадчивой осторожностью и громадным политическим чутьем. Получив за своей женой графство Вертю (*Vertu*) в Шампани, он принимает титул графа Вертю (в итальянском звучании — *конте ди Виртú*, т. е. графа доблести) и стремится всеми своими действиями оправдать этот титул, резко противопоставить себя, особенно своему жестокому и непопулярному дяде.

В 1378 г. Галеаццо II умирает, и Джан Галеаццо, наследуя ему, становится соправителем Бернабо. Если последний не доверял своему брату, то еще в большей мере он не доверяет своему более деятельному племяннику. Для того чтобы привязать его к себе, Бернабо выдает за него замуж (первая жена Джан Галеаццо умерла) свою дочь и дает за ней громадное приданое. Однако и этот брак не прекращает взаимных интриг друг против друга дяди и племянника. Стремясь усыпить опасения Бернабо, Джан Галеаццо разыгрывает дурачка, для видимости совершенно не занимается политикой, проводит свое время с монахами, распевает церковные гимны, тратит большие суммы на милостыню и дарения церквям, но за кулисами спокойно и уверенно расставляет свои сети.

В мае 1385 г. Джан Галеаццо извещает дядю о том, что он с небольшой свитой направляется на очередное богомолье в церковь Мадонны в Варезе, недалеко от Милана, и что, проезжая мимо Милана, хотел бы приветствовать его. Ничего не подозревающий Бернабо со своими двумя старшими сыновьями Лодовико и Родольфо, не вооруженный и без свиты, выезжает за Верчеллийские ворота, чтобы приветствовать дорогого племянника, но тут же схвачен и с триумфом привезен в Милан, где заключен в крепость. Население города восторженно приветствовало своего нового господина Джан Галеаццо, не без основания ожидая от него прекращения произвола, сделавшего столь

ненавистным правление его дяди. Милан получил властителя, который должен был довести до апогея его политическое значение.

Генуя и Венеция

Генуя после переворота 1270 г., приведшего к компромиссу между знатью и пополанами, и после битвы при Курцоле, приведшей к значительному расширению ее заморских владений, достигает максимального расцвета своей экономической мощи. Однако под влиянием борьбы между пополанами, с одной стороны, и старой феодальной знатью (родами Дориа, Фьески, Гримальди, Спинола) — с другой, и, может быть, еще более ожесточенной междоусобной борьбы феодальных родов, экономическая мощь Генуи заметно блекнет.³²

В начале XIV в. достижения революции 1270 г. уже почти полностью ликвидированы, власть сосредоточивается в руках знати, должность «народного абата» исчезает, попопаны же систематически стремятся сохранить хотя бы незначительную политическую роль. Иногда (например, в 1309 и 1317 гг.) им удается получить половину мест в правительственных органах, чаще же всего они остаются совершенно оттесненными от участия в управлении государством, в то время как, прикрываясь старыми, обветшавшими кличками гвельфов и гибеллинов, знатные роды ведут кровавую, братоубийственную войну. Конституция Генуи постоянно видоизменяется в ходе этой войны, но найти сколько-нибудь устойчивые формы организации государства так и не удается.

Эти постоянные перевороты, восстания и кровопролития становятся к 30-м годам XIV в. столь пагубными, что грозят окончательно подорвать как политическую независимость, так и экономическую мощь республики. В конце сентября 1339 г. в пополанских массах города начинаются волнения, столь серьезные, что знатные капитаны города вынуждены 23 сентября 1339 г. созвать общее народное собрание, которое требует восстановления должности защитника народа — абата. Для избрания его народ выделяет комиссию из 20 своих представителей. Комиссия эта после долгих и бурных дебатов, происходящих во дворце, охраняемом капитанами и окружённом взволнованной толпой, выдвигает, по предложению представителей народных низов, кандидатуру Симоне Бокканегра, правнука того Гульельмо Бокканегра, который пришел к власти в результате революции 1257 года. Народ, извещенный об этой кандидатуре и, по-видимому, надлежаще подготовленный властолюбивым Бокканегра, восторженно приветствует его избрание, но сам Симоне гордо отказывается от должности абата, заявляя, что она недостаточна и недостойна его знатного рода. Тогда народ разражается криками: «сеньор, сеньор! дож! дож!» и с торжест-

вом ведет своего избранника во дворец, приветствуя его возгласами: «Да здравствуют пополо и купцы, да здравствует дож!»

На следующий день, 24 сентября, собрание народа в церкви Сан Лоренцо утверждает избрание, избирает совет из 15 пополов, который должен помогать дожу в его правительственной деятельности, постановляет, что знать лишается политических прав и участия в управлении республикой, отправляет в изгнание ряд членов семей Дориа и Спинола. Переворот 1339 г., приводящий к введению пожизненной должности дожа и к сосредоточению всей власти в руках пополов, создает, наконец, прочный порядок управления Генуей, сохраняющийся до 1528 г. Однако и это установление прочного порядка не привело к умиротворению республики, во внутренней жизни которой распри и гражданская война стали обычным явлением. Семьи Дориа, Фьески, Гримальди и Спинола, хотя и лишенные политических прав, сохранили свои громадные земельные владения, в первую очередь вне городских стен, свои богатства и громадные экономические и политические связи. Все это позволило им, не занимая никаких правительственных должностей, оказывать косвенное влияние на жизнь республики, участвовать в той борьбе за власть, которую после 1339 г. начинают между собой новые, выдвинувшиеся вскоре после революции роды Гуарко, Монтальдо, Адорно и Фрегосо.

Используя борьбу за Геную, которую в середине XIV в. ведут между собой Франция и Милан, опираясь то на ту, то на другого, генуэзские партии скоро опять заводят республику в такой тупик, что уже через 5 лет правления, в декабре 1344 г. Симоне Бокканегра отказывается от власти. Выборы его преемника проходят столь бурно, что республика считает возможным и необходимым прибегнуть к арбитражу Лукино Висконти, который пользуется этим, чтобы включить Геную в орбиту миланского влияния. Через несколько лет, в 1353 г., при доже Джованни Валенте миланский властитель и архиепископ Джованни Висконти окончательно покоряет Геную, но уже через 3 года (в 1356 г.) вторично избирается Симоне Бокканегра, ослабляющий, а затем уничтожающий зависимость республики от Милана.

После смерти Бокканегра в 1363 г. дожем избирается Габриеле Адорно (с 1363 по 1370 г.), которого сменяет Доменико Фрегосо (с 1370 по 1378 г.). Правление этих двух дождей выдвигает на первые места в политической жизни республики их два рода, начинающие ожесточенную борьбу между собой. Для характеристики постоянных беспорядков, к которым приводит эта борьба, достаточно указать на то, что между 1378 и 1396 гг. один представитель рода Адорно — Антониотто 4 раза «пожизненно» избирался дожем.

Постоянные внутренние раздоры, как и в XIII в., не прекра-

щали, однако, ни на один месяц активной экономической жизни города и даже мало отражались на его внешней политике.

Продолжается успешная борьба за ведущие позиции на Востоке. В наиболее важных пунктах организуются так называемые «маоны» — торговые компании, ставящие своей задачей специально эксплуатацию данного пункта. Это стремление к дальнейшему укреплению своих связей с Востоком естественно и неизбежно приводит к возобновлению в конце 40-х годов временно затихшей войны с Венецией.

В 1331 г. генуэзцы захватывают Лесбос, в 1347 г. — Хиос, уже давно потерянный родом Захария (см. гл. II, § 2). В следующем, 1348, году они устраивают свой порт с крепостью в устье Босфора и стремятся не пропускать венецианцев в Черное море. Все это не может не вызвать реакции со стороны Венеции.

Война начинается летом 1350 г. Генуэзский флот захватывает и грабит Негропонт. Венецианский флот появляется перед Галатой, византийский император вынужден вступить в союз с Адриатической республикой. Примыкает к союзу также арагонский король — исконный враг Генуи. Последняя находится в союзе с врагом Венеции — венгерским королем.

13 февраля 1352 г. 60 генуэзских галер под командованием Паганино Дориа, пройдя в Босфор, встретились здесь с примерно равным по силе флотом Венеции и Арагона, возглавленным Папкращо Джустинианом. В узком проливе у самых стен Константинополя произошло длительное и кровавое сражение, не принесшее решительной победы ни той, ни другой стороне.

Однако венецианский флот понес гораздо большие потери в кораблях и людях, погиб и сам адмирал Джустиниан, и это дало основание генуэзцам считать себя победителями. Зато 27 августа 1353 г. крупную победу одерживают венецианцы у западного берега Сардинии. Война идет с переменным успехом, но чрезвычайно ослабляет Геную, заставляя ее сначала отдаться под власть Милана, а затем 8 января 1355 г. заключить мир, впрочем, для нее довольно выгодный. Венецианцы получили по нему монополию в Адриатическом море, а генуэзцы — на всем протяжении территории от Пизы до Марселя, кроме того, главный венецианский порт Тана объявлялся закрытым на 3 года.

Следующие затем несколько лет Генуя использует чрезвычайно успешно. Она захватывает почти все побережье Крыма, в том числе старую венецианскую крепость Солдайю (Судак), и получает в 1381 г. официальное признание крымского хана в качестве владельницы «Готии» — берега между Каффой и Балаклавой. «Большая маона» на Хиосе, возглавляемая родом генуэзских Джустиниан, развивает бурную деятельность. На Лесбосе не менее активно действует род Гаттилузо. Захват Фокеи окончательно выдвигает Геную на ведущее место и с неизбежностью подготавливает новый конфликт с Венецией.

Конфликт этот возникает в 1372 г. в связи с событиями на Кипре. Глухая борьба двух морских республик за господство на этом острове продолжалась в течение ряда десятилетий. 10 октября 1372 г. на кипрский престол вступил новый король — Пьетро II. Во время коронационных празднеств поссорились из-за старшинства генуэзский подеста и венецианский байул. Генуэзцы захватывают крупнейший порт острова — Фамагусту, что приводит к войне, принявшей постепенно весьма серьезный характер. Содействовала этому разгоревшаяся в 1376 г. борьба обеих республик за остров Тенедос, занимающий ключевую позицию при входе в Дарданеллы и, следовательно, решавший вопрос о плавании в Черном море. Император Иоанн V Палолог предоставил Тенедос Венеции, сын же императора Андроник — Генуе.

Весной 1378 г. война вступает в решительную фазу. Собираясь нанести окончательное поражение своей исконной сопернице, Генуя заключает снова союз с венгерским королем. К союзу этому присоединяется герцог Австрийский, патриарх Аквилеи, и Франческо ди Каррара, тиран Падуи. Окруженной со всех сторон Венеции удастся заключить союз только с весьма мало-мощным королем Кипра Пьетро II и с властителем Милана Бернабо Висконти.

Несмотря на то, что объединенные сухопутные силы венгров и Каррара теснят венецианские войска, флот Адриатической республики действует весьма активно. 30 июня 1378 г. венецианский флот под командованием Ветторе Пизани наносит к югу от Рима тяжелое поражение генуэзцам во главе с Лодовико Фьески. Но этот успех оказался временным. 5 мая Ветторе Пизани разбит наголову у Пола генуэзцами под начальством Лучано Дориа, который, впрочем, сам гибнет в бою, а уже 29 мая генуэзский флот, возглавляемый теперь Пьеро Дориа, появляется у самой Венеции. Действуя совместно с сухопутной армией Франческо ди Каррара, генуэзцы 16 августа захватывают Кьоджу — сухопутное предместье Венеции, командующее путями подвоза к городу. Почти одновременный захват Тревизо патриархом Аквилеи поставил «жемчужину Адриатики» буквально на край гибели.

Осажденная, голодающая, разбитая Венеция, переживающая самые тяжелые и позорные дни своей истории, оказалась, однако, на высоте положения. Она создает оборонительные рубежи, конфискует у состоятельных граждан ценности, мобилизует всех способных носить оружие граждан, призывает на помощь плавающие в различных водах свои корабли и эскадры.

Попытка раздробить лагерь противников путем мирных предложений отдельным его членам разбилась о воинственную непреклонность Пьеро Дориа, который заявил, что о мире он будет говорить только после того, как взнуздает коней святого Марка (имеются в виду бронзовые античные кони, привезенные

из Константинополя после четвертого крестового похода и во-
друженные на фасаде собора св. Марка). Приходилось готовиться
к решительным боям, и венецианцы под руководством пре-
старелого дожа Андреа Контарини и популярного адмирала
Ветторе Пизани готовились с удвоенным мужеством и энергией.
В последние числа декабря 1378 г. небольшой, собранный из
разных мест и достроенный в Арсенале флот венецианцев вне-
запным броском овладел подступами Кьоджи и превратил осаж-
дающих в осажденных, а в день нового 1379 года подошел зна-
чительный восточный флот под командованием Карло Дзено.
Положение радикально переменялось. 25 января погиб в бою
Пьеро Дория, теперь бедствия осажденного со всех сторон го-
рода приходилось переносить Кьодже. Напрасно Генуя собирает
новый флот и посылает его на помощь своим блокированным
войскам в январе 1380 г. На суше и на море венецианцы по-
беждают, и 21 июня Кьоджа капитулирует. С явным перевесом
сил на стороне Адриатической республики война продолжается
еще несколько месяцев, и 8 августа 1381 г. заканчивается ми-
ром, заключенным при посредничестве герцога Савойского
в Турине.

Условия Туринского мира отнюдь не говорили о полной по-
бедѣ Венеции, она находилась в положении столь напряжен-
ном, что должна была пойти на большие и серьезные уступки.
Венгрия закрепила за собой Далмацию и значительные права
на Адриатическом побережье. Австрия отторгла Тревизо, на-
конец Генуя добилась отказа Венеции вмешиваться в кипрские
дела и закрепила за собой Фамагусту, Тенедос был объявлен
нейтральным, но лишен всего своего населения. Генуя могла
быть удовлетворена исходом этой войны, получившей уже у со-
временников название Кьоджанской, она не добилась уничтоже-
ния своей соперницы, но закрепила свои и без того значительные
позиции на Востоке. Наоборот, Венеции удалось только от-
стоять свою независимость и свои наиболее жизненные эконо-
мические форпосты. Однако будущее показало, что действитель-
ные результаты войны были совсем другими. Для Генуи она
оказалась последним крупным политическим усилием, после
которого республика св. Георгия снова и надолго становится
жертвой междоусобий и вожделений своих соседей — Франции
и Милана. Для Венеции, наоборот, она начинает длительный
и блестящий период нового экономического и политического
расцвета.³³

Объясняется это прочностью и устойчивостью внутренней
структуры «жемчужины Адриатики», устойчивостью, основы
которой были заложены еще в конституционных мероприятиях
конца XIII в. Полное отсутствие феодального сопротивления,
твердая и в то же время гибкая политика олигархической вер-
хушки, держащей в руках Большой совет и опирающейся на
Совет десяти, умение этой верхушки твердо удерживать власть

в своих руках, не возбуждать недовольства народных масс, которым беспрерывно растущее благосостояние республики дает постоянные заработки и обещает еще большее благополучие,— все это делает политические судьбы Венеции в XIV в. удивительно устойчивыми и, несмотря на серьезные испытания, постоянно приводит республику св. Марка ко все новым успехам.

Первая треть века проходит для Венеции в длительной и напряженной борьбе с Делла Скала, закончившейся в 1339 г. ее полной победой. По миру, заключенному 24 января 1339 г., Венеция не только подчинила своему влиянию Верону, но и получила Тревизо — первый значительный опорный пункт республики на суше, первое зерно затем расцветающих сухопутных владений ее, так называемой *terra ferma*.

Следующие затем десятилетия проходят в постоянной борьбе за полное господство в Адриатическом море, в частности за овладение его крупным портом Зарой, и в непрерывном экономическом соперничестве с Генуей, нередко перерастающем в военные столкновения.

В ходе одного из таких столкновений в 1354 г. Венеция пережила события, которые грозили изменить весь ход ее истории и оставили трагическую память.

7 сентября 1354 г. умер дож Андреа Дандоло, и через 4 дня его преемником был избран крупнейший, популярнейший политический деятель республики, член одного из знатнейших родов, купец, государственный муж, генерал, адмирал, дипломат, образованнейший меценат, 80-летний Марино Фальеро.

Приняв власть в тяжелые для республики дни, властолюбивый старик решил закрепить ее за собой и за своим родом, превратить республику св. Марка в синьорию типа Милана и Феррары. Изменяя своему классу, он вступил в контакт с народными низами, в первую очередь с рабочими цеха судостроителей — марангонами, страстно желавшими мира и настроенными против олигархической верхушки за его оттяжку, и, обещая им всяческие блага, начал подготавливать государственный переворот.

Не вполне достоверная традиция приписывает непосредственный повод к выступлению Марино Фальеро обидным словам, произнесенным молодым Микеле Стено в адрес жены престарелого дожа. Попытки Фальеро добиться наказания обидчика оказались безрезультатными, и он, озлобленный своим бессилием, начал подбирать сообщников для того, чтобы добиться получения настоящей, неограниченной власти.

Переворот был назначен в ночь на 16 апреля 1355 г. Единомышленники дожа должны были зазвонить в колокол, созывающий народ, и объявить, что генуэзцы вторглись в лагуну. Дож соберет советы, которые попадут в заранее подготовленную засаду и должны будут признать переворот.

Однако в последние часы старый дож заколебался, и, к тому же двое участников заговора проболтались о нем. Власти

успели принять меры для предотвращения грозящей им опасности. Заговорщики были тут же схвачены и повешены на окнах дворца дожей. Родственники Фальеро и другие лица, только знавшие о заговоре, заплатились пожизненным заключением или изгнанием. Сам дож предстал перед Советом десяти, был смещен с должности и приговорен к смертной казни. Уже на следующий день, 17 апреля, голова его, отрубленная рукой палача, скатилась по ступеням лестницы того дворца дожей, в котором Марино Фальеро хотел установить господство своей династии. Имущество казненного дожа и его семьи было конфисковано, его портрет в галерее дожей был уничтожен, на месте его осталась пустая рама с надписью: «Здесь место Марино Фальеро, обезглавленного за преступления». Протокол его осуждения навечно был оставлен в делах Венецианской республики. Олигархия справилась с серьезной опасностью и стремилась к тому, чтобы память об этой победе сохранилась в веках как устрашающий пример ее мощи и беспощадности.

Последовавшая за заговором Марино Фальеро война с Венгрией несколько умерила победное торжество венецианских патрициев. После ряда поражений, 18 февраля 1358 г. был заключен мир, по которому Венеция потеряла все побережье Далмации, что явилось серьезным ударом по ее стремлению держать в своих руках все Адриатическое море.

Вслед за этим возобновилась война с Генуей, временно прекратившаяся в 1355 г. После казни Марино Фальеро начался конфликт, приведший к кьоджанскому кризису и поставивший Адриатическую республику на край гибели. Спасение от этой гибели и заключение Туринского мира 1381 г. при всей его скромности явились одной из величайших побед, которыми может гордиться Венеция. Гибкость, энергия ее патрициата, его умение бесстрашно смотреть в глаза любым трудностям, готовность идти на жертвы и понимание необходимости в решительный момент опереться на весь народ еще раз показали себя в полном блеске. В благодарность за поддержку, оказанную в дни трагической борьбы патрицианскому правительству, последнее постановило, вопреки закону 1297 г. о «Закрытии Большого совета», ввести в его состав представителей 30 наиболее отличившихся пополанских семейств. Роды Карезино, Кондульмер, Калерги, Вендрамин, Нани, Чиконья, Пасквалиго, Паруто и другие были, согласно этому решению, включены в состав патрициата, и с этого времени имена их не сходят со страниц венецианских источников.

«Жемчужина Адриатики» вышла из тяжелых испытаний внешне серьезно потрепанной, но внутренне окрепшей, единой, готовой на новые усилия во имя новых побед.

Серьезные и глубокие внутренние и внешние перевороты пережила Италия в период между 1310 и 1382 гг., многое изменилось в ней за эти десятилетия, осталось неизменным одно — глубокие различия между ее отдельными частями, постоянная непримиримая вражда между ними. Неаполитанское королевство пережило за это время период подъема в начале царствования короля Роберта, сменившийся глубоким упадком и разложением в правление его внуки королевы Джованны. Рим, лишенный папского престола, прошел через многие потрясения, наиболее замечательным из которых была революционно-«антикварная» авантюра Колы ди Риенцо, он добился возвращения кормившего Рим папства, что, впрочем, немедленно привело к схизме. Флоренция, наиболее передовой центр полуострова, была ареной ожесточенной борьбы ее «жирного народа» за неограниченную власть, борьбы, приведшей сначала к окончательному поражению магнатов, а затем к разгрому народных низов, попытавшихся поднять свой голос в восстании чомпи. Милан, оставаясь важнейшим военно-политическим центром северной части Италии, в результате ряда переворотов окончательно оказался в руках рода Висконти, в то время как обе морские республики — Генуя и Венеция вели непрерывную борьбу между собой, приведшую Геную к ряду побед, но в то же время к значительному внутреннему ее ослаблению, а Венецию, несмотря на ряд поражений, — к внутреннему сплочению.

А вокруг этих ведущих государств густая сеть мелких республик и синьорий (Сиена и Лукка, Урбино и Римини, Болонья и Феррара, Мантуя и Падуя) ведут свою мелкую политику, воюют, интригуют, нанимают кондотьеров, заключают союзы и браки и еще более усложняют пестроту политической, экономической и культурной карты Италии середины XIV в.

§ 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Политические судьбы Италии XIV в., при всей своей пестроте и бурности, вытекают из тех глубоких экономических, социальных и политических переворотов, которые происходят в веке предыдущем. Еще в большей мере то же самое можно утверждать об экономическом и социальном развитии полуострова в этом столетии; оно является прямым продолжением, развитием, углублением тех явлений, которые с достаточной четкостью и определенностью заметны уже во второй половине XIII в. XIV век вносит в сферу экономической и социальной жизни Италии немало нового, но это новое носит скорее количественный, чем качественный характер.³⁴

Сельское хозяйство

Особенно ярко сказанное подтверждается на примере сельского хозяйства Италии XIV в.³⁵ Та тенденция к отмене крепостной зависимости и замене ее более современными и свободными формами эксплуатации, которая наметилась совершенно ясно во второй половине XIII в., в XIV в. получает наиболее полное развитие. Передовые области Италии — Тоскана, Ломбардия, отчасти Эмилия, в которых освобождение крепостных получило широкое распространение в XIII в., теперь завершают его. Стихийно исчезают последние, устарелые феодальные держания; городские коммуны, уже выразившие в ряде законодательных актов свое отношение к крепостной зависимости, снова и снова повторяют эти акты (например, Флорентийские постановления 1340 г.), углубляют их, следят за тем, чтобы их распространение было действительно повсеместным.

Более отсталые районы полуострова — Кампания, части Неаполитанского королевства, северо-восточные районы, примыкающие к Венецианским владениям, части, не охваченные движением эмансипации в XIII в., теперь переживают его, догоняя таким образом своих более передовых соседей, так что к концу XIV в. вся Италия, за исключением Фриуля, некоторых районов Савойи и некоторых районов Неаполитанского королевства, может считаться почти полностью покончившей с феодальной, крепостнической формой эксплуатации крестьянства.

Однако освобождение большей части крестьянства от крепостной зависимости было только первым, хотя и важнейшим этапом трансформации аграрного строя полуострова. Освобожденный крепостной мог избрать и действительно избирал свой жизненный путь либо по своей воле, либо чаще побуждаемый обстоятельствами. Он мог уйти в город и наняться подсобным рабочим в какое-нибудь ремесленно-мануфактурное предприятие, мог остаться в качестве арендатора или половника на земле, которую ему удалось выкупить, мог перейти на другой участок земли, чаще всего принадлежащий городскому богачу-пополану, опять-таки либо в качестве арендатора или половника, либо в качестве сельскохозяйственного рабочего.

Если мы отбросим вариант перехода в город, который будет рассмотрен ниже в другой связи, то убедимся в том, что при всех прочих вариантах бывший крепостной попадал в ту сферу капиталистической наживы, капиталистической эксплуатации, которая начинает бурно развиваться во второй половине XIII в. и достигает своего апогея в XIV в. При этом процесс окончательной и повсеместной замены крепостной зависимости арендными или половническими отношениями, характерный для XIV в., проходит далеко не гладко и безболезненно. Между новыми, капиталистическими элементами деревни и ее старыми жителями и владельцами нередко ожесточенные стычки, кровавая

и упорная борьба, в ходе которой городские коммуны повсеместно поддерживают новые формы сельскохозяйственной жизни, формы, им не только выгодные, но и прямо необходимые. В статутах ряда наиболее передовых городских коммун Тосканы и Ломбардии, относящихся чаще всего к первой половине XIV в., мы находим реакцию на то, что новые арендаторы встречают враждебное отношение со стороны крестьян, еще оставшихся на старом положении, и требования борьбы с таким отношением. Так, Сиенский статут гласит: «Если кто помешает или будет препятствовать кому-нибудь обрабатывать землю или свои владения, то он будет присужден Сиенской коммуной к штрафу в 25 ливров за каждый случай». А статуты Вероны, Бреши, Флоренции, Пистойи, приводимые Ковалевским, прямо говорят о препятствиях, которые чинятся новым земледельцам представителями старой, крепостной системы, и возлагают на общину там, где она сохранилась, материальную ответственность за последствия этих препятствий.³⁶

Но борьба представителей старой социально-экономической системы с новыми держателями земли была в XIV в. заведомо безнадежной, капиталистические отношения все глубже проникают в сельское хозяйство, все более решительно его трансформируют. В этом процессе, несомненно, весьма значительную роль играют возрастающие связи между сельскохозяйственными территориями и городами, особенно передовыми городами-коммунами, к которым эти территории примыкают. Города нуждаются в сельских районах, их окружающих: и по причинам политическим — для обеспечения охранного пояса вокруг своих стен, и экономическим — для обеспечения регулярного подвоза хотя бы основных видов продовольственных продуктов. Городские богачи, наживая громадные средства в заморской торговле, широких банковско-ростовщических операциях, в своих ремесленных предприятиях, считают целесообразным вкладывать часть этих средств, сначала небольшую, а затем все более и более значительную, в землю. Пользуясь политическим и экономическим ослаблением феодала-землевладельца, пользуясь частыми конфискациями поместий магнатов, затем поступавших в продажу, или разорением этих магнатов, продававших свои владения, городские богачи приобретали обширные территории за стенами родного города, осуществляя таким образом политику коммун, в которой они чаще всего занимали ведущее положение, не забывая одновременно о своих выгодах.

Становясь землевладельцами, и притом нередко крупными, городские богачи стремились извлекать из своих поместий максимальные выгоды, эксплуатировать их возможно более интенсивно, не считаясь с теми феодальными традициями, которые с этими поместьями могли быть связаны. Мы уже упоминали об опубликованной в первые годы XIV в. книге богатого болонского пополана Пьера ди Крешенци, отражающей очень

четко эти тенденции. В дальнейшем они проявляются все в большей и большей степени.

Новые владельцы земли уничтожают все остатки крепостной зависимости на своих землях, заменяют долгосрочную аренду, явно не выгодную при частых и резких колебаниях цен, краткосрочной — на 2, 4 или 5 лет. В некоторых случаях, например во Флоренции в 1340 г., наиболее явная форма долгосрочной аренды — аренда наследственная — вообще запрещалась законом. Но и краткосрочная аренда имела свои, и притом весьма серьезные, недостатки. Когда арендатором был богатый «кулак»-фермер, вкладывавший в участок земли свои средства и тем связывавший судьбу с этим участком, то обработка земли в той или иной мере оказывалась обеспеченной. Когда же на землю садился арендатор неимущий, нуждавшийся в ссуде инвентарем, семенами, скотом для того, чтобы начать свою хозяйственную деятельность, тогда опасность его ухода с участка оказывалась весьма реальной, и городской владелец земли, естественно, должен был стремиться прочно удержать его на своем поместье. Это стремление особенно ясно сказывается после эпидемии «черной смерти» 1348—1349 гг., резко снизившей численность населения и сделавшей рабочие руки в сельском хозяйстве резко дефицитными. Крестьяне стали уходить с обрабатываемых ими участков, стремясь найти условия аренды более выгодные. Коммуны, пользуясь этим, переманивали крестьян из соседних областей, предлагая всяческие льготы, освобождение от налогов и т. д.

Сами владельцы земли также старались закрепить за собой раз попавших на их земли крестьян, давая им ссуды, часто по своему размеру довольно значительные. При этом в арендном договоре оговаривалось, что арендатор не имеет права покинуть участок и по истечении срока договора, чаще всего краткосрочного, если он не погасит за 2 месяца до окончания срока всей ссуды. А так как это чаще всего было весьма трудно, то договор возобновлялся на новый, опять короткий, срок.

Такой способ давал землевладельцу полную возможность эксплуатировать по своему усмотрению попавшего к нему в кабалу арендатора. Однако и этого было недостаточно жадным до наживы, превосходно умевшим считать и рассчитывать эту наживу «жирным» пополам. Понимая, что и в пределах краткосрочной аренды резкие скачки цен могут свести на нет выгоду эксплуатации участков в течение 1—2 лет, они, давая ссуду, оговаривают платежи не деньгами, а частью продуктов, получаемых арендатором с участка.

Получая в аренду землю и ссуду деньгами, сельскохозяйственным инвентарем, скотом, арендатор обязывается, во-первых, ни в какой мере не ухудшать, а только улучшать и усовершенствовать арендованный им участок, во-вторых, сдавать владельцу земли ежегодно, в определенные сроки, определенную часть

урожая, чаще всего половину. Так появляется половничество (*mezzeria, mezzadria*), в XIV в. постепенно становящееся наиболее распространенной формой эксплуатации земли, во всяком случае, в передовых районах Италии.³⁷ Половничество и вообще аренда на условии сдачи части урожая отнюдь не появились в XIV в., их можно найти в Италии с XI в., а возможно, они восходят к римским порядкам, но именно только в XIV в. они приобретают те классические формы, которые во многих районах Италии просуществуют до XIX в., и только в XIV в. половничество становится господствующим, вытесняя и крепостную эксплуатацию, и долгосрочную аренду, и краткосрочную аренду с денежными платежами.

Оставаясь свободным человеком, сохраняя все те «священные» права, которые были так торжественно прокламированы освобождающими крепостных статутами Болоньи и Флоренции, половник попадает, однако, в зависимость от владельца земли, которую он обрабатывает. Он не имеет права ни уйти с этой земли, ни перепродать свое право на аренду. «Да не посмеет,— гласит Флорентийский статут 1324 г.,— ни один колон продать своих владений ни частному лицу, ни обществу без разрешения господина...» Причем любопытно, что арендатор-половник называется здесь римским термином «колон» — термин, действительно довольно точно передающий положение половника.³⁸

В том же 1324 г. во Флоренции создается особый правительственный орган — «Шесть по делам хлеба» (*Sex de blado*), который должен вести делом снабжения города продовольствием, но, кроме того, разбирать все тяжбы между владельцами земли — гражданами города и сидящими на этой земле половниками. За каждое нарушение своих обязательств, в первую очередь за прекращение или ухудшение обработки земли, половник должен платить крупный штраф в 200 флоринов, причем для установления проступка достаточно показания владельца земли, подтвержденного свидетельством двух присяжных из числа жителей той же местности или одного из соседней местности, свидетельством, не обязательно базирующимся на личном присутствии.

Так половничество, по своей юридической структуре являющееся формой свободного содружества, близкой по типу к морской «коменде» (см. гл. II, § 2), на практике превращает крестьянина в полузависимого от собственника земли. Сохраняя юридическое право перехода на другой участок по истечении срока договора и выплаты ссуды, он фактически не в состоянии этого сделать, оставаясь же на нем, не имеет никаких возможностей заниматься чем-нибудь, кроме обработки этого участка. Договоры на половничество и судебные постановления, затем сведенные во Флорентийский статут 1415 г., категорически запрещают половнику брать какую-нибудь дополнительную работу, снимать дополнительные участки или брать на прокорм

скот у кого-либо, кроме собственника земли. Он не имеет права продавать кому бы то ни было хлеб на корню или виноград и оливки до сбора, кроме собственника земли, и, наконец, даже никто из его родственников не может ничем заниматься, кроме обработки своего участка.

Городские богатеи умели выжимать соки из своих рабочих как в городе, так и в деревне, и половники прекрасно чувствовали это.

Само собой разумеется, что переход значительной части окружающих города земель в руки городских пополанов не мог не сказаться на всем облике этих земель. Новые владельцы ведут решительную борьбу с характерной для феодального землепользования чересполосностью земельных участков, проводя в ряде городских коммун еще в конце XIII — в начале XIV в. соответствующие законодательные акты. Так, в Бреще статут 1303 г. создает особую должность посредников по производству округлений (*ingrossatori ed arbitri per arrondir e raddrizar i confini delle possessioni*), а почти современный статут Бергамо оговаривает, что, если кто владеет участком, расположенным среди чужих земель, подестá, по его просьбе, может принудить соседа к обмену или продаже его участка для упразднения чересполосицы.³⁹

Но законодательной деятельностью коммуны не всегда можно было добиться желаемых результатов, а «жирный» горожанин-землевладелец обыкновенно стремился округлить свои владения, создать из них единое поместье с той настойчивостью и темпераментом, которые он проявлял и в своих коммерческих операциях, и в своей политической борьбе за власть.

Франко Саккетти, новеллы которого представляют собой не только первоклассный памятник литературы (см. ниже § 3), но и не менее первоклассный исторический источник, рисует нам ряд подобных «округлений». Так, новелла 202-я рассказывает: «...когда был сеньором Фаэнцы Франческо да Манфреди, отец мессера Риччардо и Альбергеттино... случилось однажды, что один могущественный гражданин этого города (*uno possente di quella citta*) имел около своих владений участок земли, принадлежавший человеку не слишком имущему. Желая купить его, он неоднократно обращался к владельцу, но не получал никогда согласия, так как этот человек обрабатывал его, как мог, и на него содержал себя и скорее бы продал себя, чем участок. Не имея возможности добиться своего, этот могущественный гражданин решил прибегнуть к силе. Границей между его владениями и этим участком являлся небольшой ров, и когда он пахал свой участок, он отхватывал плугом от соседнего то один локоть земли, то больше. Человек этот, хотя и замечал это, но не решался возражать и только жаловался тайно немногим своим друзьям. Дело пошло так, что если бы не вишневое дерево, которое, как всем было известно, росло в середине участка человека, он бы понемногу забрал весь этот участок. Видя, как его грабят и что он не может не только пожаловаться, но даже сказать об этом слово, этот добрый человек впал в такое состояние огорчения и гнева, что, имея всего два флорина в кошельке, пошел в Фаэнцу и, обойдя все большие церкви города, упросил, чтобы в такой-то час они звонили в колокола, причем час был выбран между вечерней и девятью часами. Так и было сделано. Священники, получив за это деньги, в условленное время начали усиленно

трезвонить в колокола, так что все в городе смотрели друг на друга и спрашивали: „Что это значит?“ Добрый же человек, как безумный, бегал по городу. Всякий, видя его, спрашивал: „Эй, вы! Почему вы бежите?“ или „Эй, вы! Почему звонят колокола?“. А он отвечал: „Потому, что умерла справедливость!“ и в другом месте: „За душу справедливости, которая умерла!“. Дальше рассказывается о том, что сеньор города заинтересовался происходящим, вызвал к себе бедняка и, выслушав его рассказ, приказал вернуть ему не только захваченную у него землю, но и два флорина, истраченных на колокольный звон. «И если бедняк говорил, — меланхолически заканчивает Саккетти, — что звонили из-за смерти справедливости, то, может быть, лучше было бы ему сказать, что звонили, чтобы справедливость воскресла. И, действительно, здорово надо было бы в наши дни звонить, чтобы воскресить ее».⁴⁰

Этот рассказ не единственный у Саккетти. В другой новелле (88-й), цитированной мной в другой связи,⁴¹ рассказывается, как флорентийский землевладелец из рода Медичи отбирает у бедняка виноградник, а бедняк добивается его возврата, жалуюсь старшему в роде Франческо де Медичи, и говоря, что если на отбирание виноградников свирепствует эпидемия, «которых много в это время, то он против этого не возражает, если же эпидемии нет, то пусть ему виноградник вернут. «И не следует смеяться над этим, — заключает новеллист, — ибо, если кто хорошенько присмотрится, то увидит, что за все последнее время на все в мире свирепствуют эпидемии, кроме одного — делать добро, на обратное же эпидемии появляются постоянно и длятся долгое время».

Так, богатые и могущественные граждане городов-коммун, используя свои богатства, округляют свои владения за счет бедных «человечков», вынужденных к концу XIV в. покорно отступать со всех своих позиций как в деревне, так и в городе.

Непосредственным результатом таких «округлений» поместий являлось, кроме того, и изменение характера сельскохозяйственных поселений. В центре большого богатого поместья зажиточного горожанина стоит барский дом, вилла, в которой время от времени живет владелец, удаляющийся на несколько дней, а то и недель, от сутолоки городской жизни и одновременно использующий эти дни для наблюдений над работой всего хозяйственного аппарата поместья. Мода на постройку пышных вилл, тесно связанная с новым отношением к природе, выдвигаемым первыми гуманистами, появляется уже в XIV в., хотя расцвет ее относится к веку следующему.

Вокруг богатой барской виллы располагаются земли половников и их жилища. В наиболее характерных случаях эти домики не составляют единого поселения, а разбросаны по соответствующим участкам, часто находясь на довольно значительном расстоянии друг от друга, образуя тот своеобразный сельский пейзаж, который сохранится в Тоскане до XX в.

Эти живущие отдельно друг от друга арендаторы-половники, люди самостоятельные и энергичные, сидящие на землях влиятельных городских пополанов, подчиняясь законам, издаваемым этими пополанами, естественно, в той или иной мере оказываются втянутыми и в политическую жизнь городской коммуны. Так, в годы, следующие за «черной смертью», годы значительного усиления социальных низов, вызванного дефи-

цитностью рабочих рук, сельское население флорентийского контадо выступает со своими политическими требованиями, устраивает забастовки на землях, принадлежащих гражданам города (январь 1348 г.). Эти требования вызывают ряд политических мероприятий приората, а в следующем, 1349, году — особые его постановления (от 25 августа), организующие комиссию из 8 пополанов для определения норм заработной платы сельскохозяйственных рабочих и их обязательств по отношению к владельцам земли. Но и работа этой комиссии не приводит к умиротворению. Жалобы и претензии поселян (*contadini*) продолжают поступать в правительственные органы коммуны. Так, в 1362 г. синьория рассматривает жалобы ряда поселян на неправильное взимание с них «тиранами», т. е., очевидно, местными землевладельцами, различных поборов.⁴²

Эти жалобы кульминируют в восстании чомпи, в котором поселяне, жители контадо, выступили заодно с народными низами. Разгром восстания и последовавший за ним окончательный переход политической власти во Флоренции в руки «жирного народа» означал конец и политических претензий флорентийских поселян.

Однако не следует полагать, что полное разложение феодального поместья, которое мы можем наблюдать вокруг наиболее передовых городов-коммун, в первую очередь вокруг Флоренции, имело место на всем протяжении Апеннинского полуострова. В разных его частях мы встретим различные стадии этого процесса. В областях, которые не тяготели к республиканским городам-коммунам, а входили в состав более или менее откристилизовавшихся монархических синьорий, и в частности в Папской области, крепостная зависимость по большей части исчезла, заменилась арендой или половничеством, что, однако, ввиду отсутствия законодательного и экономического воздействия могущественной соседней коммуны не привело к распаду старых поселений и частично старых методов землепользования. Крестьяне остаются жить на старых, чересполосных участках, живут в старых деревнях и нередко сохраняют значительные и немаловажные остатки объединенного пользования землями всего поселения. Так, относящиеся к середине XIV в. статуты ряда сельских местностей, расположенных вдали от ведущих городских коммун (статут Варезе у Бергамо от 1347 г., статут Массы Фискаля от 1374 г., статут Норчи в Папской области от 1342 г. и ряд других), прямо говорят об общинных угодьях, в первую очередь выгонах, и регулируют пользование ими.⁴³

Наконец, как мы уже упоминали выше, на окраинах полуострова, в частности во Фриуле и в некоторых районах Пьемонта, продолжали сохраняться и крепостнические отношения, и феодальные поместья почти в неизменном виде. В отдаленном Фриуле, мало связанном с остальной Италией, эти пере-

житки старых порядков не вызывают особых недоразумений, в Пьемонте же с ними связан ряд народных восстаний, относящихся ко второй половине XIV в. и особенно разгорающихся в 80-х годах этого века. Так, в течение 3 лет, с 1382 по 1384 г., здесь свирепствует крестьянское восстание, известное под названием восстания «тушинов» (то же название получили восстания во Франции). Оно образовано слиянием двух слов: «tutti» (все) и «uno» (один) и расшифровывается как лозунг «все как один». Восставшие крестьяне, собравшись в большие отряды, грабят и жгут рыцарские замки, еще многочисленные в Пьемонте, и, объявляя себя врагами сеньоров, признают своим господином графа Савойского Амедея VII. Последний неоднократно вмешивается в борьбу, поддерживая, как и следовало ожидать, феодальных землевладельцев, но вынужден в ряде случаев санкционировать освобождение крестьян от крепостной зависимости и их непосредственное подчинение центральной власти (решение 9 июля 1387 г. по делу крестьян сеньоров Канаведа).⁴⁴

Таким образом, в сельскохозяйственной структуре Италии XIV в. мы находим пестроту и разнообразие не меньшие, чем в ее политической структуре, но эта пестрота отнюдь не должна заслонить общей тенденции к переходу земли в руки городских зажиточных слоев и к установлению ими новых форм эксплуатации этой земли, в первую очередь половничества, тенденции, наиболее ярко проявляющейся в Тоскане и, в частности, во флорентийских владениях, но оказывающей свое, и притом немаловажное, влияние и на районы гораздо более отсталые, сохраняющие значительные феодальные пережитки.

При этом новые формы, и особенно наиболее распространенная из них — половничество, вытекающие логически и закономерно из отрицания старых феодальных порядков, приводят по существу к преодолению этого отрицания, т. е. к воскрешению на новой основе этих порядков. Правда, в течение XIV в. все это еще находится в стадии становления и поэтому не бросается в глаза, но будущее покажет, что своеобразные формы эксплуатации сельскохозяйственного населения, созданные в XIV в., во многом возвращаются к феодальным порядкам.

Цехи

Если аграрный строй Италии XIV в., во-первых, является прямым продолжением порядков, установившихся в веке предыдущем, во-вторых, несет в себе ряд признаков своеобразного отрицания преодоления этих принципов и начал (половничество), то в цеховой структуре итальянских городов-коммун можно отметить то же самое. XIV век в истории цехового строя является в передовых городах-коммунах веком максимального расцвета классических организационных форм, окончательной

кодификации этих форм.⁴⁵ Достаточно посмотреть на приводимую Дореном сводку цеховых статут Флоренции, чтобы убедиться в справедливости этой характеристики. Действительно, статут цеха «Судей и Нотариусов» составлен в 1316 г., «Калимала» — в 1301 г. (а по другим данным — в 1316 г.), «Камбио» — в 1299—1300 гг., цеха «Шерстяников» — в 1317 г., «Шелкоделов», или «Пор Сан Мария» — в 1335 г., «Врачей и Аптекарей» — в 1310 г., «Меховщиков и Шубников» — в 1385 г., «Мясников» — в 1345—1346 гг. и т. д.

Одновременно впервые в 1309 г. организуется объединение 5 старших цехов («Калимала», «Шерстяников», «Менял», «Шелкоделов», «Судей и Нотариусов»), так называемая Мерканция (Mercanzia), получающая свой статут и свою организацию и играющая громадную роль в течение всего XIV в.

Наконец, статут 1322—1325 гг. и закон о выборе приоров от 1328 г. создают основы единой, четкой организации флорентийских цехов.

В других передовых городах-коммунах мы не встретим столь ясной, четко очерченной картины. Флоренция была и осталась классическим примером цехового развития, и в ней XIV век принес окончательную стабилизацию.

Цех, как окончательно оформившаяся организация, предстает перед нами во флорентийских статутах XIV в. в своем экономическом, социальном и политическом облики. Членами цехов, внесенными в его списки, так называемые матрикулы, могут быть мастера, внесшие определенный членский взнос, доказавшие свое профессиональное умение, флорентийцы по происхождению и притом не принадлежащие к какой-нибудь порочащей профессии — герольдов, актеров, могильщиков, а также не являющиеся крепостными или духовными лицами. Не заносятся в списки или в отдельных случаях заносятся в особые, так сказать, второсортные списки рабочие и служащие мастерских или лавок, которых становится все больше по мере роста флорентийской торговли и ремесла. Обстоятельство это делает мастеров старших цехов, являющихся в XIV в. предпринимателями капиталистического типа, полными и единственными хозяевами и распорядителями судеб цеха, а следовательно, в значительной мере и судеб коммуны, поскольку последние были тесно связаны с цеховыми организациями. Это монопольно господствующее положение цеховых мастеров, обычное, впрочем, для всех средневековых городов, вызывает те постоянные вспышки недовольства цеховых низов, которые приводят к восстанию чомпи. Разгром этого восстания и следующая за ним постепенная ликвидация всех его достижений означали конец этих претензий многочисленных экономически зависимых цеховых низов, означали и в сфере цеховой окончательную и полную победу мастеров. Именно мастера, и только они, избирают руководящие и исполнительные органы цеха, органы многочис-

ленные, разветвленные, сознательно повторяющие организационную структуру коммуны.

Во главе цеха стоят консулы числом от 2 до 20. Избираемые сложным и хитроумным способом из числа наиболее почтенных и зажиточных мастеров, они распоряжаются судьбами цеха, являются судьями по его делам и представляют его в общеполитических органах коммуны, являясь одновременно представителями и цеховой, и коммунальной администрации. Именно это слияние в руках сравнительно небольшой группы зажиточных цеховых мастеров как власти в своем цехе, так и власти в коммуне обеспечивает господство «жирного народа», и сохранение этого господства является одной из главных забот его представителей. В качестве совещательного органа при консулах состоят также избираемые мастерами и состоящие из них советы: в старших цехах два — Большой и Малый, в младших — один.

В цехах, наиболее близких к капиталистическому пути развития, имеющих большое, иногда очень большое количество внецеховых рабочих и служащих, имеется также избираемый, но из числа инородных грандов — инородный чиновник (*ufficiale forestiere*), имеющий в своем распоряжении довольно многочисленный и прекрасно вооруженный отряд цеховых полицейских (сбиров). Этот иностранный чиновник, параллель подесте городской коммуны, имел своей основной задачей сохранение социального порядка в цехе, борьбу со всеми и всяческими попытками объединения рабочих, со всеми и всяческими проявлениями социального протеста. Понятно поэтому, что он был объектом единодушной ненависти всей рабочей массы. Понятно также, что во время восстания чомпи одним из первых требований восставших было уничтожение этой должности, восстановленной, впрочем, вскоре после подавления восстания.

Техническую, но весьма важную роль в цеховом управлении играют казначей и нотариус цеха. Первый ведет все хозяйственное делопроизводство цеха, второй (обыкновенно — профессионал) является его секретарем, составляет его законодательные акты. Кроме того, цех имеет многочисленный аппарат самых разнообразных служащих: гонцов, бухгалтеров и маклеров (сензалов), причем последние имеют весьма серьезное значение в старших цехах, ведущих обширную международную торговлю.

Цеховая организация, обеспечивая, как мы говорили выше, интересы мастеров в масштабе коммуны, держит в своих руках все стороны цеховой деятельности. Она обеспечивает монополию членов цеха в данной отрасли торговли или производства, осуществляя принудительное включение в цех всех ими занимающихся, она держит в повиновении тысячные массы рабочих, она строжайшим образом следит за качеством продукции цеховых мастерских, за соблюдением «справедливой цены», за единообразием мер и весов.⁴⁶

Как мы упоминали выше, положение, существующее во Флоренции, повторяется с некоторыми изменениями и с некоторой детализацией и в других развитых городах-коммунах. Однако в ряде других городов, идущих своим путем социального и экономического развития, в течение того же XIV в. положение цехов более или менее радикально изменяется.

Так, например, в Венеции, цехи которой никогда не достигали ни такой дифференциации, ни особенно той политической роли, которую они имели во Флоренции, XIV век приносит дальнейшее ограничение их прав. Уже в XIII в. все венецианские цехи (*scolae* или *artes*) подчиняются особой правительственной инстанции — юстициариям, следящим за тем, чтобы их роль ограничивалась только чисто хозяйственной и религиозной деятельностью и не распространялась на сферу деятельности политической. В XIV в. эта опека еще более усиливается. Цехи, так же как во Флоренции оформленные соответствующими статутами, совершенно исключаются из политической жизни города, судьбы которого решаются, как мы видели, немногочисленной группой патрициев. Объясняется это не только спецификой венецианской политической организации, но и особенностями венецианской экономики. Из цехов здесь на первом месте стоит цех судостроительных рабочих — марангонов (*marangoni*), производство которого не допускало того капиталистического перерождения, которое характеризует флорентийские текстильные цехи. Правда, и здесь образуются крупные производственные единицы, но они создаются позднее, носят полугосударственный характер и не содержат предпосылок для бурной социальной борьбы, потрясавшей Флоренцию в течение XIV века. Еще в большей степени то же относится к другим производствам, обслуживавшим венецианское судостроение, — цехам столяров, слесарей, изготовителей канатов. Чрезвычайно развито было в Венеции также производство предметов роскоши и домашнего обихода, в первую очередь изделий из стекла и мозаики. Это производство по своему существу кустарно и не создает никаких предпосылок для развития капиталистических элементов. Наконец, текстильные производства, изготовление шерстяных и шелковых тканей, занимали в Венеции лишь 3-е место и оставались также в основном на ремесленном уровне.

Правда, несмотря на гораздо более слабое развитие венецианских цехов и на строжайшее наблюдение юстициариев, и в Венеции в XIV в. происходят некоторые попытки цехов вмешаться в политическую жизнь республики. Особенно в этом отношении выделяется цех марангонов, несколько раз поднимавший свой голос и затем принявший участие в попытке Марино Фальеро в 1355 г. произвести государственный переворот. Но разгром заговора честолюбивого дожа привел к жестоким репрессиям и против цеховых ремесленников. Восстание чомпи,

к которому бдительные и хорошо информированные венецианские правители присматривались с особым вниманием, заставило еще более ограничить и без того незначительную роль венецианских цехов, а закон 1397 г. категорически запрещал членам цехов собираться без особого разрешения правительства, лишая их возможности даже помышлять о политической деятельности.⁴⁷

Если в передовой, республиканской Венеции так ограничены были права цеховых организаций, то в потерявших республиканские свободы или подчиненных более крупным городам, или, наконец, в экономически отсталых городских центрах права эти были еще более скромными, что весьма часто приводило к ликвидации цеховой организации вообще. Так, в Александрии, подчиненной Милану, в 1338 г. опубликовано постановление о полном уничтожении цехов, а в самом Милане, как мы уже об этом упоминали выше, статут конца XIV в. включает параграф «О запрещении существования паратиков», т. е. цехов (*De paraticis non habendis*), из которого, правда, делается исключение для наиболее богатых и влиятельных организаций. То же происходит в Павии в 1393 г. В Бреше статут 1313 г. разрешает существование цехов, но оговаривает, что приписка к ним отнюдь не обязательна для ремесленников и что цехи начисто должны быть лишены какого-либо оттенка политической власти.⁴⁸

В Кремоне, Бергамо, Пьяченце, Мантуе, Вероне и ряде других городов цехи сохраняют свои хозяйственные prerogative, вхождение в них является обязательным для всякого ремесленника, но политически они играют либо ничтожную роль, либо, как в Венеции, совершенно ее не играют.

Таким образом, XIV в. является периодом, в течение которого в передовых городах-коммунах цеховая организация достигает своего наивысшего расцвета и стабилизации, в то время как в городах, более отсталых или потерявших свободную, республиканскую форму правления (к ним в известной мере может быть отнесена и Венеция), они теряют политические права и часто переживают полный упадок.

• Торговля и банковско-ростовщическое дело

Если для развития цеховой организации XIV век был веком максимального подъема и начинающегося упадка, то для торговли, банковского дела, ремесленного производства он был периодом только наивысшего расцвета, причем даже в тех пунктах, где цехи перерождаются и отмирают, экономическая жизнь нередко продолжает бить ключом.

Заморская торговля,⁴⁹ широко распространенная уже в XIII в. и являющаяся одним из основных источников благосостояния Италии, в первую очередь ее портовых городов, имен-

но в XIV в. достигает своего наибольшего развития. Правда, все более интенсивное в течение века продвижение на запад турок-османов является серьезной угрозой, но итальянские купцы, с одной стороны, находят новые торговые пути, с другой — несмотря на грозы и молнии папского престола, все чаще вступают в соглашения с мусульманами, заключают с ними торговые договоры и продолжают таким образом свою коммерческую деятельность и на территориях, занятых турками. Продвижение турок и окончательная ликвидация всех результатов крестовых походов приводят в XIV в. к падению экономического значения Сирии и Палестины, зато растет значение Египта, в главном городе которого — Александрии — совершаются теперь громадные торговые операции.

Одновременно максимального расцвета достигают генуэзские и отчасти венецианские колонии в Крыму, центром которых остается по-прежнему Каффа. Идущие отсюда товары, в первую очередь русская пшеница и соленая рыба, имеют такое значение для экономики Италии, что, когда в 1343 г. внешнеполитическая ситуация помешала их вывозу, Италия ясно ощутила недостаток в этих товарах, и цены на них резко поднялись. Большое значение в течение XIV в. имеет также южное побережье Черного моря и средиземноморский порт Лайаццо [Аяс].

Через все эти портовые пункты итальянские купцы, представители более или менее крупных компаний, направляются на Дальний Восток, в течение всего века неоднократно посещая с коммерческими целями Персию, Индию и Китай. В частности торговля китайским шелком носит регулярный характер, так что путь, который в описаниях Марко Поло прельщал и пугал своей романтической неизведанностью, становится хорошо изученной и знакомой торговой дорогой.

Свое значение сохраняет североафриканское побережье, порты Туниса и Алжира, и значительно увеличивается значение западноевропейских портов как средиземноморских (французские — Марсель, Эг-Морт и испанский — Барселона), так и особенно северных. В частности, именно в XIV в. начинается бурный расцвет фламандских торговых центров, особенно Брюгге, и устанавливается постоянная морская связь с ними итальянских городов. Так, в 1374 г. после долгих дебатов венецианское правительство принимает окончательное решение посылать ежегодно вооруженную «мудуа», т. е. флот, во Фландрию для проведения торговых операций. Одновременно быстро растут и приобретают все большее значение и непосредственные или же происходящие через посредство Фландрии экономические связи с Англией.

Рост экономического значения Фландрии и Англии и усиление связей с ними итальянских городов, несомненно, были связаны с начинающимся с XIV в. упадком шампанских ярмарок

и сложной политической ситуацией, вызванной подготовкой, а затем развертыванием Столетней войны. Франция как центр торговых связей отступает на второй план, сухопутные пути сообщения становятся опасными и невыгодными, и вместо этого расцветают Фландрия и Англия, лежащие на морских путях и менее опасных, и более дешевых.

Все вышесказанное получает особое освещение, если мы добавим, что для XIV в. характерно стирание тех границ между торговлей морской и торговлей сухопутной, которые были характерны для века предыдущего. Проторенность, надежность торговых путей, опытность торговых деятелей, громадный масштаб операций приводят к тому, что, во всяком случае, крупные фирмы занимаются и той и другой одновременно.

Немалое изменение в структуру торговых связей Италии вносит также растущая роль в них Флоренции. Несмотря на свое сухопутное положение, несудоходность Арно и то, что устье его находится в руках враждебной Пизы, Флоренция упорно и все более удачно отстаивает свое право на участие в выгодной морской торговле, весьма активно участвуя также в торговле сухопутной; она покупает порт Таламоне, упорно стремится прибрать к рукам столь же упорно сопротивляющуюся Пизу. Проблема выхода к морю становится в середине XIV в. одной из основных проблем флорентийской политики, и хотя она получает разрешение несколько позднее, но и до этого флорентийские купцы находят пути для успешной конкуренции на заморских рынках Востока и Запада с венецианцами и генуэзцами, на сухопутных — с миланцами, сиенцами и лукканцами, и нередко выходят победителями в этом соперничестве.

Чрезвычайно ярким памятником этой растущей экономической мощи города на Арно, неоценимым по богатству содержащихся в нем сведений из истории экономических связей Италии XIV в. является «Справочник купца» Франческо Бальдуччи Пеголотти.⁵⁰ Пеголотти родился, по-видимому, в последние годы XIII в. во флорентийской пополанской семье, большую часть своей жизни служил в торгово-банковской компании Барди, причем занимал в ней ведущее положение, исполняя обязанности заведующего крупнейшим лондонским филиалом, уполномоченного на Кипре, и совершал по ее делам ряд дальних и ответственных путешествий. Свою активную служебно-торговую деятельность Пеголотти успешно совмещал с деятельностью политической. В недолгие периоды пребывания в родном городе мы видим его на различных ответственных постах, вплоть до поста приора и гонфалоньера справедливости. После сокрушительного банкротства фирмы Барди он принимает активное участие в ликвидации ее дел (в 1347 г.), после чего мы не находим больше в источниках упоминаний его имени.

По-видимому, в последние годы своей жизни, умудренный

многими дальними путешествиями и прекрасно осведомленный во всех деталях коммерческой техники, Бальдуччи пишет свой трактат, озаглавливая его «Книга о различных странах и о мерах товаров и о других вещах, которые надлежит знать купцу в разных частях света, а именно о торговых обычаях, о денежных курсах, о том, как соответствуют товары одной страны товарам другой, и сведения о том, чем один товар лучше другого и откуда он получается и как его следует хранить возможно большее время».

Весьма обширный по объему (383 страницы современного печатного текста), трактат начинается с разъяснения основных технических терминов и со стихотворного эпитафия, превосходно рисующего жизненное и коммерческое кредо предприимчивого пополана.

Что должен иметь в себе истинный и честный купец.

Быть честным и вести себя степенно,
Предвидеть все он должен непременно.
Все исполнять, что обещал, пусть тшится,
Изящным и красивым быть стремится.
Как требует торговля мировая,
Дешевле покупать, дороже продавая.
Любезным быть, не гневаться напрасно,
Ходить во храм, на бедных не скупиться,
Что дорожает, продавать немедленно,
Игры и роста всюду сторониться,
Совсем их избегая, сколько можно.
Счета писать так, чтоб не ошибиться,
Аминь.

Деловое содержание трактата распадается на две части. Первая, большая, содержит в географическом порядке сведения о всех пунктах, в которых приходится бывать и вести торговые операции итальянскому купцу. Сначала подробно, с рядом любопытнейших деталей, рассматривается путь в Китай и даются указания отправляющемуся в него negociante. Не забывает Пеголотти упомянуть даже о том, что обязательно иметь пышную бороду, ибо люди без бороды не пользуются уважением на Востоке.

Затем следует разбор отдельных пунктов, начиная с Таны [Азов] на Дону. Для каждого пункта указывается, какие меры веса, длины, сыпучих тел применяются для каждого из продаваемых и покупаемых здесь товаров, и как эти меры относятся к различным итальянским, каковы здесь таможенные сборы и обложения, какие деньги имеют хождение, и каково соотношение этих денег между собой и с деньгами итальянского пункта, держащего в руках торговлю с данным местом. Все эти сведения даются столь подробно, что разделы, касающиеся крупных торговых центров — Александрии, Фамагусты, Парижа, самой Флоренции, превращаются в целые самостоятельные трактаты.

Вторая, меньшая, часть книги дает в систематическом порядке некоторые общие сведения товароведческого и географического порядка. Здесь мы найдем и сведенные воедино данные о способах измерения сукон в разных местах, и о пробах золота и серебра, и номенклатуру заморских пряностей, сортов шелка и мехов, и таблицу для скорого подсчета процентов с разных сумм, и рецепты для оценки жемчуга, драгоценных камней, зерна; справку о разных фирменных и качественных марках на товарах; указания о правилах и обычаях при фрахтовании кораблей; таблицу дней, на которые падает Пасха с 1340 до 1465 г., и ряд других подобных данных.

Все изложение трактата спокойно, кратко, деловито. Ясно, что автор ставит себе не развлекательные, а чисто практические цели, и именно поэтому особенно убедительной, выпуклой и яркой является картина, которую живописуют страницы Пеголотти. Весь известный тогда мир — от Китая до Лондона — доступен предприимчивому итальянскому купцу, всюду находит он для себя источники наживы, всюду знает, что надо купить и что надо продать, как надо говорить с местными жителями, как оценить товар и как провести его по бурным морским волнам. Масштаб торговых операций огромен во всех отношениях: рабы и сукна, зерно и жемчуг, пряности и драгоценные камни, все проходит через жадные, цепкие, оценивающие руки купца, проходит в количествах, нередко внушительных и для нашего времени.

То, что картина, рисуемая книгой Пеголотти, не является абстрактной, подтверждается анализом коммерческой деятельности ряда фирм самого различного масштаба, бухгалтерские книги которых дошли до нас. Здесь и мелкий купчик Джубилео ди Никколо Карсидони из провинциального Сан Сеполькро,⁵¹ здесь и средняя по своим капиталам флорентийская фирма цеха «Калимала», возглавляемая Франческо Дель Бене,⁵² здесь и крупнейший делец Франческо Датини из Прато,⁵³ здесь, наконец, мировые, непревзойденные по масштабам своих операций фирмы флорентийских коммерсантов и банкиров Барди и Перуцци.⁵⁴ Размер операций каждой из этих фирм, конечно, глубоко различен, но все они имеют и некоторые общие черты, которые в своей совокупности характеризуют всю коммерческую жизнь Италии XIV в.

Первое, что бросается в глаза при анализе хозяйственной деятельности этих различных фирм, — это географическая и предметная разбросанность совершенных ими сделок. Восток и Запад, Китай и Англия одинаково знакомы каждому из купцов, разница между ними состоит только в том, что крупная фирма одновременно может при помощи своих агентов и филиалов вести операции с разными рынками, в то время как мелкая гораздо более ограничена в своих возможностях. Но ограничение это носит подчеркнуто технический, а не принципиальный характер. Принципиально двери мирового рынка широко открыты для каждого негоцианта. Еще более характерна для операций итальянских фирм XIV в. их необычайная пестрота. Фирма может быть приписана к цеху «Калимала», как Дель Бене и Барди, или к цеху «Сета», как Датини, но фактически она занимается отнюдь не только тем, и нередко главным образом не тем, чем полагается заниматься членам данного цеха. Каждая фирма считает возможным и целесообразным заниматься тем, что в каждый данный момент может принести максимальную выгоду.

Не говоря уже о Барди и Перуцци, миллионные дела которых, естественно, не допускали никаких ограничений, но и в бухгалтерских книгах таких второстепенных фирм, как Дель Бене, наряду с покупками и продажами сукна встречаются операции по покупке и продаже льна и даже мяса. Так, и скромный,

сугубо провинциальный, Карсидони не брезгует сделками самого различного характера.

Кроме того, само собой разумеющимся является то, что торговая деятельность неизбежно и теснейшим образом переплетается с деятельностью банковско-ростовщической. Даже весьма скромные коммерческие операции в подавляющем своем большинстве связаны с различными валютами, курсы которых теперь, в XIV в., колеблются еще более, чем в XIII. Кроме того, почти все покупки и продажи производятся в кредит, что было в предыдущем веке редкостью, и хотя этот кредит чаще всего краткосрочен, обычно на 2—4 месяца, и взимание за него особой мзды по-прежнему строжайше воспрещается церковью, все же он приносит разными, не везде чистыми, способами немалую выгоду. Естественным образом также обмены валют и кредитные операции связываются с операциями чисто ростовщического типа — депозитами, ссудами. При этом характерно, что банковские фирмы чистого или почти чистого типа, подобные, например, «Большому столу Буонсиньори», почти не встречаются в XIV в.; господствующим в это время является смешанный тип предприятия, занимающегося всем понемножку — и торговлей, и ростовщичеством, и производством.

Исключительно важной и интересной чертой организации и деятельности хозяйственных единиц этого времени является почти повсеместная зависимость более крупных из них от более мелких. Так, средняя фирма Дель Бене целиком находится в орбите финансовых операций мировой фирмы Барди и во всех ответственных случаях прибегает к ее посредничеству и защите. Так, значительную часть своих закупок за границей Дель Бене производит через агентов Барди, и они же осуществляют ее заграничные платежи.

Изменяется и сам характер предприятия. Простая «морская компания» типа «коменды» почти не встречается больше, всюду действуют «компании» более сложного, сухопутного типа. Эти компании, сохраняющие свой временный характер и конституируемые, как и прежде, на определенный (чаще всего 3- или 5-летний) срок соответствующим договором, весьма часто не ограничиваются привлечением капиталов основных участников-организаторов компании, но привлекают средства и со стороны. Основные участники компании получают при окончании срока прибыль, определенную основным договором и соответствующую внесенной ими доле капитала, остальные же вкладчики получают заранее определенный и обычно относительно небольшой процент прибыли. Таким образом, в предприятие оказывается втянутым иногда весьма большое количество нередко весьма мелких вкладчиков, вот почему судьбы этого предприятия оказываются теснейшим образом связанными с судьбами того города, в котором находится его основная

контора, и банкротство этого предприятия приобретает характер государственной катастрофы.

Наконец, следствием прочного образования мирового рынка, принципиально открытого всем предприятиям независимо от их масштаба, местонахождения и специализации, является приведение к еще большей, чем в XIII в., нивелировке прибылей. Если мы могли с большой степенью уверенности утверждать выше, что широко распространенное мнение о гигантских прибылях средневековых торговцев неприменимо к итальянским купцам XIII в., то для XIV в. это утверждение может быть высказано с полной неоспоримостью. Так, детальнейшее и тщательнейшее изучение бухгалтерских книг Дель Бене, произведенное Сапори,⁵⁵ показало, что обычный доход от торговой операции фирмы не превышал 11—12 %. Эта норма прибыли была в общем подтверждена Фанфани на основе анализа бухгалтерских книг средней пизанской фирмы ди Фео.⁵⁶ Из 8 операций этой фирмы, детально отраженных в отчетности, 7 приносят прибыль от 7,1 до 25,1 %, причем средняя прибыль на операцию составляет 16 %. Только одна операция по покупке в Византии и продаже в Трапани 15 кусков шелковой ткани (*zendado*) дает прибыль в 43,9 %. Более высокий общий процент прибыли в заморских операциях по сравнению с операциями сухопутными объясняется, как мы упоминали выше, большим риском, связанным с первыми. Весьма высокая прибыль, полученная в одной из восьми операций, носит, по-видимому, случайный характер.

Что это так, подтверждается следующими соображениями, приводимыми тем же Сапори. Обычная норма ростовщической прибыли равнялась во Флоренции середины XIV в. 20 % за операцию, т. е. от 20 до 40 % в год, церковь же считала допустимым взимание от 5 до 15 %. За деньги, внесенные в капитал крупных компаний, выплачивали обычно 6—10 % годовых. За обычный коммерческий кредит платили чаще всего 10 % за операцию, т. е. от 10 до 30 % в год. Наконец, весьма показательным является тот факт, что когда в 1358 г. Флорентийская коммуна выпустила заем, причем за полученные деньги платила 15 % годовых, то было отмечено массовое, и притом совершенно добровольное, изъятие крупных сумм из торговли и ростовщичества («*Dalla mercanzia in su l'usura*», — говорит Маттео Виллани) и помещение их в заем, что свидетельствует о том, что торговля и ростовщичество не давали прибыли намного большей. Таким образом, все приведенные данные доказывают, что обычные прибыли итальянских торгово-банковских фирм колебались между 10 и 40 % годовых, т. е. могли быть весьма значительны, но не достигали тех гигантских размеров, о которых говорят некоторые старые исследователи. Правда, возможно, что в больших, иногда огромных, комбинированных торгово-ростовщических операциях очень больших фирм, операциях на-

столько сложных, что выяснить их выгодность трудно даже при наличии бухгалтерских книг, достигались гораздо более высокие нормы прибыли, но зато эти операции были и особенно рискованными, и не носили общераспространенного характера.

Установление единого, мирового рынка, объединяющего морские и сухопутные торговые центры, приводит и к другой характерной черте в торговле XIV в. — падению стоимости транспорта и вообще накладных расходов торговой операции. Так, из 6 крупных операций по закупке сукна во Франции и Фландрии фирмой Дель Бене, проанализированных Сапори, вся сумма накладных расходов на покупную стоимость колеблется между 11,70 и 20,34 %, причем транспорт, главным образом сухопутный, занимает более трети этих расходов, а в 7 операциях ди Фео, проанализированных Фанфани, сумма накладных расходов колеблется между 3,2 и 10,8 %, в одной же, как мы уже упоминали, принесшей доход в 43,9 %, падает до 1,6 %. При этом стоимость транспорта, главным образом морского, колеблется здесь от 0,8 до 5,7 %, в двух же случаях падает до 0,5 и даже 0,3 %.

Что касается масштабов операций, совершаемых итальянскими фирмами, имеющими преимущественно торгово-банковский характер, то, хотя такие сравнения всегда весьма опасны, кажется, что в общем эти масштабы имеют тенденцию к росту по сравнению с предыдущим столетием. Так, годовой бюджет средней фирмы Дель Бене равняется 37 тыс. флоринов, что примерно в 10 раз выше годового бюджета также среднего сиенского банкирского дома Уголини, действовавшего в предыдущем веке. Конечно, при этом не учитывается изменение покупательной стоимости денег, но, насколько нам известно, изменения эти после начала чеканки золотого флорина не были весьма значительными.

Что же касается торговых домов Барди и Перуцци, операции которых, правда, не имеют себе равных по размаху, то, например, в самом начале торгово-банковской деятельности Барди в 1318 г. их актив составляет 1 266 775 флоринов, масштабы же их операций к моменту банкротства определяются тем, что только долг им английской короны составлял (для обеих фирм вместе) 1,5 млн золотых флоринов, что никак не превышало половины их бюджета, а скорее всего составляло значительно меньшую его часть.

Однако громадный масштаб торгово-банковских операций как отдельных фирм, так и всех их вместе взятых не должен закрывать от нас того чрезвычайно важного обстоятельства, что, не говоря уже о мелких предприятиях, даже мировые фирмы сохраняли в своей организации и деятельности очень много черт, еще далеких от капитализма, еще феодальных по своему облику и установкам. Так, ворочая миллионными делами, отнюдь не ограничиваясь в этих делах рамками своей цехо-

вой специальности, фирмы эти у себя на родине должны были строжайшим образом соблюдать эти рамки. Жесткая цеховая организация, членами (и притом ведущими) которой они являлись, ревизовала их книги, следила за законностью их сделок, запрещала незаконные прибыли, предписывала производить продажу и покупку товаров только определенным образом, через цеховых маклеров-сензалов предписывала по особому регламенту маркировать свои товары. Особенно любопытным и показательным является флорентийский закон о маркировке шерстяных изделий, так называемом «таккаменто» (*taccamento*).⁵⁷ Согласно этому закону каждый кусок продаваемого членом цеха «Калимала» сукна должен быть помечен не только фирменной маркой, но и привешенной на шнурке деревянной биркой, на которой надписываются продавцом все элементы, составляющие продажную цену куска: его покупная стоимость или стоимость материала, из которого он сделан, накладные расходы, стоимость переработки. На базе цены, помеченной на бирке, и производятся все коммерческие операции с куском, причем цифры, помеченные на ней, должны в точности совпадать с записями бухгалтерских книг фирмы, регулярно проверяемых уполномоченными цеха.

«Благодаря бесспорным данным „такки“, — с удовлетворением отмечает определяющий цены статут цеха, — покупателям становится ясным, по какой цене материал куплен, так что все, как привычные и опытные в текстильной торговле, так и непривычные и неопытные, могут быть одинаково справедливыми покупателями и не могут потерпеть обмана в своих покупках».⁵⁸

Закон о «таккаменто», как это явствует, между прочим, и из вышеприведенного отрывка статута, исходил из церковной, обоснованной схоластикой и целиком принятой цеховой практикой теории «справедливой цены», вытекающей из учения Фомы Аквинского о «справедливой середине», теории, базировавшейся на соображениях религиозного, этического и экономического порядка и находившей широчайшее применение во всей экономической жизни Италии в XIV в. Теория эта требовала продажи каждого товара только с небольшой прибылью, являющейся вознаграждением за труд или риск, и преследовала цель как спасения души продавца, так и спасения кармана покупателя.

Правда, есть все основания полагать, что как в «таккаменто», так и в других проявлениях своей хозяйственной деятельности итальянские дельцы умели обходить законы, заставляя молчать голос своей совести и не раз и не два продавали товары с прибылью гораздо большей того, что было дозволено. Случаи, подобные судьбе фра Чапелетто, героя первой новеллы «Декамерона» Боккаччо, встречались в жизни XIV в. нередко.

Сэр Чапелетто, исторически живший и активно действовавший во Франции и Италии в конце XIII в., по Боккаччо, совер-

шает тысячи всяких обманов и преступлений, но перед смертью на исповеди изображает себя безгрешной личностью и после смерти признан святым. Правда, и церковь, и государство усиленно старались не допускать подобных обманов и специально оговаривали, что незаконные заработки не становятся законными, если в последние дни жизни или в завещании, виновный в них кается в своих проступках и жертвует значительные суммы на благотворительные учреждения. Такие заработки по специальному постановлению суда, вынесенному на основании анализа бухгалтерских книг, подлежат конфискации и в ряде случаев действительно конфисковались. Борьба между ненасытной, ломающей все преграды жаждой наживы и феодальными порядками, ставящими преграды этой жажде, шла в течение всего XIV столетия, принимая самые разнообразные, иногда весьма причудливые формы.⁵⁹

Борьба эта в гораздо большей мере, чем в предыдущем веке, приводит обыкновенно к победе жизнеутверждающей, реалистической, не совместимой с привычными, но неприемлемыми ограничениями жажды наживы. Но когда эта победа одержана, когда собраны громадные, невиданные ранее капиталы, когда купец-банкир достигает могущества почти королевского, тогда оказывается, что ограничения, связывавшие по рукам и ногам предприимчивого дельца, обходившиеся им по мере своих весьма не малых сил и возможностей, не были так неразумны, как этому дельцу казалось. В условиях в общем еще вполне феодальной Европы, в условиях весьма неравномерного развития и самой Италии невиданно бурный расцвет отдельных фирм, распространявших свою деятельность по всему известному тогда миру и разносивших по нему новые, которые могут быть названы капиталистическими, методы хозяйствования, не мог быть прочным и долговечным. Что это действительно было так, убедительно доказывает история подъема и падения торгово-банковских домов Барди и Перуцци, деятельность которых уже неоднократно упоминалась нами в предыдущем изложении.⁶⁰

Обе фирмы — одна, руководимая представителями еще недавно магнатского рода Барди, другая — чисто пополанскими Перуцци, появились на деловом горизонте Флоренции в конце XIII в. в качестве рядовых фирм цеха «Калимала». При обстоятельствах, нам неизвестных, они расцветают необычайно быстро, и в начале XIV в. оказываются в числе наиболее крупных и богатых предприятий не только Флоренции, но и всей Западной Европы. Как подавляюще большая часть членов «Калималы», фирмы Барди и Перуцци уже в начале своей деятельности совмещают закупку иностранных сукон, их переработку во Флоренции и перепродажу с широкими банковско-ростовщическими операциями, являясь предприятиями комбинированного торгово-ремесленного и ростовщического характера. По мере же развития деятельности фирм, их выхода на мировой

рынок черты, специфические для цеха «Калимала», отходят на второй план. Вообще характерное для этого периода преодоление навязанной цехами специализации в таких крупных предприятиях сказывается особенно ярко. Барди и Перуцци торгуют решительно всем, что сулит им хорошую прибыль, решительно всюду, где эта прибыль может быть получена, главным же образом занимаются операциями ростовщического характера, особенно рискованными, но и особенно выгодными. При этом возникнув и продолжая действовать в течение полувека своего существования как совершенно самостоятельные, отдельные фирмы Барди и Перуцци оказываются связанными между собой многими и сильными хозяйственными узами, в наиболее крупных начинаниях своих выступают совместно и образуют нечто вроде картеля.

Сходство с картелем еще увеличивается тем, уже упоминавшимся нами выше обстоятельством, что по мере расширения масштаба деятельности Барди и Перуцци в их орбиту оказываются втянутыми десятки, а затем сотни и тысячи более мелких предприятий, компаний, отдельных лиц, часто обладающих более чем скромными капиталами. Слава громадных начинаний Барди и Перуцци и их не менее громадных доходов с быстротой, обычной для этого бурного времени, распространяется по Флоренции, а затем и по всей Италии, и жаждущие наживы люди стремятся урвать и себе хоть маленький по своим скромным возможностям кусочек этих доходов. Нужда в оборотных средствах у растущих как на дрожжах фирм огромна, и они, как, впрочем, и многие другие крупные предприятия, охотно принимают в депозит предлагаемые им средства. Средства эти не входят в основной капитал компании, и на них не распространяется распределение ее прибылей, но зато Барди и Перуцци всем своим мировым авторитетом гарантируют по депозитам стандартный годовой доход, большей частью в размере 8 %, к которому в особо удачные годы делается некоторая добавка. Кроме того, они охотно берут под свое наблюдение и контроль мелкие компании, вносящие свои деньги в их кассу, помогают им в трудных случаях, ручаются за них, а зато используют их при надобности в своих, нередко не весьма благовидных, операциях и махинациях. Таким способом Барди и Перуцци, с одной стороны, весьма широко разбрасывают сеть своих связей, с другой же стороны, заинтересовывают в результатах своей коммерческой деятельности громадный круг людей и мелких предприятий.

Каков был размах привлечения депозитных капиталов, явствует из того, что, как сообщает Давидсон, на 1 июля 1310 г. основной капитал компании Барди, внесенный ее 15 членами (10 из семьи Барди и 5 посторонних), составлял 91 307 лир, в то время как депозиты, внесенные только в основную контору фирмы во Флоренции (не считая филиалов), составляли

25 751 лиру. По этим депозитам выплачивалась стандартная прибыль в 6 или 7 %, за 1312/13 г., оказавшийся особенно удачным и давший общую прибыль в 34,5 %, была выплачена добавка в 6 %, т. е. всего по депозитам выплачено было 12—13 %, что, учитывая вышесказанное об общих нормах прибылей, может считаться весьма выгодным.⁶¹

Уже к концу первого десятилетия XIV в. операции обоих домов приобретают огромный размах. Барди и Перуцци имеют крупные отделения в Неаполе и других городах Южной Италии, в Сицилии, Генуе, Венеции и Перудже, на островах Средиземного моря: Майорке, Кипре, Родосе, в европейских торговых и политических центрах: Авиньоне, Лионе, Брюгге, Антверпене, Париже и Лондоне. Находясь на службе у компании Барди, Франческо Бальдуччи Пеголотти объезжает весь известный тогда мир, собирая материалы для своего трактата.

При этом таких опытных и квалифицированных специалистов-коммерсантов, одновременно путешественников, товароведов, бухгалтеров и ловких дельцов, в каждой из фирм имеется множество. Список их, составленный Сапори и содержащий указание на основные места их работы, содержит 334 имени и дает полное представление о громадном размахе операций. Прибыли компаний в начале их деятельности также относительно весьма велики, превосходят обычный средний уровень. Так, в компании Барди годы 1310—1312 дают 31,3 % в год, 1312—1314 — 34,7 % в год, 1316—1318 — 33,3 % в год, 1318—1320 — 30,2 % в год, что составляет за период с 1310 по 1320 г. среднюю прибыль в 33,1 %. После 1320 г. заметно некоторое снижение прибылей. Так, 1322—1324 гг. дают 13,1 %, 1324—1326 — 22,8 %, период с 1326 по 1330 г. — всего 9,9 %, что составляет за период с 1320 по 1330 г. среднюю годовую норму в 15,3 %, уже не выходящую за пределы обычной.⁶²

При этом торговые и ростовщическо-банковские операции фирмы Барди исключительно пестры и разнообразны. Она торгует всем и повсюду, она ссужает деньгами королей и их придворных, в первую очередь королей Неаполя, Франции, Англии, она берет на откуп папские доходы в крупнейших странах Европы и в то же время, совершая операции в масштабах десятков тысяч лир, не брезгует и мелкими, микроскопическими сделками. В одной и той же бухгалтерской книге, отмечает Давидсон, мы находим упоминание об именах королей Англии, Неаполя, Кипра и гроссмейстера Родосского ордена, и неопота папы Иоанна XXII — кардинала Наполеоне Орсини, и еврея Бендалака, и шута из Пьяченцы, и маклера из Антверпена, и хозяина гостиницы в Генте.

Однако постепенно, особенно с начала 20-х годов, в пестрых и разнообразных делах фирм Барди и Перуцци особое значение начинают приобретать операции их лондонских филиалов. Уже в 1311 г. из Лондона изгнана занимавшая в нем в течение

ряда лет доминирующее положение компания Фрескобальди, и ее место занимают Барди, разделяющие свое положение с Перуцци. Король Эдуард II, остро нуждающийся в деньгах для своей личной жизни и государственной деятельности, берет у них взаймы весьма крупные суммы, предоставляя в возмещение депозит таможенных пошлин, королевской десятины, ряда особых налогов, приравнивая их по правам к английским купцам, разрешая вывозить шерсть на особо льготных условиях, осыпая их подарками или чаще обещаниями подарков. Одновременно с 1317 г. Барди и Перуцци получают в депозит сбор по всей Англии большей части папских доходов. Со всем этим сочетаются ссуды обширному кругу частных лиц, в первую очередь из окружения короля, ссуды нередко невольные, носящие скорее характер взяток, чем выгодных операций.

Колоссальные, невиданные ранее в Англии суммы стекаются со всех концов страны, от всех слоев ее населения в кассы жадных, расчетливых и непоколебимых в своей жажде наживы итальянских дельцов. Контора их, как гигантский паук, сосет кровь из всей Англии, и Англия реагирует на это единодушной народной ненавистью. В 1326 г. разъяренная толпа лондонцев нападает на контору и магазины Барди и подвергает их разгрому и разграблению. Но флорентийские дельцы уже пустили в Англии глубокие корни, делают здесь слишком большие дела и получают слишком большие прибыли, чтобы испугаться вспышки народного гнева, они быстро оправляются и продолжают свою деятельность в Англии. В следующем, 1327 году на престол вступает Эдуард III, король энергичный, предприимчивый и самолюбивый, сразу же начавший войну с Шотландией и усиленную подготовку к войне с Францией и на почве этого находившийся в весьма натянутых отношениях с парламентом. Постоянно нуждаясь в деньгах и не желая обращаться за ними к парламенту, Эдуард III еще в большей степени, чем его предшественник, прибегает к финансовой помощи Барди и Перуцци, не только передавая им еще ряд королевских доходных статей, но и закладывая королевские драгоценности. К началу 30-х годов Барди и Перуцци окончательно и полностью сосредоточивают в своих руках все государственные и церковные налоги и поборы, становясь как бы министерством финансов Англии. Даже сам король, королева, двор получают средства на свои личные нужды только из контор флорентийских банкиров по особому, заранее составленному списку.

Такой невиданный рост финансового могущества двух вполне частных и еще недавно скромных флорентийских фирм дает им громадные доходы, привлекает в их кассы все большее количество вкладов, но он же таит в себе и весьма серьезные опасности. Опасности эти обнаруживаются уже с начала 30-х годов как в Англии, так и на родине — в Италии. В Англии Эдуард III, использовав в максимальной степени богатых флорен-

тийцев, начинает подкапываться под их монопольное положение. Он неаккуратно вносит платежи по займам, стремится отнять у флорентийцев отдельные статьи доходов и втихомолку покровительствует росту финансового могущества местной, английской фирмы Полей, которой хочет заменить зазнавшихся итальянцев. Последние понимают, что положение их изменилось, пытаются в 1336 г. потребовать баланса, получить обратно часть вложенных ими громадных сумм, но король не хочет и слышать об этом. Наоборот, готовясь теперь к нанесению первого удара по Франции, он в 1338 г., угрожая конфискацией и изгнанием, выжимает из Барди и Перуцци новые весьма значительные суммы, компенсируя их весьма неопределенными обещаниями.

В то же время в Италии над головами флорентийских банкиров также собираются грозные тучи. Уже произошедшее в 1326 г. банкротство торгово-банковской фирмы Скали, с которой Барди и Перуцци были тесно связаны, поколебало их положение, но кажущаяся прочность их филиалов за границей помогла им выпутаться. Положение резко ухудшается в результате длительной и безрезультатной войны Флоренции с Пизой и особенно ее войны с Мастино делла Скала, которая велась в значительной мере под руководством и на средства Барди и Перуцци.

К 1340 г. неблагоприятные для обеих фирм обстоятельства становятся как в Англии, так и в Италии все более угрожающими. Эдуарду III не удается одним ударом разгромить Францию, война принимает затяжной характер, и король почти открыто заявляет, что платить по своим обязательствам он не намерен. Барди и Перуцци, вложившие значительную часть своей наличности в английские займы, близки к катастрофе. Финансовое и политическое положение их главной конторы во Флоренции также плачевно, и они, в первую очередь Барди, не потерявшие за полвека коммерческой деятельности своей прирожденной грандской самоуверенности и кичливости, пытаются спастись от финансовой катастрофы ловким политическим ходом. Они готовят государственный переворот, который должен вернуть грандам Флоренции давно утерянную ими власть. Из переворота, как мы упоминали выше, ничего не вышло, и обе фирмы неудержимо идут вниз, к катастрофе, к банкротству.

Бесконечные переговоры и счета с английским королем, стремление хотя бы определить окончательную сумму его долга не дают никаких результатов, в то же время вкладчики, охваченные паникой, требуют возврата своих депозитов, а новых операций никто начинать не хочет. Однако финансовое могущество обеих фирм таково, что в течение более чем 2 лет им удается ценой величайших усилий удержаться на ногах. Большую помощь им в этом оказывает то обстоятельство, что, находясь в апогее своего благополучия, они на громадные суммы закупили земли. Теперь эти земли пускаются в продажу, и вы-

рученные деньги дают возможность как-то справиться с наиболее настоятельными требованиями. Продажа земель могла бы дать и большие суммы, могла бы, пожалуй, и вообще выручить разоряющихся дельцов, но они в дни своего благополучия не учли того, что, выбрасывая одновременно на земельный рынок свои громадные владения, закупленные постепенно, они значительно снижают цены на землю, а продавая по мелким участкам поместья, купленные как целые хозяйственные единицы, они также обесценивают их. В результате продажа земельных владений Барди и Перуцци далеко не давала тех сумм, которые были затрачены на приобретение этих владений, и, принося временное облегчение, не могла привести к окончательному спасению.

В 1342 г. Барди пытаются повторить попытку спастись путем политического переворота. Они являются инициаторами приглашения герцога Афинского и всячески поддерживают его магнатско-демагогическое правление. Но в июле 1343 г. и эта карта неукротимых в своей энергии Барди оказывається битой, герцог Афинский изгнан из Флоренции, разоряющиеся банкиры опять предоставлены сами себе. Однако и на этот раз они не хотят признать себя побежденными. В сентябре 1343 г. (см. § 1) Барди опять пытаются произвести государственный переворот. Но энергия нового, быстро растущего дома Медичи и объединенные силы пополанов лишают их и этой последней надежды; их дворцы разрушены, сами они вынуждены бежать из города, катастрофа становится неизбежной.

Первым объявляется уже в том же 1343 г. банкротство Перуцци, которым, мобилизовав все, удается выплатить своим кредиторам 37 % своих обязательств. Барди держатся еще 3 года, а когда в 1346 г. и они объявлены банкротами, им удается выплатить больше — 45 %.

Хотя банкротство Барди и Перуцци отнюдь не было неожиданностью и подготавливалось в течение почти 10 лет, хотя они выплатили своим кредиторам значительную часть своих долгов, банкротство это превратилось в грандиозную экономическую катастрофу для Флоренции и заметно отразилось на экономическом состоянии остальной Италии. Банкротство мировых, ведущих фирм с неизбежностью вызвало разорение ряда более мелких, находившихся под их контролем. Были объявлены банкротами компании Аччайуоли, Бонаккорси, возглавляемые лицами, тесно связанными как с коммерческими, так и с политическими махинациями Барди, прекратили платежи Чекки, Антелези, Корсини, Перондоли и многие другие. Десятки тысяч вкладчиков, не успевших извлечь свои депозиты из главных или второстепенных фирм, были разорены, вся экономическая система Италии, представляющая в середине XIV в. во многих отношениях единое целое, была глубоко поколеблена.

Судьба Барди и Перуцци, так же как судьба их предшест-

венников Буонсиньори, весьма показательна. Она с неоспоримой очевидностью обнаруживает эфемерность и до известной степени бесперспективность бурного экономического расцвета Италии, расцвета, подтачиваемого как неравномерностью развития и политической раздробленностью самого полуострова, так и, особенно, феодальным режимом, продолжающим еще господствовать в других европейских странах.

Производство

Все, что мы говорили выше об экономическом и социальном положении Италии XIV в., относилось исключительно к сфере обмена и тесно с этим обменом связанной деятельности банковско-ростовщического капитала. Явления, относящиеся к этой сфере, наиболее бросаются в глаза, наиболее обращают на себя внимание. Такое явление, например, как мировая деятельность Барди и Перуцци, может легко вытеснить из поля зрения множество других менее эффектных фактов, а между тем только то, что произошло в сфере обмена, хотя и весьма важное само по себе, не может объяснить тех глубоких и важных изменений, которые происходят во всей структуре итальянского общества того времени. Для того чтобы понять социальную атмосферу, в которой могло произойти восстание чомпи, чтобы разобраться в причинах накопления той громадной социальной творческой энергии, которая вызвала к жизни замечательную по смелости и размаху культуру Возрождения, для того чтобы дать правильную оценку всей интересующей нас эпохи, мы должны спуститься из более видной и эффектной сферы обмена в более незаметную и скромную сферу производства, которая именно в XIV в. в передовых центрах Италии, и в первую очередь во Флоренции, доводит до полного развития те явления, первые признаки которых мы отмечали уже в XIII в.

Предприятие цехового мастера окончательно перерастает старые ремесленные рамки, превращается в мануфактуру раннего типа, возникновение и развитие которой гениально проанализированы К. Марксом. Наиболее ярко и характерно процесс этот, вообще протекающий повсеместно, проходит в мастерских флорентийского цеха «Шерстяников», становящихся как бы примером капиталистических отношений в Италии.

Такая мастерская, уже в XIII в. впитавшая в себя несколько десятков вспомогательных рабочих, которых так нетрудно найти на улицах и площадях Флоренции, превращается в XIV в. в сложный разветвленный организм, имеющий тенденцию продолжать в дальнейшем расти и развиваться.

Перерождение цехового предприятия естественно и неизбежно связано с соответствующим изменением технического производства. Правда, мануфактура, как это неоднократно отмечал Маркс, не требует революции в орудиях производства и чаще

всего пользуется старыми орудиями, завещанными ремесленной техникой, но ее возникновение неизбежно связано с усложнением технического процесса, с разбивкой процессов, ранее бывших аморфными и выполнявшихся одним и тем же лицом, на ряд более мелких, составляющих процессов. Это расчленение производства на дробные, становящиеся самостоятельными операции обязательно приводит к некоторому, иногда довольно значительному, видоизменению орудий труда, приспособляющихся к дифференцированным нуждам каждого отдельного процесса.

Но основным, что характеризует мануфактуру, тем, что делает ее столь непохожей на цеховую мастерскую классического средневековья, является обязательно вытекающее из расчленения производства и из эволюции его орудий разделение труда — создание групп и категорий рабочих, специально тренируемых для выполнения не всех или группы технических операций, а только одной, определенной операции. Вместо универсального мастера, ученика, подмастерья, выполняющего или, во всяком случае, умеющего выполнять все, что нужно, в определенном предприятии, ведущее место в нем занимает частичный рабочий, всю свою жизнь повторяющий только одну какую-нибудь операцию, приспособляющийся к ней, выполняющий ее быстрее, точнее, экономнее. Само собой разумеется, что в каждом сколько-нибудь значительном предприятии, особенно достаточно сложном по своей технической сущности текстильном предприятии, число таких частичных рабочих должно было быть довольно значительным, а иногда и весьма значительным; само предприятие росло, расчленилось, делалось многочленным, приобретало новый, капиталистический облик.

Все эти черты превращения цеховой мастерской в мануфактуру, черты всеобщие, не связанные с определенным местом и специальностью, во флорентийском шерстяном производстве могут быть прослежены с большой степенью полноты.⁶³ Дошедший до нас в списке начала XV в., но восходящий скорее всего к концу века предыдущего «Трактат о производстве шерсти» (*«Trattato dell'Arte della Lana»*)⁶⁴ рисует в 28 небольших главах яркую картину смены различных уже резко дифференцированных операций, выполняемых частично в мастерской флорентийского шерстяника, частично вне ее. Операций таких — от 20 до 30, причем каждая выполняется другой, специализированной категорией рабочих.

Шерсть, всегда заграничная, привозимая либо другим купцом, либо — в больших предприятиях — самим шерстяником из Англии или Испании, из городской таможни поступает в сортировочную мастерскую. Здесь килы ее, тщательно упакованные и перевязанные, распаковываются специальными представителями цеха, которые определяют ее вес и сорт. После этого специальные рабочие раскатывают килы и производят предвари-

тельную очистку шерсти. Другие специальные рабочие производят под наблюдением новых представителей цеха сортировку шерсти, разбиваемой чаще всего на три группы: тонкая, средняя и грубая, и связывают ее в отдельные кипы по этим группам. Затем шерсть подвергается тщательной промывке, ее погружают в чаны с кипящей жидкостью особого состава. После этого ее перевозят в промывочные сооружения на Арно, полощут в проточной, холодной воде и сушат на солнце, что опять-таки выполняют особые рабочие. Только после этого шерсть переходит в главную мастерскую шерстяника, где ее перевешивают и подвергают тщательной мелочной очистке. Рабочие, специальность которых требует большой тренировки, руками выбирают из нее грязь, щепочки и прочие посторонние частицы, затем другие рабочие маленькими ножницами состригают оставшиеся в ней узелки, кусочки кожи и придают ей окончательное единообразие.

После этого (в случае обработки некрашеной шерсти) шерсть развешивается на особых рамах, выбивается, намачивается водой, затем пропитывается растительным маслом, затем сворачивается и расчесывается гребнями, причем во время этого процесса отделяются длинные волокна, используемые для изготовления камвольных тканей, и короткие, используемые другим способом. Длинные волокна наматываются затем на деревянные болванки и отправляются к прядильщику (чаще — прядильнице), т. е. уходят из центральной мастерской.

Прядильщик, живущий чаще всего в деревне и связанный с данной мастерской определенным договором, обрабатывает полученную шерсть на прялке, помечает ее определенной маркой, после чего она возвращается в мастерскую. Здесь она проверяется, регистрируется, стрижется на стригальных рамах, шлихтуется и сушится, что выполняют рабочие различных квалификаций.

После этого готовая пряжа опять попадает в центральную мастерскую и переходит в мастерскую ткача. Последний живет обыкновенно в городе и работает на довольно сложном и дорогом ткацком станке, приобретенном во многих случаях на средства, авансируемые шерстяником, причем этот аванс создает зависимость ткача от предпринимателя.

От ткача ткань поступает в центральную мастерскую, очищается, стрижется, после чего начинается окончательная ее отделка, осуществляемая рядом этапов, проходимых частично в мелких мастерских особых ремесленников, частично же в мастерских, принадлежащих всему цеху: это — валяние, растягивание, стрижка, сушка, кардировка и, наконец, окраска, являющаяся самой трудной и ответственной операцией, почему красильщики занимают особо привилегированное место в сложной иерархии рабочих и ремесленников, занятых в производстве. Окрашенная ткань возвращается, наконец, снова в мастерскую

шерстяника, тщательно проверяется, найденные мелкие недостатки ликвидировуются, ткань очищается, складывается и маркируется.

Из предшествующего изложения, дающего весьма упрощенное описание только одной и притом простейшей разновидности производства шерстяных тканей, явствует сложная структура этого производства. Сырье и затем полуфабрикат несколько раз поступают в центральную мастерскую, покидают ее, переходя во вспомогательные мастерские, и наконец опять возвращаются для окончательного завершения. При этом вспомогательные мастерские (за исключением принадлежащих цеху) полностью сохраняют характер средневекового, кустарного производства. Не говоря уже о деревенском прядильщике, даже выполняющие наиболее сложные и ответственные операции ткач и красильщик работают сами, с помощью нескольких учеников и подмастерьев, полностью подчинены шерстянику и имеют мало возможностей как для освобождения из-под его власти, так и для обогащения.

Зато центральная мастерская шерстяника, его боттега (*bottega*) носит уже совсем иной характер. Расположенная обычно в нижнем этаже его дома, в ряде комнат и помещений, выходящих на двор, так как фасадные комнаты заняты лавкой с витриной и входом, боттега вмещает, как мы уже упоминали выше, несколько десятков, а иногда и сотен наемных, чаще всего поденных, рабочих различных профилей — от чернорабочих, выполняющих вспомогательные операции, до опытных браковщиков и почищиков, работа которых требует большой квалификации. При этом значительная расчлененность производства, естественно, требует большого количества вспомогательных операций, почему рабочие малой квалификации — чомпи — численно превосходят остальные категории. Большое количество рабочих разной квалификации, работающих в одном помещении, требует постоянного надзора и руководства, и действительно, в крупных боттегах мы встречаем нескольких «факторов», осуществляющих этот надзор (*fattori sopra i lavoratori*). Наконец, в особой, находящейся между лавкой и мастерскими, комнате, за высокой конторкой сидят один или несколько бухгалтеров (*factor ad tenendos libros*) и кассир (*puer ad tenendam cassam*).

Само собой разумеется, что предприниматель, или, вернее, предприниматели, члены компании, которой принадлежит боттега, сами никакого участия в производстве не принимают. Многие из них вообще стоят вдали от производства, довольствуясь только помещением своих капиталов, и большей частью так заняты закупкой сырья, продажей готовой продукции и общим руководством, что об их вмешательстве в производственные процессы и речи быть не может. К тому же такой капиталист-предприниматель почти всегда несет какие-нибудь обязан-

ности по цеховой организации и занимает выборные должности в правительственном аппарате коммуны, вплоть до ведущих, отрывающих целиком от дела и от дома должностей гонфалоньера, приоров, послов при иностранных государствах, капитанов в подчиненных Флоренции городах. Понятно поэтому, что в руководстве промышленным предприятием все большую роль играют наемники-профессионалы: мастера, бухгалтеры, разъездные агенты, предприниматель же дальше и дальше отходит от этого руководства, ограничиваясь общими директивами.

В каждом предприятии и в сумме этих предприятий накапливается большое, иногда громадное количество подчиненных предпринимателю или предпринимателям лиц разного положения. Здесь и сохраняющие средневековый цеховой характер ремесленники, работающие в собственных мастерских, такие, как ткачи или красильщики, здесь и живущие в деревне кустари-пряжильщики, здесь и ткачи, и квалифицированные, полуквалифицированные, и совсем неквалифицированные рабочие центральной мастерской — чомпи в собственном смысле слова. Все они выполняют волю мастера или представляющих его лиц, но как экономическое, так и политическое состояние их глубоко различно. Общим для них является только стремление улучшить свое положение, ослабить гнет предпринимателя, добиться хотя бы урезанных политических прав. Это общее стремление и вызывает к жизни те социальные волнения, которые красной нитью проходят через историю Флоренции XIV в. и достигают своего апогея в первом этапе восстания чомпи. Но эта общность стремлений была и довольно поверхностной: между живущим в достатке, хотя и бесправным, красильщиком и нищим поденщиком — чомпи — зияла непроходимая пропасть, чем ловко и постоянно пользовались предприниматели и что с особенной ясностью сказалось в заключительном этапе восстания чомпи.

Техническое оснащение предприятия флорентийского шерстяника по своим конструктивным характеристикам мало чем отличалось от существующего в предыдущие века. Достаточно внимательно взглянуть в миниатюры миланских списков «Истории ордена Гумилиатов», относящиеся к разным векам, но восходящие скорее всего к одному прототипу, составленному в XIV в.,⁶⁵ чтобы убедиться в этом. Миниатюры эти изображают процессы производства шерсти, в значительной степени соответствующие описанию флорентийского трактата, разобранному нами выше, только изображают их в более скромных масштабах. Здесь мы найдем ту же колесную прялку, завещанную еще античностью, тот же ткацкий станок, идущий от нее же. Правда, во флорентийском ремесле и тот и другой несколько усложняются, правда, в нем приспособления для мочки, сушки, кардирования, окраски приобретают невиданные ранее размеры. Но эти изменения носят количественный, а не качествен-

ный характер и к радикальной революции в области орудий производства отнюдь не приводят.

Уже в XIII в. текстильное производство, и в первую очередь, флорентийское шерстоделье, является наиболее передовой, развитой, технически и социально дифференцированной областью производства, от которой отстают другие области, иногда, впрочем, получающие хотя и меньшее, но симптоматическое и характерное развитие (см. гл. II, § 2). В XIV в. передовой характер текстильного производства замечен еще более явно. В то время как оно, как мы говорили выше, идет в своем развитии дальше, другие отрасли, в первую очередь наиболее важные из них — судостроение и металлургия, по-видимому, мало изменяются. Во всяком случае, современное состояние изучения истории этих производств не позволяет нам заметить в них в течение XIV в. сколько-нибудь серьезные изменения, они остаются на той же гибридной стадии развития, которую мы подробно анализировали в главе II. Появляющееся в XIV в. в Англии и Франции огнестрельное оружие проникает в Италию медленно и также не вносит до поры до времени изменений ни в производство, ни в военное дело.

Таким образом, в сфере производства в Италии XIV в. мы констатируем значительную неравномерность в развитии. В наиболее передовой и наиболее распространенной его отрасли — текстильном производстве — зарождаются ранние формы капиталистических отношений. В рамках мануфактурного производства кристаллизуются два полюса, характеризующие основное классовое противоречие капитализма — немногочисленные предприниматели, владеющие капиталом и орудиями производства, и многочисленные рабочие, владеющие только своей рабочей силой. И поэтому там, где текстильное производство занимает господствующее положение (особенно во Флоренции), мы видим впервые не только на почве Италии, но и на почве всей Европы проявление новых, в это время прогрессивных и плодотворных социальных отношений, бурную классовую борьбу, бурный расцвет культуры. Другие районы Италии, в которых либо были распространены более медленно развивающиеся отрасли производства, либо вообще производство было мало развито, оставаясь позади сельского хозяйства или разных видов торговли, заметно отставали от своих передовых соседей и в социальном, и в политическом, и в культурном отношениях, хотя и испытывали на себе иногда большее, иногда меньшее их влияние. Именно неравномерность, крайняя пестрота в развитии производства объясняют в первую очередь лоскутность, раздробленность, неравномерность общего развития Италии, которые определяют собой всю ее последующую историю.

Экономическая политика и эволюция экономики

Весьма важной для характеристики экономической структуры Италии XIV в. является связь, которая устанавливается в это время между хозяйственной и политической жизнью большинства передовых государств. Конечно, и в феодальных государствах правительства в той или иной мере в своей политической деятельности ориентировались на хозяйственные нужды своих стран, но только тогда, когда власть в государствах перешла, как во Флоренции или в Венеции, к ведущим, энергичным и умным представителям торговых, банковских и ремесленных кругов, когда они оттеснили от этой власти феодалов-землевладельцев, только тогда вся политика, и особенно политика внешняя, оказалась пронизанной хозяйственными соображениями.⁶⁶ Флоренция неуклонно поддерживает папство, потому что ведущие ее банкиры финансируют папский престол, она находится в тесном союзе с французскими королями, потому что во Франции закупается или через Францию провозится основное сырье для ее ведущей промышленности — шерсть. Та же Флоренция ведет в течение века ожесточенную борьбу за Пизу, необходимую ей для выхода к морю, к которому флорентийские дельцы стремятся со свойственной им бешеной энергией. Но, может быть, еще более ярким и характерным примером тесной связи между экономикой и политикой в итальянских государствах является соляная политика Венеции. Захватив еще в XIII в. значительные, наиболее богатые в Италии соляные месторождения, группы венецианских патрициев-соляников используют мощь своего государства для того, чтобы стать монополистами в северной части полуострова. Путем прямого политического нажима Венеция запрещает мелким соседним коммунам добычу соли или же, сохраняя в них добычу соли, полностью включает их в сферу своего влияния и направляет соль по своему усмотрению. Действующее сознательно и целеустремленно объединение соляников, которое некоторые исследователи сравнивали с будущими капиталистическими картелями, опираясь на государственную власть, распределяет между своими членами рынки сбыта соли и вообще стремится забрать в свои руки все снабжение солью полуострова. Это монополистическая тенденция как нельзя более ясно выступает в правительственном акте от 15 февраля 1362 г., регулирующем монопольные права наиболее богатых венецианских соляных разработок в Кьодже. В этом документе говорится: «На нас (венецианские власти.— М. Г.) ложится обязательство не колебаться и не снижать цену кьоджанской соли, прибегая к способам, к которым мы некогда прибегли по отношению к соли Червии, которую наша коммуна в течение ряда лет покупала за определенную сумму денег и полностью выбрасывала в море только для того, чтобы не

получила помехи продажа кьоджанской соли и, следовательно, не наносился ущерб благу коммуны нашей...» Закупка всего производства небольшой, подчиненной Венеции Червии и уничтожение закупленной соли, направленное на поддержание определенного уровня цен, прокламируемое этим документом, действительно напоминает действия какого-нибудь американского объединения XX в.⁶⁷

Та же тесная связь между экономическими нуждами и интересами представителей капиталистической верхушки ряда итальянских городов и политикой этих городов, управляемых этими же людьми, выступает и в войнах не на жизнь, а на смерть между Генуей и Венецией, и в сложной таможенной политике коммун, и в организации их финансового хозяйства. Цепкая, ловкая рука итальянского дельца, умеющего столь же успешно руководить своим предприятием, как и своей коммуной, направляет политику этой коммуны туда, куда выгодно ее направить этому дельцу, идеально ориентирующемуся в сложном и запутанном переплетении политических и хозяйственных сил, договоров, соглашений, конфликтов, которые так характерны для Италии того времени.

Эти дельцы и политики и в XIV в., так же как в XIII, смелы энергичны, предприимчивы, но при этом в их деятельности появляется новая черта, которую почти нельзя подметить в веке предыдущем. Черта эта — стремление гарантировать себя от всякого рода неприятных неожиданностей, вести свое предприятие так, чтобы и в случае самой неблагоприятной конъюнктуры можно было спасти возможно большую часть своего состояния, обеспечить себе и своим наследникам ту сытую, полную достоинства жизнь, которая достигнута с таким трудом, с такой затратой сил и энергии.

Стремление это проявляется, во-первых, в изъятии части капиталов из торговли, ремесла, банковских операций и помещении их в земли. Конечно, и раньше, в XIII в., удачливый купец, проведший несколько выгодных дел и заработавший не одну сотню, а то и тысячу флоринов, нередко покупал на них у разорившегося гранда участок земли, вступая в соглашение с сидевшими на нем крестьянами, строил на нем виллу и гордился, подобно Пьеру ди Крешенци, своими почти дворянскими владениями и сельскохозяйственными познаниями. Тогда это был чаще всего вопрос достоинства, вопрос скорее быта, чем экономической структуры предприятия. Но постепенно в XIV в. положение изменяется, количество земельных участков, покупаемых купцом или банкиром, растет на глазах; достаточно просмотреть хотя бы бухгалтерские книги дома Перуцци,⁶⁸ чтобы убедиться в громадном количестве земельных участков, закупаемых этой компанией. Участки закупаются отнюдь не для личного пользования, для этого их слишком много и они слишком разбросаны, а для надежного помещения заработанных

капиталов. Участки эти эксплуатируются возможно более рациональным способом — при помощи краткосрочной аренды или половничества. Они, конечно, далеко не дают той выгоды, как торговые или тем паче ростовщические операции, но зато совершенно не подвергаются риску, который так велик теперь при ожесточенной конкуренции, неизбежно связанной с созданием международного рынка, в обстановке постоянных банкротств и кровавой политической борьбы, характеризующей время 30-х и особенно 40-х годов XIV в. Насколько велики были такие закупки земельных участков, видно из того, что когда в начале 40-х годов обнаружилась безнадежность финансового положения компаний Барди и Перуцци и они начали продавать свои поместья, то сумма, вырученная от их продажи, покрыла бы все требования кредиторов, если бы не снижение цен на землю, вызванное появлением в продаже такого громадного земельного фонда.⁶⁹

Эта тенденция к изъятию капиталов из торговли, производства, банковского дела и помещению их в землю, тенденция весьма симптоматическая для XIV в., но получающая особый размах, особое, всеобщее значение в веке последующем, является чрезвычайно важной, в значительной мере объясняющей внутренний механизм социальной и экономической эволюции итальянского Возрождения.

То же стремление к обеспечению сохранности вложенных в ту или иную операцию капиталов приводит к появлению и широкому распространению в течение XIV в. страховки.⁷⁰ Появляется она еще в последние годы XIII в. в связи с особой формой договора на перевозку товаров морским путем, так называемого морского перевода (*cambio maritimo*). При нем владелец или капитан корабля гарантируют сохранность перевозимых предметов и в случае благополучного плавания получают определенную премию. Затем эта связь с морскими перевозками нарушается. Страхуются все товары, перевозимые любым путем, и страховка, приобретающая характер спекулятивной сделки, распространяется не только на товары, но и на жизнь страхующегося, на жизнь третьего лица, на спасение от эпидемии и даже на пол ожидаемого ребенка. Так, возникшая для обеспечения безопасности товара страховка, захваченная характерным для века жадным и неукротимым стремлением к наживе, свойственной итальянцам этого времени страстью к азартным видам этой наживы, становится одним из видов торгово-ростовщических операций, не теряя и своего основного назначения. В конце XIV в. Франческо ди Марко Датини предписывает своим уполномоченным не гнаться за увеличением прибыли, не рисковать, а страховать все перевозимые товары, и сам нередко использует свои капиталы для страховки чужих товаров. В это же время, по-видимому, в первую очередь в Генуе, появляются и специальные компании, ставящие себе целью произ-

водство страховых операций. Так, об одном генуэзском купце в бумагах другого говорится: «Марк для наживы заключал много страховых сделок, как это делают многие генуэзские купцы, из которых некоторые живут исключительно с этих операций». ⁷¹ А от начала XV в. до нас дошли и договоры на организацию таких компаний.

Развитие и широкое распространение страховки, несомненно, в какой-то мере связано и с развитием и распространением кредита, в частности вексельной практики. Как мы упоминали выше, векселя возникли и широко применялись и раньше, но имели главным образом переводной, а не кредитный характер. Теперь же подчеркивается именно последний. Достаточно просмотреть бухгалтерские книги самых различных фирм XIV в. или же руководство Бальдуччи Пеголотти, чтобы убедиться в том, что кредит глубоко и повсеместно проникает в коммерческую жизнь эпохи. Так, из 287 продаж сукна, зафиксированных в бухгалтерских книгах Дель Бене, только одна не предполагает кредита, остальные же предполагают его в пределах от 2,5 до 4 месяцев, а Пеголотти дает подробные указания того, на какие сроки следует предоставлять кредиты в различных торговых центрах при сделках с другими, отдаленными от них на разные расстояния. ⁷²

Кредит, предоставляемый при сделках, чаще всего оформляется векселем, причем теперь вексель весьма часто не используется для перевода денег в другое место, а только и исключительно для обеспечения платежа в определенный, отдаленный от даты сделки срок. Такие векселя получают под названием сухих векселей (*cambia sicca*) широкое распространение в Италии XIV в., несмотря на ожесточенную борьбу с ними как церкви, так и светского законодательства.

Однако наиболее распространенной, окончательно принимающей определенные, четкие формы разновидностью векселя является в это время та, которая доживет без особых изменений до XX в., та, в которой подразумевается платеж, отдаленный и по месту, и по времени от взноса денег. В векселе этого типа должны участвовать обязательно 4 лица. Действительно, первое лицо, предположим, флорентийский купец, вносило деньги второму лицу — флорентийскому банкиру, который выдавал вексель, по которому контрагент последнего, предположим, в Брюгге, являющийся уже третьим лицом, должен уплатить в такой-то срок или без указания срока предъявителю векселя или же определенному лицу — четвертому в данной сделке, определенную сумму, образовавшуюся из добавления к первой внесенной сумме процентов за обмен валют, за кредит, за стоимость оформления сделки и т. д.

Текст векселя обыкновенно весьма краток, написан сухим, схематическим деловым языком и имеет чаще всего следующую форму: «Уплатите по этому первому экземпляру 9 октября Луке де Горо 45 лир, стоимость

коих мною получена от Маджо Река. Уплатите в срок и запишите на мой счет и да хранит Вас Христос. Борромео да Борромео. Привет. Милан. 9 марта 1394 г.». На обороте, как обычно в то время, — адрес и обозначение даты и суммы векселя: «Александр да Борромео и Доменико д'Анджера, 1 июня — 45 лир».⁷³

Само собой понятно, что такая становящаяся более или менее стандартной форма векселя допускает самые разнообразные оттенки и детали при осуществлении самой сделки. Кредит возможен на разных ее этапах, возможно указание срока платежа или отсутствие его, в каком случае вступают в силу определенные сроки, подробно перечисленные Пеголотти, возможно указание окончательного получателя денег и отсутствие этого указания. Все это делало вексель удобным и гибким орудием в руках опытного и оборотистого купца и в условиях мирового рынка создавало предпосылки не только для использования векселя как орудия при совершении тех или иных операций, но и для превращения его как эквивалента определенной стоимости в объект спекуляции. Так к концу XIV в. создается международный вексельный рынок, и в неизбежной связи с ним появляются международные вексельные курсы, колеблющиеся в зависимости от политической ситуации в итальянских торгово-ростовщических центрах, делающих погоду в Европе этого времени.

Эволюция векселя, достигающего почти современных форм, неразрывно связана с эволюцией бухгалтерии.⁷⁴ Чем сложнее, утонченнее, запутаннее становились орудия обращения, тем точнее и совершеннее должен был быть аппарат, это обращение регистрирующий. Принципы ведения бухгалтерских записей, выработанные в основном уже в XIII в. и разобранные нами выше, теперь доводятся до своего полного логического развития. Количество книг, в которые записываются производимые операции, еще возрастает, каждая выплаченная или полученная сумма вносится в 3, а то и в 4 книги, причем система баланса актива и пассива, только намечавшаяся в XIII в., теперь находит всеобщее и систематическое применение. Баланс этот суммирует все средства каждой фирмы, с одной стороны, и ее обязательства — с другой, так называемое *saldamento* — подведение итогов. Баланс обязательно производится бухгалтером фирмы или в маленьких предприятиях ее владельцем в конце определенного договором периода ее существования и должен дать, как и в современной бухгалтерии, полное совпадение обеих сторон. Этим самым принципы, заложенные в основу «двойной итальянской бухгалтерии», оказываются окончательно установленными, хотя сама система записей не получает еще стандартного оформления, остается в каждом случае весьма индивидуальной и эмпиричной.

В сельском хозяйстве и торговле, в банковско-ростовщическом деле и ремесленно-мануфактурном производстве, в усовершенствовании и окончательном оформлении технических

средств всех этих сторон экономической жизни Италия XIV в., как мы уже отмечали, достигает классических, наиболее ярких ступеней развития, достигает как бы своего экономического апогея.

Одержанная уже к концу XIII в. в наиболее передовых государствах полуострова политическая победа горожан-пополанов над соперником справа — феодальными землевладельцами-грандами, завершается в XIV в. полной победой над соперниками слева — «тощим народом», разгромленным и «поставленным на место». Городские богатеи к концу XIV столетия окончательно и прочно закрепляют за собой политическое и экономическое господство, что и позволяет им в полной мере развить все свои экономические возможности.

Правда, не следует забывать, что эта победа «жирных» пополанов имела место далеко не во всей Италии, что далеко не все части полуострова шли за передовым городом на Арно, что, как подробно говорилось выше, в Неаполитанском королевстве, Патримонии св. Петра, отчасти в Милане и его владениях сохранились, а подчас и возродились вновь влиятельные феодальные силы. Но это феодальное окружение, в обстановке которого происходит победа горожан в передовых центрах, ни в какой мере не лишает эту победу ни ее действенности, ни ее революционно-исторического значения.

Новая жизнь, новая экономика, новые социальные отношения создавались именно во Флоренции и в идущих по близкому к ней пути городах: Генуе, Венеции, отчасти Лукке, Болонье. Влияние передовых центров сказывалось во всех сферах жизни даже в наиболее феодальных и отсталых частях Италии, сказывалось оно с особой силой и в сфере культуры, переживающей в XIV в. глубочайшие сдвиги.

§ 3. КУЛЬТУРА

Новый тип человека

Купцы и банкиры, шерстяники и соляники, мореплаватели и бухгалтеры, зоркие и энергичные политики и не менее ловкие авантюристы — таковы наиболее характерные и яркие фигуры жителей передовых итальянских городов-государств XIV в. Блестящую галерею портретов таких фигур, беглые, а иногда детальные зарисовки их деятельности дает один из любопытнейших памятников эпохи — «Домашняя хроника» флорентийского дельца и политика Донато Веллутти,⁷⁵ начатая им в 1367 г.

Написанная Донато на склоне лет, хроника эта рисует с эпическим спокойствием и с эпической же выпуклостью типичную историю пополанской флорентийской семьи. Страстный патриот своего рода, и в то же время не менее страстный стяжатель и делец, Донато уже в первых строках своих записей

заявляет, что его интересуют два основных вопроса: рост семьи и рост ее богатств. В дальнейшем изложении он освещает главным образом именно эти вопросы, своеобразно и симптоматично переплетая характеристики личные с характеристиками хозяйственными.

Выходцы из скромного Семифонте из Вальдельсы в округе Флоренции, предки Донато в середине XIII в. переехали во Флоренцию, где занялись торговлей, открыв скромную боттегу на одной из небольших улочек. Приобретя известный достаток, они решили к концу того же XIII в. устроиться лучше, закупили участок в районе, тогда еще не заселенном и называвшемся хижиной (*casellina*) из-за скромной лачуги, стоявшей среди садов и огородов. Здесь обладавшие острым хозяйственным глазом дельцы построили свой большой дом, в верхних этажах приспособленный под жилье для всей уже разросшейся семьи, в нижнем — содержащий мастерские и лавки. Быстро и неуклонно растущее благосостояние связывает Веллутти с Болоньей, Венецией, Миланом, Пизой, Генуей, Римом, Парижем и Англией. И так как им казалось неприличным, несовместимым с растущей славой фирмы, чтобы деловая корреспонденция, стекающаяся в их дом со всех концов Европы, надписывалась — «Бонаккорсо Велутти и товарищам в хижине», то они приказали своим агентам писать адрес — «Бонаккорсо Велутти и товарищам на Большой улице (*Via Maggiore*)», и это гордое, придуманное тщеславным дельцом, название прочно закрепилось за местностью, вскоре обстронившейся такими же домами и действительно превратившейся в одну из главнейших деловых магистралей Флоренции.

К началу XIV столетия семья Веллутти уже входит в число наиболее богатых и влиятельных семей Флоренции. Она разбивается на много ветвей, объединенных общими делами, но имевших и свои собственные интересы. Ее члены по делам компании и по своим личным делам нередко по долгу живут во Франции, Англии, Фландрии, в разных итальянских городах. Старшие представители рода занимают ведущие должности в государственном аппарате коммуны, избираются послами, капитанами в подчиненные Флоренции города, управляют коммуной как приоры или даже гонфалоньеры. Но уже встречаются среди многочисленных членов богатого и влиятельного рода Веллутти и такие, которые не хотят множить собранного предками богатства, не интересуются честным коммерческим именем фирмы, а мечтают только о том, чтобы, уподобившись градам, с которыми их отцы вели смертельную борьбу, проводить жизнь в развлечениях, играх и турнирах. «Герардино, сын вышесказанного Пьеро, — гласит одна из характеристик, — был и есть малого роста, худой и мускулистый, остроумный, очень вежливый и сверх своих возможностей смелый и решительный, но не слишком разговорчивый; прекрасный наездник и очень услужливый человек, он способен ко всему, кроме письма и торговли, ибо к этому он не был приучен своим отцом...»⁷⁶ Или другой портрет: «Мико был разумный, храбрый человек и в свое время был много раз приором и всегда общался с рыцарями из дома Фрескобальди и с виднейшими гражданами Флоренции. Был воспитан и добр. Страдал от подагры».⁷⁷

Есть среди Веллутти и такие, которые, начав карьеру добрыми купцами, затем сбиваются с пути истинного, таков, например, Герардуччо. «Герардуччо был среднего роста, большой говорун, не слишком разумный, не умеющий справиться с тяготами, слабовольный человек. При жизни отца он поехал в Авиньон и, поселившись там, вступил в компанию для организации ростовщической конторы (*tavola di cambio*) с Джованни Перини, и дела его шли хорошо. Он выписал туда Чино. Но через некоторое время он изменил свой образ жизни и стал заниматься развлечениями и участвовать в турнирах и другими способами тратить деньги, так что в короткий срок расточил и капитал, и нажитое и вернулся, ничего не имея».⁷⁸

Однако если таких игроков, политиков и кутил немало в многочисленной и пестрой семье Веллутти, то большинство принадлежит не им, а тем

трудолюбивым, умным, предприимчивым и бережливым дельцам, которые непрерывно приумножают славу и богатства. «Названный Филиппо ди Бонакcorso, — гласит одна из характеристик таких дельцов, — был достойным и мудрым человеком, высокого роста. Много раз был приором и имел большое состояние в коммуне и был крупным купцом, всеми был любим, весьма мудр и хитер и всегда хорошо выполнял поручения коммуны...»⁷⁹ Эта трезвая предприимчивая и расчетливая деловитость является, может быть, наиболее яркой и характерной чертой эпохи.

Но мы бы сделали большую ошибку, если бы представляли себе ее носителей сухими и скучными коммерсантами, напоминающими буржуа XIX в. В дельцах XIV в., даже в самых осторожных и расчетливых из них созидателях власти нового класса, еще очень много от борцов, воителей, разрушителей власти некогда гордых феодалов. Те же самые Веллутти, которые с неукротимой алчностью и предприимчивостью сколачивают свое состояние и создают положение своему роду, с неменьшей неукротимостью, кроваво мстят своим врагам, не жалея для этой мести ни жизни, ни состояния. Страницы «Хроники» Донато наполнены восторженными рассказами об удачно выполненных вендеттах, о корчащихся в кровавых муках оскорбителях и о торжествующих победу членах рода. Правда, расчетливый делец проступает и на этих страницах: он подсчитывает расходы, связанные с каждой вендеттой, отсылая к странице бухгалтерской книги, в которой значатся эти расходы. «Каковые 7000 лир, — гласит одна из записей, — были заплачены из средств этой компании, как это детально записано в последней красной книге этой компании, на стр. 95. Кроме же того, стоило это, как значится в этой же книге, лир 323, сольдо 14, дин 9 во флоринах, что записано на стр. 96, каковые также были выплачены из средств названной компании... Так что мы отомстили за родичей и заплатили свою часть...»⁸⁰

Своеобразная связь неистовой энергии, кровавой чисто южной вспыльчивости и мстительности с мелочным расчетом, находящие отражение в сухой спокойной бухгалтерской записи, — одна из любопытнейших, характерных черт людей итальянского XIV в.

Не менее характерными образчиками людей того времени являются отец и сын Питти, ярко описанные в хронике младшего из них — Бонакcorso Питти.

Отец получает здесь такую характеристику: «Нери ди Бонакcorso, наш отец, собрал большие богатства, будучи членом цеха шерстяников. Так, есть записи, подтверждающие, что он в год выпускал более 1100 кусков сукна, большую часть каковых он посылал в Апулию. Он очень рьяно занимался этим ремеслом, причем по его инициативе и под его руководством в наши мастерские поступала французская шерсть, а выходили готовые сукна. Последнее здание, которое он выстроил, был растяжной цех (il tira-toio), который стоил около 3500 флоринов. Он не интересовался должностями в коммуне и отказывался от тех, от которых можно отказываться. Так, я помню, что он отказался перед соответствующими советами принять должность гонфалоньера компании. Он был приором дважды. Был он красивым мужчиной, ростом в 3 локтя, не толстым, но ширококостным

и мускулистым, рыжеволосым, здоровым и сильным. Прожил 68 лет...»⁸¹

Сын этого расчетливого шерстяника — Бонакcorso ди Нери — автор хроники, совсем не похож на отца. Он тоже любит деньги, стремится к наживе, он также предприимчив и решителен, но, живя большую часть времени за границей, не довольствуется скучным однообразным производством отца: он авантюрист и игрок, игрок прежде всего. Громадные суммы проходят через его руки — он то выигрывает тысячи флоринов, навлекая на себя ненависть обыгранных противников, то проигрывает все до последнего сольдо. Чего стоит, например, такой выбранный наугад из пестрой хроники Питти рассказ:

«На следующий день, когда названный герцог Орлеанский поужинал, мы пошли в дом одного оруженосца короля, по имени Сиферваль, где уже отужинали многие сеньоры. Мы застали их за игрой. Герцог сел играть и приказал мне положить на стол 400 франков, которые я взял с собой для него и для себя. Случилось так, что когда очередь бросать кости дошла до меня, я оказался противником виконта ди Монлери, великого игрока, знатного сеньора, имеющего годовой доход свыше 30 тыс. франков. Судьба хотела, чтобы для возбуждения скандала я выиграл с руки около 12 раз и все у него же. А так как он был разогрет вином и возбужден игрой, он начал говорить: „Ах, подлый изменник-ломбардец, что ты делаешь? Ты будешь выигрывать целую ночь, что ли? Негодяй, содомит!“ Я ответил ему словами: „Мессере! выражайтесь вежливее, хотя бы из уважения к сеньору герцогу“. И поставил еще одну ставку, и выиграл. После чего он опять начал произносить свои ругательства и закончил словами: „Я не лгу нисколько!“ На что я тотчас ответил: „Нет, врете, государи!“ Тогда он протянул руку и схватил берет, который был у меня на голове, и захотел ударить меня. Я отодвинулся назад и сказал: „Я не такой человек, чтобы дать себя побить, будучи вооруженным“, и взялся за шпагу, висевшую у меня на боку...» От кровопролития спасает только вмешательство герцога Орлеанского.⁸²

Страсть к игре, неукротимый азарт, доводящий до полного разорения и в то же время как-то совмещаемый со стяжательством, вообще чрезвычайно характерны для итальянца XIV в. Так, Саккетти рассказывает в своей 122-й новелле о Джованни да Негропонте, который «однажды, проигравшись до тла в кости, взял нож, отправился к мастеру, изготовлявшему кости, и убил его», причем затем избавился от кары остроумным ответом.⁸³ В предыдущей, 121-й новелле Саккетти повествует о маэстро Антонио да Феррара, который, приехав в Равенну, «проиграл в один прекрасный день почти все, что имел», за что он богохульно обвиняет бога, совсем не считая себя самого виновным в этом проигрыше.⁸⁴ А наряду с этим Саккетти, с несравненной яркостью и простодушием отражающий современную ему жизнь, рассказывает о многих столь же неистовых в своем стяжательстве современниках, рассказывает без особого порицания, а иногда и прямо с восхищением. Так, например, потрясающее впечатление производит новелла 52-я.

«Немного лет тому назад во Флоренции жил один человек по имени Сандро Торнабелли, который был так жаден до денег, что всегда находился настороже, где бы перехватить малую толику. Будучи уже стариком, он услышал, что один молодой человек хочет посадить его в тюрьму за старое обязательство, по которому уже давно было уплачено отцу, о чем молодой человек не знал, тогда как у этого Сандро хранилась расписка в получении денег; итак, зная это, Сандро не успокоился, пока не угово-

рился с приставом по имени Тотто Феи, которому было поручено это дело. Он сказал ему: „Брат мой, я знаю, что такой-то человек желает, чтобы ты заключил меня в тюрьму по просьбе его, и собирается дать тебе за это двенадцать флоринов или даже больше. Обязательство, за которое он хочет посадить меня в тюрьму, погашено, и у меня хранится дома расписка. А посему говорю тебе следующее: „Ты нуждаешься, а я тоже не самый богатый человек в мире. Я желаю, чтобы ты продолжал это дело и условился с ним получить как можно больше денег за меня, а потом забирай меня в тюрьму, ибо я согласен на это. Но все это под условием, чтобы деньги, которые ты получишь от него, мы поделили с тобою пополам. А когда ты посадишь меня в тюрьму и получишь за это плату, я объясню тебе в свое время, зачем делаю это”.” Выслушав слова Сандро, этот пристав предпочел лучше заключить его в тюрьму с таким обманом, чем без оного; ибо положение пристава было скверное, так как у него была отрублена одна рука. Причиной этого было то, что, дав однажды ложное свидетельство в угоду другу, он был принужден к уплате восьми лир с заменой лишения руки. Тогда тот, в угоду коему он сделал это, прислал ему в тюрьму восемь лир и попросил уплатить этими деньгами, ибо предпочел потерпеть убыток, чем допустить, чтобы другу отрубили руку. Но увидя перед собой на столе эти деньги в виде тяжелых серебряных монет и поглядев на них пристально, а затем положив на стол с другой стороны руку, которой ему предстояло лишиться, этот человек стал говорить про себя: „С чем мне лучше расстаться, с рукою или с деньгами? Если мне отрубят руку, то останется другая, а с одной рукою я прекрасно прокормлю себя, и даже лучше, имея восемь лир, чем при двух руках без восьми лир при моей бедности и нищете”. Потом он вспомнил, что видел немало совсем безруких людей, и это не помешало им жить; в конце концов он оставил себе деньги и дал отрубить руку. Я привел здесь этот рассказ, дабы показать, что за человек этот пристав. После этого он условился с названным Сандро и даже очень охотно, ибо Сандро был весьма видным гражданином и занимал на своем веку все или большую часть общественных должностей во Флоренции, так что немногие пристава решились бы наложить на него руку, завися от него. Итак, уговорившись и условившись с этим приставом обо всем, Сандро был схвачен через несколько дней этим Тотто Феи и отвезен по сей причине во дворец подеста и заключен в тюрьму...»⁸⁵

После обычной судебной процедуры Сандро ждет, пока пристав получит обещанную взятку, а затем предъявляет расписку, стыдит молодого человека за несправедливое требование и добивается от него получения еще дополнительных денег, зарабатывая на этом деле изрядную сумму.

«Это была тонкая и дурная проделка,— заключает свою новеллу морализующий Саккетти,— что Сандро прибег к подобной хитрости и подвергся такому позору ради небольшой суммы денег... А посему следует оставлять на все письменные документы. Отец оставил молодому сыну непогашенное обязательство без всякого упоминания о том, что выдал расписку в получении денег, или о том, что они уплачены, а посему это и случилось с ним. Точно так же, если бы у Сандро был сын или сумасшедший родственник, с ним могло бы получиться еще хуже».⁸⁶

В этом простом, литературно незамысловатом рассказе звучит целая симфония корысти. Богатый, влиятельный Сандро, идущий на позор тюремного заключения, чтобы заработать несколько флоринов, пристав, отдающий руку за еще меньшую сумму, молодой человек, не колеблясь дающий крупную взятку для получения долга, в котором он не уверен, и, наконец, сам автор, выводящий из всех происшествий странную мораль, что для того, чтобы не попадаться впросак и не терять зря денег, надо все сделки оформлять надлежащим образом.

При этом подобный рассказ отнюдь не единичен в сборнике Саккетти, рядом с ним можно поставить ряд аналогичных по содержанию и настроению — хотя бы новеллу 148-ю о «проницательном торговце» и богаче Бартоло Сональини, который, прослышав о том, что флорентийская синьория собирается ввести новый значительный налог на прибыль, в течение длительного времени, не боясь позора, разыгрывает разоренного, нищего дельца и добивается того, что его облагают как неимущего; или новеллу 147-ю «про одного богатого флорентийца, более скупого, чем сам царь Мидас», который, перевоза из своего поместья в город 24 яйца, чтобы не платить грошовой пошлины, прячет их в свои широкие штаны, но на заставе с позором разбивает их, становясь всеобщим посмешищем.⁸⁷

Настоящий культ наживы, экономии, подсчета делается господствующим в Италии.

Заработать, разбогатеть любой ценой, честными или коммерческими операциями или обманом, жертвой собственной руки или собственной чести, но только заработать, — вот что становится лозунгом дня, вытесняющим все другие, включая и старые, еще не потерявшие действенной силы, но уже изрядно потускневшие принципы религии и морали.

Литература

148-я новелла Саккетти, рассказывающая о богаче Бартоло Сональини, путем унижения добившемся избавления от налога, заканчивается следующим чрезвычайно выразительными словами: «Я, писатель, полагаю, что указанный Бартоло подвергся бы сильному осуждению, если бы среди выборных находились Брут, Катон или их потомки. Но если подумать, как человек с сильной волей подчинил себе рассудком других людей, я признаю его достойным долгой памяти, как крайне проницательного торговца».⁸⁸ Прославление людей с сильной волей, проницательных торговцев, прокламируемое этими словами, действительно стоит в центре внимания той новой идеологической системы, скромным представителем которой был Франко Саккетти, причем прославление это, вытекающее непосредственно из требований современности, оказывается как-то своеобразно связанным с ориентацией на античность, на тех Брутов и Катонов, о которых говорят приведенные выше слова.

Идеология предыдущего, XIII в. была полна глубокой напряженной внутренней борьбы между старым, выработанным веками, освященным традицией и церковью мировоззрением и новой жизнью, не укладывающейся в рамки этого мировоззрения и властно требовавшей новых идеологических форм для своего выражения и осмысления. В творчестве Данте, Джотто, обоих Пизано, творчестве, относящемся к перелому между двумя веками и насыщенном этой борьбой, уже явствуют очертания новой идеологической системы, победоносной и жизнеутверждающей. Как ни выступают в творениях Алигьери чисто средневековые убеждения автора, как ни бросаются в глаза во фресках Джотто иконно-канонические традиции, не они прославили того и другого, не за них причислило человечество имена Данте и Джотто к числу гениальных создателей, а за ту смелость, жизненность и силу, которыми пронизано их творчество, тесно

связанное с современной бурной, ломающей старые формы жизни действительностью.

В XIV в. исход борьбы, определяющий основные направления культуры века предшествующего, уже окончательно решен. Старое феодальное мировоззрение отходит в прошлое, совершенно неприемлемо как целое, явно несовместимо с тем, что происходит в реальной жизни. Даже преподносимая в грандиозном, идущем на немалые уступки синтезе Фомы Аквината церковно-схоластическая система ценностей и идеалов оказывалась неприемлемой. Система эта провозглашала греховность внешнего мира, единственную значимость этической и религиозной деятельности человека, причем человека, понимаемого не как индивидуальность, а как абстрактный тип праведника или грешника; а жизнь настоятельно и властно требовала пристального внимания к внешнему миру, отказа от стеснительных этических и религиозных норм поведения, выдвигала и подчеркивала неповторимые, яркие индивидуальности.

Победа нового над старым, с такой определенностью закрепляемая в политической, экономической и социальной жизни XIV в., приводит и в сфере идеологической к торжеству новых идеалов, торжеству не бессознательному, стихийному, как в творчестве Данте или Джотто, а вполне осознанному, оформляемому в виде новой системы ценностей и критериев.

Творцом этой системы или, во всяком случае человеком, с чьим именем современники связывали ее классическое оформление, был флорентиец по происхождению Франческо Петрарка.⁸⁹ Сын товарища Данте по изгнанию, Петракко ди Мессер Паренцо, Франческо родился в 1304 г. в Ареццо. В 1312 г. он переехал с родителями в Авиньон, где при папском дворе и вырос. 4 года он учился в университете Монпелье, 4 года — в Болонском университете, готовясь стать юристом. Однако ни настояния отца, ни усилия профессоров-юристов не привили молодому, впечатлительному, самостоятельно мыслящему человеку вкус к сухой, формальной университетской науке. Франческо тайно увлекался чтением античных писателей. Цицерон и Вергилий становятся его обожжаемыми учителями, и когда, вернувшись в 1326 г. в Авиньон, Франческо оказывается предоставленным самому себе (родители его к этому времени умерли), он окончательно отрекается от юриспруденции, символизирующей для него старую, схоластическую науку, принимает духовный сан, дающий ему возможность безбедного существования, и весь отдается изучению своих любимых классиков.

Всегда элегантно одетый, надушенный и изящный, молодой Франческо мало чем по внешности выделялся в пестрой и развращенной толпе, окружающей престол авиньонских пап. 6 апреля 1327 г. в одной из церквей Авиньона 23-летний каноник встречает женщину, любовь к которой должна была сыграть решающую роль в его жизни. Сотни работ написаны на тему

о том, кем была в действительности Лаура, которую на века прославил Франческо. Вопрос этот окончательно не разрешен и сегодня, да вряд ли разрешение его сколько-нибудь необходимо для понимания жизни и творчества ее певца. Важно то, что любовь к Лауре, овладевшая Франческо с первого взгляда и продолжавшаяся до смерти Лауры в 1348 г., а затем и после ее смерти, оказалась связанной с возникновением и развитием поэтического творчества человека, которого скоро прославит вся Италия и чье латинизированное имя Петрарка было продиктовано страстным увлечением античностью.

Любовь к Лауре и усиленные занятия классической литературой не мешают в эти годы юности и начавшейся зрелости другим, более прозаическим занятиям. Петрарка сходится с рядом представителей могущественного и богатого римского рода Колонна, которые дают ему возможность безбедного и беззаботного существования и тем укрепляют быстро растущую славу молодого поэта. В 30-х годах Франческо совершает ряд путешествий, посещает Париж, Фландрию, Западную Германию, затем Италию. В 1337 г. в сопровождении старого доминиканца Джованни Колонна он впервые посещает Рим, о котором столько читал у своих возлюбленных классиков. Глубокий упадок, в котором находится «вечный город», производит на него неизгладимое впечатление, которое через несколько лет скажется во взаимоотношениях поэта с Колой ди Риенцо. Вернувшись в Авиньон, Петрарка поселяется в небольшой вилле, расположенной в живописной и уединенной долине Воклюз, среди скал, зелени и горных ручьев. Уединенная жизнь в окружении природы, которую Петрарка умел видеть и чувствовать, как никто до него, приводит к максимальному расцвету его творчества. Здесь отделяются канцоны и сонеты, воспевавшие любовь к Лауре, отсюда во все концы Европы направляются письма, написанные на почти античной латыни, раскрывающие духовную жизнь поэта, здесь созревает замысел создания большой латинской эпической поэмы о Сципионе Африканском («Африка»), здесь же возникает честолюбивое желание удостоиться высшей поэтической награды — коронации лавровым венком.

Осенью 1340 г. в Воклюз прибывают письма и от Парижского университета и от Римского сената с предложением поэтического венчания. Поставленный перед выбором между центром феодальной культуры — Парижем и древней столицей — Римом, Петрарка второй раз в своей жизни выбирает Рим. До коронации он по собственному желанию посещает славного своей ученостью короля Роберта Неаполитанского, который подвергает его экзамену и объявляет достойным венчания.

8 апреля 1341 г. на Капитолии, при громадном стечении народа, под победные звуки труб произносит Петрарка речь «О поэтическом искусстве и о значении лавра» (напомним, что слово «лавр» звучало аналогично имени возлюбленной поэта —

Лауры, что часто использовалось им в стихах и прозе). Лавровый венок поэту вручил римский сенатор Орсо д'Ангвиллара. С достоинством приняв эту высшую поэтическую награду, чувствуя себя воскресителем славных дней античности, Петрарка затем смиренно снял со своей головы венок и возложил его на алтарь св. Петра.

Венчание Петрарки на Капитолии недаром произвело громадное впечатление далеко за пределами Италии, недаром оно вскружило голову юному сыну римского трактирщика Коле ди Риенцо, затерянному в толпе, но старавшемуся не пропустить ни одного движения этой знаменательной церемонии. Венчание это означало официальное признание победы той новой идеологической системы, одним из создателей которой был поэт-лауреат — певец Лауры и Сципиона, флорентиец Франческо Петрарка.

После коронации поэт, и до того пользовавшийся широкой известностью, получает непререкаемый и непоколебимый авторитет духовного вождя и учителя. Его наперебой зовут к себе итальянские правительства и сеньоры, он выполняет ответственные дипломатические поручения папского двора, всюду его встречают с распростертыми объятиями, осыпают почестями и подарками. Избалованный, нервный, привыкший к постоянной смене впечатлений, поэт пользуется этим, нигде не задерживается надолго, меняя одно место жительства на другое. Оставив в 1353 г. навсегда Авиньон, ставший постылым после смерти Лауры (1348 г.), Петрарка большую часть последних лет своей жизни проводит в Италии: в Милане, Венеции, Падуе. Только родину своих предков — Флоренцию, неоднократно умолявшую его о посещении, он не удостоивает своим вниманием.

В эти годы зрелости, апогея своего авторитета, Петрарка позволяет себе заниматься самыми разными проблемами жизни Италии. В своих латинских и итальянских письмах он проявляет себя как творец новой культуры, обращается и к авиньонским папам, требуя их возвращения в Рим, и к Коле ди Риенцо, ободряя его и давая ему советы; к императору Карлу IV, приглашая его совершить поход в Италию; к венецианскому дожу, настаивая на прекращении борьбы между Венецией и Генуей. И папы, и государи любезно, с благодарностью и почтением принимали эти советы поэта-лауреата. Конечно, поступали они по-своему, да и сам Петрарка вряд ли мог рассчитывать на особую действенность своих элегантно написанных призывов, но сам факт громадной популярности Петрарки, официальное признание его как творца новой идеологической системы этим совершенно не умаляется.

Петрарка скончался 18 июня 1374 г. в своей вилле недалеко от Падуи, оплаканный всей Италией и многими поклонниками его таланта за Альпами, но оставшиеся после него многочисленные и разнообразные произведения продолжали и после его

смерти распространять те идеи и настроения, создателем и проводником которых был их автор.

Наибольшей славой у потомков и наибольшим литературным успехом в течение последующих веков из всех творений Петрарки пользовались его юношеские итальянские стихи, собранные в «Песенник» («Canzoniere»). Этот сборник, от которого в последние годы своей жизни писатель так решительно отмежевался, содержит 317 сонетов, 29 канцон, 9 секстин, 7 баллад, 4 мадригала и 12 триумфов, подавляющее большинство которых посвящено страстной, самозабвенной любви поэта к Лауре и скорби о ее безвременной кончине. Поэт недаром рос и формировался в Южной Франции, стране трубадуров, поэтические традиции которых были еще вполне живы и действенны в XIV в. Уже поэтическая форма большей части стихотворений «Песенника» говорит о влиянии поэзии трубадуров, о том же свидетельствует стиль и система образов, особенно наиболее ранних произведений сборника. Но не меньшим было и влияние школы, расцветшей на родине поэта во Флоренции, школы «сладкого стиля». Изящный клирик-придворный не мог не увлечься отвлеченной изысканностью лирики кружка итальянских снобов, и в его стихах мы найдем немало следов этого увлечения.

Однако ни влияние поэзии трубадуров, ни увлечения «сладким стилем» не определяют основных черт поэтического творчества Петрарки, не раскрывают тайны его обаяния, не исчезнувшего и по прошествии шести веков. Основное в «Канцоньере» — это необычайно яркое и пластичное выражение личного, индивидуального чувства, индивидуальной страсти именно данного лица, именно к данной женщине, т. е. то, что начисто отсутствовало и в поэзии трубадуров, и в поэзии «сладкого стиля». Поэт-трубадур мог глубоко и искренне передавать силу своего чувства, «сладкий» поэт мог высказывать тончайшие соображения по поводу природы этого чувства, но и тот и другой обязательно говорили о чувстве вообще, одним из частных случаев которого является личное чувство автора. Не таков Петрарка — его чувство — реальный случай, не проявление общей, философски понимаемой силы божественной любви, а личная страсть, ломающая все и всяческие законы, заставляющая восторгаться и отчаиваться, таять в блаженстве и горько каяться, благословлять и проклинать. В порывах страсти Петрарка нередко достигает высоты абстракции, превосходящей построения «сладкого стиля», прибегает к сложным метафорам и аллегориям, но все это продиктовано не связью с некоей безличной схемой, вытекающей из типичной для феодализма системы безличного мышления, а горячим и личным чувством, сжигающим поэта и требующим от него нахождения самых различных средств своего выражения. И поэтому абстракции сонетов и канцон Петрарки по своей внутренней природе ближе к грубым и ярким стихам Чекко Анджольери и Фольгоре ди Сан Джиминьяно, чем к изысканным

писаниям Гвидо Кавальканти или Чино да Пистойя, хотя внешне они гораздо более напоминают последние.

Своеобразие поэтического метода Петрарки с особенной яркостью сказывается в роли, которую в лучших из его стихов играет окружающий поэта мир, в частности природа. Трубадуры знали и воспевали природу, но опять-таки природу стандартно прикрашенную, типовую. Поэты «сладкого стиля» с позиций своей эманационной теории вообще не удостаивали природу внимания; для Петрарки, который и свою реальную жизнь стремился провести в окружении красивой природы, деревья и скалы, ручьи и цветы, живые, увиденные, реально ощущаемые поэтом, — спутники его чувств и переживаний, неразрывно с этими чувствами и переживаниями связанные. Земное, реальное чувство, чувство индивидуального человека, протекающее в земной, реальной обстановке, таково содержание любовных стихов Петрарки. И потому и в наши дни не могут не потрясать такие стихи:

Благословен день, месяц, лето, час
И миг, когда мой взор те очи встретил!
Благословен тот край, и дол тот светел,
Где пленником я стал прекрасных глаз!

Благословенна боль, что в первый раз
Я ощутил, когда и не заметил,
Так глубоко пронзен стрелой, что метил
Мне в сердце бог, тайком разящий нас!

Благословенны жалобы и стоны,
Какими оглашал я сон дубрав,
Будя отзвучья именем Мадонны!

Благословенны вы, что столько слав
Стяжали ей, певучие канцоны.
Дум золотых о ней, единой, сплав!⁹⁰

И кажется, что жизнь, окружавшая поэта, обступает и нас, когда читаешь сонет на смерть Лауры:

Ни ясных звезд блуждающие станы,
Ни полные на взморье паруса,
Ни с пестрым зверем темные леса,
Ни всадника в доспехах средь поляны,

Ни гости, с вестью про чужие страны,
Ни рифм любовных сладкая краса,
Ни милых жен поющих голоса
Во мгле садов, где шепчутся фонтаны,

Ничто не тронет сердца моего.
Все погребло с собой мое светило,
Что сердцу было зеркалом всего.

Жизнь однозвучна — зрелище уныло.
Лишь в смерти вновь увижу то, чего
Мне лучше б никогда не видеть было.⁹¹

Основным содержанием «Песенника» Петрарки является любовь поэта к Лауре, но здесь же мы встречаем и небольшое число поэтических произведений другого содержания. Среди них особенно замечательна канцона, обращенная «к знатым людям Италии с призывом освободить ее раз и навсегда из ее рабства», начинающаяся знаменитыми словами:

Италия моя! Хотя не исцелит
Мой стих тех ран кровавых,
Что губят тело чудное твое,
Но сердце так болит мое,
Что с берегов По величавых,
Мой вопль до Тибра прозвучит...⁹²

Канцона эта проникнута таким глубоким и искренним патриотическим чувством, таким настоящим пониманием нужд Италии как целой страны, а не отдельных ее частей, которым нелегко найти параллели и в XIV, и в последующих веках. Продолжая мотивы, звучащие в творчестве Данте, перекликаясь с деятельностью Колы ди Риенцо, канцона эта оказывается пророческой, но не находит ни надлежащего отклика, ни надлежащего понимания у современников.

Да и обо всем «Песеннике» в целом можно в известном смысле утверждать то же самое. Он имел несомненный успех, пользовался значительной популярностью, но настоящую оценку получил только через века у «петраркистов» XVI столетия.

Зато гораздо больший успех и гораздо более полное понимание снискали у современников латинские стихи Петрарки, стихи, сейчас кажущиеся мертвыми и искусственными. На первом месте здесь стоит эпическая поэма в латинских гекзаметрах — «Африка». 9 книг этой поэмы, посвященной формально жизни и делам Сципиона Африканского, рассказывают главным образом об истории Древнего Рима, причем рассказывают с восхищением и любовью к каждой мелочи и детали. Покорно следуя за своими обожаемыми образцами: Вергилием, Цицероном, Титом Ливием, стремясь возможно более точно передать и содержание их произведений, и изящество их стиля, и самый дух, которым проникнуты эти произведения, Петрарка выдвигает римскую историю и римскую культуру как неоспоримый, высокий образец, как идеал, к которому следует стремиться современникам, но которого, увы, им не суждено достичь.

Горячее личное чувство, страстный патриотизм, глубокая самостоятельность, исключительная восприимчивость и чуткость, отличающие Петрарку как человека и писателя, заставляли его, изгнанника, выросшего вдали от Италии, но никогда не терявшего с ней органической связи, глубоко и лично чувствовать и переживать несовместимость старой идеологической системы, системы феодализма, с новой жизнью, рождающейся и торжествующей громкие победы на улицах и площадях городов Ита-

лии. И взамен этой явно устарелой, мертвой, неудовлетворяющей идеологической системы, которую так упорно и безнадежно старался воскресить гений Данте, Петрарка выдвигает другую систему, основанную на преклонении перед античностью, на стремлении подражать этой античности.

Античная культура искони была более жива и более действительна в Италии, чем в любой другой стране европейского средневековья. Но это влияние античности носило до поры до времени своеобразный характер. Античность, памятники которой были хорошо известны даже крестьянину, нередко выворачивавшему своим плугом то божественный торс мраморной богини любви, то выразительную голову императора, воспринималась как привычное прошлое своей страны, была в народном представлении окутана таким толстым покровом легенд, ошибочных представлений, народных суеверий, что рисовалась в свете чисто средневековым, оказывалась тесно сросшейся со всем арсеналом феодальных представлений. Именно такова и античность Данте, Вергилий которого мало чем напоминает творца Энейды, зато весьма близок образу мага и предсказателя христианства, обычному в итальянском средневековье.

Совсем иначе подходят к античности Петрарка и близкий к нему по духу Кола ди Риенцо. Петрарка широко и сознательно использует то ощущение близости к античности, которое было распространено в народе, но стремится показать эту античность не в том искаженном виде, в котором знали ее до него. Страстно, самозабвенно изучая античных писателей, пытаясь возможно более точно подражать им, Петрарка стремится восстановить облик античного Рима, рисуящегося ему как идеальное государство, как страна доблестных, гордых и культурных людей. Однако, стремясь возможно более точно восстановить облик античности и выставить ее в качестве идеала, способного заменить уже не удовлетворяющий более идеал церковно-схоластический, Петрарка естественно и неизбежно трансформирует любезную его сердцу древность, подчеркивает в ней те черты, которые ему импонируют и которые можно выдвинуть как достойные подражания, затушевывает другие, которые кажутся менее эффектными и менее примерными. Так под его пером возникает своеобразный идеализированный образ античности, образ, который скорее всего можно назвать мечтой об античности и который проживет в течение двух веков, причем преклонение перед ним вызовет к жизни направление, известное под названием «гуманизм».⁹³

Не подлежит никакому сомнению, что в создании этого направления именно Петрарке принадлежит решающая роль. Он создал или, вернее, отлил в окончательные, классические формы то преклонение перед античностью, которое составляет основную характеристику гуманизма, он, страстный собиратель и изучатель подлинных, не искаженных средневековой традицией ан-

тичных текстов, указал пути их изучения, он ярко и четко отразил в своих сочинениях и в своем личном облике основные черты того идеала, который вытекал из преклонения перед античностью, идеала, подразумевавшего глубокий интерес к человеческой индивидуальности со всеми ее личными, неповторимыми чертами, к природе, окружающей человека, к искусству как деятельности, этого человека облагораживающей и характеризующей. Наконец, он же первый ощутил и выразил в четкой и определенной форме различие своей эпохи и классического средневековья, осознал ее как Возрождение, как особый исторический период, восстанавливающий былую славу античности.⁹⁴

Весь этот комплекс идей изложен Петраркой в его прозаических произведениях, написанных в своем подавляющем большинстве на латинском языке, на котором стремится точно воспроизвести благородную и возвышенную речь своего обожаемого Цицерона, что, впрочем, далеко не всегда ему удается.

Таких произведений множество. Крупнейшими из них являются: изложенная в биографической форме история Древнего Рима под названием «О знаменитых мужах» («De viris illustribus»); сборник рассказов из истории античности и современности «Четыре книги о вещах, достойных воспоминания» («Regum memorandarum libri IV»); морализующе-философские трактаты «Об одинокой жизни» («De vita solitaria»), «О средствах против изменчивости судьбы» («De remediis utriusque Fortune»).

По назидательной тенденциозности, по сухости и абстрактности своего изложения, по самой своей литературной конструкции эти произведения очень напоминают схоластические трактаты средневековья, но по своему идейному содержанию они резко отличаются от последних. Религиозно-богословская система ценностей, являющаяся мерилom всего в средневековых трактатах, здесь заменяется системой ценностей философско-этических и частично эстетических. Авторитет Священного писания и творений отцов церкви, на который, как на незыблемый фундамент, опиралась вся средневековая система доказательств, заменяется авторитетом античных героев, воспринимаемым как не менее незыблемый и непререкаемый. В этих произведениях мы находим черты, прямо противоположные чертам, характеризующим творчество Данте. В последнем страстная защита старой, обветшалой средневековой идеологической системы отливалась в яркие, живые, новые формы, у Петрарки не менее страстная защита системы новой принимает передко старые, обветшалые, средневековые формы.

Особое место в творчестве певца Лауры занимают латинские прозаические произведения, которые условно можно назвать автобиографическими. Таковы диалоги «О презрении к миру» («De contemptu mundi»), названные самим автором «Тайной» (Secretum), таково содержащее прямую автобиографию «Письмо к потомкам» («Epistola ad posterum»), и таковы два громад-

ных сборника его писем: «Письма частного характера» («*Epistolae de rebus familiaribus*») в 24 книгах и «Старческие письма» («*Regum Sinilium Liber*») в 17 книгах.

«О презрении к миру» — произведение, написанное, по-видимому, еще до смерти Лауры, в 1342 или 1343 гг., содержит три беседы, происходящие в присутствии богини Истины между автором и блаженным Августином, выступающим в качестве персонифицированной идеологии средневековья. Спор между Августином и Петраркой, изложенный живо и увлекательно, поэт недаром назвал «Тайной», он отражает глубокую борьбу, происходившую в душе автора, и мы как бы присутствуем при тайном и многозначительном рождении новой идеологии, представителем которой вполне сознательно Петрарка выступает.

Блаженный Августин обличает Петрарку в множестве пороков, особенно же корит его за страстную любовь к Лауре, за еще более страстное стремление к славе, за суетливость и самовлюбленность. Петрарка не защищается, а скорее оправдывается, рассказывая о тех душевных переживаниях, которыми вызывается та или иная черта его характера, осуждаемая Августином. При этом поэт постоянно подкрепляет свои высказывания цитатами из античных поэтов и прозаиков или ссылаясь на их авторитет, но в то же время основное значение придает не им, а именно специфическим особенностям своей индивидуальности, своей своеобразной внутренней жизни. Средневековая литература знала психологический анализ духовной жизни. Такие образцы его, как автобиографические рассуждения Гиберта Ножанского (XII в.) или разбор любовных переживаний в «Тристане» Томаса (XI в.), вряд ли найдут параллели в литературе Возрождения, но эти глубокие наблюдения и пластически описанные движения человеческой души начисто лишены индивидуальных черт, это сомнения грешника вообще или страдания влюбленного вообще. Совсем не то найдем мы в переживаниях Петрарки, описываемых в его «Тайне». Переживания эти сугубо, подчеркнуто индивидуальны, специфичны именно для него, неповторимы. Недаром так подробно разбирает он во второй беседе ту своеобразную, можно сказать, творческую тоску — «ацидию», которая заставляет его постоянно быть неудовлетворенным, постоянно искать новых занятий, менять место и образ жизни.

«Ты одержим какой-то убийственной душевной чумою, которую в новое время зовут тоскою (*acidia*), а в древности называли печалью (*aegritudo*)», — обличает его Августин, а Петрарка, охотно соглашаясь с обвинением, добавляет: «Каюсь, что так. К тому же почти во всем, что меня мучает, есть примесь какой-то сладости, хотя и обманчивой; но в этой скорби все так сурово и горестно и страшно, и путь к отчаянному открыт сжесточенно, и каждая мелочь толкает к гибели несчастную душу. Притом все прочие мои страсти оказываются хотя частными, но краткими и скоропреходящими вспышками; эта же чума по временам схватывает меня так упорно, что без отдыха истязает меня целые дни и ночи; тогда для меня

нет света, нет жизни; то время подобно крошечной ночи и жесточайшей смерти. И, что можно назвать верхом злополучия, — я так упиваюсь своей душевной борьбой и мукой, с каким-то стесненным сладострастием, что лишь неохотно отрываюсь от них».⁹⁵

Рассказывая о своих переживаниях, о муках, в которых в его душе рождается новая идеологическая система, Петрарка не оправдывает их, но читателю ясно, что он не может жить и чувствовать иначе, что такова его индивидуальная природа. Недаром в конце третьей беседы он отвечает на все упреки Августина не признанием своих, с точки зрения последнего, ошибок, а весьма неопределенным обещанием стремиться к лучшей жизни.

Но не только реплики Петрарки характерны в этом диалоге, не менее интересны и обличительные тирады Августина. Изображая в его лице воплощение средневековой идеологии, Петрарка не мог допустить на страницы своего сочинения варварскую аргументацию схоластов, и поэтому Августин (недаром выбран именно он, еще тесно связанный с античностью) не менее часто, чем сам поэт, цитирует античных прозаиков и поэтов, совершенно не ссылаясь на Священное писание и отцов церкви, о вопросах религии почти не упоминает и вообще корит Петрарку скорее с позиций стоической морали Цицерона или Сенеки, чем церковных моралистов. Да и сами эти укоры настолько мелки, проникнуты таким сочувствием к переживаниям поэта, что все произведение в целом, построенное как обличение той идеологической системы, творцом которой был Петрарка, преращается в ее апологию.

Такой же апологией новой системы, персонифицируемой в личности ее творца, является и незаконченное (возможно, намеренно) «Письмо к потомкам». Здесь Петрарка рассказывает в приподнято торжественном тоне основные черты своей биографии — как внешней, так и внутренней. Начинает Петрарка рассказ с описания своей наружности, что совершенно необычно для автобиографии средневековья.

«Тело мое, — пишет он, — было в юности не очень сильно, но чрезвычайно ловко, наружность не выделялась красотой, но могла нравиться в цветущие годы; цвет лица был свеж, между белым и смуглым, глаза живые и зрение в течение долгого времени необыкновенно острое, но после моего шестидесятого года оно, против ожидания, настолько ослабело, что я был вынужден, хотя и с отвращением, прибегнуть к помощи очков...»⁹⁶ Уже эти строки вводят читателя в мир сугубо индивидуальный, в котором каждая личная черта представляет интерес именно как личная. Дальнейшее изложение таково же. Фигура Петрарки вырисовывается выпукло и ярко, причем автор, откинув ложную скромность своей юношеской «тайны», открыто восхваляет себя как писателя и творца новой идеологии. Здесь мы найдем и описание увлечения автора античностью, как образцом лучшего мира, по которому должна равняться бесконечно худшая современность, и преклонение перед природой, играющей громадную, невиданную ранее роль в жизни и творчестве поэта. Так, в начале «Письма» говорится: «С наибольшим рвением предавался я, среди многого другого, изучению древности, ибо время, в которое я жил, было мне всегда так не по душе, что если бы не препятствовала тому моя привязанность к любимым мною,

я всегда желал бы быть рожденным в любой другой век, и чтобы забыть этот, постоянно старался жить душою в иных веках».⁹⁷

Так, в ряде мест «Письма» находим мы такие замечания: «...будучи не в силах переносить долее искони присущее моей душе отвращение и ненависть ко всему, особенно же к этому гнуснейшему городу (Авиньону), я стал искать какого-нибудь убежища, как бы пристани, и нашел крошечную, но уединенную и уютную долину, которая зовется Запертою (Vauxcluze), в пятнадцать тысяч шагов от Авиньона, где рождается царица всех ключей — Сорга. Очарованный прелестью этого места, я переселился туда с моими милыми книгами... Здесь самый характер местности внушил мне мысль сочинить Буколическую песнь, лесную поэму, равно как и две книги „Уединенной жизни...“».⁹⁸

Не меньшее значение, чем названные два произведения, для анализа переворота, происходящего в душевной жизни Петрарки и в идеологии его времени, имеют и сборники его писем. Письма эти отнюдь не являются таковыми в современном нам смысле этого слова, это скорее написанные на торжественной, копирующей античную, латыни трактаты и рассуждения по различным идеологическим вопросам. Правда, они в подавляющем своем большинстве адресованы определенным лицам и, возможно, имеют в своей основе реальные письма, но затем облечены в антикизирующую литературную форму и явно предназначены для обширного круга читателей. Действительно, эти короткие сочинения, подражающие письмам Цицерона или Сенеки; пользовались уже при жизни Петрарки большой популярностью, переписывались, передавались из рук в руки, усиленно читались и комментировались.

Свободная форма писем давала автору возможность трактовать отдельные частные вопросы, трактовать их свободно, подчеркнуть по-своему. Особенно ярко отражается здесь страстное увлечение Петрарки античностью. Ряд писем, относящихся к разным периодам жизни писателя, говорит о его стремлении ознакомиться с возможно большим количеством древних авторов, о его поисках неизвестных рукописей, содержащих неизвестные ранее списки этих произведений. Во время своих многочисленных странствований он постоянно ищет такие рукописи и почти в каждом городе или монастыре находит что-нибудь ценное: в Генуе — это рукопись Горация со схолиями, в Ареццо — рукопись Квинтиллиана, в Льеже — два письма Цицерона и т. д., и т. п. Своим многочисленным корреспондентам и читателям он постоянно поручает искать в том или ином хранилище ту или иную рукопись, приобрести ее для него или же на худой конец — переписать. Из Италии, Франции, из Империи и Англии получает поэт любимые им рукописи, составляющие его святое святых, его классическую библиотеку, с которой он мечтает никогда не расставаться, которую перевозит во все свои, чаще всего кратковременные, резиденции.

Не ограничиваясь изучением латинских авторов, Петрарка пытается ознакомиться и с авторами греческими, которых латиняне столь высоко ставят. Он берет уроки греческого языка

у калабрийского монаха Варлаама и затем у другого калабрийца — Леонтия Пилата, пытается читать Платона, благоговейно хранит в своей библиотеке рукопись Гомера, присланную ему одним из поклонников. Больших успехов в этих своих стремлениях Петрарке добиться не удастся, но само их наличие является весьма важным и симптоматичным.

Письма рисуют нам весьма ярко ту обстановку культа античности, культа несколько книжного, не лишённого абстрактности и аристократизма, в котором протекала жизнь и творческая деятельность певца Лауры. Античность даёт ему критерии для оценки литературных произведений, этической стороны деятельности того или иного из современников или героев истории, современных политических событий. Недаром с таким восторгом приветствует Петрарка в нескольких письмах Колу ди Риенцо, также положившего античность в основу своих государственных планов и мероприятий.

Но эта книжная, антикварная атмосфера, окружающая Петрарку, отнюдь не противоречит исключительно острому ощущению и пониманию им живого, индивидуального человека и природы, в которой этот человек живет. Наоборот, именно античность, являющаяся для писателя непререкаемым авторитетом, даёт ему силы порвать с мощной, освящённой веками средневековой идеологической традицией, выдвинуть неизвестный и прямо-таки враждебный ей идеал человеческой личности, представляющей интерес самой по себе, а не в своей соотнесённости к тем или иным религиозным или духовным ценностям, человеческой славы, природы, своей прелестью приобщающей человека к тому реальному миру, от которого идеология средневековья усиленно старалась его увести.

В одном из писем он так описывает свое времяпрепровождение в Воклюзе: «Вот моя обычная жизнь: я встаю среди ночи и с рассветом выхожу из дому, но как в доме, так и в полях я занимаюсь, размышляю, читаю и пишу. Как можно дольше я избегаю сна, изнеженности тела, предпочитаю радости духа... Весь день я прогуливаюсь по обнаженным горам, по зеленым долинам, по губчатым пещерам и нередко обхожу оба берега Сорги, не отвлекаемый и не видимый ни одним человеком, только в обществе моих мыслей, которые изо дня в день делаются менее жгучими и менее мучительными... Здесь теперь мой Рим, мои Афины, моя родина. Здесь я среди друзей — тех, что есть, и тех, что были, притом не только таких, которых я лично знал и встречал в жизни, но и таких, которые явились в мир и покинули его за много веков до моего рождения и стали известными мне и заслужили мое восхищение своей доблестью, разумом, великими подвигами. Все эти друзья, вызванные из разных мест, собираются в эту маленькую долину, и мне больше радости доставляет беседа с ними, чем со многими, которые считают себя живыми только потому, что видно дыхание, выходящее из их рта, когда стоят холода. Спокойный и свободный, я брожу по этим местам, оставаясь и в этом обществе одиноким...»⁹⁹

То сочетание природы и античности, которое Петрарка проповедует в приведенном письме, действительно создано им и окажет громадное влияние на формирование идеологии последующих веков.

В переписке Петрарки мы находим то его письмо, которое не без основания считается настоящим манифестом этой новой идеологии. Письмо это, относящееся к 26 апреля 1335 г., адресовано брату Дионисию да Борго Сан Сеполькро и описывает восхождение поэта на Мон Венту — наиболее высокую вершину в окрестностях Авиньона. Восхождение это Петрарка совершает без какой бы то ни было практической надобности, из желания посетить столь высокое место (недаром Петрарка считается родоначальником альпинизма) и из подражания Филиппу Македонскому, который, как поэт прочитал у Ливия, совершил восхождение на горы Гем в Фессалии. Петрарка отправляется в путь только в сопровождении своего младшего брата, ибо никто другой не кажется ему достойным такого странствия.

Письмо подробно описывает этапы пути, рассказывает об остановках, трудностях, мыслях и ощущениях, которые у автора рождает лицезрение величия окружающей его природы, описывает саму эту природу.

Утомленные восхождением путники достигают своей цели. «Наиболее высокая вершина, — говорится в письме, — местными жителями называется „сыном“, не могу сказать тебе почему, разве что, как иногда бывает, здесь применяют антифразу, ибо в действительности она кажется отцом всех окружающих гор. На этой вершине перед нами открылась небольшая площадка, на которой мы и расположились для отдыха. О, ты, слышавший, какие мысли обуревали меня во время восхождения, услышь и остальное и не жалея, о мой отец, о том, что ты посвятишь час тому, что у меня заняло целый день. Потрясенный грандиозностью открывшегося передо мной зрелища и замороженный какой-то необычайной легкостью воздуха, я остановился на вершине. Я осмотрелся и увидел тучи у себя под ногами. И менее невероятной показалась мне тогда слава Ата [Афон] и Олимпа, когда я собственными глазами с горы, менее славной, увидел то, что слышал об этих горах. Я обратил взоры туда, куда влечет меня мое сердце, в сторону Италии, и хотя весьма далекие, покрытые снегом, величественные Альпы показались мне совсем близкими... возмечтал я, сознаюсь, о небе Италии, которое еще более близко моему воображению, чем моим глазам... За этими последовали новые мысли, и от размышлений о местах я перешел к размышлениям о временах. Сегодня, говорил я сам себе, исполняется десятый год, как я, оставив юношеское учение, покинул Болонью...» Затем поэт осматривается кругом, созерцая громадный горизонт, открывающийся перед ним, и, наконец, взволнованный и потрясенный, решает заглянуть в «Исповедь» блаженного Августина, маленькую книжку, которую он всегда носит с собой (вспомним «Тайну»). «И я открыл ее, — продолжает Петрарка, — чтобы прочесть то, что попадется на глаза... Случай захотел, чтобы открылась книга десятая. Мой брат внимательно слушал то, что моими устами вещал Августин; и он, бывший при этом, и еще лучше Бог могут служить свидетелями того, что, как только я бросил взгляд на книгу, я прочел:

„Люди хотят удивляться высоте гор, бурным волнам моря, длинным течениям рек, бесконечности океана, вращениям звезд, но не заботятся о самих себе“.

Признаюсь, я был поражен этими словами, и, сказав брату, который просил меня прочесть еще что-нибудь, чтобы он не мешал мне, я закрыл книгу, возмущенный самим собой за то, что не прекращаю дивиться на вещи земные, в то время как у языческих философов я должен был научиться тому, что ничему не следует так дивиться, как человеческой душе, с величием которой ничто не может сравниться...»¹⁰⁰

Так, на вершине горы, видя тучи под своими ногами, Петрарка как бы созерцает бескрайние горизонты создающейся при его непосредственном участии новой системы мышления, основанной на невиданном ранее интересе к человеческой личности и к неразрывно с ней связанной и окружающей ее природе. Было чему захватить дух перед такой перспективой, было чему потрясти чувствительную душу певца Лауры.

Собрания писем Петрарки, так же как и другие разобранные выше его автобиографические произведения, рисуют нам, таким образом, с удивительной яркостью сам механизм становления новой идеологии, борьбу, которой это становление сопровождалось, обстановку, в которой оно происходило. По масштабам и силе таланта Франческо Петрарка решительно уступает Данте Алигьери, но по исторической значимости своего творчества, по громадному влиянию, которое оно оказало на дальнейшее развитие культуры, по оригинальному, почти не имеющему аналогов характеру своей личности он столь же решительно превосходит автора «Божественной комедии». Все то новое, революционное, жизненное, что гениальные произведения Данте передавали помимо воли их творца, под пером Петрарки приобретает четкие очертания идеологической системы, становится вполне осознанным, тем, за что ведется борьба и во имя чего одерживается полная победа.

Свидетельством этой победы является жизнь и творчество младшего современника и восторженного поклонника Петрарки — Джованни Боккаччо.¹⁰¹ Он родился в 1313 г. в Париже. Отец его был богатый и ловкий флорентийский пополан — Боккаччо ди Челлино, мать французенка. Детство Джованни прошло во Флоренции, в доме отца и мачехи (отношения с которой у него были, по-видимому, неважными), а затем в одной из тех школ, которые называет Виллани. Уже рано, чуть ли не 6-летним ребенком, проявляет Джованни влечение к литературе, пишет стихи, прозаические произведения. Но отец, делающий большие дела под эгидой фирмы Барди, добивающийся заметного положения в коммуне, хочет воспитать в сыне достойного себе преемника. Выехав в конце 1327 или начале 1328 г. по делам Барди в Неаполь ко двору короля Роберта, с которым, как известно, Флоренция поддерживала самые тесные политические и экономические связи, отец берет с собой и юного Джованни. 6 лет проводит здесь будущий писатель, напрасно стараясь изучить торговое дело, которое он глубоко презирает и к которому ничего, кроме отвращения, не чувствует. Наконец, убедившись в безнадежности своих попыток, отец разрешает Джованни оставить ученичество, но заставляет потратить еще 6 лет на изучение права в Неаполитанском университете. Во время этих занятий, не менее ненавистных, чем предыдущие, Джованни увлекается литературой, к которой испытывал тягу с детства, в частности литературой античной. Он раздобывает

и с восторгом изучает произведения классиков, преклоняется перед Вергилием, недалеко от могилы которого, у подножья горы Позиллипо, он живет, украшает свои юношеские письма греческими выражениями.

Атмосфера в Неаполе, где протекали 12 лет юношеской выучки Джованни Боккаччо, резко отличалась от обстановки во Флоренции, в которой прошли его детские годы. Пышный двор короля Роберта сохранил и приумножил те специфические французские феодальные черты, которые вообще были весьма свойственны неаполитанским анжуйцам. Двор этот славился своими развлечениями и празднествами, свободной моралью, которую тщетно стремился исправить щедрый на нравоучения король. Но славился также двор короля Роберта и своей культурностью, увлечениями искусством и литературой, причем весьма сильные на юге Италии античные влияния сливались здесь с влияниями французской куртуазности, создавая своеобразную и соблазнительную атмосферу, очень сильно отразившуюся на формировании личности молодого Боккаччо.

В этой атмосфере изысканности и разврата протекает и юношеский роман Боккаччо, играющий громадную роль в его жизни и творчестве. Весной 1336 г. в одной из церквей Неаполя Боккаччо встретил Марию д'Аквино, знатную придворную даму и, как единогласно утверждали, незаконную дочь самого короля Роберта, и страстно влюбился в нее, причем легкомысленная и своевольная дама ответила ему взаимностью. Несколько месяцев продолжался бурный роман, которому положила предел изменчивость Марии, но в течение этих нескольких месяцев Боккаччо, сочинявший раньше стихи и рассказывавший забавные истории как любитель, становится настоящим писателем, сочиняет или задумывает около десяти крупных произведений, без исключения посвященных возлюбленной, прославляемой под именем Фьямметты (Fiammetta — огонек).

Произведения эти частично закончены и оформлены здесь же в Неаполе, некоторые после отъезда Боккаччо оттуда, но не позднее 1340 г.

Уже первое из этих произведений: большой, написанный явно неопытной и неуклюжей итальянской прозой, роман «Филоколо» обнаруживает все весьма характерные и любопытные черты творчества Боккаччо этого периода. В центре романа чрезвычайно популярная в средневековой куртуазной литературе любовь Флора и Бланшефлер, преодолевающая все и всяческие препятствия. Но этот чисто средневековый сюжет трактован совершенно не по-средневековому. Вся обстановка рассказа чисто античная. Христианский Бог всегда называется Юпитером, любовь возжигается Венерой и ее сыном Купидоном, смерть посылается Плутоном и т. д., и т. п. При этом средневековый сюжет, развертывающийся в античной или подражающей античности обстановке, подается в приподнятом, торжественном стиле,

явно заимствованном из произведений Данте, перед которым Боккаччо преклонялся.

Среди всех этих разноречивых влияний почти не находится места личным переживаниям, чувству, для выражения которого роман написан. Однако по мере того как писатель овладевает своим искусством, в следующих, более зрелых произведениях разноречивые элементы «Филоколо» оказываются более органичными и в большей мере отражают и переживания автора, его недюжинное умение видеть и чувствовать природу и вообще окружающую его жизнь.

Так, в двух написанных итальянскими октавами поэмах «Филострато» и «Тезеида» средневековая сюжетная основа отступает на второй план перед античным оформлением ее и особенно перед широкой и самостоятельной трактовкой психологической ее стороны. Стиль рассказа, несмотря на сложную стихотворную форму, становится более простым, хотя первоначальная приподнятость не исчезает.

Еще более зрелым произведением является пасторальная поэма, также написанная в итальянских октавах, — «Фьезоланские нимфы» («Ninfale Fiesolane»). Средневековый сюжет здесь исчезает совершенно, уступая место подражанию схеме овидиевых «Метаморфоз». История несчастной любви пастуха Африко и нимфы Мензолы, превращенных затем богами в одноименные ручьи, сливающие свои струи у холмов родного поэту Фьезоле, рассказана свежо, ярко, жизненно. Античность из объекта преклонения и внешнего подражания становится здесь силой, формирующей переживания поэта, совершенно естественно и пластично вкладывающиеся в ту мифологическую обстановку, которая в ранних произведениях воспринималась как искусственная декорация. Со страниц поэмы веет запахом зеленых холмов и долин окрестностей Флоренции, недаром она была написана уже после возвращения из Неаполя. По-видимому, примерно в это же время или несколько позднее написаны менее значительные произведения Боккаччо — пасторальный роман в прозе и стихах «Нимфы и Амето» («Ninfale d'Ameto») и аллегорическая поэма в терцинах «Любовное видение» («Amorosa Visione»), ряд его стихотворений и, наконец, завершающая юношеский период его творчества прозаическая повесть — «Фьямметта».

Повесть эта рассказывает в приподнятом, взволнованном и несколько преувеличенно торжественном стиле о любви неаполитанки Фьямметты к приезжему юноше Памфило и о душевных переживаниях Фьямметты после того, как Памфило, вызванный отцом, уехал из Неаполя и не вернулся обратно. Несмотря на то, что в основе повести лежат более или менее несомненно личные переживания автора, только перенесенные с мужчины на женщину, несмотря на то также, что многие страницы ее написаны сильно и выразительно, в целом она засушена той книжной приподнятостью тона, которая, пронизывая весь рассказ,

восходит и к «сладкому стилю» и через него — к французской куртуазной литературе. Множество антикизирующих украшений также плохо вяжется с основным содержанием. Эти разнородные элементы юношеского творчества Боккаччо проявляются здесь с новой силой.

Все названные последними произведения написаны Боккаччо частично во Флоренции, частично в разных других городах Италии, которые он как известный писатель посещал по приглашению местных сеньоров (Равенны, Форли). К концу этого же периода, ко времени после «черной смерти» 1348 г., которое он провел вне Флоренции, относится и работа Боккаччо над наиболее крупным, зрелым и знаменитым его произведением — «Декамероном».

«Декамерон» — сборник ста новелл, которые рассказывают друг другу семь дам и трое кавалеров, спасающихся от бедствий флорентийской эпидемии в живописной и комфортабельной загородной вилле. Новеллы эти по своей пестроте, по различию источников, из которых они заимствованы, а нередко и по самому своему содержанию и характеру напоминают коротенькие рассказы сборника «Ста древних новелл», подробно рассмотренного нами выше, или других менее известных сборников, например сборник «Рассказы древних рыцарей» («Conti di Antichi Cavalieri»). Некоторые новеллы «Декамерона», например знаменитая новелла о трех кольцах, прямо воспроизводит рассказ из «Ста новелл», но достаточно сравнить оба произведения в целом, их размеры, композицию, стиль, идеологическую направленность, чтобы понять, какой путь прошла итальянская литература и отражаемая ею идеология за те несколько десятилетий, которые отделяют «Декамерона» от «Новеллино».

При всей пестроте содержания, характера и стиля своих новелл «Декамерон» бесспорно сохраняет характер единого, композиционно цельного произведения. Мрачный и выразительный рассказ об ужасах чумы во Флоренции, даваемый введением, рисует как бы эмоциональный фон, на котором ярче и выпуклее выступают жизнерадостные фигуры девушек и юношей, решивших не только спасти свою жизнь, но и использовать страшные дни чумы с максимальным удовольствием. Эту атмосферу «Пира во время чумы» постоянно подчеркивают вводные и заключительные рассказы о развлечениях компании в течение каждого из десяти дней, в которые происходят беседы, и игривые, любовные стихи, приводимые в заключительных рассказах.

Самое разнообразие содержания и стиля рассказываемых новелл смягчается тем, что они, правда не вполне планомерно, подобраны по дням. В течение одного дня рассказываются новеллы одного характера, в течение следующего — другого. Сами характеры эти глубоко различны — от коротких и ярких, увиденных в жизни или подслушанных у современников рассказов о проделках и плутнях жадных до наживы, сметливых и остро-

умных пополанов, изложенных в первый день, до длинных, жеманных, книжных рассуждений о подвигах благородных рыцарей и дам, совершаемых во имя любви, рассказываемых в десятый день — дистанция весьма велика. И в то же время общий стиль повествования совершенно целостен. Определяется он окончательно сформировавшейся к этому времени у Боккаччо литературной манерой и еще больше тем, что социальные вкусы автора, созревшие при кичащемся своим феодальным аристократизмом неаполитанском дворе, заставляют его выбирать всех героев «Декамерона» из числа зажиточных, культурных, знатных в новом флорентийском смысле людей. Так, он в следующих словах представляет своих дам: «Все они были мудрыми (*savie*), знатными (*di sangue nobile*), обладали красивой наружностью и прекрасными манерами и изящным поведением (*leggiadria onesta*)». ¹⁰² А когда заходит речь о бегстве из Флоренции на виллу, то сообщает, что каждая из них имела таких вилл достаточное количество. Этот своеобразный пополанский аристократизм, еще одобренный неаполитанско придворными вкусами, помогает Боккаччо в создании единого стиля повествования сборника, позволяет ему самые различные по своей структуре и социальному содержанию эпизоды излагать в несколько идеализирующей манере, опуская слишком конкретные, слишком индивидуальные или слишком обыденные детали, сохраняя ту несколько приподнятую и жеманную манеру, которая выработалась у писателя еще в его юношеские, неаполитанские годы. В результате даже рассказы о самых прозаических проделках художников-шутников Бруно и Буфальмакко (в 9-й новелле девятого дня) о богатом и важном враче маэстро Симоне да Вилла, которого его легковерие привело в отхожее место, приобретают естественность, вполне уместную в беседе воспитанных и веселых дам и кавалеров. Именно это соединение конкретного, увиденного в жизни материала и несколько идеализирующей, обобщающей его трактовки определило огромный успех «Декамерона» у современников и еще больший успех у потомков.

Феодално-аристократические вкусы, которых молодой писатель набрался при куртуазном дворе неаполитанских анжуйцев, как нельзя более импонировали богатым и влиятельным пополанам, любившим уже в XIV в. рядиться в пышные одежды аристократов, а в последующие века еще более пристрастившихся к этому маскараду. Разбогатевшему купцу или банкиру нравилось, что в «Декамероне» о близких ему, знакомых с детства вещах, о жизни и буднях его родного города говорилось языком изысканным и изящным, причем эти будничные рассказы перемежались, правда, с несколько скучными, но такими «аристократичными» рассказами о настоящих рыцарях и королях, которым они так стремились подражать.

Но кроме единства стиля и единства социальных симпатий,

сборник разнохарактерных новелл объединяет и, может быть, еще более важное и исторически симптоматическое единство его идеологической установки. В предисловии Боккаччо говорит о том, что дамы, которым он посвящает свой труд, смогут извлечь из него «равным образом и развлечение... и полезные поучения, в результате которых смогут узнать, чего нужно избегать и чему следовать».¹⁰³ Общий характер и общий смысл этих поучений сам Боккаччо нигде не излагает. Внешне он затемнен тем, что некоторые новеллы, особенно «аристократические» новеллы последнего дня, идут вразрез с ним, проповедуя моральные идеалы уходящего в прошлое средневековья. Но, несмотря на все это, идеологическое содержание подавляющего большинства новелл, оставляемое ими общее впечатление позволяют с полной несомненностью установить, чему стремится научить своих дам автор «Декамерона».

Он проповедует откровенное, жадное наслаждение реальной жизнью, со всеми ее вполне конкретными радостями, теми, которые когда-то воспевали враги «сладкого стиля», поэты-реалисты Фольгоре ди Сан Джиминьяно или Чекко Анджольери. Он восхваляет сильного, смелого, хитрого, находчивого и остроумного человека, умеющего справиться с любыми препятствиями, справиться пусть не всегда и не вполне честными и дозволенными методами. Он высмеивает суеверия, проделки монахов, ревность старых мужей, легкое верие и недостаточную гибкость. Причем делает он это в манере, заимствующей свою изысканность и аристократизм от той самой школы «сладкого стиля», которой были бы так чужды его героини и герои.

Можно себе представить, как должны были восхищаться рассказами «Декамерона» хотя бы описанные нами выше члены богатого пополанского дома Веллутти, видевшие в них оправдание всех своих дел и проделок, причем оправдание столь изящное и благородное.

Эта идеологическая направленность «Декамерона» с исчерпывающей яркостью проявляется в знаменитой, приводимой большинством исследователей 8-й новелле пятого дня, — о Настаджо дельи Онести. Новелла эта, как показал уже Веселовский,¹⁰⁴ построена на чисто средневековом сюжете о страданиях двух греховных любовников в чистилище, где благородный рыцарь должен вечно преследовать на боевом коне свою обнаженную возлюбленную и подвергать ее кровавой казни. Как Данте своих Паоло и Франческу, так и итальянский рассказчик — моралист XIII в., передающий эту историю, — решительно осуждают несчастных любовников, несущих справедливую кару за свою преступную страсть.

Совсем иной смысл получает тот же сюжет в знаменитой новелле «Декамерона». В ней богатый равенец Настаджо дельи Онести страстно любит знатную девушку из рода Траверсари, которая упорно не хочет ответить ему взаимностью. В горе юноша отправляется в одну из своих при-

городных вилл и здесь, бродя по лесу, встречает обнаженную девушку, спасающуюся от преследующего ее всадника. Остановленный Настаджо всадник рассказывает ему, что он осужден после смерти мучить свою, также умершую возлюбленную за то, что она не ответила взаимностью на его горячую любовь, в результате чего он лишил себя жизни. Настаджо потрясен, но затем решает использовать увиденное в своих личных целях, приглашает в это место свою жестокую возлюбленную и добивается своего.

Таким образом мораль средневекового сюжета оказывается у Боккаччо вывернутой наизнанку. Дама терпит жестокое наказание не за то, что она предалась греховной страсти, как Франческа Данте, а за то, наоборот, что она не поддавалась ей. Вместо осуждения любви с точки зрения религиозной морали мы находим здесь открытое восхваление ее с точки зрения земных радостей человека.

Ту же тенденцию, и притом с меньшей ясностью, можно обнаружить в 7-й новелле второго дня, рассказывающей об Алатиель, дочери султана Вавилонии, которую отец посылает как невесту к королю Гарбо. По дороге Алатиель переживает ряд приключений и, вольно или невольно, но чаще вольно, сходится со множеством мужчин. В конце концов она все-таки попадает к своему знатному жениху, который радостно принимает ее как девственницу, празднует свадьбу и счастливо живет с ней много лет. Мораль данной новеллы кратка и выразительна: «И поэтому говорят, — говорит она, — от поцелуев уста не стираются, но, как луна, обновляются».¹⁰⁵

«Декамерон» с его несколько идеализированными, но яркими и выпуклыми описаниями реальной жизни, с его занимательностью и с откровенной и убедительной проповедью земных радостей был, вне всякого сомнения, крупнейшим, единственным действительно замечательным произведением Боккаччо, успех и слава его были велики как у современников, так и у близких и далеких потомков. Но личной славы и всеобщего признания автор добился не за эту книгу.

Еще до написания «Декамерона» Боккаччо читал произведения Петрарки, в первую очередь произведения ученые, и восхищался ими. Почти одновременно со сборником новелл он пишет короткую латинскую биографию певца Лауры и Сципиона. В 1350 г. происходит первая встреча двух писателей, в результате которой мягкий и увлекающийся Боккаччо окончательно подпал под влияние более оригинального и смелого Петрарки. После этой встречи Боккаччо почти прекращает писать на родном итальянском языке, для развития которого он сделал столь много, полностью переходя на ученую, стремящуюся подражать классической, латынь. К этому времени относится только одно итальянское произведение, да и это произведение является открытым опровержением направленности «Декамерона». Это — «Корбаччо», или в переводе «Гнусный ворон», литературно весьма яркая и талантливая, написанная в форме видения, сатира на тех самых женщин, которые так прославлены в новеллах. Резкими, часто грубыми штрихами рисует здесь нежный возлюбленный Фьямметты хитрости женщин, их кокетство, лживость и сотни других недостатков.

Остальные произведения Боккаччо, падающие на период после создания «Декамерона», отрицают последний другим путем. Это почти без исключения ученые работы, посвященные вопросам истории или географии, причем в центре их внимания неизменно стоит античность. Таков обширный трактат по античной мифологии «О генеалогии языческих богов» («De genealogiis Deorum Gentilium»), таков трактат по исторической географии античности «Книга о горах, лесах, озерах, реках, болотах и о названиях моря» («De montibus, sylvis, lacubus, fluminibus, stagnis seu paludibus, de nominibus maris liber»), таковы, наконец, и два историко-биографических сочинения, охватывающие материал от времен Адама и Евы до XIV в.: «О судьбах знаменитых мужей» («De casibus virorum illustrium») и «О славных женщинах» («De claris mulieribus»).

Во всех этих сочинениях наблюдательность и литературный талант автора «Декамерона» проступают только изредка. Они сухи, напыщенны, антикварны в худшем смысле этого слова, хотя и продиктованы искренним и восторженным преклонением перед античностью, свойственным Боккаччо уже с юности, но окрепшим и ставшим господствующим под влиянием Петрарки. Подобно учителю, он собирает и изучает латинских классиков, изучает греческий язык при помощи того же Леонтия Пилата, отрекается от своих юношеских, легкомысленных и проstonародных сочинений.

Только одно из своих ранних увлечений сохраняет Боккаччо до самой смерти — преклонение перед Данте. Преклонение это даже растет к старости. Уже с начала 50-х годов Боккаччо становится одним из влиятельнейших граждан Флоренции, выполняет ответственные дипломатические поручения, направляется посланником к итальянским сеньорам, немецким князьям и авиньонским папам. Несмотря на стесненные материальные условия, совершает он также ряд путешествий личного характера. Последние годы своей жизни Боккаччо проводит во Флоренции или в своем имении Чертальдо, продолжая свои античные студии и занимаясь изучением «Божественной комедии», для публичных лекций о которой в одной из церквей города он приглашен коммуной. Плодом этого изучения явились последние итальянские произведения писателя: живая, несколько новеллистическая биография Данте («Trattatello in laude di Dante») и незаконченный ученый комментарий к «Комедии» («Commento a Dante»). Боккаччо умер 21 декабря 1375 г. в Чертальдо.

Творчество третьего (после Данте и Петрарки) великого флорентийца пестро и разнообразно. Он не обладает ни литературным гением и неистовой мощью Алигьери, ни душевной смелостью и оригинальностью Петрарки, но, несмотря на это, творчество певца Фьямметты, особенно с исторической точки зрения, чрезвычайно важно. Итальянская струя этого творчества, находящая свое наиболее яркое выражение в «Декамероне», отра-

жает победу той идеологии, с которой вел ожесточенную борьбу Данте, земной идеологии нового земного человека. Латинская же струя, проявляющаяся в произведениях литературно незначительных, говорит о том, что система ценностей, в творческих муках рождавшаяся в душе Петрарки, приобрела четкие очертания, стала общепонятной и общедоступной.

Действительно, в литературном творчестве современников и ближайших преемников Петрарки и Боккаччо мы с полной определенностью можем различить обе эти струи, чаще всего идущие параллельно и раздельно, иногда же прихотливо сдвигающиеся. При этом важным и характерным является то, что официально господствующее положение, положение идеологии руководящих социальных слоев, занимает именно второе направление — латинское, ученое, нашему теперешнему восприятию чуждое и непонятное, а не направление жизнеутверждающее, яркое и народное, итальянское, остающееся в значительной мере достоянием народных масс. Именно в латинских произведениях Петрарки и Боккаччо, в сотнях страниц их торжественной, антикизирующей латыни, испещренных именами древних богов, героев и писателей, полных цитат из Цицерона, Тита Ливия, Вергилия и Овидия, рождалось то идеологически литературное направление, которое стало как бы знаменем Возрождения, — рождался гуманизм.

Одержав окончательную победу в течение XIV в. в области экономической, социальной и политической, горожане передовых городов Италии приступили к концу этого века к созданию порядка, который позволил бы им возможно более полно и спокойно пользоваться плодами этой победы. Одной из основных предпосылок для этого было создание идеологической системы, соответствующей вкусам, чаяниям и симпатиям крупнейших представителей ведущих центров Италии.

Элементы этой новой системы, кирпичи, из которых ее можно было строить, имелись повсюду — и в титанической рельефности образов Данте, и в выразительной жизненности фресок Джотто, и в стихах «Песенника» Петрарки, и в новеллах «Декамерона» Боккаччо, и, наконец, в вечно бьющем роднике яркого и разнообразного народного творчества. Но элементы эти были слишком разбросанными, стихийно отражающими новые вкусы, и именно в своей стихийности нелегко складывающимися в единую систему. А между тем для борьбы с грозной и стройной, при всей своей обветшалости, идеологией средневековья, явно враждебной новым хозяевам жизни, но все еще импонирующей им, надо было создать именно систему солидную, цельную и внушительную. Такая система и создается в латинских, ученых произведениях Петрарки и Боккаччо.

Само собой понятно, и об этом неоднократно шла речь выше, что как тот, так и другой писатель не творили из ничего; система, принявшая определенные очертания в их творчестве,

начала смутно вырисовываться значительно раньше и вокруг них. В интересах и занятиях сицилианского двора Фридриха II, в ученых писаниях Брунетто Латини и Альбертино Муссато, в антикварно-политической деятельности Колы ди Риенцо мы находим многие мотивы, которые выступают с полной яркостью в латинском творчестве певцов Лауры и Фьямметты, но именно в этом творчестве мотивы эти складываются в определенный, четкий узор, приобретают характер системы взглядов и идей.

В системе этой многое еще напоминает систему средневековую, с которой ведется борьба: полный разрыв со всем завещанным веками идеологическим наследием нелегко. Первое, что обращает на себя внимание, это сохранение принципа авторитета как основного принципа, на котором строится вся система. Представители средневековой идеологии, давшей свой наиболее полный синтез в «Сумме» Фомы Аквинского, доказывали и рассуждали, но строили свои доказательства и рассуждения на ссылок на непререкаемый авторитет Священного писания и отцов церкви. Система, создаваемая Петраркой и Боккаччо, не принимает этих авторитетов, хотя и не осмеливается вступать с ними в борьбу. Не осмеливается она также вообще отказаться от принципа авторитета как фундамента, на котором строится рассуждение. Система мышления с постоянной оглядкой на непререкаемые высказывания слишком вошла в плоть и кровь, чтобы создатели новой идеологии, изменяя содержание системы, отказались и от ее формы, решились довериться только своим рассуждениям, оторваться от надежной опоры на авторитет. Поэтому, не отказываясь от самого приема ссылки на авторитет как на высший аргумент и не ниспровергая старых, богословских авторитетов, Петрарка и Боккаччо заменяют их авторитетами новыми, авторитетами античных деятелей и писателей. Если раньше для подкрепления своего утверждения достаточно было привести цитату из Библии, то теперь ту же функцию несет цитата из Цицерона или Вергилия. Античность становится мерилом всего правильного, образцового, достоверного, недаром уже под пером ближайших учеников Петрарки термин «античный» (*antico*) становится обозначением всех положительных качеств в человеке, поступке, произведении искусства. Таким образом преклонение перед античностью, подражание античности становится основной отличительной чертой гуманизма, внешней оболочкой его, в значительной степени определяющей и его внутреннюю сущность.

Но сохранение принципа авторитета как основы доказательства не является единственной чертой, связывающей создающуюся систему гуманистических идей с системой идей феодальных. Второй такой чертой является сохранение абстрактного характера, столь свойственного схоластическому способу мышления. Как схоласт — богослов строил свое сложное, конструктивно-замысловатое произведение в сознательном и подчеркну-

том отрыве от красочности, осязаемости и суесть окружающей его реальной жизни, стремясь дать синтез этой жизни, очищенной от всего, что делает ее реальной, так Петрарка и Боккаччо в своих латинских ученых трактатах дают идеологическое оправдание новым социальным, экономическим, политическим силам, победно бушующим вокруг них, в формах торжественных и абстрактных, на приподнятом языке Цицерона и Вергилия, не называя ничего своим именем, а прибегая к антикизирующим перифразам. Громкие, но далекие имена античных героев заменяют имена полных горячей крови современников, образы богов Олимпа заступают место реальных человеческих чувств и страстей, даже сам христианский бог, далеко не потерявший своего значения и в новой идеологии, именуется Юпитером или Зевсом.

Сохранение принципа авторитета и абстрактного характера всего мышления роднит гуманистическую идеологию с идеологией феодальной, но за этими чертами сходства и генетического родства лежат черты глубокого, радикального различия, черты, делающие гуманизм идеологией революционной, прогрессивной, идеологией новых социальных сил, приходящих к жизни и одерживающих победу за победой.

Это прежде всего замена системы ценностей, обоснованной трансцендентно богословски, системой ценностей, обоснованной имманентно человечески. Действительно, для средневекового человека каждый поступок, каждый жизненный факт оценивался положительно или отрицательно в зависимости от того, вел ли он к вечному спасению или к вечной гибели, был ли он добродетельным или греховным с точки зрения иерархии ценностей, исходящих от бога и к нему приводящих, т. е. с точки зрения, обусловленной связями с объектами, лежащими вне человека и его земной жизни. Для Петрарки же и Боккаччо и для создающейся в их писаниях идеологической системы гуманизма поступки и жизненные факты оцениваются в их человеческой, земной сущности, без их возведения к высшим идеалам, оцениваются с точки зрения пользы или вреда, приносимых ими реальному человеческому обществу. Критерии оценки с заоблачных высот богословия спускаются на грешную землю, привязываются к нуждам и интересам реального человеческого общества. Естественным следствием этого становится и появление интереса к человеку, не как к абстрактному представителю греховного, но могущего быть спасенным человеческого рода, а как к индивидуальной, не похожей на все другие, личности и к земной природе, отрываемой от небесного прообраза и потому начинающей играть всеми своими яркими красками.

Так в произведениях Петрарки и Боккаччо впервые в четких формах проявляется та система гуманистических идеалов, которая получит полное развитие у трех поколений их учеников и последователей.

Уже при жизни оба они, и особенно Петрарка, пользовались громадным авторитетом, оказывали громадное влияние на идеологическую жизнь Италии. Переписка Петрарки (и отчасти Боккаччо) с большим количеством итальянских корреспондентов служит прекрасным доказательством этому. В числе современников обоих писателей мы находим многих их страстных поклонников и подражателей, переписывавших их произведения, делавших попытки писать подобно им.

Совершенно естественно и понятно, что наиболее восторженный прием новая идеология, созданная двумя флорентийцами, нашла именно во Флоренции — наиболее передовом городе Италии, городе, в котором в классических формах наметилась полная победа тех социальных слоев, чаяния которых особенно совпадали с содержанием новой идеологической системы. Во Флоренции создается первый гуманистический кружок, Флоренция становится первым центром, из которого гуманизм как новая идеология распространится в другие центры Италии.

Наиболее крупным и влиятельным из членов этого кружка является Колуччо ди Пьеро Салутати (1331—1406).¹⁰⁶ Салутати — в противоположность Петрарке и Боккаччо — светское лицо и при этом живущее на заработки, которые ему дает его литературная работа. Начав свою карьеру папским (апостолическим) секретарем, Колуччо с 1375 г. приглашается на должность канцлера (секретаря) Флорентийской республики, каковую занимает до самой смерти в 1406 г. Должность канцлера Флорентийской республики не требовала активного вмешательства в политические судьбы коммуны. Канцлер в первую очередь и главным образом должен был составлять на возможно более чистом латинском языке государственные акты коммуны, вести ее международную переписку и иногда выступать как во Флоренции, так и вне ее с пышными, классически оформленными речами. Понятно, что со времени, когда выставленный Петраркой и получивший широчайшее распространение лозунг подражания античности стал общепринятым во Флоренции, богатым хозяевам которой он особенно импонировал, должность канцлера была замещена человеком, который в своей литературной и ораторской деятельности мог обеспечить наиболее полное осуществление этого лозунга.

Таким человеком и был Колуччо Салутати, первый из тянувшейся до XVI в. и кончающейся на Макьявелли цепи канцлеров-гуманистов. Колуччо недаром еще юношей состоял в переписке с Петраркой, недаром современники называли его «обезьяной Цицерона» (*scimmia di Cicerone*), недаром Филиппо Виллани характеризует его как «великого подражателя античных поэтов» (*grandissimo imitatore degli antichi poeti*). В своей обширной переписке, содержащей как письма личного, так и государственного содержания, он выступает как убежденный продолжатель дела первых гуманистов, как страстный поклонник антич-

ности. В письмах этих он усиленно, хотя и не всегда удачно, стремится подражать Цицерону, а еще больше Петрарке и Боккаччо, перед которыми Салутати преклоняется не меньше, а может быть, и больше, чем перед античными авторами. Писания флорентийского канцлера полны цитат из классической прозы и классических стихов, пестрят именами античных богов и героев. Все это несколько варварское нагромождение, которое современники считают античным, производит в конце XIV в. большое впечатление. Документы, написанные в такой манере, считаются политически действенными, так что один из миланских сеньоров, враждующий с Флоренцией, Джан Галеаццо Висконти якобы сказал как-то, что одно письмо Салутати приносит ему больше вреда, чем тысяча флорентийских всадников. Эти слова, да и сама карьера Салутати с неоспоримостью говорят о том, что уже через несколько десятилетий после выхода в свет основных произведений Петрарки и Боккаччо идеи их получили всеобщее признание, прочно вошли в итальянский, и в первую очередь флорентийский, обиход.

Однако если внешняя сторона сочинений и всего облика Салутати рисует его как убежденного продолжателя дела гуманистов, то содержание его собственных философско-моральных сочинений заставляет дать ему гораздо более осторожную оценку. Таких сочинений множество — самыми крупными из них являются трактаты «О судьбе и случае» («*De fato et fortuna*»), «О мирском и духовном звании» («*De seculo et religione*») и «О тиране» («*De tyranno*»). Второй из названных трактатов особенно ярок и характерен. В нем Салутати, сам человек вполне светский, сравнивая жизнь в миру и жизнь вне мира, в духовном звании, в монастыре, в решительном противоречии с Петраркой отдает предпочтение второй, проповедуя презрение и отвращение к той земной жизни, которую так страстно возвеличивали певцы Лауры и Фьямметты. Правда, и это глубоко феодальное по своей идеологической сущности сочинение рядится в античную тогу, приводит в пример Нуму Помпилия и Тарквиния Гордого, Цинцинната, Помпея, Цезаря, но эти римские имена служат только внешними украшениями, существо же работы остается глубоко феодальным.

Несколько более сложно первое из названных сочинений — трактат «О судьбе». Сам строй работы, общий характер ее построения и аргументации сближает ее со схоластическими трактатами, нередко разбиравшими вопрос о судьбе и свободе воли. Наряду с авторитетом античных писателей, высказывания автора подкрепляются ссылками на Священное писание, схоластов и особенно на сочинения Данте, страстным поклонником которых Салутати являлся. Содержание же трактата стремится примирить богословско-схоластические идеалы с идеалами рождающегося гуманизма, причем с явным креном в сторону первых. Так, автор настаивает на том, что все земное в первую

очередь подчинено судьбе или божественному предопределению, проявляющемуся в причинном ходе событий, в неизбежности связи следствий с вызывающими их причинами. Но в то же время само божественное предопределение, сама судьба представляет воле человека некоторое, правда, относительно небольшое, поле деятельности, в пределах которого эта воля совершенно свободна и в рамках которого действует случай — фортуна. «По моему мнению, — пишет здесь Салутати, — то, что происходит помимо воли действующего, хотя бы оно было незначительным, происходящим вне действующего или внутри его, может и должно называться причинным (causale). Случайным же (fortuitum) следует называть только то, что происходит от добродетели или дурных качеств действующего и вызывается его волей».¹⁰⁷

В этой компромиссной концепции на первое место выступает божественное предопределение, свободной же воле человека отводится место явно незначительное и подчиненное.

Наконец, третий трактат — «О тиране»,¹⁰⁸ посвящен вопросу о праве народа и действующего в его интересах государства на устранение государя, правящего не на пользу, а во вред народу и государству. Не выступая против монархии как таковой и даже считая ее лучшей формой правления, Колуччо, как истый республиканец, решительно утверждает, что народ имеет право и должен устранить и даже убить тирана, т. е. государя, правящего или незаконно, или неразумно. Давая сложную и хитроумно разветвленную, чисто схоластическую классификацию тиранов, трактат этот в то же время является одним из наиболее ярких произведений, в которых выражается раннегуманистическая идея народовластия, впервые четко изложенная в еще чисто средневековом по своей сущности трактате «Защитник мира» Марсилиа Падунского и затем отразившаяся в политической деятельности Колы ди Риенцо и в ряде писаний Петрарки.

Таким образом, все творчество Салутати, пользовавшееся большой популярностью у современников, хотя в этом отношении, конечно, совершенно не сравнимое с произведениями Петрарки и Боккаччо, представляет собой прекрасный пример того, как происходило постепенное освоение новых идей и методов мышления, введенных в оборот создателями гуманизма. Прежде всего и легче всего воспринималась антикизирующая оболочка их писаний, увлечение подражанием древнему миру, стремление действовать и писать, как древние. Гораздо медленнее и труднее усваивалось существо новых идей. Старый богословско-схоластический образ мышления, впитанный с молоком матери, привычный и знакомый, нелегко было сменить на новый, требовавший самостоятельного творческого усилия.

Все это находит подтверждение в жизни и деятельности второго представителя флорентийского кружка гуманистов —

Луиджи Марсильи (? — 1394).¹⁰⁹ Августинский монах, всю свою взрослую жизнь проведший во флорентийском монастыре св. Духа, Марсильи и не порывал и не мог порвать с наследием феодальной идеологии. Он занимался богословско-этическими вопросами, не внося в их трактовку ничего радикально нового. И в то же время скромная келья монастыря св. Духа стала одним из рассадников гуманизма во Флоренции и отсюда во всей Италии. Корреспондент и поклонник Петрарки, Марсильи увлекался чтением классических писателей, постоянно цитировал их и разъяснял посещавшим его келью друзьям и ученикам. «Всегда у него на устах были Цицерон, Вергилий, Сенека и другие древние, и он приводил не только их мнения, но и слова, и притом так, что они казались не заимствованными у другого, но его собственными»,¹¹⁰ — пишет о нем его друг Салутати, причем это увлечение античностью мирно уживается и с монашеством, и с богословско-феодальным образом мыслей.

Кроме Салутати и Марсильи было еще несколько человек как во Флоренции, так и вне ее, сделавшихся убежденными сторонниками и пропагандистами новых идей, хотя и далеко не всегда полностью понимавших и принимавших эти идеи. Число их было невелико, они были глубоко различны по своему характеру и занятиям, но в их среде получала свое первое практическое применение та идеологическая система, которая была выражена в писаниях Петрарки и Боккаччо, система гуманизма, или, буквально — «занятия вопросами, связанными с человеком» (*studia humana*), система, которая должна была прийти на смену дряхлеющей системе богословия, или «занятиям вопросами, связанными с богом» (*studia divina*), господствующей в течение всего средневековья. «До сих пор, — пишет в трактате „О судьбе“ Салутати, — немногие предаются гуманистическим занятиям (*studiis humanitatis*), хотя они рекомендуются всеми, нравятся многим и некоторые ими наслаждаются...»¹¹¹

Борьба за новые, гуманистические идеалы, ведущаяся небольшим кружком первых гуманистов, не могла не вызвать отпора со стороны представителей старой идеологии, и в первую очередь со стороны церковников чистой воды, не без основания видевших в гуманизме серьезную опасность для всего того, чем они жили и что проповедовали. И действительно, даже весьма осторожные и компромиссные сочинения Салутати вызвали, хотя и мягкие по форме, но весьма решительные возражения со стороны доминиканца Джованни Доминичи, который в своем обширном трактате «Светляк в ночи» («*Lucula noctis*»)¹¹² ополчается не только против содержания гуманистических писаний, но и против их формы, в первую очередь против того антикизирующего словесного убора, который уже под пером Салутати становится обязательным для каждого гуманистического произведения. Цитаты из античных писателей, ссылки на античных героев, упоминание античных богов он считает языческими

и греховными даже тогда, когда они, как у Салутати, ставятся на службу вполне христианскому и средневековому кругу идей. Людей, сочувствующих Доминичи, с удовлетворением читавших и цитировавших тяжеловесные тирады из «Светляка», было немало в Италии XIV в., можно даже предполагать, что их было абсолютное большинство, но будущее принадлежало не им, а тем, кто создавал новую идеологию нового, победившего в передовых частях Италии класса. Это с неоспоримостью доказывается хотя бы тем, что в то время, как имена Петрарки и Боккаччо гремели по всей Европе, в то время, как имя Салутати было широко известно во всей Италии, в то время, как произведения их читались, переписывались, изучались, Джованни Доминичи, несмотря на свою блестящую духовную карьеру (он стал архиепископом и кардиналом), оставался совершенно неизвестным, и произведение его было впервые издано в 20-х годах XX в.

Борьба между гуманистами и консерваторами, творческая деятельность гуманистов, отражающая глубокие сдвиги, происходившие в Италии, проходила в основном в верхушке итальянского общества: Петрарка и Боккаччо, Салутати и Марсили, так же как их противник Доминичи, — все без исключения сами принадлежали к этой верхушке и обращались только к ней в своих сочинениях. Изысканная, пересыпанная цитатами и античными воспоминаниями латинская речь гуманистов была подчеркнута предназначена для небольшого числа тех, кто мог за крупные деньги приобрести драгоценную рукопись Цицерона или Тита Ливия или заказать копию с такой рукописи, кто мог в своей богатой вилле следовать рецептам Петрарки, рекомендуя уединение в природе, или читать в обществе своих друзей несколько жеманные рассказы «Декамерона». К народным массам, которые они обозначают древнеримским выражением «невежественная чернь» (*profanum vulgus*), все гуманисты относятся с нескрываемым презрением, а иногда и отвращением.

«Я по мере возможности избегал городов, презирал толпу и общественные дела, уединялся в лесах, скрывался в безмолвии полей»,¹¹³ — пишет Петрарка в «Тайне», повторяя эту мысль в ряде других мест своих разнообразных сочинений, особенно подчеркивая свое презрение к суждениям народной массы в вопросах идеологических. Так, в той же «Тайне» Августин поучает автора словами: «Но могут ли нарушать твоё душевное равновесие суждения толпы, которая никогда не судит верно, никогда не называет вещи правильными именами? Если память не обманывает меня, ты обыкновенно презирал их». На что Петрарка отвечает: «Верь мне, я никогда не презирал их больше, чем теперь. Мнению толпы обо мне я придаю не более важности, чем тому, что думает обо мне стадо животных».¹¹⁴

Это отношение к народной массе, как к стаду животных, не заслуживающему никакого внимания, становится затем обычным для всех (или почти всех) последующих гуманистов. Базирующееся на аристократизме римских стоиков, которые представлялись недостижимыми образцами, подкрепленное примером сознательно отгораживавшегося от народа кружка поэтов «слад-

кого стиля», продолжателями дела которых первые гуманисты себя считали, это презрение к народу составляет одну из характерных черт гуманистов как людей и писателей. Недаром Колуччо Салутати, который по своей должности канцлера Флорентийской республики постоянно общался с народом, пережил восстание чомпи и, оставаясь на своем посту, даже не скупился на комплименты руководителям восстания, после его подавления раздражается в одном из своих писем такой филиппикой в адрес «черни»:

«То были не люди, а самые дикие звери, которые, однажды подпалив город, изгнав столько грандов, разграбив дома столько богатых людей, опьяненные успехом, обремененные добычей, дошедшие до неистовства благодаря безнаказанности своих преступлений...», и дальше поучает: «Но и тогда было и будет всегда, что если разбуждается подобное неистовство, с ним нужно бороться силами всех, принадлежащих к высшим классам, и всеми средствами государства. И никогда, верьте мне, эти люди, бедные, во всем нуждающиеся, вероломные, легко приходящие в возбуждение, жадные до переворота, если они проникнуты надеждою вновь разграбить ваши ценности и ваше великолепное домашнее имущество, памятуя о прежних добычах, не успокоятся, пока их наглость не будет обуздана суровыми мерами...»¹¹⁵

Однако глубокие, революционные сдвиги, происходящие в социальной, экономической и политической сфере, не могли вызвать только, пусть яркое и своеобразное, но ограниченное по своему охвату аристократически-рафинированное движение гуманистов. Естественным было то, что то же стремление найти новые идеологические формы для новой жизни, которое приводило в относительно немногочисленной верхушке общества к созданию гуманизма, в широких народных массах приводило к возникновению произведений, хотя и испытывающих на себе значительное влияние гуманизма, но в существе своем самостоятельные и оригинальные.

В то время как Петрарка и вслед за ним Боккаччо творили свои создающие эпоху произведения, получающие такой громкий отклик в верхах итальянского общества, литературное развитие старых направлений и жанров идет своим чередом, только постепенно испытывая на себе влияние новых идей и методов.

Так, современник обоих первых гуманистов флорентийский изгнанник и поэт Фацио дельи Уберти (? — после 1368) в 60-х годах пишет поэму «Слова мира» («Dittamondo»). Поэма эта, являющаяся явным подражанием творению Данте, поклонником которого Фацио являлся, пытается в сухих терцинах дать географическое описание всего мира, переплетенное с рядом исторических эпизодов. Политическая и любовная лирика Фацио также продолжает традиции Данте.

Зато принципиальным врагом и противником Данте был ученый астролог и поэт Франческо ди Симоне Стабили, более известный как Чекко д'Асколи (1269—1327), заплативший за свою упрямую веру в астрологию смертью на костре, зажженном на одной из площадей Флоренции инквизицией.

В своей поэме, носящей странное название «Горькая» («Aserba»), Чекко тщетно пытается превзойти Данте и дать синтез всех знаний.

Немало других столь же сухих и бесцветных дидактических поэм дает XIV в., немало дает он лирических стихов, продолжающих традиции «сладкого стиля», прозаических сборников рассказов и новелл, сходных со сборником «Новеллино», и прозаических же, морально нравоучительных и религиозных произведений, резко отличающихся от подобных же творений Петрарки и Боккаччо как по своей форме, так и по содержанию.¹¹⁶

Трудно себе представить, что свободные, уверенные и элегантные новеллы «Декамерона» появились всего через несколько лет после неуклюжих рассказиков монаха Гвидо да Пиза «Цветок Италии» («Fiore d'Italia») или морализующего, мозаичного романа Бозоне да Губбио «Приключения Сицилианца» («L'Avventuroso Siciliano»). Даже тогда, когда веяние новых идей наталкивает на новые сюжеты, заставляет пересказывать античные источники или общеизвестные факты из античной истории, рассказ обыкновенно остается наивным и неуклюжим. Так, в «Поучениях древних» («Ammaestramenti degli antichi») доминиканца Бартоломео ди Сан Конкордио или в многочисленных рассказах о Троянской войне, о подвигах Александра Македонского или Энея мы не находим еще и тени литературной уверенности создателей нового стиля. Но если литературная традиция вне творчества крупнейших писателей продолжала быть действенной, то она оказывалась почти бессильной в тех произведениях, которые по самому жанру, по своей идеологической задаче, были вне этой традиции и которые именно благодаря этому неожиданно и ярко отражают то новое, для выражения чего традиционная литература не находит ни единого слова.

Как это ни кажется парадоксальным, но на первом месте здесь нужно назвать ту религиозную литературу, которая по своему назначению должна была бороться за старое, но фактически нередко отражала сильные влияния нового. Так, святая Екатерина Сиенская (1347—1380)¹¹⁷ — монахиня, сторонница самого неудержимого аскетизма и страстного отрицающего мир мистицизма, в своих многочисленных письмах и других сочинениях обнаруживает яркий темперамент, понимание индивидуальных особенностей человека и окружающей его среды, далеко выходящие за пределы принятого в средневековой литературе. Так, особенно в небольшом сборнике новелл из жизни святого Франциска Ассизского «Цветочки святого Франциска» («I fioretti di S. Francesco») возникает необычный для средневековья и пленительный в своем своеобразии образ оправдывающего внешний мир «беднячка из Ассизи» и ряд столь же пленительных картинок, поражающих своей наивной жизненностью. Фигура святого, читающего проповеди птицам, восхваляющего солнце, луну и растения, ведущего беседы с покорно слушаю-

щим его свирепым волком из Губбио, выступает здесь на фоне реальной, хотя и изображенной немногими скупыми чертами, жизни Италии XIII—XIV вв., а не в той бездушной атмосфере, в которой обычно разворачивалось действие средневековых «Житий» святых. Весь рассказ, написанный в середине XIV в. человеком из народа для народа, прост, непритязателен и ярок; в нем уже бьется пульс той новой жизни, которую провозглашал своей деятельностью и своими проповедями святой Франциск.¹¹⁸

Еще более непосредственное, чем в «Цветочках», выражение новой, пестрой и бурной жизни мы найдем в произведении, само назначение которого требовало такого отражения — во флорентийских хрониках Джованни Виллани, продолженных его братом Маттео и затем сыном Филиппо.¹¹⁹ Флорентинец Джованни ди Виллано ди Стольдо, точный год рождения которого неизвестен, видный коммерсант, ведший различные операции в системе компании Барди, активный политический деятель, занимавший ряд ведущих должностей в коммуне, умер в 1348 г. от той страшной «черной смерти», эпидемия которой так ярко описана во вводных страницах к «Декамерону».

Не имея никаких литературных претензий и не обладая, по-видимому, особенно широким литературным кругозором, Джованни Виллани пишет свою хронику на народном итальянском языке для того, чтобы дать простому народу (*gli laici siccome gli alletterati*) возможность получить представление о происхождении и развитии родного города и тем возбудить в нем любовь к этому городу и стремление «сохранить сильным духом благополучное состояние нашей республики».

Верный обычаю средневековых хроник, Виллани начинает свой рассказ с Вавилонского столпотворения, дает ряд фантастических рассказов о происхождении итальянцев, французов и немцев, повествует о Троянской войне и ее последствиях, затем переходит к римской истории, в изложении которой главным образом освещает судьбы городов Тосканы и, наконец, подходит к основанию Флоренции (см. Виллани, гл. 28). Затем следует краткое изложение средневековой истории Флоренции до середины XII в., переплетающееся со сведениями из истории Европы вообще. Вся эта явно вводная часть, построенная на источниках, используемых из вторых рук, наивная и беглая, не выходит за пределы, обычные для средневековых хроник. Но начиная с пятой книги, повествующей о деяниях Фридриха Барбароссы, характер изложения постепенно меняется: оно становится более подробным и более ярким, хотя сохраняет отрывочность и общеевропейский фон, характерные для вводных глав. С шестой книги, начинающейся с рассказа о царствовании Фридриха II, повествование приобретает окончательно сложившуюся новую форму. В центре его стоят события из жизни Флоренции, описываемые подробно и живо, хотя в литератур-

ном отношении — без особого искусства; описания эти перемежаются отдельными эпизодами из общей истории Европы. Общий характер средневековой хроники сохраняется и в этой основной части рассказа: он отрывочен, не делает различия между важным и второстепенным, проникнут суевериями, наивен. И в то же время хроника Виллани совершенно справедливо воспринимается как одно из ярчайших произведений раннего Возрождения; в ее небольших суховатых главах мы находим выпуклое отображение жизни, в которой автор ее принимал столь активное участие, действующие лица сугубо индивидуальны и наделены определенными неповторимыми чертами, свойственными их физической и духовной организации. Хронист проявляет чрезвычайный интерес к вопросам экономическим и социальным, занимавшим столь большое место в истории Флоренции, подмечает изменения в быте, костюмах, нравах, которые отнюдь не интересовали и не могли интересовать феодального анналиста. В результате, прочитав несколько страниц хроники, мы теряем ощущение средневековой традиции, выступающее на первый план при начале чтенья, и с головой погружаемся в бурную жизнь итальянского XIV в., которую короткие суховатые рассказы Виллани передают лучше и непосредственнее, чем изысканные повествования произведений Петрарки и Боккаччо.

Та же живость и непосредственность, которая характеризует еще связанную внешне с феодальной традицией хронику Виллани, еще в большей степени отличает обширную, пеструю и разнообразную литературу «домашних хроник» мемуарного типа, появляющуюся в XIV в. Произведения этого типа, предназначенные для узкого круга ближайших родичей, не имели литературных традиций и поэтому были свободны в выборе своих выразительных средств. Как мы уже отмечали выше, они говорят обыкновенно о жизни автора и его родни, о внешних событиях, на фоне которых эта жизнь протекает, и об экономической основе, на которой эта жизнь строится. Так, дошедшая до нас во фрагментах хроника первой половины XIV в., написанная Джовенко Бастари, озаглавлена «Книга Джовенко Бастари о всех делах его жизни, кредиторах и дебиторах и достойных памяти событиях» («Libro di Giovenco Bastari, di tutti i suoi fatti, creditor, debitor, e ricordanze notabili»).

Книги этого рода представляют собой, таким образом, нечто среднее между хроникой в средневековом смысле слова, семейной генеалогической записью и бухгалтерской книгой, причем в литературном отношении в них явно превалирует элемент домашних и бухгалтерских заметок над элементом хроникальным, пусть отрывочным, но все же литературно оформленным.

Именно это обстоятельство приводит к тому, что на страницах «домашних хроник» мы находим еще более яркое и выпуклое отражение современной жизни, чем в главах хроники Виллани. Как мы показывали выше на примере хроник Веллуты

или Питти, история возникновения и роста отдельных пополанских семейств, так же как история падения семейств магнатских, фигуры отдельных купцов, политических деятелей, кутил выступают здесь с неповторимой жизненностью и силой. Характеристики (некоторые из них мы цитировали) приобретают исключительную резкость и индивидуальную очерченность, достигаемую скупыми и лаконичными литературными приемами.

Чего стоит, например, такая характеристика одной из родственниц Донато Веллутти: «Эта монна Диана была добрейшая женщина и очень меня любила из-за любви к своему брату и часто приглашала меня, еще мальчиком, к себе в Боголи. И носила она очень большие головные уборы, большие настолько, что, когда она однажды проходила рядом со старым дворцом Росси, что напротив церкви Санта Феличита, где теперь находится гостиница, с дворца упал большой камень и ударил ее по голове, чего она вовсе не почувствовала и подумала, что это угостили ее порхавшие наверху птицы, почему она сказала „кш! кш!“ и не потерпела никакого вреда, все из-за того, что носила такой большой головной убор».¹²⁰

Эта характеристика напоминает приведенные нами выше характеристики хроники Салимбене, но она, как и вся хроника, гораздо свободнее, легче, полнокровнее. То, что у Салимбене проявляется спорадически, местами, у Веллутти разлито по всему тексту, пронизывает его, делает необычайно выразительным.

«Домашние хроники», образцом которых являются записи Веллутти, представляют собой как бы мост между реальной жизнью и литературой. Непосредственно к ним в этом отношении примыкают незатейливые, но яркие произведения в итальянской прозе и итальянских стихах, вышедшие из-под пера не писателей профессионалов, какими были Петрарка и Боккаччо, не продолжателей старых литературных традиций, как Фацио дельи Уберти или Чекко д'Асколи, а рядовых флорентийских пополанов, не задававшихся большими литературными целями, но стремившихся точно передать особенности окружающей их жизни, ответив на запросы этой жизни.

Среди этих писателей-пополанов первое место занимает флорентинец Франко Саккетти (1330—1399). Купец, много странствовавший в свои юные годы, многократный член синьории в зрелом возрасте, активный политический деятель и образцовый гражданин свой республики, Саккетти был и чрезвычайно плодовитым и разнообразным писателем.¹²¹

Крупнейшим и поистине замечательным из его многочисленных произведений является его сборник в триста новелл, дошедший до нас, к сожалению, далеко не полностью. В предисловии, от которого сохранились фрагменты, Саккетти говорит о том, что цель его произведения чисто развлекательная. Он хочет дать своим согражданам, живущим в тяжелой обстановке эпидемий, внутренних и внешних войн, банкротств и разочарований, «чтение, легкое для понимания, утешающее и вызывающее среди стольких горестей хотя бы короткий смех». При этом он руководствуется примером «замечательного флорентийского поэта мессера Джованни Боккаччо», но руководствуется

настолько, насколько это по силам ему — «человеку неученому и грубому» (*homo discolo e grosso*).¹²²

И действительно, Франко Саккетти — человек небольшой культуры, он стоит в стороне от того увлекающегося античностью, несколько напыщенного и аристократического движения, которое возглавляют гуманисты, перед которыми он преклонялся, но которых не вполне понимал. Продолжатель здоровой, полнокровной литературной традиции Фольгоре да Сан Джиминьяно или Чекко Анджольери, он своим трезвым взглядом пополапа видит и смешные стороны этого увлечения и не прочь подтрунить над ними. Настоящим шедевром в этом отношении является его новелла LXVI которая гласит:

«Во Флоренции жил один ученый и уважаемый гражданин по имени Коппо ди Боргезе Доменики. Он проживал против того места, где находятся теперь львы, и перестраивал что-то в доме своем. Читая однажды в субботу около полудня Тита Ливия, он прочитал о том, как римские женщины, против украшений которых был недавно издан закон, поспешили в Капитолий, умолая и упрасывая, чтобы закон этот был отменен. Коппо, хотя и был умным человеком, но легко сердился и отличался некоторыми странностями, а потому разгневался, как будто этот случай приключился с ним, и стал бить книгой и руками по столу и хлопать руками, говоря: „Ох, римляне, неужели вы будете терпеть это, если не стерпели, чтобы какакой-нибудь король или император властвовал над вами!“ И он так возмущался, точно служанка намеревалась выгнать его из его же собственного дома. Коппо находился в таком состоянии гнева, когда к нему пришли надсмотрщики и каменщики, уходившие с работы, и, приветствуя его, попросили денег, несмотря на то, что видели его разгневанным. А Коппо накинулся на них, как змея, говоря: „Вы приветствуете меня, а я охотный увидел бы у себя в доме дьявола. Вы просите у меня денег за дом, который для меня перестраиваете, а я хотел бы, чтобы он рухнул и погреб бы меня под обломками“. Эти люди переглянулись между собой в изумлении и сказали: „Что он хочет сказать?“ и говорят: „Коппо, если есть что-нибудь, что вам не нравится, то мы искренне сожалеем об этом. Если мы можем сделать что-нибудь, дабы избавить вас от неприятности, скажите нам, и мы охотно сделаем это“. Коппо сказал: „Эх, ступайте вы с богом сегодня к черту. Лучше бы я никогда не родился, чем знать, что у этих нахалок, у этих бесстыжих баб, у этих негодяек хватило дерзости отправиться в Капитолий требовать права носить украшения. Как поступили в этом случае римляне, если Коппо, стоящий здесь перед вами, не может успокоиться из-за этого? И если бы была возможность, то я сжег бы их всех, чтобы помнили об этом все оставшиеся в живых. Уходите теперь и оставьте меня в покое!“ Те все ушли подобру-поздорову, говоря друг другу: „Какой черт укусил его? Он говорит что-то непонятное про весы, может быть, его обвесили“ (непереводимая игра слов: „*Romani*“ — римляне — означало и „римляне“ и „римские весы“. — М. Г.). А другой говорит: „Он рассказывал что-то о скверных бабах! Уж не согрешила ли перед ним жена?“ А один рабочий сказал: „Мне показалось, что он говорит: „Голова у меня болит“. Может быть, у него правда болит голова?“ (игра слов: „Капитолий“ — *Campidoglio*; „у меня болит голова“ — *del capo mi doglio*. — М. Г.). Другой рабочий сказал: „А мне показалось, что он жаловался на то, что ему налили в стакан масла“ (игра слов того же характера: „Капитолий“ — *Campidoglio*; „стакан масла“ — *coppo d'oglio*. — М. Г.). „Как бы то ни было, — говорят они потом, — нам нужны деньги, и пусть будет с ним, что угодно“. И так они решили пойти к нему снова в воскресенье утром. А Коппо остался в воинственном настроении, но остыл к утру и, когда каменщики пришли, отдал то, что им причиталось, сказав,

что вечером он находился в меланхолии.

Мудр был этот человек, хотя и пришла ему в голову странная фантазия. Но если судить широко, то его побудило к этому справедливое и добродетельное рвение». ¹²³

Приведенная (полностью) новелла дает как бы моментальную фотографию совершенно незначительного самого по себе события. Почтенный, уважаемый гражданин, описанный в ней, так увлекается чтением Тита Ливия, что забывает и о современности, и о своей обыденной жизни и ведет себя как помешанный. Саккетти не упрекает его за это, наоборот, он даже считает такое увлечение благородным, но он не может не подметить и описывает лаконическими, четкими штрихами смешную сторону этого эпизода, сторону, свойственную до некоторой степени всему гуманистическому движению.

Такой же характер живых зарисовок носят все остальные новеллы сборника. Прокламированное в предисловии стремление подражать «Декамерону» систематически, и притом, надо полагать, вполне сознательно, совершенно не реализуется. Сборник не имеет никакого обрамляющего повествования, новеллы следуют одна за другой, связанные внешне словесными ссылками на сюжетную близость, например: «Предыдущая новелла приводит мне на память другой интересный случай, произошедший с маэстро Томмазо дель Гарбо».

В то время как повествование «Декамерона» всегда сюжетно построено вокруг какого-нибудь положения или острого слова, причем как стиль рассказа, так и соотношение его частей композиционно связаны, повествование Саккетти носит явно разрозненный характер. Автор стремится воскресить перед глазами читателя кусочки реальной, повседневной и обыденной жизни, которую всякое привнесение сюжета неизбежно бы исказило, олитературило. Детали, конкретная обстановка, акцент речи, улица, на которой происходит эпизод, имеют для него бесконечно большее значение, чем сюжетная связь между всеми этими элементами рассказа.

В качестве примера можно привести хотя бы следующий рассказ (новелла XXVI):

«Несколько лет тому назад к роду Кавальканти принадлежал один дворянин по имени Маттео ди Кантино, которого видели много раз и я, писатель, и многие другие. Сей Маттео ди Кантино выступал в свое время на турнирах и был хорошим фехтовальщиком, зная все, что полагается делать всякому дворянину, был опытен и сведущ, как мало кто из ему подобных, и притом добронравен. Когда ему было семьдесят лет и был он очень состоятелен, а на улице стояла сильная жара (дело было в июле), он надел свободные чулки и штаны старого фасона, расширяющиеся книзу и отправился на площадь Нового рынка, где, собравшись в кружок, знатные граждане и купцы рассказывали друг другу новеллы. И вот, когда Маттео находился в этом кружке, случилось неожиданно, что толпа мальчишек, из тех, что служат у живущих там банкиров, остановилась среди площади с мышеловкой, в которую попала у них мышь, и с метлами в руках; они поставили мышеловку на землю и открыли дверцу. Как только дверца отворилась, мышь выскочила из мышеловки и побежала на пло-

щадь. Мальчишки помчались за нею, размахивая метлами, чтобы убить ее; она стала искать, где бы укрыться, и, не видя подходящего места, вбежала в кружок, где находился Маттео ди Кантино, и приблизившись к его ногам, быстро поднялась под штанами вверх и очутилась в них. Можете себе представить, как почувствовал себя тогда Маттео! Он совсем растерялся. Мальчишки потеряли тем временем мышь из виду: „Где она? Где она?“ Один из них говорит: „Мышь у него в штанах“. Народ сбегается, громко смеясь. Маттео, словно лишившись рассудка, вскакивает на скамью. Мальчишки с метлами следуют за ним, крича: „Выгоняйте мышь; она у него в штанах!“ Маттео приседает за спинкой скамейки и спускает штаны. Мальчишки нападают на него с метлами, крича: „Выгоняй ее оттуда! Выгоняй!“ Когда штаны упали на землю, мышь выскочила наружу. Ребята орут: „Вон она, вон она! Мышь, мышь! Она забралась к нему в штаны, черт побери! Он спустил штаны!“ Мальчишки убивают мышь, а Маттео остался с таким видом, что краше в гроб кладут, и пребывал несколько дней в таком состоянии, что не знал, где находится. И не было человека, который не расхохотался бы при виде его, как я, пишущий это, выдавший его тогда. В конце концов он дал обет божьей матери не носить больше никогда в жизни чулок, не пришитых к штанам, и сдержал обет...

Что нам сказать о разных приключениях, которые случаются? Я уверен, что не случилось никогда ничего столь неожиданного и смешного. Иной человек держит себя напыщенно и надменно, и какой-нибудь пустяк заставляет его опустить голову; либо ускорить шаги из-за блох, либо мышь упадет на него так, что он выйдет из себя. И нет такого крошечного зверька, который не досаждал бы человеку, но человек побеждает их всех, когда принимается за это».¹²⁴

Я сознательно, рискуя нарушить масштаб изложения, привел здесь полностью две новеллы Саккетти, так как считаю, что они, будучи гораздо менее известными, чем новеллы «Декамерона», несравнимо более полно, чем последние, отражают реальную жизнь современной Италии, передают как бы нетронутые куски этой жизни, да и с чисто литературной точки зрения представляют, на мой взгляд, весьма большой интерес. В них индивидуализация рассказываемого события, действующих лиц, обстановки идет гораздо дальше, чем у Боккаччо, у которого она сглаживается аристократически эстетическими претензиями. Человек выступает здесь всегда как социальный человек, поступки и весь облик которого определены его классовой принадлежностью, его экономическим положением, средой, в которой он находится, в то время как у Боккаччо все эти элементы подчинены требованиям стиля и особенно сюжета, в первую очередь интересующему писателя. Новеллы Саккетти, продолжающие литературную линию, представленную в предыдущем столетии творчеством поэтов круга Фольгоре да Сан Джиминьяно и Чекко Анджольери, кажутся одним из ранних, но ярких предков того реализма, который станет господствующим в европейской литературе в XIX столетии.

Прочие, весьма многочисленные произведения Саккетти, хотя и не имеют такого значения, как его новеллы, представляют все же большой интерес. Весьма разнообразны и особенно по своему характеру близки к новеллам чисто развлекательные стихотворные произведения, в первую очередь в своем большинстве корот-

кие и веселые баллады, мадригалы и «качче» (от «caccia» — охота). Все эти стихотворения написаны для пения или, во всяком случае, для исполнения с музыкальным сопровождением, причем во многих случаях автором музыки (до нас дошедшей) являлся сам Саккетти. Все они гораздо ближе к простым, незамысловатым и ярким народным песням любовного или шуточного содержания, чем к изысканным вздохам сонетов Петрарки; все они подчеркнуто популярны, пользуются языком городской улицы или деревенской лужайки, используют для метафор и сравнений предметы глубоко обыденные, а иногда и прямо вульгарные и этими элементарными средствами рисуют небольшие, но чрезвычайно жизненные картинки, в которых фигурируют, резвятся, поют, а иногда и перебраниваются хорошенькие девушки, среди которых находится возлюбленная поэта. Стихотворения этого типа описывают то крестьянок, вброд переходящих ручей, то флорентийских пополанов, гуляющих и развлекающихся в окрестностях города, то любовные сценки в сельской обстановке. Иногда в них обнаруживаются следы влияния Петрарки, иногда заметно стремление подражать античной пасторальной поэзии, введенной в моду тем же Петраркой, но определяют их общий характер не эти мимолетные влияния, а тесная и непосредственная связь с народным вкусом и народным творчеством и редкое умение видеть реальную жизнь и отображать ее немногими, но яркими чертами, проявляющимися и в новеллах того же автора.

Кроме этих чисто развлекательных стихотворных произведений Саккетти пишет и весьма значительное количество сочинений политического и морально-нравоучительного содержания. Образцовый гражданин своей коммуны, человек верующий, но не слишком полагающийся на действенность учений церкви, Франко в своих сонетах и канцонах выступает против моральной испорченности сограждан, против слишком частых войн, против увлечения женщин дорогими туалетами, приветствует приход в Италию императора Карла IV или Сальвестро Медичи по случаю его политической победы в начале восстания чомпи, дальнейшее развитие которого, однако, совершенно не устроило автора. Еще более ярко выраженный морализирующий характер имеют прозаические письма и особенно «евангелические проповеди» Саккетти.

То, что светский человек пишет проповеди, не вызовет нашего удивления, если мы вспомним, что король Роберт писал их в большом количестве, но какая пропасть лежит между сухими, абстрактными, схоластическими поучениями феодального властителя Неаполя и трезвыми, конкретными, жизненными рецептами его современника, флорентийского пополана.

Конкретность, жизненность, простота — таковы отличительные черты многообразного литературного творчества Франко Саккетти, типичнейшего представителя средних пополанских кругов, близкого к немногочисленной «жирной» верхушке, но

не потерявшего органической связи и с широкими народными массами, что дало ему возможность полнее, чем кому бы то ни было, передать реальную обстановку, в которой рождается и делает свои первые шаги новая культура новых социальных слоев, ставших хозяевами жизни в передовых центрах Италии, и в первую очередь в родной Саккетти Флоренции.

Те же черты, которые обнаруживаются в пестром творчестве Саккетти, можно подметить и в произведениях ряда менее значительных его современников. Таков, например, сборник новелл, носящий странное название «Козлище» («Ресогопе») и вышедший в 1378 г. из-под пера нам совершенно неизвестного сэра Джованни-флорентийца.¹²⁵ Название сборника сам автор во вступительном сонете объясняет тем, что в нем выведены всякие скоты (*povi barbagianni*) и во главе их стоит сам автор, «блеющий как козлище» («*va bellando come ресогопе*») и «пишущий книги, совершенно не зная, как это делается». Сборник, подобно «Декамерону» и в противоположность «Новеллам» Саккетти, имеет обрамляющий рассказ, в котором выводится флорентийский юноша Ауретто, влюбленный в прекрасную монахиню Сатурнину, постригающийся сам в монахи, чтобы легче видеть свою возлюбленную, и в ежедневных встречах обменивающийся с ней новеллами и стихами любовного содержания. Как явствует уже из построения, произведение сэра Джованни значительно замысловатее и искусственнее новелл Саккетти, его рассказы довольно длинные, неуклюжи. Они упорно стараются походить на повествования Боккаччо, но в большинстве своем пересказывают широко распространенные сюжеты, многие из которых заимствованы из хроники Виллани и не достигают ни неподражаемого изящества, ни выразительности своего образца. Стихотворные канцонетты обнаруживают явное влияние произведений «сладкого стиля» и в то же время близки к народной лирике и к лирике Саккетти. В целом сборник скорее симптоматичен, чем интересен, и, несомненно, представляет собой сочинение среднее, не отмеченное ни ярким талантом, ни резко очерченной индивидуальностью.

Весьма многочисленны и разнообразны по своему творчеству авторы поэтических произведений на итальянском языке. Здесь и политические и моральные стихотворения почитателя Данте и друга Петрарки феррарца маэстро Антонио де Беккари (1315—1363), и любовные мадригалы и баллады болонца Маттео де Гриффони, и песни знаменитого флорентийского музыканта, слепого Франческо Ландино (1325—1397). Большинство этих стихов, так же как новеллы «Козлища», не поднимаются над средним уровнем, хотя многие из них, продолжая живую и выразительную традицию народной песенной лирики, находят нужные слова и стихотворные формы для выражения простых человеческих чувств и переживаний.

В наибольшей степени это может быть сказано о творчестве

флорентийского пополана, колокольного мастера и герольда коммуны Антонио Пуччи (1309 — ок. 1388).¹²⁶ Корреспондент Боккаччо и личный друг Саккетти, человек по происхождению и социальному положению далекий от правящей верхушки Флоренции, но зато тесно связанный с народом, Пуччи в своих стихах отражает повседневную жизнь города и большей части его жителей. Обязанный по своей должности герольда выкликать правительственные распоряжения на улицах и площадях Флоренции, он был в курсе политических событий, которые он описывал и комментировал в своих искренних, живых и доходчивых стихах, затем, наподобие народных певцов, читал их нараспев тому же народу, которому только что сообщил очередной приказ правительства. Возникшие почти мгновенно и предназначенные для произнесения вслух, а не для чтения, стихи эти как нельзя лучше отражают интересы, вкусы и симпатии массы флорентийских попопанов, с которыми автор находится в постоянном и тесном контакте.

Пуччи страстно любит свою Флоренцию, «лучше которой нельзя найти города по сю сторону моря, города наиболее знаменитого, о котором всякий скажет: „Флоренция превосходит все города”», и эта любовь делает для него интересным и значительным каждое, сколь угодно мелкое событие из ее жизни. Он пишет стихотворения (сирвентезы) на наводнение 1333 г., на изгнание герцога Афинского в 1343 г., на подорожание продуктов в 1346 г., на чуму 1348 г. или на войну с Пизой в 1362—1365 гг. и на множество других случаев,¹²⁷ причем в стихах этих обращается к аудитории, прекрасно знакомой с действующими лицами и местом действия, потому сыплет именами, названиями улиц и площадей, простонародными выражениями, что придает всему рассказу конкретность и жизненность, напоминающие новеллы друга Пуччи — Саккетти. К концу своей жизни Пуччи берется за сокращенное изложение в стихах всей хроники Джованни Виллани, но оставляет это довольно неудачное произведение незаконченным (из намеченных ста глав была закончена девяносто одна).

Кроме политических стихотворений Пуччи пишет сонеты и другие стихи любовного содержания, причем мы не найдем в них и следа утонченной изысканности сонетов и канцон Петрарки. Образы поэта и здесь, как в политических стихах, предельно конкретны, прелести возлюбленной уподобляются предметам обыденным и земным и рисуются так детально, что цитирование их становится не всегда возможным.

Те же конкретность и обыденность, явно восходящие к влияниям поэтов типа Фольгоре да Сан Джиминьяно и особенно Чекко Анджольери, с еще большей определенностью сказываются в сонетах, посвященных описаниям обыденных предметов; сонет, ругающий парикмахера, плохо выбрившего автора, или описывающий жесткую курицу, о которую он чуть не обломал

себе зубы, как и многие другие им подобные дают как бы крошечные куски той же жизни Флоренции, которую политические произведения рисуют в более обширных полотнах.

Наиболее интересным и самым большим произведением этого «обыденного» жанра является поэма в терцинах «Свойства старого рынка». Этот излюбленный флорентийскими пополанами центр народной жизни описывается здесь с выпуклостью и красочностью поистине изумительными. Даже читатель XX столетия, читающий эти незамысловатые строфы, видит яркие краски продающихся здесь разнообразных товаров, чувствует острые запахи, слышит живую, темпераментную речь, громкие возгласы и перебранку, присутствует при мелких инцидентах, обычных для рынка, питающего шумную, непрерывно растущую, всегда беспокойную и бурлящую Флоренцию.

Литературное творчество Антонио Пуччи, так же как творчество его современника и друга Франко Саккетти, не достигает ни той известности, ни того художественного совершенства, которые отличают произведения Петрарки и Боккаччо. Их влияние на литературу последующих поколений несравнимо меньше влияния создателей гуманизма, но и Саккетти и Пуччи недаром были плоть от плоти Флоренции, в то время как Петрарка и Боккаччо (особенно первый) сохраняли с ней только генетическую связь. Певцы Лауры и Фьямметты создавали новую идеологическую систему, включая в нее и элементы старой, феодальной идеологии, и элементы идеологии античной, становящейся как бы цементирующим началом, причем создавали ее на высотах, доступных только редкому кругу хозяев жизни Италии XIV в., предназначая ее именно для этих хозяев. Саккетти и Пуччи, не задаваясь столь высокими задачами, отражали в своих бесхитростных творениях биение пульса современной им жизни и поэтому дали возможность проникнуть в самый механизм тех процессов, которые шли в этой жизни, преобразуя ее постепенно снизу доверху.

Изобразительные искусства и наука

Изобразительные искусства, которые, как мы видели, в конце XIII в. и в первые годы XIV в. отражали сдвиги, происходящие в порождающей их жизни, не менее ярко, чем литература, и которые в творчестве Джотто и Пизано достигли большой высоты, переживают в течение дальнейшего хода XIV в. период некоторой заминки в своем развитии.¹²⁸ Ничего подобного закладывающим основы нового мировоззрения творениям Петрарки или Боккаччо мы не найдем ни в живописи, ни в скульптуре, ни в архитектуре XIV столетия. Ученики и эпигоны великих художников прошлого века, и в первую очередь Джотто, продолжают

пользоваться выработанными ими приемами, несколько разнообразия и видоизменяя их, вводя новые сюжеты, иногда новые композиции, но не давая ничего принципиально нового. Очень характерно и глубоко симптоматично в этом отношении появление и развитие в течение XIV в. во всех художественных центрах Италии больших многофигурных фресок морально-назидательного или аллегорического содержания.]

Фрески эти представлены в первую очередь в церквах и общественных зданиях Сиены, Флоренции и Пизы, т. е. на территории Тосканы, которая постепенно становится художественным и культурным центром Италии.

Сиена — передовой город XIII в., резиденция «Большого стола Буонсиньори», в XIV в. клонится к упадку и отодвигается на второй, а затем и на третий план своей соседкой и соперницей Флоренцией. Яркий, но кратковременный расцвет, сопровождавшийся обычными для итальянских коммун социальными бурями, но заторможенный, внезапно остановленный в самом своем апогее, приводит в Сиене к весьма своеобразным результатам. Став в XIII в. одним из активных очагов художественной деятельности, дав в творчестве Дуччо ранние и весьма интересные произведения, Сиена как бы сознательно сторонится той бурной активности, которую вызвала к жизни гениальная кисть Джотто, упорно держится за старую, архаизирующую манеру. Друг и почитатель Петрарки Симоне Мартини (1238—1344) в своей «Мадонне на троне» (илл. 9) сохраняет торжественность и иератичность византийских мозаик, через которую только с трудом пробивается дыхание реальной жизни. Больше по самому сюжету связан с этой жизнью портрет сиенского кондотьера Гвидориччо Фольяни (илл. 10), несколько наивный и суховатый, но лаконично передающий трезво увиденный образ самоуверенного военачальника. В этой работе Симоне впервые (для большого произведения) в живопись входит фигура современника, хотя и переданная специфическими для сиенского мастера средствами.

Другие произведения Симоне Мартини, в своей значительной части написанные вне Сиены — в Пизе, Неаполе, Авиньоне, отличаются той же иератической суховатостью и приверженностью старым канонам, но одновременно и той же почти неуловимой прелестью, придаваемой наивной и свежей искренностью, которые типичны для названных работ. Качества эти определили собой громадное влияние Мартини не только на искусство своего родного города, но и далеко за его пределами.

Испытывают на себе до некоторой степени это влияние и два других крупнейших художника Сиены — младшие современники Симоне — Пьетро и Амброджо Лоренцетти.

Старший — Пьетро (работал между 1320 и 1342 гг.) продолжает традиции Дуччо, но вносит в свои произведения судо-

рожное движение, преувеличенную экспрессию, которые в соединении с архаическими формами производят несколько двойственное впечатление, особенно ярко сказывающееся в приписываемых мастеру фресках нижней церкви св. Франциска в Ассизи.

Младший брат — Амброджо Лоренцетти (работал между 1324 и 1348 гг.) значительно целостнее и интереснее (во всяком случае, для историка). Его самыми знаменитыми и крупнейшими по масштабам произведениями являются написанные по заказу Сиенской коммуны фрески (в новом дворце последней), изображающие плоды хорошего и дурного правления. В противоположность приему, разделяющему повествование на ряд мелких сцен, следующих друг за другом, которым пользовался и Джотто, и его последователи, и Пьетро Лоренцетти, Амброджо дает единую громадную картину, в которой отдельные эпизоды связаны, как на сцене мистерии, общей декорацией и, происходя как бы одновременно, создают некое общее впечатление, сохраняя, однако, характер самостоятельных эпизодов.

Содержание фресок — не религиозное, как в подавляющем большинстве современных произведений, а морально-политическое, что определяет собой введение ряда аллегорических персонажей — Правосудия, Мира, Согласия, Тирании, Жестокости и т. д., как бы сошедших со страниц аллегорических сочинений XIII в., находивших немало читателей и подражателей в XIV столетии. Эти аллегорические фигуры, значение которых иногда расшифровывается вмонтированными во фреску прозаическими и стихотворными надписями, сопровождаются вполне реальными персонажами, изображениями современных художнику людей, а вторая фреска, изображающая плоды доброго правления, целиком посвящена им. Фреска эта (илл. 11), своеобразно переключаясь с наивными и яркими новеллами Саккетти или поэмами Пуччи, в единой картине рисует облик благоденствующего итальянского города XIV столетия. На площади справляется свадьба — под веселые звуки музыкальных инструментов пляшут девушки, а рядом верхом проезжает группа знатных граждан, направляющихся на охоту. На оживленных улицах города торгуют лавки — здесь и сапожник, продающий свой товар покупателю, сошедшему со стоящего рядом осла, и кабатчик, предлагающий вино и закуску к нему. Женщины с покупками в корзинах спешат домой, идут тяжело груженные тюками лошади, каменщики достраивают дом. А за стенами города развевается обычный мирный сельский пейзаж — крестьяне сеют и собирают жатву, несут свои продукты в город. Наконец, на краю фрески изображен порт Таламоне, через который Сиена ведет свою торговлю. Вся картина отнюдь не может претендовать на высокие художественные достоинства, отличающие хотя бы произведения Джотто, она композиционно разбросана, во многом архаична, но вместе с тем зоркий глаз художника, любящего и понимающего окружающую реальность, и особый,

свойственный пополам, гражданский пафос оживляют ее, делают ценнейшим памятником искусства и жизни итальянского XIV века.

Амброджо Лоренцетти много работал в близкой к Сиене Флоренции. Это, а также вообще слава и широкое распространение искусства сиенских мастеров приводит к появлению во Флоренции ряда произведений, как-то связанных с искусством Сиены.

В относящемся к середине века творчестве семейства Орканья, возглавляемого двумя братьями Нардо и Андреа, мы видим наряду со стремлением продолжать школу Джотто и немалое влияние Сиены. Сказывается оно особенно ярко в многофигурных фресках капеллы Строцци в церкви Санта Мария Новелла. Выполненные около 1357 г. и приписываемые с большой степенью вероятности Нардо ди Чоне Орканья, фрески эти стремятся перевести на язык живописи титанические образы «Божественной комедии» Данте. Задняя стена капеллы несет изображение сцен Страшного суда, в то время как на боковых стенах художник, точно следуя за текстом поэмы, изобразил Рай и Ад. Более абстрактные по своей теме, чем сиенские фрески Амброджо Лоренцетти, они построены по тому же принципу, так же композиционно сложны и разбросаны, так же дают изображение ряда отдельных сцен, каждая из которых трактуется самостоятельно, в то время как совокупность их дает некий общий образ, имеющий морально-нравоучительный характер. Еще более близки к сиенским образцам многофигурные фрески, связанные с именем Андреа да Фиренце, о личности которого нет точных данных, но который, во всяком случае, как можно предположить, жил и работал в середине XIV в. В так называемой испанской капелле той же церкви Санта Мария Новелла, в которой Нардо ди Чоне принадлежат иллюстрации к «Божественной комедии», Андреа пишет большой цикл фресок, иллюстрирующих весьма распространенное в то время религиозно-нравоучительное сочинение доминиканца Якопо Пассаванти «Зерцало истинного покаяния» («Specchio della vera penitenza»). Он покрывает громадными многофигурными изображениями потолок и все стены довольно обширной капеллы, изображая на них попеременно сцены из Евангелия, сцены аллегорического содержания, эпизоды из жизни Фомы Аквинского и Петра Мученика. Наиболее замечательной из этих фресок является сложная композиция, изображающая «Торжествующую церковь» (илл. 12). Фигуры расположены здесь в несколько ярусов, объединенных сквозным, как бы спиральным действием, начинающимся внизу на фоне Флорентийского собора фигурами папы, императора, епископов, князей и аббатов, окруженных пегими собаками, аллегорически изображающими доминиканцев (*domini canes* — собаки господ), продолжающимся на фоне цветущего сада фигурами танцующих девушек и светского общества, предающе-

гося разным развлечением, и кончающимся грозным образом Христа во славе, окруженного ангелами.

Как и во фресках Амброджо Лоренцетти, большинство персонажей изображены в современных художнику костюмах, в окружении подсмотренных в жизни деталей; все вместе дает пеструю и сложную картину, весьма ярко передающую окружающий мир как во внешних, так и внутренних его аспектах.

Тому же Андреа да Фиренце приписывается и цикл фресок из жизни блаженного Раньери на стенах кладбища (Сампосанто) в Пизе. Стены эти, образующие крытую галерею, дали возможность ряду художников, работавших в течение двух столетий, развернуть на них большую серию фресок, значительная часть которых создана именно в XIV в. и представляет собой, может быть, наиболее характерный памятник многофигурной живописи этого века.

Названные выше фрески Андреа да Фиренце, отличающиеся теми же особенностями, которые характеризуют его флорентийские работы, являются только одним из звеньев этой цепи, самыми яркими украшениями которой являются фрески, написанные остающимся неизвестным нам художником, несомненно вышедшим из школы Лоренцетти и писавшим не позднее 70-х годов XIV столетия. Художник пишет здесь три ряда сцен из жизни святых пустыльников: Ад, Страшный суд, Воскресенье, Вознесение и самую замечательную из всех фресок данного типа — Триумф смерти.

Фреска эта (см. илл. 13) недаром считается одним из характернейших произведений культуры раннего Возрождения, живописной параллелью к «Декамерону» Боккаччо. В наивных, но ярких и выразительных образах анонимный художник официально стремится выразить здесь чисто средневековую идею о тщете всех земных радостей и о истинном блаженстве, достигаемом только верой в бога и покаянием. Обычная для произведений этого типа сложная композиция фрески рисует в центре и в верхней части адские мучения грешников и счастливую, безмятежную жизнь в монастыре. Правая же и левая части картины посвящены изображению тех земных радостей, которые приводят к адским мучениям. Справа веселое общество, состоящее из изящно одетых юношей и девушек, невольно напоминающее общество «Декамерона», в цветущем саду предается светским развлечениям — игре на музыкальных инструментах, любовной беседе. На коленях у одной из дам резвится комнатная собачка, юноша держит на руках охотничьих соколов. Слева — богатое общество, опять-таки дамы и кавалеры верхом в сопровождении слуг, ведущих собак, отправляется на охоту. На своем пути они наталкиваются на три открытых гроба, в которых с подчеркнутой натуралистичностью изображены разлагающиеся трупы, съедаемые червями. Всадники поражены — они

останавливают коней и как замороженные всматриваются в страшное зрелище, трупный смрад которого заставляет одного из них зажать рукой нос.

Нравоучительный смысл всего изображенного, ясный сам по себе, разъясняется еще надписью в довольно неуклюжих стихах, помещенной на картуше в центре фрески. Надпись призывает не увлекаться земными радостями, а всегда быть готовым к неминуемой, все уничтожающей смерти.

Но как ни ясен официальный замысел художника, зритель как в XIV, так и в XX столетии выносит из его произведения впечатление, прямо этому замыслу противоположное. Сцены земных радостей изображены так сочно и выразительно, с такой любовью и конкретностью, что выступают решительно на первый план, а изображения адских мучений, подобно мрачным картинам «черной смерти» во введении к «Декамерону», зовут скорее предаться земным радостям, чем отпугивают от них. Кажется, что нарядные всадники, на минуту остановившиеся перед страшным образом смерти, представшим перед ними, тотчас же повернут своих коней вспять и галопом понесутся на охоту, на пиры, на веселую беседу, сопровождаемые громким лаем собак и нежными звуками музыкальных инструментов, стараясь как можно скорее забыть мрачную картину, представшую перед ними.

Так произведение, созданное для поддержки старого, феодального круга идей, объективно отрицает его и оказывается одним из ярчайших, хотя, возможно, и неосознанных его творцом проявлений нового мировоззрения, теоретически осмысляемого первыми гуманистами.

«Триумф смерти», так же как другие фрески Пизанского кладбища, интересны и важны скорее как исторические документы, чем как произведения искусства, в развитии которого они, как и вообще многофигурные фрески XIV в., особой роли не играют. Еще в большей мере то же можно сказать о скульптуре и архитектуре этого периода. В скульптуре традиции старшего Пизано почти не находят продолжения, мастера ищут каких-то новых путей, новых выразительных методов и сюжетов и идут отчасти по пути, намеченному младшим из Пизано, отчасти по пути подражания живописи. Это ярко сказывается хотя бы в серии барельефов колокольни Флорентийского собора. Барельефы эти, созданные одновременно с самой колокольней, т. е. между 1334 и 1359 гг., были, по-видимому, задуманы еще Джотто в последние годы его работы, а затем выполнялись Андреа Пизано и его учениками, а также, возможно, Андреа Орканья и его окружением. Изображают они в своем большинстве занятия человека — ремесла, искусства, науки, причем каждый в нескольких лаконичных, не лишенных готических реминисценций фигурах передает какую-нибудь сценку из реальной жизни. Вот каменщики, взбравшись на леса, укладыва-

ют кирпичи, вот женщина трудится за ткацким станком, крестьянин идет за плугом, запряженным двумя волами, вот ученый в своем кабинете за глобусом и книгой или священники, замершие в религиозном экстазе, вызванном таинством причастия. Сценки эти своим спокойным реализмом как-то перекликаются и с отдельными элементами современных им многофигурных фресок, и с зарисовками новелл Саккетти или поэм Пуччи. Жизнь, яркая, волнующая и волнующаяся, отражена всеми этими столь различными во всем остальном произведениями в одинаковой мере.

В области архитектуры продолжается процесс перерождения готической манеры, теперь не удовлетворяющей даже в своем итальянском, видоизмененном и ослабленном варианте, но новый стиль, новый образ зданий еще не рождается. Глубокие изменения в сфере социальной, экономической и политической еще в меньшей мере отражаются на науке. Остающаяся в монопольной разработке у университетских ученых, свято хранящих традиции университетской, т. е. схоластической, манеры, наука, иногда выдвигающая довольно крупных исследователей, не дает ничего нового, свежего, революционизирующего. Такие ученые, как математик Просдочимо да Бельдоманди или механик Бьяджо Пелакани (?—1416), в своих чисто схоластических сочинениях иногда пытаются разрешать задачи, стоящие перед современной им жизнью, но не находят путей, на которых можно было бы действительно радикально эти задачи разрешить, и остаются вне жизни, теми довольно смешными фигурами университетских ученых, над которыми так любят издеваться новеллисты XIV столетия.

Несколько особняком стоит здесь политическая наука, дающая такой замечательный памятник, как «Защитник мира» («Defensor Pacis») Марсилия Падуанского.¹²⁹ Трактат этот, вышедший в свет, по-видимому, в первой четверти XIV в. и носящий внешне чисто схоластический характер, является страстной и убежденной проповедью демократии, за которую ведется столь горячая борьба в городах родной Марсилию Италии. Высшей формой правления автор признает монархию, но монархию выборную и притом такую, которая полностью удовлетворяет нуждам и требованиям всей общины граждан, выступающей в лице своих наиболее славных членов (*universitas civium aut ejus pars*). Впервые в политической литературе различая законодательную и исполнительную власть, Марсилиус целиком передает первую общине граждан, в то время как вторая ставится на службу этой общине. «Защитник мира» является первым произведением, которое, хотя и базируется на многих высказываниях схоластических авторов, ясно и убежденно развивает концепцию «народного суверенитета» как высшей политической инстанции.

Зато яркое и своеобразное отражение получают изменения, происходящие во всей структуре передовых частей Италии, в быте и его оформлении. Новеллы Боккаччо и Саккетти, поэмы Пуччи, фрески Лоренцетти и Андреа да Фиренце рисуют нам общество глубоко светское, потерявшее вкус и интерес к вопросам религии, церкви, церковной морали, но зато охваченное безумной жаждой наживы и земных плотских удовольствий. Корыстолюбие, расчетливость, все подсчитывающий и взвешивающий бухгалтерский подход своеобразно совмещаются в нем с темпераментностью, азартом, а иногда и расточительностью. Недаром Джованни Виллани в своей хронике, писанной на старости лет, горько оплакивая добрые и скромные старые времена, с возмущением говорит о новом явлении в быту: часто меняющейся моде, увлечение которой охватило все слои Флоренции:

«...В древности их костюмы и весь облик был более красивым, достойным и почтенным, чем в любой другой стране, и напоминали они римлян, облаченных в тоги; теперь же юноши носят короткую и узкую куртку, которую и надеть-то нельзя без посторонней помощи, и ремень, напоминающий конскую подпругу, с замысловатой пряжкой и подвешенным спереди по немецкому обычаю также замысловатым кошельком. Носят они шапку с капюшоном (своеобразное флорентийское капуччо.— М. Г.), с пелериной, доходящей до пояса и ниже, так что она является одновременно и их головным убором и одеждой, украшена она многими фестонами и вырезами, тулья же шапки длиной до земли, чтобы ее можно было обворачивать вокруг головы в холодное время (вспомним рассказ Веллутти, § 3.— М. Г.) Лицо их украшают длинные бороды, благодаря которым они надеются выглядеть более мужественными и воинственными. Рыцари же одеты в узкие куртки с поясом и широкими рукавами, обшлага которых, подбитые белкой или горностаем, достигают земли.

Все эти чудные одеяния, некрасивые и безнравственные, приняты теперь юношами Флоренции и ее пустыми и суетными молодыми женщинами, ибо мы, легкомысленные граждане Флоренции, более чем кто-нибудь другой, по своей природе склонны к тому, чтобы постоянно менять манеру одеваться и перенимать ее у иных народов, и всегда следуем за их бессмысленными обычаями».¹³⁰

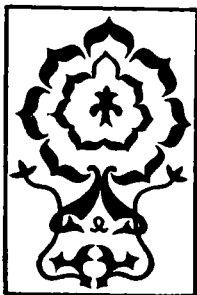
А более лаконичный миланский хронист Гальвано Фьямма в те же 40-е годы XIV в. пишет: «Молодые люди этого времени не следуют больше примеру своих предков, своим лицом и одеждой они напоминают иностранцев, они натягивают на себя узкие одежды, как испанцы, стригут себе волосы, как французы, отпускают бороды, как варвары, носят громадные шпоры, как немцы, и говорят на многих языках, как татары».¹³¹

Так сверху донизу, от социально-экономической базы до культуры, от политического устройства и до манеры одеваться

изменяется итальянское общество в XIV в., изменяется настолько, что даже современники, которым обыкновенно трудно бывает увидеть происходящие на их глазах сдвиги, **замечают их**, пусть в наиболее внешних проявлениях, и изумляются их резкости и своеобразию.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

1. О Фридрихе II см.: Kantorowicz E. *Kaiser Friedrich der Zweite*. Berlin, 1927; Ziegler H. *Vie de l'Empereur Frederic II de Hohenstaufen*. Paris, 1939; Cohn W. *Das Zeitalter der Hohenstaufen in Sizilien*. Breslau, 1925; Stefano A. de. *Idea imperiale di Federigo II*. Firenze, 1927; Steinen W. von den. *Das Kaisertum Friedrichs II nach den Anschauungen seiner Staatsbriefe*. Berlin, 1922; Ipsen K. *Kaiser Friedrich der Zweite Leben und Werk in Italien*. Leipzig, 1942; Wahl R. *Wandler der Welt. Friedrich II der sizilische Staufer*. 2 ed. München, 1949; Bernini F. *I comuni italiani e Federico II di Svevia*. Torino, 1950; Pepe Q. *Lo stato ghibellino di Federico II*. 2 ed. Bari, Laterza, 1951; [Колесницкий Н. Ф. *Священная Римская империя: Притязания и действительность*. М., 1977].

2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 728.

3. Основная литература по истории отдельных частей Италии будет приведена в примечаниях к гл. II.

4. Colombo A. *Milano sotto l'egida del Carroccio: la città stato*. Milano, 1935.

5. Цит. по: Ottonis et Rahewini *Gesta Friderici I Imperatoris*/Rec. G. Waitz. 2 ed. Hannoverae, 1884. P. 93. (*Scriptores Rerum Germanicarum in usum scholarum*).

6. По вопросу происхождения цехов см.: Leicht P. S. 1) *La corporazione delle arti nelle sue origini e nel primo sorgere del comune*//*Rivista Storica Italiana*. Ser. V. Vol. II. F. 2 (1937); 2) *Ricerche sulle corporazioni professionali in Italia dal sec. V. al XI*/Rendiconti della R. Acad. Nazion. del Lincei. Ser. VI: Cl. di Sc. Morali, stor. filolog. Vol. XII. F. 3—4 (1936); Monti G. M. 1) *Lineamenti di storia delle corporazioni*. Vol. I. Bari, 1931; 2) *Le corporazioni nell'evo antico e nell'alto medioevo*. Bari, 1934; Silberschmidt E. *Die Bedeutung der Gilde, insbesondere der Handelsgilde für die Entstehung der italienischen Freiheit*//*Z. der Savigny Stiftung f. Rechtsgesch.* Bd II. Germ. Abt. (1931); Mickwitz G. *Die Kartellfunktionen der Zünfte und ihre Bedeutung bei der Entstehung des Zunftwesens*. Helsingfors, 1936; Vergottini G. da. *Arti e popolo nella prima metà del secolo XIII*. Milano, 1943.

7. Цит. по: Carli F. *Storia del commercio italiano*. Vol. II. P. II: *Mercato nell'età del comune*. Padova, 1926. P. 321.

8. Ibid. P. 22.

9. Ibid.; Battara P. *Le indagini congetturali sulla popolazione di Firenze*//*Arch. Stor. It.* 1935. Vol. 1—2. P. 217—232.

10. Carli F. *Storia del commercio italiano*. P. 17.

11. Simonsfeld H. Der Fondaco dei Tedeschi in Venedig. Vol. I—II. Stuttgart, 1887.
12. Обзор литературы об итальянских купцах, банкирах, ремесленниках XIII—XIV вв. см.: Saporì A. Le Marchand italiani au Moyen Age. Paris, 1952.
13. Цит. по: Ercole Fr. La lotta delle classi alla fine del medio evo: dal comune al principato. Firenze, 1929.
14. Цит. по: Gebhart S. L'Etat d'âme d'un moine de l'an 1000: Moines et Papes. Paris, 1897. P. 11.
15. Об Иоахиме Флорском и «иоахимизме» см.: Буоналти А. 1) Gioacchino da Fiore//Riv. Stor. Italiana. Ser. IV. P. II. F. 3 (1931); 2) La modernità di Gioacchino da Fiore//Ricerche religiose. Vol. 6. N 2; Huck I. Iachim von Floris u. die iochistische Literatur. Freiburg, 1939; Стам С. М. Учение Иоахима Калабрийского//Вопросы истории религии и атеизма. М., 1959. Вып. 7. С. 328—360.
16. Карсавин Л. П. Очерки религиозной жизни в Италии XII—XIII веков. СПб., 1912; Бортник Н. А. Еретические секты Италии первой половины XIII в.//Средние века (СВ). 1957. Вып. 10. С. 101—123; Тоссо Ф. L'eresia nel medio evo. Firenze, 1884; Grundmann H. Religiöse Bewegungen im Mittelalter: Untersuchungen über die geschichtlichen Zusammenhänge zwischen der Ketzerei, den Bettelorden... Berlin, 1935; Kulcsár Z. Eretnekmozgalmak a XI—XIV században. Budapest, 1964.
17. Цит. по: Карсавин Л. П. Очерки религиозной жизни в Италии XII—XIII веков. С. 70.
18. Там же. С. 72.—Литературу об Арнольде см.: Greenway G. W. Arnold of Brescia. London, 1931; Бортник Н. А. Арнольд Брешианский — борец против католической церкви. М., 1956.
19. О ересь и религиозных настроениях в Италии XII—XIII вв. см.: Hefele H. Die Bettelorden und das Religiöse Volksleben Ober- und Mittelitaliens im XIII Jahrh. Leipzig; Berlin, 1910; Volpe G. Movimenti religiosi e sette ereticali nella società medievale italiana (Sec. XI—XIV). 2 ed. Firenze, 1926; Troeltsch E. Die Soziallehren der christlichen Kirchen und Gruppen//Ges. Schriften. Tübingen, 1903. Bd. 1.
20. О гумилиатах см.: Zannoni L. Gli Umiliati nei loro rapporti con l'eresia, l'industria della lana... Milano, 1911.
21. Цит. по: Конрад В. Книга о святом Франциске. Celano. Speculum. Fioretti. СПб., 1912. С. 98—99. О Франциске Ассизском см.: Facchinetti V. San Francesco d'Assisi: (Guide Bibliografiche della Fondazione Leonardo XLIII—XLV). Roma, 1928; Korff H. Franz von Assisi//Biographia catolica. Freiburg im Breisgau, 1927; Sabatier P. Vie de S. François d'Assise. 3 éd. Paris, 1904; Iøergensen I. 1) Saint François d'Assise. Paris, 1911; 2) Pélerinages Franciscains. Paris, 1914.
22. Thode H. Saint François d'Assise et les origines de l'art de la Renaissance en Italie/Trad. de l'allemand. Paris, S. a.—Мы отнюдь не собираемся солидаризоваться с мнением Генриха Тодя и ряда его последователей, стремившихся свести всю культуру Возрождения к влиянию Франциска Ассизского, но отмечаем только бесспорную, на наш взгляд, симптоматичность образа и проповеди «беднячка из Ассизи».
23. Об Иоанне Виченцском см.: Sutter C. Johann von Vicenza und die italienische Friedensbewegung im Jahre 1233. Freiburg im Breisgau, 1891.
24. Schiaffini A. Alle origini della forma poetica italiana//Nuova Antologia. LXXV. 1640 (1940); Natali G. Realtà e realismo nella poesia italiana del Duecento//Atti d. Accademia d. Arcadi. A. XVIII. Vol. XIII—XIV. N. S. (1934—1935); Bertoni G. 1) Imitazione e originalità nei poeti siciliani del primo duecento//Giorn. Stor. d. lett. Ital. Vol. CXV. F. 343—344 (1940); 2) Intorno alla poesia italiana dalle origini//Archivum Romanicum. XV (1932); 3) Il Duecento. Milano, 1930; Kristeller P. O. The origin and development of the language of italian prose//Kristeller P. O. Renaissance thought. New York, 1965. P. 119—141; [см. также: Шишмарев В. Ф.

История итальянской литературы и итальянского языка. Л., 1972; Касаткин А. А. Очерки истории итальянского литературного языка. Л., 1976].

25. О развитии науки в Италии XIII в. см.: Даннеман Ф. История естествознания. I. I/Пер. с нем. А. Г. Горнфельда. М., 1932; Цейтен Г. История математики в древности и в средние века/Пер. с франц. П. С. Юшкевича. М., 1932; Thorndyke L. A history of magic and experimental science. Vol. IV. Columbia, 1934.

26. Об изобразительных искусствах XIII в. см.: Venturi A. Storia dell'arte italiana. Vol. IV. Milano, 1906; Vol. V, 1907; Marle R. v. The Italian school of painting. Vol. I. Hague, 1923 (итал. пер.: L'Aia; Milano, 1932); Ancona P. d. La Peinture italienne de XIII S. Milano, 1936; Oertel R. Die Frühzeit der Italienischen Malerei. Stuttgart, 1953; Berenson B. The Italian painters of the Renaissance. London, 1952; [Bologna F. La pittura italiana delle origini. Roma, 1978].

Глава II

1. Общая история Неаполитанского королевства еще не написана. Работа В. Гроссе «Storia del regno di Napoli» (2 ed. Bari, 1929) слишком лаконична и суммарна. См. сводную работу: Léonard E. G. Les Angevins de Naples. Paris, 1954. Полезные дополнения к ней см. в рецензии: Cl. Cahen (Revue Historique. 1967. Janv.-Mars). См. также: Pardi G. Napoli attraverso i secoli: Disegno di storia economica e demografica. Milano; Roma; Napoli, 1924. P. 34—58; Boüard A. de. Documents en français des Archives angevines de Naples (regne de Charles I). Vol. 1—2. Paris, 1933—1935; Gli atti perduti della cancelleria angioina transunti da C. De Lellis/A cura di B. Mazzoleni in Regesta Chartarum Italiae. Vol. I: Il regno di Carlo I. Roma, 1939; Gothein E. Die Kulturentwicklung Südtaliens. Breslau, 1886; Iver G. Le commerce et les marchands dans l'Italie meridionale au XIII et au XIV s. Paris, 1903; Schipa M. Nobili e popolani in Napoli nel medioevo ...//Arch. Stor. Ital. Ser. VII. Vol. III (1925). P. 1; Boüard M. de. Problèmes des subsistances dans un état medieval, le marché et les prix de céréales au royaume de Sicile (1266—1282)//Annales d'hist. économique et sociale. 1938, N 54. A. X. Nov.; Epifanio V. Gli Angioini de Napoli e la Sicilia. Napoli, 1936; Monti G. M. I; Da Carlo I. a Roberto d'Angiò: Ricerche e documenti. Trani, 1935; 2) Nuovi studi angioini. Trani, 1937; Jordan E. Les origines de la domination Angevine en Italie. Paris, 1909; Merkel E. L'opinione dei contemporanei sull'impresa italiana di Carlo I d'Angiò. 1889 (Mem. Accad. d. Lincei); Mack Smith D. History of society. Medieval Sicily: 800—1713. London, 1968.

2. Boüard M. de. Problèmes des subsistances dans un état medieval...

3. История Рима и неразрывно с ним связанного папства в период позднего средневековья изучена чрезвычайно детально. См. напр.: Reumont A. v. Geschichte der Stadt Rom. Bd. I—III. Berlin, 1867—1870; Gregorovius F. Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter (vom V bis XVI Jahrh.). Bd. I—VIII. (Имеется русское издание, но плохой перевод): Грегоровиус Ф. История города Рима в средние века: В 8 т. СПб., 1904—1912; Rocquain F. La cour de Rome et l'esprit de réforme avant Luther. Vol. I—III. Paris, 1897. Ряд новых фактов и обширная библиография имеется в кн.: Schneider F. Rom und Romgedanke im Mittelalter. München, 1926. См. также: Boüard A. de. 1) Il partito popolare e il governo di Roma nel medio evo//Arch. d. Soc. Romana di Storia Patria. Vol. XXXIV. I—II. 1911; 2) Le régime politique et les institutions de Rome au moyen âge (1252—1347). Paris, 1920; Schoenian E. Die Idee der Volkssouveränität im mittelalterlichen Rom. Leipzig, 1919; Gross W. Die Revolutionen in der Stadt Rom 1219—1254. Berlin, 1934; Fedele P. L'era del senato//Arch. d. Soc. Romana. Vol. XXXV (1912); Dupré-Théséider E. Roma dal Comune di

popolo alla signoria pontifica. (1252—1377). Bologna, 1952; Codice diplomatico del Senato Romano dal 1144 al 1347/A cura di F. Bartolini. Roma, 1948. Vol. I; Bowsky W. M. Henry VII in Italy. The conflict of Empire and city state: 1310—1313. Lincoln, 1960; Бортник Н. А. 1) Антипапское движение в Риме в XII—XIII вв.: (Публикация документов)//Вопросы истории религии и атеизма. М., 1962. Т. 10. С. 376—398; 2) Народные движения в Риме во второй половине XIII—начале XIV века (1261—1306)//Учен. зап. Уральск. ун-та. Вып. 38. Ч. 1: Античная древность и средние века: Сборник статей по истории древнего мира и средних веков. Свердловск, 1960. С. 59—87.

4. О Болонье см.: Hessels E. Geschichte d. Stadt Bologna. Berlin, 1910; Sorbelli A. Storia di Bologna. Vol. II. Bologna, 1938.

5. По истории Пизы см.: Rossi Sabatini G. Pisa al tempo dei Donoratori. Firenze, S. a. (Pubbl. d. R. Sc. Norm. super. di Pisa, Studi di lett. stor. e filos. N 15); Bientinesi R. Uno sguardo alla storia di Pisa. Pisa, 1915; Pace B., Savelli A., Niccolai A., Salmi M. Pisa nella storia e nell' arte. Roma, 1929; Ross J. The story of Pisa. London, 1909.

6. Davidsohn R. Geschichte von Florenz. Bd II. Berlin, 1896. P. 254—255.

7. История Флоренции разработана чрезвычайно детально. См.: Caggese R. Firenze della decadenza di Roma al Risorgimento d'Italia. Vol. 1—3. Firenze, 1912—1920; Renard G. Histoire du travail à Florence. Vol. 1—2. Paris, 1913; Schillman F. Florenz und die Kultur Toscanas. Wien, 1929; Schervill F. History of Florence. New York, 1936; Davidsohn R. Geschichte von Florenz. Bd 1—3. Berlin, 1896—1925; Villari P. I primi due secoli della storia di Firenze. Firenze, 1905; Salvemini G. Magnati e popolani in Firenze del 1282 al 1295. Firenze, 1899.

Интересный материал содержит, хотя в своей основной концепции и глубоко ошибочная, монография: Ottokar N. Il Comune di Firenze alla fine del Dugento. Firenze, S. a. См. также: Ottokar N. 1) Studi fiorentini a proposito della presunta riforma costituzionale adottata il 6 luglio dell'anno 1295//Arch. stor. Ital. A. XII. Disp. II (1933); 2) Problemi di storia del Comune di Firenze//Arch. Stor. Ital. A. XCIV. Disp. III (1936). В духе концепции Оттокара работы: Rubinstein N. La Lotta contro i magnati a Firenze//Arch. Stor. Ital. A. XCIII. Disp. 2. 1935; Plesner I. L'émigration de la campagne à la ville libre de Florence au XIII s. Copenhagen, 1934 (Рецензию М. Bloch на книгу Плеснера см.: Le Moyen Age. 1936. N 3). См. также: Salvemini G. Florence in the time of Dante//Speculum. Vol. XI. N 3 (1936); Masi M. G. Il popolo a Firenze alla fine del Dugento. Modena, 1923; Lenel W. Zur Forschung über die Frühzeit von Florenz//Historische Z. 1933. Bd 147. H. 3. См. также прим. 23, гл. I, т. II.

8. В отличие от истории Флоренции, общая история Милана разработана весьма недостаточно. Приходится пользоваться общими трудами по истории Италии: Lanzani F. Storia dei comuni italiani dalle origini al 1313. Milano, 1882; Cipolla C. Storia delle signorie italiane dal 1313 al 1530. Milano, 1881; Verri P. Storia di Milano. Milano, 1850; Verga E. Storia della vita milanese. Milano, 1931. Библиографический обзор см.: Valeri N. Gli studi viscontei sforzeschi fino alla crisi della libertà nell'ultimo ventennio//Arch. Stor. Ital. Vol. II (1935). См. также примеч. 46, гл. I, т. II.

9. По истории Генуи см.: Canale M. G. Nuova istoria della Repubblica di Genova. Firenze, 1890; Donaver F. La storia della repubblica di Genova. Genova, 1913; Manfroni F. Genova. Roma, 1929; Kuhn M. Studien zur Geschichte Genuas um 1300. Freiburg, 1931; Lopez R. Storia delle colonie genovesi nel Mediterraneo. Bologna, 1938; Bratianu G. L. Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noire au treizième siècle. Paris, 1929.

10. По истории Венеции см.: Kretschmayer H. Geschichte von Venedig. Bd. I—III. Gotha; Stuttgart, 1905—1925; Diehl Ch. Une république patricienne — Vénise. Paris, 1915; Mussati E. Storia di Venezia. 3. ed. Milano,

1936; Cessi R. Venezia ducale. Vol. 1—2. Padova, 1928—1929; Mosto A. Da i doggi di Venezia. Venezia, 1939; Соколов Н. П. 1) Венецианское ремесленно-цеховое производство в XIII—XIV вв. // Труды Горьковск. пед. ин-та. 1956. Т. 18. Ист. сб. № 4. С. 209—235; 2) Венецианские цехи в XIII—XIV вв. // СВ. М., 1959. Вып. 15. С. 31—50; 3) Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963; Thiriet F. Histoire de Venise. Paris, 1952; [Фионова Н. А. Венецианский цех в XIII—XV вв. Ч. 1. Горький, 1971].

11. Интересную сводку данных по крайне запутанному вопросу социального происхождения венецианского патрициата см.: Luzzato G. Les activités économiques du patriciat vénitien (X—XIV s.) // Annales d'hist. économique et sociale. 1937. N 43. Janv. Сводку обширной литературы по данному вопросу см.: Werner E. Zur Frage des Frühkapitalismus in Venedig // Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl Marx Universität. H. 3: Gesellsch. u. Sprachwiss. Reihe. Leipzig, 1956/57. S. 333—340.

12. По экономической истории Италии: см.: Pagnini G. F. Della decima e diverse altre gravèzze, imposte del comune di Firenze, della moneta e della mercantura de' fiorentini fino al secolo XVI. T. 1—3. Lisbona; Lucca. 1765—1766. Общие сведения см.: Зомбарт В. Современный капитализм. Т. 1/Пер. с нем. И. И. Яковкина. Л., 1924; Кулишер И. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. 6-е изд., испр. и доп. Т. 1—2. Пр., 1920—1923.

Наиболее документированную попытку общей трактовки хозяйственной истории феодальной Италии см.: Doren A. Italienische Wirtschaftsgeschichte. Jena, 1934; См. также: Luzzato G. Storia del commercio. Firenze, 1914; Bonfante P. Lezioni di storia del commercio. Roma, 1924; Carli F. Storia del commercio italiano. Vol. II: Il Mercato nell'età del comune. Cedam, 1936; Storia dell'economia italiana: Saggi di storia economica/A cura di C. M. Cipolla. Vol. I. Torino, 1959; Saporì A. Studi di storia economica: (Secoli XIII—XIV—XV). Vol. 1—2. Firenze, 1955; Vol. 3. Firenze, 1967.

Русские работы: Осокин Н. Заметки по экономической истории Италии. Казань, 1864; Ковалевский М. Экономический рост Западной Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т. 1—3. М., 1898—1903; Гукровский М. А. Итальянское Возрождение в трудах русских историков XIX в. // Вопросы истории. 1945. № 3. См. также: Луццатто Д. Экономическая история Италии: Античность и средние века. М., 1954.

13. Вопрос о разложении феодального поместья в Италии еще ждет своего исследователя. Наиболее приближается к общей постановке вопроса интересное исследование Р. Вассари «L'affrancazione dei servi della gleba nell'Emilia e nella Toscana» (Bologna, 1926). Несколько в другом разрезе подходит к проблеме Р. Сэггесе. (Le Classi e comuni rurali nel medio evo italiano: Saggio di storia economica e giuridica. Vol. 1—2. Firenze, 1907—1909). В дополнение к этой работе см.: Volpe G. Classi e comuni rurali nel medio evo italiano/Volpe G. Medio evo Italiano. Firenze, 1923. См. также: Leicht P. S. Studi sulla proprietà fondiaria nel medio evo italiano. Padova, 1903; Poggi E. Cenni storici delle legge sull'agricoltura. Vol. 1—2. Firenze, 1845—1848. Много ценного материала содержит работа: Ковалевский М. Экономический рост Западной Европы... Т. II. Гл. X: Первые массовые отпущения крестьян на свободу.

Сводку материала, касающуюся сельскохозяйственного строя Италии в средние века, см.: The Cambridge economic history of Europe. Vol. 1: The agrarian life of the middle ages. Cambridge, 1942. См. также: Котельникова Л. А. Итальянское крестьянство и город в XI—XIV веках. М., 1967.

14. Цит. по: Vassari P. L'affrancazione dei servi... P. 51.

15. Ibid. P. 75.

16. Ковалевский М. Экономический рост Западной Европы... Т. II. С. 378; Vassari P. L'affrancazione dei servi... P. 85.

17. Vassari P. L'affrancazione dei servi... P. 85.

18. Ibid. P. 177—178.

19. Различные объяснения этого повторения приводятся и дискутируются: Vassari P. L'affrancazione dei servi

20. По вопросу об освобождении крестьян во Флоренции см.: Vassari P. L'affrancazione dei servi...; Villari P. I primi due secoli della storia di Firenze; Caggese R. Firenze dalla decadenza di Roma al risorgimento d'Italia. Vol. 1—3. Firenze, 1912—1920; Davidsohn R. Geschichte von Florenz; Rümohr K. Ursprung der Besitzlosigkeit der Kolonen im neueren Toscana. Hamburg, 1890.

21. Vassari P. L'affrancazione dei servi ... P. 51.

22. Литература о Пьере ди Крешенци очень обширна. См.: Savastano L. Contributo allo studio critico degli scrittori agrari italiani. Pietro di Crescenzi//Annali d. r. Stazione sperimentale di agrumicoltura e frutticoltura in Acireale. Vol. V. Acireale, 1922; Roding A. Studier till Petrus de Crescentius och hans antika kallor. Göteborg, 1927; Pier de Crescenzi: Studi e documenti. Società agraria di Bologna, 1935. На русском языке имеется хотя краткая, но превосходная вступительная статья А. И. Хоментовской к переводу ряда отрывков из трактата Крешенци: Хоментовская А. И. «О выгодах сельского хозяйства» Петра Кресценция//Агрокультура в памятниках западного средневековья/Под ред. О. А. Добиаш-Рождественской и М. И. Бурского. М.: Л., 1936 (Труды Ин-та истории науки и техники. Серия V. Вып. 1). С. 285—339.

23. О восстаниях Сегарелли и Дольчино написано много. Хорошую сводку материала см.: Тиханова М. А. Восстание Дольчино//Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7, 8; Сказкин С. Д. 1) Исторические условия восстания Дольчино//X международный конгресс историков в Риме: Доклады советской делегации. М., 1956; [2] Первое послание Дольчино//Сказкин С. Д. Избранные труды по истории. М., 1973. С. 288—298; 3) Восстание Дольчино//Сказкин С. Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М., 1981. С. 47—53; 4) Сегарелли — учитель Дольчино//Там же. С. 53—97; Сказкин С. Д., Самаркин В. В. Дольчино и Библия: (К вопросу о толковании Писания как способа революционной пропаганды в средневековье)//СВ. М., 1975. Вып. 38; Самаркин В. В. Восстание Дольчино. М., 1971].

24. Цит. по: Тиханова М. А. Восстание Дольчино. С. 62—63.

25. История цехов в итальянских городах изучена достаточно детально. Сводная работа: Valsecchi F. Le corporazioni nell'organismo politico del medio evo. Milano, 1931. По флорентийским цехам см.: Doren A. 1) Studien aus der Florentiner Wirtschaftsgeschichte. Vol 1: Die Florentiner Wollentuchindustrie. Stuttgart, 1901; Vol. 2: Das Florentiner Zunftwesen. Berlin, 1908; 2) Entwicklung und Organisation der florentiner Zünfte im XIII und XIV Jahrh. Leipzig, 1897; Gualazzini U. Rapporti fra capitale e lavoro nelle industrie tessili lombarde del medio evo. Torino, 1932 (R. Univ. di Torino. Mem. dell'Ist. giuridico; Ser. II. Num. XX).

26. Вопрос о происхождении и развитии «коменды» разработан детально и многократно. Среди крупнейших можно назвать работы: Silberschmidt E. Die Commenda//Le droit commercial: Revue historique du droit français et étranger, 1934; Sayous A. La transformation des méthodes commerciales dans l'Italie médiévale//Annales d'hist., écon. et sociale, 1929; Astuti G. Origine e svolgimento storico della commenda. Torino, 1933.

27. Дискуссия о приоритете между «комендой» и «компанией» прекрасно изложена в работе: Carli F. Il mercato nell'età del comune. Padova, 1936. P. 202.

28. Морской торговле итальянских купцов посвящена работа: Heyd E. Geschichte des Levanthandels im Mittelmeergebiet. Bd 1—2. München, 1879. О заморской торговле генуэзцев см.: Byrne E. The Genoese shipping in the twelfth and thirteenth cent. Cambridge (Mass.), 1930; Lopez R. 1) Genova marinara nel Duecento. Messina, 1933; 2) Studi sull' economia genovese nel medioevo. Genova, 1936; 3) Storia delle colonie genovesi nel Mediterraneo. Bologna, 1938; Bratianu G. K. Recherches sur le commerce génois dans

la Mer Noire au Trezieme Siècle. Paris, 1929. О морской торговле Венеции см.: Luzzato G. Les activités économiques du patriciat vénitien; Непен G. Die Entstehung des Kapitalismus in Venedig. Stuttgart; Berlin, 1905; Wiel A. The navy of Venice. London, 1910; Lane F. Ch. Venetian ships and shipbuilders of the Renaissance. Baltimore, 1934. О торговле с Англией см.: Ruddoc A. A. Italian trading fleets in medieval England// History. N. S. Vol. XXIX, N 110 (Sept. 1944).

29. Simonfeld H. Der Fondaco dei Tedeschi in Venedig. Vol. I—II. Stuttgart, 1887.

30. Lopez R. Storia delle colonie genovesi nel Mediterraneo. Bologna, 1938. P. 231.

31. Подробно об уровне торговых прибылей см. § 2, гл. III.

32. Книга Марко Поло/Ред. и вступ. статья И. П. Магидовича; Пер. со старофр. И. П. Минаева. М., 1955. Гл. II; Харт Г. Венецианец Марко Поло/Пер. с англ. Н. В. Банникова; Ред. и предисл. И. П. Магидовича. М., 1956.

33. Цит. по: Данте Алигьери. Божественная комедия/Пер. с итал. М. Л. Лозинского. Л., 1939. С. 133—134.

34. Ряд вопросов сухопутной торговли освещен в сб.: Chiaudano M. Studi e documenti per la Storia del diritto commerciale italiano nel sec. XIII. Torino, 1930 (R. Univ. di Torino. Mem. d'istituto giuridico; Ser. II. Mem. VIII).

35. Об истории шампанских ярмарок см.: Bourquelot F. Études sur les foires de Champagne. Paris, 1865//Mem. présentées par divers savants à l'Acad. des inscript. et belles lettres; Sér. II. В дополнение к этой работе см.: Huvelin P. Quelques données nouvelles sur les foires de Champagne//Ann. du droit commercial français, étranger et internat. 1898. XII. Специально вопросу деятельности итальянских купцов на шампанских ярмарках и вообще во Франции посвящены работы: Piton C. Les lombards en France et à Paris. Vol. I—II. Paris, 1842—1843; Schaubе E. Der Kurierdienst zwischen Italien und den Messen der Champagne//Archiv für Post und Telegraphie. 1896. XXIV; Sayous A. Les opérations des banquiers italiens en Italie et aux foires de Champagne pendant le XIII siècle//Revue historique. 1932. N 170; Mirot Ch. Etudes lucoises//Bibl. de l'école de Chartes. 1927; Tranchini V. Gli italiani alle fiere di Sciampagna//Rivista internazionale di Scienze Sociali Disc., Am. A. 34 (1926). Vol. 105; Bigwood G. La politique de la laine en France sous les règnes de Philippe le Bel et ses fils//Revue belge de Philologie et d'Histoire. T. XV. N 1, 2; Эйзенштейн С. Флорентийские банкиры Францези при дворе Филиппа Красивого//Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. историческая. 1939. № 39.

36. Astuti G. Il Libro dell'entrata e dell'uscita di una compagna mercantile senese del sec. XIII. Torino, 1934 (Documenti e studi per la storia del commercio. Vol. V.; Chiaudano M. Il libro delle fiere di Champagne della compagna degli Ugolini//Chiaudano M. Studi e documenti per la storia del diritto commerciale italiano nel sec. XIII).

37. По истории банковских операций см.: Doren A. Italienische Wirtschaftsgeschichte; Carli F. Storia del commercio italiano. Vol. II: Il mercato nell'età del comune; Luzzatto G. Piccoli e grandi mercanti nelle città italiane del Rinascimento//Saggi di storia e teoria economica in memoria di G. Prato. Torino, 1931; Chiaudano M. Studi e documenti per la storia del diritto commerciale italiano nel sec. XIII; Sayous A. Le capitalisme commercial et financier dans les pays Chrétiens de la Méditerranée occidentale depuis les premières croisades...//Vierteljahrschr. f. Soz. u. Wirtschaftsgeschichte. Bd 29, H. 3 (36). S. 270—295.

38. О происхождении векселя см.: Sayous A. L'origine de la lettre de change//Revue historique du droit français et étranger. 1933. P. 95; Табашников П. Прошлое векселя. Одесса, 1891.

39. О ранней истории бухгалтерии см.: Roover R. de. Aux origines d'une technique intellectuelle. La formation et l'expansion de la comptabilité

à partie double//Annales d'hist. économique et sociale. 1937. N 44. Mars; Chiaudano M. Affari e contabilità dei banchieri fiorentini nel Dugento//Chiaudano M. Studi e documenti per la storia del diritto commerciale italiano nel sec. XIII; Corsani G. I fondaci e i banchi di un mercante pratese del Trecento, contributo alla storia della ragioneria e del commercio. Prato, 1922; Ceccherelli A. Le scritture commerciali nelle antiche aziende fiorentine. Firenze, 1910; Bariola P. Storia della ragioneria italiana. Milano, 1897; Melis F. Storia della ragioneria. Bologna, 1950; Zerbi T. Le origini della partita doppia. Gestioni aziendali e situazioni di mercato nei sec. XIV e XV. Milano, 1952.

40. Chiaudano M. 1) I Rotschild del Duecento, la gran Tavola di Orlando Bonsignori//Bolletino Senese di storia Patria. N. S. A. VI (1935). T. II. P. 103; 2) Le compagnie bancarie senesi nel Dugento//Chiaudano M. Studi e documenti per la storia del diritto commerciale italiano. Sec. XIII; 3) Note e documenti sulla compagnia dei Buonsignori//Ibid.

41. Цит. no: Chiaudano M. Le compagnie bancarie senesi... P. 16.

42. Об этом процессе К. Маркс говорил: «В истории первоначального накопления эпоху составляют перевороты, которые служат рычагом для возникающего класса капиталистов, и прежде всего те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрываются от средств своего существования и выбрасываются на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев. Экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, крестьянина, составляет основу всего процесса» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 728).

43. Там же. Т. 3. С. 55—56.

44. О раннем развитии ремесленного производства в городах Италии см.: Zapponi L. Gli umiliati nei loro rapporti con l'eresia, l'industria della lana ed i comuni nei secoli XII e XIII. Milano, 1911; Doren A. Die Florentiner Wollentuchindustrie. Stuttgart, 1901.

45. О ранней механизации в шелковой промышленности итальянских городов см.: Lopez R. S. L'extrême frontière du commerce de l'Europe médiévale//Le Moyen Age. T. LXIX (1963). P. 483.

46. См. литературу, указанную в прим. 28, а также. Sottas I. Les messageries maritimes de Venise au XIV et XV siècles. Paris, 1938.

47. Об итальянской металлургии XIII—XVI вв. см.: Luzzato G. L'industria mineraria italiana//Nuova Rivista Storica. A. XX. T. III—IV (1936); Simoncelli D. Lo Stato e l'industria mineraria. Vol. 1—2. Milano, 1929. О венецианской металлургии см.: Alberti A., Cessi R. La politica mineraria della repubblica veneta. Roma, 1927; Fanfani A. L'industria mineraria lombarda durante il dominio spagnolo//Fanfani A. Saggi di storia economica italiana. Milano, 1936; Cecchini G. Le miniere del dipartimento dell'Ombione in una relazione ufficiale...//Bull. Senese di Storia Patria. N. S. A. IX. F. I.

48. Ordinamenta super arte fossarum rameriae et argenteriae civitatis Massae/Ed. da Fr. Bonaini. Firenze, 1850 (Appendice all'Archivio Storico Italiano. N 27. T. VIII).

49. Carli F. Il Mercato nell'età del Comune. Padova, 1936. P. 314.

50. Мы не считаем целесообразным и возможным в настоящей работе приводить хотя бы основную литературу по истории схоластики. Сводные работы: Wulf M. de. Histoire de la philosophie médiévale. Paris; Louvain, 1905; Hauréau B. Histoire de la philosophie scolastique. Paris. 1872; Stöckl A. Geschichte der Philosophie des Mittelalters. Mainz. 1864; Ruggiero C. de. Storia della filosofia. Bari, 1929. P. II; Ehrle F. Der Augustinismus u. der Aristotelismus in der Scholastik gegen Ende des XIII Jahrh.//Archiv für Literatur u. Kirchengeschichte des Mittelalters. V (1889); Gentile G. I problemi della scolastica e il pensiero italiano. Bari, 1923; Gilson E. 1) Etudes de philosophie médiévale. Strasbourg, 1911; 2) History of Christian philosophy in the Middle Ages. New York, 1955; Vassoli C. La filosofia medioevale. Milano, 1961; [Соколов В. В. Средневековая философия. М., 1979].

51. О Бонавентуре см.: Lemmens L. Der heilige Bonaventura, Kardinal und Kirchenlehrer. Kempten; München, 1909; Monte F. dal. Filosofia e mistica in Bonaventura da Bagnorea. Roma, 1924; Gilson E. La philosophie de Saint Bonaventure. Paris, 1924.

52. О Фоме Аквинском см.: Endres Y. A. Die Zeit der Hochscholastik: Thomas von Aquin. Mainz, 1910; Mandonnet P. F. Destrez J. Bibliographie Thomiste//Ren. Sci. philos. theol. Kain, 1921; Grabmann A. Introduzione alla Summa Theologiae di San Tomaso d'Aquino. Milano, 1930; Gilson E. La philosophie de S. Thomas. Paris, 1935; Schilling O. Die Staats- und Soziallehre des heiligen Thomas von Aquin. 2. Aufl. München, 1930; Horvath A. La sintesi scientifica di San Tomaso d'Aquino. T. 1. Torino, 1932. Wilpert R. Das Problem der Wahrheitssicherung bei Thomas von Aquin. München, 1932. По вопросу о «справедливой середине» см.: Saporì A. Il giusto prezzo nella dottrina di San Tommaso e nella pratica del suo tempo//Archivio storico italiano. A. XC (1932). Ser. VII. Vol. XVIII. P. 3—56; Fanfani A. Le origini dello spirito capitalistico in Italia. Milano, 1933. См. также: Kristeller P. O. Le thomisme et la pensée italienne de la Renaissance. Montreal; Paris, 1967; [Боргош Ю. Фома Аквинский. 2-е изд. М., 1975].

53. Так, в 20-х годах нашего века в странах Западной Европы развивается движение, получившее название неотомизма и ставящего целью создание единой богословско-идеалистической философской системы, которая представляет обновленный вариант учения «ангельского доктора».

54. Литература второй половины XIII в. изучена весьма детально почти во всех своих проявлениях. Общие работы см. в прим. 24, гл. I; см. также: Де Санктис Ф. История итальянской литературы/Пер. с итал.; Под ред. Д. Е. Михальчи. Т. I. М., 1963; Monteverdi A. Studi e saggi sulla letteratura italiana dei primi secoli. Milano; Napoli, 1951; Bertoni G. Il Duecento. Milano, 1957; [Голенищев-Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972. С. 196—254; см. также полный перечень работ на русском языке: Голенищев-Кутузова И. В. История итальянской литературы: Указатель работ, изданных в СССР на русском языке. 1917—1975/Под ред. [М. П. Алексеева. Т. I—II. М., 1977 (Академия наук СССР. Институт научной информации по общественным наукам)].

55. О Брунетто Латини кроме общих работ см.: Гуковский М. А. Итальянские энциклопедии XIII—XVI вв.//Труды ин-та Книги, Документа и Письма. Т. II. 1932. С. 43—65; Sundby Th. Brunetto Latinos Leunet og skrifter. Kiøbenhavn, 1869; Testa E. Brunetto Latini//Rivista di sintesi letteraria. A. III. N. S. 1937. Gen-Marzo; Latini Brunetto. 1) Li livres dou tresor/Ed. E. I. Garmody. Los Angeles, 1948; 2) La Rettorica/Testo critico di F. Maggini. Firenze, 1968; Messelaar A. Le vocabulaire des idées dans le "Tresor" de Brunet Latin. Amsterdam, 1963.

56. Цит по: Li livres dou tresor par Brunetto Latini//Collection de documents inédits sur l'histoire de France. Ier série. Histoire littéraire//Ed. par P. Chabaille. Paris, 1863.

57. О Салимбене и его хронике см.: Бицилли П. М. Салимбене: Очерки итальянской жизни XIII в. Одесса, 1916; Bernini F. 1) Bibliografia Salimbeniana//Studi francescani. Firenze, 1937; 2) Il parentado e l'ambiente familiare del cronista Frate Salimbene da Parma, secondo nuovi documenti//Arch. Franciscanum historicum. XXVIII (1935); Stolfi L. Di Fra Salimbene nella sua Cronaca//Frate Francesco. X. N 4 (1937); 2) Riflessi storici tratti da Salimbene//Ibid., N 5 (1937); Boselli N., Bernini F. La fortuna della Cronica di Salimbene//Bulletino d. Ist. Stor. Italiano e Archivio Muratoriano. N 52; Violante G. Motivi e carattere della cronica di Salimbene//Annali della Scuola normale superiore di Pisa. Firenze, 1953. Vol. 22. F. 1—2. P. 124—136; Paul J. L'eloge des personnes et l'ideal humain au XIII siècle d'après la chronique de fra Salimbene//Le Moyen âge. Bruxelles, 1967. Vol. 73, N 3—4. P. 403—430.

58. Историю возникновения и первых шагов итальянского литературного языка см.: Raina P. *Le origini della lingua italiana*//*Gli Albori della vita italiana*. Milano, 1890 (в русском переводе: Раина П. Происхождение итальянского языка//Зарницы: Флорентийские чтения. Итальянская живопись и культура. Т. I. М., 1914. С. 266—283. См. также: Bertoni G. 1) *Intorno alle questioni sulla lingua nella lirica italiana delle origini*//*Studi medievali*. Spoleto, 1963. I. 580; 2) *Italia dialettale*. Milano, 1917; Schiaffini L. *Le origini dell'italiano letterario/L'Italia dialettale*. Pisa, 1929; Zingarelli N. *La lingua italiana/L'Italia e gli italiani*. Firenze, 1930; Де Санктис Ф. *История итальянской литературы*. Т. I. М., 1963; [Голенищев-Кутузов И. Н. *Средневековая итальянская литература*. С. 190—195].

59. О Дино Компаньи и его хронике см.: Lungo I. del. *Dino Compagni e la sua Cronica*. Vol. I—III. Firenze, 1879—1887. См. также: Баткин Л. М. *Хроника Дино Компаньи или притча Данте Алигьери*//СВ. 1960. Вып. 17. С. 374—387; Parazzoli G. *Dino Compagni e la sua Cronaca*. Milano, 1956.

60. О «Новеллино» см.: D'Ancona A. *Del Novellino e delle sue fonti*//D'Ancona A. *Studi di critica e storia letteraria*. Bologna, 1912; Francia L. di. 1) *Novellistica*. Milano, 1924; 2) *Novellistica*. Torino, 1931; Vutano G. *L'elemento storico del "Novellino"*. Palermo, 1934; Besthorn R. *Ursprung und Eigenart der älteren italienischen Novelle*. Halle, 1935; [Il *Novellino*/Testo critico, introduzione e note a cura di F. Favati. Genova, 1970. Первый полный русский перевод: Новеллино/Изд. подг. М. Л. Андреев, И. А. Соколова. М. 1984].

61. Перевод сделан по изд.: Milano, 1879.

62. Нравоучительно-аллегорическая литература подробно разобрана в работе: Bertoni G. *Il Duecento*. Milano, 1930.

63. Ibid. См. также: Де Санктис Ф. *История итальянской литературы*/Пер. с итал. Д. Е. Михальчи. Т. I. М., 1963.

64. О проблеме поэзии "dolce stil" и посвященной ей литературе см.: Bertoni G. *Il Duecento*; Vossler H. *Die Philosophischen Grundlagen zum "Süßen neuen Styl"*. Heidelberg, 1904; Valli L. *Il linguaggio segreto di Dante e i "Fedeli d'amore"*. Roma, 1926; Figurelli F. 1) *Il dolce stil novo*. Napoli, 1933; 2) *L'elemento filosofico del "Dolce stil novo"*//*La Nuova Italia*. A. III. 1932; Biondillo F. *Dante creatore del "dolce stil novo"*. Palermo, 1937; Torraca Fr. *La canzone "Al cor gentil ripara sempre amore"*//*Atti d. R. Accad. di archeol., lett. e delle arti d. R. Soc. di Napoli*. N. S. Vol. XIII (1933—1934); Cino da Pistoia nel VI centenario della morte/ A cura del comitato pistoiese per le onoranze a Cino da Pistoia. Pistoia, 1937; Zaccanini G. 1) *Le rime di Cino da Pistoia*. Genève, 1925; 2) *Nuove notizie intorno a Guido Guinizelli*//*Atti e mem. d. r. Dep. d'ist. patria per le prov. di Romagna*. Ser. IV. Vol. XXI—XXII (1931—1932); Montanari F. *La poesia del Guinizelli come esperimento di cultura*//*Giorn. Stor. d. Lett. it.* Vol. CIV. F. 312 (1934); Salinari C. *La poesia lirica del Duecento*. Torino, 1951; Shaw G. *Cavalcanti's theory of love*. Toronto, 1949.—Мы применяем вслед за рядом исследователей, и в первую очередь вслед за Фигурелли, термин «сладкий стиль» для обозначения творчества всей школы, считая, что широко распространенный термин «новый сладкий стиль» следует отнести только к творчеству Данте.

65. Цит. по: Алпатов М. В. *Итальянское искусство эпохи Данте и Джотто: Истоки реализма в искусстве Западной Европы*. М.; Л., 1939. С. 38—39.

66. О Гвиттоне д'Ареццо см.: Dellizzari A. *La vita e le opere di Guittone d'Arezzo*. Pisa, 1906. О Якопоне да Тоди см.: Sapegna N. *Frate Jacopone*. Torino, 1925; Winkler E. *Jacopone da Todi*//*Arch. i. Kulturgesch.* A. XXVIII. Bd. 1 (1938); Toschi P. *La poesia popolare religiosa in Italia*. Firenze, 1935; Marti M. *Ritratto e fortuna di Guittone d'Arezzo*//*Marti M. Realismo dantesco e altri studi*. Milano; Napoli, 1961. P. 126—155; Marqueron C. *Recherches sur la vie et l'oeuvre de Guittone d'Arezzo*. Paris, 1966;

Cattaneo M. T. Note sulla poesia di Guittone//Giornale storico della letteratura italiana. Torino, 1960. Vol. 137. F. 418. P. 165—203; Briscia L. M. La poetica di Jacopone//Istituto di filologia moderna. Serie italiana. Vol. 1. Milano, 1961. P. 1—43; Grisi F. Jacopone da Todi contro Bonifacio VIII//Nuova antologia. Vol. 493. F. 1971. Roma, 1965. P. 362—377.

67. О поэтах-реалистах, стоявших в оппозиции к "dolce stil novo", кроме литературы, указанной Bertoni, см.: Marletta F. Folgore di S. Gimignano//Rass. di studi francescani. X. 1: Asielli P. L'amore, l'odio, il dolore nel canzoniere di Cecco Angiolieri. Bobbio, 1932; Sapegno N. Nuovi studi sull'Angiolieri//La Nuova Italia. A. VI. 1935. 1; Grossi L. Cecco Angiolieri e i burleschi del 200 e del 300. Torino, 1936; Sapegno N. La corrente realistica alle origini della nostra letteratura//La Nuova Italia. A. III. 1933. N 2; Pieri R. Folgore di S. Gimignano. Milano, 1960; [Хлодовский Р. И. Комическое в поэзии позднего средневековья: (Экспурс в предысторию ренессансного стиля)]//СВ. М., 1980. Вып. 43. С. 105—133.— В статье содержится новейшая историография].

68. Литературу по основным вопросам жизни и творчества Данте см. в монументальной сводной работе: Zingarelli N. La Vita i Tempi e le Opere di Dante. 3 ed., completamente rifatta. Vol. 1—2. Milano, 1931. См. также: Talgen R. Das Mittelalterliche Gesicht der Göttlichen Komödie. Heidelberg, 1935; Maggini Fr. Introduzione allo studio di Dante. Bari, 1936; Studi di Dante. Bari, 1939; Дживелло А. К. Данте. М., 1933 (Жизнь замечательных людей. Вып. XVI); Данте. Божественная комедия/Пер. М. Лозинского; Изд. подг. И. Н. Голенищев-Кутузов. М., 1967; Данте. Малые произведения/Изд. подг. И. Н. Голенищев-Кутузов. М., 1968; Баткин Л. М. Данте и его время: Поэт и политика. М., 1965; Елина Н. Г. Данте. М., 1965; Голенищев-Кутузов И. Н. Данте. М., 1967; Данте и всемирная литература/Под ред. И. Н. Балашова, И. Н. Голенищев-Кутузова, А. Д. Михайлова. М., 1967; Dante. L'opere/Ed. M. Porena, M. Pazzaglia/Bologna, 1966; Espósito E. Gli studi danteschi dal 1950 al 1964. Roma, 1965; Singleton Ch. S. Introduzione alla Divina Comedia. Napoli, 1961; Atti del Congresso internazionale di Studi danteschi. Vol. 1—2, Firenze, 1965—1966; L'Italia e il mondo per Dante: Com. naz. per le celebrazioni del VII cent. della nascita di Dante. Firenze, 1968.

О пересмотре воззрений Данте в духе последовательного томизма см.: Nardi B. 1) Dante e la cultura medioevale. Bari, 1942; 2) Nel mondo di Dante. Roma, 1944; 3) Dal convivio alla Comedia. Roma, 1960.

[Голенищев-Кутузов И. Н. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971, Дантовские чтения. М., 1968, 1971, 1973, 1976, 1979, 1982, 1985; Данченко В. Т. Данте Алигьери: Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском яз. 1762—1972. М., 1973; Dante. La Divina Comedia/A cura di C. Salinari, S. Romagnoli, A. Lanza. Vol. 1—3. Roma, 1980; Enciclopedia Dantesca/Diretta di U. Bosco. Roma, 1970—1978].

69. Цит. по: Данте Алигьери "De vulgari eloquio" (О народной речи). 1321—1329/Пер. В. К. Шкловского. Пг., 1922. С. 8.

70. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 382.

71. О Муссато см.: Zardo A. Albertino Mussato. Padova, 1884; Mioia M. Della vita e delle opere di Alb. Mussato. Roma, 1884; Dazzi M. 1) L'Eccerinide di Alb. Mussato//Giorn. stor. d. lett. ital., 1921; 2) La fama del Mussato//Rivista d'Italia. 1916; 3) Il Mussato — storico//Archivio veneto. 1929; [Андреев М. Л. Трагедия Альбертино Муссато «Эццеринида»//Художественный язык средневековья/Под ред. В. А. Карпушина. М., 1984. С. 40—60].

72. Хорошую, хотя и не во всем бесспорную сводку литературы по итальянскому искусству см.: Алпатов М. В. Итальянское искусство эпохи Данте и Джотто. См. также: Лазарев В. Н. Происхождение итальянского Возрождения. Т. I. М., 1956,— работа значительная, но вызывает серьезные возражения своей общей концепцией, что, однако, не лишает ее

материал, прекрасно подобранный и изложенный, серьезного научного значения и интереса. Книга снабжена превосходной, весьма полной библиографией. См. литературу, указанную в прим. 26, гл. I, и в частности: Venturi A. Storia dell'arte italiana; Marle R. V. The italian school of painting; Berenson P. The italian painters of the Renaissance. Интересный, хотя и глубоко субъективный анализ дается в работе: Dvořák M. Geschichte der italienischen Kunst. Bd I—II. Wien, 1927. См. также: Valentiner W. Studies of italian Renaissance sculpture. London, 1950; Panofsky E. Renaissance in western art. Stockholm, 1960; Toesca P. Storia dell'arte italiana. T. II: Il Trecento. Torino, 1951. Обзор литературы об искусстве Тосканы см.: Klesse Br. Literatur zur Trecentomalerei in Florenz// Z. f. Kunstgeschichte. Bd 25 (1962). H. 3/4. S. 251—276; Бернсон Б. Живописцы итальянского Возрождения/Пер. с англ. Н. А. Белоусовой и И. П. Тепляковой; Предисл. В. Н. Лазарева. М., 1965; Данилова И. Е. Итальянская монументальная живопись: Раннее Возрождение. М., 1970; Hartt F. A. History of italian Renaissance art: Painting, sculpture, architecture. London, 1970; [Алпатов М. В. Художественные проблемы итальянского Возрождения. М., 1976; Виппер Б. Р. Итальянский Ренессанс: XIII—XIV вв. Т. 1—2. М., 1977; Дворжак М. История итальянского искусства в эпоху Возрождения/Пер. и комм. И. Е. Бабанова; Ред. и предисл. Е. И. Ротенберга. Т. 1. М., 1978].

73. Из специальных исследований с Джотто наиболее интересны работы: Rintelen F. Giotto und Giotto Apokryphen. Basel, 1923; Siren O. Giotto and some of his followers. London, 1917; Joseffi D. Giotto—architetto. Pisa, 1963; Salvini R. Tutta la pittura di Giotto. Milano, 1952; Previtali G. Giotto. Vol. 1—2. Milano, 1964; Cecchi E. Giotto. Wurzburg; Wien, 1959; Valsecchi M. Capella degli Scrovegni. Novara, 1962; см. литературу в прим. 72, а также старую работу: Соломин Г. К. Джотто ди Бондоне: Эпоха раннего Ренессанса. Б. м., б. г. [1914 г.].

74. О скульптурных работах Пизано см.: Brach A. Niccolo und Giovanni Pisano und die Plastik d. 14. Jahrh. Strassburg, 1904; Poppe A. Niccolo und Giovanni Pisano. Leipzig, 1922; Venturi A. Giovanni Pisano. München, 1927; Schwarzenski B. N. Pisano. Frankfurt, 1926; Wandgam M. Toscanische Plastik von 1250—1400//Z. für Kunstgeschichte. 1958. Bd 21. H. 5. S. 245—270; Гиацинтов В. Возрождение итальянской скульптуры в творениях Николо Пизано. СПб., 1900; [Angiola E. M. Nicola Pisano, Federigo Visconti and the classical style in Pisa//The Art Bulletin. 1977. LIX].

75. Об архитектуре XIII—начала XIV в. в Италии см.: Burckhardt I. Geschichte der Renaissance in Italien, 5 Aufl./Bearb. von H. Holtzinger. Esslingen, 1912; Franke T. Die Renaissance architektur in Italien. Leipzig, 1912; Josef D. Geschichte der Architektur italiens. Leipzig, 1907; Gromont G. Histoire abrégée de l'architecture de la Renaissance en Italie. Paris, 1912; Paatz W. Werden und Wesen der Trecento Architektur in Toscana. Burg b/Magdeburg, 1937; Argan G. L'Architettura italiana der Duecento e Trecento. Firenze, 1937; см. также литературу в прим. 72; [Алпатов М. Итальянское искусство эпохи Данте и Джотто].

Глава III

1. Общие труды о Неаполитанском королевстве XIV в. названы в прим. 1, гл. II. Кроме того, см.: Blasiis G. de. Racconti di storia napoletana. Le case dei principi Angioini nella piazza di Castelnuovo. Napoli, 1908; Caggese R. Roberto d'Angio e i suoi tempi. Vol. 1—2. Firenze, 1922—1930; Leonard E. G. Histoire de Jeanne I, reine de Naples, comtesse de Provence. Vol. 1—3. Paris, 1934—1938. См. также: Осокин Н. Неаполитанские государи в XIV в.//Учен. зап. Казанск. ун-та. 1873. № 1—2; Веселовский А. Н. Король книгочий//Журнал Министерства Народного Просвещения. 1890. № 10; Stefano A. de. Federico III d'Aragona re di Sicilia (1296—1337). 2 ed. Bologna, 1956. P. 224.

2. Цит. по: Blasiis G. de. *Racconti di storia napoletana*. P. 224.
3. *Ibid.* P. 282.
4. Основная литература о Риме XIV в. названа в прим. 3, гл. II. Кроме того, см.: Antonelli M. 1) *La dominazione pontificale nel Patrimonio negli ultimi venti anni del periodo avignonese*//Arch. d. R. Soc. Romana di storia patria. Vol. XXX. F. III—IV. 1907; 2) *Vicende della dominazione pontificale nel patrimonio di S. Pietro in Tuscia della traslazione della sede alla restaurazione dell'Albornoz*//*Ibid.* Vol. XXV, XXVI, XXVII. 1902—1904; 3) *Nuove ricerche per la storia del Patrimonio dal 1321 al 1341*//*Ibid.* N. S. Vol. 1. 1935; Dupré-Theselder E. 1) *I Papi d'Avignone e la questione romana*. Firenze, 1939; 2) *Roma dal comune di popolo alla signoria pontificale (1252—1377)*. Bologna, 1952; Tellenbach G. *Beiträge zur kurialen Verwaltungsgeschichte im 14. Jahrh.*//*Quellen und Forschungen*. 24. 1933; Ermini G. *I Parlamenti dello Stato della Chiesa dalle origini al Periodo Albornoziano*. Roma, 1931; Glenisson Y. *Les origines de la revolte de l'état pontifical en 1375*//*Rivista di storia della chiesa d'Italia*. V. (1951); Mollat G. 1) *Contribution à l'histoire de l'administration judiciaire de l'église romaine au XIV s.*//*Revue d'Hist. ecclésiastique*. T. XXXII, N. 4. 1936. 2) *L'Administration d'Orvieto durant la legation d'Albornoz (1354—1367)*//*Mélanges d'archéologie et d'histoire*. Ecole française de Rome. T. LXX. 1958. P. 395—406; Schäfer K. H. *Die Ausgaben der Apostolischen Kammer unter Johann XXII, nebst den Jahresbilanzen von 1316—1375*. Paderborn, 1911 (Vatik. Quellen zur Gesch. d. Päpstl. Hof- und Finanzwesen, 1316—1378. Bd. II); Glenisson Y., Mollat G. *Gil Albornoz et Androin de la Roche (1353—1367)*. Paris, 1964.
5. Цит. по: Bouard M. de. *Problèmes des subsistances dans un état médiéval, le marché et les prix*...//*Annales d'Hist. économique et sociale*. 1938. N 54. A. X. Nov.
6. Petrarca F. *Epistolae de rebus familiaribus*... L. VI, ep. 6. Перевод по итальянскому изд.: Petrarca F. *Lettere delle cose familiari libri 24*.../Con note di G. Fracassetti. Vol. 1—3. Firenze, 1864.
7. Литература о Коле ди Риенцо достаточно обширна. Лучшая сводная работа: Piur P. *Cola di Rienzo: Darstellung seines Lebens und seines Geistes*. Wien, 1931. См. также: Vielstedt H. *Cola di Rienzo: Die Geschichte des Volkstribunen*. Berlin, 1936; Петрункевич А. *Кола ди Риенцо*. СПб., 1909; Максимовский В. *Кола ди Риенцо*. М., 1936; Höfeler K. H. *Rienzi. Das abenteuerliche Vorspiel der Renaissance*. München, 1958; Masek J. *Pétrarque et Cola di Rienzo*//*Historica*. XI. Praha, 1965. P. 5—51.
8. Цит. по: Петрункевич А. *Кола ди Риенцо*. С. 269.
9. Об Альборноце см.: Filippini G. *Il cardinale Egidio Albornoz*. Bologna, 1933.
10. Литература об Екатерине Сиенской в своей большей части носит конфессионально-восторженный характер. Перечислена она в библиографическом обзоре: Valli F. *Rassegna Cateriniana*//*Giorn. Storico d. lett. italiana*. Vol. XCVII. F. 3. 1931; Caterina da Siena. *Epistolario*. Vol. 1—3. Siena, 1966.
11. По истории кондотьеров и их отрядов см.: Ricotti E. *Storia delle compagnie di ventura in Italia*. Torino, 1893; Block W. *Die Condottieri*. Berlin, 1913; Semerau A. *Die Kondottieri*. Jena, 1909; Bueno de Mesquita D. M. *Some condottieri of the trecento*. London, 1946; Visentin O. *I condottieri*. Milano, 1966.
12. Petrarca. *Lettere delle cose familiari*... L. XVIII, let. 16; L. XXIII, let. 1; L. X, let. 2.
13. Общая история образования, расцвета и падения синьорий итальянского Возрождения еще не написана. Из общих работ см.: Salzer G. *Über die Anfänge der Signorie in Oberitalien*. Berlin, 1900; Cencetti G., Fasoli G. *Gli studi storici sulle signorie romagnole*//*Atti e mem. d. R. Deput. di St. Patria per l'Emilia e la Romagna*. IV. 1938—1939; [Ролова А. Д. Современная зарубежная историография об итальянской синьории]//*Культура эпохи Возрождения*/Отв. ред. А. Н. Немилов. Л., 1986. С. 21—35; Pulian B. *A history of early Renaissance Italy from the mid-thirteenth to the mid-*

fifteenth century. London, 1973; Storia della società italiana. T. VII: La crisi del sistema comunale. Milano, 1982].

14. О Монтефельтро см.: Ugolini T. Storia dei conti e dei duchi di Urbino. Firenze, 1889; Dennistoun I. Memoires of the dukes of Urbino. Vol. 1—3. London, 1909; Franceschini D. I Montefeltro. Varese, S. a.

15. О Малатеста см.: Yriarte Ch. Rimini. Un condottiere au XV siècle. Etudes sur les lettres et les arts à la cour des Malatesta. Paris, 1882; Tonini A. Storia della città di Rimini. Vol. 1—7. Rimini, 1848—1882; [Jones J. The Malatesta of Rimini and the papal state: A political history. Cambridge, 1974].

16. О д'Эсте см.: Antolini C. Il dominio estense in Ferrara. Ferrara, 1896; [Chiappini L. Gli Estensi. Varese, 1970].

17. О Гонзара см.: Fochessati G. Gonzaga di Mantova... 2 ed Milano, 1927; Brinton S. The Gonzaga, lords of Mantua. London, 1927; Arte, pensiero e cultura a Mantova nel primo Rinascimento in rapporto con la Toscana e con il Veneto//Atti del VI Convegno internazionale di studi sul Rinascimento (Firenze—Venezia—Mantova, 27 settembre—1 ottobre 1961). Firenze, 1965.

18. О Скалигерах см.: Cipolla C. 1) La Storia Scaligera secondo i documenti...//Monumenti Veneti Miscellanea. II. 1903; 2) Compendio della storia politica di Verona. Verona, 1900; Allen M. A history of Verona. New York, 1910; Wiel A. The story of Verona. London, 1904; Spangenberg H. Cangrande I della Scala. Vol. 1—2. Berlin, 1892—1895; Carrara M. Gli Scaligeri. Varese, 1966.

19. О Каструччо Кастракани см.: Dompè P., Gandolfo L. Castruccio Castracani degli Antelminelli. Milano, 1936; Castruccio Castracani degli Antelminelli. Firenze, 1934//Atti d. R. Accad. Lucchese d. scienze, lettere ed arti. N. S. T. III).

20. Общую литературу по истории Флоренции см. в прим. 6, гл. II. См. также: Rodolico N. 1) Il popolo minuto. Note di storia fiorentina (1343—1378). Bologna, 1899; 2) La democrazia fiorentina nel suo tramonto (1378—1382). Bologna, 1905; Sapori A. La crisi delle compagnie mercantili dei Bardi e dei Peruzzi. Firenze, 1926; Brucker G. A. Florentine politics and society: 1343—1378. Princeton, 1962; Рутенбург В. И. Очерк из истории раннего капитализма в Италии: Флорентийская компания XIV в. М.; Л., 1951; Баткин Л. М. 1) Гвельфы и гибеллины во Флоренции: (Основные этапы и характер социальной борьбы в XII—середине XIII в.)//СВ. М., 1959. Вып. 16. С. 23—48; 2) О сущности борьбы гвельфов и гибеллинов в Италии XIV в.//Из истории трудящихся масс Италии: Сб. ст./Отв. ред. С. Д. Сказкин. М., 1959. С. 75—83.

21. О походе Генриха VII см.: Bowsky W. Florence and Henry of Luxemburg. King of the Romans: the rebirth of guelfism//Speculum. Vol. XXXIII. N 2. 1958. Apr. P. 177—203.

22. Данные о выступлениях «тощего народа» заимствованы из работы: Rodolico N. Il popolo minuto...

23. О первых шагах рода Медичи см.: Гуковский М. А. Заметки и материалы по истории рода Медичи//Учен. зап. Ленингр. ун-та. 1939. № 39. С. 162—190; 1941. N 86. С. 144—162; Brucker G. The Medici in the fourteenth century//Speculum. Vol. XXXII, 1957. Jan. P. 1—26.

24. О заговоре Чучо Брандини см.: Rodolico N. Il popolo minuto... См. также: Рутенбург В. И. Народные движения в городах Италии XIV—начала XV века. М.; Л., 1958. С. 89—95.

25. Цит. по: Rodolico N. Il popolo minuto... P. 72.

26. Ibid. P. 73.

27. Ibid. P. 81.

28. Наиболее полный подбор источников по восстанию чомпи см.: Documenti di storia italiana/Pubblicati a cura d. R. Deputazione sugli studi di storia patria per le provincie di Toscana, dell'Umbria e delle Marche. T. VI. Firenze, 1876; Acciaiuoli A. Cronaca (1378).../A cura di G. Scaramella//

Raccolta dei storici italiani. Nuova ed. T. XVIII. Bologna, 1934. P. III. Литература о восстании чомпи очень велика. См., напр.: Фридолин П. П. Восстание чомпи: Из истории рабочего движения в Италии XIV в. // Изв. Азербайдж. ун-та. Обществен. науки. Т. 4—5. Баку, 1925; Т. 6—7. 1926; Гукровский М. А. Кто был истинным руководителем восстания чомпи? // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. Т. XII. 1939. С. 189—196; Faletti-Fossati C. Il Tumulto dei ciompi. Firenze, 1875; Corazzini G. O. I ciompi. Firenze, 1882; Scaramella G. Firenze allo scoppio del tumulto dei ciompi. Pisa, 1914; Rodolico N. 1) Le democrazia fiorentina nel suo traino. Bologna, 1905; 2) I ciompi. Una pagina di storia del proletariato operaio. Firenze, 1945; Banti O. Noterelle sul tumulto dei ciompi // Bolletino storico pisano. 1950; Gukovsky M. Chi fu a capo della somossa dei ciompi? // Studi in onore di A. Saporiti. Vol. I. Milano, 1957. P. 709—713; Werner E. Probleme städtischer Volksbewegungen im 14 Jahrhundert dargestellt am Beispiel der ciompi erhebung in Florenz // Städtische Volksbewegungen im 14 Jahrhundert. Berlin, 1960. S. 11—55. Особенно важна основополагающая монография: Рутенбург В. И. 1) Народные движения в городах Италии: XIV—начало XV века. М.; Л., 1958. С. 134—292; [2] Чомпи и гранды // Из истории трудящихся масс Италии. С. 171—178; 1) Il Tumulto dei ciompi. Un momento di storia fiorentina ed europea. Firenze, 1981].

29. Цит. по: Acciaiuoli A. Cronaca... P. 76—77.

30. Ibid. P. 84.

31. По истории Милана см.: Gli atti cancellereschi Visconti. P. I: Decreti e carteggio interno. Milano, 1920; Dispacci di Pietro Cornaro, ambasciatore a Milano durante la guerra di Chioggia/A cura di V. Lazzarini. Venezia, 1939 (R. Deput. di St. Patria per le Venezie. Monumenti Storici; Ser. I. Doc. N XX); Cognasso F. I Visconti. 2 ed. Varese, 1966.

32. По истории Генуи XIV в. см. прим. 9, гл. II. См. также: Levati L. M. Dogi perpetui di Genova anni 1339—1528: Studio biografico. Genova, 1930.

33. По истории Венеции см. прим. 10, гл. II. См. также: Casati. La guerra di Chioggia e la pace di Torino. Venezia, 1866; Bratianu G. I. Les vénitiens dans la Mer Noire au XIV s. Bukarest, 1939; Sottas I. Les messageries maritimes de Venise aux XIV et XV s. Paris, 1938; Lane F. Ch. Venetian ships and shipbuilders of the Renaissance, Baltimore, 1934; Dudan B. Il "Liber secretorum fidelium crucis..." ed alcuni aspetti del pensiero politico veneziano nel sec. XIV // Atti d. Instit. Veneto. XIV. 1935—1936; Fano N. Recherche sull'Arte della lana a Venezia nei sec. XIII e XIV // Archivio Veneto. 1936. A. LXVI. Vs. N 35—36; Luzzatto G. 1) Studi di storia economica veneziana. Padova, 1954; 2) Storia economica di Venezia dall'XI al XVI secolo. Venezia, 1961.

34. По экономической истории Возрождения см. прим. 12, гл. II. См. также: Рутенбург В. И. О прогрессивности капиталистических отношений в Италии XIV—XV вв. // СВ. 1955. Вып. 6. С. 20—80.

35. О сельскохозяйственном строе Италии XIV в. см. работы, названные в прим. 13, гл. II. См. также: Бернадская Е. В. 1) Из истории сельских коммун моденской провинции // СВ. М., 1959. Вып. 14. С. 49—68; 2) К истории аграрных отношений в Северной и Средней Италии XIV—XV вв.: (По материалам провинций Модены и Феррары) // Из истории трудящихся масс Италии. С. 179—199; Брагина Л. М. 1) Сельские коммуну Северо-Восточной Италии и подчинение их городу в XII—XIV вв. // СВ. М., 1955. Вып. 7. С. 120—150; 2) Общинное землевладение в Северо-Восточной Италии XIII—XIV вв. // СВ. М., 1958. С. 31—50; 3) Положение крестьянства в Северо-Восточной Италии в XIII—XIV вв. // Из истории трудящихся масс Италии. С. 84—132; [Котельникова Л. А. Сукноделие в сельской округе городов Тосканы в XIII—XIV вв. и политика города и цеха // Европа в средние века: экономика, политика, культура: Сб. статей. К 80-летию С. Д. Сказкина / Отв. ред. З. В. Удальцова. М., 1972. С. 72—85].

36. Ковалевский М. Экономический рост Западной Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т. II. М., 1898. С. 456.

37. Половничество, являющееся наиболее характерной принадлежностью аграрного строя Италии XIV в., подробно освещено в работах: Dietzel Ch. Über Wesen und Bedeutung des Teilbaus (Mezzadria) in Italien//Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft, 1884—1885. Bd 40—41; Bertagnoli C. 1) «Mezzadria», «Masserizia» o «Colonia»//Digesto Italiano. XV. 1904; 2) Delle vicende dell' agricoltura in Italia. Firenze, 1881.

38. Ковалевский М. Экономический рост Западной Европы. Т. II. С. 468.

39. Там же. С. 459.

40. Цит. по: Sacchetti F. Novelle. Torino, 1853.

41. Гукровский М. А. Заметки и материалы по истории рода Медици//Учен. зап. Ленингр. ун-та. 1939. № 39. С. 170.

42. Rodolico N. Il popolo minuto ... P. 94.

43. Ковалевский М. Экономический рост Западной Европы... Т. II. С. 846.

44. О восстании пьемонтских крестьян. см.: Там же. С. 450.

45. По истории цехового строя итальянских городов в XIV в. см. прим. 25, гл. II., в первую очередь работы Valsecchi, Doren, Gualazzini.

46. Doren A. Das Florentiner Zunftwesen. Berlin, 1908. Anhang 1. С. 770.

47. Kretschmayr H. Geschichte von Venedig. Bd II. Gotha, 1920. S. 136—145, 282—287.

48. Gualazzini U. Rapporti fra capitale e lavoro nell'industria tessile lombarda del medio evo. Torino, 1932. P. 27.

49. Очень полный обзор общего положения заморской торговли см.: Doren A. Italienische Wirtschaftsgeschichte. Jena, 1934. S. 302. Банковская, ростовщическая и производственная деятельность прекрасно освещена в монографии: Рутенбург В. И. Очерк по истории раннего капитализма в Италии. М.; Л., 1951.

50. Трактат Пеголотти издан впервые: Pagnini G. Della decima e di varie altre gravzze ... Vol. I. Lisbona; Lucca, 1766.

Стихотворный эпиграф принадлежит автору хроники флорентийскому купцу Дино Компаньи. [Современное научное издание осуществлено: Dini B. Una pratica di mercatura in formazione (1394—1395). Firenze, 1980].

51. Fanfani A. Un mercante del Trecento. Milano, 1935.

52. Saporì A. 1) Una compagnia di Calimala ai primi del Trecento. Firenze, 1932; 2) Studi di storia economica. Vol. 1—3. Firenze, 1955—1967.

53. Bensa E. Francesco di Marco da Prato: Notizie e documenti sulla mercatura italiana del secolo XIV. Milano, 1928; Origo J. Il mercante di Prato. Francesco di Marco Datini. Milano, 1958.

54. Saporì A. La crisi delle compagnie mercantili dei Bardi e dei Peruzzi. Firenze, 1926 (Biblioteca storica Toscana/A cura della R. Deputaz. Toscana di storia patria. III).

55. Saporì A. Una compagnia di Calimala ai primi del Trecento.

56. Fanfani A. Costi e profitti di Lazzaro Bracci mercante aretino del Trecento//Fanfani A. Saggi di storia economica italiana. Milano, 1936.

57. Вопрос о тассamento подробнее см.: Saporì A. Una compagnia di Calimala ai primi del Trecento.

58. Ibid. P. 104.

59. О борьбе между капиталистическими и феодальными силами в итальянской экономике XIV в. см.: Fanfani A. Le origini dello spirito capitalistico in Italia. Milano, 1933.

60. Saporì A. La crisi delle compagnie mercantili dei Bardi e dei Peruzzi; Meltzing O. Das Bankhaus der Medici und seine Vorläufer. Jena, 1906; Davidsohn R. Geschichte von Florenz. Bd IV. Berlin, 1925.

61. Приводимые цифры заимствованы из книги: Davidsohn R. Forschungen zur Geschichte von Florenz. Bd III. Berlin, 1901. S. 201.

62. Saporì A. La crisi delle compagnie... P. 254—281.

63. Doren A. Die Florentiner Wollentuchindustrie. Stuttgart, 1901;

Gualazzini U. Rapporti fra capitale e lavoro nell'industria tessile lombarda del medio evo.

64. «Trattato dell'Arte della Lana» см.: Doren A. Das Florentiner Zunftwesen. Anhang 1.

65. Verga E. Storia della vita milanese. Milano, 1931. P. 69—75.

66. О связях между политикой итальянских коммун и их хозяйственными нуждами см.: Doren A. Italienische Wirtschaftsgeschichte; Pöhlmann R. Die Wirtschaftspolitik der Florentiner Renaissance. Leipzig, 1878. О соляной политике Венеции см.: Bauer C. Venezianische Salzhandelspolitik bis zum Ende des 14 Jahrh./Vierteljahrsschr. f. Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Bd 23, 1930.

67. Bauer C. Venezianische Salzhandelspolitik ... S. 216—218.

68. I libri di commercio dei Peruzzi/Per cura di A. Saporì. Milano, 1934.

69. Saporì A. La crisi delle compagnie...

70. Salvioli G. L'assicurazione e il cambio marittimo nella storia del diritto italiano. Bologna, 1884; Bensa E. Il contratto d'assicurazione nel Medioevo. Genova, 1884; Valeri G. I primordi dell'assicurazione attraverso il documento del 1329//Rivista di Diritto Commerciale e del Diritto Generale delle obbligazioni. Vol. XXVI. 1928; [Melis F. Origini e sviluppi dell'Assicurazione in Italia. Vol. I. Roma, 1975].

71. Цит. по: Bensa E. Francesco di Marco da Prato... P. 79.

72. О деятельности компании дель Бене см.: Saporì A. Una compagnia di Calimala... P. 325—343.

73. Текст векселя цит. по: Табашников П. Прошлое векселя. Одесса, 1891. С. 45.

74. См. прим. 39, гл. II; см. также: Melis F. Aspetti della vita economica medievale. Vol. I. Siena, 1962.

75. La Cronica domestica di messer Donato Velluti scritta tra il 1367 e 1370/Per cura di I. del Lungo e G. Volpi. Firenze. 1914.

76. Ibid. P. 33—34.

77. Ibid. P. 27.

78. Ibid. P. 57.

79. Ibid. P. 75.

80. Ibid. P. 12—13.

81. Цит. по: Cronica di Buonaccorso Pitti/Con annotazioni, ristampata da A. Vacchi della Lega. Bologna, 1905. P. 16. [По этому же изд. сделан первый полный перевод «Хроники» на русск. яз.: Питти Бонаккорсо. Хроника/Изд. подг. З. В. Гукоская, М. А. Гуковский, В. И. Рутенбург. Л., 1972. См. также: Гуковский М. А. «Хроника» Бонаккорсо Питти//Бонаккорсо Питти. Хроника. С. 185—200; Рутенбург В. И. Автобиография Питти и итальянская литература//Там же. С. 201—217].

82. Cronica di Buonaccorso Pitti. P. 88—89. К вопросу об азартных играх в эпоху Возрождения и о Питти см.: Mirot L. Buonaccorso Pitti, aventurier, joueur, diplomate et memorialiste. Paris, 1923; Sticco M. Arte e sincerità. Milano, 1940; Varese Cl. Storia e politica nella prosa del Quattrocento. Torino, 1961. P. 21—36. Вес Ch. Les marchands écrivains à Florence. 1375—1434. Paris, 1967. P. 77—94; D'Otrange M. L. Thirteen tarot cards from the Visconti—Sforza set./The Connoisseur. 1954. Febr.

83. Sacchetti Fr. Novelle. Torino, 1853. P. 187.

84. Ibid. P. 186—187.

85. Цит. по: Саккетти Ф. Человеческая комедия: (Новеллы)/Пер. Т. Герценштейн. М., 1917. С. 109—110.

86. Там же. С. 111—112.

87. Sacchetti Fr. Novelle. P. 231.

88. Цит. по: Саккетти Ф. Человеческая комедия. С. 283. См. также: Саккетти Ф. Новеллы/Пер. с итал. В. Ф. Шишмарева; изд. подгот. А. А. Смирнов, Д. Е. Михальчи, Т. В. Шишмарева. М.; Л., 1962.

89. Литература о Петрарке весьма значительна. Издания до 1916 г. см.: Fowler M. Catalogue of the Petrarca collection//Bequeathed by W. Fiske

to Cornell. Univ. Libr. Oxford, 1916. Более позднюю литературу общего характера см.: Tatham E. H. R. Fr. Petrarca, the first modern man of letters. T. 1—2. London, 1926; Tomelli L. Petrarca. Milano, 1930; Nohas P. Petrarque et l'humanisme. Vol. 1—2. 2 ed. Paris, 1907 Веселовский А. Н. Петрарка в поэтической исповеди Canzoniere. СПб., 1912; Baron H. The evolution of Petrarch's thought. Reflections on the state of Petrarch studies//Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. T. XXIV. 1961. P. 7—41; Bosco U. Petrarca. Bari, 1961; Curato B. Introduzione a Petrarca. Bari, 1963; Wilkins E. H. 1) Studies in the life and works of Petrarca. Cambridge (Mass.). 1955; 2) Vita del Petrarca. Milano, 1964; [Francesco Petrarca. Convegno Internazionale. Roma, 1974; Хлодовский Р. И. Франческо Петрарка: Поэзия гуманизма. М., 1974; Ревякина Н. В. 1) Проблема человека в творчестве Ф. Петрарки: (По трактату «О невежестве самого себя и многих других»)//Бахрушинские чтения. 1974. Новосибирск, 1974. С. 179—188; 2) Франческо Петрарка и гуманистическая педагогика: Возрождение. Иваново, 1985. С. 6—21; 3) Франческо Петрарка и формирование новой личности: (По трактату «Об уединенной жизни»)//СВ. М., 1986. Вып. 49. С. 82—103].

90. Цит. по: Петрарка. Автобиография. Исповедь. Сонеты/Пер. М. Гершензона и Вяч. Иванова. М., 1915. С. 337.

91. Там же. С. 263.

92. Цит. по: Хрестоматия по истории средних веков/Под ред. Н. П. Грацианского, С. Д. Сказкина. Т. II. Ч. 1. М., 1938. С. 288.

93. Термин «гуманизм», как и термин «Возрождение», применялся и применяется в самых различных смыслах. Мы понимаем его только как идеологически-литературное движение, основной чертой которого является преклонение перед античностью и использование ее в качестве высшего авторитета. Истории гуманизма посвящена колоссальная литература, в том числе не потеряли своего значения работы: Voigt G. Die Wiederbelebung des klassischen Altertums oder erste Jahrhundert des Humanismus. Berlin, 1859 (русск. изд.: Фойгт Г. Возрождение классической древности. Т. 1—2. М., 1884—1885); Sabbadini R. Le scoperte dei codici latini e greci nel sec. XIV e XV. Vol. 1—2. Firenze, 1905—1914. См. также: Корелин М. Ранний итальянский гуманизм и его историография. 2-е изд. Т. 1—4. СПб., 1914. Из более новых работ см.: Sainati A. Il problema dell'umanesimo nella critica contemporanea//Ann. d'Istruz. Media. VIII. 1; Maurer W. Humanismus und Reformation//Theol. Rundschau. 1931. 3; Martin A. Der Humanismus als soziologisches Phänomen//Arch. f. Sozialwissenschaft. und Sozialpolitik. 1931. Bd 65. H. 3; Testa N. Umanesimo. Milano, 1936; Спорная точка зрения на гуманизм высказана в работе; Toffanin G. Che cosa fu l'umanesimo? Firenze, 1929. [О современных истолкованиях термина «гуманизм» см.: Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: Стиль жизни и стиль мышления. М., 1978. С. 3—14; Vasoli C. Umanesimo e Rinascimento. Palermo, 1976; см. также прим. 1, гл. III, т. II].

94. Об отношении Петрарки к средним векам и Возрождению см.: Mommsen Th. Petrarch's conception of the «Dark Ages»// Speculum, 1942. Apr.

95. Petrarcae F. Opera quae extant. Basileae, 1581. II. P. 347—348. Цит. по: Петрарка. Автобиография. Исповедь. Сонеты. С. 140.

96. Там же. С. 57.

97. Там же. С. 60.

98. Там же. С. 63.

99. Petrarca. Lettere delle cose familiari... L. XV. lett. III.

100. Ibid. L. IV, lett. 1.—Датировка письма, описывающего события 1335 г., вызывает разноречивые суждения. См.: Baron H. The evolution of Petrarch's thought. Reflections on the state of Petrarch's studies//Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. T. XXIV (1961). I. P. 7—41; [В настоящее время на русск. яз. издан ряд произведений Петрарки. См.: Петрарка Ф. 1) Инвектива против врача. Лекарства от превратностей судьбы: Письма к близким/Пер. В. Библихина//Эстетика Ренессанса/Сост. В. Т. Ше-

стаков. Т. 1. М., 1981. С. 17—49; 2) Эстетические фрагменты/Пер. В. В. Библихина. М., 1982; 3) Сонеты, избранные канцоны, секстины, баллады, мадригалы, автобиографическая проза. М., 1984; 4) Письмо к Гвидо Сетте, архиепископу Генуи, об изменении времени/Пер. Л. М. Лукьяновой; 5) Диалоги из трактата «О средствах против всякой судьбы»/Пер. Н. И. Девятайкиной//Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: Сборник текстов. Саратов, 1984. С. 82—137].

101. Старую литературу о Боккаччо см. в сводной работе: *Ha u v e t t e H. Boccaccio, étude biographique et littéraire*. Paris, 1914; более новое исследование см.: *Sapegno M. Il Trecento*. Milano, 1934; см. также: Веселовский А. Н. Боккаччо, его среда и сверстники/Веселовский А. Н. Собрание сочинений. Т. V. Пр., 1915; *Trabalt a C. Studi sul Boccaccio*. Città di Castello, 1906; *Bosco U. Il Decameron*. Bari, 1929; *Pad o a n G. L'ultima opera di Giovanni Boccaccio: Le esposizioni sopra il Dante*. Padova, 1959; *Branca V. 1) Tradizione delle opere di Giovanni Boccaccio*. Roma, 1958; 2) *Boccaccio medievale*. Firenze, 1964; Джованни Боккаччо: Библиографический указатель/Сост. Т. В. Дзюба. М., 1961; см. также произведения Боккаччо, изданные на русском языке: Боккаччо Дж. 1) Декамерон/Пер. А. Н. Веселовского. М., 1955; 2) Декамерон/Пер. Н. М. Любимова. М., 1970 (Б-ка всемирной литературы); 3) Фьяметта. Фьезоланские нимфы. М., 1968 (Литературные памятники); [4] Генеалогия языческих богов. Кн. XIV//Эстетика Ренессанса. Т. 2. М., 1981. С. 11—67; 5) Комедия флорентийских нимф: Амето. Фьяметта. М., 1972; 6) Малые произведения. Л., 1975].

[См. также: *Boccaccio G. Decameron/Ed. critica secondo l'autografo Hamiltoniano*. A cura di V. Branca. Firenze, 1976; *Esposito E. Boccacciana: Bibliografia delle edizioni e degli scritti critici (1935—1974)*. Ravenna, 1975; *Branca V. Giovanni Boccaccio: Profilo biografico*. Firenze, 1977; *Studi sul Boccaccio*. Vol. 1—9. Firenze, 1963—1975; Хлодовский Р. И. Декамерон: Поэтика и стиль. М., 1982; Бранка В. Боккаччо. средневекский/Пер. с итал. и под ред. Р. И. Хлодовского. М., 1983.]

102. *Boccaccio G. Il Decameron/Con note di P. Fanfani, E. Camerini ed altri*. Vol. 1—2. Milano, 1877; Vol. I. P. 44.

103. *Ibid.* P. 34—35.

104. Веселовский А. Н. Собр. соч. Т. V. 1915. С. 483—484.

105. *Boccaccio G. Il Decameron*. P. 159.

106. О Колуччо Салутати см.: *Martin A. Coluccio Salutati und das humanistische Lebensideal*. Berlin, 1916; *Coluccio Salutati's Traktat «Vom Tyrannen»*. Berlin; Leipzig, 1913; *Borgh i L. La dottrina morale di Coluccio Salutati//Annali di R. Sc. Norm. sup. di Pisa*. Vol. III. F. I. 1934; *Sciacc a G. M. La visione della vita nell' umanesimo e Coluccio Salutati*. Palermo, 1954; *Garin E. I trattati morali di Coluccio Salutati*. Firenze, 1944. См. также: Дживелегов А. К. Восстание чомпи и гуманисты//Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. V. М., Л. 1930. С. 419. *Salutati C. 1) De laboribus Herculis/Ed. B. L. Ullman*. Vol. 1—2. Zürich, 1951; 2) *Invectiva in Antonium Luschum Vicentinum//Prosatori latini del. Quattrocento*. Milano; Napoli, 1952. P. 8—37; *Ullman B. L. The humanism of Coluccio Salutati*. Padova, 1963; [Салютати К. Письмо к Доменико ди Бандино д'Ареццо/Пер. Н. В. Ревякиной//Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Ч. 1. С. 141—144; Ревякина Н. В. 1) Миф о Геракле в толковании гуманиста Салютати//Бахрушинские чтения. 1973. Новосибирск, 1973. Вып. 3. С. 36—47; 2) Письма Салютати как источник для изучения раннегуманистической культуры Италии//Бахрушинские чтения. 1978. Новосибирск, 1978. С. 138—147].

107. Цит. по: Корелин М. Ранний итальянский гуманизм. Т. IV. СПб., 1914. С. 222.

108. *Coluccio Salutati's Tractat «Vom Tyrannen»*; *Ullman B. L. The humanism of Coluccio Salutati*.

109. О Луиджи Марсили см. общие труды в прим. 93. См. также:

Secolo F. del. Un teologo del ultimo trecento. Trani, 1898; Casari C. Notizie intorno a Luigi Marsili. Lovere, 1900; Vasoli C. «Regola per ben confessarsi» di Luigi Marsili/Rinascimento. IV. 1953.

110. Цит. по: Корелин М. Ранний итальянский гуманизм. С. 261.

111. Там же. С. 262.

112. Трактат Л. Доминичи, считавшийся утерянным, был найден в начале XX в., его издание см.: Dominici L. Lucula noctis/Ed. by R. Coulon. Paris, 1908; Hunt E. Johannis Dominici Lucula noctis. Notre Dame, Ind. 1940 (The University of Notre Dame. Publ. in medieval studies. Vol. 4. The University of Chicago).

113. Цит. по: Петрарка. Автобиография. Исповедь. Сонеты. С. 130.

114. Там же. С. 147.

115. Цит. по: Дживелегов А. К. Восстание чомпи и гуманисты. С. 119.

116. О литературе XIV в. см.: Saregno N. Il trecento. 2 ed. Milano, 1935; Де Санктис Ф. История итальянской литературы. М., 1963. Т. I.

117. Литературу об Екатерине Сиенской см. в прим. 10.

118. Литературу о Франциске Ассизском см. в прим. 21, гл. I. См. также в русск. пер.: Цветочки святого Франциска Ассизского/Пер. А. П. Печковского; вступ. статья С. Н. Дурылина. М., 1913; Конради В. Книга о святом Франциске; Celano. Speculum. Fioretti. СПб., 1912.

119. Villani Giovanni. Cronica. T. I—IV. Firenze, 1844—1845; О Виллани см.: Mehl E. Die Weltanschauung des Giovanni Villani. Berlin, 1927 (Beiträge zur Kultur und Universalgeschichte/Hrsg. v. W. Goetz); Martin A. Zur Kulturosoziologischen Problematik der Geistesgeschichte// Historische Z. Bd. 142; Palmarocchi R. I. Villani. Torino, 1937.

120. La Cronica domestica di messer Donato Velluti... P. 31.

121. О Саккетти см.: Pieper F. Fr. Sacchetti, Bürger von Florenz und Dichter. Marburg, 1930; Li-Gotti E. 1) Franco Sacchetti, uomo «discolo e grosso». Leonardo, 1930; 2) Nascita dei «Trecentonovelle»//Secolo Nostro. X. 1940; Li-Gotti E., Ramat R. Discussione sacchettiana//La Nuova Italia. 1940. Maggio; Li-Gotti E., Pirrotta N. Il Sacchetti e la tecnica musicale del trecento musicale. Firenze, 1935; Chiari A. Una lettera autografa di Franco Sacchetti//Arch. Storico Ital. A. XCI. Disp. IV. 1933; Croce B. Il Boccaccio e Fr. Sacchetti//La Critica. XXIX. 2. 1931; Саккетти Ф. Новеллы/Пер. В. Ф. Шишмарева. М.; Л., 1962; Sacchetti F. 1) Opere/A cura di A. Borlenghi. Milano, 1957; 2) I Trecentonovelle/A cura di E. Faccioli. Torino, 1970; Pratolini V. Franco Sacchetti e la novellistica fiorentina del trecento. Firenze, 1958.

122. Цит. по: Sacchetti Fr. Novelle. Torino, 1853. P. 5.

123. Цит. по: Саккетти Ф. Человеческая комедия/Пер. Т. Герценштейн. С. 129.

124. Там же. С. 146.

125. О сэре Джованни и его «Pecorone» см.: Francia L. di. Novellistica. Milano, 1924.

126. О Пуччи см.: Herb F. Antonio Pucci, ein Wegbereiter der Renaissance und die «ottava rima» in der italienischen Literatur. Berlin, 1936.

127. Diluvio che fu in Firenze a di IV Novembre 1333/Fatto per Ant. Pucci//La grande Inondation de l'Arno en MCCCXXXIII. Anciens poèmes populaires italiens/Ed. et trad. par S. Morpurgo et J. Luchaire, Paris; Florence, 1911. P. 16—41.

128. См. прим. 72, гл. II. См. также: Toesca P. Florentine painting of the Trecento. Florence, 1929; Antal F. Florentine painting and its social background., London, 1947; Meiss M. Painting in Florence and Siena after the Black Death: The arts, religion and society in the mid-fourteenth century. New York, 1964; Paccagnini G. Simone Martini. Milano, 1955; Carlini E. Simone Martini. Milano, 1959; Rowley G. Ambrogio Lorenzetti. Vol. 1—2. Princeton, 1958; Carli E. I Lorenzetti. Milano, 1960; Rubinstein N. Political ideas in sienese art: the frescoes by Ambrogio Lorenzetti and Taddeo di Bartolo in the Palazzo Pubblico//J. Warburg and Courtauld

Institutes. 1958. Vol. 21. P. 179—207; Лазарев В. Н. 1) Происхождение итальянского Возрождения. Т. 2. М., 1959; [2) Старые итальянские мастера. М., 1972; Feldges - Henning U. The pictorial programme of the Sala della Pace: a new interpretation//J. Warburg and Courtauld Institutes. 1972, Vol. 35.]

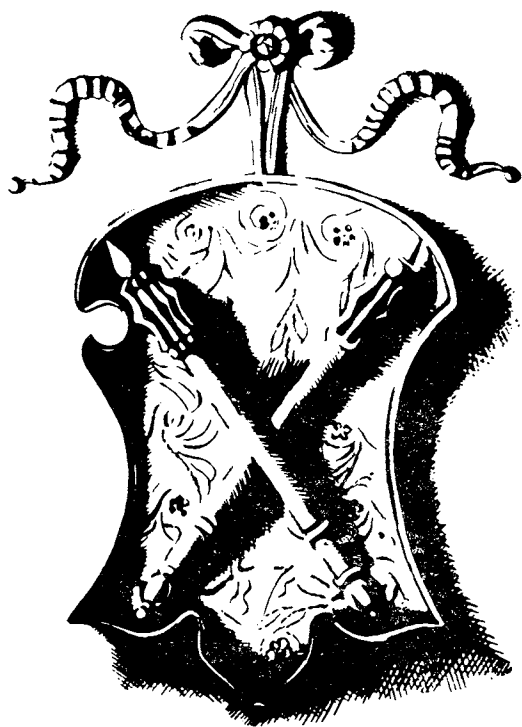
129. О Марсилии Падуанском см.: Scholz R. Marsilius von Padua und die Idee der Demokratie//Z. f. Politik, 1907. Bd 1. H. 1; Stieglitz E. Die Staatstheorien von Marsilius von Padua, Leipzig, 1911; Ruffini-Avon-
do F. Il Defensor Pacis di Marsilio da Padova//Rivista Storica Italiana, 1924; [Енько А. Г. «Defensor pacis» Марсилия Падуанского и борьба империи против светских притязаний папства в начале XIV в.//Вест. Моск. ун-та; Сер. 9. История. 1964. Вып. 2. С. 50—59; Баранов В. Ф. Политическое учение Марсилия Падуанского и его связь с коммунальным движением Северной и Средней Италии//Учен. зап. Петрозаводск. ун-та. 1970. Т. 16. Вып. 7. Вопросы истории. С. 124—136].

130. Villani G. Cronica. T. IV. Firenze, 1845. L. XII. Cap. IV.

131. Цит. по: Fiamma G. Chronicon major/Ed. Muratori. Antiquitates Italiae. Vol. II. P. 417.

2 ТОМ

ИТАЛИЯ
в 1380–1450-е
годы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Человеческое общество любого времени и любой части земного шара изменяется постоянно. Стоит всмотреться в произвольно выбранный момент истории какой угодно страны или группы стран, чтобы увидеть происходящие именно в этот период глубокие, принципиально важные сдвиги, многочисленные новые черты, кажущиеся тем большими, чем внимательнее в них вглядываешься.

Это всякому историку хорошо известное обстоятельство затрудняет периодизацию, делает уязвимым кажущееся произвольным выделение для самостоятельного рассмотрения какого-нибудь отдельного периода. Однако, признавая это, нельзя все же отрицать и того, что есть в истории любой страны или группы стран и моменты, когда изменения, нарастание новых черт и явлений становится особенно явным и заметным. Моменты эти более других могут быть положены в основу периодизации.

Таким моментом в истории Италии в целом и различных ее частей в отдельности несомненно являются последние два десятилетия XIV в. Если можно (что вряд ли в настоящее время возьмется отрицать кто-нибудь из серьезных, стремящихся быть объективными историков) выделить на основании ряда признаков период Возрождения как самостоятельный и притом глубоко своеобразный в судьбах Италии, хотя и спорный по своим историческим границам, то столь же несомненным является то, что внутри этого периода именно конец XIV в. является важным переломным рубежом, рубежом настолько ясно видимым, что некоторые историки считают этот момент началом Возрождения в собственном смысле этого слова. Решительно не соглашаясь с этим, мы, однако, не отрицаем особого значения конца XIV в. как начала **отдельного периода внутри**, а не **за пределами** Возрождения. В дальнейшем изложении мы постараемся

показать, в чем состоит своеобразие этого периода. Здесь же ограничимся тем, что признаемся в гораздо меньшей определенности хронологической границы, на которой мы заканчиваем изложение настоящей книги, чем та, с которой мы это изложение начинаем.

Действительно, между первой и второй половиной XV столетия (кваттроценти) нет вполне четкого и принципиально значимого водораздела, хотя некоторые новые черты, в первую очередь в областях политической и культурной жизни, могут быть отмечены. Этими новыми чертами мы и пользуемся для того, чтобы закончить изложение данной книги на рубеже 50—60-х годов XV столетия, тем более, что распространение изложения на весь век, вплоть до начала Итальянских войн в 1494 г., сделало бы работу слишком большой и громоздкой.

Настоящая книга представляет собой самостоятельное сочинение, могущее быть читаемым и используемым отдельно, и в то же время она является вторым томом общей истории итальянского Возрождения, первый том которого, охватывающий 1250—1380 гг., был издан в 1947 г. За ней должны последовать еще два тома, посвященные периодам от 1450 до 1494 и от 1494 до 1530 г.*

Для того чтобы сделать изложение данной работы вполне понятным без обращения к давно изданной первой книге, мы предпосылаем основным главам ее совсем краткую вводную главу, рисующую положение Италии в конце XIV в., т. е. в какой-то мере подытоживающую содержание предшествующей книги.

Книга построена так же, как и первая, т. е. разбита на 3 основных главы, посвященные политической жизни Италии (I глава), ее социальному и экономическому положению (II глава) и ее культуре (III глава) в пределах данного периода.

Мы сохранили такое членение, несмотря на сделанные по этому поводу критические замечания. Сохраняя данную последовательность глав, мы отнюдь не предполагаем этим отрицать первенствующее значение социально-экономической структуры общества, определяющей собой и политическую структуру, и культуру его. Наоборот, мы всем содержанием книги стремимся обосновать именно это первенствующее значение. Разбираем же мы сначала политические судьбы Италии и только на втором месте ее социально-политическую структуру потому, что иначе наше изложение было бы совершенно непонятным читателю. Действительно, при анализе классовой борьбы и экономического положения страны неизбежно приходится опираться на отдельные факты и события из истории той или иной

* [Том III, написанный М. А. Гуковским, существует в рукописи.]

части полуострова, и если эти факты и события не известны читателю, он ничего не сможет понять в этом анализе. Поэтому мы совершенно убеждены в том, что принятое нами расположение материала является конструктивно единственно приемлемым.

При переводе источника мы стремились сделать их вполне понятными и в меру наших сил эмоционально яркими и выразительными, отказываясь в ряде случаев от требуемой одним из наших критиков буквальной, дословной точности передачи каждого выражения, неизбежно приводящей к шероховатости и плохой понятности текста.

Вообще примечания наши и в данной, как и в предшествующей книге, представляют собой важную составную часть работы. В них мы даем читателю указания на литературу, в первую очередь новейшую, к которой он может обратиться, желая глубже изучить тот или иной вопрос, рассмотренный в книге. Несмотря на то, что мы в течение многих лет старались регистрировать и изучать все книги и статьи по данной теме, выходящие во всем мире, мы, конечно, не смогли достичь здесь полноты: как потому, что не все попадало в поле нашего зрения и могло быть изучено, так и потому, что даже при простом упоминании всех наиболее значительных работ примечания выросли бы до слишком больших размеров. При отборе мы стремились называть наиболее важные издания и дать читателю хотя бы краткую их характеристику. При этом мы по возможности включаем только литературу, использованную нами, но иногда, в тех случаях, когда та или иная книга или статья была нам недоступна, а по своему содержанию представляла значительный интерес, мы упоминали и их.

Мы старались сделать книгу максимально точной в отношении дат и географических названий, многократно проверяя в ходе работы и то и другое, но, зная, что те или иные просмотры тем более неизбежны, чем более они нежелательны, просим читателей указать нам на те неточности, которые будут ими замечены.

Книга снабжена иллюстрациями, которые должны помочь читателю выпукло представить себе основные персонажи, фигурирующие в тексте, и восстановить историческую обстановку.

Все иллюстрации заимствованы из современных событиям художественных произведений.

Кроме того, книга снабжена картами и хронологическими-генеалогическими таблицами, позволяющими легче разобраться в нередко весьма запутанных родственных отношениях властителей различных частей Италии.

Выпуская в свет данную книгу, мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что она далека от совершенства. Но все же мы считаем возможным передать ее на суд читателей, потому что

она является первой в своем роде как в советской, так и в зарубежной литературе, и мы надеемся, что наши преемники исправят наши ошибки, заполнят допущенные нами пробелы, и в результате такой коллективной работы будет в конце концов создан тот общий труд об итальянском Возрождении, которого так долго ждут читатели.

Ленинград,
16 апреля 1960 г.

М. А. Гуковский

ВВЕДЕНИЕ

ИТАЛИЯ В 1380 ГОДУ

§ 1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

К концу XIV в. Апеннинский полуостров так же раздроблен, так же пестр по своему политическому составу, как в течение многих предшествующих веков. Основными его политическими силами остаются 6 государств, которые определяли судьбу полуострова с середины XIII в.: Неаполитанское королевство, Патримоний св. Петра (Папское государство), Флорентийская республика, герцогство Милан, Генуэзская и Венецианская республики.

Неаполитанское королевство, более столетия находящееся под властью французской династии Анжу, в 1382 г. после гибели непостоянной и развратной королевы Джованны переходит к представителю боковой линии этой династии Карлу Дураццо, отстаивающему его от второго претендента — Луи Анжу и одновременно пытающемуся захватить корону Венгрии, на которую он имеет династические права.

Само королевство, единственное большое по территории государство полуострова, и в конце XIV в., как в середине XIII в., носит вполне феодальный характер; имеет сильную, строптивую и непокорную землевладельческую знать, в подавляющей части крепостное крестьянство и небольшое количество крупных городов с очень мало развитыми ремеслом и торговлей, что ставит экономику страны под власть более разви-

тых центров Италии, в первую очередь Флоренции и Венеции.

В значительной мере феодальный характер носит и лежащий к северу от Неаполитанского королевства Патримоний св. Петра. Окружающий громадный, паразитический и богатый Рим — столицу католического мира, Патримоний находится в большой своей части в руках феодальных владетелей — с одной стороны, представителей старой, чрезвычайно могущественной знати, многочисленных разветвленных семей Колонна, Орсини, Каэтани, Савелли и других, с другой — более мелких, но не менее стремящихся к самостоятельности семей новейшей формации.

Город Рим с начала XIV в. находится в состоянии глубокого упадка, вызванного переселением пап в Авиньон и потерей им в результате этого громадных доходов, связанных с обслуживанием Ватикана. Город пытается компенсировать себя, усилив свою самостоятельность, став самоуправляющейся коммуной по образцу других передовых городов Италии. Однако попытки эти встречают решительное сопротивление со стороны папских легатов, особенно жестокого и энергичного кардинала Хилья Альборноза (?—1369). Недолговечной и безрезультатной оказывается также попытка гуманистически образованного, мечтательного и смелого римского нотариуса Колы ди Риенцо сделать Рим столицей мощного светского государства (с 1344 по 1354 г.).

В 1369 г. папа Урбан V переселяется в Рим, который он находит в жалком, разоренном и неспокойном состоянии, и затем возвращается в Авиньон. Его преемник Григорий XI в 1377 г., боясь окончательно потерять власть над Патримонием, переезжает, хотя и весьма неохотно, в свою традиционную столицу, что, однако, приводит отнюдь не к умиротворению, а, наоборот, к расколу в церкви, начинающемуся после смерти папы в 1378 г.

В занимающей центральную часть Апеннинского полуострова Тоскане, богатой рядом самостоятельных торгово-ремесленных городов, с XIII в. первенствующее положение занимает быстро растущая Флоренция. Она становится классическим городом-государством, в котором с классической же остротой происходит борьба горожан (в Италии называемых *пополанами*) с феодалами (*магнатами*, или *грандами*). Борьба эта приводит к полной победе горожан, отраженной в «Установлениях Справедливости» 1293 г., вообще лишаящих феодалов каких бы то ни было прав в государстве.

После этого Флоренция вступает в полосу невиданного политического, экономического и культурного расцвета, не приводящего, однако, к социальному миру. Теперь борьба идет уже внутри пополанского большинства населения. Богатая часть этого большинства, так называемый «жирный народ», упорно стремится монополизировать власть и льготы в своих руках, отст-

ранив от них средних по состоянию граждан и бедняцкую массу (так называемый «тощий народ» — *popolo minuto*), но ни те, ни другие не сдают своих позиций без боя. Летом 1378 г. во Флоренции происходит восстание чомпи, на несколько недель превращающее тысячи неимущих рабочих и малоимущих ремесленников в хозяев государства.

Разгром восстания приводит сначала к осторожному, а затем все более жестокому и решительному господству небольшой группы самых богатых «жирных» горожан, из числа которых постепенно выдвигаются несколько семейств (Альбицци, Медичи), стремящихся захватить власть в свои руки и превратить эту власть в наследственную.

В северной части полуострова с XI в. ведущее положение занимает важный стратегический и политический центр — город Милан. Уже в XIII в. во главе этого города и его обширных владений стоит род Висконти, увеличивающий могущество Милана, но постепенно ликвидирующий его коммунальные порядки и традиции.

В конце XIV в. здесь управляет решительный и жестокий Бернабó Висконти (значительную часть своей жизни правивший совместно с братом Галеаццо II), но в 1385 г. в результате дворцового переворота власть захватывает сын последнего — Джан Галеаццо, правление которого доводит могущество Миланского герцогства до апогея.

Особое место не только на Апеннинском полуострове, но и во всей Западной Европе занимают крупнейшие приморские портовые города — Генуя и Венеция.

Первая, постоянно потрясаемая распрями, переворотами, восстаниями, приводящими к власти то пополанские массы, то знать, с 1270 г. управляется «народными аббатами», выдвигаемыми первыми, затем, после периода господства знати, с 1339 г. — пожизненными «дочами», также опирающимися на пополанов. Но ни одна из этих перемен не приводит к умиротворению в бурном и беспокойном городе. Однако постоянные внутренние беспорядки не замедляют роста экономической мощи Генуи, которая к середине XIV в. достигает своего наибольшего развития, захватывая ведущие позиции на Балканском полуострове и в Черном море, что вызывает зависть, а затем и отпор Венеции и приводит позже к так называемой Кьоджанской войне (1372—1381 гг.) между двумя морскими республиками, заканчивающейся при явном перевесе «жемчужины Адриатики» Туринским миром, после которого Генуя вступает в длительную полосу экономического и особенно политического упадка.

Зато Венеция, подошедшая к Кьоджанской схватке с соперницей с устойчивым и прочным государственным устройством, закрепленным так называемым «Закрытием Большого Совета» в 1297 г., отдавшим всю полноту власти в республике небольшой, строго замкнутой группе патрициев-богачей, вышла из этой

схватки окрепшей и более сильной, чем когда бы то ни было. Она хозяйничает в Адриатическом море, твердой рукой держит позиции на Востоке и все больше упрочивает свое политическое и экономическое положение на Апеннинском полуострове, твердо становясь одним из его сильнейших государств.

Наряду с ведущей группой государств (Неаполь, Рим, Флоренция, Милан, Генуя, Венеция) к концу XIV в. значительную роль в судьбах Италии играет несколько государств более мелкого масштаба. Это в первую очередь сохраняющие значительные элементы феодализма небольшие города-крепости, уже с XIII в. прочно захваченные отдельными династиями феодального или кондотьерского происхождения. Таковы Урбино под властью Монтефельтро, Римини под властью Малатеста, Феррара, управляемая д'Эсте, и Мантуя, где правят Гонзага. Поставляя вооруженные отряды тому или иному более крупному государству или объединению государств, эти мелкие политические образования нередко играют немалую роль в судьбах полуострова, становясь в то же время и своеобразными культурными центрами.

§ 2. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Во второй половине XIII — первой половине XIV в. социальное и экономическое благополучие наиболее передовых частей Италии, и в первую очередь ее центральных областей, неукоснительно росло как в количественном, так и в качественном отношении. Во второй четверти XIV в. оно достигло апогея. В сельском хозяйстве почти повсеместно отмерла или была отменена законодательством городских коммун крепостная зависимость крестьян, заменяемая разными формами аренды, чаще всего из доли урожая. В городском производстве мелкие, чисто ремесленные предприятия все чаще перерастают в предприятия крупные, носящие раннемануфактурный характер и занимающие значительное число рабочих рук — как квалифицированных специалистов, так и почти неквалифицированных — чернорабочих. Число последних в передовых городах полуострова становится столь значительным, что они образуют большую и нередко весьма грозную социальную и политическую силу. Грозную в первую очередь для тех наиболее предприимчивых и зажиточных горожан, которые уже к началу XIV в. вытеснили феодалов из активной политической жизни, из землевладения, торговли, банковско-ростовщического дела, ремесленного производства и упорно стремились монополизировать ведущие позиции во всех этих областях в своих руках.

Высшей точкой этого процесса является деятельность таких флорентийских компаний, как Барди и Перуцци, во второй четверти XIV в. достигающих невиданного богатства и могущества, финансирующих крупнейшие государства (в первую очередь

Англию) и вообще играющих громадную роль во всей экономической и политической жизни Западной Европы. Однако в середине того же XIV в. и особенно к его концу наступает определенный кризис. Банкротство компаний Барди и Перуцци, вызывающее общую финансовую катастрофу, подъем рабочего движения, достигшего кульминации в флорентийском восстании чомпи 1378 г., и следующая за его разгромом волна реакции приводят к серьезным потрясениям всей социально-экономической жизни полуострова. Правда, зажиточная торгово-ремесленная верхушка в большинстве передовых городов страны выходит победоносно из всех этих потрясений, полностью подчиняет себе народные низы, оттесняя от политической власти не только их, но и промежуточные, мелкобуржуазные элементы. Вся власть сосредоточивается то в руках небольших олигархических групп, то в руках отдельных семейств. Однако это установление полного господства «жирных» богачей, происходящее в 80-х годах XIV в., отнюдь не приводит к дальнейшему расцвету страны, а, наоборот, вызывает определенную заминку в ее развитии, заминку в первое время совсем не заметную современникам, но затем становящуюся все более явной.

§ 3. КУЛЬТУРА

Именно в это бурное, полное борьбы и различнейших потрясений время формируется новый тип человека — хозяина жизни. Это — вышедший победителем из различнейших фаз ожесточенных классовых схваток, зажиточный и энергичный, гордый своими успехами и уверенный в своих силах горожанин. Он неукротим в своей жажде наживы, он не знает предела своим страстям и стремлениям и не хочет ограничивать себя ничем и в то же время расчетлив, он глубоко и во всем индивидуален и в противоположность если не своему отцу, то, во всяком случае, своему деду, не только не считает даже худшие из своих индивидуальных черт и особенностей недостатками, осужденными Богом и Священным писанием, но, наоборот, гордится ими и выставляет их напоказ. Таким нам рисуют его многочисленные и яркие мемуары, своеобразно сочетающиеся с элементами бухгалтерской книги, которых так много появляется именно в итальянском тречепито. Таким он хочет видеть себя на страницах литературных произведений, которые иногда создает сам, а иногда заказывает, стремясь отразить в них тот новый мир земных завоеваний, земных прелестей и земных радостей, который впервые после многих веков господства аскетической церковной идеологии открылся перед его трезвым и восхищенным взором.

Так создается новая идеологическая система, в центр своих интересов ставящая реального индивидуального человека и потому получающая название «гуманизм». Первым вполне сложив-

шимся представителем этой системы становится Франческо Петрарка, в своих итальянских стихах, и особенно в своих латинских прозаических произведениях, определяющий основные черты гуманистического движения. Конкретный, определенный, земной человек со всеми особенностями своей наружности, с достоинствами и с недостатками своего характера, помещенный в конкретную реальную обстановку, в которой протекает его жизнь, внимательно всматривающийся в эту обстановку и стремящийся сделать ее возможно более удобной и приятной для себя, — таков объект и в то же время субъект новой литературы, создаваемой Петраркой, его поклонниками и продолжателями.

Характерной особенностью итальянского гуманизма как создающейся в конце XIV в. новой идеологии является то, что в качестве образца для подражания, идеала недостижимого, но постоянно заслуживающего подражания он выдвигает античность, в первую очередь античность римскую, которую его представители воспринимают как свое национальное прошлое, далекое, потерянное, но долженствующее быть вновь завоеванным.

Гуманисты с неукротимой страстью разыскивают, переписывают, изучают и пропагандируют забытые и полузабытые в течение веков произведения древнеримской литературы, стремятся воскресить безнадежно испорченный классический латинский (а затем и греческий) язык; характеристика «античный» становится для них высшей похвалой, и жизнь свою они стараются окружить предметами либо подлинно античными, либо воспроизводящими античность, вернее, стилизующимися под нее.

Эта стилизация как нельзя больше подходит новым хозяевам жизни, активным наживалам и в то же время активным гражданам своих небольших городов-государств, которым они придают новый внешний вид, соответствующий их новым интересам, вкусам, симпатиям.

Новая гуманистическая идеология, с большой полнотой и яркостью сформулированная Франческо Петраркой, находит необычайно быстрое распространение в первую очередь в Италии, а затем и за ее пределами. Сам Петрарка еще при жизни становится объектом настоящего поклонения, перед ним заискивают государи — неаполитанский король Роберт Анжуйский, германский император Карл IV принимают его как почетного гостя, его сочинения переписывают и изучают тысячи людей, а в Риме Кола ди Риенцо пытается осуществить его идеи в своей эфемерной «революции».

Естественно, что многие поклонники Петрарки и его писаний становятся продолжателями его дела, разыскивают и изучают античные литературные произведения, пишут филологические, философские, исторические сочинения на латинском языке, к чистоте которого они стремятся. Особенно большое количество таких продолжателей, естественно, появляется на родине

Петрарки, в самом передовом центре полуострова — Флоренции. Здесь выдвигается ряд крупных фигур, наиболее видными из которых являются политический деятель, многолетний канцлер Флорентийской республики Колуччо Салутати и августинский монах, пользующийся большим авторитетом в городе на Арно, Луиджи Марсилли.

Новая идеология ярко отражается не только в антикизирующих латинских ученых трактатах, диалогах, письмах, исторических сочинениях многочисленных гуманистов, но и в реалистических итальянских произведениях, в первую очередь сборниках новелл. Самым знаменитым из них уже у своих современников является «Декамерон» Джованни Боккаччо, ученика и страстного поклонника Петрарки, автора многочисленных произведений на итальянском языке, а в поздние годы ряда ученых латинских трактатов.

Как «Декамерон», так и другие, подобные ему и нередко навеянные им сочинения, например собрание коротких, необычайно жизненных новелл Франко Саккетти, не относятся, строго говоря, к гуманизму в узком смысле этого слова, они даже нередко полемизируют с гуманистической идеологией, высмеивают ее с позиций трезвого, народного скепсиса, но, несмотря на это, они не в меньшей, а, может быть, даже в большей степени, чем ученые латинские писания гуманистов, обнаруживают те глубокие сдвиги в миропонимании и мироощущении людей разных классов, которые происходят в Италии в XIV в.

Очень ярко эти сдвиги отражаются и в области изобразительных искусств. Пережив глубокий, можно сказать, беспрецедентный перелом в конце XIII — начале XIV в. в творчестве живописца Джотто и скульпторов Никколо и Джованни Пизано, искусства эти в середине XIV в. переживают период несколько замедленного развития, характеризующийся скорее широким распространением уже завоеванных выразительных средств и расширением тем и сюжетов, чем активным движением вперед, что, однако, вряд ли дает право оценивать XIV в. как время отступления назад, время так называемой «готической реакции». Готизирующие черты являются в значительной мере внешними, они не могут скрыть медленного, но решительного продвижения вперед во всех областях изобразительных искусств, в первую очередь в Тоскане (Сиена, Пиза, Флоренция). Особенно ярко продвижение это обнаруживается в многофигурных фресках, широко использующих бытовые сюжеты, например, во фресках Амброджо Лоренцетти во дворце коммуны в Сиене, росписях Пизанского кладбища и церкви св. Марии Новой (Санта Мария Новелла) во Флоренции (Андреа да Фиренце).

Если в науке, как правило, медленно реагирующей на изменения в социально-экономической области в XIII — первой половине XIV в., не происходят сколько-нибудь решительные, революционизирующие сдвиги, и можно говорить разве только о не-

которых симптоматических явлениях, то в области быта, внешнего оформления жизни такие сдвиги заметны достаточно ясно. Манера вести себя, одеваться, даже двигаться и говорить не только радикально изменяется, но и самый темп изменения становится иным, более быстрым. Появляется мода, переходящая из города в город, а затем и из страны в страну, мода, создательницей которой становится Италия, передающая в большинство государств Западной Европы не только гуманистическую идеологию, увлечение античностью и классической латынью, но и зачатки нового реалистического изобразительного искусства, а также моду на узкие одежды, и пышные прически мужчин, и роскошные парчовые платья женщин.

Вся жизнь изменяется резко и бурно, и это все более ясно заметно в последней четверти XIV в., времени, с которого мы и начинаем наше изложение.

ГЛАВА I

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ

§ 1. СХИЗМА И ФРАНЦУЗСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ¹

Весной — осенью 1378 г. в недрах католической церкви произошли события столь большой политической важности, что рассмотрение их должно обязательно предшествовать рассмотрению судеб отдельных частей Апеннинского полуострова в конце XIV — начале XV в. Как уже говорилось (см. т. I, гл. III, § 1), 18 апреля в Риме, куда незадолго до того возвратилась из Авиньона папская курия, в соборе св. Петра был увенчан папской тиарой избранный частью находящихся здесь кардиналов Урбан VI — в миру неаполитанец Бартоломео Приньяно, а через 5 месяцев, 20 сентября, другая группа кардиналов, придерживающихся французской ориентации, избирает на папский престол знатного рыцаря, двоюродного брата французского короля, Роберта Женевого, принимающего имя Климента VII. Начинается «великий раскол» (великая схизма), разделяющий на две враждующие части Западную Европу и приводящий к бесчисленным конфликтам и столкновениям в течение последующих четырех десятилетий. Климент VII сразу же опирается на французского короля Карла V, которому он в значительной мере обязан самим фактом своего избрания. Для того чтобы обеспечить реальную помощь со стороны Франции, «французский» папа вступает в переговоры с жаждущим власти претендентом на неаполитанский престол, братом короля, Луи Анжуйским. В то время как сам Карл V в течение некоторого времени не порывает с римским папой, его брат заключает с Климентом VII договор, содержание которого опубликовано папой

в буллах от 17 и 20 апреля 1379 г. Луи Анжуйский должен немедленно ввести свои войска в Италию и разгромить Урбана VI, за что в качестве его вассала получает от папы особо создаваемое для него государство — Королевство Адрия, в которое должны войти Анконская марка, Романья, герцогство Сполето, провинция Масса Трабария, а также города — Болонья, Феррара, Равенна, Перуджа и Тоди, т. е. почти вся территория Папской области за исключением города Рима и его непосредственных окрестностей. В случае удачи предприятия, которое должно было быть закончено в течение двух лет, новый «король Адрии» должен был отказаться от претензий на Неаполь, где перспективы были у него достаточно слабыми, и платить ежегодно 40 тыс. флоринов, а раз в 3 года торжественно дарить папе серого коня. Соглашению этому не суждено было осуществиться, но оно весьма характерно для той атмосферы политической беспринципности и авантюризма, которая делала возможной передачу значительной части Италии иностранному претенденту, атмосферы, при которой через столетие станет возможной военная авантюра Франции против полуострова, с этого времени становящегося ареной длительных и кровавых, так называемых Итальянских войн.

Борьба между двумя папами в самой Италии сначала приносит ряд побед французскому претенденту. Ему удается привлечь на свою сторону Неаполитанское королевство, где престарелая и властолюбивая Джованна (см. т. I, гл. III, § 1) надеется использовать начинающийся раскол для укрепления своего весьма пошатнувшегося положения. Климент VII занимает военную твердыню папства — замок св. Ангела и пытается овладеть самим Римом, но остается здесь только несколько месяцев. 27 апреля 1379 г. замок св. Ангела возвращается к Урбану VI, а 30 апреля того же года кондотьер последнего Альберико да Барбьяно (см. т. I, гл. II, § 2) наголову разбивает войска Климента VII при Марино. Весьма показательно то обстоятельство, что после этой победы итальянский папа вручает Альберико знамя с девизом «Италия, освобожденная от варваров» (*Italia liberata dei barbari*). Разбитый, не чувствующий поддержки на полуострове, французский папа 22 мая 1379 г. вместе со своими кардиналами и свитой отплывает в Марсель.

К этому времени определяется ориентация различных государств Западной Европы на того или другого из пап. Римского папу Урбана VI поддерживают Англия, Фландрия, Дания, Швеция, Норвегия, Венгрия, Чехия, Польша. Французского — Климента VII, кроме Франции — Кастилия, Арагон и Португалия, большинство имперских князей, Савойя. Однако существуют и более дробные деления. Так, центр католической мысли — Парижский университет принимает Климента VII только после длительного колебания и нажима со стороны королевской вла-

сти. В некоторых монастырях половина монахов нередко поддерживает одного папу, а вторая половина — другого.

Летом 1381 г. Луи Анжуйский — главная опора французского папы, потерявший надежду на отвоевание королевства Адрия, но зато питающий тем большие надежды на осуществление своих прав на Неаполь, где королева Джованна доживает последние дни в темнице Карла Дураццо, переходит через Альпы и вступает на землю Италии. Экспедиция его щедро финансируется Климентом VII. Его пропускают через свои земли дружественные ему граф Амедео VI Савойский и властитель Милана Бернабо Висконти, ведущий переговоры о браке сына Анжуйца и одной из своих многочисленных дочерей. Попытки перетянуть на сторону французской партии Венецию не дают результатов, и Луи проходит быстрым маршем мимо Болоньи. Флоренция, некоторое время колебавшаяся, остается, однако, верной римской ориентации, и французская армия, обойдя ее, выходит на побережье Адриатического моря, однако здесь она встречает решительное сопротивление со стороны тиранов мелких укрепленных пунктов — Римини, Пезаро, Фаэнцы, Форли, что вынуждает Луи продолжать движение, обходя города и вымещая свой гнев на крестьянах, жилища которых подвергаются разграблению и уничтожению. Часть французских войск обходит Рим и вступает в пределы Неаполитанского королевства, где начинается длительную, идущую с переменным успехом более чем в течение 3 лет войну с Карлом Дураццо, уже освободившимся, как мы помним (см. т. I, гл. III, § 1), от королевы Джованны и с величайшим напряжением сил отстаивающим свое королевство при помощи войск Неаполя и отрядов кондотьеров, главным образом финансируемых Флоренцией. В годы борьбы положение далекого от своей родины и от своих ресурсов Луи Анжуйского несколько раз было чрезвычайно тяжелым, он предлагал своему противнику отдать ему все захваченные в Италии земли, и кроме того Пьемонт и Прованс, только за пропуск домой, но уверенный в победе Карл отказался даже вести переговоры с схизматиком. Дважды шла речь о том, чтобы разрешить конфликт путем поединка, что, как и следовало ожидать, только затягивало время. К лету 1384 г. положение французского претендента резко улучшилось. Карл Дураццо поссорился с Урбаном VI, а Луи Анжуйский получил из Франции подкрепление под командованием Энгеррана де Куси, который при поддержке Милана (где он от имени Луи вступает в брак с дочерью Бернабо Висконти Лючией) проходит через Северную Италию. Несмотря на требования и угрозы из Неаполя, Флоренция, напуганная французской армией, пропускает ее через свою территорию, позволяет ей захватить Ареццо и изрядно разграбить сельские местности и мелкие города. Но 4 октября 1384 г. Энгерран де Куси получает известие о внезапной смерти Луи Анжуйского, последовавшей 20 сентября

в результате простуды. Потеряв цель своего похода, французы продают Ареццо Флоренции за 4 тыс. флоринов и уходят во свояси. Римская партия торжественно празднует победу, но празднует рано. Претензии покойного наследует его сын, малолетний Луи II, которого, как и его отца поддерживают и финансируют и Климент VII, и Франция, а Карл Дураццо, окончательно испортив отношения с Урбаном VI, ведет с ним длительную войну, одновременно заявляя свои претензии на освободившийся в 1382 г. трон Венгрии. Во время похода за этой короной, ранней весной 1386 г., Карл убит в Будапеште. Современник Андреа Дандоло пишет: «...тот, кто не удовлетворялся одним королевством, потерял два и жизнь».

Смерть Карла привела к новому соотношению сил, попытка примирить враждующие партии путем брака дочери его Джованны с Луи II Анжуйским не дала результатов, и борьба партий, как политических, так и церковных, продолжалась под знаком развала и ослабления Анжуйского лагеря. Попытка Франции направить за Альпы новую армию под командованием герцога Бурбона оказывается нереальной, так как для организации войска не удастся собрать надлежащих средств.

В этой обстановке 15 октября 1389 г. в Ватикане умирает 72-летний Урбан VI, и римские кардиналы, боясь потерей времени укрепить позицию французского папы, избирают его преемником молодого (ему едва исполнилось 30 лет), энергичного неаполитанца Пьетро Томачелло, принимающего имя Бонифация IX. Первой задачей нового папы было примирение с Неаполем, которое он и осуществляет в мае 1390 г. Почти в те же дни во Францию король Карл VI с пышной свитой приезжает в Авиньон, где находятся и папа Климент VII, и Луи II Анжуйский. Последний приносит присягу на верность французскому королю и получает от французского папы неаполитанскую корону, после чего сразу же начинается подготовка к новой французской экспедиции в Италию. 20 июля 1390 г. флот Анжуйца отплывает из Марселя, а 14 августа французский претендент после длительных и первоначально неудачных попыток осуществить высадку въезжает в Неаполь. Правительство короля Владислава, базирующееся на Гаэту, сохраняет за собой цитадель Неаполя и, опираясь на верные ему территории, продолжает борьбу в течение ряда лет. Измученный этой борьбой, то приносящей ему незначительные победы, то приводящей к серьезным поражениям, Луи II 8 февраля 1393 г. покидает Неаполь, оставляя в нем с титулом герцога Тарентского своего младшего брата Шарля, которому удастся удержать город до 10 июля, когда Владислав вступает в столицу. Видя безнадежность своей авантюры, анжуйцы возвращаются во Францию. Владислав становится полным хозяином юга Италии (см. § 2).

Одновременно со стремлением установить свое господство на юге Италии Франция пытается занять прочные позиции на се-

вере и в центре полуострова. В 1380 г. брак брата короля Карла VI — Луи Орлеанского с дочерью властителя Милана Валентиной Висконти впутывает Францию в гущу североитальянских интересов. А в 1392 г. авиньонский папа Климент VII обещает тому же Луи Орлеанскому за поход в Италию и свержение своего римского соперника выкroить ему из части Папской области Королевство Адрию, которое он же 13 лет до этого обещал Луи I Анжуйскому.

Но в самом разгаре всех этих интриг и предприятий, 17 сентября 1394 г., в Авиньоне умер французский папа Климент VII. Несмотря на усиленные попытки Карла VI и Парижского университета помешать избранию нового папы и тем вернуть католической церкви единство, уже через 10 дней авиньонские кардиналы избирают ему преемника — 66-летнего испанца, бывшего профессора права Педро де Луна, принимающего имя Бенедикта XIII. Схизма отнюдь не имеет тенденции прекращаться, хотя как внутри Италии, так и вне ее, и в первую очередь во Франции, особенно тяжело ощущающей ее последствия, наславившиеся на бедствия Столетней войны, все громче звучат голоса, настоятельно требующие ликвидации раскола среди католического мира.

А между тем в Италии борьба двух враждующих группировок, тесно переплетенная с местными распрями и столкновениями и со все растущими претензиями соседних государств, свирепствует с небывалой силой. Карл VI Французский, не довольствуясь анжуйскими претензиями на Неаполь, договаривается с Джан Галеаццо Висконти (см. § 5) о посылке в Италию военной экспедиции, возглавляемой Энгерраном де Куси. 4 сентября 1394 г. экспедиция эта начинает свой поход и, по дороге собирая пополнения и принимая присяги верности, медленно движется на Восток. Она занимает после переговоров Савону, подходит к стенам Генуи, которая в страхе перед французским феодалом-авантюристом передается непосредственно королю Франции (4 ноября 1396 г.), получившему таким образом важнейший форпост на территории Апеннинского полуострова. Обстоятельство это вызывает величайшую тревогу во всей Италии. Флоренция и ее союзница Болонья заключают оборонительно-наступательный союз с Францией, бывшей до этого в тесной связи с ее врагом Джан Галеаццо. Одним из пунктов соглашения об этом союзе было и обязательство совместно бороться за прекращение схизмы.

Французское вмешательство в дела Италии принимало столь грозные размеры, что ходили слухи о протесте английского короля Ричарда II, который якобы потребовал у Карла VI отказа от претензий на итальянскую территорию и запрещения французским войскам переходить через Альпы. Поговаривали также о том, что английский феодал-авантюрист Генрих, граф Дерби, сын герцога Ланкастера (будущий король Англии Генрих IV),

с большим отрядом идет на помощь Джан Галеаццо Висконти.

Все это, а также громадные деньги, необходимые Франции для активного вмешательства в дела Италии, приводит к тому, что к 1397 г. Карл VI решает отказаться от этой политики и, опираясь на общественное мнение, требующее прекращения затянувшегося церковного раскола, все более склоняется к дипломатическим переговорам в этом направлении.

Только от господства над Генуей, выгодного в настоящем и обещающего еще большие выгоды в будущем, Франция не хочет отказаться, несмотря на то, что борьба партий в этом беспокойном и воинственном городе доставляет ей постоянные заботы и расходы. После того как ряд французских наместников тщетно старались укрепить здесь свое положение, Карл VI 22 марта 1401 г. назначает властителем «светлейшей» одного из крупнейших и энергичнейших деятелей своего царствования — маршала Франции Жана де Менгр, более известного под прозвищем Бусикб. 31 октября того же года новый наместник приезжает в Геную и начинает править более как завоеватель, чем как приглашенный городскими властями и уважающий местные законы администратор. Более того, он мечтает, опираясь на морское могущество и заморские владения Генуи, нанести поражение туркам, с которыми он перед тем воевал на Востоке, для чего организует экспедицию, ставя перед ней задачу овладения Кипром. Однако вмешательство могущественной Венеции заставляет его отказаться от этой затеи и ограничиться разбойничьими набегами на побережье Малой Азии. Сильно потрепанный на обратном пути у Модона венецианским флотом он с позором возвращается в Геную 29 октября 1403 г. и сейчас же начинает готовить войну против Венеции. Несмотря на мирные предложения последней, Бусико 6 июня 1404 г. направляет ей послание, в котором вызывает на личный бой дождя или его представителя или же на сражение на суше или на море. Французский рыцарь-авантюрист думал разрешить вековые итальянские конфликты чисто феодальным способом, столь странным в условиях Италии, что дож Венеции Микеле Стено даже не отвечает на вызов и вообще игнорирует французского правителя Генуи. Когда же Бусико арестует венецианских купцов в Генуе и конфискует их имущество, Венеция жалуется на него французскому королю и ведет в Италии и за ее пределами сложные интриги, имеющие целью его смещение. Эти мероприятия приводят к посылке в мае 1405 г. специальной французской правительственной комиссии для обследования деятельности Бусико, однако комиссия эта, вскоре отозванная начавшейся во Франции борьбой Орлеанской и Бургундской партий, возвращается ни с чем.

В то же время претендент на неаполитанский престол Луи II Анжуйский готовится к новой экспедиции на юг Италии. Стремясь обеспечить себя деньгами и политической поддержкой, он

получает крупные суммы денег от авиньонского папы Бенедикта XIII и женится в 1400 г. на дочери арагонского короля Иоланте, тем впуская в борьбу за Италию и Испанию.

Смерть Джан Галеаццо Висконти в 1402 г. (см. § 5) и последовавшая за ней ожесточенная борьба итальянских государств за его наследство вызывают новое оживление французских претензий. Муж дочери покойного, герцог Луи Орлеанский, потерявший ведущее положение при дворе своего брата Карла VI, готовит с весны 1403 г. экспедицию в Северную Италию, куда он намеревается привезти и авиньонского папу. Из этого похода ничего не выходит, но зато герцогу Орлеанскому удастся получить от своего брата власть над Пизой, которую страх перед могучей соседкой — Флоренцией вынудил отдаться под покровительство французского короля. Однако новое усиление влияния орлеанской партии во Франции (после убийства Филиппа Бургундского) не дает возможности Луи Орлеанскому уделить достаточно внимания итальянским делам. Зато его претензии перенимает его союзник Бенедикт XIII, надеющийся путем дипломатического нажима положить конец схизме за счет своего соперника. Весной 1404 г. для переговоров со своим соперником он посылает в Рим четырех преданных прелатов своего лагеря. Но переговоры, которые они ведут во всех крупных городах Италии и в Риме, служат только для отвода глаз, так как фактически Бенедикт XIII организует военный поход в Италию и готовит для этой цели флот и поддержку на территории полуострова.

Эта подготовка, а также известие о прибытии в Пизу французского начальника вызывают серьезную тревогу в Риме. Бонифаций IX совместно со своим союзником Владиславом Неаполитанским не только организуют оборону города св. Петра, но и замышляют ответный набег на предавшуюся врагам Пизу.

В ходе переговоров, вскоре вылившихся в пустую перебранку, и подготовки к взаимным нападениям умирает (1 октября 1404 г.) римский папа Бонифаций IX. Во многих городах Италии, поддерживавших покойного, его смерть приводит к народным волнениям. В частности, в Риме восставший народ захватывает послов авиньонского папы и угрожает им расправой, так что флорентийской синьории приходится хлопотать об их спасении и освобождении. Представители Авиньона предлагают римским кардиналам отказаться от новых выборов, признать французского папу и тем положить конец столь затянувшейся схизме. Но кардиналы отказываются дать ответ, и послы принуждены были покинуть Рим ни с чем. 17 октября 1404 г. здесь происходит избрание нового папы. Им становится неаполитанец по происхождению епископ Болоньи Козимо Мильорати, принимающий имя Иннокентия VII.

Известие об этом избрании вызывает глубокое разочарование не только в Италии, но и во всем католическом мире. Парижский университет обращается даже к новому папе с предложением

отречься. Последний сначала ведет себя осторожно и дает уклончивые ответы, но затем, прощупав почву и убедившись в надежной поддержке короля Владислава, меняет тон и отказывается от каких бы то ни было уступок и переговоров.

Столь непримиримую позицию римского папы стремится использовать Франция. Ее послы стараются убедить Пизу, Лукку, Флоренцию перейти в Авиньонский лагерь, обещая им за это всяческие блага. Впрочем, сколько-нибудь серьезных успехов они не добиваются. Но малые результаты в этом направлении отнюдь не останавливают воинственных планов французской партии. Наоборот, она готовится к нанесению решительного удара. Бенедикт XIII заканчивает организацию военного похода в Рим и для этой цели, поддерживаемый своим постоянным покровителем Луи Орлеанским, с одной стороны, собирает военные силы с герцогом Бурбоном во главе для вторжения на полуостров с севера, с другой же — поддерживает новые попытки Луи II Анжуйского вторгнуться в Италию с юга. 13 мая 1404 г. флот с французско-папскими войсками на борту входит в Савону, а через 3 дня он с великим почетом принят в Генуе. Здесь авиньонский папа получает приятнейшее для него известие о том, что римский народ, возмущенный произволом и жестокостями Иннокентия VII, поднял против него восстание, принудившее папу бежать из города св. Петра.

Но на этом столь удачно начатая экспедиция заканчивается. Оправившийся от одного из своих обычных приступов безумия король Карл VI внезапно запрещает как герцогу Бурбону, так и Луи II Анжуйскому поход в Италию, и папа Бенедикт XIII оказывается лишенным поддержки. К тому же разгорающаяся снова во Франции борьба между орлеанцами и бургундцами делают для них надолго невозможным сколько-нибудь активное вмешательство в итальянские дела. Авиньонскому «наместнику св. Петра» остается возможность только дипломатических действий и духовного убеждения, которые он широко и использует, продолжая жить в Генуе под охраной маршала Бусико. Однако эти франко-авиньонские интриги дают результаты весьма незначительные, а иногда приводят и к прямым поражениям, к каковым можно отнести, например, продажу Флоренции Пизы осенью 1405 г. (см. § 4). Пиза протестует против такого решения своей судьбы, закрывает ворота перед флорентийским войском и, предлагая герцогу Бургундскому, Иоанну Бесстрашному, власть над городом, просит Карла VI отменить договор о продаже. Эта отмена происходит, и в результате ее готовится новая французская экспедиция, на этот раз для удержания Пизы, но, пока она готовится, Пиза 9 октября 1406 г. сдается Флоренции, что приводит к разрыву между Флоренцией и ее обычной союзницей Францией. Республика на Арно в поисках союзников принуждена более тесно сблизиться с римским папой, стремясь сделать его единственным главой церкви и тем выбить

из рук французского короля главное оружие в его борьбе за Италию. К тому же общественное мнение Франции, как обычно наиболее ясно выражаемое Парижским университетом, все более громко и настойчиво требует прекращения схизмы любой ценой.

В этот весьма для него благоприятный момент 6 ноября 1406 г. умер в Риме Иннокентий VII. Французский король и университет, получив сообщение об этом, тотчас же обращаются к римским кардиналам с просьбой воздержаться от выбора нового папы и приступить к переговорам, но кардиналы, как и следовало ожидать, и не думают об этом и 30 ноября 1406 г. избирают папой венецианца Анджело Коррера, принимающего имя Григория XII. Зато новый папа сразу же объявляет о том, что он готов отказаться от тиары, если только сможет этим путем достичь единства церкви, что вызывает восторженную реакцию как в Италии, так и во Франции, и принуждает авиньонского папу сделать такое же заявление. Григорий XII выдвигает проект встречи глав или представителей обеих церквей для переговоров о прекращении схизмы; Флоренция предлагает провести эту встречу на своей территории, но, поскольку авиньонский папа отказывается выйти за пределы подвластной ему области, Григорий XII идет на уступки и встречу намечают провести в Савоне недалеко от французской границы, на генуэзской территории, т. е. в пределах авиньонской обедыенции. Но французское правительство протестует против этого решения, требуя прямого и безоговорочного отречения обоих пап, а сам Григорий XII и не собирается реализовать проект, им же выдвинутый. Он заявляет, что может отправиться на совещание только на венецианских кораблях, вход которым в генуэзские порты закрыт. После долгих переговоров и колебаний он осенью 1407 г., наконец, выезжает на север и, двигаясь чрезвычайно медленно, 4 сентября прибывает в Сиену и оттуда через посредство Флоренции предлагает Бенедикту XIII прибыть в Тоскану. Последний отказывается, ссылаясь на договоренность о встрече в Савоне. Снова тянутся переговоры, и подгоняемые призывами, раздающимися со всех сторон, оба папы медленно, шаг за шагом, приближаются друг к другу. В начале января 1408 г. Григорий XII находится в Лукке, а Бенедикт XIII — в Порто Венере, т. е. их разделяет не более 80 км. Но на этом дело кончается, дальше ни один из них не хочет сделать ни шагу. Тогда Карл VI Французский заявляет, что, если до конца мая встреча не состоится, он объявит себя нейтральным, т. е. прекратит поддержку авиньонского претендента. Бенедикт XIII отвечает угрозой отлучения, которая не устрашает французское правительство, и оно точно в назначенный срок публикует решение о нейтралитете.

Решение это радикально изменяет обстановку, так как ясно, что без французской поддержки авиньонский папа долго про-

держаться не сможет. Теперь встреча пап теряет реальный смысл, и Григорий XII, к тому же обеспокоенный тем, что его друг и союзник Владислав Неаполитанский вступил в Рим (см. § 2), покидает Лукку. Через несколько дней Бенедикт XIII, предав отлучению короля Франции и маршала Бусико, уезжает из Порто Венере: попытка ликвидации схизмы, казалось, близкая к осуществлению, снова позорно проваливается.

Однако раскол, продолжающийся уже более 30 лет и приводящий к бесчисленным, все усиливающимся бедствиям, даже в среде самих церковников, обычно равнодушных к общей пользе, выше всего ставящих свои личные интересы, вызывает, наконец, протесты, стремление к примирению. 7 кардиналов обеих партий не последовали за своими владыками, а, собравшись в Пизе, опубликовали заявление, в котором заклемили позорное поведение обоих пап и апеллировали к Вселенскому Собору. Через несколько дней к ним присоединилось еще 5 кардиналов и 2 прислали своих уполномоченных. В конце июня 1408 г. эта внушительная по числу участников и по своему значению коллегия обращается с призывом о созыве Собора на 9 февраля 1409 г. Место созыва обсуждалось и оспаривалось в течение долгого времени, и только в конце августа, после того как Флоренция, занятая освоением недавно приобретенной Пизы, согласилась на этот город как на место для Собора, он был назначен именно здесь, время же созыва из-за задержки отсрочено до 25 марта.

Объявление о созыве Собора вызвало бурную реакцию в политическом и духовном мире. Многие до того колебавшиеся кардиналы примкнули к заседавшим в Пизе, ряд государств Италии поддержал Собор, Карл VI — решительный его сторонник. К обоим папам направляются призывы отречься от тиары и подчиниться решению будущего Собора. Однако ни один из борющихся претендентов не собирается делать ни того, ни другого.

Собор открылся точно в назначенный срок. Кроме значительного числа кардиналов и других духовных лиц на нем присутствовали представители Франции, Англии, Империи, Польши, Португалии, Флоренции, Феррары, Милана и других государств Европы и Италии. 5 июня 1409 г. Собор принял решение о смещении обоих, обвиненных в ереси пап, а 26 июня единогласно был избран папой критянин по происхождению, кардинал миланский Пьетро Филарго, принявший имя Александра V. Однако избрание нового папы, человека энергичного и ученого, не только не привело к прекращению схизмы, но еще и усилило ее. Ни авиньонский, ни римский папы не признали решения Собора. Во главе церкви стояло теперь трое пап.

Все более запутанным и неясным положением стремится в первую очередь воспользоваться Владислав Неаполитанский (см. § 2), остающийся верным Григорию XII и под этим пред-

логом усиленно расширяющий свои владения в Центральной Италии. Это же, в свою очередь, вызывает активизацию деятельности соперника Владислава — Луи II Анжуйского, который с довольно значительными силами появляется в Италии. 25 июня 1409 г. он торжественно принят участниками Собора в Пизе, получает здесь от Александра V инвеституру королевства Сицилии и, поддерживаемый Флоренцией, опасавшейся слишком значительного усиления своего старого союзника Владислава, прибывает в Рим, откуда Владислав уже ушел. Но здесь анжуйец задерживается только на несколько дней. Вскоре он, оставив часть своих войск в Риме, возвращается во Францию — за деньгами и политической поддержкой. Через 10 месяцев, в конце апреля следующего 1410 г., он возвращается морским путем в Италию с новыми, весьма значительными силами. 9 мая он прибывает в Пизу и здесь узнает о том, что 6 дней тому назад в Болонье умер Александр V. 14 мая собирается конклав пизанских кардиналов и 17 мая под явным нажимом анжуйца избирает подсказанного им кандидата кардинала Болонского Бальдассаре Косса, которого молва обвиняла в отравлении своего предшественника. Новый папа принимает имя Иоанна XXIII. Естественно, что все внимание его сосредоточивается в первую очередь на поддержке Луи Анжуйского, снова попавшего в тяжелое положение в результате разгрома основной части своего флота морскими силами Владислава Неаполитанского. 12 апреля 1411 г. анжуйец и его папа с внушительным количеством войск вступают в Рим, (см. § 2), а через неделю их авангарды переходят границу Неаполитанского королевства. Здесь их армия под командованием Брaccio да Монтоне одерживает ряд побед над врагом, но отсутствие надлежащих резервов и плохая связь с базами оказывают и на этот раз свое роковое влияние, и 3 августа 1411 г. Луи II Анжуйский отплывает из Рима в Марсель.

Иоанн XXIII несколько недель продолжает самостоятельно военные действия против Владислава, но затем при посредничестве Флоренции примиряется с ним взамен за то, что король признает его папой, передает ему инвеституру королевства, незадолго до этого предоставленную им своему благодетелю Луи II.

Примирение это должно было иметь серьезные политические последствия: оно означало, с одной стороны, значительное усиление позиции пизанского папы, с другой же — окончательное на много десятилетий крушение агрессивных планов Франции. Франция одновременно теряет и свой северный форпост — Геную, из которой вынужден бежать удерживавший ее в течение 10 лет маршал Бусико.

Исчезновение Франции с итальянской политической арены как будто бы способствует завершению схизмы, так как французский папа остается без главной своей поддержки. Пользуясь

этим, Иоанн XXIII собирает в феврале 1413 г. в Риме новый Собор, который проходит, однако, весьма неорганизованно и не дает никаких результатов. К тому же Иоанн XXIII еще более ослабляет свои позиции ссорой с Владиславом Неаполитанским и бежит из «вечного города», вскоре затем занятого неаполитанскими войсками. Только смерть Владислава 6 августа 1414 г. (см. § 2) несколько облегчает положение пизанского папы. Нуждаясь в постоянной опоре, он обращается за помощью к императору Сигизмунду, мечтающему, пользуясь ослаблением Франции, восстановить германское господство над Италией. Получив от Иоанна XXIII обещание поддержки своих итальянских притязаний, Сигизмунд со своей стороны поддерживает его стремление покончить со схизмой. В результате этого 5 ноября 1414 г. в швейцарском городке Констанце, т. е. на территории, юридически входящей в состав Империи, собирается новый Вселенский Собор. Несмотря на то, что на нем сразу же стали разгрываться жестокие ссоры различных политических партий и группировок, Собор все же не теряет из виду своей главной цели. 29 мая 1415 г. принято решение о смещении Иоанна XXIII, через несколько недель Григорий XII добровольно отказывается от тиары. Только Бенедикт XIII продолжает бороться, хотя осужденный Собором он смещен 26 июля 1417 г. Схизма закончена, остается только избрать нового папу. 8 ноября 1417 г. собирается конклав необычного состава, в него входят кроме 23 кардиналов — 30 делегатов различных стран Европы. Уже через 3 дня, 11 ноября 1417 г., конклав единогласно избирает папой кардинала Оддо Колонна, который принимает имя Мартина V.

§ 2. НЕАПОЛИТАНСКОЕ КОРОЛЕВСТВО ²

Схизма и французская интервенция в различных ее проявлениях создали на территории Италии конца XIV—начала XV в. положение крайней политической неустойчивости, положение, благоприятствующее стремлениям отдельных частей страны, возглавляемых энергичными, не стесняющимися в средствах правителями, к установлению своего господства над страной в целом. Но это же положение вызвало и непрочность, недолговечность успехов, достигнутых в этом направлении, что с особой яркостью проявилось на примере южной части полуострова.

После смерти королевы Джованны I и воцарения в 1382 г. 28-летнего Карла Дураццо (см. т. I, § 1) Неаполитанское королевство находилось в состоянии далеко не завидном. Оно было разорено неразумным правлением покойной королевы, ослаблено многолетней борьбой правящей старшей линии Анжуйского дома с его же младшей линией, опирающейся на Францию, и претензиями правящего дома на венгерский престол.

Экспедиция Луи I Анжуйского привела к крайнему обни-

щению королевства, к расшатыванию всей его политической и экономической структуры. Первоначальные успехи французского претендента нередко ставили под вопрос само существование королевства. Возглавляемое во время походов Карла Дураццо его женой Маргаритой королевство это должно было напрягать все силы, чтобы выжить. Королева постоянно нуждалась в деньгах для оплаты необходимых ей (и прекрасно это знающих) алчных и бессовестных кондотьеров, таких, как Джон Гауквуд (по-итальянски звучит как Джованни Акуто, т. е. острый), Альберико да Барбьяно и др. Маргарита продает свои драгоценности, прекращает взносы на содержание благотворительных учреждений, берет займы у богатых флорентийских купцов и местных богачей, урезывает личные расходы свои и своих малолетних детей. Иногда ее положение становится настолько тяжелым, что она вынуждена созывать сборища подданных и просить у них финансовой помощи и поддержки своим финансовым мероприятиям.

Немало уступок приходится также делать в пользу крупных и мелких феодалов, и без того необычайно обнаглевших во время беспокойных царствований Роберта и Джованны I.

Несмотря на все эти весьма серьезные трудности, Маргарита Дураццо, опираясь на своего опытного и разумного советника Джентиле Меролини, поддерживает в королевстве возможный порядок. Ей выгодна смерть Луи I Анжу (1384 г.), она поддерживает близкие отношения с нужной Неаполю в экономическом отношении Флоренцией, в борьбе с непокорными феодалами использует других феодалов, им по той или иной причине враждебных, умело распределяет тяжелое налоговое бремя. В последней области она даже не останавливается перед ухудшением отношений со старым союзником своего дома римским папой Урбаном VI, живущим в это время в Неаполе под охраной Маргариты. Разгневанный папа покидает столицу, запрещает подданным Маргариты платить незаконные (с его точки зрения) налоги на соль и вино и ставит перед своим конклавом вопрос о свержении династии Дураццо, на что, правда, кардиналы не пошли. Королева отвечает на это попыткой объявить папу умалишенным и заключить его родственников в темницу Нового замка. Окончательно выведенный из себя папа отлучает (15 января 1384 г.) Карла, Маргариту с их потомками до четвертого поколения от церкви, так же как и всех их сторонников, если те тотчас же не откажутся от них. Этим, а также обильными подарками папа переманивает на свою сторону ряд нужных феодалов из сторонников Дураццо и из анжуйской партии и, образовав армию, начинает войну против «отлученных», но 9 марта 1385 г. был разбит. В этой чрезвычайно напряженной обстановке Карл Дураццо в начале сентября 1385 г. отправляется в экспедицию для утверждения своей власти над Венгрией. Маргарита остается

полной хозяйкой Южной Италии, которой она управляет совместно с регентским советом, состоящим из 8 крупнейших феодалов страны и возглавляемым архиепископом Неаполя. Положение в королевстве поистине отчаянное, денег не хватает, и все увеличивающиеся налоги, займы у флорентийцев, продажа феодалов не могут удовлетворить вечную нужду в них. Глухое недовольство охватывает все слои общества, не без основания считающего виновниками всех бед королевства отлученную от церкви чету Дураццо.

Между тем Карл успешно проводит свою венгерскую экспедицию и, пройдя без особого сопротивления через всю Венгрию, коронуется короной св. Стефана. Получение в Неаполе известия об этом важном событии послужило поводом для пышных торжеств, в которые были втянуты все слои населения, что несколько разрядило напряженную политическую обстановку. Но торжество дома Дураццо было недолговечным: заманенный своими врагами в ловушку в Будапеште Карл был смертельно ранен и 27 февраля 1386 г. скончался.

Сообщение о смерти короля прибыло в Неаполь во время помпезного турнира, входившего в серию еще не закончившихся празднеств по случаю его коронации. Перед королевой это известие, затем подтвержденное более полными реляциями, поставило тяжелую задачу — удержать для себя и своего малолетнего сына Владислава (он родился в 1377 г.) корону, которую оспаривали окружающие королевство многочисленные враги — римский и авиньонский папы, анжуйцы и не менее опасные враги внутренние — в первую очередь, всегда недовольные и беспокойные бароны.

Королева долго скрывает трагические новости, но после того как венгерские сторонники рода Дураццо мстят за смерть Карла и в Неаполь прибывают отрезанные головы его убийц, вынуждена открыто выступить как правительница. Она пытается найти пути примирения с римским папой, прибегая для этого к посредничеству Флоренции, но Урбан VI оказывается слишком несговорчивым. Она ищет союзников в Италии и вне ее. Через ту же Флоренцию делаются попытки договориться о браке между Владиславом и дочерью Джан Галеаццо Висконти, через Геную и опять-таки Флоренцию — о браке между дочерью королевы Джованной и главным ее врагом Луи II Анжуйским, но из этих проектов ничего не выходит, так как и в Милане, и во Франции считают положение Дураццо в Неаполе слишком непрочным.

И действительно, положение внутри королевства становилось все более тяжелым и неустойчивым. В самом центре его — в замке св. Эльма (в котором содержится пленный племянник Урбана VI) смещенный королевой комендант Томмазо Пагано отказывается подчиниться приказу о своем смещении и при помощи артиллерии и стрельбы из луков отражает все попытки

королевских войск добиться его выполнения. Только исчерпание запасов продовольствия заставляет восставшего барона уйти из замка невредимым и безнаказанным, что обнаруживает перед всем королевством слабость власти Дураццо.

Примеру противодействия королеве в октябре 1386 г. следует большая группа баронов Неаполя, заключающих между собой соглашение о союзе и сотрудничестве, явно направленное против Дураццо. К знати присоединяется ремесленное и торговое население города, разоренное и измученное все новыми и новыми поборами, особенно непосильным налогом на соль и вино.

Все это приводит в первых числах декабря того же 1386 г. к открытому восстанию. После ряда многолюдных собраний избирается новый правительственный орган — Совет восьми.

Ненавистные налоги на соль и вино отменяются, народ уничтожает банки, через которые проводилось взимание этих налогов, устанавливаются максимальные цены на продукты питания. Совет восьми начинает выступать и с политическими претензиями, хотя о свержении королевского дома не заикается. Зато он требует, чтобы Маргарита оставалась только опекуной своего сына и немедленно примирилась с римским папой, для чего прежде всего выпустила бы его племянника, все еще томящегося в заключении в Неаполе. Маргарита сначала гордо отказывается, но затем принимает эти требования. Однако папа выставляет слишком жесткие условия, и договориться не удается. Это приводит в городе к новой вспышке народного гнева — разъяренная толпа грабит дома знати, открывает тюрьмы, жжет документы судебных архивов и несколько дней по-своему распоряжается городом. Тяжелым положением Неаполя пользуются анжуйцы, с которыми Совет восьми поддерживает дружественные отношения, что позволяет войскам французского претендента и папы Климента VII подойти к стенам города. Королева Маргарита бежит в Газту, а Неаполь, официально управляемый Советом восьми, оказывается под властью анжуйского вице-короля Томмазо Сансеверино, который, демагогически отказываясь от взимания каких бы то ни было сборов и налогов без согласия неаполитанского населения, пытается переманить его на сторону авиньонского папы.

Маргарита, несмотря на всю тяжесть своего положения, не собирается складывать оружия. Она, в свою очередь, облегчает налоговое бремя верной ей части населения, всеми способами переманивает баронов враждебной партии, устраивает заговоры на их территории. Злополучное королевство месяц за месяцем остается ареной ожесточенной, кровавой войны двух партий. Война эта в течение длительного времени проходит под знаком побед анжуйской партии, возглавляемой новым вице-королем, родичем авиньонского папы Луи де Монжуа. Марга-

рита, несмотря на то, что ей удастся завербовать на свою службу крупнейших кондотьеров Италии (Оттона Брауншвейгского, Альберико да Барбьяно, Джона Гауквуда), терпит поражение за поражением. Совершенно лишенная поддержки со стороны крупных итальянских государств, враждебная обоим папам, не имеющая союзников и внутри полуострова, она часто оказывается накануне гибели, но с упорством и удивительной выдержкой каждый раз в последний момент находит выход, собирает новые силы и продолжает борьбу. Осенью 1389 г., в положении поистине безнадежном, королева устраивает брак своего сына короля Владислава с Констанцией, дочерью викария и одного из реальных владетелей Сицилии Манфредо Кьярамонте, и тем обеспечивает себе помощь и поддержку этого богатейшего и могущественного барона.

Смерть Урбана VI и избрание на его место молодого и энергичного неаполитанца Бонифация IX — решительного сторонника династии Дураццо — приводит к резкому улучшению положения последней. Первым мероприятием нового папы было провозглашение Владислава королем Сицилии и Неаполя и тесное сближение с ним. Авиньон отвечает на это попыткой отравления юного короля. Подосланный к нему и вошедший в доверие ко двору почтенный епископ Арля Раймунд подсыпает в вино, предназначенное для Владислава, яд. Но здоровый организм юноши справляется с отравой. Король после тяжелого заболевания выздоравливает, но остается до конца жизни заикой. Это покушение еще более сближает римского папу с Дураццо. В начале мая 1390 г. брат и полководец папы посвящает Владислава в рыцари, а в конце этого же месяца кардинал-легат коронует его и его жену короной Неаполя и Сицилии. Пышные празднества, которыми Дураццо отмечают это событие, показывают всей Италии и ее соседям, что в Неаполе наступила новая эра.

Начинающийся в эти дни поход Луи II Анжуйского уже не может сколько-нибудь серьезно поколебать положение Владислава. Не колеблет его ни создание французским претендентом (сразу после торжественного прибытия в Неаполь) совета из неаполитанской знати во главе с Томмазо Сансеверино, ни французские подачки представителям этой знати, ни отдельные успехи, которых добиваются войска анжуйца, руководимые по-прежнему Луи де Монжуа.

Основной опорой семьи Дураццо все больше становится местное население, простой народ, которому власть иностранцев, их грабежи и бесчинства причиняют неисчислимые бедствия, и часть знати, на которую сыплются постоянные подачки, наконец, экономическая поддержка Флоренции, рассчитывающей, и не без оснований, при Дураццо извлечь громадные выгоды из богатейшего, но отсталого юга полуострова.

Для упрочения положения Владислава не только как короля

Неаполя, но и как претендента на венгерский престол Бонифаций IX весной 1393 г. вызывает его в Рим, и здесь молодой король (ему уже 16 лет), впервые выступающий самостоятельно на политической арене, договаривается о своем разводе со ставшей теперь ненужной Констанцией Кьярамонте и о браке с дочерью турецкого султана Баязида. Первая часть этого договора немедленно приводится в исполнение, вторую же осуществить опасаются из-за боязни сопротивления общественного мнения браку с мусульманкой.

В июле того же 1393 г. Маргарита, так упорно в течение ряда лет отстаивавшая права своего сына, объявляет о том, что он отныне принимает на себя руководство всеми делами королевства. 16-летний Владислав становится фактическим королем юга Италии.

Невзирая на свой юный возраст, король сразу же начинает действовать не только весьма энергично, но и удачно. Он группирует вокруг себя наиболее могущественных и боеспособных из верных ему баронов, во главе их ставит прославленного кондотьера Альберико да Барбьяно и, оставляя за собой общее руководство военными действиями, одерживает ряд крупных побед. Он сохраняет и даже усиливает традиционный союз с Флоренцией, поддерживает теснейший контакт с римским папой. Весной 1394 г. он совершает с пышной свитой и вооруженными силами поход в Рим, где встречается с Бонифацием IX, помогает ему расправиться с непокорными феодалами Папской области и в благодарность за это получает обещание всяческой поддержки и помощи. Опираясь на эту поддержку, в начале апреля 1395 г. Владислав, собрав в своей временной столице Газте значительные вооруженные силы, выступает в поход, подходит ко все еще занятому анжуйцами Неаполю и начинает его осаду. Но захватить столицу врасплох не удастся, в тылу у Дураццо весьма беспокойно, то там, то здесь — в Терра ди Лаворо, Абруццах, Калабрии — вспыхивают народные восстания. И Владиславу приходится уже 15 апреля снять осаду. Но, хотя этот набег на Неаполь и не удался, он принес некоторые результаты: в городе почувствовали растущую силу Владислава и слабость французов. Было созвано народное собрание, которое, решительно потребовав прекращения гражданской войны, снова избрало выборное правительство города и четырех маршалов для руководства военными действиями.

В то же время Владислав с войсками совершает поход по южной части полуострова. Частично оружием, а частично угрозами и подачками он переманивает на свою сторону непокорных феодалов и восставшие коммуны, тем обеспечивая себе надежный тыл для наступательных операций, проводимых со все более определенным успехом.

Опираясь на постоянную дипломатическую и финансовую поддержку своей старой союзницы Флоренции, Владислав с на-

чала 1396 г. возобновляет активные действия против Неаполя. В апреле крупные силы под предводительством самого короля с суши и с моря обкладывают город. Первые попытки взять город штурмом не дают результатов, после чего Владислав решает ограничиться длительной осадой, а основные силы использовать на окончательное завоевание части территории королевства, еще не признающей его власти. В течение ряда месяцев он добивается в этом значительных успехов, что позволяет ему с начала 1399 г. перейти к решительным действиям в Неаполе. Осторожно и не спеша, обеспечивая себе поддержку всех областей и районов королевства, переманивая на свою сторону последних непокорных баронов, в том числе главную опору анжуйцев — Сансеверино, Владислав подходит со своими силами к городу, из которого уже бежал Луи II. 7 июля 1399 г. он у ворот столицы, а 10 июля ворота открываются, и юный король (ему теперь 22 года) торжественно вступает в город, за который ему столько лет пришлось бороться. Награды верным, помилования изменникам и различные уступки всем слоям населения столицы и всего королевства закрепляют победу, делая Владислава бесспорным и единственным хозяином государства.

Страшная вспышка эпидемии чумы — «черной смерти» — заставляет короля вскоре после этого триумфа покинуть столицу, но и вне ее стен он продолжает укреплять свое положение, щедро раздавая права, льготы и привилегии жителям королевства.

За подарками и уступками первых дней последовали, однако, мероприятия другого характера. В тесном союзе с римским папой, поддерживающим как его внешнеполитические, так и внутривполитические мероприятия, Владислав совершает ряд походов против оставшихся непокорными или сомнительных по своей верности баронов и к концу 1400 г. завершает их полное подчинение.

Это позволяет королю приступить к осуществлению широких внешнеполитических замыслов, призванных превратить Неаполитанское королевство в могущественную европейскую державу. Воспользовавшись серьезными смутами и междоусобиями в Венгрии, Владислав, продолжая политику своего отца, погибшего в борьбе за Венгрию, предъявляет претензии на корону св. Стефана и для того, чтобы обеспечить себе поддержку сильного соседа Венгрии — Австрии, договаривается о браке между австрийским регентом герцогом Вильгельмом (опекуном наследственного герцога Альберта) и своей сестрой Джованной. Тесный союз с Австрией, являвшийся неизбежным следствием этого брака, должен был немало помочь неаполитанскому королю и в его внутривполитических начинаниях.

Но римский папа Бонифаций IX, с начала своей карьеры бывший ближайшим помощником и союзником династии Ду-

раццо, считает опасным для Рима такое необычное усиление его непосредственного соседа и, затягивая разрешение на австрийский брак и тем самым на связанный с ним венгерский поход, обращает внимание юного Владислава в другую, более выгодную для Рима сторону, к острову Кипру — ключу восточного Средиземноморья, находившемуся в это время под ударом как авиньонски настроенной Генуи, так и «неверных» турок. Выдвигается проект женитьбы Владислава на дочери безвольного короля Кипра Януса Лузиньяна — Марии. После длительных переговоров о приданом, призванном поддерживать скудные финансы Неаполя, Мария Лузиньян в феврале 1402 г. прибывает в Неаполь.

Но только на приданое не поправишь тяжелое экономическое положение, и король месяц за месяцем занимается упорядочением налоговой системы, сбором недоимок по налогам, покорением бунтующих баронов и областей (Абруццы), которые должны платить за свою неверность звонкой монетой и полным политическим подчинением.

Одновременно продолжается и весьма активная восточная политика: несмотря на интриги и противодействие Венеции, неаполитанский отряд, возглавляемый уполномоченным Владислава Луиджи Альдеморески, занимает добровольно отдавшуюся под покровительство короля Зару (Задар в Далмации). Через год, летом 1403 г., сам Владислав, собрав значительные суммы денег и вооруженные силы, отправляется на Балканы. 19 июля 20 кораблей, несущих неаполитанскую экспедицию, входят в гавань Зару. Торжественно встреченный властями Владислав высаживается на берег. Здесь происходят многодневные переговоры его с представителями венгерской знати, подготовляющими его провозглашение венгерским королем. Это провозглашение происходит, в нарушение всех национальных традиций, в Заре 5 августа 1403 г., что, впрочем, не делает его положение здесь более прочным. Раздав ряд привилегий и льгот городам и знати, Владислав уже в конце октября покидает Зару и возвращается в Италию. Военная экспедиция, плохо продуманная и неподготовленная, не дала результатов, но Владислав продолжает стремиться к установлению своего господства в Венгрии дипломатическим путем и после возвращения в Неаполь.

Однако обширные внешнеполитические планы не отвлекают короля от серьезных внутренних задач, стоящих перед ним: задачи эти остаются неизменными из десятилетия в десятилетие, но упорно не поддаются разрешению. Главные из них — создание прочного финансового базиса правительства и обеспечение верности вечно ненадежных баронов. Для разрешения первой из этих задач Владислав тщательно и упорно собирает недоимки по существующим и сохраняемым налогам, рассылая по государству с этой целью специальных разъездных чинов-

ников. В то же время неимущие сельские общины освобождаются от слишком тяжелых для них налогов, отменяется обложение продажи съестных припасов, искони свободной в Неаполе, по введенной при анжуйском претенденте. Для разрешения второй задачи организуется военный поход против маркиза Кортони Никколо Руффо, неоднократно поддерживавшего в прошлом анжуйцев, а теперь внешне покорного. Ненадежный барон разгромлен, и владения его полностью захвачены. Иначе поступает Владислав с могущественными герцогами Сесса — семьей Марцано: все представители ее под предлогом брачного торжества приглашены в Неаполь и здесь захвачены.

Положение в государстве позволяет Владиславу активно вмешаться в общепитальянские дела, складывающиеся для него весьма выгодно в результате смерти римского папы Бонифация IX и последовавших за нею беспорядков в «вечном городе». В октябре 1404 г. неаполитанские войска с королем во главе подходят к Риму, где торжественно встречены папой Иннокентием VII и его сторонниками. Наведя в Патримонии порядок, Владислав получает от папы должность управителя Кампании и Маритимы и ключи от Рима, что делает его хозяином Центральной Италии и вызывает стремление к дальнейшему расширению своей власти.

По этому, как обычно в Неаполе, мешала строптивая непокорность баронов, самых крупных и могущественных из которых Владислав до сего времени не решался тронуть. Прекрасно понимая необходимость покончить с ними, король, справившись после возвращения из Рима с вызванными этим походом финансовыми трудностями путем займов и продаж должностей и привилегий, приступает к ликвидации самостоятельности крупнейших баронов. Первыми жертвами оказываются члены сильной и разветвленной семьи Сансеверино. Захваченные врасплох, главнейшие представители ее кончают свои дни в казематах Нового замка (Кастель нуово).

Затем король начинает борьбу с наиболее сильным своим подданным, фактически почти не подчинившимся ему и постоянно ведшим самостоятельную политику — герцогом Таренто Раймондо дель Бальцо Орсини. Борьба эта затягивается на ряд лет, так как Раймондо удается сгруппировать вокруг себя всех влиятельных представителей анжуйской партии и получить поддержку из Франции. В самый разгар борьбы (весной 1406 г.) Раймондо умирает, но выпавший из его рук меч подымает его вдова Мария д'Энгиен. Она удачно руководит военными действиями и наносит королевским войскам тяжелое поражение, заставляющее Владислава на некоторое время ослабить борьбу и снова заняться заполнением своей пустой казны.

Только весной 1407 г. военные действия возобновляются с прежней силой. У вернейшего советника Владислава Джентиле да Монтерано возникает план покончить с затянувшимися

боями другим путем — браком между королем и Марией д'Энгиен. Несмотря на опасения своих сторонников, Мария, сказав: «Я не боюсь, если умру — умру королевой», дает согласие на брак, который и заключен 27 апреля 1407 г. Громадное герцогство Таренто оказывается полностью подчиненным королю, органически включается в государство, порядок в котором окончательно устанавливается.

Авторитет и могущество Владислава как внутри Неаполитанского королевства, так и вне его в результате всех последних успехов прочен и велик. Папа находится под его прямым покровительством. Венеция заискивает перед ним, Флоренция — верный союзник и помощник в политических и экономических отношениях.

Смерть римского папы Иннокентия VII (1406 г.) и избрание Григория XII и следующие за этим переговоры о ликвидации схизмы заставляют Владислава, которого эта ликвидация пока совершенно не устраивает, еще более активно вмешаться в судьбы Рима и всей Центральной Италии. Весной 1408 г. неаполитанский флот блокирует римский порт Остию, и 25 апреля Владислав вступает в Рим к радости своего ставленника Григория XII и республики Венеции, выдающей в этом гарантию против возобновления французских претензий. Но этим не ограничиваются планы и намерения короля. Воспользовавшись длительными распрями в Перудже, одном из крупнейших городов северной части Папской области (в Умбрии), Владислав 19 июня 1408 г. заключает с ее представителями договор, по которому город этот полностью отдается под власть Неаполя. В Перуджу направляется неаполитанский вице-король, который должен управлять городом, внешне сохраняя коммунальные порядки. Могущество Владислава все в большей степени приобретает общеоитальянский характер.

Вернувшись после этих успехов в Неаполь, Владислав уделяет основное внимание событиям, развертывающимся вокруг проблемы окончания столь удобной Неаполю схизмы и Собора в Пизе. Стремясь сохранить существующее положение, он все больше сближается с наиболее надежным союзником — Венецией, для чего уступает последней Далмацию и в первую очередь форпост всех своих начинаний против Венгрии — Зару. Зато враждебное отношение к Пизанскому Собору и особенно захват Перуджи портит его отношения с Флоренцией. Это заставляет Владислава в порядке обороны уже захваченных территорий расширить их на всю округу Перуджи, т. е. фактически стать хозяином всей Умбрии, при господстве над Кампаньей и над Мареммой, вытекавшем из господства над Римом. Положение неаполитанского короля становится поистине внушительным и грозным для соседей. Понятно, что Флоренция, которой успехи неаполитанского короля угрожают в первую очередь, сначала предлагает ему отказаться от Умбрии и от

претензий на Тоскану, вернуться в Неаполь, но зато получить подтверждение своих законных владений от пизанского папы и Собора. Когда же Владислав не только решительно отказывается от этого, но и совершает ряд набегов на тосканские земли, не скрывая своего намерения включить в свои владения Сиену, и путем измены захватывает прекрасно укрепленную Кортону, Флоренция не находит ничего иного, как заключить против Неаполя союз с Францией и призвать к себе на помощь Луи II Анжуйского.

Успехи последнего и поддерживающего его Пизанского Собора заставляют Владислава оттянуть свои войска из Тосканы и части Умбрии. Орвието, Монтеферасконе, Витербо выходят из его подчинения. Враги его вступают в Рим и торжественно занимают Ватикан. Правда, успехи анжуйского претендента оказываются в достаточной степени непрочными, но и Владиславу не удастся восстановить свои позиции. Рим и окружающая его территория остаются в руках пизанского папы. Только Перуджа, как предпосылка восстановления господства в Центральной Италии, остается в руках неаполитанского короля, ведущего к тому же переговоры о примирении со своим наиболее реальным противником — Флоренцией. После длительных переговоров в первые дни 1411 г. мир между ними заключен. Владислав уступает Кортону и дает обещание отказаться от значительной части своих захватов в Центральной Италии и от своей традиционной политики поддержки Римского папы. Последнее обещание требует, однако, дальнейших переговоров, в которых участвуют Флоренция и Венеция. Решительные возражения Перуджи, опасавшейся стать жертвой примирения враждующих сторон, неопределенная позиция пизанского папы Иоанна XXIII и ряд успехов Луи II Анжуйского в Центральной Италии затрудняют заключение соглашения.

Возвращение анжуйца во Францию несколько разряжает атмосферу. Владислав снова занимает Рим и, опираясь на Перуджу, возобновляет свои агрессивные действия. 12 марта 1412 г., воспользовавшись народным восстанием в Болонье, он распространяет свое влияние и на этот важнейший в политическом и стратегическом отношении город. Эти новые успехи неаполитанского короля решительно портят, казалось бы, начавшие улучшаться его отношения с пизанским папой. Иоанн XXIII объявляет его смещенным, отлучает от церкви и провозглашает против него крестовый поход. Впрочем, все это, так же как и созыв 14 апреля 1412 г. нового Собора в Риме, мало пугает Владислава, который продолжает поддерживать римского папу и, проводя широкие фортификационные работы в Центральной Италии, готовится отстоять с оружием в руках свое руководящее положение на полуострове.

В этой обстановке Иоанн XXIII решает еще раз, и теперь без оговорок, попытаться примириться со своим главным про-

тивником. 17 июня 1412 г. его посол прибывает в Неаполь и после недолгих переговоров заключает, наконец, договор, согласно которому папа подтверждает за Владиславом и его потомками право на Неаполитанское королевство; в случае отсутствия прямых потомков трон должен перейти к сестре короля Джованне. Все приговоры, вынесенные против Владислава самим папой и его предшественниками, а также задолженность по церковным сборам отменяются. Захваты Владислава в Центральной Италии, и в первую очередь Перуджи, остаются в его руках: частично на 10 лет, частично безоговорочно. Папа вносит королю как своему союзнику и военному защитнику значительную сумму. Со своей стороны король освобождает всех содержащихся в его тюрьмах родственников и сторонников папы и возвращает им конфискованные владения. Он решительно и навсегда отказывается поддерживать каких-либо претендентов на престол св. Петра, кроме Иоанна XXIII, которого он торжественно признает единственным законным папой.

Договор, с быстротой молнии ставший известным по всей Италии, заметно укрепляет и без того значительный авторитет короля Владислава. Только личное горе набрасывало некоторую тень на триумф неаполитанского владыки. 6 августа 1412 г. умерла после долгой болезни его мать и советчица, создательница его могущества Маргарита.

Однако громадный авторитет короля Владислава, угрожавшего стать вершителем судеб всего полуострова, вызывает опасения со стороны императора Сигизмунда, уже издавна враждовавшего с ним из-за Венгрии, а теперь боящегося потерять последние остатки власти Империи над Италией. Сигизмунд сближается с папой Иоанном XXIII, напоминает Флоренции о рискованности ее тесной связи с Неаполем и всячески старается локализовать влияние последнего, подготавливая одновременно коронационный поход в Италию. Перед лицом новой опасности Владислав опять сближается со своей старой союзницей — Венецией, давно враждующей с Сигизмундом из-за переданной ей Владиславом Далмации. Кроме того, он заручается обещаниями поддержки со стороны Генуи, до того обычно придерживавшейся французской ориентации, и Феррары, лежащей на пути возможного германского похода, и весной 1413 г. опять движется против Рима. Это, естественно, портит его отношения с папой и, наоборот, заставляет опять опереться на Перуджу, обеспечивающую доминирующую позицию в Центральной Италии.

Напрасно Флоренция, коммерческие интересы которой решительно требовали сохранения мира, стремится уговорить Неаполь и папу не нарушать его; на политическом горизонте Италии снова собираются мрачные тучи. Войско и флот Владислава медленно, но неуклонно приближаются к Риму. В мае неаполитанский флот блокирует устье Тибра, а войско подходит

к стенам «вечного города», защищаемого папскими войсками. После короткой осады передовые неаполитанские отряды врываются в город, из которого почти без сопротивления бежит папа. После триумфального въезда, Владислав поселяется в Ватикане, откуда спокойно наблюдает за разграблением города своими войсками. Он выступает теперь не как защитник папской столицы, а как завоеватель, недаром он приказывает чеканить в Риме монету со своим именем и надписью: «Славнейший светоч Города» («*Urbis illuminator illustris*»). Он не собирается покидать завоеванные земли. Назначает своих ставленников капитанами в города Лациума, Тиволи, Беллетри, Сутри и др., направляет отряды для окончательного занятия всей провинции Рима. Оставив в Риме своего губернатора, он возвращается в Неаполь, откуда среди прочих государственных дел продолжает заботиться о сохранении своего владычества над Центральной Италией, ясно показывая этим, что считает ее прочно включенной в свои владения.

Такая твердая наступательная позиция Владислава, к тому же затевающего еще интриги в Болонье и в некоторых неустойчивых городах Тосканы, заставляет Флоренцию и ее союзников — папу Иоанна XXIII и императора Сигизмунда окончательно занять враждебную ему позицию. Подготовка к созыву Константинопольского Собора еще более усложняет политическую обстановку.

Видя перед собой сомкнутый фронт враждебных сил, категорически намеренных задержать его дальнейшее продвижение на север, Владислав готовится к новой войне. Он повсюду и всеми возможными способами собирает деньги, назначает новые налоги и принимает меры к неуклонному их взиманию, продает земли и феодалы, выпускает за выкупы захваченных в плен римлян, берет в долг, готовит свои вооруженные силы. Опираясь на хорошо укрепленный Рим, управляемый назначенным им сенатором, и на надежную Перуджу, Владислав чувствует себя твердо и уверенно настолько, что в ответ на приезд своего главного врага, кочующего по Италии в поисках пристанища, Иоанна XXIII во Флоренцию, приказывает арестовать всех флорентийцев, проживающих в его государстве, и конфисковать все их имущество. Это не могло не обострить его отношений с могущественной Тосканской республикой.

Одновременно он готовится к дальнейшему расширению военных операций. Еще раз мобилизуя все денежные возможности, в конце февраля 1414 г. во главе новых войсковых соединений король выступает из Неаполя на север. 14 марта он торжественно вступает в Рим, где назначает управителей как для самого города, так и для окружающих его областей. При обычной поддержке верной Перуджи Владислав, побыв несколько недель в Риме, грозно движется дальше. Орвието, важнейший стратегический пункт — ключ к Тоскане, тщетно умоляет о по-

мощи Флоренцию и папу, но, не получая от них таковой, вынужден 4 мая склониться перед властителем Неаполя. Дорога на север для него открыта, и никто, особенно находящаяся в ожидании худшего Флоренция, не сомневается в его дальнейших завоевательных планах.

Понятно, что Флоренция, как всегда предпочитавшая дипломатию военным действиям, проявляет исключительную даже для нее дипломатическую активность. Послы ее без усталости выступают в ставке короля, в Венеции, при папском дворе, защищая столь важное для республики дело восстановления мира. Они предлагают и обсуждают различные возможности, комбинации и уступки, обещают, уговаривают. И в конце концов вся эта бешеная активность дает результаты. Изрядно потрепанный длительными военными усилиями, Владислав склонен поддаться на уговоры, однако при условии сохранения всех своих завоеваний.

22 июня 1414 г. между Флоренцией и Неаполем заключен договор, согласно которому каждая из сторон сохраняет свою территорию и отказывается от каких бы то ни было выступлений против другой. Особенно оговаривается сохранение независимости и нейтральности Болоньи. Однако и заключение мирного договора не остановило полностью агрессивных замыслов Владислава. Пользуясь тем, что с Иоанном XXIII примирение не состоялось, он продолжает мелкие военные действия в Центральной Италии и, даже не особенно скрывая это, готовится к более серьезным операциям.

Но осуществить их ему уже не удастся: внезапная и очень тяжелая болезнь приковывает его к постели. Срочно перевезенный в Неаполь, он 6 августа 1414 г. умирает, оставляя престол своей слабой и не слишком умной сестре Джованне II. Смерть 37-летнего короля, в течение десятилетия являвшегося центральной фигурой на политической сцене Италии, радикально изменила положение на полуострове. Недаром анонимный гуманист составил для роскошной гробницы короля в неаполитанской церкви Сан Джованни а Карбонара следующую эпитафию в классическом духе: «Тот, кто поражал народы, уstraшенные его успехами, и тиранов укрощал мечом, бесстрашный победитель на земле и на море, свет Италии, ярчайший светоч королевства, король Владислав, краса славных и слава царей лежит здесь».³

Краткое, но яркое царствование Владислава, так же как правление его старшего современника и соперника Джан Галеаццо Висконти (см. § 5), не принесло особенно прочных результатов. Все тенденции этого царствования показывают, что и на территории Апеннинского полуострова, как и в других странах Европы, имелись тенденции к объединению страны под властью единого сильного монарха, но все его стремления встречали не-

преодолимые препятствия в политической раздробленности полуострова и в социальной и экономической неравномерности развития отдельных его частей.

Джованна II — сестра и преемница Владислава — 45-летняя честолюбивая, но бесталанная и слабая женщина в течение короткого времени растеряла все, что с такими трудами было достигнуто ее братом.⁴ Могущественные и всегда мечтающие о самостоятельности крупные бароны королевства, которых покойный властитель умел держать в полном подчинении, поднимают голову и стремятся диктовать свою волю новой королеве. Только с величайшими усилиями, не жалея лести, подачек, милостей, не останавливаясь перед вероломством и обманом, удастся Джованне удержаться среди хаоса противоречивых корыстных интересов своих непокорных подданных.

Постоянно нуждаясь в опоре, королева делает своим фаворитом и доверенным лицом молодого и властолюбивого рыцаря из своей свиты — Пандольфелло Алопо. Не обладая ни особой знатностью, ни имуществом и не слишком надеясь на постоянство своей покровительницы, Алопо объединяется с главным кондотьером королевства грубым и упрямым Муцио Аттендоло Сфорца и пытается с помощью последнего взять бразды правления в свои руки.

Опасения молодого фаворита были не напрасными; напуганная его излишним усилением, Джованна решает вступить в законный брак. Сначала идут разговоры о муже из династии арагонских королей — втором сыне короля Фердинанда I — Хуане (по-итальянски — Джованни). Этот совсем еще юный отпрыск семьи, владевшей восточным побережьем Пиренейского полуострова, претендовавший на власть над Сицилией, Сардинией и Корсикой, показался, однако, королеве слишком могущественным, и она предпочла в качестве супруга французского барона Жака Бурбон, графа де ла Марш, оговаривая, что он не будет иметь права ни на титул короля, ни на его власть.

Однако французский муж оказывается не более надежным, чем итальянский фаворит. Он захватывает Алопо и Сфорцу, отправляет первого на эшафот, держит фактически под домашним арестом королеву и пытается, опираясь на свое французское окружение, править самостоятельно. Восстание баронов, протестовавших против всякой сильной власти, а особенно против власти, осуществляемой иностранным выскочкой, вскоре заставляет его отказаться от претензий как на королевский титул, так и на власть, и довольствоваться скромной ролью принца-консорта (ноябрь 1416 г.). Сфорца опять становится великим коннетаблем королевства и получает обратно все конфискованные у него владения.

Но доминирующего положения при дворе грубоватому кондотьеру добиться не удастся. Положение это занимает новый фаворит королевы — Джанни (или Джованни) Караччоло, с ко-

торым Сфорца сразу же начинает ожесточенную борьбу.

К тому же, явно стремясь воспользоваться новым ослаблением королевства, снова поднимают голову затихшие было французские анжуйцы. Глава рода Луи III готовится к походу в Италию и заранее обеспечивает себе поддержку как нового папы — Мартина V, так и Сфорца, озлобленного своими неудачами при неаполитанском дворе.

Сфорца открыто объявил о своей поддержке анжуйских претензий. Джованна, лишившаяся главной военной опоры и вообще чувствующая себя на престоле непрочно, судорожно ищет силу, которая помогла бы ей упрочить свое положение. По совету своего фаворита Джанни Караччоло, злейшего врага Сфорца и анжуйцев, такую силу она не слишком удачно находит в лице 32-летнего властолюбивого и хитрого старшего брата своего бывшего жениха Хуана Арагонского — Альфонсо (род. в 1384 г.), ставшего с 1416 г., после смерти отца, также королем Арагона и Сицилии — Альфонсо V по прозвищу «Великодушный». Арагон, владевший (хотя далеко не всегда реально) Сицилией, Сардинией и Корсикой, стремился к захвату Южной Италии, или хотя бы части ее, так как это обеспечило бы ему господство в западной части Средиземного моря, на что претендовала также Франция, а в торговом отношении — Генуя. Естественно поэтому, что в своей борьбе с французскими анжуйцами Джованна или, вернее, ее советники обратились именно к этому их главному конкуренту.

Призванный на помощь Альфонсо, уже в течение ряда лет стремившийся подчинить себе острова Тирренского моря, тотчас же послал в Неаполитанские воды часть своего весьма внушительного флота, а затем явился (август 1421 г.) в Неаполь и сам. Здесь его ожидала торжественная встреча, после чего королева официально усыновила его и объявила своим преемником, герцогом Калабрии. Это вызывает большое волнение и беспокойство в Италии, большинство государств которой не без основания опасаются появления на территории полуострова столь могущественного государя. Особенно же опасно это появление было для непосредственного соседа — Папского государства. Мартин V, с великим трудом налаживающий некоторый порядок в последнем, сразу же выступает с осуждением поведения королевы и оказывает всякую поддержку Луи III Анжуйскому. Кроме того, местное, в первую очередь неаполитанское, население проявляет явную недоброжелательность к новому наследнику-иностранцу. Начинается война, носящая в основном маневренный, обычный для кондотьерских войн характер. Отряды Неаполя и Арагона возглавляет кондотьер Браччо да Монтоне, получающий титул коннетабля королевства и в качестве феодалов Капую и Аквилу, отряды папы и анжуйца возглавляет Сфорца.

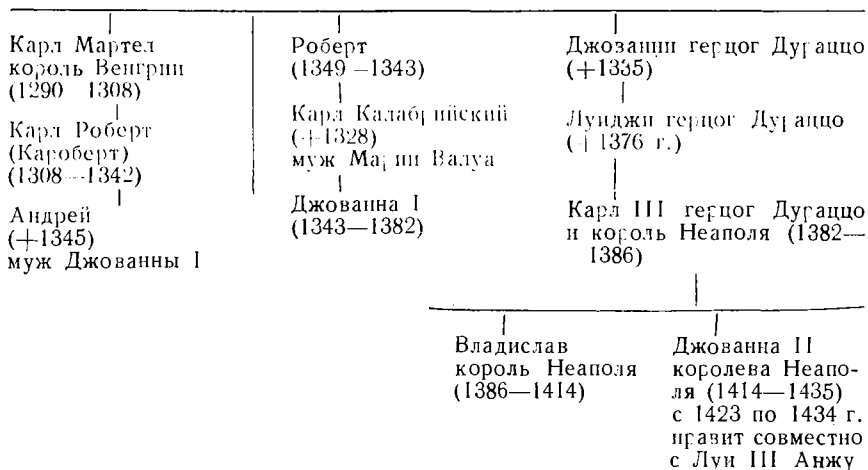
Скоро, однако, капризная и непостоянная королева поняла,

какую опасность для нее и для ее власти представляет ее приемный сын. Да и последнему не слишком нравится та второстепенная роль, которую ему отводят в управлении сама королева и ее фаворит Карачоло. Происходит ссора, за которой следует полный разрыв. 1 июля 1423 г. Джованна объявляет об отмене решения об усыновлении Альфонса. Новым приемным сыном объявлен недавний враг — Луи III Анжу. Теперь уже войну ведут на одной стороне королева Неаполя, анжуец, папа и Муцио Сфорца, на другой — Альфонсо Арагонский и Браччо да Монтоне.

А н ж у Годы правления в Неаполе

Карл I Анжу (брат Людовика Святого, короля Франции)
(1265—1285)

Карл II (жена—королева Венгрии Мария)
(1285—1309)

Борьба за юг Италии, естественно, не может оставаться только внутренним делом, вся Италия так или иначе заинтересована в ее исходе и прямо или косвенно принимает в ней участие. Сын и наследник Джан Галеаццо Висконти не только на герцогском престоле Милана, но и в претензиях на господство на полуострове — Филиппо Мария Висконти прямо принимает участие в военных действиях на стороне анжуйцев. Появление на почве Италии такого могущественного соперника, как арагонский король, его никак не устраивало. Зато Флоренция, главной угрозой для которой был сам Филиппо Мария и которую вполне устраивало установление сильной власти на юге Италии, становится на сторону Альфонсо.

Вмешательство в борьбу за Неаполь Милана и особенно находящейся в это время под его властью Генуи с ее могущественным флотом дает перевес на некоторое время анжуйцам. Командующий генуэзским флотом Гвидо Торелли, воспользовавшись отсутствием Браччо да Монтоне, занятого отвоеванием своих владений в Аквиле, и самого Альфонсо, отозванного в конце 1423 г. срочными делами в Испанию, наносит противнику ряд поражений и занимает Гаэту, Прочиду, Кастелламаре, Сорренто, подходя вплотную к городским стенам Неаполя. В то же время Сфорца нападает на Браччо в Аквиле, но 4 января 1424 г., облаченный в тяжелый доспех, пытаясь на коне перейти вброд реку Пескару, тонет. Командование переходит к его сыну Франческо Сфорца.

Последний прекращает поход и возвращается ко двору королевы, находившемуся в то время в Аверзе. Джованна направляет его на Неаполь, уже окруженный ее силами. В апреле 1424 г. в результате подкупа и измены город открывает свои ворота и анжуйские войска входят на его улицы. Через несколько недель — 2 июня 1424 г. Франческо Сфорца дает решительное сражение арагонским силам у стен осажденной им Аквилы. Под двойным ударом снаружи и изнутри города отряды Браччо да Монтоне, уже изрядно потрепанные длительной осадой, не выдерживают, отступают, их командующий при этом тяжело ранен и вскоре умирает.

Победа Джованны II и поддерживающих ее Луи III Анжуйского, паны и Милана кажется полной. Опять всеми делами управляет фаворит королевы Джанни Караччоло, а ее сыном и наследником твердо считается анжуец.

Но Альфонсо, и оставаясь в Италии, не считает свою игру проигранной, собирает новые силы для открытых действий, примиряется с Филиппо Мария Висконти, непрерывно организует постоянные заговоры и восстания баронов, поддерживающих его или, вернее, состояние анархии. Возникает проект военного союза между Альфонсо Арагонским, Миланом, Германской империей и Кастилией — союза, который должен сделать арагонского претендента полным хозяином Южной Италии.

После 10 лет ожесточенной борьбы между партиями постепенно намечается победа более сильного, опирающегося на свои испанские владения, арагонского претендента. Уже в 1430 г. Джанни Караччоло, который когда-то выдвинул идею усыновления Альфонсо, опять призывает его в Италию, куда араговец прибывает летом 1432 г. после девятилетнего отсутствия. В ноябре 1434 г. Луи III Анжуйский, признанный неаполитанским королем и Мартином V, и новым (с 1431 г.) папой Евгением IV, умирает в Козенце, не оставив прямых наследников. Таковым может считаться только его младший брат Репе, герцог Анжуйский и граф Прованский, которого и признает своим преемником Джованна II. 2 февраля 1435 г. умирает и королева. Во гла-

ве Неаполя остается регентский совет в составе 20 лиц из числа знати и горожан и 10 баронов, которым завещанием покойной королевы было поручено временное управление государством. Совет действует под верховным покровительством папы Евгения IV и от имени Рене Анжуйского. Сам же анжуец, более известный как поэт и художник, чем как политический деятель, не может принять активное участие в событиях, так как в это время находится в плену в Бургундии. Жена его Изабелла от его имени принимает корону и совместно с Филиппо Мария Висконти, опять перешедшим в лагерь врагов Альфонсо, готовит экспедицию, которая на генуэзских кораблях должна направиться на юг Италии. Миланский герцог надеялся при помощи этой экспедиции установить свое господство над Неаполем и окончательно ликвидировать претензии своего давнишнего врага и недолгого друга Альфонсо Арагонского.

Последний, однако, и на этот раз не собирался складывать оружие и, наоборот, самым решительным образом готовился к возвращению в Неаполь. Он осаждает Газту, но ни силой своего оружия, ни красноречием своего посла, известного поэта-гуманиста Антонио Беккаделли, не может принудить ее к сдаче.

В это время к Газте подходит французский флот под командованием Бьяджо ди Ассерето. Альфонсо во главе своих кораблей, на борту которых находятся также его братья: Хуан (король Наварры), Энрике и Педро, а также ряд представителей арагонской и неаполитанской знати, выходит навстречу врагу. Решительная битва происходит 5 августа 1435 г. у острова Понца. Сражение длится в течение целого дня и заканчивается полной победой сравнительно малочисленной, но более совершенной и опытной генуэзской эскадры. Весь арагонский флот (кроме одного корабля, которому удалось скрыться) в количестве 14 наве (большой круглый парусный корабль) и 11 галер (узкий длинный гребной корабль) был взят в плен.⁵ В руки врага попали также сам король и его братья, кроме Педро.

Разгром флота арагонского претендента и его пленение, рассматривавшиеся как победа Висконти, произвели громадное впечатление в Италии, особенно в Венеции. Сразу же после него Изабелла Анжуйская с сыном Жаном высадилась в Неаполе и была торжественно встречена как законная королева.

Казалось, что игра Альфонсо Арагонского проиграна окончательно, но тут произошло внезапное изменение обстановки, которого никто не ожидал. Находясь в плену у Висконти и ведя с ним сначала разговоры, а затем и переговоры, Альфонсо сумел убедить Филиппо Мария в том, что Милану выгоднее и безопаснее не допускать усиления Анжуйского дома, который, опираясь на Францию, сможет зажать Милан в тиски, но зато вполне целесообразно помочь арагонскому претенденту овладеть Неаполем, разделить с ним сферы влияния и, опираясь

на его помощь, расправиться со своими врагами — Флоренцией, папой и Франческо Сфорца.

Между Филиппо Мария и Альфонсо были заключены два договора — открытый и тайный. По первому Альфонсо выходил на свободу, но обязывался предстать перед миланским герцогом вместе со своими братьями по первому требованию. По второму — разделялась сфера господства над Италией. Висконти получал Северную (выше Болоньи), арагонец — Южную ее часть.

В декабре 1435 г. Альфонсо Арагонский, его родичи и свита, наделенные богатыми подарками, были выпущены на свободу. Акту политической агрессии был придан эффектный вид подвига рыцарского благородства и галантности, которыми так любил щеголять миланский властитель.

Оказавшись на свободе и в союзе с могущественнейшим из государей Италии, Альфонсо Арагонский немедленно приступает к отвоеванию Неаполитанского королевства. В этом деле оба союзника встречают сопротивление почти всей Италии, поддерживающей анжуйцев. На стороне последних — папа, Венеция, Флоренция, Генуя, свергнувшая миланское иго (см. § 5). Во главе их войск стоит энергичный и удачливый Франческо Сфорца. Война идет долго как на территории Южной, так и Центральной Италии.

Базой Альфонсо является Гаэта, куда ранее бежал его брат Педро. Отсюда он ведет переговоры с баронами королевства и уговаривает многих из них перейти на свою сторону.

Королева Изабелла, по-прежнему управляющая Неаполем (Рене Анжуйский продолжает находиться в плену), чувствует надвигающуюся опасность и обращается с просьбой об экстренной помощи к Евгению IV, который посылает значительный отряд под командованием Джованни Вителлески. В апреле 1437 г. последний в качестве папского легата вступает на неаполитанскую территорию и здесь добивается у Монтефуско победы над крупнейшим бароном королевства Джованни Антонио дель Бальцо Орсини, за что получает кардинальскую шапку. Затем он своим стремлением распоряжаться на освобожденной территории как полный хозяин вызывает недоверие королевы и портит с ней отношения. Он заключает договор с Альфонсо и тотчас же ссорится с ним, после чего, оставшись без всякой поддержки, на небольшой лодке бежит в Венецию, откуда с позором возвращается к папе.

На его место в Неаполь прибывает освободившийся из плена король Рене, и война продолжается без перевеса на чьей-либо стороне до осени 1439 г., когда после смерти анжуйского командующего Джакомо Кальдора арагонцы одерживают победу за победой. Каталонские отряды захватывают ряд пунктов в непосредственной близости к Неаполю, сам король начинает его осаду, и город, измученный всеми предшествовавшими бед-

ствиями, открывает перед ним ворота 12 июня 1442 г. Потратив весь следующий год на подчинение других частей королевства,⁶ Альфонсо Арагонский, ставший полным хозяином в нем, устраивает 26 февраля 1443 г. торжественный въезд в лежащую у его ног столицу. Страстный поклонник античности, покровитель гуманистов, даже на поле битвы слушавший чтение отрывков из Тита Ливия, король в этом въезде воспроизводит римский триумф с некоторыми христианскими добавлениями.

Триумфатор восседает на золоченной колеснице, влекомой четверкой белоснежных коней. Впереди колесницы — клир с церковными песнопениями, а вокруг и сзади нее ликующие толпы народа, осыпаящие победителя цветами, приветствующие его возгласами. В шествии следуют изготовленные флорентийскими специалистами аллегорические фигуры судьбы и доблести и фигура Цезаря, под ногами которого вращается покоренный им земной шар. На месте, в котором шествие вступило в Новый дворец (Castel Nuovo), по специальному заказу Альфонсо была воздвигнута триумфальная арка римского образца, рельефы которой, выдержанные также в античном духе, запечатлели подвиги и победы короля (илл. 20, 21).

Это победное шествие с его античной маскировкой, подробно описанное историографом короля Антонио Беккаделли,⁷ знаменовало собой наступление новой эры не только для полуострова, но и для всей Италии, эры, драпирующейся в античную тогу тирании, смещающей в ряде центров полуострова как вполне феодальную монархию, так и коммунальную республику.

§ 3. РИМ ВО ВРЕМЯ СХИЗМЫ И ПОСЛЕ ЕЕ ОКОНЧАНИЯ

Начавшаяся в 1378 г. схизма, отражающаяся весьма остро во всей Италии, нигде, наверное, не чувствовалась так сильно, как в Риме, экономическое и политическое благополучие которого было теснейшим образом связано с единым и сильным папством. Борьба двух пап требует весьма значительных средств как у одного, так и у другого, и в 1379 г. Урбан VI накладывает на все церкви и монастыри «вечного города» громадный единовременный налог в 100 тыс. золотых флоринов. Это приводит к нескольким довольно ярким, но безрезультатным попыткам римского населения с оружием в руках отстоять свои права, а в дальнейшие годы — к постоянным проявлениям в разных формах народного гнева и недовольства авантюристической политикой папства. Учитывая это, Урбан VI в 1380 г. назначает на полугодие сенатором Рима Джованни Ченчи деи Канчельери, выдвинутого знатью города, поручая ему «универсальную синьорию и управление Римской республикой». Но эта временная мера не приводит к умиротворению, и весной 1384 г., воспользовавшись отсутствием Урбана VI, занятого неаполитански-

ми делами, горожане Рима организуют самостоятельное республиканское правительство, возглавляемое тремя «консерваторами», переизбирающимися каждые 3 месяца. Стремясь справиться с непокорным городом и в то же время не желая начинать

Папы

Римские	Авиньонские	Соборные
Урбан VI (1378—1389)	Климент VII (1378—1394)	Пизанский Собор Александр V (1409—1410)
Бонифаций IX (1389—1404)	Бенедикт XIII (1394—1423)	Иоанн XXIII (1410—1415)
Иннокентий VII (1404—1406)	Климент VIII (1423—1429)	Базельский Собор Феликс V (1439—1449)
Григорий XII (1406—1415)		антипапа
Мартин V (1417—1431)		
Евгений IV (1431—1447)		
Николай V (1447—1455)		

в нем гражданскую войну, папа в 1386 г. назначает своим викарием в Патримонии св. Петра кардинала Томмазо Орсини, на которого возлагается задача умиротворения города и примыкающей к нему территории, где свирепствует непокорный барон-кондотьер Франческо ди Вико. В мае 1387 г. этот главный разрушитель порядка разгромлен и убит, после чего в Патримонии наступает некоторое успокоение.

Вернувшись в Рим в 1388 г., Урбан VI объявил о том, что отныне каждые 33 года (в память о продолжительности жизни Христа) будет праздноваться юбилей, привлекающий в «вечный город» десятки тысяч паломников и тем чрезвычайно выгодный для города. Задоблив население, папа в 1389 г. снова назначает своего сенатора (генуэзца Дамьяно Каттанео), который в течение полугода правит вместе с тремя городскими «консерваторами».

Смерть Урбана VI (15 октября 1389 г.) и избрание папой Бонифация IX, человека молодого и энергичного, только укрепляет папскую позицию в Риме. Значительно поправив свое финансовое положение юбилеем, новый папа широко раздает викариаты и прочие права и привилегии в городах и областях Патримония, взимая за это значительные денежные суммы, — так, Альберто д'Эсте получает викариат в Ферраре за 10 тыс. флоринов в год, Антонио да Монтефельтро — в Урбино за 1300 флоринов в год, городские выборные власти Болоньи — вика-

риат этого города за 5 тыс. флоринов в год и т. д. В Риме он после некоторых колебаний оставляет власть в руках трех выборных консерваторов, для которых строит специальное здание на Капитолии, вообще являвшемся объектом его постоянных забот. Взаимоотношения между папой и выборными властями регулируются договором, точно ограничивающим финансовые и судебные права обеих сторон, оговаривающими необходимость регулярного ремонта укреплений, мостов, улиц «святого города». По этому договору, возобновленному и подтвержденному в 1392 г., Рим выступает как самостоятельный, коммунально управляемый город, а не только как папская столица. «Заметь, — пишет современный хронист, — что папа не был сеньором Рима, как это стало впоследствии, но Рим был свободен и говорили „Римская церковь“, а не „Церковный Рим“».⁹

Однако, получив много, римляне хотят еще большего и своими новыми требованиями заставляют папу осенью 1392 г. покинуть Рим и поселиться в Перудже, а затем переехать в Ассизи. Только осенью 1393 г. происходит примирение между Бонифацием IX и Римом. Городские власти идут на некоторые уступки. Во главе города становится назначаемый папой и оплачиваемый городом сенатор, который должен управлять совместно с выборными консерваторами. Для решения экономических вопросов, связанных в первую очередь со снабжением города, ежегодно избираются два доверенных лица (*buoni uomini*) — один папой, а другой горожанами. 10 сентября 1393 г. папа возвращается в Рим, где сразу же предпринимает работы по реставрации и укреплению замка св. Ангела. Каждому, кто попытается нанести хотя бы незначительный ущерб замку, угрожает отлучение от церкви. Пребывание в Риме только что вступившего на престол Неаполя Владислава (весна — лето 1394 г.) еще более укрепляет положение Бонифация IX.

Однако антипапские элементы городской коммуны, поддерживающие тайные связи с крупными и всегда непокорными феодалами Папской области, не складывают оружия, и борьба как с теми, так и особенно с другими занимает постоянно и внимание, и силы папы. Особенно беспокойны могущественнейшие Колонна, Савелли, Каэтани. Борьба с одним из них, властителем Фонди Онорато Каэтани, пытающимся поднять против папы Рим и сохранить свое самостоятельное положение, продолжается свыше двух лет, и только помощь неаполитанского войска позволяет Бонифацию IX расправиться с Онорато, а после его смерти — с его дочерью Джакобеллой. К 1400 г. папе удается в значительной степени усмирить наиболее строптивых из баронов. Он является почти неограниченным властителем Папской области.

Это укрепление папской власти совпадает с начавшимся в 1399 г. движением так называемых «белых». Тысячи верующих, главным образом из-за Альп, одетые в простые белые

льняные рубахи, шли по дорогам, ведущим в Рим, оглашая воздух возгласами «Милосердие» и призывая к миру среди христиан. В дни юбилея 1400 г. они заполнили «вечный город», немало подняв и авторитет папы, и его доходы.

Смерть Банифация IX (1 октября 1404 г.) и избрание Иннокентия VII совпадают с первым походом в Рим Владислава Неаполитанского, приводящим к установлению опеки Владислава над «вечным городом». 27 октября того же 1404 г. под прямым нажимом короля между новым папой и римской коммуной подписан договор, согласно которому папа назначает сенатора города, римляне же каждые два месяца избирают (в присутствии сенатора) 7 губернаторов — «управителей финансов города» (*Governatori della Camera Urbana*), которые приносят присягу верности сенатору и ведают всеми городскими делами вместе еще с тремя управителями, назначаемыми папой или королем. Остальные административные и судебские функции также поделены между папой и римлянами. Этот договор, так же как неаполитанское господство, в значительной мере сводит на нет все достижения энергичного правления Бонифация IX. Уступчивость и мягкость нового папы отнюдь не приводят к умиротворению, а, наоборот, вызывают все новые требования со стороны коммуны; так, после беспорядков лета 1405 г. папа соглашается на то, что управлять городом будут впредь только 7 выборных коммуны — «управители свободы республики римлян» (*Gubernatores libertatis Republicae Romanorum*).

Однако и это не успокаивает почувствовавших свою силу римлян. Воспользовавшись незначительным спором между папской администрацией и представителями коммуны, народные массы Рима в ночь на 2 августа 1405 г. вновь берутся за оружие. Под звуки набата вооруженные толпы захватывают основные пункты Капитолия. Папские войска, опасаясь кровопролития, отступают. Зато в один из следующих дней (6 августа) папский родич и кондотьер Лодовико де Мильорати захватил группу представителей народа, возвращавшуюся из Ватикана после переговоров с папой, и зверски убил их. Эта нелепая и ненужная жестокость привела к дальнейшему обострению отношений. Напуганный папа бежит из Рима в Витербо, а разъяренный народ захватывает и разграбляет его дворец, а затем и дворцы верных ему кардиналов и прелатов. Готовые воспользоваться любыми беспорядками в своих личных целях, члены семьи Колонна присоединяются к антипапскому движению. Анархию еще более усиливают неаполитанские войска, по распоряжению короля Владислава вступающие в Рим. Они занимают замок св. Ангела и располагаются якобы для поддержания порядка в наиболее стратегически важных пунктах города.

Эта явная иностранная интервенция заставляет восставшие народные массы переменить ориентацию. Весь город поднимается против неаполитанских солдат и ненавистных Колонна. Про-

исходит множество уличных стычек и даже боев, в которых активное участие принимают женщины, старики, дети, сбрасывающие с крыш домов на головы расположившихся в узких римских улицах неаполитанцев куски черепицы, камни и другие тяжелые предметы. Это заставляет Колонна покинуть город, а неаполитанские войска отступить в замок св. Ангела.

Поднявшийся город снова отдается под власть папы и просит его вернуться и восстановить порядок. 30 октября 1405 г. назначенный папой римским сенатором Джан Франческо Панчатики из Пистойи вступил на Капитолий и был торжественно встречен римлянами. Папа провозглашен (14 января 1406 г.) полновластным сеньором Рима, и в течение ближайших недель его представители реально начинают осуществлять эту сеньорию.

Несмотря на то, что замок св. Ангела оставался в руках неаполитанцев, Иннокентий VII 13 марта 1406 г. решает вернуться в Рим через Порта Портезе — ворота наиболее удаленные от замка. Встреча, устроенная ему горожанами, была торжественной и пышной. Вскоре затем папа отлучает от церкви изменников Колонна (Джованни и Никколо) и ряд других непокорных феодалов, а также их вдохновителя короля Владислава Неаполитанского, которого объявляет лишенным всех владений и прав. Однако эти постановления носят чисто декларативный характер, и вскоре папа сам забывает их и осенью того же 1406 г. примиряется с Владиславом, который передает папе замок св. Ангела, а взамен получает почетное звание знаменосца церкви.

Смерть папы (6 ноября 1406 г.) оставляет Рим в чрезвычайно тяжелом финансовом положении: средства настолько скудны, что для покрытия необходимейших расходов папский казначей Леонардо епископ Фермо закладывает флорентийскому банкиру Маттео ди Бартоломео Тенальи папскую митру за 6 тыс. флоринов.

Новый папа — Григорий XII, опираясь на военную силу кондотьера Паоло Орсини, занимает решительную позицию по отношению к Римской коммуне и даже поручает 7 марта 1407 г. своему родичу Паоло Коррер назначить должностных лиц, обычно избиравшихся коммунной. Это приводит к новому восстанию, возглавляемому Колонна и Савелли. Однако Паоло Орсини легко подавляет его и, казнив вожаков этой плохо подготовленной попытки, становится полным хозяином города.

Летом 1407 г. Григорий XII покидает Рим, чтобы встретиться со своим французским конкурентом и покончить со схизмой. Оставленный им викарий кардинал Пьетро Стефанески правит так самовластно и неразумно, что вызывает всеобщее недовольство в городе и дает возможность внимательно следящему за ситуацией Владиславу Неаполитанскому опять направить свои войска к Риму.

25 апреля 1408 г. Владислав во главе своих войск входит в город, который ему без малейшего сопротивления передает Паоло Орсини. Неаполитанский король укрепляет город и под видом поддержки претензий римского папы правит в нем «железной рукой».

Начало заседаний Пизанского собора и избрание третьего папы еще более укрепляет положение Владислава в Риме.

Однако успехи соборного папы Александра V заставляют неаполитанцев очистить ряд городов Папской области (Орвието, Корнето, Витербо), а в самом городе готовиться к серьезной борьбе. Приближение войска Луи II Анжуйского, в котором видное место занимают Орсини, кондотьеры Браччо да Мондоне и Франческо Сфорца, принуждает очистить часть Рима, над которой 1 октября 1409 г. взвизывается знамя пизанского папы. Другая, большая часть города остается в руках сторонников Неаполя. В течение ряда дней идет ожесточенная борьба на улицах и площадях «вечного города». Отдельные части его укрепляются, причем для этого не задумываясь разрушают замечательные древние здания и памятники. Не жалуют даже окруженных религиозным ореолом древних церквей.

В столице католической Европы беспорядок и разгром достигают такой степени, что, как сообщает очевидец, 23 января 1411 г. (т. е. несколько позднее описываемых событий) вооруженная охрана папского викария убила в саду папской резиденции лисицу и пять больших волков и повесила их на зубцах этой резиденции для успокоения народа, взбудораженного тем, что волки систематически выкапывали покойников на кладбище около собора св. Петра.¹⁰

В начале 1410 г. войска пизанского папы переходят в решительное наступление и, несмотря на ожесточенную оборону неаполитанцев, шаг за шагом вытесняют их из Рима, который оказывается окончательно очищенным к 1 мая 1410 г. Возглавляющий папские войска Паоло Орсини, тот самый, который раньше управлял городом от имени Григория XII, собирает уже 1 января 1410 г. на Площади цветов народ, который по его указанию избирает своих старшин (sarcogioni) и несколько позже (3 января 1410 г.) — консерваторов, поселяющихся, как и раньше, на Капитолии. Но уже через несколько дней консерваторы смещают старшин и заменяют их другими. После этого в постепенно отвоевываемом городе восстанавливается относительный порядок — настолько, что 28 января к Александру V посылают посольство, приглашающее его прибыть в свою столицу. Папа, однако, считает более благоразумным оставаться в Болонье, откуда подтверждает все права Римской коммуны, предоставленные ей Паоло Орсини, — т. е. назначаемого на полгода сенатора, 3 консерваторов и 13 старшин. Город не должен подвергаться особым налогам, но обязан на свои средства содержать 25 копейщиков для поддержания порядка. 19 марта 1410 г.

кардинал Санта Прасседе Пьетро Фриас назначен генеральным викарием папы в Риме.

Смерть Александра V (3 мая 1410 г.) и избрание его преемником Иоанна XXIII возобновляет обычные во время междоусобиц раздоры между знатью и народом, между Колонна и Орсини. Но назначенный папским легатом в Риме викарий покойного папы кардинал Санта Прасседе Пьетро и сенатор Руджеро граф Антиньяна уже к концу июня восстанавливают порядок в городе. Примиряются даже вечно враждующие Колонна и Орсини.

Занятый борьбой с королем Владиславом и его защитником авиньонским папой, Иоанн XXIII, стремясь укрепить свое положение, 6 июня 1411 г. назначает 15 новых кардиналов, но положение его уже настолько непрочное, что многие из них отказываются от этого назначения. На территории папских владений вновь вспыхивает борьба между Владиславом и анжуйцами и представляющими их отрядами кондотьеров. Постоянные стычки, свирепствующие вокруг стен «вечного города», делают и положение внутри стен достаточно непрочным. Это ясно видно из того, что Иоанн XXIII считает необходимым на случай беспорядков построить укрепленный ход между папской резиденцией — Ватиканом и его цитаделью — замком св. Ангела.

Несколько улучшает позицию папы и успокаивает город заключение в июне 1412 г. мира с королем Владиславом, который сохраняет положение военного защитника папских владений и, следовательно, ведущую политическую роль в них. Папа должен уплачивать ему ежегодно значительные суммы на содержание кондотьерских отрядов. Но уже в первый год ему приходится взять для выплаты этих сумм деньги в долг у флорентийских банкиров, оставив им в залог папские драгоценности и парадную золотую и серебряную посуду.

На весну 1412 г. был назначен созыв в Риме Вселенского Собора. Ватиканская базилика была уже подготовлена к проведению в ней заседаний. Но делегаты, особенно иностранные, прибывают весьма медленно и в малом количестве, так что дату открытия Собора приходится отодвигать все дальше и дальше. Наконец 13 февраля 1413 г. Собор, на котором, кроме кардиналов, находящихся в Риме, участвуют уполномоченные Франции, Империи, Кипра, Неаполя, Флоренции и Сиены, объявлен открытым.

Однако попытки принять на Соборе решения по вопросу о необходимой реформе церкви или даже по вопросу о реформе календаря не дают результатов, и уже 3 марта, т. е. через три недели, Собор распущен якобы временно, а через несколько недель по распоряжению короля Владислава уничтожено и все оборудование, специально для него сделанное.

Соглашение между папой и неаполитанским королем, как и следовало ожидать, оказалось весьма непрочным. Уже весной

1413 г. между ними происходят разногласия из-за поддержки папой планов нового императора Сигизмунда совершить поход в Италию. Владислав протестует против этого похода и для того, чтобы заставить папу отказаться от участия в нем, с большими морскими и сухопутными силами отправляется к Риму.

Иоанн XXIII в ответ на это заявляет о своей поддержке претензий Луи II Анжу на неаполитанскую корону и, чтобы обеспечить себе поддержку римского народа, 4 июня 1413 г. отменяет ненавистный налог на вино и разрешает свободные выборы должностных лиц коммуны — консерваторов и старшин. Понятно, что на народном собрании, проведенном на Капитолии 6 июня, было принято решение «лучше съесть своих детей, чем терпеть власть этого дракона» (т. е. Владислава).¹¹

Но, несмотря на все эти декларации, уже 8 июня отряд одного из неаполитанских кондотьеров — Тартальи врывается в Рим, и папе не остается ничего другого, как бежать из города со своими кардиналами. Вскоре в Рим, а затем и в Ватикан вступает король Владислав, спокойно наблюдающий за теми бесчинствами, которые творят в «вечном городе» его солдаты, грабящие дворцы и церкви, не исключая и главного святилища Рима — базилики св. Петра. В течение нескольких дней неаполитанские войска без особой борьбы занимают значительную часть Патримония. В Риме король назначает своего сенатора и управителя, которому поручает ведение осады замка св. Ангела, оставшегося в руках папы. На одного из епископов возложено руководство церковными делами. После этого, 1 июля, король покинул город.

Однако и из Неаполя Владислав продолжает держать в поле своего зрения Папскую область, явно показывая рядом своих мероприятий, что он считает присоединение ее к своим владениям постоянным. Иоанн XXIII, совершенно бессильный, бродящий по Италии в тщетных поисках приличного убежища, не мог противопоставить агрессивным намерениям короля сколько-нибудь серьезное сопротивление, ему остается только апеллировать к Собору, созыв которого в Констанце должен был оказаться для него роковым.

Между тем 15 ноября 1413 г. после долгой осады, приведшей к немалым разрушениям в Риме, сдался замок св. Ангела — последний оплот папы. В городе была торжественно отпразднована победа неаполитанского короля, власть которого отнюдь не обещала ничего хорошего его населению. Это было уже ясно в момент празднества, так как за несколько дней до него — 9 ноября была начата постройка новой крепости на Капитолии, а 15 ноября в нее уже входит гарнизон с неаполитанским командующим во главе.

Король ревниво следит также за тем, чтобы во главе Рима стоял верный ему сенатор. В марте 1414 г. под угрозой явно для него невыгодного Собора Владислав снова прибывает

в Рим, на коне въезжает в латеранскую базилику, осматривает ее святыни и затем поселяется во дворце одного из кардиналов (Стефанески) в затибрской части города.

25 апреля Владислав снова покидает город, где оставляет своего вице-короля — графа Белькастро, и направляется на север, к Витербо. 4 мая ему подчиняется Орвието, 8 июня он находится под Тоди и идет дальше к Болонье. Но здесь ему закрывает путь Флоренция, которая договором от 22 июня ставит Болонью вне его достижимости, но зато обещает оставить за ним его приобретения в Центральной Италии.

После этого Владислав, желая окончательно укрепиться в Риме, вмешивается в вековые раздоры местной знати. Он сначала приближает к себе род Орсини, делая главу его — Паоло Орсини — своим кондотьером, а затем, заподозрив Орсини в измене, арестовывает их и примиряется с главой враждебного им рода Джакомо Колонна, ранее находившимся в изгнании. Но в разгаре этих чисто римских интриг король заболевает, и следующая за болезнью его смерть (6 августа) в корне изменяет положение и в Риме, и в остальной Италии.

Все эти раздоры и войны завершают разорение «вечного города» и до того приведенного «Авиньонским пленением» и схизмой в плачевное состояние. Ряд старинных, почитаемых в течение столетий церковей, служивших доходной статьёй папской казне, находятся в полном запустении. Крупнейшие церковные праздники нередко не справлялись, так как не было денег, чтобы купить масло для лампад.

Известие о смерти короля, который так крепко держал в своих руках город, привело в Риме 10 августа к народному восстанию. Поставленный Владиславом сенатор бежал, и народ захватил все правительственные здания и ворота города. На следующий день один из консерваторов — Пьетро Матуццо, ранее бывший доверенным лицом короля, судя по фамилии — представитель средних слоев городского населения, объявил на Капитолии о лишении должности остальных консерваторов, назначенных, как и он сам, Владиславом. По его требованию и указаниям 12 августа назначаются новые консерваторы и старшины. Матуццо становится самозванным властителем папской столицы.

Под предлогом наведения порядка в взбунтовавшемся городе и по призыву рода Колонна, стремящегося, как обычно, использовать беспорядки в своих интересах, в город входит со своим отрядом кондотьер Атендоло Сфорца. Но его попытки связаться с замком св. Ангела, где по-прежнему находится неаполитанский гарнизон, не дают ощутимых результатов, и он через два дня покидает «вечный город». В течение его краткого пребывания здесь посол королевы Джованны II ведет переговоры с новым правительством Рима и договаривается с ним о совместной организации военного отряда, в который королева поставит 500, а город 300 воинов, и о том, что, опираясь на этот

отряд, Рим не признает ни власти папы, ни власти какого-нибудь другого государя без согласия королевы.

После ухода Сфорцы на Капитолии снова созывается народное собрание (10 сентября), которое подтверждает верховную власть Матуццо. Прибывшие в город члены семьи Орсини и других феодальных семей, ранее враждебных Владиславу, приносят новому сеньору присягу на верность. К тому же папа Иоанн XXIII, который после смерти Владислава подумывал о возвращении в Рим, вынужден был отказаться от этого намерения и отправиться в роковую для него Констанцу. Перед отъездом он, однако, назначил своим легатом в Риме по делам духовным и светским (*legato e vicario generale in temporalibus et spiritualibus*) Джакомо Изолани — кардинала св. Евстафия. Военным же представителем папы объявляет себя сам кондотьер Тарталья, которого затем и Иоанн XXIII признает управителем всего Патримония.

Как только легат прибывает в окрестности Рима, народ, который, по-видимому, уже разочаровался в Матуццо, с криками: «Церковь! Церковь!» — опять (октябрь 1414 г.) собирается на Капитолии. Матуццо был смещен, и вместо него было создано новое правительство, пригласившее 17 октября легата вступить в Рим. Изолани выполняет эту просьбу и после торжественного въезда поселяется в одном из кардинальских дворцов. Он восстанавливает коллегия консерваторов, но против находящегося под властью неаполитанцев замка св. Ангела предпринять военные действия не решается.

Вступает в Рим также Тарталья, вскоре затем начинающий поход против Корнето, отказавшегося ранее признавать власть папы. Город взят, разграблен и вынужден подчиниться легату (1 января 1415 г.). В конце того же месяца добровольно подчиняется ему также Орвието. Легат начинает переговоры с Неаполем, куда посылает своих уполномоченных. 14 ноября 1414 г. заключено перемирие до 15 февраля 1415 г, на условии сохранения существующего положения.

После установления в Риме (15 мая 1415 г.) относительного мира восстанавливается власть сенатора, которым по согласованию с папой становится Джованни де Фьори ди Терни.

Между тем в Констанце 29 мая 1415 г. был смещен папа Иоанн XXIII, но легат в Риме, кардинал Изолани, принявший решение Собора, был оставлен в своей должности, так что в «вечном городе» решение Собора прошло почти незамеченным. Только Тарталья в своей погоне за легкой добычей 30 июня 1415 г. с отрядом в 500 всадников ворвался в город, раскинул свой лагерь на площади св. Петра, но уже 1 августа ушел во своясы, ничего не добившись.

Как легат, так и Констанцкий Собор обратились к Джованне II Неаполитанской с требованием дать распоряжение о сдаче замка св. Ангела, все еще находившегося в распоряжении ее

солдат, во главе которых стоял Риккардо да Газта. Последний воспринял эти обращения легата как вызов и 25 июля 1415 г., нарушив действующее перемирие, начал обстрел города из пушек и метательных машин. Постройкой новых оборонительных сооружений вокруг замка консерваторы стремятся уменьшить ущерб, причиняемый обстрелом.

6 октября Изолани назначил нового сенатора Риккардо Алидози да Имола, а на следующий день вызвал в свой дворец консерваторов города. После их прихода дворец был окружен войсками и народом, кричавшими: «Да здравствует церковь и народ!» Один из консерваторов, Лелло Капоччи, был арестован и в течение шести часов допрашивался тут же в присутствии легата. В конце концов он должен был признать, что собирался предать Рим неаполитанским войскам. Немедленная публичная казнь была следствием этого признания, неясно — насколько правдивого. Однако и эта расправа не укрепляет достаточно шаткого положения легата. Рим продолжает находиться под постоянной угрозой набегов строптивых баронов и жадных кондотьеров. Так, поздней осенью того же 1415 г. в нем появляется выпущенный из заключения в Неаполе барон и кондотьер Паоло Орсини и несколько дней распоряжается здесь как хозяин. Тарталья, бродивший со своим отрядом по территории Патримония, также каждый день может появиться там, где его меньше всего ожидают. Еще более грозным является для папских владений начинающий свою бурную карьеру кондотьер Браччо да Монтоне. После ожесточенной борьбы с другими кондотьерами, Карло Малатеста и Паоло Орсини (погибшим в одной из битв), Браччо захватывает Перуджу, Риети, Терни, Нарни, Тоди.

Легат Изолани, напуганный гибелью Орсини и опасющийся за судьбу Рима, созывает на Капитолии народное собрание, которое назначает трех губернаторов из числа горожан, получающих поручение наблюдать за замещением правительственных должностей и за обороной города. Следующим постановлением от 1 сентября 1416 г. была восстановлена старая система замещения должностей путем вытягивания записок из кошель, куда вкладываются все имена подходящих кандидатов. Было выбрано по одному представителю от каждого района города для составления списков таких кандидатов.

14 сентября комиссия эта под звон колоколов вступила на Капитолий и выставила в церкви Арачели кошель с именами кандидатов. Избранное этим путем новое правительство сразу же (16 сентября) заключило договор с Тартальей для защиты интересов снова обретшего свободу и власть римского народа. Тарталья был объявлен капитаном и управителем Патримония и земель, которые будут ему особо поручены. Кроме громадного жалованья для обеспечения этого положения ему были отданы два крупнейших городских налога — поочажный и соляной, а также четвертая часть налога на скот. Тарталья давал обяза-

тельство за это охранять город и народ от любого нападения и отвоевать у сына Паоло Орсини захваченные им земли.

Сразу после победы народных сил, в декабре 1416 г., был снова призван Пьетро Матуццо со своими сыновьями. Его встретил и проводил до своего дворца бывший сенатор и влиятельный гражданин Джованни Ченчи.

Но эта встреча возбудила подозрения легата. По его приказанию сенатор города Джованни Алидози да Имола вызвал Ченчи на 11 декабря на Капитолий для деловых переговоров. Ченчи явился и, не подозревая ничего дурного, стал прогуливаться с сенатором, но по знаку последнего был арестован и вскоре без следствия и суда казнен. Обезглавленный труп его был выброшен в окно. Эта расправа, о которой с возмущением сообщает хронист Инфессура, прекрасно характеризует ту атмосферу нервозности и неуверенности, которая царствовала в это время в Риме.¹²

Сразу же после казни Ченчи легат с большой свитой и охраной появился на Капитолии и, не дав никому опомниться, объявил о смещении с должностей всех членов правительства, близких к казненному. 30 декабря, опять-таки, по-видимому, по вызову легата, в город прибыли Франческо Орсини, Джакомо Каэтани, Джакомо и Лодовико Колонна, т. е. главы всех крупнейших баронских семейств, на которых легат рассчитывал опереться в начатой им борьбе с им же самим вызванным к жизни демократическим правительством города.

Новая опасность для Рима возникла в лице Браччо да Монтоне, который после захвата Перуджи и ряда городов Патримония только и мечтал о том, чтобы вмешаться и в дела столицы его. 9 июня 1417 г. он появился в непосредственной близости от Рима. Кардинал Изолани направил к нему своего уполномоченного, передавшего требование легата немедленно удалиться. Но кондотьер не обратил на это никакого внимания и продолжал совершать грабительские набеги на населенные пункты Кампании, лишая Рим источников снабжения продовольствием. Вызванный этим голод принудил правительство коммуны склонить голову перед Браччо и признать его сеньором Рима. 16 июня упоенный победами кондотьер въехал через Аппиевы ворота в город и был встречен представителями правительства и его советником кардиналом Стефанески. Легат Изолани и сенатор Алидози скрылись за крепкими стенами замка св. Ангела под охрану продолжавшего держаться в нем неаполитанского гарнизона.

Браччо объявил себя «защитником Рима» и 25 июня 1417 г. назначил сенатором города графа Руджеро д'Антиньяна, который принес присягу кардиналу Стефанески. Сразу после этого Браччо начал осаду замка св. Ангела и возобновил для этого уничтоженные было осадные приспособления и сооружения. Но замок не только держится, его защитники захватывают важную

для обороны башню у ворот Сан Пьетро, которую, впрочем, 22 июля Браччо вновь отвоевывает.

Живя на Капитолии, Браччо отсюда самовластно распоряжается судьбами «вечного города». 24 июля на помощь к нему сюда прибывает со своим отрядом Тарталья.

«Браччо, — пишет уже упомянутый хронист Инфессура, — держал в течение всего этого времени Рим в покое и мире, и никто и нигде не причинял никому вреда, и поля беспрепятственно обрабатывались, и ни один колос не пропал в то время».¹³

В этих словах выразилось отношение населения папской столицы к диктатуре, установленной беспринципным, но сильным и решительным кондотьером.

Но диктатура эта не могла оказаться и не оказалась длительной. Джованна II Неаполитанская, стремившаяся не выпускать из рук власти над Римом, направила к нему своего в это время всесильного кондотьера Муцио Атендоло Сфорца, который со своим сыном Франческо Сфорца и солдатами подходит к Риму. Сюда же спешат отряды римских баронов — Орсини, Каэтани и других, которые не могли примириться с порядками, установленными здесь Браччо. Последний, убедившись в том, что силы его значительно меньше сил врага, 26 августа вместе с Тартальей ушел из Рима, и его место занял — от имени римской церкви и неаполитанской королевы — Сфорца, назначивший сразу своего сенатора (Джованни Сканелли). После этого он направился вслед за Браччо, нанес ему поражение, причем в бою был взят в плен помощник Браччо Никколо Пиччинино, затем разбил отряд Тартальи и таким образом очистил от «брачческов» значительную часть Патримония.

Попытка авиньонского папы в союзе с разбитыми Сфорцей силами захватить Рим не дает результата, и «вечный город» остается под явно непрочной и неустойчивой властью Неаполя и Сфорцы.

11 ноября 1417 г. в Констанце после смещения всех прочих претендентов папой был избран отпрыск знатнейшей римской феодальной семьи 49-летний Оддо Колонна — Мартин V. После закрытия Собора весной 1418 г. новый папа, отклонив предложения об установлении своей резиденции в Авиньоне или в Базеле, готовится вернуться в родной город, что требует предварительного установления в нем порядка и законности.

Мартин V утверждает в должности легата кардинала Изолани и требует от римлян безоговорочного подчинения своим распоряжениям. В результате этого в Риме с марта 1418 г. восстанавливается власть консерваторов, не функционировавших во время хозяйничания кондотьеров.

Между тем новый папа весной 1418 г. начинает двигаться к Риму. С 10 по 19 октября он находится в Милане, где освящает главный алтарь собора, затем через Мантую прибывает

во Флоренцию (25 февраля 1419 г.), где поселяется в монастыре Санта Мария Новелла.

Здесь он принимает бывшего папу Иоанна XXIII и представляет ему епископство Тусколо, здесь же к нему для переговоров прибывают мелкие сеньоры Патримония, отсюда же он ведет длительные переговоры с Неаполем, добивается у королевы возвращения престола св. Петра ряда районов, ранее ему принадлежавших, предоставления родичам папы значительных феодалов, а также самое главное — освобождения Рима, Остии и Чивитавеккьи. Сфорца получает приказ покинуть Рим. Замок св. Ангела также очищен, и в него назначен папский кастеллан. Взамен папский легат коронует Джованну II 28 октября 1419 г.

Из Флоренции же 27 апреля 1419 г. папа назначает сенатором Рима Рануччо Фарнезе, а затем 12 января 1420 г. заменяет его флорентийцем Нери Виттори. Коммунальное устройство папской столицы остается неизменным и функционирует нормально. Для закрепления этого положения секретарь сената Никколо Синьорили получает приказ собрать в единую книгу права и привилегии города Рима и размножить эту книгу. Как обычно, папа подтверждает за сеньорами крупных городских центров и областей Патримония их «викариаты» или «ректораты» за определенную мзду: Джорджо дельи Орделаффи — викариат над Форли за 1 тыс. флоринов в год, Гвидантонио да Монтефельтро — ректорат над Сполето, Карло Малатеста — ректорат над Романьей, коммуна Болонья — викариат над городом за 10 тыс. флоринов в год, с обязательством тратить еще 5 тыс. флоринов в год на университет.

Но предстояла еще борьба с Браччо да Монтоне, прочно держащим в руках Перуджу. Сфорца назначен «знаменосцем церкви», и ему поручена задача борьбы с его постоянным конкурентом. Начинается война. Папа заставляет принять в ней участие своих «викариев» и «ректоров» — Монтефельтро, Орсини и других, переманивает на свою сторону Тарталью, который также получает значительные феодальные владения на правах викариата. Браччо отлучен от церкви, что, впрочем, его весьма мало огорчает. Ему удается нанести решительное поражение своему бывшему помощнику Тарталье, и вообще он держится достаточно твердо.

Тогда Флоренция, заинтересованная в установлении мира на соседней с ней территории, организует переговоры между воюющими. 8 февраля 1420 г. в ее стенах между представителями папы и Браччо заключен договор. Браччо уступает Орвието, Нарни, Терни, Орте, Сполето и ряд других пунктов и поступает на особых условиях на службу к папе, который освобождает его от отлучения, оставляет за ним на 3 года как за викарием Перуджу и ряд более мелких городов и замков. В них остаются на местах все власти, назначенные Браччо.

Папа обещает также помешать Сфорце нанести ему какой-нибудь ущерб.

Согласно условиям договора, Браччо должен был явиться к папе во Флоренцию и принести присягу на верность. Он это и сделал, хотя держал себя при этом достаточно независимо и не скрывал своего презрительного отношения к папе и его власти.

Уладив свои отношения с Браччо, а также с некоторыми из римских баронов и восстановив таким образом относительный порядок в Папской области, папа решает вернуться в свою столицу. 28 сентября 1420 г. он торжественно вступает в Рим через Порта дель Пополо и поселяется во дворце св. Петра.

Сразу же по вступлении в Рим Мартин V вмешивается в неаполитанские дела, где, как мы видели, свирепствует война двух претендентов — Арагонского и Анжуйского. Вмешивается в эту войну и Браччо да Монтоне, ведущий борьбу не на жизнь, а на смерть со своим постоянным врагом Сфорца, борьбу, в которой оба вскоре погибают. Гибель Браччо не только освободила папу от опасного слуги, чаще выступавшего с позиций врага, но и вернула в состав его владений такой важный город, как Перуджа (29 июня 1424 г.).

Еще весной 1423 г. Мартин V, выполняя постановление Констанцского Собора, принимает меры к созыву нового Собора. Последний собирается в Павии 23 апреля при очень незначительном числе участников. Из-за чумы, свирепствовавшей в этом районе, Собор был затем перенесен в Сиену, где вторично открылся 21 июля. Сам папа на Собор не прибыл, что окончательно подорвало значение его заседаний. После принятия решения о созыве следующего Собора в Базеле Собор 7 марта 1424 г. был распущен. Провал деятельности Собора говорил о том, что авторитет Мартина V как главы католической церкви был еще далеко не полностью восстановлен. Об этом же говорило то, что Альфонсо Арагонский, в это время борющийся за Неаполь, продолжает признавать Бенедикта XIII, находящегося в Испании, а после его смерти способствует избранию его преемником испанца Эгидия Мурьоса, принимающего имя Климента VIII (23 мая 1423 г.). Только в 1429 г. (26 июня) удается Мартину V добиться отречения этого последнего «лже-папы».

Еще больше хлопот доставляет Мартину V приведение в порядок и усмирение Рима. Несмотря на серьезные трудности, Мартин V берется за это сразу же по вступлении в город. Он продлевает на один год закончившийся весной 1422 г. договор о примирении постоянно враждовавших между собой римских баронов и феодалов Патримония и, как сообщает Инфессура, «стремится организовать нормально действующую администрацию, ибо Рим был в совершенном одичании и полон разбойников...». ¹⁴

В мае 1423 г. римское войско по распоряжению папы отправилось в поход против графа Бертольдо, владевшего рядом укрепленных пунктов в окрестностях Рима. После длительной осады крупнейшего из них — Монтелупо, он был взят и разрушен. То же было повторено против владений Улиссе ди Симонетто. Эти энергичные меры, принятые против полуразбойников, полуфеодалов, окружавших Рим, приводят к значительному успокоению. «Наступили такой мир и спокойствие, — пишет современный хронист Паоло дель Мастро, — что можно было пройти с золотом в руках на двести миль вокруг города с полной безопасностью днем и ночью, и это было великим благом для города Рима». Другой хронист добавляет с характерными для времени античными реминисценциями: «Можно было думать, что вернулись времена Октавиана Августа».¹⁵

Порядок и спокойствие, установившиеся в Риме и столь единодушно признаваемые современниками, подкрепляются рядом административных мероприятий, проводимых Мартином V. Он берет на службу специальную галеру, которой поручает охрану безопасности плавания по Тибру, устраивает особую тюрьму в Торре ди Нона для нарушителей порядка и назначает для заведования ею особого чиновника — «султана господина папы и римской курии» (*Soldanus domini papae et Romanae curiae*), нанимает отряд папских телохранителей, наконец, назначает «генерального синдика» для наблюдения за законностью действий всей коммунальной администрации.

Прямым результатом нового положения в городе св. Петра было резкое увеличение числа паломников, весьма выгодных как папству, так и населению. Папский секретарь Поджо Браччолини (см. гл. III, § 1), который как ученый гуманист и поклонник античности с презрительной улыбкой смотрел на толпы верующих, заполнявших улицы и церкви Рима, жаловался в одном из своих писем на постигшее город «наводнение» варваров, которые «заполнили его гадостью и грязью».¹⁶

Улучшившееся положение позволяет папе при поддержке окружающих его гуманистов усиленно заняться реставрацией столицы. Активизируется действие существующей с XIII в., но обычно мало реальной комиссии «по наблюдению за постройками города» (*magistri aeditionum Urbis*). Она начинает повседневно следить за состоянием водопроводов и фонтанов, за чистотой улиц и площадей, за тем, чтобы со всех городских магистралей были убраны всякого рода завалы, баррикады и укрепления, затрудняющие движение и излишне напоминающие о недавних постоянных беспорядках. К этой старой комиссии папа 31 марта 1425 г. добавляет двух «уполномоченных по дорогам, улицам, площадям и другим публичным и частным сооружениям» и назначает на эти должности двух горожан. Что же касается охраны античных памятников и в первую очередь стен Рима, то заботы о них были исстари возложены на сена-

тора города. При Мартине V в помощь ему назначается особый «охранитель стен и публичных зданий», каковым в течение ряда лет является Луччо Каффи, а также «комиссар по ремонту и постройке базилик и церквей Рима», на эту должность назначается пользующийся особым доверием папы Бартоломео да Винчи.

При помощи всех этих чиновников, а также в результате постоянной личной заботы папы, издающего ряд постановлений о строгих карах всем, наносящим какой-нибудь ущерб постройкам Рима, проводятся серьезные работы в соборе св. Петра, в латеранской базилике, во дворце базилики Двенадцати апостолов, в церкви Санта Мария делла Ротонда и многих других духовных и светских зданиях.

При своем вступлении в Рим 28 сентября 1420 г. Мартин V застал его в отчаянном положении. Биограф папы Бартоломео Платина пишет: «Он нашел Рим настолько разрушенным и опустошенным, что тот вообще не имел вида города. Можно было видеть разрушающиеся дома, церкви в развалинах, целые районы пустыми, все поселение заброшенным, страждущим от голода и нищеты».¹⁷

В каком положении находились даже крупнейшие церкви и монастыри Рима, показывает рассказ аббата монастыря св. Павла: «Церковь и монастырь этого имени находились в полном запустении. Монахов оставалось всего несколько человек, и многие из них жили вне монастыря. В уцелевших кельях содержались козы и свиньи. В старинной базилике прохожие варили на кострах мясо и овощи и тут же ели их, сопровождая еду выпивкой, шумом и криками. На ночь пастухи загоняли сюда быков и буйволов. Центральный неф базилики стоял без крыши, которая уже давно провалилась. Однажды в базилику вошел известный в Риме отшельник и, подойдя к одному из алтарей ее, перед которым стояла деревянная статуя апостола Павла с мечом в руке, обратился к ней с такими словами: „О Павел, дурак и простофиля! Что ты делаешь? Зачем держишь вверх свой меч? Разве не видишь, что твоя церковь находится в позорном состоянии, в обломках, и никто о ней не заботится? Опустим меч, который ты держишь, и порази тех, кто оставляет в запущенном твой дом!“».

Слова отшельника были сообщены папе, который после этого и начал усиленно реставрировать запущенную базилику и монастырь.¹⁸

Если много внимания и средств уделял папа постройкам города Рима, то еще больше того и другого он отдавал своему семейству. Род Колонна, могущественный и богатый уже в течение ряда веков, при понтификате одного из своих представителей захватывает и покупает земли, поместья, небольшие города, округляя свои и без того громадные владения за стенами Рима и внутри этих стен, превращая их в настоящие небольшие государства. Старший брат папы — Джордано, его правая рука во всех делах управления, известный в народе под кличкой «Государь» (*il principe*), достигает невиданного могущества, не во многом ему уступают племянники и более далекие родичи папы. Постоянной и упорной поддержкой своих родственников папа Мартин V, в своей личной жизни бывший весьма скромным и расчетливым, начинает ту политику nepotизма (в пе-

реводе — поддержка племянников — непотов), которая останется одной из характернейших черт большинства пап эпохи Возрождения. Не менее характерной чертой как этого папы, так и многих последующих было их полное равнодушие к вопросам чисто религиозным, заслоняемым интересами политическими, семейными, экономическими и культурными. Папы эпохи Возрождения, начиная с Мартина V, выступают перед нами исключительно как светские государи, их обязанности как наместников св. Петра, возглавляющих католическую церковь, отступают явно на второй, а нередко и на третий план.

А между тем и при этом трезвом папе, поклоннике гуманистов, восстановителе зданий Рима, народные верования и суеверия, которыми в течение средних веков был так богат Рим, продолжают существовать и проявляться то в наивных, то в трагических формах. Так, уже названный хронист Инфессура сообщает о том, что находившийся в 1424 г. в Риме чрезвычайно популярный в народе проповедник Бернардино да Сиена (см. гл. III, § 1) устроил 21 июля сожжение на Капитолии всяких «суежных предметов, досок для игр, песенников, амулетов и накладных волос, а 28 того же месяца была сожжена „ведьма“ Финичелла, якобы убившая своим колдовством множество людей».¹⁹

20 февраля 1431 г. Мартин V неожиданно умирает от апоплексического удара. Тут-то и сказались с особой четкостью результаты правления покойного: никаких беспорядков, обычных при смене на престоле св. Петра, не произошло. Наоборот, консерваторы и прочие представители коммунальной власти явились сразу же в кардинальскую коллегия и предоставили себя в ее распоряжение, а родственник покойного Антонио Колонна заявил о своей готовности передать по первому указанию ключи замка св. Ангела и ворот города. Конклав собрался в доминиканском монастыре Санта Мария делла Минерва 1 марта, причем сразу же подписал обязательства заняться реформой церкви и созывом нового Собора, полностью выполнить постановления Констанцского Собора и в то же время ограничил права будущего папы, требуя, чтобы при принятии решений по важнейшим делам он получал согласие коллегии кардиналов.

3 марта 1431 г. был избран папой глубокий старик кардинал Сиенский (с 1408 г.), мрачный аскет Габриеле Кондульмер. 11 марта он был официально провозглашен, принял имя Евгения IV и подтвердил «обязательства» конклава.

Уже во время заседаний последнего обнаружилось совершенно естественное стремление поставить на надлежащее место семейство Колонна, столь превознесенное предшествовавшим понтификатом. Евгений IV сразу же после избрания отобрал у Колонна ключи от замка св. Ангела и других крепостей и потребовал передачи ему значительных ценностей, собранных для

организации крестового похода против турок, а также ряда укрепленных мест вне города, которые семья склонна была уже считать своей собственностью. Само собой понятно, что возглавляют борьбу с Колонна исконные враги ее — Орсини, в первую очередь кардинал Джордано Орсини.

Поссорившись с папой, покидает Рим один из влиятельнейших римских военачальников — Стефано Колонна и направляется в свою неприступную твердыню Палестрину, где договаривается с Антонио Колонна, принцем Салерно и с Джованни Андреа Колонна ди Риофреддо. Через несколько дней тайно бежал из Рима также кардинал Просперо Колонна. Стремясь захватить врасплох еще не осмотревшегося папу, Колонна действуют быстро и энергично. С помощью ряда баронов, в первую очередь из родственников им семейств Каэтани и Савелли, и одного из своих сторонников (Антонио Баттиста дельи Альбертони), охранявших Аппиевы ворота, Антонио Колонна 23 апреля 1431 г. проник через названные ворота в Рим. На следующий день сюда же явился Стефано Колонна со значительным вооруженным отрядом. Он, однако, застал ряд улиц перегороженными и вступил в бой с верными церкви силами, был разбит, конь под ним убит, ряд его сторонников взят в плен.

Его дворец, а также дворцы других Колонна и их сторонников были разграблены народом. Весь город был охвачен волнением, всюду возводились укрепления, вооружались отряды. 30 апреля Аппиевы ворота были освобождены, и Колонна, разбитые вторично и потерявшие около 500 человек пленными, вынуждены были покинуть Рим.

Борьба папы с Колонна, теперь открыто ставшими изменниками, продолжается за стенами «вечного города». Опираясь на свои укрепленные гнезда и захватывая новые, Колонна держат под постоянной угрозой дороги, ведущие в Рим, грабят едущих и идущих в Рим и из него, отбирают скот и другое добро. Папа всячески стремится очистить дороги и, не добиваясь в этом значительных результатов, 18 мая объявляет Колонна изменниками и бунтовщиками, их имущество конфискованным. Их дома разрушены, гербы стерты со стен зданий города, они и их потомки лишены права занимать государственные должности.

20 июня 1431 г. были арестованы сын Антонио Гаспаре Колонна архиепископ Беневентский и некий брат Томмазо. На допросе в замке св. Ангела им было предъявлено обвинение в заговоре, имевшем целью захват замка, убийство папы и старших Орсини. Брат Томмазо, признавшийся во всем, был четвертован, последовали и другие репрессии. В Риме было тревожно, говорили о попытке отравить папу, во всех беспорядках видели руку миланского герцога Филиппо Мария Висконти, стремящегося к господству над Италией. Напуганный до по-

лусмерти папа предлагает Антонио Колонна примирение. Но последний выдвигает требования совершенно неприемлемые.

Тогда Евгений IV, назначив своим главнокомандующим Мауруци да Толентино и легатом при нем кардинала Уго ди Палестрина, 17 августа значительными силами возобновляет военные действия против Колонна. На следующий день издан приказ об уничтожении еще сохранившихся домов сторонников Колонна и о продаже с аукциона остатков их имущества.

Вскоре Колонна, измученные длительной борьбой, делаются более сговорчивыми и 22 сентября 1432 г. подписывают мирный договор, по условиям которого обязываются уплатить папе 15 тыс. дукатов и вернуть ряд крепостей и городов, среди них: Асколи, Форли, Имолу, Ассизи и др., за что получают полное прощение.

Не включенный в договор Джакомо ди Вико некоторое время ведет борьбу один, но вскоре разбит, бежит из своих владений и становится кондотьером Сиенской коммуны.

Установившееся после этого относительное спокойствие только время от времени нарушалось вспышками баронских восстаний, за которыми следуют репрессии папских сил, возглавляемых обычно правой рукой папы — епископом Джованни Вителлески. Была восстановлена свобода выборов правительственных институтов Римской коммуны, которые во время беспорядков назначались папой.

Согласно предшествовавшему решению 14 декабря 1431 г. в Базеле открылся Вселенский Собор, на котором председательствовал представитель папы, легат и кардинал Джулиано Чезарини, но уже через 4 дня — 18 декабря — Евгений IV, получивший тревожные сведения о настроениях Собора, издает буллу о его роспуске, впрочем совершенно безрезультатно. Папа остается глухим ко всем уговорам примириться с Собором, появляется опасность новой схизмы, тем паче, что Собор и его антипапские настроения поддерживаются многочисленными врагами папы, и в первую очередь Филиппо Мария Висконти.

Только вмешательство императора Сигизмунда, чувствующего себя после Констанцского Собора верховным покровителем церкви, несколько разряжает атмосферу. Император как раз в это время (1432 г.) совершает без войска и только с небольшой свитой свой коронационный «поход», или, вернее, «поездку» в Италию. После года пребывания в Сиене, откуда он ведет переговоры с папой, император 21 мая 1433 г. наконец въезжает в Рим через «Замковые ворота» (Порта дель Кастелло). На лестнице собора св. Петра он был встречен Евгением IV, после чего оба присутствовали на службе в этом соборе. 31 мая того же года, в том же соборе св. Петра была проведена торжественная коронация императора. Пробыв два с половиной месяца (до 13 августа) в Риме, император договаривается с папой о примирении с Базельским Собором, которое и происходит после изда-

ния соответствующей буллы 15 декабря 1433 г.

Однако примирение, впрочем довольно формальное, с Собором не распространяется на отношения папы с его политическими врагами, в первую очередь с Филиппо Мария Висконти. Кондотьер последнего, Никколо Фортебраччо, нападает на Орвието, Сутри и ряд пунктов в окрестностях Рима. Если захватить первые два пункта ему не удастся, то зато к Риму он подходит вплотную. К нему присоединяется старый враг папы — Джакомо ди Вико. Папа, не чувствуя себя в безопасности, укрывается в замке св. Ангела, а затем в одном из пригородов Рима.

Вызванный Евгением IV, его любимец Вителлески отбивает несколько крепостей, возвращает главу церкви в Ватикан, однако решительной победы не добивается, и война продолжается. Воспользовавшись ею, снова поднимают голову Колонна. Они принимают на своих землях Фортебраччо и его армию и оказывают ему всяческую поддержку. 9 октября 1433 г. папской буллой они снова объявлены изменниками, открытыми врагами церкви и все имущество их конфискованным.

В декабре 1433 г. на территории Патримония появляется Франческо Сфорца и, заявляя, что он действует по приказу Базельского Собора, чего фактически не было, захватывает Анкону и несколько других городов Марки, взбунтовавшихся против Вителлески, затем Тоди и Почеру и ряд районов Умбрии. Так как значительная территория Патримония находилась в руках Джакомо ди Вико и Фортебраччо, то под властью папы опять оставалась только небольшая его часть.

Евгений IV, находящийся вне города, вынужден вступить в переговоры со Сфорцой. 25 марта объявлены их результаты. Сфорца назначен папским викарием в Марке и в прочих занятых им землях с присвоением ему титула маркиза и «знаменосца церкви», за что он берет на себя обязательство разгрома Фортебраччо, которому и наносит поражение.

Однако и после этого Фортебраччо, также претендующий на выполнение приказов Базельского Собора, продолжает свои набеги и блокирует Рим, в котором, как обычно, начинается голод. Понятно, что папа усиленно ремонтирует свой оплот — замок св. Ангела и назначает в него новых кастеллана (Антонио дель Рио) и командующего гарнизоном (Бальдассаре Барончелли ди Оффиды).

Положение в Риме было настолько неустойчивым, что его покидают многие кардиналы, увозя свои ценности. И действительно, вечером 24 мая 1434 г. в городе началось восстание. С криками «За здравствует народ и свобода!» толпы народа ворвались на Капитолий, ранили и выгнали сенатора Бьяджо Кардоли ди Нарни и на следующий день назначили 7 «управителей свободы республики римлян», которые должны править вместе с сенатором.

Затем народ направился ко дворцу Евгения IV, захватил там

ненавистного ему папского казначея (camerlengo) и бросил его в тюрьму. Коллегию кардиналов охватила паника.

В ночь на 4 июня Евгений IV, переодетый монахом, бежал на лодке из Рима и прибыл в Остию, причем во время плавания по Тибру был обстрелян и забросан камнями с берега. В Остии он сел на корабль и 23 июня прибыл во Флоренцию. Значительная часть сподвижников папы скрылась в замке св. Ангела, осада которого началась уже 5 июля.

Попытка папы примириться из Флоренции с восставшим народом не дала результатов. Затем подобную попытку делает Рим, посылающий во Флоренцию Стефано Поркаро — феодала по происхождению, энергичного политика, пользующегося большой популярностью как в городе, так и в Курии. В 1427—1428 гг. он был капитаном во Флоренции, затем в 1433 г. был назначен папой подестой в Болонью, а затем исполнял в Сиене должность капитана справедливости. Несмотря на его знакомства во Флоренции, и Поркаро не удается примирить враждующие стороны.

Сразу же после своего прибытия в город на Арно, папа информировал о происшедшем Базельский Собор. На заседании последнего от 7 июля было поручено кардиналам Санта Кроче и Сан Аньоло направить в Рим доверенных лиц, которые должны добиться освобождения папского казначея и других арестованных, а затем убедить папу принять участие в работе Собора. 15 июля для этого были назначены епископ Бреши Франческо Марфио и Пьетро дель Монте. Прибыв в Рим, эти лица добились, казалось бы, некоторого успеха, но затем на обратном пути были захвачены следовавшим за ними из Рима кондотьером Бартоломео ди Гуальдо и выпущены только после выплаты большого выкупа.

На заседании Собора от 30 июля было оглашено письмо римского народа, излагавшее его точку зрения и его претензии. С ответом выступил папский представитель. Началась перебранка, продолжавшаяся затем на заседании от 30 октября 1434 г.

Между тем в Риме происходили серьезные события. 18 августа в город ворвался Фортебраччо и захватил его от имени Филиппо Мария Висконти. Получив с римлян 3 тыс. дукатов, он в начале сентября покинул город. Этот налет, при всей безрезультатности, обнаружил полную слабость свергнувшего власть папы Рима. К тому же обычная борьба между собой родов Орсини и Колонна принимает теперь, при отсутствии сдерживающих сил, крайние формы — весь город разделен на две части, ведущие регулярную войну между собой. Замок св. Ангела, продолжающий оставаться в руках у папского гарнизона, своими частыми обстрелами города еще более ухудшает его положение и без того достаточно плачевное. Все это приводит к радикальному изменению настроений в Риме.

27 октября к Порта Сеттимьяна подошел значительный пап-

ский отряд под командой Джованни Вителлески и Орсино Орсини. Как только отряд показался на горизонте, охрана ворот открыла их и впустила войско в город. Перегораживающие ближайшие улицы баррикады были тут же сняты самими защитниками, и под возгласы «Да здравствует церковь и народ!» окруженные дружелюбной толпой папские силы направились к центру города. Командующий гарнизоном замка св. Ангела Бальдассаре Барончелли ди Оффида вывел своих солдат на встречу вошедшим. Вместе они вступили на Капитолий, освободили заключенного там казначея и способствовали смещению администрации коммуны, управлявшей городом в течение 5 месяцев, и выбору новой администрации.

Город св. Петра вернулся под власть папы. Когда в Базель пришли известия о событиях, происшедших в Риме, там торжественно зазвонили колокола всех церквей и была отслужена благодарственная месса.

В покорившейся папской столице «управителем» был назначен Джованни Вителлески, епископ Реканати, приступивший к восстановлению порядка совместно с Франческо Орсини — префектом города и вице-казначеем. Сам казначей отправился во Флоренцию к папе.

12 января 1435 г. Евгений IV назначил сенатором Рима Бальдассаре Барончелли ди Оффида, доказавшего свою верность ему на посту командующего гарнизоном замка св. Ангела. После него (он занимал должность до 30 ноября) назначение папских сенаторов идет непрерывно и регулярно.

Но, несмотря на все эти мероприятия, оставались еще неразрешенными многие вопросы, в первую очередь вопрос о взаимоотношениях с родами Колонна и Орсини. Объединенные с Никколо Фортебраччо Колонна упорно держатся антипапской политики, в то время как Орсини более сговорчивы. 22 марта 1435 г. глава их — Джакомо заключает с папой мир. Через несколько дней был открыт заговор, в котором активное участие принимали Колонна. Заговор имел целью восстановление народного правления, разграбление дворцов богачей и кардиналов и уничтожение власти церкви. Главные виновники были казнены.

Война с Колонна продолжается до конца лета 1435 г., когда между папой и частью Колонна с поддерживающими их баронами заключено перемирие, а затем и мир. Одновременно папский любимец Вителлески совершает поход против как всегда бунтующего Джакомо ди Вико, захватывает его твердыню Ветраллу и в ней его самого. Привезенный в Рим, он вскоре (28 сентября) был казнен.

Затем Вителлески совершает ряд походов против других непокорных баронов Патримония. Ему удается разбить Франческо Савелли, Онорато Казтани и одного из самых беспокойных и опасных — Антонио Понтедери. Последний схвачен и повешен на оливковом дереве в его же владениях. После этого Вителлес-

ки обращается против Колонна, мир с которыми оказался, как обычно, не реальным, разбивает их вождя Ренцо и берет их почти неприступную крепость Палестрину, разрушая ее до основания. 29 августа 1436 г. Вителлески как прославленный победитель возвращается в Рим, население устраивает ему триумфальную встречу и провозглашает его (в антикизирующем вкусе времени) «третьим отцом Рима после Ромула».

2 февраля 1437 г. во Флоренцию прибывает римское посольство, приглашающее Евгения IV вернуться в успокоенный и ждущий его город св. Петра, но папа и слышать об этом не хочет. В апреле он вместо Рима приезжает в Болонью, возвратившуюся под его власть по договору с Филиппо Мария Висконти. Между тем отношения папы с Базельским Собором, никогда не бывшие хорошими, становятся еще хуже. На заседании от 31 июля 1437 г. Собор предложил папе явиться на суд. Последний, ведущий в это время переговоры с представителями Византийской империи о церковной унии, отвечает на этот вызов приказом о переводе Собора в Феррару. Не решаясь окончательно порвать отношения с папой, что угрожало новой схизмой, часть членов Собора подчиняется и 18 января 1438 г. открывает свои заседания в новом месте. 27 января в Феррару из Болоньи прибывает Евгений IV и 15 февраля принимает участие во втором заседании Собора.

Здесь папа встречается с императором византийским Иоанном VII Палеологом, прибывшим вместе с патриархом константинопольским Иосифом в Италию для завершения переговоров об унии.

Содержание Собора в Ферраре оказалось не по средствам и без того истощенной папской казне, поэтому, когда Флоренция предложила взять на себя расходы по содержанию в случае, если Собор будет перенесен в ее стены, папа охотно согласился и в январе 1439 г. дал распоряжение о его перемещении. Собор, папа и греки направились во Флоренцию, где и заседания и переговоры возобновляются с конца января. Наконец, в июле 1439 г. была опубликована папская булла о воссоединении Западной (католической) и Восточной (православной) церквей.²⁰

Между тем небольшая часть членов Базельского Собора, не согласившихся переехать в Феррару, возглавляемая французским кардиналом Луи Алеманом, продолжает резко выступать против папы. 25 июня 1439 г., как раз в дни окончательной выработки флорентийской унии эта группа объявляет о смещении папы, а 5 ноября того же года избирает нового папу — бывшего герцога Савойского Амедео VIII, отрекшегося от герцогского престола в 1434 г. и прославившегося своей религиозностью. Новый папа, принявший имя Феликса V, вскоре — 23 марта 1440 г. отлучен Евгением IV от церкви. Угроза новой схизмы становится реальностью, хотя успехи римского папы как в светской, так

и церковной сфере (уния) делают позицию его французского конкурента весьма слабой и бесперспективной.

Ухудшившееся положение в католической церкви сочетается с новыми опасностями в светских владениях папы. Появившийся здесь Никколо Пиччинино, действуя в контакте, а может быть и по прямому распоряжению Филиппо Мария Висконти, захватывает Болонью, а затем Имолу, Форли и Баньякавалло. Когда же Вителлески, по-прежнему возглавляющий папские войска, начинает против него поход, то в городе обнаруживаются стремления сбросить его иго, кажущееся слишком тяжелым. Так, 8 ноября 1438 г. были повешены на Капитолии вниз головой несколько человек за попытки поднять восстание против Вителлески.

Возобновляется и традиционная вражда между Колонна и Орсини, приводящая к стычкам, осадам, захватам и т. п. Несмотря на все это, в августе 1439 г. во Флоренцию вторично направляется посольство для того, чтобы пригласить папу вернуться. Вителлески усиленно подготавливает для этого почву, мечется со своими отрядами из конца в конец Патримония, подчиняет непокорных баронов, но не забывает и себя, прикраивая значительные куски территории к своим землям и строя роскошный дворец в Корнето, для чего привозит из Рима множество обломков античных зданий. Усиленно поговаривали (особенно охотно распространяла эти слухи Венеция), что папский любимец подготавливает предательство, мечтая, сговорившись с Пиччинино, выкроить себе самостоятельное государство, в которое якобы он хотел включить и сам Рим.

Прибыв в «вечный город» после успешной кампании, Вителлески обращается к кастеллану замка св. Ангела Антонио дель Рио, предлагая ему сдать замок. Между тем дель Рио, по ряду личных причин ненавидевший влиятельного и слишком заносчивого кардинала и, как подозревали современники, находившийся в сговоре с Флоренцией, решительно отказался выполнить требование Вителлески. Тогда 19 марта 1440 г. Вителлески произвел парад своего войска в Риме, после чего дал приказ о выступлении из города. Когда же войска прошли перед ним через мост св. Петра, к кардиналу подъехал дель Рио и начал о чем-то разговор с ним. В это время кардинал был незаметно окружен, и кастеллан, схватив за повод его коня, объявил: «Вы арестованы». Воинственный Вителлески выхватил меч и попытался прорваться, но был ранен, свален на землю и затащен в замок св. Ангела, где и умер 2 апреля. Помощникам Вителлески, потребовавшим после его ареста освобождения своего вождя, дель Рио показал соответствующий приказ папы, в подлинности которого они, впрочем, сильно усомнились.

Так кончил свою жизнь кардинал Джованни Вителлески, имя которого в течение двух десятилетий гремело по всей Италии. «Был он человеком, — пишет римский хронист, — полным жестокости, гордости и гнева, разврата и суетности, но в то же время поддерживал (в Риме.— *М. Г.*) великий мир и благоденствие, пока был жив, при нем цены на зерно были низкими,

а после его смерти поднялись почти вдвое... народ в своем большинстве горевал о его смерти». А другой хронист добавляет: «...кардинал был высок ростом, хорош собой, бледен лицом, болезнен, мудр и смел. Любил роскошь, но был скуп, во многих же делах проявлял справедливость и разумность».²¹ Характерные высказывания, показывающие, как и ранее приведенные оценки краткого правления в Риме Браччо да Монтоне, что для народных масс города власть жестоких и корыстных кондотьеров была более приемлемой, чем господство «наместника божьего» или враждующих между собой баронов.

Получив известие о гибели своего бывшего любимца, названного в сообщении дель Рио «явным врагом папы Евгения», папа послал в Рим доверенного человека Лодовико Тревизана — патриарха Аквилейского и казначея с титулом легата и губернатора и теми же полномочиями, которыми был облечен Вителлески. Встреченный еще в дороге группой баронов, он в их сопровождении 3 апреля прибыл в Рим, где принят с почетом.

С первых же шагов новый легат показал, что он обладает рукой не менее твердой, чем его устраненный предшественник. Он жестоко подавляет восстание главной опоры последнего — Корнето и после сложных перипетий захватывает Чивитавеккью, где под охраной племянника покойного, Пьетро Вителлески, находилась его сокровищница, содержащая (как говорили) на 300 тыс. дукатов денег и драгоценностей.

Закончить захват богатого наследства Вителлески новому легату, однако, не удастся, так как по приказу папы он вынужден выступить против Никколо Пиччинино, снова угрожающего в союзе с Висконти как Патримонию, так и Тоскане. В решительном бою при Ангиари 29 июня 1440 г. патриарх одерживает победу, после чего возвращает Перуджу, платящую за свою измену 50 тыс. флоринов.

Победитель награжден Флоренцией денежным подарком, а папой — кардинальской шапкой титула Сан Лоренцо ин Дамазо.

В то время как новый кардинал продолжал свои походы по Патримонию, на Антонио дель Рио было возложено совместно с сенатором поддержание порядка в Риме и наблюдение как над светскими, так и над духовными властями. 8 апреля 1441 г. был временно назначен легатом кардинал Таренто Джованни ди Тальякоццо, а 26 марта 1442 г. постоянным викарием и губернатором Рима назначен архиепископ Беневенто Асторджо Аньези, которому были предоставлены весьма широкие полномочия, фактически сводившие на нет как власть сенатора так и вообще самостоятельность коммунальных властей.

Патриарх Аквилейский, сохранивший титул казначея и верховное руководство военными силами и внешней политикой папы, заключил соглашение с Висконти и его кондотьером Пиччинино, получил в результате Болонью и Имолу, но поссорился со Сфорца и ухудшил отношения с Флоренцией, продолжавшей борьбу с Миланом. Это заставляет Евгения IV 7 марта 1443 г.

оставить Флоренцию и прибыть в Сиену, в то время как патриарх прибывает в Рим и оттуда после длительных переговоров заключает (14 июня 1443 г.) мирный договор с Альфонсо Арагонским, только что окончательно захватившим неаполитанскую корону, которую за ним подтверждает папа.

Договор этот, а также ряд военных успехов казначея в Патримонии позволяют серьезно поставить вопрос о возвращении папы в Рим. 14 сентября папа покидает Сиену и 28 сентября вместе с казначеем прибывает в свою столицу, которую он покинул почти 10 лет назад.

Еще до своего приезда папа издал распоряжение об увеличении вдвое и без того ненавистного налога на соль (габеллы) и на одну треть налога на вино, что вызвало большое недовольство в городе, встретившем папу гораздо холоднее, чем он этого ожидал. Когда он проезжал через квартал Колонна, его встретили возгласы «Да здравствует папа и долой „треть“!». После чего налог на вино был возвращен на прежний уровень. В дальнейшем конфликтов между населением и папой хронисты не отмечают, подчеркивая, наоборот, мир и благоденствие, установившиеся в Риме после возвращения Евгения IV.

14 октября 1443 г., не обращая внимания на продолжавший влачить жалкое существование Базельский Собор, папа собирает в Латеране свой Собор, который должен завершить дело Флорентийского Собора — унию с Православной восточной церковью. Заседания (правда, довольно редкие) Собора продолжаются до 7 августа 1445 г., не привлекая особого интереса современников.

Одновременно папа пытается организовать вооруженную борьбу с неуклонно надвигающимися на остатки Византии турками. Уже в начале 1443 г. Евгений IV назначил кардинала Джулиано Чезарини, своего легата в Венгрии, главнокомандующим войск, организуемых для этой цели. Последнему с поддержкой Венгрии и Польши удается 3 ноября нанести у Ниша поражение туркам и помочь освободительной борьбе Албании, которую возглавляет национальный герой Георгий Скандербег. Зато попытка папского и венецианского флотов под командованием кардинала Франческо Кондульмера помешать в Дарданеллах переходу турецких войск из Малой Азии в Европу не увенчалась успехом. Генеральное сражение, данное 10 ноября 1444 г. христианскими войсками и флотом туркам у Варны, закончилось полной победой последних. Стремление Евгения IV остановить продвижение турок не дало никаких результатов, но стоило многих средств и сил христианскому миру.

В Италии папа продолжает вести обычные войны за Патримоний, причем в качестве главного врага выступает Франческо Сфорца и его вдохновитель Филиппо Мария Висконти. Войны эти ведутся не слишком удачно для папы, который вынужден 9 октября 1444 г. заключить со Сфорца мирный договор, воз-

вращающий кондотьеру все его немалые владения в Патримонии. Но и этот договор, как многие другие, оказался весьма непрочным. Уже весной 1445 г. война возобновляется. Сфорца выступает теперь в союзе с Венецией, Флоренцией и Урбино, но, несмотря на это, терпит ряд поражений и дважды отлучен от церкви.

Всеми этими военными и дипломатическими операциями руководит по-прежнему пользующийся полным доверием папы кардинал-казначей Лодовико Тревизан, что же касается самого Евгения IV, то он серьезно болеет. 14 февраля 1447 г. папа поручает своему любимцу управление всеми крепостями, укреплениями, мостами церкви как в Риме, так и вне его, приказывая ему без сопротивления передать их его преемнику. 23 февраля папа умер, оставив о себе хорошие воспоминания, так как, несмотря на все волнения и перипетии своего понтификата, не запятнал себя корыстью и заботой в первую очередь о своей родине, столь характерными для его предшественника и особенно для его преемников.

Что же касается самого города Рима и его окрестностей, то Евгений IV во время всего своего понтификата проявляет о них заботу не меньшую, чем его предшественник. При нем производятся реставрационные работы в церквях св. Петра, св. Павла, св. Иоанна, Санта Мария Маджоре, Санто Спирито, Санта Мария дела Ротонда и др., перестраивается папский дворец на Латеране, находившийся в состоянии весьма плачевном.

Живя в течение почти десятилетия во Флоренции, папа и оттуда заботился о строительстве в Риме, в частности заказал для ватиканской Базилики бронзовые двери скульптору и архитектору Джованни Аверлино Филарете.

Особое внимание уделяется восстановлению благоустройства города, увеличению его населения, в первую очередь заселению тех его районов, которые запустели в результате многолетних беспорядков. Ряд постановлений обещает всякие льготы и привилегии поселяющимся в этих районах и даже освобождает их от оплаты частных и государственных долгов.

Приведение в порядок и заселение Рима увеличивает поток паломников; каждый год, сообщает современник, во время великого поста их находится в городе 40—50 тыс. Но этот постоянный приток верующих идет рука об руку с проявлением явного неверия, с кощунственными преступлениями, об одном из которых подробно сообщает Инфессура. Весной 1438 г. три римских духовных лица украли драгоценности со считавшейся святыней мощехранилища голов апостолов Петра и Павла. Пойманные при продаже части этих драгоценностей, они были расстрижены, отлучены от церкви и подвергнуты публичной мучительной казни.²²

Еще больше, чем этот и подобные факты, хотя они и являются единичными, говорит о распаде установившегося в течение

веков феодально-католического мировоззрения развитие светской науки, хотя иногда и связанной еще с богословием, но все же идущей другими путями, развитие гуманизма, широко распространяющегося в Риме.

По просьбе консерваторов города Евгений IV 10 октября 1431 г. издал буллу, предоставляющую ряд льгот Римскому университету, который освобождался от всех налогов и обложений. В то же время вводится надбавка на пошлину, которой облагаются ввозимые в город вина, специально для оплаты профессоров и других расходов ректора и реформаторов университета. При этом оговаривается, что ректор должен свободно выбираться преподавателями и студентами, что же касается реформаторов, впервые в это время упоминаемых источниками, то они выбираются особой комиссией римской знати и представляют собой нечто вроде Совета университета, руководя отдельными его частями и избирая преподавателей. Буллой от 7 февраля 1432 г. папа определил, что реформаторов должно быть 4, кроме нотариуса, причем все они переизбираются каждые 5 лет. Кроме того, университет имеет казначея, являющегося в то же время представителем папы (*camerlengo*). Для университета приобретается дом в квартале св. Евстафия. Создается комиссия для организации помощи ищущим студентам, и ей также отводится здание.

При Евгении IV, как и ранее при Мартине V и при последних папах времени схизмы, в Риме вокруг Курии группируются несколько крупнейших гуманистов, получающих поддержку пап, выступающих как открытые сторонники новой идеологической системы. Гуманисты получают выгодные и не слишком затрудняющие их должности папских секретарей и задают тон при дворе. Эти должности в разное время занимают такие видные деятели, как Поджо Браччолини, Леонардо Бруни Аретино, Джованни Ауриспа, Антонио Лоски, Флавио Бьондо, греческие ученые Мануэль Хризолор и Георгий Трапезундский. В Риме среди кардиналов и других близких к папам лиц развивается то увлечение разысканием и перепиской рукописей авторов классического Рима, которое так характерно для гуманизма этого времени.

Так, город св. Петра, во многом потерявший свое значение столицы католического мира, становится одним из центров распространения новой идеологии — гуманизма.

§ 4. ФЛОРЕНЦИЯ²³

Полное господство «жирного народа», установившееся в республике после реформы 1382 г., сказывается с первых же месяцев его установления в резкой и решительной антидемократичности внутренней политики и в стремлении постоянно расширять свою территорию, по возможности не прибегая к военным действиям в политике внешней. Джон Гауквуд (Джованни Аку-

то) со своим наемным отрядом остается на ряд лет основной вооруженной силой республики.

В течение 5 лет, продержав в своих жестоких руках власть, «жирные», очевидно, чувствуя себя все же недостаточно прочно, проводят в 1387 г. новую реформу. Собирается общее собрание полноправных граждан, так называемое парламенто, заранее тщательно подготовленное правящими кругами. Как это обыкновенно бывало в тревожные моменты, парламенто избирает комиссию, получающую особые полномочия, так называемую «балию». На время действия этих полномочий обычные конституционные нормы теряют свою силу и балия имеет право проводить любые экстренные мероприятия. На этот раз мероприятия эти сводятся к тому, что участие представителей младших цехов в правительственных органах снижается до $\frac{1}{4}$, причем самый состав представителей наново тщательно проверяется. Для этого составленные в 1382 г. списки могущих быть выбранными на правительственные должности граждан сжигаются и составляются новые, в которые включены только лица, хорошо известные как покладистые и надежные сторонники олигархии «жирных». Для того же, чтобы полностью гарантировать незыблемость господства зажиточной олигархии, в дополнение к основному списку, или, по терминологии того времени, «суме» (borsa), создается еще дополнительный небольшой список, или «сумочка» (borsellino). В него вносятся имена наиболее ярких защитников и создателей нового режима, причем балия особенно оговаривает, что в каждом приорате двое из приоров должны принадлежать к лицам этого добавочного списка. Таким образом, из 8 приоров, возглавляющих государство, только 2 (или $\frac{1}{4}$) являются представителями младших цехов. Для надежного же балансирования их голосов всегда имеются 2 приора из числа поименованных в «сумочке». Остальные 4 приора и их председатель — гонфалоньер справедливости являются также представителями «жирного народа».

Но балия используется не только для обеспечения господства небольшой группы богачей, она содействует и выдвижению из среды самой этой группы фигуры, стремящейся реально взять в свои руки власть в республике. Такой фигурой становится богатый, энергичный и влиятельный Мазо дельи Альбицци.

Главным конкурентом этого признанного главы флорентийской олигархии, выступающего всегда и всюду против каких бы то ни было попыток нарушить республиканские порядки, является самый богатый из граждан республики банкир и купец, глава разветвленной и влиятельной семьи Бенедетто дельи Альберти. Воспользовавшись какими-то связями Бенедетто с руководством периода восстания чомпи, повинующаяся Альбицци синьория принимает решение об изгнании «виновных» членов семьи Альберти из Флоренции.

Господство богатой олигархии, таким образом, полностью

обеспечено как слева, так и справа, но руководителям ее и это кажется недостаточным. Уже через 6 лет (осенью 1393 г.) по инициативе того же Мазо дельи Альбицци, в то время гонфалоньера справедливости, проводятся добавочные мероприятия по упрочению власти правящей группы. Снова под предлогом заговора изгнанных и оставшихся в городе Альберти создается балия, составляющая новые списки подлежащих избранию на правительственные должности лиц (сумы), пересматриваются дополнительные списки «сумочки». Для того же, чтобы обеспечить себе постоянную и прочную поддержку со стороны социальной группы, уже в течение столетия лишенной политических прав и потому гораздо менее опасной, чем стремящиеся к власти и беспокойные представители среднего и низшего слоев городского населения, правители города выносят решение о переводе крупнейших феодальных семейств Фрескобальди, Кавальканти, Рикасоли, Барди, Росси, Адимари и других из магнатов в пополаны, в результате чего они получают обратно гражданские права, отнятые у них «Установлениями Справедливости» 1293 г. (см. т. I, гл. II, § 1). Кроме того, особым постановлением разрешается знатным юношам записываться в младшие цеха, где они, естественно, занимают руководящее положение.²⁴

Этими весьма важными и симптоматичными решениями завершается тот многолетний процесс слияния обладавших всей полнотой власти богатых и предприимчивых «жирных» пополанов и бесправных, но гордых и воинственных «магнатов», в результате которого значительно изменяется социальный и культурный облик правящей верхушки, приобретающей многие феодальные черты, но зато еще дальше отходящей от социальных низов.

Подчеркивает политический характер принятого постановления то, что им, кроме вышесказанного, изгнанная уже ранее пополанская семья Альберти переводится в положение «магнатов», что окончательно лишает ее всех политических перспектив. Характерно также то, что, стремясь сохранить в своих руках всю полноту власти, правящая группа особым решением подтверждает закон 1378 г. (времени восстания чомпи), которыми организации гвельфской партии (см. т. I, гл. III, § 1) запрещалось пользоваться «амониями» (предупреждениями о нахождении под политическим подозрением), которые, однако, остаются важным орудием в руках самой олигархической группы.

Одновременно проводится и ряд мероприятий, направленных на усиление исполнительной власти. Капитаном «избирается» Франческо Габриеле да Губбио, известный своей решительностью и резкостью, сеньорам разрешается иметь в своем распоряжении бо́льший вооруженный контингент, чем когда бы то ни было ранее, и для оплаты его вводить обложение (правда, под видом «займа»), не проводя его через утверждение советов.

В частности, коммуна создает отряд в 300 пеших воинов и 200 лучников, расквартированный около правительственных зданий. Кроме того, организуется созываемое по мере надобности ополчение из 2 тыс. граждан, верных олигархическому режиму, одетых в форму с гербами гвельфской партии и хорошо вооруженных. Отряды этого ополчения размещаются по всему городу и обеспечивают его полное подчинение существующему режиму. Зато всем прочим гражданам под страхом смертной казни запрещается ношение какого бы то ни было оружия.

Само собой понятно, что все эти мероприятия сопровождаются отчаянными репрессиями. Вновь изгоняются в далекие местности все без исключения члены семьи Альберти, ряд пополанов переводятся в категорию бесправных грандов. Многие граждане брошены в тюрьмы или подвергаются пожизненному изгнанию. Столь резкие мероприятия, естественно, вызывают и попытки отпора со стороны всех недовольных режимом олигархической диктатуры, и в первую очередь цеховых элементов, мечтавших о сохранении власти в руках богатых и просто зажиточных банкиров, торговцев и ремесленников. Под лозунгом «Да здравствует народ и цехи!» они пытаются поднять восстание, проектируют поставить во главе оппозиции Вьери Медичи — главу этого все более выдвигающегося семейства, но силы олигархии оказываются хорошо сплоченными и подготовленными и встречают восставших ответным кличем «Да здравствует народ и гвельфская партия!», а Вьери Медичи уклоняется от руководства, так что вскоре группа Мазо дельи Альбицци более прочно, чем когда-либо, держит в своих руках бразды правления республикой.

Это проявляется в репрессиях, которые применяются ко всем, кажущимся подозрительными правящей группировке. В изгнание отправляется большое количество цеховых заправил, один из виднейших и популярнейших граждан города Донато Аччайуоли, все взрослые члены семьи Медичи, которых не спасает их осторожное поведение во время неудавшегося переворота.

Попытка группы изгнанных — представителей семей Адимари, Кавиччоли, Риччи, Джиролами и, конечно, Медичи — устроить заговор и убить Мазо Альбицци кончается провалом и казнью заговорщиков.

Обеспечив себе поддержку знати и постоянно следя за тем, чтобы беспокойные элементы средней и мелкой буржуазии и особенно разгромленных рабочих не осмеливались поднять головы, правящая олигархия, возглавляемая Мазо Альбицци и его сподвижниками Джино Каппони и Никколо да Уццано внешне сохраняют старые формы конституционного устройства Флоренции. Во главе республики по-прежнему стоит приорат с гонфалоньером справедливости в качестве председателя, все законодательные решения по-прежнему принимаются Малым и Большим советами подесты и капитана но вся эта старая

система все больше принимает декоративный характер, в то время как реальная власть через различные специальные и особые комитеты и комиссии сосредоточивается в руках Альбицци и их товарищей, распоряжающихся назначением этих комиссий. Так, рядом с приоратом действуют «Восемь охраны» (*otto di guardia*) и «Десять особоуполномоченных» (*dieci di balia*), первоначально временные, назначавшиеся только на некоторое время особой опасности, но затем все более становящиеся постоянно действующими комитетами, сводящими на нет реальность власти приората. Так, законодательная деятельность советов все чаще становится видимостью, поскольку все важнейшие решения принимаются так называемыми «пратика» (*pratica*) — особыми комиссиями, назначаемыми олигархией для рассмотрения того или иного вопроса, причем постановления пратики затем формально штампуются одним из советов.

Правление олигархии с первых же шагов своего безоговорочного господства сталкивается не только с проблемами обеспечения своей непоколебимости, но и с серьезными внешнеполитическими задачами. Соперничество, а затем и война с Джан Галеаццо Висконти в течение более чем 12 лет держит республику в состоянии постоянного напряжения, а в 1400—1402 гг. ставит ее буквально на край гибели (см. § 5). Только внезапная смерть миланского властителя, которую современники приписывали флорентийскому яду, спасает республику от гибели.

После смерти Джан Галеаццо Флоренция вздохнула спокойнее. Мазо дельи Альбицци — все более явный руководитель ее внешней и внутренней политики чувствует себя настолько прочно и уверенно, что считает возможным отказаться от управления при помощи особой балии и формально (но именно только формально) вернуться к традиционному коммунальному способу выбора властей только по спискам, вкладываемым в «сумы». Само собой ясно, что составление этих «сум» остается целиком в руках олигархии, возглавляемой Альбицци.

Гибель Джан Галеаццо возвращает Флоренцию и к осуществлению прерванных за предшествующие несколько лет планов расширения своей территории. Она снова овладевает отпавшим было Ареццо и сосредоточивает все свое внимание на овладении Пизой, остро необходимой ее купцам и промышленникам как морской порт, лежащий в устье Арно. Этот некогда влиятельный и богатый, но теперь находящийся в состоянии глубочайшего упадка город находился под властью слабого и дегенеративного незаконного сына Джан Галеаццо — Габриеле Мария Висконти.

Проблема получения хотя бы какого-нибудь выхода к морю в течение многих десятилетий была одной из важнейших экономических и политических проблем республики на Арно. В последние же месяцы владычества Джан Галеаццо, когда, казалось, миланский властитель вот-вот задушит живущий торговлей город в кольце безвыходной блокады, стремление респуб-

лики к морю приобретает характер судорожного отчаяния.²⁵

В начале 1402 г. республика делает попытку получить у Карло Малатеста льготные права на пользование неудобной, расположенной в Тирренском море Чезеной, но Малатеста отказывается. Попытка договориться с Луккой об использовании Мотроне как промежуточного пункта на пути через Геную также терпит неудачу ввиду непримиримой враждебности к Флоренции властителя Лукки Паоло Гвиниджи. В июне 1403 г. удается добиться у Герардо д'Аппиано разрешения на пользование портом Пьомбино, но порт этот неудобен и небезопасен из-за пиратов, свирепствующих у недалекого острова Эльбы.

Заправила республики постоянно помнит о том, что все это временные, не вполне устраивающие полумеры; настоящим решением было бы только овладение устьем Арно и господствующей над ним Пизой. И мечта об этом никогда не покидает флорентийское правительство, тем паче, что и папская администрация, возглавляемая кардиналом Бальдассаре Косса, стремится, избавившись от флорентийских претензий в Романье, направить ее внимание на Пизу. Так, посланные весной 1403 г. к кардиналу послы Джованни Медичи и Филиппо Магалотти сообщают осенью того же года, что папская администрация готова поддерживать претензии республики на Пизу.

Уже в последние месяцы правления Джан Галеаццо Флоренция постоянно пытается через своих тайных агентов объединить всех недовольных властью Висконти в Пизе и организовать их силами восстание. Об этом неоднократно информирует миланское правительство его верный слуга — властитель Лукки Паоло Гвиниджи. Когда избрание в Германии нового императора Рупрехта Пфальцского (с 1400 по 1410 г.) вызвало в Италии всеобщее возбуждение, флорентийским послам, направленным для принесения поздравлений новому правителю, было поручено хлопотать об отобрании Пизы у Висконти.

После смерти Джан Галеаццо Флоренция сразу же начинает разрабатывать планы захвата устья Арно силой. 15 января 1404 г. республика направляет в Пизу трех послов — Филиппо Магалотти, Ринальдо Джанфиляцци и самого Мазо дельи Альбицци с приказанием: «Стараться мягкостью, силой или хитростью добиться обладания этим городом, используя либо политический договор, либо соглашение о покупке».²⁶

Но это столь авторитетное посольство не добилось ничего; вооруженные силы, посланные в конце января 1404 г. для внезапного захвата города, также вернулись ни с чем.

Первые неудачи не останавливают Флоренцию. Она продолжает свои попытки интригами и силой захватить столь нужную ей соседку. Понятно, что слабый и чувствующий всю непрочность своей власти Габриеле Мария Висконти судорожно ищет поддержки извне, он пытается опереться на Сиену, но, не получив надлежащих гарантий, обращается к главному представи-

телю Франции в Италии маршалу Бусико. Переговоры идут в Генуе спешным порядком. 7 апреля 1404 г. французские представители выдвинули следующий проект: Габриеле Мария и его мать обязуются платить французскому королю ежегодную дань и обещают безоговорочную верность, для обеспечения которой передают французским войскам цитадель Пизы и принадлежащий ей порт Ливорно. В вознаграждение за это Франция и подчиненная ей Генуя обещают Пизе защиту от нападения и претензий любого соседа.

Условия эти немедленно приняты. 15 апреля договор подписан. Королевское знамя Франции взвивается над цитаделью Пизы, извещая весь мир о подчинении города могущественному королевству. Через несколько дней во Флоренцию прибывает специальный посол Бусико, сообщаящий то же правительству республики.

Попытка Флоренции протестовать против французской власти над Пизой приводит только к обострению отношений с Францией и к конфискации в Генуе всех флорентийских товаров на сумму около 100 тыс. флоринов. Флоренция вынуждена смириться и на время признать существующее положение.

Уже 24 мая того же 1404 г. неустойчивый и капризный Карл VI передает Пизу своему брату — мужу Валентины Висконти, Луи Орлеанскому, который, впрочем, вскоре поручает тому же Бусико управление городом, сохраняя Габриеле Мария Висконти в качестве марионеточного государя. Опять возникает проект итальянского похода герцога Орлеанского, впрочем и на этот раз оказывающийся несерьезным. Но ожидание этой экспедиции заставляет вооружиться и готовиться к контрмерам римского папы Бонифация IX и его защитника Владислава Неаполитанского.

В этой тревожной обстановке осторожное правительство Флоренции, не отказываясь от своих претензий на Пизу, предпочитает вести выжидательную политику. Под руководством Бусико в Генуе происходят секретные переговоры между представителями Флоренции и Пизы. 25 июля они заканчиваются заключением перемирия сроком на 4 года. Согласно его условиям территориально соблюдается статус-кво, флорентийцам же предоставляется право свободно циркулировать и торговать в пизанском порту. При нарушении условий соглашения нарушитель уплачивает французскому королю штраф в 150 тыс. флоринов.

Габриеле Мария старается использовать это временное затишье для усиления своего положения, он присоединяет к своим владениям Кастельнуово ди Луниджана (4 июня 1405 г.), ведет переговоры о союзе и взаимопомощи с Луккой и Владиславом Неаполитанским, сохраняя в то же время верность своему главному покровителю Бусико. А между тем последний в союзе с находящимся в Генуе авиньонским папой Бенедиктом XIII

вырабатывает новый план, угрожающий власти беспомощного наследника Джан Галеаццо. Через флорентийского купца, живущего в Генуе, Бонаккорсо дельи Альдеротти, Бусико и папа извещают Флоренцию о том, что они готовы уступить (или, вернее, продать) республике Пизу на условии принятия ею авиньонской ориентации и полного включения во французский лагерь. Тотчас же в Геную направляется один из ведущих политических деятелей Флоренции — Джинно Каппони, оставивший затем воспоминания обо всем этом деле.

После нескольких предварительных встреч с Альдеротти Каппони принят самим маршалом Бусико, который требует безоговорочного признания авиньонского папы и уплаты за Пизу под видом субсидии 400 тыс. флоринов.

Возможно, что не без участия Флоренции слухи об этих переговорах доходят и до Габриеле Мария. Смертельно напуганный и прекрасно знающий, чего можно ожидать от коварного и корыстного Бусико, Висконти сразу же обращается к первому лицу Флоренции — Мазо дельи Альбицци, который с разрешения правительства выезжает в Пизу. Однако, так как Висконти просит о помощи и поддержке, а Альбицци говорит о продаже, соглашение не достигнуто, и Мазо возвращается домой за инструкциями.

Но слухи и об этих переговорах вскоре стали широко известны, и в первую очередь в самой Пизе. Возмущенные предательством своего непопулярного повелителя, обычно враждующие между собой партии и группировки города объединяются против него, и 20 июля 1405 г. весь город охвачен восстанием. Габриеле Мария Висконти и его мать едва успевают спастись в цитадели, откуда обращаются с отчаянными призывами о помощи то к тому или другому из кондотьеров, то к своему официальному покровителю маршалу Бусико. Ряд дней продолжается осада цитадели. Наконец, в первых числах августа к городу с разных сторон подходят сначала корабли, а затем сухопутные вооруженные силы французов. Сам маршал Бусико тоже прибывает к стенам восставшего города. Опираясь на эту поддержку, Габриеле Мария пробивается через ряды осаждающих и прибывает в Порто Венере, где встречается с Бусико. После кратких переговоров он отправляется в Сарцану, в то время как маршал во главе своих и авиньонских войск остается на пизанской территории, продолжая, однако, мечтать не столько об усмирении города, сколько о продаже его Флоренции.

10 августа два уполномоченных маршалом генуэзца прибывают в Пьетрасанту для переговоров с представителями Флоренции, и одновременно Мазо дельи Альбицци направляется к Габриеле Мария для того, чтобы попытаться договориться и с ним. Властитель Пизы понял теперь всю безнадежность своего положения и потому не слишком дорожит. Условия соглашения вырабатываются сразу же: Висконти продает Фло-

ренции как Пизу, так и ее владения, включая несколько замков, принадлежащих лично Бусико, за относительно скромную сумму в 80 тыс. флоринов. Для того чтобы сохранить видимость подчинения Франции и не раздражать напрасно эту могущественную страну, Флоренция соглашается посылать ежегодно королевскому управителю Генуей серого коня как феодальную повинность.

21 августа синьория Флоренции уполномочивает 4 своих граждан (среди них уже известный нам Джино Каппони) на окончательное подписание договора, а через 2 дня поручает им же принять от ее имени Пизу согласно условиям этого договора. Последний действительно подписан 27 августа, и тотчас же уполномоченные Флоренции принимают цитадель Пизы и несколько окружающих ее укрепленных пунктов (Либрафатта, Санта Мария ди Кастелло).

Но 6 сентября в купленном городе происходит восстание, в результате которого цитадель возвращается в руки его граждан. Бусико, которому флорентийские власти жалуются на такое «предательство», отвечает, что французское королевское правительство поможет наказать виновных в нем. Но Флоренция мало надеется на эту помощь и с несвойственной ей быстротой собирает под стены непокорного города свои вооруженные силы. Собираются отряды кондотьеров: Сфорца да Кутиньола, Джованни Тарталья, Франческино делла Мирандола, известная «Компания Розы» и ряд более мелких. Специально командированы для технического оснащения осады ряд инженеров, выписанных из разных концов Италии. Во главе всех вооруженных сил ставится крупный феодал Бертольдо Орсини граф де Соана.

Напуганные такими грозными приготовлениями, пизанцы посылают послов (20 сентября), которые предлагают, чтобы Флоренция вернула Пизе занятые ею замки (Либрафатту и Санта Мария ди Кастелло), они же возместят Флоренции все расходы, связанные с договором, законность которого они не признают. Но флорентийское правительство и слушать ничего не хочет. Пиза должна быть захвачена, и Бертольдо Орсини получает строжайшее приказание немедленно начать активные военные действия.

Но, несмотря на то, что в Пизе происходит новое восстание, ставящее во главе управления городом с титулом «капитана народа» Джованни Гамбакорта — отпрыска семьи, известной своими симпатиями к Флоренции, флорентийский командующий действует медленно и нерешительно. Не помогает и частичная победа, одержанная (4 декабря) отрядом Сфорца над значительным вспомогательным контингентом, шедшим на помощь Пизе. Для военных действий против портового города приходится создать вооруженные морские силы — галеру и 2 галиотта. В декабре 1405 г. — январе 1406 г. флорентийским морским

силам удается одержать несколько побед над пизанским флотом и полностью блокировать устье Арно. С весны 1406 г. Флоренция рассчитывает приступить к решительным действиям, для чего сменяет не оправдавшего себя командующего, на его место назначен Обиццо да Монте Карелли, пытающийся начать наступательные операции, не дающие, однако, значительных результатов. «Кость слишком тверда», — пишет в январе 1406 г. один из флорентийских купцов.²⁷ А между тем затянувшаяся война приводит к большим затруднениям внутри республики. Надо платить крупные суммы по договорам как Бусико, так и Габриеле Мария Висконти. Начинаются банкротства видных фирм, верный признак тяжелого финансового положения.

А пизанцы, несмотря на свои явно недостаточные силы, отнюдь не собираются сдаваться. 11 февраля 1406 г. Джованни Гамбакорта и Совет старейшин Пизы посылают в Париж посла, которому поручено предложить господство над городом Иоанну Бесстрашному, герцогу Бургундскому. Флоренция принимает немедленные контрмеры, с помощью своего главного заступника при французском дворе герцога Берри она проводит (6 марта 1406 г.) через королевский совет утверждение договора о покупке Пизы, заключенного ею с Габриеле Марией. Но правительство безумного Карла VI не отличалось верностью своим решениям. Уже через 2 месяца обстановка при дворе меняется, и король лично отменяет утверждение договора о Пизе. 15 июля герцог Бургундский сообщает Бусико о том, что, согласно новому постановлению, он сам совместно с герцогом Орлеанским будет господином Пизы и предлагает маршалу начать военные действия против Флоренции, с которой последний был в наилучших отношениях и от которой он уже получил значительные деньги. К тому же и Флоренция, осведомленная о перемене французской политики еще задолго до получения официального извещения о ней, не собирается изменять своих установок — слишком много затрачено уже на приобретение Пизы, слишком большие успехи уже достигнуты в этом деле.

Как раз в середине июля 1406 г. Джованни Гамбакорта, вконец измученный неравной борьбой, направил во Флоренцию в качестве своего уполномоченного Гаспаро да Лаваяно с предложением немедленно начать мирные переговоры. Синьория сразу же со своей стороны назначает 5 своих уполномоченных, среди них Джино Каппони. Переговоры идут успешно, но в одно прекрасное утро на башне пизанской цитадели внезапно взвизывает бургундский флаг, и флорентийским послам остается только прекратить обсуждение.

Во Флоренции, для которой захват Пизы являлся делом жизни, царит всеобщее возмущение вероломством французского двора. Герольд герцога Орлеанского, прибывший с известием о новых установках Карла VI, брошен со связанными руками в Арно, откуда ему, правда, удалось спастись. Когда он явился

в правительственные органы с жалобой, то был с позором выгнан.

Это означало открытый разрыв с Францией, идти на который республика все же опасалась. Поэтому когда 12 августа (1406 г.) прибывает грозное письмо от Карла VI, после трехдневных совещаний в разных инстанциях Колуччо Салутати пишет письмо, в котором с обычной гуманистической приподнятостью говорит о старых традиционных дружественных отношениях между Флоренцией и Францией, противопоставляет их традиционной же враждебности Пизы, излагает всю историю покупки Пизы и вооруженной борьбы за нее, проводившейся с официального разрешения королевского правительства, перечисляет все расходы, которые республика уже понесла в связи с этим делом, и выражает уверенность в том, что Франция поймет и простит Флоренцию и не будет ей мешать завершить захват столь ей необходимой Пизы.²⁸

Копии этого примирительного послания были посланы герцогам Орлеанскому и Бургундскому, непосредственно заинтересованным в пизанских делах. По получении этого письма Карл VI, до сведения которого дошло, что его уполномоченный в Италии Бусико не собирается выступить против Флоренции, направляет в город на Арно двух послов, которым поручено в категорической форме предложить правительству последнего немедленно прекратить военные действия против Пизы. Послы были роскошно приняты, осыпаны любезностями и заверениями общего характера и покинули Флоренцию 18 сентября, ничего определенного не добившись.

Между тем во Франции начинаются репрессии: два флорентийских купца, направляющиеся в Брюгге, арестованы герцогом Бургундским и брошены в тюрьму. Тотчас же во Францию направляются два флорентийских посла для оправдания своих действий и главным образом, чтобы выиграть время для захвата обессилившей Пизы.

Уже с 15 сентября каждую ночь некий пизанец, уполномоченный Джованни Гамбакорта, появляется во флорентийском лагере под стенами измученной голодом и лишениями Пизы и ведет секретные переговоры с Джино Каппони и Бартоломео Корбинелли. 2 октября 1406 г. Каппони едет во Флоренцию и докладывает ее правительственным органам условия соглашения, выработанного им и его товарищем с голодным представителем голодного города, которого приходилось перед каждым ночным совещанием кормить.

Условия сразу и безоговорочно приняты: Джованни Гамбакорта передает флорентийским войскам цитадель Пизы, за что получает 50 тыс. флоринов, звание флорентийского гражданина и титул сеньора Баньи и Монте Пизано. В качестве гарантии Флоренция передает Пизе заложниками 20 своих виднейших граждан, среди которых Лука дельи Альбицци, Нери Каппони

зи, что особенно интересно, молодой богатый и властолюбивый Козимо ди Джованни Медичи.

На рассвете 9 октября 1406 г. ворота осажденной Пизы открылись, и флорентийские войска вступили в измученный и безмолвный город.

Это был громадный политический успех Флоренции, осуществление ее вековых стремлений, сулящее беспредельные экономические и политические перспективы.

Известие о захвате Пизы было встречено в городе с великим торжеством — три дня Флоренция была иллюминирована, в ее главных церквах проходили благодарственные молебны, на площадях были проведены правящими гражданами три пышные воинские соревнования — так называемые джостры,²⁹ на которых собирались громадные толпы зрителей и где богатые дамы гордо щеголяли невиданной роскошью своих расшитых золотом и драгоценностями платьев, на глазах у всего народа нарушая все и всяческие законы против роскоши, так часто издававшиеся правительством. Столь давно ожидавшаяся победа была ознаменована привозом из Пизы основных реликвий, которыми славились церкви города и, что особенно характерно для становящихся господствующими гуманистических настроений, знаменитой рукописи «Пандект» императора Юстиниана, привезенной в Пизу из Амальфи за три века до этого.

Понятно, что поздравления с блестящим успехом сейчас же стали поступать от государств Италии, особенно пышным было «кислосладкое» по существу поздравление Венеции, которая сама не прочь была «наложить лапу» на устье Арно.

Но торжество во Флоренции было отравлено тем, что неясным и скорее враждебным продолжало оставаться отношение Франции. Было известно, что уже месяц как флорентийские послы в Париже арестованы, и напрасно, извещая их о падении Пизы, родина приказывала им вернуться домой.

16 января 1407 г. в Париж направляется новое, весьма авторитетное посольство, в которое входит хорошо известный при французском дворе энергичный, смелый и ловкий Бонаккорсо Питти и представитель правящей семьи Альберто дельи Альбицци. В подробнейшей инструкции, врученной Питти, послам предписывался вежливый и льстивый тон, которым они должны были добиваться освобождения купцов и послов и признания захвата Пизы.

Но при всей ловкости и проницательности Питти добиться улучшения отношений с французским правительством ему не удалось. 15 июня 1407 г. синьория отзывает Питти с тем, чтобы Альбицци оставался на месте в качестве частного лица.

А между тем флорентийские дела во Франции все ухудшались. Иоанн Бургундский добивается назначения находящегося в Италии маршала Бусико членом королевского совета и этой ценой отрывает его от Флоренции, с которой он (в результате

получения значительных сумм) поддерживал дружественные отношения.

Но дипломатические затруднения не могли задержать экономического и политического освоения Флоренцией столь нужной ей Пизы. Назначенный капитаном города Паоло Карнесекки строго следит за тем, чтобы как внутри городских стен, так и вне их никто не выступал против нового политического положения. Да и самые эти стены, сильно поврежденные за время военных действий, срочно восстанавливаются. 124 видных гражданина города изгнаны. Категорически запрещены браки между флорентийцами и пизанками. Это необходимо потому, что ряд флорентийских фирм открывает в покоренном городе свои филиалы, и многочисленные энергичные, предприимчивые, жадные до наживы купцы, банкиры, ремесленники, нотариусы появляются в городе.

Одновременно ведется усиленная дипломатическая работа для того, чтобы закрепить и расширить господство над Пизой и ее территорией. К маршалу Бусико, воинственные намерения которого очень беспокоят синьорию, 3 мая 1407 г. направляется посольство, имеющее задачей просить об освобождении недавно захваченного корабля с ценными грузами, принадлежащими флорентийским купцам. Легко добившись этого, послы, однако, не уезжают, а выдвигают новые желания своего правительства. Они просят о передаче четвертой башни пизанского порта, которую маршал на всякий случай оставил за собой и, главное, о продаже порта Ливорно, крайне нужного Флоренции в качестве второго, запасного выхода в море, особенно потому, что устье Арно за последнее время быстро мелеет. Бусико принципиально не возражает, но требует слишком (по мнению покупателей) высокую цену — 100 тыс. флоринов. Флоренция предлагает половину. Так как маршал не уступает, а во Франции, где опять энергично действует Бонаккорсо Питти и Альберто дельи Альбицци, не склонны соглашаться на дальнейшее усиление республики, послы в конце июля 1407 г. покидают Геную ни с чем. А 3 августа Бусико передает Ливорно Генуе, которая должна владеть ею под общей феодальной зависимостью от Франции.

Генуя тотчас же вводит в город и порт значительный гарнизон, что вызывает не только недовольство, но и тревогу в правящих кругах Флоренции, которые боятся, как бы новая хозяйка Ливорно не попыталась, воспользовавшись непопулярностью в Пизе флорентийского господства, захватить и этот город.

Для того чтобы предупредить это, флорентийский правитель Пизы строго следит за настроениями в ней, держа в своих руках снабжение города продовольствием, доставка которого сокращалась, как только поступали тревожные сигналы о настроениях его граждан. Только весной 1408 г., когда прошло почти 2 года после захвата Пизы и когда решение о созыве Церков-

ного Собора в этом городе потребовало создания в нем более нормальных условий жизни, режим был несколько ослаблен, снабжение продовольствием налажено, налоги и всяческие поборы введены в обычные рамки, высланные граждане возвращены. Включение Пизы и ее столь важного для Флоренции порта в состав республики, произведенное с затратой столь больших усилий и средств и в столь сложной международной обстановке, было окончательно закреплено. Один из главных участников событий Джинно Каппони, правильно расценивая положение, в своих «Воспоминаниях» пишет, что, как умные люди предвидели заранее, приобретение Пизы оказалось полезным и выгодным для небольшого числа богатых правителей города, получивших возможность расширить свои коммерческие операции и выкачивать из них большие прибыли, что же касается тех, кто своими руками добился этого успеха и рассчитывал на то, что он принесет пользу всем, тот остался разочарованным.³⁰

Действительно, как указывают современники, доходы богатей, суммы их капиталов значительно возросли после 1406 г., но, опираясь на этот рост, они только чувствовали себя более уверенно у кормила власти, более решительно и бессовестно эксплуатируя десятки тысяч своих рабочих и прочих бедных людей Флоренции, которые с таким восторгом приветствовали под яркими и пестрыми огнями фейерверка разодетых в золото и самоцветы всяких Альбицци, Уццано и Медичи, гарцевавших на своих конях во время джостр, устроенных на праздновании победы.

Захват Пизы и приносящее большие доходы начало ее эксплуатации ненадолго могли быть использованы мирно и спокойно. Уже через несколько месяцев на внешнеполитическом горизонте Флоренции снова собираются мрачные тучи. Их вызывают, во-первых, все более запутывающиеся обстоятельства схизмы, отражающиеся непосредственно на республике, поскольку Собор, вокруг которого завязываются главные узлы раскола, собирается на самой ее территории — в недавно приобретенной Пизе, во-вторых, все более заметные и бесспорные агрессивные намерения неаполитанского короля Владислава, подходящего, как недавно Джан Галеаццо, к самым границам Флоренции.

Особенно опасным для республики был захват королем Перуджи, непосредственной соседки города на Арно. Специальный посол Бартоломео Валори, посланный к Владиславу для того, чтобы уговорить его отказаться от этого захвата, недаром на коварный вопрос короля: «Какими силами синьория предполагает защищать свои интересы, поскольку все видные кондотьеры находятся у него на службе?», — ответил: «Вашими собственными», тем самым намекая на богатства Флоренции, которые всегда позволял ей перекупить нужного полководца.³¹ Республика была готова, не жалея столь милых ее сердцу флоринов, защищаться от дальнейшего приближения короля к своим границам.

Как и следовало ожидать, из переговоров ничего не выходит, и неаполитанские войска вторгаются на территорию республики, неся с собой обычные разрушения и грабежи. Восполь-

зовавшись, как это до него обычно делал Джан Галеаццо, правительственным переворотом в близкой Флоренции Кортоне (90 км к юго-востоку по направлению к Перудже), Владислав вводит свои войска в этот город, что делает положение Флоренции еще более опасным.

Вторичная попытка договориться с победоносным властителем Южной Италии опять не дает результатов, и Флоренции приходится довольствоваться тем, что король, занятый установлением своего владычества над Римом и делами схизмы, не пошел дальше и ограничился сохранением уже захваченного.

Во время этого затишья флорентийское правительство опять пытается обеспечить свою безопасность путем переговоров: живущий в Неаполе флорентиец Габриеле де Брунеллески приезжает в частном порядке на родину, затем возвращается на юг и вырабатывает основы соглашения, которые окончательно согласовывает официальный посол — сначала Джованни Серри-стори, а затем Аньоло Пандольфини. В первые дни 1411 г. договор, наконец, подписан и обнародован. Содержание его подтвердило перед всей Италией гордые слова Бартоломео Валори и мощь звонких и блестящих золотых флоринов. Могущественный неаполитанский король, слава которого гремела далеко за пределами Италии, обязывался не расширять своих захватов в Риме и его округе, и в первую очередь в сторону Тосканы. Правда, Перуджа оставалась за ним, но с условием не использовать ее во вред Флоренции. Он возвращал флорентийские товары, конфискованные и захваченные во время войны, и, что самое главное, за 60 тыс. флоринов продавал Флоренции Кортону, свой наиболее опасный форпост на севере и к тому же город, очень нужный республике.

Покупка Кортоны, так же как за 4 года до этого покупка Пизы, была большим и явным успехом хитроумной и осторожной политики Флоренции, увеличившим как ее могущество, так и ее авторитет.

Но, как и следовало ожидать, значительная часть условий этого столь выгодного для Флоренции договора выполнялась не долго и не точно. Справившись с наиболее опасными для него проблемами — анжуйского соперничества и окончания схизмы, Владислав снова обратил свои взоры на Тоскану. Он начинает с ограбления флорентийских купцов в оккупированном Риме, сопровождая его дипломатическими переговорами, в которых не скупится на всякого рода обещания. Не ожидающая ничего хорошего Флоренция пытается обратиться за помощью к императору Сигизмунду, в это время находящемуся в Северной Италии, но скоро понимает, что от слабого властителя Германии тоже ничего не добьешься и что надо рассчитывать на собственные силы.

Весной 1414 г. с большим и грозным войском Владислав начинает поход в Тоскану, не прерывая переговоров с Флорен-

цией и даже заключив с ней (22 июня) мирный договор. В городе на Арно ожидают самого худшего, но король, дойдя до Перуджи, внезапно тяжело заболел и вскоре умер (6 августа 1414 г.), избавив Флоренцию от нависшей над ней опасности.

В центре внимания синьории теперь остались вопросы о взаимоотношениях с Империей и с церковью, по возвращении Сигизмунда в Германию и избрание Констанцским Собором единого папы Мартина V (11 ноября 1417 г.) сделали и эти вопросы менее актуальными. Флоренция вступила в полосу мира, чем усиленно воспользовались зажиточные граждане ее, чтобы еще более увеличить свои богатства и окончательно закрепить свое господствующее положение в управлении государством. Как и раньше, старые коммунальные формы этого управления сохранялись во всей своей сложности, но фактически все более отмирали, в то время как власть сосредоточивалась в руках небольшого кружка богатых семей.

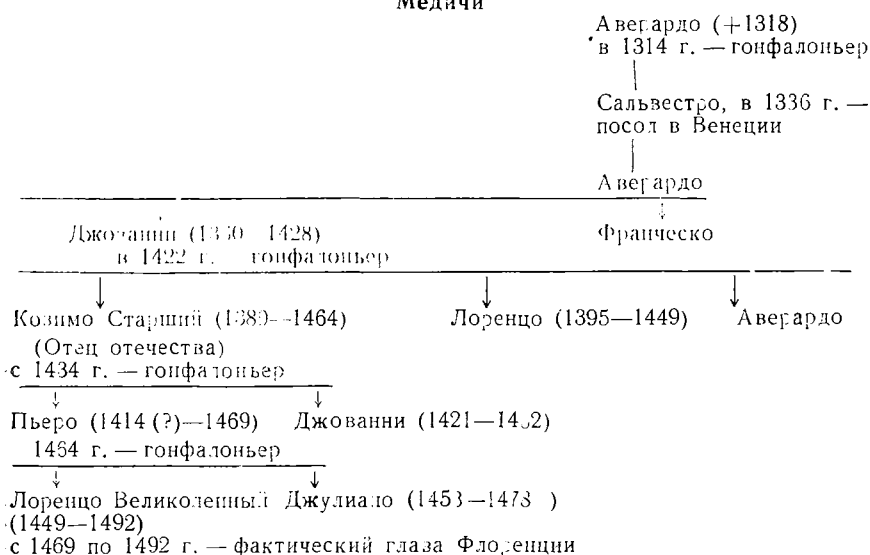
Внешним выражением успехов управления группы Альбицци было хотя бы то, что новый папа Мартин V, не чувствуя себя уверенно в разоренном и непокорном Риме, избирает своей временной резиденцией Флоренцию, куда он прибывает 25 февраля 1419 г. Здесь происходит его встреча с могущественным кондотьером, военной опорой Флоренции Бранчо да Монтоне, превращающаяся в пышную демонстрацию могущества республики на Арно и слабости наместника св. Петра. Чтобы отметить это могущество, папа подымает флорентийского епископа до сана архиепископа, что вполне соответствует положению, занимаемому Флоренцией.

Здесь же во Флоренции происходит встреча нового соборного папы Мартина V и старого смещенного Иоанна XXIII, при которой последний окончательно отказывается от престола. Через несколько месяцев он умирает, оставив свое состояние в распоряжении комиссии опекунов, возглавляемой Джованни Медичи, бывшим в течение ряда лет его банкиром, причем злые языки во Флоренции поговаривали о том, что Медичи немало обогатились на выполнении завещания бывшего папы.

Все эти события происходили в обстановке постоянно растущего богатства Флоренции, ее экономического процветания. Приобретение выхода к морю позволяет ей обратиться к осуществлению своей давнишней мечты — расширению торговых связей, ранее носивших преимущественно сухопутный характер, на Средиземное, а затем и на другие моря. Создается специальный правительственный орган — «Консулы моря» («Consoli del mare»), во главе которого ставится опытейший купец и государственный деятель Никколо да Уццано. Сразу же начинается постройка собственного морского флота — 2 тяжелых галер торгового назначения (*galere grosse*) и 6 легких галер (*galere sottili*) военного характера. Спуск первой из тяжелых галер на воду превратился в большое национальное торжество.

Одновременно принимаются меры к обеспечению налаживаемой морской торговли дипломатическим путем. На первой же галере в Алессандрию к египетскому султану направляется посольство, которое добивается разрешения создания в этом важном центре торговли с Востоком консульства, церкви, товарного склада (*fondaco*), бани и других удобств. Такие же посольства направляются в Морею, на Майорку и в другие средиземноморские торговые центры. Организуются также два регулярных рейса: весной — в феврале, и осенью — в сентябре, на северо-запад Европы — во Фландрию и Англию. Особым договором обеспечивается надежный промежуточный порт в Монако, феодальным владельцам которого, семье Гримальди, усиленно занимавшимся пиратством, выплачивается 1500 флоринов в год.

Медици

Правда, Венеция рассматривает все это как посягательство на ее экономическое господство на морях и принимает все возможные меры к ограничению деятельности новой морской державы, но, несмотря на то, что ей это частично удается (в частности, в отношении Александрии), Флоренция упорно держится за эту торговлю и сохраняет ее на определенном высоком для ее масштабов уровне.

Довольно скоро после приобретения Пизы правители Флоренции поняли, что и этот, столь долго бывший объектом вожделений, порт не может вполне удовлетворить торговые потребности республики. Он сильно обмелел и в дальнейшем должен был стать совсем непригодным для крупных кораблей. Естественно поэтому, что взоры флорентийских заправил обратились к Ливорно — в недавнем прошлом незначительному пизанско-

му замку, благодаря своему выгодному положению в судоходной бухте превратившемуся в оживленный портовый городок. Во время французского господства над Генуей Ливорно официально принадлежал Франции. После же освобождения Лигурийской республики в 1412 г. последняя сохранила за собой этот быстро растущий порт, нужный ей главным образом для сдерживания морского могущества Флоренции. Но долго удержать эту враждебную Флоренции позицию Генуя не может. Возобновившаяся агрессия Милана против нее (см. § 5) заставила ее искать союзников и в первую очередь обратиться к Флоренции. Первым условием, которое последняя поставила, была продажа ей Ливорно. Сначала цена, запрошенная Генуей, оказывается непомерно высокой; начинается торг, продолжающийся два года, и в конце концов Генуя, политическое положение которой становится все хуже, согласилась на сумму в 100 тыс. флоринов. 30 июня 1421 г. сделка была совершена с оговоркой, что как в Пизе, так и в Ливорно генуэзская торговля будет пользоваться условиями наибольшего благоприятствования и что транзитные перевозки флорентийских купцов должны осуществляться на генуэзских кораблях. Новые пышные празднества на улицах и площадях Флоренции отметили этот новый успех ее осторожных и расчетливых правителей, казалось, окончательно закрепивших положение республики как морской державы.

Флоренция, несмотря на значительные расходы, связанные с недавними войнами и с приобретением двух портов,³² находилась в это время в состоянии явного расцвета. Продолжительный (по условиям того времени) мир, наступивший после смерти Джан Галеаццо, позволил ей закрепить свои успехи, внешним проявлением которых явился невиданный расцвет флорентийской культуры. Город обстраивается большими, украшенными в новом вкусе зданиями, часто носящими благотворительный характер (например, созданный Брунеллески приют для детей-найденышей — Санта Мария дельи Инноченти). Его художники, скульпторы, писатели, ученые известны по всей Италии, закрепляя за своей родиной славу «Новых Афин», которую начали создавать еще первые гуманисты прошлого века. Флоренция играет роль экономического и культурного центра Италии.

Во главе Флорентийского государства все это время стоит одна и та же олигархическая группа богатых и влиятельных семейств с Мазо дельи Альбицци во главе. После смерти последнего в 1417 г. на эту роль претендует его сын Ринальдо, но молодость и излишний политический темперамент последнего заставляют правящую группу, состоящую по-прежнему из Джино Каппони и Никколо да Уццапо, а также в качестве второстепенных членов — Бартоломео Валори, Маттео Кастеллани, Палла Строцци, Лоренцо Ридольфи, Нероне ди Нерони и Лапо Никколини не допускать его до первых ролей, а до поры

до времени главным образом использовать в разного рода дипломатических начинаниях, направляя его на длительные сроки за границу, что, с одной стороны, позволяло хорошо применять его напористость и энергию, с другой — держать вдали от внутреннего управления.

После того как в 1421 г. умер Джинно Каппони во главе правления стал Никколо да Уццано,³³ отпрыск старого феодального рода, затем занявшегося банковской деятельностью и достигшего в этой области одного из первых мест. Человек умный (черты его лица превосходно передает бюст, выполненный Донателло (илл. 34), опытный и чрезвычайно осторожный, Никколо стремится избежать острых конфликтов и решительных действий, на которые склонен был бы идти увлекающийся Ринальдо дельи Альбицци.

Уццано чувствует себя у кормила власти довольно уверенно и спокойно, опираясь на все те изменения в конституции и дополнения к ней, которые начиная с 1382 г., когда он уже принимал участие в управлении (он родился в 1360 г.), и до смерти Мазо дельи Альбицци постепенно изменяли и перестраивали всю фактическую систему управления республикой при сохранении ее внешней фасадной стороны. Еще в 1411 г. было снова подтверждено изгнание всех без исключения членов семьи Альберти, опять подозреваемой в антиправительственном заговоре, и в этом же году создается новый правительственный орган — Совет двухсот (Dugento). Каждое решение, касающееся принципиально важного вопроса внешней или внутренней политики, после того как оно принято синьорией и прежде чем оно пойдет в остальные органы — Советы республики, должно было пройти через Совет двухсот, без утверждения которого дальше на обсуждение не поступало. Составленный из лиц, занимавших ведущие должности после 1382 г., или из их потомков, т. е. исключительно из представителей правящей олигархической группы, Совет этот, казалось, окончательно отдавал в руки этой группы бразды управления Флорентийской республикой.

Однако это только казалось: в действительности у олигархической группы семейств, в течение ряда десятилетий державшей в руках власть, имелся и из года в год все более усиливался серьезный противник — значительное количество не самых богатых, но вполне зажиточных семейств шерстяников, шелкоделов, торговцев шерстью, менял. Семьи эти, сильно разбогатев за мирные годы, воспользовавшись в полной мере результатами приобретения Пизы, Ливорно и других пунктов и чувствуя свое растущее экономическое могущество, свою многочисленность и сплоченность, отнюдь не желали долго мириться с тем, что власть находилась не в их руках. Во главе этой жадной до наживы и власти группы, нуждавшейся в решительном, но незаметном руководстве, уже с последних годов

XIV в. стоит Джованни д'Аверардо Медичи (1360—1428). Отпрыск другой ветви той семьи, к которой принадлежал один из протагонистов восстания чомпи — Сальвестро Медичи — Джованни, поначалу скромный купец и банкир, отнюдь не крупного масштаба, очень скоро по своей хозяйственной деятельности выдвигается на одно из первых мест во Флоренции. Он ведет большие и рискованные дела в Венгрии, в это время тесно связанной с Италией, но особенно наживаетея на ссудных операциях с папами, сначала с незадачливым Иоанном XXIII, а затем и с Мартином V. Постоянно подчеркивая свою аполичность, свое нежелание вмешиваться в управление государством, стремясь возможно больше держаться в тени, Джованни незаметно становится одной из ведущих фигур этого государства, возглавляя антиальбицциевскую оппозицию.³⁴

Немало ухудшает положение правящей олигархии также новая война, которую Флоренции приходится вести с максимальным напряжением всех сил. Война эта была вызвана возобновлением агрессивных стремлений Милана, прекратившихся было после смерти Джан Галеаццо в 1402 г. Пришедший к власти в 1412 г. младший сын последнего, Филиппо Мария, к 1419 г. настолько усилил политическое положение своего государства, что мог опять приступить к нажиму на Тоскану. Однако занятый сначала другими планами, он предлагает республике заключить договор, по которому устанавливается граница влияний и сохраняется мир на 5 или 10 лет. Флорентийские заправила, занятые в эти годы подчинением мелких феодалов Тосканы и ее окружения, больше всего боявшегося войны, соглашаются на это предложение.

Между тем Филиппо Мария отнюдь не собирався соблюдать выдвинутые им же условия. Захватив в 1421 г. Геную, он от ее имени присоединяет к ее владениям город Сарцану, лежащий на территории флорентийского влияния. Затем он вмешивается во внутренние дела Болоньи и, наконец, пытается распространить свою власть на Форли.

Флоренция, первое время терпевшая эти нарушения договора, наконец теряет терпение. Несмотря на то, что ряд влиятельных граждан, и среди них на первом месте Джованни Медичи и Аньоло Пандольфини высказываются против войны; правящая группа начинает военные действия.

Комиссия из 10 граждан, избранная как обычно для ведения войны (*Dieci della guerra*) из числа наиболее влиятельных лиц (характерно, что в ней рядом с вождем партии Альбицци сидит вождь оппозиции Джованни Медичи), назначает Пандольфо Малатеста (сеньора Римини), главнокомандующим и направляет его на отвоевание Форли. Военные действия начинаются для Флоренции весьма неудачно. Ее войско прямо с длинного марша по размытым длительными дождями дорогам 28 июля 1424 г. при Дзагонаре вступило в бой со свежими силами противника

и было разбито наголову. Ряд командиров был убит или захвачен в плен, а Панфольфо Малатеста еле спасся бегством.

Это тяжелое поражение не только вызывает во Флоренции всеобщее уныние, но и требует новых, очень серьезных усилий, в первую очередь финансовых. Собираются в срочном порядке новые экстренные налоги, создаются новые кредитные предприятия — для обеспечения девушек и юношей приданым (*Monte dei doti*), дающие значительные средства правительству, привлекаются к консультациям по политическим и финансовым вопросам новые лица.

Однако все эти и ряд других мероприятий не приводят к радикальному упрочению положения правительства, которому приходится продолжать неудачную и непопулярную войну. Это вынуждает правящую группу думать об экстренных мероприятиях для того, чтобы удержаться у власти. Происходит ряд совещаний членов олигархической верхушки, в которых четко выясняются известные и до того в своих основных чертах две противоположные точки зрения. Ринальдо дельи Альбицци, привыкший смотреть на конституцию республики как на устаревшую игрушку и стремящийся к закреплению власти за собой и своим родом, прямо призывает к перевороту, полному отстранению от участия в управлении младших цехов и восстановлению политических прав «грандов», естественных союзников стремящегося к тирании богача.

Более осторожный и осмотрительный Никколо да Уццано, признав принципиальную правильность предложения Ринальдо, отметил, однако, что об осуществлении их можно будет думать только в том случае, если они получат поддержку более широких кругов зажиточного населения Флоренции, и в первую очередь ее цехов, отстранение которых от власти составляло одну из основ предложений. Для того же, чтобы добиться этой поддержки, Уццано советовал договориться с пользующимся доверием цехов Джованни д'Аверардо Медичи.

Эта задача была возложена на самого Ринальдо. Когда же последний посетил Джованни и предложил ему присоединиться к заговору, ответ Джованни, все положение которого было основано на поддержке средне- и мелкобуржуазных элементов, сосредоточенных в цехах, был таким, каким и следовало его ожидать. Он наотрез отказался от участия в заговоре и категорически настаивал на сохранении конституции.

Получив этот вполне естественный ответ, заговорщики принуждены были отказаться от своих намерений и продолжали держать бразды правления в своих жадных руках при помощи испытанных особых комиссий (*balie*), строго следя за тем, чтобы в их состав не проникал никто из нежелательных граждан.

Казалось бы, все идет по-старому, но произошедшие дебаты (точное содержание которых известно нам далеко не достоверно и носит полулегендарный характер)³⁵ обнаружили наличие си-

лы, решительно противостоявшей, казалось, всемогущей олигархии — среднего слоя зажиточных граждан с Джованни Медичи во главе.

Борьба между олигархией и силами, возглавляемыми родом Медичи, в 20-х годах носит еще глухой, мало заметный характер и только иногда обнаруживается явно. Так, в 1427—1428 гг. произошел конфликт из-за назначения на должность канцлеров республики. Этих должностей, носящих, как мы видели (см. т. I, гл. III, § 3), полутехнический характер, но все же игравших немалую роль в политической жизни, было две, причем стремились одну из них замещать кандидатом партии Альбицци, а другую — кандидатом партии Медичи. В результате же обострения борьбы партий каждая стремится к захвату обеих должностей, что сперва удается второй, а потом окончательной первой. Альбицци и олигархия пока еще были более сильными. Поражение более демократической партии было настолько серьезным, что злые языки именно ему приписывали болезнь и последовавшую вскоре затем смерть главы ее — Джованни Медичи.

Между тем война с Филиппо Мария Висконти шла своим чередом. Несколько оправившись после страшного поражения при Дзагонаре и собрав значительные средства путем ряда экстренных налогов, Флоренция создаст новое войско, приглашая к себе на службу всех свободных к этому моменту кондотьеров. Во главе их ставится наиболее способный ученик и продолжатель дела Браччо да Монтоне — Никколо Пиччинино.

Первые шаги нового командующего были, однако, неудачными. При попытке захватить Фаэнцу с помощью изгнанников из этого города он был сам взят в плен, однако уговорил сеньора города (Асторре II Манфреди) перейти на сторону Флоренции.³⁶ Но и после этого войска Филиппо Мария Висконти продолжали одерживать победу за победой, захватывая одну за другой крепости в Романье. Одно из этих поражений, печальное для республики само по себе, известно, однако, как редкий в эти времена пример мужества и самопожертвования.

Флорентийский комиссар небольшой цитадели Монте Петрозо — Бьяджо дель Мелано (может быть, потомок одного из вождей восстания чомпи — см. т. I, гл. III, § 1) отказался сдать крепость окружившим ее, явно превосходящим его силы вражеским войскам. Когда же осаждающие подошли все кругом, надеясь выкурить непокорного защитника, Бьяджо подошел к зубцам стены, сбросил вниз все свое, довольно значительное, имущество, в первую очередь платья, материи, ковры, затем сбросил на них своих малолетних сыновей, тут же захваченных врагами, сам же погиб в плену.³⁷

Но этот и немногие подобные случаи героизма не исправляли тяжелого положения флорентийских войск. Сложный аппарат флорентийского правительства действовал медленно и малоинициативно, а командование не могло ступить шагу без разрешения правительственных органов. Флорентийцы терпят поражение за поражением. Это заставляет Никколо Пиччинино оста-

вить республику и перейти к Висконти, на службе которого он восстанавливает рядом побед свою репутацию.

Находящаяся в тяжелом положении республика пытается получить помощь у императора Сигизмунда, фаворит которого флорентинец Пиппо Спана охотно помог бы своей родине, но у императора слишком много забот в Германии, чтобы вмешиваться в итальянские дела. Неудачей заканчиваются также два посольства Ринальдо дельи Альбицци к папе. Последний требует примирения с Висконти, который ставит неприемлемые условия. Некоторые надежды возлагаются на помощь Венеции, куда едет послом сначала тот же Ринальдо дельи Альбицци, затем богатейший из граждан Флоренции старый Палла Строцци, наконец, вождь оппозиции Джованни Медичи, имеющий с Адриатической республикой деловые и личные связи. Затем на длительное время в Венецию направляется Лоренцо Ридольфи, который упорно стремится преодолеть осторожность «светлейшей» и заставить ее вступить в войну против ее западного соседа. Сообщают, что, выступая в сенате, Ридольфи произнес, между прочим, фразу, весьма показательную для положения, в котором находилась Италия в это время: «Генуэзцы, которым мы не помогли, сделали Филиппо Мария сеньором, мы, будучи оставлены вами без помощи, не способны к какой бы то ни было защите и сделаем его королем. Вы же, когда не останется никого, кто мог бы, даже если бы захотел, помочь вам, сделаете его императором».³⁸ Превращение итальянских тиранов и тиранчиков в сеньоров и стремление их подняться еще выше было, очевидно, характерным в той неустойчивой политической обстановке, которая царствовала на полуострове в начале XV в.

Убеждения флорентийских послов падали на благоприятную почву. Во главе Венеции стоял в это время властолюбивый и воинственный дож Франческо Фоскари (см. § 6), главным контдотьером же ее был граф Франческо да Карманьола, до этого времени успешно служивший Филиппо Мария Висконти, но рассорившийся с ним и ставший его ожесточенным врагом. Для обоих этих людей призыв Флоренции выступить против Милана был как нельзя более приемлемым.

Был заключен союз, в который кроме основных участников — Флоренции и Венеции вошли Феррара, Мантуя, Сиена, Савойя и Неаполь. Война была объявлена 27 января 1426 г. Главкомандующим был назначен Карманьола.

Вступление в войну Венеции, поставившей согласно союзному договору большую часть военной силы (9 тыс. конных и 8 тыс. пеших, в то время как Флоренция — 6 тыс. конных и 6 тыс. пеших), но зато получавшей и львиную долю будущих завоеваний, радикально изменило политическую ситуацию. Главным очагом военных действий стала теперь Ломбардия, где ряд мелких коммун, сбросив тяжелое иго Милана, стали на сторону союзников.

Ожесточенная борьба разгорелась, в частности, вокруг Бреши, где горожане, поддержанные окрестными крестьянами, выступили против миланского гарнизона, занимавшего укрепления города. К Бреши подошли главные силы венецианцев под командованием Карманьола, сюда же были вызваны отряды флорентийцев, которыми командовал маркиз Феррарский. Филиппо Мария сразу же переводит свое войско из Тосканы в Ломбардию. Попытки флорентийцев задержать его не увенчиваются

успехом, так как маркиз д'Эсте, руководствуясь в большей степени страхом перед своей могущественной соседкой Венецией, чем верностью союзу, вел военные действия вяло и нерешительно.

Попытка папы примирить воюющие стороны безрезультатна. Война идет с переменным успехом, но со все более заметным перевесом на стороне лиги. На реке По галеоны Висконти потерпели поражение от венецианского флота под командованием Франческо Бембо. Решительная же битва произошла при Маклодио (12 октября 1427 г.), где Карманьола заманил миланское войско в болото и, отрезав отступление при помощи находившихся в засаде флорентийских отрядов, окружил его и разгромил. Немногим наиболее мужественным миланским воинам удалось уйти с поля боя, да и то злые языки приписывали их спасение измене Карманьола.

После столь явного поражения Филиппо Мария не оставалось ничего другого, как начать мирные переговоры. При посредничестве папского представителя в Ферраре встречаются с миланскими уполномоченными флорентийцы — Палла Строцци и Аверардо деи Медичи. Основное их требование — отказ Милана от Генуи, на что Филиппо Мария никак не хочет соглашаться. После длительной торговли мир заключен 18 апреля 1428 г., причем на условиях, выгодных в первую очередь для Венеции, получившей Брешу и Бергамо и всю территорию восточной Ломбардии до реки Адды, и для Савойи, получившей Верчелли и часть северо-запада Ломбардии. Что касается Флоренции, то она ограничилась возвращением ряда укрепленных пунктов, занятых во время войны миланскими войсками, и, самое главное, самим фактом сокрушения мощи миланского герцога, своего наиболее опасного соседа.

Длительная и тяжелая война с Миланом стоила Флоренции громадных средств. Один из современников оценивает расходы по ней в 3,5 млн флоринов.³⁹ А между тем необходимо было и после разгрома врага содержать вооруженные силы и пользоваться ими для укрепления, а иногда и расширения своих границ. Приходилось снова и снова обращаться к займам и экстренным налогам, а это заново ставило уже неоднократно выдвигавшуюся, но не решенную задачу объективного определения доходов и имущества граждан, которое должно было бы явиться базой для справедливого распределения налоговых сумм.

Недовольство народа несправедливым распределением налогового бремени во время тяжелых дней войны было столь значительным, что даже богачи, до того неоднократно проваливавшие предложения об определении доходов и имущества, так называемым «эстимо» (*estimo*), на этот раз сами предлагают провести его.

Руководители правящей олигархии — Ринальдо дельи Альбицци и Никколо да Уццано, очевидно убедившись в том, что

в данной ситуации другого выхода нет, выдвинули и провели через соответствующие правительственные инстанции закон об «эстимо» и основанного на нем поимущественного и подоходного обложения, так называемого катасто (catasto), или кадастро. Проводя этот столь экономически невыгодный для них и их группы закон, правители Флоренции, возможно, рассчитывали ценой этой жертвы вернуть себе явно уходящую от них симпатию широких народных масс и выбить почву из-под ног враждебной партии, возглавляемой Джованни Медичи, давно отстаивавшего идею справедливого перераспределения налогового бремени.

Как бы то ни было, но уже 2 июня 1426 г., т. е. еще в самый разгар войны с Миланом, началось в правительственных органах обсуждение соответствующих мероприятий. Оно продолжается в разных инстанциях в течение ряда месяцев. На заседании 7 марта 1427 г. Ринальдо дельи Альбицци снова и снова настаивал на проведении катасто. Никколо Уццано поддержал его, а два богатейших гражданина республики Палла Строцци и Джованни деи Медичи, до того времени относившиеся довольно скептически к проектируемому мероприятию, не слишком охотно согласились на его проведение. Наконец, 22 мая 1427 г. новое обложение было окончательно принято и объявлено законом.⁴⁰

В предисловии закона говорится, что мероприятие это проводится по общему желанию народа для того, чтобы устранить вопиющую несправедливость распределения государственных тягот, приводивших нередко к обогащению одних и разорению и обеднению других. Каждый гражданин, подлежащий обложению, должен явиться в свою часть города и перечислить членов своей семьи; их возраст, имена, занятия, а также недвижимое и движимое имущество, где бы оно ни находилось, в том числе наличные деньги, суммы, отданные в долг и находящиеся в торговых операциях, товары, рабов и рабынь, быков, лошадей и другой скот. В случае утайки сведений сокрытое имущество конфискуется. Все объявленное заносится в специальные книги квартала, причем для проведения записей в нем выбирается по жребию 10 граждан из числа 60. Из заявлений налогоплательщиков эти комиссии должны вывести полный доход каждой семьи и, считая, что этот доход равен в среднем 7% капитала (а в отношении промышленных предприятий определяется особым образом), рассчитать общую сумму последнего. Таким образом, за каждые 7 флоринов дохода налогоплательщику записывается 100 флоринов капитала, а из доходов крупных предприятий сумма капитала определяется каждый раз по особому соглашению. С общей суммы капитала, полученной таким образом, списываются обязательства по аренде, долгам, оплата за наем жилых, торговых и промышленных помещений и по 200 флоринов на каждый рот — сумма, необходимая для пропитания. Из остающейся суммы надлежало уплачивать за каждые 100 фло-

ринов 10 солидов, т. е. принимая во внимание, что во флорине 20 солидов — 0,5% с капитала, или, считая наименьший обычный доход равным 5% капитала, — 10% дохода. Если же после всех вышеупомянутых скидок никакого капитала не остается, сумма налога определяется комиссией по согласованию с плательщиком.

Так как полное освобождение от уплаты налога означало лишение каких бы то ни было политических прав, то многие граждане Флоренции, обладавшие весьма малыми средствами, добровольно соглашались платить небольшие суммы. Так, при первом взимании кадастра в 1427 г. из общего числа плательщиков — 10 171 человек, вносивших налог согласно установленным нормам, было 2192 (или 21,5%), в то время как по соглашению (*composizione*) платили 5055 (или 50%) и совсем не платили 2924 человека (28,7%). Цифры эти дают хорошее представление о социальном составе населения Флоренции в это время. Для этого состава, в котором уже вполне выделялась небольшая группа забравших власть богачей, характерно то, что при среднем уровне обложения (считая все три категории, в том числе и не платящую совсем налога) в 2,5 флорина, 31 плательщик вносил свыше 100 флоринов, т. е. обладал облагаемым состоянием не ниже 20 тыс. флоринов. Средний уровень обложения в этой группе равняется 180 флоринам, что дает состояние в 36 тыс. флоринов. Самым крупным плательщиком был Палла Строчи, плативший 507 флоринов, т. е. обладавший состоянием значительно большим, чем 100 тыс. флоринов. За ним шел Джованни Медичи, взнос которого (как говорили, сильно заниженный) был равен 392 флоринам, что дает состояние в 78 400 флоринов.⁴¹ Вся операция по определению размеров обложения должна повторяться каждые 3 года.

Тот же принцип обложения, который применен в отношении к полноправным гражданам Флоренции, применяется и к жителям контадо, цехам как целым, иностранцам, проживающим на флорентийской территории, и к лицам, до того освобожденным от уплаты налогов.

В целом новое обложение являлось, несомненно, мероприятием демократическим, в принципе значительно более справедливо и равномерно, чем это имело место раньше, распределявшим бремя государственных налогов. Понятно, что оно было принято восторженно значительной частью бедного населения города. Ярким примером изменений, вытекавших из введения кадастра, было широко известное в городе увеличение обложения такого видного члена олигархической верхушки, как один из богатейших людей Флоренции — старый Никколо да Уццано. В то время как раньше он под разными предлогами никогда не платил больше 17 флоринов, теперь он должен был уплатить 250. Вообще в городе считали, что обложение богачей возросло в среднем в 6 раз.

Но такова была только общая установка. Фактически районные комиссии выбирались далеко не вполне беспристрастно и могли определять размеры доходов и состояния по своему усмотрению, отнюдь не всегда объективно. Так, уже при первом взимании нового обложения выяснилось, что Джованни Медичи, возглавлявший оппозицию правящей олигархии и бывший главой второй по богатству семьи города, должен был платить почти столько же, сколько раньше. Может быть, это объяснялось тем, что до реформы его сознательно прижимали враги, а может быть, и чем-нибудь совсем другим.

Во всяком случае, многие из богачей города были явно недовольны и утверждали, что они одни несут все бремя государственных платежей и поэтому делали все возможное для того, чтобы скрыть хотя бы часть своих богатств. Это вызывало резкие протесты со стороны менее зажиточных кругов и особенно народных масс, требовавших нового пересмотра обложения и увеличения его норм для наиболее богатой части плательщиков. Однако эти предложения встретили решительный отпор не только со стороны группы Мазо дельи Альбицци, но и со стороны оппозиции, возглавляемой Джованни Медичи, в этом случае, естественно, выступившим на защиту интересов богачей, к числу которых он сам принадлежал.

Общая сумма, которую давал новый налог в городе, была равна 25 834 флоринам, что было меньше, чем давали раньше беспорядочно собираемые обложения. Но и кадастр не был ежегодным, регулярно собираемым налогом. Наоборот, он взимался по мере необходимости. Причем общую сумму обложения, определяемую им, принимали за единицу и взимали половину этой единицы или две, три и даже больше единиц.

Но и этого было недостаточно. Синьория распространяет действие кадастра на включенные в состав ее территории города и районы. Здесь он дает сумму в 18 594 флорина, т. е. несколько меньше, чем в городе. Большинство районов и городов контадо и дистрикта (Пистойя, Ареццо, Кортон и др.) принимали новое обложение безропотно, но в ряде мест (в Сан Джиминьяно, Вольтерре) введение его вызывает решительные протесты, основанные на той видимости автономии, которую сохраняли подчиненные Флоренции города. В оправдание кадастра было объявлено, что новое обложение необходимо в первую очередь потому, что многие флорентийцы имеют имущество или доходы в этих городах, но выдают их за принадлежащие местным гражданам и таким образом избегают обложения. На дальнейшие возражения синьория отвечает арестом 18 послов Вольтерры, излагавших эти возражения. Просидев в тюрьме 6 месяцев, послы становятся более сговорчивыми и принимают категорически выдвинутое Флоренцией постановление о кадастре как общегосударственном законе, распространяющемся безоговорочно на всю территорию республики.

Однако и после этого Вольтерра, не отказываясь официально, фактически не осуществляет постановления о кадастре. Попытка осуществить его силой приводит к восстанию в городе, обращаясь за помощью к Лукке и Сиене. Однако, когда флорентийское войско под руководством молодого Ринальдо дельи Альбицци и старого Палла Строрци подходит к стенам Вольтерры, последняя открывает ворота, прося только не вводить у нее кадастр. Синьория, обсудив вопрос, отказывает, но и после этого обложение фактически не вводится.

В дни, когда вводился кадастр, Флоренция была охвачена спорами и дискуссиями по поводу новой политической авантюры: проектируемого наиболее агрессивными элементами города захвата Лукки. Возглавляемый в течение ряда лет богатым купцом Паоло Гвиниджи,⁴² непримиримым врагом Флоренции и постоянным союзником Милана, город этот был лакомым куском в глазах жаждавших расширения рынков сырья и сбыта флорентийских дельцов, по наущению которых кондотьер Никколо Фортебраччо (племянник Браччо да Монтоне) якобы по своей инициативе начинает ряд набегов на луккскую территорию.

А в это время в многочисленных советах и комиссиях флорентийского правительства обсуждается то, что уже давно служило предметом горячих споров на улицах и площадях города. Наконец в высшем законодательном органе коммуны — Большом совете капитана 488 членов высказались за войну при 99 выступивших против. Была создана, как обычно на срок в 6 месяцев, «комиссия из десяти граждан для руководства войной» («dieci della guegga»). В эту комиссию, затем несколько раз (по истечении сроков) сменяемую, входили все заправилы города — как жаждущий военных подвигов Ринальдо дельи Альбицци, так и спокойный и мудрый Никколо да Уццано и глава оппозиции Козимо Медичи и его брат Лоренцо (отец их Джованни умер в феврале 1428 г. в возрасте 88 лет). Первыми комиссарами по ведению войны были назначены Ринальдо дельи Альбицци и Асторре Джанни.

Несмотря на то, что первому, фактически выполнявшему обязанности главнокомандующего, удастся достигнуть некоторых успехов, против них ведутся интриги, выдвигаются, по всей вероятности, справедливые обвинения в корыстном желании обогатиться за счет войны. Обиженный Ринальдо просит освободить его, затем берет свое ходатайство обратно и наконец 18 марта 1430 г. окончательно уходит в отставку. Вскоре затем смещен также Асторре, обвиненный в не менее серьезных преступлениях. Новыми комиссарами были назначены Нери ди Джини Каппони и Алеманно Сальвиати, но особых успехов и они не добиваются.

Попытки знаменитого флорентийского архитектора и инженера Филиппо Брунеллески отвести в новое русло реку Серкьо и ее водами затопить территорию Лукки осуществляются поло-

винчато и приводят к обратным результатам, заставляя флорентийские войска отступить от стен города, к которым они уже подошли. Осада Лукки затягивалась, но, несмотря на это, во Флоренции поговаривали о том, что неплохо бы расширить фронт военных действий, развернув их и против враждебной и соблазнительной Сиены, захват которой полностью отдал бы в руки Флоренции всю Тоскану. Мальчишки на улицах города распевали: «Аве Мария грация плена, после Лукки падет и Сиена» или «Берегись, Сиена, у Лукки дрожат стены». ⁴³ Слухи об этом дошли и до самой Сиены, и один из ее влиятельнейших граждан, претендующий на господство в ней, Антонио Петруччи был послан во Флоренцию, чтобы выяснить ситуацию. Встреченный там весьма холодно, он бросился в Рим просить помощи и защиты у Мартина V. При помощи последнего он собирает в окрестностях папской столицы отряд и с ним от своего собственного имени поступает на службу к Паоло Гвиниджи и прорывается в осажденную Лукку. Затем, оставив свой отряд, он направляется в Милан, где предлагает Филиппо Мария Висконти власть над городом, в котором росло недовольство тиранией Гвиниджи. Всегда готовый на любую авантюру, герцог поручает захват Лукки Франческо Сфорца.

Получив об этом сведения, Флоренция посылает в Милан брата Козимо — Лоренцо Медичи, и к Сфорце — Боккачино Алеманни, но ни тот, ни другой ничего не добиваются. Сфорца в Парме собирает солдат якобы для похода на Неаполь, но потом направляется к Лукке и, прорвав кольцо осаждающих ее флорентийских войск, входит в город в июле 1430 г. Осада снята, превращаясь в войну с грозным кондотьером опустошающим окрестные земли.

Захватив Лукку и не желая делить власть в ней с Гвиниджи, о котором поговаривали, что он собирается продать город Флоренции за 200 тыс. флоринов, а может быть, и сам подкупленный добрым флорентийским золотом Франческо Сфорца совместно с Антонио Петруччи и главой местной оппозиции Пьетро Ченами организует в Лукке переворот. Паоло Гвиниджи и его сын юный Владислав схвачены и отправлены в заключение в Павию, где первый вскоре умирает, в то время как бесовестный и корыстный кондотьер, получив от Флоренции 50 тыс. флоринов, покидает Лукку и уходит восвояси.

Новое правительство Лукки сразу же обращается к Флоренции с предложением окончить конфликт миром. Но получает ответ, что условием начала переговоров должна быть передача крепостей Монте Карло и Камайоре, господствующих над подступами к Лукке, которая отказывается выполнить это требование. Война продолжается, и опять, считая себя уже близкой к цели, Флоренция задумывает распространить ее на Сиену. Она предлагает Франческо Сфорца, чтобы он от своего имени попытался захватить ее, но последний, не надеясь добиться ус-

пеха, сообщил об этом Сиене, которая, в свою очередь, обращается за помощью к Филиппо Мария Висконти. По указанию миланского герцога, входящая формально в его владения, Генуя посылает во Флоренцию посольство с требованием воздержаться от нападений на Сиену. Когда же синьория не обратила на это никакого внимания, Никколо Пиччинино, как кондотьер Генуи, с 4 тыс. конных и 2 тыс. пеших воинов вторгается в Тоскану. Под самыми стенами Лукки Пиччинино наносит флорентийцам тяжелое поражение, которое восторженно приветствуют женщины и старики города, собравшиеся на этих стенах. День 2 декабря (1432 г.) сделался с этого времени днем национального праздника в освобожденном городе.

После этого успеха Пиччинино, побуждаемый пизанскими изгнанниками, пытается освободить и Пизу, в которой одновременно происходит попытка восстания. Однако флорентийская администрация ревностно следит за всем происходящим в столь нужном ей городе. Ворота его были своевременно закрыты, а стены подготовлены к обороне. Ввиду недостаточного количества продовольствия из города были выселены все женщины и дети. В результате Пиза легко отразила все попытки кондотьера, который, видя безнадежность этих попыток, отошел и от Лукки, в то время как Флоренция, восстановив кое-как свое войско, упорно продолжает осаду Лукки. Не отвлекает ее от этого ни открытое присоединение Сиены к лагерю ее врагов, ни, впрочем, неудачные попытки Пиччинино захватить Ареццо.

Война между Флоренцией, действующей в союзе с Венецией и Миланом, выступающим то открыто, то под именем других государств, идет своим ходом. Флорентийско-венецианский флот под командованием Паоло Руччелаи наносит при Портофино поражение генуэзскому и берет в плен его командующего Франческо Спинола. Флорентийские сухопутные войска, руководимые кондотьером Никколо да Толентино, одерживают также ряд побед, но решительного успеха ни той, ни другой стороне добиться не удается.

Некоторые изменения в положении во Флоренции и немалые волнения для ее правящей верхушки вносит появление в непосредственной близости к городу императора Сигизмунда. Короновавшись железной короной в Монце, он направлялся с незначительной охраной в Рим за императорской короной, которую ему обещал Евгений IV. Император останавливается в Лукке, что, впрочем, не прекращает военных действий флорентийских войск против последней. Затем император переезжает в Сиену, отсюда он требует у флорентийской синьории, чтобы к нему для переговоров прибыли двое из членов Десяти войны, но ему ответили, что это нарушает обычаи. Он обвиняет Флоренцию в незаконном захвате гибеллинской Пизы, но получает ответ, что Пиза куплена на законных основаниях. Враждебные отношения с императором приводят к союзу с по-

баивающимся его папой и даже к нескольким вооруженным стычкам с венгерской охраной императора, но затем дело сводится к переговорам о денежной подачке, после чего «властитель запада» с пропуском от Флоренции наспех коронуется в Риме и возвращается к себе.

7 апреля 1433 г. заключен, наконец, мирный договор между Венецией и Флоренцией, с одной стороны, и герцогом Миланским — с другой, причем в результате многих лет тяжелой и разорительной войны ни одна сторона ничего не получает, сохраняя статус-кво.

Уже последние месяцы войны, безрезультатность и бессмысленность которой становилась все более очевидной, приводят к серьезным осложнениям в правящих кругах Флоренции. Партия Альбицци распространяет слухи о том, что Медичи, и в частности их глава Козимо, тайно помогает врагам для того, чтобы затянуть войну и сделать непопулярным нынешнее правительство. Медичи, наоборот, обвиняют Альбицци и их главу Ринальдо в неумелом ведении дел и монархических замашках. Смерть Никколо да Уццано, наиболее разумного и опытного члена правящей олигархии, и выдвижение на руководящее положение Нери Каппони, которого не без основания считали главным виновником неудач в борьбе за Лукку, еще более обостряет положение.

Напрасно партия Альбицци вносит дополнения к конституции, создавая (1429 г.) комиссию Охранителей законов (*Conservatori delle leggi*) для борьбы со взятками и иными злоупотреблениями властей; комиссию «Скандалози» (*Scandalosi*, 1430 г.) для борьбы с превышением властями своих полномочий; напрасно в 1432 г. вносятся изменения в кадастр, дающие олигархии возможность повышать или понижать норму обложения в сущности по своему усмотрению, что делает и это обложение грозным орудием в руках правительства. Авторитет правящей группы не восстанавливается. Козимо Медичи, внешне сотрудничающий с ней и сохраняющий дружеские отношения с ее руководителями, объединяет вокруг себя все большее количество недовольных существующим режимом. В то же время, продолжая дело своего покойного отца и умножая день за днем, месяц за месяцем экономическое благосостояние своей фирмы, накапливая все большие суммы, которые делают его самым богатым человеком Флоренции, он умело использует свое растущее политическое положение для увеличения своих богатств, а свои богатства — для упрочения своего политического положения. Он широко раздает деньги в долг, выплачивает налоги за тех, кто не может их оплатить, добивается у синьории всяких льгот и, тесно привязывая «облагодетельствованных» им людей к себе, использует их как безгласные и покорные орудия своих политических интриг и махинаций. Главой и организатором этой группы верных делу Козимо людей, значительная часть кото-

рых — выходцы из народа, был Пуччо Пуччи, в прошлом бедный пополан, щедро одаренный Козимо и затем оставшийся его правой рукой в течение 30 лет. Он осуществлял волю своего господина чрезвычайно умело, настолько оставляя его в тени, что его группу, в 30-х годах уже играющую немалую политическую роль и выступающую представительницей интересов бедных людей, в городе называют «пуччески», не упоминая об их действительном вдохновителе.

Все больше выступая как претендент на верховную власть в городе, Козимо в начале 30-х годов все больше старается скрывать это. Он воздерживается от прямого вмешательства в политические дела, часто выезжает из Флоренции якобы по делам или для лечения. Так, в начале июля 1433 г. он уезжает на длительное время на свою виллу под городом для того, чтобы, как он сам пишет в своих «Воспоминаниях», избежать интриг и тревог городской жизни.

К тому же его главный враг Ринальдо дельи Альбицци не решается выступить с открытым забралом против своего все более могущественного противника, за спиной которого стоит значительная часть средних и мелких ремесленников и торговцев, да и немало рабочего люда. Может быть, эта боязнь решительного столкновения заставляет Ринальдо принять в начале 1432 г. назначение сенатором в Рим и на несколько месяцев оставить Флоренцию.

Но как ни осторожничали оба конкурента в борьбе за власть над городом на Арно, как ни старались они отдалить момент решительного столкновения, оно было неизбежным и начинается с осени 1433 г.⁴⁴ Путем различных манипуляций Ринальдо, вернувшийся в город, в то время как его противник находился еще вне его стен, добивается того, что приорат, «избираемый» на сентябрь — октябрь, состоит главным образом из верных ему людей. Серьезные трудности он, однако, встречает в проведении на самый важный для него пост гонфалоньера справедливости Бернардо Гваданы, которому должна принадлежать главная роль в подготовляемых событиях. К моменту выборов, однако, Гваданы имел задолженность по выплате налогов (как тогда говорили — находился в «зеркале» — *specchio*, т. е. списке должников), что по закону лишало его соответствующих прав. Ринальдо выплатил его довольно значительную задолженность и тем еще больше привязал его к себе. Когда синьория была избрана, то оказалось, что два из приоров занимают определенно промедицейскую позицию, а двое весьма ненадежны, что замедляет принятие подготовленных решений, но не заставляет их авторов совсем отказаться от их проведения.

Как сообщает в своих «записках» сам Козимо Медичи, 4 сентября он был вызван новой синьорией с виллы в город. Здесь он вместе с Ринальдо дельи Альбицци был включен в состав комиссии из 8 членов, которая должна была помочь приорату

распутать создавшееся положение. После нескольких дней бурных прений 7 сентября Козимо прибыл на очередное заседание комиссии, но был арестован и извещен о том, что принято решение изгнать его в Падую на один год. Его брат Лоренцо и двоюродный брат Аверардо были также высланы.

Как только это решение стало известно, в городе началось волнение. Сторонники Медичи не собирались сложа руки переносить высылку своего вождя. Находившийся в связи с ними крупнейший кондотьер Никколо да Толентино во главе своего отряда двинулся к городу, но нерешительная часть медичейской партии решила задержать его, боясь за жизнь Козимо, находившегося в руках врагов. Последние, напуганные угрозой гражданской войны, усилили репрессии.

7 сентября был созван Большой совет и особая комиссия (*richiesti*), назначенная для рассмотрения создавшегося положения. Медичи были обвинены в том, что они, начиная с восстания чомпи, угрожали безопасности государства, а Козимо и Аверардо стремились уничтожить «Установления Справедливости» и приорат, спровоцировали войну с Луккой и т. д. В изменение первого решения Козимо приговорен к изгнанию на 5 лет, так же как Аверардо, Лоренцо — на 2 года. Последний, бывший в это время одним из 6 управителей Пизы, забрав сыновей брата и все семейные драгоценности, сразу же уехал в Венецию. Козимо оставался в заключении.

9 сентября было собрано народное собрание (*parlamento*), к авторитету которого обычно прибегали при необходимости проведения важных решений. Собралось небольшое число надежных сторонников Альбицци. Была избрана балия из 200 членов «для наведения порядка в государстве», но в таком составе оказалось невозможным добиться единства, тогда был избран комитет в 8 человек из числа самых надежных сторонников Ринальдо. Комитет утвердил все принятые ранее против Медичи меры, но балия в целом утвердить их отказалась. Ринальдо дельи Альбицци и его клика применяют все возможные меры, чтобы добиться самого резкого осуждения Козимо вплоть до его смертной казни. Но, несмотря на то, что прибегают к пыткам нескольких медичейских доверенных лиц, только 29 сентября балия принимает новые решения. Она еще раз увеличивает наказание, изгоняя Козимо и Аверардо на 10 лет, а Лоренцо на 5 лет и переводя всю семью Медичи в «гранды». Было принято также решение, запрещающее членам семьи продавать что-либо из их имущества. Козимо оставался в строгом заключении и только немногим друзьям было разрешено посетить его там.

В конце сентября в город прибыли послы Венеции и Феррары, просившие об освобождении Козимо, уже давно переставшего быть только простым гражданином, и гарантировавшие, что он не будет принимать участия ни в каких политических

махинациях. Синьория, однако, отвечает только расплывчатыми обещаниями, и 25 сентября послы покидают город.

Между тем, как сообщает в своих «Записках» Козимо, 5 октября, подкупив гонфалоньера Гваданьи и еще одного представителя власти за 500 флоринов каждого, Козимо бежал из тюрьмы и из города. Прекрасно рисуют дух трезвого расчета, характерный для дельцов этого времени, слова, завершающие рассказ Козимо: «И были они трусоваты, ибо если бы хотели, могли получить по 10 000 и больше за мое спасение от опасности».⁴⁵

Впрочем, источники не вполне подтверждают этот рассказ Козимо. Они говорят о том, что 5 октября днем к нему в тюрьму явился капитан народа, вручивший ему вышеприведенный приговор, обрадовавший заключенного, который ожидал решения более сурового. Затем он был приведен в синьорию, где произнес весьма смиренную речь в свое оправдание. После этого его доставили в дом гонфалоньера Бернардо Гваданьи, где в присутствии 4 членов судейской коллегии Восемь охраны (*Otto della guardia*) нотариус правительства (*notaio delle riformagioni*) еще раз прочел ему приговор. Козимо должен был в эту же ночь покинуть город, и он это сделал, сопровождаемый значительной охраной.

Какой из этих рассказов правилен, сказать сейчас трудно, но как бы то ни было, уже на пути в Падую он по прибытии в Феррару был торжественно — не как преступник, а как триумфатор принят маркизом, между тем как во Флоренции олигархия продолжала репрессии. Среди многих других первым был изгнан на 10 лет Пуччо Пуччи как бунтовщик (*sconvvertitor della città*). Вскоре все члены правительства (кроме 2 приоров, голосовавших против), помогавшие олигархии осуществить переворот, получили вознаграждение в виде выгодных должностей или денежных подачек.

Впрочем, победители, как затем стало ясно, не имели особых оснований радоваться. Враг был удален, но отнюдь не уничтожен. И, находясь вне города, оказался опаснее, чем внутри его. Козимо, который, ожидая репрессий, заранее перевел значительную часть своих капиталов в филиалы своей фирмы, был принят и в дружественной ему Венецианской республике (на территории которой находилась Падуга) как союзный государь, и вскоре по просьбе венецианского правительства получил разрешение переехать в саму Венецию. Он остановился в монастыре Сан Джорджо, которому затем по его поручению и на его средства друг и архитектор его Миккелоццо строит библиотеку. Отсюда он ведет переговоры с правительством Венеции, предлагая ему значительный заем для продолжения войны с Миланом. Не подлежит никакому сомнению и то, что из изгнания он через своих сторонников продолжал активную деятельность и во Флоренции.

Во всяком случае в начале февраля 1434 г. был арестован в связи с Козимо бывший член олигархической группы Аньоло Аччайуоли. В том же месяце был заочно осужден за переговоры с миланским кондотьером Никколо Пиччинино, находящийся в Венеции дальний родственник изгнанного Марио Бартоломео Медичи, но Венеция не выдала его.

Но эти и другие подобные махинации не помогают, и правление Ринальдо дельи Альбицци теряет во Флоренции почву под ногами. Финансовое положение страны отчаянное, все попытки олигархии удержать в своих руках замещение государственных должностей не приводят к результатам — все большее количество сторонников Медичи оказывается у власти. В качестве отчаянной меры Ринальдо проводит решение балии о том, что «гранды» могут вступать в цеха и таким путем получать политические права. Но это мероприятие сделало его еще более непопулярным в народе, а феодалы, требовавшие большего, также не оказались сколько-нибудь надежной опорой.

В ноябре—декабре 1433 г. олигархия имеет еще большинство в синьории, через которую беспрепятственно проводит нужные ей решения. Так, 16 декабря были подтверждены все мероприятия против Медичи и назначены серьезные наказания всякому, кто только поставит вопрос об улучшении участи их или Пуччи. Но партия Альбицци, как бы охваченная оцепенением, совершенно не находит сил использовать предоставляющиеся ей возможности, не приводит никаких мероприятий, которые могли бы вернуть ей популярность, исчезающую все более и более.

Это ясно обнаруживается в январе 1434 г., когда Советы коммуны отказываются утвердить ряд мероприятий, предложенных синьорией, обнаруживая этим глубокое расхождение между олигархическим правительством и большинством даже защитного населения, составлявшего основной костяк Советов. Расхождение увеличивается не по дням, а по часам. Так, 30 марта особая комиссия из влиятельных граждан (*consulta*) обращается к синьории с ультимативным требованием — принять все необходимые меры для наведения порядка в государстве и охране его конституции. Комиссия указывает на то, что казна пуста, расходы значительно превышают доходы, администрация допускает злоупотребления, что требует радикальных реформ. Один за другим, как крысы тонущий корабль, покидают Ринальдо дельи Альбицци его ближайшие сподвижники — Аньоло Пандольфини, Бартоломео Кардуччи и Алеманно Сальвинати. Колесбавшиеся ранее Пьеро Гвиччардини и Нери Каппони открыто переходят в лагерь Медичи. Даже брат Ринальдо — Лука и тот выступает против него.

В городе поговаривают о политических интригах Ринальдо и его все более тающей группы, о подготовке им государственного переворота. Понятно, что в мае и июне в синьории все ча-

ще раздаются голоса, требующие созыва парламента, свержения власти олигархии и возвращения Медичи. Однако Ринальдо, используя богатства и влияние Палла Строцци и угрожая развязать гражданскую войну, добивается того, что большинство приората не принимает этих предложений.

Окончательно губит престиж группы Альбицци их союз с Филиппо Мария Висконти, который за нейтралитет Флоренции в возобновляемой им войне с Венецией обещает поддержать Альбицци в их борьбе за власть войсками Никколо Пиччинино.

В августе 1434 г. эта промиланская позиция Альбицци становится вполне ясной, когда Ринальдо выступает в одной из комиссий с предложением не посылать войска навстречу подошедшему к границе Пиччинино. Это выступление было настолько скандальным, что синьория вынесла особое решение, признающее данное заседание особо секретным и определяющее смертную казнь за разглашение. Понятно, что предложение Ринальдо не было принято, и Никколо да Толентино был послан для отражения миланцев. На счастье олигархии Толентино, близкий друг Козимо Медичи, был разбит и взят в плен, где вскоре умер, как говорили, не без помощи отравы.

Все это привело, наконец, к давно подготавливавшейся катастрофе. Синьория, избранная на сентябрь — октябрь, была подчеркнута промедичейской и возглавлялась таким же гонфалоньером Никколо ди Кокко. Все попытки олигархии переманить или перекупить хотя бы часть приоров не дают результатов. Предложение Ринальдо созвать парламента, избрать на нем балию и при ее помощи произвести государственный переворот встретило возражения со стороны даже его верного помощника Палла Строцци.

Сразу же после прихода к власти новая синьория начала действовать против Альбицци. Она обвинила в темных финансовых махинациях только что сменившегося гонфалоньера, тесно связанного с Ринальдо, — Донато Веллутти. 3 сентября он был арестован и признался во всем.

В то же время группа влиятельных граждан Флоренции направила в Венецию к Козимо Медичи посла, который должен был передать просьбу населения о его возврате на родину. Но он отказался возвратиться, пока не будет вынесено соответствующее решение правительства, против воли которого он ничего делать не хочет, однако сразу направил во Флоренцию одного из своих верных людей — Антонио Мартелли, который вскоре вернулся с соответствующим разрешением. После чего, обеспечив себе за соответствующую денежную мзду надежную поддержку со стороны Франческо Сфорца, 29 сентября 1434 г., сопровождаемый почетной стражей в 500 венецианских солдат, Козимо выехал из Венеции и медленно, небольшими переходами, направился к своему родному городу.

Между тем события развивались своим чередом. Нема-

лое влияние на их ход оказало прибытие во Флоренцию в июне того же года папы Евгения IV, находившегося в тесной финансовой связи и зависимости от Козимо. Папа со своей свитой поселился в монастыре Санта Мария Новелла и оттуда стал решительно поддерживать сторонников Медичи.

Ринальдо дельи Альбицци, чувствовавший приближение окончательной катастрофы, и теперь не сдался. Получив сведения о намерении своих все более многочисленных врагов собрать парламент, он готовится к прямой военной переворот. Он договаривается о совместных действиях с немногими оставшимися верными ему друзьями — Паллой Строцци, Родольфо Перуцци, Никколо Барбадоро. Вызванный вместе с ними в синьорию, он отказывается явиться и вместо этого 25 сентября собирает в своем районе города около 500 своих вооруженных клевретов. Предполагалось, что одна часть заговорщиков должна захватить внезапным налетом дворец синьории, в то время как вторая займет расположенную напротив церковь Сан Пьетро Скераджо.

Однако синьория не дала захватить себя врасплох. Заметив необычное движение в городе и получив некоторые сведения о готовящемся от бывшего члена олигархии Нери Каппони, синьория завезла во дворец продовольствие и забаррикадировалась, готовясь к длительной осаде. На площади был размещен вооруженный отряд, в то время как к папе в Санта Мария Новелла посылается гонец с просьбой вмешаться и предупредить кровопролитие. Слухи о могущем вспыхнуть каждый момент восстании распространяются с обычной быстротой по городу. В домах и лачугах берутся за оружие, чтобы не допустить переворота и восстановления господства ненавистных Альбицци.

Чувствуя, что надо торопиться и, получив помощь в виде нескольких отрядов наемников, прибывших из контадо, Альбицци, Перуцци и Барбадоро, не дожидаясь поддержки со стороны Паллы Строцци, обещавшего 500 вооруженных, занимают площадь Сант-Аполлинаре и баррикадируют все входы на нее.

Узнав об этом, синьория посылает к ним двух приоров — Паоло Руччелай и Бернардо Дуньи с призывом воздержаться от выступления и с обещанием не возвращать Медичи. Во время переговоров с ними Ринальдо дельи Альбицци, узнав, что один из его главных сподвижников Джованни Гвиччардини не явился, а Палла Строцци пришел, но не с солдатами, а с двумя слугами, через несколько минут возвращается домой.

К тому же Перуцци решает принять приглашение приоров и явиться в синьорию для переговоров. Ринальдо со своими весьма незначительными силами остается на площади. Вместе с возвращающимся ни с чем Перуцци здесь появляется посланец папы — Вителлески, предлагающий вожакам прийти в Санта Мария Новелла. В 6 часов вечера (это было 26 сентября) после долгих колебаний Ринальдо, Перуцци и Барбадоро под охраной

части своих солдат направляются к папе. По дороге они завязывают несколько мелких стычек с промедичейскими отрядами вооруженных граждан, но без особого труда прорываются. Оставив солдат на площади перед монастырем, Ринальдо и два его сподвижника входят за его ограду. К папе допущен только Ринальдо. Разговор продолжается четыре часа.

Между тем наступает ночь, и последние сторонники партии Альбицци и его войска разбегаются. Когда Альбицци выходит на площадь из монастыря, он застает на ней только несколько человек. Он понял, что проиграл все и должен смириться и сложить оружие.

Воспользовавшись этим, синьория собирается с силами, окружает центральную площадь города войсками и вооруженным народом и 29 сентября созывает там парламент. На особой трибуне появляется представитель папы епископ Вителлески с пышной свитой. Затем здесь же под звуки фанфар рассаживаются представители власти, гонфалоньер, приоры, члены различных комиссий. Нотариус коммуны спрашивает граждан, собравшихся в большом количестве, желают ли они избрать новую балию. Единогласно избирают таковую в составе 350 членов.

Собравшаяся тут же балия принимает решение отменить приговор, вынесенный ранее Медичи, и нанять Франческо Сфорца главным кондотьером республики. Одновременно с Медичи решено вернуть из изгнания семью Альберти, осужденную еще в 1397 г. Все Альбицци (за исключением Луки, своевременно перешедшего к Медичи) объявлены «грандами» и отправлены в изгнание. Их ближайшие помощники также подвергнуты различным репрессиям.

Через неделю после этого — 5 ноября, завершая свое медленное, поистине триумфальное путешествие через Северо-Восточную Италию, Козимо Медичи прибывает в свой родной город, проводит по приглашению синьории первую ночь в ее дворце и выходит из него на следующее утро полным хозяином города.

Превращение наиболее смелой и гордой своими свободами коммуны в синьорию монархического типа завершилось. Медичи стали властителями Флоренции на два столетия.

§ 5: МИЛАН ⁴⁶

На следующий день после того, как в мае 1385 г. 33-летний Джан Галеаццо Висконти предательски захватил своего дядю Бернабо и сменил его на престоле Милана, был собран Большой совет (Совет девятисот), формально продолжавший существовать. Совет безоговорочно передал Джан Галеаццо всю полноту власти. Несмотря на то, что коварный поступок нового государя вызвал в народе не только ужас, но и возмущение, отразившиеся в песнях и стихах, оплакивающих печальную судьбу

свергнутого, еще недавно ненавистного тирана,⁴⁷ вся территория Миланского герцогства, так же как и его главный город, без особых волнений принимают происшедший переворот.

Стремясь воспользоваться этим и ликвидировать неблагоприятное впечатление от своего вероломства, Джан Галеаццо гласно проводит процесс смещенного им Бернабо, на которого возводятся самые чудовищные обвинения, правда, в значительной

Висконти Годы правления

Уберто Висконти
(+1248)

Оттон
архиепископ Милана
(1263—1296)

Обиццо
Теобальдо

Маттео I
капитан народа (1287—1302)
имперский викарий (1311—1322)

Галеаццо I
(1322—1328)

Лукино
(+1349)

Джованни
архиепископ
Милана
(1339—1354)

Стефано
(+1327)

Марко
кондотьер (+1323)

соправители
(1339—1349)
правитель
(1349—1354)

Маттео II
(1354—1355)

Галеаццо II
(+1378)

Бернабо
(+1385)

соправители
(1355—1378)

Джан Галеаццо
(1378—1402)

Джованни Мария
(1402—1412)

Антонио
(+1408)

Валентина
(+1408)
жена Луи
Орлеанского

Габриеле
(+1407)

Филиппо-Мария
(1412—1447)

Карл Орлеан-
ский

Людовик XII
король Франции

Бьянка Мария
с 1441 г. жена
Франческо
Сфорца
кондотьера,
(1450—1476)
герцога Милана

своей части обоснованные. Посылаются в соседние итальянские государства, и в первую очередь во Флоренцию, послы, которым поручается сообщить о происшедшем перевороте. Соседи принимают это сообщение довольно равнодушно. Венеция посылает даже особое посольство для поздравления нового властителя с его победой — «делом великим и трудным». Во Флоренции исчезновение ненавистного и постоянно враждебного республике Бернабо вызывает всеобщее ликование, хотя наиболее дальновидные политики высказывали сомнения в уместности такой радости.

Лишенный какой бы то ни было помощи как изнутри миланских владений, так и извне, Бернабо был переведен в крепость Треццо, где при невыясненных обстоятельствах и умер в декабре того же года. Два его сына Карло и Мастино бродили по Италии, тщетно пытаясь спасти сначала своего отца, а затем хотя бы какую-нибудь часть его владений.

Через месяц после переворота Джан Галеаццо вернулся в Павию, которая и в дальнейшем оставалась его излюбленной резиденцией, и отсюда принялся энергично и решительно управлять государством, в котором его мало кто знал. Образованный и красноречивый, скрытный и подчеркнуто вежливый, умеренный в своих личных вкусах и безгранично честолюбивый во вкусах политических, Джан Галеаццо, никому не доверяя и ни на кого не полагаясь, входит во все детали государственной деятельности, добываясь в ней уже с первых шагов немалых успехов.

Установку или, вернее, маскировку нового герцога выпукло рисует его склонность называть себя по имени своей первой жены, сестры французского короля Карла V Изабеллы Валуа, **графини Вертю** — графом Вертю (по-итальянски — графом Вирту, что в переводе означает «граф доблести»). Величая Джан Галеаццо несомненно приятным ему титулом «герцога доблести», окружающие его льстецы стремились подчеркнуть необычную для миланского тирана добродетельную жизнь, образованность и ум, так как все это включается в характерное для гуманистической идеологии понятие «доблесть» — «вирту». Правда, этот декоративный и лестный по своему звучанию титул носил чисто номинальный характер, герцогский диплом от императора не был получен ни предками Джан Галеаццо, ни им самим, и герцогом Миланским он мог именоваться только самозванно, что, впрочем, его не очень смущало.

Основной установкой во внутренней политике нового правителя было достижение возможно большего единства в государстве, по своему составу весьма пестром и имеющем сильные тенденции к распадению на ряд отдельных политических образований. Опираясь, с одной стороны, на титул «имперского викария», с другой — сохраняя видимость коммунальных свобод, при которых власть в отдельных городах передается госу-

дарю Милана на основании добровольно принятого решения коммун, Джан Галеаццо усиленно стремится превратить свои лоскутные владения в целостное государство наподобие соседней и дружественной Франции.

Для этого все представители исполнительной власти на местах — подеста́, назначаемые исключительно из числа верных сторонников правителя, осуществляют свою власть по прямым указаниям из центра, законодательные органы — Большие советы почти не собираются, реально же правят специальные комитеты из 10—12 членов — ставленников Висконти вроде миланского Комитета наблюдения (*Ufficio delle Provisioni*).

Для детальнейшего наблюдения за политической жизнью государства в 1386 г. создается Комитет переписки (*Ufficio delle Bollette*), которому поручается как организация нормальной почтовой связи в государстве, так и контроль над корреспонденцией. Издается ряд указов, преследующих взяточничество администрации на местах и всяческие ее злоупотребления, причем устанавливается, что каждый представитель администрации по окончании своего пребывания на определенной должности обязан отчитываться в своей прошедшей деятельности. Принимается ряд мер для поддержания и развития ремесел, в первую очередь в самом Милане, и особое внимание уделяется процветанию сельского хозяйства. Так, в 1388 г. указом правителя запрещается конфисковать за долги скот и сельскохозяйственный инвентарь у крестьян любых юридических категорий. Политика поддержки крестьянства неизбежно ставит на очередь вопрос о взаимоотношениях правительства с феодальной знатью, весьма еще сильной в Милане. Рядом постановлений Джан Галеаццо требует у представителей знати не только неукоснительного подчинения всем законам государства, но и содействия их выполнению зависимыми от феодалов людьми. Для того же, чтобы подкрепить эти постановления и лишить ее знать опорных пунктов, новый правитель издает указ (1386 г.) об уничтожении всех феодальных замков, существование которых не диктуется требованиями обороны государства в целом. Категорически запрещается также постройка новых замков (1387 г.).

Пересмотр и унификация законодательства различных частей Миланского герцогства в отношении податей и налогов, не отдаваемых отныне на откуп отдельным органам на местах, а собираемых непосредственно центральным правительством, приводят к невиданной в Ломбардии централизации всего управления, созданию государственного аппарата типа французского или английского. Во главе его находится Тайный совет (*Consilio segreto*), состоящий из небольшого числа наиболее надежных сподвижников правителя, помогающих ему в разрешении основных вопросов внешней и внутренней политики. Всей конкретной работой руководит более многочисленный Совет справедливости (*Consilio giustizie*), принимающий послов, ведающий текущей

жизнью государства, в первую очередь его экономикой и финансами, для чего в его составе имеется специальный орган — казначейство (Camera), распадающийся, в свою очередь, на два управления, ведающие обычными и экстраординарными доходами государства (Maestri delle entrate ordinarie; Maestri delle entrate extraordinarie).

Почувствовав себя после нескольких месяцев правления более уверенно, Джан Галеаццо активно вмешивается в сложную политическую игру, идущую в конце XIV в. как в Италии, так и за ее пределами. После некоторых колебаний он основное направление своей внешней политики связывает с востоком и югом. Его весьма обширные и агрессивные планы требуют безопасности границ с запада и севера. Понятно поэтому, что сразу же после переворота принимаются решительные меры к примирению с враждебным Бернабо савойским графом Амедео VII: ему в подарок посылаются несколько боевых коней, а в ноябре 1385 г. между Миланом и Савойей подписывается соглашение о мире и соблюдении старых границ.

Пытается новый правитель поддержать хорошие отношения с соседом и врагом Савойи маркизом Монферрата — Теодоро II. Впрочем, открыто провозглашая свои мирные намерения по отношению к обоим соперникам, Джан Галеаццо не прочь тайно натравить одного на другого, так как вражда их между собой только выгодна Милану.

Но Савойя и Монферрат — лишь промежуточные территории на пути во Францию, взаимоотношения с которой искони были краеугольным камнем внешней политики Милана. А перспективы этих взаимоотношений складываются довольно неблагоприятно для нового правителя. Жена сына Бернабо Беатриса Арманьяк, отпрыск влиятельной во Франции знатной семьи, сразу же после переворота и бегства мужа в Верону вернулась во Францию и здесь широко использовала свои родственные связи для создания настроений, враждебных Джан Галеаццо. Еще более опасным было то обстоятельство, что летом 1385 г. во Францию приезжает в качестве невесты полубезумного французского короля Карла VI — Изабелла Баварская — внучка Бернабо.

Для того чтобы по возможности парализовать эти враждебные влияния, Джан Галеаццо начинает переговоры с французским двором о браке своей единственной дочери Валентины с кем-нибудь из представителей королевского дома. Сначала выбор падает на неаполитанского претендента Луи II Анжуйского, когда же этот проект проваливается, то для того чтобы поугасть уходом весьма соблазнительной невесты и ее еще более соблазнительного приданого во враждебный лагерь, начинаются переговоры о браке с братом германского императора Венцеслава — Иоханом фон Гёрлиц. Вскоре, однако, возвращаются к идее французского брака. Осенью 1385 г. другой брат германского императора — Сигизмунд женится на Марии Венгер-

ской, невесте брата французского короля Луи Орлеанского; он и становится претендентом на руку Валентины Висконти. При содействии Амедео Савойского начинаются конкретные переговоры, продолжающиеся почти 2 года. Предлагается громадное приданое в 450 тыс. франков, даются обещания поддерживать французских претендентов на неаполитанский и папский престолы. Когда переговоры заходят в тупик, снова выдвигается идея другого брака, на этот раз с самим неаполитанским королем Владиславом. Параллельно заключаются соглашения с римским папой, что также не может не подхлестнуть Францию.

Наконец, 27 января 1387 г. в Париже подписан предварительный договор о браке; Джан Галеаццо ратифицирует его в апреле. Условия этого договора сложны и чреватые серьезными политическими последствиями. В качестве приданого Валентина получает, кроме названной выше денежной суммы и богатых подарков, пьемонтские владения Милана с городами Асти, Бра и Кераска. В случае, если у Джан Галеаццо ко времени его смерти не будет мужских наследников, все его государство переходит к Валентине или ее наследникам, которые в этом случае возвращают себе и фамилию, и владения Висконти. Последнему условию, все громадные последствия которого трудно было предусмотреть и оценить, суждено было через столетие стать роковым для судеб не только Милана, но и всей Италии.

Несмотря на то, что сразу же после заключения договора возникли некоторые трудности с его осуществлением, приведшие даже к мелким вооруженным стычкам между французскими и савойскими войсками, а реально Валентина выехала во Францию только в 1389 г., Джан Галеаццо счел основную задачу брака своей дочери выполненной: западная граница его владений была обеспечена. Можно было начать активные действия на других границах.

Уже в августе 1385 г. он заключает договор о взаимопомощи с Франческо Каррара — энергичным и воинственным властителем Падуи. Договор этот направлен против Антонио делла Скала, властителя Вероны, на этом этапе наиболее ненавистного Джан Галеаццо из его восточных соседей. Делла Скала не только предоставил после переворота убежище сыну Бернабо, но и открыто поддерживал его претензии и, что еще более важно, был союзником и кондотьером Венеции в ее борьбе с Падуей за господство во Фриуле. Между тем расширение и укрепление владений Венеции с западной стороны, захват ею первенствующего положения в Фриуле, включение в сферу своего влияния Падуи и Вероны сделало бы ее непосредственным, причем небывало грозным, соседом Миланского государства. Понятно, что это было более чем нежелательным для Джан Галеаццо. Поэтому, не ограничиваясь договором со своим естественным союзником Падуей, также заинтересованной в ограничении роста могущества Венеции, Джан Галеаццо почти одновременно заключает

в Павии секретное соглашение с Мантуей, Феррарой и той же Падуей. Официальные задачи соглашения совершенно мирные: как заверяет сам миланский властитель, прибывшее сразу после его подписания венецианское посольство — это совместная борьба с кондотьерскими бандами, ставшими за последние десятилетия настоящим бичем Италии. Недаром флорентийский канцлер и гуманист Колуччо Салутати (см. т. I, гл. III, § 3) приветствует эти решения как важный шаг в деле умиротворения Италии. Фактически же эта мирная декларация направлена своим острием против одного конкретного кондотьера — Антонио делла Скала.

Правда, в начавшейся вскоре (май 1386 г.) войне за Фриуль между Падуей и Вероной Милан открыто не участвует, но всем известно, что если вторую поддерживает Венеция, то за спиной первой стоит Милан. За кулисами этой войны идет активная и секретная дипломатическая деятельность. Ведутся переговоры между Миланом и Венецией, имеющие целью сократить и ослабить помощь, оказываемую Адриатической республикой Вероне. В апреле 1387 г. между Миланом и Падуей заключено новое соглашение, которое определяет, как будет в дальнейшем вестись война, и делит между победителями владения делла Скала, которые в результате ряда побед падуанских войск должны вскоре пасть. Джан Галеаццо получает саму Верону, Каррара — второй значительный город — Виценцу. В мае Джан Галеаццо заключает договор с Австрией о закрытии горных проходов, через которые делла Скала могут получить помощь. Веронские владения оказываются окруженными непроницаемым кольцом врагов.

В этой обстановке Джан Галеаццо считает возможным отказать от своего нейтралитета. Уже в конце 1386 г. он реализует в своих владениях заем на организацию значительной наемной армии, которая вскоре и вступает в действие: сначала в составе падуанского войска, а затем и самостоятельно.

Положение Антонио делла Скала становится катастрофическим, напрасно по его просьбе император Венцеслав обращается к Джан Галеаццо с предложением прекратить нападение на Падую, находящуюся под имперским покровительством. Но властитель Милана не собирался выпускать из рук добычу, и после длительных переговоров послы Венцеслава ничего не добиваются. Тогда делла Скала пытается сам путем переговоров и значительных уступок спасти хотя бы основную часть своих владений. Джан Галеаццо выдвигает свои условия, торгуется, но в то же время в глубокой тайне готовится нанести решительный удар.

18 октября 1387 г. послы делла Скала покинули Павию с тем, чтобы сообщить своему властителю миланские условия, и в ту же ночь группа веронских заговорщиков, уже давно находившаяся в контакте с Миланом, открыла ворота города миланским

войскам, тайно подошедшим к его стенам. Войска эти вступают в город. Антонио делла Скала едва успевает бежать, заявив о том, что власть над своим государством он передает еще находящимся в Павии имперским послам, которые тут же продают эту столь легко доставшуюся им власть Джан Галеаццо. А еще через 3 дня Виченца, которая по договору должна была отойти к Каррара, провозглашает своей властительницей жену Джан Галеаццо — Катерину Висконти — дочь Бернабо и Реджины делла Скала, т. е. формально — наследнику бежавшего государя. Молниеносным ударом Джан Галеаццо разрубает давно завязанный им узел и оказывается хозяином обширной, стратегически и экономически важной территории.

Крупный успех нового миланского правителя возбудил серьезные опасения у ряда государств Северной и Центральной Италии. В первую очередь был испуган феррарский маркиз Никколо д'Эсте. Флоренция, всегда внимательно следившая за тем, чтобы кто-нибудь из ее ближних или дальних соседей не приобрел излишнего могущества, также не прочь была бы ограничить результаты успешной политики Милана. В январе 1388 г. в Ферраре собирается конференция, в которой кроме Феррары и Флоренции участвуют также Венеция и Падуя. Попытки объединиться против Джан Галеаццо и достигнуть помимо него примирения во Фриуле наталкиваются, однако, как на хитроумные интриги Милана, так и на неразумное нежелание Каррара примириться с Венецией. Перенесенные в марте 1388 г. в Венецию заседания конференции не дают реальных результатов, а уже в мае того же года Джан Галеаццо заключает с Венецией секретный договор о разделе владений Франческо Каррара, теперь, после разгрома делла Скала, уже ненужного Милану.

Подготовка к новой войне вместе с громадными расходами по французскому браку Валентины заставляет Джан Галеаццо выжимать из своих подданных все новые налоги и поборы. Жалование ряда государственных служащих снижено, приняты меры к тому, чтобы доходы коммун, входящих в Миланские владения, шли непосредственно в центральную казну.

Все это вместе с помощью такого мощного союзника, как Венецианская республика, позволяет Джан Галеаццо не только справиться с экономическими затруднениями, но и выступить настолько во всеоружии, что новый маркиз Феррары Альберто д'Эсте (как и властитель Мантуи Франческо Гонзага) примиряется с Миланом и едет на поклон в Падую.

Так как Флоренция явно не намерена активно вмешиваться в конфликт на северо-востоке полуострова, достаточно от нее отдаленном, то Падуя оказывается совершенно изолированной перед лицом грозных врагов. В июне 1388 г. Милан и Венеция объявляют войну Падуе. Силы явно не равны, и Франческо Каррара понимает это. Он отрекается от престола, передавая его своему сыну Франческо Новелло. Новый правитель тщетно

пытается примириться с Венецией, все его мирные предложения натываются на решительный отказ республики. Не помогают и предложения посредничества, исходящие от императора Венцеслава, эрцгерцога Альберта Австрийского и Флоренции, — союзные армии неудержимо движутся к Падуе.

Окруженный со всех сторон, лишенный пищи и питья город не может долго бороться. Франческо Новелло сдается и вместе с отцом едет в Павию договориться с победителем. 24 ноября 1388 г. миланские войска вступают в Падую.

Немедленно после этого в городе происходит восстановление коммунальных учреждений, избирается делегация для отправки в Павию, чтобы предложить верховную власть в городе Джан Галеаццо. Примерно то же происходит в Вероне, Бассано, Фельтре и Беллуно. Согласно условиям договора Тревизо и Ченедо переходят в состав венецианских владений. Само собой понятно, что восстановление коммунального строя в городах, подчинившихся Милану, было чисто формальным, фактически они стали органической частью государства Джан Галеаццо и в результате этого вскоре стали клониться к упадку, неизбежно связанному с злоупотреблениями и эксплуатацией его бюрократического режима.

Но это не было видно современникам, зато им был ясно виден поразительный и быстрый успех нового государя Милана, повергший в великий страх его ближайших соседей — Мантую, Феррару и особенно более далекую Флоренцию, правительство которой после ряда заседаний и совещаний решает принять меры к подготовке обороны от растущей миланской мощи. «Пришел час, чтобы елей был в светильниках», — говорит один из ведущих политических деятелей республики.⁴⁸

Основной задачей Флоренции является не допустить распространения влияния Милана на Болонью, союз с которой, и притом свободной и самостоятельной, мог надежно гарантировать северную границу республики, находившуюся в опасности после падения Вероны и Падуи.

Джан Галеаццо, несмотря на свои успехи, не решается на обострение отношений с Флоренцией, столь нужной для экономического процветания его государства, и потому действует осторожно, стараясь завязать связи с мелкими тиранами Романьи, и в первую очередь с самым сильным из них — Карло Малатеста, властителем Римини, Чезены, Пезаро и Фано, с тем, чтобы, подчинив их своему влиянию, приступить к окружению Болоньи и изоляции Флоренции.

Уже с самого своего вступления на престол и особенно во время войны за Падую он старается завязать тайные связи с коммунарами Средней Италии, сплотив в них тех, кто опасался усиления Флоренции, и получить в каждой из них надежных сторонников, а иногда и просто платных агентов.

В Болонье, главном объекте вожделений Джан Галеаццо, все

громче раздаются голоса о необходимости опасаться Флоренции, причем голоса эти, как полагают в самой Флоренции, инспирированы из Милана.

В Пизе происходит изменение профлорентийской политики правительства Пьетро Гамбакорта: антифлорентийская партия подымает голову, причем особую активность проявляет прямой агент Милана, секретарь Гамбакорта — Якопо д'Аппиано.

Сиена, находящаяся в конфликте с Флоренцией из-за маленького городка Монтепульчано, находится в контакте с Джан Галеаццо, который, однако, для видимости декларирует свое стремление примирить враждующие республики.

С Перуджей ведутся вызывающие опасения во Флоренции переговоры о поддержке миланской политики.

Наконец, в самой Флоренции обнаруживаются преступные связи одного из видных политических деятелей — Бонаккорсо ди Лапо Джованни с Висконти.

Со своей стороны и флорентийская дипломатия ищет союзников в Болонье, ведет переговоры с Равенной, Фаэнцой и Имолой, посылает послов в Савойю и Геную.

Все это делает политическую обстановку в Центральной и Северной Италии достаточно напряженной. Но в этой обстановке, казалось бы, благоприятной для дальнейших агрессивных действий, Джан Галеаццо, ослабленный двумя, хотя и успешными, но стоившими ему немало, войнами и нуждающийся во времени, чтобы восстановить силы и освоить свои захваты, предпочитает выжидать и дипломатическим путем подготавливать почву для новых захватов.

Понятно, что когда в конце 1388 г. к нему обращаются заговорщики, подготавливающие столь для него выгодный переворот в Болонье, он отказывает им в помощи. Понятно также, что одновременно (декабрь 1388 г.) он посылает во Флоренцию полномочного посла, предлагающего немедленно начать переговоры об улучшении отношений и заключении договора о ненападении (*ad se non offendendum*).

Не считая возможным отказаться от такого предложения, Флорентийская республика в феврале 1389 г. посылает двух своих послов в Павию.

В переговорах здесь участвуют, кроме Флоренции, Болоньи и Милана, играющих главную роль, послы Сиены, Перуджи, Лукки, Римини, Урбино, Феррары, Мантуи, т. е. всех скольконибудь значительных государств Северной и Центральной Италии.

Несмотря на соблазнительность и кажущуюся бесспорность предложений Милана, на конференции сразу же намечаются разногласия между ним и Флоренцией. Джан Галеаццо выдвигает пакт о ненападении, флорентийские же послы в точном соответствии со своими инструкциями настаивают на более решительном и активном пакте о взаимопомощи (*ad defensionem*).

statum). Джан Галеаццо предлагает установить границу — территория Модены и река Серкьо, по которой будут размежеваны сферы влияний. Флоренция же требует отказа Милана от вмешательства в тосканские дела. Джан Галеаццо предлагает изгнать из Италии кондотьеров и отказаться от их применения, **Флоренция же, слишком зависящая от них и как раз ведущая** переговоры с Джоном Гауквудом (мужем внебрачной дочери Бернабо Висконти и другом его сына Карло) о кондотте, не может принять это предложение.

После нескольких недель совещаний миланской дипломатии удается настоять на своем — составлен проект решения, в основном совпадающий с предложениями Джан Галеаццо. Послы посылают этот проект на утверждение своим правительствам.

Во Флоренции этот проект вызывает возмущение податливостью своих послов, и в начале апреля 1389 г. республика посылает добавочно двух уполномоченных. Но и последним не удается добиться каких-нибудь успехов. В конце мая послы Флоренции и Болоньи ни с чем покидают Павию, что же касается представителей других стран, то они, не смея перечить могущественному властителю Милана, покорно подписывают соглашение об охране мира на условиях, предложенных им 28 мая, причем особо оговаривается, что если Флоренция и Болонья, отказавшиеся от этих условий, позже захотят принять их, то смогут это сделать.

Несмотря на это и на попытки примирения Флоренции и Милана, предпринимаемые тираном Пизы Пьетро Гамбакорта, положение продолжает оставаться напряженным. Флорентийская республика открыто готовится к войне, и ее кондотьер Джон Гауквуд занимает военные пункты на границе. В свою очередь, Джан Галеаццо, до этого воздерживавшийся от прямого вмешательства в тосканские дела, посылает отряд на помощь главной противнице Флоренции — Сиене. Войска Гауквуда и милано-сиенские стоят друг против друга, иногда доходя до стычек. Вспомогательные миланские отряды направляются также в Умбрию и Романью.

Флоренция судорожно старается найти союзников в готовящейся войне. Франция, где как раз заканчиваются приготовления к браку Валентины Висконти, не реагирует на запросы Флоренции. Венеция и Генуя также не проявляют никакого особого беспокойства.

Пьетро Гамбакорта делает еще одну попытку примирить враждующие стороны — в Пизе собирается новая конференция, которая 9 октября 1389 г. достигает даже соглашения о мерах, необходимых для сохранения мира, но остановить уже подготовленную войну это декларативное соглашение не может.

В конце октября 1389 г. Джан Галеаццо изгоняет всех флорентийских и болонских граждан из своих владений, так как они, якобы, покушаются на его жизнь. Заключив добавочные воен-

ные соглашения с Сиеной и Перуджей, Джан Галеаццо в конце апреля 1390 г. объявляет войну Флоренции и Болонье. То же делают его верные сателлиты Альберто д'Эсте (Феррара) и Франческо Гонзага (Мантуя). Франция и Савойя поддерживают Милан. Флоренция же может надеяться только на помощь герцога Стефана Баварского, врага Джан Галеаццо и старого своего союзника.

Учитывая явное превосходство своих сил, Джан Галеаццо начинает военные действия. Его армия, возглавляемая опытным и надежным кондотьером Якопо даль Верме, с одной стороны, и феррарские отряды — с другой, вступает в Эмилию, направляясь к Болонье. Объединенное войско тиранов Романьи совершает набег на Тоскану, стараясь отвлечь на себя силы Флоренции и помешать ей оказать помощь союзнице, которая через несколько месяцев оказывается в очень тяжелом положении.

Спасает ее неожиданная помощь с севера, охраной границы которого слишком пренебрег миланский властитель. Франческо Новелло Каррара с довольно незначительным, набранным наспех войском, в ночь на 19 июня подходит к Падуе и, восторженно встреченный населением, захватывает ее. Почти одновременно в Вероне вспыхивает восстание, правда, плохо подготовленное и потому потопленное в крови. Получив об этом сведения, Якопо даль Верме оставляет осаду Болоньи и движется на север, где встречается с новым врагом — Стефаном Баварским, перешедшим Альпы с довольно внушительными силами. Франческо Новелло, окрыленный успехом, бросается к Ферраре и принуждает Альберто д'Эсте прекратить военные действия.

Кампания складывается явно не в пользу «графа доблести», который со свойственной ему быстротой понимает это и переходит к другим способам обороны. Подкупленный миланским золотом Стефан Баварский выходит из игры, что не мешает, однако, флорентийским и болонским войскам под командованием Джона Гауквуда сконцентрироваться в Падуе и готовить нападение на вражескую столицу — Милан. Непокойно и на восточной границе последнего — ожидается нападение французских отрядов графа Жана д'Арманьяка, брата жены главного врага Джан Галеаццо — сына Бернабо — Карло Висконти.

Положение Милана становится очень тяжелым. Подчиненные города волнуются, да и в самом городе раздаются голоса недовольных. Остро необходимы солдаты и деньги, причем последние становится все труднее добывать у совершенно истощенных подданных. Приходится под благовидными предлогами продать Генуе за 22 тыс. дукатов город Серавалле и заложить Франческо Гонзага за 50 тыс. дукатов Остилию и Азолу, а также несколько крепостей на Брежанской границе.

Новая и достаточно внушительная миланская армия собирается в Лоди, для выступления против Гауквуда ждут только вспомогательных французских отрядов. В июне 1391 г., не до-

ждавшись их, как не дождалось и флорентийцы подхода уже переваливших через Альпы солдат графа Арманьяка, оба войска движутся навстречу друг другу. Однако дело ограничивается незначительными стычками, и Гауквуд приказывает отступить. Якопо даль Верме во главе миланских войск не преследует его, а подходит к Александрии, где встречает спешащие на помощь врагу отряды Арманьяка и наносит им 25 июля 1391 г. решительное поражение.

Стремясь использовать свою победу, миланские войска направляются к Флоренции, но на пути встречают нетронутую армию Гауквуда и вынуждены отступить в свою очередь. Тогда Джан Галеаццо пытается задушить Флоренцию блокадой, запирая устье Арно у Пизы генуэзскими кораблями и окружая город с суши. Но в начинающиеся осенние дни войска осаждающих страдают не меньше, чем осажденные, и миланский властитель начинает мирные переговоры в Генуе (сентябрь 1391 г.). 20 января 1392 г. были опубликованы мирные условия: Франческо Новелло Каррара сохраняет Падую, но уступает Милану значительную часть своих прежних владений (Бассано, Фельтре, Беллуно) и соглашается платить ему ежегодно 10 тыс. флоринов. В Тоскане сохраняется статус-кво, причем Флоренция сохраняет Монтепульчано, а Сиспа — Лучиньяно. Действия кондотьерских отрядов строго ограничиваются.

Мир был непрочным, но это все-таки был мир. И Милану, в достаточной степени потрепанному длительной и безрезультатной войной, необходимо было им воспользоваться. Миланский хронист Корио оценивает расходы своей страны на войну в 2 млн флоринов и сообщает, что финансовые тяготы населения к концу ее напоминали худшие времена Бернабо Висконти. Кроме обычных прямых обложений, неоднократно повторяющихся в течение войны, 3 ноября 1391 г. издается указ о займе (по флорентийскому образцу), по которому будут выплачиваться 10% годовых.⁴⁹

Менее удачной оказывается попытка снизить реальную ценность монеты при сохранении ее номинальной ценности. Это мероприятие приводит к подъему цен и экономической дезорганизации и потому вскоре отменяется.

Подобные финансовые мероприятия проводятся «министром финансов» миланского правительства, или, по терминологии того времени, Генеральным распределителем доходов (General Maestro delle Entrate) Никколо Диверси да Лукка. Ему помогают падуанский богач Милано Малабарба, ставший советником Джан Галеаццо по техническим вопросам, и банк Борромей — ведущая фирма Милана в течение всего XV столетия. Последовательно проводимая хитроумная и изобретательная финансовая политика вообще является одной из отличительных особенностей правления Джан Галеаццо.

Между тем пока Милан залечивает раны, нанесенные вой-

ной, в стане его врагов идет активная работа по объединению и подготовке к возможным новым столкновениям. 11 апреля 1392 г. заключен союз между Флоренцией и Болоньей — главными врагами Джан Галеаццо — и Феррарой, Падуей, Имолой, Фазэнцой и Равенной для взаимопомощи против любого нападения, конечно, в первую очередь со стороны Милана.

1 сентября к союзу, известному в то время под названием «Болонская Лига», примыкает и ранее бывший верным союзником Милана властитель Мантуи Франческо Гонзага. Таким образом, к концу 1392 г. международное положение Милана оказывается довольно плачевным: он со всех сторон окружен врагами, причем самую активную роль среди них играют его недавние сателлиты — Падуа, Феррара и Мантуя. Весьма важным является также то, что формально провозглашающая свой непреклонный нейтралитет Венеция фактически поддерживает Болонскую лигу и делает все возможное для ограничения опасного для нее могущества Милана. Не вполне удачно для последнего складывается ситуация на его южной и западной границах. Если Сиена сохраняет с ним дружественные отношения, то Перуджа подчиняется римскому папе и таким образом перестает поддерживать Милан. Ухудшаются также отношения Милана с Генуей. Единственной, но зато крупной удачей Джан Галеаццо в этой обстановке был происшедший 22 октября 1392 г. переворот в Пизе. Многолетний друг и союзник Флоренции и властитель города Пьетро Гамбакорта и его два сына погибли во время этого восстания, и главой правительства стал тесно связанный с Миланом секретарь бывшего господина города Якопо д'Аппиано. Правда, он сохраняет видимость хороших отношений с Флоренцией, но фактически ведет политику полностью в миланских интересах.

Это фактическое подчинение Пизы Милану ясно обнаруживается, когда вскоре после переворота тайно, небольшими группами по 10—12 человек в Пизу входит отряд миланских войск якобы для охраны города и нового порядка, в действительности же для того, чтобы держать в руках весьма ненадежного Аппиано. Миланский гарнизон принимает и Сиена. В Перудже, главном центре Умбрии, устанавливается господство энергичного и властолюбивого кондотьера Бьордо Микелотти, долго служившего в миланских войсках и поддерживающего тесные связи с Джан Галеаццо, хотя не ссорящегося и с Флоренцией.

Да и миланский властитель демонстрирует наилучшие отношения с могущественной республикой на Арно. Но и с той и с другой стороны это только маскировка: взаимное недоверие и боязнь — настоящая основа отношений между ними. Это проявляется во всякого рода махинациях дипломатического и оборонного характера. Так, Джан Галеаццо пытается, правда неудачно, отвести в новое русло реку Минчо и тем нанести серьезный ущерб Мантуе и ее властителю Франческо Гонзага. Пытается

он также, и опять-таки неудачно, вмешаться во внутреннюю борьбу, связанную со смертью маркиза феррарского Альберто д'Эсте (июль 1393 г.) и установлением регенства при его 9-летнем сыне Никколо. Однако все эти интриги и махинации недостаточны для обеспечения твердого положения Милана в Северной Италии, не говоря уже об улучшении этого положения за счет соседей, о чем, несомненно, мечтает «граф доблести». Поэтому последний усиленно старается получить помощь и поддержку из-за Альп — в первую очередь от Франции, с которой он связан браком своей дочери. Однако все попытки заставить Францию, уже впутанную в итальянскую политику через схизму и через анжуйские претензии на Неаполь, реальными силами поддержать Милан в его агрессивных намерениях ни к каким результатам не приводят.

Обращается миланский властитель также к империи и ее отдельным князьям. Он старается удержать наиболее опасных из них — эрцгерцога Австрийского и герцога Баварского от союза с государствами Болонской лиги. К императору Венцеславу прибывает (февраль 1394 г.) специальный посол «графа доблести» — епископ Новары Пьетро да Кандия. Задача его весьма нелегка — император тесно связан с «болонцами» и стремится сохранить эти связи и обеспечить себе помощь лиги в подготовляемом им коронационном походе в Италию. Однако и Флоренция, и Венеция относятся более чем холодно к этому походу и к тому же оказывают малую поддержку императору в его борьбе с внутригерманской оппозицией, возглавляемой братом императора Сигизмундом. Зато Джан Галеаццо согласен на все, дает любые обещания, сулит военную и финансовую поддержку. Взамен он требует немногого: отказа от помощи Болонской лиге и, главное, утверждения за собой титула «герцог Милана» — титула, которого добивались в течение столетия его предки.

Переговоры идут медленно, но постепенно Пьетро да Кандия добивается своей цели. В январе 1395 г. Джан Галеаццо демонстративно вводит в свой фамильный герб имперского орла, а в мае того же года за громадную по тому времени сумму в 100 тыс. флоринов получает столь желанный для него имперский указ. «Граф доблести» сменяет этот достаточно жалкий и номинальный титул на узаконенный титул — герцога Миланского.

Это большой успех, и Джан Галеаццо не жалеет средств для того, чтобы всячески его подчеркнуть и разрекламировать. 5 сентября 1395 г. на площади Сант Амброджо в Милане, в самом центре города, происходит торжественная церемония вручения знаков герцогского достоинства имперскими уполномоченными. Прибывшие на празднество представители всех государств Италии принесли новому герцогу поздравления, затем последовала пышная джостра и народное гулянье. Всей Италии ясно, что миланский властитель превратился из тирана и захватчика влас-

ти в законного государя, получил право выступать наравне с королями Франции, Англии или Неаполя.

Внутри Миланского государства новый титул должен был играть не меньшую роль, укрепив власть Висконти, обосновав право последних на активное вмешательство во все дела на местах, и Джан Галеаццо не медлит этим воспользоваться. Он вырабатывает и публикует (1396 г.) новые статуты Милана и других городов, входящих в состав герцогства. Кроме того, издается ряд указов, одни из них окончательно подчиняют центральной власти все еще непокорную феодальную знать, другие определяют меры по охране здоровья и благополучия граждан. Большое внимание уделяется развитию культуры. Основывается университет в Павии, куда приглашаются крупные профессора, также закладывается (1396 г.) большой и роскошный картезианский монастырь, знаменитая Чертоза, принимаются меры к ускорению постройки миланского собора. Ведется переписка с виднейшими гуманистами Италии, начиная с флорентийского канцлера Колуччо Салутати; греческий ученый Мануил Хризолор приглашается в университет Павии. Растет богатая герцогская библиотека, для украшения рукописей которой приглашаются виднейшие художники-миниатюристы.

Сам 44-летний герцог, толстый, бледный и неподвижный, почти не покидает своей любимой Павии. Все дела он решает вместе со своими доверенными советниками: церковником Пьетро да Кандия, политиком Никколо Спинелли, военным Якопо даль Верме и финансистом Никколо Диверси. Связь его с внешним миром чаще всего осуществляется через секретарей — Пасквино Савелли, а с 1395 г. Франческо Барбавара.

Этот небольшой двор и помогает Джан Галеаццо справляться с теми часто весьма серьезными трудностями, которые вызваны разорением его государства и особенно сложным и запутанным международным положением. Слабость императора Венцеслава и стремление его брата, венгерского короля Сигизмунда, захватить корону, безумие французского короля Карла VI и борьба за власть при его дворе, схизма, и, наконец, появление на политическом горизонте такой крупной фигуры, как Владислав Неаполитанский, — все это заставляло новоиспеченного герцога постоянно хитрить, изворачиваться для того, чтобы не только не попасть впросак, но и использовать политическую ситуацию в своих интересах.

Опираясь на раздоры в Империи, он добивается получения в дополнение к своему герцогскому еще титулов графа Павии и Анжеры, заключает союз со своим потенциальным конкурентом по претензиям на господство в Италии — Владиславом и с весьма нужной ему Генуей. Опираясь на эти союзы, он мечтает использовать неустойчивое положение в арагонской Сицилии и захватить власть над этим островом, что, может быть, принесет ему и королевскую корону.

Но этим мечтам не суждено было осуществиться. Непосредственные границы Миланского герцогства не могли не привлекать его внимания в первую очередь, а сил было явно недостаточно для того, чтобы бороться и за север и за юг Италии.

На севере же основные усилия Джан Галеаццо направлены на то, чтобы разбить Болонскую лигу, оторвав от нее возможно большее количество членов. До некоторой степени это ему удастся: между Флоренцией и поддерживающей ее Феррарой, с одной стороны, и Болоньей с Равенной — с другой, начинается ссора из-за небольшого, но важного в стратегическом отношении местечка Кастрокаро (около Форли). Тайно поддерживаемые Миланом, кондотьерские отряды Джованни да Барбьяно от имени Делла Полента, властителей Равенны, нападают на феррарскую территорию. Одновременно и с Феррарой ведутся переговоры о поддержке ее стремлений к освобождению от гегемонии Венеции. Эти незаметные и в общем незначительные успехи сводятся на нет значительной дипломатической победой враждебного лагеря: 29 сентября 1396 г. в Париже, в результате сложных придворных интриг и вражды орлеанской (промиланской) и бургундской (антимиланской) партий, заключен договор между Францией и Флоренцией. Срок договора — 5 лет, его задача — взаимная военная помощь против возможной миланской агрессии и раздел излишне разросшихся территорий Миланского герцогства.

Франция определенно занимает враждебную позицию, и Джан Галеаццо решает не ждать, пока его усилившиеся враги нанесут ему первый удар, а самому выступить первым. Он с большой быстротой еще раз проверяет и укрепляет свои связи с союзниками — Феррарой и Болоньей, мобилизует свои силы и силы своих сателлитов — Перуджи, Урбино, Сиены и Пизы и раньше, чем французские войска успевают начать военные действия, нападает на территорию Флоренции. Однако это нападение, сводящееся к ряду мелких набегов кондотьерских отрядов, возглавляемых Альберико да Барбьяно, является не более чем диверсией. Основным объектом является Мантуя, на которую обрушиваются в марте 1397 г. главные миланские силы под командованием Якопо даль Верме. Но нападение не оказывается неожиданным, встречает решительное сопротивление и не дает почти ничего — бои идут долго и с переменным результатом до осени 1398 г. Впрочем, и это было некоторым успехом для Милана, так как Франция не выступает и он не оказывается между двумя огнями. Правда, и его попытка втянуть в войну императора Венцеслава (все еще подготавливавшего свой коронационный поход в Италию) и, воспользовавшись этим, превратить Миланское герцогство в герцогство Ломбардию, оканчивается ничем.

Война остается чисто итальянской и, как обычно, сочетается с активной дипломатической деятельностью, сводящейся к стрем-

лению обеих сторон оторвать от врага его союзников. В этой обстановке особое значение приобретает позиция оставшейся долго нейтральной Венеции. Последняя сначала пытается примирить враждующие силы, но затем, когда ни одна из них не обнаруживает желания идти на уступки, сама вступает в конфликт на стороне врагов Джан Галеаццо, более для нее опасного. 21 марта 1398 г. подписано соглашение о вступлении Венеции в антимиланскую коалицию.

Сразу же после своего вступления Венеция активизирует военные действия — вводит значительные вооруженные силы, готовится нападение с двух сторон на Милан и вообще становится ведущей в лиге. Это резко ухудшает положение Джан Галеаццо; его враги как вне Италии, так и внутри ее ждут в ближайшем времени его разгрома и всячески содействуют этому разгрому.

Но ожидания их оказываются жестоко обманутыми: миланский властитель в этом тяжелом для него положении обнаруживает блестящие качества политика-дипломата. Он завязывает тайные переговоры с Венецией, которая должна была нанести ему решительный удар, и с Мантуей, из-за которой, собственно, и разгорелась война. Его цель — договориться с ними за счет Флоренции и ее тосканских союзников — базируется на коренном и традиционном противоречии интересов Венеции и Флоренции.

В апреле 1398 г. в Павии ведутся активные, хотя и секретные переговоры, а 11 мая здесь же подписано перемирие на 10 лет между Миланом, Венецианской республикой и Гонзага. Без малейших потерь для Милана разрешаются этим договором территориальные споры на восточной границе Миланских владений, Флоренция же и ее союзники остаются ни при чем.

Прекращение военных действий было остро необходимо Джан Галеаццо, так как финансовое положение его государства в течение крайне разорительной и мало результативной войны стало исключительно тяжелым. Миланский хронист Корио сообщает, что во время этой войны только экстраординарных налогов было собрано на 800 тыс. флоринов — сумма поистине гигантская. Были прекращены строительные работы по миланскому собору и Чертозе в Павии.⁵⁰ Города Миланского герцогства сообщают в центр о том, что они находятся на грани банкротства; при этом, как пишет в своей жалобе Павия — второй город государства, неимущие жители города, разоренные непосильными налогами, вынуждены покидать свои дома, в то время как богатые не платят ничего.⁵¹ Утруждать налогами ведущих купцов и ремесленников герцог опасался, так как постоянно нуждался в их помощи и поддержке. С бедняков же можно было драть три шкуры. Характерно, что изданное в 1392 г. распоряжение о том, что лица, доход которых ниже определенного уровня, не должны обременяться экстраординар-

ными налогами, затем в ходе войны отменяется, что приводит к обескровливанию значительной части территории герцогства.⁵² Только с величайшим трудом, хитроумно противопоставляя интересы одних интересам других, герцогу удается удержать порядок и единство в своем государстве.

Заключение перемирия в Павии улучшило как внутреннее, так и внешнее положение Милана. Мелкие тираны Романьи заискивают перед его властителем. Болонская лига распадается, союз между Флоренцией и Францией ликвидирован, Венеция нейтральна. Авторитет Джан Галеаццо велик, как никогда. И он использует этот авторитет для подготовки новой борьбы с наиболее опасным и непримиримым своим врагом — Флоренцией. Возможно, что в порядке этой подготовки герцог производит изменения в составе своих ближайших помощников. Многолетний секретарь Пасквино Савелли обвинен в измене и казнен; руководитель финансовой части Никколо Диверси арестован, но бегством из тюрьмы спасает свою жизнь. Зато необычайно возрастает влияние «канцлера» Франческо Барбавара, остающегося в последующие годы правой рукой герцога.

Сразу же после перемирия, заключенного в Павии, обнаруживается антифлорентийское острие новой политики Джан Галеаццо — он занимает часть Луниджаны и в первую очередь дорогу, ведущую через Апеннины из Ломбардии в Тоскану, из Понтремоли в Сарцану. Попытки владельцев этих земель, членов феодальной семьи Маласпина, помешать этому захвату оказываются безрезультатными. Зато в Ломбардии Джан Галеаццо ведет примирительную политику: еще теснее сближается с Франческо Гонзага, завязывает дружественные связи с Никколо д'Эсте, отказывается от враждебных действий по отношению к Каррара. Но наибольшее значение для миланского правительства имели взаимоотношения с Болоньей. Здесь, по-видимому, не без участия Милана, происходит попытка переворота, правда, не дающая результата. Кондотьер Джованни да Барбьяно, пытавшийся поддержать ее, но не успевший этого сделать, арестован и казнен. Тогда его брат — кондотьер Джан Галеаццо — Альберико да Барбьяно, формально получив отпуск у своего повелителя, подходит со своими войсками к Болонье. Здесь в это время свирепствует чума, которая уносит многих руководителей политической жизни города и облегчает Альберико возможность поставить во главе его промиланскую партию, т. е. фактически включить Болонью в сферу миланского влияния.

Само собой разумеется, что Флоренция пытается протестовать против этого, но натывается на уверения в том, что миланский герцог тут ни при чем, что болонская авантюра — личное дело Альберико да Барбьяно, осуществляющего семейную месть (вендетту) за брата. В то же время дипломатия Джан Галеаццо стремится оторвать от Флоренции те города и местности, которые входят в ее владения только в результате насилия,

а таких немало. Так, в мае — июне 1398 г. под влиянием этих интриг выходит из подчинения феодальная семья графа Убертини, владеющая Баньо, Палаццуоло и Модильяно, и граф да Баттифолле, владелец Поппи. Напрасно Флоренция направляет Венеции как арбитру протест против коварных действий герцога; ей приходится самой взяться за оружие для подчинения непокорных, а это стоит ей немало сил и средств.

Следующим шагом миланского герцога было увеличение своей власти в Пизе, важнейшем форпосте в борьбе за Тоскану. Этому помогает смерть его многолетнего союзника, но в то же время коварного и самостоятельного политика Якопо д'Аппиано (сентябрь 1398 г.). Сын его Герардо д'Аппиано полностью подчиняется Милану, сразу же обнаруживая свою слабость. Воспользовавшись недовольством, вызванным в городе неумелой политикой нового тирана, Джан Галеаццо вводит в Пизу значительные вооруженные силы и одного из своих верных сотрудников — Антоньелло Порро. 21 января 1399 г. Герардо торжественно проезжает через улицы города во главе миланских войск и, опираясь на них, уничтожает старую коммунальную конституцию Пизы, объявляя себя единоличным властителем. Но ненадолго. Уже через несколько дней он продает эту «неограниченную власть» Милану за 200 тыс. флоринов. 19 февраля Антоньело Порро принимает от имени Джан Галеаццо управление городом. Новый властитель тотчас же восстанавливает коммунальную конституцию, и 31 марта коммуна «свободно» приносит присягу миланскому герцогу и подписывает соглашение о методах управления. Пиза полностью входит в состав Миланских владений, что является колоссальным успехом хитроумной политики Джан Галеаццо.

Но это был только первый шаг к овладению Тосканой. Следующий был сделан в отношении Сиены. Последняя, несмотря на нахождение в ней миланского гарнизона, пыталась вступить в переговоры с Флоренцией, но условия, поставленные ее могущественной и властолюбивой соседкой, были таковы, что Сиена еще теснее сближается с Миланом и идет по пути, показанному Пизой. 6 сентября 1399 г. Генеральный совет Сиены принял решение о передаче верховной власти над городом Джан Галеаццо. Условия, на которых происходит эта передача, повторяют пизанские. И там, и здесь формально сохраняются старые коммунальные институты: во главе стоят в Пизе — анцианы, в Сиене — приоры. Верховными же представителями исполнительной власти являются уполномоченные Джан Галеаццо, и они-то именно и распоряжаются всем реально, не прибегая к силе, не строя укрепленных замков, соблюдая и охраняя привычную терминологию и республиканскую видимость и даже не порывая якобы дружественных отношений с Флоренцией.

Последней приходится временно примириться с создавшимся весьма для нее невыгодным положением, но она принимает все

меры к тому, чтобы задержать дальнейшее распространение власти своего могущественного врага. В первую очередь это относится к Перудже, где после убийства в марте 1398 г. тирана Бьордо Микелотти положение было весьма неустойчивым. Стремясь сохранить свою независимость по отношению к папе, во владения которого она формально входила, Перуджа, несмотря на все предупреждения Флоренции, вступает в переговоры с Джан Галеаццо. Вскоре (лето 1399 г.) в Перуджу прибывает один из тайных агентов миланского герцога — Джованни Кане, и уже в ноябре того же года Пьетро Скровеньи принимает власть над городом от имени миланского герцога. 21 января 1400 г. Перуджа открыто и официально подчиняется Милану.

Таким образом, в течение нескольких месяцев Джан Галеаццо становится властителем трех крупнейших городов, со всех сторон окружающих его главную противницу — Флоренцию: Пизы, Сиены и Перуджи, за которыми без особых усилий следует ряд более мелких: Ассизи, Сполето, Ночера. Но и этого недостаточно властолюбивому герцогу. Он делает, правда, неудачную попытку завладеть Кортоной, а когда в феврале 1400 г. происходит в Лукке убийство некоронованного властителя ее Ладзаро Гвиниджи, своими вооруженными силами помогает сохранить власть в своих руках его племяннику Паоло Гвиниджи и завязывает с ним связи, ставящие и Лукку, если не в прямое подчинение, то во всяком случае в зависимость от Милана.

Все эти успехи завершаются заключением и провозглашением 21 марта 1400 г. окончательного мира между Миланом и лигой. Выработанные в результате секретных переговоров между Джан Галеаццо и Венецией условия этого мира, заключенного против воли и несмотря на решительные протесты Флоренции, были определенно выгодны для Милана и закрепляли его господствующее положение в Северной и в значительной мере в Центральной Италии.

Рост могущества Джан Галеаццо усилил и без того значительные опасения, которые питали по отношению к герцогу с первых его шагов соседи Милана как внутри Италии, так и вне ее. Папа Бонифаций IX пытается сколотить против Милана лигу из Флоренции, Неаполя и Рима, хотя побаивается делать это открыто.

В Империи 20 августа 1400 г. курфюрсты смещают слабого и податливого императора Венцеслава, продавшего, по их мнению, незаконно герцогский титул Джан Галеаццо, и избирают на его место Рупрехта Пфальцского, который вскоре с помощью Флоренции начинает подготовку к походу в Италию, явно направленному в первую очередь против Милана. Это заставляет Джан Галеаццо принять серьезные меры оборонительного характера: укрепить границы, собрать большие вооруженные силы и направить их на север, в пункты, в которых можно было ожидать появления войск Рупрехта.

Одновременно миланский герцог хитроумными дипломатическими махинациями пытается ослабить международное положение нового и поддержать старого императора. Он ведет успешные переговоры с германскими князьями, а также с Арагоном, Савойей и особенно Францией, выдвигая проект двойного брака — сына Джан Галеаццо — Джованни Мария с дочерью Карла VI, и второго его сына Филиппо Мария с внучкой герцога Бургундского. Результатом всех этих комбинаций является ослабление позиций Рупрехта Пфальцского, который, несмотря на это, 25 сентября 1401 г. начинает свой поход в Италию.

Но войско, с которым совершает поход новый император, незначительно, плохо оплачено и плохо организовано. Итальянская вспомогательная армия под командой старого врага Милана Франческо Каррара также явно недостаточна. Попытки поднять восстание в северных областях Италии не дают результатов. Имперские войска 21 октября занимают позицию под стенами хорошо укрепленной Бреши. Здесь происходит битва, кончающаяся поражением германцев, в лагере которых начинаются раздоры, завершающиеся сначала уходом части войск, а затем (в середине апреля 1402 г.) возвращением в Империю и самого Рупрехта с жалкими остатками его армии.

Даже не вступив в войну, Джан Галеаццо одержал немалую победу, что дает ему возможность вернуться к своим агрессивным планам. Планы эти касались теперь в первую очередь Болоньи, овладение которой окончательно сделало бы Милан хозяином Центральной Италии.

Применяя свой обычный метод, Джан Галеаццо пользуется внутренними распрями в Болонье и, поддерживая феодальную группировку города, возглавляемую Джованни Бентиволью в ее борьбе с демократическими элементами с Нанни Гоццадини во главе, добивается того, что в марте 1401 г. Бентиволью захватывает власть. Немедленно в Болонью прибывает доверенный Джан Галеаццо, Пьетро Корте, предлагающий заключение тесного союза. Однако Бентиволью оказывается хитрее, чем предполагал миланский герцог, он ограничивается вежливыми отговорками и в то же время ведет переговоры с Флоренцией и Венецией, стараясь сохранить свободу действий.

Обманутый Джан Галеаццо прибегает ко второму из своих излюбленных средств. Его главный кондотьер «великий коннетабль» Альберико да Барбьяно, якобы от своего имени и в своих личных интересах, вторгается на болонскую территорию. Одновременно в Павию прибывает Нанни Гоццадини — враг и политический противник Бентиволью — и ведет там переговоры о поддержке своей партии.

Поход Рупрехта Пфальцского задерживает осуществление миланских планов, но как только германские войска исчезают из Италии, планы эти опять оказываются в центре внимания.

Заручившись поддержкой Мантуи и Римини, Джан Галеаццо

приступает к инженерным работам, имеющим целью отвести воды Бренты в другое русло и тем поставить Болонью в тяжелое положение. Напрасно Венеция пытается дипломатическим путем заставить его отказаться от завоевательных планов — подготовка к захвату Болоньи идет своим чередом, чему не мешают торжественные миролюбивые декларации герцога. По прямому указанию из Милана в марте 1402 г. Римини (Малатеста) объявляет войну Болонье, в апреле то же делает Мантуя (Гонзага), а в мае миланская армия подходит к болонской территории, правда, опять-таки не под миланским знаменем, а под руководством и от имени «великого коннетабля» Альберико да Барбьяно. В начавшейся войне Джан Галеаццо официально не участвует, но фактически он стоит за спиной армии, стремящейся захватить Болонью, так же как Флоренция — за спиной последней.

В битве при Казалеккьо, недалеко от Болоньи, войско Джованни Бентивольо было разбито наголову, и самому ему едва удалось спастись за стенами города. В ту же ночь здесь происходит восстание. Изгнанники, находившиеся при миланской армии, входят в гостеприимно открытые восставшими ворота. 28 июня Бентивольо свергнут, и объявлена свободная коммуна, что как первый этап вполне устраивает Джан Галеаццо. Затем же, воспользовавшись обычной борьбой за власть, разгоревшейся в городе, миланские войска по призыву более демократической партии Гоццадини входят в Болонью. Джан Галеаццо объявлен сеньором города, правителем же от его имени назначается Пандольфо Малатеста. Этот военный переворот получает юридическое оформление в июле того же 1402 г.: коммуна официально передает власть над Болоньей миланскому герцогу.

Этот громадный успех, окончательно закрепивший господствующее положение Милана не только в Северо-Западной, но и в Центральной части Италии, вплотную подвел Джан Галеаццо к проблеме создания и на Апеннинском полуострове сильного централизованного государства — проблеме, к разрешению которой в южной части полуострова стремился Владислав Неаполитанский. Как тот, так и другой властитель понимал, что в обстановке объединяющихся в могущественные политические образования соседних государств, окружающих Италию, было естественным и необходимым и ей идти по тому же пути и всеми своими силами старались не сходить с него.

Но успехи централизаторских усилий, как южного, так и северного властителей, неизбежно оборотной своей стороной имели усиление центробежных сил и стремлений, органически заложенных в неравномерности экономической и социальной природы и многовековой раздробленности Италии. Естественно, что наиболее опасным и ожесточенным противником все усиливавшегося могущества Джан Галеаццо и теперь оставался его истинный враг — Флоренция. Подготавливая решительный этап

борьбы с ней, Джан Галеаццо начинает активные дипломатические переговоры с Римом и Венецией, он стремится обеспечить себе если не прямую поддержку, то по крайней мере дружественный нейтралитет в возможном столкновении с республикой на Арно. Но с ними же ищет союза и последняя.

Принимаются все меры к тому, чтобы окружить Флоренцию непроницаемым кольцом экономической блокады и включить в это кольцо государства, пытающиеся сохранить нейтралитет, в частности Лукку и Феррару. В значительной степени это удается: для своей громадной торговли Флоренции остается открытой только весьма неудачная и ненадежная дорога через гористую Романью, что приводит город к тяжелому положению. «Наша торговля заснула, — пишет в августе 1402 г. флорентийский посланник из Рима, — потери наших купцов и города в целом неисчислимы».⁵³

После захвата Болоньи, не потребовавшего, как было показано выше, сколько-нибудь значительных затрат сил и средств, вся Италия ожидала, что свежие и значительные силы, действующие в интересах миланского герцога, сразу же обрушатся на Флоренцию. Однако этого не последовало, чем спешит воспользоваться флорентийское правительство, лихорадочно готовящееся к обороне.

Два месяца проводит в бездеятельности Джан Галеаццо, занимаясь обычными дипломатическими интригами, неизбежно возникшими в его непомерно разросшемся государстве в связи с почти непрерывными войнами и их постоянным спутником, все более тяжелым для населения налоговым прессом.

Но планы нанесения решительного удара главному врагу — Флоренции — отнюдь не оставлены. Наоборот, этого удара ждут со дня на день, но ждут напрасно. В последние дни июля Джан Галеаццо, спасавшийся от эпидемии чумы в своем охотничьем замке в Меленьяно, почувствовал себя больным. Врачи не могли ничем помочь ему, и 3 сентября 1402 г. могущественный миланский герцог, претендент на власть над всем полуостровом, умер.

Как болезнь, так и смерть герцога упорно скрывались его окружением, продолжавшим его политику, но долго сохранять такой секрет было невозможно, и через неделю вдова герцога Катерина объявляет печальную для нее новость, впрочем, уже известную в лагере врагов Милана.

Современная событиям феррарская хроника сообщает: «От смерти этого государя Джан Галеаццо пронзошел источник бедствий и разорений всей Ломбардии, произошел от разногласий и раздоров, которые начались между народами. Но пока он жил, он держал все (государство. — М. Г.) в подчинении себе, в спокойствии и мире».⁵⁴ Прекрасный некролог тирану, который вел войны в течение 15 лет своего правления, но умел сохранять, несмотря на это, мир и порядок в своем государстве, объединенном и упорядоченном больше, чем подавляющее большинство крошечных, лоскутных государств Италии. Недаром незадолго до его смерти в Италии поговаривали о том, что герцог мечтает получить от слабого и зависящего от него,

фактически смещенного императора Венцеслава железную корону ломбардских королей, в течение пяти веков украшавшую головы императоров, и что, считая осуществление этой мечты вполне реальным, он уже заказал для себя королевский наряд. Смерть помешала Джан Галеаццо осуществить свои смелые планы, разрушила значительную часть того, что ему удалось осуществить. Но в сознании его современников и ближайших потомков остался образ хитрого, осторожного и энергичного государя, поставившего перед собой грандиозную и, по-видимому, неосуществимую в то время задачу объединения Италии под властью могущественного абсолютного государя.

По завещанию Джан Галеаццо, составленному им еще в 1388 г., герцогскую корону и всю власть над Миланскими владениями наследовал его старший, 14-летний сын Джованни Мария (родился в 1388 г.), при котором до его совершеннолетия должен был управлять регентский совет во главе с его матерью Катериной. Но то ли для страховки, то ли справедливо считая своего старшего сына не слишком способным к управлению государством, Джан Галеаццо завещал второму сыну, всего лишь 10-летнему Филиппо Мария, графство Павию с большими землями, окружающими его. При этом было оговорено, что младший сын должен во всем принципиальном подчиняться старшему, но некоторый оттенок двоевластия, напоминающего феодальные порядки, это завещание вносило.

Однако как ни старался покойный герцог обеспечить прочность сколоченного им государства, в действительности все произошло не так, как он предполагал. Сразу же развалилась экономическая и особенно финансовая база этого государства, остававшегося, в сущности, феодальным, что в обстановке Италии XV в. определяло его непрочность. Казна была пуста, кондотьерам не уплачено, надо было организовать пышные похороны герцога, а жестоко собирать недоимки или вводить новые налоги было рискованно в той неустойчивой ситуации, в которой государство находилось.

Франческо Барбавара, оставшийся фактически во главе государства, делает все возможное, чтобы добыть средства обычными путями, но ему это удается весьма плохо. Минимальная сумма, которую надо было собрать сразу, составляла 150 тыс. флоринов, а между тем, даже заложив один из замков, удалось достать только 8 тыс. Правда, этой суммы оказалось достаточно для организации 20 октября похорон, соответствующих величю покойного. На катафалке, воздвигнутом в Миланском соборе, были начертаны стихи на латинском языке придворного гуманиста Антонио Лоски, в которых города, с такими усилиями захваченные Джан Галеаццо, оплакивали гибель своего «благодетеля».

А между тем на деле города эти отнюдь не оплакивали покойного, наоборот, делали все возможное, чтобы сбросить наложенное на них иго, а могущественные и всегда враждебные соседи спешили воспользоваться неожиданным исчезновением

грозного соперника. Венеция нападает на союзника Милана Падую и принуждает ее к значительным уступкам. Флоренция заключает 19 октября, за день до похорон Джан Галеаццо, союз с Бонифацем IX и захватывает часть миланских приобретений в Тоскане. В самом герцогстве поднимают голову недовольные. Правительница — герцогиня Катерина, опирающаяся на Франческо Барбавара, старается сдержать разваливающееся государство, но добивается немногого. Тогда она идет на уступки, стремясь сохранить хотя бы основную сердцевину своих владений. 6 августа 1403 г. она заключает мир с Бонифацем IX, возвращая ему Болонью и Перуджу, над приобретением которых так много потрудился ее покойный муж. Вслед за этим Сиена объявляет себя независимой и перестает выполнять распоряжения миланского правительства. Франческо Каррара пытается захватить Верону, а Пандольфо Малатеста захватывает Брешу. Осмелевшие, никем не сдерживаемые кондотьерские шайки и отдельные солдатские банды бродят по миланской территории, творя насилия и грабежи. В то же время и во внутривосточной жизни герцогства далеко не все спокойно. Против регентства, во главе которого стоит дельный, но непопулярный Барбавара, поднимается оппозиция, объединяющая всегда жаждущую ослабления власти знать и прочие неспокойные элементы. Во главе ее два отпрыска боковой линии рода Висконти — Франческо и Антонио. Последние, подчеркивая свою верность семейным традициям, принимают обветшалое, но еще не забытое прозвище гибеллинов, в то время как сторонники регентства называются гвельфами. К гибеллинам примыкают преследующие, впрочем, свои особые цели Ланчелотто и Кастеллино Беккария, претендующие на власть в родной Павии и стремящиеся сделать ее самостоятельной. Гибеллином же называет себя кондотьер покойного герцога Фачино Кане, мечтающий воспользоваться беспорядками и выкроить себе какое-нибудь самостоятельное государство из территории разваливающегося герцогства Миланского.⁵⁵

Старое деление на гвельфов и гибеллинов и неизбежно связанные с ним распри и раздоры возникают также в более мелких городах герцогства: Бреши, Комо, Кремоне, Лоди, Бергамо, Парме. При этом здесь гибеллинами называются сторонники сохранения подчинения Милану и регентству, а гвельфами — их противники. Всюду кипит борьба, льется кровь, звенят флорины и дукаты. Могущественное за несколько недель до этого Миланское герцогство на глазах распадается на мелкие куски.

В этой обстановке всеобщего крушения и развала регентство, не располагающее сколько-нибудь значительными силами, стремится сохранить, что возможно или по крайней мере примирить кого возможно. Особые усилия прилагаются к тому, чтобы договориться с ожесточенным врагом Джан Галеаццо, энергичным и воинственным Франческо Каррара и поставить его себе на

службу. После долгих переговоров 7 декабря 1402 г. в Милане заключен соответствующий договор. Сообщение о его подписании, торжественно провозглашенное, было воспринято как признак некоторого укрепления позиций регентства. В Милане установился относительный порядок, восстановили нормальную работу правительственные учреждения, и 14 декабря Джованни Мария Висконти принял в своем герцогском замке от Миланской коммуны присягу на верность по ритуалу, введенному его покойным отцом в 1396 г. Присутствие на церемонии таких видных персон, как Франческо Гонзага, властитель Мантуи, и кондотьер Якопо даль Верме, должно было усилить авторитет малолетнего герцога.

В значительной степени помогло сохранению единства Миланского государства также различие планов и намерений главных внешних врагов его — Бонифация IX и Флоренции, парализовавшее их активные действия.

Зато внутри города активные действия не заставляют себя ждать. Правда, направлены они не против Катерины Висконти и ее сыновей, а против фактического главы регентского совета Франческо Барбавары, народное происхождение, а также некоторая грубоватость и негибкость которого давно восстановили против него значительную часть знати, да и не только знати.

Осведомленная о росте недовольства существующим положением и о готовящемся восстании, герцогиня увеличила охрану своего замка, но это только подлило масла в огонь, так как в городе распространился слух, что Барбавара стягивает войска, чтобы полностью захватить власть.

24 июня 1403 г. был убит гибеллинами один из сподвижников Барбавары — Джованни да Казате, и это убийство послужило сигналом к восстанию. Сначала в районе Порта Тичинезе, где жила большая часть врагов регентства, а затем по всему городу народ валил на улицы, требуя смены правительства. Только личное вмешательство герцогини, въехавшей в толпу в карете, окруженной ее сторонниками, кричавшими: «Да здравствует герцог!», привело к некоторому умиротворению.

Но гибеллины не хотели допустить затухания поднятого ими восстания. Один из их вождей, в эти дни прибывший в Милан из изгнания, — Антонио Порро граф Полленцо и Санта Виттория, бывший сподвижник Джан Галеаццо и член регентского совета, вытесненный Барбаварой, взял в свои опытные руки руководство народным движением. На следующий день после неудавшегося восстания народ не без участия Порро снова на улицах и снова успокаивается после уговоров герцогини, появившейся на этот раз с малолетним Джованни Марией.

То же повторяется и на третий день, 26 июня, но на этот раз руководители восстания, не дожидаясь появления правителей, направляют основную массу восставших к замку у Порта Джовия, в котором скрывался от опасности Барбавара и его брат.

Последние, видя, что замок окружен, и слыша крики: «Смерть Барбаваре!», предпочли не рисковать и, выйдя через потайной ход, бежали из города.

Переворот совершился. Власть перешла в руки триумvirата: Антонио Порро — душа и руководитель всех начинаний, Франческо Висконти и Пьетро да Кандиа — архиепископ Миланский. Оставшейся без поддержки герцогине Катерине не остается ничего другого, как примириться с произошедшим, признать новую власть и подписать продиктованные ей постановления о назначении громадного вознаграждения за голову Барбавары, об аресте ряда своих бывших сторонников, о реформе герцогского совета, в который добавлялись 10 новых членов, о назначении на каждый район города 2 чиновников, призванных следить за сохранением существующего порядка, который, таким образом, рассматривается как вполне прочный и даже постоянный.

Для того чтобы увеличить эту прочность, новое регентство заключает 25 августа 1403 г. мир с папой, возвращая ему все захваченные Джан Галеаццо его владения и в первую очередь Болонью и Ассизи. Уменьшает территорию, реально подчиненную Милану, также то, что Кремона, Крема и Лоди, восставшие сразу после смерти герцога, не возвращаются под его власть.

Но регентский совет, считая свое положение вполне обеспеченным, сильно ошибался. В непосредственной близости и, казалось, полностью под его властью находился враг, значения которого он недооценивал. Этим врагом была вдовствующая герцогиня Катерина. Связанная с Барбаварой отнюдь не только деловыми отношениями и потому лишь под угрозой силы принявшая его падение, оскорбленная самовластным поведением Антонио Порро и своим положением полупленницы, несогласная со всей политической линией нового регентства, Катерина после многих лет пассивного подчинения сначала мужу — убийце ее отца, потом его любимому советнику бросилась, наконец, сама в бурные волны политической жизни.

Внешне полностью повинаясь регентству и его главе Порро, она тайно связывается с орлеанским губернатором Асти — французом Жаном де Фонтэн и договаривается с ним о том, что он поможет ей в осуществлении ее планов и предоставит безопасное убежище милому ее сердцу Барбаваре, блуждающему по Северной Италии в поисках такого убежища.

В конце 1403 г. миланские кондотьеры, нанятые еще Барбаварой и склонные поддерживать скорее его претензии на власть, чем претензии группы феодалов-авантюристов, в результате ряда побед вернули в состав герцогства Брешу и Алессандрию. Победы эти, осуществленные верными герцогине и ее фавориту кондотьерами (Якопо даль Верме и Фачино Кане), позволили ей перейти к решительным действиям. В день, когда город торжествовал по случаю побед, она внезапно покинула герцогский

замок и укрепились в замке Порта Джовиа с достаточно сильным и верным ей гарнизоном.

Напуганные гибеллины пытаются опять поднять народное восстание, призвать себе на помощь враждебные Милану силы, но новые победы верных герцогине кондотьеров сводят на нет все их попытки.

Наконец, 6 января 1404 г. герцогиня по совету того же Якопо да Верже приглашает к себе Антонио Порро, Антонио Висконти и всех прочих главарей гибеллинов, они являются в полном составе, за исключением Франческо Висконти, который предпочел бежать из Милана. По прибытии все они захвачены и все, кроме члена правящего дома и духовного лица, тут же казнены. Головы и окровавленные тела бывших правителей были на следующий день выставлены на одной из центральных магистралей Милана.

Через 8 дней, 14 января, Совет девятисот обратился к герцогине с всеподданнейшей просьбой вернуть к власти Франческо Барбавару, на что она милостиво согласилась, и 31 января любимец Джан Галеаццо и любовник его вдовы торжественно вернулись в покорившийся ему город. В тот же день особым посланием все города и области герцогства извещаются о произошедшем перевороте и о казни «преступных изменников». Попытка установить в Милане XV в. феодальную олигархию, явно безнадежная сама по себе, потерпела полный крах. Власть Висконти была восстановлена.

Однако порядок и мир царствовали в герцогстве недолго. Оставшийся на своем месте претендент на управление Павией, один из видных гибеллинов Кастеллино Беккариа, недовольный тем, что реально осуществляет это управление при 12-летнем Филиппо Мария Висконти брат Франческо Барбавары — Манфред, уговаривает юного герцога освободиться от этой опеки, и в конце февраля 1404 г. Манфред Барбавара схвачен и заключен в крепость. Сообщая об этом своему старшему (16-летнему) брату Джованни Мария, Филиппо Мария советует ему сделать то же со старшим братом арестованного. Узнав об этом, Франческо Барбавара, не рассчитывая на поддержку герцогини, 15 марта вторично бежит из Милана, а на следующий день в городе происходит официальное примирение враждующих между собой гвельфов и гибеллинов.

Несмотря на это примирение и протесты Катерины, стремящейся вернуть своего фаворита, власть фактически переходит к гибеллинам. Антонио и Франческо Висконти возвращаются в столицу, а реальным главой правительства становится Кастеллино Беккариа, открыто, как и молодой герцог, враждебный вдовствующей герцогине.

Снова герцогство раздирается борьбой гвельфов, поддерживающих герцогиню, и гибеллинов, поддерживающих герцога. Пользуясь этим, отпадают многие города. В Бреше власть за-

хватывает Пандольфо Малатеста; Парма и Реджо оказываются жертвами кондотьера Отто Терцо; Комо захватывает Оттоне Руска, Лоди — Джованни Виньяти. Соседние государства также не упускают случая поживиться за счет явно неспособного защищать свою территорию и свои интересы герцогства.

Верону завоевывает или, вернее откупает у миланского кондотьера Фачино Кане сеньор Падуи Франческо да Каррара, который под натиском Венеции, впрочем, вскоре теряет и Падую, и Верону, и жизнь. Пиза и Ливорно отходят к Франции, а затем путем покупки входят в состав Флорентийской республики. Швейцарские кантоны без всякой борьбы занимают северные районы герцогства. Маркиз Теодоро II Монферратский частично путем переговоров, частично силой присоединяет к своим владениям Казале, а затем Верцелли.

От могущественного целого, созданного Джан Галеаццо, остаются жалкие остатки, едва связанные с центром, в котором власть непрочна и функционирует только судорожно, спорадически.

Понятно, что в этой обстановке всеобщего развала особое значение получает человек, сохраняющий последние остатки реальной силы в герцогстве, — кондотьер Фачино Кане, который тоже не упускает случая поживиться за счет разваливающегося государства и захватывает для себя лично Алессандрию, после чего этот захват санкционируют герцогские дворы как Милана, так и Павии, боящиеся потерять свою последнюю опору.

В то время как на миланском горизонте высоко всходит звезда бессовестного и жестокого Фачино Кане, с него постепенно сходит звезда неустойчивой и нерешительной Катерины Висконти. Чувствуя себя в опасности в Милане, где ей угрожает и Беккария и собственный сын, она бежит в Монцу, надеясь собрать вокруг себя немногих оставшихся ей верными людей. Но 18 августа 1404 г. сюда с ведома, а может быть, по распоряжению Джованни Мария врывается вооруженный отряд, возглавляемый Франческо Висконти и Каstellино Беккария, захватывает герцогиню и большинство ее сподвижников. 18 октября Катерина, начавшая свою политическую жизнь браком с убийцей своего отца, кончила ее при невыясненных обстоятельствах по воле своего сына.

Миланское герцогство к моменту гибели вдовствующей герцогини фактически не существовало, оно состояло из двух самостоятельных городов — Милана и Павии, где номинально правили два мальчика — Джованни Мария и Филиппо Мария. Реальными властителями на всей территории были совершенно распоясавшиеся кондотьеры, по-прежнему разделенные на две враждующие группировки.

Во главе одной из них — гвельфской — старый приверженец Джан Галеаццо и его вдовы — Пандольфо Малатеста и сеньоры

ряда восставших против власти Милана городов — Лоди, Кремы, Кремоны. Группировку эту, по декларациям ее участников, объединяют связи с Флоренцией и с Францией, имя убитой герцогини и достаточно фальшивые лозунги восстановления свободы. Фактически общей целью участников этой группировки был раздел между ними наследства Висконти. Характерно, что к этой же группировке примкнули и потомки Бернабо — Карло, Этторе, Лионелло и Галлеотто Висконти.

Во главе второй группировки — гибеллинской — Фачино Кане — друг одновременно и герцога Милана, и графа Павии, Франческо Висконти, Отто Терцо, Беккария и ряд более мелких феодалов и кондотьеров. Их официальным лозунгом была независимость от папской власти, защита наследников Джан Галеаццо, а фактическим — стремление сохранить целостность герцогства, чтобы завладеть им, о чем втихомолку мечтал каждый в отдельности.

Руководимые корыстными, личными интересами, представители обеих партий ведут между собой ожесточенную борьбу. Несколько в стороне от нее стоит только самый дельный и энергичный из возможных ее участников — Фачино Кане. Однако это объясняется отнюдь не его бескорыстием, а, наоборот, более широкими планами. 8 мая 1405 г. он получает от Филиппо Мария городок Галльате, что позволяет ему слить в единый массив ранее находившиеся в его руках владения — Борго, Сан Мартино, Валенцу, Монте Кастелло, Бремиду и Алессандрию. К этому массиву осторожный и ловкий кондотьер добавляет разными способами ряд районов в северо-западной части бывшей миланской территории, у границ Савойи. 24 января 1406 г. Филиппо Мария Висконти дарует Фачино Кане титул графа Бьяндрате, по имени одного из входящих в эти владения феодалов, и тем превращает его в самостоятельного государя, что дает ему вскоре возможность присоединить к своему «государству» также такой крупный город, как Пьяченца.

Однако столь блестяще начатая карьера энергичного кондотьера чуть не была остановлена в своем развитии неожиданным поворотом в политике капризного и колеблющегося Джованни Мария, который, внезапно отвернувшись от гибеллинов, поставил во главе своих вооруженных сил одного из вождей гвельфов — Якопо даль Верме и его единомышленника Карло Малатеста (брата известного Пандольфо). Впрочем, поворот этот был временным. Вскоре после того как даль Верме удалось добиться ряда успехов и вернуть в повиновение Милану несколько городов, Джованни Мария опять переменял свою ориентацию. Главнокомандующим миланскими силами снова назначен Фачино Кане, и гибеллины опять приходят к власти.

Решительная битва между двумя партиями произошла 22 февраля 1407 г. у Бинаско, между Миланом и Павией. Якопо

даль Верме одержал в ней полную победу. Кане бежит в Алесандрию, откуда продолжает борьбу. Стянув значительные силы, он 27 сентября 1407 г. неожиданно нападает на врагов и разбивает их. Захваченные в плен главари гвельфов тут же казнены, а вокруг победителя все в большем количестве группируются гибеллинские силы.

Гвельфы же опять концентрируются вокруг Милана, где после победы при Бинаско во главе правительства стал Якопо даль Верме. Впрочем, он остается у кормила недолго. Уже в конце 1407 г., разочаровавшись в возможности сделать здесь что-нибудь реальное, он покидает Милан, оставив руководящую роль своему постоянному помощнику Карло Малатеста. Последний, укрепив свое положение браком между Джованни Мария и дочерью своего брата Малатеста Малатесты Антонией, пытается навести порядок в герцогстве, проводит ряд разумных реформ, но, не обладая ни достаточными силами, ни бессовестностью, которая позволила бы ему стать на один уровень с вождем гибеллинов Фачино Кане, вскоре так же, как даль Верме, убеждается в невозможности осуществить свои намерения и 24 августа 1408 г., в свою очередь, покидает Милан, оставляя вместо себя своего брата Малатесту.

Между тем Фачино Кане, не брезгуя ничем и не останавливаясь ни перед чем, идет от успеха к успеху и все более приближает к Милану свои владения, постепенно отрезая столицу от источников снабжения и от путей, необходимых для поддержки дипломатических связей. Как только он узнал об уходе Карло Малатеста из Милана, он окружил город своим отрядом и отрядами своих союзников-кондотьеров. Город, совершенно неподготовленный к блокаде, вскоре начал голодать. Его покидает и Малатеста, а Джованни Мария, приблизивший к себе нового любимца — Антонио Торриано, все свои надежды возлагает на помощь извне. В марте 1409 г. он подписывает с братом Филиппо Мария, графом Савойским, герцогом Орлеанским и маршалом Бусико, сидящим в это время в Генуе, а также с несколькими мелкими итальянскими сеньорами договор для защиты Милана от опасного для всех Кане. Во главе объединенных вооруженных сил становится Бусико с титулом управителя герцога Миланского и графа Павии.

Фачино Кане, не испугавшийся этой коалиции, совершает набег на Павию и отсюда готовит нападение на Милан, но остановлен 7 апреля 1409 г. отрядом Пандольфо Малатеста. Впрочем, уже на следующий день оба кондотьера договариваются об объединении своих сил против французов и вместе направляются к Милану. Пандольфо входит в город, где вскоре вступает в переговоры с герцогом, а Фачино из пригорода посылает парламентеров к нему же.

Не имеющий возможности сопротивляться Джованни Мария дарует победителю ряд феодалов на севере герцогства и объяв-

ляет о примирении с «великолепным графом Бьяндрате», как торжественно именуется Кане.

Добившись значительного успеха, кондотьер уходит от города, чтобы сразиться с наиболее опытным из своих врагов — Бусико, на помощь которому из Франции прибыли значительные свежие силы. 29 августа 1410 г. Бусико с войском прибыл в Милан, в то время как Фачино, выжидавший его ухода из Генуи, подходит к этому городу и окружает его. В ночь с 3 на 4 сентября в городе происходит восстание против французов (см. § 7), и он отдается под защиту одного из окрестных крупных владетелей — маркиза Монферрата — Теодоро II Палеолога, Фачино въезд в город был запрещен, а за помощь ему были высланы в его лагерь 30 тыс. дукатов. Получив их, он покидает Геную и 6 октября захватывает Нови.

Между тем Бусико, узнав о том, что произошло, быстрыми маршами приближается к побережью. Но, дойдя до Нови, он неожиданно атакован отрядом Фачино и отброшен назад с большими потерями, после чего, бросив Геную на произвол судьбы, он отступает во владения своего союзника принца Ахайи, в то время как Фачино со своим войском идет к беззащитному теперь Милану. Когда его силы подошли к Виджевано, герцог выехал ему навстречу. 2 октября 1409 г. между ними был подписан договор, а 31 октября заключен мир. 6 ноября победоносный кондотьер торжественно въехал в Милан, где его ждал титул «управителя» (*governatore*).

Однако титул этот далеко не полно отражал фактическое положение Фачино Кане, который оказался в результате своих длительных усилий не исполнителем чужой воли, а полным хозяином герцогства. Опираясь на свои превосходные вооруженные силы и особенно на лично ему принадлежащие земли, которые в своей совокупности превосходили остатки территории герцогства, он мог совершенно не считаться с желаниями и капризами законного герцога, остававшегося и теперь по-ребячески неустойчивым и в то же время жестоким и неразумным. Стремясь использовать свое положение в первую очередь на пользу своим личным владениям и навести хотя бы элементарный порядок в герцогстве, Фачино в первые же недели своего управления издает ряд соответствующих законодательных актов, подписываемых иногда Джованни Мария, иногда им самим.

Так он ставит в условия особого благоприятствования торговый обмен между Миланом и своими землями, устанавливает твердый курс монеты, вводит предельные цены на продукты питания, строго собирает недоимки по налогам, запрещает вывоз из герцогства золотой и серебряной монеты, стимулирует ввоз шерсти как сырья для миланской текстильной промышленности. Наконец, что представляет собой интерес, Фачино включает как герцогские войска, так и городскую милицию Милана в состав своей армии, создавая единые, четко организованные

«регулярные» вооруженные силы — явление необычное для Италии того времени. Вся эта система законов и распоряжений, хотя и носящая в значительной части своекорыстный характер, все же рисует Кане, ранее выступавшего в облике жадного до наживы кондотьера, как крупного и интересного государственного деятеля.

Однако столь успешно начатая правительственная деятельность Фачино Кане чуть вскоре не прекратилась. Молодой герцог, столь же коварный, сколь и трусливый, внешне показывая все признаки доверия к Кане, подготовил ему ловушку. 5 апреля 1410 г. Кане спокойно въезжал верхом в один из миланских дворцов (Делль Аренго). Когда он въехал во второй двор, из которого шла главная лестница, то был окружен людьми герцога, пытавшимися захватить его. Решительный кондотьер не потерял, однако, присутствия духа, с быстротой молнии повернул коня, прищипорил его, прорвался на улицу и сразу же покинул город, скрывшись с небольшим числом своих сподвижников в недалеком Розате. Когда Джованни Мария узнал о провале своего замысла, он смертельно испугался и, в свою очередь, спрятался со своей свитой в крепости Порта Джовия.

Город остался без верховной власти, и только венецианский посол, видевший всю нелепость создавшегося положения, сумел примирить герцога и его полководца. 6 мая Фачино спокойно вернулся в город, 12 мая он был вторично и вполне официально назначен управителем герцогства на 3 года. 19 мая синдики миланской коммуны принесли ему присягу в верности. Опять, и теперь совершенно открыто, он стал реальным правителем при бесправном и бессильном герцоге. Правительственные постановления начинались теперь такими формулами: «По решению герцога и его управителя» или: «Герцог, в согласии с великолепным графом Бьяндрате».

С удвоенной энергией приступил опять избавившийся от смертельной опасности кондотьер к наведению порядка в герцогстве. Последнее было в тяжелом экономическом положении и окружено врагами (Висконти, Малатеста, Бусико), в своей совокупности явно более сильными.

В этом тяжелом положении Фачино опять обнаружил и политический разум, и недюжинную энергию. Во внутренней политике он действует осторожно и мягко, стараясь расположить к себе самые различные слои населения. Всем бежавшим из города, чтобы спастись от наказания, он прощает штрафы, недоимки и не без успеха побуждает их вернуться. Он ликвидирует всем живущим в городе их недоимки по налогам, завоевывая тем симпатии малоимущих ремесленников и торговцев. Он собирает значительные средства с духовных лиц и богатых горожан и использует эти средства для того, чтобы оплатить примирение с захудалыми боковыми отпрысками рода Висконти.

Зато с более крупными врагами он поступает иначе. Так,

22 июля 1410 г. он берет приступом последний оплот Бусико — крепость Бреמידу.

Но самым опасным для Фачино был подросший и правящий уже самостоятельно граф Павии Филиппо Мария, отнюдь не желавший признавать его власти. В последние дни 1410 г. Кане, договорившись предварительно с не потерявшим своего веса в Павии родом Беккария, врывается с вооруженным отрядом в город, подвергает его жестокому разграблению и заставляет Филиппо Мария с незначительными силами искать убежища в цитадели. Не имея возможности долго держаться, Филиппо Мария подчиняется брату или, вернее, его управителю Фачино Кане, теперь беспрепятственно командующему всем герцогством.

Оставалось еще только избавиться от Пандольфо Малатеста, владевшего Брешей и Бергамо, который в союзе с боковыми отпрысками семьи Висконти и герцогом Савойским постоянно угрожал безопасности и спокойствию Милана. Между Кане и Малатеста с переменным успехом идет длительная борьба. 4 февраля 1412 г., в самом разгаре военных действий, находясь под стенами Бреши, взятие которой означало бы его полную победу, Фачино почувствовал себя больным, был перевезен в цитадель Павии, где вскоре (16 мая) и умер.

Как только в Милан пришли вести о болезни Кане, группа придворных герцога, не без основания опасавшихся, что, оставшись один, Джованни Мария полностью проявит свою кровавую и вздорную природу, составила заговор с целью его устранения. Каким-то образом герцог узнал о готовящемся покушении и собирался уже укрыться в замок Порта Джовия, но один из заговорщиков отговорил его. 16 мая (в день смерти Кане) во время богослужения в церкви Сан Готтардо Джованни Мария Висконти был убит двумя ударами кинжала. Заговорщики, вооруженные с ног до головы, вышли из церкви, провозглашая герцогом Этторе Висконти, заранее тайно прибывшего в город.

Законному наследнику убитого, его брату Филиппо Мария, было в это время уже 20 лет. Закаленный испытаниями, которыми были так полны его детство и юность, он отнюдь не собирался отдавать герцогство своему дальнему родичу. Первым его поступком после смерти брата была совершенно неожиданная женитьба на вдове Фачино. Беатриче ди Тенда было 42 года, но разница в возрасте не могла перевесить соблазна, который представляли громадные владения ее покойного мужа. С этим браком Филиппо Мария получал всю западную часть герцогства, отторгнутую Кане, его превосходные отряды и большие накопленные им богатства.

16 июня 1412 г. во главе внушительного войска Филиппо Мария вступает в Милан, где провозглашен герцогом. Его соперник бежит из города. Новый герцог принимает присягу представителей коммуны и сразу же приступает к приведению в порядок и отвоеванию всей территории герцогства, продолжая дело Фа-

чино. Герцог, болезненный и трусливый и потому сам никогда не участвующий в сражениях, назначает главнокомандующим своими войсками Франческо Буссоне, по прозвищу Карманьола, который в течение 10 лет остается его правой рукой.

Переменив хозяина, Карманьола непосредственно продолжает дело, которым он занимался и раньше, — борьбу с Пандольфо Малатеста. 31 января 1415 г. она заканчивается временным перемирием. Пользуясь им, миланский командующий направляет свои силы против взбунтовавшейся Алессанрии, которую без особого труда завоевывает. Менее удачен его набег на Комо, но властвующий в последнем Лоттерио Руска передает его Филиппо Мария добровольно. Затем то силой, то дипломатическим путем он возвращает герцогству Лекко, Лоди, Пьяченцу, Бергамо (1419 г.). После крупной победы над снова возобновившими борьбу Пандольфо и Карло Малатеста у Монтекьяри 8 октября 1420 г. последние уступают Брешу.

К началу 1421 г. почти вся Ломбардия опять входит в состав Миланского герцогства. К этому же времени к нему в результате переговоров переходят Парма и значительная часть области Реджо.

Теперь важнейшей внешнеполитической задачей становится для Филиппо Мария Висконти захват Генуи, раздираемой борьбой партий Кампофрегозо и Адорно, ослабленной войной с Альфонсо Арагонским за Корсику. В конце мая 1421 г. герцог посылает против Генуи отряды Карманьола и Гвидо Торелли, которые с суши осаждают город. Генуя обращается за помощью к Флоренции, которой она продает Ливорно, но ничего не добивается. Для того чтобы замкнуть кольцо осады, Филиппо Мария нанимает 8 кораблей из состава флота Альфонсо Арагонского, кроме этого, несколько галер было предоставлено генуэзскими изменниками. Доведенный до крайности, город со всеми своими владениями, богатствами и флотом 2 ноября 1421 г. сдался миланским войскам.

Во время распада государства Джан Галеаццо северная часть его, с городом Беллинцона, была захвачена швейцарцами. Несмотря на то, что этот захват был санкционирован Империей, Филиппо Мария потребовал возврата всего отторгнутого. Получив отказ, он в первые дни 1422 г. направил свои войска с Карманьолой во главе против захватчиков. Не объявляя войны, Карманьола берет Беллинцону и окружающую ее территорию.

Войско кантонов Ури, Обервальден, Люцерн и Лугано выходит в поле, чтобы отбить захваченные кондотьером земли; 30 июня 1422 г. при местечке Арбеда происходит битва, тянувшаяся 8 часов. Сравнительно немногочисленное швейцарское войско разбито и вынуждено отступить, оставив победителю завоеванное.

Захват Генуи и победа при Арбеда обеспечили миланскому герцогу выход к морю и безопасность северной границы, довели

его государство примерно до того могущества, в котором оно находилось при Джан Галеаццо. Понятно, что, подобно своему отцу, Филиппо Мария не хочет останавливаться на достигнутом, а готовится к новым походам, новым завоеваниям. Однако добиться теперь успеха было значительно труднее, чем 20 лет назад. Положение радикально изменилось: Флоренция, Венеция, папский Рим были теперь гораздо сильнее и не собирались терпеть дальнейшего расширения миланской территории. Особенно серьезным противником была Флоренция, с ней миланского герцога разделяет и поддержка противоположных кандидатов на трон Неаполя (Филиппо Мария поддерживает Анжу, Флоренция — Арагон), и стремление герцога в начале 1423 г. захватить Форли, воспользовавшись непрочным положением его малолетнего сеньора Теобальдо Орделаффи.

Милан начинает одновременно две военные кампании — одну против Альфонсо Арагонского, другую против Флоренции. Если война с Альфонсо закончилась довольно скоро победой над его флотом, его пленением, а затем примирением с ним (см. § 2), то, наоборот, вторая, растягиваясь на ряд лет, отнимает как у Милана, так и у его соперницы значительные силы и средства. Начинается она большой победой миланских сил. 28 июля 1424 г. они под командованием кондотьера Анджело делла Перголя при Загонаре наголову разбивают флорентийское войско, возглавляемое тем самым Карло Малатеста, который в свое время столько сделал для Милана. Захваченный в плен, он приведен в Милан, откуда, впрочем, в память о его прежних заслугах выпущен с почетом, что не мешает Филиппо Мария со всей энергией продолжать военные действия как против Флоренции, так и против владений самого Малатеста.

Война идет с переменным успехом, причем, чем дальше она тянется, тем менее агрессивно выступает миланский герцог, начинающий понимать безнадежность далеко идущих планов и стремящийся хотя бы полностью сохранить те владения, которые ему уже удалось сколотить вокруг Милана. Этот новый оборонительный этап своей внешней политики Филиппо Мария начинает со смены своего главнокомандующего. Его любимец в течение ряда лет — Карманьола, назначенный управителем Генуи, вызывает чем-то его подозрения. Он приглашен в Милан и после бурного разговора с герцогом (конец 1424 г.) уходит в отставку, уезжает в свои владения, а затем, не без основания опасаясь козней своего бывшего властителя, бежит из них и, оставив жену, детей и имущество, направляется в Венецию. Место его в миланских войсках занимают другие кондотьеры, и в первую очередь Франческо Сфорца.

Последним, однако, не удается добиться успехов в борьбе с тем же Карманьолой, ставшим командующим венецианскими войсками и занявшим во главе их Брешу, которую он же сам за несколько лет до этого завоевал для Милана. Осенью 1426 г.

венецианские силы отторгают еще ряд укрепленных пунктов и обороняемых ими земель на востоке герцогства. В то же время герцог Савойский Амедео VIII отвоевывает ранее ему принадлежавшие территории на северо-западе.

Атакованный с двух сторон, Филиппо Мария 30 декабря 1426 г. заключает мир с обоими своими основными противниками, впрочем, явно не собираясь соблюдать его, а рассматривая как средство получить передышку. Собравшись с силами и получив значительную финансовую поддержку от города Милана, герцог вскоре возобновляет военные действия, фактически почти не прекращавшиеся. После ряда незначительных стычек 12 октября 1427 г. венецианские и миланские войска встретились при Маклодио, недалеко от Бреши. 12 тыс. конных и 6 тыс. пеших воинов Милана находились под командованием Карло Малатеста (сына сеньора Пезаро) — совсем еще молодого и неопытного человека. 18 тыс. конных и 8 тыс. пеших воинов Венеции возглавлялись опытным и жаждущим мести Карманьолой. Миланцы были разбиты наголову и бежали, оставив в руках победителей громадную добычу и 10 тыс. пленных, в том числе и главнокомандующего.

Это поражение поставило Милан в тяжелое положение и заставило герцога искать примирения с одним из своих врагов — Амедео VIII Савойским. Договор между ними, подписанный 8 декабря 1427 г., был заключен на условиях весьма выгодных для Савойи, которая получила город Верчелли и его округ. Савоя вступает в союз с Миланом, обещая ему в случае необходимости военную помощь. Союз этот закрепляется женитьбой миланского герцога на Марии, дочери Амедео, причем брачный договор предусматривал переход миланской короны к будущим сыновьям от этого брака.

В апреле 1428 г. был заключен мир и с Флоренцией, и с Венецией, причем последняя, кроме уже захваченной ею Бреши, получила Бергамо и часть Кремонской области. Впрочем, и этот мир оказался непрочным: начавшаяся вскоре война Флоренции с Луккой (см. § 4) снова втянула Милан в борьбу как с Флоренцией, так и с ее союзницей Венецией. Борьба эта закончилась новым миром, подписанным 26 апреля 1432 г.

Теперь Филиппо Мария обращает свои взоры на Рим и, воспользовавшись конфликтом между Евгением IV и Базельским Собором, под флагом последнего и при помощи своего кондотьера Франческо Сфорца, которому за его успехи обещана рука незаконной дочери герцога — Бьянки Марии, захватывает обширные территории в Центральной Италии. Бегство папы во Флоренцию опять приводит к возобновлению войны последней в союзе с Венецией против Милана. После ряда перипетий новый мир был заключен в Ферраре в августе 1435 г.

Одновременно в ходе своей борьбы против арагонского претендента на неаполитанский престол Филиппо Мария 5 августа

того же 1435 г. одерживает решительную морскую победу над ним при Понце, после чего следует плен Альфонсо и его примирение с Висконти. Союз Милана с Неаполем вызвал возмущение в Генуе, победительнице при Понце; 13 декабря 1435 г. здесь произошло восстание, свергнувшее власть Милана над городом. Попытка Филиппо Мария захватить Геную внезапным набегом отряда под командованием Никколо Пиччинино не дает результатов; Генуя остается свободной, а Милан снова ведет войну чуть ли не со всей (кроме Неаполя) объединившейся против него Италией.

В апреле 1438 г. Филиппо Мария, который уже давно вел переговоры с кондотьером Флоренции Сфорцей, обещая ему руку своей дочери Бьянки Марии, заключает договор с городом на Арно, что развязывает ему руки в Романье. Якобы рассорившийся с ним (но фактически действующий по его указаниям) Пиччинино путем обмана захватывает Болонью и нападает на другие города, но встречает решительный отпор Сфорцы, продолжающего как борьбу с Висконти, так и переговоры с ним о женитьбе на его дочери. Впрочем, герцог одновременно предлагает ее руку и Леонелло д'Эсте—сыну феррарского властителя.

29 июня 1441 г. миланские войска Пиччинино встречаются у Ангиари (около Сан Сеполькро) с объединенной армией Венеции и снова находящейся в состоянии войны с Миланом Флоренции. Последняя одерживает решительную победу. Это поражение и непрестанные претензии Пиччинино на денежные и территориальные подачки побуждают Висконти на шаг, о котором уже в течение ряда лет шла речь. 3 августа 1441 г. он встретился с Франческо Сфорца и после дружеских объятий договорился с ним о женитьбе на Бьянке Марии и о переходе на сторону Милана. После этого 10 декабря 1441 г. в Кремоне был заключен мир, по которому Филиппо Мария должен был отказаться от власти над Генуей, отдать Флоренции район Казентино и Венеции — Равенну. Мир этот, заключенный по указаниям и под руководством Сфорца, ставшего владетельным князем и возможным наследником миланского престола, повел к значительному повышению его авторитета. Тяжеловатый и грубый кондотьер, сын кондотьера и внук крестьянина, становился одной из ведущих политических фигур Италии.

В следующих затем войнах между Миланом, папой и Альфонсо Арагонским Сфорца одерживает ряд дальнейших побед (особенно важной была победа над сыном Никколо, Франческо Пиччинино, 16 августа 1444 г.), улучшая и упрочивая свое положение и увеличивая свои владения, занимающие большой массив в Центральной и Северной Италии.

Испуганный этим, ревнивый и мнительный Филиппо Мария внезапно меняет ориентацию, примиряется с Римом и Неаполем и выступает против своего зятя, поддерживаемого несколькими мелкими государствами.

Попытка Сфорца внезапным набегом захватить Рим не удалась, он терпит ряд поражений и запирается в Урбино, сеньор которого, Федерико III Монтефельтро, его союзник.

Отсюда он ведет переговоры как с Флоренцией, от которой под разными предложениями получает значительные денежные суммы, так и с Филиппо Мария, с которым 10 ноября 1446 г. примиряется, опять получая верховное командование над всеми войсками и крепостями герцогства за ту же плату, которую он получал от Флоренции и Венеции.

Само собой понятно, что и при заключении этого договора хищный кондотьер меньше всего заботился об интересах Милана, а больше всего о своих собственных. Такая позиция Сфорца позволяет венецианским войскам одержать ряд побед. Весной 1447 г. они подходят даже к самым стенам Милана. Филиппо Мария обороняется со страшным напряжением сил — возможно, с этим была связана и тяжелая болезнь герцога, которая 13 августа 1447 г. закончилась его смертью.

Умер этот жестокий и беспринципный тиран, прямо заявлявший, что он больше заботится о теле своем, чем о душе, не оставив завещания. Наиболее вероятным наследником герцога оказался муж его внебрачной дочери Франческо Сфорца, но ему мешало известное всей Италии его простое происхождение. Ссылаясь на какие-то тайные распоряжения покойного, претендовал на престол и Альфонсо Неаполитанский. Свои права представляли также Шарль Орлеанский, сын Валентины Висконти, Лодовико IX Савойский — брат жены Филиппо Мария, император Фридрих III и многие другие, имевшие такие же или меньшие к тому основания.

Сразу же после смерти Филиппо Мария сторонники и агенты Альфонсо попытались провозгласить его герцогом, но, не обладая достаточными силами, ничего не добились.

На следующий день, 14 августа, группа гуманистически и республикански настроенных граждан, главным образом дворянского происхождения: Антонино Тривульцио, Теодоро Босси, Джорджо Лампуньяни и другие, по-видимому, уже раньше подготовлявшие переворот, объявили государство республикой, прозванной ими, по патрону Милана, Амброзианской.

Был восстановлен в качестве верховного законодательного органа Совет девятисот. Во главе исполнительной власти стал Совет двадцати четырех «капитанов и защитников свободы». Народные массы поддерживали новое правительство и в знак окончательного свержения тиранов Висконти разрушили их главный оплот — крепость Порта Джовия. Ненавистные народу налоги были отменены, книги их записей сожжены.

Однако вскоре реальная действительность заставила вернуться к грустным будням. Уже через 2 недели после переворота был объявлен насильственный заем в 200 тыс. дукатов,

причем за уклонение от его выплаты была определена смертная казнь.

Объявление республики сразу же приводит к тому, что ряд городов герцогства перестают признавать свою зависимость от Милана. Соседние государства также спешат воспользоваться его явным ослаблением: Венеция захватывает Лоди и Пьяченцу, герцог Шарль Орлеанский занимает Асти; д'Эсте, Гонзага, герцог Савойский, маркиз Монферратский отрывают или стремятся оторвать куски миланской территории.

Единственной опорой новой республики был Франческо Сфорца, который за обещание передать ему Брешу и Верону берет должность главнокомандующего миланскими войсками (илл. 32). Однако уже первые его шаги показывают, что планы властолюбивого кондотьера шли гораздо дальше. Захватив Лоди и Пьяченцу, он принимает «предложенную» ему населением Павии власть над этим городом. Затем то же происходит в Тортоне, но она вскоре была отвоевана для Милана его вторым кондотьером Бартоломео Коллеони.

В Милане и немногих оставшихся у него владениях наступает полный беспорядок. Не спасают от него и две крупные победы, одержанные Сфорца, официально продолжающим служить Милану, над венецианскими войсками (16 июля — при Казальмаджоре и 14 сентября 1448 г. — при Караваджо). Наоборот, после них чувствующий свою силу Сфорца договаривается (18 октября 1448 г.) с Венецией о том, что он завладеет всеми землями покойного Филиппо Мария, Венеции же уступит Брешу и ее область, Крему и прилегающую к ней территорию.

Это было открытой изменой республике, которая возлагает командование на Карло Гонзага и просит помощи у императора, французского короля, Альфонсо Арагонского. Однако помощи никто не предоставляет, а Сфорца тем временем неуклонно приближается. Он захватывает район за районом и наконец окружает Милан. За его стенами Гонзага пытается захватить власть, но взрыв республиканского энтузиазма заставляет его бежать из города.

Спротивление фактически бессильного города было хотя и героическим, но безнадежным. Последние его оплоты — Виджевано, Лоди, Пиццигеттоне — сдаются Сфорце. В самом Милане непрерывно сменяющиеся власти своими противоречивыми распоряжениями еще усиливают впечатление приближающейся катастрофы. Народные массы тщетно пытаются взять власть в свои руки и навести в городе порядок. Объединившаяся против них знать и зажиточная часть населения предпочитают анархию и разгром их победе.

В отчаянном положении Амброзианская республика примиряется с Венецией, напуганной усилением Сфорцы, но и это не останавливает триумфального шествия последнего, чувствующего уже близость давно намеченной цели. Голод в осажденном

Милане достиг ужасающих размеров, силы защитников его слабели со дня на день.

Под влиянием агитации агентов Сфорцы озверевшая от голода толпа 23 февраля 1450 г. захватила правительственные здания Милана, убила венецианского посла и образовала нечто вроде нового правительства. В церкви Санта Мария делла Скала было созвано народное собрание, которое после долгих споров предложило власть над государством Франческо Сфорца (24 февраля 1450 г.).

Бурная карьера беспринципного, но решительного кондотьера завершилась созданием новой династии в одном из крупнейших государств Италии.

§ 6. ВЕНЕЦИЯ⁵⁶

5 июня 1382 г., через год с небольшим после заключения Туринского мира, умер престарелый дож Андреа Контарини. Его преемник Микеле Морозини прожил после избрания всего несколько недель. После его смерти от чумы избран был (21 октября 1382 г.) известный своей принципиальностью и строгостью нравов Антонио Веньер. При нем измученная небывалым напряжением всех сил и средств, вызванным Кьоджанской войной, республика хотя и продолжает свою экспансию на Восток, захватывая Корфу, Дураццо и Скутари, ряд пунктов в Албании и Морее, но в большие и рискованные военные предприятия не вступает, усиленно залечивая раны. Недаром догат Веньера уже современники характеризовали как время празднеств и низких цен.

Более активной была политика Венеции на «крепкой земле» (*terra ferma*). Здесь она в контакте с Джан Галеаццо Висконти натравливает друг на друга сеньоров Падуи — Франческо Каррара и Вероны — Антонио делла Скала, что приводит сначала к падению второго, а затем и первого. Весной 1389 г. Венеция получает, согласно договору с Миланом, Тревизо, столь важный для ее обороны и экономики город.

После этого успеха, достигнутого почти только дипломатическим путем, но приведшего к нежелательному усилению Милана, Венеция отворачивается от союзника, бывшего ей нужным только на время, и старается сделать все возможное, чтобы воспрепятствовать его дальнейшим успехам. В этой связи она полагает Франческо Новелло да Каррара вернуть себе (19 июня 1390 г.) Падую. Джан Галеаццо допустил это, произнес знаменитую фразу: «Я очень хорошо знаю, что не следует вступать в войну с теми, кто чеканит дукаты». Однако, несмотря на такое мнение, дальнейшие годы, вплоть до смерти Джан Галеаццо в 1402 г., прошли в постоянной борьбе его с Венецией, лишь изредка прерывающейся недлительными периодами непрочного примирения. Из этой войны Венеция выходит окрепшей и усилившейся, подчинив себе, если не полностью, то в значительной

мере, и Падую с ее властителем Франческо Новелло да Каррара, и Феррару с маркизом Никколо III д'Эсте.

Дожи Венеции

Андреа Контарини	вступил в 1368 г.	Томмазо Мочениго	вступил в 1414 г.
Микеле Морозини	» 1382 г.	Франческо Фоскари	» 1423 г.
Антонио Веньер	» 1382 г.	Паскуале Малипьеро	» 1457 г.
Микеле Стено	» 1400 г.	Кристофоро Моро	» 1462 г.

После смерти Антонио Веньера (1 декабря 1400 г.) его преемником стал надменный и властный, но опытный Микеле Стено. Смерть Джан Галеаццо и разгром турок в битве при Ангоре (28 июля 1402 г.) развязали руки и без того весьма могущественной республике св. Марка как на западе, так и на востоке.

Этого не поняли Каррара и д'Эсте, навлекшие на себя весной — летом 1404 г. гнев Венеции: первый попыткой захватить Верону и ее округ, второй — стремлением распространить свою власть на район Полезино. В начавшейся войне силы были явно не равны — 14 марта 1405 г. покоряется Никколо III д'Эсте, а упрямый и решительный Франческо Новелло продолжает борьбу. После того как Верона, город крупный и важный, подчиняется Венеции, делегаты жителей ее в белых одеждах кающихся являются на площадь св. Марка, передавая дожу ключи и знамя своего города, «Народ, блуждавший во тьме, увидел великий свет», — такими словами приветствует подчинение Вероны дож Микеле Стено.

Несмотря на уговоры своего старого друга — спасителя родины при Кьодже Карло Дзено, заплатившего за эту дружбу судом и тюрьмой, Франческо Новелло не хочет смириться и продолжает явно безнадежную войну. Доведенный до крайности, он, наконец, 13 ноября 1405 г. предлагает начать переговоры, но уже поздно. Измученное голодом и лишениями и руководимое венецианскими агентами население Падуи уже через 5 дней (18 ноября) открывает ворота перед венецианскими войсками. Франческо Новелло и его первенец Франческо III были захвачены в цитадели, оборонявшейся еще 2 дня, и приведены в Венецию, где после переговоров с дожем заключены в страшные камеры дворцовой тюрьмы; второй сын, Якопо, уже находился к этому времени в другой тюрьме. Совет десяти, усиленный комиссией из 6 граждан, проводит следствие, Каррара обвинены во всех возможных и невозможных преступлениях, приговорены к смертной казни и 16 января 1406 г. задушены.

Падуя и Верона окончательно и надолго входят в состав Венецианской республики. В 1415 г. к ним присоединяется Анкона. Владения Венеции на материке (*terra ferma*) этими приобретениями значительно расширяются, превращая республику, ранее обращавшую основное внимание на приобретение твер-

дых позиций в Средиземном море, в могущественное Итальянское государство.

Завоеванные города, так же как прилегающие к ним земли, сохраняют свои конституционные порядки и обычаи, граждане их становятся полноправными гражданами республики. Принимаются экстренные меры к развитию экономики вновь приобретенных территорий для их снабжения продовольствием, для развития в них ремесел. Строится сеть хороших дорог. Ассигнуются значительные средства на содержание знаменитого Падуанского университета, становящегося центром венецианской культуры.

Только в одном отношении равноправие нарушается: знать и патрициат новых территорий не включаются в состав венецианской правящей верхушки, не допускаются в состав Большого совета. Это, а также потеря своего руководящего положения определяет на ряд последующих лет антивенецианские настроения правящих слоев покоренных городов, в то время как остальные слои населения скорее выигрывают от включения в состав республики св. Марка и потому склонны поддерживать последнюю во всех ее начинаниях.

Овладение значительной территорией на Апеннинском полуострове и связанное с ним активное вмешательство в итальянскую политику заставляет Венецию позаботиться о расширении своей южной и северо-восточной границ. В первом направлении она прочно занимает район Полезино и претендует на Равенну. Во втором ее стремление привязать к себе патриархат Аквилеи приводит ее к ряду военных и дипломатических столкновений с Империей, Венгрией и западными соседями, в ходе которых она распространяет свои вождедения на Фриуль и Далмацию. Она получает у албанских феодалов протекторат над важной для нее Рагузой (Дубровником), в 1410 г. по договору с королем Неаполя Владиславом в 9-й раз за свою историю овладевает еще более ей нужной Зарой (см. § 2). Успехи эти приводят Венецию в 1411 г. к войне с Империей, возглавляемой Сигизмундом Люксембургским. Имперский полководец Филипп граф Темешвар, флорентиец по происхождению, в Италии известный под своим тосканским именем Пиппо Спана, завоевывает Фриуль и патриархат, сажает имперского кандидата на патриарший престол (илл. 51). Император прекращает всякие торговые связи своих земель с Венецией и договаривается о том же с Византией. Республика св. Марка идет на переговоры и 17 апреля 1413 г. заключает перемирие на 5 лет, по которому Империя получает часть Фриуля, но оставляет Далмацию за Венецией.

Вскоре после этого, 7 января 1414 г., дожем становится осторожный и умный Томмазо Мочениго. Венеция, к которой постоянно обращаются за помощью сильнейшие государства Италии и всей Западной Европы (Арагон, Франция, даже Англия),

все более чувствует себя громадной политической силой и ведет себя соответственно с этим, готовясь по истечении перемирия к новой войне с Империей, главу которой она непрочь была бы устранить путем переворота или более выгодным путем — при помощи яда, который Совет десяти 29 мая 1419 г. специально для той цели выдает некому Микелетто Мураццо.

Возобновление военных действий приводит к ряду успехов Венеции. 11 июля 1419 г. подчиняется Чивидале, 17 августа — Сачиле, 23 сентября — Прата, 8 октября — Серавалле, 19 апреля 1420 г. — Беллуно, 9 мая — Фельтре. 6 июня венецианский главнокомандующий Филиппо Арчелли торжественно въезжает в Удине, восстанавливает в правах провенецианских феодалов Саворньяно, и этот день, считающийся днем освобождения всего Фриуля и Патриархата, будет на века считаться праздничным. Последующее занятие ряда более мелких пунктов происходит легко, почти без борьбы. 31 июля взято Кадоре и, наконец, 5 августа — Аквилея. Отсюда победоносные венецианские силы переходят в Истрию и подчиняют те ее части, которые ранее входили в состав Патриархата. Политическое существование последнего ликвидировано, территория его включена полностью в состав республики «в интересах безопасности ее и Святого Престола», как значится в постановлении, которым ограбленному Патриархату даруется годовая рента в 5 тыс. дукатов, фактически же в первую очередь потому, что расположенные здесь богатейшие соляные разработки должны были составить значительную статью дохода в бюджете республики.

И здесь, на востоке, Венеция сохраняет старые порядки, ее губернатор и капитан, занимаясь охраной границ республики и сохранением в ней порядка, мало вмешиваются в местную жизнь.

В Далмации военные действия идут с неменьшим успехом. Флот под командованием Пьетро Лоредана, весной 1420 г. отправляясь для окончательного завоевания ее, берет 27 июня Трау, затем Спалато; в сентябре — октябре захвачены острова Курцола, Брацца, Лезина. К началу 1421 г. вся Далмация лежит у ног республики св. Марка. В апреле город Ниттаро получает особые привилегии, тогда же назначаются особые «уполномоченные для управления вновь приобретенными землями» (*sapientes super ferris de novo acquisitis*). Весной 1422 г. завоевана и значительная часть Албании — Скутари, Дульчиньо, Антивари, Алессио и другие центры.

Правда, формально Далмация и Албания остаются собственностью Венгрии или Империи, в состав которой они входят, но фактически ни та ни другая не могут, да и не хотят бороться за своих прежних хозяев с Венецией, которая, опираясь на свои новые адриатические владения, обеспечивает достаточно реальную оборону от турок, угрожающих всей Западной Европе.

Одновременно республика завоеванием или дипломатическим

путем стремится обеспечить себе господство над южной частью Балканского полуострова. Начиная с приобретения (еще в 80-х годах) острова Корфу и опираясь на свои старые опорные пункты Корон и Модон, она овладевает Аргосом и потом Афинами, которые, впрочем, затем на ряд лет становятся собственностью Антонио Аччайуоли, признающего довольно формально свою зависимость от Венеции. В 1407 г. к венецианским владениям присоединяется Лепанто, затем Патрас, в 1414 г. — Бодониц и Фтелион — важные центры на путях в Евбею, в 1419 г. — Монембадия, в 1421 г. — Мистра. Наконец, в 1423 г. Венеция покупает у византийского императора Фессалоники — второй по величине и значению город Греции.

Значение этих приобретений еще увеличивается господством на островах Цикладских — Тинос, Миконос и Аморгос, и Спорадских — Скиатос, Скирос и Скопелиос. На ряде крупных островов сидят феодальные владетели, полностью зависящие от Венеции, нередко происходящие из ее патрициата, — таковы Сомарица на Андросе, Криспи на Наксосе и другие.

В общем и на востоке республика св. Марка, несмотря на неуклонное продвижение турок, а может быть и благодаря ему, не только не ослабляет, но прямо-таки усиливает свои позиции, твердо беря в свои руки господство над всем Адриатическим морем.

В этом сохранении, а частично и усилении своих позиций на востоке Венеция не встречает больше сопротивления со стороны своей старой соперницы Генуи, в результате постоянных внутренних раздоров попавшей под власть Франции, затем Милана и с трудом удерживающей даже свою гордость — колонии в Крыму.

Еще менее опасной является доживающая свои последние годы Византийская империя Палеологов, с которой республика св. Марка постоянно возобновляет дружественные договоры, но фактически может не считаться.

Зато все более считаться приходится с явными преемниками Византии — неудержимо усиливающимися и продвигающимися турками-османами. Венецианским войскам нередко приходится сталкиваться с ними в Албании, на Морее и в других местах. Опираясь на крепости Модон, Корон и ряд менее значительных, они постоянно держат оборону против турок, охраняя как свои земли, так и особенно свою торговлю. Понятно, что заключенный в мае 1390 г. султаном Баязидом договор о привилегиях для венецианской торговли во всех его владениях был воспринят как большой успех республики.

Последовавший затем разгром турок (1402 г.) монголами Тимура, чрезвычайно выгодный Венеции, позволил ей захватить, как указано выше, ряд важных позиций на Балканском полуострове, но не нарушил дружественных отношений ее с турками; под разными предлогами Венеция не участвует в военных на-

чинаниях против них императоров Византии и Германии. Положение меняется, когда, оттеснив своих братьев, с которыми Венеция поочередно находилась в союзе, престолом овладевает Мехмед I (1413 г.), временно примиряющийся с Византией и с Венецией, но затем направляющий всю свою весьма значительную мощь против последней.

Создав к 1415 г. значительный военный флот, о чем только мечтали его предшественники, Мехмед появляется в водах, которые Венеция привыкла считать своей неоспоримой собственностью. Несколько ослабившая за последние годы, принесшие ей столько легких побед, заботы о своем флоте, республика св. Марка принимает энергичные меры к его обновлению и в то же время ищет союзников против грозного врага. Она ведет переговоры с Византией, Венгрией, сербскими деспотами, но сколько-нибудь реальной помощи не получает.

29 мая 1416 г. венецианский флот под командованием Пьетро Лоредана одерживает крупную победу над турецким, уничтожая значительную часть последнего. Лоредан подходит к Константинополю и заставляет Мехмеда заключить с республикой мир, который был подписан в ноябре 1419 г. и не только предоставлял Венеции право свободной торговли на всей занятой турками территории, но и давал ей право безнаказанно воевать с турецкими корсарами.

На ряд лет Венеция обеспечивает себе некоторую безопасность со стороны турок, что позволяет ей возобновить договор с Византией и продолжать свои захваты на Балканах, без помех как со стороны последней, так и со стороны турок, с которыми снова заключено соглашение 20 апреля 1426 г.

4 апреля 1423 г. умер дож Томмазо Мочениго, во время правления которого были достигнуты столь большие успехи, что республика могла считать себя сильнейшим государством не только в Италии и в Европе, но и одним из сильнейших в мире. Доказательством этого могло служить посольство, прибывшее летом 1402 г. с богатыми подарками из далекой и экзотической Индии. Незадолго до своей смерти, ранней весной 1423 г., сообщает предание, престарелый дож обратился к венецианцам с речью, в которой подводил итоги своего правления и намечал перспективы дальнейшей политики своей родины. Мир и торговлю завещал своим преемникам Мочениго, ибо, утверждал он, «все наши консулы и купцы говорят нам, что мы господа потому, что весь мир нуждается в нас. Лучшим для нас будет мир, который позволит нам зарабатывать столько денег, чтобы все нас боялись».⁵⁷

Однако мирная политика, которую рекомендовал умирающий дож, далеко не всем правителям Венеции была по сердцу. У многих из них от постоянных побед и успехов так закружилась голова, что они склонны были считать свою республику непобеди-

мой и стремились толкнуть ее на путь дальнейших рискованных военных авантур.

Эта-то группа, вопреки рекомендации Томмазо Мочениго, предложившего ряд своих единомышленников кандидатами на пост дожа, выдвигает человека, с которым в последние годы своего ирравления не раз резко расходился в мнениях покойный дож.

15 апреля после бурных дебатов только 26 голосами из 41 дожем был избран Франческо Фоскари (илл. 17). Еще не старый для такого поста человек (ему шел 51 год), Фоскари имел уже за спиной большую и яркую жизнь. Он занимал самые разнообразные ответственные посты, был членом Совета сорока, Совета десяти, «прокуратором св. Марка» и т. д., ездил в качестве посла к турецкому султану, императору и папе. Сам представитель старого, но обедневшего патрицианского рода Фоскари был связан с многими такими же, как он, беспокойными, готовыми на любые авантюры патрициями и опирался на их поддержку. Страстный сторонник политики, ориентированной на запад, на расширение и укрепление сухопутных итальянских владений Венеции, он в течение всего своего догата стремится компенсировать ими все более ощутимые потери позиций на Востоке, связанные с продвижением турок. Именно с его именем связывается окончательное превращение республики св. Марка в сухопутную державу, старающуюся не упустить и своих многовековых морских позиций, но все бóльшую долю средств и сил черпающую из итальянских владений. Такая установка нового дожа, к тому же человека резкого и самоуверенного, создала ему большое количество ожесточенных врагов как в самой республике, так и за ее пределами. Недаром один из таких врагов — Андреа Контарини 11 марта 1430 г. набрасывается на него с ножом и ранит его в лицо, недаром трижды в течение своего бурного правления он будет просить освободить его от почетных, но таких тяжелых обязанностей дожа.

Агрессивная сухопутная политика Франческо Фоскари, естественно, уже с первых месяцев правления привела его к столкновению с не менее агрессивным западным соседом — Филиппо Мария Висконти. В союзе с Флоренцией (с 1425 г.) Венеция начинает длинную серию войн и временных примирений с Миланом. Главный полководец республики Франческо Карманьола одерживает в этой войне немало побед, приносящих ей славу и расширение владений, но окончательного разгрома врага он так и не может добиться.

Народное мнение обвиняло в этом, особенно после победы при Маклодио (12 октября 1427 г.), Карманьолу, который не смог или не захотел надлежащим образом использовать разгром врага, но синьория, как обычно действующая медленно и осторожно, устроила победителю после заключения Феррарского мира (14 марта 1428 г.) торжественную встречу и осыпала его по-

дарками, показывая этим, что и достигнутые закончившейся войной результаты (Венеция приобрела города и области Бреши и Бергамо) должны рассматриваться как большой успех.

В возобновляющейся в январе 1431 г. войне с Миланом Карманьола, который от успехов возомнил себя всемогущим, чувствует себя хозяином, требует и получает невиданное даже для богатой Венеции вознаграждение: звание верховного главнокомандующего, 1 тыс. дукатов в месяц и города Кьяри и Роккафорте с графским титулом в качестве феода. Несмотря на это, новому графу не удастся и на этот раз добиться скольконибудь решающих успехов. Между тем война требует столь значительных средств и сил, что республика, не имея возможности бороться на два фронта, вынуждена примириться со взятием турками такого важного пункта, как Фессалоники, и лишь с великим напряжением отстаивает от императора Фриуль.

Слухи о предательской медлительности Карманьола все больше бродят по республике, и 28 марта 1432 г. Совет десяти с особой, добавочной комиссией (*Zonta*) и 20 членами сената собирается, чтобы рассмотреть поведение главнокомандующего. Ничего не подозревающий кондотьер был вызван в Венецию. Встреченный с обычными почестями Карманьола в сопровождении 8 патрициев прибыл во дворец дождей, но после длительного ожидания ему было сообщено, что дож занят и принять его не может. Когда же он захотел покинуть дворец, почетная свита препроводила его в тюрьму. 9 апреля 1432 г. начался открытый процесс, продолжавшийся целый месяц. Обвиненный в государственной измене сын пьемонтского крестьянина, достигший было ведущего положения в Италии, 26 из 36 судей был приговорен к смертной казни. 5 мая в центре Венеции, между двумя колоннами пьядетты, Карманьоле отрубили голову. Его вдове и дочери была обеспечена значительная пенсия. Тело его по их просьбе было направлено в Милан, где похоронено в церкви Сан Франческо. Так кончилась бурная карьера кондотьера, так же как Франческо Сфорца, женатого на представительнице рода Висконти, так же как он питавшего надежду на герцогскую корону Милана, но менее ловкого и решительного.

Война с Миланом продолжалась до второго Феррарского мира (26 апреля 1433 г.), оказавшегося, однако, тоже недолговечным. Уже в следующем, 1434 г., борьба как дипломатическая, так и вооруженная возобновляется, правда, не превращаясь в настоящую войну. В союзе с Флоренцией, во главе которой теперь стоит дружественный Венеции Козимо Медичи, и с императором республика посылает своего нового кондотьера Эразмо де Нарни, более известного под прозвищем «Полосатая кошка» (Гаттамелата), против последнего отпрыска семьи Каррара — Марсилио, пытающегося с миланской помощью взять Падую. Марсилио схвачен и казнен. Не без поддержки Венеции сбрасывает поздней осенью 1435 г. господство Милана Генуя.

Настоящая война возобновляется весной 1437 г. и идет с переменным успехом, под знаком многократных переходов из лагеря в лагерь крупного кондотьера и затем зятя Филиппо Мария Висконти — Франческо Сфорца; она продолжается до заключения по инициативе последнего 20 ноября 1441 г. мира. Приезд вскоре после этого победоносного кондотьера в Венецию

превратился в его подлинный триумф, так как не без его помощи республика вышла из трех тяжелых и разорительных войн с Миланом с немалыми приобретениями на суше (*terra ferma*). В ее владения были включены Бреша, Бергамо, Равенна, Червия.

Обширные сухопутные владения все более втягивают Венецию в сложные и запутанные итальянские конфликты, от которых она раньше стремилась держаться в стороне. Это приводит ее уже в 1446 г. к новой, четвертой, длительной войне с Миланом. Новый главнокомандующий республики, в прошлом бедный дворянин из Бергамо, образованный и энергичный Бартоломео Коллеони⁵⁸ ведет ее войска с переменным успехом как против Филиппо Мария Висконти, так и против французов, а затем против претендента на миланский престол Франческо Сфорца. 16-июля 1448 г. последний наносит ему при Казальмаджоре поражение, повторяя его 15 сентября при Караваджо, что ставит Венецию в положение столь тяжелое, что дож предложил сенату все свое состояние и просил сделать то же сенаторов. Но сразу же после этого республика вступает в переговоры с победителем и обещает ему свою поддержку в деле овладения Миланом в обмен на Крему и Гьяра д'Адда. Попытка снова перейти в лагерь врагов Сфорца оказывается неудачной и явно запоздалой — Франческо Сфорца становится герцогом и, заключая тесный союз с Козимо Медичи, делается в значительной степени неуязвимым для Адриатической республики.

В то время как тянущаяся ряд десятилетий борьба с Миланом, составляющая основную линию сухопутной политики Франческо Фоскари, несмотря на различные повороты, позволяет республике неуклонно расширять свою итальянскую территорию и обеспечивать безопасность ее границ на Востоке, правда, занимающем в правительственной деятельности дожа второстепенное место, Венеции приходится терпеть поражение за поражением. В феврале 1430 г. турецкий султан Мурад II берет приступом крупнейший порт Эгейского моря — Фессалоники, присоединенный Венецией всего 7 лет до этого, в год избрания Фоскари (1423). Напрасно пытается республика св. Марка противопоставить растущей мощи турок союз с Византией и Венгрией: и та и другая еще более бессильны, чем она сама. Не могут быть надлежащим образом использованы и частичные успехи венецианского флота в Дарданеллах. 4 сентября 1430 г. заключен мир с турками — Венеция обязуется уплачивать султану ежегодную подать за обладание Лепанто, Алессио и Скутари. Целиком поглощенная своей войной с Миланом, отдельные эпизоды которой разыгрываются и в восточных водах, Венеция с трудом удерживает в течение следующих лет свои владения в Адриатике.

Правда, Истрия, Далмация и Албания остаются еще в составе этих владений, но удерживать их в обстановке постоянной вражды и соперничества с Венгрией и Империей при все более

неудержимом натиске турок становится все труднее и труднее, да и выгоды, приносимые ими, при общей неустойчивости положения являются весьма скромными.

Связанная условиями несколько раз возобновляемого договора с турками, республика св. Марка не может и, пожалуй, не очень и хочет оказать активную помощь Византии, турецкая угроза которой становится все более реальной. Правда, с последней 21 апреля 1448 г. также возобновлен традиционный пакт о взаимопомощи, правда, Венеция неоднократно обращается к западным державам — к папе, императору, Венгрии, Арагону, Франции с призывами сплотиться для отпора туркам, но призывы эти остаются гласом вопиющего в пустыне. Собственная же помощь Венеции, состоявшая из 5 галер и небольших отрядов константинопольских венецианцев, не могла оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления громадным силам османов, начинающих под руководством своего нового, воинственного и жестокого султана Мехмеда 11⁵⁹ летом 1452 г. решительное наступление на столицу бессильной Восточной империи. 2 апреля 1453 г. она была окружена с суши и с моря. Напрасно героически сражались вместе с немногочисленными византийскими войсками константинопольские венецианцы — силы были явно неравны. 29 мая после решительного штурма город был взят, император пал в бою. 3 тыс. венецианцев удалось прорваться на кораблях через блокаду и бежать, остальные, во главе с Габриеле Тревизаном, попали в руки победителей, многие из них (в первую очередь Баило-Джироламо Минотто) были казнены.

Падение Византии не только стоило республике св. Марка ряда ее мужественных граждан, не только привело к потере ею ценностей стоимостью не менее 200 тыс. дукатов, но и подтвердило безнадежность старой восточной политики ее и, следовательно, правильность «сухопутной» политики дожа Франческо Фоскари.

Но личная судьба этого последнего крупного государственного деятеля Венеции была трагической. Всегда встречавший серьезную оппозицию, возглавляемую семьей Лоредан, он как раз в те годы, когда все более определялась правильность его политической линии, вступил в открытый конфликт с синьорией, в первую очередь с ее страшным и ревнивым к любому политическому успеху Советом десяти. Поводом послужило неосторожное поведение единственного оставшегося в живых (трое других погибли в боях за родину) сына Франческо — Якопо Фоскари.

Уже в феврале 1445 г. Якопо был обвинен в получении взяток от иностранных государств и изгнан. Прощенный и вернувшийся в город, он через 5 лет снова выслан за якобы организованное им убийство председателя Совета десяти (судившего его в первый раз) Эрмолао Донати. Вызванный в июле 1456 г. в Венецию для пересмотра дела, он был снова осужден и умер через несколько месяцев в январе 1457 г.

Для 80-летнего отца это было тяжелым ударом, но за ним последовал другой, не менее страшный. Трижды в годы своего расцвета просил он об отставке и трижды получал отказ. Теперь же, после стольких лет успешного правления, 21 октября 1457 г. Совет десяти в нарушение конституционных порядков, требовавших в таких случаях решения Большого совета, принял постановление о смещении дожа. Фоскари попытался протестовать, указывая на незаконность постановления, но после вторичного приказанья вынужден был смириться.

Согбенным, дряхлым старцем, опираясь на костыль, с трудом спустился по лестнице дворца дожей тот, кто 34 года назад поднялся по этой лестнице полный надежд и смелых замыслов и в течение этих лет осуществил немалую их часть. Через несколько дней Франческо Фоскари умер. Так кончилась жизнь человека, которому республика св. Марка была обязана поворотом в своей политике, направившим ее на новые пути.

§ 7. ГЕНУЯ⁶⁰

Туринский мир 1381 г., закончивший Кьоджанскую войну и не давший Генуе тех результатов, которых она ожидала в течение всей первой, столь для нее удачной части этой войны, значительно ослабил ее, однако внешне она продолжала оставаться цветущей, достойной соперницей своего традиционного врага Венеции. В 1382 г. она возобновляет договор о дружбе со слабеющей Византией, но сохраняет и хорошие отношения с резко усиливающимися турками. Воспользовавшись смертью кипрского короля Пьетро II, наследник которого — Джакомо — находился в ее руках как заложник, Генуя навязывает Кипру униженный и тяжелый договор, отдающий ей крупнейший порт острова Фамагусту и значительную часть доходов. Впрочем, жестоко и неуклонно осуществляя условия этого договора, Генуя скоро доводит Кипр до такого глубокого экономического кризиса, что самая власть ее здесь ставится под вопрос.

Внутреннее положение республики св. Георгия много хуже, чем позволяет предполагать ее пышный внешнеполитический фасад. Государственный долг неудержимо растет, внутренние распри и соперничество расшатывают государственный организм, сухопутная армия слаба и ненадежна, чума 1384 г. наносит громадный ущерб. Все это, а также неустойчивое положение в, казалось бы, не сократившихся колониях приводит к немалому омертвлению основного жизненного нерва республики — ее морской торговли. Только крымские колонии республики, лежащие пока что в стороне от политических событий, продолжают оставаться в относительно цветущем состоянии, но и их дни были сочтены после трагической для всего запада победы турок при Коссовом поле (1389 г.).

Дожи Генуи

Никколо Гуарко	вступил в 1378 г.	Джорджо Адорно	вступил в 1413 г.
Федерико ди Пагана	» 1383 г.	Барнаба Гуано	» 1415 г.
Леонардо Монтальдо	» 1383 г.	Томмазо Фрегозо	» 1415 —
Антониотто Адорно	» 1384 г.		1421 гг.
Джакомо Фрегозо	» 1390 г.	Изнардо Гуарко	» 1435 г.
Антониотто Адорно	» 1391 г.	Томмазо Фрегозо	» 1436 г.
Антониотто Монтальдо	» 1392 г.	Баттиста Фрегозо	» 1437 г.
Клементе Промонторио	» 1393 г.	Томмазо Фрегозо	» 1437 г.
Франческо Джустиниани	» 1393 г.	Раффазэле Адорно	» 1443 г.
Антониотто Монтальдо	» 1393 г.	Барнаба Адорно	» 1447 г.
Никколо Дзоальо	» 1394 г.	Джано Фрегозо	» 1447 г.
Антонио Гуарко	» 1394 г.	Лодовико Фрегозо	» 1448 г.
Антониотто Адорно	» 1394 —	Пьетро Фрегозо	» 1450 —
	1396 гг.		1458 гг.

Борьба за власть в Генуе, искони отличавшейся крайней политической изменчивостью, в эти трудные для нее годы достигает апогея. Так, за те 6 лет, в течение которых турки постепенно окружали Константинополь (1390—1396 гг.), отрезая республику от ее черноморских владений, в Генуе сменилось 11 правительств, а в последующие 3 года, когда она теряла одно из своих восточных владений за другим, таких смен произошло 6, т. е. в самый критический для государства момент политические перевороты в нем происходили в среднем дважды в год. Понятно, что авторитет каждого правительства был весьма невелик, что еще усугублялось постоянным положением финансового банкротства, из которого удавалось нередко выбраться, только выклянчивая подачки у отдельных богачей, сохранивших свои состояния и потому особенно выделявшихся на фоне общей народной нищеты и разорения.

Очень выпукло рисует плачевное положение генуэзского правительства то, что оно совершенно отказывается от содержания государственного военного флота. Задача охраны республики возлагается теперь исключительно на маоны — компании частных купцов. К маонам переходит также управление значительной частью средиземноморских владений Генуи, в частности Корсикой.

Так, идя от поражения к поражению, от банкротства к банкротству, от одного плохого правительства к другому, еще худшему, Генуя, еще недавно в Кюджанской войне ставившая на край гибели могущественную Венецию, опускается до положения третьестепенного государства, не могущего существовать

самостоятельно, в то время как ее соперница делается все более сильной и богатой.

Уже в 1381 г., стремясь оборониться от Милана, республика заключает на 10 лет договор с графом Савойским Амедео VI. А затем в следующем году одна из борющихся за власть патрицианских группировок прямо предлагает ему власть над Генуей. Осуществлению этого проекта помешала только смерть графа (1 марта 1383 г.), чем не замедлит воспользоваться Джан Галеаццо Висконти.

21 марта 1388 г. он заключает с дожем Антониотто Адорно соглашение, в значительной степени подчиняющее республику Милану. Однако и это соглашение оказалось непрочным. В 1392 г. в Генуе происходит очередной переворот — Антониотто Монтальдо захватывает власть и, изгоняя Адорно, восстанавливает независимость республики.

Адорно обращается за помощью к своему союзнику Джан Галеаццо, в то время как его противники, поддерживаемые могущественными Фьески, апеллируют к союзнице Висконти Франции, где в это время господствует орлеанская партия, ориентирующаяся на Милан. Карл VI французский поручает завоевание Генуи мужу Валентины Висконти, Луи Орлеанскому, который, в свою очередь, возлагает эту задачу на известного феодала-вояку Энгеррана де Куси, начинающего 4 сентября 1394 г. поход в Италию.

Между тем накануне (3 сентября 1394 г.) очередной переворот вернул в Генуе к власти примирившегося с Фьески Антониотто Адорно, радикально изменившего свою ориентацию и перешедшего в антимиланский лагерь, что не задержало продвижения французов, 17 сентября занимающих Савону. Казалось, сочтены также дни Генуи, но Адорно с энергией отчаяния борется за хотя бы относительную независимость родины. Опираясь на активную помощь Флоренции и ее ловкого посла в Париже Бонаккорсо Питти, он добивается изменения политики Карла VI, предлагаая последнему непосредственное господство над Генуей. 2 февраля 1395 г. это предложение принято, Энгерран де Куси отозван, и Генуя, а затем и Савона, освобождаясь от миланской опасности, входят в состав Франции.

Согласно договору, заключенному между республикой и французским королем в конце октября 1396 г.,⁶¹ последний принимает титул сеньора Генуи, жители которой приносят ему или его преемникам присягу на верность. Представитель короля с титулом «Защитника коммуны и народа» постоянно находится в городе и выполняет те же функции, которые ранее выполняли дожи. Он имеет 2 голоса в совете и управляет, пользуясь помощью Совета старейшин. Все остальные органы республики остаются без изменения. Первым «защитником» назначается до этого бывший дожем Антониотто Адорно, которого не без осно-

вания обвиняли в том, что за сохранение своей личной власти он продал свободу родины.

Но предательство не дало Адорно прочного и длительного положения. Постоянные раздоры в городе и его владениях, экономический кризис и жестокая эпидемия чумы вскоре заставили его самого просить французский двор об освобождении от должности, за которую он так дорого заплатил. Ходатайство его было удовлетворено, и на его место был назначен знатный и влиятельный французский феодал Валеран де Люксембур граф Сен Поль и Линьи, прибывший в Геную в сопровождении многочисленной свиты и вооруженного отряда. Однако и новый «защитник» продержался недолго и был отозван во Францию, оставив заместителей, которые тоже вскоре покинули город, спасаясь от свирепствовавшей в нем чумы.

Генуя опять оказалась ареной ожесточенной борьбы разных групп, объединений и партий, причем французы стремились поддерживать так называемых «гвельфов» — партию, в которой руководящую роль играли знатные, магнатские семьи, а пополанское большинство города, объединенное под знаменем гибеллинизма, стремилось освободиться от французского владычества или хотя бы ослабить его действенность.

К концу 1398 г. победа все более решительно оказывается на стороне гибеллинов, которые замещают своими представителями большинство должностей в управлении Генуей. Но Франция не желала выпускать из своих рук столь лакомый кусок, и в 1399 г. назначается новый «защитник» — доктор прав, королевский советник Коллар де Коллевиаль, которому, однако, также не удастся укрепить власть пославшего его государства. В качестве простого свидетеля присутствует он при ожесточенных классовых боях в разбушевавшемся городе.

Пополаны не только оттесняют полностью от власти магнатов, но в результате кровавой борьбы в среде первых власть переходит к народным низам, организующим правление приоров — представителей производственных цехов: отделщиков кожи (*conciatori*), колбасников (*pizzicagnoli*), мельников (*maccellai*) и шерстяников (*lanaioli*).

Не способный помешать ходу событий, французский представитель смещен, бежит из города, главой которого провозглашается с титулом капитана народа сначала Баттиста Бокканегра, а затем более популярный Баттиста де'Франки, которому также удается удержаться недолго.

В обстановке все углубляющихся распрей снова во главе народа оказывается представитель рода Адорно (Адорнино, сын Антониотто), но положение снова изменяется, когда на территории республики появляется хорошо известный нам Жан де Менгр, маршал Бусико. В день «всех святых» 1401 г. с отрядом в тысячу отборных воинов он вступил в Геную, присудил к казни стоявших в этот момент во главе Баттиста Бокканегра и Бат-

тиста де' Франки Лукардо и при оцепеневшем от ужаса народе казнил первого из них, а затем и палача, который упустил второго.

Новый правитель упраздняет значительную часть местных правительственных и цеховых органов, запрещает ношение оружия, строит в городе новые укрепления, но зато полностью ликвидирует внутренние распри и беспорядки, что в какой-то мере компенсирует его замашки завоевателя. Попытки его вести, опираясь на генуэзские силы, активную внешнюю политику, не дают особых результатов. Правда, ему удается отстоять власть Генуи над Кипром, на которую посягает наследственный король острова Янус (Джани) Лузиньян, но морское столкновение с Венецией приводит к поражению (1403 г.) республики св. Георгия. Это не мешает французскому правителю после смерти Жан Галеаццо Висконти в 1402 г. вмешаться в борьбу за его наследство и подчинить Франции Пизу (в 1405 г. и вторично в 1408 г.) по договору с ее слабым и непопулярным властителем Габриеле Мариа Висконти (см. § 4). Однако договор привел к большой трате сил и средств, но не дал прочных результатов, так как Пиза в конце концов попала в руки Флоренции, из чего, впрочем, лично Бусико извлек немалую выгоду.

Длительное правление и смелые, но по большей части неудачные военные авантюры французского правителя ставят в крайне тяжелое положение и до того весьма напряженные финансы республики. Налоги нельзя увеличивать беспредельно, а займы, к которым обычно в тяжелые минуты прибегала Генуя и которые проводились, а затем контролировались особыми комиссиями, так называемыми «компере» (*compre*) оказались уже столь разветвленными и многочисленными, что даже проценты по ним выплачивать было затруднительно.

Поэтому 23 апреля 1407 г. постановлением маршала Бусико и Совета старейшин Генуи по согласованию с рядом других органов республики все ранее существовавшие «компере» были слиты в одну, получившую имя патрона города Комиссию святого Георгия или, как ее чаще будут называть, Дом святого Георгия (*Casa di San Giorgio*).⁶² На новое учреждение возлагались выплаты по всем ранее заключенным обязательствам, причем в размере 7% годовых, т. е. меньшем, чем было установлено ранее, а также, по существу, руководство всей финансовой и вообще хозяйственной жизнью государства. Весь капитал его был разделен на пай (*luoghi*), число которых равнялось 486 706 по цене 45 лир 9 сольдо 5 динариев за пай.

Во главе Дома святого Георгия стоят избиравшиеся на год 8 протекторов, 6 из которых не моложе 30, а двое не моложе 25 лет, каждый из них должен был быть обладателем не менее 100 паев, старший по возрасту был председателем с титулом приора и весьма широкими полномочиями. По окончании годового срока половина протекторов оставалась еще на один год

в качестве «бывших» (*precedenti*) для ликвидации дел своего правления. Вторым важным органом Дома были 8 прокураторов с тем же возрастным стажем, но с цензом в 50 паев, выполнявшие контрольно-ревизионные функции.

Дом, или Банк святого Георгия, очень скоро приобретает такую силу и такое значение, что нередко будет выступать как основная власть Генуи.

Однако и некоторое упорядочение финансового положения республики не укрепило надолго власть становившегося все более ненавистным населению французского управителя. То там, то здесь в городе и его владениях вспыхивали восстания, вышел из-под власти остров Хиос, правда, вскоре вновь подчиненный. Еще более затрудняют положение Генуи внешнеполитические авантюры — поддержка неаполитанских планов анжуйцев, весьма непопулярных в Генуе, торговавшей с королем Владиславом, и особенно вмешательство Бусико в борьбу за наследство Джан Галеаццо Висконти.

В ходе этой борьбы Бусико 31 июня 1409 г. покидает во главе войска Геную, после чего в городе вспыхивает давно подготовлявшееся восстание против французов. При поддержке и по вызову восставших и изгнанников, которыми руководит бежавший в свое время от маршала Баттиста де'Франки, к городу с двух сторон подходят отряды маркиза Монферратского Теодора II Палеолога и Фачино Кане. С трудом удержавшись в городе, остатки французов вынуждены бежать, их глава убит, и 13 сентября 1409 г. Генуя становится снова свободной и вместе с тем опять ареной ожесточенной борьбы партий и группировок.

Ставший во главе города Совет старейшин (*anziani*) откупается за 300 тыс. флоринов от Фачино Кане и приглашает вступить в город со своим отрядом маркиза Монферратского, что и происходит 9 сентября 1409 г. Маркиз был провозглашен капитаном и президентом города на срок в один год, с правом пролонгации и с тем же вознаграждением, которое получали дожи, что, впрочем, отнюдь не прекратило традиционной гражданской борьбы.

21 апреля 1410 г. маркиз Монферратский утвержден на новый срок в той же должности с повышенным вознаграждением в 151 тыс. дукатов годовых. Кроме того создана новая должность «охранителя справедливости» с широкими карательными правами.

Попытка главы оппозиционных гвельфских группировок Луки Фьеско захватить с небольшими силами город кончается полным провалом и примирением всей строптивой семьи Фьески с властью маркиза. Так же заканчивается и аналогичная попытка Орlando Фрегосо.

Но стоило маркизу Монферратскому в 1413 г. направиться с очередным усмирительным походом в Савону, как в Генуе

вспыхнуло восстание, заместитель маркиза бежал, и власть перешла к пополанским элементам, возглавляемым родом Фрегозо. Вскоре, однако, в городе появился брат Антониотто Джорджо Адорно, который собрал «парламент», по-видимому, заранее и хорошо подготовленное. Канцлер республики Джованни Стелла прочел проект новой конституции, который и был единогласно принят. Через несколько дней решение это было оформлено в виде конституционного документа, состоявшего из 154 параграфов, и официально подписано дожем, присягнувшим исполнять его.

Основное содержание этого документа, определившего с теми или иными отклонениями государственное устройство Генуи на десятилетия вперед, сводилось к тому, что полностью исключалось подчинение какому угодно иностранцу, господствующее положение занимали пополаны-гибеллины, но с предоставлением знати половины должностей, кроме высшей.

Во главе республики стоит дож, избираемый пожизненно из граждан не моложе 50 лет при помощи сложной многоступенчатой системы выборов.

Рядом с дожем в качестве верховного судьи и охранителя порядка стоит подеста, иностранный знатный юрист.

Главным совещательным органом при доже, как и прежде, остается Совет двенадцати старейшин (анцианов). Законодательная же власть представлена Малым советом, или Советом сорока, и Большим, или Генеральным, советом из 320 членов.

Кроме того, фиксировалось существование ряда более мелких инстанций: комиссии ревизоров (*sindacati*), провизоров, комитета по чеканке монеты (*uffizio della moneta*) и др.

Избранный на основании вышеприведенных установлений дож Джорджо Адорно начал свое правление удачно, вернув в подчинение Генуе ряд территорий и городов и наведя в республике относительный порядок, который, однако, как и следовало ожидать, сохранялся недолго. Уже в декабре 1414 г. против дожа и поддерживающей его группировки выступила сильная оппозиция, возглавляемая семьями Монтальдо, Спинола, Вивальди, Бокканегра и др. Разгорелась обычная гражданская война, охватившая город и его округу и закончившаяся в конце февраля 1415 г. компромиссным решением, согласно которому Джорджо Адорно оставался дожем до 27 марта этого года, после чего получал большое ежегодное вознаграждение, но уходил в отставку, во главе же республики на 3 месяца с титулом приоров становились Томмазо Фрегозо и Якопо Джустиниани. Однако и этот порядок удержался всего несколько дней. Уже 29 марта был избран дожем решительный и твердый, но мало популярный Барнаба Гуано, а вскоре его сменил Томмазо Фрегозо, сохранявший власть в течение 7 лет.

Отпрыск одного из знатнейших родов Генуи, богатый и пришедший к роскоши и почету Фрегозо правил как настоящий

монарх, поражая даже выдавших виды итальянцев своими празднествами, приемами и угощениями, что не мешало ему проводить и разумные государственные мероприятия, уменьшать налоги (особенно ненавистный бедному люду налог на соль), расширить и усовершенствовать порт и арсенал Генуи, занимать на общественных работах сотни бедняков и т. п.

Все эти и многие другие удачные и разумные мероприятия дожа не только не ликвидировали оппозицию ему со стороны влиятельных и знатных родов Генуи, но, наоборот, усиливали ее, так как сильный, успешно действующий правитель казался им особенно неприемлемым. Эта оппозиционная группировка сначала пыталась опереться на маркиза Монферратского, затем же переориентировалась на более могущественного покровителя — Филиппо Мария Висконти. С его помощью и поддержкой оппозиционеры, возглавляемые Рафаэле Монтальдо, ведут настоящую войну с дожем, разоряя и обессиливая свою родину, что их, впрочем, нисколько не останавливает. Фрегосо обороняется отчаянно, пытается откупиться от миланского властителя, уступая ему часть генуэзских земель, затем продавая, несмотря на возражения ряда генуэзцев, Флоренции Ливорно и уплачивая из полученной суммы значительную часть Милану, а остальное тратя на покрытие военных расходов и на борьбу с претензиями Альфонсо Арагонского на Неаполь. В ходе этой длительной и кровопролитной борьбы Генуе удается не только отбить все попытки арагонца захватить очень нужную ей Корсику, но и прочно укрепиться на ней, что рассматривалось как крупный успех Фрегосо.

Но и это не спасло воинственного дожа, как не спас его ни союз с Англией, ни ряд побед на суше и на море в районе Генуи. Вражеское кольцо вокруг города сжималось, и 2 ноября 1421 г., видя безнадежность дальнейшей борьбы и не имея для нее ни сил, ни средств, Фрегосо передал Геную Филиппо Мария Висконти на тех же условиях, на которых она ранее (в 1396 г.) была передана Франции, и за это получил крупную денежную сумму (30 тыс. флоринов) и власть над скромной Сарцаной.

Генуя вошла в состав Миланского герцогства, частью которого она остается до 1436 г. Управителем города был назначен Карманьола, обложивший население тяжелыми налогами, шедшими как на нужды Милана, так и на продолжение войны с Альфонсо Арагонским. Затем Карманьолу сменил Гвидо Торелли, активно продолжавший военные действия, вызывавшие все новые тяготы и, следовательно, все большее недовольство. Несколько попыток родов Фрегосо и Фьеско поднять восстание против власти Милана не дали результата, но ряд районов генуэзской территории отпал, перейдя под власть отдельных феодалов — Гуарко, Спинола, Ломеллино.

Сменяющие друг друга миланские управители — кардинал Якопо дельи Изолани, миланский архиепископ Бартоломео

Капра (с 1428 г.) не могли справиться с постоянно бурлящей и беспокойной территорией Генуи, к тому же заключившей самостоятельный мир с Альфонсо Арагонским.

Подчинение Милану не парализовало и другие самостоятельные внешнеполитические мероприятия Генуи — постоянно продолжающиеся столкновения с Венецией, борьбу за крымские колонии и за острова Средиземного моря.

Возобновившаяся война с Альфонсо Арагонским, уже близким к победе над Неаполем, приводит 4 августа 1435 г. к громкой победе генуэзского флота над испанским при Понце и к пленению самого короля. Впрочем, Филиппо Мария Висконти вскоре освободил его (см. § 2), что усилило и без того значительное в вечно беспокойной Генуе недовольство подчинением Милану и привело к нескольким неудачным попыткам свержения власти Милана, а затем (13 декабря) к осуществлению этого свержения. Миланский наместник Эрмес Тривульцио капитулировал, сдал цитадель и был отпущен живым, сама цитадель была уничтожена, и республика снова стала свободной. В качестве временного правительства с особыми полномочиями были избраны «шесть президентов и защитников свободы» (*presidenti e difensori della libertà*). В качестве дожа был выдвинут старый Изнардо Гуарко, которого вскоре сменил снова появившийся на политической арене Томмазо Фрегозо. В республике продолжались традиционные интриги различных партий и группировок, не лишавшие ее, однако, ни морского могущества, хотя и сокращаемого наступлением на Востоке турок, ни финансового значения.

§ 8. МЕЛКИЕ СИНЬОРИИ

Если крупные государства полуострова в течение конца XIV — первой половины XV в. ведут между собой ожесточенную и почти непрерывную борьбу, одни (Неаполь, Милан), стремясь во что бы то ни стало захватить первенствующее положение, а то и подчинить его себе целиком, а другие (Флоренция, Венеция), всеми своими силами стараясь не допустить этого и отстаивать свою самостоятельность, то мелкие, зачастую просто карликовые синьории, разместившиеся между границами своих более могущественных соседей, примыкают то к тем, то к другим, хитрят, лавируют, то увеличивают, то уменьшают свои владения, нередко рискуя их полной потерей. Властители этих малых государств, в своем большинстве энергичные, беспринципные, властолюбивые, корыстолюбивые и славолюбивые кондотьеры и политики, из кожи вон лезут не только для того, чтобы сохранить за собой и за своим потомством унаследованную от двух-трех поколений предков власть, но и для того, чтобы превратить свой микроскопический двор в средоточие искусств и литературы, сделать его изысканным и роскошным, не от-

стать от Неаполя, Флоренции, Венеции, а то и перегнуть их.

Так, совсем маленькое горное Урбино,⁶³ владение рода Монтефельтро, юридически подчиненное папскому Риму и немало способствовавшее восстановлению его владений после возвращения пап из Авиньона, сохраняет, однако, в значительной мере свою самостоятельность, опираясь на неприступность своих твердынь и на кондотьерскую деятельность своих владетелей. До поры до времени эти властители ничем не выделяются из числа многочисленных наемников-феодалов. Так, шестой граф рода Монтефельтро — Антонио (1377—1403) осторожно и медленно расширяет свои владения, присоединяет Кальи, затем Губбио, но остается мелким **рядовым сеньором**. Однако с начала XV в., с получения графом Гвидантонио Монтефельтро (1403—1443) в 1404 г. звания викария церкви, и его сыном Оддантонио в 1443 г. герцогского звания, положение изменяется. Графы, а затем герцоги все более активно вмешиваются в общепитальянские политические интриги и военные столкновения. Брак Гвидантонио сначала с Риччардой Малатеста, а затем (1424 г.) с племянницей папы Мартина V — Катериной Колонна выдвигает его маленькое государство на видное место в Центральной Италии. С папской поддержкой Монтефельтро захватывает небольшую, но важную в политическом отношении область Массу Трабарнию (Massa Trabaria) и ее главный город Кастель Дуранте. Крупные кондотьерские поручения, в частности со стороны Флоренции, делают Гвидантонио одной из виднейших военных фигур Италии.

Смерть Мартина V и вступление на папский престол Евгения IV (1431 г.), враждебного роду Малатеста, сталкивает с ними Гвидантонио, заставляет его вести длительные и в общем безрезультатные войны с Урбино. В 1443 г. Гвидантонио умер, передав власть своему 17-летнему сыну Оддантонио, расточительному, развратному и властолюбивому юноше, сразу же добившемуся у папы герцогского титула. Однако первый герцог правил недолго, в том же году он был убит, и ему наследовал его младший брат Федерико III, правление которого (с 1444 по 1482 г.) представляет собой наиболее цветущий период в истории Урбино, но выходит за хронологические рамки настоящей работы.

Римини⁶⁴ уже в середине XIV в. становится прочным, никем не оспариваемым владением семьи Малатеста, удачно соединяющей власть над этим небольшим, но важным в стратегическом и культурном отношении пунктом с кондотьерской деятельностью.

С 1385 г. во главе рода стоит юный (ок. 1364—1429) Карло Малатеста, сохраняющий власть над Римини до своей смерти и отдающий свой меч главным образом на поддержку римских пап в их борьбе с авиньонскими, а затем восстановлению единого папства. Женатый первым браком на Елизавете Гонзага, а вто-

Монтефельтро

Бонконт
(+1241)
первый граф Урбино с 1234 г.

Монтефельтро
(+1255)

Бонконт
(+1289)

Гвидо
(+1298)

Федерико
(+1321)

Нольфо

Федерико II

Антонио
(+1403)

Гвидантонио
(+1443)
(викарий церкви с 1404 г.)

Оддантонио
(+1444)
первый герцог Урбино
с 1444 г.

Федерико III
(+1482)

рым на племяннице папы Мартина V — Виттории Колонна, он был не чужд гуманистических увлечений, состоял в переписке с Леонардо Бруни и другими гуманистами. Он превратил свою небольшую столицу в один из центров новой, возрожденской культуры и новой, синьоральной жизни, одновременно заботясь об ее экономическом развитии, в частности о ее текстильном производстве и об усовершенствовании ее порта на Адриатике.

После смерти Карло ему наследовал его племянник (внебрачный сын его младшего брата Пандольфо) — Галеотто — владелец расположенного на 50 км южнее Римини небольшого Фано, которое, таким образом, было включено во владения

основной линии рода Малатеста; владения его значительно расширились и включали, кроме Римини и Фано, еще Чезену, Червию, Синигалью и Борго Сан Сеполькро. Это увеличение государства Малатеста не могло не вызвать вождельний жадных и завистливых соседей, в частности урбинских Монтефельтро и папского Рима, после смерти Мартина V и вступления на пре-

Малатеста

Линия Римини, Фано и Чезены

Галеотто
(+1385)

Карло
с 1385 по 1429 г. —
сеньор Римини

Малатеста
Чезена

Пандольфо III
(+1427)
Фано

Антония

↓ жена

Джованни

Мария Висконти

Галеотто Блаженный
(+1432)
с 1429 г. — сеньор Римини

Сиджизмондо
(+1468)
Римини, Фано, Синигалья

Малатеста
Новелло IV
(+1465)

Линия Пезаро

Пандольфо
(+1373)

Малатеста
(+1429)

Карло Малатеста
(+1438)

Галеаццо (с 1438 по 1445 г.)

в 1445 г. продал Пезаро Александру Сфорца

стол Евгения IV (1431 г.), враждебных Римини. А между тем юный (он пришел к власти 18-ти лет — родился в 1411 г.) Галеотто, получивший прозвище Блаженного, скорее экстатический аскет, чем государственный деятель, был мало способен к отражению надвигавшейся на его владения опасности. Однако долго разрешать эту трудную для него задачу ему не пришлось. Уже в 1432 г., надорвав свое здоровье постами и бичеваниями; Галеотто Блаженный умер, оставив государство своему 15-летнему брату Сиджизмондо, более чем 30-летнее правление которого — самое славное во всей истории Римини (с 1432 по 1468 г.), по своему характеру и своим хронологическим рамкам выходит за границы настоящей работы.

Расположенная примерно на 200 км к северо-западу от Ри-

мини на нижнем течении По Феррара⁶⁵ находилась с 1352 г. под властью маркиза Никколо II д'Эсте, по прозвищу Хромой (II Zorро). Этот властолюбивый и хитрый правитель, лавируя между Миланом и Венецией, сблизился под эгидой папской дипломатии с Малатестами из Римини, Делла Скала из Вероны, Каррара из Падуи и Гонзага из Мантуи и с крайним напряжением сил своего небольшого, расположенного между более могущественными соседями государства отстаивал свою относительную самостоятельность. Это напряжение в 1385 г. чуть не привело к катастрофе династии. Измученный непосильными налогами, связанными с активной внешней политикой, народ поднял восстание, захватил и сжег податные книги и угрожал резиденции маркиза. С трудом справившись с восставшими, он вынужден был несколько ослабить налоговый пресс и укрепить свою резиденцию, построив окруженный высокими стенами и рвами замок (*castello*), который затем на века будет выситься над усмирленным городом.

После смерти Никколо II в 1388 г. ему наследовал его брат Альберто (до 1393 г.). Продолжая политику своего предшественника, он, однако, временно примиряется с Миланом, пожертвовав в его пользу своим союзником Падуей (см. § 5). При нем в Ферраре был основан университет, немало способствовавший превращению этого небольшого городка в один из центров культуры Возрождения, своеобразно сочетающий элементы популяноски-прогрессивные с феодально-консервативными, неизбежными во всех подобных укрепленных гнездах феодалов-кондотьеров.

Преемником Альберто оказался его сын Никколо III (1393—1441), фактически начавший править по достижении 19-летнего возраста в 1402 г. В течение своего длительного царствования Никколо III, продолжая политическую линию своих предшественников, постоянно лавирует между своей грозной соседкой Венецией и другими крупными и мелкими государствами Северной Италии, в первую очередь Миланом, и как его отец также вынужден жертвовать Падуей (1406 г.), на этот раз в пользу Венеции. Может быть, эта измена заставила маркиза через несколько лет (в 1413—1414 гг.) совершить длительные паломничества в Иерусалим и по святыням Европы, которые, впрочем, больше напоминали дипломатические, чем душеспасительные поездки. Но даже при этом характере паломничества Никколо III выпукло обрисовывают своеобразие уже отмеченного нами культурного облика Феррары, при своей близости к Венеции и увлечениях модными гуманистическими идеями, упорно отстаивавшей феодально-рыцарскую культуру, что, в частности, сказывалось в тесных связях двора с Францией и Фландрией, в большом распространении в нем рыцарских поэм цикла Карла Великого, рукописи которых были обильно представлены в библиотеке маркиза.

Д'Эсте

Никколо II (1352—1388)
с 1361 г. — маркиз Феррары

Альберто (+1393)
с 1388 — маркиз Феррары

↓
Никколо III (1384—1441)
маркиз Феррары

↓
Леонелло (? — 1450)
с 1441 г. — маркиз
Феррары, в 1450 г. —
герцог Феррары

↓
Борзо (? — 1471)
с 1450 г. — герцог Феррары
с 1452 г. — первый герцог
Модены и Реджо

↓
Эрколе I (? —
—1505) с 1471
по 1505 г. — гер-
цог Феррары

Однако ни религиозные, ни рыцарские увлечения феррарского двора не заставляли его главу отказаться от традиционной политики лавирования между итальянскими государствами: то он (1414 г.) объединяется с Владиславом Неаполитанским, то (1421 г.) примиряется со своим исконным врагом Миланом и втягивается в агрессивную политику Филиппо Мария Висконти, а затем (1425 г.) переходит в лагерь его врага Венецианской республики.

К тому же 1425 г. относится на шумевшая на всю Италию казнь маркизом своей жены Паризины Малатеста и внебрачного сына Уго, обвиненных в любовной связи. Этот кровавый эпизод бросает мрачный свет на все, полное вопиющих противоречий, правление маркиза Никколо III, жестокого развратника и экстатического христианина, поклонника и мецената гуманистов, организовавшего при своем дворе школу Гварино (см. гл. III, § 1) и собирателя рыцарских романов, самовластного тирана внутри своего государства и гибкого, податливого дипломата вне его.

Именно во время правления этого — одного из характернейших правителей Италии начала XV в. — небольшая Феррара вошла в число крупнейших политических и культурных центров полуострова, что нашло яркое выражение в пышном приеме городом в декабре 1433 г. императора Сигизмунда, направлявшегося для коронации в Рим, и особенно организации в нем в 1437 г. Собора с участием византийского императора и ряда крупнейших прелатов для объединения Западной и Восточной церквей (см. § 3). Вскоре после этого события, привлечшего к его резиденции внимание всей Европы, Никколо III умер (1441 г.), оставив корону самому талантливому из своих внебрачных сыновей Леонелло.

Не менее важным центром, чем Феррара, была и расположенная на 100 км к северо-западу по течению По Мантуя.⁶⁶ С начала XIV в. (1328 г.) она находилась под властью рода Гонзага, связанного браками с большинством правящих домов Северной и Центральной Италии и претендующего на одну из ведущих ролей в этой части полуострова.

После смерти в 1360 г. основателя могущества рода Луиджи I Гонзага и в 1369 г. его сына Гвидо между сыновьями последнего разгорелась борьба за власть, приведшая к убийству в 1362 г. старшего из них — Уголино, воцарению одного из младших Луиджи II и к войне с Миланом, властитель которого Бернабо Висконти был дядей жены убитого Уголино, что не помешало затем заключению мира и браку дочери Бернабо, Анъезе, с Франческо, сыном и преемником Луиджи II.

При Джан Галеаццо Висконти отношения между Мантуей и Миланом опять портятся, а в 1397 г. приводят к военным действиям, в которых первая выступает в союзе с Флоренцией и Болоньей. В ходе этих действий Гонзагам не только удается отстоять свои владения, но и, лавируя между Миланом и Венецией, закрепить свое положение могущественнейших кондотьеров Северной Италии.

Мантуя застраивается пышными зданиями полуготического, полуренессансного стиля, а ее двор конкурирует по роскоши и сосредоточению культурных сил даже со своим могущественным соседом — двором Милана.

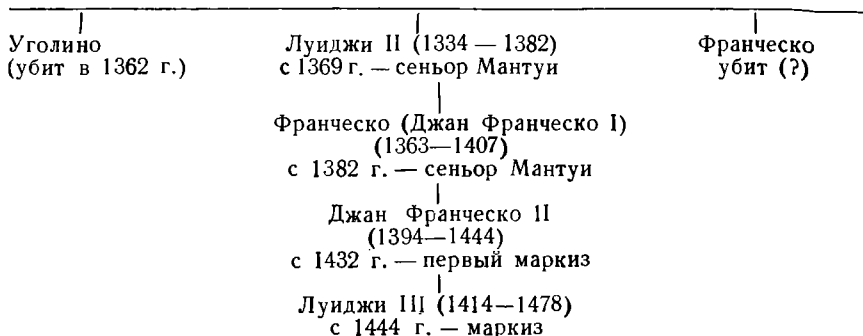
В 1407 г. после смерти Франческо ему наследует его сын Джан Франческо, получающий в 1432 г., при проезде через Мантую императора Сигизмунда, титул маркиза, закрепляющий как власть рода в Мантуе, так и его претензии вне ее. Организация в эти же годы при дворе Гонзага знаменитой гуманистической школы Витторино да Фельтре распространяет по всей Италии и славу Мантуи как культурного центра.

В 1444 г. Джан Франческо сменяет его сын Луиджи III, видный кондотьер и типичный государь Возрождения.

Судьбы четырех рассмотренных нами мелких государств

Гонзага

Луиджи I (1267—1360)
с 1328 г. — государь Мантуи
|
Гвидо (1291—1369)

Центральной и Северной Италии сходны, сходны они и с судьбами многих других подобных им политических образований. Большинство из них попадает под власть военно-феодалных династий, представители которых, лавируя в сложной политической обстановке раздробленного полуострова, воюя, покупая и продаваясь, заключая браки, меценатствуя для рекламы и по вкусу, судорожно стремятся удержаться у власти, увеличить свои владения, выдвинуться, прославиться, что, может быть, увеличивает блеск и славу Италии, но ослабляет ее политически и морально, подготавливая ту катастрофу, которая разразится над полуостровом через полстолетия.

ГЛАВА II

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

К концу XIV в. в области сельского хозяйства, городского производства и торгово-банковской деятельности выработались формы и методы, остающиеся в основном неизменными не только следующие десятилетия, но и много дольше. Поверхностный взгляд на экономическую жизнь Италии последних лет XIV — первой половины XV в. не обнаруживает в ней сколько-нибудь серьезных изменений по сравнению с предшествующим периодом, чем, может быть, объясняется и почти полная неизученность этого раздела социальной и экономической истории полуострова.

Однако более внимательное взглядывание обнаруживает, что появляются то там, то здесь новые черты (пусть часто не решающие), которые говорят о том, что подспудно, незаметно для самих современников изменения не только происходят, но нередко и приобретают характер весьма тревожный.¹

Чрезвычайно интересны в этом отношении, хотя и далеко не полные данные об эволюции населения, в первую очередь самого передового из городов Италии в XIV в. — Флоренции. По данным описей населения, делавшихся регулярно для целей налогообложения — эстимо, опись 1379—1380 гг. отмечает в го-

роде Флоренции 13 074 семей (или по-флорентийски — огней, или очагов — fuochi), что при устанавливаемой на основании той же описи средней численности семьи в 4,19 человека, дает общее количество населения города в 54 747, не включая духовенство. По сравнению с серединой XIV в. это значительное уменьшение, так как, если верить Джованни Виллани, в 1338 г. Флоренция также без духовенства имела 90 тыс. жителей. Но если сравним цифру 1379—1380 г. с цифрой, также заимствованной из данных эстимо, но на 1427 г., то увидим дальнейшее значительное снижение: на этот год город имеет 10 171 семью, что при среднем количестве в 3,65 человек на семью дает 37 225 человек без духовенства, т. е. за 90 лет, с 1338 г., население города Флоренции без духовенства сократилось более чем вдвое. Характерно при этом то, что количество населения на 1427 г. (около 40 тыс.) остается более или менее стабильным на весь XV в. и, во всяком случае, до середины XVI в., когда превращение Флоренции в столицу Великого Герцогства Тосканского приводит к некоторому повышению населения ее.²

Тот же прогрессирующий спад количества населения к первым десятилетиям XV в. заметен и в городах и сельских местностях флорентийских владений более близких — контадо и более отдаленных — дистретто.

По данным кадастров, все контадо в целом, но без Прато, Сан Миньято и нескольких других пунктов, включенных несколько позже, имело в 1356 г. 29 245 семей (fuochi), в 1373 г. — 26 872, а в 1470 г. — 20 281 семью. Та же тенденция наблюдается и в отдельных центрах контадо. В Прато в 1365 г. — 3370 семей, в 1470 г. — 1798; в Сан Миньято в 1384 г. — 1499 семей, а в 1470 г. — 600; в Эмполи в 1356 г. — 578 семей, в 1470 г. — 330; в Чертальядо в 1356 г. — 197 семей, в 1470 г. — 81; в Фильине в 1350 г. — 462 семьи, в 1470 г. — 256 семей.

То же с полной ясностью проявляется и в городах дистретто: в 1350 г. население Поджибонзи, по данным кадастра, имеет 583 семьи, около 3 тыс. жителей, а в 1470 г. — 318 семей. В Сан Джиминьяно в 1227 г. (до включения во Флорентийский дистретто) население составляет около 5 тыс. человек, в 1427 г. в городе 573 семьи — около 3195 человек.

Приведенные цифры, как уже сказано, далеко не окончательные, являются, однако, весьма убедительными для доказательства резкого, иногда доходящего до 50 %, а иногда и переходящего этот предел падения населения Флоренции, ее контадо и дистретто между серединой XIV — серединой XV в. Мы не знаем точно, когда именно произошло это снижение, да вряд ли можно фиксировать для него какую-нибудь определенную дату, но есть основания предполагать, что оно стало заметным между 1404 и 1427 гг.³

Весьма трудно и, пожалуй, невозможно при современном состоянии источников сколько-нибудь убедительно объяснить

причины этого явления. Можно предполагать, что причины эти были те же, которые заставили на переломе между XIV и XV вв. Флоренцию, как и другие передовые государства Италии, перейти от республиканских форм политического устройства к формам монархическим.

Полная победа богатых горожан в союзе с остатками феодальной знати, окончательно оттесняющих от власти, а затем и от надежд на лучшее будущее основные массы производительного населения, несомненно, была одной, может быть, важнейшей из этих причин.

Трудящиеся массы как города, так и деревни, в течение полутора столетий боровшиеся за свои экономические и политические права, одержавшие в этой борьбе немало серьезных побед, разбуженные гуманистическим учением, постепенно проникшим в самую толщу народного сознания, под влиянием этого ученья привыкшие считать себя такими же свободными и полноправными гражданами, как богатейшие «жирные» пополаны, теперь опустили руки, устало отошли в сторону, что не замедлило сказаться на самых различных сторонах жизни передовых центров Италии XV в.

Несомненно, что кроме причин внутреннего порядка, действовавших в каждом центре в отдельности, но складывавшихся и в некую общую тенденцию, немало влияло на экономическое положение Италии и намечающееся к концу XIV в. изменение общей политической, а в связи с этим и хозяйственной ситуации во всей Западной Европе.

Как ни расценивать эти изменения (а современная наука делает это весьма противоречиво), считать ли их сводящимися к общему упадку, или, наоборот, к общему подъему,⁴ но признать их наличие приходится. А из этого признания следует, что и Италия не могла оставаться в стороне от их последствий.

Столетняя война между Англией и Францией вступила после мира в Бретињи (1360 г.) в новую фазу. Во Франции прогремела гроза «жакерии», а в Англии восстание Уота Тайлера потрясло социальную структуру страны. В Германской Империи правление Карла IV сделало Чехию центром государства, значительно изменило ее политическое устройство, экономику и культуру и вместе с тем подготовило гуситское революционное движение. На Балканах продвижение турок угрожало всему Средиземноморью, и в первую очередь итальянской восточной торговле.

Источники только изредка, и то случайно, дают нам возможность заглянуть в механизм происходящего в самых глубинах жизни Италии конца XIV — начала XV в. перелома, но каждое оброненное ими указание такого рода особенно ценно.

Так, живущий и пишущий в первой половине XV в. сиенский новеллист Джентиле Сермини в одном из своих рассказов, более напоминающем простую запись увиденного и услышанного, чем новеллу в полном смысле этого

слова,⁵ пишет, что в 1424 г. в Сиене свирепствовала эпидемия чумы. Спасаясь от нее, автор уезжает в глухую горную деревушку сиенского контадо и оказывается в кругу крестьян-пастухов, которых он, образованный и избалованный горожанин, характеризует так: они «хотя глазу казались животными разумными (*animali razionali*), но заслуживали названия животных диких (*animali brutti*) из-за своих занятий, грязных, грубых и материальных (*zotichi, grossi e materiali*), деревенщин, мужиков, неучей, неблагодарных, не имеющих никаких человеческих чувств и благородства». Люди эти занимаются только охраной и выгоном на пастбище скота и очень редко приезжают в город, так что в самом их быте ясно обнаруживается, что они никогда не общались ни с кем, кроме животных. Из этой явно преувеличенной, презрительной характеристики явствует, однако, что крестьяне, которых описывает новелла, отнюдь не принадлежат к числу сельских жителей, живущих вблизи и испытывающих сильное влияние города, наоборот, это отсталые горные пастухи, в среде которых можно было бы ожидать сохранения воспитанной веками рабской покорности, отношения к окружающей социальной действительности как к чему-то неизбежному и неизменному. Однако это далеко не так.

Тоскуя в окружении кажущихся ему грубыми и неразвитыми людей, автор, однако, от скуки записывал незаметно подслушанные им разговоры, по возможности сохраняя все их выражения и неуклюжие фразы. Записывает он и разговор местных жителей с прибывшим в селение со своего дальнего горного участка крестьянином по имени Ронконе, рассказывающим о своей жизни и взаимоотношениях с владельцем земли, на которой он сидит исполщиком.

«Скажи мне, — спрашивает один из собеседников, Пьоджа, — какие у тебя отношения с твоим землевладельцем?» «Плохие, да накажет его бог», — отвечает Ронконе и объясняет, что если владеец и окажет ему иногда какую-нибудь помощь, то потом требует за нее такой расплаты, что не захочешь и помощи. Правда, хозяин помог ему выдать замуж дочку, дав ей приданое в 50 лир, платье, кофту, свадебный венец и новые туфли, но ведь все это он сделал из страха перед богом, а не для него. «Стыдно было, — добавляет Ронконе, — не подарить еще пару красных туфель, и если бы у него самого были бы деньги, он обязательно сам купил бы их, чтобы пришить богача».

«Да, недаром говорят, — откликается Пьоджа, — что эти горожане хорошо относятся только к самим себе». А Ронконе продолжает: «Посмотри на мою жену, перебирающую шерсть, которая так спутана, что мне не остается и малой части ее, посмотри на моих ребят, совсем раздетых и разутых, а владеец все же требует половину всего: сыра, яиц, фруктов, овощей, льна, шафрана. Все надо делить пополам. А я падаю от усталости, добывая и обрабатывая его половину всего, так же как и мою». «Видит бог, — говорит Пьоджа, — это слишком много, давать ему половину всего, как ты говоришь, я же утворюю, что ты болван. Делай как я, работай тайно, когда есть время. Сказать тебе правду, ты слишком хорош, я бы так не поступал!».

«Ты смеешься, — парирует Ронконе, — жена владельца дала на днях моей жене пару чулок, совсем разорванных на коленях, и старую, рваную юбочку и сказала: „Возьмите, сделайте из этого что-нибудь вашим малышам“. Дала она также два платка для моих девочек; и она думает, что сделала великое дело, а у них самих так много всего, что дом ломится от добра! Ах! Если бы было возможно (*se pignesse*), я бы, честное слово, отплатил им по заслугам (*renderei del pane per focaccia*), проклятым неграмотным грамотеям (*baccalari sconoscenti che sono*)».

«Скажи правду, — продолжает пытаться Пьоджа, — подарил ли он тебе хоть когда-нибудь куртку?». — «Да! когда она уже совсем порвана! А чтобы подарить мне новую, у него доброты никогда не хватало, а я ему оказываю столько услуг... Правда, он подарил мне три пары башмаков, но одна была совсем рваная, другая без ремней, и давно выброшенную им шляпу».

«К черту! — восклицает Пьоджа. — Что же он полагал ты будешь делать с башмаками без ремней?».

«А все-таки дело обстоит именно так, — жалуется Ронконе. — При сборе овощей и урожая они так требуют своей половины, как будто умирают с голода, а я действительно подыхаю и падаю от усталости, весь год обрабатывая его участок, а он пальцем о палец не ударяет, а сидит целыми днями и играет (а gambeare), а меня жалеет не больше, чем собаку!»

«Ну, это уж слишком», — возмущается Пьоджа.

«Нет, ты послушай еще, он знает, что у меня нет ни сетей, ни силков, а у него ими полны сарай, и все-таки, если я не попрошу, никогда не предложит мне ничего».

«И ждет, чтобы ты попросил?»

«Да, говорю тебе! Ох, ох, ох! Ведь он знает, что моя семья ест свежее мясо только тогда, когда он нам его посылает, а это бывает только раз-два в месяц, и посылает он по кусочку баранины (castrone). А когда я его попрошу, одалживает двое силков, но я могу ими пользоваться только на одну ловлю и тотчас же должен отдать, а потом он упрекает меня за то, что силки надо было чинить. А если бы я пользовался ими месяца три, я бы поймал больше двадцати перепелок, а это дало бы мне пару туфель для одного из моих ребят. И не думай, что я могу использовать для себя деньги, которые выручу за продажу пойманного, — я должен купить орудия для обработки его участка. А в субботу, когда я ему принес три куропатки, дрозда и зелень такую, что приятно было смотреть на нее, и застал его за столом, я должен был долго ждать, пока он кончит есть, а потом он посадил меня есть со слугами. А когда я поел, жена его в награду дала мне рубашку и штаны, совсем плохие, и два пояска для моих малышей. Вот как он поступает, черт его побери!»

«Да, уж это правильно! — подтверждает Пьоджа. — И неужели ни ей, ни ему не стыдно?»

«Чудак же ты! — парирует Ронконе. — Ведь она сука, а он ростовщик, и перемены нам никогда не дожидаться (mai e'ci sura del tornaquinci)».

«Ну, я думаю, ты меня понял теперь! — завершает свои провокационно-иронические вопросы Пьоджа. — Так и работай, сколько можешь!»

И Ронконе отвечает с полным сознанием безнадежности своего положения: «Я так и делаю!»

Записав слово за словом этот разговор, Дж. Сермини, боящийся, как бы его не заподозрили в симпатии к его участникам, завершает его длинной, полной всяких ругательств характеристикой крестьян — грязных, необразованных, грубых. Весьма любопытно и показательно то, что эти отсталые, опустившиеся, забытые непосильной маловыгодной работой люди не сохранили столь обычной для их предков веры в церковь, ее учение и ее учителей.

Так, в начале своего рассказа Сермини пишет: «Эти деревенские люди ненавидят церковь, как будто она их враг... никогда не ходят в церковь, не жертвуют ничего на алтарь и не уплачивают никаких церковных сборов».⁶

Эта характеристика, помимо воли автора, отнюдь не порочит описываемых им крестьян, а рисует достаточно выпукло и точно то положение, в котором они оказались в первой половине XV в., и те настроения, которые ими владели.

Крестьяне эти уже забыли о полной крепостной зависимости от феодала, а, может быть, и не знали ее, но зато они находятся в полной зависимости от собственников участков земли, на которой они сидят в качестве арендаторов-испольщиков. По-видимому, отношения между крестьянином и богатым горожанином-землевладельцем носят, как и прежде, патриархальный характер — хозяин дарит арендатору подарки, одалживает ему инструменты, следит за событиями его личной и семейной жизни, но фактически за этим патриархальным полуфеодалным

фасадом скрывается жестокая эксплуатация, может быть, не более легкая, чем во времена господства феодализма.

Подачки делаются для успокоения совести хозяина, по традиции, для того, чтобы не доводить крестьян до отчаяния, но подачки эти жалкие, ничего не стоящие богачу и мало нужные бедняку, они только оскорбляют последнего, вызывают злобу, ожесточают. А он уже не тот человек, который в период безраздельного господства феодализма безропотно, согнув спину, сносил все обиды и оскорбления, выполнял любую работу, отдавал любую часть добываемого тяжелым трудом продукта. Более чем сто лет борьбы населения городов за свободу от магнатов, за большие права и лучшую жизнь «тощего народа» — борьбы, в которой и жители деревни принимали немалое участие, отнюдь не прошли даром. Крестьяне даже в самых медвежьих углах, так же как и городские ремесленники и рабочие, были полны боевого задора и надежд на улучшение своей тяжелой участи. Эти надежды поддерживали и победы соседей горожан, и прямые или косвенные постановления городских властей об уничтожении разных форм крепостной зависимости. Вряд ли можно также сомневаться в том, что ученье гуманистов, в центр своего внимания ставивших индивидуального человека с его пущами и интересами, небесными и земными, ослабленное и нередко искаженное, доходило и до сельского захолустья, будило самосознание, подымало чувство собственного достоинства. А когда в конце XIV в. после разгрома городских движений и прочного закрепления власти «жирных» горожан во многих городах надежды и крестьянского населения оказались тщетными, и феодальный гнет землевладельца-сеньора прочно и безнадежно сменился капиталистическим гнетом землевладельца-горожанина, настроение у сельских, как и у городских низов, резко упало. Горькая ненависть к богачам, таким же людям, как и они сами, овладела значительной частью крестьян.

Даже грязного, грубого и неотесанного горца-испольщика оскорбляет теперь то, что богатый бездельник-горожанин дарит ему или его детям старую куртку или рваные башмаки, что он сажает его за стол со своей челядью и заставляет его, живущего впроголодь, работать, не разгибая спины, наполняя закрома и кошелёк богатея.

Сознание горькой социальной несправедливости у невооруженного и неорганизованного крестьянина не перерастает почти никогда, да и не может перерасти в открытый протест, но оно парализует его энергию, делает вялым, безынициативным, брюзгливым, думающим только о сегодняшнем дне, а это состояние, конечно, не может не отразиться на общем положении в деревне, не только не развивающейся, но и неизбежно идущей назад в экономическом отношении.

Конечно, одного приведенного выше источника совершенно недостаточно для столь широкого вывода, но есть основания

предполагать, что настроения, зафиксированные в новелле Сермини, были распространены достаточно широко. Так, в народных стихах, авторство и точное время возникновения которых неизвестно, но которые, по-видимому, появились в венецианской области между началом XV и XVI в., звучат те же ноты ненависти к эксплуататорам и отчаяния в возможности улучшения своего безнадежного положения.

В одном из этих стихотворений, носящем характерное заглавие «Крестьянская азбука» («L'alfabeto dei villani»), читаем:

«Мы не, смогли выучить ни „Святой крест“, ни „Аве“, ни „Отче наш“, не можем прочесть ни печатные, ни писанные буквы. Пахать и копать — вот первые уроки, которые нам дают наши хозяева... Рожь, овес, пшеница и всякое другое зерно только для других, а мы, замученные, печем себе хлеб из кучки коры (sorgola). Петухов, кур, гусей и уток едят другие, а мы едим корни и орехи (pocciole), как кабаны. Мужчины и женщины, мальчики и девушки работают целыми днями и больше не могут, а ночью затем они мучаются как распятые на кресте... У нас кровати из соломы и постели из сена, так что стойла животных — лучше! Всякий может убедиться в этом».⁷

Этим грустным и безнадежным жалобам вторят другие в стихотворении венецианского поэта XV в. Джорджо Соммарива. Здесь крестьянин, задавленный непосильным трудом и еще более непосильными требованиями землевладельца, обращается к последнему со следующей мольбой:

«О, я несчастный, что вы хотите со мной делать, почему вы так мучаете меня и требуете у меня столько денег? Ах, черт возьми! Подождите еще хоть месяц, я уж постараюсь заплатить вам, а вы не хотите подождать немного! Проклятая нищета! Вы злодей — так вы меня заставляете страдать. Ведь я все-таки брат ваш. О! Проклятье! Не мучайте меня больше — я продам рубашку, куртку, штаны, плуг и все свое сено. Заплачу вам все до последней копейки, только не заставляйте меня продавать мое вино!».⁸

Тот же протест звучит в народных мистериях, не датированных, но, по всей вероятности, относящихся к XV в.

В мистерии о святом Ипполите мы встречаем опять разговор двух крестьян-половников Ранделло и Фрулла, отдаленно напоминающих героев Сермини. Крестьяне, как и у Сермини, говорят о том, что их больше всего интересует и тревожит, о своих взаимоотношениях с землевладельцем. (Диалог этот написан на местном крестьянском диалекте и нелегко поддается переводу.) Крестьяне жалуются на свою жизнь. «Впрочем, — говорит Фрулла, — хозяин заплатит мне». — «Как это?», — спрашивает Ранделло. «Я украду у него при сборе урожая все, что смогу». — «Ну, это я тоже делаю, — замечает Ранделло, — правда, хозяин может когда-нибудь поймать меня на этом, хотя я убежден в том, что беру только мое: ведь мы весь год трудимся, а они сидят в холодке и развлекаются. Почему им следует отдавать половину урожая, если вся работа падает на нас?». — «Ранделло, ты на этот раз ничего не понимаешь — разве земли и поля не принадлежат целиком ему?». — «Нет уж, во имя божье, это ты каплун глупый, разве поля не останутся за ним и после урожая?». — «Да, черт возьми, ты прав, Ранделло, я об этом до сего времени не подумал!». — «Ведь если ты уйдешь, — продолжает свою агитацию Ранделло, — разве ты унесешь землю с собой?». — «Нет, конечно».⁹

Те же мотивы находим и в крестьянских диалогах в другом народном представлении XV в. — мистерии о святом Онуфрии. Причем неоднократное повторение жалоб на жестокую эксплуатацию хозяев, даже лучших из них (это специально оговаривается в этой мистерии), если оно в какой-то мере стало литературным шаблоном, неоспоримо говорит о том, что тема эта живо интересовала слушателей, многие из которых сами были крестьянами-испольщиками, что она была острой и актуальной.

Не высоко оценивают свое положение сами крестьяне-половники, они считают его плачевным, зато те, кто эксплуатируют их, придерживаются иной точки зрения, относясь с недоверием ко всему тому, что делают крестьяне, считая все их стремления и поступки беззаконными, нетерпимыми и корыстными. Так, в замечательных по своей яркости и выразительности воспоминаниях зажиточного флорентийского пополана Джованни ди Паоло Морелли, записанных в конце XIV — начале XV в., среди ряда указаний о том, как надо землевладельцу вести себя с сидящими на его участках крестьянами, находим следующие: «Со своими работниками (*lavoratori*) будь осторожен, посещай часто свои владения (*la villa*), проверяй участок (*il podere*), поле за полем вместе с работником, ругай его за плохую работу, оценивай урожай... ознакомься с репутацией работника и положением его, узнай, не слишком ли много он говорит, не драчлив ли он, не врун ли, не хвастает ли своей верностью, не доверяй ему, и все время не спускай с него глаз... заставляй его отдавать тебе твою часть урожая до последней крошки. Никогда не делай ничего приятного крестьянину (*al villano*), так как он сразу же сочтет, что ты обязан это делать, и не будет работать лучше ни на йоту, если даже ты отдашь ему половину того, что имеешь... Никогда не будь ласков с ними (*non fare mai loro un buono viso*), мало говори с ними, обрывай их сразу же... Главное же — никогда ни в чем не доверяй им, кроме как в том, что ты сам видишь...»¹⁰

То обострение классовых взаимоотношений, которое ясно проявляется в приведенных текстах, чаще всего не приводит к открытым столкновениям, но такие столкновения все же происходят. Так, в 1384 г. происходит серьезное крестьянское восстание в Парме, в 1438 г. такое же восстание свирепствует в Равенне, а в 1462 г. — в Пьяченце. Однако восстания эти носят местный характер и широких откликов не вызывают, являясь скорее показателями широко распространенных и весьма обостренных отношений между крестьянами и землевладельцами, чем крупными политическими и социальными событиями.¹¹

Если работники деревни чувствовали себя безнадежно обиженными и угнетенными, что никак не могло благоприятно отразиться на их работоспособности и энергии, то есть все основания полагать, что настроения трудящихся городов, особенно передовых, перенесших разгром рабочих восстаний, были не лучшими. В то же время властители городов — богатые дельцы — еще с большим недоверием смотрели на своих наемников, чем землевладельцы на своих крестьян.

Чрезвычайно ярко рисует обстановку и положение в городе опрос опытных людей своего небольшого государства, который произвел в 1430 г. мантуанский маркиз Джан Франческо Гонзага, обративший внимание на плачевное экономическое положение в этом государстве и стремившийся выяснить причины этого кризиса и наметить меры борьбы с ним.¹²

К сожалению, до нас не дошло обращение маркиза к экспертам, носившее по всей вероятности, судя по ответам, построенным более или менее одинаково, характер анкеты, но в самих текстах ответов сквозит нескрываемая и серьезная тревога за хозяйственное положение родного города, положение поистине плачевное.

В 22 заключениях, дошедших до нас, мы напрасно стали бы

искать каких-нибудь смелых, радикальных решений. Дающие эти заключения люди, принадлежащие, по-видимому, либо к придворному окружению маркиза, либо к крупнейшим купцам и ремесленникам Мантуи, не имели широких экономических и политических горизонтов, которые позволили бы им предложить что-нибудь принципиально новое. Ведь небольшая, сохранившая в первой половине XV в. еще немало феодальных черт Мантуя отнюдь не принадлежала к числу передовых торгово-ремесленных центров Италии, и даже самые опытные и умные граждане ее вряд ли могли подняться до широких и самостоятельных взглядов.

Но именно это обстоятельство делает заключения 1430 г. особенно показательными, рисующими положение значительной части Италии.

Весьма ясно нужды экономики Мантуи формулирует один из опрошенных, Франческо д'Аббате (Franciscus de Abbatibus). «Во-первых, мне кажется, — пишет он, — что следует Вашей Светлости начать с того, чтобы выправить положение в трех направлениях: главным образом в земледелии (*a l'arte de la tera*), ибо оно является источником всех благ этого города и его контадо. Во-вторых, следует помочь производству сукна (*l'arte de la lana*). В-третьих, следует стремиться к тому, чтобы город и его контадо имели достаточно населения и те, кто живет здесь, имели занятия и заработки (*trafigi e guadagni*) так, чтобы они могли хорошо жить...».¹³ Обобщая положение, эксперт отмечает, что дело обстоит неблагоприятно с основными звеньями экономической жизни его родины: не хватает населения, а то, которое имеется налицо, не может обеспечить себя достаточными заработками. Требуется принятия срочных мер как сельское хозяйство, особенно важное для отсталой Мантуи, так и ремесло, в первую очередь производство шерстяных тканей — основной нерв большинства городов Северной и Центральной Италии.

Другой эксперт, Росселли де Летебеллано (Rosselli de Letebellano), указывает и на причину, которая, по его мнению, привела к столь плачевному положению, — это излишнее благополучие и богатство рабочих как в городе, так и в деревне, приводящее к тому, что они не хотят трудиться на других, а горожане плохо выполняют сельскохозяйственные работы. Поэтому Росселли предлагает запретить сельским работникам, местным или чужеземным, приобретать земли стоимостью более 200 дукатов с тем, чтобы они лучше и больше работали на землях горожан. Кроме того, чтобы «ни один деревенский житель, работающий или не работающий, какого бы состояния он ни был, не смел и не дерзал иметь одежду ценой свыше шести дукатов. И также женщины его семьи не смеют и не дерзуют носить одежду ценой больше десяти дукатов...

Кроме того, чтобы ни один деревенский житель (или рабочий) не смел и не дерзал носить... (перечисляются различные одежды)... под страхом большой кары в виде штрафа или личного ареста до 6 месяцев или на другой срок, который будет определен, потому что такие одежды и украшения (*frapi*) иногда приводят к гордыне и вызывают многие беспорядки и убийства, которых бы иначе не было, и я думаю, что (принятие такого постановления. — М. Г.) было бы вещь очень полезной, ибо они находились бы в состоянии большого страха (*stariano piu soto timore*), чем это имеет

место сейчас. И если будет сделано то, что содержится в вышенаписанных предложениях (*caritoli*), будет получена большая польза для города и большое количество денег поступит в торговлю (*traficho*) и в товары, которые никому не приносят вреда (*che poggio niuno*), а не будет содержаться в домах и в кубышках (*in su li portichi e en li chasse*), что приводит, по моему мнению, к большим непорядкам, ибо нельзя отличить жену богатого купца и даже дворянина и рыцаря от жены жалкого ремесленника (*tristo artigiano*); и потому что некоторые (из таких ремесленников) вкладывают в украшение своих жен (*intorno ala lor dona*) больше капитала, чем они имеют, и когда приходится собирать налоги (*quando veni alevare deli bale*), у них ничего не находят, а видят, что они совсем разорены (*se trovano disfati de la roba*)».¹⁴

Закключение это особенно характерно — в то время как крестьяне считают свое положение ужасным и впадают в отчаяние из-за его безнадежности, зажиточные граждане считают его, наоборот, слишком хорошим, приводящим к потере городом и горожанами столь необходимых рабочих рук. Здесь сказывается то безнадежное противоречие классовых интересов, та исконная враждебность, которые столь характерны для Италии конца XIV — начала XV в., времени после подавления восстаний чомпи во Флоренции и ему подобных в других городах.

Третий эксперт, Джованни Алипранди (*Giovanni Aliprandi*), жалуется на упадок дисциплины в городском ремесле и на низкое качество продукции последнего. Средство против этого он видит не в нахождении новых путей для развития городского производства, а, наоборот, в укреплении и усилении старых, чисто феодальных по своему характеру цеховых ограничений. Четвертый — Джованни Авегни (*Giovanni Avegni*), предлагает строго следить за тем, чтобы ни один ремесленник не смел заниматься двумя разными ремеслами, даже родственными друг другу. Например, «тот, кто изготавливает мыло, не смел стирать белье, и тот, кто делает обувь, не обрабатывал кожу».¹⁵ Кроме того, ни один ремесленник не должен продавать оптом свою продукцию. Особенно же важно, считает Джованни Алипранди, строго следить за качеством продукции, в первую очередь в основном, текстильном производстве. Надо обратить внимание на то, что в последнее время покупатели постоянно жалуются на качество производимых в Мантуе тканей. «Купишь 8 локтей сукна, — говорят они, — и после мойки они превращаются в 5. И в то время как раньше шла добрая слава о мантуанских сукнах, в настоящее время она стала плохой».¹⁶

Росселли де Летебеллано предлагает переселить в обязательном порядке всех ремесленников в город.

Наконец, большинство опрошенных считает важнейшей причиной современного упадка недостаток средств у ремесленников, приводящий к невозможности бороться с иногородней конкуренцией, к закрытию предприятий, безработице, иммобилизации капитала в непроданных товарах, поэтому необходимо не только бороться с утечкой денег из города, но и позаботиться об их притоке. Для этого один предлагает создать в Мантуе специальный торговый двор (фондако) для продажи сукон по определенным ценам. Другой рекомендует даже обложить всех граждан, имеющих капитал свыше 300 дукатов, в соответствии с их доходами (используя эстимо), в пользу ремесленников, причем собранные деньги — по подсчету эксперта, около 5 тыс. дукатов в год — будут выдаваться ремесленникам в качестве субсидий.¹⁷ Любопытно во многих этих советах и заключениях то, что авторы их отмечают безнадежность всех предшествующих попыток законодательным путем исправить существующее положение, которое не только не улучшается, а, наоборот, имеет тенденцию ухудшаться.

Настроения безнадежности и отчаяния, с одной стороны, и стремления удержать и подчеркнуть свое равноправие с богатыми хозяевами жизни — с другой, выступающие столь ясно в приведенных выше текстах, контрастируют с нежеланием этих

хозяев делиться с таким трудом завоеванными правами и привилегиями, нежеланием, сочетающимся с сознанием того, что в стране творится нечто неладное, что нужно принять какие-то экстренные меры, чтобы вернуть безнадежно уходящее в прошлое благополучие.

Симптомы надвигающегося кризиса не были ни легко заметными, ни грозными; большинство даже крупнейших политиков, купцов, банкиров, ремесленников не осознавали их вполне четко, но те, едва заметные, с трудом прослеживаемые в источниках изменения, которые происходят в конце XIV — начале **XV в. в различных сторонах жизни, при всей своей фрагментарности говорят о наступлении новых времен.**

Так, во Флоренции, крупнейшем центре производства шерстяных тканей не только в Италии, но и во всей Западной Европе, уже вскоре после кровавого подавления восстания чомпи — осенью 1393 г. — отмечается резкий упадок этого производства, упадок, выходящий за масштабы обычных кризисов. Чрезвычайная комиссия, выбранная для борьбы с этим упадком 25 октября 1393 г., приняла постановление о том, что «для того чтобы предотвратить обнищание цеха», вводится громадная пошлина на ввоз во Флоренцию иностранных суконных тканей — за каждый кусок длиной в 24 локтя следует платить 3 флорина, что, по существу, делает невозможным его продажу. Исключение делается только для совсем грубых или совсем легких тканей (специалистов по их изготовлению во Флоренции не было) и для сукон из Фландрии и Брабанта, связь с которыми для города в это время представляла особый интерес. Кроме того, постановлением 1396 г. запрещается вывоз из Флоренции всех материалов текстильной промышленности.¹⁸ Как констатация надвигающегося «обнищания цеха», так и принятые покровительственные мероприятия говорят о том, что в главном жизненном нерве Флоренции — производстве цеха «Лана» не все обстояло благополучно уже в конце XIV в. Весьма показательным то обстоятельство, что почти совершенно аналогичное мероприятие проводит и Венеция в 1380 г.¹⁹ Правда, экономической катастрофы непосредственно после этого не произошло, флорентийская экономика имела еще достаточно жизненных сил, чтобы справиться с затруднениями, но страх перед возможностью такой катастрофы остается неизжитым в течение всего XV столетия.

Упадок текстильной промышленности Флоренции, неизбежно надвигающийся в связи с растущей конкуренцией как других стран (в первую очередь — производителей шерсти), так и других городов Италии, сказывается в том, что уже с начала XV в. здесь быстро развивается шелковое производство цеха «Пор Санта Мария»,²⁰ которым стараются компенсировать потери в производстве шерсти.

Само собой понятно, что торговля, в первую очередь внеш-

няя, между государствами Италии и другими странами как Запада, так и Востока (так же как и производство) переживает изменения, пусть внешне почти незаметные, но важные и симптоматические. Покровительственные мероприятия как экспортеров сырья, так и импортеров готовой продукции, стремящихся развить свое собственное производство и свою собственную торговлю, не могут не повлиять на производство и торговлю городов Италии. В 1439 г. Англия, подходящая к концу Столетней войны, запрещает Венеции ввозить на своих кораблях что-нибудь, кроме своих собственных товаров,²¹ что, естественно, сказывается на экономике «жемчужины Адриатики».

Не может не влиять на торговые операции итальянских центров, особенно приморских, и постепенное, становящееся все более грозным продвижение турок на Балканском полуострове. Это очень ясно обнаруживают размеры генуэзских капиталов в Пере: если в 1334 г. эти капиталы составляют приблизительно 1 648 630 дженовинов, то в 1391 г. при значительном падении стоимости монеты они снижаются до 1 199 048 дженовинов. В начале XV в. спад намечается еще более решительный — сумма генуэзских капиталов в Пере в 1401 г. составляет только $\frac{1}{3}$, а в 1423 г. $\frac{1}{7}$ суммы 1334 г., достигая в 1423 г. всего 234 тыс. дженовинов.²²

Если изменение политической ситуации на Востоке должно было влиять на размеры и характер торговых связей Генуи и других приморских городов Италии с восточным Средиземноморьем и более отдаленными районами Азии, то и связи с западноевропейскими рынками, хотя и менее заметно и менее радикально, но все же изменяются.

Анализ многочисленных нотариальных документов, характеризующих торговлю Генуи с Бельгией и другими западноевропейскими странами в течение 1400—1440 гг., показывает, что общий характер этой торговли не изменился, но в то же время количество нотариальных актов, фиксирующих покупку и продажу в северных странах шерстяных тканей, составивших в XIII—XIV вв. основной тип операций, резко падает, а затем и почти совсем сводится к нулю. Это обстоятельство частично объясняется тем, что с начала XV в. в результате усовершенствования бухгалтерии нотариальная фиксация сделок становится менее обязательной, но основной причиной является то, что северные и западные ткани и товары вообще ввозятся теперь на Восток прямым морским путем, минуя Геную, хотя этот ввоз производится пока теми же генуэзскими купцами. Такое изменение связано с большей самостоятельностью с XV в. торговых филиалов и агентов на местах, с заменой техники «коменды» (см. т. 1, гл. II, § 2), техникой получения капитала под вексель, имеющий хождение на создающихся в это время западноевропейских биржах, и с окончательным установлением точных и надежных правил морской страховки.²³ Страховка вообще с нача-

ла XV в. получает весьма широкое и повсеместное распространение, заменяя другие, более элементарные формы обеспечения возмещения убытков при неудачно проведенной операции, которые применялись в XIII—XIV вв. Она обычно приобретает две формы: либо страхуется целый корабль на определенный срок (год или несколько месяцев), либо товар как таковой — на отдельное плавание (в один или два конца). Стоимость страховки в это полное опасностей в связи с продвижением турок на Востоке время весьма велика: она колеблется от 8 до 30% стоимости страхуемых предметов в год, причем размер ее изменяется в зависимости от условий плавания, типа и размеров корабля и времени плавания, но не в зависимости от расстояния.

Показательно, что в середине XV в. в Генуе, где чистые виды морского страхования получают особенно широкое распространение, оно называется страхованием «по-флорентийски» (*ad florentinum*) и что наиболее рано, уже в самые первые годы XV в., оно применяется в крупнейших тосканских компаниях Датини и Медичи, о которых будет идти речь ниже.

Обстоятельства эти (превалирование длинных и прямых морских перевозок и удорожание их в связи со страховкой) сами по себе говорят скорее об эволюции и усовершенствовании, чем об упадке торговых операций как таковых, но для итальянских коммерческих центров, особенно приморских, они в дальнейшем должны были оказаться весьма невыгодными, поскольку исключали их из торгового оборота как посредников.

Все чаще большие партии грузов идут непосредственно из портов северо-западных стран: Фландрии, Англии, Северной Германии в восточные порты и, наоборот, минуя побережья Апеннинского полуострова.

Изменения в торговле Венеции, связанные с потерей или сокращением восточных рынков, выпукло сказываются в финансовом положении венецианского патриция и купца среднего масштаба Гульельмо Кверини (1400—1468).²⁴ В начале своей торговой деятельности, относящейся к 20—30-м годам XV в., он был связан с различными странами Востока и Запада. В конце 30-х и особенно в 40-х годах торговая деятельность Кверини резко падает, почти исчезают связи с Востоком, операции же с Западом и все чаще с центрами Италии приобретают характер спекуляции. Так, купив в Севилье большую партию квасцов по 9 дукатов за 1 тыс. фунтов, он продает ее по 165 дукатов. Ведутся также операции по покупке драгоценных камней, обычно дающие громадные барыши.

При всей выгодности этих операций они не могут затормозить общего упадка фирмы: если в 1439 г. она оплачивает налоги с эстимо (облагаемой суммы капитала) в 4,9 тыс. дукатов, то в 1447 г. эта цифра падает до 2,8 тыс. ,

Характерно для этого достаточно типичного венецианского коммерсанта первой половины XV в., что в то время, как его

смелые и предприимчивые прямые или косвенные предшественники — купцы XIII—XIV вв. — постоянно совершали далекие и опасные плавания и путешествия, нередко рискуя своими товарами и самой своей жизнью, он, несмотря на резкое снижение своих операций, чрезвычайно тяжел на подъем. Даже в самые трудные моменты не выезжает он из Венеции дальше своих владений в Полезине недалеко от города. Постепенно сокращая и сворачивая торговые операции своей фирмы, Гульельмо Кверини явно стремится скорее спокойно пользоваться накопленным капиталом, чем увеличивать его, хотя продолжает следить за рынками и не упускает случая заключить особо выгодную сделку.

Большая осторожность в ведении операций, стремление всячески обезопасить и застраховать свои капиталы, лучше зарабатывать меньше, но зато с меньшим риском, вообще характерно для экономической жизни первой половины XV в., причем с одинаковой яркостью проявляясь как в деятельности мелких и средних компаний, вроде рассмотренной выше компании венецианца Гульельмо Кверини, так и в деятельности таких компаний-великанов, как торгово-банковские дома Франческо ди Марко Датини из Прато и Джованни, а затем Козимо Медичи из Флоренции.

Франческо ди Марко Датини,²⁵ имя которого мы упоминали в связи с предшествующим периодом истории Италии, прожил длинную и яркую жизнь на переломе между XIV и XV вв. Он родился в 1335 г. и умер в 1410 г. Начав свою карьеру в возрасте 15 лет — мальчиком для мелких услуг в одной из компаний в Авиньоне, он уже в 28 лет создал свою собственную фирму там же. Затем вернулся на родину в Италию вместе с папским двором и, нажившись на бесперывных распрях и войнах, характерных для жизни Италии второй половины XIV в., в 1383 г. открывает компанию в Пизе и во Флоренции, одновременно приступая к изготовлению шерстяных тканей в своем родном Прато. В 90-х годах эти производственные предприятия превращаются в несколько специальных промышленных компаний (компанию по окраске тканей в 1395 г., компанию по производству сукон в 1396 г.). Развивается и торговая сеть: в 1392 г. создается компания в Генуе и в Барселоне, наконец, в 1398 г. основывается особая банковская компания во Флоренции (*compagnia del Banco*). К концу века Датини — видный коммерсант, банкир и промышленник; он связан со всеми центрами Европы и Востока, ворочает делами, хотя и не столь крупными по масштабам, как ведущие компании Италии — Альберти, Содерини или Гвиниджи, но все же в своей совокупности весьма значительными.

И в то же время между ним и этими магнатами капитала конца XIV в., с одной стороны, и их деловыми предшественниками начала того же века — с другой, есть радикальная разница. Делец начала века — от скромного Сандро Торнабелли, сядящегося в тюрьму за 6 флоринов, до гиганта Барди, разоряющегося на многочисленных ссудах английским коро-

лям, — страстно, неудержимо, бесстрашно стремится к наживе, рискует для нее всем, идет на все. Пусть иногда перед смертью его охватывают угрызения совести, желание замолотить свои корыстные грехи, в пылу своей активной и опасной деятельности он этих угрызений не испытывает, во всяком случае, не замечает. Совсем иной человек Франческо Датини. Он также всю свою жизнь посвящает наживе, один из его друзей говорит о нем: «Он был жаден и стремился к тому, чтобы ни один динарий не пропал у него без пользы и чтобы ни один кирпич не был положен поперек, если лучше ему лежало вдоль, и стремился к этому так, как будто к вечному спасению своей души, недаром многие из своих бухгалтерских книг и писем он начинает словами „Во имя бога и наживы“». ²⁶ Но эта жадность не вызывает у него поступков смелых и рискованных, наоборот, она вызывает особую осторожность и осмоторительность, заставляет широко и повсеместно применять страховку, даже если страховка эта в немалой степени сокращает его доходы, разделять и специализировать свои предприятия, создавая отдельные фирмы для ведения торговых, производственных и банковских операций и превращать эти фирмы из филиалов единой, централизованной гигантской компании, как это было в предприятиях XIV в., в самостоятельные организации с самостоятельным капиталом, в каждом случае в основном принадлежащим Датини.

Такая децентрализация, впервые в развитом, вполне откристиализованном виде встречающаяся именно у Датини, с начала XV в. становится общераспространенной; при ней банкротство одного из отделений не накладывает никаких обязательств на другие и дает возможность капиталисту, объединяющему все предприятие, относительно спокойно переносить такие банкротства, закрывая те или иные части предприятия, когда они становятся мало выгодными или опасными. Так, Франческо Датини к концу своей жизни, в 1400 г., закрывает свое производственное предприятие в Прато и свой банк во Флоренции. Характерно при этом, что производство, достигшее размеров по тому времени весьма значительных и имевшее 1784 рабочих и служащих, просуществовало только неполные 4 года (с 1396 по 1400 г.), а банк, первый самостоятельный банк, впервые в Европе пользующийся вполне развитой системой двойной бухгалтерии (1403 г.) и один из первых системой «чеков» (1399—1400 гг.), прожил и того меньше — 2 года (с 1398 по 1400 г.). Характерно и то, что Франческо Датини, ворочающий делами разветвленными, во всяком случае, на все Средиземноморье, сам, как и Кверини, почти не путешествует, проводя около 30 лет в Авиньоне, а затем ограничиваясь узким мирком Тосканы — между Пизой, Прато и Флоренцией.

Очевидно, экономическая обстановка в Италии первых годов XV в. была такова, что не гарантировала предприятиям, даже крупным, организованным по последнему слову техники того времени и притом со всеми необходимыми предосторожностями (самостоятельное управление, страховка), ни безопасного существования, ни необходимой рентабельности.

Исключительная осмоторительность и осторожность позволяют Франческо Датини, в противоположность подавляющему большинству его предшественников XIV в., избежать банкротства: то открывая, то свертывая свои отделения и предприятия,

он сохраняет экономическую мощь до самой своей смерти в 1410 г., оставив громадное состояние в 72 тыс. лир, составляющих в чистом золоте 247 кг (по 18 каратов). Состав этой суммы таков:

Во флорентийском государственном займе (titoli del Monte) — 21 425 лир, которые при реализации дали от 47 до 49 лир за 100	—	лир 10 712
Во флорентийской компании, совместной с Лукой дель Сера и Франческо ди Беноццо	—	» 16 634
В землях и домах, по оценке	—	» 11 243
В долгах разного рода	—	» 33 450
	Всего	72 039

Это распределение²⁷ с полной очевидностью говорит о том, что при всех изменениях и усовершенствованиях, которые с такой оперативностью применял Датини, экономическая структура его капитала была той же, что и у дельцов XIV в. — почти половина его была вложена в кредиты разного рода, свыше 15%, составлявших как бы страховое обеспечение, — в недвижимости, и почти столько же — в государственные бумаги относительной надежности, и только 20% вложено в последнее функционирующее предприятие — флорентийскую торговую компанию.

Все это более чем значительное состояние вместе со своим дворцом в Прато Франческо Датини завещал благотворительному учреждению для заботы о бедных своего города, причем состояние это оказалось столь солидным, что кормит учреждение до нашего времени.

Такое благочестивое окончание карьеры, посвященной наживе, нередко встречалось и в XIV в., но для Датини это не только окончание. В течение всего своего 75-летнего жизненного пути Датини, отнюдь не отличавшийся монашеским поведением и в возрасте около 60 лет имевший внебрачного ребенка, провозглашал себя страстно верующим человеком, беспредельно преданным церкви и ее служителям. Недаром в 1399 г., 65-летним стариком он, в это время уже известный всей Италии коммерсант, принимает участие в покаянном движении «белых». Вместе с 30 тыс. других кающихся он в белой монашеской одежде²⁸ обходит города и села Тосканы, призывая к миру и покаянию. Правда, и это ханжеское паломничество богатый купец проводит как полагается богачу, совершая его в сопровождении 12 служащих своего предприятия, 2 лошадей, груженных продуктами и одеждой, и 1 мула, на котором он мог проехать трудные участки пути. Во время этого пути Датини и его спутники ночевали в домах друзей или в монастырях, где ели и пили (притом отнюдь не воду) в полное свое удовольствие за счет Датини, потратившего на всю эту комедию изрядную сумму, из которой только 8 динариев (т. е. менее полуфлорина) — на милостыню.²⁹

То же ханжество, которое так ясно проявляется в маскарade

паломничества, сквозит и в сотнях писем, которыми в течение значительной части своей жизни дельец-наживало Франческо Датини обменивался со скромным и благочестивым нотариусом, своим другом и составителем завещания сэром Лапо Мадзеи.³⁰ Последний стремился внушить богачу необходимость соблюдать правила, предписываемые христианской моралью, заботиться о своей душе, а не только о своем теле, и встречал с его стороны умиленное и покорное согласие с этими предписаниями. Однако проповеди нотариуса-моралиста отнюдь не носили решительного, радикального характера. Он был реалистом и прекрасно понимал, что его богатый друг никогда не станет отшельником или монахом, никогда не откажется даже от малой толики своего состояния, что для этого осторожного дельца соблюдение религиозно-моральных правил — только еще один способ застраховать себя от неприятностей и риска как на этом, так и на том свете. И исполняя волю своего ханжи-покровителя, сэр Лапо пишет для него проект обращения к флорентийской комиссии по займам (*venti della Prestanza*), полное лжи и лицемерия заявление, в котором, заверяя о своей готовности платить все, что с него полагается, и даже больше, в то же время нагло сокращает сумму своего богатства, определяя его (в 1401 г.!) в 2,5 тыс. флоринов, т. е. занижая примерно в 30 раз.³¹

Любопытно и чрезвычайно показательно, что, прекрасно понимая, в каком мире они живут, сэр Лапо пишет к Датини: «Я убедился на опыте в том, что деньги любимы большими и малыми, клириками и светскими людьми, бедными и богатыми, монахами и священниками, так что деньгам повинуются все».³² И, возможно, именно поэтому восхваляет он земельную собственность как надежное и безопасное помещение средств, причем такое, которое дает возможность сохранять не только их, но и душевное спокойствие и физическое здоровье.³³

Дельцы XIV в. также не брезговали помещением части своих капиталов в земельные участки, но делалось это стихийно, бессознательно; вряд ли кто-нибудь из них стал бы доказывать необходимость такого помещения как важного, может быть, основного результата коммерческой деятельности или мечтать перенести основную базу своей жизни в один из таких участков, построив на нем роскошную виллу. А именно это с начала XV в. становится целью и идеалом.

Те же тенденции, которые проявляются с такой определенностью в жизни и деятельности крупного дельца конца XIV — начала XV в. Франческо Датини, могут быть подмечены и в деятельности компании, играющей несравненно большую роль в экономической и политической жизни Италии — компании Медичи. Однако здесь эти тенденции усложняются и затемняются именно соединением экономических заданий, возлагаемых на предприятия, с заданиями политическими.³⁴

В течение интересующего нас здесь периода капиталы и опе-

рации компании Медичи непрерывно и значительно растут параллельно с ростом влияния рода во Флоренции. Так, Козимо Медичи наследует в 1429 г., после смерти своего отца — Джованни, громадный капитал в 180 тыс. флоринов, т. е. более чем вдвое против состояния, оставленного после смерти Франческо Датини. Став хозяином Флоренции, Козимо округляет эту сумму, доводя ее в 1440 г. до 235 тыс., и в 1460 — до 400 тыс. флоринов. Фирма Медичи, как и подавляющее большинство ее предшественниц и современниц, ведет самые разнообразные дела, которые только могут сулить сколько-нибудь значительную прибыль. Она занимается широкой банковской деятельностью, ссужая, согласно традиции, крупными суммами государей европейских стран и ведя значительные операции с папским двором, особенно после его возвращения в Рим по окончании великой схизмы. В качестве «казначеев господина папы» (*camprores domini pape*) Медичи собирают в ряде стран церковную десятину, значительные части которой подолгу лежат в их кассах или обрабатываются в их операциях, но нередко и авансируют папам такие суммы, которые превышают все собранное ими в определенный период времени.

Козимо открывает ряд новых филиалов: в Пизе, Милане, Женеве, Авиньоне, Брюгге, Лондоне и т. д. При этом, так же как у Датини, эти филиалы оформляются не как отделения одной и той же фирмы, а как самостоятельные компании, в каждой из которых Медичи имеют решающую часть капитала — не менее 50%. Во главе каждой такой филиальной фирмы стоит самостоятельный, пользующийся значительной свободой действия управляющий (*governatore*), сменить которого можно было, только ликвидировав компанию как целое. Это, однако, отнюдь не мешает главе рода Медичи с титулом старшего (*maggiore*) фактически руководить как всей суммой предприятий в целом, так и каждым из них в отдельности, причем эта отдельность постоянно подчеркивается для того, чтобы пресечь всякую возможность взаимной финансовой ответственности. Это очень ясно проявляется в 1455 г., когда попытки Лондонского филиала фирмы Медичи перенести часть своих финансовых обязательств на филиал Брюггский были отвергнуты судебными инстанциями с ссылкой на то, что это самостоятельные юридические единицы. Характерно также, что флорентийский кадастр 1458 г. регистрирует финансовое участие Козимо Медичи в 11 предприятиях.

Таким образом, казалось, что в фирме Медичи, как и в фирме Датини, были созданы все предпосылки: для того, чтобы ее не постигло банкротство, которое с неумолимой неизбежностью заканчивало деятельность каждого, даже самого крупного предприятия XIV в., однако в данном случае существовало обстоятельство, приведшее к краху на других путях. Как ни стремился опытный и осторожный Козимо отделять свою деятельность

главы фирмы от деятельности некоронованного главы Флорентийской республики, это ему не могло удалиться и не удалось. В трудные для государства и для себя как его правителя моменты он невольно запускать руку в кошелек фирмы и, наоборот, когда что-нибудь экстренное нужно было последней, использовал свой политический вес, а иногда и прямо средства из разных государственных источников. В результате уже при его жизни начало складываться положение, которое затем с полной ясностью обнаружится в период правления его внука — во второй половине XV в., положение, при котором интересы фирмы ставятся на службу интересам государства, что приводит к крушению как тех, так и других.

Таким образом, экономическая деятельность крупнейших фирм конца XIV — начала XV в. Франческо Датини из Прато и Козимо Медичи из Флоренции обнаруживает при внимательном рассмотрении под блестящей внешностью признаки достаточно глубоких изменений, которые в дальнейшем должны будут с роковой неизбежностью привести всю экономику страны к глубокому кризису.

Те же признаки мы можем увидеть и в документе, характеризующем всю экономическую жизнь Венецианской республики начала XV в. Документ этот, к сожалению, до сего времени далеко не достаточно изученный и потому не во всем ясный и чрезвычайно трудный для перевода — так называемое завещание венецианского дожа Томмазо Мочениго (с 1414 по 1423 г.), составленное им перед своей смертью в 1423 г. (см. гл. I, § 6). Как ни расценивать назначение и характер этого документа, нельзя сомневаться в его важности для общей характеристики экономического положения Венеции, характеристики, пусть преувеличенной и неточной в некоторых деталях, но чрезвычайно яркой и полной.³⁵

Завещание сообщает, что в торговых операциях Венеции и ее граждан занято 10 млн дукатов, причем этот капитал дает общую прибыль в 4 млн дукатов (импорт — 2 млн и экспорт — 2 млн), т. е. 40% на капитал. Если этот процент и представляется преувеличенным, так как обычная для этого времени (как и для XIV в.) прибыль редко превышала 15—20%, то общий масштаб операций правдоподобен. Общее количество кораблей, вывозящих и ввозящих всю эту массу дорожных товаров, Мочениго определяет в 3345 единиц с общим количеством моряков в 36 тыс. человек. В том числе:

45 гребных галер с экипажем по 200—250 человек каждая, всего—	11 тыс. чел.
300 парусных на ве	—»— 25—30 —»— 8 тыс. чел.
3 тыс. мелких судов	—»— 5—6 —»— 17 тыс. чел. ³⁶

Общее количество рабочих, занятых на постройке судов в Венеции, равно 6 тыс.: 3 тыс. — собственно строителей (*magangoni*) и 3 тыс. — вспомогательных рабочих (*calafai*).

Основным производством, наряду со строительством судов, в Венеции было изготовление шелковых, шерстяных и хлопчатобумажных тканей. В них занято 16 тыс. рабочих, т. е. всего на основных производствах работает 22 тыс. человек.

Этой рабочей части населения противостоит зажиточная, патрицианская верхушка его — 1 тыс. человек (*gentilhomini*), имеющих годовой доход от 700 до 4 тыс. дукатов, а всего 490 тыс. дукатов. Само собой разумеется, что между этими социальными полюсами имеется значительное количество представителей средних слоев: купцов, ремесленников, торговцев, городских служащих и т. п.

Каждый год, сообщает далее Мочениго, в городе чеканится золотой

монеты на 1 млн 200 тыс. дукатов, серебряной монеты: меццанинов, гросси и сольди — на 800 тыс. дукатов, из которых 5 тыс. в год идут в Египет и Сирию, 60 тыс. — в земли «терра ферма», 100 тыс. — в Англию, а остальное оседает в самой Венеции.

Каждый год только флорентийцы привозят в город 16 тыс. кусков различных сукон, а Венеция вывозит товары в Апулию, Неаполитанское королевство, Сицилию, Каталонию, Испанию, Барберию (Северо-Восточную Африку), Египет, Сирию, Кипр, Родос, Византию, Кандию, Морею, Лиссабон (порядок документа).

Стоимость домов в городе Мочениго определяет в 7 млн 50 тыс. дукатов, причем сдача части из них в наем дает 500 тыс. дукатов в год. В то время как годовой доход города (*intrade*) Венеции составляет 774 тыс. дукатов, доход от земельных владений республики вне пределов города (*terra ferma*) — 464 тыс. дукатов, а от морской торговли — 376 тыс., т. е. общий годовой доход республики достигает 1 млн 614 тыс. дукатов.

Эти внушительные цифры, даже если они не вполне точны, рисуют несомненную картину громадного размаха торговли и производства «жемчужины Адриатики», ее экономического процветания, во многом не меньшего, чем в прошлом, XIV в., и в то же время и в этом явно апологетическом сочинении дожа звучат тревожные нотки. Он призывает сограждан избрать в качестве своего преемника кого-либо из своих единомышленников — серьезных, миролюбивых людей и, главное — в дальнейшем соблюдать мир и воздерживаться от войны. «И поэтому, — пишет он, — я увещаю вас, чтобы вы молили всемогущего господ, который вдохновлял нас на прошлые дела, на сохранение мира, чтобы вы продолжали поступать также и благодарить его; и если будете следовать этим моим советам, вы будете господами золота всех христиан и весь мир будет вас бояться и уважать. И вы должны остерегаться больше, чем огня, захватывать чужую собственность и вести неправую войну, потому что иначе бог вас разгромит... и тогда тот, кто имел 10 тысяч дукатов, будет иметь их только тысячу, и тот, кто имел 10 домов, будет иметь один, и тот, кто имел 10 курток или штанов или рубашек, с трудом будет сохранять одну из них, и так во всем другом, так что вы растратите свое золото и серебро, а также вашу честь и славу, и в то время как сейчас вы являетесь господами, вы из господ станете слугами (*vassali*) кондотьеров (*de homini d'arme*) — грабителей и корыстолюбцев...»³⁷

Этот призыв опытного и престарелого дожа соблюдать мир и отказаться от несправедливых, агрессивных захватов несомненно заслуживает всяческой похвалы с точки зрения моральной; весьма возможно, что призыв этот был исторически обоснованным и политически целесообразным, как показало последующее правление дожа Франческо Фоскари, против которого предупреждал Мочениго. Но нас этот призыв в данной связи интересует с другой точки зрения — как показатель глубоких, принципиально важных изменений в основных установках политической и неразрывно с ней связанной экономической жизни

Венеции. Осторожность, консерватизм, спокойная осмотрительность сменяют в ней былую смелость, напор, рискованность, так же как они сменяли друг друга в деятельности Франческо Дати из Прато. И пусть советы старого Мочениго не были приняты во внимание, и его преемником был избран ненавистный ему Франческо Фоскари, именно осторожность и осмотрительность все в большей степени становятся характерными не только для Венеции, но и для других передовых центров Италии.

Чрезвычайно выпукло это проявляется в прокламируемом теоретически и осуществляемом практически многими (можно сказать, большей частью) представителями правящего класса, стремлении изымать все более значительные части капитала из торговли, производства, банковского дела и помещать их в землю. Ни для кого не секрет, что при этой операции возможности получения прибыли значительно уменьшаются, но зато еще в большей степени подымается надежность капитала и снижается затрата сил и энергии со стороны капиталиста, а именно к этому он стремится все больше и больше. К тому же покупка обширных участков позволяет построить на одном или даже на нескольких из них загородный дом — виллу и жить в нем значительную часть года, избегая тревог и суеи городских улиц, которые предки этого капиталиста с таким трудом завоевали.

Обосновывая эту тенденцию, один из флорентийских писателей середины XV в. — аптекарь, гуманист и политический деятель, верный сторонник Медичи — Маттео Пальмери (1406—1475)³⁸ в своем созданном в 1438—1439 гг. сочинении «О жизни гражданина» («De vita civile») пишет: «Пусты и не имеют никакой ценности богатства, которые лежат мертвыми и не используются для удобства и блага нашей жизни, но еще хуже использовать их в рабских (servili) занятиях и работах (essercizi e arti), как делают многие, которые, будучи богатыми, с такой расчетливостью используют богатство для своих нужд, что кажется, будто они рождены более для того, чтобы увеличивать свои богатства, чем для того, чтобы пользоваться ими для своего удобства».³⁹

Дальше, развивая ту же мысль, Пальмери пишет: «Расширение и увеличение своего состояния работой и ремеслами (con essercizi e arti), которые никому не вредят, не вызывают осуждения, но постоянно следует избегать скупости, которая часто делает больных, изнеженных и рабскими души, каковые без этого были бы мощными и способными к высшей доблести. Скупость эта не насыщается никаким изобилием и тем больше растет, чем большим состоянием порождается...»⁴⁰ И еще дальше: «Следует порицать ремесла, которые ненавистны людям (sono odiose agli uomini), и особенно те, которые вызывают излишнее вождение чужого добра (che appetiscono troppo l'altrui) такие, как ростовщичество (l'usura), спекуляция на государственных доходах (cooperatori d'entrate pubbliche), откуп (essattori), шпионство и тому подобное, — все они достойны порицания и низменны (esprobabili e triste). Рабскими являются все продажные ремесла (arti mercenarie), при которых продается работа, а не продукт ремесла, и за малую плату (per merce vile) продается собственная свобода. Низкими являются также занятия тех, которые покупают товары у купцов, чтобы тотчас же перепродать их с выгодой, ибо здесь широко обнаруживается жадность. Торговля, когда она бедна и мала, несомненно, является неблагоприятной (illiberale) и низкой, если же она велика и обширна, получает и отправляет (mandante e conducente) в разные места большие количества всяких товаров, продавая их затем без особой жадности, она заслуживает похвалы.

Если только, соблюдая меру, давать в долг под разумный процент (*sazia d'utile*) (фраза не вполне ясная. — М. Г.). Но превыше всех ремесел следует восхвалять те занятия, в которых умение (*l'industria*), осторожность и острота разума проявляются в наибольшей мере и в которых дух получает высокое наслаждение, такие как медицина, юриспруденция, архитектура, скульптура и любое другое похвальное и почетное занятие.

Но вышшим, таким, которое следует поставить выше всех ремесел, из которых извлекается какая-нибудь польза, является то занятие, естественнее, необходимее и лучше которого нет ничего, а именно сельское хозяйство, о котором мы говорили выше.⁴¹

Эта иерархия занятий под пером видного флорентийского богача, гражданина и политика в высокой степени характерна и показательна. Потомок активных, хищных горожан, он не может еще полностью осудить те городские занятия и ремесла, которые обогатили, создали, выдвинули на первые места в республике его предков, но он производит среди них тщательный, придирчивый отбор. Категорически, с поистине патрицианским презрением осуждает он все низкие ремесла и занятия, в которых человек продает за ничтожную плату свой труд, а не результаты этого труда, превращаясь при этом в раба. Ясно, что под этой презренной, с точки зрения автора, категорией подразумеваются те чомпи, которые несколько десятилетий до этого чуть не лишили отца его привилегированного положения и спокойной, обеспеченной жизни. Сверху вниз смотрит Пальмьери также на мелких торговцев, ростовщиков, спекулянтов и на тому подобную мелюзгу, шумливую, явно корыстную и несолидную. Не вызывает его осуждения, но и не привлекает особых симпатий и занятие крупной, оптовой, особенно импортно-экспортной торговлей и крупными банковско-ростовщическими операциями. Он даже называет эти занятия заслуживающими похвалы, но похвала эта холодная, равнодушная, формальная. Предки Пальмьери и ему подобных занимались именно такими «похвальными» делами, но у него и его современников они не вызывают особых восторгов, недаром он тут же ставит выше их занятие свободными профессиями: медициной, правом, искусством, т. е. теми работами, которые еще несколько десятилетий раньше вызывали только снисходительное презрение у богатых и самоуверенных купцов, промышленников, банкиров. Но выше всего Пальмьери ставит занятие сельским хозяйством, эксплуатацию земельных вложений, надежных, солидных, так подходящих для зажиточного и образованного гражданина времени господства Медичи. Идеалом его является спокойная жизнь богатого землевладельца, имеющего много свободного времени и использующего это время для занятий науками и искусствами, занятий несколько дилетантских, но зато легких, приятных, доставляющих «высокое наслаждение духу».

Так под пером видного флорентийского дельца, политика и писателя становится вполне очевидной та тенденция к изменению социального облика правящей верхушки передовых центров Италии, отдельные признаки которой мы отмечали, анали-

зируя различные стороны социальной и экономической жизни полуострова в конце XIV — начале XV в.

Маттео Пальмьери недаром отметил рост значения и веса в жизни Флоренции начала XV в. свободных профессий, рост интереса к занятиям литературой, искусствами, наукой. Время это в действительности является периодом исключительного расцвета всех областей культуры. Отгремели классовые бои конца XIV в., казалось, непоколебимо прочно укрепились власть в передовых городах-государствах немногочисленных групп «жирного народа». «Жирные» заправила не обращают внимания на глухое недовольство побежденных народных низов и спокойно, с самоуверенным самодовольством создают культурные ценности, с одной стороны, продолжающие героические традиции прошлых десятилетий, с другой же — постепенно во все большей мере отражающие изменения в социальной структуре Италии.

ГЛАВА III

КУЛЬТУРА

§ 1. ЛИТЕРАТУРА

Петрарка и Боккаччо заложили основы гуманизма — создали его основные положения, обеспечили им широкое признание. Их ученики и последователи первого поколения — Колуччо Салутати и Луиджи Марсилли закрепили их учение, способствовали тому что оно стало обязательным для всех, кто хотел идти в ногу со временем, для государственных учреждений и церковных организаций. Младшие гуманисты второго поколения, и особенно значительное число гуманистов поколения третьего, разрабатывают дальше отдельные области гуманистической идеологии, нередко только эскизно намеченные ее создателями, распространяют ее по всем государствам Италии, разрабатывают, исходя из тех же предпосылок, и новые вопросы или по-новому ставят и разрешают уже ставившиеся ранее.

Создается раскинувшаяся по всей Италии сеть гуманистических ячеек, иногда отличающихся друг от друга своими объектами изучения, нередко враждующих между собой и все же в своей совокупности составляющих единое целое, определяющее в значительной степени основную идеологическую линию правящих кругов всего полуострова. Внешней, объединяющей все гуманистические ячейки и отдельных гуманистов, силой явля-

ется чистый классический латинский язык, к воскрешению которого призывали уже Петрарка и Боккаччо. Работа над языком Древнего Рима, изучение его законов и правил, свободное владение им в научных сочинениях, политических речах и документах, дружеской переписке, собирание забытых в течение веков или известных в искаженном виде памятников античной литературы становятся обязательными для всякого, кто стремится войти в круг образованных людей, а таких стремящихся становится все больше и больше. С начала XV в., когда турецкая опасность вытеснила в Италию многих представителей «дряхлой» византийской учености, пробудивших интерес к памятникам классической греческой литературы, которые первые гуманисты знали только по имени, в гуманистических кругах распространяется изучение и греческого языка, и написанных на нем произведений. Однако оно почти всегда остается на втором месте, классическая латынь продолжает быть главным языком и нередко — главным объектом изучения большинства гуманистов.

Это страстное увлечение латынью, делающее его адептов чем-то вроде замкнутой секты, резко и сознательно отграничивающей себя от «простого народа», говорящего на «вульгарном» итальянском языке, и от церковников, пользующихся варварской, испорченной «кухонной латынью», нередко принимает комические формы, над которыми смеялся уже в конце XIV в. Франко Саккетти (см. т. I, гл. III, § 3). В начале XV в. это «сектантство» вызовет ряд то добродушных, то злых и обличительных нападок со стороны представителей народной культуры, никогда не считавших гуманистическое течение своим. Но, несмотря на наличие, а иногда и немалое влияние народной, оппозиционной к гуманистической, идеологии, гуманистическая культура остается официально господствующей, определяющей парадный фасад культуры Италии XV в.¹

Центром этой культуры продолжает оставаться Флоренция, явившаяся ее создательницей. Здесь именно на рубеже XIV—XV вв. и особенно в начале XV в. создается социальная и политическая ситуация, наиболее благоприятная для развития гуманистической идеологии.

Разгромив после восстания чомпи народные низы, полностью обеспечив себе почти безраздельное владение политическими правами, богатые и просто зажиточные граждане республики или, во всяком случае, наиболее разумная их часть, возглавляемая Медичи, активно интересуется созданием идеологии, не только соответствующей их вкусам и симпатиям, но более или менее приемлемой для широких народных масс. Эти массы опасны, когда их представители оказываются на правительственных постах, и еще более опасны с оружием в руках, но почему не учесть их настроений, не польстить теоретически их самолюбию, когда они сидят спокойно и не собираются возобновлять кровавых революционных попыток.

Кроме того, падающие на конец XIV — начало XV в. войны за свободу и независимость Флоренции, ведущиеся в первую очередь против Милана, возглавляемого Джан Галеаццо, а затем Филиппо Мария Висконти, требуют громадного напряжения всех сил республики, объединения всех ее классов вокруг понятного всем лозунга спасения родины, ее социальных достижений, ее достоинства. Патриотический подъем, стремление защитить любыми средствами свою республику — наиболее демократическое государство Италии — все это создает исключительно благоприятную атмосферу для развития тех демократических и республиканских идей, которые были изначально заложены в гуманизме.²

Понятно, что в этой обстановке во Флоренции в последние годы XIV в. появляется и развивает бурную деятельность целая плеяда активных защитников гуманизма, разрабатывающих дальше те идеи, которые были выдвинуты в середине века Петраркой, Боккаччо и их первыми учениками. Особую роль здесь играет старейший из гуманистов данного периода — Амброджо Траверсари (1386—1439). Монах, а затем генерал ордена камальдулов, активный участник Феррарского, потом Флорентийского Собора, составитель греческого и латинского текста акта о церковной унии, Траверсари был хорошим знатоком обоих этих языков, перевел на латинский «Жизнеописания философов» Диогена Лаэртца, писал многочисленные письма на классической латыни, подражая стилю Цицерона. В своей келье во Флорентийском монастыре св. Марии Ангельской он принимал своих единомышленников, страстных поклонников и знатоков классической древности и вел с ними беседы, в которых старался, не отходя ни на шаг от учений католической церкви, оправдать новые идеалы, доказать их необходимость и совместимость с церковной идеологией. При этом если положение и многовековая традиция заставляли его ум робко лгнуть к старому, то душа его, ненавидящая все феодальное, душа крестьянского сына со всей страстностью прозелита стремилась к новому.³

Такую же двойственную позицию между старым и новым занимал богослов, лингвист и дипломат Джаноццо Манетти (1396—1459).⁴ Он владел, кроме латинского и греческого, также еврейским языком, тщательно изучал Священное писание, писал немало сочинений богословского содержания и в то же время улекался античной литературой и в ее духе сочинял гуманистические трактаты, в частности «О достоинстве и превосходстве человека» на тему об особенном месте человека в мироздании, характерную для философии гуманистов. Но особенно славился Манетти как оратор, автор длинных, цветистых, наполненных цитатами из священного писания, отцов церкви и античных авторов речей, которые, как это ни удивительно, выслушивались и даже хвалились его современниками. Богатый человек, Ма-

нетти тратил значительные средства на приобретение книг, в первую очередь классических произведений.

Не менее характерной фигурой на идейном горизонте Флоренции был и другой богатый попопан — Никколо Никколи (1365—1437).⁵ Не занимавшийся государственной деятельностью, почти ничего не писавший, кроме многочисленных писем своим друзьям-гуманистам, он играл, однако, особую роль в жизни все более многочисленного гуманистического кружка Флоренции. «Ни один сколько-нибудь заметный человек, приезжавший во Флоренцию, не пропускал случая посетить его», — пишет о нем его биограф и друг, книгопродавец Веспасиано да Бистиччи, подчеркивая то положение как бы «городской достопримечательности», которое занимал Никколи. Его дом был полон античными художественными произведениями, статуями, вазами, медалями, камнями. «Когда он сидел за столом, — пишет Веспасиано да Бистиччи, — он ел из прекраснейших античных ваз, и весь стол его был заставлен фарфором и другими разукрашенными сосудами. Пил он из чаши, сделанной из хрусталя или из другого ценного камня. И видеть его так сидящим за столом, таким античным, каким он был, было наслаждением».⁶

«Античное» (можно ли было похвалить его более определенно) жилище этого богатого знатока и коллекционера постоянно посещали гуманисты: Бруни, Поджо и другие менее заметные; здесь проходили беседы, споры, дискуссии. Темами их были произведения классических писателей, вопросы эстетики и этики, отношение к создателям новой итальянской литературы — Данте Петrarке, Боккаччо, которых гуманисты третьего поколения склонны были критиковать. Так, в диалоге Поджо «О благородстве» Никколи выступает с защитой чисто гуманистического взгляда на знатность и благородство как результата личных качеств и заслуг, а не заслуг или богатства предков. Резкие характеристики родовой и финансовой знати, содержащиеся в этой речи, связывают позицию Никколи со старыми, уж изрядно обветшалыми коммунальными традициями.

Но особенно привлекала знатоков в дом Никколи его библиотека. Свое значительное состояние он тратит в первую очередь на приобретение и переписку рукописей, содержащих латинские классические тексты. В доме его регулярно работают несколько писцов; друзья, и среди них неутомимый путешественник Поджо, разыскивают для него рукописи в монастырях и библиотеках Италии, Империи, Франции, даже Англии. Сам он со страстным увлечением читает новонайденные тексты, сравнивает их между собой, устанавливает лучшие редакции. Потратив на античные памятники и рукописи все свои средства, Никколи влез в долги настолько значительные, что когда в 1437 г. он 72-летним стариком умер, Козимо Медичи (позадолго до этого ставший властителем Флоренции) взял на себя расплату с его кредиторами и, как расчетливый купец, в возмещение своих расходов полу-

чил библиотеку покойного, состоявшую к этому времени уже из 800 ценнейших кодексов. Они были помещены в монастыре св. Марка, где продолжали оставаться доступными всем интересующимся. В дальнейшем они составили основу медицинской публичной библиотеки — так называемой «Лауренцианы».

Траверсари, Манетти и Никколи — монах, дипломат и богатый коллекционер — не были ни крупными учеными, ни смелыми реформаторами; многое связывало их еще со старыми верованиями, симпатиями, вкусами, но в то же время все они и большая группа их друзей и единомышленников были страстными поклонниками и пропагандистами новой идеологической системы гуманизма и сделали немало для ее распространения в самых различных кругах в самой Флоренции, а затем и за ее пределами.

Ученым-профессионалом, одним из прямых продолжателей дела Петрарки и Боккаччо и идеологических вождей гуманистов третьего поколения был Леонардо Бруни, или, как его часто называли по месту рождения, Леонардо Аретино (1374—1444).⁷ Отпрыск бедной семьи, он добился благодаря настойчивости и усердию высшего положения, к которому мог только стремиться ученый профессионал его времени. Дважды он занимал должность секретаря папской курии и дважды (второй раз в течение 17 лет — с 1427 по 1444 г.) канцлера флорентийской синьории, должность своего учителя Колуччо Салутати. К концу своей жизни Леонардо Бруни достиг такой славы, что вполне мог конкурировать со своим другом Никколо Никколи в качестве «достопримечательности» Флоренции.

Веспасиано да Бистиччи пишет об этом: «В это время мессер Лионардо стал пользоваться такой известностью, что слава его гремела как в Италии, так и за ее пределами. И постоянно находились во Флоренции многочисленные писцы, списывавшие его произведения, частью для использования во Флоренции, а частью для посылки вовне, так что мессер Лионардо не мог пойти никуда, чтобы не увидеть там переписываемых своих трудов. Они получили такую известность, что их разыскивали во всем мире. Я скажу только то, что я сам видел — многие из Испании и из Франции приезжали во Флоренцию, движимые только славой его исключительной доблести; и среди этих людей были такие, которые не имели во Флоренции никаких дел, кроме того, чтобы повидать мессера Лионардо».⁸

Свободно владея как классическим латинским, так и греческим языком (последнему его обучали Джованни да Равенна и Мануэль Хризолор), Бруни был автором большого числа литературных произведений разного характера и содержания, но всегда написанных по-латыни. Особенное внимание в соответствии с общими установками гуманизма Бруни уделяет вопросам морали, полагая, что человек по природе своей стремится к истинному благу, но это природное стремление нередко затемняется ложными учениями, для опровержения которых необходима философия.⁹ Последняя же показывает, опираясь на учения древних философов, в первую очередь Аристотеля, что истинное благо заключается в добродетели, найти правильный путь к ко-

торой должен человек, причем именно возможность свободного выбора такого пути отличает человека от божества, с одной стороны, и от животных — с другой.

Исходя из этих положений, Бруни настаивает на важности надлежащего воспитания и образования, причем развиваться должны как дух, так и тело. Последнее должно тренироваться для того, чтобы быть здоровым, сильным. Цель же духовного воспитания — умеренность в пользовании жизненными благами и в усвоении основ наук, необходимых всякому гражданину. При этом Бруни подчеркивает, что в усвоении наук следует постоянно сочетать изучение теоретическое с практическими штудиями, «ибо знания теоретические без знания действительности бесполезны и пусты, и знания действительности, как бы велики они ни были, если не украшены они блеском литературных сведений, будут казаться лишними и темными».¹⁰

Надлежащее и притом достаточно универсальное образование Бруни считает необходимым и для женщин и посвящает ему специальное сочинение — письмо к Баттисте Малатеста «Об ученых и литературных занятиях».¹¹ Особое значение среди большого числа сочинений Леонардо Бруни имеют его диалоги «К Петру Гистрию» («Ad Petrum Histrium»), посвященные вопросу об оценке творчества трех великих флорентийцев¹² — Данте, Петрарки и Боккаччо. Следуя античным образцам и Петрарке в применении формы диалога, автор вкладывает содержание своего произведения в два диалога. В первом, происходящем в доме Колуччо Салутати, участвует хозяин дома, Никколо Никколи, сам Леонардо Бруни и Роберто Росси. Главными участниками беседы являются первые два. Никколи оплакивает упадок наук и философии в современности, недостаточное знание и искажение классических текстов, которые, и особенно сочинения Цицерона, провозглашаются недостижимыми вершинами совершенства; из современных деятелей только Салутати заслуживает похвалы. Последний возражает, что, во-первых, отнюдь не все античные тексты сохранились, и, во-вторых, в ближайшем прошлом существовали писатели, которых можно предпочесть древним, Данте, Петрарка и Боккаччо. Но Никколи не соглашается с мнением «толпы» (*multitudo*) об этих «триумвирах» и считает, что в их творчестве есть много серьезных недостатков — они недостаточно знают античность, делают в этом отношении большие ошибки, пользуются во многих своих основных работах, которые оратор называет «пустячками» (*pucae*), народным итальянским языком, а когда пишут по-латыни, обнаруживают плохие познания в ней. Кроме того, все три писателя были надменны, не допускали никаких возражений и вообще ни в какое сравнение с древними идти не могут. Салутати в ответ заявляет о своем согласии, но не аргументирует своей позиции из-за позднего времени.

Вторая беседа происходит в доме Росси, собеседники те же, добавляется лишь Пьетро Мини. Начинается разговор с весьма интересного спора о роли и значении Юлия Цезаря, которого Бруни в своей речи в честь Флоренции, получающей от присутствующих

щих великие похвалы, назвал «губителем своей родины» и осудил как тирана. Салутати не согласен с этой оценкой, считает Цезаря великим человеком, хотя и признает его недостаточно совершенным в моральном отношении. Так проблема о преимуществах республики или монархии, столь актуальная в годы, когда Козимо Медичи превратил Флоренцию из первой во вторую, в гуманистических кругах приобретает классическое обличение, не теряя ни своей остроты, ни своей актуальности.

Затем беседа возвращается к теме трех великих поэтов Флоренции. Салутати утверждает, что Никколи нарочно нападал на них, чтобы дать возможность защитить и восхвалять их. Эта задача после отказа самого Салутати и Бруни возлагается на того же Никколи, который теперь защищает диаметрально противоположную по отношению к первому диалогу точку зрения, восхваляя «триумвиров» и показывая неубедительность своих первых обвинений, бывших, по его словам, «неискренними» (*simulate*). Диалог заканчивается вложенными в уста Пьетро Мини похвалами Никколо Никколи и его роли в развитии наук.

Диалоги в сочинении «К Петру Гистрию» по-разному толковались исследователями. Если одни из них (в основном более старые) считали их выражением отрицательного отношения третьего поколения гуманистов к Данте, Петрарке и Боккаччо и подчеркивали замечание Никколи о том, что для него «одно письмо Цицерона или один стих Вергилия имеет большую цену, чем все произведения трех поэтов»,¹³ то другие (главным образом новые и новейшие), наоборот, провозглашали участников диалога, и в частности его автора — Бруни, страстными поклонниками и защитниками трех поэтов.

Как то, так и другое толкование, особенно второе, вряд ли можно признать правильным. Важно ведь не окончательное решение вопроса об оценке «триумвиров», а критическое отношение к ним, проявляющееся в диалогах и, безусловно, исключаящее безоговорочное преклонение, о котором говорят представители новых «течений» в изучении гуманизма.¹⁴ Признание безусловного авторитета создателей новых взглядов заменяется здесь диалектическим рассмотрением их достоинств и недостатков, причём последними в первую очередь считается недостаточное знание той самой античности, которую они же ввели в обиход. Характерным и наиболее важным в диалогах было то, что они по сути являлись программными сочинениями с выделением основных линий, по которым ведется обсуждение и которые привлекают особое внимание гуманистов третьего поколения. Это, во-первых, линия филологическая, выдвигающая как важнейшие — вопросы чистого, классического латинского языка, во-вторых, линия этическая, подчеркивающая важность вопросов политической этики.

Проблемам последней посвящена и небольшая речь Бруни «Против лицемеров», обличающая монашество и монахов. Са-

мый институт их автор считает предназначенными для обмана простых людей.¹⁵

Этической проблеме посвящен также «Спор о знатности», в котором разбирается вопрос, усиленно дебатировавшийся гуманистами, начиная с Данте: что определяет настоящую значность — происхождение и богатство или личная доблесть? Прямое ответа на этот вопрос автор не дает, но его защита добродетели и обличение родовитости и богатства, совмещаемая с заимствованным у античных писателей презрением к простому народу — «черни», так страстны и убедительны, что не вызывают сомнения в его истинных взглядах, столь характерных для всего гуманизма, идеологии зажиточных горожан, враждебных феодализму и родовой знати¹⁶ и побаивающихся народных масс.

Тот же круг идей развивает и трактат Бруни «О военном деле», в котором он, опираясь на пример Древнего Рима, провозглашает постоянную армию необходимейшим и благородным институтом, в военное время охраняющим государство, а в мирное — защищающим слабых его граждан от возможных притеснений сильных. Такое утверждение должно было звучать весьма смело во Флоренции, к XV в. почти отказавшейся от регулярной армии и пользовавшейся главным образом войсками кондотьеров-наемников.¹⁷

Может быть, не меньшее значение, чем многочисленные трактаты Леонардо Бруни, имеет его обширная переписка. В части ее, посвящей чисто личный характер, он выступает перед нами как человек со своими сугубо индивидуальными интересами, вкусами и симпатиями, основная же ее часть представляет собой небольшие трактаты, посвященные тому или иному из друзей-гуманистов и разбирающие обычные для автора сюжеты — вопросы филологии, морали, политики.

Особое место здесь занимает одно письмо чисто описательного характера. Бруни пишет его из Констанцы Никколо Никколи «в первый день январских календ» (15 января) 1415 г. Оно посвящено подробному и весьма красочному описанию горной природы, поразившей автора на его пути из Италии в Швейцарию. Бруни потрясен открывшимся перед ним величием сил природы, и его охватывает ужас и благоговение.¹⁸ Чувство величия природы и органической связи с ней человека, впервые появившееся на страницах эпистолярия Петрарки, находит в письмах Бруни дальнейшее и весьма яркое выражение и постепенно становится общим достижением гуманистической культуры.

Если включение природы в круг гуманистических интересов является, несомненно, явлением положительным, то вряд ли можно так же расценить появление в переписке гуманистов особого жанра — писем обличительного или, вернее, ругательно-диффамационного характера, так называемых инвектив. До нас дошла инвектива Бруни, написанная против его многолетнего дру-

га Никколо Никколи, с которым он в это время находился в ссоре.¹⁹ Старый почтенный человек осыпается здесь самыми гнусными упреками и обвинениями: он завистник, бранящий всех писателей, как древних, так и новых, хотя сам не способен написать ни строчки, он корыстолюбец, покупающий книги для перепродажи, он выходец из низов (характерное обвинение в устах демократа Бруни) — дед его был кабатчиком, а отец — ткачом, он ограбил своих братьев, лишив их отцовского наследства, он развратник, живущий с отвратительной любовницей, которую отбил у брата, и т. д., и т. п. Отрицательное влияние этого и подобных документов на нравственный облик гуманистов не подлежит сомнению, но в то же время инвективы своеобразно отражают и индивидуалистические устремления этих борцов за античную культуру и особый грубоватый реализм, неожиданно связывающий их с той народной струей, от которой они в своей основной, «высокой» творческой линии всячески стремились отмежеваться.

Как ни разнообразны и важны разобранные выше литературные произведения Леонардо Бруни, не они занимали главное место в его творчестве. Такое место принадлежит по праву его историческим работам.²⁰ Он пишет биографии античных писателей — философов Аристотеля и Цицерона и своих литературных предшественников — «трех великих флорентийских поэтов» — Данте, Петрарки и Боккаччо. Он создает три большие работы по древней истории, являющиеся, собственно говоря, комментариями к произведениям античных историков Ксенофонта, Полибия и Прокопия Кессарийского. Но совершенно особое значение имеют сочинения Бруни, посвященные истории времени, близкого к нему. Значительнейшим из них, несомненно, являются 12 книг флорентийской истории, написанные им в качестве канцлера и официального историографа республики.²¹

Сочинение это произвело громадное впечатление на современников, было вскоре переведено на итальянский язык, широко переписывалось, а когда стало распространяться книгопечатание, многократно издавалось как в латинском, так и в итальянском варианте. Во время торжественных похорон Бруни на грудь покойнику был положен список именно этого его труда. Современник и друг Бруни — книгопродавец Веспасиано да Бистиччи пишет, что такая книга сделала бы Венецию более славной, Висконти — более знаменитыми, но за исключением Древнего Рима ни одно государство не приобрело такой славы от своих историков, как Флоренция.²²

Такая высокая оценка исторического труда Бруни понятна. Флоренция имела и до него крупные работы, посвященные своей истории, и в первую очередь хронику Джованни Виллани, во многом выходившую за рамки традиционной средневековой хроники, но все же эти сочинения, написанные на народном итальянском языке, по существу оставались хрониками, наивными за-

писями, основанными на устном предании. Исторический труд Бруни со своей помпезной, стремящейся быть возможно более классической латынью, сохраняющей особенности этой латыни даже в переводе Аччайуоли, сознательно подчеркивает новизну своей принципиальной позиции, свою генетическую связь с римской историографией скорее, чем с местными хрониками.

Бруни всячески старается критически оценить свои источники, отбирая из них то, что представляется ему достоверным. В своем изложении он не довольствуется, как это обычно делали хронисты, простым изложением фактов, а пытается установить причинную связь между ними и вывести из них определенные политические заключения. В них он, как и в своих трактатах, выступает как страстный республиканец, враг всякой монархии или тирании, и как демократ, ненавидящий знать. Именно нарушением этих двух принципов он объясняет падение Римской империи, от их нарушения он стремится отговорить своих сограждан. Любовь к Флоренции, восхваление ее заслуг и достоинств пронизывает историческую работу канцлера и страстного патриота республики на Арно. Недаром кроме большого исторического сочинения он создал и специальное сочинение «Похвала Флоренции».²³

Начав с восторженного описания природы, окружающей Флоренцию, и красоты ее зданий, он подчеркивает римское и республиканское происхождение города, причем именно последнее определяет его благоденствие. «Флорентийцы в высшей степени любят свободу и крайне враждебны тиранам. Я думаю, что Флоренция с того времени получила такую ненависть к учредителям императорской власти и нарушителям республики, что даже и теперь, как кажется, она не забыта, и если до сих пор остается или имя, или след их, то республика это презирает и ненавидит...»²⁴ В соответствии с таким взглядом Бруни восхваляет Римскую республику, всячески порицает Империю и не скупится на упреки Цезарю и Августу, губителям первой и создателям второй. Из этого же вытекает чрезвычайно высокая оценка конституции Флоренции, являющейся, по мнению Бруни, идеальным государством. В нем, пишет он, «во-первых, приложена всяческая забота, чтобы право считалось в государстве в высшей степени священным, без чего никакое государство не может существовать и даже называться таким именем; во-вторых, чтобы была свобода, существовать без которой этот народ никогда не считал возможным. К соединению законности и свободы, как некоему знамени или пристани, направляются все учреждения и мероприятия этой республики».²⁵

Замечательное политическое устройство обеспечивает и пышный расцвет флорентийской культуры; язык, на котором здесь говорят, — чистейший и прекраснейший, на нем говорят все образованные люди;²⁶ истинные науки процветают только здесь.²⁷

Дополнением и как бы развитием «Похвалы» служит небольшой, написанный на греческом языке трактат: «О политическом строе флорентийцев».²⁸ В нем подробно описывается весь сложный и запутанный механизм управления республикой и указываются как его великие достоинства, так и немалые недостатки. В результате последних государство еще при жизни автора потеряло значительную часть своих демократических черт и ослабело политически. «Это государство, подобно другим, как я думаю, пережило некоторые перемены, то склоняясь более к толпе, то к знатым. В старину, когда народ имел обыкновение выходить с оружием в руках, сам вел войны и благодаря большой численности подчинил почти всех соседей, тогда сила

государства более всего заключалась в толпе, и поэтому народ имел такой перевес, что устранил из управления почти всех знатных. С течением же времени военные дела стали исполняться обыкновенно наемными чужеземцами, тогда сила государства, как кажется, стала находиться не в толпе, а в знатных и самых богатых, а потому они много вносят в общее дело и более полезны советом, нежели оружием.²⁹

Так, анализируя социальное строение общества, Бруни, первый историк-гуманист, преодолевает ограниченность средневековых хронистов и выходит на широкую дорогу научной истории, на которую вслед за ним выйдет ряд его последователей.

Последнее из разобранных нами сочинений Бруни было, как уже указано, написано на греческом языке, интерес к которому у гуманистов третьего поколения резко возрастает. Уже Петрарка проявлял интерес к греческой культуре, но дальше элементарных сведений о греческом языке и литературе не пошел. Положение изменилось, когда в последние годы XIV и первые XV в. из находящейся под угрозой со стороны турок Византии в Италию начали в значительном количестве приезжать греческие ученые, на более или менее долгие сроки задерживающиеся в городах Италии, а иногда и остающиеся здесь до конца жизни.³⁰

Первым из таких византийских ученых, оказавших реальное и бесспорное влияние на культуру Италии, был Мануэль Хризолор.³¹ Прибыв в последние годы XIV в. в Италию (точная дата его приезда спорна), он с 1396 по 1400 г. ведет преподавание во Флоренции, затем около двух лет — в университете Павии, возвращается в Константинополь, но в 1410 г. снова приезжает в Италию, где на службе папской курии остается до своей смерти (1415 г.).

Хризолор, широко и разнообразно образованный человек, не был крупным ученым, его литературная деятельность развивалась главным образом в области переводов с греческого на латинский и с латинского на греческий язык. Особенное значение имеет его перевод «Республики» Платона, впервые введший это сочинение в западную литературу. Из оригинальных произведений Хризолора наиболее важное — грамматика греческого языка, законченная его учеником Гварино Веронским.

Роль Хризолора в основном сводилась к его педагогической деятельности, о которой как его ученики, так и другие современники давали самые восторженные отзывы. У него учились Салутати, Никколи, Бруни, Верджерио, Гварино, Умберто Дечембрио и многие другие, и именно они были проводниками всех основных произведений классической греческой литературы в итальянскую культуру XV в. Через 50 лет после смерти Хризолора Гварино Поджо пишет о нем: «Насколько я обязан Мануэлю Хризолору, мудрейшему философу и божественному человеку нашего времени, приятнейшему моему учителю, только я сам могу быть этому свидетелем... Поэтому, если каким-либо

путем можно обеспечить вечность имени и сохранить бессмертие славы человека, я прошу и стремлюсь получить помощь твою и некоторых других ученых мужей и воздвигаю ему статуи, если не золотые, то литературные... Для чего я собрал в некий единый том письма, которыми, насколько возможно для потомства, этот муж прославляется, так что, если тело и умерло, он сам, трудами благородных людей живет. Его читают, его любят, за ним следуют, и в писаниях друзей „он своей жизнью побеждает века”». ³²

Именно с преподавательской деятельностью Хризолора было связано то появление настоящей моды на греческий язык и греческую литературу, которая так характерна для Италии этого времени. Латинский язык, безусловно, сохранял свое первое место, латинская культура продолжала оставаться неоспоримым образцом и критерием оценки, но знание греческого языка и культуры становится также обязательным, недаром с таким увлечением усваивает их даже старик Салутати, недаром Бруни пишет: «Неужели с тех пор, как тебе дана возможность познакомиться с Платоном, Гомером, Демосфеном и со всеми остальными поэтами, философами и ораторами, о которых рассказывают столько чудесного, дана возможность говорить с ними и пропитываться их удивительной ученостью... ты можешь пренебречь таким случаем, который тебе представился по воле божества...» ³³

Прекрасно знавший настроения и интересы гуманистов, книгопродавец Веспасиано да Бистиччи в середине XV в. заявляет, что результаты приезда Хризолора были ощутимы во всей Италии в течение десятилетий. ³⁴ И действительно, не только ряд ведущих гуманистов перенял у него интерес к изучению греческого мира, но многие решились на опасную и трудную поездку в самый этот мир. Так, один из вернейших учеников Хризолора — Гварино, при его возвращении на родину в 1403 г., последовал за ним и, совмещая ученые занятия с торговой деятельностью, оставался в Греции 5 лет. Филельфо (см. ниже), проводит в Византии 7 лет своей молодости (1420—1427), женится на гречанке, отращивает длинную бороду и приобретает все повадки греческого философа. Джованни Ауриспа (?—1450) проводит в Греции 2 года (1421—1423 гг.) и, несмотря на большие материальные трудности, упорно изучает все, что можно здесь изучить. «Ради книг, — пишет он, — я прибегал ко всяким уловкам, я отдавал все деньги и часто даже платье, чтобы получить за них рукописи, — поступок, за который я не чувствую ни стыда, ни досады...» ³⁵

Когда эти фанатические поклонники всего греческого, свободно владеющие языком, возвращаются на родину, их окружают поклонением, стараются заполнить к себе итальянские государства и государи. Особенно ретиво действует Флоренция, недаром снискавшая славу родины гуманизма. И ей удается, пусть на короткие сроки, закрепить за собой большинство новых знатоков греческого языка. В течение 4 лет преподает здесь Гварино, 2 года — Ауриспа, 5 лет — Филельфо. Все они получают щедрое вознаграждение, пользуются всеобщим уважением, их лекции и занятия посещают не только сотни местных слушателей, но и приезжие из Франции, Испании, Германской империи, с острова Кипра.

Деятельность Хризолора, его учеников, гуманистов, побывавших в Греции, скоро принесла результаты — число людей, хорошо знающих классический греческий язык, становится зна-

чительным во всей Италии, и особенно во Флоренции. Многочисленные переписчики размножают греческие рукописи, усиленно собираемые любителями, а затем оседающие в первых государственных библиотеках во Флоренции, Венеции и других городах. Понятными становятся утверждения Гварино: «Без греческого языка нельзя знать латинского языка»; Кодра Урчео: «Если бы не было греческой литературы, латиняне не имели бы никакой образованности»; или Филельфо: «Те, кто не пропитан греческими доктринами, блуждают во тьме, как слепые».³⁶

Мануэль Хризолор был, по-видимому, крупнейшим из ранних пропагандистов греческой культуры и греческого языка на почве Италии конца XIV — начала XV в., но он отнюдь не был единственным. Возможно, не менее значительным, чем влияние Хризолора на гуманистическое мировоззрение, хотя и совсем иным по своему направлению и характеру, было воздействие на это мировоззрение относительно кратковременного пребывания в Италии другого греческого деятеля — Георгия Гемиста Плифона.³⁷

О жизни Плифона известно немного. Он провел значительную часть ее при дворе деспотов Морей в Мистре (около Спарты) и умер здесь же глубоким стариком в 1452 г. В 1438—1439 гг. он присутствовал в составе византийской делегации на Феррарском, а затем на Флорентийском Соборе, жил в городе на Арно и произвел здесь всем своим обликом и своими беседами громадное впечатление как на гуманистические, так и на правительственные круги. Во время пребывания во Флоренции Плифон читал публичные лекции и закончил написание трактата о различиях между философскими системами Платона и Аристотеля, вызвавшего в Италии усиленную и ожесточенную полемику с момента своего появления и в течение многих последующих лет. Вернувшись в Мистру, Плифон не потерял связи с итальянскими учеными. Так, в 1447—1448 гг. его посетил гуманист-антиквар Чириако д'Анкаона. Последние годы своей жизни Плифон посвятил завершению своего фундаментального сочинения «Законы», которое после его смерти (1452 г.) было осуждено патриархом Геннадием Схоларием как нечестивое и антихристианское и публично сожжено в Константинополе, что отнюдь не помешало ни славе, ни влиянию его автора.

Последователь философии неоплатоников, которую он своеобразно сочетал с элементами мистических учений представителей Александрийской школы, Плифон с упорной последовательностью и смелостью стремится создать новую и притом всемирную религию, базирующуюся не столько на догматах и предписаниях церкви, сколько на философских доказательствах и рассуждениях. Недаром греческий философ и гуманист Георгий Трапезундский, страстный противник Плифона и его последователей и защитник Аристотеля, писал о нем: «Я слышал, как он говорил во время нашего пребывания во Флоренции, что через

немного лет все люди на всей земле примут по общему согласию и единому мнению единую, общую религию. А когда я его спросил: „Будет ли это религия Иисуса Христа или Магомета“, он ответил мне: „Ни одна, ни другая, но некая третья, которая будет незначительно отличаться от язычества”». ³⁸

В течение своей долгой жизни Плифон, как это было обычным для крупных византийских философов, занимался кроме своего основного предмета также музыкой, историей, грамматикой, риторикой, географией, астрономией и астрологией.

Философское учение Плифона глубоко и последовательно идеалистично — он решительно выступает против Аристотеля и его продолжателей, обвиняя их в материализме и тем начиная ту полемику между платониками и перипатетиками, которая будет затем в течение десятилетий вестись в Италии.

Но, отстаивая идеализм в его крайних формах, Плифон последовательно боролся с христианской религией, которую он считал причиной современного философу упадка всего средиземноморского мира, и в частности Греции. Поэтому он полагал, что единственным способом спасти свою родину, находящуюся на краю гибели, является проведение радикальнейшей реорганизации всего социального, экономического и политического порядка в ней, а затем и во всем мире. Провести эту реорганизацию должен представитель монархической власти, убежденным сторонником которой являлся Плифон.

Основой такой реорганизации, развивающей некоторые элементы политических учений Платона, является ликвидация частной собственности на землю, которая предоставляется каждому в размере, который он сам может обработать, общность имущества и распределение благ пропорционально пользе, приносимой каждым гражданином обществу. Люди не работающие и, следовательно, бесполезные (имеются в виду в первую очередь монахи) никаких прав на общественные блага не имеют. При этом действительно продуктивной считается сельскохозяйственная деятельность, впрочем, с оговоркой, что и деятельность по охране государства и капитал дают право на получение некоторой доли благ.

Государство в «Законах» Плифона приобретает громадное доминирующее значение в обществе: оно организует и контролирует общественное производство, при помощи системы налогов поддерживает социальное равенство, борется с излишней роскошью и расточительностью в быту граждан, руководит охраной и защитой границ.

Само собой понятно, что эта смелая программа, в которой религии и церкви не отведено никакого места, а социальные мероприятия чрезвычайно радикальны, была совершенно нереальной в условиях упадка и разложения дряхлой Византийской империи. Но итальянским гуманистам, которые с нескрываемым восхищением смотрели на приехавшего из Греции старого, почти

античного мудреца, слушали его странные речи, программа эта не могла не показаться диковинной, новой и важной. Понятно, что как сам Плифон, так и его ученики, оставшиеся в Италии, в первую очередь Виссарион Никейский (о его деятельности речь будет идти ниже), в значительной мере повлияли на дальнейшее развитие культуры Италии, и в первую очередь Флоренции, где Плифон провел большую часть своего пребывания на Западе и где почва была наиболее подготовленной для восприятия его учения.

Увлечение греческим языком, греческими книгами, греческой культурой еще больше увеличивает число гуманистов различных профилей: как специалистов филологов, историков, философов, так и просто любителей, совмещающих повседневные занятия торговлей, банковскими операциями или обработкой шерсти с собиранием и чтением латинских и греческих рукописей, диспутированием, писанием элегантных и ученых писем.

Среди первых гуманистов-специалистов особенно выделяется Поджо Браччолини (1380—1459)³⁹ (илл. 35). Сын скромного тосканского аптекаря Поджо начал свою деятельность как провинциальный писец и потариус, основы гуманистической науки и греческий язык освоил самоучкой, не без трудностей вступил в кружок, группировавшийся вокруг Салутати, и вскоре занял среди флорентийских гуманистов одно из ведущих мест. Как папский секретарь, активный участник Констанцского Собора, Поджо совершает ряд поездок по странам Западной Европы (включая Англию), всюду со страстью занимаясь поисками старых рукописей, содержащих сочинения классиков. Результатами этих поездок были находки ряда ранее неизвестных текстов, среди них такие значительные, как «О природе вещей» Лукреция и «Наставления в ораторском искусстве» («Institutio Oratoria») Квинтиллиана. С 1453 г. и почти до самой смерти (в 1459 г.) Поджо занимал (вслед за Салутати, Бруни и Марсуппини) должность канцлера Флорентийской республики.

Литературная деятельность Поджо велика и разнообразна. Как большинство гуманистов, он начал с переписки со своими единомышленниками, друзьями и врагами. Эта переписка огромна, причем некоторые письма по своей литературной обработке и глубине являются, собственно говоря, серьезными трактатами. Так, широко известны были два его письма, относящиеся ко времени Констанцкого Собора. Первое, обращенное 16 января 1415 г. к Никколо Никколи, посвящено описанию веселого посещения горного курорта Бадена. Легкой, свободной латынью, точно передающей вполне современные мысли и переживания, Поджо описывает приятное путешествие, совершенное группой достаточно легкомысленных церковников через красивые местности, прибытие в курорт, лечебные ванны, которые принимают разделенные только низенькой перегородкой обнаженные мужчины и женщины. «Ничего не существует столь трудного, — пишет автор, — чтобы при их нравах не стало легким. Как будто они сошлись в государстве Платона, чтобы все было общим, они рьяно следуют за его предписаниями, даже не зная его ученья... Приятнейше видеть девушек, уже созревших для замужества, в возрасте полного расцвета, с прелестными и веселыми лицами, поющими, подобно богиням, плавающим в воде, скинув свои весьма легкие одежды, так что ты сочтешь каждую из них второй Венерой. Более состоятельные семейства имеют особые бассейны, в которых красивые девушки и дамы в ярких легких купальных костюмах танцуют, поют, играют, под восхищенными взорами смотрящих на них с балконов и галерей зрителей. Устраиваются пиры в воде, при которых кушанья и напитки размещаются на плавучих столах. После купанья устраиваются новые игры — в мяч и другие на прохладном берегу реки. Всюду царствует полная свобода и ничем не стесняемая веселость».⁴⁰ «Я все это сообщаю, — замечает Поджо, — что-

бы ты уразумел, каковы эти последователи ученья Эпикура. И я полагаю, что это место и есть то, в котором был создан первый человек, и которое евреи называют Галидон, т. е. сад наслаждений. Ибо, если наслаждение может сделать жизнь счастливой, то я не знаю, чего недостает в этом месте для совершенного и во всех отношениях законченного счастья».⁴¹

Более или менее несомненно, что в этом описании письма немало идеализации, что в действительности жизнь в небольшом германском курортном городке не была так безоблачно весела и прекрасна, но это делает письмо Поджо, может быть, еще более интересным. Оно рисует идеал счастливой жизни среди прекрасной природы в обществе беззаботных друзей и веселых, красивых и не слишком строгих женщин — идеал, характерный для гуманизма вообще и для Поджо в частности.

Второе письмо, написанное через несколько дней, представляет собой резкий и несомненно сознательный контраст с первым — оно посвящено описанию бесчеловечной казни в Констанце чешского реформатора и революционера, сподвижника уже казненного Гуса — Иеронима Пражского. Подробно, с живой симпатией к непримиримому врагу католической церкви, которая кормит автора, описывается продолжающийся почти целый год процесс Иеронима, его спокойные, умные, нередко злые ответы на вопросы, его мужественная защита всех погибших жертв мракобесия от Моисея, Христа, Сократа и Боезия и до Гуса, который «ничего не думал противного положением церкви божией, но (выступал. — М. Г.) против злоупотреблений клириков, против надменности, роскоши и пышности прелатов. Ибо в то время как богатства церкви должны (употребляться. — М. Г.) на бедных, странников, построение церквей, человеку добродушному отвратительно видеть, как они растрачивают (эти богатства. — М. Г.) на публичных женщин, на пиры, на лошадей и собак, на богатые одежды и на прочие вещи, несовместимые с верой Христовой».⁴²

Смелая, прямая защита Иеронимом своих убеждений, от которых он, несмотря на все мучения, угрозы, неминуемую смерть, ни на шаг не хотел отступить, вызывает бурю возмущения со стороны жирных, самодовольных, тупых церковников, но их жертва остается непоколебимой. «Так он стоял непоколебимый, бесстрашный, не только презирав смерть, но стремясь к ней, так что ты мог бы назвать его вторым Катон».⁴³

Казнь бесстрашного борца, привлечшего к себе симпатию многих церковников, и в первую очередь самого Поджо, описывается сильно, ярко и производит глубокое впечатление: «Со спокойным и даже веселым лицом шел Иероним на казнь, не страшась огня, мучений, смерти. Ни один из стойков не переносил смерть так мужественно, как он, казалось, желавший ее...»⁴⁴

Затем следует подробное описание сожжения Иеронима. «Когда палач, — заканчивает Поджо, — хотел зажечь костер не впереди, а сзади, за его спиной, чтобы он не видел этого, мученик сказал ему: „Иди сюда и зажги огонь на моих глазах, ибо если бы я боялся его, я бы никогда не пришел на это место и бежал бы от него“. Так был сожжен этот замечательный человек (но не его вера)».⁴⁵

Оговорка относительно веры, естественная под пером служителя римской курии, вряд ли была очень искренней; в каждой строчке яркого письма гуманиста, во всем его приподнятом, взволнованном тоне сквозит искреннее восхищение перед мужественным гуситом. Поджо пленяло не только яркое красноречие мученика, свободно цитировавшего перед лицом смерти античных писателей, Библию и сочинения отцов церкви, но, главное, его неукротимое мужество, сила его индивидуальности, напоминающей героев Древнего Рима и даже превосходящей их. Преклонение перед силой человека недаром было одним из стержней гуманистической идеологии.

Первой крупной литературной работой Поджо явился трактат «О скупости» (1428 г.).⁴⁶ Он составлен в виде записи разговора папских секретарей-гуманистов, собравшихся в имении одного из них под Римом и в непринужденной беседе обсуждающих произведшие большое впечатление в папской столице проповеди Бернардина Сиенского.

Главным корнем всех пороков, говорит участник беседы Бартоломео да Монтепульчано, на которые справедливо обрушился проповедник, является корысть. Скупой, корыстный человек, побуждаемый своей страстью, отнимает деньги и другие ценности у общества, для которого они предназначены, и присваивает их себе, причем страсть эта изгоняет все добродетели и рождает все пороки. Этому резко возражает гуманист Антонио Лоски, считавший, что корысть сама по себе благоварна, на ней построено все человеческое общество, и порицать следует злоупотребление ею, а не ее саму. Наконец, монах Андреа Константинопольский, выражающий, по-видимому, официальную точку зрения Поджо, говорит, что не следует смешивать нормальное, умеренное стремление к обладанию необходимым, с неумеренной и преступной корыстью. Последнюю порицали все авторы, и она ни в коем случае не может быть свойством истинного философа. Ту же мысль продолжает и последний собеседник — Чинчо, разбирающий пагубные последствия корысти на представителях разных сословий.

В этом произведении, обложенном в излюбленную гуманистами форму диалога, дававшую возможность трактовать вопрос диалектически, рассматривая его со всех точек зрения, интересно не столько обличение корысти, обычное для средневекового мировоззрения, сколько оправдание умеренного стремления к обладанию земными благами. Недаром мнение, изложенное устами самого значительного из беседующих гуманистов, Антонио Лоски, о том, что стремление к жизненным благам как основа человеческого общества, лежит в центре политической теории ряда гуманистов и приводит их к интересным и новым положениям и выводам.

Вопросам этики, но в личном плане, посвящен и второй диалог Поджо, имеющий несколько шуточный характер. Основой для него послужила женитьба в 1436 г. 56-летнего гуманиста на 18-летней знатной и красивой флорентийке Вадже Буондельмонти. Эта женитьба дала тему для оживленных сплетен в кругу весьма жадных до них гуманистов. Отражением этих сплетен и одновременно возражением против порицаний его друзьями и послужил небольшой диалог Поджо «Следует ли старику жениться?». ⁴⁷ В нем Никколо Никколи передает все многочисленные доводы хулителей поздней женитьбы, а Карло Марсуппини, сам незадолго до того женившийся, разбивает один за другим все эти доводы. Спор заканчивается шуточным замечанием Никколи, считающего, что аргументы Марсуппини были вызваны его желанием отблагодарить Поджо за угощение, во время которого беседа происходила.

Простой, легкий тон диалога, трезвый реализм его подхода

к основным проблемам жизненного поведения очень характерен как для гуманистических кругов вообще, так и для Поджо.

К позднему периоду творчества гуманиста относится диалог «О знатности» (1440 г.).⁴⁸ Беседа происходит на вилле Поджо в Терранова, куда приехали Лоренцо Медичи (старший) и Никколо Никколи, чтобы полюбоваться на античные памятники, собранные хозяином. Никколи утверждает, что понятие знатности относительное, в каждой стране различное, и разбирает употребление этого понятия в разных частях Италии — Неаполе, Венеции, Риме, Флоренции, Генуе, Ломбардии, а также прочих странах Европы — Германии, Франции, Англии, Испании, Византии. Это конкретное рассмотрение вопроса о знатности, вместо обычного чисто теоретического и цитатного, составляет особенность диалога, обратившую на него внимание современников.

Лоренцо Медичи отвечает на разбор Никколи замечанием, что приведенные данные только доказывают, что понятие знатности существует везде и, следовательно, является естественно необходимым, но содержание его в зависимости от местных условий разное при одинаковых внешних проявлениях: пышности жизни, богатстве, занятии ведущих должностей, воинской славе.

Никколи возражает, считая что приведенные им данные говорят, наоборот, о пустоте и бессмысленности обычного понятия знатности. Истинная знатность, всюду одинаковая, основывается только на личных достоинствах человека, не связанных ни с богатством, ни с воинскими подвигами, ни с должностями. Свое мнение Никколи, как положено гуманисту, подкрепляет взглядами Платона, входящими в моду к середине XV в., в то время как Лоренцо опирается на традиционный авторитет Аристотеля. Так как его противник не сдается, упорно отстаивая свою точку зрения, то Никколи заключает беседу компромиссным решением вопроса. Каждый гражданин, говорит он, может добиться истинной духовной знатности в боях как с внешним врагом, так и с внутренним — пороками, но как в том, так и в другом случае следует поставить ее на службу родине, стоящей выше отдельных своих граждан, каковы бы они ни были.

В 1440 г. появился еще один диалог Поджо — «О несчастии князей».⁴⁹ Беседа в нем происходит летом 1434 г. (вскоре после возвращения Козимо Медичи во Флоренцию — см. гл. I, § 4) в доме Никколо Никколи. Придя сюда, Поджо застаёт Козимо и Карло Марсуппини сидящими в знаменитой библиотеке Никколи над изучением карты Птолемея. Разговор начинает сам Поджо, жалующийся на свою судьбу, связанную со скитаниями и несчастьями пап. Происходит общее обсуждение вопроса о том, насколько в действительности святые и счастливы папы, носящие титул «святейшего и блаженнейшего отца», а затем и другие государи. Основной собеседник Никколи на ряде исторических примеров доказывает, что так как добродетельным может быть только образованный человек, а счастливым — только человек добродетельный и свободный от забот, то князья, никогда не бывающие ни свободными от забот, ни добродетельными, счастливыми никогда быть не могут. Даже те из них, которые подобно Августу, Веспасиану или Роберту Неаполитанскому считались при жизни свободными и добродетельными, в действительности не провели ни одного дня без тяжких забот. Государи

скупы и жестоки, что ярко обнаруживается в их взаимоотношениях с крупными писателями и учеными, которых они либо не умеют оценить и вознаградить по заслугам, как Данте, Петрарку, Боккаччо, либо подвергают мучениям и казни, как Платона, Сократа, Боэция. Истинное счастье не является уделом больших господ, а остается только простым, маленьким людям, заключает Никколи.

Тот факт, что диалог этот, написанный сразу после прихода Козимо Медичи к власти, происходит в присутствии и при участии самого Козимо, для которого он служит как бы предупреждением, показывает претензии гуманистов руководить политической жизнью государства, диктовать нормы поведения государя и, следовательно, свидетельствует о ведущей идеологической роли гуманизма в середине XV в.

Примерно тому же кругу идей посвящен трактат «Об изменчивости счастья».⁵⁰ Тема эта, нередко привлекавшая внимание средневековых моралистов, трактуется Поджо в другом, чисто гуманистическом разрезе.

Два страстных поклонника античности — сам автор и Антонио Лоски созерцают развалины Капитолия, центра некогда великого и могущественного Рима, и это трагическое зрелище приводит их к размышлениям о том, что из себя представляет Фортуна — богиня судьбы, счастья. Это жестокое и капризное божество, полунебесное, полужемное, могущество которого распространяется на все, кроме добродетели и науки. Божество это ведет свою игру независимо от божьих велений, подымая на недосягаемую высоту плохих и глупых людей, чтобы затем ярко обнаружить их ничтожество.⁵¹

Для того чтобы доказать это, Поджо, не ограничиваясь теоретическими соображениями, приводит ряд примеров неустойчивости судьбы, заимствуя их как из античности, так и из современности, которую он считает не менее достойной рассмотрения, чем первую.

Во второй книге трактата рассказывается о судьбах личностей, жизнь которых была богата резкими переменами, контрастами. Так, Жак Бурбон приезжает в Италию как бедный, незаметный рыцарь, затем становится мужем Джованны II Неаполитанской, управляет могущественным государством, затем же из-за собственной глупости теряет все приобретенное и возвращается к безвестности, из которой вышел.

Разбирается жизнь длинного ряда князей: Висконти, Каррара, Делла Скала, Гвиниджи; пап: Урбана VI, Иоанна XXIII, Григория XII; кондотьеров: Браччо да Монтоне и многих других, объединенных трагизмом своей личной судьбы.

В последней, третьей, книге трактата, написанной позже первых двух, новый собеседник, Карло Марсуппини, разбирает с тех же точек зрения судьбы совсем современных деятелей: папы Евгения IV, папского любимца кардинала Вителлески, неаполитанского фаворита Джованни Караччоло, трагически погибшего в Венеции кондотьера Карманьолы и других.

Перечисление трагических судеб великих людей заканчивается горьким вопросом: как все эти горести, кровавые жестокости войн и переворотов могут быть согласованы с верой в мудрое и благодатное божье предвидение? Нелегко ответить на этот вопрос, и Поджо отделяется от него формально: божье предвидение выше человеческого понимания, и поэтому не следует размышлять о нем.⁵²

В качестве четвертой книги к трактату «Об изменчивости счастья» присоединен только внешне связанный с ним весьма интересный рассказ о 25-летних странствиях на Востоке купца Никколо Конти. Основываясь на личных рассказах путешественника, вернувшегося на родину мусульманином, Поджо сообщает ряд важных сведений о дальнем Востоке, обнаруживая живой интерес гуманистических кругов к географии, ознакомлению с далекими, экзотическими странами. Недаром высказывались предположения о том, что эта часть трактата флорентийского гуманиста оказала влияние на Паоло Тосканелли и на его последователя Христофора Колумба.⁵³

Очень характерен для идеологических установок гуманизма небольшой диалог Поджо «Против лицемеров»,⁵⁴ направленный против монахов и вообще против всякого ханжества. Обличение монахов мы встречаем уже в литературе позднего средневековья, с новой силой звучит оно у первых гуманистов, особенно в «Декамероне». Но и там и здесь оно направлено против отдельных монахов-грешников, против отдельных злоупотреблений. Формально так же строит свою критику Поджо, но фактически его диалог имеет гораздо более общий характер, обличая монашество как таковое, как институт. В монастырь, утверждает Карло Марсуппини, главный участник беседы, происходящей в его доме, идут лентяи, никуда не годные, слабые люди, рассчитывающие найти в нем легкую жизнь, полную разврата и безделья. Их уход от обычной трудовой жизни диктуется только эгоистическими, личными соображениями: стоит появиться какому-нибудь соблазну, выгодной должности, богатому приходу, епископской митре или кардинальской шапке, как они забывают свои обеты и бросаются в самую яростную и греховную погоню за ними, не гнушаясь никакими уловками или преступлениями. Что это так, Поджо показывает на примере двух лучших из них — врага гуманизма монаха Джованни Доминичи (см. т. I, гл. III, § 2) и гуманиста — монаха Амброджо Траверсари. Оба они, соблазненные кардинальской шапкой, оставили покой и уединение монастыря, которому, казалось, были так искренне преданы, и конец своей жизни провели в суете и грехе.

Насколько пуста и бессмысленна праздная, никому не нужная жизнь монахов, обнаруживает сравнение ее с полной труда и лишений жизнью крестьянина, в поте лица своего обрабатывающего свой клочок земли, чтобы взрастить на нем хлеб, нужный всем.⁵⁵

В 1450 г. 70-летний гуманист выпустил состоящий из трех частей-диалогов трактат «Трехчастная история».⁵⁶ Первая из частей излагает происходящую на вилле Поджо беседу о преимуществах юриспруденции и медицины. Обменивающиеся сухими, чисто риторическими речами участники совещания — канцлер-гуманист Карло Марсуппини, юрист Бенедетто Аккольти и врач Никколо да Фолиньо не приходят к определенному результату. Диалог мало оригинален, повторяя подобные споры средневековой литературы и аналогичный трактат Салутати.

Второй диалог гораздо живее и интереснее — основную роль в нем

играет врач Никколо да Фолиньо, обрушивающийся со страстными обвинениями не только на юристов, но и на право как таковое. Хотя у всех народов существуют легенды о том, что законы продиктованы богом или богами, эти «божественные законы» служат только для подчинения сильным и богатыми слабым и бедным. Сами же сильные никаких законов не соблюдают. «Ясно, — говорит врач, — что они (законы. — М. Г.) введены для (подчинения. — М. Г.) не желающих их и непокорных людей, чтобы они считали оправданным свое рабство... Только бессильные плебеи и народные низы города сдерживаются вашими законами... и другие подобного рода люди укрощаются вашим правом. Могущественные же люди, хозяева этих государств, нарушают законы. Недаром Анахарсис сравнивал законы с паутиной, которая держит слабых, но которую сильные разрывают. Действительно, я никогда не читал, никогда не видел, никогда не слышал, чтобы какое-либо правительство, какой-нибудь царь, кто-нибудь из высших правителей ваших повиновался законам и чтобы они были созданы для него. Мы постоянно видим, как в государствах люди приходят к высшей власти при помощи силы и как царства управляются не законами, а насилием и крепкой рукой, что противоположно законам... Правители эти презирают и попирают законы, оставляя их слабым, наемным рабочим, беднякам, неграмотным, людям без достатка, которые управляются ими скорее силой и страхом, чем законами...» «Ведь все славное и заслуживающее памяти человечества, — заключает Никколо, — происходит от беззакония, от нарушения законов и презрения к ним».⁵⁷

Мы привели столь значительную выдержку из трактата Поджо потому, что она исключительно интересна и симптоматична. Автор подходит к проблемам юриспруденции и истории не с позиций богослова, как подошел бы средневековый схоласт, и даже не с позиций антикизирующего моралиста, на которых стояли ранние гуманисты, а пытается применить классовый анализ, вдумчиво и самостоятельно подходя к проблемам построения и функционирования современного ему государства и общества. Он не слишком симпатизирует простому народу, но трезво оценивает его бесправное положение и тяжелую судьбу.

Третий диалог⁵⁸ трактата посвящен вопросам совсем другого характера — филологическим. Данте в своем трактате «О народной речи» (см. т. I, гл. II, § 3) ставил проблему о происхождении итальянского языка, который он считал народным диалектом, существовавшим уже в античности. Поджо решает вопрос иначе — в Древнем Риме, полагает он, народ говорил на латинском языке, который постепенно в ходе исторического развития превратился в итальянский. Это разделяемое современной филологией утверждение Поджо подтверждает ссылками на разговоры с представителями различных кругов простого народа Рима: рыбаков, ткачих, крестьян. Интерес к бедному, простому люду, явствующий из этих разговоров, чрезвычайно характерен для идеологических симпатий Поджо и проявляется здесь не меньше, чем в предыдущем диалоге о праве.

Этот же интерес проявляется и в другом, наиболее известном произведении Поджо «Фацеции», написанном на классической, гуманистической латыни, но по своему характеру и содержанию выходящем за рамки обычной гуманистической литературы. Это сборник небольших анекдотов — новелл, сюжеты которых очень

близки к новеллам предыдущего столетия — от литературно отточенных рассказов Боккаччо до простых и непритязательных зарисовок Саккетти (см. т. I, гл. III, § 3). Над сборником Поджо работал долго — первое упоминание о нем в письмах автора относится к 1438 г., когда в него входило несколько десятков новелл, закончен же он был в 1451 г. и состоял из 273 новелл, с литературно оформленным предисловием и заключением.⁵⁹

Сам автор во вступительных замечаниях последней редакции отмечает, что основную ценность сборника составляет не его содержание, а литературная форма, в рамках которой простые, будничные сюжеты, случаи из повседневной жизни передаются в сжатом, почти афористическом виде и притом (и это основное) не на народном итальянском языке, которым пользовались все предшествовавшие новеллисты, а на чистой классической латыни. Доказательством полного овладения последней должно было служить то, что автор применил ее здесь не для рассказа о высоких материях, исторических и философских, а о низменных, ежедневных случаях и приключениях, нередко не очень пристойных и благородных. Перед читателями представляли анекдоты, известные ему с детства, связанные с современными событиями и персонажами, но облаченные в тогу элегантной и гибкой латыни. Гуманизм, новая идеологическая система, в течение века завоевывавшая одну позицию за другой, переходившая от одной области жизни к другой, в «Фацециях» одержала одну из своих крупнейших побед, вторгшись в область обыденной жизни.

Сборник оформлен как запись рассказов о забавных случаях, острых словцах, которыми делились друг с другом папские секретари-гуманисты, собиравшиеся после работы в небольшой комнатке, прозванной ими «вральней» (*buggiale*). Но эту инсценировку вряд ли следует принимать всерьез, так же как инсценировки выше разобранных трактатов-диалогов. Весьма вероятно, что секретари-гуманисты действительно собирались во «вральней» и рассказывали друг другу всякие сплетни и анекдоты, но маловероятно, чтобы эти рассказы касались тех общеизвестных, ходячих сюжетов, которым посвящена большая часть «Фацеций». Инсценировка, примененная Поджо, является скорее всего литературной формой, использованной для того, чтобы придать сборнику вид произведения более реалистического, приблизить его к современной жизни.

В анекдотах «Фацеций», несмотря на традиционность их сюжетов, нередко проявляются и демократические симпатии автора, его интерес и внимание к маленьким, бедным людям, не теряющим в своей тяжелой судьбе ни присутствия духа, ни остроумия.

Характерна, например, такая фацеция: «Миначо проиграл в кости свои деньги (а он был беден), а затем и свою одежду и стоял, плача, у дверей таверны, в которой играл. Один из его друзей, увидев его горюющим и плачущим, спросил у него, что с ним. — „Ничего!“ „Почему же ты плачешь, если у тебя ничего нет?“ — „Именно потому, что ничего не имею“. Один думал, что нет оснований плакать, другой же плакал потому, что у него ничего не оставалось».⁶⁰

Или такая: «Некий богач, закутанный в теплые одежды, зимою шел в Болонью. В горах он встретил крестьянина, на котором был один-единственный плащ, да и тот очень подержанный. Богач удивился, как в такой холод — ибо был ветер и шел снег — человек может не зябнуть. Он спросил у крестьянина, неужели ему не холодно. „Нисколько“, — отвечал тот с весе-

лым лицом. Богач, удивленный, воскликнул: „Как! Я дрожу в мехах, а ты — почти голый и не чувствуешь холода?“ — „И ты бы не мерз, — отвечал крестьянин, — если бы на тебе была надета, как на мне сейчас, вся одежда, какая у тебя есть“». ⁶¹

Зачень ярко рисует отношение Поджо ко всему устройству римской курии, столь хорошо ему известной, следующая новелла.

«В римской курии почти всегда царит фортуна и очень редко прокладывает себе путь талант или добродетель. Всего можно добиться настоячивостью или счастливым случаем, не говоря о деньгах, которые царят повсюду на земле. Один из моих друзей, видя с огорчением, что ему предпочитают людей, которые гораздо ниже его и по знаниям, и по нравственным качествам, жаловался на это Анджелотто, который был кардиналом св. Марка. Он говорил, что никто не хочет обращать внимание на его достоинства и что людей, которые ни в каком отношении не могут с ним равняться, ставят выше его. Он вспоминал о своем учении и трудах, на это учение положенных. Кардинал, который был скор на насмешку над пороками курии, сказал: „Здесь ни наука, ни ученость не помогают. Но потерли и потрати некоторые время на то, чтобы разучиться тому, что ты знаешь, и научиться порокам. Тогда ты встретишь хороший прием у папы“». ⁶²

Обличает Поджо также один из страшных бичей своего времени — бесовственных, жадных и властолюбивых кондотьеров. «Некто принес жалобу Фачино Капе (см. гл. I, § 5), — пишет он, — который был человеком чрезвычайно жестоким, но одним из лучших полководцев нашего времени, по поводу того что один из солдат Фачино отнял у него на улице плащ. Фачино посмотрел на него и увидел, что на нем надета очень хорошая куртка, спросил, был ли он в момент грабежа в этой куртке. Тот отвечал утвердительно. „Иди вон, — сказал Фачино, — тот, о ком ты говоришь, никак не может быть моим солдатом. Ибо ни один из моих не оставил бы на тебе такой хорошей куртки“». ⁶³

Последние годы своей жизни (1453—1459 гг.) Поджо провел на родине, во Флоренции в должности канцлера республики, в это время существующей уже формально. Окруженный почетом и уважением, более чем 70-летний гуманист активно участвует не только в государственных и литературных делах, но и в разных идеологических событиях Флоренции и Италии в целом.

Всю жизнь бывший страстным и злым полемистом, Поджо, будучи канцлером Флоренции, ведет постоянную войну инвективами с другими гуманистами, в первую очередь с Лоренцо Валлой. Продолжает он также выпускать литературные произведения. И если сухая и риторическая «Речь в похвалу брака» ⁶⁴ является старческим произведением и не представляет особого интереса, то другая речь — «В похвалу Венецианской республики», ⁶⁵ наоборот, свежа и интересна. Она посвящена формально восхвалению истинно республиканской конституции Венеции, ее правосудию, справедливому налогообложению, народному образованию и помощи неимущим, фактически же имеет своей основной задачей обличение недостатков своей родной Флоренции — во всем противоположной «жемчужине Адриатики». Как страстный республиканец и демократ, как друг и защитник бед-

ного люда, угнетаемого уничтожающими республику богачами, выступает в этом произведении престарелый канцлер синьории, не лишенный, однако, и свойственного большинству гуманистов презрительного отношения к «черни», темной, необразованной массе, положение которой нужно улучшить, но от которой надо быть подальше.

Связан с известным уже нам кругом идей и последний морально-философский трактат Поджо «О горестях человеческого состояния».⁶⁶ Продолжая мысли, развитые им в трактатах «О несчастиях князей» и «Об изменчивости счастья», автор рассматривает в двух книгах трактата судьбы как отдельных государств, так и исторических деятелей. Как и более ранние трактаты, «О горестях» имеет форму диалога. Во дворце Медичи у постелей больного подарой старого Козимо встречаются автор и видный писатель и политический деятель Маттео Пальмьери. Основная тема разговора возникает в связи с обсуждением произошедшего недавно падения Константинополя, которое рассматривается как наказание за потерю национальной доблести и способности своими силами отстаивать свою независимость. Затем, повторяя в значительной степени прежние диалоги, рассматриваются несчастные судьбы ряда людей, в первую очередь кардиналов и прелатов, горести которых определялись их греховностью, тем, что они являются «не рабами рабов божних (как они пишут), а рабами врагов божних».⁶⁷

Затем следует рассмотрение судеб народов и государств, в частности Древнего Рима, служившего для гуманистов мерилom доблести и всех положительных качеств. Оставаясь и здесь последовательным демократом, трезво оценивающим исторические события, Поджо расходится с этой точкой зрения. Для него Рим — «бич не только Италии, но и всего мира... ибо, стремясь расширить свои владения и подчинить соседние народы, он привел к гибели бесчисленные города и опустошению многих провинций, к несчастью множества людей и дошел до таких размеров, что должен был пасть от своего собственного веса».⁶⁸

Так, Поджо, начав свою литературную деятельность с восхваления радостей свободной жизни, с возвеличения героизма мученика свободной мысли Иеронима Пражского, кончает ее осуждением даже великого государства, построенного на насилии и порабощении других народов.

Ожесточенным противником Поджо во второй половине его длинной жизни был также флорентиец по происхождению, хотя и родившийся в Анконской марке, Франческо Филельфо (1398—1481).⁶⁹ Ученик одного из крупнейших гуманистических педагогов Гаспарино да Барцицца, он уже 20-летним юношей начинает преподавать красноречие в Падуе, Венеции и других городах. Обуреваемый честолюбием, желанием превзойти своих соперников-гуманистов, изучив греческий язык, становящийся модным на его родине, он в 1420 г. отправляется в Константинополь, учится там в течение 7 лет, женится на гречанке, приобретает не только обширные знания, но и внешне стремится походить на античного философа, отпускает длинную бороду, носит торжественные одежды, обретает надменные повадки.

Вернувшись на родину с большим запасом греческих рукописей и с еще большим запасом уверенности в своем неподражаемом величии, Филельфо начал преподавание греческого языка и греческих текстов с громадным, по его собственным словам, успехом. Преподает он сначала в Болонье, затем с 1429 г. во

Флоренции, где, однако, не находит ни нужного тона, ни, главное, правильной ориентировки в сложной политической обстановке города. Примкнув к антимедицейской партии, гуманист во время торжества Альбицци изощряется в шельмовании членов семьи Медичи и поддерживающих ее гуманистов Поджо, Никколи, Марсуппини. Понятно, что, когда Козимо Медичи, которого Филельфо не без основания называл помесью лисицы и кровавого тигра, вернулся из изгнания, ретивый гуманист должен был спастись бегством. «Иначе,— пишет он сам в одном из своих писем, — кончено было бы и с музами, и с Филельфо».⁷⁰

После попытки найти надежное и выгодное убежище в ряде городов Филельфо оседает в Милане при дворе щедрых и не слишком вмешивающихся в идеологическую сферу Висконти. Здесь он занимает место официального главы всей духовной жизни государства, получает регулярное жалованье, живет в превосходном собственном доме, окруженный большим штатом слуг, выполняющих любую его прихоть. В Милане Филельфо прожил почти 50 лет, служа своим пером Филиппо Мария Висконти, эфемерной Амброзианской республике, Франческо Сфорца и его преемникам. При последних положение его резко ухудшилось, сократились подачки, упал авторитет, да и здоровье старика начало сдавать. Он пытался устроиться куда-нибудь в другое место, но уже вышел из моды и с трудом, отказавшись от своих старых антимедицейских позиций, получил в своей родной Флоренции место преподавателя греческого языка. Но преподавать он уже не смог и через несколько недель — 31 июля 1481 г. — умер.

В течение значительной части своей жизни Филельфо чувствует себя великим человеком, всезнающим и всемогущим, и ведет себя соответствующим образом. «Что может быть достойнее великого человека!», — восклицает он в одном из своих писем, несомненно имея в виду самого себя.⁷¹ А в греческом письме к турецкому султану, с которым он переписывается как равный с равным, невзирая на разницу в положении и в религии, он прямо утверждает: «Я один из тех, которые красноречиво прославляют славные дела людей, делают бессмертными тех, кто по природе смертен».⁷² В одном из своих латинских стихотворений Филельфо ставит себя выше даже великих писателей древности — Вергилия и Цицерона, являвшихся для гуманистов непререкаемыми авторитетами:

Если Вергилий стихами меня превосходит, я лучший оратор,
Если же Туллий в речах своих выше, зато он совсем не поэт.
Вспомни, что я языком и пелазгов и римлян владею.
Где же найдешь ты другого такого как я!⁷³

Пользуясь свободным владением тремя литературными языками, легкостью, с которой ему даются, впрочем, весьма посредственные стихи, и особенно своей безграничной самоуверенностью, Филельфо употребляет свое перо в личных, корыстных целях, кланчит, выпрашивает, угрожает, требует и чаще всего

добывается своего. Он торгует славой и бессмертием, за подачки обещая пышные посвящения своих стихов, упоминания в их тексте, а в случае отказа угрожая всяческими разоблачениями. Легкий привкус шантажа и литературного авантюризма имелся и в произведениях других, не столь честолюбивых гуманистов и обнаружился в их переписке и особенно в инвективах, но ни у кого он не был так ясно выражен, как у Филельфо, которого можно назвать первым журналистом того цинического типа, который так расцветет в буржуазном XIX в.

Сочинения Филельфо многочисленны и разнообразны: он пишет в стихах и в прозе, на итальянском, латинском и греческом языках. Но напрасно мы стали бы искать в этой массе проявления яркого таланта или острой самостоятельной мысли — только неударжимая ругань его инвектив и неумеренные восторги панегириков отражают в какой-то мере его индивидуальность.

Свое крупнейшее стихотворное произведение — эпическую поэму «Сфорциада», посвященную восхвалению Франческо Сфорца, он рассматривает как прямой источник доходов, прекращая его, когда герцог платит плохо, и снова возобновляя после хорошей подачки. Его сатиры содержат те же инвективы и полемические выпады в стихах, которые в прозаическом виде заполняют 37 книг его писем.⁷⁴ Диалоги его,⁷⁵ написанные под явным влиянием Бруни и Поджо и посвященные ставшими обычными у гуманистов вопросам этики и филологии, — набор общих мест, уже всем хорошо известных и изложенных формально и сухо. Строго говоря, значительная часть произведений Филельфо, умершего в 1481 г., выходит за хронологические рамки настоящей главы, но по всему своему характеру творчество его тесно связано с деятельностью той группы гуманистов, которая возглавлялась Бруни и Поджо, и потому должно быть рассмотрено в данной связи.

Деятельность нескольких наиболее видных гуманистов отнюдь не исчерпывает всего движения в целом, наоборот, для него особенно характерно не качественное, а количественное развитие новых идей, появление значительного числа как гуманистов-профессионалов, пусть иногда незначительных самих по себе, так и людей, симпатизирующих новому идеологическому движению, совмещающих гуманистические штудии с какой-нибудь другой профессией — юриспруденцией, медициной, иногда торговлей или же по крайней мере поддерживающих своими деньгами это движение. Такие люди появляются и действуют нередко в самых отдаленных уголках Италии, создавая ту идеологическую атмосферу, которая характерна для полуострова конца XIV — начала XV в. Упомянем некоторых из них.

Карло Марсуппини (1399—1453) — друг Никколи и Бруни, в 1444—1453 гг. канцлер Флоренции, страстный собиратель книг и античных памятников, энциклопедический знаток древней ли-

тературы — переводит на классическую латынь «Илиаду» и «Батрахомиомахию» Гомера.

Друг и собеседник Бруни и Поджо — Антонио Лоски (1360—1441) пишет на латинском языке трагедию в античном духе — «Ахиллес», а во время своей службы в Милане — инвективу против Флоренции.

Миланский гуманист, придворный историк герцогов Висконти и Сфорца — Пьер Кандидо Дечембрио (1399—1477) переводит Аппиана.

Выходец из Бергамо Гаспарино да Барцицца (1359—1431), превосходный знаток латинского и греческого языков, пишет трактат по латинской стилистике «О сочинении» («De compositione»).

Маттео Веджо из Лоди (1407—1458) — автор нескольких латинских поэм в античном стиле.

Поэт Базинио Базини из Пармы (1424—1457) воспекает в латинских стихах, которые кажутся переведенными с греческого, подвиги и любовные приключения своего покровителя Сиджизмондо Малатеста из Римини и его возлюбленной Изотты дельи Атти.

И так в каждом городе, при каждом дворе, даже самом скромном.

Такому широкому и повсеместному распространению гуманистических идей, бывших, несомненно, выражением изменившихся вкусов и потребностей, в немалой степени содействовала организация гуманистической школы, деятельность гуманистов-педагогов, воспитывавших новые идеи уже с детского возраста у большинства своих учеников.

Известные нам ведущие гуманисты, не бывшие профессиональными педагогами, уделяли вопросам образования немалое внимание и создали ряд произведений, посвященных этому вопросу. Так, Леонардо Бруни пишет трактат «Об образовании юношей», Джаноццо Манетти — «О воспитании детей», Франческо Филельфо рассматривает этот вопрос в письме к Маттео Тривиано, носящем то же название, — «О воспитании детей» и т. д., и т. п.⁷⁶

Некоторые из гуманистов занимались педагогической деятельностью как одним из основных своих дел. Так, Гаспарино да Барцицца, будучи профессором Падуанского университета, в то же время организовал у себя на дому нечто вроде общеобразовательного пансиона для детей, которых он обучал риторике и правилам хорошего поведения, понимаемым в чисто гуманистическом духе.

Имелись и гуманисты, для которых педагогика была главным, все определяющим и, по существу, единственным занятием. К таковым в первую очередь относятся Гварино да Верона и Витторино да Фельтре.

Гварино де Гварини (1370—1460)⁷⁷ из Вероны (да Верона),

ученик Хризолора, знаток греческого и латинского языков, после возвращения из Греции делает преподавание своей основной профессией. Он занимается им во Флоренции, в Венеции, в Вероне. В 1424 г. 55-летним стариком, широко известным во всей Италии своей педагогической деятельностью и своими эпистолярными связями с большинством гуманистов, он получает приглашение маркиза Никколо д'Эсте приехать в Феррару в качестве воспитателя его сына и наследника Леонелло. Гварино принимает это предложение и остается в Ферраре 31 год, т. е. до своей смерти (в 1460 г.). Он преподает в местном «Студии», где занимает ведущее положение. Но главным его занятием здесь является преподавание в организованной им школе для детей.

Теоретически эта школа целиком основана на предписаниях и примере античных писателей и ученых. Как и для других гуманистов, для Гварино пример или слова Ксенофонта, Цицерона или Сципиона обладают высшим и непререкаемым авторитетом, но его преподавание отнюдь не является слепым подражанием античным образцам. Наоборот, оно насквозь проникнуто духом современности, целиком отвечает ее требованиям. Задача школы Гварино — дать полный запас гуманистических знаний, научить свободному владению классическими греческим и латинским языками, глубоко ознакомить со всеми основными античными авторами — от Аристотеля и Платона до Цицерона и Квинтилиана, ознакомить так, чтобы речь и письмо учащихся приобрели классическую окраску, были украшены классическими цитатами. Но учащийся не должен ограничиваться сухим запасом знаний, столь необходимых для гуманиста, школа стремится стимулировать и разностороннее развитие.

Так, основываясь опять-таки на античных примерах, Гварино требует от своих учеников постоянных физических упражнений. Они должны по примеру Ксенофонта — заниматься охотой, по примеру многих античных деятелей — плавать, по примеру Александра Македонского — играть в подвижные игры. С учителем во главе учащиеся совершают далекие прогулки, собирая растения, камни и ракушки, непринужденно беседуя, а нередко затеывая шумные и не вполне невинные забавы, подшучивая над случайными прохожими.

Кроме знакомства с древними языками и классическими авторами и физического развития, школа должна дать навыки в свободном владении ораторской речью, сделать своих учеников «риторами», пригодными для выполнения обязанностей государственных деятелей и дипломатов, обязанностей, в которых гуманистический лоск стал к этому времени совершенно необходимым.

Из школы Гварино вышла целая плеяда как более, так и менее значительных гуманистов, к нему приезжали учиться не только из различных городов Италии, но и из других стран. Так, среди его учеников мы встречаем венецианца Эрмолао Барбаро,

видного гуманиста и политического деятеля, и венгра Яна Паннония, талантливого латинского поэта, перенесшего гуманистические принципы в Венгрию.

Еще большее значение, особенно в смысле личного влияния руководителя, имела педагогическая деятельность другого гуманиста — Витторино Рамбальдони да Фельтре (ок. 1373—1446).⁷⁸ Математик по образованию, он стал одним из главных пропагандистов гуманистической идеологии и гуманистических знаний. Недаром на медали, выбитой в его честь замечательным мастером этого дела Пизанелло, красуется надпись — «Величайший математик и отец всех гуманистических знаний».

Так же как школа Гварино процветала под покровительством и при поддержке тиранов из рода д'Эсте в небольшой, но своеобразной по своей культуре Ферраре, так школа Витторино возникла (в 1425 г.) и просуществовала до смерти учителя в 1446 г. под крылом тиранов из рода Гонзага в такой же небольшой Мантуе. Школа эта получила характерное название «Дом радости» (*Casa gioïosa*), которое появилось случайно, так как школа получила в свое распоряжение дворцовый павильон, предназначавшийся первоначально для игр и придворных развлечений и потому известный под этим названием. Но то, что название это сохранилось и для школы, далеко не случайно.

Основным педагогическим методом Витторино да Фельтре, являвшегося не только крупным практиком, но и выдающимся теоретиком-новатором, было усвоение знаний и навыков без принуждения, без зубрежки и наказаний, шутя, играя, радостно. Помещение школы расположено на берегу озера, окружено лужайками с изумрудной травой, рощами тенистых деревьев. Здания ее модернизованы в новом, гуманистически-возрожденском стиле (см. § 2). Колоннады и портики придают ему античный вид. Комнаты, украшенные росписью на педагогические темы, наполнены рукописями классических авторов.

Школа велика, ученики ее многочисленны и различны — здесь и отпрыски рода Гонзага, и дети знатных родов Мантуи и других мест, и способные дети бедняков, принятые Витторино на свое иждивение. Преподавание ведет целая плеяда учителей, умело направляемых руководителем школы. Программа преподавания распадается на три части: воспитание моральных и волевых качеств учащихся; воспитание и закалка их физического организма; усвоение конкретных знаний.

Первая основана на столь характерном для гуманистов начала XV в. соединении черт христиански-церковных с антично-философскими. Учащийся должен строго выполнять все обряды католической церкви, молиться, поститься, причащаться, но за этим внешним благочестием скрывается стоический идеал спокойного, сдержанного, все принимающего и все понимающего философа, идеал, внедрение которого в души учеников и было главной задачей «Дома радости».

Вторая задача — физическое воспитание. Оно осуществлялось в постоянных упражнениях, играх, тренировках. Регулярно проводятся занятия по борьбе, фехтованию, метанию дротика, военные игры, нечто вроде маневров. Ученики приучаются к длительным, самым различным напряженным усилиям, переменам температуры.

Наконец, третья часть программы преподавания — учение в собственном смысле слова — строится на базе старого, средневекового «тривиума» и «квадривиума». Но содержание каждой дисциплины видоизменено в гуманистическом духе, пропитано преклонением перед классической античностью, стремлением прочно усвоить ее наследие. Преподавание начинается с чтения и изучения поэтов и ораторов на латинском и греческом языках — Вергилия, Гомера, Демосфена.

На базе сочинений этих и других античных писателей проводятся занятия и по двум другим предметам «тривиума» — диалектике и риторике. «Квадривиум» строится на изучении философских произведений Платона и Аристотеля. Все предметы — арифметика, геометрия, астрология и музыка — здесь носят философский характер и преподносятся так, чтобы усвоенный материал оказался полезен в дальнейшем при выполнении обязанностей любой профессии — врача, богослова или юриста.

Обучение в целом не стремится дать запас специальных, практически используемых знаний, но преследует общеобразовательную цель создания воспитанного, гармонически развитого человека, который в дальнейшем сможет, развивая знания, полученные в школе, получить и более углубленные специальные навыки. При этом в полном соответствии со столь характерным для гуманистов вниманием к индивидуальному в человеке вся педагогическая система Витторино направлена на развитие индивидуальных свойств и качеств каждого учащегося, причем развитие это достигается в условиях полной свободы, игры, развлечений. Гуманистический круг мыслей и идей здесь окончательно теряет свою несколько жесткую стандартность, которая нередко отталкивала в первые годы создания и распространения гуманизма.

Понятно, что школа Витторино еще в большей мере, чем школа Гварино, выпускала людей самых разных профилей и специальностей. Здесь и гуманисты-профессионалы, как Грегорио Коррер, образованные церковники, как Сассуоло да Прато, и князья-кондотьеры, как Федеригио да Монтефельтро. Правильно отмечает современный биограф: «Из школы Витторино выходили достойнейшие люди как по своей жизни, так и по литературным заслугам. Среди них кардиналы, епископы и архиепископы, а также светские сеньоры и дворяне его времени».⁷⁹

Сам Витторино не был ни писателем, ни активным гуманистом — он оставил только небольшой учебник латинской орфографии и несколько писем, но его преподавательская деятель-

ность, широко известная и популярная не только во всей Италии, но и за ее пределами, была важнейшей составной частью гуманистического движения, сыграла особую и притом весьма значительную роль в его широком распространении на полуострове.

Витторино — отнюдь не революционер, даже не слишком радикальный представитель гуманистической идеологии, он сохраняет в своем преподавании некоторое, правда, не слишком значительное место для христианского вероучения и христианских обрядов, он не порывает полностью и со схоластикой, особенно в области знаний, мало разработанных гуманистами, в первую очередь — математики. Но именно в таком умеренном, ничего не ниспровергающем и никого не оскорбляющем виде гуманистическая идеология получила особенные возможности для распространения, завоевала самые широкие и разнообразные общественные слои.

В результате педагогической деятельности учителей и школ типа Гварино да Верона и Витторино да Фельтре гуманизм становится общераспространенным. Даже те, кто в глубине души по своим убеждениям и не слишком симпатизируют ему, сохраняя унаследованную от дедов и прадедов верность принципам феодально-церковной идеологии, а таких было, несомненно, весьма немало, принимают гуманистический облик из приверженности к общераспространенной моде, из боязни прослыть отсталыми, не современными, устаревшими.

Гуманизм поистине становится основным, ведущим, хотя все же не единственным идеологическим течением. Повсеместно в Италии гуманисты чувствуют себя полными хозяевами в области идеологии; они как в пределах одного города, так и разных городов поддерживают между собой контакт, ведут переписку иногда научного и дружеского характера, а иногда враждебного, инвективного. Они переезжают из города в город, встречаясь друг с другом в домах наиболее богатых из них или за столом у местных меценатов. Подобные встречи и беседы не даром так часто описываются в трактатах-диалогах гуманистов. Особенно выпукло они описаны в анонимном трактате-романе «Вилла Альберти», который нашедший и опубликовавший его А. Н. Веселовский приписал Джованни ди Герардо да Прато по прозвищу Акветтино (ок. 1360 — после 1430),⁸⁰ писателю народного направления конца XIV — начала XV в.

Действие романа относится к 1389 г. Он сохранился не полностью, но и дошедшая до нас часть дает достаточно полное представление о его содержании и характере. Начиная с облеченных в аллегорическую форму рассуждений морально-философского характера, напоминающих такие произведения начала XIV в., как «Диттамондо» Фацио дельи Уберти или «Интеллидженца» (поэма новеллиста конца XIII — начала XIV в.), Герардо да Прато затем переходит к явно навеянному «Декамероном» описанию времяпрепровождения компании лиц разного звания и имущественного положения. Сначала они путешествуют для развлечения по лесистым склонам Северных Апеннин, затем оказываются в небольшом укрепленном центре — Поппи,

властитель которого — граф Карло — входит в состав компании, затем в несколько другом составе беседуют у канцлера-гуманиста Колуччо Салутати и, наконец, гостят в роскошной вилле одного из влиятельнейших и богатейших людей Флоренции — Антонио дельи Альберти. Разговоры, новеллы, песни, танцы, которыми развлекается общество на этой вилле, недаром прозванной в городе «Раем Альберти» (*Paradiso degli Alberti*), и составляют главное содержание романа.

Состав общества, выведенного в романе, как уже сказано, весьма пестрый. В первой части, описывающей прогулку по горам и отдых в замке Поппи, это в основном компания, собравшаяся вокруг мелких тосканских феодалов, укрощенных и подчиненных Флоренцией, но упорно стремящаяся сохранить хотя бы остатки блестящей и праздной жизни рыцарского замка — графов Баттифоль, властителей Поппи. Глава рода — граф Карло, племянник его Симоне, дочь Маргарита. Эти феодалы, с одной стороны, роскошно принимают веселящуюся компанию в своем родовом гнезде и подчеркивают всем своим поведением верность старым рыцарским традициям, с другой — общаются на равной ноге с представителями городских слоев Флоренции как с богачами, так и с людьми среднего достатка, угощают их за своим столом, обсуждают с ними актуальные политические, моральные и философские вопросы. Для идеологической атмосферы характерно, что недавние враги Флорентийской коммуны и коммунальных порядков графы Поппи не менее, чем их гости-горожане, с величайшим уважением относятся к представителям новой, буржуазной идеологии — гуманистам, предоставляют им первое место в беседах, внимательно выслушивают их суждения.

Гуманисты выведены в романе в достаточном количестве — здесь мы найдем всех крупнейших участников гуманистических кружков Флоренции. В прогулке и развлечениях в Поппи принимает участие один из ведущих гуманистов города — монах-августинец Луиджи Марсильи — старик, известный оратор и знаток античности (см. т. I, гл. III, § 3). Когда действие повествования переходит во Флоренцию, оно переносит нас в городской дом влиятельнейшего из гуманистов Колуччо Салутати — канцлера коммуны. Здесь собрались за общим столом другие гуманисты — в первую очередь тот же Луиджи Марсильи, университетские ученые схоластического типа: медик Марсильо ди Санта София, математик Бьяджо Пелакани, музыкант — слепой Франческо дельи Органи. Все это ученое общество затем посещает городской дом одного из флорентийских богачей Антонио дельи Альберти, ужинает здесь и вместе с гостями Альберти переезжает в загородную виллу «Парадизо», где всячески развлекается вместе с хозяевами, приглашенными молодыми дамами и кавалерами, известными шутниками — небогими ремесленниками, вроде Бьяджо Сернелли, которых зовут в богатые и знатные дома для развлечения, и заезжими скоморохами.

Таким образом, роман показывает гуманистов не как замкнутую касту, оторванную от различных кругов общества, стоящую как бы над ними, а, наоборот, теснейшим образом связанными и с остатками феодальной знати, и с богатыми хозяевами городов, и со скромными ремесленниками. Все прислушиваются к их высказываниям, с явным интересом присутствуют при их ученых беседах, а иногда и принимают участие в них. Представители новой идеологии находятся как бы в центре всеобщего внимания. Та обстановка праздника, постоянного веселья, которая господствует в романе, включает в круг светских развлечений, танцев, песен, рассказывания новелл, самые серьезные разговоры гуманистов — о происхождении и древней истории Флоренции, о честных путях заработать деньги, о жизни и развитии человека.

Гуманизм прочно вошел в жизнь, связался с самыми различ-

ными ее проявлениями, сделался распространенной, принятой самыми разными кругами общества идеологией. Это, однако, не означает, что идеология эта даже в данное время стала единственной, не встречающей никаких возражений. Наоборот, такие возражения имели место, причем исходили они как «справа» — от сторонников старой, постепенно уходящей в прошлое феодальной системы, так и особенно «слева» — от представителей народного течения, которое в предшествовавшие десятилетия дало таких видных и ярких творцов, как Франко Саккетти или Антонио Пуччи. Любопытным при этом является то обстоятельство, что в отдельных случаях как то, так и другое антигуманистическое (или, может быть, вернее, внегуманистическое) движение при всех своих различиях сливаются воедино, действуют единым фронтом. Примером такого слияния является жизнь и творчество одного из ярчайших деятелей начала XV в. святого католической церкви — Бернардино Сиенского (1380—1444).⁸¹ Отпрыск знатной сиенской семьи, получившей хорошее, хотя вполне средневековое образование, затем не чуждый гуманистических влияний, он рано вступил во францисканский орден и стал одним из его ведущих проповедников. Он странствует по всему полуострову, проповедуя на всякие темы — религиозные, моральные, иногда политические. Проповедует свободно, без подготовки, на простом народном итальянском языке, широко привлекая бытовой материал, пользуясь формой диалога, отпуская шутки, развлекая, пугая, смешая, но никогда не позволяя скучать своим слушателям. Свобода его слова так велика, что он неожиданно обвинен в ереси и вызван в Рим, чтобы дать объяснения, но пленяет папу Мартина V и получает от него поручение проповедовать в «святом городе» (илл. 50).

Несмотря на свое стремление не занимать никаких должностей в ордене, оставаться простым монахом, он становится в конце жизни генеральным викарием этого ордена, принимает участие в работе Флорентийского Собора. Через 6 лет после смерти, в юбилейный 1450 год, он канонизирован папой Николаем V.

Но этот святой отец церкви меньше всего похож на сурового, мрачного и важного прелата, он прост, весел, доступен. Он живет среди народа, в нем черпает свое религиозное вдохновение и ему и только ему отдает все силы своей души. Душою он теснейшими узами связан со средневековьем, с его морально-религиозными идеалами, но, подобно основателю ордена — «беднячку из Ассизи» (см. т. I, гл. I, § 3), весь дух, эмоциональная доминанта Бернардино отражает окончательность и бесповоротность идейных сдвигов, произошедших в Италии в то время. Проповедник из Сиены не гуманист, более того, он, как и многие другие церковники его времени, относится к гуманизму отрицательно или, во всяком случае, скептически. Так, он говорит в одной из своих проповедей: «Все, что ты имеешь и знаешь, все

происходит от слова божьего... И знай, что это другая наука и другое ученье, чем риторика Туллия. Эта риторика слова божьего — лучше». А в другой — советует держаться вдали от Овидия и других «любовных книг», хотя признает, что в сочинениях Данте, Петрарки, Салутати содержатся и полезные, и заслуживающие похвалы вещи.⁸² Но его церковность, жизнерадостная, простая, народная, прямо противоположна суровой, строгой, органически отрицающей реальную действительность церковности феодальных времен.

По всему своему характеру проповеди Бернардино представляют ту народную струю в культуре Возрождения, которая нашла себе столь яркое выражение в новеллах Саккетти или стихах Пуччи. Это, возможно, отчасти вызвано тем, что дошли до нас его проповеди не в авторском тексте, а в записях одного из его восторженных поклонников и слушателей — сиенского стригальщика шерсти (*ciumatore di panni*) Бенедетто ди Бартоломео, который слово за словом заносил на покрытые воском таблички проповеди, произносившиеся летом 1427 г. в его родном городе.

Почти стенографически точная запись неискушенного в литературных тонкостях, но наблюдательного и аккуратного человека из народа сохранила весь своеобразный аромат проповеди Бернардино. Когда читаешь эту запись, кажется, что стоишь в густой толпе народа, ловящей каждое слово, произносимое любимым учителем. А слова эти так просты и в то же время так необычны. Сплошь да рядом это даже не слова, а возгласы, звукоподражания, выразительные жесты. Постоянно встречаются такие, например, как: «Лишь только ты услышишь, что кто-нибудь говорит зло о людях, зажми себе нос, сделай вот так и скажи: „У! воняет!“ Или: „Знаешь, как квакает лягушка? Она делает так: „ква, ква, ква!“».⁸³

Проповедь превращается то в занимательный рассказ, то в театральную сценку, легко и непринужденно разыгрываемую актером-проповедником, который то импровизирует, немедленно реагируя на поведение окружающих, то по-своему пересказывает известную новеллу, то вступает в диалог с одним из слушателей.

«Эй, вон там, у фонтана, — вдруг восклицает он, прерывая ход проповеди, — что вы, на базар пришли? Убирайтесь в другое место для этого! Разве вы не слышите меня, вы — там у фонтана?»: Или обращается к одной из слушательниц: «„Эй, ты, иди скорей, отыщи своего мужа... или позови его, я тебе говорю!“ — „Да я его звала!“ — „Я тебе говорю: Иди, позови его!“ — „А если я потеряю свое место!“ — „Нет, ты не потеряешь места. Иди. К тому же, еще много места.“ — „Хорошо, но мне не выйти...“ — „Я тебе говорю: Иди и позови его... А! наконец-то!“».⁸⁴

Слушатели, громадной толпой окружившие проповедника на городской площади, с радостью слышат из его уст известные с детства анекдоты и новеллы, вроде рассказа о монахах, старике и мальчике, и осле: «Один говорит так: „Бог мой! посмотри какая жестокость! Этот монашек идет пешком в такой грязи, а он едет верхом“. Когда монах услышал эти слова, тотчас слез с осла и посадил на него мальчика. Пошли они дальше. Монах, погоняя осла, шел сзади него по грязи. Тогда другой говорит: „Бог мой! Посмотри на человеческую глупость — у них есть животное, а он, старик, идет пешком и позволяет ехать верхом этому мальчишке, которому были бы ничем усталость и грязь. Подумай, каково его безумие. Ведь они могли бы вдвоем ехать на этом осле, если бы хотели, и было бы много лучше!“ Тогда „святой отец“ также влезает на осла и они едут дальше, но встречается еще один, который говорит: „Бог мой! Посмотри на этих — у них есть

один осел и они оба влезли на него! Да уж мало они заботятся об ослике, не удивлюсь, если он подохнет". Услышав это, „святой отец" тотчас же слез и заставил слезть мальчишку и они пошли за ослom, покрикивая „арри ла". И когда прошли немного дальше, еще один сказал: „Бог мой! Посмотри какво безумие этих, у которых есть осел, а они идут пешком по такой грязи". Увидев это, „святой отец", который никак не мог поступить так, чтобы люди не ворчали, сказал мальчику: „Давай вернемся домой!"⁸⁵

По своему содержанию проповеди францисканца отнюдь не ограничиваются обычными церковными темами, они затрагивают самые различные вопросы политической и домашней жизни.

Он учит любви к своей прекрасной родине и призывает к ее объединению: «Скажи мне, какую страну ты бы мог назвать, в которой было бы приятнее жить, чем в Италии? Я утверждаю, что если бы не было этого порока раздробленности, нигде не было бы места, которое могло бы с ней сравниться». Ведь Италия страна даже слишком приятная, что приводит к изнеженности.⁸⁶

Он не порицает развития ремесел и торговли — основы благоденствия его страны, но резко выступает против злоупотреблений как в том, так и в другом. Так, он саркастически описывает методы обсчета купцами покупателей: имея дело с какой-нибудь старухой, такой торгош быстро-быстро отсчитывает ей сдачу: «Держи! держи! держи! — один, два, три, пять, семь, восемь, десять, тринадцать, четырнадцать, семнадцать, девятнадцать и двадцать!».⁸⁷

Он решительно осуждает всякий обман неопытного, не знающего местных обычаев и цен покупателя: «Ты идешь продавать свой товар на площадь, и приходит иноземец и спрашивает: „Что хочешь ты за это?" — „Я хочу тридцать сольди. А своему согражданину ты то же самое продаешь за двадцать сольди"».⁸⁸

Он отстаивает старые, веками установленные методы ведения дома, хозяйства, воспитания детей, но делает это не из ненависти к новому, как бы он его ни критиковал, а из той естественной, обычной консервативности широких масс простого народа, тяжелая, полная забот и лишений жизнь которых неизбежно затрудняет и замедляет для них не только усвоение, но и понимание новых идеалов, введенных в обращение имущими кругами и отвечающих образу мышления и вкусам этих кругов. Этот образ мыслей простых людей, среди которых и для которых жил Бернардино Сиенский, хорошо раскрывается в одной из его проповедей, в ответе рака, который на вопрос, зачем он ползает назад, сказал: «Так ползал и мой отец».

Конечно, проповедь этого святого во многом определялась учениями и предписаниями католической церкви, убежденным, хотя и не всегда вполне правоверным представителем которой (вспомним обвинение в ереси) он, несомненно, был. Но общий стиль его простой, доходчивой речи глубоко народен, он типичен для той народной струи в культуре итальянского Возрождения, которая, идя рядом с более заметной и яркой струей верхушечной, создает вместе с последней общий характер этой культуры.

Само собой понятно, что религиозный вариант народной струи не является ни единственным, ни наиболее характерным, что показывают другие литературные произведения, эту струю представляющие. Таковы хотя бы народные поэмы, ходившие под именем «Водовоза» (Il Aquettino), под каковым псевдонимом, возможно, скрывался уже известный нам Джованни да Прато, автор «Виллы Альберти». Наиболее характерна большая

поэма «Джетта и Бирри». В ней в написанных на народном, разговорном языке живых и веселых стихах пересказывается содержание комедии Плавта «Амфитрион», только что введенной в обиход гуманистами. Но приключения двух знатных и богатых братьев-близнецов, постоянно принимаемых один за другого, описываются не с точки зрения вкусов и интересов этих, формально главных, героев сюжета, а с позиций их смысленных, веселых и энергичных слуг — Джетты и Бирри, истинных представителей умного и неунывающего итальянского народа. Они участвуют во всех перипетиях действия, комментируя их, высказывая трезвые, реалистические, иногда грубоватые взгляды, критикуя, высмеивая поведение своих господ, их корыстолюбие, властолюбие, их увлечение мифологией и античностью вообще, их разврат и лицемерие. Общество начала XV в. представляется здесь не в том парадном, приукрашенном виде, в котором его рисуют гуманисты и их идеологическое окружение, а таким, каким его видели представители народных низов, со всеми его противоречиями и теневыми сторонами, своеобразно сочетающимися с элементами передовыми, прогрессивными.⁸⁹

Поэмы типа «Джетта и Бирри» и другие, подобные им, глубоко народные, грубоватые, мало отделанные, пользовались, несомненно, большим успехом, читались, распевались, цитировались постоянно, но ни одна из них не приобрела, да по самому своему характеру и не могла приобрести, славы крупного литературного произведения.

Зато такую славу завоевали родственные им по стилю и духу творения флорентийского парикмахера и поэта Доменико ди Джованни по прозвищу Буркьелло (1404—1448).⁹⁰ Сын ткачи и дровосека, типичный флорентийский ремесленник мелкого масштаба, он, как многие из них, активно занимался политикой, поддерживая партию Альбицци, за что в 1434 г. вынужден был оставить свой родной город. Умер он на чужбине в бедности и ничтожестве. Свое ремесло и активную политическую деятельность он совмещал с поэзией, которой завоевал себе широкую известность у современников и громадную славу у ближайших потомков. Так, поэт и новеллист XVI в. Антон Франческо Граццини утверждал, что Буркьелло может быть поставлен рядом с двумя создателями тосканской поэзии Данте и Петраркой. Это, конечно, преувеличение, но бесспорно, что если не по силе таланта, то по своеобразию и оригинальности Буркьелло должно принадлежать очень видное место в истории итальянской литературы и культуры вообще. Стихотворения его (по большей части это так называемые «хвостатые сонеты» классического петрарковского типа) в настоящее время почти совсем не понятны, да и современники нелегко и не полностью понимали их. Так, уже с начала XVI в., т. е. через несколько десятилетий после смерти автора, сочинения Буркьелло издавались обыкновенно с обширным прозаическим комментарием, чаще

всего писателя Антона Франческо Дони. Происходит это от того, что поэт-парикмахер был так погружен в жизнь современной ему Флоренции, так знал и чувствовал каждую мелочь ее повседневного быта, что включал в свои стихотворения громадное количество всяких намеков, местных словечек жаргонного характера, эпитетов, имен, широко известных узкому кругу метафор, анекдотов и т. п.

В результате подавляющее большинство этих стихотворений приобретает характер ребуса, в котором в неожиданных и чаще всего сознательно несовместимых сочетаниях сосуществуют противоположнейшие и тем более поражающие своим соседством предметы, лица, понятия. При этом гротескно сочетаемые слова подчинены четкому, размеренному стихотворному ритму и строгим законам сонетной формы, так что создается впечатление какого-то, как мы бы сейчас сказали, беспредметного искусства, что нередко с великим удовольствием отмечали сторонники формалистических течений типа сюрреализма на Западе.

Однако это впечатление глубоко ошибочно. Флорентийский парикмахер и доморощенный политик отнюдь не был и органически не мог быть ни сюрреалистом, ни формалистом вообще; кажущаяся беспредметность его стихов объясняется не отказом от реалистической передачи жизни, а, наоборот, протестом простого, неученого человека против гладкой, утонченной, чуждой ему своим античным словарем гуманистической литературы. Так же как Джетта и Бирри, персонажи, созданные в кругах, близких к Буркьелло, к которым принадлежал и Джованни да Прато, пародируют и передразнивают высокопарные речи своих господ, заменяя в них Юпитеров и Аполлонов персонажами или предметами будничного обихода, так и в сонетах Буркьелло утонченные дантовски-петраркистские чувства и размышления с явно полемической целью заменяются самыми обычными, отнюдь не поэтическими, а в литературном отношении считавшимися низменными вещами и понятиями. Это спускает поэзию с гуманистических высот, погружая ее в гущу, в самую сердцевину реальной повседневности, сближая с привычной каждому с детства стихией басни-прибаутки, народного анекдота, острого, пряного народного словца, которое так любили и так понимали на улицах Флоренции. Стихотворения Буркьелло почти не переводимы, но даже весьма приблизительный перевод отрывков из них вскрывает в какой-то мере их своеобразную сущность. Так, в одном из сонетов поэт, характеризуя свою жизнь, пишет:

Здесь поэзия с бритвой сражается,
За меня затеяв великие споры,
Говорит: «Почему отгоняешь ты
От бумаги Буркьелло, любимого мною?»

После чего каждая из них оправдывает свои претензии на поэта-парикмахера. Спор заканчивают слова самого автора:

«Я сказал — замолчите,
Ведь ведро и котел нас не могут прославить,
А кто любит меня, пусть мне выпивку ставит».⁹¹

Поэзия Буркьелло была несомненно связана как с народной языковой традицией, так и с вытекающей из нее народной реалистической литературой, из которой вышли Чекко Анджольери или Фольгоре ди Сан Джиминьяно, но при всем том она была явлением в высокой степени оригинальным, создала свой особый стиль, так называемый «буркьелловский» (*alla burghia*), который в дальнейшем будет разрабатываться многими поэтами и породит значительное литературное направление.

Народное, антигуманистическое течение в литературе, так ярко отражающееся в творчестве Буркьелло, естественно, проявляется и в литературе прозаической. Особенно любопытной и по-своему влиятельной фигурой здесь является ставший прямо-таки легендарным Пьовано Арлотто (приходский священник Арлотто). Арлотто Майнард (1396—1484) родился недалеко от Флоренции, в Муджелло, в 1426 г. стал священником прихода Сан Креши в Мачуоли, затем капелланом на разных флорентийских галерах, совершавших плавание на восток и запад. Много повидавший, наблюдательный и скептический, близкий к простому народу и разделяющий его взгляды на жизнь, Арлотто выражал свои мысли и впечатления в форме небольших рассказиков-анекдотов, напоминающих и новеллы Франко Саккетти, и латинские фацеции Поджо, но еще более простых, заостренных на одной остроумной фразе, на одной характерной или смешной черте.

Эти короткие анекдоты были, по-видимому, записаны со слов автора одним из его друзей и поклонников, человеком, обладавшим определенной литературной культурой, и выпущены в свет еще при жизни автора. Второй, расширенный и снабженный жизнеописанием Арлотто, вариант этой же записи был пущен в обращение уже после смерти автора и затем переписывался и переиздавался многократно как в конце XV, так и в XVI в.⁹² В одном из своих рассказов, носящих автобиографический характер, Арлотто, оправдываясь в возводимых на него обвинениях, что он пьянствует в тавернах с неподходящими его духовному сану друзьями, говорит, обращаясь к своему собеседнику и другу Бартоломео Сассетти: «Я хочу убедить тебя в том, что все веселые люди, все те, кто клянутся телом господним, все те, кто ходят в таверны, все те, кто не понимают святых и не бьют себя в грудь, все те, кто смеются, а не всхлипывают, все те, кто не гибнут свои и без того согнутые шеи, и есть люди правильной жизни, справедливые и добрые. Но, друг мой Бартоломео, берегись тех, кто слушает две обедни каждое утро, кто говорит: „Клянусь моей совестью“. Кто, подсчитывая (деньги. — М. Г.), говорит: „Двадцать девять, тридцать, слава господу!“ Следи только за тем, чтобы они дальше не сказали: „Сорок одна, сорок две“. Берегись тех, кто улыбается, но не смеется, тех, кто гнет шею и покорно опускает глаза. Поэтому весь этот народ, то есть бедные люди, ходящие в таверну, и есть превосходный народ, и не ругай меня (за общение с ними) никогда».⁹³

В этих простых словах, доходчивых и ясных, заметно явное сходство с проповедями Бернардино Сиенского, но вместо смирения и покорности они

призывают народ к бодрости, гордости и борьбе, в них слышны отзвуки героических дней восстания чомпи, затопленного в крови за полстолетия до Арлотто, но еще свежего в памяти флорентийских бедняков.

Весьма характерен и следующий анекдот: «Однажды спорили о взимании процентов епископ Фьезоле Монсеньор Гульельмо и Пьовано, причем епископ приводил многие авторитетные высказывания, а Пьовано опровергал их одно за другим, утверждая, что он будет возражать любому доктору и будет утверждать, что ссужать под процент не грех, даже если берут пятьдесят процентов, но что большой грех — возвращать взятый взаймы капитал и проценты».⁹⁴

Конец XIV — начало XV столетия рожают немалое количество продолжателей этой традиции, однако мало кто из них отмечен крупным литературным талантом.⁹⁵ Выделить можно два наиболее интересных имени. Это — житель Лукки Джованни Серкамби и житель Сиены — Джентиле Сермини.

Первый, Серкамби, — луккский аптекарь (1348—1423)⁹⁶ — наивный и явно провинциальный в своих довольно неуклюжих новеллах, пересказывает старые, давно известные анекдоты или эпизоды из истории своего города, так что произведения его больше относятся к области историографии, чем беллетристики, сохраняя в то же время значительные черты последней.

Второй, Сермини (точные даты его жизни неизвестны),⁹⁷ — зажиточный гражданин Сиены, знаменитой своей веселой и нередко развратной жизнью, пишет новеллы, отмеченные большим литературным вкусом и немалой оригинальностью, но в своей значительной части весьма эротические. Наряду с короткими рассказами, описывающими любовные похождения, в его наследии встречаются и чрезвычайно яркие и жизненные зарисовки эпизодов из быта простого народа, свидетельствующие о редкой наблюдательности и симпатии к угнетенным, бедным крестьянам и ремесленникам его родной Тосканы. Особой славой уже у его современников пользовался его небольшой рассказик, описывающий любимое развлечение народа Сиены — кулачный бой на одной из площадей города. Весь рассказ построен только на возгласах, восклицаниях, криках как самих участников состязания, так и многочисленных зрителей. Весьма характерен и свидетельствует о ярком и своеобразном реализме автора и тот рассказ о крестьянах (новелла XII), который мы цитировали выше (см. гл. II).

Новеллы Сермини при всей своей талантливости были явлением местным, не получившим большой известности и не оказавшим сколько-нибудь значительного влияния на литературу того времени. Зато такое влияние оказала пользовавшаяся широкой популярностью во Флоренции одна из многих анонимных народных новелл — «Новелла о толстом столяре» («*Novella del Grasso legnaiuolo*»)⁹⁸.

В этом довольно большом произведении рассказывается с полным эпическим спокойствием и с большим количеством остро увиденных бытовых деталей один эпизод-шутка, которую в 1409 г. сыграли над молодым и веселым столяром и художни-

ком Манетто Амманати, прозванным за свою толщину толстяком (Grasso), его друзья и собутыльники. Для нас особенно интересно то, что среди этих друзей были крупнейшие художники Флоренции — архитектор Филиппо Брунеллески, инициатор всей затеи, и скульптор Донателло.

Шутка, разыгранная кружком флорентийских ремесленников, отнюдь не была мимолетным, дружеским пустячком, наоборот, это та серьезно подготовленная, флорентийская «бурла», о которых рассказывали Боккаччо и Саккетти и которая составляла одну из своеобразных особенностей флорентийской жизни XIV—XV вв.

Молодые люди, процветающие художники-ремесленники во главе с Брунеллески, бывшим в то время уже видным человеком, решают отомстить одному из своих друзей за то, что он по свойственному ему своенравию отказывается прийти на одну из их пирушек, и путем сложной интриги, в которую втянуто множество людей, заставляют его поверить в то, что он не столяр Манетто-Толстяк, а другой член компании — Маттео.

Сбитый с толку, возвращенный на всяких фантастических рассказах, бытовавших на улицах Флоренции и в XV в., как ряд веков ранее, молодой и жизнерадостный столяр сам начинает верить в свое превращение. Его выгоняют из дома, засаживают в долговую тюрьму, делают посмешищем всего города настолько, что ему приходится, собрав только самое необходимое, покинуть свою лавку, друзей, родных и Флоренцию, перебраться в Венгрию, где он, впрочем, скоро разбогател.

Вся эта история рассказана просто и удивительно ярко. Ежедневная жизнь ремесленной Флоренции, совсем исчезающая в напыщенных страницах гуманистических писаний, полных античных имен и реминисценций, отражена здесь с тем здоровым реализмом, который всегда отличал народную струю в культуре Возрождения.

Эта народная струя, не бывшая ведущей в области литературы, но вносящая в нее важные, во многом определяющие общий ее характер черты, еще большую роль играет в другой области культуры — изобразительных искусствах. Недаром главными героями шедевра народной литературы — новеллы о толстяке-столяре — являются крупнейшие художники Флоренции начала XV в. Брунеллески и Донателло.

§ 2. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ИСКУССТВА, НАУКА, ТЕХНИКА

С этими двумя именами связан не только решительный перелом в искусстве Флоренции, но и начало нового этапа в истории искусства вообще.

Искусство второй половины XIV в., несколько замедленное развитие которого характеризуется скорее накоплением новых тем и сюжетов, чем открытием новых художественных средств и методов, в какой-то мере даже отступающее назад под влия-

нием широко распространенного в это время в других странах Западной Европы увлечения готикой, именно начиная с первых годов XV в. переживает период невиданного расцвета, радикально изменяющего весь его характер, и именно Брунеллески и Донателло являются зачинателями этого расцвета.⁹⁹

Филиппо Брунеллески (1377—1446),¹⁰⁰ сын зажиточного флорентийского нотариуса, учился и начал свою деятельность в качестве ювелира, затем стал заниматься скульптурой. Маленький и некрасивый, он с юных лет с неукротимой страстью и несравненной смелостью творил в области искусства, создавая новые формы, новые принципы, новое понимание. В 1398 г. окончивший учение Брунеллески записан как самостоятельный мастер в цех шелкоделов, а в 1401 г. уже участвует в большом художественном конкурсе на выполнение бронзовой скульптурной двери для одного из центральных зданий города — баптистерия (крещальной церкви). В соревновании с рядом крупнейших художников, и в первую очередь с Лоренцо Гиберти, Брунеллески не одержал победы, но представленный им проект обнаружил яркую и своеобразную индивидуальность автора. Индивидуальность эта еще более подчеркивалась тем, что получивший только весьма скромную, чисто ремесленную подготовку мастер сблизился с кружком флорентийских ученых математиков, во главе которых стоял Паоло дель Поццо Тосканелли, и при помощи последнего занялся углубленным изучением геометрии и других математических дисциплин, удивляя своими успехами новых друзей. Это сближение ремесленника с университетскими профессиональными учеными, усвоение их науки было делом совершенно необычным. Два мира, традиционно глубоко отличные друг от друга и непримиримые, в лице Брунеллески объединились, породив ту фигуру художника, инженера, ученого, которая столь характерна для Возрождения (илл. 30).

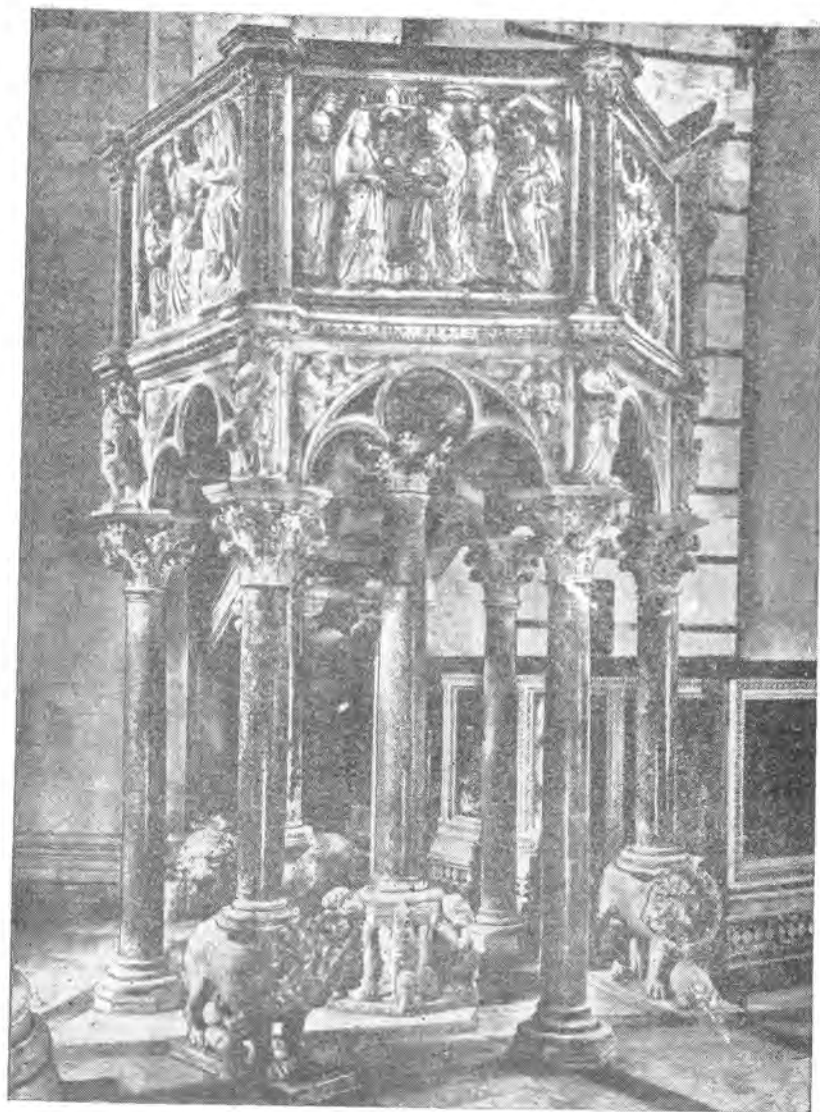
Не довольствуясь теоретическим изучением математики и подчиняясь тому увлечению античностью, которое было господствующим в культурных кругах Флоренции начала XV в., Брунеллески вместе со своим другом и сподвижником скульптором Донателло в 1403 г. едет в Рим, где они с увлечением фанатических новаторов осматривают, измеряют и зарисовывают античные здания и развалины, производят раскопки. Вазари в своей биографии Брунеллески, как обычно опирающейся на современные источники, так описывает это путешествие. «Продав участок земли, который он имел в Сеттиньяно, они уехали из Флоренции и направились в Рим. Здесь, увидев величие зданий и совершенство постройки храмов, он был так поражен, что казался безумным. И так начав измерять детали и чертить планы этих зданий, он и Донато, без усталости продолжая это все, не жалели ни времени, ни расходов и не пропускали ни одного места, не осмотрев его, как в Риме, так и вне его — в Кампани, измеряя все, что казалось им хорошим. И Филиппо, будучи освобожден от

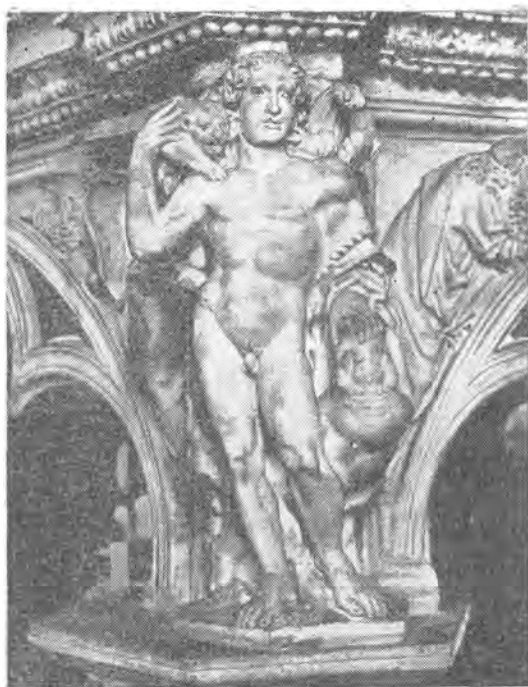
1. Джотто. Благовещение Анне. Фреска. Капелла Скровеньи, Падуя.

2. Джотто. Воскрешение Лазаря. Фреска. Капелла Скровеньи, Падуя.

3. Никколо и Джованни Пизано. Кафедра Баптистерия. Пиза.

4. Никколо Пизано. Ал-
легория Силы. Угловая
скульптура кафедры Бап-
тистерия, Пиза.

5. Никколо Пизано. Поклонение волхвов. Рельеф кафедры Баптисте-
рия, Пиза.

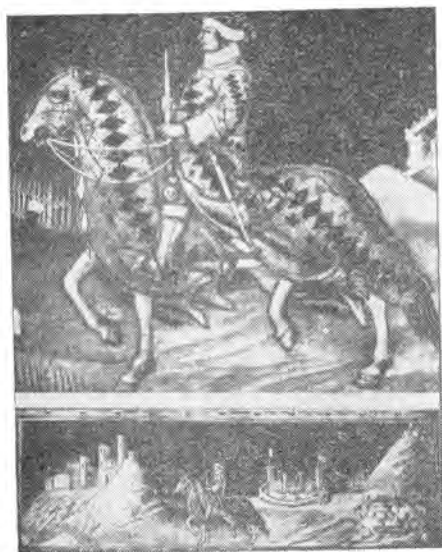
6. Палаццо дела Синьория (Палаццо Веккьо),
Флоренция.

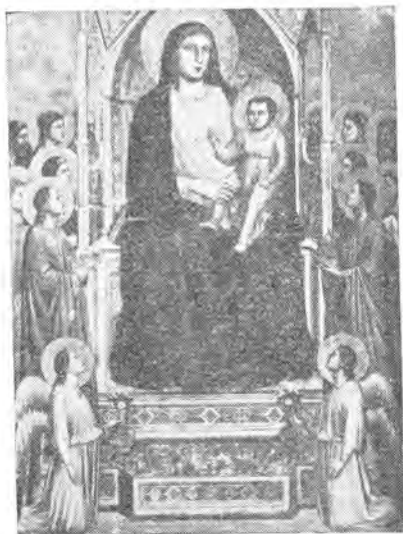
7. Палаццо Пубблико,
Сiena.

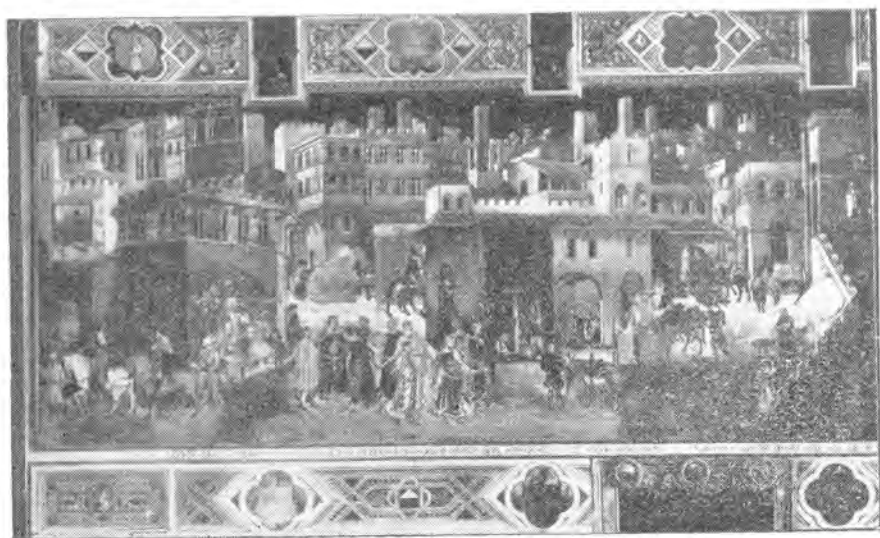
8. Соборъ Санта Мариа дель Фьоре, Флоренция.

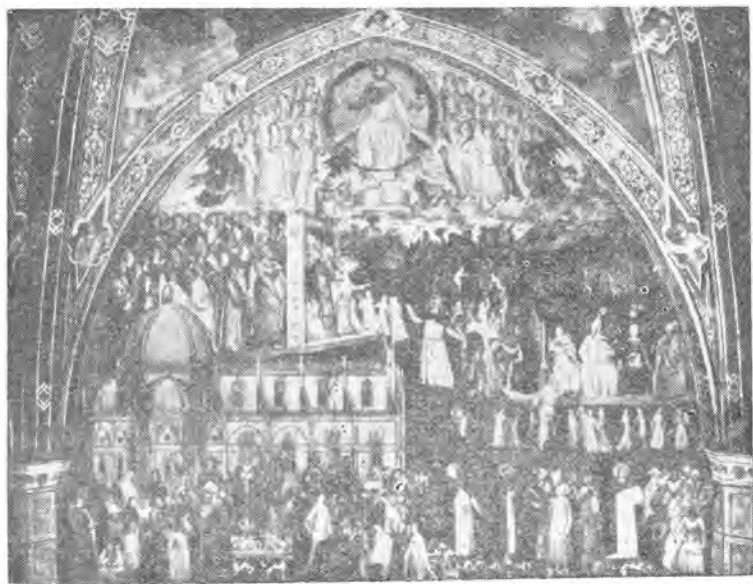
9. Симоне Мартини. Портрет Гвидориччо да Фольяни. Фреска, деталь. Палаццо Пубблико, Сиена:

10. Джотто. Мадонна во славе. Фреска. Уффици, Флоренция.

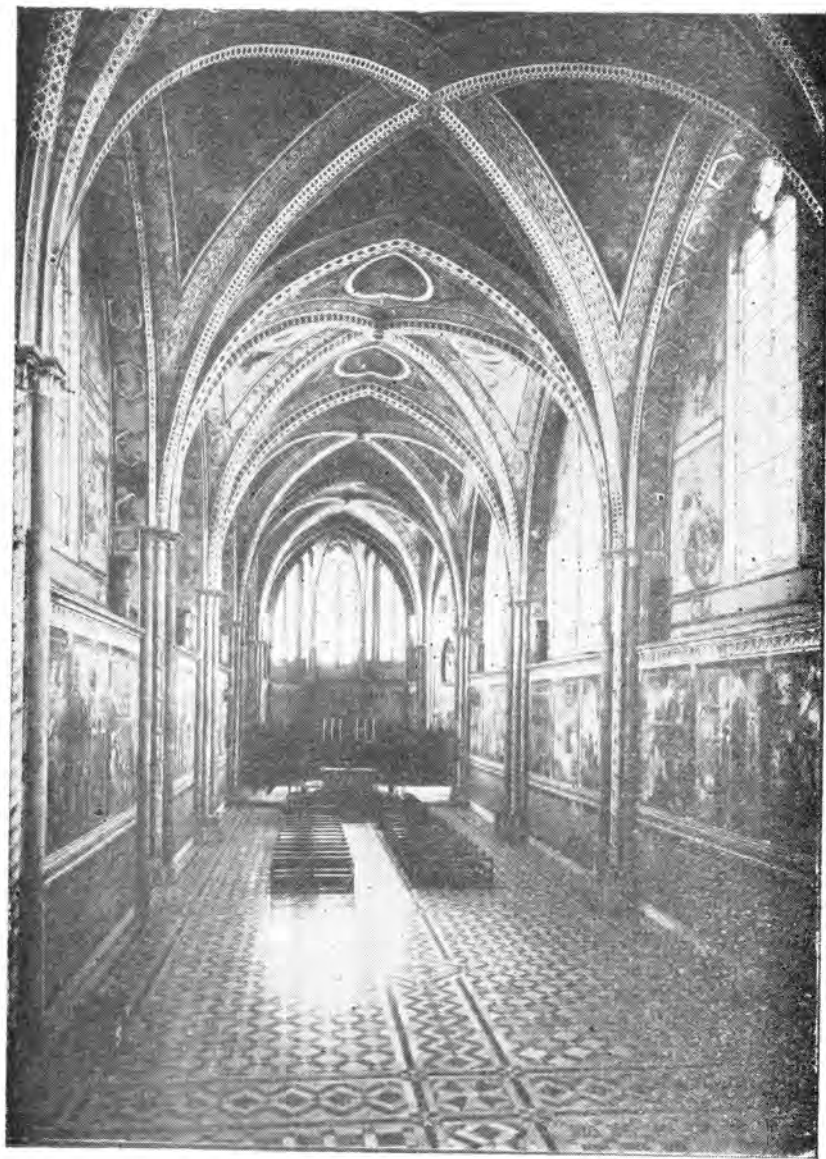
11. Амброджо Лоренцетти. Плоды доброго правления. Фреска. Палаццо Пубблико, Сиена.

12. Андреа да Фиренце. Торжествующая церковь (Триумф покаяния). Фреска. Испанская капелла церкви Санта Мария Новелла, Флоренция.

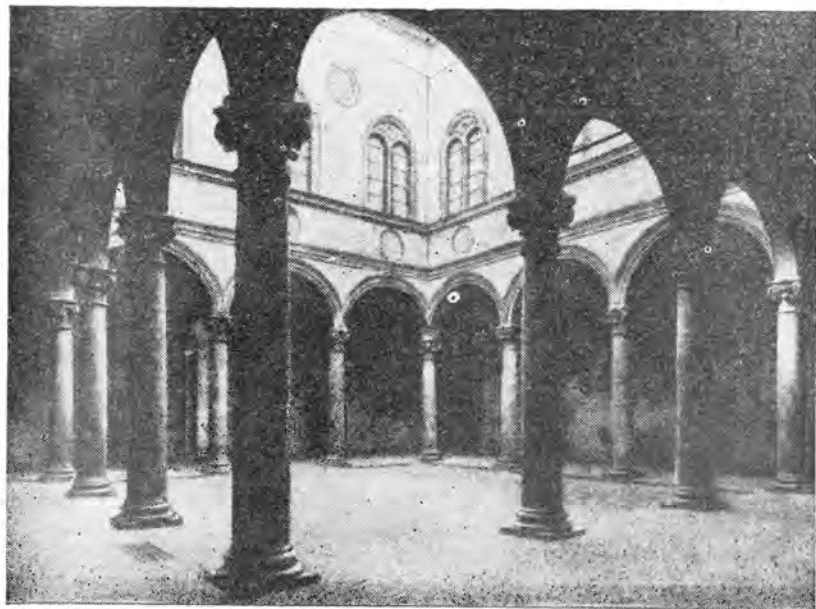

13. Триумф Смерти. Фреска. Кампосанто, Пиза.

14. Внутренний вид церкви Сан Франческо, Ассизи.

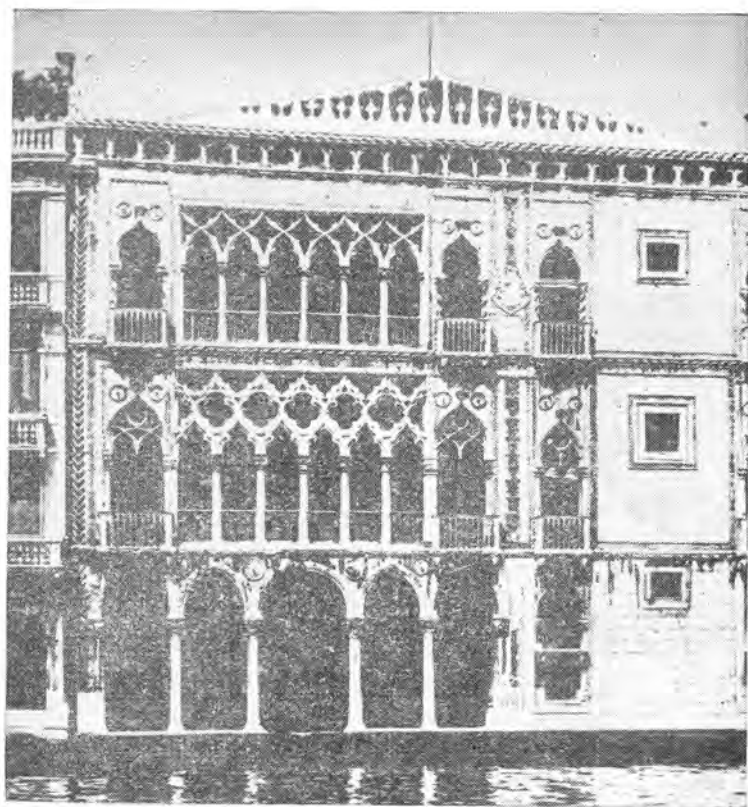
15. Донателло. Марцокко. Национальный музей (Барджелло), Флоренция.

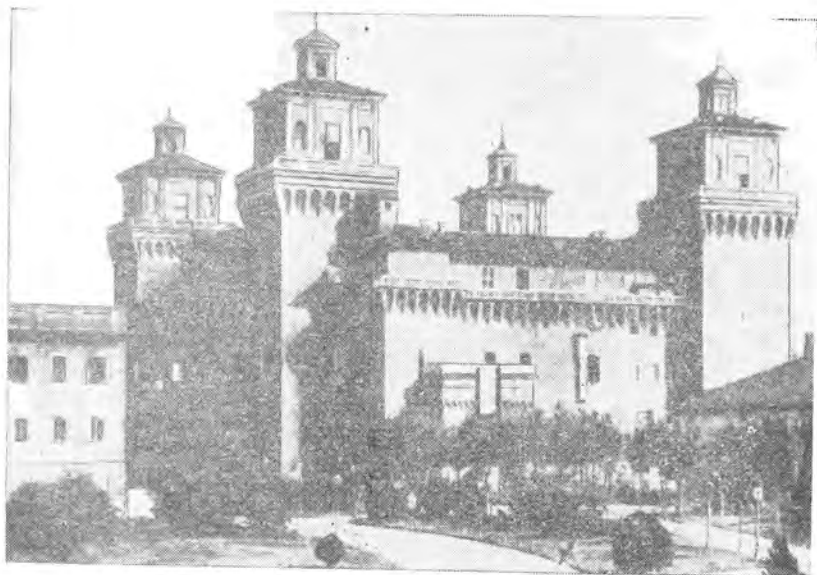
16. Микелоццо. Палаццо Медичи (Риккарди), Флоренция.

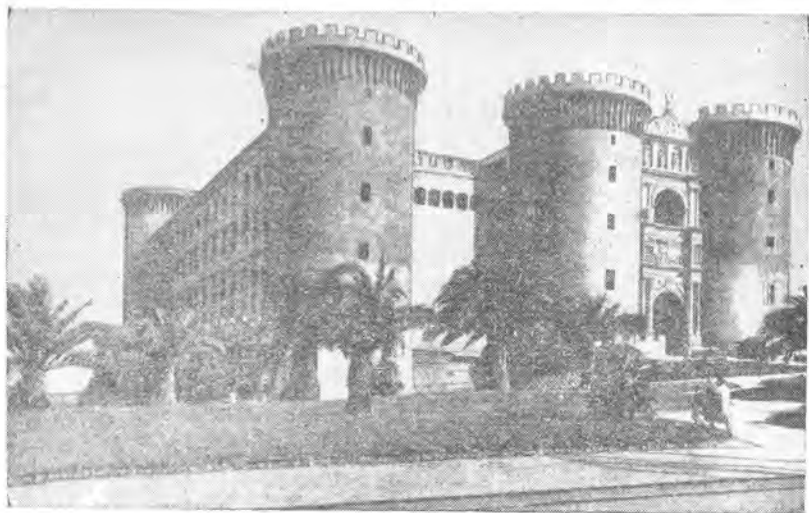
17. Беллини (Якопо или Джентиле?).
Портрет дожа Франческо Фоскари.
Рельеф. Музей Коррер, Венеция.

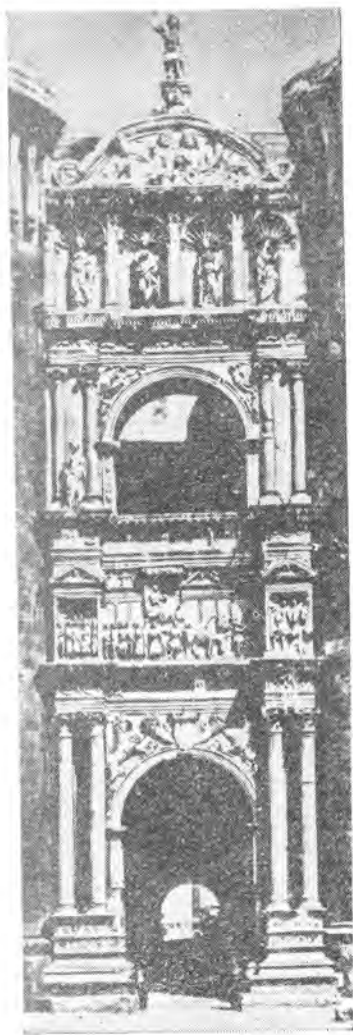
18. Ка д'Оро, Венеция.

19. Замок д'Эсте, Феррара.

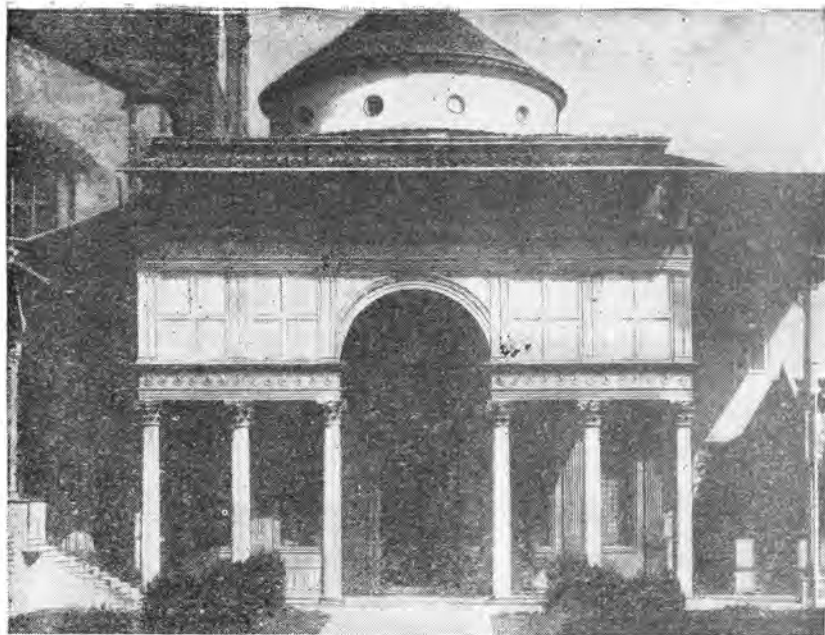
20. Кастель Нуово, Неаполь.

21. Лучано Лаурана. Триумфальная арка Альфонса Арагонского. Неаполь.

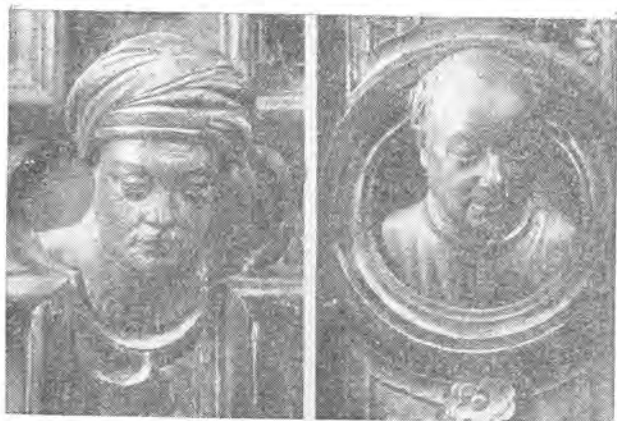
22. Филиппо Брунеллески. Церковь Санто Спирито, Флоренция.

23. Филиппо Брунеллески. Капелла Пацци, Флоренция.

24. Филиппо Брунеллески. Приют найденных, Флоренция.

25. Лоренцо Гиберти. Автопортретные бюсты. Детали Северной двери и Двери Рая Баптистерия во Флоренции.

26. Донателло. Евангелист Иоанн. Музей Собора, Флоренция.

27. Донателло. Святой Георгий. Национальный музей (Барджелло), Флоренция.

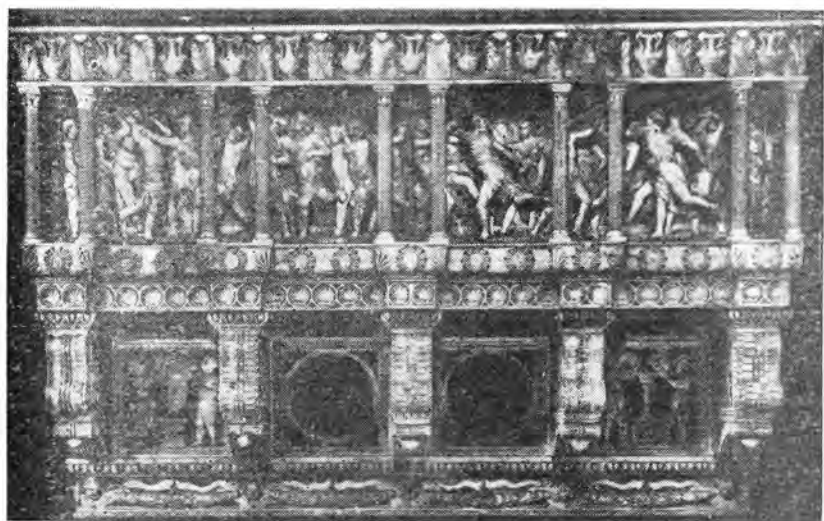
28. Донателло. Пророк Аввакум («Цукконе»). Музей Собора, Флоренция.

29. Донателло. Пророк Иеремия. Музей Собора, Флоренция.

30. Буджано (Андреа ди Лиццаро Кавальканти).
 Портретный бюст Филиппо Брунеллески. Собор
 Санта Мария дель Фьоре, Флоренция.

31. Донателло. Кафедра. Музей Собора. Флоренция

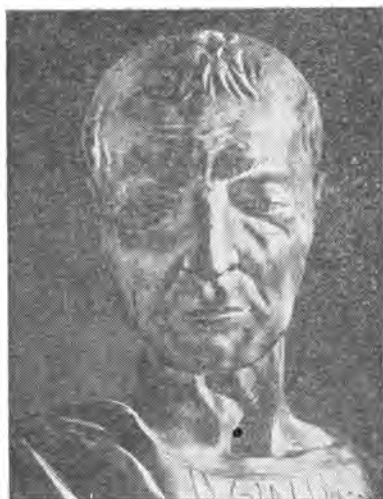
32. Итальянский скульптор XV в. Портрет Франческо Сфорца. Рельеф. Национальный музей (Барджелло), Флоренция.

33. Итальянский скульптор XV в. Портрет Федерико да Монтефельтро. Рельеф. Национальный музей (Барджелло), Флоренция.

34. Донателло. Портретный бюст Никколо да Уццано. Деталь. Национальный музей (Барджелло), Флоренция.

35. Донателло. Пророк Иосия (предположительно, портрет Поджо Браччолини). Деталь. Музей Собора, Флоренция.

36. Филиппо Брунеллески. Купол собора Санта Мария дель Фьоре, Флоренция.

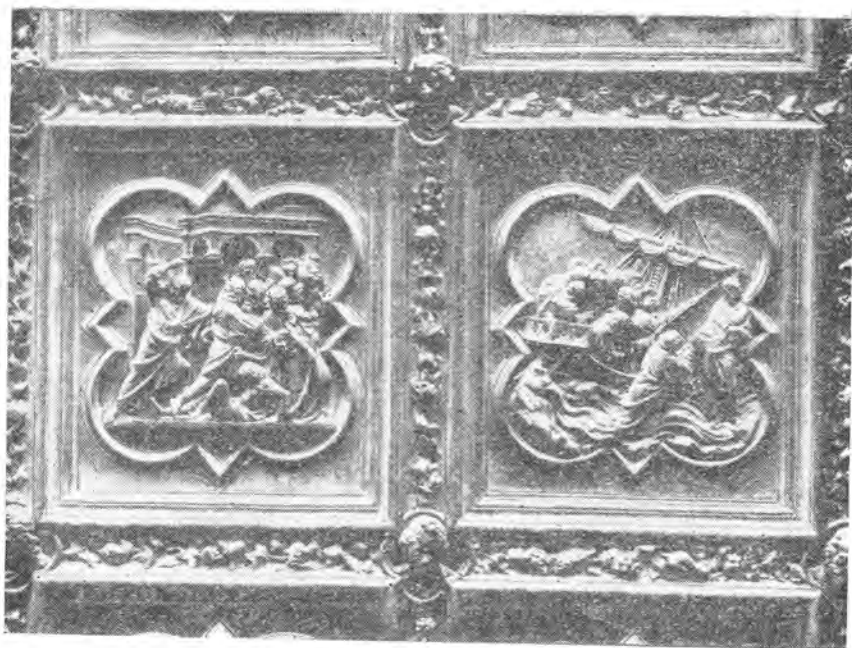
37. Антонио Пизанелло. Медаль в честь Филиппо Мариа Висконти. Государственный Эрмитаж, Ленинград.

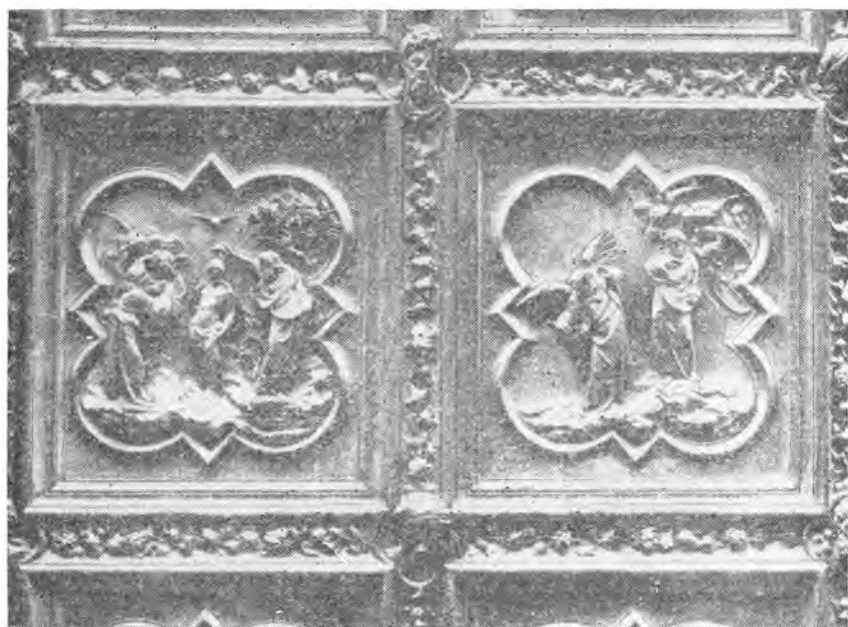
38. Кристофоро да Джеремиа. Медаль в честь Козимо Медичи. Государственный Эрмитаж, Ленинград.

39. Обратная сторона медали в честь Козимо Медичи.

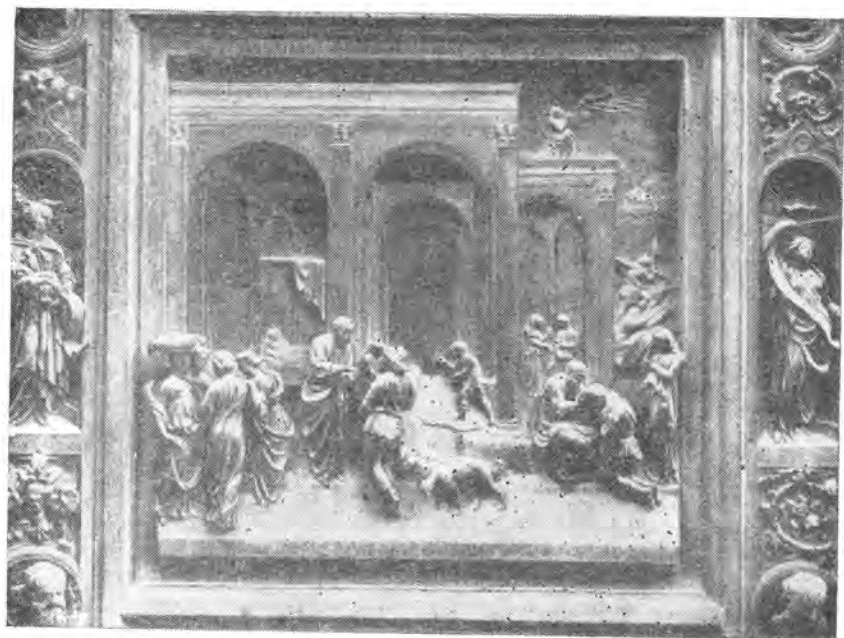
40. Лоренцо Гиберти. Северная дверь Баптистерия во Флоренции; детали:
Изгнание торгующих из храма; Чудесный улов.

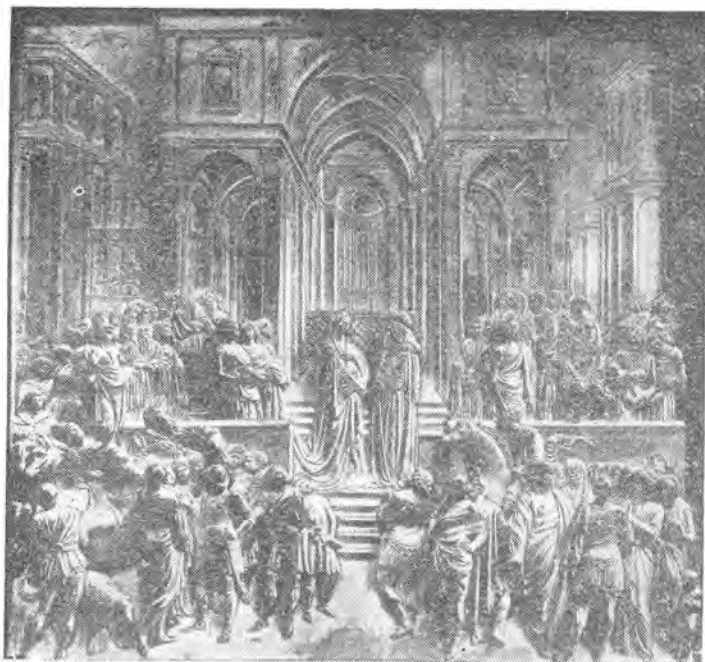
41. Лоренцо Гиберти. Северная дверь Баптистерия во Флоренции; детали:
Крещение Христа; Испытание Христа.

42. Лоренцо Гиберти. Дверь Рая Баптистерия во Флоренции; деталь: Гenezис.

43. Лоренцо Гиберти. Дверь Рая Баптистерия во Флоренции; деталь: История Исаака.

44. Лоренцо Гиберти. Дверь Рая Баптистерия во Флоренции;
деталь: Соломон и царица Савская.

/ 45. Мазаччо. Чудо с динарием. Фреска. Церковь дель Кармине, Флоренция.

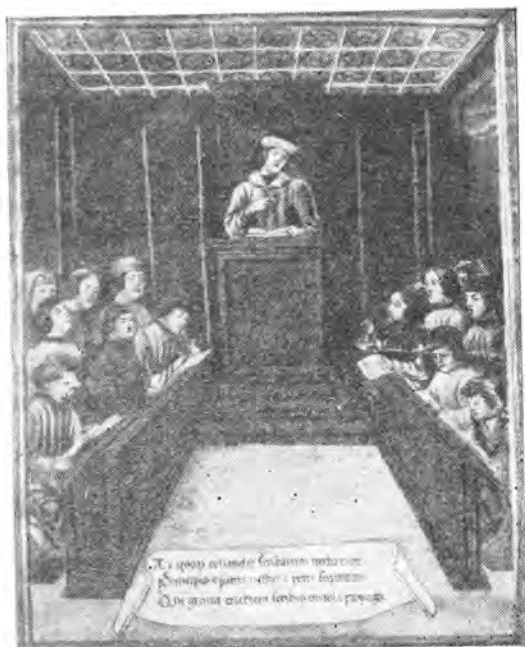
46. Паоло Уччелло. Святой Георгий и принцесса. Музей Жакмар
Андре, Париж,

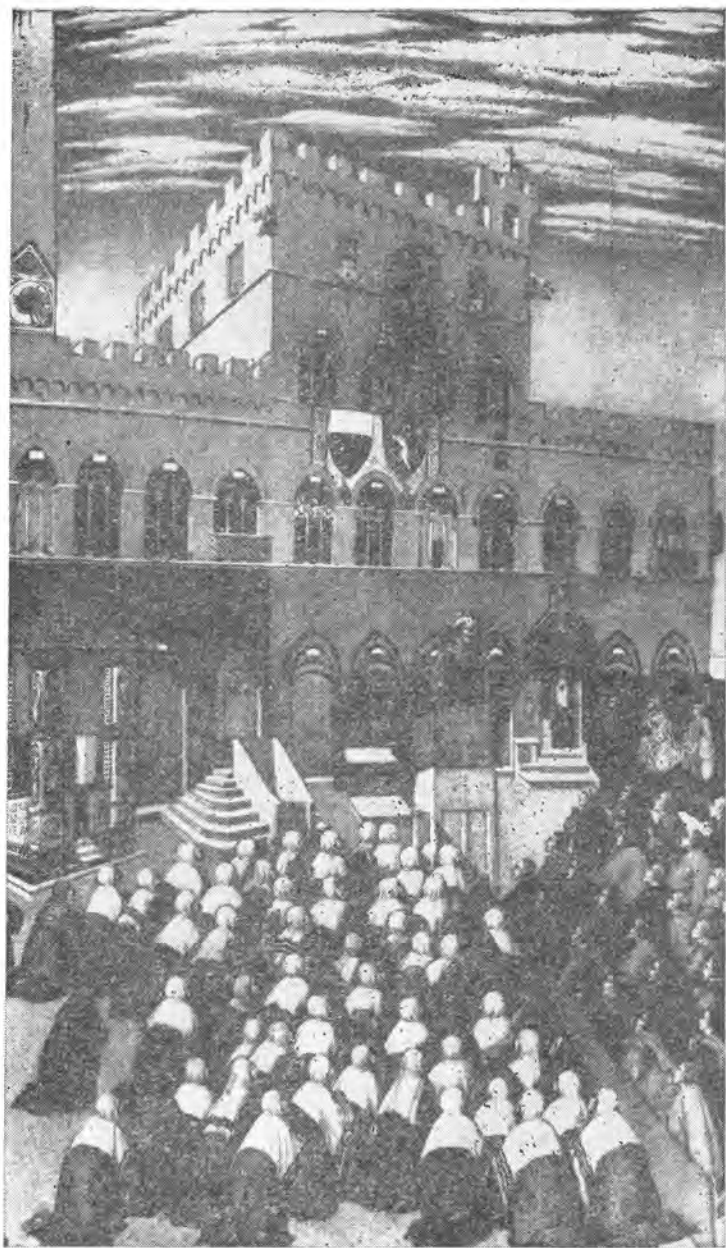
47. Паоло Уччелло. Битва. Уффици, Флоренция.

48. Андреа дель Кастаньо. Франческо Петрарка. Фреска. Монастырь Сант Аполло-
нно, Флоренция.

49. Гуманистическое пре-
подавание. Миниатюра
XV в.

50. Пьеро ди Сано. Проповедь Бернардино Сиенского в Сиене.
Собор, Сиена.

51. Андреа дель Кастаньо. Кондотьер Пиппо Спана. Монастырь Сант Аполонио, Флоренция.

52. Портрет Джованни Боккаччо. Миниатюра в рукописи «Филострато» в Национальной библиотеке во Флоренции.

53. Донателло. Памятник Гаттамелате, Падуя.

54. Паоло Уччелло. Памятник Джону Гауквуду. Фреска. Собор Санта Мария дель Фьоре, Флоренция.

55. Донателло. Благовещение. Рельеф. Церковь Санта Кроче, Флоренция.

56. Антонио да Фиренце. Мадонна с младенцем и святыми Домиником и Фомой Аквинским. Дерево, темпера. Государственный Эрмитаж, Ленинград.

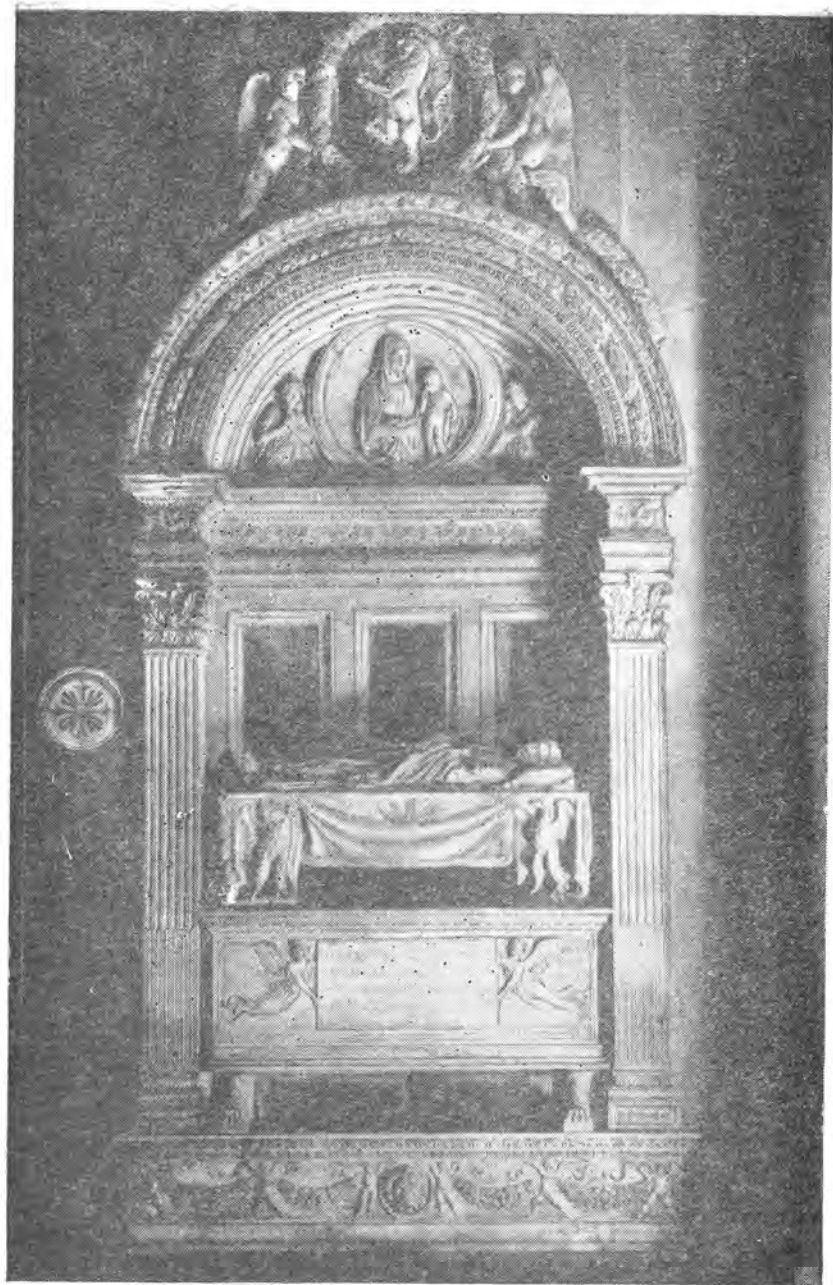
57. Антонио да Фиренце. Распятие с мадонной и Иоанном Крестителем. Дерево, темпера. Обратная сторона картины «Мадонна с младенцем».

58. Сассетта. Поклонение волхвов. Палаццо Киджи-Сарачини, Сиена.

59. Фра Беато Анжелико. Благовещение. Фреска. Монастырь Сан Марко, Флоренция.

60. Бернардо Росселино. Гробница Леонардо Бруни. Церковь Санта Кроче, Флоренция.

домашних забот, так погрузился в свои занятия, что не заболел ни о еде, ни о сне, его интересовала только архитектура, причем архитектура прошлого, т. е. древние и прекрасные законы ее, а не немецкие, варварские, которые были в большом ходу в его время... Он все время записывал и зарисовывал данные об античных памятниках и затем постоянно изучал эти записи. Если случайно они находили под землей куски капителей, колонн, карнизов или фундаментов зданий, они организовывали работы и выкапывали их, чтобы изучить надлежащим образом. Из-за этого по Риму о них прошла молва, и когда они проходили по улицам, одетые в чем попало, их называли „искателями кладов“, и народ думал, что они занимаются „геомантией“, чтобы найти клад...»¹⁰¹

Знание математики, пусть самое элементарное, и внимательное изучение античных построек и выделяет молодого Брунеллески из числа достаточно многочисленных флорентийских архитекторов, работавших по старинке, пользуясь приемами и методами, завещанными дедами и прадедами и раз навсегда усвоенными в мастерской учителя.

В 1404 г. Брунеллески впервые выступает как архитектор и инженер, высказываясь среди ряда других специалистов по техническим вопросам достройки Флорентийского собора, с которым затем будет связана вся его творческая жизнь. Вазари сообщает: «И имел он два величайших замысла: первый — вернуть на свет божий хорошую архитектуру, полагая, что найдя ее, он оставит о себе не меньшую память, чем это сделали Чимабуэ и Джотто; второй — найти, если это ему удастся, способ возвести купол Санта Мария дель Фьоре во Флоренции. Трудности этого дела были таковы, что после смерти Арнольфо Лапи, не появилось никого, у кого бы хватило духа, чтобы попробовать возвести его без деревянных арматур, требующих величайших расходов. Он никогда не сообщал об этом своем намерении ни Донато, ни одной живой душе, понятно, что в Риме он изучал все трудности, которые преодолены в Ротонде, и соблаждал как можно возвести подобный купол».¹⁰²

И действительно, задача возведения купола Флорентийского собора была исключительно трудной. Средневековые совершенно не умело возводить сколько-нибудь значительные купола и взирало на римские купольные постройки, особенно на Пантеон, с восхищением и суеверным ужасом. Перекрыть надлежало проем в 42 м диаметром, причем сделать это без основательных, серьезных расчетов, поскольку они были неизвестны. Единственным способом проверки конструкции было сооружение небольшой модели, чем и пользовался Брунеллески, так же как и другие архитекторы его времени. Понятно, что значительную помощь в деле постройки купола должно было оказать то изучение архитектурных памятников Рима, которым с таким энтузиазмом занялся Брунеллески.

В 1417 г. началось публичное, привлекавшее огромное внимание всего населения Флоренции, обсуждение вопроса о способах постройки купола, в котором Брунеллески принял активное участие, а в следующем, 1418 г., был объявлен конкурс на эту работу. Брунеллески выступил на этом конкурсе не один, а совместно с Донателло, Гиберти и строителем Нанни д'Антонио ди Банко. Им и была поручена работа, выполнение которой, сопровождавшееся множеством непредвиденных и весьма серьезных трудностей, продолжалось 18 лет. В своих основных очертаниях, но без венчающего его фонаря, сооружение которого было начато на 10 лет позже, купол был закончен в 1436 г.

Его завершение, совпавшее с первыми годами установления власти Медичи, явилось как бы символом и внешним проявлением величия Флоренции, ее громадных успехов. Современники и ближайшие потомки восприняли возведение этого громадного, возвышающегося над всем городом, видного за многие километры сооружения, как торжество народа передового торгово-промышленного города. Недаром Вазари и в этом случае, как обычно, точно отражая общее мнение, пишет о куполе: «Можно определенно утверждать, что древние не достигали в своих постройках такой высоты и не решались на такой риск, который бы заставил их соперничать с самим небом, как с ним, кажется, действительно соперничает (Флорентийский купол), ибо он представляется столь высоким, что горы, окружающие Флоренцию, кажутся равными ему. И в действительности можно подумать, что само небо завидует ему, ибо постоянно и часто целыми днями поражает его молниями».¹⁰³

Самим фактом своего создания, по своим очертаниям, своей архитектурной форме купол Санта Мариа дель Фьоре явился важнейшим этапом в развитии не только архитектуры, но и всей идеологической системы Возрождения. Связанный с готической строительной традицией, в которой выдержан весь комплекс собора и прилегающей к нему колокольни, созданной Джотто и Арнольфо ди Камбьо, купол Брунеллески еще имеет немало готических черт. Это — некоторая заостренность кверху, устремленность ввысь его общего контура, это — особенно нервюры или, как называл их сам автор, «цепи», которыми отделены друг от друга 8 его полотен, это, наконец, самый принцип восьмигранного (а не круглого) его решения. Но эти элементы готики смягчены и объединены в небывало гармоническое целое, навеянное величественными образцами античного Рима, которые так страстно изучал Брунеллески. И это же сочетание элементов готики с общим античным решением создает неповторимый по своей гармонии и внушительности облик купола Санта Марии дель Фьоре, первого громадного сооружения стиля Возрождения (илл. 36).

Возведение купола собора, занявшее больше половины творческой жизни Брунеллески, не было, однако, единственной его

работой в это время. Он возводит ряд зданий, в основном церковного характера, которые в своей совокупности развивают принципы решения купола и окончательно закладывают основы нового архитектурного стиля. Таково начатое в 1421 г., по заказу цеха шелкоделов, но законченное позже, не без участия других архитекторов, видоизменивших первоначальный замысел, здание Приюта для найденышей. Длинное, двухэтажное, вытянутое фасадом по старинной площади св. Аннунциаты, по самому своему назначению скромное и простое, здание решено архитектором с поразительной легкостью и гармонией. Полукруглые спокойные арки его галереи, поддержанные легкими колонками, создают впечатление ясности и чистоты. Второй этаж, отделенный от аркад широким, подчеркивающим горизонталь карнизом, и прорезанный квадратными, строго обрамленными окнами, завершает впечатление четкости и обозримости, столь свойственное произведениям Брунеллески (илл. 24).

Особенно полно и четко отличительные свойства архитектурного стиля его сказываются на разработке им внутренней отделки ряда зданий. Это — в первую очередь заказанная главой рода Медичи Джованни д'Аверардо, незадолго до его смерти (1428 г.), ризница церкви Сан Лоренцо. Квадратное, симметричное и спокойное здание, увенчанное небольшим куполом, отделано торжественно, пышно и в то же время просто и ясно. Большие безукоризненно белые плоскости стен расчленены четко, с редкой и смелой гармонией, по горизонталям — широким карнизом, по очертаниям ниш — строгими нервюрами, по углам — канеллированными пилястрами с коринфскими капителями. Все вместе как-то особенно легко обозревается, смотрится как единое, стройное целое, геометрически построенное, земное, радостное.

Тот же прием отделки, построенный на использовании чисто белых поверхностей стен, члененных более темными карнизами и нервюрами, использован Брунеллески и в другом, ставшем классическим, здании — небольшой часовне семейства Пацци, около старинной церкви Санта Кроче (илл. 23). В этих работах Брунеллески над внутренней отделкой помещений чрезвычайно ясно проявляется его стремление обосновать свои художественные создания математической теорией, основы которой он заимствует из изучения и обмеров античных памятников. Геометрическую построенность пространства и ограничивающих его плоскостей, пропорцию, как основу этой построенности, зрительные эффекты, создаваемые перспективным сокращением архитектурных элементов при их рассмотрении с разных мест, — все это учитывает Брунеллески. Архитектор-художник, он один из первых, а может быть, в такой мере и вообще первый, вводит эти принципы в художественную практику.

Особенное значение уже современники придавали работам Брунеллески над проблемами линейной перспективы, изобре-

тателем которой его единогласно называют Гиберти, Альберти, Манетти и автор названной выше анонимной биографии архитектора. Подойдя, по-видимому, к решению вопросов перспективы с точки зрения архитектора, Брунеллески вырабатывает метод, применимый и в архитектуре, и в дальнейшем широко применявшийся в области живописи.¹⁰⁴

Для того чтобы определить правильность перспективного изображения данного архитектурного пейзажа, например части площади синьории, Брунеллески использовал два зеркала, в одном из которых проделывалось отверстие для глаза, а другое держалось на расстоянии вытянутой руки, причем в последнем вторично отражался пейзаж, первый раз отраженный в обратном изображении первого зеркала. Если на этом первом зеркале нарисовать очертания зданий и добиться полного совпадения этих очертаний с реальными постройками, в которые рисунок вмонтируется во втором отражении, то перспектива будет правильной.

Метод этот, вряд ли практически широко применявшийся из-за своей сложности, говорит, однако, об упорном и вполне сознательном стремлении создавшего его художника отобразить реальную, объективно познаваемую действительность, причем отобразить её при помощи научно-технических приспособлений, полностью выявляющих возможно большее совпадение изображения с этой действительностью. Такой подход к задачам живописи чрезвычайно сближал ее с наукой. Весьма примечательно и то, что, может быть, в результате нововведений Брунеллески, а возможно, и независимо от него, стремление при помощи систематического применения линейной перспективы передавать объемность реального мира становится в XV в. одной из основных тенденций живописи, одной из ее основных художественных задач.

Работы над проблемами перспективы при всем своем значении для теории и практики итальянского искусства не отвлекали Брунеллески от выполнения основных для него архитектурных задач. Он продолжает строить, выполняя ряд зданий церковных (Санто Спирито и Сан Лоренцо) и светских (Дворец гвельфской партии). Здания эти подтверждают в своей спокойной гармонии, в выдвижении на первый план элементов плоскостного декора, в увлечении антикизирующим геометризмом те основные принципы нового архитектурного стиля, которые создал флорентийский зодчий, художник и инженер Филиппо Брунеллески (илл. 22).

Несколькими годами моложе Брунеллески был его друг и сподвижник — Донато ди Никколо ди Бетто Барди, более известный под прозвищем Донателло (1386—1465).¹⁰⁵

Как и Брунеллески, ученик ювелира, в течение всей своей почти 80-летней жизни скромный, фанатически преданный своему делу, бескорыстный, выросший в старой флорентийской

художественной традиции, Донателло, подобно своему другу, затем страстно увлекается античным искусством, которое он, однако, никогда не копирует, а творчески перерабатывает. Он создает свою собственную манеру, во многом родственную тем идеологическим устремлениям гуманистов, поклонником и единомышленником которых скульптор является.

Уже в ранних своих статуях, которые еще не достигший 30 лет художник изготавливает для различных зданий Флоренции — для ниш собора или цехового святилища Ор Сан Микеле, видны черты нового, мощного искусства. Его Евангелист Иоанн (илл. 26) — могучая, спокойная фигура, полная интенсивной жизни и силы и в то же время гармонически ясная. Святой Георгий (илл. 27) в своей подчеркнутой, еще несколько готической, стройности в то же время земной, оптимистический, полный силы и дерзания, — как бы символизирует гордую веру в себя, в будущее родившей его Флоренции и, в первую очередь, — в ее новую, «возрожденскую» культуру. Твердо и легко опершись на щит, слегка нахмурившись, смотрит вдаль мужественный, прекрасный юноша, спокойный, но полный готовности могучим движением в любую секунду, подобно распрямившейся пружине, ударить по врагу.

Совсем иной характер носят более поздние (20—30-е годы) статуи пророков Иосии (илл. 35), Иеремии (илл. 29) и Аввакума. Обобщенной, идеализирующей трактовке формы, свойственной ранним статуям, здесь противопоставлена конкретная, подчеркнута реалистическая индивидуализация. Статуи сознательно, демонстративно некрасивы, но в то же время ярко выразительны и неподражаемо своеобразны. Неуклюжие фигуры, наряженные в античные тоги, сильны и мужественны. Грубые, лишенные даже следов аристократизма, но умные и решительные лица полны жизни. Беспокойные, тяжелые, падающие острыми изломами складки одежд придают фигурам своеобразное движение, бурное и волнующее.

Понятен рассказ Вазари: «Он сделал из мрамора для переднего фасада колокольни Санта Мария дель Фьоре четыре фигуры в пять локтей, из которых две, представляющие собой портреты с натуры, помещены в центре: один из них Франческо Содерини Младший и другой Джованни ди Бардуччо Керкини, теперь называемый „Тыквой“ („Цукконе“, илл. 28). О последней, считавшейся вещью редчайшей и прекраснейшей из всех, что он когда-либо делал, Донато обыкновенно, когда хотел поклясться так, чтобы ему поверили, говорил: „Клянусь верой в мою „Тыкву“. Когда же он работал над ним, то, глядя на него, постоянно повторял: „Говори же! Говори! Черт тебя поберет!“».¹⁰⁸ И действительно, поражающая своей неожиданностью, глубоко индивидуальная жизненность этих образов Донателло объясняет как то, что в них уже современники видели конкретные портреты известных им людей, так и обращение к ним самого автора, как к живым.

Наряду с этими монументальными мраморными фигурами Донателло создает и более мелкие бронзовые скульптуры, по самой природе материала более обобщенные, хотя и не менее смелые и новые. Самой яркой из них является «Давид» — первое

ренессансное воплощение в круглой скульптуре полностью обнаженного тела. Несколько напоминающий полный мощи образ «Аллегории силы» Никколо Пизано в пизанском баптистерии (илл. 4), «Давид» Донателло мягче, обобщеннее, сложнее по своей духовной жизни и пластическому воплощению.

Сильный, хотя совсем еще юный мальчик-победитель задумчиво и даже немного смущенно смотрит вниз на отрубленную им голову поверженного великана, жеманным и усталым движением правой руки поддерживая небольшой меч, в то время как левая рука, сжимающая орудие победы — камень, самоуверенно оперта о бедро. Победа принесла «Давиду» не только уверенность в своей силе и правоте, но и раздумье о причинах того и другого, а может быть, и некоторый оттенок самолюбования. И если современники видели в глубоко индивидуальном образе «Тыквы» живое изображение знакомого им лица, то мы можем увидеть в «Давиде» обобщенный образ победоносной медичейской Флоренции, возвеличиваемой им так же, как грандиозным куполом Брунеллески.

Наряду с круглой скульптурой Донателло выполняет в эти годы ряд рельефов в мраморе и в бронзе. Характерными в этом ряду являются относящийся к 1425 г. многофигурный барельеф для крещальни в Сиене — «Пир Ирода» и, по-видимому, на десятилетие более поздний горельеф — «Благовещение» для церкви Санта Кроче во Флоренции (илл. 55). В обоих на фоне антикизирующей архитектуры, той, о которой мечтал и которую в эти же годы создавал друг скульптора — Брунеллески, помещены выразительные, живые и в то же время пластически строгие и ясные фигуры, объединенные четкой композицией всей сцены. Связь с Брунеллески и его работами над теорией и практикой линейной перспективы особенно ясно ощущается в построении названных и ряда других рельефов Донателло.¹⁰⁷ Изображение в плоском рельефе глубины обширных помещений, часто нарочито усложненных различными архитектурными деталями, приобретает значение самостоятельной художественной задачи, различное, особенно в отношении точек зрения, разрешение которой придает рельефам особый, своеобразный вид.

Несколько другой характер носят принадлежащие к лучшим работам Донателло две кафедры: для собора в Прато и для Флорентийского собора (илл. 31). Обе они передают один и тот же мотив, кажущийся несколько странным в центральном, видном отовсюду пространстве церкви: веселые игры полуобнаженных детей, юные тела которых прихотливо переплетены в бурном движении, образуя живой и разнообразный узор, вносят то настроение оптимистической жизнерадостности, которое так типично для изобразительных искусств и вообще для культуры начала XV в.

Наконец, для периода творческой зрелости Донателло характерны портретные скульптуры. Терракотовый портретный

бюст, изображающий, согласно традиции, вождя антимакедонской олигархии, дельца и политика Никколо да Уццано (илл. 34), как бы продолжает линию пророков; он остро, подчеркнуто индивидуален, реалистичен до предела, кажется, что этот умный, энергичный, некрасивый человек средних лет вот-вот заговорит, как этого ждал Донателло от своего «Тыквы».

Значительно более обобщенный и антикизирующий характер носит наиболее знаменитое и наиболее монументальное произведение Донателло — памятник кондотьеру Эразмо да Нарни, известному под прозвищем Гаттамелата,¹⁰⁸ воздвигнутый на центральной площади города Падуи, перед церковью Сант Антонио, в которой находится гробница полководца. На тяжелом, боевом, медленно шагающем коне прямо и прочно сидит в седле старый, уверенный в себе воин. Он одет в парадный панцирь, в правой руке держит полководческий жезл, левая свободно лежит на поводьях. К поясу привешен тяжелый длинный меч, на ногах, закованных в сталь, большие шпоры. Как весь облик памятника, так и отдельные его черты, несомненно, навеяны римскими конными статуями (в частности, статуей Марка Аврелия), которые внимательно изучал скульптор. Однако это античное влияние не является решающим, как не являются решающими, по-видимому, наличествующие элементы портретного сходства (лицо воина, отдельные детали его вооружения). Главное в монументальном и внушительном образе конного кондотьера, созданном Донателло, — это впечатление спокойной, уверенной в себе мощи, переданной через образ индивидуальный, но в то же время типичный для эпохи; отдельные конкретные черты и детали, отлитые в навеянные античностью формы, доведены до обобщения громадной действенной силы. Недаром памятник Гаттамелаты стал образцом для бесчисленных конных памятников, которые в течение ряда веков создавались для различных городов мира (илл. 53).

10 лет, проведенные Донателло в Падуе (1443—1453 гг.), главным образом в работе над памятником (закончен в 1447 г.), были также годами создания 4 рельефов алтаря для той же церкви св. Антония, перед которой установлен Гаттамелата. Эти мало выпуклые бронзовые рельефы изображают четыре чуда, совершенные святым, и представляют собой полные бурного движения многофигурные сцены, где десятки персонажей, окружающих Антония, соединенные в разнообразные группы, помещены перед сложными архитектурными сооружениями. Здесь принципы изображения объемов при помощи линейной перспективы, разработанные Брунеллески, получают дальнейшее развитие. В этом отношении особенно интересно «Чудо с прокаженным»: многочисленные фигуры, склоненные к центру, где находится святой, помещены в огромном, глубоком зале, объемность которого ясно ощутима; или «Чудо с мулом», где действующие лица разбиты

на три группы, помещенные перед тремя глубокими арками, тоже подчеркивающими объем изображенного.

Творческая амплитуда Донателло громадна — от несколько архаизирующего, идеализированного Георгия, через остро индивидуальных, почти натуралистических Иеремию и Аввакума, к бурному и радостному оживлению декора кафедр и, наконец, к сосредоточенной мощи Гаттамелаты. Он находит новые изобразительные средства, творит новые формы, новую многогранную, яркую и выразительную скульптуру, тесно связанную с новой, гармонической архитектурой, одновременно создаваемой Брунеллески, архитектурой, вызывающей скульптуру к жизни и ставящей перед ней определенные требования.

Новое искусство великих флорентийцев Брунеллески и Донателло, находит, может быть, еще более яркое, чем в их произведениях, проявление в живописном творчестве их друга и единомышленника Мазаччо (1401—1428).¹⁰⁹ Творческий путь его был исключительно кратковременным, художник умер 27-летним юношей, но, несмотря на это, творчество Мазаччо оказало громадное влияние на все дальнейшее развитие изобразительных искусств.

Уже первые известные произведения Мазаччо — образы мадонн с младенцами — обращают на себя внимание значительностью и подчеркнутой объемностью фигур, смелостью композиции, жизненностью выражений лиц и движений. Так, «Мадонна с младенцем и ангелами», находящаяся ныне в Лондонской Национальной галерее, отличается от мадонн более ранних мастеров выразительностью и необычностью всей живописи. Ее отделяет от всего предшествующего живописного творчества, связанного с Джотто, почти осязаемая объемность, одушевляющая ее реальная жизнь, то новое, достижение которого и является главной заслугой Мазаччо.

Мадонна эта, по-видимому, входила в состав большого живописного комплекса алтарного полиптиха, выполненного художником в 1426 г. для кармелитской церкви в Пизе. К этому же комплексу относится и являющееся первой из известных нам больших композиций Мазаччо — «Поклонение волхвов». На фоне голых неприветливых холмов, которые волнами набегают друг на друга, придавая особую эмоциональную насыщенность происходящей перед нами сцене, расположены группы крупных, занимающих почти всю высоту композиции фигур. Как мадонна с Иосифом и младенцем, сознательно сдвинутая влево от центра, так и отделенная от нее просветом над коленопреклоненным волхвом группа других волхвов, одетых в современные художнику одежды, и несколько коней трактованы подчеркнуто объемно. Все фигуры расставлены одна перед другой, а не просто рядом, в одной плоскости, что дает возможность разработать сцену в глубину и тем подчеркнуть ее почти скульптурную монументальность. Однако большинство фигур и особенно зани-

мающие передний план два молодых волхва в шапках довольно неподвижны и скорее присутствуют при действии, чем участвуют в нем.

Настоящим манифестом нового искусства, произведением (или, вернее, серией произведений), ставшим школой живописи в течение ряда столетий, явился цикл фресок, исполненный молодым художником в последние месяцы жизни в церкви кармелитов (Del Carmine) во Флоренции. Темой цикла явились основные моменты библейской и евангельской истории. Но изображенные в нем персонажи при всей своей скульптурной монументальности столь полны жизни, столь конкретно выразительны, что кажутся (да наверное, и были) прямыми портретами современников Мазаччо!

Замечательна сцена «Чудо с динарием» — размещенные не просто на фоне, а в самом гористом, суровом пейзаже, евангельские герои образуют группу, драматическое напряжение которой захватывает зрителя. Стоящий в центре Христос окружен со всех сторон апостолами и свидетелями сцены. Каждая фигура и особенно каждое лицо индивидуально характеризованы, а вся группа в целом дышит спокойной силой, которой ее напоила бурная и смелая, сметающая все каноны и рамки, жизнь первого центра новой культуры — революционной и победоносной Флоренции (илл. 45).

Не менее замечательна и не менее выразительна сцена «Изгнание Адама и Евы из рая» того же цикла. В трагически пустынном, едва намеченном пейзаже, изгоняемые летящим ангелом в красной одежде и с красными крыльями, бредут в глубоком отчаянии обнаженные первые люди. Адам в предчувствии будущих горестей судорожно закрыл лицо руками, а Ева рыдает, тщетно стремясь спрятать свою только что осознанную наготу. Здесь важен не только библейский рассказ о первых людях. Сознание, вернее — ощущение величия и трагизма дерзаний новой идеологии и нового искусства находит воплощение в реалистической трактовке обнаженного тела, впервые встречающейся в монументальном искусстве после античности.

Три великих новатора-флорентийца — Брунеллески, Донателло и Мазаччо были общепризнанными создателями нового этапа в искусстве Возрождения, этапа, чрезвычайно полно и ярко отражающего новую идеологическую атмосферу, становящуюся господствующей во всей Италии в связи с глубокими социальными и политическими изменениями, происходящими в ней в конце XIV столетия. Было бы, однако, ошибочным сводить все искусство этого бурного, богатого талантами времени к деятельности только этих трех выдающихся мастеров. Рядом с ними, иногда сотрудничая, а иногда и полемизируя, работала большая плеяда архитекторов, скульпторов, живописцев, талантливых, обладающих ярко выраженными индивидуальными ка-

чествами. Упомянем кратко только некоторых крупнейших из них, кажущихся нам особенно характерными.

Причем бросается в глаза то обстоятельство, что подавляющее большинство сколько-нибудь значительных художников являются флорентийцами. Город на Арно в интересующий нас в данной работе период оказался настолько впереди других культурных центров Италии, что последним потребовалось несколько десятилетий, чтобы догнать его в области литературы, архитектуры, скульптуры, живописи. Эти прочие культурные центры до середины XV в. в основном повторяли достижения предшествующего XIV в., только медленно и постепенно приближаясь к вершинам, достигнутым флорентийскими мастерами.

Архитектура в связи с постройкой в большинстве из сколько-нибудь значительных городов ряда отдельных зданий и целых комплексов как церковного, так и светского характера выдвигает множество зодчих, в большей или меньшей степени идущих по пути, проложенному Брунеллески. Нередко вокруг воздвигаемых ими сооружений группируются и скульпторы, и живописцы, участвующие в сооружении и украшении их.

Так, ведущиеся в течение всей первой половины XV в. разнообразные работы по завершению комплекса церковных зданий центральной, соборной площади Флоренции (собор Санта Мария дель Фьоре, его кампанилле, крещальня Сан Джованни) объединяют в едином усилии множество крупнейших мастеров разных специальностей. И в то же время, особенно ближе к середине века, во Флоренции строится ряд крупных светских зданий, в первую очередь городские дворцы богатейших и влиятельнейших семейств, например дворцы Медичи (затем Риккарди), Руччелли, Питти или их же загородные виллы. Та же строительная горячка охватывает и другие крупные и мелкие города полуострова — Рим, Милан, Венецию, Мантую, Римини.

Характерной фигурой в этой бурной строительной деятельности наряду с Брунеллески был Микелоццо ди Бартоломео (1396—1472),¹¹⁰ ученик и сотрудник Донателло, строитель монастыря Сан Марко и собора во Флоренции, любимый архитектор Козимо Медичи, автор его городского дворца (илл. 16), а также банка Медичи в Милане и библиотеки Сан Джорджо Маджоре в Венеции. Микелоццо несколько упрощал, делал более доступными и понятными достижения Брунеллески, строил здания не столь грандиозные и дорогие, работал быстро и аккуратно и благодаря этому значительно содействовал распространению нового стиля.

В некоторых отношениях напоминает Микелоццо флорентийский скульптор Лоренцо Гиберти (1378?—1455),¹¹¹ совмещавший свое основное занятие с архитектурой и писательством и также явившийся больше пропагандистом нового искусства, чем создателем новых форм в нем. Гиберти выдвинулся в возрасте немногим старше двадцати лет в конкурсе проектов на

сооружение второй бронзовой двери баптистерия. Первая дверь была выполнена в начале XIV в. Андреа Пизано. В конкурсе по второй (северной) двери, происходившем зимой 1400—1401 гг., участвовали такие крупнейшие мастера, как Филиппо Брунеллески, Якопо делла Кверча и ряд других менее значительных скульпторов. Победа Гиберти и блестящее выполнение им заказа выдвинули мастера на одно из первых мест во Флоренции (илл. 40, 41). Через несколько месяцев после окончания работ над этой дверью (апрель 1424 г.) Гиберти получил заказ на третью, которая после многих трудностей была закончена только в конце жизни мастера, в 1452 г.

Как вторая, так и особенно третья, получившая название «Двери Рая», двери Гиберти произвели громадное впечатление на современников и сразу же вошли в число основных достопримечательностей Флоренции. И, действительно, когда окидываешь взором всю дверь (превосходная, впрочем, искаженная неправильным расположением рельефов бронзовая копия творения Гиберти украшает здание Казанского собора в Ленинграде) в целом или всматриваешься в ее отдельные рельефы или в скульптурные обрамления этих рельефов, то не знаешь, чем больше восхищаться: замечательной ли гармонией композиции, красотой и выразительностью фигур и декоративных бюстов, или разнообразием и перспективным совершенством фонов. Программа, как бы сценарная часть двери была выработана Леонардо Бруни по поручению Никколо да Уццано, председателя комиссии цеха «Калимала», на средства которого она выполнялась. Канцлер-гуманист постарался соединить в этой программе религиозное назначение двери со своими гуманистическими идеалами, положив в основу ее философски истолкованные сцены из Библии, от создания стихий до суда Соломона, но Гиберти весьма свободно воплотил программные требования в творении, в котором чисто телесная, земная красота людей и окружающего их мира подчеркнута настолько, что религиозная тематика не только отступает на второй план, но и вообще предстает в новом свете (илл. 42—44).

Как двери баптистерия, так и другие рельефы и круглые скульптуры Гиберти (особенно его фигуры святых для ниш Ор Сан Микеле), произведения более легкие, красивые и понятные, чем суровые, часто резкие и всегда неожиданные, новаторские творения Донателло, имели громадный успех и в значительной мере способствовали широкому распространению нового кватроцентского стиля в скульптуре (илл. 25).

Этот новый стиль, получивший наиболее полное и глубокое воплощение во Флоренции, проявляется в творчестве многих чутких и талантливых скульпторов и за ее пределами. Особенно показательно в этом отношении то, что старая соперница Флоренции Сиена, в XIII—XIV вв. создавшая свое собственное направление в искусстве, направление, упорно сохранявшее

связи со средневековой, в первую очередь готической традицией, к началу XV в. выходит на тот же кватрочентистский путь. Так, близкий по возрасту и Донателло и Гиберти сиенский скульптор Якопо делла Кверча (1374—1438)¹¹² начинающим мастером участвовал в конкурсе на вторую дверь баптистерия, но должен был уступить пальму первенства Гиберти, что вполне понятно, учитывая значительные черты провинциального готицизма в его творчестве, которое вряд ли могло произвести впечатление во Флоренции.

Первое из известных и в то же время наиболее знаменитое его произведение — выполненная в 1406 г. гробница жены владельца Лукки, купца и банкира Паоло Гвиниджи, Илларио дель Карретто. В нем с некоторыми декоративными элементами готики своеобразно сочетается явная антикизирующая тенденция. Лежащая фигура покойной полна такой величавой грации, такого благородного достоинства, что произведение делла Кверча недаром стало одним из манифестов нового этапа в развитии искусства.

Впрочем, если в архитектуре и скульптуре победа этого стиля оказывается более или менее полной и повсеместной, то в живописи — искусстве, наиболее идеологически зависимом и наиболее связанном с церковью, даже во время деятельности Мазаччо, переход к новому этапу происходит значительно медленнее. Ряд художников, в первую очередь продолжающих искони шедшую своими путями сиенскую традицию, в основном развивают дальше принципы, характерные для XIV в., только осторожно и частично делая уступки новым вкусам.

Так, родившийся на 40 лет раньше Мазаччо, но умерший всего на 1 год позже него Джентиле да Фабриано (1340—1427),¹¹³ умбrieц по происхождению, работавший во многих городах Италии, в том числе и во Флоренции, в декоративном обрамлении своих чисто церковных произведений, в стройной грации фигур и условной схематичности одежд еще верен готическим традициям, но в живой человечности лиц и любовной передаче различных жизненных деталей, а также в оптимистической красочной гамме живописи выходит за пределы этих традиций. Его «Поклонение волхвов» в Уффици в готической, фестончатой раме полно красок и движения. К сидящей слева Мадонне с младенцем теснится заполняющая большую часть изображения толпа пешеходов и всадников. Их богатые парчовые одежды, золотые уборы и украшения блестят и переливаются на солнце, наполняют воздух звуками лающие собаки, рычащий леопард, ссорящиеся обезьянки, порхающие вокруг охотничьи соколы, а на фоне, на зеленых холмах — замки и города, другая процессия, бытовые сценки и поблескивающее среди скал море. Все живет и дышит, как бы стремясь вырваться за условную золотую раму, слиться с толпой, смотрящей на картину, передать ей ощущение радости жизни, столь, казалось бы, противоречащее и традиционно иконному сюжету, и феодальному го-

тицизму отдельных деталей, и беспорядочной композиции произведения.

Близким к Джентиле по духу своего живописного творчества, но более внимательно всматривающимся в окружающую его действительность и более точно передающим ее отдельные, конкретные черты, в особенности в области портретной, был живописец и медальер Антонио ди Пуччо ди Черрето, прозванный по месту своего рождения (Пизе) Пизанелло (1395—1450), но работавший в Вероне, Венеции, Мантуе, Риме, Милане, Ферраре и Неаполе.¹¹⁴ Его росписи, например «Святой Георгий и принцесса» в церкви св. Анастасии в Вероне, нарядны, праздничны; по средневековому многочисленным и плохо связанные воедино отдельные элементы их кажутся прямо выхваченными из окружающей художника жизни. Таковы собаки и баран на первом плане фрески, лошади и костюмы в центре композиции, город и виселица на фоне ее. Все вместе производит впечатление несколько пестрое, но в общем красивое и по-своему цельное.

Зато чрезвычайно едины, лишены излишней детализации и выразительны медали Пизанелло, снискавшие ему громкую славу. Портретные головы в них дают яркие и конкретные и в то же время обобщенные, типизованные характеристики. Живые люди первой половины XV в. смотрят на нас с этих небольших бронзовых медалей, простых, безукоризненно гармоничных и ясных. Несколько более детализованы и дробны оборотные стороны медалей Пизанелло, изображающие гербы, девизы, символические фигуры, но и они не нарушают гармонии, пронизывающей и объединяющей произведения этого мастера малой формы (илл. 37).

Двойственность, свойственная многим мастерам начала XV в., отличает и творчество сиенского мастера Стефано ди Джованни, известного под именем Сассетта (1392—1450).¹¹⁵ Этот художник, в последнее время привлекающий особое внимание и симпатии знатоков, отличается своеобразным сочетанием традиционных на его родине готически-церковных установок с чисто флорентийским стремлением реалистически передавать объемы и с умиленным вниманием к мельчайшим бытовым, чисто жизненным деталям. Таково его «Шествие волхвов»: в совершенно реальном холмистом пейзаже, оголенном ранней весной, движется кавалькада реальных сиенских купцов начала XV столетия, в их своеобразных костюмах, с их особыми повадками, с их слугами и собаками и даже с обезьяной, примостившейся на одной из лошадей. А в холодном небе вереницей летят журавли, вторя движению всадников.

В другой картине — сиенском «Поклонении волхвов» — Сассетта также наделяет обычную иконную сцену рядом конкретных, подсмотренных в реальной жизни элементов. Волхвы одеты в моднейшие костюмы середины XV в.; собаки, оружие, сосуды кажутся написанными с натуры (илл. 58).

То же сочетание элементов, характерных для XIV в., с новыми достижениями века XV, сочетание, отражающее глубокую внутреннюю борьбу, проявляется и в творчестве одного из крупнейших живописцев Флоренции, почти современника Сассетты — Гвидо ди Пьетро, известного под своим монашеским именем Фра Джованни да Фьезоле, или Фра Беато Анджелико (1387—1455).¹¹⁶ Как жизнь, так и творчество этого художника-мечтателя уже в его время, и особенно после его смерти, были окружены легендами. Такими словами заключает Вазари свою общую характеристику художника: «В общем этот святой отец, любые похвалы которому были бы недостаточными, во всех своих делах и словах обнаруживал простоту и скромность, а в своей живописи легкость и благочестие, так что святые, которых он писал, более похожи на святых, чем у любого другого художника. Он имел обыкновение никогда не переписывать и не поправлять ни одну свою картину, а оставлять ее в том виде, в котором она появилась на свет в первый раз, ибо он считал (как он говорил сам), что такова была воля господня. А другие утверждают, что Фра Джованни никогда не брал в руки кисти, не сотворив сначала молитвы. И он никогда не написал распятого, не оросив щеки свои слезами, и поэтому в ликах и движениях его фигур ясно видна искренность и величие его духа и его истинно христианская вера».¹¹⁷

Всю жизнь сохраняя искреннюю религиозность, свойственную средневековой и глубоко чуждую всему передовому в Италии XIV — начала XV в., создавая произведения строго церковные по содержанию и предназначенные в своем большинстве для церковных учреждений, заслужив недаром прозвище «блаженного, ангельского брата» (Беато Анджелико), Джованни да Фьезоле объективно был, однако, далеко не чужд стремлениям, вкусам и симпатиям уже непреодолимой в его время идеологической системы Возрождения, обнаруживая этим, может быть, более ясно, чем любой другой художник или писатель, радикальную и всеобщую победу этой идеологической системы. Даже самый убежденный и субъективно искренний защитник старого не мог уже мыслить и творить по-старому ни в домедичейской, ни в раннемедичейской Флоренции, ни в восстанавливаемом после констанцскими папами Риме, ни даже в тиши келий монастыря во Фьезоле. Как бы помимо воли художника традиционно иконные золотые фоны его церковных композиций сменяются ясными, воздушными и вполне реальными пейзажами; плоскостное, условное построение уступает место наивно построенной, но достаточной убедительной перспективе; у святых — жизненные, индивидуально выразительные лица (илл. 59). Второстепенные персонажи выступают в современных художнику костюмах, а произведения в целом, при всей небесности своей нежной розовато-голубой красочной гаммы, производят впечатление удивительно земное и радостное.

¹Так убежденный и страстный защитник старого мировоззрения помимо своей воли становится одним из самых характерных и пленительных представителей нового искусства.

При этом показательно, что та же борьба двух тенденций, которая видна в творчестве столь крупного художника, как фра Анджелико, характеризует и творчество многих других более или менее мелких мастеров первой половины XV в. Ясно видна она, например, в превосходной картине — иконе (или, вернее, церковной хоругви) почти совсем неизвестного Антонио да Фиренце в Эрмитаже¹¹⁸ (илл. 56, 57). Вполне традиционно средневековая икона с золотыми фонами, тяжелыми нимбами, парчовыми одеждами, имеет и ряд пленительных своим наивным и свежим реализмом деталей. Таковы фигуры «белых», кающихся у подножия распятия, такова и типично флорентийская сцена «Благовещения» наверху, над распятием. Все это ясно говорит о неизбежной и близкой победе тех художественных принципов, которые с такой силой воплотили Брунеллески, Донателло и Мазаччо.

Художником, который как бы подытожил искания первой половины XV в. и наметил ряд задач для мастеров следующего поколения, был Паоло Уччелло (1397—1475).¹¹⁹ Родившись на 11 лет позже Донателло и на 4 года позже Мазаччо, Уччелло намного пережил обоих и увидел не только триумфы художников следующего поколения, но и первые шаги мастера, завершающего творчество этого поколения, — гениального Леонардо да Винчи, искания которого во многом напоминали его собственные.

Джорджо Вазари со свойственным ему недоверчивым отношением ко всему смелому и оригинальному так начинает жизнеописание художника: «Паоло Уччелло был бы наиболее прекрасным и своеобразным умом, который существовал после Джотто до сего времени в искусстве живописи, если бы он в такой же степени трудился над образами живых существ, в какой он трудился и терял время над проблемами перспективы, каковые хотя и являются интересными и прекрасными, но если кто предается им сверх меры, тот выбрасывает свое время, затрудняет природу и ставит перед своим умом трудные задачи. Такой человек превращается часто из плодотворного и легко работающего в бесплодного и творящего с трудом, и отсюда происходит, что тот, кто больше занимается ею, чем живыми существами, приобретает манеру сухую и полную профилей, рождаемую стремлением изображать вещи слишком детально, и становится очень часто такой человек одиноким, странным, грустным и бедным, как это случилось с Паоло Уччелло».¹²⁰

И действительно, как облик, так и судьба этого удивительного, прожившего столь длинную жизнь и оставившего столь мало произведений художника весьма своеобразна и необычна. Страстный искатель новых путей, бескорыстный и непрактичный, не понятый ни своими современниками, ни даже своими близкими, Уччелло с фантастическим упорством занимался изучением перспективы, ставшей с первых годов XV в. основной проблемой изобразительных искусств, соединяя его с пристальным вниманием к природе в тех ее проявлениях, которые обычно почти не привлекали внимания художников. Пейзаж в его

творениях нередко, а иногда совершенно неожиданно для композиции, занимает первенствующее место, он любовно изображает растения и животных — птиц, собак, лошадей, львов. Многообразные, иногда не вполне соединимые увлечения и интересы мастера нередко делали его работы странными, суховатыми, как бы схематичными, придавая им в то же время особую прелесть своеобразного и наивного восхищения перед впервые увиденным.

Особенно примечательны в этом отношении его батальные композиции, например «Битва» или «Охота» (илл. 47), где некоторая наивность композиции и рисунка совмещается с удивительной жизненностью, красочностью и своеобразным оптимистическим очарованием. Очень показательна в этом отношении картина Уччелло «Святой Георгий», сохранившаяся в двух вариантах — более раннем (Париж) и более позднем (Лондон) (илл. 46). В первом из них — трогательно наивны кажущиеся игрушечными и в то же время удивительно живые фигурки закованного в сталь Георгия на тяжелом сером коне и хрупкой нежной принцессы. Они вырисовываются на фоне типичного тосканского пейзажа с его приветливыми обработанными полями. Сказочная фантастика своеобразно и чрезвычайно органично сочетается здесь с подлинным, но наивным реализмом, и, по видимому, с умело скрытой политической тенденцией. Так, Георгий с украшениями на коне в виде «шаров» герба Медичи скорее всего символизирует эту семью или ее главу Козимо, как раз незадолго до создания картины победившего олигархию Альбицци — дракона.

Тот же своеобразно воспринятый реализм отличает и написанный фреской во флорентийском соборе конный портрет кондотьера Джона Гауквуда, навеянный античными памятниками и работами Донателло. Он снабжен гордой надписью «Творение Паоло Уччелло» (Pauli Ugielli Opus), выполненной шрифтом, скопированным с римских руин (илл. 54). Яркая, пестрая, бурная жизнь Италии первых десятилетий XV в. предстает в этих, на первый взгляд странных, произведениях с неожиданной выпуклостью и реальностью.

...Творцы нового искусства Брунеллески, Донателло, Мазаччо, Уччелло были практиками в первую очередь, но великое дело создания нового искусства, на знамени которого, говоря по-современному, стоял лозунг «реализм», властно требовало и теоретического осмысления осуществленного ими переворота. К этому же теоретическому осмыслению вели и тесные связи, которые с самого начала были установлены между художниками-практиками и теоретиками-гуманистами.

Вполне понятно, что на рубеже XIV и XV вв. рождаются литературные, или, вернее, научные произведения, пытающиеся подвести теоретическую базу под новое искусство.¹²¹ Первым специальным произведением такого рода является, при всей сво-

ей наивности и примитивности, принципиально важный и симптоматичный небольшой трактат Ченнино Ченнини «Книга об искусстве».¹²²

Написанный флорентийским живописцем, жившим в последние годы XIV — в начале XV в., ни одна из картин которого нам не известна, трактат Ченнини представляет собой собрание сухих, кратких и конкретных рецептов, касающихся всех сторон живописной техники. Но именно эта сухость и конкретность характеризует практическую направленность сочинения, ставящего перед собой задачу создания свода законов, т. е. теоретических основ, на которых должна строиться деятельность художника. Правда, эти теоретические основы крайне скудны и носят вполне эмпирический характер, но они исходят из высокого и гордого представления о художественных достижениях своего времени.

Так, весьма характерно начало трактата, не без основания считающееся одним из самых ранних доказательств того, что уже на рубеже между XIV—XV вв. осознание происшедшего культурного перелома было вполне ясным у современников. Начав с библейского рассказа о сотворении мира и о появлении человеческого труда, Ченнини затем пишет: «Почему (после грехопадения. — М. Г.), будучи одарен Богом столь щедро, как корень, начало и отец всех нас, он (Адам. — М. Г.) вынужден был изобрести собственным разумом, побуждаемый нуждой, способ жить плодами рук своих. Итак он начал с мотыги, а Ева — с прялки. Затем произошли многие разнообразные ремесла, удовлетворяющие различным потребностям, и одно имеет значение больше, чем другое, ибо все не могут быть одинаковыми, и наиболее достойной является наука, из которой родились некоторые ее продолжения. Основанная естественно, она должна строиться на труде рук человеческих, и это есть искусство живописца, в котором надо иметь фантазию и трудиться руками, находить невиданные вещи, которые показывать как бы естественными и формировать их руками, творя так, чтобы то, чего нет, казалось сущим...

Так и я, малый член (цеха) занимающихся искусством живописи — Ченнино д'Андреа Ченнини да Колле ди Вальдельза, был обучаем названному искусству 12 лет Аньоло Таддео из Флоренции, который сам обучался этому искусству у своего отца Таддео, последний же, будучи крестником Джотто, учился у него в течение 24 лет. Джотто же перешел от греческой манеры живописи к латинской, сделал ее современной, владея искусством с таким совершенством, как никогда и нигде».¹²³

Дело Ченнини как теоретика продолжает один из крупнейших скульпторов начала XV в. — Лоренцо Гиберти.¹²⁴ В своем большом, к сожалению, дошедшем до нас в неполном виде, трактате «Комментарии», написанном в конце творческой жизни, Гиберти излагает, основываясь на античных источниках, историю искусств в классической древности, затем в наиболее интересном и ценном втором комментарии — историю искусства современной ему Италии, проходившую в значительной мере на его глазах, и заканчивает (в дошедшей до нас части) данными из точных и естественных наук: учения о перспективе, о пропорции и анатомии.

Эта последняя часть самым фактом своего существования весьма важна и интересна. Пусть автор в ней мало оригинален, пусть он широко использует античных и арабских писателей, но

само обращение к теории для обоснования той или иной практической деятельности является революционно новым, определяющим те установки, на базе которых вырастает современная наука.

В том же втором комментарии Гиберти дает краткий очерк развития искусства в современной ему Италии, начиная с Джотто и кончая своим творчеством. Как и Ченнини, он ясно сознает тот великий переворот, который произошел во времена Джотто. «Он принес, — пишет Гиберти в своих „Комментариях“, — новое искусство, отошел от грубости греков (византийцев. — М. Г.)... Видел Джотто в искусстве то, что другим было недоступно. Он принес естественное искусство (т. е. реалистическое. — М. Г.) и вместе с ним утонченность, не выходя из меры. Он был весьма опытен во всех вещах искусства, был изобретателем и открывателем великой науки, которая была погребена около 600 лет».¹²⁵ В этих словах ясно обнаруживается не только понимание произошедшего переворота, но и дается объяснение его сущности как Возрождения исчезнувшего на много веков естественного — реалистического искусства, т. е. правильное понимание истинной сущности искусства и культуры Возрождения вообще.

Если в области изобразительных искусств конец XIV — начало XV в. были временем появления научного осмысления практической деятельности, закладывания первых основ новой науки, то в области точных и естественных наук в этот период еще господствует старый, феодальный, университетски-схоластический подход. Однако и сюда, за толстые стены университетских аудиторий, постепенно проникает властная диктующая свои требования новая жизнь, и как ни консервативны университетские профессора, как ни далеки они от прозаической повседневности, полностью отгородиться от этих требований они не могут. Характерной фигурой в этом отношении является известный математик, астроном, физик, врач и философ Бьяджо Пелакани из Пармы (?—1413). Профессор ряда итальянских университетов, в первую очередь Падуанского, отличавшегося особым интересом к экспериментальному изучению природы, он, как все университетские профессора этого времени, упорно сохраняет верность средневековой, схоластической науке и ее абстрактным, книжным методам. И в то же время, как свидетельствует роман «Вилла Альберти», Пелакани близок к гуманистическим кругам, участвует в их сборищах, спорах и развлечениях и, несмотря на свой сварливый характер, пользуется их уважением. Эта двойственность четко сказывается и в многочисленных научных произведениях Пелакани, к сожалению, до сего времени почти не удостоившихся ни издания, ни изучения.¹²⁶ Особенно важны его работы по теоретической механике, переписывавшиеся и изучавшиеся во многих университетских центрах Западной Европы и оказавшие значительное влияние на дальнейшее развитие этой науки. Работы эти, как и следовало ожидать, носят абстрактно-

схоластический характер и продолжают традицию схоластической механики, в частности работы механиков XIII в. Иордана Неморария и Николая Орезма. И в то же время, если внимательно вчитаться в эти работы, нетрудно заметить в них ясные следы надвигающихся изменений. То в одном, то в другом месте изложения появится ссылка на наблюдение над реальной действительностью, краткое описание виденного в этой действительности или даже что-то вроде самого простого и элементарного опыта. То там, то здесь промелькнет замечание, свидетельствующее о том, что автор, не в пример своим товарищам по схоластической науке, задумывается и над связью между математической и абстрактной теорией механики и практикой. Правда, все это носит еще зародышевый характер, проявляется крайне робко и неуверенно, но и в такой форме оно красноречиво говорит о тех важнейших изменениях, которые постепенно, шаг за шагом проникают из бурной, полной изменений жизни в консервативную, упорно отгораживающуюся от нее университетскую науку.

Само собой разумеется, что Бьяджо Пелакани из Пармы не одинок в своей осторожной реформаторской деятельности; те же, едва заметные черты нового, что есть в его мало кому известных рукописях, мы находим и в трактатах его современников Джованни Марлиани, Просдочимо де Бельдоманди и многих других, еще ждущих своего исследователя.¹²⁷ Но и сейчас ясно, что их как будто бы малозаметная деятельность была как бы последним аккордом в той симфонии создания новой культуры, которая является темой настоящей главы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, рассмотрев политическую историю, социально-экономическую структуру и культуру Италии конца XIV — первой половины XV в., невольно хочется отметить внутренние противоречия, во всяком случае, между отдельными областями жизни, перечисленными выше (политика, социальный строй, культура).

Действительно, если в области политики на переломе между XIV—XV вв. ясно обнаруживаются черты нового, появление все более явных монархически-абсолютистских тенденций, проявляющихся как в превращении ряда коммун-республик (Флоренция, Милан) в синьории, так и в стремлении некоторых государств расширить свою власть на значительную часть полуострова (Неаполь, Милан), то в области социально-экономической, именно в это время сначала не приметно, а затем все более ощутимо обнаруживаются признаки застоя, а позже упадка; и тот же самый исторический момент характеризуется началом исключительного, можно сказать, беспримерного расцвета культуры во всех ее областях: литературе, изобразительных искусствах, науке.

Мы не брали на себя в настоящей работе задачи исчерпывающе выяснить причины столь явных противоречий, это могло бы и должно бы стать темой специального исследования, но некоторый материал для такого исследования мы старались подобрать, обрисовав с возможной для данного объема полнотой как период в целом, так и отдельные его проявления.

Весьма вероятно, что действительно убедительное и бесспорное решение этой задачи, одной из основных, а может быть, и основной в изучении итальянского Возрождения как целого, не может быть получено в результате изучения только данного, короткого отрезка времени. Для того чтобы понять закономерности развития во всех ее связях, следует привлечь и период более ранний, изученный нами в предшествующей работе, посвященной истории Италии 1250—1380 гг. — времени героической борьбы, великих побед и трагических поражений новых классовых сил в передовых центрах полуострова, и период более поздний, которому мы надеемся посвятить следующую работу, долженствующую охватить историю Италии 1450—1530-х годов — период полного политического, социального и экономического упадка при триумфальном расцвете различных сторон культуры.

Если же в данной книге читатель увидел, почувствовал и понял наличие в Италии конца XIV — первой половины XV в. как горячего дыхания и твердой поступи представителей новых классовых сил, так и неизбежность будущих поражений и будущих побед, то мы сочтем нашу задачу выполненной.

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе I

1. Как ход, так и последствия великой схизмы изучены весьма детально. См.: Valois N. *La France et le Grand Schisme d'Occident*. Vol. 1—2. Paris, 1896—1902; Boüard M. de. *La France et l'Italie au temps du Grand Schisme d'Occident*//Bibl. d'Ecoles Franç. d'Athènes et de Rome. F. 139. Paris, 1936; Mirot L. *La politique française en Italie de 1380 à 1422*. Paris, 1934; Rocquain F. *La cour de Rome et l'esprit de la Réforme avant Luther*. Vol. III: *Le Grand Schisme. Les approches de la Réforme*. Paris, 1897; Labande E. *Rinaldo Orsini, comte di Tagliacozzo (+1390)*. Paris, 1939; Peyronnet G. *Les relations politiques entre la France et l'Italie, principalement au XIV s. et dans la première moitié du XV s.*//*Le Moyen Âge*. 1949. N 3—4; 1950. N 1—2; Delaruelle E., Labande R., Ourliac P. *L'Eglise au temps du Grand Schisme et de la crise conciliaire (1378—1449)*. Vol. 1—2. Paris, 1962—1964. См. также прим. 3, гл. I. Т. I.

2. По истории Неаполя данного периода см.: Cutolo A. *Re Ladislao d'Angiò Durazzo*. Vol. 1—2. Milano, 1936; Croce B. *Storia del Regno di Napoli*. Bari, 1925; Rothbarth M. *Urban VI und Neapel*. Berlin; Leipzig, 1913 (*Abhandlungen zur Mittleren und Neueren Geschichte*. H. 49); Leonard E. G. *Les Angevins de Naples*. Paris, 1954; Dattilo V. *Castel dell'ovo. Storia e leggende di Napoli*. Napoli, 1956.

3. Текст эпитафии, с трудом поддающийся точному переводу, цит. по: Cutolo A. *Re Ladislao d'Angiò Durazzo*. Vol. I. P. 429.

4. Faraglia F. 1) *Giovanna II d'Angiò*. Lanciano, 1909; 2) *Storia della lotta fra Alfonso V d'Aragona e Renato d'Angiò*. Lanciano, 1909; Dupré-Thesider E. *La politica italiana di Alfonso d'Aragona*. Bologna, 1956.

5. О генуэзском флоте см.: Byrne E. *The genoese shipping in the XII and XIII cent.* Cambridge (Mass.), 1939; о битве при Понце см.: Negri T. O. de. *Storia di Genova*. Milano, 1968. P. 553—557.

6. Fasola G. *L'unione della Sicilia all'Aragona*//*Rivista storica italiana*. A. LXV (1953). F. 3. P. 297—352; Stefano A. de. *Federico III d'Aragona re di Sicilia (1326—1336)*. 2 ed. Bologna, 1956.

7. Monti G. M. *Il trionfo di Alfonso a Napoli*//*Atti dell'Accad. Pontaniana*. XXIV (1894); [Hersey G. L. *The Aragonese arch at Naples. 1443—1445*. New Haven; London, 1973].

8. По истории Рима времени схизмы см.: Reumont A. V. *Geschichte der Stadt Rom*. Bd. 1—3. Berlin, 1867—1870; Gregorovius F. *Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter*. Stuttgart, 1876; Pastor L. *Geschichte der Päpste im Zeitalter der Renaissance*. T. I—II. Ed. 13. Rom; Freiburg, 1956; Paschini P. *Roma nel Rinascimento*. Bologna, 1940; Magnuson T.

Studien in roman Quattrocento architecture. Rome, 1958; Partner P. The Papal state under Martin V. The administration and government of the temporal power in the early fifteenth century. London, 1958; Gill Y. Eugenius IV. Pope of christian union. Westminster, 1961.

9. Цит. по: Paschini P. Roma nel Rinascimento. P. 44.

10. Ibid. P. 67.

11. Ibid. P. 79.

12. Infessura St. 1) Diario della città di Roma/A cura di O. Tommasini//Istituto storico italiano. Fonti per la storia d'Italia. Roma, 1890; 2) Römisches Tagebuch/Übers. u. eing. von H. Hefele. Jena, 1913.

13. Infessura St. Römisches Tagebuch. S. 20.

14. Ibid. S. 21.

15. Paschini P. Roma nel Rinascimento. P. 116.

16. Ibid. P. 116; Walser E. Poggius Florentinus. Leipzig; Berlin, 1914. S. 85.

17. Platina B. Liber de vita Christi ac de vitis summorum pontificum omnium//Rerum Italicarum Scriptores. T. III. 1. Città di Castello, 1912—1932.

Цит. по: Magnuson T. Studies in roman Quattrocento architecture. P. 3.

18. Цит. по: Paschini P. Roma nel Rinascimento. P. 119.

19. Infessura St. Römisches Tagebuch. S. 23.

20. Протоколы и акты Флорентийского, ранее Феррарского, Собора см.: Concilium Florentinum Documenta et Scriptores/Ed. Concilio e impensis Pontificii Istituti Orientalium Studiorum. Roma, 1940; Gill J. 1) The Council of Florence. Cambridge, 1959; 2) Personalities of the Council of Florence. Oxford, 1964; [Медведева И. П. Экспертиза подлинности патристических текстов на Флорентийском Соборе//Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. 8. С. 274—285; Удальцова З. В. Жизнь и деятельность Виссариона Никейского//Византийский временник (ВВ). М., 1976. Т. 37. С. 74—97].

21. Paschini P. Roma nel Rinascimento. P. 147—148.

22. Infessura St. Römisches Tagebuch. S. 32—33.

23. История Флоренции конца XIV — начала XV в. изучена в малейших деталях, но работ синтетического характера, освещающих период в целом, имеется мало. См.: Rodolico N. La democrazia fiorentina nel suo tramonto (1378—1382). Bologna, 1905; Schevill F. 1) History of Florence from the founding of the city through the Renaissance. New York, 1936; 2) The Medici. New York, 1949. См. также: Гукровский М. А. Заметки и материалы по истории рода Медичи//Учен. зап. Ленингр. ун-та. № 39. (1939). С. 162—190; Bertini E. Piccola storia di Firenze dalla sua origine fino al principio della dominazione Medicea. Firenze, 1898; Panella A. Storia di Firenze. Firenze, 1949; Commissioni di Rinaldo degli Albizzi/Ed. C. Guasti. Firenze, 1867 (Documenti di Storia Italiana); Brunì L. A. Historiarum Florentini Populi Libri XII e Rerum suo tempore gestarum commentarius/Ed. E. Santini, C. di Piero (Rerum Italicarum Scriptores. XIX. F. 3); Rado A. Maso degli Albizzi e il partito oligarchico in Firenze dal 1382 al 1393: Dalla Republica Fiorentina alla Signoria Medicea. Firenze, 1926; Morelli G. di Pagolo. Ricordi/A cura di V. Branca. Firenze, 1956; Baron H. The crisis of the early italian Renaissance. Vol. 1—2. Princeton, 1955. P. 11—38, 379—391, 445—453. [Котельникова Л. А. Сельское хозяйство на землях Строци — крупной пополянкой семьи Тосканы XV в.//СВ. М., 1984. Вып. 47. С. 29—45; Albertini R. von. Firenze dalla repubblica al principato. Storia e coscienza politica. Torino, 1970; [Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch. Les Toscanes et Leurs familles: Un étude du Catasto florentin de 1427. Paris, 1976; Antonetti P. Histoire de Florence. Paris, 1983; Monti A. Les chroniques florentines de la première révolte populaire à la fin de la commune (1345—1434). T. 1—2. Lille, 1983].

24. Morelli G. di Pagolo. Ricordi. P. 325.

25. Bouard M. de La France et l'Italie au temps du Grand Schisme

d'Occident. P. 291—356; Herlihy D. Pisa in the early Renaissance. New Haven, 1958.

26. Bouard M. de. La France et l'Italie... P. 295.

27. Ibid. P. 323.

28. Ibid. P. 326—327.

29. Джостра — воинское упражнение, в котором два всадника, одетые в тяжелые, толстые доспехи и вооруженные длинными копьями, мчатся навстречу друг другу, стараясь сбросить противника с седла или, по крайней мере, сломать о противника копье. Джостре обыкновенно предшествовал пышный парад участников, в котором последние щеголяли роскошными, фантастическими и дорогими костюмами (см.: Гуковский М. А. Турниры в Италии на исходе средних веков//Средневековый быт: Сб. статей/Под. ред. О. А. Добиаш-Рожественской. Л., 1925. С. 50—77).

30. Carroni G. Storia della Repubblica di Firenze. Vol. 1. Firenze, 1875. P. 432.

31. Ibid. P. 436.

32. О колониальной политике Флоренции см.: Masi G. Studi delle colonie fiorentine all'estero (sec. XV—XVI). Milano, 1941.

33. О Никколо Уццано и его фирме см.: Рутенбург В. И. Очерк из истории раннего капитализма в Италии — флорентийские компании XIV в. М., Л., 1951. С. 205—219; Rutenburg V. I. La compagnia Uzzano (su documenti dell'Archivio di Leningrado)//Studi in onore di Armando Saporiti. Vol. I. Milano, 1957. P. 689—706.

34. О возвышении рода Медичи см.: Dami B. Giovanni Bicci de'Medici nella vita politica 1400—1429. Firenze, 1899; Brucker G. A. The Medici in the fourteenth century//Speculum. Vol. XXXII, N 1. Jan. (1957). P. 1—26; Young C. F. The Medici. T. I. London, 1909.

35. Содержание споров между участниками заговора и текст их речей, несомненно им самим сочиненных, сообщает в своей «Истории Флоренции» Макьявелли, в большинстве подобных рассказов базирующийся на достоверных данных, но украшающий их нередко цветами своего красноречия и собственными домыслами (Machiavelli N. Istorie fiorentine/A cura di F. Gaëta. Milano, 1962. (L. IV, § IX—X). P. 281—284). В частности, в рассказе о заговоре Макьявелли основывается на хронике Джованни Кавальканти, добавляя и приукрашивая его текст (см.: Carroni G. Storia della Repubblica di Firenze. Vol. I. P. 457). [См. также: Макьявелли Н. История Флоренции. 2-е изд./Общ. ред., послеслов., комм. В. И. Рутенбурга. М., 1987].

36. Cavalcanti G. Storie Fiorentine. Firenze, 1938. Lib. III; см. также: Carroni G. Storia della Repubblica di Firenze. Vol. I. P. 478.

37. Machiavelli N. Istorie fiorentine. L. IV. § XII.

38. Carroni G. Storia della Repubblica di Firenze. Vol. I. P. 479.

39. Machiavelli N. Istorie fiorentine. L. IV. § XV.

40. Vagbado R. Le finanze della Repubblica fiorentina. Firenze, 1929; Рутенбург В. И. Налогообложение и общественный кредит Флоренции XII—XV вв.//Учен. зап. Ленингр. ун-та; Сер. Исторических наук. № 80. 1941. С. 139—168. Текст закона о кадастре см.: Pagnini G. Della decima e di verse altre gravezze. Vol. VI. Lisbona; Lucca, 1765. P. 23—24.

41. Приведенные цифры базируются на работе: Gutkind C. S. Cosimo de Medici, Pater patriae. Oxford, 1938. P. 19—24.

42. Хоментовская А. И. Лукка времен купеческой династии Гвиниджи//Средневековый быт. Л., 1925. С. 78.

43. Цит. по: Carroni G. Storia della Repubblica di Firenze. Vol. 1. P. 497.

44. См.: Gelli A. L'Esilio di Cosimo de'Medici//Arch. Stor. Ital. S. IV. Vol. X (1882); Carroni G. Storia della Repubblica di Firenze; Gutkind C. Cosimo de Medici, Pater patriae; Гуковский М. А. Заметки и материалы по истории рода Медичи.

45. Roscoe W. The life of Lorenzo de Medici. Vol. III. Basileae, 1799. P. 15.

46. Visconti A. Storia di Milano. Milano, 1947; 2 ed. 1952; Bosio A. Storia di Milano. Milano, 1958; Bueno de Mesquita D. M. Giangaleazzo Visconti duke of Milan (1351—1401); A study of the political career of an Italian despot. Cambridge, 1941; Cutolo A. I precedenti e gli albori della signoria di Gian Galeazzo Visconti. Milano, 1950; Valeri N. 1) Apogeo e dissoluzione del dominio Visconteo. Venezia, 1950; 2) Guelfi e Ghibellini a Milano alla scomparsa di Gian Galeazzo Visconti. Milano, 1955; Bellonci M. Milano viscontea. Milano, 1956; Storia di Milano. Vol. VI: Il ducato Visconteo e la Repubblica Ambrosiana (1392—1450). Milano, 1956; Гукковский М. А. Англезия Висконти: Эпизод из истории внешней политики итальянских государств XIV—XV веков//Итальянское Возрождение. Л., 1966. С. 21—46; [Santoro C. Gli Sforza. Varese, 1977; Castalano F. Gli Sforza tra la Francia e Machiavelli. Milano, 1981].

47. Цит. по: Bellonci M. Milano Viscontea. P. 93—95.

48. Цит. по: Bueno de Mesquita D. M. Giangaleazzo Visconti duke of Milan. P. 83.

49. Ibid. P. 137—138.

50. Ibid. P. 224—225.

51. Ibid. P. 225.

52. Santoro C. I Registri dell'Ufficio di Provvisione e dell'Ufficio dei Sindaci sotto la dominazione Viscontea. Milano, 1932. P. 52 (Inventari e Registri dell'Archivio Civico del Comune di Milano. Vol. I). Цит. по: Bueno de Mesquita M. Giangaleazzo Visconti duke of Milan. P. 227.

53. Ibid. P. 287.

54. Ibid. P. 301.

55. Valeri N. Guelfi e Ghibellini a Milano alla scomparsa di Gian Galeazzo Visconti.

56. О Венеции, кроме общей литературы, указанной в прим. 10, гл. II; прим. 33, гл. III, т. I, см.: Cessi R. 1) Politica ed economia di Venezia nel Trecento. Roma, 1952; 2) La repubblica di Venezia e il problema Adriatico. Napoli, 1953; Luzzato G. Studi di storia economica veneziana. Padova, 1954; Leicht P. S. Le colonie veneziane//Rivista di storia del diritto italiano. Vol. XXV (1953). P. 35—39; Beltrami L. Storia della popolazione di Venezia. Cedam, 1950; Verlinden Ch. La colonie venitienne de Tana...// Studi in onore di G. Luzzato. Vol. II (1949—1950). P. 1—25; Alazard J. La Venise de la Renaissance. Paris, 1956; Valery N. Venezia nella crisi italiana del Rinascimento//La civiltà veneziana del Quattrocento. Firenze, 1957. P. 23—48; Babinger F. Le vicende veneziane nella lotta contro i turchi durante il secolo XV//Ibid. P. 75—98; Morozzo della Rocca R., Tiepolo M. F. Cronologia veneziana del Quattrocento//Ibid. P. 179—241; [Norwich J. J. A history of Venice. London, 1982].

57. Полный текст так называемого завещания Томмазо Мочениго (хотя вопрос о его подлинности и авторстве является весьма дискуссионным) см.: Kretschmayr H. Geschichte von Venedig. Gotha. 1920. Bd 2. S. 617—619.

58. Graevenits G. V. Gattamelata (Erasmus da Narni) und Colleoni... Leipzig, 1905; Granata M. Il generale dalla Serenissima. Torino, 1956.

59. Babinger Fr. Mehmed der Eroberer und seine Zeit. Weltenstürmer und Zeitenwende. München, 1953.

60. Данный раздел истории Генуи, как и предшествующие, изучен далеко не достаточно. Назовем лишь работы, затрагивающие общие вопросы: Levati L. M. I dogi perpetui di Genova. Genova, 1930; Manfroni C. Genova. Roma, 1929; Donaver F. La storia della Repubblica di Genova. Genova, 1913; Canale M. G. Nuova istoria della repubblica di Genova. Vol. 1—4. Genova, 1858—1864; Vincens E. Histoire de la république de Gènes. Vol. 1—3. Paris, 1843; Lopez R. Studi sull'economia genovese nel medioevo. Torino, 1936; Negri T. O. de. Storia di Genova. Milano, 1968.

61. Договор между Генуей и Карлом VI опубликован в кн.: Canale M. G. Nuova istoria della repubblica di Genova. Vol. 4. P. 130—131.

62. Sieveking H. Studio sulle finanze genovesi nel medioevo e in

particolare sulla casa di San Giorgio//Atti della Soc. Ligure di storia patria. XXXV. Genova, 1906. P. 1—2.

63. Литературу об Урбино и Монтефельтро см. в прим. 14, гл. III, т. I. См. также: Rossi M. I Montefeltro nel periodo feudale della loro signoria (1181—1375). Urbana, 1957; Franceschini G. Saggi di storia montefeltresca e urbinata. Selci Umbra, 1957; Moranti L. Bibliografia urbinata. Firenze, 1959. Об Урбинском замке, одном из интереснейших сооружений итальянского кватроченто, см.: Marchini G. Il Palazzo Ducale di Urbino//Rinascimento. A. IX (1958). N 1. P. 43—78.

64. Yriarte Ch. Rimini. Étude sur les lettres et les arts à la cour des Malatesta. Paris, 1882; Tonini L. Storia della città di Rimini. Vol. 1—7. Rimini, 1848—1882; Венедиктов А. И. Ренессанс в Римини. М., 1970; [Franceschini G. F. I Malatesta. Varese, 1973].

65. По Ферраре см.: Antolini C. Il dominio estense in Ferrara. Ferrara, 1896; Amore di loco natio. Storia di Ferrara dalle origini al 1748/Compilata di G. P. Balboni, P. Cenci, A. Guggi, U. Leri. Ferrara, 1954; Pasquazi B. Rinascimento ferrarese. Caltanissetta, 1957; Chledowski K. Dwór w Ferrarze. Warszawa, 1958; см. также старую работу: Frizzi A. Memorie per la storia di Ferrara. Ferrara, 1848; [Бернадская Е. В. Синьория и гуманистическая культура: (по материалам Феррары XIV—XV вв.)//Проблемы культуры итальянского Возрождения: Сб. статей/Под ред. В. И. Рутенбурга. Л., 1979. С. 18—30; Gundersheimer W. L. Ferrara: The style of the Renaissance despotism. Princeton, 1973].

66. По Мантуе см.: Mantova. La storia. Vol. I: Dalle origini a Gianfrancesco, primo marchese/A cura di G. Coniglio. Mantova, 1958; Rhodes D. E. A bibliography of Mantua//Bibliografia. T. 58. 1956; Brinton S. The Gonzaga, lords of Mantua. London, 1927; Focchessati G. I Gonzaga di Mantova. Milano, 1912; Ed. 2. 1927.

К главе II

1. О социальной и экономической жизни Италии конца XIV—первой половины XV в. см.: Saporì A. 1) Lezioni di storia economica. L'età della Rinascita. Milano, 1955; 2) Studi di storia economica. Vol. 3. Firenze, 1967; Social and economic foundations of the Italian Renaissance/Ed. A. Molho. New York, 1969; Гуковский М. А. К вопросу о положении народных масс в Италии XV века//Итальянское Возрождение: Сб. статей. Л., 1966. С. 3—20.

2. Fiumi E. Fioritura e decadenza dell'economia fiorentina//Archivio storico italiano. A. CXV (1957). Disp. IV. P. 342—412; A. CXVI (1958). Disp. IV. P. 443—510; A. CXVII (1959). Disp. IV. P. 427—502. Данные о населении города см.: Ibid. A. CXVI (1958). Disp. IV. C. 465. Автор отмечает здесь, что утверждение некоторых исследователей, будто приведенные цифры неполны, поскольку в них не включены неимущие, которые не платят налога (в 1427 г. они составляли примерно 10—20 тыс. человек, а численность населения в том же году доходила до 60 тыс. человек), ошибочно, поскольку семьи, не платившие налогов, также включены в расчет кадастра.

3. Ibid. A. CXVI. P. 465.

4. О проблеме социальных и экономических изменений в Западной Европе XIV—XV вв. см.: Косминский Е. А. Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики//СВ. 1957. Вып. X. С. 257—271; Косминский Е. А. Peut on considérer le XIV-e et XV-e siècles comme l'époque de la décadence de l'économie européenne?//Studi in onore di Armando Saporì. Vol. I. Milano, 1957. P. 551—570. См. также: Корхов Ю. А. Дискуссия о переходе от феодализма к капитализму//СВ. 1959. Вып. XV. С. 114—

135) Lopez R. S., Miskimin H. A. The economic depression of the Renaissance//The Economic History Review. Ser. 2. Vol. 14 (1962). P. 408—426.

5. Sermini G. Delle novelle/Ora per la prima volta raccolte e pubblicate nella loro integrità. Livorno, 1874. Novella 20. P. 169—181. Более позднее издание: Sermini G. Novelle./Con prefazione e bibliografia di A. Colini. Lanciano, 1911; см. также сводную работу: Francia L. di. La Novellistica. Milano, 1924.

6. Sermini G. Delle novelle. P. 171—172.

7. Цит. по: Poesia del Quattrocento e del Cinquecento/A cura di C. Muscetta, D. Ponchioli. Torino, 1959. P. 365—366; Dazzi M. Il Fiore della lirica veneziana. Venezia, 1956.

8. Poesia del Quattrocento ... P. 355.

9. Цит. по: Acona A. D'. Origini di teatro italiano. Vol. I. Torino, 1891. P. 605—609.

10. Morelli Giovanni di Pagolo. Ricordi/A cura V. Branca. Firenze, 1956. P. 234—236.

11. Leicht P. S. Operai artigiani agricoli in Italia dal sec. XV al XVI. Milano, 1946.

12. Материалы опроса маркиза Джан Франческо Гонзага от 1430 г. см.: Guasco M. Pareri dati al marchese Gian Francesco Gonzaga nel 1430 circa la ricostruzione economica dello stato//Rivista Storica Italiana. A. LI (1934). F. III. P. 331—357.

13. Ibid. P. 336.

14. Ibid. P. 354—355.

15. Ibid. P. 341.

16. Ibid.

17. Ibid. P. 342.

18. Doren A. Studien über die florentiner Wirtschaftsgeschichte. Bd I: Die florentiner Wollentuchindustrie. Stuttgart, 1901. S. 410.

19. Луццато Дж. Экономическая история Италии: Античность и средние века/Пер. с итал; Под ред. Е. А. Сказкина. М., 1954. С. 324.

20. Dorini U. L'arte della seta in Toscana. Firenze, 1926.

21. Doren A. Studien ... P. 357.

22. Lopez R. Storia delle colonie genovesi nel Mediterraneo. Bologna, 1938. P. 377.

23. Об изменениях в генуэзской торговле с Западной Европой см.: Doeberd R., Korremans Ch. Les relations commerciales entre Gênes, la Belgique et l'outremont d'après les archives notariales génoises 1400—1440. Bruxelles; Roma, 1952. О морской страховке см.: Heers J. Le pris de l'assurance maritime à la fin du Moyen Âge//Revue de l'histoire économique et sociale. Vol. XXXVII (1959). N 1. P. 7—15.

24. Luzzato G. L'attività commerciale di un patrizio veneziano del Quattrocento//Studi di storia economica veneziana. Padova, 1954. P. 167—193.

25. О Франческо ди Марко Датини см.: Bensa E. Francesco di Marco da Prato. Notizie e documenti sulla mercatura italiana del secolo XIV. Milano, 1928; Saporì A. L'età della Rinascita. Sec. XIII—XVI. Milano, 1958. P. 351—361; Melis F. Piccola guida della Mostra internazionale dell' Archivio Datini, Prato. Prato, 1956; Origo I. Il mercante di Prato: Francesco di Marco Datini/Trad. di N. Ruffini. Milano, 1959. Рецензии на эту книгу см.: «G. L.» (G. Luzzato) в «Nuova rivista storica» (A. XLIII (1959). F. I. P. 154—157). См. также: Melis F. A proposito di un nuovo volume «Il mercante di Prato»//Economia e storia. F. 3. 1959. P. 5—31; Рутенбург В. И. Три книги о Датини: (Обзор литературы о раннем капитализме в Италии)//СВ. 1965. Вып. 27. С. 230—240.

26. Fanfani A. Le origini dello spirito capitalistico in Italia. Milano, 1933. P. 89. Начальные строки бухгалтерских книг см.: Origo I. Il mercante ... P. XVII, 42.

27. Saporì A. L'età della Rinascita. P. 352.

28. О внешнем виде «белых», правда, несколько более позднего времени

можно иметь представление по хранящейся в Государственном Эрмитаже картине Антонио да Фиренце «Распятие с мадонной и св. Иоанном» (илл. 57).

29. Saporì A. L'età della Rinascita. P. 360—361.

30. Переписку Франческо Датини с сэром Лапо Мадзеи см.: *Lettere di un notaio a un mercante del secolo XIV*//Ed. C. Guasti. Vol. 1—2. Firenze, 1880; Guasti C. *Lettere di Francesco di Marco Datini. Scritti storici*. T. I. Prato, 1894 P. 366—476.

31. Saporì A. L'età della Rinascita. P. 374.

32. Ibid. P. 365.

33. Ibid. P. 369—370.

34. О коммерческой деятельности дома Медичи см.: Roover R. de. *The Medici bank, its organisation, management operations and decline*; Saporì A. 1) *La banca Medici*//*Studi di Storia Economica* (sec. XIII—XIV—XV). III ed, accresc. Firenze, 1955. P. 1013—1038; 2) *La banca Medici (secoli XV—XVI)*//Saporì A. *Lezioni di storia ...* P. 451—484.

35. Kretschmayr H. *Geschichte von Venedig*. Bd II. Gotha, 1920. S. 617—619.

36. О венецианских кораблях см. литературу, указанную в прим. 33, гл. III, т. I. В частности, см. монографии Ch. Lane, J. Sottas. См. также: *Mostra dei Navigatori veneti del Quattrocento e del Cinquecento. Catalogo*/A cura della Biblioteca Nazionale Marciana e del Archivio di Venezia. Firenze, 1957.

37. Kretschmayr H. *Geschichte von Venedig*. Bd. II. S. 618.

38. О Matteo Пальмери см.: Bottari C. E. *Matteo Palmieri*//*Atti della R. Accademia Lucchese*. A. XXIV (1885). P. 391; Baron H. *La rinascita dell'etica statale romana nell'umanesimo fiorentino del Quattrocento/Civiltà moderna*. 1941. P. 409—421; Rainaldi L. 1) *Di una fonte comune della «Vita civile» di Matteo Palmieri e dell'«Educatione Liberorum» di Matteo Vegio*//*Giorn. Stor. d. lett. It.* CXXX (1953); 2) *Notizia dell'autografo della «Vita Civile»*//*Rinascimento*. V. (1954). P. 495—507; *Della vita civile di Matteo Palmieri*/A cura di Felice Battaglia. Bologna, 1944; *Prosatori volgari del Quattrocento*/A cura di C. Varese. Milano; Napoli, 1955. P. 348—408; [Брагина Л. М. *Гражданский гуманизм в творчестве Matteo Пальмери*//СВ. М., 1981. С. 197—224; Пальмери М. *Речь, составленная Matteo Пальмери, gonfalonьером компании, по приказу Синьории, в которой Ректоры и другие должностные лица побуждаются управлять справедливо*//*Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения: (XV век): Сб./Сост., общ. ред., вступ. ст., коммент. Л. М. Брагиной. М., 1986. С. 141—146; Palmieri M. Vita civile*/Ed. a cura di G. Belloni. Firenze, 1982].

39. *Prosatori volgari...* P. 378—379.

40. Ibid. P. 381—382.

41. Ibid. P. 389—390.

К главе III

1. Литература, посвященная итальянскому гуманизму XV в., огромна. Кроме старых работ Фойгта, Корелина и больших историй литературы — Гаспари, Оветта, Росси, Флора (см. прим. 93, гл. III, т. I), см. также: Toffanin G. 1) *Che cosa fu l'umanesimo?* Firenze, 1929; 2) *La religione degli umanisti*. Bologna, 1950; 3) *Storia dell'umanesimo*. Vol. 1—2. Bologna, 1950; Построенные на отрицании специфики гуманизма как прогрессивного идеологического течения, работы Тоффанина трактуют гуманизм как явление консервативное, религиозное и в значительной мере надысторическое. Примерно на тех же позициях стоит: Renaudet A. *Le problème de la Renaissance italienne*. Genève. 1947. См. также: Saitta G. *Il pensiero italiano nell'umanesimo e nel Rinascimento*. T. 1—3. Bologna, 1949—1951; Baron H. 1) *Humanistic and political literature in Florence and Venice at the*

beginning of the Quattrocento. Harvard, 1954; 2) The crisis of the early italian Renaissance. Civic humanism and republican liberty in an age of classicism and tyranny. Vol. 1—2. Princeton, 1955; Sciacca G. M. La visione della vita nell'umanesimo. Palermo, 1954; Weiss R. 1) Il primo secolo dell'umanesimo. Roma, 1949; 2) Der Humanismus und das Prinzip der klassischen Geisteshaltung//Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. Vol. XVI (1954); Renucci P. L'aventure de l'humanisme européen au Moyen Age. Paris, 1953; Spongano R. L'umanesimo e le sue origini//Giorn. Stor. d. lett. it. LXX (1953); Kristeller P. O. Studies in Renaissance thought and letters. Roma, 1956; Ullman B. L. Studies in the Italian Renaissance. Roma, 1955; Anagnine E. Pensiero umanista e tradizione cristiana//Nuova Rivista Storica. 1954. Luglio—Settembre; Gaeta Fr. Avventure e disavventure dell'umanesimo europeo//Nuova Rivista Storica. 1955. Genn.—Apr; Prosatori latini del Quattrocento/A cura di E. Garin. Milano; Napoli, 1952; Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии/Сост., ред. и предисл. М. А. Гуковского. М., 1963; Garin E. 1) Der italienischen Humanismus. Bern, 1947; 2) La cultura filosofica del Rinascimento italiano. Firenze, 1961; 3) L'età nuova. Ricerche di storia della cultura dal XII al XVI secolo. Napoli, 1969; Martines L. The social world of the florentine humanists (1390—1460). London, 1963; Beck Ch. Les marchands écrivains et humanisme à Florence. 1375—1434. Paris, 1967; Tateo Fr. Tradizione e realtà nell'umanesimo italiano. Bari, 1967; Trinkaus Ch. In our image and likeness. Humanity and divinity in italian humanist thought. Vol. 1—2, Chicago; London, 1970; [Брагина Л. М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV—XV вв. М., 1977; Горфункель А. Х. 1) Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. М., 1977; 2) Философия эпохи Возрождения. М., 1980; Ревякина Н. В. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV—первой половины XV в. М., 1977; Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М., 1978; Абрамсон М. Л. От Данте к Альберти. М., 1979; Петров М. Т. Итальянская интеллигенция в эпоху Ренессанса. Л., 1982; Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения/Сост., общ. ред. вст. ст. Л. М. Брагиной. М., 1985; Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения: Избр. работы./Пер. с итал., вступ. ст. и ред. Л. М. Брагиной. М., 1986; Kristeller P. O. Renaissance thought and its sources. New York, 1979].

2. Барон Н. The crisis of early italian Renaissance...; Corvini G. Il Rinascimento italiano nella interpretazione di Hans Baron//Nuova Rivista Storica, A. XXXV (1955). F. III. P. 492—503; Sasso G. «Florentina Libertas» e Rinascimento italiano nell'opera di Hans Baron//Rivista Storica Italiana. A. LXIX (1957). F. II. P. 250—276; Ferguson W. K. The interpretation of italian humanism: the contribution of Hans Baron//J. History of ideas. Vol. XIX (1958) N 1. P. 14—25; (рецензии на книгу Барона написали: W. K. Ferguson в «Speculum» (1956. Apr. P. 344—346) и R. Gascon в «Revue Historique» (1958. Janv.—Mars)). О работах Г. Барона см. также: Брагина Л. М. Проблемы итальянского Возрождения в трудах американского ученого//Вестник истории мировой культуры. М., 1959. № 1. С. 181—186. См. также: Seigel J. E. Rhetoric and philosophy in renaissance humanism: The union of eloquence and wisdom. Princeton, 1968.

3. О Траверсари см.: Dini Traversari A. A. Traversari e i suoi tempi. Firenze, 1912; Decarreaux. Un moine helléniste e diplomate Ambroise Traversari//Revue d'études italiennes. IV (1957). P. 101—143; Sottili A. Autografi e traduzioni di Ambrogio Traversari//Rinascimento. 1965. Vol. 5. P. 3—15.

4. О Манетти см.: Zorn W. Gianozzo Manetti. Bologna, 1939; Badaloni N. Filosofia della mente e filosofia delle arti in G. Manetti//Critica storica. 1963. N 2; Wittschier H. W. Gianozzo Manetti. Cologne; Craz, 1968; Manetti G. De dignitate et excellentia hominis libri IV. Basel, 1532; Prosatori latini... P. 423—487. [Манетти Дж. 1) Из трактата «О достоинстве и превосходстве человека» (отрывки из книг 1—3-й и книга 4-я)//Итальянское Возрождение: Гуманизм второй половины XIV в./Пер. и сост. Н. В. Ревя-

кина. Новосибирск, 1975. С. 55—102; 2) Речь, составленная мессером Джанноццо Манетти и произносимая другими перед высокой Синьорией и Ректорами во дворце, в коей они побуждаются управлять справедливо/Пер. О. Ф. Кудрявцева//Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения. С. 138—140; Ревякина Н. В. 1) Учение о человеке итальянского гуманиста Джанноццо Манетти//Из истории культуры средних веков и Возрождения: Сб. статей/Отв. ред. В. А. Карпушин. М., 1976. С. 245—275; 2) «Диалог на дружеском пиру» Джанноццо Манетти//Средневековой город. Саратов, 1978. Вып. 4. С. 101—115; Sottili A. Griechische Kirchenvätern in System der humanistischen Ethik. Ambrogio Traversaris Beitrag zur Rezeption der patristischen Literatur. Boppard, 1979 (Beiträge zur Humanismusforschung. Bd. 5)].

5. О Никколи см.: Zippel G. Niccolo Niccoli, contributo alla storia dell'umanesimo. Firenze, 1890; Harth H. Niccolo Niccoli als literarischer Zensor//Rinascimento. 1967. Vol. 7. P. 29—53.

6. Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri del secolo XV/A. cura di P. D'Ancona; Ed. E. Aeschlimann. Milano, 1951. P. 442—443.

7. О Бруни см.: Beck F. Studien zu Leonardo Bruni. Berlin; Leipzig, 1912; Freudenthal J. Leonardo Bruni als Philosoph//Neue Jahrbücher f. das klassische Altertum. XXVIII (1911); Santini L. L. Bruni Aretino e i suoi Historiarum florentini populi libri XII//Annali d. R. Scuola Normale Superiore di Pisa. XXII (1911). P. 1—174; 2) La produzione volgare di Leonardo Bruni e il suo culto per le tre corone fiorentine//G. St. d. lett. It. LX (1912). P. 219; 3) La fortuna della Storia fiorentina di Leonardo Bruni nel Rinascimento//Studi Storici. XX (1891). P. 177—195. См. также: Baron H. 1) Leonardo Bruni Aretino humanistisch-philosophische Schritten mit einer Chronologie seiner Werke und Briefe. Leipzig; Berlin, 1929; 2) The crisis of the early italian Renaissance; 3) Forschungen über Leonardo Bruni Aretino. Eine Erwiderung//Archiv f. Kulturgeschichte. XXIII (1951). S. 352—371; Garin E. Leonardo Bruni//Giornale critico d. filosofia italiana. XXXI (1952). P. 385—386; Franceschini E. Leonardo Bruni e il «Vetus Interpretes» della etica a Nicomaco//Medioevo e Rinascimento. Studi in onore di B. Nardi. T. I. (1955). P. 299—319; Ullman B. L. Leonardo Bruni and humanistic historiography: Studies in the italian Renaissance. Roma, 1955. P. 321—344; Marco F. de. Un nuovo codice del «Cicero Novus» di Leonardo Bruni Aretino//Aevum. XXXI (1957). P. 186—189; Baron H. From Petrarca to Leonardo Bruni. Chicago, 1968; Бруни Л. 1) Против лицемеров//Итальянские гуманисты XV в. о церкви и религии... С. 45—54; [2] Предисловие к переводу «Политики» Аристотеля//Итальянское Возрождение: Гуманизм... С. 20—22; 3) О научных и литературных занятиях//Эстетика Ренессанса/Сост. В. П. Шестаков. Т. I. М., 1981. С. 53—68; 4) Введение в науку о морали//Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения. С. 49—67; 5) О флорентийском государстве//Там же. С. 67—71; Ревякина Н. В. Бруни и гуманистическая образованность//Вопросы истории. 1972, № 2. С. 212—215; Эльфонд И. Я. 1) «Восхваление города Флоренции» как источник для изучения историко-политической концепции гуманиста Леонардо Бруни//Проблемы всеобщей истории: Сб. статей/Отв. ред. Ю. М. Сапрыкин. М., 1976. С. 286—305; 2) Леонардо Бруни и греческая философия//Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984. С. 58—66].

8. Vespasiano da Bisticci ... P. 256—257.

9. Baron H. Leonardo Bruni Aretino. Humanistisch-philosophische Schriften. S. 21.

10. Ibid. S. 19.

11. Ibid. S. 5—19.

12. Диалоги эти известны под разными названиями, самое распространенное — «Dialogus ad Petrum Paulum Histrium» (см. издание диалогов: Prosatori latini... P. 44—99).

13. Ibid. P. 94—95.

14. Garin E. 1) L'umanesimo italiano. Bari, 1964; 2) L'età nuova. Napoli, 1969; Flora F. Storia della letteratura italiana. Vol. 1: Dal medioevo

alla fine del Quattrocento. (Mondadori), 1948. P. 417. [Новое толкование диалога см.: Баткин Л. М. Итальянские гуманисты. С. 138—142].

15. Цит. по: Корелин М. Ранний итальянский гуманизм и его историография. М., 1892. С. 631. (Учен. зап. имп. Моск. ун-та. Вып. 14).

16. Трактат «Nobilitatis contentio» не издан, но проанализирован и в значительной части изложен М. Корелиным. (Там же. С. 632).

17. Трактат «De Militia» издан в кн.: Meliorottus Maecionius. Osservazioni e dissertazioni varie sopra il diritto feudale... Livorno. 1764. Новое издание см.: Bayley G. War and society in Renaissance Florence. Toronto, 1961.

18. Leonardo Bruni Aretini Epistolarum libri VIII. Hamburgi. 1724. Lib. IV. Ep. 2. P. 113.

19. Zippel G. Niccolo Niccoli... P. 75.

20. О месте исторических работ Бруни в историографии Возрождения см.: Вагон Н. 1: Das Erwachen des historischen Denken im Humanismus des Quattrocento//Historische Z. Bd. 147, H. 1 (1932). S. 5—20; 2) The crisis of the early italian Renaissance.; Santini A. Leonardo Bruni Aretino e i suoi Historiarum Florentini populi libri XII. Pisa, 1910; Fueter E. Geschichte der neueren Historiographie. München, 1911; Вайнштейн О. Л. 1) Историография средних веков. М.; Л., 1940; 2) Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964. С. 257—260.

21. Santini E. 1) Leonardo Bruni Aretino e i suoi Historiarum...; Leonardo Bruni aretino Historiarum Florentini populi libri XII e Rerum suo tempore gestarum commentarius/Ed. E. Santini, C. di Piero//Rerum Italicarum Scriptores. XIX. 3; 2) Leonardo Bruni aretino e i suoi Historiarum Florentini populi libri XII. Pisa, 1910.

22. Корелин М. Ранний итальянский гуманизм. С. 681—682.

23. Bruni L. Laudatio Florentinae urbis... Большие выдержки см. в кн.: Корелин М. Ранний итальянский гуманизм. С. 674—677. Научное издание см.: Вагон Н. From Petrarca to Leonardo Bruni... P. 235—263.

24. Цит. по: Корелин М. Ранний итальянский гуманизм. С. 675.

25. Там же. С. 676.

26. Там же. С. 677.

27. Там же. С. 677—678.

28. Περί της πολιτείας των φιλοσοφικών/Ed. L. W. Hasper. 1861. Выдержки из трактата см.: Корелин М. Ранний итальянский гуманизм... С. 678—680.

29. Там же. С. 681.

30. Вопрос о влиянии византийских ученых на культуру Возрождения имеет обширную и разнообразную литературу. В конце XIX в. исследователи склонны были считать это влияние решающим (Бурхард, Фойгт). В настоящее время распространена некая средняя точка зрения, признающая значение византийских влияний, но не считающая их решающими. См.: Neumann C. Byzantinische Kultur und Renaissancekultur/Historische Z. XCI (1913). S. 215—232; Heisenberg A. Das Problem der Renaissance in Byzanz//Historische Z. CXXXIII (1926). S. 393—412; Setton K. M. The Byzantine background to the italien Renaissance//Proc. Amer. Philos. Soc. T. 100 (1956), N 4. P. 1—56; Cammelli G. I dotti bizantini e le origini dell'umanesimo italiano. T. I: Manuele Crisolora. Firenze, 1941; T. II: Giovanni Argiropulo. 1954; T. III: Demetrio Calcondila. 1964; Takakis B. La philosophie byzantine, Paris, 1949 (Suppl. dell'Histoire de la philosophie du E. Bréhier); Хартман Г. М. Значение греческой культуры для развития итальянского гуманизма//ВВ. Т. XV (1959). С. 100—124; Garin E. La cultura del Rinascimento. Profilo storico. Bari, 1967. P. 34—36; Geanakoplos D. J. 1) Greek scholars in Venice: Studies in the dissemination of Greek learning from Byzantium to Western Europe. Cambridge (Mass.), 1962; 2) Byzantine East and Latin West: Two worlds of Christendom in Middle Ages and Renaissance. New York, 1966; [Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976. С. 159—170; Geanakoplos D. J. Interaction

of the «Sibling Byzantine» and Western cultures in the Middle Ages and Italian Renaissance (1330—1600). New Haven; London, 1976].

31. О Хризолоре см.: Sabbadini R. 1) Notizie sulla vita e gli scritti di alcuni umanisti del sec. XV ... I. Emanuele Crisolora//Giorn. Stor. d. lett. ital. Vol. V (1857). P. 148—179; 2) L'ultimo ventennio della vita di Manuele Crisolora//Giornale Ligustico. T. XVII (1890). N 9—10. P. 321—336; Thomson J. Manuel Chrysoloras and the early Italian Renaissance//Greek, Roman and Byzantine Studies. 1966. 7. P. 63—82.

32. Цит. по: Cammelli G. I dotti ... T. I. P. 172.

33. Leonardo Bruni Aretino Historiarum... Col. 920.

34. Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri del sec. XV/Ed. A. Bartoli. Firenze, 1859. P. 272; см. также: Монье Ф. Кваттроченко: Опыт литературной истории Италии XV века. СПб., 1904. С. 253.

35. Traversari A. Latinae epistolae/Ed. Mehus. Firenze, 1759. P. 1020; Монье Ф. Кваттроченко. С. 254.

36. Там же. С. 259.

37. Литература о Г. Г. Плифоне довольно значительна, хотя многие вопросы его жизни и творчества еще весьма далеки от ясности. См.: Schultze F. Geschichte der Philosophie des Renaissance. I: Georgios Gemistos Plethon und seine reformatorische Bestrebungen. Jena, 1874; Tozer H. A byzantine reformer (Gemistus Plethon)//J. Hellenistic Studies. VII. (1886). S. 353—380; Tarschner F. Georgios Gemistos Plethon//Islam. 18. (1926). P. 236—243; Düller A. The autographs of G. G. Plethon//Scriptorium. T. X. (1956). P. 27—41; Masai Fr. 1) Pléthon et le plethonisme de Mistra. Paris, 1956; 2) La restauration du paganisme par Georges Gemiste Pléthon//II Mondo antico nel Rinascimento: Atti del V convegno internazionale di studi sul Rinascimento. Firenze, 1958. P. 55—63; Удальцова З. В. 1) Борьба византийской партии на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии//ВВ. Т. III (1950). С. 106—133; 2) Италия и Византия в VI в. М., 1959; Горянов Б. Т. Георгий Гемист Плифон. Речи о реформах//ВВ. Т. VI (1953). С. 386—414; Kristeller P. O. Renaissance concepts of man. P. 86—109; [Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976. Перевод трактата «Законы» см.: Там же. С. 171—241; Masai Fr. Plethon, l'averroïsme et le problème religieux//Néoplatonisme: Actes du Colloque international à Royaumont. Paris, 1971; Медведев И. P. Solar cult in Plethon's philosophy?//Byzantina. T. 13. (1985). P. 737—749].

38. Высказывание Георгия Трапезундского в отвлеченном трактате Плифону цит. по: Takakis B. La philosophie Byzantine... P. 284—285.

39. О Поджо см.: Walser E. Poggio Florentinus. Leben und Werke. Leipzig; Berlin, 1914; Gutkind C. S. Poggio Bracciolini's geistige Entwicklung//Deutsche Vierteljahrschrift f. Literaturwiss. X (1932). S. 549—596; Garin E. Una pagina di Poggio Bracciolini/Rinascimento. II (1951). P. 320—321; Fink K. A. Autografi di Poggio Bracciolini//Miscellanea archivistica ad Angelo Mercati. Città di Vaticano, 1952. P. 129—133; Salomon R. S. Poggio Bracciolini and Johannes Hus//J. Warb. and Courtauld Inst. 1956. Jan.—June. P. 175—177; Ullman R. L. 1) Poggio's manuscripts of Livy and other authors//Stud. in Italian Renaissance. Roma, 1955. P. 307—320; 2) The origin and development of humanistic script. Roma, 1960. P. 21—57.

Произведениями Поджо мы пользовались в старых изданиях: Poggio B. Opera. Argentorati, 1513; Basileae, 1538. В настоящее время ряд произведений Поджо издан на русском языке. См.: Поджо Браччолини. 1) Против лицемеров//Итальянские гуманисты XV в. о церкви и религии. С. 55—92; 2) Письмо к Леонардо Бруни//Там же. С. 93—99; [3] Застольный спор о жадности, расточительности, о брате Бернардино и других проповедниках//Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения. С. 72—107; 4) Книга о благородстве//Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. Саратов, 1984. Ч. I. С. 148—149; 5) Речь на похоронах Леонардо Бруни//Там же. С. 179—192; Рсвьякина Н. В. Поджо Браччолини и проблема благородства в гуманистической литературе итальян-

янского Возрождения XV в. // Культура эпохи Возрождения. Л., 1986. С. 201—217; Черняк И. Х. Поджо и зарождение гуманистической критики Библии // Там же. С. 217—223; Самсонова Г. И. 1) Этические взгляды Поджо Браччолини по диалогу «De avaritia» // Там же. С. 185—201; 2) «Речь» против пророков клира Поджо Браччолини // Культура Возрождения и общество. М., 1986. С. 39—52; Poggio B. Opera Omnia. Vol. 1—3. Torino. 1969; Poggio B. 1380—1980/Nel VI centenario della nascita. Firenze, 1982].

40. Prosatori latini... P. 222—225.

41. Ibid. P. 226.

42. Ibid. P. 236.

43. Ibid. P. 238.

44. Ibid.

45. Ibid. P. 240.

46. Poggio B. Historia convivalis de avaritia et luxuria // Poggio B. Opera. Argentorati, 1513. P. 2—13; Basileae, 1538. P. 2: «De avaritia» // Prosatori latini... P. 248—300; см. также: Walser E. Poggius Florentinus...

47. Диалог «An seni sit uxor ducenda» издавался неоднократно, изложение его см.: Walser E. Poggius Florentinus... S. 163.

48. Poggio B. De nobilitate // Poggio B. Opera. 1513. P. 25—32; 1538. P. 64. См. также: Walser E. Poggius Florentinus... S. 210.

49. Poggio B. De infelicitate principum // Poggio B. Opera. 1513. P. 146; 1538. P. 390.

50. Poggio B. De varietate fortunae. Parisiis, 1723. См. также: Walser E. Poggius Florentinus... P. 235.

51. О фортунах в XV—XVI вв. см.: Procacci G. La «Fortuna» nella realtà politica e sociale nel primo Cinquecento // Belfagor. VI (1951). P. 408—421.

52. Poggio B. De varietate fortunae. См. также: Walser E. Poggius Florentinus... P. 236.

53. Sensburg W. Poggio Bracciolini und Nicolo de Conti in ihrer Bedeutung für die Geographie des Renaissancezeitalters // Mitteilungen der K. K. Geographischen Gesellschaft in Wien. XLIX (1906). S. 257—372.

54. Poggio B. Contra Hypocritas/Ed. Hieronymus Sincerus. Lugduni, 1679. Превосходное издание латинского оригинала с итальянским переводом см.: Poggio B. Contro l'ipocrisia (I frati ipocriti) A cura di G. Vallese. Napoli, 1946; см. также: Walser E. Poggius Florentinus.

55. Walser E. Poggius Florentinus. P. 244.

56. Poggio B. 1) Historia tripartita; 2) Opera. 1513. P. 13; 1538. P. 32.

57. Poggio B. Historia tripartita. 1513. P. 19; 1538. P. 47; Walser E. Poggius Florentinus. P. 255—256.

58. Poggio B. Historia tripartita. 1513. P. 21; 1538. P. 420.

59. «Фацетии» Поджо издавались многократно как на латинском языке, так и в переводах. Приводимые выдержки основаны на русском издании (Поджо Браччолини и его «Фацетии» // Ред. и предисл. А. К. Дживелегова. М.; Л., 1934), сверенном и местами исправленном по латинскому изданию: Poggio B. Opera. Basileae, 1538. [Новое издание на русском яз. см.: Поджо Браччолини. Фацетии. М., 1984].

60. Поджо Браччолини и его «Фацетии». № 37 (значительно исправлено по латинскому изданию: Poggio B. Opera. P. 432).

61. Поджо Браччолини и его «Фацетии». № 127; Poggio B. Opera. P. 461.

62. Поджо Браччолини и его «Фацетии». N 21; Poggio B. Opera. P. 428.

63. Поджо Браччолини и его «Фацетии» N 16; Poggio B. Opera. P. 427.

64. Речь не издана. Изложение см.: Walser E. Poggius Florentinus... S. 310.

65. Ibid. S. 291.

66. Ibid. S. 305; см. также: Poggio B. Opera. Argentorati, 1513. P. 34—49.

67. Walser E. Poggius Florentinus ... S. 306.

68. Ibid.

69. О Филельфо см.: Rosmini C. de. Vita di Francesco Filelfo da Tolentino. Vol. 1—3. Milano, 1808; Zippel G. Il Filelfo a Firenze. Roma, 1899; Benadduci A. Contributi alla bibliografia di F. Filelfo//Atti e Memorie della R. Deput. di St. patria per le prov. d. Marche. 1901; Calderini A. I codici milanesi delle opere di F. Filelfo//Arch. Stor. Lombardo. 1915. P. 335—411; Revilo O. The satires of Filelfo//Italica. XXVI (1956). P. 23—46; [Филельфо Ф. Флорентийские беседы об изгнании. Книга третья: О бедности//Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения. С. 110—120].

70. Philippi Fr. Epistolae. Venetiis, 1502. Ep. II. Цит. по: Монье Ш. Кваттроченто. С. 120.

71. Там же. С. 121.

72. Там же.

73. См. там же. (Перевод наш).

74. Philippi Fr. 1) Satyrarum hecatostichon Libri Prima. Decas. Mediolani, 1478; 2) Epistolarum familiarum libri XXXVII. Venetiis, 1502.

75. Conviviorum Fr. Philippi libri duo. Parisiis, S. a. (XV в.).

76. Sammartano N. I pedagogisti dell'età umanistica. Mazara, 1949; Nardi B. Il pensiero pedagogico del Medioevo. Firenze, 1956; Garin E. Il pensiero pedagogico dell'umanesimo. Firenze, 1956. Основные сочинения гуманистов-педагогов изданы в сб.: L'educazione umanistica in Italia/Ed. E. Garin. Bari, 1949. См. также общие работы по гуманизму Фойгта, Монье и т. д.; [Ревякина Н. В. 1) Античные источники итальянской гуманистической педагогики XV в.//Античное наследие в культуре Возрождения. С. 66—79. 2) Некоторые вопросы формирования личности в итальянской гуманистической педагогике//Культура Возрождения и общество. С. 30—38].

77. Sabbadini R. 1) La scuola e gli studi di Guarino Veronese. Catania, 1890; 2) Guarino e il suo epistolario. Salerno, 1885; 3) Vita di Guarino Veronese. Genova, 1891. См. также: Epistolario di Guarino Veronese/Raccolto, ordinato, illustrato da R. Sabbadini. Vol. 1—3. Venezia, 1915—1919; Guarino Veronese. Epistole/Introduzione, versione e note di V. Bertolini. Verona, 1957; Rosmini C. Vita e disciplina di Guarino Veronese e de' suoi discepoli. Vol. 1—2. Brescia, 1805—1806; Guarino da Verona fra letterati e cortigiani a Ferrara. Genève, 1921 [Schweyen R. Guarino Veronese. Philosophie und humanistische Pädagogik. München, 1973; Katuschkin L. Un corrispondente sconosciuto nel carteggio di Guarino Veronese//Rinascimento, 1974. Vol. 14. P. 225—247].

78. О Витторино да Фельтре см.: Nardi B. Contributo alla biografia di Vittorino da Feltre//Boll. del Museo Civico di Padova. A. XLV (1956). P. 111—144; Avanzi G. Saggio di bibliografia analitica su Vittorino da Feltre. Brescia, 1948; Bosio Boz P. Vittorino da Feltre: la vita, le idee, i tempi. Alba, 1947; Vittorino da Feltre. Pubblicazione commemorativa del V centenario della morte. Brescia, 1947; Sabbadini R. L'ortografia latina di Vittorino da Feltre e la scuola padovana//Rendiconti d. R. Accad. dei Lincei. Classe di scienze morali; Ser. VI. Vol. VI (1928); Pesenti G. Vittorino da Feltre e gli inizi della scuola di greco in Italia//Atheneum. N. S. II (1924, 1925); Martin I. Un éducateur chrétien du Quattrocento//Bulletin italien. XII (1912); Woodward W. H. Vittorino da Feltre and other humanistic educators. Cambridge, 1897; Morlet A. Vittorino da Feltre et la Maison joyeuse. Le Havre, 1880; Rosmini C. de. Idea del ottimo precettore nella vita e disciplina di Vittorino da Feltre e de'suoi discepoli. Bassano, 1801; Корелин М. Очерки итальянского Возрождения. СПб., 1910. С. 182—219. [Свидетельства современников о Витторино да Фельтре//Итальянское Возрождение. Новосибирск, 1976. С. 132—136].

79. Vespasiano da Bisticci. Vite di uomini illustri. P. 307.

80. «Вилла Альберти» была впервые опубликована и прокомментирована А. Н. Веселовским в итальянском издании: Il Paradiso degli Alberti, ritrovi e ragionamenti del 1389, romanzo di Giovanni da Prato.../Ed. di

A. Wesselofsky. Vol. 1—4. Bologna, 1866—1868. Затем исследование было в исправленном виде впервые опубликовано на русск. яз. в 1869 г. См. также: Веселовский А. Н. Вилла Альберти: Новые материалы для характеристики литературного и общественного перелома в итальянской жизни XIV—XV столетий. Собр. соч.: В 3 т. СПб., 1908. Т. 3. О Джованни да Пра-то см.: Guerri D. La corrente popolare nel Rinascimento italiano. Firenze, 1931.

81. Литература о Бернардино Сиенском огромна, но в значительной части носит церковно-апологетический характер. Существует специальный журнал «Bolletino di studi Bernardiniani» (Siena, 1935—1950). Сочинения Бернардино издавались многократно. Из исследований см.: Bargellini P. San Bernardino da Siena. Brescia, 1933; Sticco M. Il pensiero di Santo Bernardino da Siena. Milano, 1924; Minozzi G. San Bernardino da Siena. Milano, 1917; Petrocchi G. Un grande oratore del Rinascimento. Città di Castello, 1917; Hefele R. Der hl. Bernardin von Siena und die franziscanische Wanderpredigt in Italien während des XV Jhr. Freiburg in Breisgau, 1912; Sticco M. Pensiero e poesia in San Bernardino da Siena. Milano, 1945; San Bernardino da Siena. Saggi e ricerche, pubblicati nel V centenario della morte (1444—1944). Milano, 1944; Ronca G. Benedetto di Bartolomeo, stenografo di S. Bernardino//La Parola e il libro. III (1947). P. 363—373; Piana C. I processi di canonizzazione sulla vita di S. Bernardino da Siena//Arch. Francisc. Histor. XLIV (1951). P. 87—160, 383—465; Hardick L. Die Werke Bernardins von Siena als Quelle der historischen Volkskunde//Hist. Jahrbuch. LXXII (1952). S. 206—279; Origo I. The world of San Bernardino. New York, 1969.

Полное издание сочинений Бернардино: Bernardinus Sinensis. Opera omnia/Studia e cura Patrum Coll. S. Bonaventurae... Vol. 1—4. Roma, 1950—1956. Другое издание, менее фундаментальное: S. Bernardino da Siena. Opera omnia. Vol. 1—3. Firenze, 1957. Старое издание проповедей на итальянском языке: Le prediche volgari di S. Bernardino da Siena/Ed. da L. Banchi. Vol. 1—3. Siena, 1880. См. также: Le prediche volgari del 1427 in Siena/Ed. P. Bargellini. Milano, 1936. Выборку из итальянских проповедей см.: Prosatori volgari del Quattrocento/Ed. C. Varese. Milano; Napoli, 1955. P. 41—81. Библиографические обзоры см.: Bertagna M. Rassegna bibliografica/Bolletino di Studi Bernardiniani. X (1951). P. 175—204; Schmidt H. Bernardin Literatur. 1939—1949//Franziskanische Studien. XXXII (1950). S. 388—418.

82. Цит. по: Flora Fr. Storia della letteratura italiana. Vol. 1. Verona, 1948. P. 533—534.

83. Le prediche volgari di S. Bernardino da Siena//Ed. di L. Banchi. Vol. I. P. 154, 184.

84. Ibid. Vol. II. P. 270, 240.

85. Prosatori volgari... P. 46—48.

86. Flora Fr. Storia della letteratura italiana. Vol. 1. P. 535.

87. Le prediche volgari... Vol. III. P. 238.

88. Ibid. P. 245.

89. Guerri D. La corrente popolare nel Rinascimento italiano. Firenze, 1931.

90. О Буркьялло и его стихах см.: Antologia Burchiellesca/A cura di E. Giovanetti. Roma, 1949; Burchiello D. Sonetti inediti, racc. e ordin. da M. Messina. Firenze, 1952; Poesia del Quattrocento e del Cinquecento/A cura di C. Muscetta, C. D. Ponchirolì. Milano, 1959. P. 90—97; Gutkind G. S. Burchielliana. Studien zur volkstümlichen Kehrseite der italienischen Renaissance//Arch. romanicum. XV (1913); Messina M. In margine all'edizione critica dei sonetti del Burchiello/Biblio. LIX (1952); Chiari A. Burchiello inedito/Idea, V (1953); см. также: Burchiello. Rime. Comentate dal Doni. Vinegia, 1553.

91. Burchiello. Rime. Comentate dal Doni. P. 24.

92. Arlotto P. Le facezie di Piovano Arlotto//Pubbl. da G. Baccini. Firenze, 1884. Первое критическое издание: Arlotto P. Motti e facezie

del Piovano Arlotto/A cura di G. Folena. Milano; Napoli, 1953. Ряд новелл и биографию Арлотто см.: *Prosatori volgari...* P. 919—948. О нем см.: Lozzi G. Bibliografia delle facezie del Piovano Arlotto//*Il Bibliofilo*. Vol. V. N 10—11. P. 145—148; De Robertis G. Sul Piovano Arlotto//*Approdo*. III (1953). P. 34—36; Strigelli O. I motti del Piovano Arlotto//*Letteratura*. I (1953). P. 133—136; Pollini G. Motivi faceti del Quattrocento nel Piovano Arlotto//*Lettere italiane*. 1954. N 3; Borlenghi A. Motti e facezie del Piovano Arlotto//*Letteratura*. III (1955). P. 173—180; Amali G. Wer hat die Facetien des Piovano Arlotto kompiliert?//*Z. Vereins für Volkskunde*. VII (1897). 3, 4. S. 261—270, 376—382. Мы пользовались изданием: *Facezie, motti, buffonerie et burle*. Milano, 1568; Цит. по: *Prosatori volgari...* P. 929—930.

93. *Facezie...* P. 17; см. также: *Prosatori volgari...* P. 929—930.

94. *Facezie...* P. 42.

95. О новеллистике см.: Francia L. di. *Novellistica*. Milano, 1924; Battaglia S. *Contributo alla storia della novellistica*. Napoli, 1947; Fatini G. *Novelle del Quattrocento*. Torino, 1929; Муратов П. *Новеллы итальянского Возрождения*/Сост. А. Эфрос, предисл. Э. Егермана. М., 1957; [Европейская новелла Возрождения. М., 1974 (Библиотека всемирной литературы); Петров М. Т. Итальянская новелла Возрождения как исторический источник//*Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья*/Под ред. В. И. Рутенбурга. Л., 1979. С. 148—170].

96. О Серкамби см.: Pratti A. R. Giovanni Sercambi, speciale//*Italica*. XXV (1950): P. 12—14; Petrocchi G. Il novelliere medioevale del Sercambi//*Convivium*. Raccolta Nuova. 1949. P. 74—89; Koehler R. *Illustrazioni comparative di alcune novelle del Sercambi/Giornale Storico della letteratura italiana*. XIV (1889). P. 94—101; XV (1890). P. 180—184; XVI (1890). P. 108, 118; Medin A. *Poesie politiche nelle Cronache del Sercambi/Giorn. Storico della letteratura italiana*. XIV (1890). P. 398—414; Dinucci A. G. Giovanni Sercambi e le sue Cronache//*Rassegna Nazionale*. LIX (1927); Minutoli C. G. Sercambi//*Atti d. R. Accademia dei Filomati, degli anni 1844—1845*. Lucca, 1945. P. 133. См. также: Хоментовская А. Лукка времен купеческой династии Гвиниджи//*Средневековый быт*. Л., 1925. С. 78—112; Мы пользовались изданием: Sercambi G. *Novelle*/Per la prima volta scelte e pubblicate a cura di B. Gamba. Venezia, 1818. Добавления к этому изданию см.: Sercambi G. *Alcune novelle di G. Sercambi lucchese, che non si leggono nell'edizione veneziana*/A cura di C. Minutoli. Lucca, 1855; Sercambi G. 1) *Le novelle*/Pubbl. a cura di A. D'Ancona. Firenze, 1886; 2) *Novelle inedite*/A cura di R. Renier. Torino, 1899. См. также: *Prosatori volgari...* P. 111—133.

97. Sermini G. 1) *Delle Novelle ora per la prima volta raccolte...* Livorno, 1874; 2) *Novelle*/Con prefazione e bibliografia di A. Colini. Lancia, 1911; *Prosatori volgari...* P. 723—766.

98. Chiapelli Fr. 1) *Un capolavoro del Rinascimento. Il Grasso legnaiolo*//*Italica*. XXX (1955). P. 203—208; 2) *La novella del Grasso legnaiolo*//*L'Approdo*. I (1952). p. 78—82; Moschetti A. A. Manetti e i suoi scritti intorno al Brunelleschi//*Miscellanea di studi in onore di A. Hortis*. Trieste, 1910; Barbi M. Una versione inedita della novella del Grasso legnaiolo//*Studi di filologia italiana/Bullet. d. R. Accad. della Crusca*. I. 1927; Pompeati A. Un Pirandello per ridere nel Quattrocento//*Rivista d'Italia*. 1927, 15 apr.; *Prosatori volgari...* P. 767—902.

99. Литература об изобразительном искусстве XV в. громадна. См., напр.: Venturi A. *Storia dell'arte italiana*. Vol. VI—VIII. Milano, 1901—1939; Marle R. van. *The development of the italian schools of painting*. The Hague, 1927—1934. Vol. 8—15; Dvorák M. *Geschichte der italienischen Kunst im Zeitalter der Renaissance*. München, 1927. Bd. 1; Gengaro M. *Umanesimo e Rinascimento*. Torino, 1959; D'Ancona P., Gengaro M., Vittgens F. *Storia dell'Arte Italiana*. Vol. II: *L'arte gotica e Quattrocento*. Firenze, 1955; Carli E. *Profilo dell'arte italiana*. Vol. 1—2. Bergamo, 1955; Costanti-

ni V. Storia dell'arte italiana. Vol. 1—4. Milano, 1955; Alazard J. L'art italien au XV s. Le Quattrocento. Paris, 1952; Chastel A. L'art italien. Vol. I. Paris, 1956

Любопытную и при всем своем схематизме полезную попытку социологического объяснения искусства (в первую очередь живописи) XV в. см.: Antal F. Florentine painting and its social background. London, 1947; Benson B. The Italian painters of the Renaissance. London, 1952; Бернсон Б. Живописцы итальянского Возрождения/Пер. с англ. Н. А. Белоусовой и И. П. Тепляковой; Предисл. В. Н. Лазарева. М., 1965.

В историографии искусства большое распространение получил взгляд, согласно которому эпоха Возрождения в искусстве начинается только с XV в. В советской литературе такую точку зрения поддерживает: Лазарев В. Н. Происхождение итальянского Возрождения. Т. I. М., 1956; Т. II. М., 1959. Мы категорически не можем согласиться с таким мнением и считаем, что в искусстве, как и в других областях истории Италии, решительный переворот, позволяющий говорить о наступлении Возрождения, происходит в конце XIII в., а не в начале XV в. [Лазарев В. Н. Происхождение итальянского Возрождения. Т. 3: Начало раннего Возрождения в итальянском искусстве. М., 1979; Данилова И. Е. От средних веков к Возрождению: Сложение художественной картины quattrocento. М., 1975; Алпатов М. В. Художественные проблемы итальянского Возрождения. М., 1976; Искусство раннего Возрождения: Италия, Нидерланды, Германия/Отв. ред. Е. И. Ротенберг. М., 1980; Дворжак М. История итальянского искусства в эпоху Возрождения. Курс лекций. Т. I. XIV и XV столетия/Пер. и коммент. И. Е. Бабанова; Ред. и послесл. Е. И. Ротенберга. М., 1978.]

100. О Брунеллески см. старую, но оставшуюся самой подробной и серьезной монографию: Fabriczy C. v. Filippo Brunelleschi, sein Leben und seine Werke. Stuttgart, 1892; Филиппо Брунеллески. Биография и очерки творчества. 1935; Lavagnino E. Brunellesco. Roma, 1931; Freves M. L'architettura di Filippo Brunelleschi. Roma, 1932; Sampaolesi P. Ipotesi sulle conoscenze matematiche, statiche e meccaniche del Brunelleschi//Belle Arti. 1951. P. 25—34; Argan G. C. Brunelleschi e Michelozzo. Firenze, 1956; Parronchi A. Le due tavole prospettiche del Brunelleschi//Paragone. 107. 1958. Nov. P. 3—32; 109. 1959, Genn. P. 3—31; Saalman H. 1) Further notes on the cappella Barbadori S. Felicità//The Burlington Magazine. 1958. Aug. P. 270—274; 2) Filippo Brunelleschi: Capital studies.//The Art Bulletin. 1958. June. P. 113—137; Sampaolesi P. Brunelleschi. Milano, 1962; Luporini E. Brunelleschi. Forma e ragione. Milano, 1964; Manetti A. Vita de Filipppe di ser Brunellesco. Stuttgart, 1887; см. также: Prosatori volgari... P. 543—592; [Данилова И. Е. Искусство средних веков и Возрождения. М., 1984; Manetti A. di Tuscio. The life of Brunelleschi. Pennsylvania, 1970; Prager F. D., Scaglia G. Brunelleschi: Studies of his technology and inventions. Cambridge, (Mass.), 1970].

101. Vasari G. Le opere/Con nuove annotazioni e commenti di G. Milanesi. T. II. Firenze, 1906. P. 337—338.

102. Ibid. P. 337—338.

103. Ibid. P. 365.

104. Об открытии правил применения линейной перспективы и роли Ф. Брунеллески см.: Panofsky E. Die Perspektive als symbolische Form./Vorträge der Bibliothek Warburg. 1924—1925. Leipzig; Berlin, 1927; Bunim M. Sch. Space in mediaeval painting and the forerunners of perspective. New York, 1940; White J. 1) Developments in Renaissance perspective//J. Warburg and Courtauld Institutes. XII (1949). P. 58—79; XIV. (1951). P. 42—69; 2) The birth and rebirth of pictorial space. London, 1957; Wittkower R. Brunelleschi and «proportion in perspective»//J. Warburg and Courtauld Institutes. XVI. (1953). P. 275—291; Krautheimer R. Lorenzo Ghiberti. Princeton, 1956. P. 229—253; Parronchi A. 1) Le due tavole prospettiche del Brunelleschi//Paragone, 1958. Nov. N 107; 1959, Gen., N 109; 2) Studi su la dolce prospettiva. Milano, 1964.

105. Литература о Донателло обширна. См., напр.: Colasanti A. Donatello. Roma, 1930; Kauffman H. Donatello. Berlin, 1935; Planiscig L. Donatello. Wien, 1947; Maranzoni M. Donatello e la critica//La Nuova Italia. 1930; Mariani V. Donatello//Il Quattrocento. Firenze, 1954. P. 247—259; Pope-Hennessy J. 1) Donatello's relief of the Ascension. London, 1949; 2) Italian Renaissance sculpture. Vol. 1—2. London, 1958; Martinelli V. Donatello e Michelozzo a Roma//Commentari. A. VIII. F. II (1957). P. 167—194; A. IX. F. I (1958). P. 3—24; Johnson H. W. The Sculpture of Donatello. Vol. 1—2. Princeton, 1957; Горбов В. Донателло. СПб., 1912; Либман М. Я. Донателло. М., 1962; Donatello e il suo tempo//Atti dell'VIII Convegno Internazionale di Studi sul Rinascimento (Firenze — Padova. 25/IX—1/X 1966). Firenze, 1968.

106. Vasari G. Opere. P. 404—405.

107. О перспективе у Донателло и ее связи с перспективой Брунеллески см. работы, названные в прим. 104, и в первую очередь статью: White J. Developments in Renaissance perspective... P. 42—69.

108. Подробный разбор событий, связанных с памятником Гаттамелаты, см.: Graevenitz G. v. Gattamelata und Colleoni und ihre Beziehungen zur Kunst. Leipzig, 1906; Soranzo G. Due note intorno alla donatelliana Statua equestra del Gattamelata//Bulletino del Museo Civico di Padova. A. XLVI—XLVII (1957—1958). P. 21—50.

109. Обзор литературы о Мазаччо см.: Giglioli O. H. Masaccio. Saggio di Bibliografia ragionata//Bolletino del R. Istituto d'Archologia e Storia dell'Arte. IV—VI (1929). См. также: Giglioli O. H. Masaccio. Roma, 1932; 2 ed. Milano, 1948; Pittaluga M. Masaccio. Firenze, 1935; Wassermann G. Masaccio und Masolino. Strassburg, 1935; Fiocco G. Masaccio e la conquista dello spacio//Demus. 1939; Febr.; Procacci U. Masaccio. Firenze, 1951; Viarolo P. Masaccio. Milano, 1958; Offner R. Light on Masaccio's classicism: Studies to W. E. Suida. 1959. P. 66—72; см. также: Романов Н. Мазаччо//Учен. зап. Моск. ун-та. Т. 126 (1947); Bologna F. Masaccio. Milano, 1966; Parronchi A. Masaccio. Firenze, 1966; Berti L. Masaccio. Milano, 1968; L'opera completa di Masaccio/Pres. di P. Volponi. Apparat critici e filologici di L. Berti. Milano, 1968; [Знамеровская Т. П. Проблемы quattrocento и творчество Мазаччо. Л., 1975; Cole B. Masaccio and the art of early Renaissance. Bloomington; London, 1980].

110. Wolf F. Michelozzo di Bartolommeo. Strassburg, 1900; Schlosser J. v. Künstlerprobleme der Frürenaissance. Wien; Leipzig, 1933—1934; Morisani O. Michelozzo. Torino, 1951; Saalman H. Michelozzo studies//Burlington Magazine. 108. 1966. P. 242—250.

111. Gotlob-Lorenzo H. Ghiberti's künstlerischer Werdegang. Strassburg. 1919; Planiscig L. Lorenzo Ghiberti. Wien, 1940; Schlosser J. v. 1) Denkwürdigkeiten des florentinischen Bildhauers Lorenzo Ghiberti/Zum Erstenmal ins deutsche übertragen von J. Schlosser. Berlin, 1920; 2) Leben und Meinungen des florentinischen Bildners; Lorenzo Chiberti. Basel, 1941; 3) Lorenzo Ghiberti. Wien, 1941; Krautheimer R. Lorenzo Ghiberti. Princeton, 1956; [Lorenzo Ghiberti nel suo tempo//Atti del Convegno internazionale (Firenze, 18—21/X 1978). Vol. 1—2. Firenze, 1980].

112. Biagi L. Jacopo della Quercia. Firenze, 1946; Nico G. Jacopo della Quercia. Firenze, 1934; Carli E. Jacopo della Quercia. Milano; Firenze. 1952; Либман М. Я. Якопо делла Кверча. М., 1960; Morisani O. Tutta la scultura di Jacopo della Quercia. Milano, 1962; [Бес Г. H. Jacopo della Quercia e il portale di San Petronio a Bologna. Bologna. 1970].

113. Milaioli B. Gentile da Fabriano. Fabriano, 1927; Colasanti A. Gentile da Fabriano. Bergamo, 1909.

114. Hill G. F. Pisanello. London. 1905; Venturi A. Pisanello. Roma, 1939; Degenhart B. Pisanello. Wien, 1940; Brenzoni R. Pisanello. Pittore. Firenze, 1952; Coletti L. Pisanello. Milano, 1953; Sindona E. Pisanello. Milano, 1961; [Майская М. И. Пизанелло. М., 1981; Passagnini G. Pisanello. London, 1973].

115. Pope-Hennessy J. 1) Sassetta. London, 1939; 2) Rethinking Sassetta//The Burlington Magazine. 1956. Oct. P. 364; Barenson B. A sienese painter of the franciscan legend. Ed. 2. Firenze, 1946; Zeri F. Towards a reconstruction of Sassetta's *Arte della Lana Triptych*//The Burlington Magazine. 1956. Febr. P. 36—41; Friedmann H. Symbolic meanings in Sassetta's «Journey of the magi»//Gazette des Beaux—Arts. 1956. Dec. P. 143—156.

116. Литература о Фра Беато Анджелико громадна, см., напр.: Bardi A. Fra Angelico. Roma, 1958; Pini D. Il Beato Angelico, il pittore dell'umanesimo cristiano. Torino, 1957; Documentazione storica della fama di santità di Fra Giovanni da Fiesole. Roma, 1956; Taurisano J. 1) Beato Angelico... Roma, 1955; 2) Il Beato Angelico nella rinascita domenicana//Atti d. Accademia Nazionale di S. Luca. Vol. VI (1953—1956). Roma, 1957. P. 38—39; Colutta F. Beato Angelico. Milano, 1955; Pope-Hennessy J. Fra Angelico. London, 1952; Bargalini P. La pittura ascetica del Beato Angelico. Firenze, 1949; Bazin G. Fra Angelico. Paris, 1949; Gomez-Moreno C. A reconstructed panel by Fra Angelico and some new evidence for the chronology of his work//The Art Bulletin. 1959. Sept. P. 183—193; Mariani V. Spazio reale e spazio ideale in Beato Angelico//Atti d. Accademia Nazionale di S. Luca. Vol. IV. P. 40—44; Rivosecchi M. «L'umano narrare» di Beato Angelico//Ibid. P. 45—46; Bargellini P. Beato Domenici, Sant Antonio e il Beato Angelico//Ibid. P. 47—51; Goboulot G. Le rationalisme pictural de Fra Angelico//Revue d'Esthétique. 1956. P. 166—181; Baldini U. Contributi all' Angelico//Commentari. VII (1956). 2. P. 78—85; Cohn W. Il Beato Angelico e Battista di Biagio Sanguini//Rivista d'arte. XXX (1955). P. 208—216; Ragghianti C. A. Studi angelichiani//La critica d'arte. N. S. II (1955). P. 7—22; Marino M. Il quinto centenario del Beato Angelico//Notiziario d'Arte. V (1954). P. 191—200; Orlandi S. Il Beato Angelico//Rivista d'Arte. XXIX (1954). P. 161—197.

117. Vasari G. Opere. Vol. II. P. 520.

118. Zeri F. Antonio da Firenze: un'aggiunta e un ridimensionamento//Paragone, 1960. N 123. Marzo. P. 50—57.— Более ранние гипотезы, высказанные по поводу этой картины М. И. Щербачевой и Дж. Фьюкко (их работы названы в упомянутой выше статье Дзери), кажутся не выдерживающими критики.

119. Sindona E. Paolo Uccello. Firenze, 1958; Carli E. Tutta la pittura di Paolo Uccello. Milano, 1954; Pope-Hennessy J. Paolo Uccello. London, 1950; Boeck W. Paolo Uccello. Berlin, 1939; Schmitt A. Paolo Uccellos Entwurf für das Retirbild des Hawkwood//Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz. 1959. VIII. P. 125—130; Davies M. Uccello's «St. George» in London.//The Burlington Magazine. 1959. Sept.—Oct. P. 309—316; Parronchi A. Le fonti di Paolo Uccello//Paragone. 1957. 89. P. 5—32; 1957. 95. P. 3—33.— Статья А. Parronchi особенно интересна (см. ее переиздание в кн.: Studi su la dolce prospettiva. Milano, 1964). Muro M. L'esperienza veneziana di P. U.//Venezia e l'Europa. XVIII Congresso Intern. di Storia d'Arte. Venezia, 1955. P. 197—199.

120. Vasari G. Le opere. Vol. II. P. 203.

121. Schlosser J. 1) Die Künstlerliteratur. Wien, 1914; 2) La letteratura artistica. Firenze, 1955. См. также: Dresdner A. Die Entstehung der Kunstkritik. München, 1914; Pellizzari A. I trattati attorno le arti figurative in Italia. Napoli, 1915.

122. Nomi Peciolini U. Della vita e delle opere di Cennino Cennini da Colle di Val d'Elsa. Siena, 1892; Dini Fr. Cennino di Drea Cennini da Colle di Valdelsa//Miscellanea Storica della Valdelsa. Castelfiorentino. A. XIII (1905). F. I. Текст трактата издавался неоднократно. Мы пользовались изданием: Cennino Cennini. Il Libro dell'arte/Edizione riveduta e corretta dai codici per cura di R. Simi. Lanciano, 1913. Имеется русский перевод: Ченнино Ченнини. Книга об искусстве или трактат о живописи/Пер. М. Лужицкой. М., 1933.

123. Cennino Cennini. Il libro dell'arte. P. 17—18.— Первый абзац приведенного текста опущен в издании русского перевода.

124. Литература о Л. Гиберти указана в прим. 111. Текст «Комментариев» Гиберти издавался неоднократно. См.: Schlosser J. Lorenzo Chiberti's Denkwürdigkeiten. Berlin, 1912. Bd 1—2; Гиберти Л. «Commentarii»/Пер., прим. и вступ. ст. А. Губера. М., 1938.

125. Гиберти Л. «Commentarii». С. 18 (текст приведен с некоторыми сокращениями и изменениями).

126. Жизнь и творчество Бьяджо Пелакани, как и вообще развитие математики и механики на рубеже между схоластикой и наукой Возрождения, изучены мало. Вопрос этот, правда, с недостаточной полнотой, разобран в монографии: Гуковский М. А. Механика Леонардо да Винчи. М., 1947. См. также: Favaro A. Intorno alla vita ed alle opere di Prosdocimo di Beldomandi//Bolletino di Bibliografia e di storia delle scienze matematiche e fis. Pubbl. di Boncompagni. T. XII (1879). P. 24—25; Amadeo F. Appunti su Biagio Pelacani di Parma//Atti del IV Congr. Intern. dei matematici (Roma, 6—11 Apr. 1908). Vol. III; Веселовский А. Н. Собр. соч. Т. III. СПб., 1908. Однако все перечисленные работы дают не только весьма фрагментарное представление об интересной, хотя и трудно поддающейся изучению деятельности Бьяджо Пелакани. Сказанное о нем базируется на изучении рукописей ученого, сохранившихся в достаточном количестве, но разошедшихся по различным библиотекам Западной Европы. Один из трактатов Пелакани издан в: The Medieval science of weights/Ed. by E. Moody and M. Clagett. Madison, 1952.

127. О точных и естественных науках Италии XIV—XV вв. см.: Sarton G. Introduction to the history of science. Vol. 1—3. Baltimore, 1927—1947; Thorndike L. 1) History of magic and experimental science. Vol. 1—6. New York, 1923—1941; 2) Science and thought in the fifteenth century. New York, 1929. О Бельдоманди см.: Favaro A. Intorno alla vita ed alle opere di Prosdocimo di Beldomandi. О Марлиани см.: Clagett M. Giovanni Marliani and the late medieval physics. New York, 1941 (Studies in history, economics and public law. N 483). Рецензию на эту книгу см.: Гуковский М. М. Кладжетт. Джованни Марлиани...//Известия АН СССР. Сер. ист. и филос. 1946. № 2, С. 192—193.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Абеляр Петр 28
 Август Октавиан 157, 379, 529, 537
 Августин Аврелий 257, 258, 361, 277
 Авеньи Джованни 506
 Агнесса Перигор 143, 146—148
 Адимари, семья 394, 395
 Адорно, семья 199, 465, 484
 Адорно Адорнино 484
 Адорно Антониотто 199, 482—484, 487
 Адорно Барнаба 482
 Адорно Габриеле 199
 Адорно Джорджо 482, 487
 Адорно Раффаэле 482
 Адриан VI, папа 45
 Акветтино (Джованни ди Герардо да Прато) 550, 554, 556
 Аквино, семья 113
 Аккольти Бенедетто 539
 Акуто Джованни (Джоун Гауквуд) 166, 185, 194, 345, 348, 392, 440—442, 484, 576
 Александр Македонский 279, 547
 Александр IV, папа 44
 Александр V, папа 342, 343, 365, 369, 370
 Алеман Луи 387
 Алеманни Боккачино 421
 Алидози да Имола Джованни 375
 Алидози да Имола Риккардо 374, 375
 Алиприанди Джованни 506
 Алопо Пандольфелло 358
 Альберико да Барбьяно, см. Барбьяно
 Альберт, эрцгерцог Австрийский 201, 338, 438, 444
 Альберт Великий 85, 113
 Альберти, семья 393—395, 410, 430, 510
 Альберти Антонио дельи 551
 Альберти Бенедетто дельи 187, 189, 193, 393
 Альберти Леон Баттиста 561
 Альбертони Антонио Баттиста дельи 382
 Альбицци, семья 187, 327, 396, 405, 407, 411, 414, 423, 425, 427—430, 544, 555, 576
 Альбицци Альберто дельи 403, 404
 Альбицци Лука дельи 402, 427, 428, 430
 Альбицци Мазо дельи 393—397, 399, 409, 410, 419
 Альбицци Ринальдо дельи 409, 410, 413, 415—417, 420, 423—425, 427—430
 Альборноз Хиль д' 159—162, 168, 326
 Альдеморески Лунджи 351
 Альдеротти Бонаккорсо дельи 399
 Альдобрандески, семья 55
 Альфани Джанни 123
 Альфонсо I Арагонский, неаполитанский король (арагонский король Альфонс V Великодушный) 359—364, 378, 390, 465, 466, 469, 470, 488, 489
 Амброджо Лореншетти 290—293, 296, 331
 Амедео VI Савойский 335, 388, 483
 Амедео VII Савойский (Зеленый граф) 213, 434, 435
 Амедео VIII Савойский, см. Феликс V
 Амичи Руджери д' 33
 Амманати Манетто (Толстяк) 559, 567
 Анахарсис 540
 Ангвиллара Орсо д' 251

* Указатели имен и географических названий составлены Н. Л. Корсаковой.

- Лиджелико, Фра Джованни да Фьезоле (Гвидо ди Пьетро), прозванный Фра Беато 574, 575
 Лиджелотто, кардинал 542
 Анджольери Чекко 125, 126, 252, 267, 283, 285, 288, 557
 Андола Бранкалеоне д' 43—45, 150, 156, 158
 Андреа Константинопольский 536
 Андреа да Фиренце 292, 293, 296, 331
 Андрей, муж Джованни I 146, 147, 360
 Андроник IV Палеолог, византийский император 198
 Анжу, династия, см. Джованни, Изабелла, Шарль, Луи I, Луи II, Луи III, Рене 325, 336, 344, 360, 362, 378, 466
 Антелези, семья 231
 Антиньяна Руджеро д' 370, 375
 Антоний, францисканец 31
 Антонио да Феррара 246
 Антонио да Фиренце 575
 Аньези Асторджо 389
 Алпиан 546
 Алпиано Герардо д' 397, 449
 Алпиано Якопо д' 439, 443, 449
 Арагонская династия, см. Альфонс I, Иоланта, Луиджи, Педро I, Педро II, Федерико II, Фердинанд I, Хуан, Энрике 43, 378
 Аристотель 114, 524, 532, 534, 545, 537, 547, 549
 Арлотти Стефанески Якопо 150, 158
 Арлотто Пьовано (Арлотто Майнард) 557, 558
 Арманьяк Жак д' 441, 442
 Арнольд Брешианский 28, 29
 Арнольфо ди Камбьо (Лали) 140, 561, 562
 Арчелли Филиппо 474
 Ауриспа Джованни 392, 531
 Атти Изотта дельи 546
 Афинские герцоги 145
 Афинский герцог, см. Готье де Бриенн
 Аччайуоли, семья 42, 145, 183, 231, 537
 Аччайуоли Аньоло 427
 Аччайуоли Антонио 475
 Аччайуоли Аччайуоло 145
 Аччайуоли Бартоломео 41
 Аччайуоли Донато 395, 529
 Аччайуоли Никколо 145, 147
 Аччайуоли Энрико 147
 Баварский герцог, см. Стефан Баварский
 Бадоев Бадоев 75, 76
 Базини Базини 546
 Балдуин II, император Латинской империи 40, 96
 Бальдуччи Пеголотти Франческо 219—221, 228
 Бальбо Орсини дель, Джованни Антонио 363
 Бальбо Орсини дель, Раймондо, герцог Таренто 352
 Барбавара Манфред 458
 Барбавара Франческо 445, 448, 454, 455—458
 Барбадори Никколо 429
 Барбаро Эрмолао 547
 Барберини Франческо да 120, 121
 Барбьяно Альберико да 166, 342, 353, 356, 357, 446, 448, 451, 452
 Барбьяно Джованни да 446, 448
 Барди, семья 22, 41, 99, 137, 144, 145, 177, 178, 180, 181, 183, 219, 221, 222, 224, 226—232, 240, 262, 280, 328, 329, 394, 510
 Барончелли ди Оффиди Бальдассаре 384, 385
 Барончелли Томмазо 159
 Бароччо ди Якопо 192
 Бартоломео да Винчи 380
 Бартоломео ди Гуальдо 385
 Бартоломео ди Лоренцо, см. Мео дель Грассо
 Бартоломео да Монтепульчано 536
 Бартоломео ди Сан Конкордио 279
 Бастари Джовенко 281
 Баттифоль, семья 449, 551
 Баттифоль Карло 550, 551
 Баттифоль Маргарита 551
 Баттифоль Симоне 551
 Баязид I, султан Турции 349, 475
 Беатриса Арманьяк 434
 Беатриса Прованская 38
 Беатриче 127, 130
 Беатриче ди Тенда 464
 Беккаделли Антонио (Панормита) 362, 364
 Беккари Антонио де 287
 Беккария, семья 464
 Беккария Каstellино 455, 458—460
 Беккария Ланчелотто 455
 Бельдоманди Просдочимо 295, 579
 Белькастро, граф 372
 Бембо Франческо ди Джованни 416
 Бендалак 228
 Бене ди Болонья 26
 Бенедетто ди Бартоломео 553
 Бенедикт XI, папа 47
 Бенедикт XII, папа 152, 153
 Бенедикт XIII, папа 337, 339—342, 344, 365, 378, 398
 Бентивольо Джованни 451, 452
 Берарди Никколо 188
 Бернардино да Сиена (Бернардино Сиенский) 381, 536, 552—554, 557

- Берри, герцог 401
 Бертольдо, граф 379
 Бертран де Дё 157
 Бистиччи Веспасиано да 523, 524, 528, 531
 Бозоне да Губбио 279
 Бокканегра, семья 487
 Бокканегра Баттиста 484
 Бокканегра Гульельмо 70, 198
 Бокканегра Симоне 198, 199
 Боккаччо Джованни 133, 146, 225, 262—282, 285, 288, 289, 293, 295, 331, 520—526, 528, 538, 541, 559
 Боккаччо ди Челлино 262
 Бокконио Марино 75
 Бонавентура (Джованни да Фиденца) 112, 113, 115
 Бонавентура из Изео 118
 Бонаини Ф. 115
 Бонакользи, семья 168
 Бонаккорси, семья 41, 183, 231
 Бонаккорсо ди Лапо Джованни 439
 Бонвезин ди Рива 68, 120
 Бонифаций VIII, папа 46, 47, 66, 77, 105, 149, 151
 Бонифаций IX, папа 336, 339, 348—350, 352, 365—367, 398, 450, 455, 456
 Боридано Франческо 107
 Борромеи, семья 442
 Борромео Александр да 242
 Борромео Борромео да 242
 Босси Теодоро 469
 Бозций Аниций Манлий Северин 535, 538
 Брандини Чучо 182, 183, 186
 Брачко да Монтоне 343, 359—361, 369, 374—378, 389, 407, 414, 420, 538
 Бригитта (Биргитта Шведская) 148
 Брунеллески Габриелле де 406
 Брунеллески Филиппо 409, 420, 559—564, 566—570; 575, 576
 Бруни Леонардо (Аретино) 392, 491, 523—531, 533, 545, 546, 571
 Бруно, художник 266
 Брут Луций Юний 248
 Буондельмонти, семья 180, 187
 Буондельмонти Ваджи 536
 Буондельмонти Райнери 41
 Буонсиньори, семья 101, 103—105, 222, 232, 290
 Буонсиньори ди Бернардо 103
 Буонсиньори Бонифацио 104
 Буонсиньори Орландо 104—106, 115
 Бурбон, герцог 336, 340
 Бурбон Жак, граф де ла Марш 358, 538
 Бургундский герцог, см. Иоанн Бесстрашный
 Буркхардт Я. 9
 Буркьяелло (Доменико ди Джованни) 555—557
 Бускет, архитектор 35
 Бусико (Жан де Менгр) 338, 340, 342, 343, 398—404, 461—464, 484—486
 Буссолари Якопо 197
 Буссоне Франческо, см. Карманьола
 Буфальмакко, художник 266
 Бьондо Флавио 392
 Бьяджи ди Ассерето 362
 Бьяндрате, граф, см. Кане Фачино
 Вазари Джорджо 560—562, 565, 574, 575
 Валенте Джованни 199
 Валеран де Люксембург 484
 Валла Лоренцо 542
 Валоари Бартоломео 405, 406, 409
 Варлаам Калабрийский 260
 Варрон Марк Теренций 85
 Веджо Маттео 546
 Веллутти, семья 244, 245, 267, 282
 Веллутти Бонаккорсо 244
 Веллутти Герардино 244
 Веллутти Герардуччо 243
 Веллутти Донато 243—245, 281, 282, 296, 428
 Веллутти Мико 244
 Веллутти Пьеро 244
 Веллутти Филиппо ди Бонаккорсо 244
 Веллутти Чино 244
 Вельфы, династия 19
 Вендрамин, семья 204
 Вентурино из Бергамо 152, 153, 158
 Венецлав Люксембург, император 168, 434, 436, 438, 444—446, 450, 454
 Венбер Антонио 470, 472
 Вергилий Марон Публий 27, 130, 249, 254, 255, 263, 270—272, 276, 526, 544, 549
 Верджеро Пьер Паоло (Петр Гистрий) 525, 526, 530
 Верме Якопо даль 441, 442, 445, 446, 456—458, 460, 461
 Веселовский А. Н. 267, 550
 Веспасиан Тит Флавий 154, 537
 Вивальди, семья 96, 485
 Вико Джакомо ди 91, 92, 94, 383, 384, 386
 Вико Джованни ди 155, 156, 159, 160, 162, 163
 Вико Франческо ди 365
 Виллани, семья 281
 Виллани Джованни (Виллано ди Стольто Джованни) 176, 178, 183, 262, 280, 281, 287, 288, 296, 498, 528
 Виллани Маттео 183, 223, 280
 Виллани Филиппо 273, 280

- Вильгардус из Равенны 27, 28
 Вильгельм, герцог Австрийский 350
 Вильгельм Голландский 37
 Винья Пьетро делла 33
 Виньяти Джованни 459
 Висконти, семья 69, 70, 87, 144, 156, 160, 161, 168, 170, 173, 175, 194—196, 205, 327, 389, 397, 415, 416, 431, 433, 435, 439, 445, 455, 460, 463, 464, 468, 478, 483, 528, 538, 544, 546
 Висконти Адзоне 195
 Висконти Антонио 431, 455, 458
 Висконти Аньезе 495
 Висконти Аццо 173
 Висконти Бернабо 196, 197, 201, 327, 335, 430—432, 434, 435, 437, 440—442, 460, 495
 Висконти Бьянка Мария 431, 467, 468
 Висконти Валентина 337, 398, 431, 434, 435, 437, 440, 469, 483
 Висконти Габриеле Мария 396—399, 401, 431, 485
 Висконти Галеаццо I 195, 196, 431
 Висконти Галеаццо II 196, 197, 327, 431
 Висконти Галеотто 460
 Висконти Джан Галеаццо, граф Верто (Граф Виртү) 197, 273, 327, 337—339, 346, 357, 360, 363, 396, 397, 399, 405, 406, 409, 411, 415, 430—454, 457—460, 465, 466, 471, 472, 483, 485, 486, 495, 523
 Висконти Джованни 195, 196, 199, 431
 Висконти Джованни Мария 431, 451, 454, 456, 458—463
 Висконти Карло 432, 440, 441, 460
 Висконти Катерина 437, 453—459
 Висконти Лионелло 460
 Висконти Лодризио 166
 Висконти Лодовико 197
 Висконти Лукино 195, 196, 199, 431
 Висконти Люция 335
 Висконти Марко 166, 431
 Висконти Мастино 432
 Висконти Маттео 69, 70, 194, 195, 431
 Висконти Маттео II, 196, 431
 Висконти Оттон 68, 69, 431
 Висконти Родольфо 197
 Висконти Стефано 196, 431
 Висконти Филиппо Мария 360—362, 382—385, 387—390, 411, 414—416, 421, 422, 428, 431, 451, 454, 458—461, 464—470, 477—479, 488, 489, 494, 523, 544
 Висконти Франческо 455, 459, 460
 Висконти Этторе 460, 464
 Висконти да Галлура Нино 53
 Виссарион Никейский 533
 Вителлески Джованни 363, 383, 384, 386—389, 429, 430, 538
 Вителлески Пьетро 389
 Виттори Нери 377
 Витторино да Фельтре (Витторино деи Рамбальдони) 495, 546, 548—550
 Владислав Дураццо, неаполитанский король 336, 339, 340, 342—344, 346, 348—358, 360, 366—373, 398, 405, 406, 435, 445, 452, 473, 486, 494
 Габриеле да Губбио Франческо 394
 Гамбакорта Джованни 400—402
 Гамбакорта Пьетро 439, 440, 443
 Гарбо Томмазо дель 284
 Гаспарино да Бардицца 543, 546
 Гаспаро да Лаваяно 401
 Гаттамелата (Эразмо да Нарни) 478, 567, 568
 Гаттилузо, семья 200
 Гауквуд Джон, см. Акуто Джованни
 Гаэтани, семья 46, 150
 Гаэтани Бенедикт, см. Бонифаций VIII
 Гваданьи, семья 187
 Гваданьи Бернардо 424, 426
 Гварино да Верона (Гварино де Гварини да Верона) 494, 530—532, 546—550
 Гвидо да Пиза 279
 Изидориччо да Фольяни 290
 Гвиниджи, семья 510, 538
 Гвиниджи Владислав 421
 Гвиниджи Ладзаро 450
 Гвиниджи Паоло 397, 420, 421, 450, 572
 Гвиницелли Гвило 121—124
 Гвиттоне д'Ареццо 57, 124
 Гвиччардини Джованни 429
 Гвиччардини Пьеро 427
 Геннадий Схоларий 532
 Генрих, граф Дерби, см. Генрих IV
 Генрих III, английский король 38
 Генрих IV, английский король 337
 Генрих VII Люксембург, император 48, 67, 69, 127, 128, 131, 144, 150, 151, 165
 Георгий Трапезундский 392, 532
 Герардеска Уголино делла 51, 53, 61, 115
 Герардо да Прато 551
 Гёрлиц Иохан фон 434
 Гиберт Ножанский 257
 Гиберти Лоренцо 560, 562, 564, 570—572, 578
 Гизи, семья 95
 Глабер Радульф 27, 32
 Гогенштауфены, династия 19, 37, 39, 43, 48, 51, 58, 59, 67, 111, 128
 Гомер 260, 239, 531, 546, 549

- Гонзага, семья 156, 167, 168, 328, 447, 452, 470, 493—495, 548
 Гонзага Гвидо 495
 Гонзага Джан Франческо II 495, 504
 Гонзага Елизавета 490
 Гонзага Карло 470
 Гонзага Луджи I 495
 Гонзага Луджи II 495
 Гонзага Луджи III 495
 Гонзага Уголино 495
 Гонзага Франческо (Джан Франческо I) 437, 441, 443, 448, 456, 495
 Гонорий IV, папа 45
 Гораций, см. Квинт Гораций Флакк
 Горо Лука де 241
 Готье де Бриенн (герцог Афинский) 174, 177—180, 231, 288
 Гоццадини Бранделиджи 170
 Гоццадини Нанни 451, 452
 Градениго Пьетро 74, 75
 Граццини Антон Франческо 555
 Григорий VII, папа 38
 Григорий IX, папа 104
 Григорий X, папа 45, 69
 Григорий XI, папа 162, 163, 185, 326
 Григорий XII, папа 341, 342, 344, 353, 365, 368, 369, 538
 Гримальди, семья 70, 198, 199, 408
 Гримальди Лука 70
 Гриффони Маттео де 287
 Гуано Барнаба 482, 487
 Гуарко, семья 199, 488
 Гуарко Антонио 482
 Гуарко Изнардо 482, 489
 Гуарко Никколо 482
 Гульельмо, епископ Фьезоле 558
 Гус Ян 535
 Гюискар Роберт 38

 Давидсон Р. 227, 228
 Дандоло, семья 73, 95
 Дандоло Андреа 72, 203, 336
 Дандоло Джованни 74
 Данте Алигьери 48, 53, 56, 57, 89, 96, 116, 118, 123, 126—131, 134, 136, 138, 151, 172, 248, 249, 254—256, 262, 264, 267—270, 274, 279, 287, 292, 523, 525—528, 534—536, 538, 540, 546, 548, 553, 555, 561, 563
 Датини, семья 509
 Датини Марко 510
 Датини Франческо ди Марко 221, 240, 510—513, 515, 517
 Делла Белла Джано Тедалди 63, 66, 115, 117
 Делла Полента 446
 Делла Скала (Скалигеры), семья 127, 156, 167, 175, 203, 435—437, 493, 538
 Делла Скала Альберто 169
 Делла Скала Антонио 535—537, 471
 Делла Скала Мастино 169, 175
 Делла Скала Кан Гранде 131, 132, 166
 Делла Скала Реджина 437
 Делла Торре, семья 16, 68, 69
 Делла Торре Гвидо 69
 Делла Торре Наполеоне 68, 69
 Делла Торре Филиппо 68
 Дель Бене, семья 221—224, 241
 Дель Бене Франческо 221
 Демосфен 531, 549
 Дечембрио Пьер Кандидо 546
 Дечембрио Умберто 530
 Джакомо Арагонский 148
 Джанни Асторре 420
 Джанни Лапо 123
 Джанфильяцци Ринальдо 397
 Джентиле да Фабриано 572, 573
 Джеремен, семья 49
 Живелегов А. К. 10
 Жиролами, семья 495
 Джованна I, неаполитанская королева 146—149, 164, 194, 205, 333—336, 344, 345, 360
 Джованна II, неаполитанская королева 346, 350, 355, 357—361, 372, 373, 376, 377, 538
 Джованни Дураццо, неаполитанский король 143, 360
 Джованни да Казате 456
 Джованни да Негропонте 246
 Джованни да Прато, см. Акветтино
 Джованни да Прочида 42
 Джованни да Равенна 524
 Джотто ди Бондоне 134—140, 146, 248, 249, 270, 289, 291, 292, 294, 331, 561, 568, 575, 577, 578
 Джустиниан, семья 200
 Джустиниани Панкраццо 200
 Джустиниани Франческо 482
 Джустиниани Якопо 487
 Лзено Карло 202, 172
 Леоальдо Никколо 482
 Ди Фео, семья 223, 224
 Диверси да Лука Никколо 442, 445, 448
 Диоген Лаэртий 522
 Дионисий да Борго Сан Сеполькро 261
 Лольчино 86, 87
 Доменики Коппо ди Боргезе 283
 Доменико д'Андреа 241
 Доменико ди Джованни, см. Буркелло
 Доминичи Джованни 276, 277, 539
 Донателло (Донатто ди Никколо ди Бетто Барди) 410, 559—562, 564, 565—570, 575, 576
 Донати, семья 66, 180

Донати Корсо 61
 Донатн Эрмолао 480
 Дони Антон Франческо 556
 Дорен А. 214
 Дориа, семья 70, 71, 198, 199
 Дориа Лучано 201
 Дориа Оберто 51
 Дориа Паганино 200
 Дориа Пьеро 201, 202
 Дуньи Бернардо 429
 Дуччо ди Буонинсеня 134, 290
 Дураццо, династия, см. Владислав,
 Джованни, Карло, Маргарита 345—
 349, 351

Евгений IV, папа 361—363, 365, 381,
 383—386, 389—392, 422, 429, 467,
 490, 492, 538

Евклид 34

Екатерина де Куртенэ 143, 145—147
 Екатерина Сиенская 162, 279

Жанна д'Арк 162

Жан д'Анжу 362

Жан де Менгр, см. Бусико

Захариа, семья 72, 200

Захариа Бенедетто 94, 95

Иероним Пражский 535, 543

Изабелла Анжуйская, неаполитанская
 королева 362, 363

Изабелла Баварская 434

Изабелла Валуа, графиня Вертю 432

Изолани Якопо (Джакомо) 373—
 376, 488

Иннокентий III, папа 47

Иннокентий IV, папа 37

Иннокентий V, папа 45

Иннокентий VI, папа 158, 161

Иннокентий VII, папа 339—341, 352,
 353, 365, 367, 368

Инфессура Стефано 375, 376, 378,
 381, 391

Иоанн Бесстрашный, герцог Бургунд-
 ский 340, 401—403, 451

Иоанн Богемский 151

Иоанн Виченцкий 32

Иоанн V Палеолог, византийский им-
 ператор 162, 201

Иоанн VII Палеолог, византийский
 император 387

Иоанн Пармский 118

Иоанн Равеннский 118

Иоанн XXI, папа 45

Иоанн XXII, папа 144, 150, 151, 152,
 228, 546

Иоанн XXIII, папа 343, 344, 354—
 357, 365, 370, 371, 373, 377, 397,
 407, 411, 538

Иоахим Флорский 28

Иоланта Арагонская 143, 339

Иордан Неморарий 579

Иосиф, патриарх Константинополь-
 ский 387

Итамар Этолийская 143

Каваллини Пьетро 134

Кавальканти, семья 22, 61, 180, 284,
 394

Кавальканти Гвидо 123, 124, 127,
 253

Кавальканти Маттео ди Кантино
 284, 285

Кавиччоли, семья 187, 395

Калерги, семья 204

Кальдора Джакомо 363

Кампофрегозо, семья 465

Канаведа, семья 213

Кане Джованни 450

Кане Фачино 455, 457, 459—464, 486,
 542

Капocchi Анджелло 45

Капocchi Лелло 374

Каппони Джино 395, 399—402, 405,
 409, 410

Каппони Нери ди Джино 402, 420,
 423, 427, 429

Капра Бартоломео 489

Карачоло Джанни (Джованни) 358—
 361, 538

Кардоли ди Нарни Бьяджо 384

Кардона Раймондо де 173, 174

Кардуччи Бартоломео 427

Карезино, семья 204

Карл I Анжуйский, неаполитанский
 король 38—42, 45, 143, 144, 360

Карл II Анжуйский (Карл Хромой),
 неаполитанский король 42, 43, 45,
 46, 57—60, 142, 360

Карл Валуа 66

Карл Великий 493

Карл III Дураццо, неаполитанский
 король 148, 194, 333, 335, 336,
 344—346, 360

Карл Калабрийский 143, 147, 174,
 177, 360

Карл Мартелл, венгерский король 43,
 142, 360

Карл IV Люксембург, император 158,
 160—162, 165, 185, 286, 330, 499

Карл V, французский король 148,
 163, 164, 197, 251, 333, 432

Карл VI, французский король 336—
 342, 398, 401, 402, 434, 445, 451,
 483, 499

- Карл Роберт (Кароберт), венгерский король 43, 142, 146, 363
 Карманьола (Франческо Буссоне) 415, 416, 465—467, 477, 478, 488, 538
 Карнесекки Паоло 404
 Каррара, семья 156, 169, 472, 478, 493, 538
 Каррара Марсилио 131, 478
 Каррара Франческо 201, 435—437, 448, 451, 455, 459, 471
 Каррара Франческо Новелло 437, 438, 441, 442, 471, 472
 Каррара Якопа 472
 Карретто Якопа дель 572
 Карсидони Джубилео ди Никколо 221, 222
 Кастеллани Маттео 409
 Кастильонкьо, семья 187
 Кастильонкьо Лапо ди 184, 185, 187
 Кастракани Каструччо дельи Антельминелли 67, 151, 169, 170, 172—175
 Катон Марк Порций (Младший) 535
 Катон Марк Порций (Старший) 85, 248
 Каттанео Дамьяно 365
 Каффи Луччо 380
 Казтани, семья 326, 366, 376, 382
 Казтани Джакобелла 366
 Казтани Джакомо 375
 Казтани Онорато 366, 386
 Квинкций Цинциннат Люций 274
 Квинт Гораций Флакк 27, 259
 Квинтилиан Марк Фабий 259, 533, 547
 Кверини Гульельмо 509—511
 Кверча Якопо делла 570—572
 Квирини, семья 74—76
 Квирини Марко 75
 Керикини Джованни ди Бардуччо 573
 Клеопатра 157
 Климент IV, папа 38, 45, 105
 Климент V, папа 47, 106, 143, 149, 150, 153
 Климент VI, папа 154, 158
 Климент VII, папа 164, 333—337, 347, 365
 Климент VIII, папа 365, 378
 Ковалевский М. М. 207
 Кодро Урчео 532
 Кола ди Риенцо 153—160, 205, 250, 251, 254, 255, 260, 275, 326, 330
 Коллар де Коллевиаль 484
 Коллеони Бартоломео 470, 479
 Колонна, семья 16, 44, 46, 150—155, 157, 159, 160, 250, 326, 366—368, 370, 372, 380—388, 390
 Колонна Антонио 381—383
 Колонна Виттория 491
 Колонна Гаспаре 382
 Колонна Гвидо 33
 Колонна Джакомо 372, 375
 Колонна Джованни 250, 368
 Колонна Джордано 380
 Колонна Катерина 490
 Колонна Лодовико 375
 Колонна Никколо 368
 Колонна Оддо, см. Мартин V
 Колонна Просперо 382
 Колонна Ренцо 387
 Колонна Стефано 155, 157, 158, 382
 Колонна Шарра 47, 150, 151
 Колонна ди Риофреддо Джованни Андреа 382
 Колумб Христофор 539
 Колумелла Луций Юний 85
 Компаньи Дино 118, 120, 121, 132
 Кондульмер, семья 204
 Кондульмер Габриеле, см. Евгений V
 Кондульмер Франческо 390
 Конрад IV Гогенштауфен, император 37, 39
 Конрад (Конрадин) Гогенштауфен 38, 39
 Констанция Сицилийская 14, 348, 349
 Контарини, семья 73
 Контарини Андреа 202, 471, 472, 477
 Контарини Якопо 73
 Контти Никколо 539, 540
 Корбинелли Бартоломео 402
 Корно Бернардино 442, 447
 Коррер Анджело, см. Григорий XII
 Коррер Грегорио 549
 Коррер Паоло 368
 Корсини, семья 231
 Кортэ Пьетро 451
 Косса Бальдассаре, см. Иоанн XXIII
 Крещени Пьер ди 84, 85, 207, 239
 Криспи, семья 475
 Ксенофонт 528, 547
 Кырамонте Констанция, см. Констанция Сицилийская
 Кырамонте Манфредо 348
 Кыаудано М. 99
 Лампуньяни Джорджо 469
 Ландино Франческо 287
 Ланкастер, герцог 337
 Ламбертацци, семья 49, 50
 Лапи Арнольфо, см. Арнольфо ди Камбьо
 Латини Аньоло 186, 191
 Латини Брунетто 83, 116, 117, 120, 271
 Лаура 250—254, 256, 257, 260, 262, 268, 274, 289
 Леонардо да Винчи 575
 Леонардо Пизанский, см. Фибоначчи
 Леонардо
 Леонардо, епископ Фермо 368
 Летебеллано Роселли де 505, 506

- Лессинг Готхольд Эфраим 119
 Ливий Тит 131, 132, 146, 153, 254, 261, 270, 277, 283, 284, 364
 Лодовико IX Савойский 469, 472
 Лодовико Тарентский 147, 148
 Ломбардо Пьетро, см. Петр Ломбард
 Ломеллино, семья 488
 Лопез Р. 95
 Лоредан, семья 480
 Лоредан Пьетро 474, 476
 Лоренцетти Пьетро 290, 291, 296, 482, 484
 Лориа Руджеро 42
 Лоски Антонио 392, 454, 536, 538, 546
 Лузиньян Джакомо 481
 Лузиньян Мария 351
 Лузиньян Пьетро, см. Пьетро II Лузиньян
 Лузиньян Янус, см. Янус Лузиньян
 Луи (Людовик) I Анжуйский, неаполитанский король 148, 333—335, 337, 344, 345
 Луи (Людовик) II Анжуйский, неаполитанский король 336, 338, 340, 343, 346, 348, 350, 354, 369, 371, 434
 Луи (Людовик) III Анжуйский, неаполитанский король 359—361
 Луи де Монжуа 347, 348
 Луи Орлеанский 337, 339, 340, 398, 431, 435, 483
 Луиджи Арагонский 145
 Луиджи Дураццо 360
 Лука ди Тотто да Панцано 192
 Лукреций Кар Тит 533
 Людовик (Лайош) I, венгерский король 147, 148
 Людовик (Людвиг) Баварский, император 150—152, 165, 166, 168, 170, 174, 195
 Людовик IX, французский король 38, 40, 368
 Людовик XII, французский король 431
 Люшер Ж. 9
 Магалотти Филиппо 397
 Мадзеи Лапо 513
 Мазаччо 566, 569, 572, 575, 576
 Майнард Арлотто, см. Арлотто Пьовано
 Макьявелли Никколо 169, 273
 Малабарба Милано 442
 Малабранка Джованни Чинтия 45
 Маласпина, семья 448
 Малатеста, семья 50, 160, 167, 168, 328, 452, 463, 464, 490, 492, 493
 Малатеста Антония 461
 Малатеста Баттиста 525
 Малатеста Галеотто 491, 492
 Малатеста Карло 374, 377, 397, 438, 460, 461, 465, 466, 467, 491, 492
 Малатеста Малатеста 460, 461, 492
 Малатеста Пандольфо 411, 413, 452, 455, 459, 461, 464, 465, 491, 492
 Малатеста Паризина 494
 Малатеста Ричарда 490
 Малатеста Сиджизмондо 492, 546
 Малипьеро Паскуале 472
 Манджавакка, ростовщик III
 Манетти Джаноццо 522, 524, 546, 564
 Манфред Сицилийский 33, 37—39, 42, 56, 57
 Манфреди, семья 160
 Манфреди Асторре II 414
 Манфреди Альбергеттино 210
 Манфреди Ричардо 210
 Манфреди Франческо 210
 Маргарита, сподвижница Дольчино 86, 87
 Маргарита Дурацио, неаполитанская королева 345, 347, 348, 349, 355
 Мария д'Аквино 263
 Мария Валуа 143, 360
 Мария Венгерская 43, 360, 434
 Мария Савойская 467, 351
 Мария д'Энгиен 352, 353
 Марк Аврелий 567
 Марлиани Джованни 579
 Маркс К. 14, 106, 107, 110, 232
 Марсилиус Падуанский 151, 153, 275, 295
 Марсильи Луиджи 276, 277, 331, 520, 551
 Марсильо ди Санта София 551
 Марсуппини Карло 533, 536, 538, 539, 544, 545
 Мартелли Антонио 428
 Мартин III, папа 42
 Мартин IV, папа 45
 Мартин V, папа 344, 359, 361, 365, 376, 378—381, 392, 407, 411, 421, 490, 491, 552
 Мартини Симоне 290
 Марцано, семья 352
 Марфио Франческо 385
 Матро Паоло дель 379
 Матильда д'Эно 143
 Маттео ди Кантино 284, 285
 Матуццо Пьетро 372, 373, 375
 Медичи, семья 180, 181, 184, 231, 327, 395, 405, 408, 414, 423, 425, 427—430, 509, 513, 514, 517, 518, 521, 544, 562, 570, 576
 Медичи Аверардо ди Джулиано 408, 416, 425
 Медичи Вьери 395
 Медичи Джованни д'Аверардо 397, 407, 408, 411, 413—415, 417—420, 543, 563

- Медичи Козимо ди Джованни 403, 408, 420, 423—430, 478, 479, 514, 515, 523, 526, 537, 538, 543, 544, 570
- Медичи Лоренцо ди Джованни 408, 420, 421, 425, 537
- Медичи Марио Бартоломео 427
- Медичи Пьеро 408
- Медичи Сальвестро 184, 186—193, 286, 408, 411
- Мелани Лука 186, 188—191, 193
- Мелано Бьяджо дель 414
- Мео дель Грассо (Бартоломео ди Лоренцо) 186, 188, 189—191, 193
- Меролини Джентиле 345
- Мехмед I, турецкий султан 476
- Мехмед II, турецкий султан 480
- Микеле ди Ландо 190—193
- Микиели, семья 74
- Микелотти Бьордо 443, 450
- Микелотто ди Бартоломео 426, 570
- Мильорати Козимо, см. Иннокентий VII
- Мильорати Лодовико 367
- Мини Пьетро 525, 526
- Минотто Баило-Джироламо 480
- Мирандола Франческино делла 400
- Монлери ди, виконт 246
- Монреале, монах 159
- Монтальдо, семья 199, 487
- Монтальдо Антониотто 482, 483
- Монтальдо Леонардо 482
- Монтальдо Раффаэле 488
- Монте Пьетро дель 385
- Монтерано Джентиле де 352
- Монтефельтро, семья 150, 160, 168, 328, 377, 490—492
- Монтефельтро Антонио 365, 490, 491
- Монтефельтро Гвидантонио 377, 490, 491
- Монтефельтро Никколо 168
- Монтефельтро Оддантонио 490, 491
- Монтефельтро Федерико да 449
- Монтефельтро Федерико III 469, 490, 491
- Монферратский маркиз, см. Теодоро II Палеолог
- Морелли Джованни ди Паоло 504
- Моро Кристофоро 472
- Морозини, семья 74
- Морозини Альберто 51
- Морозини Микеле 471, 472
- Мочениго Томмазо 472, 473, 476, 477, 515—517
- Мурад II, султан Турция 479
- Мурацио Микелетто 474
- Мурбос Эгидий, см. Климент VIII
- Муссато Альбертино 131, 132, 271
- Навигайоло, семья 95
- Нани, семья 204
- Нанни д' Антонио ди Банко 562
- Нардо ди Чоне, см. Орканья Нардо ди Чоне
- Нероне ди Нерони 409
- Николифор Дука Комнин, государь Этолии и Ахарнании 143
- Николли Никколо 523—528, 530, 533, 536—538, 544, 545
- Никколини Лапо 409
- Никколо ди Кокко 428
- Никколо да Фолиньо 539, 540
- Николай III, папа 45, 60
- Николай IV, папа 45
- Николай V, папа 151, 365, 552
- Новелла Гвидо 56, 57
- Ногаре Гийом де 47
- Нума Помпилий 274
- Обиццо да Монте Карелли 401
- Овидий Назон Публий 121, 270, 553
- Онести Настаджо дельи 267
- Органи Франческо дельи 551
- Орделаффи Джорджо 377
- Орделаффи Теобальдо 466
- Орделаффи Франческо 160
- Орезм Николай 579
- Орканья Андреа ди Чоне 292, 294
- Орканья Нардо ди Чоне 292
- Орланди Гвидо 123
- Орлеанский герцог 401, 402, 461
- Орсини, семья 16, 44, 46, 150, 151, 153, 155, 158, 160, 326, 369; 370; 372, 373, 376, 377, 382, 385, 386, 388
- Орсини Бертольдо 400
- Орсини Джакомо 386
- Орсини Джордано 382
- Орсини Наполеоне 228
- Орсини Орсино 386
- Орсини Паоло 368, 369, 372, 374, 375
- Орсини Томмазо 365
- Орсини Франческо 150, 375, 386
- Орсини дель Бальцо Раймондо, см. Бальцо
- Орсини дель Бальцо Джованни Антонио, см. Бальцо
- Оттон Брауншвейгский 148, 348
- Оттон Фрейзингенский 21, 22, 27, 29
- Пагана Федерико ди 482
- Пагано Томмазо 346
- Палеолог, семья 70
- Палеологи, византийские императоры 475
- Палеолог Теодор, см. Теодоро II
- Пальмьери Маттео 517—519, 543
- Пандольфини Аньоло 406, 411, 427

- Панноний Ян 548, 549
 Панчатики Джан Франческо 368
 Паруга, семья 204
 Пасквалиго, семья 204
 Пассаванти Якопо 292
 Пацци, семья 145, 187, 563
 Педро I Арагонский (арагонский король Педро III) 42, 43, 145
 Педро II Арагонский (арагонский король Педро IV) 362, 363
 Педро де Луна, см. Бенедикт XIII
 Пелакани Бьяджо 295, 551, 578, 579
 Пеполи Джакомо 170
 Пеполи Джованни 170
 Пеполи Ромео 170
 Пеполи Таддео 170
 Пергола Анджелино делла 466
 Перини Джованни 244
 Перондоли, семья 231
 Перуцци, семья 41, 136, 144, 145; 183, 221, 224, 226, 227—232, 239; 240, 328, 429
 Перуцци Родольфо 429
 Петр Гистрий, см. Верджеро Пьер Паоло
 Петр из Корбары, см. Николай V
 Петр Ломбард (Пьетро Ломбардо) 112
 Петр с горы Мурроне, см. Целестин V
 Петрарка Франческо 133, 146, 152—154, 156—159, 161, 166, 167, 196, 249—262, 269—278, 281, 282, 286—288, 290, 330, 331, 520—528, 530; 538, 553, 555
 Петруччи Антонио 421
 Пизанелло (Антонио ди Пуччо ди Черreto) 548, 573
 Пизанелло Андреа 570
 Пизано Джованни 137—139, 248, 289, 294, 331
 Пизано Никколо (Никола) 137—139, 248, 289, 331, 566
 Пизани Ветторе 201, 202
 Пикколомини, семья 101
 Пилат Леонтий 260, 269
 Пиппо Спана (Филипп Темешвар) 415, 473
 Питти, семья 245, 282, 570
 Питти Бонаккорсо ди Нери 245, 246, 403, 404, 483
 Питти Нери ди Бонаккорсо 245
 Пиччинино Никколо 376, 388, 389, 414, 422, 427, 428, 468
 Пиччинино Франческо 468
 Плавт Тит Макций 555
 Платина Бартоломео 380
 Платон 260, 530—534, 537, 538, 547, 549
 Плифон Георгий Гемист 532—534
 Поджо Браччолини 379, 392, 523, 530, 533, 535—546, 557
 Полибий 528
 Полей, семья 230
 Поло Марко 72, 96, 115, 117, 218
 Поло Маттео 96
 Поло Никколо 96
 Помпей Секст 274
 Понтедери Антонио 386
 Пополески, семья, см. Торнаквинчи
 Поркаро Стефано 385
 Порро Антоньелло 449
 Порро Антонио 456—458
 Приньяно Бартоломео, см. Урбан VI
 Прокопий Кессарийский 528
 Промонторио Клементе 482
 Птолемей 121, 537
 Пуччи Антонио 288—291, 295, 296, 552, 553
 Пуччи Пуччо 424, 426, 427
 Пьетро да Кандия 444, 445, 457
 Пьетро II Лузиньян, кипрский король 201, 481
 Раймунд, епископ Арля 348
 Раймунд, епископ Орвието 154, 157
 Рангони Якопино 56
 Река Маджо 242
 Рене Анжуйский, неаполитанский король 361—363
 Ридольфи Лоренцо 409, 415
 Рикасоли, семья 393
 Риккарди, семья 570
 Риккардо да Газта 374
 Рикко Гаспаро дель 186, 191
 Рио Антонио дель 384, 388, 389
 Ричард II, английский король 337
 Риччи, семья 395
 Роберт Анжуйский, неаполитанский король 142—147, 150, 151, 153, 172—174, 195, 205, 250, 262, 263, 286, 330, 345, 360, 537
 Роберт Женевский, см. Климент VII
 Ромул 387
 Росси, семья 394
 Росси Роберто 525
 Ротшильды, семья 104
 Рудольф Габсбург, император 69
 Рупрехт Пфальцский (Виттельсбах), император 397, 450, 451
 Руска Лоттерио 465
 Руска Оттоне 459
 Рустико ди Филиппо 125
 Руффо Джордано 85
 Руффо Никколо 352
 Руччелай, семья 570
 Руччелай Паоло 422, 429

- Савелли, семья 16, 150, 155, 326, 366, 368, 382
 Савелли Пасквино 445, 448
 Савелли Франческо 386
 Савойский герцог, см. Лодовико IX Савойский 464, 470
 Саворньяно, семья 474
 Саккетти Франко 210, 211, 246—248, 282, 284—289, 291, 295, 331, 520, 541, 552, 553, 557, 559
 Салимбене из Пармы 86, 117, 118, 132, 282
 Салутати Колуччо 185, 273—278, 331, 402, 436, 445, 520, 524—526, 530, 531, 533, 539, 551, 553
 Сальвиати Алеманно 420, 427
 Сан Аньоло, кардинал 385
 Сансеверино, семья 350, 352
 Сансеверино Томмазо, вице-король Неаполя 347, 348
 Санта Кроче, кардинал 385
 Санудо Марко 94
 Санча Майорская 143
 Салори А. 223, 224, 228
 Сассетта (Стефано ди Джованни) 573, 574
 Сассетти Бартоломео 557
 Сассуоло да Прато 549
 Сегарелли Джерардо 86
 Сенека Луций Анней 132, 146, 258, 259, 276
 Сера Лука дель 512
 Серкамби Джованни 558
 Сермини Джентиле 499, 501, 503, 558
 Сернелли Бьяджо 551
 Серристоры Джованни 406
 Сигизмунд Люксембург, император 344, 355, 356, 371, 383, 406, 407, 415, 422, 434, 444, 445, 473, 494, 495
 Симоне да Вилла 266
 Синибульди, семья 123
 Синьорилли Никколо 377
 Скали, семья 230
 Скандербег Георгий 390
 Сканелли Джованни 376
 Скотти, семья 101
 Скровеньи Пьетро 450
 Скровеньи Энрико 135
 Содерини, семья 510
 Содерини Франческо Младший 573
 Сократ 535, 538
 Соммарива Джорджо 503
 Соммарила, семья 475
 Сональини Бартоло 248
 Спинелли Никколо 445
 Спинола, семья 70, 71, 198, 199, 487, 488
 Спинола Франческо 422
 Стабили Франческо ди Симоне, см. Чекко д'Асколи
 Стелла Джованни 487
 Стено Микеле 203, 246, 338, 472
 Стефан, герцог Баварский 441, 444
 Стефани, хронист 178
 Стефанески Арлотти, см. Арлотти Стефанески
 Стефанески Пьетро 368, 372, 375
 Стефано ди Джованни, см. Сассета
 Строцци, семья 181, 187
 Строцци Андреа 181
 Строцци Палла 409, 415—418, 420, 428, 429
 Строцци Томмазо 189
 Сфорца, семья 389, 546
 Сфорца Муцио Атендоло 358—360, 372, 373, 376—378
 Сфорца Франческо 361, 363, 369, 376, 384, 390, 391, 421, 428, 430, 431, 466—468, 470, 471, 478, 479, 544, 545
 Сфорца да Кутиньола 400
 Сципион Африканский (Старший) 250, 251, 254, 268, 547
 .
 Таддео Аньоло 577
 Таддео Таддео 577
 Тайлер Уот 499
 Тальякоццо Джованни 389
 Тарквиний Гордый 274
 Тарталья Джованни 371, 373, 374, 376, 377, 400
 Темешвар Филипп, см. Пиппо Спано
 Тенальи Маттео ди Бартоломео 368
 Теодорро II, маркиз Монферрата 434, 459, 462, 470, 486, 488
 Терцо Отто 459, 460
 Тимур 475
 Толентино Никколо да 422, 425, 428
 Толентино Мауруцци да 383
 Толомен, семья 101
 Томас 257
 Томачелло Пьетро, см. Бонифаций IX
 Томмазо, монах 382
 Томмазо дель Гарбо 284
 Торелли Гвидо 361, 465, 488
 Торнабелли Сандро 246, 247, 510
 Торнаквинчи (Пополески), семья 61
 Торриано Антонио 461
 Тосканелли Паоло дель Поццо 539, 560
 Траверсари, семья 267
 Траверсари Амброджо 522, 524, 539
 Тривинано Маттео 546
 Тревизан Габриеле 480
 Тревизан Лодовико 389, 391
 Тривульцио Антонио 469
 Тривульцио Эрмес 489
 Туллий Цицерон Марк, см. Цицерон

Тьеполо, семья 74, 76
 Тьеполо Байамонте 75, 76
 Тьеполо Якопо 74, 75

Убальдини, семья 22, 83
 Убальдини Руджеро 53
 Уберти, семья 56, 57
 Уберти Фарината дельи 57, 115
 Уберти Фацио дельи 278, 550
 Убертини, семья 449
 Убертини Гульельмо дельи 61
 Уго ди Палестрина 383
 Уголини, семья 99, 225
 Угуччоне делла Фаджола 67, 167, 169, 172
 Улиссе ди Симонетто 379
 Урбан IV, папа 38, 45, 68, 104
 Урбан V, папа 161, 162, 185, 326
 Урбан VI, папа 163, 164, 166, 333—336, 345, 346, 348, 364, 365, 538
 Урслингер Вернер фон 166
 Уццано Никколо да 395, 405, 407, 409, 410, 413, 416—418, 420, 423, 567
 Уччелло Паоло 575, 576

Фальер, семья 74
 Фальеро Марино 203, 204, 216
 Фанфани А. 223, 224
 Фарнезе Рануччо 377
 Федерико II Арагонский, неаполитанский король 43, 145
 Феи Тотто 247
 Феликс V, папа 365, 387, 467
 Фердинанд I Арагонский, неаполитанский король 358
 Фибоначчи Леонардо (Леонардо Пизанец) 34
 Филарго Пьетро, см. Александр V
 Филарете Джованни Аверлино 391
 Филельфо Франческо 531, 532, 543—546
 Филипп Бургундский 339
 Филипп Македонский 261
 Филипп IV Красивый, французский король 47, 66, 106, 143
 Филипп Тарентский 143, 172
 Финичелла 381
 Фольгоре ди Сан Джиминьяно 125, 252, 267, 283, 285, 288, 557
 Фома Аквинский 34, 112—116, 128, 130, 225, 249, 271, 292
 Фонтэн Жан де 457
 Форезе Гано 83
 - Фортебраччо Никколо 384—386, 420
 Фоскари, семья 74
 Фоскари Франческо 415, 472, 477, 479—481, 516, 517
 Фоскари Якопо 480
 Фра Беато, см. Анджелико

Франджипани Латтино деи 60
 Франки Баттиста де 484—486
 Франциск Ассизский 30—33, 125, 136, 279, 280, 291
 Франческо д'Аббате 505
 Франческо ди Беноццо 512
 Фрегозо, семья 199, 495, 487, 488
 Фрегозо Баттиста 482
 Фрегозо Джакомо 482
 Фрегозо Джано 482
 Фрегозо Доменико 199
 Фрегозо Лодовико 482
 Фрегозо Орландо 486
 Фрегозо Пьетро 482
 Фрегозо Томмазо 482, 487—489
 Фрескобальди, семья 41, 229, 244, 394
 Фрескобальди Дино 123
 Фриас Пьетро 370
 Фридрих I Барбаросса, император 17, 21, 24, 29, 165, 280
 Фридрих II Гогенштауфен, император 11, 13, 14, 17, 32, 33, 37—39, 42, 43, 50, 51, 53, 85, 110, 118, 119, 271, 280
 Фридрих III Габсбург, император 469
 Функ-Брентано Ф. 10
 Фьеско, семья 198, 199, 483, 486, 488
 Фьеско Лодовико 201
 Фьеско Лука 486
 Фьори ди Терни Джованни де 373
 Фьямма Гальвано 23, 296

Хуан (Джованни) Арагонский, король Наварры, неаполитанский король 358, 359, 362
 Хризолор Мануил (Мануэль) 392, 445, 524, 530—532, 547
 Хубилай 96

Целестин V, папа 45, 46
 Цинциннат, см. Квинций Цинциннат Люций
 Цицерон 249, 254, 256, 258, 259, 270—274, 276, 277, 522, 528, 544, 553

Чамполи, семья 61
 Чалелетто монах 225
 Чезарини Джулиано 383, 390
 Чекки, семья 183, 231
 Чекко д'Асколи (Стабили Франческо ди Симоне) 278, 279, 282
 Челано, францисканец 31
 Ченами Пьетро 421
 Ченни ди Пепо, см. Чимабуэ
 Ченнини Ченнини 577, 578
 Ченчи деи Канцельери Джованни 364, 375
 Чиконья, семья 204

Чимабуэ (Ченни ди Пепо) 134, 136, 137, 561

Чингисхан 96

Чино да Пистойя 123, 124, 253

Чириако д'Анкона 532

Шарль д'Анжу, герцог Тарентский 336

Шарль Орлеанский 469, 470

Штауфены, см. Гогенштауфены

Эдуард II, английский король 229

Эдуард III, английский король 229, 230

Энгельс Ф. 9, 10, 131

Энгерран де Куси 335, 337, 483

Энрике Арагонский 362

Энцо, король Сардинии 33

Эпикур 535

Эразмо да Нарни, см. Гаттамелата

Эсте д', семья 50, 156, 167—169, 328, 478, 494, 548

Эсте Альберто д' 365, 437, 441, 444, 493, 494

Эсте Леонелло д' 468, 494, 547

Эсте Никколо д' 415, 417, 437, 444, 448, 547

Эсте Никколо П д' (Хромой) 493, 494

Эсте Никколо III д' 472, 493, 494

Эсте Уго д' 494

Эццелино да Романо 48, 115, 167, 168

Ювенал Децим Юний 27

Юлий Цезарь Гай 364, 525, 526, 529, 547

Юстиниан, византийский император 403

Якопо да Лентини 43

Якопоне да Тоди 125

Янус Лузиньян, кипрский король 351, 485

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абруццы 349, 351
 Аверза 361
 Авиньон 47, 143, 147, 149, 153—155,
 157, 159, 162, 163, 167, 170, 185,
 195, 228, 244, 249—251, 259, 261,
 290, 326, 333, 336, 337, 339, 348,
 376, 490, 510, 511, 514
 Австрия 202, 350, 436
 Адда, р. 416
 Адриатическое море, Адриатика 18,
 200—204, 328, 335, 475, 479, 491
 Адрия 334, 335, 337
 Азия 17, 18, 25, 96, 508
 Азола 441
 Аквила 359, 361
 Аквилея 201, 473, 474
 Аквино 113
 Албания 390, 471, 474, 475, 479
 Александрия 196, 217, 218, 220, 408,
 442
 Алессандрия 72, 94, 457, 459—461,
 465
 Алессно 474, 479
 Алжир 218
 Альпы 39, 68, 160, 251, 261, 335—
 337, 366, 441—444
 Альтопашо 170, 174
 Амальфи 403
 Амброзианская республика, см. Ми-
 лан
 Амаргос 475
 Ананья 47, 151
 Ангиари 389, 468
 Англия 13, 14, 17, 25, 88, 98, 101,
 106, 166, 218, 219, 221, 228—230,
 233, 237, 244, 259, 329, 334, 342,
 408, 445, 473, 488, 499, 508, 509,
 516, 523, 533, 537
 Ангора 472
 Андрос 95, 475
 Анжера 445
 Анкона 384, 472
 Анконская марка 48, 334, 384, 543
 Антверпен 228
 Антивари 474
 Апеннины, горы 14, 448, 550
 Апеннинский п-ов 164, 212, 325, 328,
 333, 337, 357, 452, 473, 509
 Апулия 41, 245, 516
 Арагон 43, 200, 334, 359, 451, 466,
 473, 480
 Арбеде 465
 Арбия 56
 Аргос 475
 Арещо 61, 162, 175, 179, 180, 185,
 194, 249, 259, 335, 336, 396, 419,
 422
 Арль 348
 Арно, р. 16, 51, 54, 171, 172, 174,
 219, 234, 243, 331, 340, 385, 396,
 397, 401—405, 407, 424, 442, 443,
 453, 468, 532, 572
 Асколи 383
 Ассирия 30, 136, 137, 291, 366, 383,
 450, 457, 552
 Асти 435, 457, 470
 Ата (Афон) 261
 Аттика 145
 Афины 260, 409, 475
 Африка 17, 42, 93, 96
 Ахая 143, 462
 Ахарнания 143
 Баден 533
 Базель 376, 378, 383, 386
 Балаклава 200

Балканский п-ов, Балканы 25, 72, 93,
143—145, 327, 350, 475, 476, 499,
508

Баньо 402, 449

Баньякавалло 388

Барберия (Северо-Восточная Африка)
516

Бари 41, 163

Барселона 218, 510

Бассано 438, 442

Бейрут 94

Беллинцона 465

Беллуно 438, 442, 474

Бельгия 508

Беневент 38, 39, 57, 105, 389

Бергамо 70, 195, 210, 212, 217, 416,
455, 464, 465, 467, 478, 479, 546

Бинаско 460, 461

Боголи 282

Бодонни 475

Болонья 16, 25, 32, 44, 48—50, 54,
56, 65, 68, 81—84, 87, 88, 104, 107,
111, 118, 121, 160—162, 166, 170,
171, 196, 205, 209, 243, 244, 261,
334, 335, 337, 339, 343, 354, 356,
357, 363, 365, 369, 372, 377, 385,
387—389, 411, 438—441, 443, 446,
448, 451—453, 455, 457, 468, 495,
541, 543

Борго 460

Борго Сан Сеполькро 468, 492

Бордо 47

Босфор 71, 200

Бра 435

Брабант 507

Брацца 474

Бремида 460, 464

Брента, р. 452

Бретины 499

Бреша 169, 195, 207, 210, 217, 385,
415, 416, 451, 455, 457, 458, 464—
467, 470, 478, 479

Брюгге 218, 228, 402, 514

Будапешт 336, 346

Бургундия 362

Валенца 460

Вальдельса 244

Варезе 197, 212

Варна 390

Ватикан 45, 326, 336, 354, 356, 367,
370, 371, 384

Вейблинген 19

Веллетри 356

Венгрия 142, 148, 202, 204, 333, 334,
336, 345, 346, 350, 351, 353, 355,
390, 411, 473, 474, 476, 479, 480,
548, 559

Венеция, Венецианская республика,
Адриатическая республика, Респуб-

лика св. Марка 18, 20, 25, 36, 51,
70—73, 75—77, 93, 94, 96, 97, 107,
108, 140, 156, 167, 169, 175, 194,
196, 198, 200—205, 216, 217, 228,
238, 239, 243, 244, 251, 325—328,
335, 351, 353—355, 357, 362, 363,
388, 391, 403, 408, 415, 416, 422,
423, 425—428, 432, 435—438, 440,
443, 444, 446—453, 455, 459, 466,
467, 469—482, 485, 489, 490, 493—
495, 507—510, 514—517, 532, 537,
538, 542, 543, 547, 570, 573

Верона 18, 156, 167, 169, 171, 203,
207, 217, 234—436, 438, 441, 455,
459, 470—472, 493, 546, 547, 573

Верту 197, 432

Верчелли 195, 424, 459, 467

Веспиньяно 134

Ветралла 386

Виджевано 462, 470

Византийская империя, Византия 18,
35, 70, 71, 133, 223, 295, 387, 390,
473, 475, 476, 479—481, 516, 530,
531, 534, 537

Витербо 354, 367, 369, 372

Виченца 169, 436, 437

Воклюз 250, 260

Вольтерра 170, 179, 180, 184, 419, 420

Галата 71, 200

Галльяте 460

Гаэта 336, 347, 349, 361—363

Гем 261

Гент 228

Генуя, Генуэзская республика, Рес-
публика св. Георгия 17, 18, 20, 51,
53, 55, 56, 70—72, 91, 93—95, 97,
99, 107, 108, 110, 144, 167, 194—
196, 198—205, 228, 239, 240, 243,
244, 250, 251, 259, 325, 327, 328,
337, 340, 343, 346, 351, 355, 359,
361, 363, 397—400, 404, 409, 411,
416, 422, 439—443, 445, 461, 462,
465—468, 475, 478, 479, 481—489,
508—510, 537

Германия, Германская Империя, Им-
перия 13, 21, 27, 37, 39, 48, 50, 94,
98, 101, 139, 151, 259, 333, 342, 344,
355, 361, 370, 397, 406, 415, 417,
445, 450, 451, 465, 473, 474, 476,
479, 499, 509, 523, 529, 531, 537

Греция 475, 531, 534, 547

Гроссето 104

Губбио 31, 280, 490

Гьяра д'Адда 479

Далмация 202, 204, 351, 353, 355,
473, 474, 479

Дания 334

Дарданеллы 201, 390, 479

Дзагонара 411, 414,

Дон, р. 220

Дубровник, см. Рагуза

Дульчиньо 474

Дураццо 471

Евбея 475

Европа 10, 14, 16, 20, 25, 27, 29, 33,
47, 56, 57, 88, 94, 96, 97, 105, 108,
196, 226, 228, 237, 242, 244, 250,
277, 280, 281, 342, 344, 357, 369,
390, 408, 476, 493, 494, 510, 511,
537

Европа Западная 18, 21, 25, 27, 35,
36, 38, 43, 100, 101, 104, 110, 146,
161, 164, 177, 226, 327, 329, 332—
334, 473, 474, 499, 507, 533, 560,
578

Египет 218, 516

Женева 514

Зара (Задар) 203, 351, 353, 473

Иерусалим 493

Имола 160, 383, 388, 389, 439, 443

Империя, см. Германия

Индия 218, 476

Испания 42, 89, 98, 223, 339, 361,
378, 516, 524, 531, 537

Истрия 474, 479

Италия 11, 13, 14, 16—23, 25—30,
32—40, 43, 45, 46, 48, 50, 51, 56,
57, 60, 62, 65—69, 77, 80, 84, 85,
87, 89, 91, 98, 99, 104, 105—107,
110, 111, 113, 120, 121, 127, 129,
131, 133, 137, 139, 143, 144, 146—
152, 154, 156—160, 162—168, 183,
185, 194, 196, 205, 206, 209, 212,
213, 217, 218, 221, 225—227, 229—
232, 237—239, 242, 243, 248, 250,
251, 254, 255, 259, 261, 265, 270,
273, 276, 277, 280, 285—287, 289,
290, 295, 321—323, 325, 326, 328,
330—332, 334—344, 346, 348, 349,
351, 355—357, 359—364, 371, 372,
382, 383, 387, 390, 397, 398, 400,
402, 403, 406, 409, 411, 432, 433,
435, 436, 440, 444—447, 450—454,
463, 467—469, 471, 476, 478, 483,
490, 494—497, 499, 505—513, 517—
524, 527, 530—534, 537, 538, 542,
543, 545, 547, 550, 552, 554, 569—
571, 576, 577, 579, 580

Италия Северная 20—22, 24, 25, 29,
32, 48, 70, 77, 78, 86, 99, 107, 164,

195, 196, 335, 339, 363, 406, 437,
439, 444, 450, 457, 468, 493, 495,
496, 505

Италия Северо-Восточная 430

Италия Северо-Западная 452

Италия Средняя 22, 32, 70, 438

Италия Центральная 16, 21, 24, 25,
29, 35, 77, 78, 107, 164, 169, 343,
352—357, 363, 437, 439—452, 468,
494, 496, 505

Италия Южная 13, 14, 33, 35, 38,
41, 228, 346, 359, 361, 363, 406, 490

Кадоре 474

Казале 459

Казалекко 452

Казальмаджоре 470, 479

Казентино 468

Калабрия 42, 174, 349, 359

Кальи 490

Кальтабеллотта 43

Камайоре 421

Кампальдино 60, 61

Кампанья 206, 352, 353, 375, 560

Кандия 516

Капуя 359

Караваджо 470, 479

Кастелламаре 361

Кастель Дуранте 490

Кастельнуово ди Луниджана 398

Кастилия 334, 361

Кастрокаро 446

Каталония 516

Каффа (Феодосия) 71, 72, 200, 218

Кераска 435

Кельн 113

Кипр 201, 219, 228, 338, 351, 370, 481,
485, 516, 531

Китай 96, 218, 220, 221

Козенца 361

Комо 70, 455, 459, 465

Константинополь 40, 70, 71, 94, 96,
200, 202, 476, 482, 530, 532, 543

Констанца 344, 371, 373, 376, 527,
535

Коринф 145

Корнето 161, 162, 369, 373, 388, 389

Корон 72, 94, 475

Корсика 358, 359, 465, 482, 488

Кортон 352, 354, 406, 419, 450

Корфу 471, 475

Косово поле 481

Крема 457, 460, 470, 479

Кремона 195, 217, 455, 457, 460, 468

Крит 72

Крым 71, 72, 93, 200, 218, 475

Курцола 72, 96, 198, 474

Кьоджа 201, 202, 238, 472

Кьярн 478

- Лайаццо (Аяс) 218
 Латинская империя 40, 96
 Лациум 47, 356
 Левант 18, 40, 71, 143
 Лезина 474
 Лекко 465
 Ленинград 571
 Лемнос 95
 Лепанто 475, 479
 Лесбос 72, 200
 Либрафатта 400
 Ливорно 398, 404, 408—410, 459, 465, 488
 Лион 47, 228
 Лиссабон 516
 Лоди 195, 441, 455, 457, 459, 460, 465, 470, 546
 Ломбардия 17, 18, 40, 87, 104, 108, 152, 156, 206, 207, 415, 416, 433, 437, 446, 448, 453, 465
 Лондон 104, 221, 228, 514, 576
 Лугано 465
 Лукка 50, 53, 55, 61, 67, 97, 110, 162, 169—172, 174, 175, 177, 185, 205, 243, 340—342, 397, 398, 420—422, 425, 439, 450, 453, 467, 558, 572
 Луниджана 448
 Лучиньяно 442
 Льеж 259
 Люцерн 465
- Майорка 148, 228, 408
 Маклодио 416, 467, 477
 Малая Азия 338, 390
 Мантуя 156, 167, 168, 171, 179, 203, 217, 328, 376, 415, 436—439, 441, 443, 446, 447, 451, 452, 456, 493—495, 506, 548, 570, 573
 Маремма 353
 Марино 166, 334
 Маритима 352
 Марсель 161, 200, 218, 334, 336, 343
 Масса Трабария 334, 490
 Масса Фискаля 212
 Мачуоли 557
 Меленьяно 453
 Мелория 51, 53, 61, 71, 93
 Миконос 475
- Милан, Миланское герцогство, Амброзианская республика 17, 18, 23—25, 67—70, 77, 87, 88, 97, 156, 160, 162, 167, 169, 194—199, 201—203, 205, 217, 242, 243, 251, 325, 327, 328, 335, 337, 342, 346, 360—362, 376, 409, 411, 415—417, 420—423, 426, 430, 433—471, 475, 478, 479, 483, 488, 489, 493, 495, 514, 532, 544, 546, 570, 573, 579
 Минчо, р. 443
 Мистра 475, 532
- Модена 168, 440, 494
 Модильяно 449
 Модон 72, 94, 338, 475
 Мон Венту 261
 Монако 408
 Монембадия 475
 Монпелье 161, 249
 Монте Карло 421
 Монте Кастелло 460
 Монте Петрозо 414
 Монте Пизано 402
 Монтеапери 56, 57, 62, 101, 120
 Монтекатини 172
 Монтелупо 379
 Монтекьяри 465
 Монтепульчано 439, 442
 Монтеферасконе 354
 Монтефуско 363
 Монтефьясконе 162
 Монферрат 434, 462
 Монца 70, 422, 459
 Морея 408, 471, 475, 516, 532
 Мотроне 397
 Муджелло 83, 557
- Наварра 362
 Наксос 72, 94, 475
 Нарни 162, 374, 377
 Неаполитанский залив 148, 359
 Неаполь, Неаполитанское (Сицилийское) королевство 14, 18, 19, 37, 38, 40, 41, 43, 45, 46, 142—148, 162, 165, 167, 174, 205, 206, 228, 243, 262—264, 290, 325, 326, 328, 334—337, 343—363, 366, 369—371, 373, 374, 376—378, 406, 415, 421, 444, 445, 450, 466, 468, 488—490, 516, 537, 573, 579
 Негропонт 72, 94, 200
 Ниттаро 474
 Ниш 390
 Новара 70, 195, 444
 Нови 462
 Норвегия 334
 Норча 212
 Ночера 384, 450
- Обервальден 465
 Орвието 55, 56, 139, 140, 354, 369, 372, 373, 377, 384
 Орте 377
 Остилья 441
 Остия 353, 377, 384
- Павия 24, 70, 195—197, 217, 378, 421, 432, 436—440, 445, 447, 448, 451, 454, 455, 458—461, 464, 470, 530

- Падуя 18, 75, 131, 132, 135, 136, 138, 139, 156, 169, 201, 205, 251, 425, 426, 435—438, 441—443, 455, 459, 471, 472, 493, 543, 567
 Паллаццуоло 449
 Палермо 40, 42
 Палестина 17, 218
 Палестрина 46, 382, 383, 387
 Папская область, Папское государство, Патримоний св. Петра 14, 16, 18, 20, 43, 48, 50, 77, 149, 160, 162, 170, 185, 212, 243, 325, 326, 334, 337, 349, 352, 353, 359, 365, 366, 371, 373—378, 384, 386, 388—391
 Париж 98, 104, 113, 220, 228, 244, 250, 262, 401, 403, 446, 483, 576
 Парма 80, 86, 117, 196, 421, 455, 459, 465, 504, 546, 578, 579
 Парос 95
 Патрас 475
 Пезаро 160, 167, 335, 438, 467, 492
 Пера 508
 Персия 218
 Перуджа 56, 80, 166, 228, 334, 353—356, 366, 374, 375, 377, 378, 389, 405—407, 439, 441, 443, 446, 450, 455
 Пескара, р. 361
 Пиза 16—20, 35, 50, 51, 53, 55, 59, 61, 67, 71, 80, 81, 97, 98, 104—106, 108, 110, 134, 139, 140, 162, 167, 170, 172, 175, 177, 185, 196, 200, 219, 244, 288, 290, 293, 331, 339, 340, 342, 343, 353, 396—410, 422, 425, 439, 440, 442, 443, 446, 449, 450, 459, 485, 510, 511, 514
 Пиренейский п-ов 358
 Пистойя 35, 61, 80, 110, 170, 173, 175, 179, 180, 184, 207, 230, 368, 419
 Пиццегеттоне 470
 По, р. 416, 493, 494
 Поджибонзи 498
 Позилиппо 263
 Пола 201
 Полезино 472, 473, 510
 Польша 334, 342, 390
 Понтремоли 448
 Понца 362, 468, 489
 Поппи 61, 449, 551
 Порто Джовия 458, 463, 464, 469
 Порто Венере 341, 342, 399
 Порто д'Эрколе 55
 Портофино 422
 Португалия 334, 342
 Прага 158, 160
 Прата 474
 Прато 145, 170, 184, 221, 498, 510—512, 515, 517, 566
 Прованс 335
 Прочида 361
 Пьемонт 40, 212, 213, 335
 Пьетрасанта 399
 Пьомбино 397
 Пьяченца 70, 97, 195, 217, 228, 460, 465, 470, 504
 Равенна 27, 80, 127, 265, 334, 439, 443, 446, 468, 473, 479, 504
 Рагуза (Дубровник) 473
 Реджо 168, 459, 465, 494
 Риети 374
 Рим, Римская республика, Древний Рим 16, 28, 29, 35, 38—40, 43—48, 57, 104, 129, 134, 144, 149—163, 166, 170, 175, 201, 205, 250, 251, 254—256, 260, 326, 328, 333—335, 339—344, 349, 351—356, 364—392, 406, 407, 415, 421, 422, 424, 450, 453, 466—469, 490, 492, 494, 514, 521, 527—529, 536—538, 540, 543, 552, 560, 562, 570, 573, 574
 Римини 16, 50, 160, 167, 168, 177, 205, 328, 335, 411, 438, 439, 451, 452, 490—493, 546, 570
 Родос 228, 516
 Розате 463
 Роккафорте 478
 Романья 48, 151, 156, 168, 334, 337, 397, 414, 438, 440, 441, 448, 453, 468
 Савойя 206, 334, 415, 416, 434, 439, 441, 451, 460, 467
 Савона 337, 341, 483, 486
 Саворньяно 474
 Салерно 390
 Сан Джиминьяно 170, 179, 419, 498
 Сан Мартино 460
 Сан Миньято 498
 Сансеверино 350
 Санта Мария ди Кастелло 400
 Сардиния 71, 200, 358, 359
 Сарцана 399, 411, 448, 488
 Сачиле 474
 Севилья 509
 Семифонте 244
 Серавалле 441, 474
 Серкьо, р. 420, 440
 Сеттиньяно 560
 Сиена, Сиенская коммуна 16, 17, 19, 50, 55—57, 59, 80, 81, 97, 98, 102, 104—106, 108, 110, 134, 139, 140, 162, 163, 166, 184, 185, 205, 207, 290—292, 331, 341, 354, 370, 378, 383, 385, 390, 397, 415, 420—422, 439—443, 446, 449, 450, 455, 500, 552, 558, 566, 571
 Синигалья 492
 Сирия 17, 25, 165, 218, 516
 Сицилия 14, 42, 43, 144, 145, 228, 343, 348, 358, 359, 445, 516

Скиатос 475
 Скирос 475
 Скопелиос 475
 Скутари 471, 474, 479
 Солдайя, Солдадия (Судак) 96, 200
 Сорга, р. 259, 260
 Сорренто 361
 Спалато 474
 Спарта 532
 Сполето 334, 377, 450
 Спорадские острова 475
 Средиземное море 14, 16, 17, 38, 40,
 42, 51, 70, 93, 228, 351, 359, 407,
 473, 489, 499, 508
 Сульмона 45
 Сутри 356, 384

Таламоне 55, 184, 219, 291
 Тальякоццо 39, 42
 Тана (Азов) 200, 220
 Таренто 172, 352, 353
 Тенедос 201, 202
 Терни 374, 377
 Терра ди Лаворо 349
 Терранова 537
 Тибет 96
 Тибр, р. 355, 379, 385
 Тиволи 356
 Тинос 95, 475
 Тирренское море 51, 359, 397
 Тоди 334, 372, 374, 384
 Торре ди Нона 379
 Тортонна 196, 470
 Тоскана, Великое герцогство Тоскан-
 ское 16—18, 20, 40, 50, 56, 61, 104,
 108, 112, 120, 123, 144, 156, 163,
 169—170, 175, 195, 206, 207, 211,
 213, 290, 326, 331, 341, 354, 356,
 389, 406, 411, 415, 421, 441, 442,
 448, 449, 455, 511, 512, 558
 Трапани 223
 Трау 474
 Тревизо 201—203, 438, 471
 Трещо 432
 Тунис 40, 42, 218
 Турин 202
 Тусколо, епископство 377

Удине 474
 Умбрия 156, 353, 354, 384, 440, 443
 Урбино 16, 50, 160, 168, 170, 205,
 328, 365, 391, 439, 446, 469, 490
 Ури 465

Фамагуста 201, 202, 220, 481
 Фано 438, 491, 492
 Фазэнца 160, 210, 335, 414, 439, 443
 Фельтре 169, 438, 442, 474

Феррара 16, 50, 144, 156, 167, 168,
 171, 179, 203, 205, 328, 334, 342,
 355, 365, 387, 415, 416, 425, 426,
 436—439, 441, 444, 446, 453, 472,
 493, 494, 532, 547, 548, 573
 Фессалоники 475, 478, 479
 Фильине 498
 Фландрия 89, 98, 218, 219, 224, 244,
 250, 334, 408, 493, 507, 509
 Флоренция, Флорентийская республи-
 ка 16—19, 22, 24, 25, 36, 41, 50,
 51, 53—58, 60—62, 64—68, 70, 71,
 77, 79—81, 83, 84, 88—90, 97—99,
 101, 107, 110, 111, 116, 118, 121—
 124, 126, 127, 129, 130, 133, 134,
 136, 139, 144, 152, 162, 163, 167,
 169—185, 187, 188, 192, 194, 205,
 207—209, 212, 214, 219, 220, 223,
 226, 227, 230—232, 236—238, 243,
 244, 246, 247, 251, 252, 262—266,
 269, 273, 274, 276, 278, 280, 281,
 283, 288—290, 292, 296, 325—328,
 331, 335—337, 339—341, 343, 345,
 346, 348, 349, 353—357, 360, 363,
 370, 372, 377, 378, 387—393, 395—
 430, 432, 437—453, 456, 459, 460,
 465—469, 478, 485, 488—490, 493,
 495, 497—499, 506, 507, 510, 511,
 514, 515, 519, 521—533, 537, 542,
 544—547, 551, 557—562, 565, 566,
 569—572, 574, 577, 579

Фекея 71, 200
 Фонди 164, 366
 Форли 160, 265, 335, 377, 383, 388,
 411, 446, 466
 Форлимпополи 160
 Франция 13, 14, 25, 27, 42, 45, 47,
 68, 77, 88, 89, 106, 133, 139, 143, 161,
 164, 199, 202, 213, 216, 219, 224,
 225, 228—230, 237, 238, 244, 252,
 259, 334—344, 352, 354, 359, 362,
 370, 398, 400, 402, 403, 409, 434,
 435, 440, 441, 443—446, 448, 451,
 459, 460, 462, 473, 475, 480, 483—
 485, 488, 493, 499, 523, 524, 531,
 537
 Фриуль 206, 212, 435—437, 473, 474,
 478, 480
 Фтелион 475
 Фучино 39
 Фьезоле 36, 264, 558, 574

Хнос 72, 94, 200, 486

Цикладские острова 475

Чезена 160, 397, 438, 492
 Ченедра 438

Червия 238, 239, 479, 492
Черное море 70—72, 200, 201, 218,
327
Чертальдо 269, 498
Чертоза 445, 447
Чехия 334, 499
Чивидале 474
Чивита Кастеллана 35
Чивитавеккья 377, 389
Читта ди Кастелло 162

Шампань 25, 197
Швейцария 527
Швеция 334
Шотландия 229

Эгейское море 479
Эг-Морт 218
Эльба 397
Эмилия 206, 441
Эмполи 498
Этолия 143

О Г Л А В Л Е Н И Е

М. А. ГУКОВСКИЙ (1898—1971)	3
 ТОМ I. ИТАЛИЯ В 1250—1380-е ГОДЫ	
Предисловие	9
Глава I. ИТАЛИЯ В 1250 ГОДУ	13
§ 1. Политическое положение	—
§ 2. Социально-экономическая структура	20
§ 3. Культура	27
Глава II. ПЕРИОД КОММУНАЛЬНОЙ БОРЬБЫ (1250—1320 гг.)	37
§ 1. Политические судьбы	—
Неаполитанское королевство	—
Папская область	43
Тоскана	50
Милан и Генуя	67
Венеция	72
§ 2. Социально-экономическая структура	77
Сельское хозяйство	—
Цехи	87
Торговля	91
Банковско-ростовщическое дело	99
Ремесло	106
§ 3. Культура	111
Философия	—
Литература	115
Изобразительные искусства	133
Глава III. ПЕРИОД КОММУН И РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ (1320—1380 гг.)	142
§ 1. Политические судьбы : :	—
Неаполитанское королевство	—
Папская область : : :	149
Кондотьеры и синьории	164
Флоренция	171
Милан	194

Генуя и Венеция	198
§ 2. Социально-экономическая структура	205
Сельское хозяйство	206
Цехи	213
Торговля и банковско-ростовщическое дело	217
Производство	232
Экономическая политика и эволюция экономики	238
§ 3. Культура	243
Новый тип человека	—
Литература	248
Изобразительные искусства и наука	289
Примечания	298

ТОМ II. ИТАЛИЯ В 1380—1450-е ГОДЫ

Предисловие	321
Введение. Италия в 1380 году	325
§ 1. Политическое положение	—
§ 2. Социально-экономическая структура	328
§ 3. Культура	329
Глава I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ	333
§ 1. Схизма и французская интервенция	—
§ 2. Неаполитанское королевство	344
§ 3. Рим во время схизмы и после ее окончания	364
§ 4. Флоренция	392
§ 5. Милан	430
§ 6. Венеция	471
§ 7. Генуя	481
§ 8. Мелкие синьории	489
Глава II: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА	497
Глава III. КУЛЬТУРА	520
§ 1. Литература	—
§ 2. Изобразительные искусства, наука, техника	559
Заключение	579
Примечания	581
Указатель имен	600
Указатель географических названий	613

4p. 60c.